

33(09)

3-59

НИЗИБЕР

ДАВИД РИКАРДО
И
КАРЛ МАРКС

Н. И. ЗИБЕР
1844—1888

02 02
АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

33 (09)
3-59

Н. И. ЗИБЕР

**ДАВИД РИКАРДО
и
КАРЛ МАРКС**

В ИХ
ОБЩЕСТВЕННО – ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

*

ОПЫТ
КРИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ
И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

профессора
А. Л. РЕУЭЛЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
доктора экономических наук
Д. И. РОЗЕНБЕРГА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ~ 1937

184585

Книга Н. И. Зиберера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», вышедшая вторым изданием в 1885 г., является основной его работой, в которой даны изложение и критика экономистов домарковского периода, изложение экономической теории Маркса, а также разбор ряда современных Зиберу буржуазных экономистов. Зибер в своей работе устанавливает связь учения К. Маркса с классической политической экономией. Книга представляет большой интерес для изучения истории экономической мысли в России. Книга снабжена предисловием, именным указателем и вариантами текстов.

Редактор *Б. Брейтман*
Техред *В. Морозов*
Корректора
Н. Верговская
Н. Хохлова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание книги Н. И. Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях—опыт критико-экономического исследования» является переизданием этой работы, вышедшей в 1885 г. Первое ее издание, в 1871 г., вышло под названием «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Опыт критико-экономического исследования». Свои последующие работы по экономической теории Зибер печатал в ряде журналов: «Знание», «Слово», «Отечественные записки» и др.

В основу второго издания Зибером было положено первое издание книги, вышедшей в 1871 г., и статьи:

- 1) «Экономическая теория Маркса». I. «Теория общественной кооперации», «Слово», январь, С.-Петербург 1878 г.;
- 2) «Экономическая теория Маркса». II. «Крупная промышленность», «Слово», март 1878 г.;
- 3) «Экономическая теория Маркса». III. «Оценка теории машин», «Слово», июль 1878 г.;
- 4) «Экономическая теория Маркса». IV. «Теория накопления капитала и капиталистический закон народонаселения», «Слово», сентябрь 1878 г.

Второе издание не представляло собой, однако, простой перепечатки первого издания и указанных нами журнальных статей. Зибером были внесены многочисленные изменения и дополнения. Книга Н. И. Зибера является исследованием крупного экономиста 70—80-х годов, посвященным первому тому «Капитала» Маркса, это—первая попытка не только в русской, но и в международной экономической литературе показать связь экономических воззрений К. Маркса с классической школой политической экономии.

Для того чтобы была ясна эволюция экономических воззрений Зибера, мы в виде приложения к настоящему изданию даем существенные варианты (разночтения) текстов по первому изданию и по статьям, включенным во второе издание. Мы

оставляем в стороне несущественные, стилистические поправки, а также ряд изменений в терминологии.

В приложении приводятся варианты тех изменений, которые отражают дальнейшую разработку Зибером той или иной проблемы, а зачастую и дальнейшую эволюцию методологических воззрений Зибера. Так, например, сопоставление первого и второго изданий наглядно показывает, как Зибер освобождается от влияния Конта с его различием статических и динамических явлений и категорий.

Варианты (разночтения) дают по существу содержание первого издания книги, имеющей самостоятельный научный интерес, особенно, принимая во внимание оценку этого издания, данную Марксом в «Капитале».

В книге исправлены также явные опечатки, вкравшиеся во 2-е издание. Отдельные места сверены по 3-му изданию книги Зибера, вышедшему в 1897 г.

Скобки [] и нумерация текста около них указывают на соответствующий вариант текста, который следует искать в приложении.

Ссылки на страницы в вариантах соответствуют страницам 1-го издания книги Зибера и указаны в журнальных статьях.

В целях облегчения изучения экономических взглядов Зибера в настоящем издании, подготовленном к печати Институтом экономики Академии наук СССР, приложен также именной указатель, носящий в то же время характер предметного указателя применительно к упоминаемым в тексте книги Зибера именам. Ссылки на страницы в указателе соответствуют настоящему изданию.

ЗИБЕР КАК ЭКОНОМИСТ

I

Влияние Маркса на отдельных представителей русской общественной мысли началось еще с 40-х годов, когда Маркс впервые выступил на арену науки и публицистики. Еще Белинский был знаком с единственным выпуском «Deutsch-Französische Jahrbücher» в 1844 г., в котором сотрудничал Маркс.

В 40-х годах имело место также известное влияние воззрений Маркса на отдельных представителей «русских аристократов». Однако идейной преемственности между западничеством этих просвещенных «гурманов» последнего слова западно-европейской науки и публицистики и современным марксизмом не было, ибо ни Анненков, ни Боткин, ни Сазонов не могли быть пропагандистами марксизма в России. Конец 40-х годов ознаменовался некоторым подъемом политической активности русской интеллигенции, который был порожден ходом экономического развития страны и нашел свое отражение в движении «петрашевцев». «Петрашевцы» находились под сильным влиянием идей Фурье, а некоторые из них считали себя даже коммунистами. К таким коммунистам некоторые исследователи (В. Семевский) причисляют Спешнева, допуская возможность влияния на него воззрений Дедами, Вейтлинга и даже Маркса и Энгельса. Герцен несомненно знал целый ряд произведений Маркса, однако этому блестящему публицисту, вставшему на уровень с величайшими мыслителями своего времени, были чужды идеи Маркса. Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины XIX в. «Социализм» Герцена «...принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелко-буржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облакала свою *тогдашнюю* революционность

буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат»¹. Естественно поэтому, что «действительным главой всех социалистов» Герцен считал мелкобуржуазного Прудона. Взгляды Герцена на русскую общину и его панславизм были причиной тех резких отзывов о Герцене, которые мы встречаем у Маркса и Энгельса. В последние годы своей жизни Герцен, очевидно, под влиянием деятельности Интернационала, вступил на путь пересмотра своих взглядов на «марксизм». Так, в связи с переводом Бакуниным первого тома «Капитала» Маркса Герцен в письме к Огареву от 21 сентября 1869 г. писал: «Дай бог успеха Бакун. переводу Маркса; я одного не понимаю: почему он держал под сурдинкой свои сношения с ним? Вся вражда моя с марксистами из-за Бакунина...»². Как писал Ленин, «у Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата», ибо, как это ярко видно из его посмертных произведений, Герцен, повторяя ряд своих старых утопических воззрений, обращает свои взоры не к либерализму, а к интернационализму.

В 60-х годах раздавалась по России могучая проповедь великого просветителя Чернышевского. Как известно, Маркс в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» рассматривает Чернышевского как «великого русского ученого», который в своих «Очерках политической экономии по Миллю»... «мастерски выяснил...» «банкротство «буржуазной» политической экономии». Как указывает Герман Лопатин, Чернышевский из всех современных экономистов в оценке Маркса «представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем, как остальные суть только компиляторы, ...его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли, ...они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения». Ленин писал, что Чернышевский был «...замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»³. Отметим, что к 60-м годам относится первая популяризация в России работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» одним из последователей Чернышевского, просветителем Н. В. Шелгуновым. К 60-м годам относится и первый отклик в России на книгу Маркса «К критике политической экономии» в обзоре Ткачева, посвященном Маклеоду и Жуковскому⁴.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 465, изд. 3-е.

² А. И. Герцен, Полное собрание сочинений, под редакцией М. К. Лемке, т. XXI, стр. 490.

³ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 342, изд. 3-е.

⁴ П. Ткачев, Библиографический листок, «Русское слово», декабрь 1865 г., стр. 31—32.

Вообще в России 60-х годов имя Карла Маркса было известно лишь отдельным, передовым и образованным представителям общественной мысли. Лишь с выходом в свет первого тома «Капитала» и в особенности после перевода его на русский язык имя Карла Маркса становится действительно популярным в России. В России 70-х годов «Капитал» вызвал множество откликов в виде ссылок, рецензий, статей и полемику виднейших ученых и публицистов. Виднейшим популяризатором и комментатором Маркса этой эпохи является Н. И. Зибер. Зибер посвятил Марксу ряд работ, имеющих тем более крупное значение в истории русской экономической мысли, что творчество Зибера, его содержательная попытка показать связь между Марксом и классической школой политической экономии происходила в условиях «заговора молчания», которым западноевропейская наука и публицистика встречали работы Маркса, при наличии немногочисленных невежественных откликов на «Капитал» в Западной Европе. Зибер, как справедливо писал В. В. Воровский, — «однобокий марксист». Однако не следует забывать, что творчество Зибера протекало в России 70-х годов, когда капитализм еще не был развит, когда рабочее движение делало еще свои первые шаги. Появление работ Зибера, интерес к «Капиталу» в России 70-х годов не случайны. Все это объясняется социально-политической обстановкой этой эпохи, к анализу которой мы и перейдем.

* * *

Формирование русского промышленного капитализма происходило уже в первой половине XIX в., когда в сельском хозяйстве возникали переходные от крепостничества к капитализму зачаточные формы капиталистических предприятий, в промышленности же развивались капиталистическая кооперация и мануфактура, когда под оболочкой крепостнических отношений происходило расслоение крестьянства и начал развертываться капитализм в промышленности. Реформа 1861 г. была существенным фактором промышленного прогресса, она открыла дорогу дальнейшему капиталистическому развитию страны. Ленин писал: «Начало товарного производства относится к дореформенной эпохе, ... и даже капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян. Реформа дала толчок окончательному развитию в этом смысле; она выдвинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкционировала господство не товарного, а уже капиталистического производства»¹. «Крестьянская реформа» рассмат-

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 352—353, изд. 3-е.

ривалась Лениным как результат комбинированного действия трех факторов: силы экономического развития, которая втягивала Россию на путь капиталистического развития, крымской войны, доказавшей гнилость крепостного режима, и крестьянских «бунтов», которые явились угрозой освобождения снизу; по Ленину, «крестьянская реформа» была одним из эпизодов смены крепостничества буржуазным строем, шагом на пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию.

«Если, — писал Ленин, — бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, следовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление*, в котором этот шаг последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения¹.

Реформа 1861 г. по существу представляла собой грабеж крестьянства в пользу помещиков. Она фактически свелась к лишению крестьян значительной части их земли в виде отрезков, сосредоточению лучших земель у помещиков и наконец к «выкупу» крестьянами их собственной земли. Ввиду того что «наделы» были слишком малы, к тому же еще обременены чрезмерными платежами, «надельный крестьянин» фактически находился в состоянии крепостничества, обезземеливание крестьян означало в большинстве случаев создание кабального арендатора помещичьей земли, ибо фактически крестьянин был вынужден отбивать барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выгон, за луга и т. п. «Свободный труд» на деле оказался отработками и кабалой. Оскудение русского крестьянского хозяйства 70-х годов нашло свое красноречивое отражение в ряде экономических и статистических исследований той эпохи. Так например Ю. Янсон вынужден был констатировать скудость душевого надела, обремененного разного рода платежами, как для нечерноземной, так и для черноземной полосы и принять за общее правило наличие обратной пропорциональности между величиной наделов и размерами подесятинных платежей.

«Земледельческая производительность, — писал Янсон, — и в былое время не обеспечивавшая прокормления населения, постепенно падает, особенно в промысловых губерниях, запашки

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 96, изд. 3-е.

уменьшаются не только у помещиков, но и у крестьян; многие из них совсем бросают запашку; в немногих только местах благодаря отсутствию выгодных заработков крестьяне увеличивают свои запашки через съемку помещичьей земли¹.

Янсон показывает, что вся тяжесть платежей ложилась на труд, на заработки. Но так как местные промыслы не в состоянии обеспечить населения, то оно вынуждено обратиться к отхожим промыслам в разные концы России: в Новороссию, в окраины Сибири и центральной Азии. Ленин писал о массовом продвижении сельскохозяйственных наемных рабочих, о «земледельческом отходе», как о применении вольнонаемного труда в земледелии, как о главном проявлении земледельческого капитализма. Наряду с «земледельческим отходом» происходил отход и в неземледельческие промыслы. Один из исследователей той эпохи, Б. Ленский, определял приблизительно величину этой рабочей армии в $11\frac{1}{2}$ млн. человек, что составляло 14% рабочего крестьянского населения, а со включением нищих—20%. Автор дает красочную картину применения этой бродячей рабочей силы. Он пишет: «...Отхожие крестьяне, это те рабочие руки, которые на фабриках обвариваются кипящим металлом, крошатся колесами, рубятся топорами, уродуются и увечатся на всевозможные лады; это—разбивающиеся с десятисаженной высоты о каменную мостовую головы, спины, гнущиеся под 6—7-пудовыми кулями или несущие на себе порою целый лес в виде так называемой «вязанки» дров для какого-нибудь пятиэтажного жильца. Но, более всего, это не столько рабочие руки, сколько рабочие ноги, отмахивающие (как например онежские промышленники) 600 и 800 верст расстояния... Но еще более достается этим ногам, когда они бывают погружены по целым дням в холодную весеннюю воду, где рабочими устраиваются плоты из бревен: многие ли могут выйти из этой воды без тифа, вечного ревматизма и лихорадок? А сифилис, гнездящийся чуть ли не во всякой избе в Северном крае, да и во всем отхожем районе центральной полосы? А бурлачество? Многоводная Волга загубила не одну бурлацкую голову; она, то-есть Волга, и теперь погребает в своих волнах немало отхожих промышленников»².

Ленин в своих работах показал прогрессивное народнохозяйственное значение передвижения рабочих армий по всей стране. «Перекочевывания», перемещения рабочих в места более высокой заработной платы, разрушали кабальные формы найма и отработки, они были источником подвижности крестьянского населения, создавая тем самым предпосылки для его вовле-

¹ Ю. Э. Янсон, Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах, С.-Петербург 1881 г., стр. 37, изд. 2-е.

² В. Ленский, Отхожие неземледельческие промысла в России, «Отечественные записки», 1877 г., № 12, декабрь, стр. 210—211.

чения в общественно-политическую жизнь. Ленин писал: «...капитализм, развиваясь с громадной быстротой в течение всей пореформенной истории России, стал с корнем вырывать этот устой старой России,—патриархальное, полукрепостное крестьянство,—вырывать его из средневековой, полуфеодальной обстановки и ставить в новейшую, чисто-капиталистическую, заставляя его бросать насиженные места и бродить по всей России в поисках за работой, разрывая порабощение местному «работодателю» и показывая, в чем лежат основания эксплуатации вообще, эксплуатации классовой, а не грабежа данного асида...»¹.

Итак, крестьянское хозяйство, обремененное платежами, было тем источником, откуда вербовалась дешевая рабочая сила как для применения в помещичьих имениях, так и в развивающейся промышленности города. Мировой кризис сельского хозяйства, начавшийся в конце 70-х годов, явился добавочной причиной, усилившей процесс разорения сельского хозяйства. Расслоение крестьянства происходило еще в крепостной период, в пореформенную эпоху оно развернулось особенно интенсивно: если в начале 70-х годов оно еще не достигло большой глубины, то в конце 70-х годов оно сделало большие успехи. Помещики стремились к удержанию крестьянства на его недостаточном наделе, к закреплению связи крестьянства с общиной, с его «неотчуждаемым» наделом. В результате реформы 1861 г. к помещичьему гнету прибавился еще растущий гнет капитала, власть денег раскалывала крестьянство, пореформенная эпоха—это сплошной процесс «раскрестьянивания». Как писал Ленин, такой характер реформы еще рельефнее подчеркивается выкупом: «...выкуп дает толчок денежному хозяйству, т.-е. увеличение зависимости крестьянина от рынка»².

В ряде экономических исследований 70-х и 80-х годов дано описание процесса расслоения крестьянства: выделения на одном полюсе кулака, на другом—сельского пролетария. Констатируя необычайное обесценивание крестьянской собственности и труда в результате недостаточности наделов, неурожаяев и высоких податей, Б. Ленский пишет: «Громадное число кулаков живет исключительно на счет крестьянских недоимок... Крестьянин... быстро приходит к нужде, а следовательно и к кулаку за помощью, и еще прежде, чем наступит момент взыскания, у крестьянина... почти ничего уже не оказывается. Самый момент взыскания довершает дело перехода крестьянского имущества в руки кулака. На аукционах крестьянское имущество обесценивается чрезвычайно...»³.

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 149, изд. 3-е.

² Там же, т. XV, стр. 94.

³ Б. Ленский, Обесценивание крестьянской собственности, «Слово», май 1878 г., стр. 136.

Крестьянин, сохранявший связи с землей, подвергался двойной эксплуатации: «по наделу» со стороны помещика, «по заработкам» со стороны капиталиста. Ленин характеризовал такое положение вещей как господство полусредневековья.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин показал своеобразие пореформенного строя помещичьего хозяйства, соединявшего в себе черты и барщинной и капиталистической систем, сводившегося к двум основным типам в различных сочетаниях, в причудливом их переплетении: системе отработочной и капиталистической. Ленин писал: «Названные системы (отработочная и капиталистическая.—А. Р.) переплетаются в действительности самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам. Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий, что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение и т. д. Все это—явления, свойственные всякой переходной эпохе»¹.

Если одна часть поместного дворянства и продавала землю, то другая покупала ее. Переходя к применению наемного труда, эти помещичьи хозяйства, подкрепленные добавочными капиталами, притекавшими в них в виде выкупных платежей, полученных с крестьян, применяли искусственные удобрения и машины. Приведем статистические данные среднегодового размера ввоза сельскохозяйственных машин².

Периоды	Тысячи пудов	Тысячи руб.
1869—1872 годы	259,4	787,9
1873—1876 »	556,3	2 283,9
1877—1880 »	629,5	3 593,7
1881—1884 »	961,8	6 318
1885—1888 »	399,5	2 032
1889—1892 »	509,2	2 596
1893—1896 »	864,8	4 868

Приведем также несколько цифр, иллюстрирующих развитие внутреннего сельскохозяйственного машиностроения (см. табл. на стр. XII)³.

Из фактов быстрого развития сельскохозяйственного машиностроения и употребления машин в русском пореформенном

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 142—143, изд. 3-е.

² Статистические данные взяты у Ленина, Развитие капитализма в России, Соч., т. III, стр. 162, изд. 3-е.

³ Статистические данные взяты у Ленина, Развитие капитализма в России, из таблицы на стр. 163, Соч., т. III.

земледелии Ленин выводит следующие положения: «...с одной стороны, именно капитализм является фактором, вызывающим и расширяющим употребление машин в сельском хозяйстве; с другой стороны, применение машин к земледелию носит капиталистический характер, т.-е. ведет к образованию капиталистических отношений и к дальнейшему развитию их»¹.

Производство, привоз и потребление сельскохозяйственных машин и орудий

Годы	Всего в 50 руб. Евр. Рос- сии и в Цар. Пол. (в тыс. руб.)	Привоз из-за гра- ницы с.-х. машин	Потребле- ние с.-х. машин
1876	2 329	1 628	3 957
1879	3 830	4 000	7 830
1880	5 046	2 519	7 565
1894	9 445	5 194	14 639

Быстрое развитие сельскохозяйственного машиностроения и употребление машин знаменовали собой прогрессивные тенденции в развитии пореформенного сельского хозяйства: вытеснение обработок капитализмом, вытеснение патриархального «среднего» крестьянина, повышение производительности труда в земледелии, концентрацию производства, применение капиталистической кооперации в земледелии и наконец создание внутреннего рынка для капитализма как на средства производства, так и на рабочую силу. Повторяем, развитие пореформенного сельского хозяйства характеризуется переплетением барщины и капитализма, что порождало ряд острых противоречий и конфликтов.

Реформа 1861 г. дала, как мы отмечали, толчок развитию не только землевладельческого капитализма, но и капиталистической промышленности. «Освобождение» крестьян давало известный простор для развития производительных сил в капиталистической форме: освободились для нужд капитала значительные массы рабочей силы, создавался разложением натурального уклада рынок сбыта для капиталистической промышленности и наконец создавались предпосылки для организации крупной капиталистической промышленности путем капитализации как денежных масс, накопленных еще в крепостную эпоху, так и выкупных свидетельств землевладельцев. Однако первые десятилетия после 1861 г. знаменуют лишь первые вехи этого нового фазиса промышленного развития, первые вехи процесса формирования как новой техники, так и новых

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 169, изд. 3-е.

организационных форм промышленности. Наибольшее влияние реформа 1861 г. непосредственно оказала на предприятия, тесно связанные с крепостным трудом, как помещичьи вотчинные и посессионные фабрики.

Первые годы пореформенного периода были годами застоя для ряда отраслей промышленности ввиду отлива значительной массы рабочих в деревню за «наделом». Обезземеление крестьян, порожденное реформой 1861 г., вскоре дает себя знать, и начинается обратный приток рабочих на фабрики. Следующая таблица иллюстрирует застойные тенденции для главных отраслей промышленности¹:

Годы	Чугун	Сталь	Железо
1859	17 869 821	94 777	12 710 813
1860	18 177 127	97 253	11 207 852
1861	17 497 075	119 358	9 908 581
1862	12 996 034	117 388	9 038 678
1863	16 168 705	119 696	11 648 550
1864	18 202 424	176 385	14 075 913
1865	18 589 978	236 155	13 487 508
1866	16 680 236	243 485	13 022 031
1867	16 500 125	233 245	12 619 527

Как видим, в первые годы после реформы 1861 г. темпы промышленного развития были слабы. Однако капиталы в форме акционерных капиталов направлялись в сферу обращения — в банки и кредитные учреждения, а также в железнодорожный транспорт и частично в горнозаводскую промышленность. За период 60—70-х годов в кредитные учреждения было помещено 226,9 млн. руб., а в железнодорожные общества — 698,5 млн. руб.; в последние было направлено 62,6% средств, вложенных в промышленность. Следующая таблица сравнительного состояния главных операций всех акционерных банков коммерческого кредита наглядно показывает тенденции развития денежного рынка, в котором нуждалась развивающаяся промышленность, и рост денежного рынка, который в свою очередь должен был ускорить темпы промышленного развития (см. табл. на стр. XIV).

Обилие денежных капиталов, усиленное железнодорожное строительство, естественно, обусловили рост всех отраслей капиталистической промышленности. В период 70—80-х годов происходит интенсивный рост легкой индустрии, развивается нефтяная и каменноугольная промышленность, а также произ-

¹ П. Туннер, Горнозаводская промышленность России, С.-Петербург 1872 г., стр. 116—117.

Годы	Число бан- ков и их отделений	Всего учета и ссуд	Всего вкладов	Всего из- вных ресур- сов (пере- учет и пере- залог, ак- центы и пе- реводы, кор- респонд. и кредиторам)
	В тыс. руб.			
1864	1	2 822	1 454	579
1866	2	7 518	4 451	2 458
1868	4	25 160	23 456	1 981
1870	16	121 760	99 363	14 192
1871	32	216 971	170 148	24 951
1872	53	340 961	234 826	60 951
1873	88	418 943	276 715	103 807 ¹

водство чугуна, железа. Рост всех отраслей промышленности за период 1860—1876 гг. виден из следующей таблицы²:

	1860 г.	1876 г.
Бумажная пряжа (млн. руб.)	28,7	44,2
Хлопчатобумажные изделия (млн. руб.)	42,9	96,3
Шерстяная пряжа (млн. руб.)	0,45	2,5
» изделия » »	34,9	52,7
Машины (млн. руб.)	14,0	43,4
Нефть (млн. пуд.)	0,6	10,9
Каменный уголь » »	7,3	111,3
Чугун » »	18,2	25,5
Железо » »	11,7	17,1
Сталь » »	0,1	1,1

Итак, в России 70-х годов развивается капитализм как в промышленности, так и в земледелии.

* * *

На основе указанных процессов в народнохозяйственной жизни страны происходит столкновение классовых сил того времени и оформляется их классовое самосознание.

Крестьянское движение 60—70-х годов находилось в тесной связи с крестьянской реформой 1861 г., которая обезземелила крестьян и сохранила целый ряд крепостнических пережитков. Интересный материал о крестьянских движениях этой эпохи имеется в отчетах III отделения.

Так, в отчете о действиях III отделения за 1861 г. под рубрикой «О неповиновении крестьян» подводятся следующие итоги расправы над крестьянами в 1861 г.: «Всего в 1861 г., кроме незначительных ослушаний, прекращенных без содействия местных властей, оказано было временно обремененными крестьянами

¹ И. И. Кауфман, Статистика русских банков, ч. 2, С.-Петербург 1875 г., стр. 32—33.

² Цит. по проф. П. И. Ляцко, История русского народного хозяйства, Гиз, 1930 г., стр. 383, изд. 2-е.

неповиновение в 1 176 имениях; воинские команды были введены в 337 имений; из них в 17 крестьяне нападали на нижних чинов; в 48 сопротивлялись арестованию виновных или насильно освобождали задержанных; в 126 буйствовали при укрощении неповиновавшихся. Из числа их убиты или от нанесенных ран умерли 140, легко ранены и ушиблены 170 человек; были заключены под стражу 868, из которых преданы суду военному 223, гражданскому 257, наказаны шпицрутенами 117, сосланы в Сибирь 147, отданы временно в арестантские роты и в рабочие дома 93 человека. Кроме того были подвергнуты наказанию розгами 1 807 человек¹. Отметим «теоретическое» обоснование, которое дает III отделение крестьянскому движению 1861 г., выявившемуся в ряде восстаний. Под рубрикой «О внутреннем политическом состоянии России» в отчете за 1861 г. мы читаем: «Земледельцы, понимая, что в настоящую минуту решается вековая их судьба, и питая свойственное всем людям желание стяжать по возможности больше выгоды, как бы не сознают пожертвований, делаемых в их пользу помещиками, не доверяют им и по сие время не оставляют надежды на предоставление им правительством постепенно еще значительнейших льгот. Такое настроение умов у крестьян нарушает между ними и землевладельцами согласие, столь необходимое при устройстве новых обоюдных их отношений. Без посредничества и твердости правительства оно могло бы повести к плачевным последствиям»². Оказывается, все дело в неблагодарности крестьян, которые не понимают «жертв», приносимых помещиками.

В отчете III отделения за 1863 г. мы читаем: «В некоторой части помещичьих имений проявлялось и в этом году стремление крестьян к получению безусловной свободы. Они с нетерпением ожидали наступления 19 февраля, собирались к этому дню в городе, наполняли церкви и ожидали объявления указа о безвозмездной отдаче им земли и прекращении обязательных повинностей»³. Отчет подводит следующие итоги неповиновения крестьян за 1863 г.: «Всего в 1863 г. наиболее значительные неповиновения крестьян произошли в 386 имениях; воинские команды были введены в третью часть этих имений; из них в 30 крестьяне буйствовали, в 11 нападали на нижних чинов, в 39 сопротивлялись арестованию виновных или насильно освобождали задержанных. Подвергнуто исправительному наказанию 1 280 человек; предано суду 223; выслано в другие губернии 26⁴».

Отчеты III отделения отмечают, что в 1864 г. наиболее значительные неповиновения крестьян произошли в 75 имениях, в 1865 г. — в 95, в 1868 г. — в 54 и в 1869 г. — в 53 имениях.

¹ Централархив, «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. II, 1931 г., стр. 18—19.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 70.

В донесениях III отделения сообщаются факты борьбы крестьянства против помещичьего гнета, которая часто выражалась в поджогах помещичьих имений, убийствах и т. п. Крестьяне требовали перехода всей земли в свои руки, не принимали земель, отведенных им, или отказывались от платежа выкупных денег, податей и налогов на земские повинности.

Таким образом в течение 60-х годов и начала 70-х годов крестьянское движение было направлено против полукрепостнической эксплуатации, которой крестьяне подвергались в результате своего «освобождения» в 1861 г. Крестьянство боролось плебейскими методами расправы за уничтожение крепостнических латифундий, за свое освобождение от полуфеодального гнета. К концу 60-х и началу 70-х годов крестьянское движение пошло на убыль. 70-е годы были свидетелями подъема национально-освободительного движения на Волге и на Кавказе. Происходили волнения татар в 1877 г., восстание крестьян Мингрелии в 1876 г., Абхазии в 1877 г., восстание 1877—1878 гг., охватившее Чечню и Дагестан,—все это были национальные движения в различных районах, которые являлись объектом колониальной эксплуатации.

Характеризуя крестьянское движение, Ленин писал: «Наличность в русском крестьянстве революционных элементов, вероятно, не станет отрицать никто. Известны факты восстаний крестьян и в пореформенное время против помещиков, их управляющих, защищающих их чиновников, известны факты аграрных убийств, бунтов и пр. Известен факт растущего возмущения в крестьянстве... против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников. Известен факт все учащающихся голоденок миллионов народа, которые не могут оставаться безучастными зрителями подобных «продовольственных затруднений». Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,—а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России. Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению»¹.

Расправу над крестьянским движением Ленин рассматривал как массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в России, в интересах помещичьей «чистки» земель для капитализма. Крестьянское движение 60—70-х годов было стихийным протестом крестьянства против этой «чистки» земель, проводившейся в интересах помещиков, в интересах постепенного превращения помещичьих латифундий в крупные капиталистические предприятия. Ленин писал: «Эти революционные мысли не могли не бродить в голо-

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 520, изд. 3-е.

вах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер»¹.

Крестьянское движение 60—70-х годов нашло свое выражение в идеологии революционного просветительства и народничества.

Если революционное просветительство, типичным представителем которого был Чернышевский, и народничество питались одной и той же социальной базой, крестьянской демократией, то это не исключало глубокого водораздела между ними. Отмечая наличие в революционном просветительстве трех основных признаков—глубокой ненависти к крепостному режиму и ко всем крепостническим отношениям вообще, защиты всесторонней европеизации России и искренней защиты интересов трудящихся,—Ленин указывал: «Эти три черты и составляют суть того, что у нас называют «наследством 60-х годов», и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*»².

Ленин отмечал, что народничество 70-х годов было до известной степени цельным и последовательным учением. Народничество исходило из веры в общинный строй крестьянского хозяйства, из веры в особый уклад русской народной жизни. Отсюда взгляд на крестьянина как на коммуниста по инстинкту, как на борца за социализм. Народничество отрицало господство капитализма в России, считая наличие капиталистических форм в России и буржуазии явлением случайным, отрицало значение борьбы за буржуазную политическую свободу. Передовым борцом за социализм признавался не промышленный пролетариат, а крестьянство, которое в силу общинного уклада по самой своей природе якобы готово к бою за непосредственно социалистический переворот.

Ошибочное представление народничества о том, что крестьянство является единственным представителем трудящихся и эксплуатируемых, объясняется, по Ленину, отраженным влиянием периода падения крепостного права, когда крестьянство выступало как класс крепостнического общества.

Большевики всегда рассматривали террористические методы народовольцев как заговор интеллигентских групп, не связанных с массами, как симптом и спутник неверия в восстание. Отношение партии Ленина—Сталина, отношение большевиков

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 143, изд. 3-е.

² Там же, т. II, стр. 314.

к индивидуальному террору с исключительной четкостью и ясностью сформулировано в замечаниях главной редакции на I том «Истории гражданской войны в СССР»: «Массового движения террор не вызвал, а, наоборот, ослабил его, так как политика и практика индивидуального террора исходят из народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от героев подвига. А такая теория и практика исключают всякую возможность активизации масс, возможность создания массовой партии и массового революционного движения»¹.

Ленин писал, что народники, осуждая либерализм, не понимали его исторической правомерности, необходимости и прогрессивности. «...Наши демократы, умея осуждать плутократический либерализм, не умели, однако, понять и научно объяснить его, не умели понять его необходимости при капиталистической организации нашего общественного хозяйства, не умели понять прогрессивности этого нового уклада жизни сравнительно со старым крепостническим, не умели понять революционной роли порождаемого им пролетариата — и ограничивались «фырканием» на эти порядки «свободы» и «гуманности», считали буржуазность какой-то случайностью, ждали, что должны еще в «народном строе» открыться другие какие-то общественные отношения»².

Не только народничество 90-х годов выступало как злейший враг марксизма, но отъявленным врагом марксизма было и раннее народничество. Достаточно вспомнить борьбу Маркса и Энгельса с Бакуниным, Ткачевым, Михайловским.

Ленин во многих местах говорит об известном различии между народниками 70-х и 80-х годов и народниками 90-х годов. Хотя борьба старых народников против крепостничества и самодержавия была объективно прогрессивна, ибо они стремились к низвержению самодержавно-крепостнического строя и революционному разрешению аграрного вопроса, Ленин в то же время подчеркивал черты, объединившие народничество 70-х и 90-х годов, — враждебность марксизму, наличие реакционной идеалистической и эклектической доктрины. Вырождение и разложение народничества шли тем быстрее, чем дальше шло капиталистическое развитие, а вместе с ним усиливалось революционное движение пролетариата.

Ленин подчеркивает, «... что экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма»³.

Конечно отличия имеются, но они вытекают исключительно из исторических и экономических условий России и ее большей отсталости. «Но эти отличия не выходят, однако, за пределы от-

¹ «История гражданской войны в СССР», т. I, стр. 22.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 182, изд. 3-е.

³ Там же, т. II, стр. 103.

личий видовых и потому не изменяют *однородности* народничества и мелко-буржуазного романтизма»¹. Основная мысль Ленина сводится к тому, что «...суть дела не в том, что эта теория стара... Суть дела в том, что и *тогда, когда эта теория появилась, она была теорией мелко-буржуазной и реакционной*»².

Если старое русское народничество и не отрицало в пореформенной России рост культуры и богатства на одном полюсе, нищеты и безработицы на другом полюсе, оно однако отрицало классовый антагонизм внутри крестьянства, сводя его исключительно к антагонизму между кулаком-мироедом и его жертвой крестьянином, коммунистом по инстинкту. Вера в особый уклад русского народного хозяйства, «хождение в народ», своеобразная критика либерализма—все это были звенья мировоззрения народничества, находившиеся друг с другом в известном внутреннем единстве. Ленин писал: «...я отличаю старое*) и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального «общества» и «шли в народ»³.

Наряду с крестьянским движением интересующая нас эпоха характеризуется выступлением рабочего класса в виде организованных стачек.

Еще в 30-х и 40-х годах XIX в. происходили рабочие волнения, отличавшиеся нередко крайне ожесточенным характером, причем к мотивам непосредственной экономической борьбы нередко примешивались мотивы и более глубокого характера, как это видно например из дела о событиях на заводах Лазарева в 1837 г. В отчете III отделения Николаю I мы читаем: «На горных заводах Лазаревых в Пермской губернии некоторые мастеровые заводские... составили тайное общество, имевшее целью уничтожение помещичьей власти и водворение вольности между крепостными крестьянами»⁴. В конце 50-х и в начале 60-х годов произошли рабочие беспорядки на новостроящихся железных дорогах, «великая реформа» 1861 г. породила ряд столкновений горнозаводских рабочих с их бывшими владельцами.

¹ Там же.

² Там же, стр. 105.

*) Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., «Отеч. Зап.», а тех именно, кто «шел в народ». (Примечание Ленина.)

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 272, изд. 3-е.

⁴ «К истории рабочего класса в России», «Красный архив», т. II, 1922 г., стр. 178. Публикация А. Сергеева.

Архивные данные показывают, что рабочие волнения в связи с реформой 1861 г. отличались от крестьянских волнений значительной внутренней организованностью и сплоченностью, предъявлением типично рабочих требований и борьбой за медленный переход от крепостных условий фабричного труда к условиям вольнонаемного труда¹. Некоторые экономисты той эпохи отмечали в России 60-х годов факты борьбы между капиталом и трудом. Так например видный буржуазный экономист той эпохи В. Безобразов вынужден был признать наличие в селе Иванове противоположности богатства и нищеты, порожденной развитием европейского индустриализма. Более того, Безобразов отмечает происходившие в Иванове стачки рабочих по западноевропейскому образцу: «Главною пищею для внутренней общественной вражды служат в Иванове весьма неприязненные отношения между фабрикантами и рабочими. У нас лигды они не выступают так резко, как здесь. В Иванове несколько раз доходило — и мы были сами свидетелями — до настоящих английских и французских стачек рабочих (*grèves d'ouvriers, strikes*); работники массами покидали фабрики и составляли между собою складчины деньгами, а за неимением денег армяками и шапками»². Далее В. Безобразов утешает себя своеобразными якобы чертами положения русского пролетариата в отличие от западноевропейского, наличием иных отношений спроса и предложения труда, развитием артельного начала в рабочем быту и отсутствием резкой умственной и нравственной разграничительной черты между классом фабрикантов и классом рабочих.

Стачное движение 60-х годов было связано с господствовавшей тогда высокой нормой эксплуатации рабочих. Маркс отмечал тяжелое положение пролетариата той эпохи. Так например в 1867 г. Маркс писал, что в России в полном расцвете воспроизводятся все ужасы младенческого периода английской фабричной системы. Маркс указывал также на чрезмерный труд, на непрерывные дневные и ночные работы и мизерную оплату рабочих.

Если в 60-х годах стачки еще носили стихийный характер, то уже в 70-х годах они превращаются в сознательные выступления рабочего класса. Достаточно указать на стачки на Невской бумагопрядильне, на Кренгольмской мануфактуре и т. д.

За период 1860—1870 гг. было 95 выступлений рабочих, которые включали ряд стачек. После 1861 г. происходит значительное снижение количества стачек. За период 1870—1880 гг. стачечная волна поднимается, охватывая главным образом

¹ М. Нечкина, Рабочие волнения в связи с реформой 1861 г., «История пролетариата СССР» № 1, 1930 г., стр. 117—118.

² Владимир Безобразов, Село Иваново. Общественно-физиологический очерк, «Отечественные записки», т. СLII, С.-Петербург 1864 г., стр. 285.

текстильную промышленность; происходит 243 стачки, в которых участвуют десятки тысяч рабочих.

В 70-х годах возникают и чисто классовые организации пролетариата, в начале 70-х годов—«Южнороссийский рабочий союз», а в конце 70-х годов—«Северный союз русских рабочих».

* * *]

В 60-х годах, которые были эпохой введения земства, прошла по России волна земского либерализма, которая выразилась в обращении к правительству ряда дворянских обществ с «адресами» о даровании конституции.

Анализируя классовые корни либерализма, Ленин писал: «Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т.-е. дележом власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных призывом крепостников, не может получиться при таком соотношении сил»¹.

Еще накануне реформы 1861 г. оппозиционное настроение дворянских кругов проявилось в выработке адресов правительству. Некоторые из этих адресов, например тверского депутата Унковского от имени либеральной части дворянства, выдвигали подробные проекты крестьянской реформы. «В настоящее время,—писал Унковский,—новое устройство управления является в России первой и главной потребностью. Во всем нашем управлении и даже в судах господствует один произвол. Законы лежат под спудом в толстых книгах, не имея никакого отношения к народной жизни. До этих пор народ жил своею жизнью и молчал... Крепостные люди имели только выбор между совершенным безмолвием и явным восстанием... По причине неограниченной правительственной опеки над всей жизнью народа, соединения всего управления в руках одной ответственной исполнительной власти и совершенного отсутствия судебной власти—вся администрация наша представляет целую систему злоупотреблений, возведенную на степень государственного устройства. Система этого управления, или, лучше сказать, злоупотребления властью, так сильна и последовательна, что она покрывает собою всю Россию, не оставляя ни одного живого места для разумно-свободной жизни...». Однако Унковский не считал необходимым полное уничтожение дворянских преиму-

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 144, изд. 3-е.

цеств. Он полагал, что «поместное дворянство, просвещенное более всех сельских сословий, одно может руководить и вразумлять народ в исполнении правительственных распоряжений». Что касается способа выработки предполагаемых реформ, то Унковский высказал убеждение, что она должна быть поручена лицам, не состоящим на службе и не ожидающим от нее великих и богатых милостей. «Правильное развитие этих начал было бы более всего обеспечено, если бы оно было поручено не должностным лицам, а людям науки, наиболее всех прочих беспристрастных к лицам и партиям, предпочтительно специалистам по части государственных наук и отчасти жителям разных местностей, испытавшим на себе все неудобства настоящего порядка вещей. Эти неудобства, разумеется, ближе известны управляемым, чем управляющим; притом самые реформы имеют в виду более первых, нежели последних. Если же проекты реформ будут составляться исключительно лицами управляющими, то они вероятно не будут вполне соответствовать их цели и скорее всего ограничатся некоторыми изменениями в видах еще большего усиления власти местных должностных лиц, ограничения их ответственности и возможного облегчения их трудов»¹.

На политические притязания оппозиционного дворянства правительство реагировало высылкой наиболее крупных представителей либерального движения, как например Унковского, снятого в 1859 г. с должности и сосланного в Вятку, и т. д. После реформы 1861 г. в 1862 и 1863 гг. обращение к правительству ряда дворянских обществ возобновилось. Наиболее характерным в этом отношении был адрес тверского дворянского собрания 1862 г.

«Манифест 19 февраля, — писали тверские дворяне, — объявивший волю народу, улучшил несколько материальное благосостояние крестьян, но не освободил их от крепостной зависимости и не уничтожил всех беззаконий, порожденных крепостным правом». Если крестьяне, по их мнению, со временем и смогут освободиться от обязательного труда, то они должны оставаться вечными оброчниками, преданными во власть мировых посредников, т. е. по существу тех же помещиков. «В обязательном предоставлении земли в собственность крестьян мы не только не видим нарушения наших прав, но считаем это единственным средством обеспечить спокойствие страны и наши собственные имущественные интересы»².

В конце 60-х годов дворянская оппозиция под влиянием роста революционного движения в стране начинает угасать. В течение нескольких лет конца 60-х и начала 70-х годов ряд северных и поволжских губерний был захвачен сильнейшими

¹ Н. И. Иорданский, *Земский либерализм*, стр. 74—80.

² Там же, стр. 137—138.

неурожаями, которые привели к разорению широких масс населения. Ввиду сильного обнищания крестьянства предпринимаются специальные статистические исследования экономического положения населения, становится популярной идея ссудо-сберегательных товариществ по образцу германских шульцеделичевских. За 70-е годы при содействии земств было основано 359 товариществ, причем субсидии им оказывались за счет специальных сумм, преимущественно позаимствованных из продовольственного капитала¹. На этой же почве возникло в 70-х годах и артельное движение, которое ограничилось преимущественно нечерноземной полосой. Земские деятели поддерживали мероприятия в духе артелей, ссудо-сберегательных товариществ и т. п. по различным мотивам. Одни под известным влиянием идей народничества рассматривали эти мероприятия как средство избавления России от пролетариата и как путь превращения рабочих в предпринимателей, другие видели в них средство борьбы с «крестьянской ленью, распущенностью и беспечностью».

Крупными представителями дворянского крайне умеренного либерализма 60—70-х годов были Кавелин и Б. Н. Чичерин. Кавелин и Чичерин проводили свои взгляды и на университетской кафедре, и в публицистике, и в практической земско-общественной деятельности.

В конце 50-х годов Кавелин, этот, как характеризовал его Ленин, «...один из отвратительнейших типов либерального хамства...»², ратовал за освобождение крестьян, ибо он рассматривал крепостное право как тормоз промышленного и культурного прогресса. Но Кавелин считал, что крестьянская реформа должна быть проведена так, чтобы были сохранены права и интересы помещиков. Кавелин сторонник выкупа. Интересна та аргументация, которая была им выдвинута в пользу выкупа. По Кавелину, освобождение крестьян без вознаграждения помещиков привело бы: 1) к нарушению права собственности, которое явилось бы «покушением на гражданский порядок»; 2) к обнищанию крупного класса образованных и зажиточных потребителей страны. Мы видим здесь ярко выраженные взгляды идеолога прусского пути капиталистического развития, ратовавшего за то, чтобы помещичьи хозяйства заняли доминирующее положение в стране, постепенно приспосабливаясь к ее изменяющимся социально-экономическим условиям. Для характеристики его реакционной «философии истории» приведем следующую выдержку из его письма к Герцену от 30 мая/12 июня 1862 г.: «...Я счел бы себя бесчестным человеком, если бы советовал барину, попу, мужику, офицеру, студенту ускоривать процесс разложения обветшалых

¹ Борис Веселовский, История земства, т. III, стр. 163.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 467, изд. 3-е.

исторических общественных форм. Нет, я буду им кричать, сколько у меня достанет голоса: идите осторожно, бережно, не подливайте масла в огонь, не вносите свечи в пороховой погреб. Дайте мыслям отстояться немного, дайте кристаллизации начаться. Мы не доживем,—что нужды,—после нас скажут нам спасибо будущие поколения. Всякое дело есть труд и большой труд: потерпите!»¹. В письме к Герцену от 6/18 апреля 1862 г. Кавелин высказывается следующим образом о конституционном движении 60-х годов: «...Эта игра в конституцию меня трогает так, что я ни о чем другом и думать не могу. *Разбесят дворяне мужиков до последней крайности, уверят их псевдолиберальным балагурством, что они, дворяне, в самом деле затевают что-то против царя, и пойдет потеха. Это ближе и возможнее, чем кажется.* Наше историческое развитие страшно похоже на французское; не дай бог, чтобы результаты его были также похожи, а чего доброго, дворянство своим безрассудством, правительство своим безумием, просвещенное большинством своим доктринаризмом и отсталостью приведет к тому»². Такого же рода соображения о либеральном движении в дворянстве были высказаны Кавелиным в специальной записке, напечатанной в 1862 г. в Берлине. Кавелин предостерегает дворянство против бесплодных мечтаний о представительном правлении. Он призывает дворянство к «нравственному перерождению» и к деятельному участию в органах самоуправления, которые представляют собой, по его мнению, любимую мечту всего просвещенного и либерального в России и являются превосходной школой для дальнейшей более обширной политической деятельности дворянства.

Кавелин мечтает об административных реформах, осуществляемых царем. В одном из писем к Герцену от 1862 г. Кавелин пишет, что народ идет с царем, и поэтому вопрос сводится к замене «византийско-татарско-французско-помещичьего идеала русского царя идеалом народным, славянским, посредством самой широкой административной реформы по всем частям»³. Кавелин—типичный идеолог прусского пути развития капитализма, он сторонник постепенных реформ, которые должны в России водворить представительный строй. Через все его работы проходит страх перед плебейскими методами расправы мужика с помещиками, страх перед крестьянской революцией.

Крупным представителем русского либерализма, связанного с богатым дворянством, был Б. Н. Чичерин, один из первых в русской литературе «критиков» Маркса.

¹ «Письма К. Дм. Драгоманова и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». С объяснительными примечаниями М. Драгоманова, Женева 1892 г., стр. 57.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 52.

Подобно Кавелину Чичерин—сторонник постепенного перехода к капитализму, сторонник прусского пути его развития. Он—сторонник сохранения дворянства и его господствующего положения.

Чичерин считает, что вся сила общества заключается в независимых элементах, которые могут служить прочной опорой государственного порядка, и что к числу таких элементов принадлежит прежде всего землевладение. При этом Чичерин ссылается на Англию, где общественный строй базировался на союзе крупного землевладения с городским капиталом, и на Францию, где разрыв этих элементов привел к политическим неурядицам. Чичерин считал насущно необходимым для России существование класса независимых, обеспеченных и образованных землевладельцев в лице русского дворянства. По отношению к крестьянству Чичерин выступал как откровенный представитель помещичьих интересов. Он считал, что крестьянская реформа 1861 г. правильно разрешила вопрос о земле; он полагает, что крестьянство должно нести всю тяжесть налогового бремени, он против увеличения крестьянских наделов. Чичерин пишет: «Признавая обеднение части крестьянского населения, происходящее от плохой обработки земли, хищнического хозяйства, непривычки к сбережениям и излишней привычки к пьянству, от семейных раздоров, а главное от закрепощения крестьянина общиной и круговой порукой, я говорил, что этому не поможет ни увеличение наделов, ни переселение»¹. Чичерин питает звериную ненависть к революционерам, к «нигилистам». В своих «Воспоминаниях» он с презрением и ненавистью отзывается о Добролюбе, Чернышевском и др.: «Он (Александр II.—А. Р.) погиб жертвою стремлений, не им вызванных, не им разнузданных, а составляющих глубочайшую язву современного человечества и сталкивающихся в малообразованном обществе в особенно безобразных формах. Нет в мире ужаснее явления, как взбунтовавшиеся холопы, а таковы именно нигилисты»².

Чичерин в своих трудах уделял много внимания борьбе с социализмом. В конце 70-х годов он одним из первых в России выступил с критикой первого тома «Капитала», антикритику которой дал Зибер.

Нужно отметить, что наряду с легальными выступлениями в форме адресов радикальные круги либеральной буржуазии 60—70-х годов пытались образовать и тайные организации. В 1861 г. образовалась нелегальная организация «Великоруссе», которая выпустила три номера листка под тем же названием. В первом номере констатируется недовольство крестьян своим «освобождением», которое проявляется в волнениях. Листок считает, что надо «образованным классам» взять в свои руки

¹ «Воспоминания», «Земство и московская дума», 1934 г., стр. 127—128.

² Там же, стр. 119.

власть из рук бездарного правительства и тем самым спасти народ от истязаний.

«Если образованные классы почтут себя бессильными, не почувствуют в себе решимости обуздать правительство и руководить им, тогда патриоты будут принуждены призвать народ на дело, от которого отказались бы образованные классы»¹. Во втором номере «Великорусса» указывается, что главнейшими условиями для водворения законного порядка являются разрешение крепостного дела, освобождение Польши и конституция. Что касается крестьянского вопроса, то «Великорусс» полагал, что «для мирного водворения законности необходимо решить его в смысле удовлетворительном по мнению самих крестьян, т. е. государство должно отдать им, по крайней мере, все те земли и угодья, которыми пользовались они при крепостном праве, и освободить их от всяких особенных платежей или повинностей за выкуп, приняв его на счет всей казны»².

В третьем номере ставится вопрос о необходимости на первых порах ограничиться адресом Александру II. В проекте этого адреса указывается на необходимость уничтожения сословий, отмены телесных наказаний и т. д. В конце адреса мы читаем: «Согласившись на введение конституционного устройства, вы только освободите себя от тяготеющего над вами владычества лжи, заменив нынешнее наше подчинение чистой и полезной покорностью истине, которая не может существовать в государственных делах без политической свободы»³. В 1862 г. в Петербурге была распространена прокламация, в которой возвещалось о возникновении партии «Земская дума».

Попытку тайно организовать предпринимает либеральная буржуазия в 70-х годах. Так например Н. А. Чарушин рассказывает о собрании в декабре 1871 г. на квартире у проф. Таганцева, на котором присутствовали Н. И. Михайловский, П. Д. Спасович, В. П. Воронцов (В. В.), Чайковский и др. Состав разношерстный: представители буржуазной интеллигенции, чайковцы и народники. После доклада о сущности конституции, по Лассалю, начались прения, которые, по словам Чарушина, сводились к следующему: привилегированные сословия России—дворянство и буржуазия—слабы для борьбы за конституцию. Но оставался еще один слой населения, действительно заинтересованный в политических свободах, это—интеллигенция, которая, во-первых, материально бессильна в борьбе с самодержавием, во-вторых, в силу своих социалистических убеждений отрицательно относится к чистой конституции. «Этот анализ положения наших дел приводил к единственному и неизбежному выводу, что без серьезной материальной базы или, иначе

¹ *Мил. Лемке*, Процесс «Великоруссцев» 1861 г. (по неизданным источникам), «Былое» № 7, июнь 1906 г., Петербург, стр. 81.

² Там же, стр. 82.

³ Там же, стр. 86.

говора, без сознательного участия широких народных масс выхода из тупика нет и не может быть. А чтобы создать эту базу и вовлечь в борьбу и наше многомиллионное крестьянство и наших рабочих..., необходимо развернуть наше знамя, выставив на нем и социалистические требования, близкие и понятные для тех и других. Словом, интеллигенция должна объединить свое дело с делом общенародным, поставив это последнее во главу угла и связав его с вопросом политическим»¹. Следует также отметить намечавшееся в конце 70-х годов на юге земское движение за конституцию.

Для характеристики воззрений прогрессивной либеральной буржуазии, связанной с земским движением, остановимся на газете «Киевский телеграф» за период сотрудничества в ней Зибера (№ 1—90 за 1875 г.).

Каково было направление этой газеты?

В своем сообщении о преобразовании газеты, о привлечении ряда новых сотрудников, в том числе и Зибера, издательница А. И. Гогоцкая обещала рассматривать общественные явления «сообразно выводам науки и в интересах «общего блага». Газета в течение периода, нас интересующего (№ 1—90 за 1875 г.), велась в духе формальной «объективности», непартийности, в интересах «народной массы». «Киевский телеграф» призывал «интеллигентные классы» помочь «простому народу». Разберем несколько передовых статей, посвященных положению рабочего класса и крестьянства. В передовой от 10 февраля 1875 г., посвященной акционерным компаниям, указывается на необходимость постройки домов для рабочих и передачи этих домов рабочим путем выкупа на более выгодных для них условиях, как это имеет место например в Мюльгаузене. *«Равным образом, — читаем мы в передовой, — насколько мы знаем, ничто не препятствует выпускать акции такого размера, чтобы и рабочие могли также становиться акционерами. Быть может успех самого предприятия был бы более обеспечен, если бы рабочие были непосредственными участниками в прибыли»*².

Передовая ратует далее за развитие артельной формы труда, считая для этого особенно пригодной механическую артель: *«Рабочие, относясь вполне добросовестно к успеху своего производства, путем упрямления достигнут качества, необходимых для осуществления идеальной формы труда завода на началах артели»*³.

В передовой от 22 февраля 1875 г., посвященной откликам столичной прессы о комиссии по найму рабочих под председательством Валуева, приводится ряд фактов чрезмерной эксплуатации труда (во многих местностях России). Передовая призывает к немедленному урегулированию рабочего вопроса с его

¹ Н. А. Чарушин, О далеком прошлом, ч. I, М. 1926 г., стр. 102.

² «Акционерные компании», «Киевский телеграф» № 21 от 16 февраля 1875 г.

³ Там же.

чрезмерным и вредным трудом и ничтожною заработной платой. Передовая ссылается на опыт передовых стран Западной Европы. «Опыт повсюду удостоверяет, что одних только постановлений, ограничивающих рабочий возраст и рабочее время, еще отнюдь недостаточно для предотвращения губительных последствий повального эксплуатирования рабочей силы, что для этой цели необходимо учреждение деятельной и независимой фабричной инспекции»¹.

Обоснование положения «рабочего вопроса» в России 70-х годов мы встречаем в передовой «Киевского телеграфа» от 20 мая 1875 г. Россия, говорится в этой статье, в результате крестьянской реформы вступила на путь перехода из натурального в денежное хозяйство. Но производство на сбыт предполагает концентрацию наемного труда. «Отсюда вытекает настоятельная потребность регулировать отношение нанимающих к нанимающимся, но отсюда же ведет свое начало и стремление во что бы то ни стало обеспечить постоянный и правильный приток людей к вновь открываемым предприятиям...»². Передовая далее ссылается на фабричное законодательство Англии от половины XIV до конца XVIII столетия, которое стремилось к удлинению рабочего дня, чтобы таким образом содействовать скорейшему образованию новых форм экономической жизни. Одновременно в Англии XVII и XVIII вв. раздаются жалобы на недостаток и дороговизну рабочей силы: «...Тот период роста, который Англия пережила уже сравнительно довольно давно, переживаете нами в настоящую минуту. Но не следует однакоже забывать, что чужой опыт может быть с большой пользой употреблен в дело нами самими и что вряд ли есть какая-нибудь необходимость бессознательно относиться к таким явлениям, которые уже понятии другими нациями и занесены ими в экономическую науку»³.

В статье Ф. Новостроевского «К вопросу о найме рабочих»⁴, посвященной положению рабочих на сахарных и рафинадных заводах Юго-западного края, выдвинут проект ряда конкретных мероприятий по улучшению положения рабочих: 1) отказ от заключения договоров о найме рабочих под влиянием волостного начальства в связи с существующей податной системой, 2) недопущение найма рабочих на заводы от подрядчика, 3) запрещение детского труда, 4) восьмичасовой рабочий день, 5) уточнение в договорах найма условий труда, 6) запрещение учреждения кабаков на заводской черте, 7) учреждение школ, больниц и т. п. как обязанность заводчика.

¹ «Киевский телеграф» № 24 от 23 февраля 1875 г.

² «Проект большинства комиссии о найме рабочих», «Киевский телеграф» № 60 от 20 мая 1875 г.

³ Там же.

⁴ «Киевский телеграф» № 20 от 17 февраля 1875 г., № 22 от 19 февраля 1875 г.

В приведенных выдержках из «Киевского телеграфа» мы имеем как «теоретическое» обоснование в духе либерализма «рабочего вопроса» в России, так и программу мероприятий, которые должны быть проведены.

Перейдем к краткому разбору постановки «крестьянского вопроса» на страницах «Киевского телеграфа» в № 1—90 за 1875 г.

Передовая от 14 января 1875 г. ратует за подъем кустарного производства на основе артельного начала. «*Кустарничество в нашем крае может подняться только с приложением к нему артельного начала. Артелию кустарники могут завести соответственно промыслу заведение с необходимыми приспособлениями, орудиями и материалами. Затем им нужны знания более совершенной техники, а также кредит... Это возможно лишь при существовании земских учреждений и при таких, которые бы состояли из людей, близко принимающих к сердцу интересы масс. Желательно... возможно глубокое применение частной инициативы со стороны нашей интеллигенции...*»¹.

Налицо весь арсенал либеральной фразеологии: помощь кустарю, артель, земство, инициатива «внеклассовой», «внесловной» интеллигенции. Передовая от 5 февраля ратует за то, чтобы смолокурение стало крестьянской промышленностью на основе артельного способа производства². Передовая от 26 февраля 1875 г. обращается к специалистам в области сельского хозяйства (интеллигенция!) с предложением содействовать возникновению сельскохозяйственных обществ, которые задавались бы целью улучшить мелкое, самостоятельное земледельческое хозяйство³. Передовая от 21 марта 1875 г. призывает сахарозаводчиков сдавать землю в аренду крестьянам. «Заводы бы только выиграли, не неся риска от урожаев, не неся больших затрат на экономии, не стягивая масс рабочих... Крестьяне тоже выиграли бы, становясь самостоятельными плантаторами, вместо продажи своего труда в качестве рабочих на заводских плантациях»⁴.

Передовая от 26 июня 1875 г. констатирует неудовлетворительность системы податей и налогов в тогдашней России, которая тяжелым бременем ложится на крестьянство. «Но и самое удовлетворительное разрешение вопроса о податной реформе, самая лучшая, основанная на самых современных выводах экономической науки, система налогов все-таки не почерпала бы до конца, не гарантировала бы от всех тех экономических опасностей, которых может ожидать наше крестьянство от настоя-

¹ «Киевский телеграф» № 7 от 15 января 1875 г.

² «Киевский телеграф» № 16 от 5 февраля 1875 г.

³ «Общества сельского хозяйства и их значение у нас», «Киевский телеграф» № 25 от 26 февраля 1875 г.

⁴ «О свеклосахарной промышленности», «Киевский телеграф» № 35 от 21 марта 1875 г.

щего легального своего положения. Причина этого положения заключается не в той или другой системе налогов, но в том буржуазном периоде развития, через который предстоит еще пройти нашему народу, периоде господства ренты и капитала...¹. Таким образом автор, в отличие от народников, указывает на необходимость капитализма в России; он полагает лишь, что совокупность известных мероприятий может смягчить его неизбежные отрицательные последствия.

Произведенный нами разбор передовых статей «Киевского телеграфа» за период времени официального в нем сотрудничества Зибера достаточно рельефно отражает буржуазно-либеральный характер этой газеты. По «рабочему вопросу» — передача рабочих домов путем выкупа, участие рабочих в прибылях предприятий, пропаганда рабочих артелей, ограничение рабочего дня, учреждение независимой фабричной инспекции и т. п. И вся эта цепь мероприятий обосновывается необходимостью использовать опыт Запада и тем самым смягчить муки рождения новых общественных форм. Все это находит свое обоснование в том положении, что «рабочий вопрос» является одной из «слабых» сторон капитализма, которые рядом мероприятий могут быть смягчены, сглажены. По крестьянскому вопросу — поддержка кустарного производства на основе артельного начала, помощь интеллигенции и земства в организации сельскохозяйственных артелей, отрицательное отношение к существующей системе податей и налогов, — и все это вместе с признанием необходимости русскому народу пройти через фазу капитализма. Здесь мы имеем ясно выраженную программу либеральной, передовой буржуазии, которая понимает неизбежность, прогрессивность капиталистического способа производства, но которая не идет дальше реформ, могущих, по ее мнению, смягчить отрицательные его стороны. Ведущая роль принадлежит «интеллигенции», т. е. по существу либеральной буржуазии, в интересах «общего блага» опекающей «низшие классы». Пролетариат и крестьянство фигурируют на страницах «Киевского телеграфа» в роли опекаемых, в роли объектов реформаторских экспериментов «внеклассовой» интеллигенции, они отнюдь не являются субъектами исторического действия, они отнюдь не призваны к выполнению задач широкого исторического масштаба. Пролетариат в понимании «Киевского телеграфа» — придаток капитала, а не класс-гегемон, исторически призванный к свержению капитализма и к строительству коммунизма.

Говоря о «борьбе с самодержавием», которую вели либералы, в частности земские либералы, Ленин подчеркивал, что революционной борьбы за ниспровержение самодержавия они никогда не вели, ибо легальная оппозиция самодержавию и революцион-

¹ Ф. К. В., Наш неурожай и его последствия, «Киевский телеграф» № 89 от 27 июня 1875 г.

ная борьба отнюдь не одно и то же. Самым «ярким» проявлением «оппозиционного» настроения русских либералов были петиции к правительству о допущении представителей к управлению, но это была форма легальной оппозиции, разрешенная самим самодержавием. Однако если либеральная оппозиция самодержавию не носила революционного характера, то все же земство, которое было организацией русских имущих классов, в особенности земельного дворянства, своим противопоставлением выборных учреждений бюрократизму, своим дружественным нейтралитетом по отношению к революционерам, как это отмечал Ленин, было одним из вспомогательных факторов в борьбе за политическую свободу. «Недолговечность и непрочность либерального возбуждения по тому или иному поводу, конечно, не могут заставить нас забыть о неустрашимом противоречии между самодержавием и потребностями развивающегося буржуазного общества... Поверхностным может быть повод либеральных заявлений, мелок может быть характер нерешительной и двойственной позиции либералов, но настоящий мир возможен для самодержавия лишь с кучкой особо привилегированных тузов из землевладельческого и торгового класса, а отнюдь не со всем этим классом»¹.

Промышленный прогресс, происходивший в стране, развитие капитализма в промышленности и в земледелии, рост классового самосознания пролетариата, в особенности стачечное движение, предопределили интерес к «рабочему вопросу» среди различных представителей русской общественной мысли, ибо он был связан с вопросом о развитии капитализма, ставшим актуальной социально-политической проблемой в ту эпоху.

Так например Михайловский писал: «Рабочий вопрос в Европе есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работников, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работников, гарантия теперешним собственникам их собственности»². Исходя из других «теоретических» позиций, реакционер Катков писал, что рабочего вопроса в России не существует, что в применении к России нельзя говорить ни о пролетариате, ни о деспотизме капитала. И. Щербальский в катковском журнале писал: «Говорят, новый дух носится над всею Западной Европой... Какой же это дух? Дух демократии, отвечают нам; четвертое сословие стучится в дверь. Какое же это сословие? Сословие работников пролетариев... Пролетариев. Но их вовсе нет в России. Наши крестьяне-землепашцы имеют соб-

¹ Ленин, Соч., т. VII, стр. 29—30, изд. 3-е.

² И. Михайловский, Литературные заметки, «Отечественные записки», т. ССIII, стр. 395, 1872 г.

«... ответственность, число фабричных работников пока еще ничтожно у нас, да и те состоят главным образом из крестьян-собственников, которые следовательно отнюдь не находятся в рабской зависимости от капитала. У нас никто «не стучится в дверь», и нет повода предвидеть, чтобы образовался хоть и не в близком будущем рабочий пролетариат»¹.

Крупную роль в деле пробуждения интереса к положению рабочего класса в России 70-х годов сыграла книга Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России». В этой книге Берви-Флеровский развенчал легенду, что в России нет пролетариата. На основании богатого конкретного материала автор дал красочную картину бесправия и эксплуатации русского рабочего класса, под которым он понимал или сельскохозяйственных рабочих, или крестьян, уходивших на отхожие промыслы. Россия, доказывал Берви-Флеровский, — страна повального пауперизма, «выгоды, доставляемые народу общинным владением землею и самостоятельным хозяйством, вполне уничтожаются тем грязным телом и тем невежеством, в котором он держится». Высокую оценку книги Флеровского дал К. Маркс. В письме к Энгельсу от 10 февраля 1870 г. Маркс писал: «Из книги *Флеровского* я прочел первые 150 страниц... Это — первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот — решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Фл[еровский] превосходит все ожидания... Способ изложения весьма оригинален, больше всего напоминает в некоторых местах Монтейля. Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично. Жгучая ненависть к помещикам, капиталистам и чиновникам. Никакой социалистической доктрины, никакого аграрного мистицизма (хотя он и сторонник общинной собственности), никакой нигилистической утрировки. Кое-где имеется небольшая доза благодушной чепухи, которая вполне соответствует, однако, уровню развития тех людей, для которых предназначается книга. Во всяком случае, это — самая значительная книга, какая только появилась после твоего произведения о «Положении рабочего класса в Англии». Хорошо обрисована и семейная жизнь русского крестьянина — с отвратительным избиением на смерть жен, с водкой и любовницами. Теперь будет очень кстати, если ты пошлешь мне фантастические измышления гражданина Герцена»².

Интересно также следующее замечание Маркса в письме к Энгельсу от 12 февраля 1870 г., навеянное чтением книги Флеровского: «Из его книги (Флеровского. — А. Р.) неопровержимо вытекает, что нынешнее положение в России не долго удержится,

¹ П. Щербальский, «Русский вестник» № 8, 1871 г., стр. 646.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 286—287.

что уничтожение крепостного права, of course, лишь ускорило процесс разложения и что предстоит страшная социальная революция»¹. Однако наряду с положительной оценкой книги Флеровского, этого, как его характеризовал Маркс, «серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика и мощного художника», Маркс отзывался словами «фантастическая болтовня», «повторение Прудона» о тех местах книги Флеровского, где он пытается теоретизировать в духе своеобразной амальгамы прудонизма, фурьеризма и славянофильства.

По рабочему вопросу была вынуждена высказаться и русская буржуазия 70-х годов. Так например рабочий вопрос стоял и на повестке дня I Всероссийского съезда фабрикантов, происходившего в 1870 г. Даже на этом съезде, где речи ораторов были проникнуты «идеями» гармонии труда и капитала, в некоторых выступлениях нашла свое отражение непомерная эксплуатация рабочих, в особенности детей. По последнему вопросу наметились две точки зрения. Одна, которая настаивала, что всякая попытка ограничительных мероприятий в области женского и детского труда является нарушением движущей силы хозяйственной деятельности—свободы; другая считала необходимым ввести ряд ограничений. Дискуссия по рабочему вопросу на I съезде русских фабрикантов является доказательством того, что рабочий вопрос в 70-х годах был проблемой, которая интересовала не только литераторов и ученых; он интересовал и деятелей промышленности и торговли. Причиной дебатов по рабочему вопросу в рядах представителей русской буржуазии было стачечное движение, рост классового самосознания пролетариата. Это же было и причиной пробуждения интереса к «Капиталу» Маркса среди различных представителей общественной мысли. Еще до появления русского перевода «Капитала» в 1872 г. и выхода в свет работы Н. Зибер «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» в 1871 г. в ряде работ цитировались отдельные места из первого тома «Капитала». Так например в статье, посвященной положению рабочих на Западе, мы читаем: «...Труд, конечно чужой, является для имущих классов средством жить, не только не издерживая, но еще увеличивая свое имущество; он делается орудием, и за представлением об орудии пропадает и ступшевается представление о личности работающего, который сводится на живой механизм, на руки... Рабочий для фабриканта, по принципу, есть только орудие производства, орудие, необходимое иногда и в некоторых отношениях значительно более выгодное, нежели паровые машины, и часто несравненно более выгодное, нежели рабочий скот... Действительно рабочий по отношению к капиталисту существенно отличается от паровой машины и скота тем, что

¹ Там же, стр. 292. Подчеркнуто мной.—А. Р.

как машины, так и скот со временем уничтожаются и должны быть заменяемы новыми, что составляет значительный расход, тогда как «живой» механизм не уничтожается никогда потому, что на смену уже «негодных» рук являются всегда другие, свежие руки¹. В приведенной цитате автор излагает по существу соответствующее место «Капитала», где Маркс указывает, что для капиталиста нет принципиального различия между средством труда и рабочим. В другом месте этой интересной статьи мы читаем: «...При данной величине рабочей платы интересы капиталиста и работника диаметрально противоположны друг другу в определении продолжительности рабочего времени, покупаемого за эту плату. Размер рабочей платы никогда не определяется продолжительностью рабочего времени; напротив, сокращение рабочего времени всегда сопровождается возвышением рабочей платы, и, наоборот, чем ниже рабочая плата, тем продолжительнее рабочее время, потому что продолжительность рабочего времени *всегда* определяется только степенью зависимости рабочих от капитала, т. е. степенью их нищеты»². Автор в своей статье ссылается на фактические данные из «Капитала», иллюстрирующие положение рабочих в период раннего капитализма. Интересно следующее замечание автора: «Было бы несправедливо приписывать непомерное растяжение рабочего дня индивидуальной жестокости и корысти капиталистов, видеть в нем злоупотребление, зависящее от личного произвола. Оно является результатом производства, основанного на подчинении труда капиталу, работника, человека орудию труда, деньгам; никакая частная филантропия не может устранить этот результат. В вопросе о величине рабочего времени заключается вопрос жизни или смерти для капитала...»³. «...Вздорное желание жизни,—пишет автор в другом месте,—не повышает его (рабочего.—А. П.) рабочей платы, а, наоборот, удешевление роняет его заработок... Изобретение и усовершенствование машин не только не облегчают его труд, а, наоборот, усиливают. Только одно обстоятельство действует безусловно благотворно на его положение, а именно—ограничение законом его рабочего дня»⁴. Автор здесь также ссылается на «Капитал», на те главы, где речь идет о повременной и поштучной оплате труда. Таким образом рассмотренная нами статья представляет собой интересный этюд о положении рабочих на Западе, написанный под влиянием глав «Капитала» о рабочем дне. За «настойчивое проведение крайне социалистических идей» рассмотренная нами статья была запрещена цензурой.

¹ П. Я., О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения, «Архив судебной медицины и общественной гигиены», кн. III, стр. 164, С.-Петербург 1870 г.

² Там же, стр. 184.

³ Там же, стр. 191.

⁴ Там же, стр. 215.

Целый ряд ссылок на главы «Капитала» о рабочем дне мы встречаем и в статье А. Михайлова, посвященной производительным ассоциациям, где автор свои соображения о положении рабочего класса на Западе зачастую подкрепляет соответствующими цитатами из Маркса¹.

В 1870 г., до выхода в свет русского перевода «Капитала», статистик и экономист В. Покровский посвятил «Капиталу» целую статью, которая представляет собой изложение главы «Капитала» о рабочем дне. Интересны заключительные строки автора о положении рабочих в России. «Относительно того, — пишет автор, — сколько часов должен работать рабочий трудиться в продолжение дня, у нас не существует никаких определений. Обыкновенно работник работает столько, сколько везит хозяин. А при общей бедности и нередком голодании наших рабочих «свободной конкуренции» между ними так много, что воля хозяина может решительно ничем не стесняться кроме пределов физической возможности»².

Ссылки на «Капитал» до выхода в свет русского перевода мы встречаем и у Н. К. Михайловского. В одной из своих статей Михайловский утверждает, что большинство экономистов и биологов не поняли сущности разделения труда. «Можно утвердительно сказать, — пишет Михайловский, — что истинное значение разделения труда понято почти исключительно только социалистами всех оттенков и только они и представляют небольшие оазисы в этой беспредельной пустыне»³. И далее автор приводит ряд выдержек из «Капитала», посвященных разделению труда в обществе и мануфактуре. Таким образом в рассмотренных нами откликах на «Капитал» до его перевода на русский язык мы видим, что наибольший интерес привлекают главы «Капитала», посвященные положению рабочего класса.

С выходом в свет первого тома «Капитала» имя Маркса становится популярным в России. Показателем пробуждения интереса к Марксу в России 70-х годов были и работы Н. И. Зиберера. Ссылки на «Капитал» в ряде произведений русских ученых и публицистов 60—70-х годов, работы Зиберера, выход в свет русского перевода «Капитала», обилие рецензий на «Капитал» в русской периодической печати, острая полемика вокруг «Капитала» на страницах легальных журналов (Михайловский, Зибер, Чичерин и Жуковский) — все это звенья одной и той же цепи, все это объясняется злободневностью «рабочего вопроса» в России 70-х годов. На фоне «заговора молчания», которым на Западе буржуазная наука и публицистика встречали ра-

¹ А. Михайлов, Производительные ассоциации, «Дело» № 4, стр. 220, 224 и т. д. и № 6, Петербург 1870 г.

² В. Покровский, Что такое рабочий день, «Отечественные записки», т. СХІХ, стр. 434, 1870 г.

³ Н. Михайловский, Теория Дарвина и общественная наука, «Отечественные записки», т. СХХХVIII, стр. 76.

боты Маркса, произведения Зибера при всей неправильной интерпретации в них марксизма были значительным теоретическим делом.

II

Николай Иванович Зибер родился 10 марта 1844 г. в местечке Судак, в Крыму. Отец его был швейцарский подданный; мать—обруселая француженка¹. По окончании симферопольской гимназии Зибер поступил в 1863 г. на юридический факультет Киевского университета, который и окончил в 1866 г. со степенью кандидата законоведения. В университете Зибер главным образом интересовался экономическими науками; его руководителями были Бунге, впоследствии в качестве министра финансов проводивший умеренную буржуазную политику, и проф. Цехановский, интересовавшийся классической политической экономией, в частности Ад. Смитом. Сохранились воспоминания о Зибере-студенте проф. А. В. Романович-Славатинского.

«Когда я вспоминаю,—писал последний,—свою давнюю аудиторию и своих слушателей, из среды последних выдвигаются две яркие фигуры, столь мне памятные и симпатичные: Н. И. Зибер... и А. Е. Назимов»².

Восстанавливая в своей памяти образ студента Зибера, проф. Романович-Славатинский пытается нарисовать его портрет: «Мне ясно виделось его симпатичное лицо, его русая шевелюра и рыжеватая борода, его то вспыхивающий, то потухающий румянец, своеобразно тому внутреннему интересу, который возбуждал в нем данный предмет»³.

Далее проф. Романович-Славатинский рассказывает о своих безуспешных попытках направить Зибера к специальному изучению государственных наук.

Ввиду отсутствия вакантной стипендии Зибер некоторое время работал мировым посредником при Волынском по крестьянским делам присутствии⁴. В 1868 г. Зибер, после сдачи

¹ Г. Зуев, Памяти Н. И. Зибера, «Одесские новости» от 29 апреля 1898 г., № 4269; Л. М. Клейнборг, Николай Иванович Зибер, Петроград, «Колос», 1923 г., стр. 11. Ряд авторов небольших статей о Зибере («Энциклопедический словарь т-ва Бр. А. и И. Гранат и К^о», т. XXI, стр. 267; В. Я., Зибер, «Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз—Ефрон, т. XII, С.-Петербург 1899 г., стр. 581) указывает, что мать Зибера была украинка. Однако более вероятна версия Г. Зуева, ибо приводимые им биографические сведения сообщены ему С. И. Зибер—сестрой Николая Ивановича.

² Заслуженный профессор А. В. Романович-Славатинский, Н. И. Зибер и А. Е. Назимов, «Русские ведомости» № 320 от 19 ноября 1902 г.

³ Там же.

⁴ Д. Д. Языков, Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Выпуск восьмой. Москва 1900 г., стр. 45. Л. М. Клейнборг объясняет поступление Зибера в мировые посредники желанием поработать на «народной ниве». «...Зибер, подобно всей киевской молодежи, тогда увлечен был

магистерского экзамена, возвращается в Киевский университет, где он остается в качестве стипендиата для подготовки к профессорскому званию¹. Присутствовавший на магистерском экзамене Зибер проф. А. В. Романович-Славатинский следующим образом описывает свои впечатления:

«Живо помню этот экзамен. Экзаменовал его профессор Бунге, так как Цехановский перешел уже в Харьков... Припоминаю блестящие ответы Зибера. Экзаменатор предложил ему изложить теорию Маркса, которая была тогда большой новинкой. Я помню, как разгорелись щеки Зибера, когда он стал излагать теорию, которой он сделался горячим последователем². Сдав магистерский экзамен, Зибер за диссертацию «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» был удостоен степени магистра политической экономии. Эта работа появилась впервые в «Киевских университетских известиях» (1871 г., № 1—2). В 1871 г. Зибер получил научную командировку за границу и в течение двух лет занимался в Германии, Бельгии, Франции и Англии. Оставив Россию в конце декабря 1871 г., Зибер направился в Гейдельберг. В период первоначальных занятий за границей Гейдельберг привлек Зибера лекциями профессора Кнуса, а также богатой университетской библиотекой³. Однако первое время Зибер был несколько разочарован, так как университетская библиотека не блистала своими книжными фондами, из лекций же Кнуса ему удалось прослушать лишь незначительную часть.

В целях продолжения своих теоретических занятий, а также наблюдения над конкретными фактами экономической жизни Зибер по окончании зимнего семестра переехал в Цюрих, где профессор Ланге объявил на лето курсы логики и социально-моральной статистики, а профессор Бемерт—курс по социальному вопросу и экскурсии на заводы и фабрики. В своем отчете Зибер дает нелестную оценку курсам этих профессоров, одновременно

положением крестьянского дела в Юго-западном крае. Тогда практически осуществляется закон о пересмотре наделов и платежей. Зибер взял место мирового посредника в Волынской губернии, предполагая поработать на «народной ниве», тем более что в 1867 г., когда он так блистательно окончил юридический факультет, вакантной стипендии не было» (*Л. М. Клейнборг*, Николай Иванович Зибер, Петроград 1923 г., «Колос», стр. 12—13).

¹ Л. М. Клейнборг объясняет возвращение Зибера в университет изменившимся отношением к крестьянству местной власти. «Генерал-губернатор Безак умер, вместе с тем отношение местной власти к крестьянскому вопросу изменилось, и Зибер оставил место посредника и вернулся в университет, в любимой своей науке» (*Л. М. Клейнборг*, Николай Иванович Зибер, Петроград 1923 г., «Колос», стр. 13).

² Заслуженный профессор А. В. Романович-Славатинский, Н. И. Зибер и А. Е. Назимов, «Русские ведомости» № 320 от 19 ноября 1902 г.

³ «Отчет магистра политической экономии Николая Зибера о пребывании за границей с января по октябрь 1872», «Университетские известия», август, № 8, Киев 1873 г., стр. 1.

указывая, что с большой охотой и пользой он принимал участие в экскурсиях по заводам и фабрикам. В своем отчете Зибер отмечает низкий уровень заработной платы, высокую норму эксплуатации и антисанитарные условия труда на ряде предприятий, которые он посетил. Из учреждений, ставящих себе целью улучшение положения рабочего класса, Зибер посетил Цюрихское потребительское общество. На основании личных наблюдений, брошюр и статей проф. Бемерта Зибер приходит к выводу, что хотя в Швейцарии на небольшом пространстве существует сравнительно больше производительных обществ, чем где-нибудь в другой стране на континенте..., но тем не менее число их чрезвычайно ограничено, а число членов их составляет едва заметную величину в сравнении с наемными рабочими и с мелкими землевладельцами¹. Зибер приводит ряд фактов из швейцарского фабричного законодательства, к которому рабочий класс Швейцарии, по словам Зибера, проявляет жгучий интерес. Причиной же интереса к рабочему вопросу среди ученых Зибер считает «возрастание повсюду в Европе стачек рабочих, которые с полной свободой могли развиваться после отмены законов, запрещающих коалиции»².

По окончании летнего семестра Зибер переехал из Цюриха в Лейпциг, куда его привлекали лекции по политической экономии Рошера. По окончании своей заграничной командировки, где кроме посещения лекций он изучал фабрики, потребительские общества, социальные конгрессы и работы статистических бюро, Зибер в 1873 г. возвращается в Киев, где избирается доцентом по кафедре политической экономии и статистики. Зибер читал студентам политическую экономию и статистику. Академическая деятельность Зибера продолжалась недолго. В 1875 г. он выходит в отставку и вскоре уезжает за границу. В 1874 г. он женился на Надежде Олимпиевне Зибер-Шумовой, впоследствии ставшей крупным работником в области физиологической химии³.

О причинах отставки Зибера существуют различные точки зрения. Так например А. А. Русов и Ф. Волков, авторы примечаний, касающихся «сообщества украинофилов», к «Своду указаний, данных некоторыми из арестованных по делам о государственных преступлениях», пишут: «Н. И. Зибер, известный экономист, никогда не скрывался и, выйдя в отставку, вследствие увольнения Драгоманова, переселился вполне легально в Берн, где его супруга Надежда Олимпиевна училась меди-

¹ «Отчет магистра политической экономии Николая Зибера о пребывании за границей с января по октябрь 1872», «Университетские известия», август, № 8, Киев 1873 г., стр. 29—30.

² Там же, стр. 30.

³ «Зибер-Шумова», «Новый энциклопедический словарь» Бронхауза—Ефрона, т. XVIII, стр. 710.

цине»¹. Эту же версию разделяют Д. Н. Овсянко-Куликовский² и Клейнборг³.

Другая версия, — что уход Зибер из университета был связан с атмосферой бюрократизма, делячества и подхалимства, господствовавшей в университете⁴. Зибер уехал в Швейцарию и поселился в Берне, где он всецело предался научно-литературной деятельности.

Из работ Зибер отметим его перевод Рикардо в 1873 г., который был крупным событием, так как в России того времени не было ни одного перевода Рикардо, ни одной серьезной, посвященной ему, работы. В предисловии к своему переводу Зибер писал: «Мы убедились на основании многочисленных опытов, что важнейшие части учения Рикардо в их взаимной последовательности и связи или совершенно неизвестны русской читающей публике, или известны весьма недостаточно». Большой известностью пользовалась книга Зибер «Очерки первобытной экономической культуры», которая являлась первым крупным исследованием на русском языке, посвященным, на основе громадного фактического материала, проблемам первобытного общества. Укажем также на неоконченную статью «К характеристике Е. Дюринга», в которой Зибер хотел дать изложение книги Энгельса «Анти-Дюринг». Из статьи видно, что Зибер отождествлял диалектику с теорией эволюции. Зибер выступал также на страницах русских журналов против «критиков» Маркса — Жуковского и Чичерина. Зибер напечатал ряд работ в журналах того времени: в «Знании», «Слове», «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Русской мысли» и в «Юридическом вестнике». К. Маркс, который систематически и внимательно следил за важнейшими экономическими работами, выходящими в России, и многие из которых он читал на русском языке, живо интересовался работами Н. Зибер. Так, в письме к Н. Ф. Даниэльсону от 12 декабря 1872 г. Маркс писал: «Мне очень хотелось бы увидеть книгу киевского профессора Зибер об учении Рикардо и других о стоимости и капитале, в которой говорится также и о моей книге»⁵. В письме от 18 января 1873 г. Маркс сообщает Н. Ф. Даниэльсону о получении книги Зибер⁶.

Марксу были, видимо, знакомы также некоторые статьи Зибер, печатавшиеся в журналах. Так, сохранилась черновая

¹ «Былое» № 6/18, июль 1907 г., Петербург, стр. 155.

² Д. Н. Овсянко-Куликовский, Воспоминания, Петербург 1923 г., стр. 145.

³ Л. М. Клейнборг, Николай Иванович Зибер, «Колос», Петроград, 1923 г., стр. 15.

⁴ Заслуженный профессор А. В. Романович-Славятинский, Н. И. Зибер и А. Е. Назимов, «Русские ведомости» № 320 от 19 ноября 1902 г.

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 306.

⁶ Там же, стр. 315.

тетрадь К. Маркса, относящаяся к 1875 г., в которой записана значительная часть статьи Н. Зибера «Экономическая теория Маркса», напечатанная в январской книге журнала «Знание» за 1874 г. Маркс внес в эту тетрадь не только выписки из статьи, но и сделал к ним некоторые свои заметки (см. «Летопись марксизма», кн. IV, 1927 г., стр. 55—62, «Из черновой тетради К. Маркса»). Тетрадь хранится в Институте Маркса—Энгельса—Ленина.

Маркс читал также статью Зибера, направленную против Жуковского. В письме от 15 ноября 1878 г. к Н. Ф. Даниэльсону, который снабжал его на протяжении ряда лет русскими книгами и журналами, Маркс пишет: «Из полемики *Чичерина* и некоторых других против меня мне ничего не попало на глаза, за исключением того, что Вы прислали мне в 1877 г. (статья Зибера и другая—кажется, Михайлова [Н. К. Михайловского.—*Ред.*],—обе в «Отечественных Записках», написанные в ответ этому чудаку, мнящему себя энциклопедистом, Жуковскому). Профессор Ковалевский, находящийся здесь, говорил мне, что «Капитал» вызвал довольно оживленную полемику»¹.

Отметим также, что Маркс лично знал Н. Зибера. Об их встрече в начале 1881 г. свидетельствует письмо Маркса к Н. Ф. Даниэльсону от 19 февраля 1881 г., в котором он писал: «В прошлом месяце у нас было несколько русских посетителей, между прочим профессор Зибер (он сейчас поселился в Цюрихе) и г. Каблуков (из Москвы). Они целыми днями работали в Британском музее»².

В 1884 г. Зибер выехал из Берна в Россию. В Берлине ему пришлось остановиться, так как в дороге он внезапно заболел. Из Берлина он направился в Петербург и оттуда по совету врачей в Ялту.

Скончался Зибер 28 апреля 1888 г., 44 лет, погребен он на ялтинском городском кладбище.

Некрологи, появившиеся вскоре после смерти Зибера, пытаются дать его психологический портрет. Проф. А. В. Романович-Славатинский рисует его как подлинного, преданного, без страха и упрека, рыцаря науки. Зибер представляется ему натурой кристально чистой и честной, чуждой всяческим компромиссам. Он пишет: «Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки».

Д. Н. Овсянко-Куликовский считает, что характерными чертами Зибера были искренность и откровенность, он всегда высказывал «правду в глаза». «В таких случаях он бывал резок

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 15.

² Там же, стр. 114.

и горяч. Он осуждал страстно и беспощадно¹. Овсяннико-Куликовский отмечает также, что наряду с сухим и тяжелым слогом, которым Зибер писал свои работы, он обладал даром ясного, отчетливого и даже художественного устного изложения². В таких же тонах, как ученого, преданного науке, гуманичного и отзывчивого, рисует Зибер и А. И. Чупров. В некрологе, посвященном Зиберу, Чупров писал: «Н. И. Зибер представлял собой чистейший тип ученого, столь редко встречающийся в наши дни. Все его заботы и помыслы были сосредоточены исключительно на изучении любимой науки и научно-литературных трудах. В самой политической экономике Н. И. интересовали не столько практические вопросы, ... а, напротив, теоретическая философская сторона предмета. Николай Иванович готов был целые месяцы просидеть над какой-нибудь трудной проблемой из теории обмена и распределения народного богатства и целые дни спорить и проговорить о ней. При таком направлении ума Н. И. естественно сосредоточил главное внимание на глубоком изучении английских классических экономистов и их новейших продолжателей»³.

Заканчивает некролог А. И. Чупров указанием на замечательный ум и гуманность Н. И. Зиберы: «А те, кто вспомнит еще глубокий аналитический ум, детски-чистое сердце, идеальную доброту, безукоризненную честность не только поступков, но и сокровеннейших мыслений покойного, те не могут не прибавить еще несколько лишних черт к его симпатичному образу»⁴. Отметим также отзыв Н. К. Михайловского. «...Есть специалисты и люди кафедры, — писал Н. К. Михайловский, — к которым я отношусь несколько скептически, но Зибер был действительно *серьезный ученый*, и уже ни в каком случае не стал бы с ним меряться знаниями, — слишком это было бы для меня невыгодно»⁵.

✓ Наряду с изложенными откликами о Зибере, которые рисуют нам его личность, склад характера, имеется ряд откликов о нем, посвященных его научному творчеству, ряд откликов, пытающихся установить роль и место Зиберы в истории марксизма и революционного движения в России. «Юридический вестник» в своем некрологе отмечает, что «Зибер был лучший в России знаток классической политической экономии, его предшественников и продолжателей, что он обогатил русскую науку прекрасным переводом Рикардо и большим, до сих пор мало

¹ Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, Петербург 1923 г., стр. 145.

² Там же, стр. 144.

³ «Казанский биржевой листок» от 13 мая 1888 г., № 104; то же, А. И. Чупров, Речь и статьи, т. I, М. 1909 г., «Николай Иванович Зибер». Некролог, 1888 г., стр. 514.

⁴ Там же.

⁵ Н. Михайловский, Литература и жизнь, «Русская мысль», июнь 1892 г., стр. 189.

оцененным трудом «Очерки первобытной экономической культуры»¹.

А. И. Чупров писал, что работа Зиберера «Рикардо и Карл Маркс...», замечательная по учености и обилию оригинальных мыслей, важна еще и в том отношении, что она в первый раз познакомила русскую публику с теоретическим учением К. Маркса и выяснила тесную связь его доктрины со взглядами классической школы².

В статье, посвященной 10-летию со дня смерти Н. И. Зиберера, Г. Зуев писал, что главная заслуга Зиберера в том, что он «дал прочную постановку в русской экономической науке трудовой теории ценности и марксовой схемы экономического развития»³. Отметим еще, что ряд экономистов и публицистов считали Зиберера «правоверным» марксистом.

В. Яковлев писал, что Маркс «нашел себе в Зиберере лучшего истолкователя и популяризатора в русской литературе»⁴, и далее: «Благодаря главным образом трудам Зиберера трудовая теория ценности Рикардо—Маркса и марксова схема экономического развития получили и в русской экономической науке твердую и прочную постановку».

В энциклопедии под редакцией С. И. Южакова мы читаем: «Главной заслугой Зиберера следует признать систематическую разработку вопроса о ценности, не имеющую себе почти ничего равного в русской литературе; затем популяризацию и истолкование К. Маркса и разработку вопроса о первобытных формах земельного хозяйства и общины в особенности, равно как и вопрос об эволюции форм промышленности, причем схема Маркса иллюстрирована Зиберером многими самостоятельными примерами...»⁵.

П. Б. Струве, говоря о сильном и непосредственном влиянии Маркса на русскую экономическую литературу, писал: «Его (Маркса.—А. Р.) теория ценности и капитала принимается многими и притом весьма известными русскими экономистами. Безусловным «марксистом» был покойный Зиберер»⁶. Как о последовательном марксисте о Зиберере говорит и Л. Клейнборт.

Проф. А. А. Мануилов считает Зиберера горячим сторонником идей Маркса.

Марксистом пытается представить Зиберера и Л. Дейч.

Некоторые исследователи договаривались даже до того, что Зиберер является основоположником марксизма в России, родо-

¹ «Юридический вестник» № 6 и 7, 1888 г., т. XXVIII.

² «Казанский биржевой листок» от 13 мая 1888 г., № 104.

³ Г. Зуев, «Одесские новости» № 4269 от 29 апреля 1898 г.

⁴ В. Я. (В. Яковлев), Зиберер, «Энциклопедический словарь» Брокгауз—Ефрон, С.-Петербург 1894 г., т. ХІА, стр. 58.

⁵ Там же.

⁶ Большая энциклопедия под редакцией С. И. Южакова, С.-Петербург, изд. «Просвещение», т. ІХ, 1902 г., стр. 659.

⁷ «Энциклопедический словарь», «К. Маркс», т. ХVІІІА, С.-Петербург 1896 г., стр. 666.

начальником русской социал-демократии. Так например видный буржуазный экономист проф. Миклашевский писал: «Зибер был самым талантливым родоначальником русской социал-демократии и истолкователем учений Рикардо, Маркса и Родбертуса...»¹. О Зибере как об основоположнике марксизма писал и Д. Н. Овсяннико-Куликовский. «Как известно, — читаем мы у него, — Н. И. Зибер был последовательный «правовверный» марксист и по праву должен быть признан родоначальником «русских учеников Карла Маркса»².

Итак, буржуазная и мелкобуржуазная русская наука и публицистика считали Зибера ортодоксальным, безусловным марксистом. Больше того, некоторые авторы возводят его в ранг родоначальника русской социал-демократии.

В противоположность буржуазной и меньшевистской оценке Зибера В. В. Воровский еще в дореволюционной печати (в 1908 г.) писал о Н. И. Зибере как об одностороннем марксисте³.

В. В. Воровский в 1908 г. напечатал большую статью, посвященную Зиберу. О первом издании книги Зибера «Рикардо и Карл Маркс», вышедшем в 1871 г., Воровский пишет, что книга давала несравненно больше, чем обещало ее заглавие: «Она давала историко-теоретическое исследование учения о ценности всей классической школы экономистов, главным образом Ад. Смита, Мальтуса, Дж. Ст. Милля, Д. Рикардо и... К. Маркса... Но в том-то и дело, что теория трудовой ценности, основание которой было положено Ад. Смитом (и некоторыми его предшественниками), получила свое окончательное завершение в учении о ценности К. Маркса. Эволюция этой теории вполне соответствовала эволюции производственных отношений капиталистического общества. Эта идея была выражена в общих чертах самим же Зибером»⁴.

В. В. Воровский отмечает также успешную научную деятельность Зибера по части изучения первобытной культуры и первобытных учреждений, где он выступил как интересный и самостоятельный исследователь. В. В. Воровский указывает также на заслуги Зибера в его борьбе с «критиками» Маркса — Ю. Жуковским и В. Чичериным. Отдавая должное Зиберу как экономисту, вступившему в борьбу с представителями «шпатованной» русской науки, В. В. Воровский подчеркивал, что Н. И. Зибер не был диалектиком, что он был эволюционистом, что «за эволюцией Зибер не разглядел диалектики». В. В. Во-

¹ А. Н. Миклашевский, История политической экономии, Юрьев 1909 г., стр. 253.

² Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, изд. «Время», Петербург 1923 г., стр. 144.

³ В. В. Воровский, К истории марксизма в России, Соч., т. I, Партиздат, 1932 г., стр. 127.

⁴ В. В. Воровский, Н. И. Зибер, Соч., т. I, Партиздат, 1933 г., стр. 174.

ровский писал: «Хотя Зибер был... ревностным поборником марксизма, все же в его понимании этого учения были серьезные пробелы. Эти пробелы вытекали из того обстоятельства, что при жизни Зибера в России еще отсутствовали те живые общественные силы, движение которых создало на Западе разделявшееся Зибером учение. Само это учение носило тогда в России несколько абстрактный, доктринерский характер. Если оно и связывалось в уме нашего автора с определенными общественными элементами, то связывалось скорее статически, а не в движении. Благодаря этому и вся концепция марксизма пропитана у Зибера в сильной степени отвлеченным догматизмом»¹.

По части грубой фальсификации роли Зибера в истории русского марксизма все рекорды побили украинские контрреволюционеры, националисты-петлюровцы.

Большую помощь украинским национал-фашистам в обосновании их теории особых путей развития марксизма на Украине оказывали агенты гестапо—контрреволюционные троцкисты. Эта попытка превратить Зибера в родоначальника марксизма, эта попытка создания особого украинского марксизма является одним из моментов обоснования контрреволюционной попытки противопоставления Украины Советскому Союзу, обоснования националистской и фашистской политики отрыва Украины от Советского Союза и реставрации капитализма.

Зибер был не только научным, но в известной мере и общественным деятелем, но характер его участия в общественной жизни определялся его общими социально-политическими воззрениями, его принадлежностью к прогрессивно-либеральному лагерю. Как Зибер представлял себе тот новый строй, который придет на смену капитализму? Дальше мы подробно изложим ту утопическую схему нового социального строя, которой Зибер увеличивает свои экономические воззрения. Пока лишь отметим, что, по Зиберу, капитализм, который является исторически необходимым этапом в развитии человечества, в результате эволюционного развития, без классовой борьбы, без «скачков», в результате концентрации и централизации капитала, будет сменен новой общественной формой, где не будет ежечасной войны всех против всех. В схеме Зибера отсутствует классовая борьба, для него не существует пролетариата как могильщика капитализма и строителя коммунизма. Зибер пишет о «социализации производства», порождаемой крупной промышленностью. Для Зибера «демиургом» нового строя, своеобразного кооперативного капитализма является международный конгресс буржуазных правительств, который ввиду приостановления в результате мировой конкуренции процесса накопления капитала и вынужден будет организовать новый хозяйственный режим—своеобразную форму капитализма без имманентных ему противоречий. Как же

¹ В. В. Воровский, Н. И. Зибер, Соч., т. I, Партиздат, 1933 г., стр. 177.

представляет себе Зибер активное вмешательство в поступательный ход исторического процесса, сознательное участие в смене капитализма новым гармоничным общественным строем?

Социалисты 30-х и 40-х годов, указывает Зибер, составили множество планов желательного кооперативного строя будущего общества. Противники социалистов, стоявшие на страже status quo, отрицательно относились к замене существующего строя кооперативным, ибо идеи социалистов казались им превратными, опасными и вредными. Наконец третья группа стремилась повернуть назад колесо истории и мечтала о возвращении к ремесленно-феодальному строю. «Нетрудно видеть,— пишет Зибер,— что все эти три фракции различных мнений одинаково признавали за человеком право и возможность творить общественные формы из ничего, т. е. независимо и даже наперекор действительности. Только первая и третья относились к такой предполагаемой свободе действий человека одобрительно, тогда как вторая большей частью опасалась тех последствий, к которым могло бы привести употребление этой свободы в дело»¹. По Зиберу, естественные фазы общественного развития, под которыми он понимает специфические формы общественной кооперации, «...идут одна другой на смену в силу необходимого и неизбежного закона внутреннего развития общества, а потому и не могут заменяться какими угодно *другими* формами кооперации. Форму общественного строя во всем ее целом нельзя придумать, нельзя и воротить назад, как невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику, или из фабрики в мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью...»². Ссылаясь на Маркса, который писал, что если общество и не может перескочить через естественные фазы своего развития и отменить их при помощи декрета, то оно может сократить и облегчить муки родов нового строя. Зибер представляет себе возможную роль человека в процессе смены капитализма высшей формой следующим образом: «Но неужели же, спросит, может быть, читатель, так и предоставить все естественному течению вещей, воздерживаясь от всякого сознательного вмешательства в движение общественных форм? Нет, ответим мы ему: во-первых, подобное воздержание... невозможно..., а во-вторых, упомянутое «сокращение и облегчение мучения родов» представляет само по себе в высшей степени обширную и благодарную задачу воздействия на общественные явления. Реки нельзя ни уничтожить, ни создать, сколько бы народу ни принималось за это дело; но можно изменить ее течение, можно приподнять или понизить ее уровень, можно оградить берега от наводнений. И это совсем не простая

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, стр. 378. В дальнейшем название этой книги будет даваться сокращенно. Страницы соответствуют нашему изданию.

² Там же.

аналогия: Река по отношению к человеку есть внешняя сила природы, которую можно только регулировать, а не создать. Такою же внешнею силою природы является для человека и для целого общества данная форма общественной кооперации. Чтобы регулировать ее, необходимо предварительно отыскать в ней некоторые слабые пункты; одним из таковых является например продолжительность рабочего дня в фабричных предприятиях машинной индустрии. Сократите здесь труд, вы этим подействуете на *уровень* системы сочетания труда и вместе с тем вы сократите переход из одной формы общественной кооперации в другую¹. В другой своей работе Зибер, отмечая техническое преимущество крупного земледелия по сравнению с мелким, считает, что крупная поземельная собственность должна будет уступить место кооперативной форме труда, которая обеспечивает преимущества крупного производства и соблюдение общих интересов². Таким образом Зибер представляет себе сознательное участие в общественной жизни на путях «штопания дыр» капиталистического хозяйственного режима, регулирования рабочего дня, развития кооперативных форм, на путях либерально-реформаторской деятельности, которая и должна облегчить «муки рождения» нового строя, кооперативного капитализма. В связи с этими общими воззрениями Зибера на возможность сознательного воздействия на общественные явления и находилась его общественная деятельность—участие в организации Киевского потребительского общества и сотрудничество в «Киевском телеграфе».

Зибер в январе 1869 г. был избран в члены совета Киевского потребительского общества³. В феврале 1869 г. Зибером была написана для «Киевлянина», перепечатанная затем в «Киевском телеграфе», статья, где он, говоря о незначительном числе пайщиков, сообщает, что члены-учредители в целях ближайшего ознакомления публики с принципами потребительских ассоциаций решили издать брошюру, посвященную возникновению и развитию главнейших потребительских товариществ в России и за границей. В этой же статье Зибер в кратких чертах останавливается на сущности потребительских обществ. Основная задача потребительских товариществ, по его мнению, заключается в устранении посредничества между производителями и оптовыми торговцами, с одной стороны, и потребителями—с другой. «К числу выгод, бесспорно приносимых товариществами,—писал Зибер,—при условии их распространения не одним только участникам, но и всему обществу, относятся следующие: во-первых, то же устранение посредников между производителями и потребителями, во-вторых, сбережения на

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 379.

² Зибер, Собр. соч., т. II, 1900 г., стр. 291—292.

³ «Киевский телеграф» № 3 от 6 января 1869 г.

содержании довольно числа лавок и магазинов, печатании реклам, объявлений и пр.»¹. Изложив ряд фактов из истории иностранных и русских товариществ (Рочдель, Харьковское потребительское общество), Зибер подвергает разбору и критике некоторые параграфы устава Киевского общества потребителей. Зибер издал также в 1869 г. популярную брошюру, очевидно, от имени совета Киевского общества потребителей, под заглавием «Потребительские общества». Эта брошюра написана в обычном духе буржуазных реформаторов. Она распадается на две части: 1) о потребительских ассоциациях вообще и 2) о потребительских обществах за границей и в России. Приведем несколько наиболее важных принципиальных положений Зибера. Задачу потребительских обществ Зибер видит в том, чтобы дать обществу «возможность так устроить свое потребление, чтобы воспользоваться, как выгодно обойтись без розничного торговца, так и выгодно приобрести товар сразу в большом количестве»². «Наибольшую пользу потребительские общества, — пишет Зибер, — без сомнения должны приносить рабочему классу и... в его среде они первоначально и возникли, но с течением времени нашли не безвыгодным для себя обратиться к устройству потребительских обществ и средние, а отчасти и высшие классы общества»³. Последнее обстоятельство является, по Зиберу, доказательством того, что «дух бережливости не чужд ни одному сословию»⁴. Что касается «образованных сословий», то они участвуют в потребительских обществах из желания принести пользу обществу. Зибер пишет: «В видах достижения общественного блага деятельное участие в устройстве потребительских обществ принимают образованные сословия, именно: учителя, врачи, адвокаты, духовные»⁵. Зибер считает, что «русским обществам не мешало бы позаботиться о привлечении в свои члены простого народа, которому очевидно нужнее, чем кому бы то ни было, дешевые предметы потребления»⁶. «Учреждение потребительских обществ, — пишет Зибер, — дав рабочему возможность покупать предметы потребления дешевле прежнего, уже одним этим помогло ему и расплачиваться во-время. Еще больше сделали в этом отношении производительные общества. Сверх того развитие хозяйственности, достигаемое совокупным действием потребительских и других обществ, нанесло чрезвычайно сильный удар пьянству и тем увеличило нормальный бюджет рабочего»⁷. Итоговый вывод Зибера: «В дальнейшем развитии обще-

¹ Н. Зибер, О потребительских обществах, «Киевский телеграф» № 22 от 19 февраля 1869 г.

² «Потребительские общества», сост. Н. Зибер, Киев 1869 г., стр. 7.

³ Там же, стр. 36—37.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Там же, стр. 38—39.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 40.

ственной жизни от общества потребителей совершается переход к обществам производителей»¹.

Из приведенных выдержек видно, что Зибер в своих воззрениях на потребительские общества не выходит за пределы буржуазного кругозора. Он считает, что потребительские общества являются одним из тех мероприятий, которые исправляют некоторые «дурные» стороны капиталистического хозяйственного режима, что они являются этапом для перехода к обществу производителей, что их назначение принести пользу всему обществу, в особенности «простому народу», и что «образованные сословия», к которым он относит попа, адвоката, ученого и т. п., участвуют в потребительских обществах во имя «общего блага». Что касается значения потребительских обществ для рабочих, то, как мы видели, Зибер не связывал их с политическими задачами рабочего класса. Он полагал лишь, что потребительские общества в известной мере окажут положительное влияние на бюджет рабочего.

Перейдем к разбору сотрудничества Зибера в газете «Киевский телеграф», где он поместил несколько статей. Что Зибер являлся не случайным сотрудником газеты, указывает хотя бы тот факт, что, начиная с № 1, за 1875 г. редакция рекламировала Зибера в числе своих виднейших сотрудников².

В № 90 мы читаем заявление, подписанное рядом сотрудников, в том числе Зибером, следующего содержания: «Вследствие разногласия во мнениях относительно ведения газеты, возникшего между издательницею г-жею Гогоцкой и нами, сотрудниками «Киевского телеграфа», мы оставляем редакцию этой газеты с 1 августа»³.

За период своего сотрудничества в «Киевском телеграфе» Зибер написал несколько статей. В статье «О жилищах бедного населения Киева» от 13 января 1875 г. Зибер на основании результатов переписи, приведенной в 1874 г., приводит ряд ярких фактов острой жилищной нужды киевской бедноты. «Было бы долго и вряд ли имело бы значение, — писал Зибер, — отыскивать специальные причины, обуславливающие подобное положение дела в одном хотя бы и большом городе, когда уже... можно сказать, что последнее должно находиться в связи со множеством явлений, гораздо более широкого значения и гораздо более обширной сферы действия»⁴. Зибера интересуют меры, предпринятые городским управлением для устранения хотя бы известной доли жилищной нужды.

¹ «Потребительские общества», сост. И. Зибер, Киев 1869 г., стр. 42.

² «Киевский телеграф» № 1, 1875 г.

³ Там же, № 90 от 30 июня 1875 г.

⁴ И., О жилищах бедного населения Киева, «Киевский телеграф» № 6 от 13 января 1875 г.

Зибер написал также небольшой очерк о кустарном коженном производстве в одной из слобод Курской губ.¹ и об артелях среди табачниц в г. *Нежине*. В последнем очерке Зибер пишет: «...Так как артельный способ насаждения табаку при том же количестве рабочих рук (и даже меньшем, ввиду большей успешности труда артелей) оплачивает их труд лучше, то он оказывается более предпочтительным и с народнохозяйственной точки зрения»².

«Рабочему вопросу» на Западе Зибер посвятил большой фельетон от 30 июня 1875 г., где он описывает ряд забастовок в различных городах Европы. Виновниками забастовок Зибер считает хозяев, рабочие же только защищались от понижения заработной платы.

«...Коренным источником всех подобных недоразумений и столкновений,—пишет Зибер,—служит самая система крупной индустрии, подверженная периодическому напряжению и ослаблению производственных функций общества, смотря по количеству сбыта того или другого отдельного товара»³.

Статьи Зиберы находятся в полном созвучии с общим направлением «Киевского телеграфа». Та же тематика—рабочее законодательство, артели, кустарное производство, та же апелляция к земству, к самоуправлению, к интеллигенции.

Участие Зиберы в Киевском потребительском обществе, его брошюра о потребительских обществах, его сотрудничество в газете «Киевский телеграф», статьи его, помещенные в этой газете,—все эти факты его биографии дают нам подлинную характеристику Зиберы как общественного деятеля. Зибер—либеральный деятель, сторонник кооперативного движения, прогрессивный буржуа. Ленин рассматривал кооперацию в условиях капитализма как коллективное капиталистическое учреждение, как привесок к механизму буржуазного строя. Ленин писал, что рабочие потребительские общества полезны как очаги социалистической пропаганды, агитации, организации, но до тех пор, пока власть находится в руках буржуазии, «...потребительские общества—жалкий кусочек, никаких серьезных перемен не гарантирующий, никакого решительного изменения не вносящий, иногда даже отвлекающий от серьезной борьбы за переворот»⁴.

О товариществах и сельскохозяйственных артелях при капитализме Ленин писал, что от них выигрывают прежде всего помещики и крестьянская буржуазия. Ленин бичевал как обман, будто «всевозможные кооперации» готовят коллективизм,

¹ З., О малороссах-кустарях в Курской губернии, «Киевский телеграф» № 14 от 31 января 1875 г.

² Н., Артели табачниц в г. Нежине, Черниговской губернии, «Киевский телеграф» № 14 от 31 января 1875 г.

³ Н., По Европе, «Киевский телеграф» № 90 от 30 июля 1875 г.

⁴ Ленин, Соч., т. VIII, стр. 308, изд. 3-е (курсив мой.—А. Р.).

а не укрепление сельской буржуазии. «В мечтаниях старых кооператоров много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров»¹.

Зибер—типичный представитель таких «фантазеров», мечтавших через рабочее законодательство, через кооперацию подготовить торжество коллективизма; объективно он—буржуазный либерал, ратовавший за устранение «дурных» сторон капитализма методами реформизма, заимствованными из арсенала прогрессивной буржуазии Запада.

Многие современники Зибера отнюдь не склонны рассматривать его как революционера. Об этом свидетельствуют факты, приводимые Д. Н. Овсяннико-Куликовским, Драгомановым и др.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский пишет: «К нашему революционному социализму того времени Зибер относился отрицательно; я хорошо помню его страстные речи по адресу всех тогдашних фракций: «мирных пропагандистов», «славристов», «бунтарей», «якобинцев» («Набат» Ткачева), «бакунистов»². Д. Н. Овсяннико-Куликовский рассматривает Зибера как последовательного западника, ибо он отвергал народничество всецело и рассматривал общину как жалкий пережиток прошлого, обреченный на гибель.

* *

Для понимания классовых корней своеобразной интерпретации экономических воззрений Маркса Зибером существенное значение имеет то обстоятельство, что представители различных течений русской общественной мысли зачастую для обоснования своих социально-политических воззрений отталкивались от «Капитала».

В 70-х годах имя Карла Маркса в России становится чрезвычайно популярным. Даже «Гражданин», одна из реакционнейших газет того времени, писал о Марксе как об авторе «знаменитой» в России книги «Капитал». Народник Михайловский приветствует выход в свет русского перевода «Капитала», для него приемлема марксова критика западноевропейского капитализма, но она в то же время служит для него основой для предостережения России и обоснования своеобразного пути русского исторического процесса, который должен быть некапиталистическим.

Михайловский писал: «Маркс, как известно, социалист, глава международного общества рабочих, один из недовольных европейской цивилизацией». Но, во-первых, именно по своему не-

¹ Ленин, Соч. т. XXVII, стр. 391, изд. 3-е.

² Д. Н. Овсяннико-Куликовский, Воспоминания, изд. «Время», 1923 г., стр. 147.

довольству он для нас гораздо интереснее всех переводимых у нас довольных Гарнье и Молинари. Во-вторых, он не утопист, а строгий, местами очень сухой ученый. В-третьих, наконец, являясь революционным элементом на Западе, у нас он никакого нарушения общественного спокойствия не может произвести. Идеи и интересы, с которыми он борется, слишком еще слабы у нас, чтобы от их расшатывания могла воспоследовать какая-нибудь опасность. Но они уже достаточно сильны для того, чтобы для нас было обязательно призадуматься над результатами их дальнейшего развития. Вот почему мы и говорим, что книга Маркса является как нельзя более кстати¹.

Ю. Жуковский и Б. Чичерин встретили первый том «Капитала» «в штыки». Ю. Жуковский противопоставляет марксовской теории прибавочной стоимости своеобразную теорию прибыли, близкую Сэю. Если у Сэя три «производительных фонда»: природа (земля), труд и капитал, то у Жуковского — природа, труд физический и труд психический. По Жуковскому, марксова теория прибавочной стоимости — апология права рабочего класса. Жуковский не возражает против «участия рабочих в прибыли, однако оно может иметь место только на почве сохранения капиталистической системы...». «Мера, в которой случится это участие, — заключает Ю. Жуковский, — зависит от материальных условий вопроса, лежащих как в степени развития личности рабочего, так и в материальных условиях производства»².

Еще резче выступает против Маркса Чичерин. «Социальный вопрос, — пишет Чичерин, — всегда был и будет камнем преткновения демократии. Когда государственная власть находится в руках неимущих, нужно много нравственной силы и высокое развитие, чтобы не пытаться обратить ее в орудие обогащения. А именно к этому-то и побуждают рабочие классы те утописты, которые, как Карл Маркс, берутся быть их руководителями. Они пользуются их невежеством, чтобы под именем наук проповедывать им учения, разрушительные для человеческого общества»³. Отсюда отнюдь не следует, продолжает Чичерин, что судьба низших классов не заслуживает внимания и теоретиков и государственных людей, «но разрешения этих вопросов следует искать не в извращении экономических законов, управляющих человеческими обществами»⁴.

Марксистская политическая экономия в интерпретации Зибера, это — «усовершенствованная» теория Рикардо.

В 70-х годах злободневным стал «рабочий вопрос», вопрос судеб капиталистического развития России. Идеологи различ-

¹ Н., По поводу русского издания книги Карла Маркса, «Отечественные записки» № 4, 1872 г., стр. 184.

² Ю. Жуковский, Карл Маркс и его книга о капитале, «Вестник Европы», 1877 г., кн. IX, стр. 103.

³ «Сборник государственных знаний», т. VI, 1878 г., стр. 38.

⁴ Там же, стр. 39.

ных классов и в частности «критически» настроенных к капитализму должны были дать обоснование этой проблеме, чтобы иметь перспективу развития, оружие для действия. Естественно было обратиться к высшему продукту западноевропейской культуры, соответствующим образом его переработав, к «Капиталу» Маркса, где эта критика капитализма и была дана.

«Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистичировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!»¹.

Русская общественная мысль никогда не развивалась изолированно от Запада. И Герцен и Чернышевский критически перерабатывали самые передовые теории Запада. С 70-х годов начинается проникновение марксизма в Россию, причем различные оттенки русской общественной мысли воспринимают его по-своему, в соответствии с той социально-политической основой, рупором которой данное направление идей является. В том, что Зибер отталкивался от «Капитала» Маркса, сыграли известную роль и традиции прогрессивной ветви русской экономической мысли, развивавшейся под влиянием идей классической школы, в особенности Смита.

III

В своих социологических воззрениях Зибер близок к экономическому материализму, который, как известно, признает экономику единственной силой общественного развития, отрицает роль надстроек и идеологий в этом развитии и вообще рассматривает исторический процесс как результат автоматического действия экономических закономерностей.

Зибер неоднократно указывает на примат экономики по отношению к праву. Зибер пишет: «Право всегда делает только то, что представляет санкцию господствующих общественно-экономических отношений. Третьего дня среди завоевателей оно санкционировало право собственности на рабов, вчера — на работу крепостных, сегодня — на добавочную работу батраков, потому что общественное служение требовало изменения форм власти»².

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 94, изд. 3-е.

² Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, С.-Петербург 1900 г., стр. 618.

Зибер полемизирует с Родбертусом, который, по его мнению, придает праву слишком самостоятельное значение в хозяйственной жизни общества. Зибер пишет: «...Родбертус... слишком преувеличивает создающую роль имущественного права в современной хозяйственной системе. Согласно приводимому им воззрению, механизм распределения собственности является единственной причиной кризисов и пауперизма, между тем как в действительности самый этот механизм есть только юридическая формулировка соответствующей организации производства»¹. По Зиберу, «право есть не более не менее, как юридическое отражение соответствующего экономического строя»².

Понятие о собственности, которая определяется Зибером как отношение между двумя лицами, принявшее «вещную оболочку»³, нелегитимно, полагает он, без двух существенных идей: одна из этих идей есть «общество», другая — «общественно-экономический производственный процесс»⁴.

Собственность как проявление присвоения сначала «добавочного труда рабов, потом холопов, потом наемных батраков плодопеременного хозяйства»⁵ предполагает систему общественно-разделенного труда и военно-общественную иерархию отдельных должностей и функций.

Зибер пишет: «Само по себе понятие о праве собственности никакого ответа о своем происхождении, развитии и значении не заключает и заключать не может. Чтобы отдать себе отчет во всех тех преобразованиях, которым это право подвергается на протяжении истории, необходимо постоянно иметь перед глазами развитие общественно-экономической организации, которую оно санкционирует собою»⁶. Интересно отметить также его высказывание о государственном строе: «...Теперешнее государство Запада представляет не что иное, как различные оттенки диктатуры в руках различных фракций среднего сословия». В этих высказываниях Зибер правильно подчеркивает примат экономики по отношению к праву.

Однако мы напрасно стали бы на основе приведенных высказываний Зиберы делать выводы, что мы здесь имеем дело с подлинно марксистской концепцией. Для социологических воззрений Зиберы характерно то обстоятельство, что он во главу угла ставит идеалистическую схему исторического процесса, данной Ф. Лассалем. Зибер писал: «Мы... считаем эту речь (Лассаль, «Программа рабочих». — А. Р.) довольно правильным изобра-

¹ Там же, стр. 534—535 (курсив мой. — А. Р.).

² Н. И. Зибер, Карл Родбертус—Ягцов, Собр. соч., т. II, стр. 532.

³ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 614.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 617—618.

⁶ Там же, стр. 613.

жением общего хода... в экономической истории, но, конечно, не лишенным нескольких промахов и неверных обобщений... Мы не можем согласиться, что в средние века преобладающим общественным началом являлась собственность в том смысле, как это слово понимается теперь... Неверно, будто Великая французская революция по самой своей идее была лишь выражением совершившегося уже переворота, отдавшего власть в руки среднего сословия... Неверны и некоторые другие частности в упомянутой речи Лассалья. *Вполне правильно, что дело рабочего сословия есть действительно общечеловеческое дело, потому что тут идет речь о всех, могущих трудиться..., но мы полагаем, что даже при устранении различия между трудящимися и нетрудящимися, столкновения между представителями труда, сложного и простого, между высшими и низшими расами (кули) долго еще оказывали бы давление на весь общечеловеческий экономический равенства*¹.

Мы видим, что Зибер разделяет воззрения Лассалья на четвертое сословие, его смущает лишь—даже при осуществлении схемы Лассалья—возможность противоречий между простым и сложным трудом. Если мы вспомним, что Лассаль рассматривает принцип рабочего сословия как господствующий принцип общества с трех точек зрения: формальных средств его осуществления, нравственного содержания и присущего ему воззрения на цель государства; если мы вспомним, что средством осуществления этого принципа Лассаль считал всеобщее и прямое избирательное право, что, по Лассалю, нравственная идея рабочего сословия заключается не только в беспрепятственном и свободном пользовании личностью своими силами, но и в солидарности интересов, общности и взаимности в развитии, что назначение государства—развитие человечества в направлении к свободе,—то нам станет ясно, что социологические воззрения Зиберера, который разделяет идеалистическую концепцию Лассалья, не являются марксистскими.

Перейдем к анализу его экономических воззрений. По вопросу о предмете политической экономии мы встречаем у Зиберера ряд формулировок, в которых он определяет ее как науку общественную, изучающую закономерности общественных явлений. Вещи, по Зиберу, добываются или при помощи труда, или достаются людям даром. Если вещи первого рода являются источником отношений между обществом и вещами, а равно и между членами обществ по поводу вещей, то даровые блага находятся в отношениях только с отдельными лицами. «Общественная экономия может иметь дело исключительно с общественными отношениями и потому, естественно, оставляет в стороне

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сивозь очни г. Б. Чичерина*, Собр. соч., т. II, стр. 619—620 (курсив мой.—А. Р.).

отношения второго рода»¹. Противопоставляя школу Рикардо субъективистическим трактовкам теории стоимости, Зибер пишет: «Школа Рикардо берет в основание *сладость* меновых явлений и, вследствие того, приходит к установлению общественного закона меновой ценности; школа большей части немецких экономистов... и весьма многих французских исходит из *различия* этих явлений, а потому и дает в результате только теорию индивидуальных случаев. Первая, занимаясь общественной наукой, действительно имеет дело с обществом, вторая, выставив то же знамя, на самом деле трактует об индивидууме, отрезанном от общественной среды; первая стоит на точке зрения людей, признающих существование законов общественных явлений, вторая—на точке зрения тех, кто знает только произвол и случайность»². Зибер неоднократно подчеркивает историческую обусловленность производственных отношений, он ведет борьбу с отождествлением различных хозяйственных форм, с подведением под одни и те же законы хозяйственной жизни различных времен и народов. В полемике с Чичериным Зибер писал: «Вообще, давно бы пора уже бросить этот способ отождествления бесконечно сложных отношений современной европейской экономической действительности с отношениями каких-то «аркадских пастушков, живущих где-то на луна или в *Urwald*»³. Подчеркивая, что политическая экономия—наука общественная, что исторический процесс представляет собой смену различных хозяйственных форм с особыми, присущими им закономерностями, Зибер иногда скатывается к выводам о наличии в известном смысле категории политической экономии и в царстве животных. В одной из своих статей Зибер писал:

«...Экономисты и социологи, к числу которых принадлежит и Маркс, имеют до сих пор слабость думать, что главный предмет их исследований представляет человеческое общество, а не общество домашних животных, рогатых и иных, а потому и занимались тою прибавочною ценностью, которая производится человеком. Займись они, подобно Дарвину, естествознанием, они, вероятно, нашли бы нечто вроде прибавочной ценности и у разных других животных, например у некоторых пород муравьев или пчел»⁴.

Однако высказывания такого рода—о применимости в известной степени категорий политической экономии к царству животных, о наличии объекта для этой науки и вне человеческого общества—такие высказывания для Зибера не характерны. Он понимает общественный характер политической экономии и историческую обусловленность общественных отношений.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 239.

² Там же, стр. 87.

³ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 665.

⁴ Н., Экономическая теория Маркса, «Знание» № 1, 1874 г., стр. 44.

По Зиберу, Маркс внес «в область общественной экономии единый и цельный метод исследования, заботливо продуманный во всех частностях...»¹.

Зибер отмечает поразительно логическую последовательность грандиозного сооружения «Капитала», базирующегося на нескольких основных предпосылках: «...Сила ума К. Маркса поразительна, как в этом сознаются даже собственные его враги и как в этом можно убедиться даже всякому непосвященному из одной только строжайшей логической последовательности, с которою он сооружает здание социальной экономии на нескольких основных фактах общественной организации, ни разу не забывая принятых им предпосылок и не уклоняясь от них ни на волос»². Отдавая дань единству, цельности и продуманности метода Маркса, Зибер в то же время воздерживается от категорического суждения о пригодности диалектического метода, который он отождествляет с эволюционной теорией в применении к различным отраслям науки. Зибер пишет: «...Мы, со своей стороны, воздержимся от суждения о годности этого метода (диалектики.—А. Р.) в применении к различным областям знания, а также и о том, представляет ли он собою или не представляет,—насколько ему может быть придаваемо действительное значение,—простое видоизменение или даже прототип метода теории эволюции или всеобщего развития. Именно в этом последнем смысле рассматривает его автор (Энгельс.—А. Р.), или, по меньшей мере, старается указать на подтверждение его при помощи тех истин, которые достигнуты эволюционной теорией, и нельзя не сознаться, что, в некотором отношении, здесь открывается значительное сходство»³.

Однако Зибер не только отождествляет марксову диалектику с эволюционной теорией, не только воздерживается от признания ее единственным подлинно научным методом,—под диалектикой Зибер склонен понимать своеобразный способ изложения. Зибер соглашается с критиками Маркса, что «диалектическую сторону своего изложения Маркс... мог бы действительно немножко сократить, не нанося тем ни малейшего ущерба делу»⁴.

В «Капитале» Зибер различает «канву или остов... теоретического здания в отличие от мелкой работы, служащей только для украшения его...»⁵.

¹ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 675.

² Там же, стр. 674—675.

³ Н. И. Зибер, К характеристике Е. Дюринга, Собр. соч., т. II, стр. 718.

⁴ Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки» № 11, 1877 г., стр. 3.

⁵ Н., Экономическая теория Маркса, «Знание» № 4, 1874 г., стр. 43.

Зибер указывает на «несколько схоластический язык», которым написан «Капитал», на «тяжеловесность аргументации, закованной в непроницаемую броню гегелевских противоречий»¹. Зибер противопоставляет способ изложения у Маркса, который, он считает, носит априорный характер, самому содержанию его учения, опирающегося на факты реальной жизни. «...У Маркса мы читаем,—пишет Зибер,—что исследования его носят априористический характер лишь настолько, насколько речь идет об одном лишь способе изложения (Darstellung); что же касается до самого их содержания, то оно строго ограничивается пределами фактической действительности»². Таким образом взгляды Зибера на диалектику как на априористический способ изложения характеризуются отчетливо выраженными чертами идеализма. Однако если Зибер и не понимает марксову диалектику, то он все же далеко не эмпирик. Зибер, прошедший школу классической политической экономии в духе этого направления экономической мысли, понимает роль абстракции в изучении хозяйственных явлений. Подвергая критике теорию стоимости Маклеода, Зибер писал: «Не думаем... что цель индуктивной философии заключается в применении законов, выведенных из отдельных случаев, ко *всяким* другим случаям. Выводы, делаемые без предварительного классифицирования явлений,—не выводы, а просто бессмыслица»³. Чичерин, один из участников полемики вокруг «Капитала» в 70-х годах, обвинял Маркса в том, что он вместо наблюдения начинает с отвлечения. Зибер ему разъясняет, что «отвлечение и наблюдение не только не исключают друг друга... напротив того, отвлечение только и характеризует собою наблюдение, совершаемое человеком в отличие от четвероногих, что отвлекать таким образом представляет абсолютно необходимое условие для правильного исследования и что подобное отвлечение производится именно от различных сторон действительности, чтобы тем рельефнее выставить другие ее стороны»⁴.

При теоретической разработке тех или иных хозяйственных явлений экономисты, полагает Зибер, совершали ряд крупных методологических ошибок, которые дали начало большинству заблуждений в теории стоимости и капитала. Первая ошибка состояла в отождествлении общественного хозяйства с частным. Зибер устанавливает следующие пункты различия между общественным и частным хозяйством: во-первых, результаты простого и сложного сотрудничества, которые порождают значительное увеличение производительной силы труда, наиболее рельефно выступают в совокупности хозяйства. Зибер пишет:

¹ Там же.

² Н. И. Зибер, Собр. соч., т. II, стр. 618.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 122.

⁴ Н. И. Зибер, Чичерин contra К. Маркс, «Слово», кн. II, 1879 г., стр. 67.

«Не может быть и речи о сравнении размеров сил, предоставляемых сотрудничеством отдельному хозяйству, с одной, и общественному хозяйству, с другой стороны»¹. Во-вторых, все части общественного хозяйства находятся во взаимной между собой зависимости.

«Зависимость эта такого рода,—указывает Зибер,—что под страхом неправильных заключений никогда не следует упускать из виду действие какой-нибудь силы на известном пункте—на другой соседний или отдаленный пункт, или на всю совокупность хозяйств»². В-третьих, подчиненное положение частного хозяйства по отношению к общественному как следствие взаимного соотношения их в качестве целого и части. Подчиненность эта, по Зиберу, выражается в том, что «каждое частное хозяйство в своих внешних сношениях с другими частными же хозяйствами должно непременно подчиняться тем условиям, которые вырабатываются и ставятся целой массой хозяйств»³.

В статье, посвященной Родбертусу, Зибер еще резче и отчетливее защищает тезис обусловленности частного хозяйства общественным, примата общества над индивидуумом. Зибер пишет: «...Новейший индивидуум, считающий себя центром вселенной, представляет в действительности не более не менее, как весьма сложный исторический продукт постепенного преобразования и совместного существования целого ряда коллективных индивидуумов, каковы племя, род, родовая община, сельская община, городская община, большая семья и малая семья, и следовательно шествует не в голове, а в хвосте общества, это в настоящее время уже не предположение, а объективная истина... Непосредственный вывод из этой истины, что не существование индивидуума обуславливает существовавшие общества, а, наоборот, существование общества определяет положение индивидуума и таким образом является необходимою исходною точкою при изучении явлений»⁴.

Вторая важная ошибка экономистов, полагает Зибер, заключается в нарушении методологического правила, что всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюденно в чистом виде и с соблюдением времени и места его действительного совершения. Зибер писал:

«...Совершенно таким же образом, как выбирается время для наблюдения явления, должно быть выбрано и место для той же цели. Если явление происходит повсюду одинаково, то каждое место одинаково годно для наблюдения... В противном случае должен быть избран пункт средний»⁵. И наконец третью

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 16—17.

² Там же, стр. 17—18.

³ Там же, стр. 20.

⁴ Н. И. Зибер, Карл Родбертус—Ягцев, Собр. соч., т. II, стр. 504 (курсив мой.—А. Р.).

⁵ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 23.

ошибку экономистов Зибер видит в некритическом смешении разнообразных, иногда противоположных явлений, фигурирующих однако под общим названием, что ведет к ложным выводам о законах, управляющих известным кругом явлений.

В приведенных высказываниях Зибера мы имеем обоснование противопоставления общественного хозяйства частному, обоснование идеи примата общественного производства над индивидуальным, идеи примата общества над индивидуумом. Полагая, что задача науки—раскрытие связей и закономерностей общественного производства, которые определяют явления индивидуального производства, Зибер подчеркивает как один из важнейших принципов методологии политической экономии, что отправным пунктом исследования является общественно обусловленное производство индивидов. Однако мы у Зибера встречаем высказывания, где в трактовке этой проблемы он скатывается на индивидуалистические позиции. «Индивидуальный человек,—полагает Зибер,—имеет вообще для социолога лишь настолько значения, насколько он может служить *отправным пунктом* на изучении целого общества...»¹. Зибер считает, что Маркс прибегает к Робинзону «для объяснения некоторых запутанных сторон вопроса о различных и сходных видах труда»².

Следует все же отметить, что высказывания подобного рода не типичны для Зибера, они не отразились как на его трактовке марксовых категорий, так и на его критике буржуазных теорий стоимости и капитала.

Зибер неоднократно подчеркивает примат производства над обменом и потреблением. По Зиберу, не роль обладания «...обуславливает собою те или другие порядки производства и распределение богатства, а сама зависит от них в своем существовании и обратном воздействии на них»³. В другом месте мы встречаем более четкую формулировку. По Зиберу, при изменениях соотношений спроса и предложения «...прочны и неизменно действует закон преобладания производственных отношений над распределительными, условия производства управляют условиями обмена»⁴.

Ряд интересных замечаний мы встречаем у Зибера и по вопросу о способе изложения, о порядке экономических категорий. Зибер полагает, что исследование должно идти от более простых явлений к более сложным; Зибер ратует за необходимость применения абстрактного, дедуктивного метода. Зибер пишет: «Вместо того, чтобы... начинать исследование с наблюдения наиболее *простых, крупных и общих* явлений капитала и *постепенно* пе-

¹ Н., Экономическая теория Маркса, «Знание» № 1, 1874 г., стр. 68.

² Там же, стр. 57.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 44.

⁴ Там же, стр. 132.

реходить к тем осложнениям, которые прирастают к этим явлениям сначала вообще, потом в отдельных странах и в отдельные эпохи, весьма многие писатели или *сразу* выдают в определенные наиболее сложных форм упомянутых явлений или, что еще хуже, делают внезапный скачок от простых и общих отношений к наиболее сложным, мелким и частным¹. И далее: «Начав же исследование или прямо с наиболее сложных явлений, или хотя и с наиболее простых, но оставляя без объяснения весь ряд промежуточных звеньев между такими явлениями и наиболее сложными, нельзя рассчитывать на достижение прочных и важных научных выводов². У писателей XVII и XVIII вв., отмечает Зибер, отсутствовал строго обдуманый план расположения различных частей политической экономии, что являлось отражением примитивного состояния экономических знаний. В заслугу классикам, Смиту и Рикардо, он ставит то, что «...они не решались братья за разработку явлений капитала и дохода, не установив предварительно правильного понятия о ценности и обмене³. Зибер понимает, что «капитал» является более конкретной категорией, чем «стоимость» и «деньги», что категория капитала не может быть понята без предварительного анализа стоимости и денег. Зибер говорит о необходимости «предпослать учению о капитале исследование о ценности». «Если бы не было установлено,—считает он,—ясного представления о меновой и потребительной ценностях вообще, то, по отношению к системе хозяйств с разделенным трудом, оставался бы совершенно необъяснимым тот феномен капитала, что, несмотря на все случайности обмена, каждое хозяйство располагает известной частью продукта, не входящею в счет общего или среднего содержания хозяйства⁴.

Зибер видел заслугу классиков в том, что они в основу своих экономических систем положили категорию стоимости. Он пишет: «Только сквозь призму ценности... стало возможно рассматривать условия и порядок производства и распределения продуктов. Прежде чем приступить к анализу производственных и распределительных отношений хозяйств, *разделивших* между собою труд, необходимо было узнать свойства аппарата, благодаря которому хозяйства эти не остаются изолированными, а продолжают составлять общественное целое. Учение о ценности явилось поэтому в глазах классиков-экономистов самым общим отделом политической экономии, при помощи которого только и могли быть объясняемы другие части науки⁵.

Зибер также указывает, что порядок исследования категорий определяется их местом в системе капитализма. Чи-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 246—247.

² Там же, стр. 247.

³ Там же, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 320.

⁵ Там же, стр. 7.

Черин обвинял Маркса в том, что им игнорируется торговая прибыль и что купец рассматривается в «Капитале» в качестве паразита, барыш которого объясняется надувательством. Зибер замечает: «Маркс ведь нигде и не думает делать какие-нибудь возражения против справедливости дележа между капиталистом и предпринимателем, его этот вопрос даже не интересует. Он все время занят исключительно вопросом, каким образом оба эти персонажа вместе, которых он в первом томе и рассматривает как одно неразрывное лицо, поступают с своим капиталом по отношению к публике и к рабочим»¹. Зибер ссылается на известное место первого тома «Капитала», где Маркс говорит, что для анализа торгового капитала необходим длинный ряд промежуточных звеньев. В одной из своих статей, посвященных экономическому учению Маркса, Зибер упрекает последнего в том, что он начинает свои исследования капитала не с реальных отношений, а с абстракций стоимости и полезности, хотя Маркс всей совокупностью своих исследований доказывает, что реальные отношения предшествуют абстракциям. Зибер писал: «...Зачем ему (Марксу.—А. Р.) понадобилось начинать свое исследование о капитале не только с изучения самых сложных форм человеческого хозяйства, но к тому же с абстракций ценности и полезности, а не с реальных отношений, составляющих подкладку их, и не с более простых форм или с форм общечеловеческого хозяйства»². И в другом месте: «Если бы вместо абстракций ценности и потребительной ценности Маркс показал в самом начале общие устои более простого хозяйственного общества... исследования его наверное обогатились бы новыми и важными воззрениями. Во всяком случае, исследование отношений должно было предшествовать разработке абстракций, а не следовать за нею»³.

В приведенных цитатах Зибер обнаруживает непонимание того, что метод восхождения от абстрактного к конкретному есть способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, и что для понимания процессов, происходящих в капиталистической действительности, надо начинать изложение с простейших категорий, т. е. с товара, который и исторически предшествовал капиталу.

Для методологических воззрений Зибера характерна также его трактовка сущности «закона». Зибер отмечает господство законов общественного хозяйства над людьми. Подвергая критике объяснение кредита рядом буржуазных экономистов отвлеченными началами доверия, предприимчивости и т. п., Зибер пишет: «...ординарным исследователям кредита большею частью

¹ Н. И. Зибер, Черин contra К. Маркс, «Слово», 1879 г., кн. II, стр. 91.

² Н., Экономическая теория Маркса, «Знание» № 1, 1874 г., стр. 56.

³ Там же, стр. 57.

и в голову не приходит то простое соображение, что законы, по которым функционирует общественное хозяйство, ни под каким видом не могут основываться на личном настроении того или другого отдельного лица... и что, наоборот, само подобное настроение должно составлять результат данной общественно-хозяйственной организации¹.

Зибер следующим образом формулирует сущность «объективного закона». «...Необходимо употреблять, — пишет он, — способ средних чисел как единственный возможный для исследования². Отклонения же от общих закономерностей играют подчиненную роль. «...В противном случае, — полагает Зибер, — мы потеряем ключ к изучению *общего* закона, тяготеющего над массой явлений, а, следовательно, не изучим порядочно и той области, в которую вошли³. Однако «объективизм» Зибера весьма далек от последовательного материализма Маркса, включающего в себя партийность, от подлинного объективизма, анализирующего действительные формы классовых антагонизмов и классовой борьбы. На всех работах Зибера лежит печать «объективизма», относящегося к действительности пассивно, созерцательно.

В борьбе с «законным марксистом» П. Струве Ленин дал классическую трактовку последовательного материализма, включающего непримиримую партийность, противопоставляя его «объективизму» буржуазной науки. Ленин писал: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, позднее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость⁴.

Ленинская характеристика «объективизма» Струве может быть применена к Зиберу. Однако Зиберу выгодно отличается от

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 226.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 83.

⁴ Ленин, Соч., т. I, стр. 275—276, изд. 3-е.

Струве понимание ряда экономических проблем Маркса. Следует также помнить, что, если Струве «критиковал» Маркса в период развертывавшегося рабочего движения и наличия его классовой партии, Зибер выступал как комментатор Маркса в условиях низкого уровня капиталистического развития России, когда рабочий класс делал лишь свои первые шаги.

Говоря об объективном характере закона, Зибер склонен трактовать эту объективность фаталистически; Зибер в своей полемике с Чичериным говорит не о естественных, а о необходимых законах истории, которая (история) ведет «человечество с завязанными глазами и ощупью с одной ступени кооперации на другую»¹.

В зиберовской трактовке «закона» мы встречаем также механистические тенденции. «Сомневаемся еще и в том, — писал Зибер, — что при исследовании закона цены должно быть обращено исключительное внимание на то, от каких причин *изменяется* цена: нужно прежде узнать, от каких причин она *придерживается* известного уровня. К исследованию причин колебаний жидкостей физика приступила лишь после того, когда стали известны причины, сообщающие жидкостям уровень»².

Ошибочность трактовки Зибером категории «закона» очевидна. Если Маркс говорит о законе развития явлений, т. е. об их переходе от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому, то Зибер говорит о законе равновесия; для Маркса исходный пункт исследования — движение, для Зибера — равновесие. Зибер в своей трактовке «закона» близок к механическому материализму, который превращает равновесие, являющееся моментом движения, в исходный пункт действительности и теоретического ее анализа.

Остановимся еще на трактовке Зибером категорий политической экономии. Хотя Зибер постоянно говорит об исторической обусловленности марксовских категорий, мы имеем у него все же ряд формулировок, где он скатывается к внеисторической характеристике отдельных категорий.

Зибер соглашается с родбертусовским делением категорий на исторические и логические. Зибер писал: «...Родбертус успел подметить в экономической истории общества... постепенное изменение с течением времени тех учреждений, понятий и явлений, которые признавались до него частью неизменными и вечными, частью вышедшими во всеоружии на поприще истории. Установлением более или менее явственного различия между так называемыми *им историческими и логическими категориями* народной экономики наш автор впервые создает ту перспективу между кратковременными и долговременными, местными и все-

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, Собр. соч., т. 11, стр. 642.

² Н. И. Зибер, *Давид Рикардо и Карл Маркс...*, стр. 122.

общими хозяйственными явлениями, отсутствие которой отнимало так много веса у исследований классических экономистов и повело к забавным промахам последователей их «историков». Так, он вносит в науку весьма важное разграничение между капиталом самим по себе, т. е. орудиями производства, и капиталом историческим, или капиталом в собственном смысле слова, он признает меновую ценность, в отличие от полезности, не более как временную историческую категорией, он помещает ренту вообще на более ранней ступени истории, нежели поземельную ренту и прибыль, он следит шаг за шагом за развитием меновых соотношений и впервые кладет основания генетической теории денег¹.

Маркс и Энгельс считали родбертусовское деление категорий на логические и исторические праздною, схоластической игрой в дефиниции, которая является скрытой формой апологетики капиталистического хозяйственного режима. В «Замечаниях на книгу Адольфа Вагнера» Маркс писал: «Вся поверхностность Родбертуса выступает в этой противоположности «логического» и «исторического» понятия!»². Убийственную критику противопоставления категорий логических и исторических у Родбертуса, в частности в применении к капиталу, дает Энгельс в письме к К. Каутскому от 20 сентября 1884 г. Энгельс писал: «Р[одбертус]... придумывает более или менее несовершенное мысленное выражение и измеряет вещи этим понятием, по которому они должны равняться. Он ищет первичного, вечного содержания вещей и общественных отношений, содержание которых по существу преходяще. Таков его истинный капитал. Это—не современный капитал, который является лишь несовершенным воплощением понятия. Вместо того, чтобы из современного, единственно ведь только и существующего в действительности капитала выводить понятие капитала, Р[одбертус], желая от современного капитала прийти к капиталу истинному, прибегает к помощи изолированного человека и спрашивает, что же может в производстве подобного человека фигурировать в качестве капитала? Именно простое средство производства. Тем самым истинный капитал без околичностей смешивается со средством производства, которое, смотря по обстоятельствам, может быть или не быть капиталом. Таким образом, из капитала устранены все дурные, т. е. все действительные его свойства. Теперь Р[одбертус] может требовать, чтобы действительный капитал равнялся по этому понятию, т. е. функционировал только как простое общественное средство производства, сбросив с себя все, что делает его капиталом, и все же оставаясь капиталом, более того: становясь именно поэтому истинным капиталом»³.

¹ Н. И. Зибер, Карл Родбертус—Ягеллон, Собр. соч., т. II, стр. 529.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 474.

³ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), стр. 270—271.

Итак, Зибер разделяет родбертусовское деление категорий на исторические и логические, тем самым извращая марксово понимание исторического и логического.

Большое внимание уделяет Зибер анализу проблемы товара. По Зиберу, характерный признак хозяйств с разделенным трудом, под которым он понимает товарное производство,—это обмен. Здесь мы прежде всего встречаемся с неправильной трактовкой вопроса о товарном производстве.

По Зиберу, в товарном производстве или, как он его называет, в совокупности хозяйств, ведущих обмен, при полной как бы самостоятельности частных хозяйств имеется известный хозяйственный план.

В чем же заключается этот общий экономический план? Зибер дает следующий ответ: «Производить продукта столько и такого качества, сколько и какого требуется другими хозяйствами, и производить по средним техническим приемам, с затратой определенных количеств труда,—вот признаки, придерживаясь которых, каждая хозяйственная группа выполняет общественно-экономический план, вытекающий из существа господствующей экономической формы производства—разделения в обществе труда, создает *постоянные* условия снабжения общества продуктами»¹.

Выдвигая мысль, что товарное хозяйство характеризуется распределением труда в определенных пропорциях между различными отраслями производства, Зибер говорит о наличии здесь какого-то общехозяйственного плана. Плана, понятно, в условиях наличия стихийных закономерностей товарного хозяйства нет и быть не может; принудительные законы этого способа производства насильственно навязываются его агентам, формальная независимость которых дополняется их вещной зависимостью.

Обмен, по Зиберу, представляет собой не просто взаимную передачу полезных вещей, но и передачу вещей, в известном отношении между собой равных. И вот Зибер ставит вопрос: каким же общим экономическим качеством обладают обменивающиеся предметы, удовлетворяющие неодинаковым потребностям? На это он отвечает, что только труд может служить элементом, который подлежит сравнению.

Равенство сил и потребностей, по Зиберу, путем однообразного обмена предметов существования обуславливает известную хозяйственную устойчивость. «Но какая сила может поддержать,—спрашивает Зибер,—однообразие меновых случаев, без которого немислима экономическая устойчивость, следовательно немислимо и экономическое общество...»². Силой, которой держится хозяйственный строй, по Зиберу, является труд.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 43.

² Там же, стр. 82.

В другом месте Зибер говорит: «Раз признаю, что *разделение труда* есть наиболее важное условие обмена, то нет возможности отрицать, что естественное, уместное для общества мерило сравниваемых между собою продуктов—это труд».

Зародыши трудовой теории следует, по Зиберу, искать в древнейших обычаях первобытных народов, когда «общинный труд ведет к общинной, а отдельный труд к частной собственности». «Введение разделения в обществе труда не вносит никакой перемены в то основное, физиологическое начало первобытного и всякого иного экономического союза, что за трудом должно следовать потребление произведенного, поэтому неудивительно, что и обмен произведений развивается на том же самом начале труда, которое постепенно превращается в взаимное возмещение трудовых эквивалентов»¹.

По мере накопления историко-экономического материала становится очевидным, полагает Зибер, что отнюдь не гипотезой, но действительным универсальным фактом является обмен по принципу возмещения трудовых эквивалентов.

По Зиберу, «...труд представляет единственную силу, творящую не только богатство, но и экономическую, политическую организацию общества»².

То обстоятельство, что основой стоимости является труд, Зибер не доказывает ни методом от противного, ни привлечением статистического материала; Зибер говорит о труде как факторе, придающем обществу «устойчивость», он правильно связывает теорию стоимости с теорией общества.

В работах Зибера мы встречаем ряд высказываний об абстрактном труде, свидетельствующих о его понимании этой категории как категории социальной и исторической.

Он пишет: «Различие конкретных родов труда служит источником того качественного различия между продуктами, без которого немислим обмен. Но тот же обмен требует и количественного сходства и находит его в равенстве количеств труда, отвлеченного от конкретных свойств своих и представляющего общий человеческий труд, затрату мозга, мускулов, нервов и т. д.»³.

В своей статье против Чичерина Зибер связывает реализацию абстрактного труда с процессом обмена.

По Зиберу, «каждый отдельный вид труда в нынешнем обществе имеет специфический характер, доставляет специальную полезность, и только путем обмена, в котором приходится сравнивать равное с равным, этому специальному труду придается общечеловеческий характер—характер траты человеческой рабочей силы»⁴.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 83.

² Н. И. Зибер, Карл Родбертус—Ягцов, Собр. соч., т. II, стр. 53.

³ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 233.

⁴ Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 685.

Однако следует отметить, что у Зибера встречаются формулировки, где он говорит об абстрактном труде у Робинзона:

«Труд в этой форме—абстрактной, общей, равной во всех отраслях—существует и в робинсоновом и во всяком другом изолированном хозяйстве. Но меновое хозяйство отличается от последнего тем, что труд принимает в нем эту общую форму, делающую его общественным трудом, не иначе, как путем обмена. Каждый специальный труд отдельной отрасли общественного разделения труда становится общественным, т. е. выполняет свое назначение, только под условием, что находит выражение в продукте другого специального труда, что приобретает форму меновой ценности»¹.

Здесь Зибер скатывается на позиции внеисторической трактовки категории абстрактного труда.

Содержательна у Зибера характеристика категории общественного труда. Зибер различает труд непосредственно общественный и скрыто общественный. Зибер пишет: «В обществе с разделенным по отдельным хозяйствам трудом, где, во-первых, каждое отдельное хозяйство входит в меновые отношения с другими хозяйствами не иначе, как под условием сообщения своему продукту характера товара, где, во-вторых, известная средняя закономерность и планомерность хозяйственного строя выполняются единственно путем бесконечного ряда проверок и оценок,— труд становится общественным непременно при посредстве соотношений между ним и продуктами и непременно при посредстве всеобщего эквивалента. Здесь отношение между продуктами прикрывает собою отношение между отдельными работами и поэтому является в форме относительной ценности... Здесь каждый отдельный род труда не имеет непосредственно общественной формы, но должен еще приобрести ее с помощью превращения в такой продукт, которому природой отношений присваивается форма, годная для сравнения меновых пропорций остальных продуктов...»².

Труд же, воплощенный в деньгах, по Зиберу, становится непосредственно общественным. Ни Рикардо, ни последователи его, полагает Зибер, не обратили внимания на качественное различие между трудом, содержащимся в деньгах, и трудом, содержащимся в других продуктах, и не заметили, что только труд первого рода есть труд непосредственно общественной формы.

Механистические и субъективистические тенденции мы встречаем и в воззрениях Зибера на стоимость и меновую стоимость. В противоположность многим определениям стоимости, которые наделяют сами вещи способностью обмениваться, Зибер считает, что «единственный способ добиться правильной постановки и решения вопроса о ценности состоит... в том, чтобы...

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 230.

² Там же, стр. 237.

обратить исключительное внимание на отношения, возбуждавшие в умах людей представление о ценности, и рассмотреть действительные свойства этих отношений»¹.

Итак, по Зиберу, при анализе стоимости следует обратиться к анализу производственных отношений, теоретическим выражением которых она является.

Стоимость определяется Зибером как закон менового равновесия, как закон, «...по которому уравниваются части имущества, движущиеся из хозяйства в хозяйство...»².

Зибер часто отождествляет стоимость с трудом. Он пишет: «...Недостаточно сказать, что размеры обмениваемых продуктов, ценности... следуют за размерами труда, или *регулируются трудом*. Труд, а не продукт, оказывается основным элементом отношения. Сам *труд* есть ценность, говорит К. Маркс. Иными словами, труд является единственным *общественным* образователем тех пропорций, в которых происходят меновые акты. *Труду отводится, таким образом, роль не только регулятора, но также и образователя меновых размеров*»³.

У Зибера мы иногда встречаем формулировки, где он вообще сомневается в познавательном значении категории стоимости.

«Ценность Маркса *есть просто труд* и ничего больше, и мы решительно сомневаемся, чтобы не только абстракция ценности как таковой в обмене и от труда и от своей формы—меновая ценность—существовала когда-нибудь действительно, но чтобы и в настоящее время существовала какая-нибудь надобность в ее установлении»⁴.

Итак, категория стоимости не нужна потому, что за ней в действительности скрывается труд. Кроме того она в действительности не существует вне формы своего проявления—меновая стоимость. По Зиберу, в изолированном хозяйстве, под которым он понимает хозяйство плановое, организованное, имеются налицо все элементы стоимости. В совокупности же хозяйств с разделенным трудом, т. е. в хозяйстве меновом, возникает меновая стоимость.

По Зиберу, «меновые отношения немислимы без ценности, но ценность мыслима и без меновых отношений»⁵.

Элементы ценности «...состоят налицо и в хозяйстве, отнюдь не ведущем мены...»⁶.

Разница между изолированным и общинным хозяйством и хозяйством с разделенным трудом «...может заключаться только в появлении новой идеи о *меновая* ценности»⁷.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 15.

² Там же, стр. 7.

³ Там же, стр. 230.

⁴ Н. И. Зибер, Экономическая теория Маркса, стр. 75.

⁵ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 7.

⁶ Там же, стр. 48.

⁷ Там же, стр. 45.

Таким образом для взглядов Зибера характерен разрыв между стоимостью и меновой стоимостью. Он универсализирует категорию стоимости, объявляя ее приложимой и к тем общественным формациям, в которых нет обмена.

Меновую же стоимость он считает категорией, исторически обусловленной. Следует отметить, что ему ясна связь между меновой стоимостью и явлениями товарного фетишизма, он понимает, что меновая стоимость есть вещная форма приравнивания труда. Сравнивая хозяйство, сознательно регулируемое, с хозяйством, основанным на обмене, Зибер пишет:

«...В изолированном хозяйстве состоят налицо все элементы ценности, и... роль совокупности хозяйств с разделенным трудом выражается по отношению к этим элементам единственно в том, что здесь ценность определяется, выясняется... Здесь собственно возникает *меновая* ценность, т. е. особый способ изображения человеческого труда в продукте, принадлежащем другой отрасли промышленности. Разница эта касается, главным образом, не содержания отношений, а формы их, но, тем не менее, она имеет весьма важное значение. Она одна в состоянии бросить свет на то явление, что в совокупности хозяйств с разделенным трудом «личное отношение людей между собою прикрывается вещною формой». Относя продукты своего труда друг к другу в качестве товаров, люди на самом деле сравнивают только различные работы, находя общее для них выражение в человеческом труде. Но отношение это является замаскированным—отношением между собою продуктов»¹.

В своей полемике против Жуковского, комментируя учение Маркса о формах стоимости, Зибер пишет: «...*Свое* учение о ценности Маркс излагает совсем не от себя, а с точки зрения тех представлений, которые сложились в обществе об этом феномене. Заслуга Маркса, в этом случае, в том именно и заключается, что он вскрыл ножом научной критики генезис тех понятий, которые необходимо слагаются о ценности на почве существующих капиталистических хозяйственных явлений». Вообще нужно сказать, что Зибер не повял объективной стороны товарного фетишизма, объяснял его как иллюзорные формы мышления хозяйствующих субъектов. Это видно и из его объяснений форм стоимости, денег и других категорий. У Зибера мы встречаем ряд интересных замечаний по вопросу о формах стоимости, он рассматривает марксово учение о формах стоимости как обоснование необходимости денег. Зибер указывает, что в своем теоретическом анализе форм стоимости Маркс воспроизводит в дедуктивной форме грандиозный исторический материал; в ряде страниц своих работ Зибер приводит интересный фактический материал для иллюстрации абстрактных положений Маркса. Зибер пишет:

¹ Там же, стр. 236.

«...В единичном акте содержится в зародыше понятие денег, как всеобщего товара, и... выключение денег и предоставленные им особой роли, качественно отличной от других товаров, есть не что иное, как процесс *генетического развития обмена*»¹.

И в другом месте:

«Исследование генетического развития денежного обмена составляет в *Капитале* содержание учения о формах ценности»².

Однако формы стоимости он склонен рассматривать как фикции, как иллюзорные формы мышления, как исторически обусловленные представления агентов производства.

В следующей цитате субъективистическая трактовка форм стоимости представлена в концентрированном виде. Зибер пишет:

«Следя за постепенным усложнением денежного менового процесса, автор выясняет, каким образом отражаются в умах людей явления этого процесса, как сама историческая необходимость толкает их к спиритистической материализации своего же собственного конкретного и полезного труда под видом ценностей его продуктов, т. е. свойства, врожденного последним, и как, вследствие того, люди начинают поклоняться созданному ими самими идолу и всеобщему эквиваленту или золоту. Всю совокупность этих понятий, весь этот своеобразный и вполне необходимый исторически способ воззрения людей на свои собственные общественные отношения, принявшие вещную форму, Маркс характеризует названием *форм ценности*... Все эти формы в глазах Маркса представляют собою не реальные явления в их настоящем смысле, а только представления людей на данной ступени их экономического развития о своих собственных отношениях—всеобщие и установившиеся формы мышления известной эпохи. Одно уже это обстоятельство в состоянии снять с автора *Капитала* значительную долю обвинений в употреблении метафизических приемов при обсуждении этого предмета»³.

Итак, явления товарного фетишизма—субъективная иллюзия хозяйствующих субъектов, категории политической экономии отнюдь не реальны, они являются лишь фетишистическими представлениями людей.

Перейдем к анализу проблемы денег у Зибера. По Зиберу, Маркс сделал два крупных вклада в науку, которые он формулирует следующим образом: «...выяснение генетического развития денежного обмена и строгое обособление в исследовании специальных свойств различных денежных функций»⁴.

До Маркса, по мнению Зибера, денежный обмен никем не был понят в его истинном смысле «...вполне инстинктивного социально-экономического процесса, самостоятельно возник-

¹ Н. И. Зибер, Давид Ринардо и Карл Маркс..., стр. 190.

² Там же, стр. 213.

³ Там же, стр. 213—214.

⁴ Там же, стр. 212.

шего на различных концах земного шара, где только общественная кооперация принимала известные, соответствовавшие ему формы, и развивавшегося потом крайне медленно и постепенно¹. Деньги являются таким образом необходимым и неизбежным фактором процесса обмена. Деньги представляются Зиберу как самостоятельный вид богатства, возникновение которого связано со специфической потребностью общества «...во всеобщем эквиваленте для разнообразных самостоятельных родов труда»². В противоположность большинству буржуазных экономистов, которые возникновение денег связывают с затруднениями, возникающими в меновом процессе, Зибер вслед за Марксом считает, что «...деньги представляют не случайный, введенный только ради увеличения удобств, член общественно-хозяйственной системы, а напротив—безусловно необходимое, вполне интегральное звено всякого развитого общественного разделения труда... Глубокое и многостороннее разделение труда не может обойтись без денег, потому что в таком случае продукты, произведенные различными конкретными родами труда, потеряли бы всякую возможность обмениваться одни на другие и находить себе тот сбыт, который необходим при условии производства для удовлетворения чужим потребностям»³.

По Зиберу, деньги—единственный товар, который представляет собой материализацию непосредственного общественного труда.

«Содержащийся в деньгах частный и конкретный труд,— писал Зибер,—принимает непосредственно общественную форму, уравниваясь со всяким другим трудом. Все прочие товары, представляющие свою ценность в деньгах, не служат олицетворением непосредственно общественных работ»⁴.

Переходя к анализу функций денег, Зибер насчитывает у Маркса пять самостоятельных денежных функций: всеобщий товар, или орудие покупки, мерило ценности, орудие обращения, сокровище и орудие платежа. Что касается всемирных денег, то Зибер отказывает им в самостоятельной роли. Основной и главной функцией Зибер считает функцию всеобщего товара, которому он приписывает роль объединителя всего многообразия разнородных представителей товарного мира. В своей трактовке функций всеобщего товара Зибер скатывается на позиции, чуждые Марксу,—смещения функций денег с сущностью денег. Этой функции, которая, по Зиберу, устанавливает известную однородность между товаром и деньгами, он придает все свойства всеобщего эквивалента, разрешающего имманентные товару противоречия потребительской стоимости и стоимости частного

¹ Там же, стр. 213.

² Там же, стр. 239.

³ Там же, стр. 240.

⁴ Там же, стр. 235.

труда и общественного труда. В зиберовском анализе функций денег ценным является его понимание их взаимной зависимости, то, что они развиваются одна из другой.

Но если Зибер правильно указывает на необходимость денег, если Зибер подметил взаимную связь различных функций денег, то и на данной ступени анализа ему не удалось избежать субъективистических тенденций.

«...Маркс в учении о формах ценности и денег,—пишет Зибер,—говорит не от собственного своего имени, а от имени всего буржуазного общества, которое смотрит на этот предмет не только с метафизической, но даже с фетишистической точки зрения, т. е. приписывая материи и силам внешнего мира человеческие качества»¹. В ряде своих работ Зибер говорит о деньгах и различных функциях денег как о фикциях, представлениях людей. В своей статье против Ю. Жуковского Зибер писал:

«...Члены капиталистического общества сравнивают при обмене не самый труд, а материализацию этого труда, т. е. вещи, в которых он содержится. Но так как между вещами самими по себе не оказалось непосредственного сходства, то сделалось необходимым прибегнуть для сравнения к третьей вещи, которой и стало придаваться воображаемое метафизическое свойство товара-объединителя, всеобщего товара, мерила ценностей и пр. Вот в этом-то чисто умственном процессе и заключается то «примирение» противоречий, тот «синтез», который выразился в роли денег»². Оказывается следовательно, что разрешение деньгами внутренних противоречий товара является лишь мыслительным актом хозяйствующих субъектов. Мы наблюдаем здесь ту же методологическую ошибку, которая была совершена Зибером и при анализе категории стоимости. Зибер считает реальностью только сущность явлений, уравнивание труда, вещная же форма этого социального процесса представляется ему как фикция, как умственный процесс.

В своем анализе категории капитала Зибер констатирует факт более поздней ее разработки сравнительно с категорией стоимости. Причина—новые явления современной индустрии, находящейся в теснейшей связи с развитием постоянного капитала: удешевление продукта, широкое разделение труда, сбыт на отдаленнейшие рынки, экономические кризисы, колебания заработной платы. Зибер неоднократно говорит о том, что капитал—не вещь, а производственное отношение, исторически обусловленное.

Устанавливая связь между капиталом и обменом, Зибер пишет:

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 182.

² Н. И. Зибер, Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки», ноябрь 1877 г., стр. 40.

«Эта связь (между капиталом и обменом.—(А. Р.) состоит в том, что капитал входит, во-первых, в куплю-продажу с рабочей силой, которую он потребляет под видом прибавочных плодов ее обнаружения, над необходимыми средствами существования и воспроизведения рабочих, и, во-вторых, в продажу приготовленных рабочими товаров, которые на рынке, благодаря присутствию в них прибавочной ценности, оплачиваются дороже, чем если бы дело шло об оплате одних только жизненных средств рабочего. Вне договора купли-продажи рабочей силы по меньшей ценности ее самой, чем ее продукта, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому капитал не есть та или другая вещь в частности, а то вещное отношение между капитализмом и рабочим, которое дает первому возможность развиваться и богатеть насчет второго, в силу той чисто юридической особенности, главным образом, заимствованной из римского права, что кому принадлежит имущество, тому принадлежат и плоды от него (?)»¹.

Своим объяснением сущности капитала на основе специфических особенностей римского права Зибер ставит на-голову проблему соотношения права и экономики. В работах Зиберы мы встречаем содержательную критику ряда буржуазных теорий, однако он ставит на одну доску трактовку капитала у Маркса, Лассалья и Родбертуса. Зибер писал: «Тысячи раз прав Лассаль, когда он, вслед за Родбертусом и Марксом, утверждает, что капитал совсем не есть та или другая вещь, а, напротив, известное специфическое отношение между рабочими и хозяином в самом сердце капиталистического общества из-за вещей, производимых ими, продаваемых и накопленных. Вот почему довольно странно думать, что какой-нибудь лук дикаря вследствие того, что он может быть отдан в ссуду, представляет все основные признаки капитала в зародыше. Нет, лук есть только орудие производства, а машины и средства существования рабочих классов Западной Европы суть, кроме того, капитал, потому что их ценность и объем растут путем купли-продажи рабочей силы (а совсем не ссуды рабочим орудий производства)»².

Впрочем следует отметить, что Зибер не целиком соглашается с трактовкой капитала у Родбертуса, хотя мы видели, что он разделяет его разграничение между категориями логическими и историческими, в частности в применении к капиталу. Зибер считает не совсем правильным и удачным приводимое Родбертусом различие между запасом орудий и материалов изолированного производителя и капиталом современным; причина этой погрешности Родбертуса, что он «сам еще не умеет отде-

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 273—274.

² Н. И. Зибер, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 665.

латься как следует от распространенной привычки величать капиталом всякое орудие производства»¹.

Ошибки у Зибера мы встречаем и в его анализе постоянного и переменного капитала. С точки зрения капиталиста, а не общества в целом, полагает Зибер, орудия и материалы, а также средства существования сливаются в одну общую массу капитала. По Зиберу, деление капитала на постоянный и переменный и различие, проводимое между ними, являются результатом подхода к производству «...с точки зрения капиталиста, который привык олицетворять свое имущество и рассматривать именно его, а не живую работу, в качестве источника прибавочной ценности. Оттого-то мы и говорим, что, например переменная доля капитала воспроизводит сама себя, да еще с излишком, между тем, как постоянная не воспроизводит. В действительности, с точки зрения целого общества, не воспроизводит сам себя ни постоянный, ни переменный капитал,—а воспроизводится, и притом с излишком, только живая рабочая сила, и она же сохраняет прежнюю работу, употребляя в дело орудия, машины, материал и тому подобные мертвые предметы»².

В приведенной цитате Зибер неправильно указывает, что деление капитала на постоянный и переменный—это точка зрения капиталиста. На самом же деле эти категории не только не являются формами мышления капиталистов, но последние в лице своих идеологов всячески заинтересованы в противопоставлении делению капитала на постоянный и переменный, базирующемуся на роли капитала в процессе создания и увеличения стоимости, деления на основной и оборотный, исходящего из процесса обращения. Капиталисты заинтересованы в этой замене, ставя себе целью скрыть подлинные основы эксплуататорского механизма капиталистического способа производства.

Зибер вскрывает ненаучность теорий производительности капитала.

В капитале, по Зиберу, «независимо от труда, в нем содержащегося и который только переносится на товары и входит в состав их ценности, и не может лежать таинственного источника прибыли»³.

Однако он считает, что производительность капитала представляет собой лишь иллюзорную форму мышления, специфический «способ воззрения людей на свои особые же исторические взаимные отношения»⁴.

Зибер не понимает, что производительность капитала—не только заблуждение человеческого мышления, но что о производительности капитала можно говорить как об объективно су-

¹ *Н. И. Зибер*, Карл Родбергус—Ягцов, Собр. соч., т. II, стр. 559.

² *Н. И. Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 326.

³ *Н. И. Зибер*, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 668.

⁴ Там же.

ществующем производственном отношении, как о принудительной силе, побуждающей наемный труд производить стоимость и прибавочную стоимость. «...Капитал производит стоимость,— писал Маркс,— только как отнятая у труда и направленная против него же сила его собственных вещественных условий, т. е., вообще говоря, только как одна из форм самого наемного труда,—как условие наемного труда»¹.

В трактовке Зибером категории прибавочной стоимости следует прежде всего отметить его взгляд на эту категорию как на центр «Капитала», как на ядро этого монументального творения Маркса. Зибер пишет:

«...Теория происхождения чистого дохода или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения «Капитал», дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой»².

По Зиберу, то или другое решение вопроса о происхождении прибавочной стоимости характеризует собой не только отдельных экономических писателей, а целые экономические школы. Зиберу ясна преемственная связь между категорией стоимости и категорией прибавочной стоимости. Зибер превосходно понимает, что объяснение прибавочной стоимости неоплаченным трудом не постулат, не гипотеза исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений, а реальный факт, логический вывод из положения, что субстанцией стоимости является труд. По Зиберу, «...все те, кто соглашается, что регулятор меновых пропорций и создатель меновых ценностей есть человеческий труд, волею-неволею должен также согласиться и с логическим последствием этого учения—теорией прибавочного продукта и прибавочной ценности Маркса»³.

В работах Зибера мы встречаем интересные страницы, посвященные экономической и юридической «свободе» пролетариата. Зибер понимает, что классовое отношение между капиталистом и рабочим дано уже в сфере обращения, что один выступает как персонифицированный прошлый овеществленный труд, другой как носитель живого труда. Зибер резко полемизирует со взглядом Чичерина о равноправии капиталиста и рабочего; он развенчивает буржуазную трактовку юридической и экономической «свободы» рабочих.

Однако в трактовке категории прибавочной стоимости мы встречаем у Зибера ряд неправильных формулировок, вытекающих из непонимания им диалектического метода Маркса. Так например о необходимом рабочем времени мы у него читаем:

«Ту часть рабочего дня, которая посвящается этому воспроизведению, можно назвать *необходимым рабочим временем*,

¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. I, Партиздат, 1936 г., стр. 103.

² Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 303.

³ Там же, стр. 318.

а работу, происходящую в то время, *необходимую работой*. Слово «необходимый» имеет в этом случае одинаковое значение в применении как к рабочему, так и к капиталисту. Для первого оно необходимо потому, что не находится в зависимости от каких бы то ни было общественных форм производства; для второго же необходимо потому, что *постоянное* существование, увековечение рабочего есть основание самого капитала¹. У Зиберера иногда встречаются формулировки, где он склонен, как мы уже отмечали, правда, в условном смысле этого слова, говорить о стоимости и прибавочной стоимости в царстве животных. Говоря об откликах на «Капитал» в Германии, Зиберер писал: «...Рецензент задает Марксу, между прочим, следующий вопрос: «Мы бы желали, чтобы нам кто-нибудь, наконец, объяснил, почему пища, поступившая в желудок работника, служит источником образования прибавочной ценности, а пища, съедаемая лошадью или волком, не имеет такого же значения?». На заданный вопрос Зиберер отвечает: «Если бы такой «кто-нибудь» действительно нашелся, в чем автор рецензии заявляет решительное сомнение, то он, вероятно, объяснил бы дело так, что экономисты и социологи, к числу которых принадлежит и Маркс, имели до сих пор слабость думать, что главный предмет их исследований представляет человеческое общество, а не общество домашних животных, рогатых и иных, а потому и занимались тою прибавочною ценностью, которая производится человеком; займись они, подобно Дарвину, естественным образом, они, вероятно, нашли бы нечто вроде прибавочной ценности и у разных других животных — например у некоторых пород муравьев или пчел»². Маркс, неудовлетворенный ответом Зиберера, в своих заметках об этой статье писал: «Ответ, который Зиберер не находит: потому что в одном случае пища производит человеческую рабочую силу (людей), а в другом — нет. Стоимость... вещей есть не что иное, как отношение, в котором люди находятся друг к другу, как выражение израсходованной человеческой рабочей силы. Господин Рёсслер очевидно думает: если лошадь работает дольше, чем необходимо для производства стоимости лошадиной силы, то она создает стоимость таким же образом, как рабочий, который работает 12 часов вместо 6. В таком случае это имеет место и с каждой машиной»³.

¶ Немало интересных страниц посвятил Зиберер также разбору учений Маркса о кооперации и о машинном производстве. Если исследования Маркса о стоимости, о деньгах, о капитале, считает Зиберер, имеют одинаковое применение если не ко всей эпохе капитализма, то лишь к среднему его моменту, изображают «...существующие отношения этого способа обществен-

¹ Н. И. Зиберер, Давид Рихардо и Карл Маркс..., стр. 327.

² Н., Экономическая теория Маркса, «Знание» № 1, стр. 44.

³ Из черновой тетради К. Маркса, «Летописи марксизма», кн. IV, стр. 61.

ной продукции»¹, то лишь «...с учения о кооперации мы входим... в область философской истории капиталистической эпохи в ее целом...»². «Можно сказать без малейшего преувеличения, — заключает Зибер, — что эта попытка изобразить главные моменты постепенного развития новейших способов ведения общественного хозяйства является не только самой удачной, — как в методологическом, так и во всех прочих отношениях, — но также и первой в своем роде»³.

Указав, что экономисты не уделяют должного внимания проблеме кооперации, Зибер считает, что никто из них и не подозревал, что «...теория кооперации в обширном смысле слова является теорией самого общества, что она представляет, так сказать, остеологию общественной науки, кадры, в которых должно быть размещено все остальное содержание последней...»⁴.

Зибер обвиняет экономистов в смешении мануфактурного разделения труда с общественным разделением труда. Если Адам Смит и другие писатели XVIII в. возводили мануфактурное разделение труда «на высоту всеобщего типа этой формы сочетания работ», то это было естественно в их эпоху, когда господствовала мануфактура; аналогичные же ошибки, совершаемые позднейшими экономистами, являются весьма странными. Мануфактурное разделение труда, пишет Зибер, «... в действительности... представляет не более, как скоропреходящий исторический феномен»⁵.

«Возведя мануфактурный способ деления труда на степень самостоятельной эпохи в развитии капиталистической продукции, автор «Капитала» впервые совершенно ясно и наглядно, при помощи превосходного фактического материала, показал, что прогрессивное движение общества характеризуется в последнем счете не чем иным, как *определенными* изменениями в общественном сложении труда»⁶.

Переходя к учению Маркса о машинах и крупной промышленности, Зибер пишет, что оно «...представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что, если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу»⁷.

На первый план Зибер выдвигает «...характеристику машинной индустрии в качестве дальнейшего после мануфактуры периода в развитии капиталистической продукции»⁸.

¹ Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 357.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 358.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 359.

⁷ Там же, стр. 415.

⁸ Там же, стр. 415. Полемизируя с Чичериним, Зибер писал: «Никто из нас не слышал о существовании в древнем мире фабрик в нынеш-

Мануфактурная промышленность является переходной стадией между промышленностью ремесленного типа и крупной машинной промышленностью. «Нельзя ни на минуту допустить,—пишет Зибер,—чтобы фабричная индустрия с ее широкой технической и кооперативной основой, с ее всемирными сношениями и громадным накоплением капитала имела непосредственные корни в ремесленном устройстве... Гораздо больше шансов на осуществление имеет постепенный и незаметный переход сначала от ремесла к мануфактуре, а потом уже от мануфактуры к фабрике: одни условия тут неизбежно и логично порождаются другими: тут нет ни перерывов, ни скачков»¹.

Приведенная цитата характерна для методологических воззрений Зибера: путь от простой кооперации к фабрике, как и вообще поступательный ход мировой истории, это плавный эволюционный процесс, не знающий ни разрывов непрерывности, ни скачков.

Считая, что «...замена в последнем счете ремесла мануфактурой, а мануфактуры машинной индустрией есть общественный закон...»², Зибер в то же время указывает, что мануфактурное или фабричное производство отнюдь не представляет собой вполне обособленных, замкнутых периодов экономического развития; ремесло, мануфактура и фабрика могут существовать одновременно в одних и тех же отраслях производства. В качестве доказательства Зибер приводит фактический материал.

Говоря о влиянии машин на удешевление товаров, Зибер считает, что изложение Маркса лишь отчасти может претендовать на новизну. Однако после краткого анализа постановки этого вопроса у Рикардо Зибер вынужден признать, что «...никому из экономистов, не исключая и самого Рикардо, не удавалось до сих пор представить это дело в таком ясном и бесспорном свете, как это мы видим в исследованиях Маркса»³. Большой оригинальностью отличается, по Зиберу, та часть учения о машинах и крупной промышленности, где Маркс указывает на те специфические условия, при которых применение машин становится выгодным капиталисту. Если у Рикардо, отмечает Зибер, и имеется ряд интересных замечаний по этому вопросу, то все же он сомневается, «...чтобы Рикардо имел вполне отчетливое понятие о том различии, какое существует между употреблением машин в виде капитала и всяким иным употреблением их. Еще темнее должна была ему казаться та причина, которой обуславливается подобное различие»⁴.

Еще большего внимания заслуживает, по Зиберу, в «Капи-

нем смысле этого слова и обширного населения наемных рабочих» (Собр. соч., т. II, стр. 665—666).

¹ *Н. И. Зибер*, Давид Рикардо и Карл Маркс..., стр. 416.

² Там же, стр. 418.

³ Там же, стр. 435.

⁴ Там же, стр. 436—437.

тале» оценка результатов влияния крупной промышленности на положение рабочего класса. Некоторые разделы этой проблемы,—не говоря уже о том, что Маркс привлек массу неизвестных прежде фактов,—отличаются, по Зиберу, «...полнейшей самобытностью и новизною»¹.

Интересными и полными глубокого значения представляются Зиберу также исследования Маркса о влиянии машин на отношения рабочих к капиталу. Зибер пишет, что приводимый Марксом пример, имеющий целью показать, что «...перемещение части капитала из непосредственного производства на сооружение машин оставляет без дела и без средств существования не только тех рабочих, которые оказываются излишними при самых машинах, но, сверх того, и тех, которые занимались производством этих средств существования,—не оставляет ничего желать по ясности и убедительности»².

Если Зибер и говорил о техническом превосходстве крупного хозяйства над мелким и об исторической необходимости замены мелкой собственности крупной, он отнюдь не солидаризуется с оптимизмом ряда английских экономистов, которые полагают, что английская система консолидации мелкого фермерства в крупное—это последнее слово истории цивилизации.

«Не следует только забывать,—пишет Зибер,—что сладкие плоды процесса обобществления труда в европейском обществе достанутся лишь будущим поколениям, на долю же нынешнего выпадают одни только муки родов и болезни детского возраста»³.

Зибер считает, что на смену крупной поземельной собственности должны прийти более сложные формы. «...Чтобы крупная собственность была такою формою земледелия, которая должна бесспорно заменить собою мелкую, в этом позволительно сомневаться. Подобно этой последней она представляет лишь временную форму обладания землею, которая, в свою очередь, уступит место иным, более сложным формам»⁴.

О новых формах обладания землей Зибер говорит при анализе форм земледельческого хозяйства в Ирландии. С одной стороны, дробление ферм, введенное в Ирландии англичанами, является вредным по своим результатам как для общества, так и для фермеров, с другой—попытки улучшить земледелие путем консолидации ферм, усовершенствования систем обработки, введения машин... ложатся мертвым грузом на ирландский народ, которому придется в результате этих улучшений эмигрировать из страны.

¹ Там же, стр. 437.

² Там же, стр. 438.

³ Н. И. Зибер, Экономические эссе, Собр. соч., т. I, С.-Петербург 1900 г., стр. 429.

⁴ Там же, стр. 366.

Единственно правильным решением вопроса, по Зиберу, было бы «возможно широкое применение кооперативной формы труда, которая одновременно обеспечила бы ирландцам и преимуществу крупного хозяйства и соблюдение общих интересов»¹.

Эта концепция кооперативной формы организации сельского хозяйства находится в тесной связи с его общими воззрениями на перспективы развития капиталистического хозяйственного режима, в тесной связи с его общими социально-политическими воззрениями.

По Зиберу, капиталистический способ производства, который на известной ступени исторического процесса является его необходимым этапом, обречен на смену новой, более прогрессивной общественной формой. «Маркс,—пишет Зибер,—...на основании точнейших официальных и иных данных показывает, что капиталы все более и более сосредоточиваются в одних руках, что труд сосредоточивается вместе с ними и объединяется все более и более, что введение машин все более и более эмансипирует громадную долю человечества от пожизненной и наследственной принадлежности к определенным функциям, показывает все это и многое другое, в целом приходит к заключению, что капиталистическому производству предвидится со временем конец»².

Провозвестником нового общественного строя являются в частности кризисы, особенно современный ему экономический кризис, который грозит принять хронический характер. «...Если верить опытным людям, то последний кризис, по объему и распространению своего действия далеко оставляющий за собой все прежние, принимает уже хронический характер и, повидимому, является провозвестником совершенно нового экономического строя»³.

Смену капитализма новым экономическим строем Зибер представляет себе как чисто фаталистический процесс; в его схеме нет имманентных противоречий капитализма, которые на исторической арене проявляются в классовой борьбе. В его схеме нет пролетариата как класса, который является носителем нового, более прогрессивного общественного строя.

Ряд правильных замечаний, подкрепленных фактическим материалом из хозяйственной жизни Западной Европы, мы встречаем у Зибера по вопросу о соотношении мелкого и крупного производства в промышленности и земледелии. Зибер писал: «Любая исторически установившиеся формы производства слепо, круто, бессознательно, наподобие наводнения, землетрясения и других необузданных сил природы и порождая целый ряд

¹ *Н. И. Зибер*, Аграрный вопрос в Ирландии, Собр. соч., т. I, стр. 291—292.

² *Н. И. Зибер*, Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина, Собр. соч., т. II, стр. 677.

³ *Н. И. Зибер*, Карл Родбертус—Ягцов, Собр. соч., т. II, стр. 533.

в высшей степени шатких и гибельных последствий для насущных интересов многочисленных классов общества, крупное хозяйство все же должно быть рассматриваемо в целом как явление прогрессивное и много обещающее в будущем. Правда, можно было бы сказать почти без преувеличения, что для настоящего времени принесенный им вред почти равносильен полученной от него пользе, если бы только можно было сравнивать столь неодинаковые вещи. Но при всем том все более и более выясняется тот факт, что только в крупном хозяйстве и в нем одном содержится источник благополучия грядущих поколений как по отношению к уравнению борьбы классов, так и многостороннему развитию свободной человеческой личности¹.

Зибер прямо говорит, что борьба крупного производства с мелким в земледелии подчиняется тем же законам, что и в промышленности. Он пишет: «...Отношение крупного земледелия к мелкому есть совершенно такое же и ведущее к тем же результатам, как и отношение крупной промышленности к ремеслу. Только самый прогресс поглощения крупным производством мелкого совершается в этой области более медленным и искусственным путем... Если мелкая собственность держится еще в некоторых странах так упорно, то единственно потому, что ей до поры до времени благоприятствуют многие специальные условия»².

В одном месте он указывает на освобождающее действие машины, которое приведет к новому обществу, где не будет классовой борьбы.

Однако новый общественный строй Зибер мыслит не как социализм, о котором писали классики марксизма и строительство которого немисливо без диктатуры пролетариата. Новый общественный строй он мыслит себе в результате плавного, эволюционного развития капитализма, в котором произойдет социализация производства, «демиургом» этого нового строя будет междугосударственный конгресс буржуазных правительств. Ход аргументации Зиберера можно представить следующим образом. Капитализм как определенный вид общественной солидарности является определенной, исторически необходимой фазой в развитии человечества.

«Тот вид общественной солидарности, который обеспечивает возможность существования целого только благодаря ежедневной, ежечасной *bellum omnium contra omnes*, существования под всегдашним опасением остаться без работы, быть обойденным, оттиснутым слепую общественною необходимостью, не может служить идеалом ни для отдельных лиц, ни для обще-

¹ Н. И. Зибер, Экономические эскизы, Собр. соч., т. I, стр. 430 (курсив мой.—А. Р.).

² Там же, стр. 465 (курсив мой.—А. Р.).

ственных союзов, а может представлять собой одну лишь историческую ступень в развитии человечества¹.

В результате концентрации и централизации капитала возникнут монополистические союзы более общие, нежели само государство. Это означает, что «тесная кооперация обнимет с течением времени все большее и большее число людей и все с большего и большего числа сторон»². В качестве примера Зибер ссылается на французские и американские железные дороги, на французскую спичечную компанию, plombьерские воды, компании парижских омнибусов и др. Зибер говорит о «социализации производства», порождаемой развитием крупной промышленности. *«Социализация производства находится в логическом и историческом противоречии с теорией свободы торговли. Крупная промышленность, крупная торговля есть приближение к государственной монополии, а не к свободному соперничеству»*³. Зибер пишет о государственной монополии, которая должна сменить частную монополию: «...Процесс объединения американских железных дорог достиг уже такой степени, когда на место частной, своекорыстной и вредной для общества монополии должна стать монополия государства. Недалеко от того же положения находятся и некоторые европейские железные дороги»⁴.

И наконец в последнем звене схемы Зибер исходит из международной обстановки, когда в результате мировой конкуренции приостановится процесс накопления капитала и международный конгресс организует новый строй. Он пишет: «...Если... столкновение всех европейских стран на общем рынке в связи с другими обстоятельствами понизит число рабочих часов на фабрике и доведет до *minimum*'а накопление, а с ним и эту форму власти, то междугосударственный конгресс правительств немедленно же должен будет положить начало совершенно новым юридическим порядкам»⁵. Таким образом экономические воззрения Зибера увенчиваются буржуазной схемой нового социального строя, где будут преодолены противоречия капитализма, но где останутся неизблемыми основы этого хозяйственного режима.

Подведем итоги нашему исследованию. Интерес к «Капиталу» в России 70-х годов, в частности появление работ Зибера, объясняется тем обстоятельством, что вопрос о судьбах капитализма в России стал актуальной социально-политической про-

¹ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, Собр. соч., т. II, стр. 640.

² Там же, стр. 629.

³ Н. И. Зибер, *Экономические эскизы*, Собр. соч., т. I, стр. 473 (курсив мой.—А. Р.).

⁴ Там же, стр. 446.

⁵ Н. И. Зибер, *Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина*, Собр. соч., т. II, стр. 619.

блемой, что проблема «язвы пролетариата» волновала русскую общественную мысль. С именем Зибера связана интересная страница в истории русской экономической мысли. В то время как западноевропейская буржуазная наука и публицистика встретили «Капитал» «заговором молчания», киевский профессор Николай Иванович Зибер с кафедры университета самодержавной России 70-х годов и в легальной печати излагал экономическое учение Маркса. В отличие от буржуазных «критиков» «Капитала» — имя им легион — Зибер резко выделяется своей высокой оценкой экономического учения Маркса и пониманием ряда экономических категорий. Заслуга Зибера заключается в том, что он в России 70-х годов выступал в роли приверженца экономического учения Маркса, подвергая антикритике вульгарных критиков Маркса — Жуковского и Чичерина, хотя и не всегда с правильных позиций.

Маркс высоко ценил работу Зибера как один из первых откликов крупного экономиста на «Капитал», как первую попытку указать преемственную связь между «Капиталом» и классической политической экономией. В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркс так отзываясь о книге Н. И. Зибера: «Еще в 1871 г. Н. Зибер, профессор политической экономии в Киевском университете, исследовал в своей работе «Теория ценности и капитала Д. Рикардо» основные положения моей теории стоимости денег и капитала, рассматривая их как необходимое дальнейшее развитие учения Смита-Рикардо. При чтении этой ценной книги западно-европейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто теоретической точки зрения»¹.

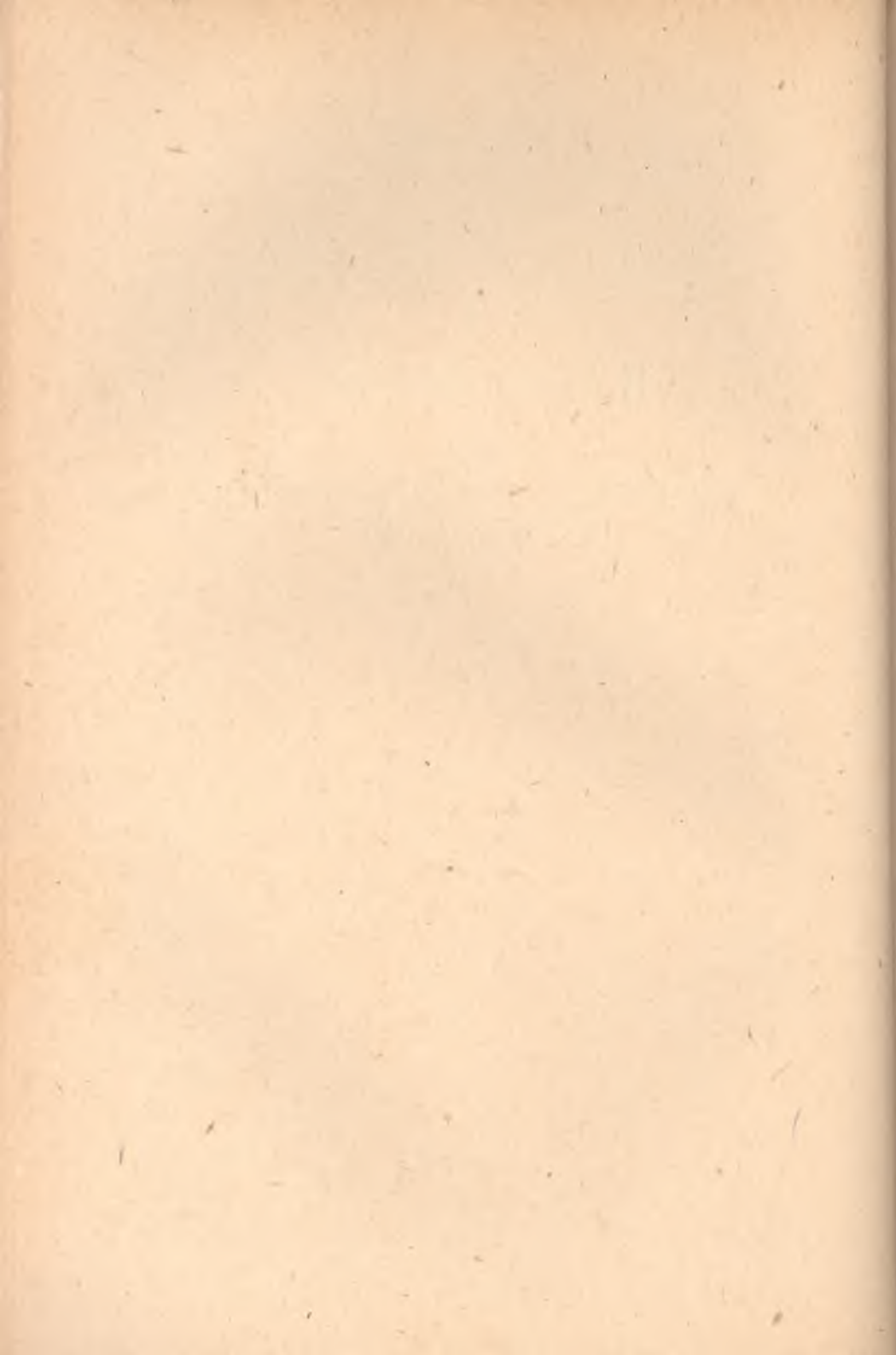
¹ Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. XIX.

Н. И. ЗИБЕР

ДАВИД РИКАРДО
И
КАРЛ МАРКС

В ИХ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Теоретические исследования Рикардо пользуются в экономической литературе столь давнею и столь прочно установленною известностью, что, казалось бы, не существует никакой надобности в дальнейшем уяснении их значения. Но ближайшее рассмотрение дела разубеждает в этом. Главнейшая часть научной репутации Рикардо основывается на том, что в его трудах нашли себе оригинальное решение некоторые отдельные хозяйственные вопросы—об источниках происхождения поземельного дохода, об устройстве денежного обращения, о налогах,—всего больше поглощавшие в его время внимание и писателей, и публики. Эти-то отдельные изыскания Рикардо и служили предметом обсуждения как в общеэкономических трактатах, так и в специальных сочинениях по тем или другим хозяйственным вопросам. Что же касается той синтетической связности, какую придал Рикардо всей совокупности своих экономических исследований, того превращения науки в калейдоскоп,—употребляя счастливое выражение Baumstark'a,—который при каждом повороте обнаруживает *новые* удивительные картины, состоящие из *прежних* элементов, тех методологических приемов, которые положены им в основу научных построений,—то относительно всех этих предметов трудно найти в экономической литературе сколько-нибудь обстоятельные указания и разъяснения. Если не считать довольно поверхностного, по нашему мнению, исследования о Рикардо Дюпюиода в его «Economistes Contemporains», то существует, кажется, всего только два сочинения, в которых подвергаются оценке не отдельные положения Рикардо, а важнейшие части его системы в их взаимной связи, именно, «Erläuterungen über Ricardo's System» *Баумштарка* и «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке» Ю. Жуковского (Совр. 1864 г.). Но, соглашаясь в некоторых вопросах с авторами двух названных трудов, мы нашли однакоже, что рассмотрение доктрины и методологических приемов Рикардо может иметь несколько отличные точки исхода, а, следова-

тельно, и вести к несколько иным выводам, нежели те, какие сделаны в этих сочинениях. Труд наш представляет попытку, во-первых, указать на соотношение между приемами исследований Рикардо и его школы, и некоторыми общими правилами наблюдения экономических явлений, значение которых, по нашему мнению, рано или поздно должно быть непременно признано и утверждено в науке, во-вторых, обнаружить ту внутреннюю и непрерывную связь, которая существует между учением Рикардо о ценности и капитале—[важнейших частях его доктрины]¹,—и новейшими исследованиями о тех же предметах.

Мы нашли необходимым избрать в своем исследовании средний путь между сравнительной и безотносительной оценкой теории ценности и капитала Рикардо и его последователей. Поступая таким образом, мы руководствовались тем соображением, что при нынешнем состоянии экономической науки, с одной стороны, слишком велика еще область вопросов спорных, при рассмотрении которых неудобно уклониться от сопоставления различных и часто противоречащих одно другому мнений экономических писателей, с другой, по весьма многим вопросам не высказано еще последнего слова, и, следовательно, понятна необходимость проводить параллель между тем или другим существующим решением вопроса и возможным его решением.

Рикардо занимается, как известно, не только уяснением [состояния ценности и капитала]², но также и движения их, которое он ставит в зависимость от истощения земли и увеличения населения. Этот второй отдел его исследований оставлен нами совершенно в стороне, так как [новейшие исследования, о которых у нас идет речь в XII и XIII главах, совершенно изменили природу постановки всех вопросов этого рода и самое их решение]³.

Сочинение наше от начала до конца носит исключительно отвлеченный, теоретический характер. Мы отнюдь не думаем, чтобы ряд абстракций от наиболее общих и простых хозяйственных явлений мог иметь значение полной теории предмета, а не простой канвы, основы, которая станет научною тканью не прежде, как в результате целого ряда дальнейших, более частных и сложных обобщений. Но будучи того мнения, что в сфере общих экономических вопросов остается еще решить весьма и весьма многое, мы старались не касаться частных и сложных хозяйственных фактов, оставляя за собою право обратиться к ним в другое время⁴.

Астор.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Ввиду того, что первое издание сочинения нашего «Теория ценности и капитала Давида Рикардо в связи с позднейшими разъяснениями и дополнениями» разошлось, а, между тем, требования на него со стороны читающей публики не прекратились, мы решились приступить ко второму изданию его. Знакомый с первым изданием читатель несомненно найдет в новом многочисленные изменения и дополнения, которые в значительной степени способствуют улучшению и большей полноте развития содержания книги. В первом отношении мы старались уяснить общий ход исследования, а во втором прибавили к тексту нового издания несколько новых глав, и целый ряд отдельных замечаний в различных местах книги, не считая переделки в изложении некоторых учений. Все это несомненно способствовало общему увеличению объема книги, хотя, как мы надеемся, не в чрезвычайной степени.

Астор.

ГЛАВА I

О ЦЕННОСТИ ВООБЩЕ И ОБ ЕЕ ЭЛЕМЕНТАХ

Адам Смит в своем «Богатстве народов» приступает к исследованию о происхождении и распределении различных отраслей дохода не прежде, как изложив предварительно учение о ценности. Примеру своего учителя последовали в этом отношении важнейшие представители английской школы—Рикардо, [Дж. Милль]⁵, Мак-Куллох. Большая часть новейших писателей, предпосылая учению о ценности ряд общих понятий о предмете политической экономии, о производительных силах и т. п., также соблюдает принятый Смитом порядок расположения означенных частей науки*. Только Дж. Ст. Милль, не переставая быть верным последователем классиков-экономистов по многим основным вопросам науки, нашел, тем не менее, возможным изменить общепринятый ход изложения экономических понятий. Учению о ценности он отводит место лишь в третьей книге своих «Оснований». Но, во-первых, он сам сознается**, что не мог избежать надобности касаться теории ценности и в предыдущих книгах, во-вторых, ему приходится вследствие принятой им системы говорить по два раза*** и о других предметах,—раз при предположении обмена, другой раз при отсутствии его. Пример Дж. Ст. Милля нашел подражателя в последователе его Фоусетте («Manual of politic. economy»).

Что касается другой особенности [классической экономии]⁶, именно той, что учение о ценности она предпосылала не только теории дохода, но и теории капитала, то современные эконо-

* Мы не говорим о тех экономистах, для которых, по выражению Бастиа, — «l'échange c'est l'économie politique»; они не следуют, да и не могут следовать никакому порядку в изложении науки: о чем бы они ни заговорили—о капитале, кредите или доходе,—обмен и ценность у них не только на первом плане, но и поглощают собою все остальные экономические явления.

** «Основания», стр. 491.

*** Например в гл. XVI второй книги он говорит о ренте вне обмена, в гл. V третьей книги о ренте при существовании обмена.

мисты, большею частью, наблюдают обратный порядок в этом отношении.

Спрашивается теперь, какие внутренние причины побудили [Смита]⁷ и Рикардо приступить к объяснению важнейших феноменов производства и распределения богатств не прежде, как объяснив предварительно закон, которому подчиняются эти богатства при обмене? Не мешает при этом заметить, что школа физиократов, заявляя подчас весьма здравые понятия об указанном законе, за незначительными исключениями (Le Trosne), трактовала о ценности только мимоходом, при разъяснении основной своей идеи — о производительности земледелия. Что касается некоторых других экономических писателей XVII и XVIII веков, то если мы не ошибаемся, расположение различных частей науки не было у них осуществлением строго обдуманного плана, а напротив, представляло довольно хаотический беспорядок, соответствовавший тогдашнему состоянию экономических знаний. Это следует заметить о Bois-Guillebert^e, Condillac^e, Cantillon^e, Low, Locke, Petty и других.

Прежде всего не надо упускать из виду, что систематическая наука об общественном хозяйстве сложилась в такое время, когда меновые интересы стали представлять господствующую форму народноэкономических интересов. Только сквозь призму ценности, закона, по которому уравниваются части имущества, движущиеся из хозяйства в хозяйство, стало возможно рассматривать условия и порядок производства и распределения продуктов. Прежде чем приступить к анализу производственных и распределительных отношений хозяйств, *разделивших* между собою *труд*, необходимо было узнать свойства аппарата, благодаря которому хозяйства эти не остаются изолированными, а продолжают составлять общественное целое. Учение о ценности явилось^{*} поэтому в глазах классиков-экономистов самым общим отделом политической экономии, при помощи которого только и могли быть объясняемы другие части науки^{*}. Неудивительно, что вследствие такого воззрения на экономические отношения, само учение о ценности приурочивалось к обмену гораздо сильнее нежели сколько имело на то права. Меновые отношения немислимы без ценности, но ценность мыслима и без меновых отношений.

Независимо от указанной причины, порядок исследования, принятый [Смитом]⁸ и Рикардо, быть может, следует приписать еще одному обстоятельству. Тесная связь между некоторыми феноменами капитала и денежным хозяйством не только не была ясна представителям классической экономии, напротив, они ставили себе в заслугу опровержение существования этой

^{*} К некоторым отделам науки об общественном хозяйстве этот взгляд на дело применяется безусловно, например к учению о ренте, как о *доходе*, которое не может быть разъяснено безошибочно, если не принять в расчет закон ценности. См. напротив Дж. Стюарт Милль «Основания», гл. XVI.

связи в том виде, в каком указывалась она меркантилистами. Но верный в других случаях инстинкт, вероятно, не оставил и здесь основателей науки, и потому они не решились браться за разработку явлений капитала и дохода, не установив предварительно правильного понятия о ценности и обмене.

Противоположный порядок расположения учений о ценности и капитале у большинства остальных экономистов и учений о ценности и доходе у Милля и Фосетта составляет, кажется, следствие той теоретической схемы, на основании которой производство признается основным хозяйственным фактом, обмен же второстепенным, подчиненным. В общем смысле схема эта совершенно верна и гораздо более способствует разъяснению целого ряда экономических явлений, чем отождествление обмена с производством (Маклеод), построенное на поверхностной аналогии; но при исследовании отношений денежного хозяйства она не должна препятствовать такой градации в расположении отделов, которая обеспечивает наиболее ясное понимание народнохозяйственного целого и взаимной зависимости частей его.

Не входя пока в более подробное рассмотрение вопроса о том, почему изложение учения о ценности должно предшествовать учениям о капитале и доходе, мы последуем однакож этому порядку в настоящем сочинении. Лишь разъяснение природы и функций капитала [и дохода]⁹ может бросить на этот вопрос столько света, сколько необходимо для удовлетворительного разрешения его.

* * *

«Название», говорит Дж. Стюарт Милль в своей «Логике»*, «не присваивается разом и преднамеренно классу предметов, а сначала придается одной вещи и потом распространяется рядом переходов на другие и дальнейшие вещи. Этим процессом... название нередко переходит по последовательным звеньям сходства от одного предмета к другому, пока его не начнут прилагать к вещам, не имеющим ничего общего с первыми вещами, которым название было дано. Они, впрочем, не теряют вследствие этого прежнего названия, так что название означает, наконец, беспорядочную кучу предметов, не имеющих ничего общего и не соозначает ничего... Его можно сделать пригодным, только отняв у него часть его многообразных значений и ограничивая его применение предметами, обладающими некоторыми общими свойствами, соозначение которых можно ему придать. Таковы неудобства языка, который не сделан, а развился».

Нечто подобное случилось в политической экономии с большею частью тех названий, которые она придавала хозяй-

* «Система логики», т. I, стр. 185.

ственным явлениям, хотя и нельзя сказать, что названия эти в настоящее время достигли такого состояния, когда следует отказать им во всяком содержании. Приводимый ниже ряд определений ценности оправдывает мысль Милля, что путем постепенного перехода от одной вещи к другой название может наконец означать — «беспорядочную кучу предметов». Правда, все эти предметы находятся между собою в *родстве*, хотя подчас довольно отдаленном; но, чтобы возвратиться общему их названию годности научного термина, следует отнять у него «часть его многообразных значений и ограничить его применение предметами, обладающими *общими* свойствами». В противном случае недалеко то время, когда экономисты перестанут понимать друг друга, а экономические термины перестанут «соозначать что-либо».

Ценность, деньги и капитал, предметы, исследованию о которых посвящено наше сочинение, издавна служат пробным камнем для бесчисленного множества экспериментов, производимых с целью уяснить природу и условия этих хозяйственных явлений. Каждый новый термин, новая точка зрения на этом пути ни мало, впрочем, не доказывают, что все предыдущие точки зрения и термины были неверны, а скорее подтверждают ту истину, что пока воззрение на известный предмет не исчерпывает всех его свойств, до тех пор не может быть и речи о полноте определения и безысключительности той или другой точки зрения. Мы, тем не менее, твердо убеждены, что научное определение и научная точка зрения на предмет — немислимы в десятках экземпляров, и что *ни одно* из указанных экономических явлений, несмотря на их неопределенность, не в состоянии уклониться от правильного исследования.

Вот ряд определений ценности, взятых нами на выдержку из экономических писателей.

Adam Smith, *Wealth of Nations*, т. I, гл. IV, стр. 13: «Предстоит рассмотреть законы, которым естественно следуют люди при обмене товаров... Законы эти определяют то, чему может быть дано название *относительной* или меновой ценности товаров. Слово ценность имеет два различных значения; иногда под ним разумеется полезность предмета, иногда власть (*power*), предоставляемая предметом купить за него другие предметы. Первая может быть названа ценностью потребления, вторая — *меновою*». Итак, меновая ценность произведений, о которой потом в сотне мест говорится, что она есть не что иное, как самый *продукт*, получаемый в обмен*, — здесь оказывается только *властью* покупать.

* См. особенно II, III и IV книги; например стр. 161 (Ed. M.-Cull.): «Равные капиталы приведут в действие различные количества труда и неодинаково *увеличат* ценность годового производства», *ibid.*; капитал фабриканта «присоединяет несравненно *большую* ценность к годовому производству земли и труда», нежели капитал оптового торговца.

Ricardo, Oeuvres, стр. 7: «В детстве обществ меновая ценность вещей, или *правило*, устанавливающее *количество* одного предмета, которое должно дать в обмен за другой, зависит единственно от сравнительного количества труда» и т. д. Меновая ценность—правило, т. е. нечто внешнее самим предметам, вступающим в обмен. В другом месте (стр. 5—6) Рикардо следует определению Смита как ценности потребления, так и меновой.

Malthus, Principes, т. I, стр. 43—45: «Ценность потребления есть не более как фигуральное выражение. Ценность меновая *основана*, как указывает слово, на желании и возможности обменять одну вещь на другую». Меновой ценности не дано никакого определения.

Senior, Principes, стр. 90—91: «Ценность, по моему мнению, означает *способность* вещи быть отданной или полученной в обмен за другую, или, если изменить выражение, быть отданной взаймы (?) или проданной, занятой или купленной». «Невозможно говорить о ценности вещи, не относясь прямо или косвенно к одной или многим другим вещам, в которых должна быть исчислена ценность первой». «Причины, определяющие взаимную ценность вещей, суть двоякого рода; дающие *полезность* и ограничивающие количество той и другой вещи». Опыт смитово определение меновой ценности, полезность же как у Мальтуса, признается самостоятельным свойством предмета, не имеющим общего с меновой ценностью происхождения.

James Mill, Eléments d'Economie politique, стр. 88; Section II: De ce que détermine la valeur échangeable des produits c'est-à-dire la *quantité* à donner d'un produit quelconque en échange d'une certaine quantité d'un autre produit». Ценность—количество одного продукта, получаемое в обмен за другое.

M. Culloch, The principles of p. econ., стр. 290: «Я старался показать... что ценность благ и их полезность суть совершенно различные качества и не могут быть смешиваемы... продукт полезен или обладает полезностью, когда он имеет способность возбуждать, удовлетворять человеческие желания». Ibid. (стр. 291): «Способность к обмену или к покупке других вещей есть *внутренняя* способность всех продуктов, которые будучи спрашиваемы не существуют в то же время в неограниченном количестве (spontaneous)». Ibid. стр. 292: «Никакой товар или продукт не может иметь меновой ценности *вне отношения* к какому-нибудь другому продукту, который обменивается или может быть обменян на него». Взгляд на полезность тот же, что у Мальтуса и Сениора, на ценность—тот же, что у Смита, с весьма важным прибавлением о *внутренней* способности вещей к обмену.

Джон Стюарт Милль, Основания политической экономии, стр. 443: «В отрывке, очень часто цитируемом, Ад. Смит кос-

нулся заметнейшей стороны двусмыслия в слове ценность: в одном смысле оно означает полезность, а в другом покупательную силу»; «слово ценность, употребляемое без дальнейшего определения, всегда означает в политической экономии меновую ценность». Ibid. стр. 414: «Под ценностью или меновой ценностью вещи мы станем понимать ее *общую покупательную силу, размер той возможности*, которую она дает своему владельцу приобретать товары *вообще*». Решение вопроса то же, что у Смита, Мак-Куллоха, за исключением одной новой черты, именно признания за вещами, имеющими ценность, — *общей* покупательной силы.

Storch, Cours d'Economie Politique, т. I, стр. 56—57: «Качество, которое делает вещи способными удовлетворять нашим потребностям, называется их полезностью. Но полезность вещей не проявляется сама: ее нужно открыть. Это дело суждения (judgement)». «Приговор нашего суждения над *полезностью* вещей *устанавливает их ценность* и делает их благами». Ibid. стр. 60: «Мы видели, что ценность не есть *внутреннее* свойство вещей, но что она вытекает из нашего суждения». Ibid. стр. 84: «Когда введен обмен, полезные вещи или ценности, которыми мы обладаем, могут служить нам двояким образом, прежде всего *непосредственно*, когда мы их употребляем для себя, затем *косвенно*, когда мы употребляем их для обмена на другие ценности». «Вещь получает непосредственную ценность в глазах своего обладателя, когда он предназначает ее для своего собственного употребления или пользования». «Вещь получает ценность посредственную или косвенную в глазах своего обладателя, когда он предназначает ее для обмена». Ibid. стр. 85: «Вещи, которые могут обмениваться одни на другие, *имеют ценность меновую*». Собственно говоря, Шторх не дает ценности никакого определения, а только пытается выяснить условия, при которых возникает ценность.

Lotz, Revision der Grundbegriffe etc., т. I, стр. 13: «Ценность означает не что иное, как *степень* годности блага, как средства для человеческих целей». Ibid. стр. 14: «Человеческий дух может определить ценность блага в двояком отношении: во-первых, независимо от других благ, во-вторых, относительно других благ, обладающих ценностью. В первом случае он судит о годности блага, как средства для человеческих целей вообще; в последнем случае он сравнивает годность одного блага с годностью другого». Ценность первого рода, велед за гр. Соденом, Лоц называет положительную, второго — сравнительную. Ibid. стр. 16: «Сравнительная ценность имеет начало в сравнении... самостоятельна только положительная ценность». Эти два вида ценности, означающей, сколько можно понять, просто полезность, в смысле Шторха, обнимают по Лоцу ценность потребления и меновую; признак первой есть годность блага, как средства для одной или многих определенных

целей известного индивидуума, обладающего благом; вторая — годность блага к доставлению владельцу его какого-нибудь другого блага путем обмена (стр. 20). Та и другая бывают и положительная и сравнительная (стр. 34). «В природе вещей лежит причина того, что о благах и вещах имеющих ценность, может быть речь только в *субъективном* отношении» (стр. 37). Меновая ценность является у Лоца просто *видом** полезности, о которой произнес свой приговор человеческий разум. Сама же полезность не составляет даже и величины, а только часть ее; *степень*, хотя степень может быть не только сравнительная, но и положительная (?).

К этой же категории определений ценности относится и определение Рошера (Principes de l'économie politique, т. I): «Мы называем ценностью *степень* полезности, которая возвышает какой-нибудь предмет в ряд благ. Рассматриваемое с точки зрения того, кто хочет им воспользоваться непосредственно... благо является в виде ценности потребления» (стр. 6). «Меновая ценность блага или *способность* его быть обменываемым естественно вытекает из ценности потребления, но не параллельна ей» (стр. 7). «Следовало бы, однакоже, различать между ценностью потребления и полезностью, и ценностью меновой и меноспособностью» (ibid. пр. 1). Ценность и полезность опять в сущности одно и то же, но первая, сверх того, есть способность предмета быть обменываемым и в то же время ее следует отличать от этой способности.

Schäffle, Das Gesellschaftliche System etc., стр. 8: «Ценность—это мера полезности, существующая в человеческой оценке,—*значение* благ для хозяйственного сознания...». «Ценность бывает разного рода». «Так как в общественной системе хозяйства не каждый человек сам производит все нужные ему полезности, но каждый изготовляет запасы полезностей для употребления других, то количества этих различных запасов обмениваются одни на другие и уравниваются в *обмене*». Ibid. стр. 55: «Если ценность потребления должна иметь определенный народноэкономический смысл... то она может представлять лишь *значение* блага при потреблении, если обращено внимание на пожертвования, которых оно стоит».

Bastiat, Harmonies économiques, стр. 129: «Итак, я говорю, ценность есть отношение промениваемых услуг». Ibid. стр. 135: «Оставим вещам свойства принадлежащие им: воде, воздуху, *полезность*, услугам *ценность*. Скажем: вода полезна потому, что имеет свойство утолять жажду, услуга ценна (vaut) потому, что составляет предмет соглашения, установившегося после спора».

* Для этого, разумеется, нужно было смешать под видом *употребления* две такие совершенно различные вещи, как *передача* предмета из рук в руки и *потребление* его, т. е. действительное уничтожение его формы.

Carey, Manual of Social science, стр. 82: «Наш Круже... придав форму луку или сделавши лодку, приобретает немного животной пищи, которой, вследствие трудности приобретения ее, он придает большое значение, и здесь-то мы находим идею ценности, представляющую не что иное, как нашу оценку сопротивления, которое мы должны преодолеть прежде, нежели вступим в обладание желаемой вещью». Ibid. 95: «Полезность есть мера власти человека над природой, ценность есть мера власти природы над человеком».

Мы могли бы увеличить этот ряд определений и найти еще немалое число таких, которые значительно отличаются от приведенных. Но достаточно и этих. Мы узнали, что ценность есть способность предмета быть обмениваемым, правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно быть дано в обмен за другой, количество одного продукта, получаемого в обмен за другой, *внутренняя* способность к обмену, общая покупательная сила, свойство, вытекающее из нашего суждения над полезностью, а отнюдь *не внутреннее*, косвенная полезность, степень полезности, значение блага для хозяйственного сознания, отношение между промениваемыми услугами, мера власти природы над человеком!* Несмотря, однако, на все это разнообразие, нетрудно заметить, что английские писатели явно отличаются от немецких своим объективным взглядом как на полезность, так и на ценность**. Полезность у первых просто свойство предметов удовлетворять потребностям, не предметов вообще, а тех из них, которые *действительно* исполняют свое назначение; у вторых, напротив, с понятием о полезности, большею частью, соединяется понятие о суждении над нею человека, так что, например, не только был бесполезен каучук, пока люди не знали его свойств и не употребляли его (с этим согласились бы и англичане), но также и воздух, пока люди не имели представления о необходимости его для дыхания. [Эта особенность немецкого воззрения сводится, с одной стороны, на метафизику, которою часто прикрывается отсутствие знания действительности и, с другой, на совершенно банальную вещь, которая одинаково относится ко всему существующему, а вовсе не только к ценности или к полезности. Что человек прилагает свое суждение к цен-

* Количество определений ценности увеличилось в новейшей немецкой литературе еще вследствие того, что она (Roscher, Bruno Hildebrandt, Schäffle, Rösler и др.) стала отличать отвлеченную ценность, т. е. свойство вещей удовлетворять человеческим потребностям вообще (дуб полезен), от конкретной ценности, т. е. свойства вещей удовлетворять потребностям при тех или других обстоятельствах, в конкретном случае (два экземпляра книги бесполезны). При этом не обращалось внимания на то, что первое свойство отнюдь не свойство, а просто отвлечение ума, что существует только конкретное отношение вещей к потребностям, а за пределами его не существует никаких отношений.

** Мальтус и Сениор составляют отчасти исключение.

ности,—из этого еще не видно никакого определения ценности, так как человек одинаково обсуждает и всякие другие вещи. Вообще, не имея жизненного представления о современной экономической организации, до которой Германия в то время еще не доросла, немецкие писатели, большею частью, не выходили в этом вопросе из пределов домашнего обихода и того, что может казаться только отдельной личности в ее отношениях к вещам.]¹⁰ Ценность у английских писателей совершенно самостоятельное явление, хотя некоторые из них (Смит, Рикардо и пр.) и называют полезность ценностью же. Ценность Смита*, Мак-Куллоха, Милля, есть принадлежность вещей, а не лиц, она *сугубеннее* свойство вещей (Мак-Куллох). Правда, ценность, или, как любят выражаться эти экономисты, меновая ценность, является у них не больше как отношением между вещами,—но это только в определении; излагая же закон ценности, они неоднократно дают заметить,—разумеется, не все в одинаковой степени,—что ценность есть свойство каждой вещи в отдельности, а не только двух или более, подлежащих сравнению вещей. У немецких писателей (а также у большинства французских, вслед за Сэем) полезность—родовое свойство, ценность видовое. Та и другая основаны, вытекают, составляют результат человеческого суждения, оценки. Отсюда определение вроде: степень полезности, косвенная полезность, значение для сознания. Отсюда полная субъективность понятия о ценности и, казалось бы, как следствие, абсолютная невозможность идти вперед по пути исследования: но, переходя к уяснению условий, устанавливающих ценность, немецкие экономисты обыкновенно признают закон издержек производства и, таким образом, совершенно теряют из виду субъективную ценность, которой за минуту придавали не только громадное, но и бесключительное значение. У Carey и Bastiat тот же субъективный момент: «ценность—отношение между *услугами*», «ценность—оценка противодействия». И тот и другой отличают однако ценность от полезности и второй дают объективное значение, а Carey, забыв про свою «оценку», высказывает через несколько страниц совершенно иной взгляд на ценность; она становится у него тоже отчасти объективною: «мера власти природы над человеком».

Таковы главные группы, на которые распадается приведенные нами определения ценности, несмотря на все их разнообразие. Ближайшее рассмотрение указало бы еще большее родство между всеми этими «значениями», «оценками», «отношениями», «степенями» и т. д. Дело в том, что все эти выражения действительно примыкают к слову «ценность», в его прак-

* Смит, впрочем, не везде верен этому представлению о ценности. Его теория именно отличается тою двойственностью в определении характеристических свойств ценности, которая внесла столько недоразумений в учение о последней.

тическом смысле, и пытаются уяснить различные стороны его*. Но вначале явлению придавалось определение, впоследствии явления стали подводиться под определение. Не все равно, отвечать ли на вопрос, чем характеризуется явление, и нельзя ли назвать характеристические черты его ценностью, или же на вопрос, что такое ценность, т. е. какие явления соответствуют этому названию? В последнем случае целью решения служит гораздо более уяснение смысла предшествовавших толкований, нежели самого явления.

Единственный способ добиться правильной постановки и решения вопроса о ценности состоит, кажется, в том, чтобы, оставив на время в стороне, как труды экономистов по этому вопросу, так и самое слово ценность, обратить исключительное внимание на отношения, возбуждавшие в умах людей представление о ценности, и рассмотреть действительные свойства этих отношений.

Предпошлем попытке в таком роде несколько общих соображений о способах исследования экономических явлений. [Следующие три крупные ошибки обыкновенно совершались многими экономистами при разработке учений о том или о другом хозяйственном явлении. Первая ошибка состояла в том, что общественное хозяйство принималось тождественным хозяйству частному. Вторая относилась к постоянному нарушению методологического правила, что всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюдаемо в чистом виде и с соблюдением времени и места его действительного совершения**. Третья заключалась в том, что, при решении некоторых вопросов, частенько сваливались в кучу самые разнооб-

* «Классификация, грубо построенные установившимися названиями, будучи исправлены... часто сами по себе прекрасно соответствуют... целям... принятая группировка предметов под общее название, хотя она может быть основана на грубом и общем сходстве, свидетельствует, во-первых, о том, что сходство очевидно, во-вторых, о том, что это есть сходство, поражавшее множество лиц в течение целого ряда годов и веков. Даже когда название постепенным расширением стало прилагаться к вещам, между которыми нет этого грубого сходства, общего всем им, все-таки, мы на каждом шагу расширения названия заметим такое сходство» («Система логики», Дж. Стюарт Милль, т. I, стр. 187).

** Как часто в экономических исследованиях игнорировались следующие превосходные слова Quete't: «En les (les lois, qui concernent l'espèce humaine) examinant de trop près, il devient impossible de les saisir et l'on n'est frappé que des particularités individuelles qui sont infinies. Dans le cas même où les individus seraient exactement semblables entre eux, il pourrait arriver, qu'en les considérant séparément, on ignorât à jamais les lois les plus curieuses auxquelles ils sont soumis sous certaines influences. Ainsi, celui, qui n'aurait jamais étudié la marche de la lumière, que dans des gouttes d'eau prises isolément, ne s'éleverait qu'avec peine à la conception du brillant phénomène de l'arc-en-ciel; peut être même l'idée ne lui en viendrait jamais, s'il ne se trouvait accidentellement dans les circonstances favorables pour l'observer» («Sur l'homme et le développ. de ses facultés», t. I, p. 6).

разные явления, иногда совершенно противоположные одно другому, и, фигурируя под общим названием, вели к ложным заключениям о законах, управляющих ими.]¹¹

Мы не думаем, чтобы все экономические заблуждения вытекали из упомянутых трех источников; но так как мы не пишем специального исследования о методах, то ограничиваемся приведенными тремя источниками, как давшими начало большинству тех заблуждений, с которыми нам придется иметь дело при рассмотрении теории ценности и капитала.

Отожествлению общественного хозяйства с частным подал пример еще Ад. Смит* в некоторых местах своего «Богатства народов». С тех пор, уподобление первого второму и соответствующее такому взгляду на дело перенесение результатов, полученных при наблюдении над отдельным хозяйством, на целый ряд хозяйств, состоящих между собою в связи,—составляет в науке обыденное явление. Любопытно, что, как Ад. Смит, так и многие последователи его, весьма гордятся победой над меркантилистами, главное заблуждение которых и состояло в том именно, что они в вопросе об увеличении богатства смешивали частное хозяйство с общественным.

Здесь не место исследовать причины такого воззрения. Весьма вероятно, что они лежат, главным образом, в том индивидуализме, который, вытекая как вывод из системы Смита, успел уже принести столько хороших и дурных последствий в разработке научных вопросов. Привыкнув к мысли, что то или другое частное хозяйство представляет тип и центр хозяйственной деятельности, нетрудно упустить из виду черты различия между частным хозяйством и совокупностью таких хозяйств.

В чем же состоит это различие? Очевидно, что отношения частных хозяйств составляют главнейшее содержание функций хозяйства общественного. Если так, то казалось бы естественным все наблюдаемое в хозяйстве частном тотчас же применять к общественному. На деле, однако, существует несколько пунктов капитального различия между тем и другим. Первый из этих пунктов—результаты сотрудничества, резко и ясно выступающие только в совокупности хозяйств. Простое и сложное сотрудничество, подобно целесообразному соединению частей машины, влечет за собою значительное увеличение силы. [Не может быть и речи о сравнении размеров сил, предоставляе-

* См. особенно иф. II, гл. 1 и следующее место: «Портной не шьет себе башмаков, а покупает их у сапожника... Что считается благоразумным в деятельности каждого частного семейства, то не может быть безрассудным в образе действий всего народа» («Wealth of Nations», б. IV, р. 200). Довод в пользу международного разделения труда. Но в других местах сочинения Ад. Смита находит, что поземельные собственники «жнут, где не сеяли», что интерес купцов отнюдь не всегда тождествен с интересами других классов общества.

58588

мых сотрудничеством отдельному хозяйству с одной, и общественному хозяйству, с другой стороны. Справедливо, что¹² чем большее число лиц соединено в том или другом хозяйстве, тем больше приближается оно к типу хозяйства общественного и тем с большим правом можно переносить результаты некоторых наблюдений в нем на хозяйство целого общества. Но ошибки в этом отношении делались именно такие, что не признавалось различие между *единичным* и общественным хозяйствами. Утверждали, например, что естественная система свободно действующих частных интересов ведет к наиболее гармоническому соотношению хозяйств между собою и к установлению всеобщего благоденствия. Если даже опустить все другие возражения, которые могут быть приведены против этого мнения, служащего выводом из начал господствующей экономической школы, то одного упомянутого пункта различия между частным и общественным хозяйствами достаточно для опровержения его. Справедливо, что хозяйства, обладающие равными силами, — а такими можно признать хозяйства отдельных лиц*, с известными ограничениями конечно, — могут притти в некоторое равновесие, преследуя, каждое, свои специальные цели**. Но дело в том, что общественное хозяйство состоит отнюдь не из одних таких единичных хозяйств, а также, и в гораздо большей степени, из хозяйств, представляющих большие или меньшие группы лиц. Одного численного превосходства лиц в хозяйстве, кроме множества других условий, обыкновенно совпадающих с таким превосходством, — вполне достаточно для того, чтобы создать перевес силы, склонить чашку весов в одну сторону.

Второй пункт различия между частным и общественным хозяйствами состоит в том, что все части последнего находятся во взаимной между собою зависимости***. Зависимость эта та-

* «Знаменитый софист, Эдмунд Бёрке, выводит из своего практического фермерского опыта, что для такого даже небольшого числа, как 5 сельских рабочих, исчезает всякое индивидуальное различие в труде, так что лучшие 5 взрослых английских сельских рабочих исполняют в одно и то же время именно такое же количество работы, как и всякие другие 5 английских сельских рабочих» (К. Маркс «Das Kapital», S. 303. См. также Quetelet «О среднем человеке»).

** Roesler справедливо заметил, что подобие равновесие могло бы водвориться и в том случае, если бы каждый уступал другому, действовал не в свою, а в чужую пользу («Grunds. der Volksw», S. 10).

*** Нет сомнения, что и части отдельного хозяйства находятся во взаимной зависимости. Но если, говоря о действии какой-нибудь силы на отдельное хозяйство, обыкновенно ограничиваются тем, что принимают такое хозяйство за нечто интегральное, то относительно общественного хозяйства такой взгляд на дело ведет к ложным заключениям. Например, то или другое коммерческое хозяйство тем большую получает прибыль, чем больше озабочены производитель и потребитель. Если перенести этот вывод на общественное хозяйство, т. е. сказать, что и оно тем богаче, чем менее прямых сношений между производителем и потребителем, то ошибка будет очевидна. Необходимо принимать в расчет интересы как одной, так и другой половины общества.

кого рода, что под страхом неправильных заключений, никогда не следует упускать из виду действие какой-нибудь силы на известном пункте—на другой соседний или отдаленный пункт, или на всю совокупность хозяйств. Введение новой подати, открытие нового рынка, неурожай, эпидемия, война, введение в производство улучшений—все такие события вносят целый ряд изменений в приложение к делу хозяйственных сил и различным образом колеблют экономическое *status quo*. Но это все случаи действия новой силы на хозяйственные отношения. Нетрудно заметить, что и *данное** распределение сил между хозяйствами ведет к теснейшей зависимости между ними. Так, изменение формы продукта посредством обмена составляет *conditio sine qua non* существования каждой системы общественного разделения труда. Так, существование известного отношения между различными размерами затрат на предметы потребления большинства и меньшинства в том или другом обществе составляет весьма важное условие правильного течения хозяйственных дел в нем. Примеров в подтверждение означенной мысли можно бы привести еще множество. Между тем, сколько можно указать случаев, когда столь простая вещь упускалась из виду. Нетрудно, например, доказать, что экономисты заблуждались*, полагая, что способ образования капиталов есть сбережение. Сберегать, т. е. воздерживаться от потребления полезных вещей, может только то или другое лицо в частности,—а никак не все владельцы таких вещей. В последнем случае пришлось бы допустить, во-первых, то, что капиталистам пришлось бы самолично потреблять такие вкусные вещи, как рельсы, шпалы, машины, уголь и другие подобные же предметы, которых весь класс капиталистов никому не в состоянии продать, а во-вторых, то, что производство целого общества, или, по крайней мере, $\frac{9}{10}$ такого производства снабжает общество предметами роскоши. Иначе, где бы взяли все капиталисты предметы для своего потребления, если бы пожелали обменять на них хлеб, машины и пр.? Конечно, каждый отдельный капиталист, с своей точки зрения, сберегает, воздерживается от потребления, но весь класс капиталистов, поступая таким образом, выполняет безусловно необходимую общественную функцию и только. Другой пример. Два или три экономиста выводят ценность из редкости пред-

* Впрочем, школа Смита в значительной степени устраняет субъективность понятия о сбережении тем, что разумеет под ним не накопление, а производительную затрату: тем не менее, моменту *назначения* продукта на производительное и непроизводительное потребление дается подчас слишком большая важность; см. например Милль «Основания», т. I, стр. 72: «Итак различие между капиталом и не-капиталом состоит не в характере имущества, а в намерении капиталиста, в его решении употребить это имущество на ту или на другую цель».

метов*. Они смотрят в этом случае на все общество, на потребителей, глазами производителя, как отдельного лица или класса лиц. Производитель, по их мнению, наделен чем-то вроде привилегии взыскивать с потребителя не только за труд изготовления редких предметов, но и за самую редкость последних; как будто редкость эта, если она не произведена искусственно,—что умели делать голландцы с пряностями (Смит), или французы с рисом (Фурье),—не касается в равной мере как производителя, так и потребителя, как будто она не составляет отрицательной величины как для того, так и для другого¹³. [Третий пример.]¹⁴ Очень часто утверждают также, что введение денег усилило накопление капиталов**. Это опять-таки случай воззрения на общественную экономию с точки зрения отдельного хозяйства, как на совокупность отдельных хозяйств, не находящихся между собою в сношениях. Ясно, что большая сумма удобосохраняемого орудия покупки может быть обменена на орудия производства и, таким образом, во всякое время превратиться в действительный капитал. Но ясно также и то, что еще до появления этой суммы на рынке, здесь должен уже существовать запас орудий производства, условия возникновения которого ни мало *не зависят* от того, мало или много денег в стране. Отдельное лицо могло накопить денежный капитал, но если общество не приготовило соответствующего реального капитала, деньги не купят и клочка бумаги. Введение денег и увеличение накопления действительно тесно между собою связаны, но только не с этой стороны. Знаменитый в экономической литературе спор о том, составляет ли увеличение ценности произведений увеличение богатства (Сэй, Рикардо и мн. др.), также изобилует случаями воззрения на общественное хозяйство с точки зрения хозяйства единичного. Но, всего чаще забывалось различие между хозяйствами общественным и частным в учении о ценности. Мы будем ниже иметь случай убедиться в этом.

Третьим важным пунктом различия между общественным и частным хозяйствами господствующей формы является подчиненное положение второго относительно первого, как следствие взаимного соотношения их в качестве целого и части. Подчиненность эта,—очевидно составляющая нечто независи-

* Senior «Principes», p. 94 и след.; Walras «L'Economie politique et la justice», p. XXX: «La valeur a donc son origine dans la limitation en quantité des utilités qui les fait rares»; *ibid.*, p. 8: «A proprement parler, l'utilité est la condition de la valeur, la rareté seule en est la cause».

** Например, Roscher «Principes», t. I, p. 277—278: «Alors aussi (après l'invention de la monnaie) il devient réellement profitable de produire au delà des besoins et d'épargner en vue de l'avenir. Sans la monnaie le possesseur d'un capital, qui ne pourrait l'employer lui-même, serait obligé, pour le prêter, de chercher non pas seulement quelqu'un qui eût besoin de capital, mais qui voulut s'accorder de cette espèce particulière de marchandise».

мое, от той тесной связи (предыдущий пункт различия), в которой состоит между собою частные хозяйства,—выражается, главным образом, в следующем. Каждое частное хозяйство в своих внешних сношениях с другими частными же хозяйствами должно непременно подчиняться тем условиям, которые вырабатываются и ставятся целой массой хозяйств. Качество и количество труда и продукта, выносимого на рынок частным хозяйством, [точно так же, как и получаемого в обмен, ни в каком случае не зависит от его воли, точно так же, как и от воли другой стороны обмена.]¹⁵ Рынку нет ни малейшей нужды знать, больше или меньше, чем следует, потрачено отдельным хозяйством труда на производство того или другого продукта, больше или меньше дорожит (в чисто субъективном смысле) этим продуктом хозяйство. Рынок ставит, так сказать, заказ на известное количество вещей по известной цене и всякое частное хозяйство сообразуется с условиями этого заказа*. Только большое число хозяйств, уменьшая или увеличивая предложение или спрос, в состоянии несколько поколебать установившийся уровень хозяйственных сношений. Но одному или немногим хозяйствам столь же невозможно сделать это, как незначительному притоку изменить направление реки. Одного сказанного, казалось бы, достаточно для доказательства того, что существует общественный, а не частный закон, по которому производится хозяйственные сношения**. Все частные недосмотры, промахи, улучшения, все субъективные осложнения и упрощения,—сопровожающие деятельность отдельного хозяйства,—суть не более как неправильности в очертании

* Aber die Teilung der Arbeit ist ein naturwüchsiger Produktionsorganismus, dessen Fäden hinter dem Rücken der Waarenproduzenten gewebt wurden und sich fortweben... Das Produkt befriedigt heute ein gesellschaftliches Bedürfniss. Morgen wird es vielleicht ganz oder teilweise von einem ähnlichen Produktenart aus seinem Platze verdrängt... Wenn das gesellschaftliche Bedürfniss für Leinwand, und es hat sein Mass, wie alles andere, bereits durch nebenbuhlerische Leinweber gesättigt ist, wird das Produkt unseres Leinwebers überschüssig, überflüssig und damit nutzlos. Gesetz aber der Gebrauchswert seines Produkts bewähre sich und Geld werde daher angezogen von der Waare. Aber nun fragt sich's wie viel Geld? Die Antwort ist allerdings schon anticipirt im Preis der Waare, dem Exponenten ihrer Wertgrösse. Wir sehen ab von etwaigen rein subjektiven Rechenfehlern, die auf dem Markt sofort objektiv corrigirt werden. Er soll auf sein Produkt nur den gesellschaftlich notwendigen Durchschnitt von Arbeitszeit verausgabt haben... Gesetz endlich jedes auf den Markt vorhandne Stück Leinwand enthalte nur gesellschaftlich notwendige Arbeitszeit. Trotzdem kann die Gesamtsumme dieser Stücke überflüssig verausgabte Arbeitszeit enthalten (K. Marx «Das Kapital», S. 66, 67).

** Quelles seraient nos connaissances sur la mortalité de l'espèce humaine, si l'on n'avait observé que des individus? Au lieu des lois admirables auxquelles elle est soumise, nous n'aurions aujourd'hui qu'une série de faits incohérents qui ne permettraient de supposer aucune suite, aucun ordre dans la marche de la nature. Ce que nous disons de la mortalité de l'homme, peut s'entendre de ses facultés physiques et même de ses facultés morales (Quetelet «L'homme etc.», t. I, p. 6—7).

точек и небольших частей круговой линии, которые теряются и исчезают при взгляде на всю круговую линию (Quetelet). Мы будем иметь ниже случай говорить подробнее об этом законе, отвергать существование которого, имея перед собой статистические данные об *однообразии* даже таких явлений, как отсылка неправильно адресованных писем, казалось бы, просто невозможно. Теперь же приведем пример того, — их можно бы привести множество, — до какой степени привычка смотреть на общественное хозяйство с точки зрения частного, привычка отождествлять то и другое, — способствует извращению экономических понятий. Французский экономист L. Walras*, оспаривая мнение Прудона, что продукты *должны* обмениваться сообразно издержкам производства, говорит следующее: «Не приходило ли вам на ум, что издержки производства могут не всегда регулировать продажную ценность? Не представляли ли вы себе, что *можно* издержать много на производство вещи бесполезной, даже вредной, не редкой и не имеющей ценности, или что *можно* издержать весьма мало на производство вещи весьма полезной, весьма изысканной...». Случайно бессмысленная растрата хозяйственных сил, или столь же случайно удачное их употребление — возводятся, таким образом, на степень начала, способного регулировать отношения гигантских общественных явлений**. Так как можно издержать много на производство вещи «бесполезной», то отсюда следует, что закон издержек производства, да, пожалуй, и всякий другой объективный закон, представляя не более, как фантом болезненного воображения.

Нам достаточно приведенных черт отличия частного хозяйства от общественного, чтобы отнестись критически к постановке и решению вопросов, указанных в заглавии нашего исследования. Мы не станем поэтому входить в рассмотрение тех особенностей хозяйства общественного, которые, по мнению некоторых экономистов (преимущественно современных немец-

* «L'économie politique et la justice», p. 70. Бастиа, Маклеод и т. д. могли бы предложить целый арсенал примеров в приведенном роде.

** Другой подобный же пример: «Diese (Carey's) Theorie, welche neuerdings viele Anhänger gefunden hat, ist die umgekehrte (?) Ricardo'sche, dahin modificirt, dass nicht die Produktionskosten, sondern die Reproduktionskosten den Wert bestimmen sollen. Sie ist ebenso unrichtig wie die Ricardo's, denn Produktion wie Reproduktion sind nicht das einzige, was bei der Wertschätzung in Betracht kommt. Ein geschickter Gegenstand würde sonst nie Wert haben können» (Lindworm «Theorie des Wertes», «Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik», Bd. I, Heft 3 u. 4, 1865, S. 169). «Das Wertverhältniss ist durchaus und rein individuell... Wo das Gemeinsame anfängt, hört das Eigentümliche auf. Es ist aber das nichts absolut gemeinsames, was durch eigentümliches unterbrochen ist; das Eigentümliche ist als die Abweichung von gemeinsamen gerade das Charakteristikon des Individuums und das Wertverhältniss, weil es nicht ganz gemeinsam ist, eben deswegen individuell» (ibid., S. 177). В последней приведенной цитате слова «durchaus», «rein» и «nicht ganz» конечно состоят между собой в некотором противоречии. Но это не мешает видеть, что исследование начато с конца, с того, что Quetelet называет пертурбационными влияниями.

ких), свидетельствуют в пользу его органического происхождения, устройства и развития. Организм ли народное хозяйство, или, напротив, сложный механизм,—вопрос чрезвычайно важный в том отношении, что такое или иное решение его требует и тех или иных способов исследования, значит, приводит к совершенно различным научным результатам. Но, занимаясь отдельными вопросами, мы, кажется, имеем право считать вопрос этот решенным, а в каком смысле,—это будет видно из хода исследования.

[Вторая важная ошибка многих экономистов, сказали мы, состоит в том, что экономические явления наблюдаются ими не в своем чистом виде и без соблюдения точного времени и места их совершения.

Всякое общественно-экономическое явление должно наблюдаться в своей истинной и характеристической форме, без всяких примесей, как со стороны других явлений, так и со стороны ошибочности выбора точного времени и места своего развития и совершения. Что касается нарушения первого из указанных условий правильного метода в общественной экономии, то оно совершается различными писателями весьма и весьма часто. Достаточно припомнить сочинения Бастиа, чтобы найти неоднократные примеры подобного нарушения метода. Такова, например, его теория *услуг*, которыми он заменяет слово *труд*, или еще лучше, *рабочую силу*, примешивая к этим совершенно ясным терминам рабский смысл понятия *услуги*, которое не содержит в себе ни намека на какое-нибудь возмещение. Такова же и его знаменитая теория прибыли, которую он строит на понятии о ссуде капиталистом рабочему капитала, что вообще нигде не бывает, так как ссудами одождает только капиталист капиталиста. Не говорим уже о примере Бастиа, что если согласиться с теорией издержек производства, то нужно прийти к выводу, что масло, отвезенное из Парижа в Марсель и оттуда, вследствие непродажки, возвращенное снова в Париж, должно бы быть дороже на двойные издержки перевозки. И подобными-то примесями и искажениями истинного характера экономических явлений, писатели, вроде Бастиа, думали обеспечить интересы своего класса.

Столь же часты, как увидим ниже, и случаи нарушения того требования метода, чтобы явления наблюдались в действительное время своего совершения и развития, а не в любой момент времени, выбранный совершенно произвольно и потому неверно. Вообще говоря, в этом случае необходимо употреблять способ средних чисел, как единственный возможный для исследования*.]¹⁶

* «Die Gesetze, von denen bisher die Rede war, sind nämlich allgemeine Regeln, die auf alle ihnen untergeordneten Fälle Anwendung finden, jeden einzelnen in seiner Individualität gemäss der Regel bestimmen. Denn nach welcher Richtung z. B. ein Lichtstrahl in ein brechendes Medium eindringen

[Сюда же]¹⁷ примыкает еще одно правило: совершенно таким же образом, как выбирается [время для наблюдения явления, должно быть выбрано и место для той же цели.]¹⁸ Если явление происходит повсюду одинаково, то каждое [место одинаково годно]¹⁹ для наблюдения, и сказанное об одном из них применяется ко всем остальным. В противном случае должен быть избран пункт средний. Соблюдение этого правила в отношении к занимающим нас вопросам требуется указанным выше различием между частным и общественным хозяйствами: частное хозяйство, [с своими функциями, не представляет такого места, которое было бы во всех отношениях одинаково с совокупностью остальных]²⁰, а потому и не может служить для исследований о хозяйстве общественном. Сверх того, следует заметить, что указанное правило обыкновенно упускалось из виду теми экономистами (школа Смита, в особенности Бастиа, Маклеод и другие), которые смотрели на всемирное хозяйство с точки зрения хозяйства современного западноевропейского. Так, при-быль, по мнению некоторых из них (весьма многих), получается путем обмена: отсюда должно следовать, что например велико-русская крестьянская община не получает и не может получить [ничего равнозначительного с прибылью.]²¹

Всего лучше можно видеть ошибочность в выборе времени для наблюдения в учении о ценности, к которому мы вскоре и обратимся. Теперь приведем пример из другого отдела науки. По мнению некоторых экономистов*, введение денег способствовало усилению разделения труда. Мнение это составляет в сущности вывод из другого, уже рассмотренного нами, именно, что введение денег увеличивает накопление капиталов. Сверх того, оно основывается на предположении, что по введении в употребление денег явилась возможность каждому сузить

möge, so steht doch immer der Sinus seines Einfallswinkels zum Sinus seines Brechungswinkel in demselben constanten Verhältniss, und jeder Teil einer Wassermasse, sei er gross oder klein, ist doch immer aus acht Gewichtsteilen Sauerstoffgas und einem Gewichtsteil Wasserstoffgas gemengt, deren Volumina sich wie 2 zu 1 verhalten. Es giebt dagegen auch empirische Gesetze, die gar nicht für den einzelnen Fall, sondern nur für das Mittel aus einer grossen Anzahl von Fällen Geltung haben. Hierher gehört z. B. das Drehungsgesetz der Winde wonach in den gemässigten Zone der nördlichen Halbkugel der Erde der Wind im Mittel die Himmelsgegenden in der Ordnung S. W. N. O. S. auf der südlichen Halbkugel in der umgekehrten Ordnung durchläuft» [M. W. Drobisch «Die moralische Statistik und die menschliche Freiheit», S. 4—5).

* «Alors seulement la division du travail peut s'étendre, car plus il devient facile d'obtenir tout pour de l'argent, plus chacun est donné exclusivement à une seule occupation» (Roscher «Principes», t. I, p. 277). К числу подобных же заблуждений относится другое мнение Roscher'a (ibidem) и Bruno Gildebrand'a «Natural Geld- und Kreditwirtschaft», «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», Bd. II, 1864, S. 14—16), именно, что деньги способствовали увеличению свободы рабочего. Деньгам не может быть приписана эта роль уже потому, что в рубле, выданном вместо натуральной заделной платы той же ценности, не заключается чудодейственной силы доставить рабочему нечто большее этой натуральной платы.

круг своих занятий, благодаря возможности иметь все нужное за деньги. Посмотрим, насколько правильно сделано это наблюдение²². Совокупность промыслов разделена *сначала* между 100, *потом* между 200 и т. д. производителей,—явление развивается. Что касается обмена, простого или денежного,—то столько же очевидно, что пока число меновых сделок не возросло или не упало,—не может быть и речи о каком-либо движении явления, кроме равномерного. Равномерное же движение дает сумму таких моментов, из которых каждый равно годен для наблюдения. Если бы вопросу о том, производят ли деньги усиление разделения труда, предшествовал и был решен положительно вопрос, *увеличивает ли* введение денег число обменов, в таком случае, одному ряду следующих друг за другом стадий явления сопутствовал бы другой ряд таких же стадий другого явления и могла бы идти речь о причинной между ними связи. Но этого нет, а поэтому нет и логической возможности деньгам усиливать разделение труда. Какова бы ни была роль денег,—они продукт, получаемый обществом не даром, а в обмен за другие равноценные продукты. Став на место последних, деньги не в силах* увеличить число обменов, совершаемых обладателем их. За деньги можно купить *все*, но когда? тогда уже, когда труд *вполне* разделен. В противном случае,—насколько шагнуло вперед разделение труда, столько служат и деньги, если количество их увеличилось,—но не больше. Экономисты, придерживающиеся разбираемого мнения, смотрят на дело следующим образом: основная причина разделения труда, разумеется, не деньги; чтобы деньги выполняли свое назначение, труд должен быть уже отчасти разделен; появляются деньги, главное достоинство которых в том, что всякий их принимает,—и вот хозяин, занимавшийся прежде двумя или тремя промыслами,—ограничивается одним. Почему? потому что за деньги он покупает все, что нужно, кроме того, что производит сам. Да, если «все что нужно» уже продается, т. е. производится на продажу, т. е. составляет продукт полного разделения труда. Иначе можно купить только то, что покупалось прежде, следовательно, оставаться при тех же промыслах. Другое дело, если бы предстояло решить, не было ли само разделение труда причиной введения денег, а усиление его причиной увеличения количества последних. Такой вопрос был бы, по меньшей мере, правильно поставлен²³.

* Не в силах и в том случае, когда становится не на место продуктов, а рядом с ними. Известный вопрос Юма, что произошло бы, если бы всякий гражданин, проснувшись, нашел у себя гиней в кармане, отнюдь не может быть решен так, что увеличится число обменов. По всей вероятности, гиней эта будет каждым спрятана, или помещена в сундуки банка, и если бы даже вошла в обращение, то вскоре вышла бы из него и поступила бы в резерв или в иное употребление, несколько не возвысив цен. Вначале правда, могут явиться новые предприятия и обмены, но это будет продолжаться недолго.

Нам остается доказать справедливость третьего нашего упрека некоторым экономистам, именно упрека в том, что они сбивают подчас в кучу множество разнородных предметов и, придавая им общее название, заблуждаются, вследствие этого, в регулирующем явлении закона. И тут учение о ценности дает самый богатый материал. «Если мы желаем,» говорит Маклеод*, «установить общий закон, то закон этот должен обнимать всякого рода случаи, в которых совершается продажа. Следовательно, нам необходимо название, которое служило бы для общего выражения цены, платимой за предмет при его покупке. Продажи могут быть публичные или частные, добровольные или вынужденные, и мы отыскиваем такое название, которое выражало бы цену предмета в данную минуту, при каких бы обстоятельствах ни происходила продажа»**. Закон, найденный (?) им для такой цены, выражен так: «Цена изменяется в прямом отношении к напряженности оказанной услуги и в обратном отношении к власти покупателя над продавцом»***. Казалось бы, что может быть общее такого закона, с ним нельзя спорить в этом отношении даже определению ценности Кэри—«ценность есть мера власти природы над человеком, полезность, мера власти человека над природой». Между тем, как быть в том случае, когда напряженность услуг и власть покупателя над продавцом остаются одни и те же, а цена все-таки изменяется? Так бывает например при введении улучшений в производстве, при истощении рудника или земли. Недосмотр этот произошел оттого, что Маклеоду понадобилось дать одно общее название продаже добровольной, т. е. такой, где количества размениваемых продуктов определяются сообразно нейтральному элементу,—будь он труд или что-нибудь иное, и продаже вынужденной, т. е. такой, которая равносильна простому захвату чужой вещи. Следовало бы приискать уж разом общее название для воровства и для обмена. Этот путь отыскания законов автор «Оснований» решается назвать путем строгого наведения от предполагаемых, вполне возможных, случаев, составляющих светоносные опыты (*lucifera experimenta*), столь высоко чтимые Бэконом в деле открытия общих начал! «Говоря вообще», утверждает тот же Маклеод****, «лицо, ставящее требуемый предмет в данном месте, может, с точки зрения политической экономии, быть рассматриваемо как про-

* «Основания политической экономии», стр. 101—102.

** См., напротив, даже Roesler, праг так называемого «смитизма», «Zur Theorie des Preises», «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» h. v. Bruno Gildebrand, 1869, Bd. I, Heft 2-es und 3-es, S. 106: «Jede Preislehre muss das *regelmässige* Wirken der Wirtschaftsgesetze zur Voraussetzung nehmen. *Notpreise*, *Scheuderpreise*, *Monopolpreise*, *Preise aus Unkenntnis* oder *Zwang* gezahlt, können gegenüber dem ordnungsmässigen Gang der Dinge nicht in Betracht kommen».

*** «Основания политической экономии», стр. 105.

**** Ibid., стр. 90.

изводитель этого предмета, каковы бы ни были средства, употребленные для доставления предмета на определенный пункт». С какой бы точки зрения ни рассматривать приказчика, привезшего на ярмарку рыбу или хлеб, все-таки придется допустить, что рыбу ловил рыбак, хлеб посеял и собрал поселянин, везли то и другое извозчики,—следовательно, приказчику ни в каком случае не выпала роль производителя. Труд надзора за теми и другими,—цель которого сделать невозможным уклонение их от своих обязанностей,—конечно, труд почтенный и даже необходимый,—но это труд отрицательный,—результат его устранение убытков*, а не продукт. [Говоря вообще, торговцы и приказчики нужны для распределения богатства лишь в том же смысле, как для многоэтажного дома нужны лестницы. Как только прекратится подобная чисто городская потребность в высоких домах, так немедленно вслед за этим прекратится потребность в лестницах. В применении к классу торговцев то же соображение показывает, что занятия их еще только историческое, подобно существованию высоких домов, тогда как занятие производительного класса *вечно*.]²⁴ Различает же сам Маклеод ценности положительные и отрицательные**.

Перейдем теперь к учению о ценности и попытаемся приложить к исследованию те правила, о которых шла речь выше.

Прежде всего, очевидно, что ценность должна находиться в какой-нибудь связи с экономическими отношениями между людьми из-за вещей. Нельзя искать ценности в предметах, с которыми люди еще не приходили в сношения***. Кроме фи-

* «M. N. N'est-ce pas gagner, que de ne pas perdre? N'est-ce pas perdre que de ne pas gagner?... M. N. Mon ami, les grammairiens soutiennent que l'énonciation exacte des idées n'admet presque point de synonymes; et, pour vous en convaincre, ils vous diraient que, si l'on admettait vos synonymes, il faudrait convenir aussi que *ne pas perdre et ne pas gagner* signifie *perdre et gagner*. Que si un joueur se retire du jeu sans perte ni gain on pourrait dire indifféremment: *il n'a perdu ni gagné*, ou bien, *il a gagné et perdu*... Selon votre langage il faudrait dire aussi que l'on gagne toutes les fois que l'on n'est pas dévalisé par les voleurs. Alors les gains de cette espèce pourraient être fort multipliés; mais en serait-on plus riche? *De tels sophismes* ne consistent donc que dans l'*abus des mots*» (Quesnay «Dialogue sur le commerce», «Physiocrates», ed. Daire, t. 1, p. 147).

** «Речь идет или о приобретении наслаждения или об устранении препятствия. Это различие чрезвычайно важно. Для лица, могущего оказывать услуги того или другого рода, это все равно, такое лицо приобретает тем и другим путем; но для общества в обширном смысле различие в свойстве этих услуг представляет важное значение. Предметы, для получения которых люди платят деньги, мы назовем *положительными ценностями* (positive values); те же предметы, на которые мы расходует деньги с целью устранения их, мы назовем *отрицательными ценностями* (negative values)» («Основания политической экономии», стр. 47—50).

*** См., напротив, Маклеод «Основания», стр. 55: «Когда говорится, что вода не имеет никакой ценности, то это есть лишь пример математического символа 0. Этот знак совпадает с понятием, выражаемым словом *ничто*, которое не означает абсолютного, положительного ничтожества, но представляет нечто чрезвычайно малое (1), недоступное понятию, но

зических и химических свойств, такие предметы ничем не обладают.

[Для ближайшего выяснения основ учения о ценности необходимо прибегнуть к сравнению вещных отношений между людьми в хозяйстве изолированном и в хозяйстве с разделенным трудом.]²⁵

Какого же рода экономические отношения между людьми из-за вещей существуют в изолированном хозяйстве*, [т. е. в таком, которое само на себя производит все свои средства существования?]²⁶

Отношения этих трех родов: 1) вещи потребляются, 2) вещи производятся, 3) вещи состоят в обладании.

1) Вещи потребляются, потому что обладают свойствами удовлетворять потребностям. Свойства эти можно назвать полезностью. Полезность совершенно объективна, [хотя происходит, большею частью, из полезного, конкретного труда]²⁷, но отношения к ней изолированного хозяйства бывают различны. Во-первых, одна из особой вида предметов может быть *полезнее* другой**, т. е. удовлетворять известной потребности в большей степени в одно и то же время, или в течение более продолжительного времени, или большему числу потребностей, или более настоятельной потребности. Во-вторых, одна из разнородных вещей может удовлетворять потребности в более полной степени, или длящейся более продолжительное время, или большему числу потребностей, или более настоятельной потребности. Сверх того, самый процесс удовлетворения потребностей посредством одной из однородных или разнородных вещей может быть легче, проще, удобнее, но так как это явление, очевидно, подчиненное, то мы оставим его в стороне. Обойдем до времени и тот случай, когда удовлетворение одной потребности, или посредством одной вещи—более приятно, нежели удовлетворение другой потребности, или посредством другой вещи.

могущее, при известных обстоятельствах, развиваться. В подобном предмете есть зародыш или след ценности». Столь же неудачный пример обращения с математическими символами, как и другой подобный же, по поводу мнения Торнтона о векселях («Dictionary of Political Economy»); отвлеченная ценность Рау и др. отличается теми же недостатками.

* «Le producteur isolé estime les choses en raison composée de ce qu'elles coûtent et de ce qu'elles valent pour lui. Il apprécie ce qu'elles coûtent par le travail qu'il y emploie, ce qu'elles valent par la valeur en usage, qu'elles ont pour lui». «Dans l'échange ces considérations resteront les mêmes. Chacun des contractants appréciera ce que lui coûte un produit par le travail qu'il aura employé à l'objet, qu'il donnera en échange; il appréciera ce que lui rapportera ce produit par l'utilité, dont il sera pour lui» (Ott «Traité d'économie sociale», p. 403; см. тоже Carey «Principles of Political Economy», t. I, p. 7 и 8.

** «La valeur en usage des biens est d'autant plus élevée, que les besoins, auxquels ils répondent, sont plus nombreux, plus généralement ressentis et plus pressants et que la satisfaction qu'ils procurent est plus complète, plus facile et plus agréable» (Roscher, «Principes», t. I, p. 6).

Во всех упомянутых случаях сталкиваются или предметы, или потребности, и хозяйству предстоит делать выбор между ними. Посмотрим, насколько входит в каждый из этих случаев личный элемент* (*judgement, Bedeutung, Urteil.*) и насколько выбор служит только санкцией объективных свойств вещей и потребностей.

Представим себе изолированное хозяйство, снабженное всеми предметами, годными для удовлетворения потребностей группы лиц, его составляющих. Если наблюдать положение в нем вещей в *данный средний момент*, то окажется, что все предметы исполняют свое назначение одинаково и, так как, каждый из них служит *качественно* отличной от других потребности, то сравнения между ними, строго говоря, не может быть сделано никакого. Переводя сказанное на язык например Schaffle, следует допустить, что *значение* всех этих благ для хозяйственного сознания вполне одинаково, и *равенство* этого значения основывается единственно на том, что удовлетворение *каждой* потребности одинаково полно. Но если значение всех благ одинаково, то сравнительная настоятельность потребностей равняется нулю, и все отношение предметов к лицам со стороны полезности благ ограничивается единственно *объективным* свойством благ быть годными при случае в дело**.

Но ведь мы сами насчитали целый ряд случаев, когда лицу приходится обращать внимание на различие между предметами и потребностями. Тут, казалось бы, очевидно, главная роль принадлежит чисто субъективному элементу—выбору, предпочтению.

Одна из особых вида предметов может удовлетворять известной потребности в большей степени в *одно и то же время*, или в течение *более продолжительного времени*. Каменный уголь дает больше тепла, нежели дерево, обувь, сшитая из телячьей кожи, носится дольше козловой. Отношение изо-

* «Der Wert einer Sache ist keinesweges eine Eigenschaft, welche ihr schon an sich betrachtet, und abgesehen von irgend einem menschlichen Urtheile über ihre Tauglichkeit als Mittel zu menschlichen Zwecken anklebt; sondern er ist... bloss das Produkt des Urtheils... das bloss von den Ansichten abhängt». Lotz «Revision etc.», p. 37, t. I. «Für die Bestimmung des Werts der Güter giebt es keinen kategorischen Imperativ wie für die Bestimmung dessen, was Recht und sittlich ist» (S. 43).

** См., напротив, Rau «Traité d'Economie nationale», 4-re partie, p. 46: «z. Cette propriété d'une chose est son *utilité*, c'est une *qualité*, qu'a toute chose matérielle mais pas nécessairement par rapport à tous ceux qui peuvent l'acquérir. 3. Le degré d'une chose *comparé* à d'autres, est la *valeur* dans un sens restreint, valeur en usage des physiocrates et de Smith, valeur d'*utilité* de Say».

Только полезность—объективное свойство, ценность же, или ценность потребления определяется субъективным сравнением,—лишнее доказательство в пользу того (см. ниже), что один только случай,—сравнительной настоятельности потребностей,—подал повод к построению всего учения о ценности на потребительной ценности (см. также Lotz, Roscher и др.).

лированного хозяйства к каждому из этих предметов различно. Но, если, при необходимости выбора отдается предпочтение каменному углю и обуви из телячьей кожи, то на каком основании это делается? Единственно на том, что как уголь, так и обувь этого рода содержат *больше единиц* удовлетворяющего потребность вещества. Пока потребность не удовлетворена, двум единицам дается больше значения, нежели одной, единственно потому, что две единицы *большее*, нежели одна, что удовлетворение *всей* потребности важнее, чем удовлетворение *части* ее. Мерило это до такой степени объективно, что о личной, своеобразной, свободной оценке тут не может быть и речи. Иван, Петр, все люди предпочитают пару сапог одному. Одна вещь удовлетворяет *большому числу* равно настоятельных *потребностей*, нежели другая того же рода. Известное количество каменного угля не только согревает комнату, но и служит для изготовления пищи, между тем, как такое же количество дров удовлетворяет только второй из этих потребностей. Очевидно, что те части угля, с помощью которых готовится пища, и те, которые дают комнате теплоту—далеко не одно и то же. Чем больше идет угля на первую потребность, тем меньше остается на вторую и наоборот*. Следовательно, и в этом случае, предпочтение, оказываемое одному предмету перед другим,—есть чисто количественное, а не качественное предпочтение, основанное на стремлении отдавать преимущество, в пределах потребностей, тому предмету, который содержит в себе большее число единиц удовлетворяющего *потребностям* вещества. Один предмет удовлетворяет более настоятельной потребности, нежели другой того же рода**. Это действительно случай, когда предпочтение вещи отдается не количественное, а качественное, когда на первый план выступает, повидимому, субъективная оценка. Шуба предпочитается платью из тонкой материи, способному только прикрывать тело, но не согревать его. Но когда отдается такое предпочтение? Исключительно зимою. В данный *средний* годичный момент и шуба и платье имеют одинаковое значение, ибо каждая из этих вещей одинаково полно служит той цели, для которой она предназначена. Можно бы привести еще бездну примеров, которые все до одного подтверждали бы ту мысль, что предпочтение, выбор, решимость отказываться от одного предмета с целью оставить за собою другой,—во всех тех случаях, когда не приходится

* Тут заключается часть объяснения того факта, что «лучшие сорта угля выручат на рынке более высокую цену, чем худшие сорта, несмотря на то, что оба сорта добывались с равными издержками» (Маклеод «Основания», стр. 123). Пуд угля лучшего качества включает большее количество единиц горючего материала, чем пуд угля худшего качества.

** Так как сущность дела несколько не изменяется оттого, сравниваются ли однородные или разнородные предметы, удовлетворяющие неравно настоятельным потребностям, то мы упоминаем на следующих страницах безразлично о том и о другом случаях.

сравнивать количество единиц удовлетворяющего потребности вещества,—основываются безысключительно на классификации потребностей по мере их настоятельности²³. В данный средний момент экономической жизни, булавка, гребень, ножницы, находятся совершенно в такой же степени на своем месте, как и дрова, уголь, хлеб, а потому все попытки построить на принципе настоятельности [какую-либо классификацию]²⁰ вещей ни к чему не могут привести*. Ясно, что нельзя, например, сказать—дрова полезнее хлеба,—если разуметь под этой сравнительно большею полезностью *постоянное* или *среднее* отношение дров к хлебу, со стороны значения их для удовлетворения потребностей. Приведенное выражение может относиться единственно к такому моменту, когда человеческому организму необходима теплота *более*, нежели хлеб. Классифицируя предметы по мере настоятельности потребностей, мы найдем следующий, приблизительно, динамический ряд: человек умирает *сначала* без пищи, *потом* без крова, *потом* без одежды, *потом* без нагретого воздуха и т. д.; закон ряда—убывающая настоятельность или опасность, сначала для жизни, затем для здоровья всего организма, затем частей его, сначала навсегда, затем на время, сначала на более, затем на менее продолжительные его периоды. Так можно дойти и до булавки, отсутствие которой, при известных требованиях наряда, причиняет простуду, катар горла, наконец, просто недовольство. Само собою разумеется, что в эту классификацию не входят фиктивные, болезненные потребности, потому что речь идет о среднем, здоровом организме. Перед нами случай постепенного вымирания организма, систематически лишаемого необходимых для поддержания его внешних предметов.

Если остановиться на которой-нибудь из ступеней ряда и выбрать ее за пункт для наблюдения, то нетрудно видеть, что из двух предметов, занимающих две следующие ступени—полезнее окажется тот, который занимает ближайшую ступень; сравнение между предметами, занимающими далеко отстоящие одна от другой ступени, приведет еще к более резкому предпочтению предметов ближайших и т. п. Выбор того или другого предмета в рассматриваемом случае основывается не на том,

* «Le fer a sans contredit en usage une valeur d'espèce de beaucoup supérieure à celle de l'or: en d'autres termes le besoin de fer est beaucoup plus pressant et plus général que celui de l'or. Par contre une livre d'or donne satisfaction à une somme de besoin de ce métal de beaucoup plus grande qu'une livre de fer en ce qui concerne le besoin du fer» (Roscher «Principes», t. I, p. 9—10). Блестящий пример ошибочности выбора времени для наблюдения. «Потребность в железе более настоятельна, чем в золоте, когда? в том только случае, когда предстоит делать между ними выбор в пользу более нужного в ту пору железа. Столь же неудачна и мера сравнения: фунт золота и фунт железа; хорошо еще, что и золото и железо считают на вес; а если бы предстояло сравнить фунт железа с фунтом книг или с фунтом хирургических инструментов?

что один из них содержит более единиц удовлетворяющего потребности вещества, а единственно на том, что обойтись без одного из них в данную, вырванную из ряда, минуту абсолютно невозможно, под страхом смерти, опасности для здоровья*. Но достаточно самого грубого хозяйственного плана, без которого не может обойтись никакое человеческое общество, чтобы парализовать и устранить продолжительное влияние подобных минут. Может случиться, конечно, что тот или другой предмет общей потребности существует в таком количестве, которого не иногда только, а постоянно недостаточно для покрытия известной потребности. Но, в таком случае, или ищется суррогат недостающему веществу, или же предпочтение оказывается ему, средним числом, одинаковое, а следовательно,

* См., напротив, Ott «Traité d'économie sociale», p. 50 и след. Единственную, если не ошибаемся, в экономической литературе попытку указать на одновременное соотношение между различными полезностями и различными потребностями, представляет «Theorie des Wertes» Friedländer'a. Основная мысль этого сочинения следующая. Существование человека обеспечивается одновременным удовлетворением различных его потребностей. Поэтому количество благ, удовлетворяющее какой-нибудь потребности, образует единицу потребности. Сумма всех благ, удовлетворяющих в течение известного времени потребности человека, например, в пище, имеет одну потребительную ценность с суммой тех благ, которые, в течение известного времени, по крайней мере, в холодной стране, удовлетворяют потребности человека в одежде, потому что в случае неудовлетворения той или другой потребности человеческая жизнь одинаково невозможна. Если теперь отнести различные роды благ к различным потребностям, то потребительная ценность каждого единичного блага определится из содержащейся в нем способности к выполнению цели, ему предназначенной. Например потребительная ценность какого-нибудь определенного рода пищи определится из отношения между действительным содержанием питательного в этом роде вещества и тем его количеством, которое, средним числом, необходимо человеку в данное время. Потребительная ценность каждого единичного блага составляет, таким образом, известную долю целой единицы потребности, а ценности потребления различных благ состоят между собою в таком же отношении, как и представляемые ими части к разнообразным единицам потребностей (см. статью Коморжинского о ценности в «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft», Jahrgang 25, Heft 2). Мы видим отсюда что Friedländer, признав одинаковое значение за различными предметами одновременно удовлетворяющими потребностям, обращает затем главное внимание на отношение между собою различных ценностей потребления; отношение это, по его мнению, основывается на большем или меньшем соответствии между количеством того или другого продукта и размером потребности. Таким образом, Friedländer оставляет в стороне вопрос о том, какого рода изменения вносятся его классификацией в учение о ценности, и делает, сверх того, ту ошибку — разделяемую, впрочем, и многими другими экономистами, что недостаток или излишек предмета противу единицы потребности, принимает за причину увеличения или уменьшения потребительной ценности предмета; между тем, очевидно, фунт хлеба или мяса удовлетворяет совершенно одинаковой потребности, как в том случае, когда хлеба и мяса много, так и в том, когда их мало, следовательно, и потребительная ценность или просто полезность фунта хлеба или мяса всегда всегда одинакова. Большее значение, приписываемое этим предметам в то время, когда их недостаточно для покрытия потребности, есть только, известным образом, выраженное опасение остаться без надлежащего количества потребной вещи.

и положение вещей остается в сущности такое же, какое было бы при полном снабжении.

Все сказанное о сравнении предметов по мере настоятельности потребностей, приводит к заключению, что и здесь субъективной оценке приходится единственно только констатировать внешний факт: признание большего или меньшего значения за предметом, предпочтение одного из них другому—просто предписываются физиологическими законами. Спрашивается теперь, существуют ли достаточные основания предполагать, подобно многим экономистам, что настоятельность потребности служит постоянным стимулом определения сравнительного размера потребительной ценности, а косвенно, и ценности меновой? Оставляя пока в стороне ценность последнего рода, мы, кажется, в праве прийти к заключению, что такая настоятельность, которая, постоянно, а не временно только, увеличивала бы в глазах потребителей значение потребляемых ими продуктов и тем умаляла бы значение других, в ту пору менее нужных, продуктов, совершенно немыслима—в каком бы то ни было хозяйстве. Пока давление потребности на суждение о той или о другой полезности не переходит в действие, к нему не следует относиться как к экономическому факту. Проявляясь же в хозяйственной жизни, давление это в изолированном хозяйстве только и может принять форму предпочтения одного продукта другому. Такое предпочтение, если бы оно повторялось непрерывно в течение продолжительного времени, оказывало бы на всю экономическую деятельность то же действие, какое оказывает осада на снабжение пищею жителей и гарнизона крепости.

Нам осталось рассмотреть еще те случаи различия между предметами, когда одному из *разнородных* предметов отдается преимущество перед другими потому, что он удовлетворяет потребности, или более длящейся, чем другая, или в более полной степени, или большему числу потребностей, или более настоятельной потребности. Первый случай очевидно сводится на более полное удовлетворение одной потребности сравнительно с другою, следовательно, предпочтение отдается не качеству, а количеству одного предмета в сравнении с другим. Второй случай совершенно тождествен с первым, третий и четвертый решаются совершенно так же, как и соответствующие им случаи столкновения двух вещей однородных.

Нечего прибавлять, что при гипотезе снабжения изолированного хозяйства всеми теми полезностями, которые в данное среднее время признаются за таковые,—все указанные столкновения между предметами и потребностями должны представлять не более как частные случаи.

Вновь появившаяся потребность, коль скоро состоит налицо и предмет для ее удовлетворения, определяется и заявляет себя совершенно тем же путем, как и прежние.

Наконец, остается рассмотреть еще один случай, именно случай предпочтения вещи вследствие того, что она доставляет больше удовольствия, чем другая. Например, шоколад может содержать менее питательного вещества, чем чай, и в то же время предпочитаться чаю единственно потому, что он вкуснее. Если отбросить сравнительно немногочисленные случаи безотчетных личных капризов, зависящие от врожденных и приобретенных особенностей той или другой личности, и действительно оказывающие пертурбационное влияние на рассмотренные нами отношения к полезностям среднего человека,—то все остальные удовольствия могут быть сведены на удовлетворение потребностей же. При таком взгляде на дело, нетрудно заметить, что случай, рассматриваемый нами, исчерпывается или сравнительной настоятельностью, или большою полнотой в удовлетворении известной потребности, или удовлетворением большего числа потребностей (например шоколад не только питает организм, но обладает, сверх того, и особенно приятным вкусом),—и не представляет самостоятельного явления.

Итак, чем же характеризуются отношения изолированного хозяйства к вещам соответственно полезности их? В данный средний момент ничем, кроме употребления их в дело; нет, при этом, поводов давать большее значение той или другой вещи, дорожить больше той или другой и т. д. Если же, при каких-либо чрезвычайных, а следовательно и *посторонних* обстоятельствах, предстоит сделать выбор между вещами и между потребностями, то преимущество отдается или большему числу единиц удовлетворяющего потребности вещества или более настоятельной потребности.

2) Хозяйственные предметы производятся трудом и [при этом двойного рода: трудом вообще и трудом специально полезным.]³⁰ Каково отношение изолированного хозяйства к таким предметам, коль скоро они произведены? Если бы все они были производимы равным количеством труда, то мы имели бы право сказать, что раз они изготовлены, прекращается всякое отношение к ним хозяйства, с точки зрения труда, за исключением разве большей охраны, доставляемой им, в сравнении с предметами, добываемыми без труда, да, быть может, также, употребления, в дело соответствующего затратам масштаба в видах внутреннего распределения продукта. Но в действительности вещи требуют различного количества труда, и потому отдается предпочтение той из них, которая стоила большего. Отношение это, также незаметное в средний момент, дает себя чувствовать в моменты критические, когда приходится делать выбор между вещами, добытыми с помощью различных количеств труда. Сверх того, существует еще одного рода отношение к предметам со стороны необходимого на производство их труда. Это отношение постоянно, оно состоит в том, что хозяйственная группа, по необходимости, должна следовать известному плану

в своей деятельности: общее количество рабочих сил и рабочего времени подразделяется на части, сообразно тому, сколько времени и труда требует производство каждого отдельного продукта* (см. ниже примеры из Рэшер).

3) Вещи находятся в обладании у изолированного хозяйства. [Пока хозяйство это не пришло в сношения с другими хозяйствами, до тех пор обладание вещами не проявляется в тех сложных формах, в какие оно укладывается впоследствии, в обществе с разделенным трудом; можно сказать только, что люди здесь потребляют вещи, не покидают их, находятся при них, не отчуждают их и владеют ими сообща: ясно, что в противном случае не могло бы идти и речи о каких-либо отношениях людей к вещам и т. п., как и в настоящем случае нельзя еще говорить об отношениях между людьми в форме вещей, так как здесь господствует отношение людей к вещам чисто личное или непосредственно общественное, а не посредственно общественное, как впоследствии.]¹

Перейдем теперь к другой гипотезе—хозяйств с разделенным трудом, ведущих между собою обмен, и посмотрим, какие перемены вносит с собою обмен в отношении к вещам. При этом, мы обратим исключительное внимание на вещи, производимые трудом, так как все остальные не входят в обмен (не потому, что существуют в неограниченном количестве, а потому, что пользование ими не сопряжено с жертвованиями). Самый процесс перехода от изолированного хозяйства к совокупности хозяйств с разделенным трудом, а также условия, предшествующие такому переходу и сопровождающие его, мы оставим в стороне. С переходными формами хозяйства мы поступим таким же образом. Перед нами будут только такие хозяйственные формы, в которых наиболее полно выразится их характеристический признак—присутствие или отсутствие обмена.

Представим себе, что наше изолированное хозяйство, производившее все потребные для группы лиц, входящих в состав его, предметы, раскололось на несколько групп отдельных хозяйств, из которых каждая производит теперь только один продукт.

В чем заключается сущность такой перемены, если не обращать внимания на то, что введение разделения труда повлекло за собою или увеличение производства, или значительное сбережение времени?

Остановимся сначала на отношениях между потребностями и полезностями.

Изолированное хозяйство производило только на себя, составная часть совокупности хозяйств производит почти исключительно на других, доставляет продукты для покрытия

* «La société a déterminé d'abord ce qu'elle doit produire... elle a trouvé que le moyen général de la production est le travail. Il s'agit maintenant pour elle de distribuer le travail entre les individus, dont elle se compose» (Ott «Traité d'économie sociale», p. 147).

чужих потребностей. Взамен получают продукты, удовлетворяющие собственным потребностям*.

Входя в меновые сделки, хозяйство, повидимому, непрерывно сравнивает тягость лишения, которую повлекла бы за собою отдача своего продукта, — с интенсивностью потребности в чужом продукте. Только результат такого сравнения должен, казалось бы, приводить к заключению сделки на тех или на других условиях. Но, дело в том, что собственный продукт с самого рождения своего глядит, так сказать, вон из хозяйства: он производится не для себя. О выборе между сравнительно полезностью двух обмениваемых продуктов не может быть, следовательно, и речи. Один абсолютно полезен, другой абсолютно бесполезен.

[Тут именно мало-помалу возникает понятие о меновой ценности вещей, и, следовательно, о качестве, присущем самим вещам в их отношениях между собою, общественном качестве их обмениваться между собою. Чтобы доказать это, достаточно напомнить приведенные выше определения ценности, из которых многие наделяют сами вещи способностью меняться, не замечая, что не вещи служат представителями этой способности, а люди, меняющиеся между собою продуктами своего разделенного и изолированного труда.]³²

Итак, перемена, сопровождающая переход от изолированного хозяйства к совокупности хозяйств, состоит в том, что потребный продукт находится в чужих руках. Но жребий этот постигает *одинаково все* хозяйства, следовательно нет оснований думать, что значение той или другой полезности, находящейся в руках той или другой группы лиц, вырастет или уменьшится, как в сравнении с прежним, так и в сравнении с настоящим значением других полезностей для остальных хозяйств. В самой замене одной хозяйственной формы другою, *alteris paribus*, не заключается поводов к установлению такого порядка вещей. В средний момент и средним числом, при условии достаточного снабжения, значение всех полезностей для потребителей их остается одинаковое. Если же значение полезностей равно, то оно и не может оказать давления на опреде-

* Противу теории, утверждающей, что сбывается только *илишек в собственном смысле*, как и бывает на *переходных ступенях* от изолированного хозяйства к хозяйству с разделенным трудом, направлены следующие прощеские слова F. Lassale'a: «Herr Borsig producirt zunächst Maschinen zu seinem Familienbedarf. Die überschüssigen Maschinen verkauft er dann. Die Trauermodenmagazine arbeiten zunächst vorsorglich für die Todesfälle in der eignen Familie. Was dann, indem diese zu spärlich ausfallen, an Trauerstoffen noch übrig bleibt, tauschen sie aus. Herr Wolff, der Eigentümer des hiesigen Telegraphen-Bureaus, lässt zunächst die Depeschen zu seiner eigenen Belehrung und Vergnügen kommen. Was dann, nachdem er sich hinreichend an ihnen gesättigt noch übrig bleibt, tauscht er mit den Börsenwölfen und Zeitungsredactionen aus, die ihm dagegen mit ihren überschüssigen Zeitungscorrespondenzen und Actien aufwarten» («Kapital und Arbeit», S. 59).

ление количеств обмениваемых продуктов. Конечно, дробление хозяйств, достижение каждым из них самостоятельности, неразлучно со множеством всякого рода случайностей в снабжении общества продуктами, случайностей, зависящих от особенностей частных положений лиц, хозяйств* и т. п. Отношения отдельных хозяйств к полезностям, находящимся в чужих руках, без сомнения, также несколько колеблются. Колебания эти происходят вследствие того, что иные потребности удовлетворяются подчас не вполне, иные с излишком: в первом случае, значение продукта ввиду настоятельности потребности, растет до такой степени, что потребитель решается жертвовать большею, чем прежде, частью своего собственного продукта, с целью иметь чужой продукт, во втором случае, часть продукта не находит потребителей. Но, несмотря на временные и частные уклонения и колебания, среднее отношение к полезностям, все-таки, остается прежнее, т. е. одинаковое**. Монополии, искусственное сосредоточение хозяйственных сил в немногих

* Более постоянные явления в таком роде дают начало одной из отраслей дохода—ренте. Но и рента платится не потому, что продукт, получаемый взамен нее, имеет более высокое значение, нежели другой того же рода или другого рода, но не дающий ренты: мотивом платежа служит кажущееся, а рынком превращаемое в действительное, сходство условий производства.

** Здесь, кажется, время установить правильный взгляд на значение разногласий по вопросу о полезности и ценности между Прудонем, с одной стороны, Бруно Гильдебрандом и Рошером, с другой. Прудон в своей «*Système des contradictions économiques*» (t. I, p. 69 и след.) утверждает, что между полезностью и меновой ценностью (количеством приобретаемого вещи продукта) существует противоречие: чем более увеличивается число экземпляров полезного продукта, тем более падает его ценность и наоборот; противоречие это приводит к тому, что самые полезные предметы имеют наименьшую ценность (календарь), самые бесполезные, но редкие,—наибольшую. Возражая на это учение, Бруно Гильдебранд («*Политическая экономия настоящего и будущего*», стр. 265 и след.) говорит, что, наоборот, «чем более увеличивается количество полезных предметов, тем ниже падает полезность каждого из них отдельно, если только не изменилась существующая в них потребность...». «Следовательно, полезность и меновая ценность не только не противоречат друг другу, но, напротив, находятся между собою в величайшей гармонии. Полезность и меновая ценность всех произведений падают и поднимаются всегда вместе...». Рошер («*Principes*», t. I, p. 9—10), оспаривая второе мнение Прудона, именно, что чем полезнее продукт, тем он дешевле, находит, что, хотя железо имеет большую родовую ценность потребления, нежели золото, но что зато фунт золота имеет большую конкретную ценность потребления, нежели фунт железа, а потому и меновая ценность его выше. Тут—целая цепь недоразумений. Неправ Прудон, утверждая, что чем больше производится продукта, тем дешевле он продается: если потребность уже удовлетворена, то излишек не продается вовсе, следовательно цена остального продукта не падает; в пределах же между полным неудовлетворением потребности и полным удовлетворением ее,—каждый новый экземпляр продукта действительно роняет цену остальных экземпляров, но это зависит от самостоятельных причин; неправ также Прудон, когда он говорит, что наиболее полезные предметы наиболее дешевы: кроме того, что наиболее полезных предметов не существует, ошибка здесь заключается в том, что совершенно случайные, местные отношения заменяются абсолютной нормой:

отраслях, ограничения в снабжении этими силами других отраслей, без сомнения, нарушают эти отношения более постоянным образом, но зато и представляют совершенно самостоятельные, особые явления, не имеющие непосредственной связи с тою или другою формою хозяйства.

Если предположить, что все или некоторые предметы производятся в количестве большем или меньшем противу того, которое необходимо для покрытия средних потребностей, то излишек снабжения с течением времени перестает производиться, недостаток или замещается суррогатом, или же оказывается, средним числом, равное давление на суждение потребителей о полезности предмета; самое давление это выражается только в том, что известному предмету *приписывают* большую полезность, нежели другим, нежели прежде: предмет обходится дороже, так как увеличилась его стоимость, возрастает страх не иметь потребного количества предмета; поэтому кажется, что полезность его увеличилась; но отношения между потребностью и предметом остаются одни и те же, следовательно, и полезность его не изменяется.

В пределах удовлетворения известной потребности, по-прежнему, отдается предпочтение большему количеству единиц потребного вещества, как представляющему большую полезность*. При сравнении между предметами, из которых один

в Бессарабии, в Крыму и на Кавказе вино крайне дешево, хлеб дорог, в центральной России—наоборот; мы не решаемся сказать, что вино дешевле или дороже хлеба, потому что не знаем, как можно сравнивать между собою вещи, не имеющие между собою ничего общего, даже общепринятой меры. Но, с другой стороны, неправ и Бруно Гильдебранд, уверяя, что чем более полезных продуктов, тем ниже полезность каждого из них; кто не знает, что два чулка вдвое полезнее одного? в пределах потребности новый экземпляр продукта—лишняя единица полезности, за пределами потребности он не нужен вовсе, следовательно, полезность остальных экземпляров остается неизменною; если же пойти назад, уменьшать число экземпляров, то хотя потребность останется частью неудовлетворенной, отсюда не следует, что *полезность* наличных продуктов возросла; возрос только *страх* оставить без удовлетворения часть потребности, элемент совершенно посторонний как полезности, так и ценности, хотя и оказывающий *при случае* такое давление на последнюю, благодаря которому Бруно Гильдебранд находит полную гармонию между тою и другою. Наконец, неправ и Рошер, полагая, что родовая ценность потребления железа выше нежели золота, но что известное количество первого имеет более низкую конкретную ценность потребления, нежели такое же количество второго. Мы уже знаем, что нельзя сравнивать между собою полезность двух предметов, потому что каждый из них хорош на своем месте. Что же касается до более или менее низкой конкретной ценности, из сравнения которых у Рошера оказывается, что меновая ценность продуктов находится в соотношении с их объемом, то полагаем, здесь разъяснять нечего.

* Предпочтение такого рода оказывает влияние на определение размера отдаваемого в обмен продукта: этим объясняется, почему продукт тем дороже, чем он «лучше»; но тут влияние предпочтения скорее формальное, нежели действительное; два экземпляра продукта дороже одного, не столько потому, что представляют вдвое большую полезность, сколько потому, что вдвое дороже стоят.

удовлетворяет большему числу потребностей, нежели другой, — выбор останавливается, попрежнему, на первом из них. Но, попрежнему же, все подобные случаи, подобные сделки должны представлять бесконечно малую величину, едва заметное пертурбационное обстоятельство, в сравнении с большинством случаев и сделок: как увидим ниже, и совокупность хозяйств, ведущих обмен, не обходится в производстве без известного хозяйственного плана. Счетное значение остается за указанными случаями: если бы понадобилось привести в известность имущество двух народов, соответственно специфическим качествам его, а не ценности, то богаче оказался бы тот; у которого было бы, например, больше, чем у другого, пар сапог.

Остается рассмотреть, в какой степени сравнительная настоятельность потребностей является стимулом, определяющим размер, в котором продукты входят в обмен. Мы уже видели, что при обмене не сравнивают потребность в своем и в чужом продукте, потому что свой не нужен вовсе. Но ведь могут же сравниваться взаимные потребности обеих меняющихся сторон, и результат сравнения может оказывать влияние на определение количеств обмениваемых продуктов*. Чтобы такое сравнение имело место *не изредка*, как бывает например в одном из указанных случаев колебаний в отношениях к потребностям, а *постоянно*, — необходимо допустить некоторые неправдоподобные предположения. Очевидно, что если значение обонх вступающих в обмен продуктов для обонх меняющихся сторон одинаково, то сравнительная настоятельность перестает действовать на определение размера, в каком обмениваются продукты. В большинстве случаев это так и бывает, ибо нельзя же предположить, что одна из сторон в *каждом* обмене или в *большинстве* их — нуждается в чужом продукте *сильнее*, нежели другая сторона в ее собственном. Такой порядок отношений мог бы существовать при том только условии, что обмены совершаются целой половиною рода человеческого совершенно случайно, наступают для нее непредвиденно, тогда уже, когда потребный

* Известная теория ценности Бастиа вся исчерпывается именно таким сравнением услуг: «Chercherons nous à savoir comment les deux contractants s'y prendront pour évaluer les services que l'un rend à l'autre... Il faut un point de comparaison (см. ниже о значении труда при подобном сравнении) et il ne peut être que dans le service... Leur exigence réciproque dépendra de leur situation respective, de l'intensité de leurs désirs, de la facilité plus ou moins grande de se passer l'un de l'autre» («Harmonies économiques», p. 133—4). «Dans un échange équitable, les avantages ou la satisfaction de part et d'autre sont égaux; les services, réciproquement rendus et reçus sont aussi équivalents» (Volkoff «Lectures d'Économie politique rationnelle», 1861, p. 59; см. также Canard «Principes d'Économie politique», p. 29—30; Condillac «Le commerce et le gouvernement», p. 56; Destutt de Tracy «Éléments d'idéologie», parties IV et V, p. 157; манускрипт «Основания», passim; Walras «L'Économie politique et la justice», p. 61 и др.

продукт нужен, как говорится, до зарезу*. Мы видели, что для изолированного хозяйства выбор между продуктами, удовлетворяющими не равно настоятельным потребностям, представляет редкое исключение уже потому, что промышленная деятельность его ведется сообразно известному плану, следовательно, вращается в известных *постоянных* условиях. Совокупность хозяйств не содержит условий, которые допускали бы предположение о полной хаотичности хозяйственных соотношений. Не одни факты—долговременное постоянство цен того или другого продукта,—но и невозможность допустить, чтобы какое бы то ни было общество могло существовать при подобных условиях,—ведут к заключению, что и здесь определение размера обмениваемых продуктов, средним, по крайней мере, числом, зависит не от сравнения настоятельности потребностей. Правда, в меновой сделке сравниваются между собою не потребности одного и того же лица в различных полезностях, а потребности двух лиц, и в результате сравнения наступает не безусловный выбор одной полезности и потеря другой, а выбор, сопряженный с пожертвованьем *большой*, чем обыкновенно, части собственного продукта, но это не изменяет сущности дела. В обоих случаях должно быть сделано допущение, что лицо постоянным образом добывает потребные ему вещи посредством гораздо больших усилий, нежели те, какие требуются средними отношениями хозяйственных сил к необработанным вещам. В меновой сделке к этому допущению присоединяется еще одно, именно, что другое лицо, постоянным же образом, прилагает к делу меньше усилий, а это одинаково неправдоподобно.

Обращаясь затем к той роли, которую играет в совокупности хозяйств труд, потраченный на производство вещей, мы замечаем, что и в ней не последовало никаких существенных перемен. Изолированное хозяйство, как мы упоминали, сообразуется с известным планом, который определяет соотношения между количествами продуктов и количествами человеческого труда, потребными на изготовление первых. Такой план составляет *conditio sine qua non* снабжения полезностями каждого изолированного хозяйства, действующего среди постоян-

* Теория экономистов, предполагающих, что основным, определяющим элементом ценности служит отношение полезности к оценке, опровергнута еще физиократом Le Trosne'ом, в лице Condillac'a. Последний утверждал («Le commerce et le gouvernement etc.», p. 15), «que la valeur est dans l'estime que nous faisons des choses, et que cet estime est relative à notre besoin». Le Trosne возражает («De l'intérêt social», p. 891—2), что если бы это было так, то «des choses les plus nécessaires auraient le plus de valeur». Это же возражение повторялось часто впоследствии, но не получило надлежащего развития. Наше различие между статической и динамической классификацией потребностей и полезностей, сколько нам кажется, дает полное решение этого затруднительного вопроса.

ных внешних условий, как оседлого, так и кочевого*. Нетрудно доказать, что, при отсутствии плана деятельности, невозможно сколько-нибудь правильное снабжение продуктами и совокупности хозяйств. Но каким образом устанавливается и осуществляется план при таких основах общественной экономии, вся сущность которых исчерпывается, повидимому, именно полной самостоятельностью частных хозяйств, независимостью их друг от друга?

За исключением некоторых только хозяйственных действий, выполняемых сообразно общественному плану, как то, сооружения путей сообщения, устройства рынков, площадей и пр., — как совокупность хозяйств, так и каждое отдельное хозяйство, действительно не следуют, повидимому, в своих промыслах никакому предначертанному порядку. Производство, обмен, распределение — все это феномены, слагающиеся из целой массы индивидуально-хозяйственных действий, регулируемых, с первого взгляда, единственно частными, до бесконечности различными, соображениями. Но, дело в том, что общий план, хотя и никем в частности не составленный, по необходимости всеми выполняется, потому что вытекает из самой сущности установившихся экономических отношений. Мы имели уже случай говорить (стр. 17—18**) о бессилии, о подчиненном положении частных хозяйств относительно всей массы их***. Каждое хозяйство предлагает продукт непременно известного качества, в известном количестве, произведенный по известным

* «Во всех пустынях, где лишь в весьма немногих местах, называемых оазисами, бывает постоянная растительность, пастушье население принуждено периодически перекочевывать с места на место. Но и эти перекочевки уже гораздо *правильнее*, чем беспорядочное преследование дичи у охотничьих орд: это, своего рода, распределение на участки в больших размерах; но высшая организация труда может иметь место лишь при оседлом густом населении» (Рошер «Наука о народном хозяйстве в отношении к земледелию и пр.», перев. Щепкина и Циммермана, отд. 1-е, стр. 37). У полукочевников в пампасах Буэнос-Айреса: «на 1 000 голов (рогатого скота), или около того, держат *одного* батрака... Этим рабочим в обыкновенную пору нет другого дела, как раза *два* в неделю... облезать верхом все имение... Ежегодно все стадо сгоняется к одному месту, где клеймят годовых животных, двухгодových холостят... Более утонченное скотоводство отличается следующими признаками. *Периодическое* выпаливание пастбищ... Разделение на участки, которые *попеременно* употребляются то на выгон, то на покос» (ibid., стр. 50—51).

** В настоящем издании стр. 20.

*** То крупное значение, которое придается многими экономистами принципу настоятельности потребностей в определении размера обмениваемых продуктов, — вытекает в значительной степени из воззрения на общественное хозяйство с точки зрения отдельных хозяйств. В какой степени случайные выгоды положения одной из меняющихся сторон, — вне общества, — оказывают влияние на величину доли приобретаемого путем обмена продукта, в такой же степени действуют подобные же обстоятельства и в обществе: таков ход заключений тех писателей, которые придерживаются указанной теории. Правда, здесь, по их мнению, является на помощь к отдельным хозяйствам конкуренция; но и ее действие столь же случайно.

техническим приемам, стоящий известных количеств труда. Отступления от такой средней нормы или наказываются или вознаграждаются, смотря по свойствам их, но непременно исправляются рынком в том смысле, что как количество труда, так и количество продуктов, в среднее время и средним числом, — держатся известного уровня.

Может ли быть это иначе? Мы видели, что с переходом от изолированного хозяйства к совокупности хозяйств, отношения людей к полезностям не изменяются. Сущность новых отношений состоит лишь в том, что большая часть, по крайней мере, ^{99/100} полезного продукта находится в чужих руках. Но, повторяем, все хозяйства одинаково подчинены этому порядку вещей. Каждая хозяйственная группа, приведя опытом в известность размер и условия снабжения, производит продукт, потребный другим группам, совершенно на тех же основаниях, на каких ведется производство хозяйством изолированным. Если каждая группа доставляет столько, сколько нужно другим, то, разумеется, все снабжены, как следует. Таковы внешние, наружные черты общественно-экономического плана совокупности хозяйств. Их одних уже достаточно для того, чтобы показать, что канва, на которой вышиваются узоры производства и обмена, ткется хотя и по частям, так сказать, снизу, но, до известной степени, однообразно и равномерно. Есть и внутренние, более глубокие черты [означенного плана.³³]

Каждый обмен представляет не просто взаимную передачу полезных вещей, но и передачу вещей в известном отношении между собою равных. Как справедливо замечает Отт*, сравнение между предметами, каково бы оно ни было, немислимо без

* «Traité d'économie sociale», p. 381: «Comme dans tout échange on compare toujours la valeur de deux objets et que l'on ne détermine celle de l'un, que par rapport à celle de l'autre, plusieurs économistes ont supposé, que la valeur en échange elle même n'est que l'expression d'un rapport; ce n'est que l'expression d'un rapport en effet, mais ce rapport, comme tout autre, suppose une qualité, sur laquelle il porte. On ne peut comparer deux objets sous quelque rapport que ce soit, qu'au point de vue d'une qualité commune, qu'ils possèdent tous deux à des degrés inégaux. Ainsi on compare les objets matériels sous le rapport de leur poids, de leur grandeur, de leur couleur. Or, la grandeur, le poids, la couleur sont des qualités positives, qui ne résultent pas de la comparaison... il en est de même de la valeur en échanges.—«Ein Zuckerhut, weil Körper, ist schwer, und hat daher Gewicht, aber man kann keinem Zuckerhut seine Schwere ansehen oder anfühlen. Wir nehmen nun verschiedene Stücke Eisen, deren Gewicht vorher bestimmt ist... um den Zuckerhut als Schwere oder Gewicht auszudrücken, setzen wir ihn in ein Gewichtsverhältnis zum Eisen. Wären beide Dinge nicht schwer, so könnten sie nicht in dies Verhältniss treten und das Eine daher nicht zum Ausdruck der Schwere des Andern dienen. Werfen wir beide auf die Wagschale, so sehn wir in der Tat, dass sie als Schwere dasselbe und daher in bestimmter Proportion auch von demselben Gewicht sind. Wie hier der Eisenkörper dem Zuckerhut gegenüber nur Schwere, so vertritt in unsrem Werthe Ausdruck der Rockkörper der Leinwand gegenüber nur Wert» (K. Marx «Das Kapital», S. 769—70).

существования сравниваемых качеств. Каждый из обмениваемых предметов заключает в себе нечто *общее* с другим предметом, и за это-то общее, увеличиваясь и уменьшаясь, подвергается сравнению. Каким же общим экономическим качеством обладают предметы, потому и входящие в обмен, что они различны между собою, удовлетворяют неодинаковым потребностям? Если бы каждая из сторон добывала продукты без труда, без пожертвований хозяйственными силами, и обмен происходил бы единственно благодаря *местному* разнообразию производственных условий, тогда качеством сравнения,—если бы оно было нужно,—служило бы одинаковое значение каждого из продуктов для удовлетворения потребностей. Но этого не только нет, не только потому и существуют меновые сношения, что продукты добываются трудом, но, как совершенно верно утверждает Бруно Гильдебранд*, «совокупные разряды труда находятся между собой совсем в другом отношении, чем совокупные разряды потребностей: потребность, составляющая 5% общих потребностей народа, может быть удовлетворена двумя процентами народного труда, а напротив, другая потребность, составляющая только 1% общей потребности народа, может быть удовлетворена 6% труда». Применяя этот взгляд к обмену, мы должны прийти к заключению, что равенство значения обмениваемых предметов отнюдь не указывает еще на равенство пожертвований, а между тем, только уверенность, что, при данных средних технических условиях производства, известный продукт не может быть добыт дешевле, решает в каждом данном случае вопрос о размере, в каком должны быть обменены продукты. Поэтому, только труд, потраченный на производство того и другого предмета, может служить элементом, подлежащим сравнению. Только сравнение между количествами труда может объяснить, во-первых, постоянство отношений между обмениваемыми продуктами**, во-вторых, сравнительно низкую оценку

* «Политическая экономия настоящего и будущего», перев. Щенкина, стр. 268. Автор указанного сочинения делает, впрочем, из приведенного в тексте положения совершенно противоположный нашему вывод, именно, он говорит: «Следовательно социальная ценность каждого произведения определяется не исключительно только одним трудом, но столько же и отношением его к народным потребностям, а потому труд может иметь весьма различное влияние на ценность отдельных произведений»; мы же утверждаем, что именно потому труд и служит качеством, подлежащим сравнению при обмене, что отношение его к различным полезностям не одинаково.

** «Quand une certaine quantité d'un produit s'échange contre une certaine quantité d'un autre produit, par exemple, une certaine quantité de drap contre une certaine quantité de blé, il y a quelque chose qui détermine le propriétaire du drap à accepter en échange *telle* quantité de blé et le propriétaire du blé à recevoir *telle* quantité de drap» (J. Mill «Éléments d'économie politique», trad. par Parisot, p. 88). «Evaluer une chose, dit Say, c'est déclarer qu'elle doit être estimée *autant* qu'une autre, qu'on désigne... La valeur de chaque chose est vague et arbitraire *tant, qu'elle n'est pas reconnue*... Il y a donc une manière de reconnaître la valeur des

вещей, удовлетворяющих таким потребностям, какова например потребность в хлебе. Отвечать на вопрос, почему фунт мяса в данное среднее время продается всем и каждому из покупателей по *одной* цене, по 6 или 7 коп., тем, что это результат конкуренции (см. например Тюрго, Valeurs et monnaies), значит, оставлять без объяснения самый существенный пункт, именно, какие причины побуждают всех конкурентов-продавцов и конкурентов-покупателей назначать постоянно все одну и ту же цену. При неравенстве затрат рабочей силы многие из них покинули бы дело, и охотников заменить их не нашлось бы. Той же конкуренции приписывают очень часто и установление *определенной* цены, хотя оставляют без объяснения вопрос, почему цена именно такова*, почему фунт хлеба стоит 6 или 7 коп., а не сотни рублей и еще более, хотя всех и каждого спасает от голода? Мы, впрочем, встретимся еще с этим вопросом ниже, при рассмотрении учения о спросе и предложении, как определяющих ценность элементов.

Производить продукта столько и такого качества, сколько и какого требуется другими хозяйствами, и производить по средним техническим приемам, с затратою определенных количеств труда,—вот признаки, придерживаясь которых каждая хозяйственная группа выполняет общественно-экономический план, вытекающий из существа господствующей экономической формы производства—разделения в обществе труда, создает *постоянные* условия снабжения общества продуктами. Если снабжение полно, то один только учет труда, приведение его в известность—сначала в собственном хозяйстве, потом в хозяйстве, с которым ведется обмен, обеспечивает постоянство

choses, c'est-à-dire de la fixer, et comme cette reconnaissance ou taxation se fait par la comparaison des choses entre elles, il y a donc aussi *un caractère commun*, un principe, au moyen duquel on *déclare* qu'une chose vaut *plus, moins ou autant* qu'une autre» (Proudhon «Système des Contradictions Économiques», t. I, p. 93). «Ценности различны, но не произвольны» (Galiani «De la moneta», Cust. P. M., III и IV, стр. 45; см. Вернадский «Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе», стр. 93).

* См. например, у Courcelle Seneil'я «Traité d'économie politique», t. I, p. 251: «Les deux chasseurs offrent simultanément du gibier et demandent à la fois du combustible, tandis que les deux autres offrent du combustible et demandent du gibier. Un chasseur propose l'échange à 3 contre 100 (почему не меньше и не больше?): s'il était seul on ne pourrait refuser l'échange à ce taux sans se priver des avantages (в чем они состоят? получить самое ничтожное количество нужного продукта—своего рода выгода, если отдается за него продукт ненужный) qu'il présente; mais il peut arriver que le second chasseur, plus pressé de besoin que le premier, ou possédant plus de gibier et y tenant moins, offre l'échange à 4 contre 100: alors ceux auxquels l'offre est adressée pourront jouir de l'échange à des conditions plus favorables...». Всего лучше в этом взгляде на дело все эти «pourrait refuser», «il peut arriver» и т. д., словом, признание такого полного и безусловного хаоса в отношениях между людьми, в сравнении с которым порядок снабжения пищею диких зверей является замечательной гармонией.

хода общественно-экономической машины, и условие это так важно, что никакое общество не в состоянии без него обойтись в течение более или менее продолжительного времени. Точное приведение в известность количеств труда, издерживаемых на производство входящих в оборот продуктов,—служит единственным отличием совокупности хозяйств от хозяйства изолированного—в отношении к труду.

Остается сказать о значении принадлежности вещей тому или другому отдельному хозяйству. Говоря об изолированном хозяйстве, мы заметили, что принадлежность эта, обладание вещами, [проявляется здесь в самых простых и элементарных формах.]³⁴ [Что в совокупности хозяйств, характеризующейся самостоятельностью их, обладание играет гораздо более важную роль, это не подлежит сомнению. Но роль эта, сравнительно с отношениями производства, не настолько велика, как полагают некоторые экономисты (Walras, Roesler). Дело в том, что не она обуславливает собою те или другие порядки производства и распределения богатства, а сама зависит от них в своем существовании и обратном воздействии на них.]³⁵ Walras* в числе основных условий обмена упоминает и об апроприации. Roesler** признает за одну из важнейших ошибок «смитианизма» пренебрежение к отношениям «общественного господства над природой» (Vermögensprinzip) и увлечение естественно-техническими отношениями между людьми и вещами (Bedürfnis und Consumtionsprinzip); между тем, как, по его мнению, «понятие об имуществе должно быть поставлено в центральном пункте хозяйства». Дж. Ст. Милль*** и Рошер****, а также многие другие экономисты, справедливо признают обеспеченную принадлежность вещей за одно из условий успешного применения к делу труда и капитала. Но считать принадлежность, обладание основным условием обмена, или отношением, господствующим над такими явлениями, как производство и потребление,—это значит придавать ему несоразмерно большое значение. Не следует забывать, что все составные части механизма разделения труда и обмена должны быть уже готовы к действию, когда является *право* хозяйства или лица *отчуждать****** вещь по своему усмотрению (очевидно,—что после права беспрепятственного пользования вещью—право отчуж-

* «L'Economie politique et la justice», p. 7 et 59.

** «Ueber die Grundlehren der von Adam Smith begründeten Volkswirtschaftslehre», S. 70 folg. и passim.

*** «Основания», т. I, стр. 152—4.

**** «Principes», t. I, p. 82—3, 97, 101.

***** Установление частной поземельной собственности взамен общинной совпадает в Западной Европе с эпохой чрезвычайного усиления разделения труда—концом XVIII и XIX столетием. См. Рошер «Начала народного хозяйства и отношения к земледелию и пр.», отд. 1-е, стр. 262—3. Ближайший фактор—более интенсивное земледелие, а, следовательно, и сбыт хлеба на сторону в больших противу прежнего размерах.

дать ее должно быть признано важнейшим атрибутом обладания, получившего юридическую санкцию). Самый частый вид отчуждения—мена и купля-продажа, т. е. отчуждение возмездное: чтобы право не оставалось буквой, должны быть налицо контрагенты мены и купли-продажи, т. е. общественное разделение труда, без которого обмен немислим.

Мы рассмотрели все важнейшие экономические отношения людей к вещам; в их числе должны заключаться и такие отношения, которые дали начало представлению о ценности, элементы ее. Если исключить из них право обладания вещами, отношение, которое, как мы видели, в изолированном хозяйстве остается при самом элементарном применении, в хозяйстве же с разделенным трудом является гораздо более санкцией установившихся экономических форм, нежели элементом их, то об остальных двух отношениях мы можем заметить следующее: 1) специально полезный труд представляет единственный элемент потребительной ценности, точно так же, как отвлеченный от своих специальностей общечеловеческий труд является единственным элементом ценности и меновой ценности. Именно по этой причине*, вследствие своего кажущегося объективного состояния, общечеловеческий труд, содержащийся в товарах, производит в людях впечатление, как бы вещных общественных определений товаров под видом ценностей; 2) специально полезный труд и труд общечеловеческий представляют атрибуты каждого предмета хозяйства, и потому только кажутся людям состоящими в форме отношений между товарами, а не между самими людьми, перенесшими на товар свою рабочую силу**;

3) элементы ценности состоят налицо, как в изолированном и общинном хозяйстве, так и в хозяйстве с разделенным трудом, следовательно, разница между тем и другим в этом отношении может заключаться только в появлении новой идеи о меновой ценности.]³⁶ Мы не знаем еще, что такое ценность, но, основны-

* См., напротив, Condillac «Le Commerce et le gouvernement», p. 58; «L'erreur où l'on tombe à ce sujet vient de ce qu'on parle des choses, qui sont dans le commerce, comme si elles avaient une valeur absolue et qu'on juge en conséquence qu'il est de la justice que ceux, qui font des échanges se donnent mutuellement valeur égale pour valeur égale». Ganilh «La théorie de l'économie politique etc.», t. II, p. 344: «Ce terme (la valeur), qui, dans la langue économique n'exprime qu'une relation entre deux choses, a été employé, comme s'il exprimait une *propriété* dans les choses; de sorte que la valeur, qui n'est que le résultat de la comparaison de deux choses, a été regardée comme la *propriété* inhérente à chaque chose».

** Даже последователь Рикардо—Дж. Ст. Милль «Основания политической экономии», т. I, стр. 514: «Таким образом ценность товаров определяется, главным образом, количеством труда, требующегося на их производство». Ibid., p. 496: «Общего возвышения ценностей быть не может, потому что это логическая несообразность». См. также Storch, «Cours d'Economie politique», t. III, ch. I, p. 2: «A la vérité, comme le prix d'une marchandise est la quantité d'une autre marchandise à laquelle on l'estime égale, toute marchandise, qui s'échange contre une autre, devient par là même une échelle pour mesurer la valeur de cette dernière».

баясь на вышедшем, мы можем с полным правом утверждать, что ценность представляет нечто гораздо более определенное, нежели власть, возможность, способность покупать, значение блага для хозяйственного сознания, степень полезности, правило, по которому совершается обмен, отношение между промениваемыми предметами, меру власти природы над человеком и т. д.

ГЛАВА II

УЧЕНИЕ О ЦЕННОСТИ РИКАРДО, ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ И НЕКОТОРЫХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЕГО

Все сказанное нами до сих пор об элементах ценности, служа первую ступенью к построению понятия о ней, имело, сверх того, целью подготовить условия к установлению правильного критического взгляда на учение о ценности Рикардо и группы писателей, принадлежащих к его направлению. Идя таким путем, мы надеемся разом выполнить две задачи: во-первых: изложить и рассмотреть указанное учение, во-вторых, одновременно с этим вести к решению вопрос о ценности.

[В собственном смысле слова теория Рикардо и группирующихся вокруг него писателей характеризуется следующими главными чертами:]³⁷ 1) при исследовании в ней принимается в расчет не *та* или *другая* меновая сделка *в частности*, а сделка *типическая* или *средняя*, выведенная из множества меновых сделок (соблюдается правило относительно выбора времени и области для наблюдения); 2) между обмениваемыми предметами предполагается не *внешняя*, основанная на неопределенном *отношении*, а *внутренняя* эквивалентность, вследствие того, что каждый из них обладает известным свойством, поддающимся сравнению с таким же свойством другого предмета; свойство это не полезность предмета, которую нельзя и сравнивать, не сравнительный размер опасений не получить потребную вещь или часть ее, а труд, затраты, издержки производства, приводимые к количествам рабочего времени, к уровню прибыли (на место субъективного, индивидуального регулятора, — большего или меньшего значения предмета для хозяйства, — ставится объективный, общественный, равно годный для всей совокупности хозяйств — регулятор величин обмениваемых предметов, следовательно, соблюдается третий пункт различия между хозяйствами общественным и частным — стр. 17—18*); 3) то обстоятельство, что для выбора материала закона

* В настоящем издании стр. 20

ценности берется в рассмотрение *одна* меновая сделка, не заставляет ни на минуту забывать, что последняя служит не более, как типическим представителем всей массы меновых сношений, что эквивалентность вступивших в нее продуктов есть, вместе с тем, общественная эквивалентность продуктов *совокупности* хозяйств с разделенным трудом; при таком взгляде на дело, частные условия, осложняющие, по временам, ту или другую сделку, или даже ряд сделок, принимаются исключительно за пертурбационные влияния, и внимание исследователя останавливается исключительно на силе, играющей, средним числом, наиболее *крупную* и *постоянную* роль в определении размера продуктов, поступающих в обмен (устраняется смешение под общим названием «ценности» или «закона ценности» — *различных*, часто *противоположных* предметов и явлений и отводится каждому из них надлежащее иерархическое место в ряду условий и обстоятельств, от которых зависит исследуемое явление).

Все приведенные нами черты учения о ценности Рикардо, нетрудно заметить, касаются исключительно ценности *меново*: действительно, и сам Рикардо и большая часть его предшественников и последователей — вовсе не упоминают о какой-либо иной ценности, о ценности, элементы которой, как мы видели, состоят налицо и в хозяйстве, отнюдь не ведущем мены; но постановка вопроса о меновой ценности у них настолько удачна, что вполне отвечает и на вопрос о ценности в хозяйстве изолированном; это вытекает из того, главным образом, что они останавливаются не только на отношении равенства между предметами, но и на свойствах, сравнение которых между собою ведет к установлению равенства.

К основным характеристическим чертам рассматриваемой теории прибавлено в последнее время несколько новых, относящихся отчасти к ценности вообще, отчасти к ценности денег (К. Маркс); мы обратимся к ним в особой главе, а теперь займемся более подробным изучением результатов исследований той школы, особенности учения которой приведены нами выше.

Судя по той цельности, последовательности и самостоятельности взглядов, которую обнаруживает Рикардо в большей части своих экономических исследований, нельзя утверждать, что теорию ценности он просто заимствовал у кого-либо из предшественников своих. Не говоря о том, что она является у него гораздо более очищенной и законченной, чем у экономических писателей, живших и работавших до него, — он привел ее в такую тесную, так сказать, органическую связь с другими частями политической экономии, что современная критика имеет, кажется, полное право считать его, если не основателем, то, по крайней мере, лучшим выразителем означенной теории.

Не желая несколько умалять заслуг Рикардо по разработке вопроса о ценности, мы считаем однако полезным обратиться к старой экономической литературе и указать в числе

представителей ее несколько лиц, отнесшихся к этому вопросу совершенно с той же точки зрения, с какой взглянул на него впоследствии Рикардо, хотя и не достигших столь же ясных и определенных результатов. Самостоятельное возникновение одной и той же группы мыслей у писателей, живших в различное время и в различных странах, может, *до известной степени*, служить косвенным подтверждением основательности и справедливости этих мыслей, или, по меньшей мере, указывать на действительное существование поводов к возникновению их.

Не имея специального знакомства с итальянской экономической литературой*, мы ограничимся рассмотрением мнений о ценности некоторых французских и английских экономических писателей XVII и XVIII веков.

Автор сочинений «Detail» и «Factum de la France»—Boisguillebert неоднократно выражает мысль, что всем отраслям промышленности и земледелию в особенности, должны быть непременно возмещаемы издержки, в противном случае все придет к замешательству и разорению. Наведенный на эту мысль, частью, практическими соображениями о вреде чрезмерных поборов под видом таможенных и иных пошлин, частью, преувеличением значения денег, он, как нельзя лучше представил себе то состояние [менового равновесия]³⁸, нарушение которого должно по необходимости затруднять и даже тормозить данный ход общественного хозяйства. «В самом деле», говорит он**, «так как в странах плодородных все состоит в увеличении съестных припасов (denrées), то производство их зависит от бесконечного множества обстоятельств, между которыми абсолютно необходимо поддерживать гармонию; так, что при отсутствии одного из них, взаимная зависимость их разрушает все здание. Так, серебряные рудники в Германии, снабжавшие серебром весь мир до открытия Америки (des Indes), уничтожились сами собою с той минуты, как этот металл, сделавшись более обыкновенным, не мог более выдерживать издержек, которых требовало извлечение его из недр земли в Европе». В других местах своих

* Следующие выдержки из сочинения г. Вернадского «Критическое исследование об итальянской политико-экономической литературе» знакомят, в известной степени, с отношением к указанному направлению некоторых итальянских писателей. «Природу торговли Дженовели исследовал довольно отчетливо. Им ясно высказана та мысль, что в торговых сношениях не теряет ни одна сторона, или, лучше (?), выигрывают обе (l'intenzione di chi dà, è di ricevere sempre l'utile à quel che dà)» (стр. 50). «Оценивая труд,—говорит Беккариа,—нужно обращать внимание на время, употребляемое самим трудом, потому что пища составляет постоянную и периодическую потребность... Есть еще несколько других соображений, которые входят при оценке труда, как например большее или меньшее количество труда...» (ibid., p. 74—5). «Что касается до цены работников или их заработка, то причину различия в ней Галиани приписывает различию дарований и вследствие его происшедшей разницы в самом количестве работы» (ibid., p. 92).

** Boisguillebert «Le Detail de la France», édit. Daire, p. 218.

сочинений он еще яснее выражает ту же мысль: «Если безразлично то^{*}, высоки или низки цены, то абсолютно необходимо, чтобы все было *взаимно*: в противном случае, нет более пропорциональности, а следовательно, и торговли (commerce)». «Так как^{**} первый закон обмена состоит в том, чтобы *обе* стороны были удовлетворены, без чего обмен совершенно *прекращается*[†] потому что разоряет своего агента, то необходимо удержать равный баланс, чтобы польза разделялась...». Равновесие между промыслами Boisguillebert представляет себе как *pium desiderium*, осуществлению которого препятствуют «личный интерес минуть»^{***}, вмешательство властей и преувеличение роли денег, благодаря которому ценность их чрезмерно возрастает, а ценность продукта чрезмерно падает. Последнюю мысль как-то странно слышать из уст писателя, находящего, что высота или низкость цен вообще безразличны (см. выше). Личному интересу, без сомнения, также приписывается не принадлежащая ему сила. Что же касается до вмешательства власти, то, нет сомнения, каждая таможенная пошлина, каждый налог на потребление и т. п.—оказывают давление на^{††} размеры обмениваемых продуктов. Само земледелие, которое Boisguillebert считает наиболее важною отраслью промышленности, по отношению к ценам суровья и хлеба—он не находит нужным ставить в иное положение, нежели другие отрасли^{****}.

Полное отвлечение сравнительной настоятельности потребностей, как силы, способствующей нарушению менового равновесия, Boisguillebert выражает следующим образом: «Нужно^{*****}, чтобы каждая из сторон, как покупатели, так и продавцы, имели *одинаковый* интерес или необходимость продавать или покупать; в противном случае, при прекращении этого равновесия, тот, кто имеет преимущество, пользуется случаем, чтобы заставить другого сдать... В самом деле,—человек,

* Id. «Factum de la France», p. 259. Вот еще некоторые места, дополняющие взгляд В. на меновое равновесие: «Il y a encore une attention à faire, qui est que ce désordre durera éternellement, si ce trafic ou cet échange si nécessaire et si utile, ne se fait avec un profit reciproque de toutes les parties, c'est à dire tant des vendeurs que des acheteurs...». F. de la France, p. 263. «...il ne faut pas que le plus chétif ouvrier vend à perte: autrement sa destruction, comme un levain contagieux, corrompt aussitôt toute la masse» (ibid., p. 259).

** Id. «Traité des grains», p. 331.

*** Вредное действие такого интереса он изображает следующими сильными словами: «Cependant, par une corruption du coeur effroyable, il n'y a point de particulier, bien qu'il ne doive attendre sa félicité que du maintien de cette harmonie qui ne travaille depuis le matin jusqu'au soir et ne fasse tous ses efforts pour la ruiner. Il n'y a point d'un ouvrier qui ne tâche, de toutes ses forces, de vendre sa marchandise trois fois plus qu'elle ne vaut, et d'avoir celle de son voisin pour trois fois moins, qu'elle ne coûte à établir» («Factum de la France», p. 259).

**** «Traité des grains», p. 336.

***** «Traité des grains», p. 369; см. также «Dissertation sur la nature des Richesses», p. 390, 392 и след.

который может *обойтись* без продажи, вступая в дело с другим, которому *необходимо* купить, или наоборот, заключит такой торг, что непременно кто-нибудь из двоих разорится». Находя, что равновесия, о котором идет речь, в действительности не существует, что оно должно быть еще достигнуто, Boisguillebert полагает, что достаточно для этого дать свободу труду,—операция, «на выполнение которой нужно не больше времени, чем на освобождение рабов в древнем Риме, т. е. на одну минуту, и тотчас все предметы восстановят свои пропорции цен, что абсолютно необходимо для потребления, т. е. для всеобщего могущества».

Во всем вышеприведенном ни разу не упоминается о труде в собственном смысле,—речь идет исключительно об издержках производства. Таково и должно быть отношение к вопросу исследователя, который пытается разъяснить действительные условия ценности, исходя из окружающих его отношений господствующей хозяйственной формы—наемничества. [Условия эти можно понять только тогда, когда проводится сравнение между существующими экономическими формами общества и первоначальными, причем выделяются те характеристические черты сходства, которых не устраняют различные порядки распределения имущества, на различных ступенях экономического развития. К сожалению, на это обстоятельство не было обращено достаточного внимания даже классическими экономистами, например Ад. Смитом и Рикардо, которые часто говорит о дикарях, как о получающих заработную плату или прибыль.]³⁹ В чем состоит существенная разница между издержками производства и «трудом», по отношению к ценности,—это мы увидим ниже.

Из английских писателей XVII в. Gobbes, в своем «de Cive», выражает в самых общих чертах мысль, что для обогащения граждан необходимы две вещи: труд и бережливость*. Тут в зародыше содержится позднейшее учение о ценности.

Особенно ясно высказывается интересующее нас научное направление у Petty: «Если кто-нибудь** может доставить из Перу в Лондон унцию золота в *такое же* время, *какое необходимо* для производства бушеля пшеницы, то первая есть *естественная* цена второго. И далее, если лицо может добыть в новом более обильном руднике столь же легко две унции серебра, как прежде одну, то пшеница по 10 шилл. бушель будет столь же дешева, как прежде по 5, при предположении, *что все прочие обстоятельства остаются без изменения*». Ограничение относительно «прочих обстоятельств» прекрасно доказывает, что Petty лучше был знаком с методологическими при-

* «Ad locupletandos cives necessaria duo sunt: labor et parsimonia» («Elementa philosophica de cive», Amstelredami 1647, p. 221—2).

** «A treatise of taxes and contributions», p. 31, см. Roscher «Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre», S. 75.

мами, чем некоторые из современных экономистов (Бастия Маклеод). «Естественные* дороговизна и дешевизна зависят от большего или меньшего количества рук, которые требуются для (производства) необходимейших вещей. Так, хлеб дешевле там, где один человек может удовлетворить потребности в хлебе десяти, нежели там, где он может произвести хлеб только для шести; при этом, должно быть также обращено внимание на то, насколько климат принуждает человека потреблять больше или меньше. Пшеница вдвое дороже там, где двести крестьян принуждены выполнять ту же работу, какую могли бы выполнить сто». Тут почти вполне высказан закон ценности Рикардо: количество труда, затраченное в производство продукта, служит указателем и измерителем количества другого продукта, получаемого в обмен за первый; каждому увеличению, каждому уменьшению количества труда соответствует увеличение или уменьшение количества продукта. Влияние на меновые пропорции некоторых посторонних факторов—довольности, опасности, Petty определяет следующим образом: «Если производство** серебра требует более искусства, нежели производство хлеба, то пусть 100 человек в течение 10 лет занимают земледелием, столько же человек и такое же время сребропромышленностью: в таком случае, я утверждаю, что чистый доход с серебра должен быть ценою всего чистого дохода с хлеба, и одинаковые количества одного—ценою одинаковых количеств другого, хотя и не столько работников по сребропромышленности изучит искусство очищения и превращения в монету серебра, или переживет опасности и болезни работы в рудниках». Выходит, что в общем итоге, опасности и высшая степень искусства не оказывают влияния на меновые пропорции, хотя доход каждой оставшейся в живых или отличившейся единицы и будет больше (именно потому, что итог производится меньшим числом единиц), вывод опять-таки совершенно подходящий к тому, который сделан Рикардо о соответствующем предмете.

[Основывая собственность на труде***, другой известный писатель XVII столетия, Локке, естественно должен был прийти к заключению, что труд находится в известном взаимодействии и с ценностью. «Не столь странно», говорит он, «как может показаться с первого взгляда, то, что собственность труда может одержать верх над общением земли (он имеет, по всей ве-

* «A treatise of taxes and contributions», p. 31, см. Roscher «Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre», S. 76.

** Ibid., p. 24, см. Roscher «Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre», S. 76.

*** «Though the water running in the fountain be every one's, yet who can doubt, but that in the pitcher is his only, who drew it out? His labor hath taken it out of the hands of nature... and hath thereby appropriated it to himself» (Locke «The Works», vol. II, Lond. MDCC, LIX, «Of civil government», p. 174).

роятности, в виду захват помещиками общинных пастбищ в Англии под частное землевладение). В действительности, именно труд кладет различие между ценностью вещей. Пусть подумают только, какая существует разница между акром земли, засаженным табаком или сахаром, засеянным пшеницей или овсом, и акром той же земли, но не обработанным: непременно найдут, что улучшение посредством труда сообщает большую часть ценности. Я полагаю, что это будет очень умеренная оценка, если сказать, что из продуктов земли, полезных в существовании человека, результат труда составляет $\frac{9}{10}$; если же мы пожелаем сделать правильную оценку вещам, входящим в наше потребление, и вычислить различные издержки, которыми мы обязаны одной природе и одному труду, то мы найдем, что в большей части вещей $\frac{99}{100}$ должны быть целиком приписаны труду*.

«Акр земли,—говорит он далее**,—приносящий у нас 20 бушелей пшеницы, и другой в Америке, который, при той же обработке, давал бы столько же, имеют, без сомнения, одну и ту же естественную, внутреннюю (intrinsic) ценность: но прибавь, полученная людьми от первого из них, составляет в год 5 ф., от второго же, быть может, не составляет и пенни, считая на здешние деньги; т. е., по истине говоря, не достигает и $\frac{1}{1000}$. Труд сообщает большую часть ценности земле, без него она почти ничего бы не стоила; ему мы обязаны большею частью наших полезных вещей: весь излишек ценности соломы, отрубей, хлеба с означенного хлебного поля, сравнительно с ценностью продукта земли такого же качества, но необработанной, составляет результат труда. В хлебе, который мы едим, должны считаться не только усилия рабочего, идущего за плугом, труд жнеца и молотильщика и пот мельника, но труд тех, кто воспитывал быков, выкапывал и изготовлял железо и камни, кто рубил лес и придавал ему форму, кто строил плуг, мельницу или какое-нибудь другое орудие... Природа и земля снабжают нас лишь матерьялом, в высшей степени лишенным ценности, как в приведенном случае». Хотя Локке еще не окончательно приписывает труду исключительную роль в определении и образовании ценности, но все же он придает ему громадное значение, сравнительно с силами природы, влияние которых на ценность признает *однородным* с влиянием труда, но бесконечно меньшим *количественно*. Отсюда видно, что понятие о труде, как об определителе ценности, стоит у него бесспорно на первом плане, и потому он принадлежит к предшественникам Смита и Рикардо.]⁴⁰

Но всех ближе к тому и другому стоит автор «Inquiry into the principles of political Economy», Stuart. Его учение

* Locke, *ibid.*, p. 178, § 40.

** *Ibid.*, p. 179, § 43.

о ценности и, особенно, о спросе и предложении, по развитию и отделке положений стоит почти в уровень с лучшими изложениями предмета. Легко может быть, что и Ад. Смит позаимствовался у него многими: в такой степени близко соприкасаются мнения их об условиях, видах и пр. ценности. Оставляя учение о спросе и предложении по Steuart'у до особой главы, мы обратим теперь исключительное внимание на его отношение к известному научному направлению*. «В ценности товаров», говорит он**, «я рассматриваю две вещи, как действительно существующие и одна от другой отличные, именно, действительную ценность товара и прибыль при сбыте его... 1) Прежде всего необходимо знать о каждом мануфактурном товаре, поступающем в продажу, сколько может его изготовить человек *в день, в неделю, в месяц*, смотря по природе труда, требующего более или менее времени, чтобы быть приведенным к окончанию. Делая такую оценку, следует смотреть лишь на то, сколько, *средним числом*, может вообще работать ремесленник в стране, не будучи ни *лучшим*, ни *худшим* представителем своей профессии; при этом, не должно входить в расчет, прибыльно ли для его дела положение его местожительства, или нет... 2) Второе, что нужно знать, это ценность содержания и необходимых расходов ремесленника, как на его личные потребности, так и для доставления служащих в его профессии орудий, что опять-таки следует считать *средним числом*... 3) Наконец, необходимо знать также ценность материалов, т. е. суровья, которое перерабатывает фабрикант или ремесленник... Когда известны три упомянутые вещи, то цена мануфактурных товаров определена: она *не может быть меньше* суммы означенных трех вещей, т. е. действительной ценности; что выше этой цены, то составляет прибыль промышленника. Эта прибыль находится в отношении к спросу и потому колеблется вверх и вниз, смотря по обстоятельствам». «При всех сделках между купцами вытекающая из продажи прибыль должна быть точно отличаема от ценности товара. Первая *может* уменьшаться, вторая *должна* всегда оставаться без изменения. *Только на прибыль* от продажи *может* иметь влияние конкуренция; и благодаря этой причине, мы находим такое однообразие в ценах товаров определенного достоинства***. «Прибыль и убыток могут быть или положительные, или относительные, или то и другое вместе. С положительной прибылью не связано ни для кого убытка. Она вытекает из увеличения труда и индустрии и составляет прибавку или увеличение общественного благосостояния. С положительным убытком ни для кого не связано прибыли. Он возникает из прекращения прежней или вытекающей из нее

* Мы пользуемся немецким переводом его сочинения, изданным Joh. Ulr. Pauli в 1769 г. в Гамбурге.

** «Untersuchung d. Grundsätze der Staatswirtschaft», t. I, S. 199—200.

*** Ibid., S. 217.

деятельности и, можно сказать, ослабляет общее благосостояние. Относительная прибыль та, благодаря которой кто-нибудь терпит убыток. Она указывает на *колеблющееся состояние* баланса богатства между покупателями и продавцами, но не может способствовать увеличению общего фонда. Относительный убыток есть то, следствием чего является для кого-нибудь прибыль... Сложные убыток и прибыль легко понять. Под ними разумеется тот род прибыли или убытка, который частью положительен, частью отрицателен». «Пока на рынке вполне достаточно товара известного рода, но не больше нежеди столько, кунцы, торгующие этим товаром, живут от своей торговли и не получают неумеренной прибыли, [так как нет сильного соперничества на одной только стороне]⁴¹—между ремесленниками или между теми, кто у них покупает, и, таким образом, под влиянием [двойного соперничества]⁴², баланс слегка двигается в обе стороны»**. Баланс этот нарушается, по Steuart'у, четырьмя обстоятельствами: или уменьшается, при том же запасе товаров, спрос, или уменьшается, при том же спросе, запас товаров, или увеличивается, при одном и том же запасе товаров, спрос, или увеличивается запас товаров, при том же спросе. «Под потребляемыми вещами разумею мы все телесные вещи, за исключением денег и земли... В этих вещах следует обратить внимание: 1) на их простую субстанцию или продукт природы, 2) на модификацию в них, т. е. на затраченный в них человеческий труд. Первое называю *внутреннею* ценностью, второе ценностью *в употреблении*. Ценность сырого продукта природы должна быть всегда определяема соответственно той годности к употреблению, которою он обладает и тогда, когда приданная ему человеком модификация уже совершенно уничтожена... Ценность модификации определяется соответственно требуемому на нее труду»***.

Приведенные нами цитаты из книги Steuart'a доказывают, что он не только довольно ясно представлял себе роль труда в установлении меновых пропорций, но и провел чрезвычайно важное различие между средним положением этих пропорций и колебаниями их: естественная и рыночная ценность Смита и Рикардо фигурируют у него вполне определенно, хотя и под другими наименованиями. Труд и прибыль,—издержка и доход, входя, оба, составными частями в то, что он называет ценностью,—без сомнения, представляют сумму довольно разнокалиберных слагаемых; но этого нельзя поставить в вину автору, так как сам Смит и даже Рикардо не были чужды заблуждению этого рода; мало того, если не ошибаемся, *вся* экономическая литература до самого последнего времени оставляла открытым вопрос, каким образом происходит столь странная вещь, что

* Ibid., S. 224—5.

** Ibid., S. 236.

*** Ibid., S. 388.

обмен продуктов соответственно издержкам производства, которые все могут быть сведены к труду, не исключает взаимного размена прибылью; почему для прибыли в хозяйствах, ведущих между собою обмен, существует уровень, не только установляемый, но и *поддерживаемый* конкуренцией капиталов, тогда как для задельной платы, другой составной части продукта, уровень только устанавливается конкуренцией рабочих, поддерживается же внешнею силою, — затратою *определенных* количеств труда?

[Под именем *баланса* Стёрт очевидно разумел равенство издержек производства в обмениваемых произведениях и только не умел еще справиться с происхождением прибыли, которое относит на счет цен. Эту последнюю задачу, что прибыль, наряду с заработной платою, входит в продукт самого производства, решает только Рикардо, а окончательно разъясняют только Родбертус, Маркс и Джорж. С другой стороны, Стёрт, подобно Франклину, смешивает две различные формы труда — абстрактную или общую и специальную, один раз, называя труд, определяющий ценность, *человеческим трудом*, а другой раз называя эту ценность, — ценностью *в употреблении*. Дело в том, что специальная полезность придается продукту специальным трудом, а меновая ценность трудом общечеловеческим, т. е. тем же специальным трудом, но в отвлеченной форме.]⁴³

Анализ прибыли и убытка, установление различия между ценностью и полезностью, представляет также блестящие стороны Steuart'овой экономии. Много ошибок было бы избегнуто в науке, если бы не упускалась в ней из виду разница между положительными и относительными прибылью и убытком, что, к сожалению, делалось слишком часто*. Говоря, «ценность модификации определяется соответственно требуемому на нее труду», Steuart сумел отвлечь обмен и взглянуть на основные отношения, дающие существование тому, что может быть названо ценностью меновой. Его внутренняя ценность или, просто, полезность, представляет не более как свойство, принадлежащее предметам, вошедшим в оборот.

В более общих, хотя не менее ясных чертах высказывает занимающее нас учение другой писатель XVIII в. Cantillon**.

«Если», говорит он***, «из шерсти выдвывается одно

* См., например, Bastiat «Harmonies économiques», p. 109: «Que l'on considère les relations d'homme à homme, de famille à famille, de province à province, de nation à nation... — il est évident, ce me semble, qu'on ne peut ni résoudre, ni même aborder le problème social, à aucun de ses points de vue, avant d'avoir choisi entre ces deux maximes; le profit de l'un est le dommage de l'autre. Le profit de l'un est le profit de l'autre». Закон спроса и предложения в безусловной своей форме — также совершенно исключает всякое различие между прибылью того и другого рода.

** Мы цитируем по французскому переводу его книги: «Essai sur la nature du commerce en général», 1756.

*** Ibid., p. 174.

платье грубого сукна, а другое тонкого, то, так как это последнее потребует большего и более дорогого труда, нежели платье из грубого сукна, то оно будет иногда вдесятеро дороже, хотя и то, и другое платье содержат одно и то же количество шерсти и одной и той же доброты. Количество продукта земли и количество, а также равно и качество труда необходимо войдут в цену». «Цена* лугового сена на месте, или деса, который желают срубить,—регулируется материалом или продуктом земли, смотря по качеству последней. Кружка воды из Сены вовсе не имеет никакой цены, потому что вода—материал, существующий в громадном количестве и неистощимый; но за нее дадут су на улицах Парижа, что составляет цену или меру труда водоноса. Из этих наведений и примеров, я полагаю, поймут, что цена или внутренняя ценность вещи есть мера количества земли и труда, входящего в производство вещи, если обращено внимание на качество и на продукт земли и на количество труда». «Если фермеры страны сеют *больше*, чем обыкновенно, пшеницы, т. е. больше, чем требуется на потребление в течение года, то *внутренняя действительная* ценность пшеницы соответствует земле и труду, входящим в ее производство; но, так как пшеница родилась в большом изобилии, и продавцов оказывается больше, чем покупателей, то цена пшеницы на рынке необходимо упадет ниже... внутренней ее ценности. Если, напротив, фермеры сеют *меньше* пшеницы, чем требуется, то покупателей будет больше, чем продавцов, и цена пшеницы на рынке поднимется выше ее внутренней ценности. Во внутренней ценности вещи *никогда не бывает колебаний*; но невозможность поставить производство товаров и припасов в соответствие с потреблением их в государстве причиняет ежедневные колебания и вечный прилив и отлив в ценах рынка. Однако, в хорошо устроенных обществах рыночные цены припасов и товаров, потребление которых достаточно постоянно и однообразно, не удаляются значительно от внутренней ценности, и, если не бывает слишком неурожайных или урожайных лет, то магистраты городов всегда бывают в состоянии установить рыночную ценность многих вещей, например хлеба и мяса так, что не на что кому бы то ни было жаловаться».

И здесь полное отвлечение сравнительной настоятельности потребностей для того момента, когда после колебаний устанавливается известное равновесие между продуктами, поступающими в обмен. Когда продукта больше, или меньше, чем нужно, меновые пропорции колеблются; но раз потребность покрыта в меру,—наступает равенство «внутренних ценностей».

[Кантильон пишет на рубеже старого порядка и нового порядка свободного соперничества, поэтому неудивительно, что признавая действие на цены этого последнего, он в то же

* Ibid., p. 175.

время примиряется с установлением цен через магистраты. Сверх того, к труду, как регулятору меновой ценности, Кантильон подмешивает еще и ценность природы, очевидно, смущенный тем обстоятельством, что продаются дрова и сено, которые никому ничего не стоили. Имей он понятие о поземельной ренте, он легко устранил бы это кажущееся недоразумение.]⁴⁴

Перейдем к физиократам*. Из них Quesnay, Mercier de la Rivière и Le Trosne, по своим понятиям о предмете, примыкают почти вплотную к тому направлению, главою которого следует считать Рикардо. У первых двух брошено о ценности лишь несколько оригинальных замечаний, у третьего теория вопроса достигает довольно полной обработки. Прочие физиократы не занимались ценностью.

Уже в своем «Dialogue sur le commerce» Quesnay проводит весьма важное различие между положительной и относительной прибылью, столь хорошо разъясненное Steuart'ом. Различие это составляет естественный вывод из предположения, что из обмениваемых предметов *каждый* обладает одним и тем же, подлежащим измерению и сравнению, свойством, размер которого только возмещается обменом, следовательно не может равняться чему-либо меньшему самого себя. Отсюда в тех случаях, когда последнее обстоятельство действительно наступает, появляется относительная прибыль и относительный убыток. В «Dialogue» Quesnay, некто М. Н., ведя спор с физиократом М. N. о торговле, утверждает, что торговля *доставляет* или *производит* прибыль, и что поэтому класс торговцев не может быть назван бесплодным. М. N. возражает: «Прибыль**», на которой вы настаиваете, относится только к сбережению, которое делают продавец первой руки и покупатель-потребитель на издержках торговли купцов, при помощи полного соперничества между последними, принуждающего их уменьшать свое вознаграждение. Итак, то, что вы называете здесь *прибылью*, есть, строго говоря, не больше как освобождение от потери продавца первой руки и покупателя-потребителя. Но освобождение от потери на издержках торговли *не есть действительный* продукт или увеличение богатства***. В ответ на утверждение своего противника, что благодаря увеличению посредством соперничества цены товара в стране, где она

* Из писателей антимеркантилистического направления, высказывавших вскользь известное мнение о ценности, можно упомянуть еще о Berkeley'е и Harris'е. Первый, по словам Kautz'a («Geschichte der Nationalökonomie», S. 320), «относительно труда исходит из чисто национального английского представления, что на нем покоится вся ценность продуктов и даже произведений почвы». Второй учит, «что для измерения цен... должны быть взяты те количества труда, посредством которых блага производятся» (ibid., S. 322).

** «Physiocrates», édit. Daire, t. I, p. 145—6.

*** Теория потребительных обществ совершенно подтверждает справедливость этой мысли.

низка, и уменьшению ее в стране, где она высока,—прибыль продавца должна увеличиваться в первой из них, прибыль покупателя во второй, М. N. продолжает развивать свою мысль следующим образом. «Вы смешиваете* здесь действие свободного сообщения торговли между различными странами с действием самой торговли, которая представляет мену продукта, имеющего продажную ценность, на другой продукт *равной* ценности, мену, в которой, следовательно, самой по себе, нечего ни терять, ни приобретать ни той, ни другой стороне; хотя и та и другая могут потерять много по причинам, не зависящим от торговли и то понижающим, то возвышающим цену. Продавец первой руки теряет при низкой цене, покупатель-потребитель при высокой... Но установление компенсации цен не доставляет ни той, ни другой стороне действительного продукта, а доставляет только избавление от потери; ибо это установление не предполагает никакого увеличения продукта, а только устранение причин неравенства в ценах. Справедливо, нельзя сомневаться, что в приведенном вами случае перемещение продукта необходимо для избежания потерь, как само море необходимо для перемещения продуктов посредством мореплавания; но заключать отсюда, что то и другое производительно, значит, смешивать условия сообщений, о которых идет здесь речь, с причиной, производящей товары, и с причинами цен, существующих всегда *до торговли*, и служащих торговцу для соображения в его операциях». Еще яснее развивает Quesnay свой взгляд на ценность в другой статье «Dialogue sur les travaux des artisans». Темою разговора между теми же М. Н. и М. N. служит на этот раз вопрос о производительности ремесл. М. N. прямо говорит, что труд ремесленника увеличивает ценность продукта земли, а, вместе с тем, и богатство, хотя это и не составляет (?) *действительного* увеличения его. «Я повторяю, торговля есть не что иное, как обмен ценности на *равную* ценность», говорит он далее**. [Идея, прикрываемая всею этою аргументацией, состоит в том, что торговец *не трудится*, а только избавляет производителя и потребителя от потери, что труд устанавливает ценность товаров *до торговли*, и что в обмен поступают исключительно *равноценные* продукты, т. е. стоящие одного и того же количества труда.]⁴⁵

Ту же мысль повторяет и выясняет другой талантливый физиократ—Mercier de la Rivière в X и XI главах своего «L'ordre naturel des sociétés politiques». Не очевидно ли***, что, если совершаемые нами продажи уплачиваются деньгами,—

* Ibid., p. 146—7.

** Ibid., p. 196.

*** Ibid., t. II, p. 541.

то я не могу купить у вас менее, чем сколько вы покупаете* у меня; не очевидно ли, что суммы наших попеременных продаж и покупок должны быть между собою равны? если, продав мне на 100 франков, вы пожелаете купить у меня только на 50, то каким образом поступлю я, чтобы уплатить вам? И если бы я был в состоянии сделать это *один раз*, как мог бы я продолжать *всегда* давать вам более денег, чем получаю?». «Человек**, который обладает большим количеством вина и не обладает хлебом, входит в сношения с другим, у которого много хлеба и нет вина; между ними происходит обмен 50 единиц ценности хлеба на 50 единиц ценности вина. Этот обмен не представляет увеличения богатства ни для того, ни для другого, ибо каждый из них *до обмена* обладал ценностью, равную той, которую он добыл этим способом. Тем не менее, обмен этот одинаково полезен каждому из них: без него каждый из этих двух людей не был бы в состоянии воспользоваться частью своего урожая и каждый, следовательно, уменьшил бы обработку».

[Читатель видит, что внутренний механизм обмена представляется Мерсье де ла Ривьеру в столь ясном и определенном свете, в каком не могли себе представить весьма многие новейшие писатели. Так, например, Мерсье прекрасно знает, что назначение обмена исчерпывается перемещением продуктов различного *по качеству* труда, а также, что, при организованном обмене, выгода состоит в увеличении размеров производства. Требование равенства в обмене прекрасно дополняет теоретические воззрения Мерсье. Насколько слабее этих воззрений является, например, взгляд на тот же предмет, например, Кондильяка, показывает следующая цитата: «В самом деле, если бы всегда обменивали равные ценности на равные, то ни одна из сторон не была бы в *выигрыше*. Однако и та и другая получают и должны получать его. Почему? Потому что вещи имеют только относительную ценность к нашим потребностям, и то, что для одного *более*, для другого *менее* и наоборот. Выгода взаимна, и вот что, без сомнения, заставило сказать, что каждый из них дает другому равную ценность за равную. Но в этом было мало последовательности; именно потому, что выгода взаимна, следовало бы заключить, что каждый дает *меньшее* за *большее*». Следовало бы заключить совсем не это, а то, что каждый дает вещь, совершенно бесполезную для себя и полезную для другого, и дает в ней такое же количество труда, какое получает обратно***.]⁴⁶

Наиболее обработанное учение о ценности встречаем в «*Intérêt Social*» Le Trosne'a. Мы не будем, впрочем, излагать подробно развиваемой им теории, потому что нас интересует

* «Acheter c'est vendre, vendre c'est acheter, car acheter ou vendre c'est échanger» (ibid., p. 540).

** Ibid., p. 544.

*** «Le commerce et le gouvernement», p. 57.

только та сторона ее, посредством которой она соприкасается с известным направлением.

Le Trosne насчитывает четыре причины (causes) ценности: 1) свойство предметов быть потребляемыми, 2) необходимые издержки, 3) редкость и изобилие, 4) конкуренция. «Если бы* предметы не имели полезности, они не имели бы и ценности». Но, «хотя ценность предполагает полезность, отсюда не следует, что она пропорциональна степени полезности, потому что есть и другие определяющие ее причины. В противном случае вещи необходимые имели бы наибольшую ценность, а, между тем, происходит обратное... Цена необходимых продуктов ниже, потому что количество их увеличивают соответственно потребности и сбыту, и потому, что значительная конкуренция между продавцами принуждает их довольствоваться справедливою ценою... Но существует еще одна более важная причина, производящая различие в ценах,—это больший или меньший размер издержек обработки. Вино, конопля, нежные плоды, овощи должны быть соответственно дороже пшеницы, потому что стоят большего труда и издержек. Итак, хотя бы был обеспечен сбыт, нельзя было бы отдать их в убыток; а если бы не нашлось им сбыта, сократилась бы обработка**». «Вторая причина ценности—необходимые издержки. Эта причина касается всякого рода издержек, как обработки, так перевозки и ремесла. Прежде всего нужно, чтобы они были возмещены в цене... Если бы эти издержки не были возмещаемы, то не стало бы ни охоты, ни возможности продолжать ту же работу и делать те же затраты для увековечения производства».

Мы видели уже совершенно такую же постановку вопроса у Boisguillebert'a, у Steuart'a. И там и здесь речь идет о таких издержках, которые необходимо должны быть возвращаемы, в противном случае прекратится производство. Большинство окружающих фактов свидетельствует о том, что общее правило скорее составляет *постоянство* той или другой промышленной деятельности, нежели непрерывная смена их; иными словами, размеры той силы, которая поддерживает известное хозяйственное *status quo*,—*больше*, нежели размеры силы, колеблющей его. Это явление составляет посылку, из которой выводится закон менового равновесия, и посылку не гипотетическую *только*, а соответствующую действительности. В данное время колебания могут быть сильны, но нельзя сказать того же о среднем, *единственно годном* для наблюдения, времени.

Кроме перечисленных причин, а также редкости и изобилия, Le Trosne останавливается еще на конкуренции, роль которой состоит в том, что она «устанавливает уровень» ценностей, при известных условиях. Затем, интересно у него разъяснение

* «Physiocrates», t. II, p. 890—2.

** Ibid., p. 893.

существенных признаков и последствий обмена. «Обмен* по природе своей есть договор равенства, выражаемого отдачею равной ценности за равную. Он, следовательно, не представляет средства обогащения, потому что дается столько же, сколько получается, он—средство удовлетворять нуждам и разнообразить пользование. То же следует сказать и о продаже, отличающейся от обмена только способом (поуен), а не предметом... Такова природа обмена, когда он происходит при полной конкуренции, и когда цена определяется единственно причинами, которые *должны* иметь на нее влияние. Он становится невыгодным для одной из сторон, когда какая-либо посторонняя причина понижает или увеличивает цену. Тогда равенство нарушено, но нарушение вытекает *из этой причины, а не из обмена*. Преимущество, отдаваемое приобретаемой вещи, *ни в каком случае не составляет повода утверждать*, что обмен производится не равными ценностями и что дают меньше, чем получают (против Condillac'а)».

Если оставить без внимания не совсем удачное наименование причинами целого ряда явлений, из которых далеко не все одинаково служат образованию ценности, то учение Le Trosne'а может считаться, во-первых, полным выражением физиократических взглядов на этот предмет, во-вторых, одною из ближайших ступеней к теории Смита и Рикардо. Что касается отношения Le Trosne'а к остальным физиократам, то положение их об обмене равноценностей мы находим у него в еще более развитом и законченном виде. С целью доказать, что для осуществления меновой сделки необходимо равенство, Le Trosne устраняет из понятия об обмене идею обогащения, изолирует явление обмена от влияния посторонних сил, утверждает, что нарушение равенства вытекает не из самого обмена, отвлекает сравнительное значение полезностей. Все это—шаги на пути к действительному решению вопроса о ценности. Но что такое ценность, что именно равно в обмениваемых продуктах—эти и некоторые другие сопредельные вопросы, как Le Trosne, так и прочие физиократы предоставили решению экономистов смитовой школы.

[Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой ценности, сводящейся к рабочему времени, говорит Маркс**, встречается у человека Нового Света, в котором гражданские производственные отношения, введенные одновременно с их носителями, быстро проросли на почве, перевешивавшей недостаток исторической традиции обилием плодородия. Человек этот Веньямин Франклин, который формулировал новейший основной закон политической экономии в своей первой, юношеской работе, писаной в 1719 и напечатанной

* «Physiocrates», t. II, p. 903.

** «Zur Kritik etc.», S. 33—34.

в 1721 г.*. Он считает необходимым найти другое мерило ценности, кроме драгоценных металлов. Таков труд, и трудом ценность серебра может измеряться столь же хорошо, как и всех других вещей. Предположим, например, что одно лицо занимается возделыванием хлеба, между тем, как другое выкапывает и очищает серебро. В конце года или какого-нибудь другого определенного периода времени полный продукт пшеницы и серебра будет естественною ценою один другого, и если один равняется 20 бушелям, а другой 20 унциям, то одна унция серебра имеет ценность труда, употребленного на производство одного бушеля пшеницы. Но, если, благодаря открытию новых более обильных и более доступных рудников, лицо может произвести 40 унций серебра с тою же легкостью, как прежде 20, а на производство 20 бушелей пшеницы требуется прежний труд, тогда две унции серебра будут стоить не более, как той же работы, которая требуется на производство одного бушеля пшеницы, и бушель, стоивший прежде одну унцию, будет стоить теперь две унции *caeteris paribus*. Таким образом богатство страны следует оценивать количеством труда, которое способны кушать ее жители. Рабочее время сразу является у Франклина в одностороннем экономическом свете мерила ценности. Превращение действительных продуктов в меновые ценности разумеется само собою, и потому дело идет только о том, чтобы приискать мерило для измерения величины его ценности. «Так как», говорит он, «торговля вообще есть не что иное, как обмен труда на труд, то ценность всех вещей всего правильнее определяется работой**». Если поставить здесь действительный труд на место слова «труд», то немедленно обнаружится смещение работы в ее двух различных формах. Так, например, если торговля состоит в обмене работ сапожника, горнорабочего, сапожника, живописца и пр., то значит, ценность сапог всего правильнее определяется работой живописца? Франклин, наоборот, полагает, что ценность сапог, продуктов рудника, пряжи, картин определяется отвлеченною работой, которая не обладает никакими особенными свойствами и потому измеряема простым количеством***. Но так как он не развивает содержащийся в меновой ценности труд, как труд абстрактный и общий, возникающий из всестороннего отчуждения индивидуальных работ, то он по необходимости просматривает деньги, как непосредственную форму существования этой отчуждаемой работы. Поэтому, деньги и работа, определяющие меновую ценность, не находятся, по его мнению, ни в какой внутренней связи, а деньги скорее являются орудием, внесенным в обмен только для внешнего

* «The Works», vol. II, Boston 1836. «A modest inquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency».

** Ibid., p. 265.

*** Ibid., p. 267.

удобства*. Анализ меновой ценности Франклина остался без непосредственного влияния на общий ход науки, так как он подвергал своему обсуждению только одни отдельные вопросы политической экономии по определенным практическим поводам.†⁴⁷

Обратимся теперь к Ад. Смигу, имя которого редко обходит в большинстве экономических трактатов, обсуждая вопрос о ценности. Действительно, некоторые особенности этого вопроса чуть ли не впервые намечены Смитом. В отношении же к ценности вообще справедливо сказать о Смите то, что сказал Ропер относительно всей его системы**»: «Adam Smith ist keinesweges in dem Grade, wie man gewöhnlich annimmt, Erfinder der von ihm ausgesprochenen Wahrheiten».

Разделение труда, говорит Смит***, делает необходимым обмен, потому что каждый член общества, производя лишь один вид или род предметов, может сам удовлетворить лишь весьма незначительной части своих потребностей, следовательно принужден покрывать большую часть их путем обмена излишка произведённого над своими потребностями. Взаимный обмен столь различных продуктов находит главное препятствие в том, что предлагаемое не всегда нужно каждому, и желаемое не каждым предлагается. Потребность иметь такое менеспособное благо, которое могло бы всегда и везде быть принимаемо, дала возникновение деньгам. Каковы же правила (rules), которым естественно следуют люди при обмене продуктов на продукты и на деньги? Эти правила определяют то, что может быть названо относительной или меновой ценностью благ. Слово ценность имеет два различных значения—иногда оно означает полезность предмета, иногда власть, предоставляемую предметом покупать за него другие предметы; первую можно назвать потребительной ценностью, вторую—меновую. Вещи большой потребительной ценности часто или вовсе не имеют, или имеют незначительную меновую ценность, и наоборот. За воду, как бы она ни была полезна, почти ничего нельзя получить путем обмена; напротив, за алмаз, который не имеет почти никакой потребительной ценности, получают часто большое количество других благ в обмен. Поэтому важно: во-первых, найти основания, на которых покоится меновая ценность товаров, другими словами, исследовать, каков действительный масштаб меновой ценности, или в чем состоит действительная цена всех товаров; во-вторых, узнать, каковы различные составные части действительной цены; наконец, в-третьих, определить, каковы различные обстоятельства, иногда возвышающие часть или всю совокупность различных частей цены над ее естественным или обычным уровнем, иногда понижающие их над ним, или другими сло-

* «Paper on American Politics etc.».

** «Zur Geschichte der englischen Volkswirtschaftslehre», S. 123.

*** «Wealth of Nations», b. I, ch. IV, V, VI, VII.

вами, каковы причины, препятствующие рыночной цене товаров точно совпадать с естественною ценою их. Каждый богат или беден, смотря по степени, в какой он может доставлять себе удовлетворение потребностей, удобств и удовольствий человеческой жизни. Но так как, по введении разделения занятий, каждый посредством собственного труда стал удовлетворять лишь весьма незначительной части этих потребностей, удобств и удовольствий, то большую часть их он принужден покрывать трудом других людей. Отсюда следует, что можно быть также бедным или богатым, смотря по количеству труда других, которое может быть поставлено в обладание лица или обменено им. Ценность товара для лица, которое им обладает, но не думает пользоваться им или потреблять его, а желает обменять его на другие товары, равна тому количеству труда, которое может быть получено путем обмена этого товара или поставлено посредством его в распоряжение лица. Действительная ценность каждой вещи, то, чего стоит каждая вещь лицу, желающему приобрести ее—есть труд и усилия приобретения ее. Действительная ценность вещи для лица, уже приобретшего ее и желающего пользоваться ею, или обменять ее на другую вещь—есть труд и усилия, сберегаемые лицом и перелагаемые на другие лица. Но часто бывает нелегко определить отношение между двумя различными количествами труда, ибо не только время, но также и затруднительность работы и употребленная в дело ловкость должны быть принимаемы в расчет. Поэтому на практике охотнее принимают для измерения меновой ценности благ осязательный предмет, известный товар, потому что подобное благо легче служит указанной цели, нежели отвлеченное представление.

Но как скоро деньги становятся всеобщим орудием мены, то непосредственный обмен прекращается, и все блага начинают обмениваться на деньги. Тем не менее меновая ценность денег подлежит изменениям, тогда как одно и то же количество труда во все времена и повсюду сохраняет для работника, при обыкновенных обстоятельствах, одну и ту же ценность, т. е. всегда требует одинаковых жертвований спокойствием, свободой и счастьем. Колеблется меновая ценность тех благ, которые даются за труд, а не самого труда. Цена, которую уплачивает работник, должна быть всегда одна и та же, каково бы ни было количество благ, получаемых за нее. Итак, один только труд представляет в собственном смысле масштаб для измерения меновой ценности благ всегда и повсюду; он—действительная, деньги же только нарицательная цена благ. Но не так смотрит на дело тот, кто дает занятия рабочим: с его точки зрения, один и тот же труд имеет то большую, то меньшую меновую ценность. В действительности же не труд, а отдаваемые за него блага дороги в одном случае и дешевы в другом. В этом смысле можно сказать, что и самый труд, подобно бла-

гам, имеет действительную и нарицательную цены; первая состоит в количестве предметов необходимости или удобства, отдаваемых за труд, вторая—в количестве денег. Рабочий богат или беден, вознагражден хорошо или худо, смотря по действительной, а не по нарицательной цене его труда. Различие между действительной и нарицательной ценами товаров имеет часто большое значение в практической жизни. Одна и та же действительная цена представляет всегда одну и ту же меновую ценность, но, вследствие изменения меновой ценности золота и серебра, одна и та же нарицательная цена выражает в разное время весьма различные ценности. Но в отдаленные одна от другой эпохи равным количествам труда гораздо ближе соответствуют равные количества хлеба—средства существования работников, нежели равные количества золота или серебра, или, быть может, всякого другого товара. Таким образом, действительные ценности равных количеств хлеба гораздо ближе между собою в отдаленные эпохи, т. е. дают его обладателю большую возможность покупать или заказывать одни и те же количества труда других людей.

Переходя затем к определению составных частей цены, Смит различает два новых вида ценности—естественную и рыночную. В первобытном состоянии общества, говорит он, предшествовавшем накоплению капиталов и обращению в собственность земель, отношение между количествами труда, необходимыми для приобретения различных предметов, представляет, кажется, единственное условие, на котором основывается правило обмена предметов один на другой. Естественно, что, при таких обстоятельствах, вещь, составляющая продукт двух дней или двух часов труда, стоит вдвое более, нежели вещь, произведенная одним днем или часом труда. При этом, разумеется, принимают также в расчет степень ловкости и большей или меньшей затруднительности применения к делу труда. В таком положении вещей весь продукт труда принадлежит работнику. Но как скоро появились накопления капитала в руках отдельных лиц, то некоторые из них естественно пожелали употребить эти накопления на заказ труда рабочих людей, снабжая последних материалом и средствами существования, в расчете получать прибыль *от продажи* их произведений, или от того, что присоединяет их труд к ценности материала. При обмене готового продукта на деньги, на труд, или на другие блага, должны быть выручаемы не только цена материала и задельная плата рабочих, но, сверх того, излишек, служащий прибылью предпринимателю, который затратил в дело капитал. С тех пор, как земля страны стала частною собственностью, землевладельцы, подобно всем прочим людям, предпочли собирать там, где никогда не сеяли, и требовать ренты даже за естественные произведения почвы. Эта часть, или, что одно и то же, цена

той части составляет третью составную часть цены большинства произведений. Действительная ценность всех составных частей цены измеряется количеством труда, которое может каждая из них купить или заказать. Труд измеряет ценность не только той части цены, которая разлагается на труд, но и тех, которые разлагаются на ренту и прибыль. В каждом обществе цена всякого товара состоит из той или из другой, или из всех этих частей вместе. Так как в образованной стране существует весьма небольшое количество товаров, меншая ценность которых вытекала бы единственно из труда, и так как в ценности гораздо большей их части рента и прибыль принимают значительное участие, то годичный продукт труда всегда будет в состоянии купить или заказать гораздо большее количество труда, нежели то, которое было употреблено, чтобы добыть, обработать и поставить на рынок весь этот продукт.

В каждом обществе или местности существует обыкновенный или средний уровень (rate) задельной платы или прибыли в каждом отдельном приложении труда и капитала. Величина эта определяется, частью, общими условиями, в которых находится общество, его богатством или бедностью, прогрессивным движением его, неподвижным положением или упадком, частью, особенностями каждого отдельного занятия. Равным образом, в каждом обществе или местности существует средний или обыкновенный уровень ренты, также определяемый, частью, общими условиями, частью, плодородием земли. Этот обыкновенный или средний уровень задельной платы, прибыли и ренты можно назвать естественным для того времени и места, в котором он преобладает. Когда цена какого-либо произведения стоит не выше и не ниже того, что достаточно для уплаты поземельной ренты, задельной платы и прибыли, необходимых для добычи, обработки и поставки этого произведения на рынок по естественному уровню, то оно продается по цене, которую можно назвать *естественною* его ценою. Продукт продается в таком случае именно за то, что он стоит (worth) или во что он действительно обошелся (costs) лицу, доставившему его на рынок*. Существующая цена продукта есть то, что называют *рыночною* его ценою. Она может быть выше, ниже, равна естественной цене; определяется она отношением между количеством товара, существующим на рынке и спросом тех,

* Смит разъясняет эту мысль следующим образом: «For though in common language what is called the prime cost of any commodity does not comprehend the profit of the person who is to sell it again, yet if he sells it at a price which is not allow him the ordinary rate of profit of his neighbourhood, he is evidently a loser by the trade; since by employing the stock in some other he might have made that profit» («Wealth of Nations», ed. Mac Cull., 1858).

кто готов уплатить естественную цену товара, или всю ценность ренты, *труда* и прибыли, уплата которых необходима для доставления товара. Естественная цена составляет, так сказать, средоточие, к которому тяготеют постоянно цены всех товаров. Годовое производство естественно стремится совпасть с тем количеством, какое достаточно для покрытия действительного, т. е. соединенного со средствами приобретать, спроса, стремится не быть больше этого количества. Но случайные и естественные обстоятельства держат часто рыночную цену то выше, то ниже естественной цены.

Мы не последуем за Смитом далее, хотя отдельные места его сочинения представляют некоторые детали вопроса, а подчас и основные понятия ценности в несколько ином виде, нежели изложенные нами мнения. Займемся теперь кратким обзором положений Смита.

С первого взгляда мы видим в его учении совершенно новую и оригинальную черту—попытку ввести в ряд предметов, обмениваемых друг на друга, *труд* и определить условия, от которых зависит размер заработка в тесном смысле этого слова. До тех пор, пока типом новой производственной формы служили единственно заграничная торговля (приобретшая, правда, громадные размеры, благодаря открытию Америки, морского пути в Индию и т. д.) и поддерживаемая искусственными средствами промышленность (меры Сюлли, Кольбера, навигационный акт Кромвеля и т. д.),—экономические писатели могли, и даже почти поставлены были в необходимость, слегка касаться или опускать без внимания* вопрос о том, какую роль играет труд не только в качестве элемента и мерила ценности, но и в качестве самостоятельного продукта. Но развитие различных отраслей индустрии, достигающее во второй половине XVIII века чрезвычайно высокой степени, реформы в земледелии, промышленные изобретения и открытия придали такие размеры труду в качестве товара, формально меняемого на задельную плату, что игнорировать эту роль его не оставалось более никакой возможности. Одним из первых в ряду экономистов, сделавших серьезный опыт уяснения двойственной роли труда, является Ад. Смит. Насколько удался ему этот опыт—увидим ниже; но важность вопроса и своевременность постановки его на очередь подтверждаются тем, что со времен Смита нет почти книги, в которой, рядом с другими общими экономическими вопросами, не обсуждался бы и вопрос о ценности труда.

К мысли о том, что сам труд, еще не затраченный, не принявший формы продукта, продается и покупается, подобно

* Мы видели, какой легкий очерк этого вопроса дает прямой предшественник Смита—Steuart. Физиократы также не высказываются о нем.

всякому другому товару, а, следовательно, имеет и ценность, совершенно независимую от ценности готового продукта, — Смит приходит лишь постепенно и впоследствии не везде остается ей верен. Прежде всего, как мы видели, Смит отличает ценность потребления от ценности меновой. Первая представляет собою не более как полезность, т. е. свойство, принадлежащее предметам. Пример относительно алмаза и воды имеет целью пояснить разницу между полезностью и меновой ценностью, но должен считаться в этом смысле неудачным, так как и вода, и алмаз имеют и меновую ценность и полезность, коль скоро добываются и потребляются. Сверх того, мы старались уже показать, что не существует оснований, по которым можно было бы, по отношению к среднему времени, различать полезности, как сами по себе, так и в отношении к средним человеческим потребностям⁴⁸. Переходя к разъяснению понятия меновой ценности, Смит проводит различие между нарицательной и действительной ценами (следуя Смицу, мы употребляем здесь безразлично оба эти выражения). Тут-то и возникает вопрос о двойкой роли труда. Посмотрим, как решает его Смит. Наричательная цена, говорит он, есть количество денег, получаемое в обмен за продукт. Но что такое действительная цена? Очевидно, что для установления понятия о ней нужно было найти какой-нибудь контраст или параллель между деньгами и другими продуктами, получаемыми в обмен за данный продукт. В противном случае, деление цены на два вида, действительную и нарицательную, не имело бы смысла. Всего естественнее было бы указать на важный для науки контраст между деньгами — продуктом *непотребляемым* — и всякими другими *потребляемыми* продуктами. Такое противоположение, часто пускаемое в ход позднейшими экономистами, ведет к установлению различия между заработком или выручкой в деньгах и в продукте непосредственного потребления: за деньги еще предстоит приобрести потребляемый продукт, а потому неизвестно, как велик будет последний, между тем, как сам такого рода продукт служит непосредственным выражением величины заработка или выручки. Но Смит остановился на параллели между функциями денег и труда, как мерила цены продуктов, и нашел, что деньги — мерило лишь нарицательное, изменяющееся, труд, напротив, — действительное, постоянное. Двойственная роль труда не замедлила привести в этом случае к ложным заключениям. В обществе с разделенным трудом, утверждает Смит, богат или беден тот, кто располагает большим или меньшим количеством чужого труда. Отсюда следует вывод, что труд, *приобретаемый* на рынке, есть мерило меновой ценности благ. Но спрашивается, какой разумеется здесь труд? Потенциальный ли, рабочая сила, труд еще не затраченный в продукт, или, напротив, труд уже заключенный в готовом продукте? Годен ли труд второго рода для измерения ценности — это мы

увидим впоследствии, но что труд первого рода отнюдь не удовлетворяет подобному назначению—об этом мы скажем тотчас.

Сколько можно судить из последующих слов Смита, он разумеет здесь под трудом безразлично оба его вида. Действительная ценность вещи приобретаемой, говорит он далее,—труд и усилия приобретения,—отчуждаемой—труд и усилия, берегаемые владельцем вещи и перелагаемые на другие лица, словом, чужие труд и усилия. Нетрудно заметить, что под «трудом и усилиями» Смит отождествляет труд—продукт и труд, заключенный в продукте. Обняв оба эти представления одним выражением, Смит, не колеблясь, указывает на контраст между трудом и деньгами, состоящий в том, что деньги *покупают* в разное время и в разных местах различное количество благ, между тем как труд *соответствует* всегда и повсюду одним и тем же пожертвованиям со стороны рабочего, здоровьем, счастьем и спокойствием. Вслед за проведением этого контраста между трудом и деньгами, Смит переходит к установлению различия между действительною и нарицательною ценностью самого труда, на этот раз уже несомненно труда не затраченного, рабочей силы. Подобно благам и самый труд—говорит он—имеет действительную и нарицательную цены; первая состоит в количестве предметов необходимости или удобства, отдаваемых за труд, вторая—в количестве денег. Одна и та же действительная цена представляет всегда одну и ту же меновую ценность, но, вследствие изменения меновой ценности золота и серебра, одна и та же нарицательная цена выражает в разное время различные ценности. Но в отдаленные эпохи равным количествам труда гораздо ближе соответствуют равные количества хлеба—средства существования работников, нежели равные количества золота и серебра, или, быть может, всякого другого товара. Таким образом, продолжает Смит, действительные ценности равных количеств хлеба гораздо ближе между собою в отдаленные эпохи, т. е. дают его обладателю большую возможность покупать или заказывать одни и те же количества труда других людей. Итак оказывается, что труд в одно и то же время является и действительною ценою других предметов и товаром, действительную цену которого составляют другие предметы, отдаваемые за него. В первом случае выражение «труд» применяется безразлично и к затраченному труду и к рабочей силе, во втором оно касается исключительно рабочей силы, покупательная власть которой относительно важнейшего из предметов существования—хлеба, признается Смитом приблизительно постоянною. Но именно это последнее обстоятельство—мы увидим ниже, что и при отсутствии его, результаты остаются одни и те же—и должно было бы обратить внимание Смита на двойственность характера труда и на вытекающие из нее различия по отношению к функции мерила ценностей.

Дело* в том, что если даже известное количество рабочей силы и *покупает* приблизительно одинаковые количества хлеба или других предметов продовольствия, то отсюда ни в каком случае не следует, что сами покупаемые предметы *содержат* всегда одни и те же количества труда. Количество труда, содержащееся в единице продукта, быв ет то больше, то меньше, смотря по естественным и техническим условиям производства. Мера хлеба добывается в южной и восточной полосах России с помощью гораздо меньших количеств труда, нежели в северной. Во времена Ад. Смита разделение труда давало возможность 10 рабочим произвести в один день 48 000 булавок. В настоящее время одна женщина, руководящая 4 машинами, из которых каждая дает 145 000 булавок в течение 11-часового рабочего дня,—производит в день около 600 000 булавок, в неделю больше 3 000 000. Стальные перья продавались в Англии в 1820 году по 7 ф. 4 ш. за 12 дюжин, в 1830 г. по 8 шилл., в настоящее время в оптовой торговле по 2—6 д. Причина—различие в ремесленном, мануфактурном и фабричном или машинном способах производства**. Таким образом одни и те же количества рабочей силы не только не покупают равных коли-

*[Следующие замечания о теории ценности Адама Смита, принадлежащие К. Марксу, отличаются значительной важностью: «После того, как за истинные источники богатства последовательно принимались особые виды труда, как земледелие, мануфактура, судоходство, торговля и т. п., Адам Смит провозгласил труд вообще, и притом в общественном его сложении, в виде разделения труда, как единственный источник материального богатства, или ценности потребления. Адам Смит, разумется, определяет ценность товаров содержащимся в них рабочим временем, но переносит действительность этого определения в доисторическое время. Иными словами, что является ему истинным с точки зрения простого товара, то становится ему неясным, как только вступают на место последнего высшие и более сложные формы капитала, наемной работы, земельной ренты и пр. Это он выражает так, что ценность товаров выражалась содержащимся в них рабочим временем в потерянном разе буржуазии, где люди еще не противостояли друг другу, как капиталисты, наемные рабочие, землевладельцы, фермеры, ростовщики и пр., а только как простые производители и разменщики товаров. Он постоянно смешивает определение ценности товаров содержащимся в них рабочим временем с определением их ценности ценностью труда, колеблется повсюду в развитии деталей и заменяет объективное равенство, которое общественный процесс производит насильственно между неодинаковыми работами, субъективным уравнением индивидуальных работ» (см. «Zur Kritik der Polit'schen Oekonomie», 1859, S. 37—41).]

** «Das Kapital», S. 450, 451. «Nach Herrn Baines kommen auf 450 Mulespindeln nebst Vormaschinerie, die von einer Dampfpferdekraft getrieben werden, 2 1/2 Arbeiter und werden mit jeder selfacting mule spindle bei zehnstündigen Arbeitstag 13 Unzen Garn (Durchschnittsnummer), also wöchentlich 365 3/4 lbs. Garn von 2 1/2 Arbeitern gesponnen. Bei ihrer Verwandlung in Garn absorbiren ungefähr 366 Pfund Baumwolle (wir sehen Vereinfachung halber vom Abfall ab), also nur 150 Arbeitsstunden oder 15 zehnstündige Arbeitstage, während mit dem Spinnrad, wenn der Handspinner 13 Unzen Garn in 60 Stunden liefert, dasselbe Quantum Baumwolle 2700 Arbeitstage von 10 Stunden oder 27 000 Arbeitsstunden absorbiren würden» (ibid., S. 378).

честв труда, заключенного в предметах существования или удовольствия, но не покупают даже постоянных. Отсюда очевидно следует, что рабочая сила не может считаться мерилом ценностей наравне с трудом, затраченным в продукт. Тот же самый вывод получается и в том случае, когда предполагается, что рабочая сила не имеет постоянной покупательной силы относительно продуктов. Случайный характер меновых актов, которые заключались бы при подобных условиях, еще более, чем в первом случае способствовал бы подтверждению указанного мнения. Независимо от этого, рабочая сила еще и потому не может удовлетворять назначению мерила, что отношение к ней ее продукта отнюдь не таково, как отношение к ней продукта, за который она покупается, иными словами, размер производительности и ценности труда или задельной платы не совпадают между собою. В конце концов контраст между действительной и нарицательной ценою продуктов и рабочей силы оказывается неудачным потому, что по отношению к продуктам и та, и другая равно непостоянны, по отношению же к рабочей силе—постоянство первой не доказывает ничего в пользу годности рабочей силы к отправлению функции мерила. Несовместимость такого смешения двойкой роли труда замечена уже Рикардо, но выражена им недостаточно ясно.

Обсуждение смитовой теории составных частей цены мы отложим до того времени, когда перед нами будет теория Рикардо об этом предмете, представляющая собою частью дополнение, частью опровержение учения Смита. С помощью Рикардо мы будем иметь возможность вернее оценить достоинства и недостатки положений Смита, хотя, в конце концов, быть может, окажется, что и сам Рикардо не вполне безупречен.

Обратимся к рассмотрению его теории ценности.

Ад. Смит заметил, говорит Рикардо*, что слово ценность имеет два различных значения и выражает иногда полезность предмета, иногда власть, доставляемую предметом своему обладателю покупать другие товары. Наиболее полезные предметы, продолжает Смит, имеют часто лишь незначительную меновую ценность или не имеют ее вовсе; тогда как, наоборот, те, которые имеют наибольшую меновую ценность, имеют самую незначительную ценность потребления или не имеют ее вовсе. Итак, не полезность служит мерою меновой ценности, хотя полезность и абсолютно необходима для существования последней. Предметы, раз признанные полезными, заимствуют свою меновую ценность из двух источников—редкости их и количества труда, необходимого для производства их. Существуют вещи, ценность которых зависит только от их редкости; так как количество их не может быть увеличено трудом, то ценность

* «Oeuvres complètes» de D. Ricardo, traduites en français par Mm. Constancio et Alc. Fonteyraud, Paris 1847, chap. premier.

их не может понижаться вследствие большего изобилия. Таковы дорогие картины, статуи, книги и редкие монеты, изысканные вина и множество других предметов того же рода, ценность которых совершенно не зависит от количества труда, бывшего необходимым на первоначальное производство их; ценность их зависит единственно от состояния, вкусов и капризов лиц, желающих обладать ими. Но предметы эти представляют лишь незначительную часть товаров, ежедневно поступающих в обмен. Наибольшее количество предметов, которыми желают люди обладать, составляет результат промышленности и потому может быть увеличиваемо, не только в одной стране, но и во многих, до предела, который можно назвать почти безграничным.

Говоря далее о товарах, их меновой ценности, о законах, управляющих их относительными ценами, [продолжает Рикардо]⁵⁾, мы имеем в виду исключительно товары такого рода, количество которых может возрастать вследствие промышленности, производство которых поощряется конкуренцией и не терпит никаких вмешательств. В детстве обществ меновая ценность вещей, или правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно давать в обмен за другой, зависит единственно от сравнительного количества труда, употребленного на производство каждого предмета. Ад. Смит утверждает в одном месте, что действительная ценность вещи приобретаемой—усилия и труд приобретения, потребляемой или отчуждаемой—труд и усилия, сберегаемые владельцем вещи и перелгаемые на другие лица; труд был первою ценою, первоначальной монетой, которою за все платили. Но в другом месте Смит говорит: в первоначальном состоянии обществ, предшествовавшем накоплению капиталов и усвоению земли, отношение между количествами труда, необходимыми для приобретения каждой вещи, представляет единственное условие, которое может вести к установлению правила для обмена одних вещей на другие. Науке чрезвычайно важно знать, действительно ли таково основание меновой ценности вещей, так как нет источника, из которого вытекло бы больше заблуждений и противоречий, чем из шаткого и неточного смысла слова «ценность». Если меновая ценность определяется количеством труда, заключенного в предмете, то отсюда следует, что всякое увеличение количества труда должно необходимо увеличивать ценность предмета, на который он был употреблен, точно так же, как всякое уменьшение того же труда, должно уменьшать цену предмета. Но Ад. Смит, определивши с такою точностью первоначальный источник меновой ценности, не пошел этим путем, а создал другую меру ценности, о которой утверждает, что вещи имеют то большую, то меньшую ценность, смотря по количеству этой меры, получаемому за них в обмен. Раз он говорит, что такова ценность хлеба, другой раз, что труда; не того труда, который издержан на производство вещи, но того, кото-

рый может быть куплен вещью; как будто это равнозначительные выражения, и как будто, если труд лица сделался вдвое более *производителен* и может создать двойное количество какого-нибудь предмета, то отсюда должно следовать, что лицо должно получить в обмен двойное *вознаграждение*. Если бы это было справедливо, если бы вознаграждение *рабочего* соответствовало его производству, то было бы действительно справедливо сказать, что количество труда, заключенного в продукте и количество труда, которое этот продукт может купить, равны; и то и другое количества могли бы служить безразлично точною мерою для колебаний других предметов. Но эти количества отнюдь не равны: первое, действительно, часто бывает постоянным мерилом, в точности указывающим колебания цен других предметов; второе, напротив, испытывает столько же колебаний, как и товары или припасы, с которыми его можно сравнивать.

Золото и серебро без сомнения подлежат колебаниям ценности—хотя, впрочем, довольно редким и недолговременным—вследствие открытия новых и более богатых рудников. Такое же действие на их ценность оказывают улучшения в эксплуатации рудников, в машинах, употребляемых в ней, постепенное истощение рудников. Но разве хлеб не подчиняется хоть одной из таких причин колебания цен? Разве *ценность труда* не изменяется точно так же? Разве она не зависит от изменчивой цены средств существования и предметов первой необходимости, на покупку которых рабочий расходует свою задельную плату? В одной и той же стране, в данную эпоху, потребно, быть может, вдвое большее количество труда для производства известного количества пищи и предметов первой необходимости, нежели в другую и более отдаленную эпоху, и тем не менее, легко может быть, что задельная плата рабочего *уменьшится* лишь незначительно. Если рабочий получал в первую эпоху известное количество пищи и припасов, он вероятно не мог бы существовать при уменьшении этого количества. Пища и припасы увеличились бы в таком случае на 100% своей ценности, если определять последнюю соответственно *количеству* труда, необходимого на их производство, между тем, как та же ценность увеличилась бы лишь немного, если бы стали измерять ее количеством труда, которое покупают эти средства существования. Известно, что в Америке и в Польше годичный труд на землях, обработанных позже других, дает более пшеницы, чем в Англии. Но, предполагая, что все прочие припасы одинаково дешевы во всех трех странах, не было ли бы большим заблуждением заключать, что количество хлеба, платимое рабочему, должно в каждой из этих стран соответствовать легкости производства? Если обувь и одежда рабочего станут производиться путем новых и усовершенствованных способов и потребуют только четверть того количества

труда, какое поглощается настоящим производством их, то вероятно они понизятся на 75%; но отсюда еще далеко до права утверждать, что вследствие того рабочий получит, вместо одной пары платья или башмаков, четыре пары того и другого; напротив, достоверно, что его задельная плата, регулируемая соперничеством и возрастаньем населения, станет в соответствие с новою ценностью покупаемых припасов. Итак, нельзя сказать со Смитом, что изменяется только ценность припасов, а не труда, и что *ценность труда* есть единственная постоянная ценность, что она одна только может служить мерилом ценности всех припасов и товаров. Но справедливо утверждать вслед за Смитом, что «относительные количества труда, необходимого для приобретения вещей, представляют единственное условие, которое может вести к установлению правила для обмена одних предметов на другие»; другими словами, относительная, настоящая или прошедшая, ценность припасов определяется сравнительными количествами припасов, которые *может произвести труд*, а не сравнительными количествами припасов, которые *дают рабочему в обмен* или в уплату за его *труд*.

Предположим, что колеблется относительная ценность двух товаров, и что мы желаем узнать, *какой из них* испытывает это изменение. Сравнивая один из них с башмаками, чулками, шляпами, железом, сахаром и всеми другими товарами, мы находим, что ценность его не подвергается изменениям; сравнивая другой с этими предметами, мы, напротив, находим, что его меновая ценность изменилась; одно это уполномочивает нас сказать, что изменение простирается *только* на этот, известный товар, а не на все прочие, с которыми его сравнивали. Если, проникая глубже в обстоятельство, относящиеся к производству этих различных предметов, мы найдем, что нужно прежнее количество труда и капитала для производства башмаков, чулок и т. д., но что производство такого-то товара стало более быстрым и менее стоящим, то вероятность превращается в достоверность. В таком случае можно смело сказать, что изменение ценности относится единственно к известному товару, и открывается причина этого колебания. Всё сказанное справедливо относительно золота, справедливо и относительно труда: если ценность труда значительно понижается относительно других предметов, если оказывается, что это понижение вытекает из крайнего обилия пшеницы, сахара, чулок, обилия, происходящего вследствие более деятельных способов производства, то справедливо сказать, что ценность хлеба и других припасов понизилась вследствие уменьшения количества труда, потребного на их производство, и что то, что рабочий выигрывает на более легком доставлении себе средств существования, он теряет по причине быстрого понижения цены его труда. Но Ад. Смит и Мальтус, признавая

справедливым сказанное о ценности золота, ни за что не согласились бы со мной относительно колебаний ценности труда и хлеба. Предположим, что я нанимаю на неделю труд рабочего и, что вместо 10 шилл. я даю ему только 8; если не произошло никаких колебаний в ценности денег, то может случиться, что этот рабочий купит на такой уменьшенный заработок не меньше пищи и одежды, нежели прежде; но это следует приписывать уменьшению ценности предметов потребления рабочего, а не действительному возвышению ценности заработной платы, как утверждают Смит и Мальтус.

Но несмотря на то, говорит Рикардо, что я гляжу на труд как на источник всякой ценности, не следует думать, что я не обращаю внимания на различные роды труда и на затруднение сравнивать между собой труд часовой или дневной известной отрасли промышленности с трудом той же продолжительности, посвященным на другую отрасль. Ценность всякого рода труда устанавливается скоро и достаточно точно для удовлетворения потребностям практики: она в значительной степени зависит от сравнительной ловкости рабочего и от напряженности его труда. Раз установившаяся сравнительная лестница подлежит лишь незначительным изменениям. Если день рабочего ювелира стоит более, чем день простого рабочего, то это отношение, признанное и определенное с давнего времени, сохраняет свое место в ряду ценностей. Итак, сравнивая ценность одного и того же предмета в различные эпохи, можно не обращать внимания на ловкость и сравнительную напряженность труда работника, потому что они оказывают одинаковое влияние в ту и другую эпоху. Если штука сукна, стоящая в настоящее время две штуки холста, через 10 лет будет стоять четыре штуки холста, то мы в праве заключить с полной достоверностью, что нужно больше труда для производства сукна, или меньше для производства холста, или что обе эти причины действовали одновременно.

Даже в том первоначальном состоянии обществ, о котором идет речь у Смита, дикарь-охотник имеет потребность в каком-нибудь капитале, созданном, быть может, им самим и помогающем ему убивать дичь. Не имея оружия, как мог бы он убить бобра или оленя? Ценность этих животных слагалась бы, во-первых, из времени и труда, употребленных на охоту за ними, во-вторых, из времени и труда, необходимых охотнику для приобретения его капитала, т. е. оружия. Все необходимые охотничьи орудия могли бы принадлежать одному классу людей, другой мог бы взять на себя труд охоты; но сравнительная цена бобров и оленей все-таки оставалась бы в соответствии с трудом, употребляемым частью на доставление капитала, частью на охоту за животными. Обильны или редки капиталы по отношению к труду, обильны или редки пища и другие предметы первой необходимости, — во всяком случае, лица,

посвятившие капитал равной ценности указанным приложениям, извлекут половину, четверть, восьмую продукта, — остаток же послужит задельною платой тем, кто даст свой труд. Но это разделение интересов не повлияет на действительную ценность продуктов; в самом деле, возвысится ли прибыль с капитала на 50, на 20, на 10%, возвысится или понизится задельная плата, — результат будет всегда один и тот же в обеих отраслях дела.

Если предположить более широкую сферу занятий общества, такую, что одни из них доставляют лодки, сети и снаряды, необходимые для рыбной ловли, другие — семена и орудия для грубой обработки земли: то и в этом случае будет справедливо сказать, что меновая ценность произведенных предметов пропорциональна труду, употребленному на их производство, и не только на производство непосредственное, но также на фабрикацию орудий и машин, необходимых в той отрасли, которая производит.

Если обратимся к состоянию общества, еще более передовому, в котором процветают искусства и торговля, то увидим, что и здесь колебания ценности товаров подчиняются тому же началу. Определяя, например меновую ценность бумажных чулок, мы заметим, что она зависит от совокупности труда, необходимого на производство их и на доставку. Прежде всего в счет войдет труд, необходимый на обработку земли, доставляющей сырой хлопок; затем, труд, посредством которого хлопок доставлен туда, где производятся чулки: сюда входит часть труда, потребного на сооружение судна, перевозящего хлопок, которая также уплачивается в цене товара; далее идет труд прядильщика и ткача, и часть труда инженера, слесаря, плотника, строивших здание и машины; наконец, услуги мелочного торговца и многих других лиц, перечисление которых было бы бесполезно*. Общая сумма всех этих родов труда определяет количество различных предметов, которое должно быть обменено на чулки; подобная же оценка всего труда, употребленного на производство самих этих предметов, определяет количество их, которое должно быть дано за чулки.

Чтобы убедиться в том, что здесь лежит действительное основание всякой меновой ценности, предположим, что в одной

* Locke («On civil government», p. 179), указав на то, сколько различных усилий должно входить в счет труда, производящего хлеб, приводит следующий пример, совершенно аналогичный примеру Рикардо: «Мы получили бы очень странный каталог вещей, доставляемых промышленностью и употребляемых ею для производства каждого куса хлеба, прежде нежели он потребляется нами: железо, дерево, кожа, кора, строевой лес, камень, кирпич, уголь, известь, холст, смола, деготь, матчи, веревки и весь материал, употребляемый на корабле, который перевозит какой-нибудь продукт, и материал, употребляемый кем-либо из рабочих в какой-либо части дела, — что было бы почти невозможно или, по крайней мере, слишком долго сосчитать все».

из различных операций, которым подвергается сырой хлопок, сделано усовершенствование, сокращающее труд, и сделано в то время, когда чулки еще не достигли рынка, и посмотрим, какие последствия будет оно иметь. Если действительно потребно меньшее количество рук для возделывания хлопка, если употребляется меньше матросов, меньше плотников, меньше лиц для сооружения зданий и машин или, после сооружения тех и других, увеличивается деятельность их,—то чулки непременно понизятся в цене и, следовательно, они могут быть обменены только на меньшее количество других продуктов. Экономия в труде—коснется ли она труда, необходимого на производство самого предмета, или орудий, употребляемых в этом производстве,—никогда не остается без влияния на понижение ценности товара. В первом случае вся экономия труда переносится на данный продукт, во втором—только часть, остальная же распределится между всеми теми продуктами, производству которых служит орудие.

Хотя мы смотрели до сих пор на труд, как на основание ценности вещей, и на количество труда, необходимое на производство их, как на правило, определяющее относительные количества обмениваемых предметов, но мы не думали утверждать, что в текущей цене товаров не бывает кое-каких случайных и скоропреходящих отклонений от этой первоначальной и естественной цены*.

При обыкновенном течении жизни нет припасов, снабжение которыми оставалось бы в течение некоторого времени в точности таким, какое требуется потребностями людей, а, следовательно, нет и таких, цена которых не испытывала бы случайных и временных изменений.

Благодаря именно таким изменениям, капиталы, прилагаемые к делу, получают возможность в точности соответствовать требуемым пропорциям производства товаров и не простираться свыше их. Возвышение и понижение цен действует на уровень прибыли и, вследствие этого, капиталы оставляют одну отрасль для другой, ища более прибыльного помещения. Этот процесс совершается не вдруг, а постепенно, путем уменьшения займов на предприятие, ставшее невыгодным, и уменьшением числа рабочих. Предположим, что все товары сохраняют свою *естественную* цену и что, следовательно, уровень прибыли с капитала остается один и тот же во всех отраслях промышленности. Предположим затем, что перемена моды увеличивает спрос на шелковые материи и уменьшает спрос на шерстяные; естественная цена их останется та же, что и прежде, потому, что количество труда, необходимое на их производство, не изменилось, но *рыночная* цена шелковых материй возвысится, шерстяных понизится. Вследствие этого прибыли фабриканта шелковых

* «Oeuvre complètes», ch. IV, «Du prix naturel et du prix courant».

тканей будут выше, шерстяных—ниже обыкновенного уровня прибылей; но чрезвычайный спрос на шелковые ткани удовлетворится очень быстро, благодаря переходу капиталов из суконных мануфактур в шелковые; и тогда рыночная цена шелковых и шерстяных тканей снова приблизится к естественным их ценам, и каждая из этих отраслей промышленности даст лишь обыкновенную прибыль*.

Здесь мы закончим изложение теории ценности Рикардо, отлагая до соответствующей главы ту часть его учения, в которой он исследует влияние капитала разных родов на ценность и определяет отношение к ценности двух основных отраслей дохода—*прибыли* и *задельной* платы. Представляя очерк положений о ценности Рикардо, мы не могли, правда, обойти совершенно вопрос о специфической ценности особого продукта—труда, послуживший автору—как мы говорили уже выше и как видел сам читатель—точкой отправления при обсуждении общей теории ценности Смита и установлении своей собственной. Находя противоречие между действительной и естественной ценами Смита, Рикардо, сам того не замечая, проводит капитальное различие между ценностью двух различного рода продуктов и бесповоротно решает вопрос о двойном значении труда,—как образователя ценности и как продукта. Но идти далее за автором мы не считаем себя пока в праве, потому что вопрос о ценности труда, как самостоятельного продукта—есть собственно вопрос о капитале, следовательно должен быть рассматриваем отдельно.

В начале настоящей главы мы наметили характеристические черты теории ценности Рикардо и писателей, шедших одинаковым с ним путем к разрешению этого запутанного экономического вопроса. Черты эти представляют собою, частью, продолжение, частью, более краткое выражение тех положений, которые были развиваемы нами в первой главе настоящего исследования. Теперь, придя к наиболее удачному и полному в целом ряду приведенных нами мнений изложению известного учения, мы считаем нелишним остановиться и взглянуть, насколько мы были правы, высказывая означенную характеристику.

* J. В. Say начинает свое примечание к этому месту главы Рикардо следующими словами: «La distinction entre le prix naturel et le prix courant que M. Ricardo admet après Smith, paraît être tout-à-fait chimérique. Il n'y a que des prix courants en économie politique». Он находит далее, что, так как ценность складывается из рыночных цен, производительных услуг труда, капитала и земли, а эти рыночные цены устанавливаются единственно спросом и предложением, то и не может быть речи о какой-то *природной* цене. «Cela s'appelle copier d'après la nature, mais la raison n'y est pas»,—отвечал ф. Тюнену один из его друзей на подобную же формулировку учения о цене, взятую первым у Смита («Le salaire naturel etc.» par de Thünen, trad. par Wolkoff, p. 91).

Мы говорили, что школа Рикардо принимает в исследование не ту или другую меновую сделку в частности, а сделку типическую, среднюю, выведенную из множества меновых сделок, и видели в этом приеме соблюдение правила относительно выбора времени и области для наблюдения. Но, спрашивается, каким образом делаются подобного рода выводы, при полном отсутствии материала, собранного и сгруппированного по правилам статистики? На какую степень достоверности рассчитывают эти писатели, придавая сделке тот характер общности, какого она, быть может, вовсе не имеет? Существует ли какое-нибудь ручательство в том, что средняя или типическая сделка будет именно та, которая представляет собою равенство количеств труда, затрат или издержек производства—словом, сделка, служащая содержанием формуле ценности Рикардо, а не какая-нибудь другая, например соответствующая формуле Кэри (издержки воспроизведения), или Бастиа (обмен двух равных услуг), или Сениор—Вальраса (редкость)? Попробуем отвечать на все эти вопросы и, разрешив их, быть может, поймем, почему *нельзя* наблюдать экономические факты иначе, как наблюдала их школа Рикардо,—нельзя под страхом ложных выводов и заключений. Тогда же станет ясно и то, почему следует считать правильным сделанный этой школой выбор времени и области наблюдений.

Из приведенных нами извлечений и цитат видно, что за исключением одного только Boisguillebert'a, причислявшего явление равновесия в обмене к категории явлений, наступление которых предстоит еще *в будущем*, при соблюдении соответствующих мер, все прочие писатели говорят исключительно о *существующих* отношениях, о действительности. В этом исключительно смысле Petty называет естественною ценою одного продукта такое количество другого, которое равно первому по количеству труда, необходимому на их производство или доставку; Steuart и Cantillon находят, что действительная ценность мануфактурных и других товаров должна оставаться без изменения; физиократы хором кричат, что обмен есть договор равенства; Смит говорит, что цены имеют известный уровень, которого постоянно стремятся достигнуть; Рикардо дает мнению Смита точку опоры, прибавляя, что средний уровень зависит от количеств труда, необходимых на производство обмениваемых предметов. Все эти авторы, говоря о существующем, не пытались собрать о нем строгий и точный, в статистическом смысле, материал, не заботились о том, чтобы заключения их опирались на громадную массу фактов. Часто можно встретить мнение, что Ад. Смит именно тем и отличается от так называемой метафизической школы, что делает строго научные выводы, затратив предвительно серьезный труд на собиранье фактических данных. Но это ошибка. Большая часть лучших положений Смита, как справедливо замечает Бокль,

добыта чисто гипотетическим путем, и факты, приводимые Смитом, имеют своим назначением, хотя быть может и против воли автора, только иллюстрировать эти положения, придавать им ту живость колорита, какой они были бы лишены сами по себе. С наибольшим правом можно сказать это о теории ценности Смита. Какие факты в его книге прямо отвечают например тому его положению, что ценность вещей измеряется трудом? Постоянство цен хлеба находится в довольно отдаленной связи с этим началом, а между тем только историю цен мы и находим у Смита. Наконец, может ли существовать такой материал, который вполне соответствовал бы требованиям известной формулы? Возможно ли фактически убедиться в том, что наибольшая часть меновых случаев имеет в основе равенство затрат? По причинам, известным каждому, все вопросы эти могут быть решены только отрицательно.

Оставалось пустить в дело единственный, при подобных обстоятельствах, прием исследования: за невозможностью осязать действительность,—угадать ее. В основу догадки или гипотезы ценности положен тот совершенно очевидный и бесспорный факт, что *сходство между размерами человеческих сил, размерами и качеством человеческих потребностей—несравненно значительнее, крупнее, нежели различие между ними*. Таким путем не только приобретался сразу критерий для того порядка, в котором должно производиться исследование, не только получалась возможность ориентироваться в случайной и разнокалиберной массе фактов, но и указывались канва, скелет известного строя отношений, следовательно получала внутренний смысл научная классификация их. Сознавалось или не сознавалось приведенное положение экономическими писателями, это решительно все равно; во всяком случае, оно жило в них, без него они не могли бы ступить ни шагу в дальнейших исследованиях. Еще ступень, и становилось ясно, что сходство, почти равенство сил и потребностей ведет к известной хозяйственной устойчивости и ведет не иначе, как путем соответствующих делу средств, именно, путем *однообразного* обмена предметов существования. Иначе не могло быть в обществе с разделенным трудом. Устойчивость такого рода не служит препятствием дальнейшему хозяйственному развитию или исключением его; она, напротив, вечный спутник, необходимое условие последнего. Общество может например увеличивать разнообразие и количество предметов потребления, но чтобы увеличение было действительно общественным, необходимо, чтобы от начала и до конца пути большинство или все и каждый были, по крайней мере, сыты, сыты постоянно и однообразно. Нарушение подобной устойчивости не может быть долговременным; наличные экономические отношения, взятые за продолжительные периоды, могут опираться только на прочную почву: колебания, изменения и пр., если касаются не одной

только формы,—случайны по самой природе вещей, которая представляет собою игру сил *различных* размеров, следовательно терпит менее крупные силы только под условием подчинения их более крупным. Такое именно отношение существует между устойчивостью снабжения общества продуктами и нарушениями его. Но какая сила может поддержать однообразие меновых случаев, без которого немислима экономическая устойчивость, следовательно немислимо и экономическое общество, послужившее самым общим постулатом дальнейших исследований? Везде и всегда значительная часть предметов потребления добывалась не иначе, как посредством труда. Обмен, в основании которого не лежало бы равных количеств труда, вел бы к такому поглощению одних хозяйственных сил другими, которое ни в каком случае не могло бы длиться в течение продолжительного времени; а между тем только такое время годно для научного исследования*. Итак, если в установлении меновых пропорций и принимают участие [многие силы]²¹ различного размера, то всех крупнее размер силы, которою держится самый хозяйственный строй,—труда. Раз, что признается однообразие меновых случаев,—а не признаваться оно не может еще и потому, что составляет факт, наблюдаемый по правилам статистики,—должно быть допущено также, что и сила, поддерживающая его, столь же однообразна, постоянна, обща. Такою силою может быть только труд.

Теперь мы можем отвечать на поставленные нами вопросы. Отсутствие надлежащего материала не мешает признать типическою такую меновую сделку, которая представляет собою выражение действия наибольшей хозяйственной силы. Мы говорили прежде, что каждое из частных хозяйств в большей части своих отправлений находится под давлением всей массы их и потому соотнобразуется с теми требованиями, которые ставятся ею. Что затем, в известных узких пределах, каждое хозяйство ведет свою деятельность самостоятельно,—это подразуме-

* «Dans la réalité tout ce que existe n'est qu'un phénomène de passage vers un but non encore atteint et éloigné. Dans l'état isolé au contraire nous avons eu toujours en vue le résultat final, donc le but déjà atteint. Arrivé au but nous trouvons le repos et, avec cela, l'état de permanence; c'est alors que nous voyons toute chose conforme aux lois de la science, tandis que dans la période du passage plusieurs choses nous paraissent comme dans un chaos inextricable. L'état de permanence ne peut cependant pas avoir lieu dans la réalité... Cependant, et malgré cette inconstance, dans chaque élément du problème que nous soumettons aux investigations se trouve le germe d'un développement déterminé, qui n'est éventuel ni arbitraire. Tout comme nous savons quel arbre poussera du gland mis en terre, de même nous pouvons ici prévoir d'avance et nous représenter en idée le résultat final des conséquences issues du germe, en supposant toutefois qu'il n'y aura point d'influences perturbatrices. C'est en cela que se trouve la justification de ce que, dans nos recherches, nous envisageons et nous prenons pour base l'état de permanence» (De Thünen «Le salaire naturel», p. 37—39).

нается само собою. Громадное разнообразие положений, в которых фактически находятся отдельные хозяйства,—разнообразие, простирающееся на местные, климатические, племенные, культурные, индивидуальные и т. д. условия различных хозяйств,—дает содержание столь же громадной массе отклонений от общего хозяйственного плана, от подчиненности частей целому. Но не следует забывать, что размер силы, сплотившей в массу бесконечное множество частных хозяйств, именно труда, организованного по началу разделения,—жизненного принципа данного хозяйственного общества,—в значительной степени превосходит размер всей совокупности мелких сил, производящих указанные отклонения. Отсюда не следует, что отклонения эти вовсе незначительны или не должны быть изучаемы; то и другое одинаково ложно. Отсюда следует, во-первых, что отклонения играют лишь подчиненную роль, во-вторых, что они должны быть изучаемы *позже*; это последнее потому, что в противном случае мы потеряем ключ к изучению *общего* закона, тяготеющего над массой явлений, а следовательно, не изучим порядочно и той области, в которую вошли.

[Теория труда, как измерителя и регулятора меновых отношений всего менее может считаться открытием самого Рикардо, который только придал более острую и ясную формулировку учению своих предшественников и особенно их представлению о различии между ценностью продуктов и ценностью труда еще не затраченного в производство. До известной степени теория эта может быть признана достоянием всего человечества, так как сознание ее, хотя и более или менее смутное, встречается у большей части народов земного шара и на всевозможных ступенях развития. Зародышей этой теории следует искать в древнейших обычаях первобытных народов, в силу которых общинный труд ведет к общинной, а отдельный труд к частной собственности, под видом ли права распоряжения вновь возделанным участком никем не занятой земли, пока продолжается ее обработка, или под видом частного права собственности на отдельно пойманную дичь, рыбу, на отдельно сделанное орудие и пр. Введение разделения в обществе труда не вносит никакой перемены в то основное, физиологическое начало первобытного и всякого иного экономического союза, что за трудом должно следовать потребление произведенного, поэтому неудивительно, что и обмен произведений развивается на том же самом начале труда, которое постепенно превращается в взаимное возмещение трудовых эквивалентов. Правда, ведя за собою приобретение предметов потребления из чужого хозяйства, за которые должны отдаваться продукты собственного производства, разделение в обществе труда не только удаляет потребность от ее удовлетворения, но и вносит антагонистический характер в процесс распределения богатства, совершенно чуждый первобытно-общинной форме производства.

Но не следует забывать, что именно этот антагонизм, вытекающий из *неравной настоятельности потребностей* многочисленных меняющихся сторон, и является тою объективною, рыночною силою, которая *способствует проявлению закона ценности*, естественной ценности или ценности, основанной на труде,— под видом непрерывных колебаний вокруг известного центра. Что сравнительная настоятельность потребностей представляет единственный пункт для сравнения меновых размеров произведений, кроме заключающегося в них труда, это прекрасно видно из того, что сами по себе ценности потребления, не имея между собою ничего общего, никакому сравнению не подлежат. Каждая ценность потребления одинаково хороша *на своем месте и в свое время* и в этом смысле должна быть признана совершенно *одинаково нужною* со всякою другою. К тому же обмен ведь только потому и происходит, что специально-полезные виды труда каждой меняющейся стороны, служащие образчиками ценности потребления, *различны между собою*. Никто не станет менять хлеб на хлеб и овощей на овощи. Но одной стороне хлеб может быть в данный момент времени *нужнее*, чем другой овощи, и потому первая будет расположена повысить меновую ценность хлеба и тем самым понизить ценность овощей. Такому случайному поднятию ценности хлеба, под влиянием противоположных причин, будет соответствовать ее падение и тем самым будет установлена средняя его ценность, в которой настоятельность потребностей обеих сторон уравнивается, т. е. предметы становятся одинаково нужными. Вот эти-то колебания, в одно и то же время и создающие и нарушающие меновое равновесие, и имеет в виду та теория, на основании которой меновые размеры произведений находятся в зависимости не от труда, а от спроса и предложения, от сравнительной степени полезностей, услуг и т. п. Но ошибочность этой теории состояла в том, что она уравнительное действие настоятельности потребностей на проявление закона ценности признает за самый этот закон. Именно потому, что настоятельность потребностей не всегда одинакова, а попеременно то больше, то меньше на каждой стороне, она и ведет к уравниванию ценностей, иными словами, в результате двух противоположных движений равных сил наступает между ними равновесие. Справедливость этого положения нисколько не изменится оттого, что указанное равновесие постоянно все снова нарушается и восстанавливается и поэтому *всегда* является не иначе, как в виде противоположных колебаний, или, следуя К. Марксу, наподобие закона притяжения, обрушивающего дом на голову его строителя и владельца.

Теория труда, как мерила и регулятора меновых ценностей, имела, как мы видели выше, многочисленных представителей с самой колыбели политической экономии, среди писателей XVII и XVIII вв., которые взглянули на дело непредубежден-

ным взглядом и потому немедленно увидели истину. Та же самая теория, под видом учения об издержках производства, прямо или косвенно признавалась и впоследствии целым сонмом экономистов, и только нескольким немецким, французским и английским писателям выпало на долю сделать неудачную попытку заменить ее теорией сравнительной настоятельности потребностей. По мере накопления историко-экономического материала все более и более выяснялась истина, что положение, лежащее в основании теории труда, представляет собою не только плод догадки, но действительный универсальный факт. В этом отношении сравнение менового порядка настоящего времени с общинными порядками прошедшего оказало ту же услугу, какую принесло для понимания современной частной собственности сравнение ее с собственностью первобытно-общинной. Из контрастов возникает истина.]⁵²

Типическая сделка школы Рикардо имеет вполне характер общности и в этом смысле далеко оставляет за собою как общераспространенную формулу ценности, по которой размеры обмениваемых предметов соответствуют потребительной ценности их, так и целый ряд других формул, представляющих собою не что иное, как видоизменение двух упомянутых. «Адаму Смиту», говорит один из лучших истолкователей Рикардо—Edw. Baumstark*, «делали с различных сторон упреки в том, что он оставил без развития понятие о потребительной ценности, несмотря на чрезвычайную важность его для науки о народном хозяйстве; в новейшее время брат известного экономиста J. B. Say'я—Louis Say, задумав пополнить пробел в науке, пытался положить в основание политической экономии понятие о потребительной ценности. Но нам кажется, что в науке, подобной политической экономии, которая исследует общие законы хозяйственной жизни и объясняет явления хозяйственной массы народонаселения, должно быть принимаемо в основание лишь то, что может быть ограничено строго научно и столь же успешно служить объяснению общеизвестных явлений. Чем большему числу отдельных явлений дано место, тем больше исследование принадлежит практике, тем меньше науке... Наука о народном хозяйстве должна решать вопросы о природе, существе и составных частях, производстве, распределении и потреблении народного имущества и дохода, о возвышении, неподвижном состоянии и падении уровня всеобщего благосостояния, о всеобщем ходе торговли, развитии и взаимном влиянии промышленных сословий. Потребительная ценность, в смысле общего понятия, разумеется, служит этой науке в качестве критерия для суждения, желательна ли и насколько, то или другое благо человеку. Но дальнейшему решению

* «Volkswirtschaftliche Erläuterungen vorzüglich über Ricardo's System», 1838, S. 313—14.

хозяйственных вопросов это понятие не только не способствует, но даже вредит. Как скоро мы войдем в частности, то подвергнемся риску встретить столько же потребительных ценностей, сколько существует периодов времени, народов, стран, провинций, городов, общин, сословий, родов, семейств, возрастов, людей и т. д...*. Вместо того, чтобы показать в хозяйственных деяниях отдельных лиц то общее, посредством которого эти деяния образуют явления совокупной торговой и народной жизни, идя означенным путем, мы не найдем ничего, кроме частностей... Потребительная ценность благ всегда побуждает человека к доставлению их себе, но она не в силах произвести ничего, кроме направления и поддержания производства соответственно потребности каждого. Обмен и распределение благ не есть результат ее действия, и все явления первого не могут быть объясняемы ею. Мы говорили в первой главе, что потребительная ценность не может служить регулятором размера обмениваемых предметов. Мы основывали это мнение на том, что сравнительные величины потребительных ценностей существуют только для известных специфических моментов, для ряда следующих друг за другом промежутков времени, да и в этом случае существование их обуславливается не ими самими, а отношениями к ним организма, которому предстоит выбор между худшими и лучшими условиями жизни. Что же касается момента среднего, соответствующего полному и равномерному движению условий снабжения, то все полезности являются по отношению к нему свойствами вещей, не подлежащими сравнению; по отношению же к потребностям они равны, потому что одинаково удовлетворяют своему назначению. Автор приведенной цитаты обращает внимание еще на одну сторону вопроса. Он находит, что основывать ценность на полезности, иными словами, ставить в соответствие с потребительной ценностью вещей размеры обмениваемых предметов, значит бросаться в частности и тем лишать себя права подмечать общие экономические законы. Мнение это не относится к той формуле потребительной ценности, которая именуется обыкновенно «законом спроса и предложения», а в сущности представляет собою

* Автор книги, из которой взята следующая цитата (см. К. Marx «Das Kapital», S. 23—4), идет именно таким путем в исследовании о ценности: «The value of any commodity denoting its relation of exchange, we may speak of it as... cornvalue, clothvalue, according to the commodity with which it is compared; and then there are a thousand different kinds of value as many kinds of value as there are commodities in existence and all are equally real and equally nominals. A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of M-r Ricarde and his followers, Lond. 1825, p. 39. «S. Bailey, der Verfasser dieser anonymen Schrift,—говорит К. Маркс,—die ihrer Zeit viel Lärm in England machte, bildet sich ein durch diesen Hinweis auf die kunterbunten relativen Ausdrücke desselben Waaren-Werts alle Begriffsbestimmung des Werts vernichtet zu haben».

не что иное, как замаскированную формулу сравнительной настоятельности потребностей. «Закон спроса и предложения», как увидим в следующей главе, не простирается на отдельные потребительные ценности, хотя конечно простирается бы, если бы получил более подробное развитие. Он имеет дело исключительно с общим понятием о полезности в отношении к потребности. Тем не менее, замечание Baumstark'a весьма важно, и важно потому именно, что указывает на непримиримый разлад, радикальную противоположность между исходными точками двух экономических школ, занимавшихся исследованием о ценности. Школа Рикардо берет в основании *сходство* меновых явлений и, вследствие того, приходит к установлению общественного закона меновой ценности; школа большей части немецких экономистов—по крайней мере, что касается первых строк их учений о ценности*,—и весьма многих французских, исходит из *различия* этих явлений, а потому и дает в результате только теорию индивидуальных случаев. Первая, занимаясь общественной наукой, действительно имеет дело с обществом, вторая, выставив то же знамя, на самом деле трактует об индивидууме, отрезанном от общественной среды; первая стоит на точке зрения людей, признающих существование законов общественных явлений, вторая—на точке зрения тех, кто знает только произвол и случайность. Сравнительный объем поля зрения той и другой школы ясно показывает, чья доктрина обнимает большее число случаев, чья может считаться более или менее общей. Формула обмена соответственно труду или издержкам производства простирается на всю массу меновых сношений большинства народонаселения; формула же потребительной ценности или сравнительной настоятельности потребностей касается или только известных моментов, или же, получив более подробное развитие,—частных и бесконечно разнообразных отношений. Первая может быть названа неполной, недостаточной**, но переход от нее к исследованию изменений

* Как мы упоминали на стр. 14, субъективный взгляд на ценность не мешает немецким экономистам признавать действие закона издержек производства, что обыкновенно делается в главе о «цене», т. е. денежном выражении ценности. См. например, Roscher «Principes d'Economie politique», t. I, p. 9—10 и 251 и след.; Rau «Traité d'Economie nationale», p. 46—58 и 124 и след.; Schäffle «Das gesellschaftliche System etc.», S. 119 и след. и 175 и след.; Rösler «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», S. 233, 234 и 237, 238, 246 и т. д.

** De Thünen «Le salaire naturel», p. 40: «...par la méthode qui considère à la fois une seule puissance, en supposant les autres en repos ou constantes, on obtient un résultat non pas faux, mais incomplet et qui ne reste tel que jusqu'à ce que toutes les autres puissances coagissantes aient été soumises à des recherches semblables». К этим замечательным словам следует прибавить лишь то, что результат исследования бывает тем менее неполон, пройденный путь тем более значителен, чем больше размеры той силы, которая подвергается исследованию, в сравнении с размерами тех сил, которые на время отлагаются в сторону.

и колебаний легок и прост; вторая, быть может, и верна в применении к отдельным случаям, но не дает возможности понять те качества этих случаев, посредством которых они входят в состав массы, целого и, что всего хуже, не может быть расширяема в этом направлении.

[Так как Рикардо, говорит Маркс («Zur Kritik etc.», 37—41), в качестве завершителя классической экономики, всего чаще формулировал и развил определение *рабочей ценности* рабочим временем, то на нем естественно сосредоточивается полемика, возбужденная со стороны экономистов. Poleмика эта сосредоточивается около следующих пунктов: 1) Сама работа имеет меновую ценность, и различные работы имеют различную меновую ценность. Делать меновую ценность мерилом ценности представляет порочный круг, так как измеряющая меновая ценность сама нуждается в мериле. Это возражение разрешается в проблему: если дано рабочее время, как внутреннее мерило меновой ценности, то на этой основе развить заработную плату. Ответ дается учением о наемной работе. 2) Если меновая ценность продукта равняется содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая ценность рабочего дня равняется его продукту. Иными словами, рабочая плата должна быть равна продукту работы. Однако в действительности справедливо противное. Это возражение разрешается в проблему: каким образом производство на основе меновой ценности, определяемой одним рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая ценность труда оказывается *меньше*, чем меновая ценность его продукта? Эта задача разрешается при рассмотрении капитала. 3) Рыночная цена товаров падает ниже и поднимается выше их меновой ценности, соответственно спросу и предложению. Поэтому меновая ценность товаров определяется отношением между спросом и предложением, а не содержащимся в них рабочим временем. В действительности, в этом странном заключении становится вопросом то, каким образом на основе меновой ценности развивается отличная от нее рыночная ценность, или, правильное, каким образом закон меновой ценности осуществляется только в своей противоположности. Эта проблема разрешается в учении о соперничестве. 4) Последнее возражение и, повидимому, самое сильное, если оно не представляется, как обыкновенно, в форме курьезных вопросов: если меновая ценность есть не что иное, как рабочее время, содержащееся в товаре, то каким образом могут обладать меновою ценностью товары, которые вовсе не содержат труда, или, иными словами, откуда происходит меновая ценность прямых сил природы? Эта проблема решается в учении о поземельной ренте.]⁵³

Взглянем теперь, как относится, в смысле большей или меньшей общности, учение Рикардо к учению Carey. Последний утверждает («Manual of social science», ch. VI «Of value»), что

хотя вначале продукты и размениваются соответственно издержкам производства*, но с каждым шагом вперед на пути экономического развития, ценность первоначальных орудий все более и более падает, благодаря уменьшению издержек воспроизведения. По этой причине, говорит Сагеу, ценность продуктов начинает соответствовать издержкам второго рода и зависеть исключительно от них. Предположим, рассуждает он, что в колонию является корабль, капитан которого нуждается в плодах, рыбе или мясе, за что предлагает в обмен топоры или ружья; наши колонисты, оценивая свои продукты сообразно усилиям, потребным на производство их, не желают отдавать пяти дней труда, содержащегося в дичи, если могут получить то, что им нужно, за картофель, стоивший всего четыре дня; если они тратили шесть месяцев на производство топора грубой работы, а теперь могут получить ценою тех же издержек хороший топор, то им гораздо выгоднее войти в обмен, нежели тратить время на производство другого топора, подобного тому, которым они уже располагают; точно так же, не будучи вовсе в состоянии произвести ружье, они охотно согласятся отдать за него припасы, которые накопились в течение года. «Если читатель спросит сам себя, сколько ценности приписывает он каждому предмету, то найдет, что она ограничивается издержками *воспроизведения* и что, чем отдаленнее то время, когда произведен известный предмет, тем более уменьшилась его ценность... Экземпляр Библии Мильтона, Шекспира, может быть приобретен в настоящее время трудом одного дня квалифицированного (skilled) рабочего и будет лучшего качества, чем экземпляр, за который полвека назад следовало дать целую неделю труда (88)*. «Дженни Линд за пенне в течение одного вечера получает по тысяче долларов: молодая хористка не получает и одного доллара... Почему? Потому что нужно обойти множество препятствий прежде, нежели выработается подобный голос. То же происходит со всеми другими вещами. До какого предела простирается их ценность? До предела издержек *воспроизведения*, но не далее (94—5)».

В этом изложении теории Сагеу мы старались не касаться вопроса о ценности труда, который решает автором в той же главе, и, притом, совершенно просто: так как производительность труда растет, то отсюда без околичностей следует, что возрастает и ценность труда, иными словами, увеличивается

* Считаем нужным заметить, что выражение «издержки производства» мы употребляем пока в том же смысле, как и «труд», под ценностью же, где встречается у нас это слово, мы разумеем «количество продуктов, получаемое в обмен за вещь»; придавать это значение к слову «ценность», как наиболее распространенное, мы решаемся единственно потому, что нам нужен термин более краткий, нежели «количество продуктов, получаемое в обмен и пр.». Делаем это последнее замечание с целью оправдаться в употреблении выражения, смысл которого еще не разъяснен в нашем исследовании.

ценность человека, уменьшается ценность продукта*. Мы уже сказали, что относим этот вопрос к теории капитала. Но и за таким ограничением нетрудно видеть, что доктрина Carey носит двойственный характер: она пытается примирить две крайние противоположности—объективный и субъективный взгляды на ценность. Пока Carey утверждает, что, благодаря успехам производства, предметы, производимые раньше, все более и более теряют свою ценность, он стоит на объективной точке зрения, хотя и ошибается в том, что вместо [главной формулы ценности, относящейся по самой сущности дела к процессу общественного производства, он ставит второстепенный термин воспроизведения, которое в процессе производства несомненно играет весьма незначительную роль, не говоря уже о полной замене новым термином старого.]⁵⁴ Но когда Carey пытается применить ту же формулу ко всякому случаю простой монополии, например к обмену дичи и рыбы, добытой дикарями посредством продолжительного труда, на топоры и ружья гораздо меньшей стоимости,—он переходит на чисто субъективную точку зрения, применяет свое общественное начало к индивидуальному случаю совершенно особой категории. Тут он смешивает различные вещи,—нарушает то правило наблюдения, о котором мы говорили на стр. 12 настоящего сочинения**. Если нам говорят, что все вещи, произведенные в таком количестве, которое превышает наличную потребность в них, продаются дешевле, когда возрастанию этой потребности сопутствует какое-нибудь важное промышленное изобретение, значительно уменьшающее количество труда, потребное на производство подобных вещей,—то, само собою разумеется, нам остается только согласиться с этим. Мы найдем, конечно, что подобная формула не может быть поставлена на место формулы издержек производства, по той простой причине, что не может быть и сравниваема с нею, [так как та обнимает собою все меновые случаи среднего момента]⁵⁵, а эта***—только известное

* В нашей литературе этому положению Carey придается совершенно несоответствующая важность автором «Политико-экономических этюдов» Е. Де-Роберти.

** В настоящем издании стр. 16.—*Ред.*

*** Автор книги «Carey's Sozialwissenschaft und das Merkantilssystem» Ad. Held проводит следующую, в *некоторых* отношениях довольно близкую к нашей, параллель между теориями Carey и Рикардо: «Carey's ganze Werththeorie ist nun nichts Anderes (?) als die Lehre seines so heftig angefeindeten Gegners Ricardo, nur mit dem Unterschiede dass die im Laufe der Zeit eintretenden Produktionsveränderungen mit in die Definition gezogen und an die Stelle der Produktionskosten die Reproduktionskosten gesetzt werden. Wenn dies neu hereingezogene Moment in der weiteren Ausführung vorwiegend behandelt wird, so darf man die Ricardo'sche Grundlage deshalb nicht übersehen. Ricardo fasste die Gesetze der Nationalökonomie in einem *ruhenden* Momente des wirtschaftlichen Lebens auf, Carey nimmt immer die sich vorwärts *bewegende* Gesellschaft. Ricardo ignorirt, der Schärfe seiner Sätze zu Ehren, zunächst die im Laufe der Zeit vorkommenden Veränderungen, Carey denkt an diese (91)...». Находя, что

количество *токих* случаев, которые могут *иметь* место на каждой ступени хозяйственного развития, но могут и *не иметь* его: стоит заготавливать лишь такое количество товаров, которое будет потребляемо без остатка, а, следовательно, и не потеряет ценности, когда те же товары станут производиться дешевле. Тем не менее, с такими ограничениями можно признать как ту часть теории Сагеу, где он говорит о постепенном уменьшении ценности продуктов, так и ту, где он допускает возможность увеличения ценности некоторых продуктов в соответствии с увеличением размера издержек воспроизведения. Но если нас уверяют, что формула нисколько не теряет своего смысла и в том случае, когда форма понятие об издержках воспроизведения распространяется на совершенно особый, специфический класс явлений, — то нам решительно невозможно согласиться с этим. Всегда будет существовать громадная разница между таким положением вещей, когда известный предмет продается дороже или дешевле потому, что общие для страны или местности технические условия стоят на той или на другой высоте, и таким положением их, когда покупатель дает производителю цену большую или меньшую той, в какую обошелся продукт по общим условиям. В первом случае речь идет об общественном, во втором — о частном, индивидуальном регуляторе размера обмениваемых предметов.

Чтобы доказать справедливость нашего взгляда на этот вопрос, прибегнем к следующему соображению. К числу немногих положений, о которых экономисты не спорят, принадлежит, между прочим и то, что мена только и мыслима, что при разделении труда. Цель разделения труда, опять-таки по всеобщему признанию, состоит в сбережении времени или в удешевлении продукта. Два производителя, из которых каждый умел или мог научиться изготовлять различные предметы своего потребления, предпочли разделить между собою труд и таким путем достигли или более полного удовлетворения своих потребностей, или большего досуга. Спрашивается теперь, сберегают ли что-либо колонисты Сагеу, расплачиваясь за вещь, стоящую труда лишь нескольких дней, запасами целого года? Разумеется, ответит Сагеу, потому что сами они или вовсе не умели изготовлять этой вещи, или изготовляли ее посредством гораздо большего расхода труда, нежели тот, какой заключался в годовом запасе пищи. Мы также ответим на этот вопрос утвердительно, но с известными ограничениями. Колонисты сберегают нечто, сберегает и капитан судна. Но отчего же капитан сберегает больше, нежели колонисты? Если обмен был доброволь-

различие между Сагеу и Рикардо действительно лежит в указанном Held'ом приеме, мы не согласны однако с тем, что, за вычетом этого различия, Сагеу и Рикардо учат одному и тому же: один говорит о нарушении менового закона, другой о самом законе; один берет для наблюдений случайное время, другой среднее.

ный, это произошло единственно оттого, что колонистам ружья были *нужнее*, чем капитану пища. В противном случае, капитан не получил бы дорогой пищи за дешевые ружья. Колонисты нуждались в ружьях больше, благодаря *особенному, изолированному, индивидуальному* положению своему во всемирном хозяйстве, вследствие которого они не могут стать в уровень с техникою данной отрасли. Итак, разделение труда, при отсутствии всяких, как социальных, так и естественных стеснений, ведет к равномерному участию обеих меняющихся сторон в выгодах улучшенной техники, а, следовательно, нельзя утверждать, вслед за Сареу, что теория издержек воспроизведения простирается и на случаи, подобные вышеприведенному. Каждый излишек сбережений, сделанный одною меняющеюся стороною на счет другой, — излишек, рассчитанный по средним, общественным, а не по специальным условиям производства, — указывает на исключительное положение сторон, все равно, составляет ли оно следствие естественных или искусственных монополий. Применяемая к обмену подобного рода, формула Сареу теряет и ту незначительную долю общности, которую обладает она в приложении к более крупным пертурбациям общественно-хозяйственного развития.

После всего сказанного, нельзя сомневаться в том, что учение школы Рикардо и более обще, и более научно, чем теория Сареу, потому что обнимает большее число случаев и, сверх того, берет их в среднее время, а не в случайные моменты хозяйственного движения.

Перейдем к изложению учения Бастиа и посмотрим, до каких крайних последствий довел этот приверженец Сареу теорию издержек воспроизведения. Французский экономист исходит из совершенно верной мысли, что ценности не существуют там, где нет *усилий* («*Harmonies économiques*», ch. V «*De la valeur*»), что полезность предметов самих по себе не входит в расчет при определении меновых пропорций. Но, продолжает он, не следует смешивать полезность такого предмета, как например воздух, с полезностью *услуги*. Это полезности совершенно различные, не имеющие между собою ничего общего. Ценность определяется сравнением двух услуг. Входя в обмен, стороны оценивают взаимные услуги, сообразно своему взаимному положению, интенсивности своих взаимных потребностей, большей или меньшей легкости обойтись друг без друга и множеству других обстоятельств, которые показывают, что ценность заключается в услуге, потому что возрастает вместе с нею. Я говорю своему соседу, когда он идет на фонтан: *сберегите мой труд, окажите мне услугу, принесите воды; взамен этого я поучу вашего ребенка складам*. Если он согласен, между нами происходит обмен двух услуг, и можно сказать, что одна *стоит* другой. Заметьте, что здесь сравниваются только усилия, а не потребности и не удовлетворения, ибо не существует мерила

для сравнения между собою потребности пить и уметь складывать буквы. Гуляя по берегу моря, я нахожу бриллиант. Я обладаю теперь громадною ценностью. Почему? Потому что тот, кому я уступаю бриллиант, полагает, что я оказываю ему большую услугу, тем большую, что многие богатые люди желают пользоваться ею, и один я могу ее оказать; между тем я не трудился, не оказал человечеству большого благодеяния. Ценность соответствует здесь не труду, который был исполнен лицом, оказавшим услугу, а, напротив,—труду, *сбереженному* лицом, принявшим ее. «Справедливо, что под влиянием конкуренции ценности стремятся соответствовать усилиям, или вознаграждению заслугам. Такова одна из прекрасных гармоний социального порядка. Но, по отношению к ценности, это уравнительное давление конкуренции играет совершенно внешнюю роль; и, рассуждая логично, нельзя допустить, чтобы влияние, испытываемое явлением от внешней причины, смешивалось с самим явлением» (160).

То, что в учении Сагеу высказывается довольно робко и неопределенно, доводится у Бастиа до *pes plus ultra* ясности и смелости. Если можно было несколько сомневаться в том, что Сагеу смешивает объективную и субъективную точки зрения на предмет, то в отношении к Бастиа такое сомнение решительно неуместно. Смешав такие различные вещи, как *усилие*, т. е. обнаружение мускульной или нервной силы,—явление совершенно объективное,—с *услугой*, т. е. значением, которое придается труду или случайному успеху лицом, получающим удовлетворение потребности,—значением, столь же разнообразным, сколько существует лиц и мелких обстоятельств, при которых услуга оказывается,—Бастиа совершенно искренно привел к нулю всю теорию Сагеу. Он прямо говорит, что ценность соответствует труду, сбереженному лицом, принявшим услугу. Теперь одно из двух—ценность или *вовне* соответствует этому труду, или только *отчасти*. Судя по словам самого Бастиа, он не делает различия между этими двумя положениями вещей: «сберегите мой труд, окажите мне услугу», пишет он по поводу обмена воды на обучение складам; он очевидно полагает, что сберечь труд приобретателя и оказать ему услугу—решительно все равно. Но если даже он и не хочет этим сказать, что ценность вполне соответствует труду, сберегаемому приобретателем,—теория его все-таки остается абсурдом. Посмотрим, к чему ведет каждое из указанных предположений. Цель разделения труда—сбережение усилий производителей или увеличение количества продуктов. После Стюарта и Смита мысль эта стала общим местом у всех экономистов. Но прямое следствие этой мысли, именно, что обмен представляет собою лишь санкцию такого сбережения, взаимное передвижение продуктов, произведенных таким уменьшенным трудом, или передвижение большого количества продуктов; что *труд сбережен еще до обмена*, обмен же только осу-

ществляет это сбережение для обменивающихся сторон, — прямое следствие признания за механизмом разделения труда означенной роли, — сознается весьма немногими экономистами. По Бастиа, самый обмен сберегает труд, и притом труд приобретателя услуги. Спрашивается, для чего продолжает существовать, при таком предположении, разделение труда, а следовательно и самый обмен, который без разделения труда немислим? Если приобретатель услуги сберегает весь* труд, который был бы им потрачен на производство вещи, то решительно неизвестно, с какою целью он меняется? Для чего в таком случае один занят одною отраслью дела, другою другою? Если же сберегается не весь этот труд, а только *часть* его, и притом меньшая той, какую сберегает само разделение труда, то формула ценности, соответствующей услугам, переходит в область формул, безуспешно стремящихся к обобщению ряда исключительных случаев. Понятие о ценности сооружается, при таких условиях, на неполном действии одного из основных социально-экономических законов и держится лишь настолько, насколько цела сама эта неполнота.

Бастиа находит далее, что давление соперничества на размер ценностей есть явление совершенно внешнее самому явлению ценности. Это справедливо, но французский экономист забывает, что платеж за вещь соответственно услуге, которую оказывает владелец ее тем, что дает ее в обмен, представляет еще менее самое явление размеров ценности и еще более служит внешнею причиною возвышения и падения размеров обмениваемых продуктов. Вообще теория услуг, равно как и та часть учения о ценности Сареу, в которой он переносит свою формулу на субъективную почву, есть не что иное, как замаскированная

* «Die Eisenbahnen sind lange erfunden. Aber ich setze den Fall, die Cöln-Mindener Eisenbahn sei noch nicht gebaut, und ich stelle nun eine Capitalisten-Gesellschaft dar, welche die Cöln-Mindener Eisenbahn darlegt, oder irgend zwei andere Städte, bei denen dies noch nicht der Fall ist, durch eine Eisenbahn mit einander verbindet. Wird nun diese Eisenbahngesellschaft für ein Fahrbillet von dem Consumenten, von dem «Liebhäber», um in ihrem Style zu reden, Herr Schulze, für den «Dienst», den sie ihm erweist, «diejenige Arbeit, denjenigen Aufwand an Mühe und Kosten», wie Sie und Bastiat sagen, fordern können, den sie ihm durch die Erzeugung des Dienstes *erspart*? Wird sie also wirklich als Preis des Fahrbillets denjenigen Betrag fordern können, in welchen sich der Aufwand von Mühe, Kosten und Zeitverlust auflöst, den der Liebhaber zu machen hätte, wenn er wie früher zu Fuss, oder zu Wagen von Cöln nach Minden gelangen wollte? Was würde die Cöln-Mindener Eisenbahn für schlechte Geschäfte gemacht haben, wie erstaunlich wenig Menschen würden mit ihr gefahren sein und fahren, wenn sie ein solches Princip ihren Preisen zu Grunde legen wollte» (F. Lassale, Capital und Arbeit, S. 141—142). «Die *ersparte* Arbeit des Consumenten ist die *unterlassene* Arbeit, die *nicht getane* Arbeit. Statt in der positiven Arbeit des Producenten wie bei Adam Smith—Ricardo, liegt jetzt in der unterlassenen, nicht getanen Arbeit des Consumenten, d. h. in einem rein *negativen*, der Maassstab des Werts der Dinge! Das Dasein wird gemessen am Nichtse» (ibid., S. 140).

новыми терминами теория сравнительной настоятельности потребностей, или потребительной ценности. Отношение ее к доктрине Рикардо и его школы настолько выяснилось, что, кажется, нечего более прибавлять к тому, что уже сказано.

Взглянем теперь на теорию «редкости» Сениор—Вальраса. По мнению этих писателей, регулятором меновых пропорций служит редкость предметов потребления. Нетрудно видеть, что редкость, несуществование предметов в количестве, удовлетворяющем потребностям, не может иметь подобного значения. Редкость представляет собою или всеобщее, социально-естественное явление, и, в таком случае, нет оснований одной только стороне меновой сделки нести на себе бремя, налагаемое природою на всех и каждого, а будут нести его обе и, притом, в равной степени,—следовательно роль редкости, как регулятора, уничтожается; если же одна сторона в каждой сделке будет нести убыток, то формула редкости берет в основание неустойчивые моменты менового движения и потому нарушает правило, относительно выбора времени для наблюдения. Или же редкость создана искусственно, захватом источников производства, привилегией, монополией, и в таком случае нельзя говорить о ней, как о всеобщем, общественном регуляторе ценностей, под опасением ложных обобщений, несоблюдения правила о различии между общественными и частными хозяйствами, о выборе области наблюдения. Отношение теории редкости к доктрине Рикардо и его школы,—доктрине, соблюдающей все эти правила,—совершенно очевидно и никаких разъяснений не требует.

Но сам Рикардо допускает существование известной категории предметов, ценность которых определяется единственно капризом и вкусами лиц, приобретающих эти предметы. Действительно ли это так, действительно ли существует разряд предметов, подчиняющийся особому закону ценности? Дело в том, что труд есть самый общий регулятор размера обмениваемых продуктов. Только громадные массы продуктов, выходя на рынок, размениваются в соответствии с затратами труда. Сравнительно большее постоянство оптовых цен объясняется именно этою причиною. Но чем дальше в область индивидуальных сделок, тем большее значение приобретают особенные, исключительные обстоятельства, при которых совершается обмен. Чем в большем количестве производится известный продукт, чем больший сбыт имеет он, тем более он подчиняется обществу закону размеров ценности. Предметы потребления всего населения или большинства очевидно занимают первую ступень в этом ряду продуктов. Но чем ближе к предметам потребления самого незначительного меньшинства, тем большую силу получает случай, тем менее господствует упомянутый общественный закон. Общераспространенное мнение, что, напротив, самые необходимейшие предметы всего более колеблются в ценности, несколько не противоречит нашему, по той причине,

что имеет в виду совсем не те колебания, о которых мы говорим. Справедливо, что при уменьшении жатвы на известную дробь, цена хлеба поднимается на дробь большую, и что, наоборот, изменения в снабжении дорогим сукном и пр. в точности соответствуют изменениям в его цене; но не менее справедливо и то, что точнейший расчет издержек производства может быть сделан именно по отношению к снабжению хлебом, а не к снабжению дорогим сукном, сбыт которого, сравнительно с сбытом хлеба, представляет гораздо более случайностей. Редкие предметы Рикардо суть не что иное, как именно предметы потребления меньшинства населения, ценность которых может держаться на высоте, определяемой не столько общими, сколько специальными условиями.

Мы говорили в начале настоящей главы, что доктрина Рикардо и его школы характеризуется еще тем, что вместо индивидуального регулятора меновых пропорций, ставит общественный; она останавливается исключительно на силе, играющей, средним числом, наиболее крупную и постоянную роль в определении размера продуктов, поступающих в обмен и, таким образом, следует научной классификации явлений, принимающих участие в образовании ценности.

После всего выказанного на последних страницах по поводу первой характеристической черты известной теории, именно типических свойств той сделки, которую она принимает в расчет при исследовании, мы считаем себя вправе не распространяться более об этом предмете, и тем более, что в главе об особенностях учения К. Маркса, нам придется еще говорить о нем. Мы можем сказать теперь о всей школе то, что сказал Baumstark об одном Рикардо: «Sie setzt die Lokale, Temporelle, Subjective immer soviel möglich in Entfernung, und steuert auf die allgemeinsten Grundsätze los»*. Сам Рикардо отличается в этом отношении от своих предшественников по учению о ценности вообще только более определенной формулировкой положений и большею законченностью их. Он дает содержание «равенству ценностей» физиократии и «равному балансу» Boisguillebert'a, утверждая, что равны количества труда, потраченные или необходимые на производство обмениваемых продуктов; он сообщает окончательный вид «естественным ценностям» Petty, Cantillon'a и Смита, и «действительной ценности» Steuart'a, показав, что в их состав входит один только труд. Совершенно оригинальным является Рикардо не в этой области, а в учении о ценности труда.

Что касается последователей Рикардо, то мы упомянем вкратце только о некоторых из них и то по отношению к одной особенности учения их. В той или другой форме доктрину школы Рикардо можно считать почти общепринятой. Лишь

* «Erläuterung über Ricardo's System», S. 288.

весьма немногие писатели (Walras, Маклеод) решаются прямо отрицать действие начал издержек производства на размер, в котором меняются продукты. Даже люди, вообще высказывающиеся против этой теории, соглашаются с нею косвенно. Сагеу не признает ее значения для определения ценности продуктов целого рынка, но не возражает против того, что, по крайней мере, все вновь произведенные продукты соответствуют по ценности издержкам, затраченным на добывание их. А между тем, следуя самому Сагеу, эти-то продукты и устанавливают ценность продуктов вообще. Допуская патологический случай определения ценности, именно случай ренты, Рикардо сам утверждает, что ценность одной части продукта может определяться не сама по себе, а по аналогии с ценностью другой части, подводится под нее. Это тот же закон издержек воспроизведения, но примененный к ходу вещей, противоположному оптимистическим взглядам Сагеу. У Рикардо хлеб и сельскохозяйственные произведения производятся все большими и большими затратами труда, благодаря оскудению почвы; оскудение это неравномерно, рента более плодородных земель возрастает, ценность всех сельскохозяйственных произведений, на каждой ступени развития, определяется ценностью произведений, полученных при худших условиях. У Сагеу хозяйственное развитие следует обратному порядку, ценность продуктов падает, но ценность тех, которые еще не нашли сбыта, падает еще быстрее, потому что вновь произведенные, благодаря дешевизне, захватывают большую часть рынка. [Таков ход развития меновых отношений]⁵⁶, по мнению того и другого писателя⁵⁷. По Рикардо три экземпляра продукта имеют ту же ценность, что и четвертый, если нужны все четыре, и производство четвертого поглотило наибольшую долю труда. По Сагеу этот четвертый продукт сойдет за полцены, если предвидится, что другой подобный же будет произведен дешевле. Сходство той и другой формулы состоит в том, что ценность известной части продукта подводится под ценность другой части, а эта последняя определяется в соответствии к потраченному на производство ее труду. Мальтус соглашается, что уровень издержек настолько определяет ценность произведений, сколько влияет на размер снабжения*. Он не заметил, что этими словами выражает не условное только, а полное признание формулы издержек. Его увлекла в этом случае двойственность

* «Principes d'Economie politique», t. I, p. 84: «...les frais de production n'influent sur le prix des choses qu'autant qu'ils en règlent l'approvisionnement...»; p. 85: «...le véritable rapport sous lequel il faut envisager les frais (de production), c'est de les regarder comme une condition nécessaire de l'approvisionnement des objets demandés». Снабжение, продолжает он (п. 86 и след.), регулируется следующими условиями: 1) уплатой за труд, издержанный на производство, 2) уплатой прибыли, 3) уплатой ренты. Нельзя не видеть отсюда, что теория ценности Мальтуса есть та же теория «естественной» ценности Смита, от которой только шаг к учению Рикардо.

формулы спроса и предложения, заставляющей думать невольно о различии, а не о сходстве в положении меняющихся сторон. Между тем, ясно, что если уровень издержек определяет размер снабжения продукта *A*, то такой же уровень, по необходимости, будет определять и размер снабжения продукта *B*, идущего в обмен за *A*. Итак, ценность того и другого определяется соответственно издержкам производства. Мальтус говорит, правда, что «при одном и том же размере снабжения.. возрастание или уменьшение издержек не произведет никакого влияния на изменение цен» («Principes etc.», p. 80—1). Но неправильность этого взгляда совершенно очевидна: только тайна, монополия, привилегия—в состоянии удержать в таком случае цену продукта на прежней высоте. Bastiat, несмотря на quasi оригинальность своего соотношения услуг, не брезгает по временам прибегать к тому же способу объяснения явления ценности, какому следовала школа Рикардо*. Маклеод, принесший науке громадную услугу тем, что выворотил наизнанку важнейшие ее положения, а другие объяснил с непростительным легкомыслием,—наводит подчас сомнение в том, так ли действительно далеко учение от учения Рикардо, как это кажется**. Большая часть немецких писателей положительно признает закон издержек производства, хотя отнимает у него значительную часть силы своим предварительным чисто субъективным объяснением феномена ценности.

Но и ближайшие последователи Рикардо—Джемс Милль, Мак-Куллох, Дж. Стюарт Милль и многие другие писатели, совершенно незаметно смешивают две вещи, именно труд и издержки производства. Сам Рикардо очень часто употребляет совершенно безразлично выражения «цена» и «ценность», «труд, необходимый на производство продуктов» и «издержки производства». И мы также в течение значительной части настоящей главы придавали этим двум выражениям одинаковый смысл, сделавши, впрочем, об этом оговорку в примечании. В следующей главе мы остановимся на этом вопросе подолее, теперь же скажем несколько слов о той легкости перехода от одного из положений

* См., например, стр. 129, «Harmonies Economiques»: «...la valeur doit avoir trait aux efforts que font les hommes pour donner satisfaction à leurs besoins»; стр. 219: «Je paye le travail humain qu'il a fallu consacrer à faire des instruments, au moyen desquels ces forces sont contraintes à agir».

** Маклеод «Основания», стр. 128: «Очевидно, что уменьшение издержек производства, на какое бы обширное пространство оно ни влияло, не окажет заметного действия на отношения рыночных цен *de tex por, loco* добавочное количество, выпущенное на рынок, не составит значительной пропорции в отношении к прежнему запасу»... «Никакая перемена в издержках производства не сопровождается изменением ценностей, если совместно с тем не происходит изменения в соотношении предложения и спроса»; *ibid.*, p. 130: «В тех случаях, когда производство может быть увеличено беспрельдно, люди приучаются соображать размеры предложения с размерами спроса, так что ценность предметов близко подходит тогда к издержкам производства».

к другому, которая заметна даже у строжайших последователей Рикардо.

Когда известное количество одного продукта, говорит Дж. Милль («*Elements d'économie politique*», р. 88 и след.), обменивается на известное количество другого,—например известное количество сукна на известное количество пшеницы,—то существует нечто, побуждающее владельца сукна принять в обмен такое-то количество пшеницы, а владельца пшеницы принять такое-то количество сукна. Это объясняется весьма просто: пшеница, которую привезли на рынок, стоила такой-то суммы издержек производства и перевозки, сукно—такой-то; первая сумма или равна второй, или не равна. В первом случае нет причин изменяться количествам, доставленным на рынок, во втором случае такие причины существуют, и пропорция изменяется. Итак, *издержки производства* регулируют меновую ценность продуктов. Но что такое сами эти издержки? По мнению некоторых, они образуются из одного только капитала. Капиталист выплачивает задельную плату, покупает материал и считает, что издержанное им возвратится к нему с обыкновенною прибылью на весь употребленный капитал. Но дело в том, что так как всякий капитал состоит из продуктов, то отсюда следует, что первый капитал должен был быть результатом труда. Если же это так, то ценность этого капитала, т. е. количество других продуктов, за которое можно было обменять его, должно было оцениваться трудом же. Это непосредственное следствие того предположения, которое мы установили,—именно, что в случае, когда один только труд служит орудием производства, меновая ценность продуктов определяется трудом, потраченным на их производство. Раз мы согласились с этим, необходимым следствием является то, что меновая ценность всех продуктов определяется количеством труда, которое было необходимо на их производство.

Мы видим из этой теории Дж. Милля, составляющей в сущности не что иное, как копию с теории Рикардо, что между издержками производства и трудом в собственном смысле слова не признает никакой ровной разницы, потому что полагает, что нашла возможность самые издержки свести на труд же. То же самое решение вопроса встречаем у Мак-Куллоха («*Principles*», р. 290—315) и у Джона Стюарта Милля. Последний, вслед за Рикардо, насчитывает несколько категорий предметов, из которых каждая следует особому закону ценности. Первая категория—предметы редкие, вторая—производимые в произвольном количестве, третья (земледельческие продукты Рикардо)—предметы, стоимость производства которых возрастает под давлением закона народонаселения. Милль находит однакоже между ценностями всех этих категорий то общее, что каждая из них сводится на «*трудность* получения». От этого термина, заменившего собою «труд», остается лишь шаг к «издержкам

производства», по крайней мере по отношению к предметам второй и третьей категории. В предметах, количество которых неограниченно, трудность эта состоит в «труде и расходе», какие нужны на производство товара. «Общее правило таково, что предметы имеют тенденцию обмениваться друг на друга по таким ценам, которые оплачивают каждому производителю «стоимость производства» с обычной прибылью, иными словами, которые дают всем производителям одинаковый процент прибыли на их расход. Но, чтобы на равный расход, т. е. на равную стоимость производства, была равная прибыль, предметы должны обмениваться друг на друга *пропорционально* стоимости своего производства; предметы, стоимость производства которых *одинакова*, должны иметь *одинаковую* ценность, потому что лишь в этом случае будет равная выручка с равного расхода. Если фермер капиталом равным 1 000 кварталов хлеба может производить 1 200 кварталов, дающих ему прибыль в 20%, то всякий предмет, производимый в то же время капиталом в 1 000 кварталов, должен стоить 1 200 кварталов, т. е. обмениваться на 1 200 кварталов, иначе производитель получил бы не 20% прибыли, а больше или меньше» («Основания», т. II, стр. 509).

Но действительно ли «стоимость производства», в том смысле, как понимают ее эти писатели, и «труд» представляют собою не больше как синонимы? Действительно ли из равенства количеств труда в обмениваемых предметах следует и равенство «стоимостей производства» их? Это мы узнаем ниже.

ГЛАВА III

ТЕОРИЯ ИЗДЕРЖЕК ПРОИЗВОДСТВА И СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

«Я живо вспоминаю до сих пор», говорит ф. Тюнен*, «то удовольствие, которое я ощущал в молодости, когда прочел в первый раз положения Ад. Смита о началах, регулирующих естественную и рыночную ценности. Свет и ясность распространились для меня на смутный до той поры вопрос, и я увидел наконец неправильную конкуренцию в подчинении у определенного закона. Издержки производства,—вот что регулирует естественную цену, к которой постоянно тяготеют цены рыночные, вот что определяет границы конкуренции. Но радость моя была непродолжительна; я скоро смутил ее, проникнув глубже в предмет. Естественная цена товара определяется естественными заделной платой, прибылью и рентой, которые содержатся в производстве этого товара. Но если спросят, чем определяется заделная плата, то получают в ответ: конкуренцией. Спросите об основании естественной прибыли с капитала, вам снова укажут на конкуренцию. *Итак, определение рыночной цены (prix du marché**) независимо от конкуренции является не более как кажущимся, иллюзией...* Что остается от продажной цены сельскохозяйственных продуктов, за вычетом заделной платы, прибыли и всех других издержек, потраченных на производство,—образует, по Смигу, поземельную ренту. Спросим теперь: какова же естественная цена хлеба? Нам ответят на это: естественная цена хлеба—та, которая в точности покрывает обыкновенную ценность заделной платы, прибыли и ренты. После этого спросим: какова естественная рента? Все, что остается фермеру от продажной цены произведений, следовательно и хлеба, за

* «Le salaire naturel», p. 92 и след.

** Под именем prix du marché не следует, кажется, подразумевать рыночную цену в смитовом смысле: по Смигу, такая цена и без того определяется только конкуренцией. Скорее фон Тюнен хотел выразить этим термином понятие о цене, выплачиваемой на рынке.

вычетом задельной платы, затрат и прибыли с капитала. *Итак, при определении естественной цены хлеба за известную величину принимается рента, а при определении ренты за известную величину принимается, наоборот, естественная цена хлеба.* Это — *sergele visieus*, который сумеет успокоить и усыпить ум, при поверхностном чтении, но не поможет ни найти, ни разъяснить что-либо. Если $y = a + b + x$, и $x = y - (a + b)$, то второе уравнение не есть нечто новое, а только перемещение первого, и неизвестные x и y остаются, попрежнему, неизвестными».

«По словам Neumann'a», пишет другой современный экономист*, «пункт, выше и ниже которого цена не может долго устоять, определяется издержками той части общей массы продукта, которая произведена с помощью наиболее невыгодных средств и при наиболее неблагоприятных обстоятельствах, пользование коими еще необходимо для покрытия потребности. Это самое глубокое выражение взгляда, по которому естественная цена определяется издержками производства. Но против него можно возразить то, что цену блага оно объясняет не из таких элементов, которые были бы независимы от цены, а из других цен, потому что издержки производства вычисляются из цен всех благ, потребных для производства».

Две приведенные нами формулировки вопроса, что такое издержки производства, представляют собою яркое выражение того недовольства, которое возникает в умах некоторых, — к сожалению весьма немногих, — новейших экономистов, при обсуждении терминов, лишь по видимому содержащих известный и определенный смысл, на самом же деле только способных доводить ум до поверхностного отношения к наиболее сложным и трудным задачам общественной экономии. Особенно метко и ясно ставит вопрос ф. Тюнен. Раз признано существование естественной цены, и казалось бы, что соперничеству, как между продавцами и покупателями, так и между продавцами, с одной и покупателями с другой стороны, — должна быть отведена чисто внешняя, побочная роль второстепенной силы, в заведывании которой состоят одни лишь колебания цен, отклонения их от центрального пункта. Но более внимательный взгляд на дело разубеждает в этом. Если раскрыть понятие о естественной цене, о составных частях ее, — естественных прибыли, задельной плате, ренте, в том, по крайней мере виде, в каком оно развивается Смитом, то окажется, что оно всецело покоится на плечах у той же конкуренции, и, следовательно, никакого центрального пункта не существует, потому что конкуренция — это не более, как случай, во всем разнообразии своих проявлений. «Средняя или обыкновенная» величина составных частей цены, определяе-

* Komorzynski: «Ist auf Grundlage der bisherigen wissenschaftlichen Forschung die Bestimmung der natürlichen Höhe der Güterpreise möglich?». «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». 25 Jahrgang, 2 Heft. S. 204, 205.

мая общим состоянием и движением народного богатства, ведет самым прямым путем к неопределенному соотношению между спросом и предложением, которое Смит так тщательно, повидимому, устранил из естественной цены. Конечно, за Смитом всегда останется заслуга в том, что он различает понятие о рыночной и естественной ценах. Но он не пошел далее чисто формального различия той и другой, что делалось еще и до него (Cantillon, Steuart). Он не дал своим составным частям цены никакого внешнего основания, никакого общего масштаба, а между тем только таким путем мог быть положительно решен вопрос о ценности и цене. Одна только часть цены — именно задельная плата, получила у Смита определение, более других близкое к истине. Он утверждает, что размер задельной платы, кроме спроса и предложения труда, определяется еще высотой цен предметов потребления рабочего. Нет сомнения, что эта высота не представляет собою чего-либо вполне определенного, что цена предметов потребления рабочего складывается из таких же составных частей, как и цена продукта, взятого в рассмотрение. Вопрос относительно задельной платы остается, попрежнему, нерешенным в существе, но решается, по крайней мере, в том смысле, что задельной плате дается внешнее основание. Прибыль и рента не имеют у Смита такого основания. Размер прибыли и ренты определяется у него общим состоянием и движением богатства, т. е. предложением и спросом, и только.

Постараемся уяснить себе теперь, в чем состоит действительная разница между издержками производства и трудом, заключенным в продукте, по отношению к регулированию размера, в котором обмениваются хозяйственные произведения. Коль скоро мы придем к правильному решению этого вопроса, то мы пойдем легко, в чем именно грешил анализ Рикардо и других экономистов.

Если смотреть на общественную экономию с птичьего полета, т. е. помнить, что совокупность хозяйств и части, из которых она состоит, существенно различаются между собою, что несмотря на все разнообразие индивидуальных хозяйственных положений и различие сил, существует такая нейтральная почва, на которой все хозяйства пользуются равным правом изменять форму своих произведений посредством обмена их на другие произведения, — то нельзя не убедиться, что регулятором меновых пропорций может служить один только труд, заключенный в продукте. Нет и не может быть другого хозяйственного условия, в такой степени всем хозяйствам общего, для всех равного, осуществление которого для всех было бы так равно необходимо, как обмен, отношения которого соответствуют количествам мускульных и нервных усилий, обнаруживаемых в известные промежутки времени, с известною среднею интенсивностью. Существует ли нет общественное разделение труда, та или другая форма распределе-

ния в обществе продукта,—во всяком случае, общество затрачивает известную массу усилий с целью добыть средства существования. Введение общественного разделения труда только передвигает хозяйственные произведения из одного хозяйства в другое, и так как подобное разделение *одно* заключает в себе все требования и условия обмена, то и нет причин полагать, что, при его господстве, обмен зависит еще *более*, чем от него от каких-нибудь *других* общественных и естественных условий. Но раз признано, что разделение труда есть наиболее важное условие обмена, то нет возможности отрицать, что единственно уместное для общества мерило сравниваемых между собою продуктов—это труд. Боясь впасть в ненужное повторение вещей, не раз уж нами высказанных, мы не пойдём далее в развитии понятия о труде, как о регуляторе меновых пропорций. Заметим только, что такое значение придается труду единственно с той точки зрения, с которой каждое хозяйство в обществе представляется обособленным во всех своих отправлениях, за исключением изменения формы продуктов. Такая система хозяйств представляет своего рода «изолированное государство» Тюнена и столь же близко, как оно, приближается к действительному порядку вещей, благодаря тому, что в расчет принято действие сил наибольшего размера.

Но если взглянуть на дело с точки зрения отдельного хозяйства господствующей формы, с точки зрения хозяина предприятия, то вопрос представляется в несколько ином виде. Предприниматель высылает на рынок произведение не прежде, как совершив целый ряд операций, имеющих между собою мало общего. Он, во-первых, выплачивает своим рабочим задельную плату, во-вторых, покупает орудия и материалы производства, в-третьих, платит проценты на занятой капитал,—в том, разумеется, случае, когда размеры предприятия не позволяют ему ограничиться собственными средствами. В цене орудий и материалов содержится также прибыль предпринимателей, стоящих во главе соответствующих хозяйственных отраслей. Наконец, продав продукт собственного хозяйства, предприниматель получает известный лишек, превышающий все понесенные им расходы и составляющий прибыль предприятия. Таким образом, размер продукта, получаемого в обмен, должен возмещать собою несколько составных частей, [из которых одна—например задельная плата,—хотя и сводясь кое-как к труду, представляет расход; другая—проценты и пр.,—не сводясь к труду, представляет расход; наконец, третья—прибыль предпринимателя—также не сводясь к труду, представляет доход.]⁶⁸ Прямым выводом отсюда является то положение, что меновые пропорции регулируются не трудом, который очевидно не один входит в чистом виде в производство продукта, но издержками производства. Мы видели в конце последней главы, каким сложным путем Дж. Милль приходит

к заключению, что ценность продуктов определяется единственно трудом. Он обходит сложный вопрос об участии капитала в образовании ценности предположением, что сам первоначальный капитал был результатом труда, и что ценность его определялась по общему принципу. Нельзя сомневаться, что в таком взгляде на дело заключается нечто недосказанное и недоказанное. Вопрос не в том, по какому принципу определяется меновая ценность капитала, — она, без всякого сомнения, не может определяться по иному принципу, нежели [меновая ценность самого продукта]⁵⁹, потому что конкретный капитал есть продукт, подобный всякому другому; вопрос в том, как объяснить участие прибыли в образовании ценности, не нарушая общего принципа, столь настойчиво отстаиваемого английской школой и столь бесцеремненно уравниваемого ею с принципом издержек производства, не только вообще, для сокращения речи, но и при непосредственном исследовании вопроса ценности?

Оставим на время в стороне все те составные части получаемого в обмен продукта, которые возмещают собою расход предпринимателя на орудия, материалы, на уплату процентов по занятому капиталу и пр. Настоящее место для определения роли этих частей в образовании ценности — учение о капитале. Там же предстоит нам войти в большие подробности и по вопросу об участии прибыли в составлении того размера, который должен возмещать собою отдаваемый в обмен продукт. Ограничивая круг настоящих изысканий единственно двумя частями цены, именно задельною платою и прибылью самого предприятия, подлежащего рассмотрению, мы не пойдем пока дальше самой постановки вопроса, которая будет однакоже так ясна, что исключит всякое сомнение в том, что понятия труда и издержек производства имеют между собою очень мало общего. отождествление этих двух понятий только и мыслимо при том смешении приемов исследования, которое господствует даже в лучших из экономических трактатов и которое допускает беспрерывный переход с точки зрения общественной экономики на точку зрения частной. Мы увидим, впрочем, что даже и в глазах представителя частного хозяйства, вопрос, который предстоит в настоящую минуту нашему обсуждению, имел бы совсем другой, более согласный с условиями совокупности хозяйств, вид, если бы был поставлен несколько иначе.

Что из продукта, получаемого в обмен, покрываются не только задельная плата рабочих, непосредственно производивших его, но также и прибыль предпринимателя — это не подлежит сомнению, потому что, в противном случае, хозяйство с изъемным трудом утратило бы всякий повод существования. Но как это делается? Так ли, что продукт, *получаемый* в обмен, включает в себе известный излишек в отношении к отдаваемому продукту, или же, напротив, так, что излишек уже заклю-

чается в самом продукте, *отдаваемом* в обмен, и только изменяет форму путем обмена? Если утвердительный ответ последует на первый вопрос, то спрашивается, как сравнить между собою два *различных* продукта *A* и *B* и заключить из такого сравнения, что один из них содержит *излишек* в отношении к другому? Если, напротив, положительно решен будет второй вопрос, то требуется узнать, каким путем сравниваются между собою обмениваемые продукты так, что между ними устанавливается известное равенство?

Прежде всего не следует забывать ту, очень часто упускаемую из вида, элементарную истину, что всякий обмен есть *двусторонняя* сделка. Теория издержек производства, незаметно, но в силу необходимости, присоединяющая к понятию о *расходе* на задельную плату понятие о *доходе* или прибыли предпринимателя, — в силу необходимости; потому что не может указать соответствующего места этой прибыли, — совершенно устраняет представление о двусторонности меновой сделки. Прибыль предпринимателя, говорит эта теория, должна быть выручаема в цене продукта, точно так же как и задельная плата. Но если это действительно так, то, значит, она должна быть и выплачиваема; значит, владелец продукта *A* получает прибыль от владельца продукта *B*. Но ведь продукт *B* ничем не отличается от продукта *A*, — разумеется, в экономическом смысле, — и владелец его от владельца *A*: как тот, так и другой суть полномочные представители известных хозяйственных групп; и тот и другой находятся в совершенно одинаковом положении один относительно другого. Без такого допущения не может иметь места какое бы то ни было исследование о законе цены или ценности. Но отсюда следует одно из двух: или теория издержек производства признает за продавцом известную власть над покупателем, в силу которой первый всегда получает от второго прибыль, а второй всегда несет убыток, или же, как покупатель, так и продавец, оба платят и оба получают прибыль. Что первый случай положительно невозможен, — разумеется, не в исключительном положении вещей, а вообще, — это становится понятным, если вспомнить, что общество отнюдь не разделяется на два резко отграниченных друг от друга класса — продавцов и покупателей или производителей и потребителей, а, напротив, состоит, *большую частью*, из таких членов, которые одновременно суть и производители, и потребители. Если бы рассматриваемое положение было истинно, то следовало бы признать, что одна половина общества — продавцы — получает, другая — покупатели — выплачивает прибыль. Но тогда возник бы вопрос, на который, согласно только что сказанному, следовало бы отвечать отрицательно; откуда получают покупатели тот продукт, из которого платят прибыль продавцам; неужели он достается им такими путями, которые не имеют ничего общего с хозяйственным способом добывания продукта — производством?

Существовать таким образом большинству населения абсолютно невозможно, и, следовательно, нет причин признавать за продавцом какую бы то ни было постоянную власть над покупателем, ведущую к уплате первому вторым прибыли. С точки зрения теории издержек производства, обсуждаемое положение грешит еще и в том отношении, что совершенно исключает возможность отождествления формулы издержек с формулой труда, потому что посягает на меновое равновесие, — *conditio sine qua non* этой последней формулы. Остается рассмотреть второе положение.

Если каждая из сторон, вступивших в меновую сделку, а следовательно и каждая из сторон общехозяйственной меновой сделки масс, как платит, так и получает прибыль, то требуется узнать, какой смысл имеет подобная взаимная передача продуктов из рук в руки, в результате которой каждая из сторон обладает лишь тем, чем обладала до вступления в обмен? Такой вопрос может быть поставлен в том случае, если выплачиваемое и получаемое равны, и, очевидно, должен быть решен так, что смысла ровно никакого нет, а, следовательно, нет и повода к совершению подобных действий. Если же одна из сторон платит больше, нежели получает, но при условии, что приплата излишка случайно выпадает на долю то одной, то другой стороны, под влиянием соотношения между спросом и предложением, — то спрашивается, почему в итоге убытков и прибыли каждой стороны оказывается к известному времени не нуль, а, напротив, повсеместная и постоянная масса продуктов, превышающая первоначальные потребности владельцев и называемая прибылью? Ведь если хозяйство сегодня в убытке на известную сумму, завтра на *такую же* сумму в прибыли, то послезавтра оно лишено прибыли; а между тем существование громадного множества предприятий и учреждений, удовлетворяющих высшим потребностям и ведущих начало не со вчерашнего дня, очевидно доказывает, что отрасль общественного дохода, известного под названием прибыли, далеко не представляет мифа. Если допустить даже, что под давлением совершенно случайных отношений спроса и предложения, суммы прибылей и убытков большинства хозяйств *не равны*, и что некоторые хозяйства успевают получать сравнительный излишек, то чем объяснить существование такого излишка у большей части современных хозяйств, существование, подтверждаемое действительностью — продолжительным ведением громадного множества предприятий? Итак, второе положение столь же далеко от истины, как и первое, хотя следует заметить, что, будь оно правильно, оно вполне отождествляло бы формулу издержек производства с формулой труда, потому что нимало не исключало бы менового равновесия. В конце концов верно то, что продукт, получаемый в обмен, не содержит излишка относительно продукта, отдаваемого в обмен, и следовательно теория

издержек производства, утверждающая, что цена должна покрывать как расход производителя (мы разумеем под ним *только* расход на задельную плату), так и доход его, т. е. прибыль, не отвечает истине в том смысле, в каком объясняется теоретиками-экономистами. Но если бы даже пришлось согласиться с тем, что излишек действительно выплачивается предпринимателю упомянутым способом, то возник бы еще один вопрос, указанный нами выше—именно, как убедиться в том, что один из двух *различных* по свойствам продуктов содержит излишек *в сравнении* с другим? Если один из них содержит более труда, нежели другой, то вот лишнее доказательство в пользу нашего положения, что формула издержек производства,—которые, как мы видели в конце последней главы, один из талантливейших последователей Рикардо, Дж. Ст. Милль, признает *равными* в продуктах, поступивших в обмен,—и формула труда имеют между собою мало общего. Если один из них удовлетворяет большему числу, или более настоятельным потребностям и пр., то вот мерило сравнения налицо; но мы уже знаем, что такое мерило пускается в ход только в исключительных случаях, и для среднего времени и среднего места оказывается непригодным.

Но быть может излишек, или прибыль уже заключается в самом продукте, поступающем в обмен, и только изменяет путем обмена свою форму, так что равенство размеров труда, заключенных в каждом из продуктов, несколько не нарушается введением в меновые пропорции прибыли? В этом именно смысле отвечает на вопрос новейший экономист К. Марх, которому принадлежит и большая часть предыдущей нашей аргументации по этому предмету*. Доказательства, приводимые им

* «Das Kapital», S. 117—129. Приведем в подлиннике некоторые мнения автора о занимающем нас предмете: «Nehmen wir den Circulationsprozess in einer Form, worin er sich, als blosser Waarenaustausch darstellt... Soweit es sich um den Gebrauchswert handelt, ist es klar, dass beide Austauscher hier gewinnen können. Beide veräussern Waaren, die ihnen als Gebrauchswert nutzlos, und erhalten Waaren, deren sie zum Gebrauch bedürfen. Und dieser Nutzen mag nicht der einzige sein. A, der Wein verkauft und Getreide kauft, produziert vielleicht mehr Wein als Getreidebauer B in derselben Arbeitszeit produzieren könnte und Getreidebauer B in derselben Arbeitszeit mehr Getreide als Weinbauer A produzieren könnte. A erhält also für denselben Tausch wertmehr Getreide und B mehr Wein, als wenn jeder von den beiden ohne Austausch, Wein und Getreide für sich selbst produzieren müsste. Mit Bezug auf den Gebrauchswert also kann gesagt werden, dass «der Austausch eine Transaktion ist, worin beide Seiten gewinnen...» Anders mit dem Tauschwert... Sofern also die Circulation der Waare nur einen Formwechsel ihres Tauschwertes bedingt, bedingt sie, wenn das Phänomen rein vorgeht, *Austausch von Äquivalenten*. Die Vulgärökonomie selbst, so wenig sie ahnt was der Wert ist, unterstellt daher, so oft sie in ihrer Art das Phänomen rein betrachten will, dass Nachfrage und Zufuhr sich decken, d. h. dass ihre Wirkung überhaupt fortfällt... Waaren können zwar zu Preisen verkauft werden, die von ihren Werten abweichen, aber diese Abweichung erscheint als Verletzung des Gesetzes des Waaren-

в пользу этого положения, мы укажем в учении о капитале, куда по существу дела относится разбор взаимного положения составных частей цены—прибыли и задельной платы. Со взглядом К. Марх'а на дело совершенно сообразуется и тот взгляд, который можно иметь на меновые отношения с точки зрения представителя хозяйственного предприятия.

Рассмотрим теперь отношение теорий важнейших представителей английской школы к только что объясненному учению. Прежде всего остановимся на Рикардо, так как об Адаме Смите мы уже говорили.

Мы видели, что, указав на существенную разницу между естественною и рыночною ценами, Ад. Смит не сумел найти для нее такие основания, которые оправдывали бы вполне необходимость ее и служили бы почвой, при обсуждении роли, принадлежащей отдельным отраслям дохода в образовании цены экономических произведений. Только задельной плате дал он сравнительно солидный фундамент, сказав, что размер ее зависит от цены съестных припасов и вообще предметов потребления рабочих. Идя по стопам своего учителя, Рикардо смутно сознавал, что анализ цены должен получить несколько иной вид, и что следует сделать шаг в этом направлении. Прежде всего его строгий логический ум был неприятно поражен тою частью книги Смита, где доказывалось, что только на первых ступенях экономического развития труд служит мерилом меновой ценности, благодаря отсутствию капиталов и землевладения, впоследствии же в состав цены вошли прибыль на капитал и поземельная рента. Во-первых, рассуждал Рикардо, орудия производства существуют решительно на каждой ступени экономического развития; во-вторых, на каждой же ступени оплачиваются только человеческие усилия, следовательно труд не может перестать быть мерилом цены, несмотря на то, что владелец капитала получает из общей массы продукта известный доход. Руководствуясь такими соображениями, Рикардо нашел, что размер продукта, выплачиваемый, например, за пару чулок—произведение высшей экономической культуры,—соответствует не только тому количеству труда, которое потрачено на непосредственное производство чулок, но также и тому, которое было нужно на производство всех орудий, служивших фабрикации и доставке чулок в пункт сбыта. В такой формуле прибыль вовсе не имеет места, а между тем она получается. Откуда? Рикардо почти решает этот вопрос, когда говорит о том, что возвышение задельной платы не действует на возвышение цены произведений, так как *в состав продукта, отдаваемого в обмен, входит не только задельная*

austausches. In seiner reinen Gestalt ist er ein Austausch von Äquivalenten. also kein Mittel sich am Wert zu bereichern... Es findet dann keine Bildung von Mehrwert statt (S. 118, 120, 122).

плата, но и *прибыль*: возвышение задельной платы действует на уровень прибыли, а не на цену продукта. Но, перейдя к определению участия в цене орудий разной долговечности, капитала постоянного и оборотного, Рикардо делает, как увидим ниже, простую арифметическую ошибку, которая оказывает существенное влияние на весь вопрос ценности и бросает на него совсем не тот свет, какой придает ему Рикардо своими первоначальными исследованиями. Тут опять, наравне с трудом, в качестве элемента, определяющего и измеряющего продукт, получаемый в обмен, действует и прибыль, столь старательно выделенная предыдущим анализом. Если бы Рикардо не указал таким образом исключения из своего собственного закона, то к учению его о естественной и о рыночной ценах не могли бы применяться все те возражения, которые сделал, как мы видели, фон Тюнен относительно теории Ад. Смита. Естественная цена продукта, по Рикардо, определяется средним или обыкновенным, по техническим условиям, количеством труда, потребным на производство продукта. Будут ли, при существовании подобной цены, покрыты естественная задельная плата и естественная прибыль,—это вопрос посторонний. Конечно, рабочие получают все то, что, по средним привычкам, считается входящим в круг их потребления. Конечно, капитал получит такую часть общей массы продукта, которая соответствует уровню прибыли. Но «будут ли редки или обильны капиталы по отношению к труду; будет ли обилие или недостаток в съестных припасах и других предметах первой необходимости»,—часть продукта составит прибыль, другая задельную плату, и возвышение или падение той и другой будут оказывать влияние не на цену, а на соотношение между самими прибылью и платой. Временные и случайные отклонения от этого начала имеют место лишь в том случае, когда внезапно нарушается пропорция между взаимным снабжением, между предложением и спросом. Цена растет или падает, но «конкуренция» или, проще, общее состояние техники, устанавливает цену или на прежнем уровне, или на новом, обусловленном успехами или неудачами производства. Но, введя в свою теорию столь чуждое ей начало, как участие прибыли в образовании цены, Рикардо открыл в ней брешь для нападения и справедливо навлек на нее замечание Мальтуса о том, что исключений такого рода гораздо больше, чем думает автор. Между тем, мы постараемся доказать ниже, что исключений никаких не существует, и самый случай мог быть рассматриваем в этом смысле только по недоразумению.

«Мы нашли», говорит Дж. Стюарт Милль*, «что главный из элементов стоимости производства—труд, перед которым ничтожны все остальные. Предмет обходится производителю или ряду производителей во столько, сколько стоит израсходованный

* «Основания», т. I, кн. III, стр. 514.

на него труд. Если мы рассматриваем как производителя капиталиста, делающего затраты, — слово труд можно заменить словом рабочая плата; предмет обходится производителю во столько, сколько рабочей платы пошло на него. На первый взгляд, правда, кажется, что это лишь часть расхода, потому что капиталист не только платил рабочим, а также снабжал их орудиями, материалами и, быть может, строениями. Но эти орудия, материалы и строения произведены трудом и капиталом, и ценность их, подобно ценности предметов, для производства которых они служат, определяется стоимостью производства, которая опять приводится к стоимости труда». До сих пор, издержки производства, по крайней мере повидимому, довольно удачно приводятся к количествам труда, заключенного в продукте. Но, приведя затем из книги Рикардо указанное выше место о составных частях стоимости пары чулок, Дж. Ст. Милль продолжает*: «Читатель заметит, что Рикардо выражается так, как будто количество труда, которого стоит производство предмета и доставка его на рынок—единственная вещь, определяющая ценность товара». Всякий, кто прочтет эти строки, вправе ждать, что вслед затем Дж. Ст. Милль укажет на существование какой-нибудь другой вещи, которая наравне с трудом участвует в определении ценности. Он делает это, но как? «Стоимость производства для капиталиста», говорит он, «не труд, а рабочая плата, и количество труда остается одинаково при высокой и низкой плате; потому казалось бы, что ценность продукта определяется не исключительно количеством труда, а количеством труда вместе с размером вознаграждения за него, и что ценности определяются отчасти размером рабочей платы». Недоразумение это Дж. Ст. Милль разъясняет тем, что ценность—явление относительное, что могут возвышаться и падать только цены, а не ценности, и что поэтому одновременное возвышение или понижение задельной платы во всех отраслях не может вести к увеличению или уменьшению ценностей.

Если бы закон Рикардо о противоположности между прибылью и задельной платой основывался только на такой аргументации, он не устоял бы долго. Дело не в том, что задельная плата возвышается и падает во всех отраслях,—хотя повсеместное уменьшение и увеличение прибыли и мыслимо только при таком всеобщем же возвышении или понижении задельной платы. Дело в том, что задельная плата представляет собою лишь часть продукта, отдаваемого в обмен, а поэтому возвышение или понижение ее сопровождается не изменением меновой пропорции, в которую вступает продукт, а изменением величины другой части продукта—прибыли. Но если бы даже задельная плата соответствовала не одной только части труда, воплотившегося в продукте, а *всей* его массе, то и в таком случае она

* Ibid., p. 516.

не могла бы, с общехозяйственной точки зрения, стать синонимом труда в отношении к образованию ценностей. Признав, что от размера продукта, — а таким продуктом была бы вся задельная плата, — зависят меновые пропорции, мы тем самым были бы принуждены заменить действие труда на ценность, действием сравнительной полезности, потому что, при таком условии, только под влиянием последней могли бы устанавливаться и определяться величины обмениваемых продуктов. Но раз мы соглашаемся на такое решение вопроса, мы должны отвергнуть все, что сказано нами и всей школой Рикардо, в том числе и Дж. Ст. Миллем, об уместности и необходимости в общественной экономике труда в качестве мерила и регулятора меновых пропорций. Нам пришлось бы удалить из обмена нейтральный элемент — труд и поставить на его место совершенно случайную борьбу между спросом на продукт и предложением его, или между взаимными снабжениями продукта, вне всякой зависимости от стоимости производства. Тем более оснований имеем мы утверждать, что *часть* продукта — будь она задельная плата или прибыль — не в состоянии заменить труд, в качестве регулятора меновых размеров, потому, во-первых, что она соответствует не всей массе труда, заключенного в продукте, и потому во-вторых, что она продукт, а не труд, меновые же размеры устанавливаются не сами от себя, а благодаря действию посторонней силы, которою, согласно приведенным выше основаниям, не может считаться сравнительная полезность вещей. Высока или низок общий уровень задельной платы, высока или низка задельная плата в отдельных отраслях — обстоятельство эти несколько не вредят действию обоих этих принципов.

Не так думает Дж. Ст. Милль, увлекаясь теми поправками, которых требует, по его мнению, учение о ценности Рикардо. «Относительным размером рабочей платы», говорит он*, «определяется ценность точно так же, как и относительным количеством труда. То правда, что абсолютная величина рабочей платы не имеет влияния на ценность; но не имеет его и абсолютное количество труда». Значительная часть недоразумения, заключающегося в этих строках, вытекает из неясного представления Милля о том, что такое «влияние на ценность». Разумея под абсолютными количествами труда и задельной платы одинаковые количества того и другой, заключенные во всех продуктах, поступающих в обмен, Милль видит перед собою раз установившееся, спокойное *состояние* меновых пропорций, и так как с понятием о «влиянии на ценность» у него соединяется, и справедливо, понятие о *движении*, то он и утверждает, что такие абсолютные количества *влияния* на ценность, т. е. на *изменение* меновых размеров, не имеют. Мы уже говорили, что задельная плата действительно не участвует в образовании цен-

* «Основания», т. I, стр. 518.

ностей; но нельзя сказать того же о количествах труда, все равно, абсолютных, т. е. везде равных, или относительных. Прежде чем ценности установились, происходило между ними *движение*, направляемое и регулируемое количествами труда, а в исследовании именно причин данного *состояния* ценностей и состоит научная работа по вопросу о средних ценностях. Абсолютные количества труда дали ценностям устойчивость, следовательно нельзя сказать, что они не имели на них влияния. Изменение количества труда сопровождается изменением меновых пропорций, т. е., в конце концов, установлением новых, следовательно относительным количествам труда принадлежит такая же роль, как и абсолютным, коль скоро движение ценностей сменилось покойным состоянием их. Но если по отношению к абсолютным количествам труда иметь в виду исключительно *состояние* ценности, по отношению же к относительным исключительно *движение*, то, само собою разумеется, придется, вслед за Миллем, утверждать, что только вторые оказывают «влияние» на ценности.

«Если в одном занятии», говорит Милль в другом месте*, «рабочая плата выше, чем в другом, или если она надолго повышается или падает в одном занятии, оставаясь без перемены в других, эти неравенства, действительно оказывают влияние на ценности... Если в известном занятии постоянно существует рабочая плата выше средней величины, *соразмерно тому* и ценность предмета, производимого этим занятием, будет выше уровня, определяемого простым количеством труда. Например предметы, производимые техническим трудом, обмениваются за продукт гораздо большего количества чернорабочего труда и только потому, что плата за технический труд выше». Что задельная плата за технический труд гораздо более велика, чем за простой, — это не подлежит сомнению; но причина этой сравнительной высоты лежит опять-таки в том же труде и ни в чем больше. Технический труд есть труд квалифицированный, т. е. обыкновенный труд, осложненный всею массою подготовительного труда, которая, как сам же Милль утверждает в начале своего курса, должна** входить в счет производства, подобно текущему труду. Если поэтому цена технических произведений выше, нежели цена однородных простых, то это, благодаря большому количеству труда, заключенного в них, а вовсе не вследствие того, что задельная плата за технический труд выше. Во-первых, задельная плата здесь не более, как производное

* Ibid., стр. 517.

** Ibid., стр. 52: «...техническое или промышленное воспитание общества, труд, употребляемый на то, что люди учат и учатся производительным искусствам, на приобретение и сообщение мастерства в этих искусствах, — этот труд совершается именно для того, и обыкновенно единственно для того, чтобы через него достичь большего или более ценного производства...».

явление, средний член между затратою известного количества труда и ценностью продукта, в котором этот труд воплотился; во-вторых, кроме задельной платы, продукт технической отрасли, подобно продукту всякой иной, включает еще и прибыль, на величине которой отражается всякое возвышение и падение платы.

Тот же взгляд на участие в образовании ценностей совершенно логично удерживает Милль и по отношению к прибыли; что же касается отношения прибыли, получаемой предпринимателем, к издержкам производства, то он обходит этот вопрос молчанием, тогда как именно его решение служит пробным камнем для проверки годности самой теории издержек. «Кроме труда», говорит он*, «есть еще другой элемент производства — капитал... Вознаграждением за воздержание служит прибыль. А прибыль состоит не из одного излишка, остающегося капиталисту за покрытием расхода, — она почти всегда составляет немаловажную часть и самого расхода... Общее возвышение прибыли, подобно общему возвышению рабочей платы, не может возвышать ценностей... часть прибыли, входящей в стоимость производства всех предметов, не имеет влияния на ценность никакого предмета. Только тот излишек, который входит в стоимость производства лишь некоторых предметов, оказывает влияние на ценность их». Прибыль состоит не из одного излишка, остающегося капиталисту за покрытием расхода, — но ведь она состоит же и из него. Всего интереснее было бы решить именно вопрос, каким образом потребитель выплачивает в цене продукта *этот* излишек потребителю и в качестве производителя сам берет его назад у потребителя своих продуктов, т. е. совершает совершенно бесполезную и бесплодную операцию. Если бы Миллю удалось отвечать на этот вопрос, то он, тем самым, разрешил бы и вопрос об источнике той прибыли, которая входит в счет «издержек» данного предпринимателя и в счет «дохода» или излишка тех, у кого он приобретал материалы, орудия и т. п. Тут он узнал бы, что сама теория издержек есть не более как теория частнохозяйственная, перенесенная в область общественного хозяйства, и если она оказывается годной для конторы и для лавки, то отсюда не следует, что ею объясняется многое в системе социально-хозяйственных отношений**.

* «Основания», т. I, стр. 519—20, *passim*.

** Мы увеличили бы без меры этот очерк истории учения об издержках производства, если бы стали ссылаться на громадную массу писателей, разделяющих ошибку обоих Миллей и Рикардо относительно роли издержек в отношении к установлению ценностей. Приведем вкратце мнения некоторых из них: Mac-Culloch «The Principles», p. 307: «The cost, or real value, of commodities... has been shewn to be identical with the quantity of labour required to produce them and bring them to market... If, ... a commodity were brought to market and exchanged for a greater amount, either commodities or of money, than was required to defray the cost of its production, including the common or average rate of net profit at the time.

Сказав, что на ценность оказывает влияние только тот излишек, который входит в стоимость производства некоторых, а не всех предметов, Дж. Ст. Милль переходит к изложению положений Рикардо об участии в образовании ценностей постоянного и оборотного, долговечного и краткосрочного капитала. Мы не пойдем за ним в эту область потому, что найдем для нее место ниже.

Но как бы ни были велики заблуждения теории издержек производства, она все-таки сохраняет вид объективной теории, потому что ведет мысль к известным постоянным, естественным и общим для всех хозяйств условиям отправления экономической деятельности, которые только преобразуются обменом. Лишь ближайший анализ показывает, что учение это заключает некоторые трудно разрешимые противоречия. Не то следует сказать о теории спроса и предложения в ее чистом виде. Нет писателя, который, придерживаясь учения об издержках производства, как о регуляторе меновых пропорций, отрицал бы временное и случайное действие спроса и предложения на эти пропорции. Но есть люди, утверждающие, что нет и не может существовать каких-либо других регуляторов обмена, кроме спроса и предложения. Анализ этих явлений, сделанный такими людьми, должен поэтому заслуживать особенного внимания. Теория спроса и предложения Маклеода принадлежит

its producers would, obviously, be placed in a relatively advantageous situation»... Rau «Traité», p. 124: «Le fabricant, le marchand, etc., dans leurs opérations, ne font aucune attention à la valeur des marchandises qu'ils offrent, mais seulement à ce qu'elles leur ont coûté, il leur suffit d'obtenir un prix *supérieur* à leurs frais de production, et qui leur assure en outre un profit, car ils feraient une perte, si le prix qu'ils obtiennent n'était au moins assez élevé pour compenser leurs frais. On peut donc poser comme... règle: qu'on ne vend pas les produits à un taux inférieur à leurs frais de production». Если продукты не продаются ниже издержек, то продаются или выше, или соответственно издержкам. Но оба продукта не могут продаваться выше, издержек, один не может также, потому что это сопряглось бы для другого с уступкой ниже издержек,—следовательно продаются или меняются соответственно издержкам. Где же прибыль? Schaffle «Das Gesellschaftliche System etc.», S. 189: «Der Wert bestimmter Quantitäten einer Güterart strebt für die Dauer auf das Niveau der Produktionskosten zurück, kann aber dauernd nicht unter dieses Niveau herabsinken». Ib., 191: «Die Kosten eines Gutes bestehen: a) in den Lohnauslagen für das erzeugte Sachgut, b) in den Auslagen, d. h. in dem Aufwand an umlaufendem Kapital, z. B. für verwendete Roh- und Hilfsstoffe, c) in dem Ersatz der Abnutzungen des stehenden Kapitals, deren Wert in das Produkt übergegangen ist. In a—c werden die Kostenbestandteile nach gewöhnlichen Aufzahlung gefunden. Gewiss aber würde die Produktion aufhören wenn der Marktpreis *nur sie* vergütete. Der Marktpreis der Sachgüter muss weiter vergüten... e) nicht bloss den Ersatz des umlaufenden und des stehenden Kapitals, sondern auch den land- und zeitüblichen Zins desselben...». Итак, по обыкновенному вычислению, ценность продукта оказывается несколько меньше, нежели по действительному; но зато действительное вычисление отнимает всякую силу у того положения, что ценности стремятся к «уровню» издержек производства. Автор спокойно проходит мимо этого разительного противоречия. Нечто подобное же

всцело к числу *исключительных* теорий спроса и предложения. Остановимся сначала на ней, а потом перейдем к некоторым другим теориям, развитым, быть может, более научно, хотя и менее безусловно. Рассмотрев подробно эти учения, мы поймем, в каком отношении находятся они к тому научному направлению, которое служит нам путеводною нитью в лабиринте экономических недоразумений, несмотря на то, что подчас само нуждается в исправлениях и дополнениях.

Несколько раз уже в течение нашего исследования мы говорили мимоходом, что сравнение настоятельности потребностей служит исходным пунктом для построения учения о ценности на понятии о потребительной ценности. Мы старались, кроме того, показать, что отводить потребительной ценности, или просто полезности вещей в отношении к потребностям такое почетное место—есть дело крайне не научное и поэтому не ведущее к познанию действительных законов мены. Теория спроса и предложения в ее чистом виде есть не что иное, как замаскированная теория сравнительной настоятельности потребностей, и потому, если нам удастся доказать это, то тем самым мы определим и отношение, в каком, по нашему мнению, должна находиться к этой теории наука.

Автор «Оснований» и «Словаря политической экономии» Г. Д. Маклеод следующим образом выражает сущность своих взглядов на занимающий нас вопрос. Труд и ценность, говорит он

находим у Roscher'a «Principes», p. 251: «Les biens dont les frais de production sont égaux ont régulièrement une valeur en échange égale». Ibid., p. 247—8, *passim*: «...la notion des frais de production répond-elle à des idées essentiellement différentes, selon qu'on se place au point de vue de l'économie publique ou de l'économie privée. Un entrepreneur... doit... comprendre dans les frais de production... tout ce qu'il a payé en intérêts, salaire, rente et impôts... En outre il lui faut aussi porter en ligne de compte un profit légitime, en sa qualité d'entrepreneur... Au point de vue économique (on entend ici socialement-économiquement) on ne doit d'ailleurs compter parmi les frais de production que les capitaux, dont l'emploi est nécessaire, sans qu'il s'agisse de procurer la satisfaction des besoins individuels... La valeur du capital circulant... doit naturellement se retrouver en entier, dans le prix, et le capital fixe pour la portion de l'usure qu'il a subie. Il faut aussi tenir compte du risque...». Опять издержки производства рассматриваются в двух видах, и остается совершенно неизвестным, к которому из них относится положение о равенстве ценностей, при условии равенства издержек. Всех прямее и откровеннее взглянул на дело Storch «Cours d'économie», t. II, p. 140, *примеч.*: «Il est vrai que le salaire de l'ouvrier, de même que cette partie du profit de l'entrepreneur qui consiste en salaire, si on le considère comme une portion de subsistances, se composent également de marchandises achetées au prix courant, et qui comprennent de même salaires, rentes de capitaux, rentes foncières et profits d'entrepreneurs. Mais comme on ne peut ranger le salaire sous aucun des autres éléments, parce qu'il suit d'autres lois, cette observation ne sert qu'à prouver, qu'il est impossible de résoudre le prix nécessaire dans ses éléments les plus simples». Действительно, приняв за основу дальнейших заключений самостоятельную производительность капитала и почвы, не только трудно, но и невозможно «résoudre le prix nécessaire dans ses éléments les plus simples».

(«Основания», гл. I и II), не имеют необходимого соотношения между собою: алмаз, поднятый с земли, не потому ценен, что он поднят, а потому поднят, что ценен. Всякая ценность имеет чисто местный характер: знание китайского языка ценилось бы очень высоко в Лондоне или в Париже, где всегда есть спрос на подобные сведения, но на Гебридах нет спроса на них, и потому они не имели бы там никакой цены. Итак, не труд *сообщает* ценность, а ценность или спрос *привлекает* труд. Человек, только что съевший сытный обед, не даст ничего за стакан воды, но среди африканских степей он согласится на всякую цену. Значение, ценность акта, желание лица видеть акт совершенным, весьма различны в том и в другом случаях и во втором случае гораздо *напряженнее*, чем в первом. Если бы человека утопающего брался спасти только один лодочник, услуга не была бы напряженнее, но цена была бы выше, чем в том случае, когда за то же дело взялись бы двое или более лодочников. *Власть* продавца над покупателем была бы выше при отсутствии соперничества и ниже при существовании его. Напряженность услуги и власть продавца над покупщиком — вот элементы цены каждой услуги; цена изменяется в прямом отношении к напряженности оказанной услуги и в обратном отношении к власти покупателя над продавцом. Закон этот — пример того, что в философии называется законом непрерывности (law of continuity), потому что, будучи верен в применении к двум крайним выражениям цен, он должен быть верен и в применении к промежуточным пунктам. Формула наша есть очевидно не что иное, как измененное выражение, что ценность обуславливается отношением между спросом и предложением. Но авторитеты в области науки вывели другой закон, нашедший сильную поддержку и заключающийся в том, будто бы ценность определяется издержками производства. Мы докажем, что закон этот несостоятелен. Адам Смит и Рикардо полагали, что труд есть истинное мерило меновой ценности всех предметов. Но если бы это мерило было верно, то мусор, вынутый из колодца, имел бы большую ценность, тогда как алмаз, найденный на поверхности земли, не имел бы никакой цены. Мы знаем уже, что это не так, что не труд сообщает предмету ценность, а ценность предмета привлекает к себе труд. Независимо от этого, сам Рикардо распространяет действие своей теории на те только предметы, количество которых может быть увеличиваемо, и в производстве которых соперничество не встречает стеснений. Но ограничивать научные истины экономики лишь некоторыми случаями — ошибочно и противно началам индуктивной философии. Бэкон был прав, когда советовал проверять выводимые законы применением их ко всем случаям. Что такое естественная рента, заработная плата, издержки на извлечение и т. д., о которых говорят Рикардо и Адам Смит? Один производитель может быть более искусен и предприимчив, нежели другой, или может открыть

более экономические способы производства, чем его соседи, и все эти особенности могут существовать в весьма различных степенях. Рыночная цена не подвергается никаким влияниям, кроме спроса и предложения. Падение цены пшеницы при значительном привозе ее, при известии среди войны, что главный враг не существует,—все эти и другие случаи не находятся ни в какой зависимости от издержек производства. Системы Смита и Рикардо относят образование цены к *производителю*, между тем как несомненно, что цену создает *потребитель*. Покупщики дают высокие цены за продукты не потому, что продавцы потратили много денег на производство этих предметов, а, наоборот, продавцы решаются тратить много денег на приготовление предметов потому, что надеются найти покупателей. Цена есть результат постоянной борьбы между покупщиком и продавцом, и обстоятельства, побуждающие ту или другую сторону дойти до соглашения, служат *единственным* мерилom ценности в момент покупки.

Доказывать, что издержки производства обуславливают цену, можно лишь в том смысле, что *никто не согласится добровольно продать произведенный предмет за цену меньшую издержек производства*, союкупно с известным вознаграждением, и, во всяком случае, никто не мог бы вести такую продажу долго. Но выше этого уровня человек *старается* выручить как можно больше, и прибыль его находит предел единственно в приведенном нами законе. Никакое изменение в издержках не вызовет изменения в ценности, если не сопровождается изменением в спросе и предложении. Рыночная цена определяет количество издержек, могущее быть допущенным при производстве. Понижение цены, вследствие увеличения запаса какого-нибудь товара, уничтожает прибыль от количества продукта, полученного с наибольшими издержками. Отношение между спросом и предложением есть всеобщий и единственный регулятор ценности. Когда производство может быть увеличено беспредельно, люди приучаются соображать размеры предложения с размерами спроса, так что ценность предмета близко подходит тогда к издержкам производства. Если есть возможность вывести общий философский закон, то закон этот должен прилагаться ко всем случаям. Вся сущность и цель индуктивной философии сосредоточивается на анализе отдельных случаев, из вывода из них общих законов и на применении этих законов ко *всяким* (?) другим случаям. То же самое разумеется в отношении к политической экономии, к цене и ее изменениям. Закон Рикардо, по собственному его сознанию, не применяется к целому ряду предметов. Выражение, принятое нами, напротив, прилагается ко всем случаям и оказывается верным во всех пределах. Есть известный ряд причин, содействующих возвышению цен, и есть ряд причин, способствующих понижению цен; цена изменится, следовательно, в прямом отношении к причинам,

стремящимся ее возвысить, и в обратном отношении к причинам, стремящимся ее понизить. Таков метод, принятый нами при построении нашей формулы. Ж. Б. Сэй говорит: если фунт оливкового масла в Марселе ценится в 30 су, а в Париже в 40, и нахожу, что тот, кто доставляет это масло из Марселя в Париж, прибавляет 10 су к ценности каждого фунта. Но ведь ценность предметам сообщают не производители и перевозчики, а потребители. Если бы перевозочные издержки прибавляли к ценности предмета, то отсюда следовало бы, что переслать масло обратно из Парижа в Марсель значило бы еще прибавить к его ценности, а переправить его взад и вперед двадцать раз значило бы в двадцать раз возвысить его ценность. Различная ценность домов, смотря по местности, в которой каждый из них построен, представляет наглядный пример того, какой перевес окружающие обстоятельства берут над издержками производства. Построить дом в центре Сити, против Английского банка и пр. стоило бы не дороже, чем в самых глухих кварталах предместий; но как различна была бы ценность построек.

Теория Смита—Рикардо построена на предположении, что человек в состоянии управлять рынком, тогда как в действительности рынок управляет человеком. Стоимость хлеба на каждой ступени операций, совершаемых над ним фермером, мельником, пекарем, складывается из суммы стоимости всех предыдущих операций, вместе с прибылью каждого из этих лиц; цена, по которой хлеб поступает в потребление, должна быть, по крайней мере, равна сумме стоимости всех операций. Но не такова мгновенная или минутная ценность* (instantaneous value) хлеба. Напротив, очевидно, что владелец продукта на каждой ступени производства делает все, что может, для усиления разности между издержками и минутной ценностью. Очевидно, что во всех случаях и во всякое время действует закон спроса и предложения, и только этот закон. Но если, как допускает и Рикардо, цены на все товары во всякое время подчиняются действию спроса и предложения, то какие же могут быть другие времена, когда цены устанавливаются издержками производства?—Что же такое сам спрос и предложение? «Как произведенное количество выражает предложение (supply), так количество проданное выражает спрос (demand). Таким образом, выражения: производство и потребление, предложение и спрос не означают ничего более как количество, предлагаемое для продажи и количество проданное» («Основания», гл. I, стр. 91).

Маклеод везде выражается с такою точностью и откровен-

* Под именем мгновенной или минутной ценности автор разумеет цену, действительно платимую при какой-либо сделке, т. е. попросту, всякую фактическую цену, без всякой связи ее с другими ценами. См. «Основания», стр. 102.

ностью, что речь его ни на минуту не заставляет усомниться в действительных взглядах автора и в характере отношений его теории к учениям школы Смита—Рикардо. Сказав, что ценность и труд не находятся между собою ни в каком соотношении, он прямо устанавливает свою точку зрения на предмет и дает понять, что только сравнительная настоятельность потребности представляет решающий элемент в вопросе об определении меновых пропорций. Только в таком смысле могут быть поняты его мысли о местном характере всякой ценности, о значении потребителя в установлении ценностей, о том, что не труд сообщает предмету ценность, а ценность привлекает к себе труд, о мгновенной ценности и т. п. Мы говорили выше, вслед за Baumstark'ом, что логическое развитие понятия о сравнительной полезности, как основании меновых пропорций, неизбежно должно приводить к признанию такого же числа различных ценностей, сколько существует народов, *местностей* и т. д. Нельзя, конечно, отрицать, что известные продукты находят себе сбыт в одних местностях, другие в других, что одни и те же продукты имеют различную ценность в различных странах и пр. Но как между ценностью вообще всех продуктов, так и между *размерами* ценности однородных продуктов в различные времена и у различных народов существует гораздо более сходства, нежели полагает Маклеод. Сходство между ценностями вообще зависит от однообразия силы, устанавливающей меновые размеры; сходство между *размерами* ценности однородных продуктов вытекает из особенностей техники, более или менее общих производству последних. Находя далее, что не производитель, а потребитель создает ценность продукта, Маклеод не только продолжает стоять на точке зрения сравнительной настоятельности потребностей, но и устраняет самое понятие о двусторонности меновой сделки. Очевидно, что только игнорируя самые условия, в которые поставлено производство, можно утверждать, что одно отношение потребности к предмету решает вопрос об установлении меновых размеров. Но такое утверждение имеет, по крайней мере, ту хорошую сторону, что применяется одинаково к той и другой стороне обмена. Если же понятие об отношении потребности к продукту отождествить с понятием о «потребителе» и противопоставить его представлению о материальных условиях производства, предшествовавших самому обмену и отождествленных с личностью «производителя», — то придется сделать сверхъестественное открытие, что каждый производитель находится в руках у каждого потребителя. Этот «философский» путь решения экономических вопросов нельзя назвать ни наилучшим, ни вернейшим. Можно, конечно, спросить о том, в качестве ли производителя или в качестве потребителя оказывает лицо давление на ценность. Мы отвечали на этот вопрос признанием такой роли исключительно за первым. Но забыть, что если не все, то громадное большинство производителей

суть, вместе с тем, и потребители, — это капитальнейшая ошибка*.

Автор говорит далее, что не труд сообщает предмету ценность, а ценность привлекает к себе труд. Само собою разумеется, что никому не пришло бы в голову производить никому ненужные предметы, но тем не менее, термины «сообщает» и «привлекает», как видит всякий, представляют не более, как игру слов и не заставят поборников теории Смита—Рикардо уверовать, что мотив, побуждающий к производству, имеет более значения в установлении меновых пропорций, нежели человеческие силы, поглощаемые этим производством. Наконец, мгновенная ценность Маклеода, т. е. действительно платимая в какой-либо сделке цена, которую он принимает за типическую и для которой ищет и находит всеобщее выражение,—как нельзя лучше показывает, что Маклеоду решительно неизвестны самые первоначальные правила исследования явлений какой бы то ни было области. Уже а priori можно полагать, что мгновенная сделка и ценность представляют собою результат действия или одних только частных сил, или сил общих, но в такой степени осложненных действием частных, что исследователю нет никакой возможности найти для нее такое выражение, которое обнимало бы вместе с нею и все прочие сделки и ценности. Мы видели выше, что именно такие мгновенные явления ведут к ошибочному истолкованию феномена ценности, когда принимаются за явления [прочные]⁶³ или средние, вполне годные для наблюдений. И там, и здесь получалась в результате формула сравнительной настоятельности потребностей, потому что неравенства этой последней именно представляют ту частную силу, которая оказывает давление на обмен в известные исключительные моменты. Действительность прекрасно подтверждает все это. Сам Маклеод говорит, что одно известие об истреблении врага способно изменить соотношение между спросом и предложением хлеба, а следовательно и ценность. Что же общего между такою случайною ценностью и среднюю ценностью спокойного

* Автор «*Harmonies économiques*» сознает очень хорошо эту истину, когда дело идет о теоретической формулировке ее. «*Le naturalist, —* говорит он, —*peut diviser l'espèce humaine en blanc et noir, en hommes et femmes, et l'économiste ne la peut classer en producteurs et consommateurs, parce que... le producteur et le consommateur ne font qu'un... Mais c'est justement parce qu'ils ne font qu'un, que chaque homme doit être considéré par la science en cette double qualité.*» («*Harmonies économiques*», p. 359).

Но, переходя к обсуждению интересов потребителя и производителя и увлекаясь при этом вопросами практики, Bastiat приходит к таким заключениям: «*Nous venons de constater que les résultats économiques ne font que glisser, pour ainsi dire, sur le producteur pour aboutir au consommateur et que, par conséquent, toutes les grandes questions doivent être étudiées au point de vue de consommateur... Cette subordination du rôle du producteur à celui du consommateur est pleinement confirmée par la considération de moralité*» (ibid., p. 371—2).

мирного времени? Напряженность услуги и власть покупателя над продавцом, отвечает Маклеод, и степенями этих-то напряженности и власти измеряются меновые размеры в каждой меновой сделке, как в свободной, так и в вынужденной, как в частной, так и в публичной и пр. Но дело в том, что как напряженность, так и власть совершенно бездействуют в обыкновенное среднее время, а поэтому справедливо думать, что их и совсем не существует при подобных обстоятельствах*. Напротив, в исключительных случаях бездействует *отчасти* давление труда на размер приобретаемого продукта, потому что осложняется давлением власти и напряженности. Но частный характер таких случаев и свойства меновых пропорций, устанавливаемых в такие моменты, а именно свойства колебаний вокруг известного центра, достаточно показывают, что роль напряженности и власти, устраняющих и сжимающих действие труда на ценность, не принадлежит к числу постоянных и общих всем меновым случаям везде и во всякое время. Итак, нельзя сказать вместе с Маклеодом, что его выражение закона цены или ценности объемлет все случаи и верно во всех пределах. Оно неверно в отношении к важнейшим, действительно типическим меновым случаям. Не думаем также, что цель индуктивной философии заключается в применении законов, выведенных из отдельных случаев *во всяком* другим случаям. Выводы, делаемые без предварительного классифицирования явлений—не выводы, а просто бессмыслица. Сомневаемся еще и в том, что при исследовании закона цены должно быть обращено исключительное внимание на то, от каких причин *изменяется* цена: нужно прежде узнать, от каких причин она придерживается известного уровня. К исследованию причин колебаний жидкостей физика приступила лишь после того, когда стали известны причины, сообщающие жидкостям уровень**.

Переход от всех этих положений, тождество которых с теорией сравнительной настоятельности потребностей мы только

* Мы совершенно согласны, впрочем, с де Квинси («Logic of Political Economy», p. 13; см. Дж. Ст. Милль «Основания», т. I, стр. 499), что, хотя из ста случаев в девяносто девяти полезность вещи не оказывает никакого влияния на цену, но что она и при таких условиях действует на покупателя вещи в том смысле, что за отсутствием ее, он не дал бы за вещь и самой ничтожной цены. Но мы не согласны с ним, когда он утверждает (стр. 500), что в одном из этих ста случаев та же полезность действует на цену: как тут, так и в примерах Маклеода действует уже не полезность, а напряженность, власть, страх не получить потребной вещи и не удовлетворить потребности.

** [Следующие слова Энгельса важны для понимания характера влияния настоятельности потребностей на ценность товаров: «Что должно думать о таком законе, который может провести себя в жизнь точно при помощи периодических колебаний? Это именно такой естественный закон, какой покойится на бессознательности участников» (Friedrich Engels «Umriss zu einer Kritik der Nationalökonomie», «Deutsch-französische Jahrbücher», Paris 1844).]†

что доказали, к теории спроса и предложения весьма прост и естествен. Сам Маклеод сознается, что выраженный им закон есть не что иное, как закон спроса и предложения. Этого признания было бы совершенно достаточно для того, чтобы удержать нас от приведения доказательств, что закон спроса и предложения есть не что иное, как маскированная формула сравнительной настоятельности потребностей, если бы мы захотели поверить автору на-слово. Правда, мы не находим у Маклеода почти никаких разъяснений действия этого закона и лишь в одном месте он упоминает вскользь, что под спросом следует разуметь проданное количество, под предложением количество произведенное. За исключением этого места, на протяжении целых двух глав Маклеод не занимается не чем иным, кроме повторения одной и той же вещи, именно, что спрос и предложение суть единственный регулятор ценности, и что теория издержек производства не что иное, как вздор. В теориях Steuart'a и Мальтуса мы увидим, что понятие о спросе и предложении может подвергаться довольно тщательному анализу, и что предмет этот далеко не так прост, как кажется. Экстенсивность и интенсивность спроса и предложения, самый порядок отношений между тем и другим*, хотя быть может и сводятся на другие, более простые начала, но, тем не менее, требуют довольно подробного обсуждения. При разборе этих теорий мы считаем более удобным выразить подробнее и наш собственный взгляд на закон спроса и предложения. Теперь мы постараемся определить тот переход к этому закону у Маклеода, для обсуждения которого он дает так мало материала.

Все свое исследование о ценности Маклеод ведет в полемическом тоне, сделав из формулы издержек производства пункт нападения и вместе опоры для своих изысканий. Нетрудно видеть, что находит он на эту теорию не так, как нападали Ф. Тюнен, Коморзуньски, Марш и мы: он видит в ней не что иное, как теорию труда, в качестве регулятора меновых пропорций. С этой точки зрения она заслуживает и защиты точно такой же, в какой нуждалась бы теория труда. Если бы, говорит Маклеод, мерилом ценности был *труд*, то мусор, вынутый из колодца, был бы дороже алмаза. Если бы, утверждает он в другом месте, перевозочные *издержки* прибавляли что-нибудь к ценности предмета, то отсюда следовало бы, что масло, раз двадцать переправленное из одного пункта в другой, становилось бы во столь-

* Нашел же возможным, например, Cournot («Principes de la théorie de richesses», p. 94) доказывать, что «quand les auteurs ont dit (d'une voix si unanime), que le prix est *en raison inverse d'une quantité offerte*, ils ont énoncé une vérité triviale, s'ils ont seulement voulu dire que l'offre avilit la marchandise, et un théorème manifestement faux, s'ils ont pris ces mots de *raison inverse* dans le sens précé, qu'on leur donne en mathématiques». «Et quand les auteurs ajoutent, —продолжаеt он,—avec la même unanimité, que le prix est *en raison directe de la quantité demandée*, ils disent une chose plus visiblement encore fausse ou dépourvue de sens».

ко же раз дороже. Как из первого, так и из второго примера легко заметить, в какой степени атомистично воззрение автора на экономические явления. Алмаз *может быть найден* на улице, рассуждает он, а между тем всякому ясно, что алмазы имеют громадную ценность; следовательно *труд не имеет* соотношения с ценностью. Масло *может быть* перевезено раз двадцать из одного места в другое, а всякий знает, что это совершенно бессмысленная операция, и никто оплачивать ее не станет; следовательно *издержки перевозки* (он разумеет под ними и всякие издержки) *не имеют* соотношения с ценностью. В том и другом случае автор вырывает из действительности изолированный факт, рассматривает его вне всякой связи с другими фактами, с которыми он входит в определенные иерархические соотношения, и, не долго размышляя, делает заключения *ко всей* действительности, т. е. к тому сложному целому, от которого отрезан данный факт. Вопрос не в том, могут или не могут в том или другом случае производиться известные операции, а в том, как производятся они вообще, средним числом и пр. *Вообще* алмазов не собирают на площадях и на улицах, а ищут и тратят на это долговременный и усиленный труд*. *Вообще* масла не возят по нескольку раз туда и обратно, а сразу привозят его туда, куда нужно, и берут за это столько, сколько потрачено на это труда. Человек действительно не управляет рынком, — ничего подобного не утверждали ни Смит, ни Рикардо, — человек применяется к рынку сам, но применяется в таких пределах, какие указываются техникой, местными, временными условиями и т. д. Рынок — сумма таких людей, или, лучше сказать, сумма продуктов, произведенных при подобных обстоятельствах; и если масса подчиняет единицу, то делает это не слепо, а служа выражением известных необходимых хозяйственных условий. Правда, Маклеод находит, что немыслима долговременная продажа ниже издержек; но каждый *старается*, говорит он, *выручить* как можно больше сверх-этих издержек. *Удается ли* это старание, — вот вопрос, который следовало решить Маклеоду. Он не заметил, что первым своим положением совершенно уничтожает второе. Если немыслима долговременная продажа ниже издержек, то, очевидно, немыслима и продажа выше издержек, потому что, если одна из сторон будет продавать выше издержек, то другая будет покупать *ниже*, а возможность делать это последнее отрицается. Издержки, говорит Маклеод, действуют

* «Diamanten kommen selten in der Erdrinde vor und ihre Findung kostet daher im Durchschnitt viel Arbeitszeit. Folglich stellen sie in wenig Volumen viel Arbeit dar. Jacob bezweifelt, dass Gold jemals seinen vollen Wert bezahlt hat. Noch mehr gilt dies vom Diamant. Nach Eschwege hatte 1823 die achtzigjährige Gesamtausbeute der brasilischen Diamantgruben noch nicht den Wert des 1½ jährigen Durchschnittsprodukts der brasilischen Zuckers- oder Kaffeepflanzungen erreicht... Gelingt es mit wenig Arbeit Kohle in Diamant zu verwandeln, so kann sein Wert unter den von Ziegelstein fallen» (K. Marx «Das Kapital», S. 6).

на ценность в том только случае, когда изменяют соотношение между спросом и предложением. Положение это верно в том смысле, что обыкновенно изменение в издержках сопровождается изменением во взаимном предложении*. Но совершенно возможны и такие обстоятельства, при которых, за уменьшением или увеличением издержек, не последует изменения собственно в спросе и в предложении (если разуметь под первым желаемое количество), но последует изменение ценностей, потому что на единицу труда, заключенного в продукте, каждою из сторон станет приобретаться больше или меньше, чем прежде, чужих продуктов**.

Защитив от нападок Маклеода теорию труда и издержек, посмотрим, есть ли разница между его теориею спроса и предложения и теориею потребительной ценности. Маклеод не признает существования какой бы то ни было ценности, кроме рыночной. Эта последняя устанавливается, по его мнению, единственно отношением между спросом и предложением. Под спросом он разумеет проданное (вероятно продаваемое) количество, под предложением—количество произведенное. Вернее и, пожалуй, более сообразно взглядам самого Маклеода было бы употребить, вместо выражения «проданное», термин «желаемое», потому что трудно понять, какого рода отношение, определяющее цену и связанное с «напряженностью услуги» и «властью», может существовать между произведенным и проданным или даже продаваемым количествами. Если же цена или ценность устанавливается отношением между произведенным, предлагаемым количеством и количеством желаемым, спрашиваемым, то перед нами те же исключительные случаи, когда,

* «Lorsqu'un marché est surchargé de marchandises, ce n'est pas un simple hasard, mais un signe que les prix payés précédemment étaient si élevés qu'il y avait avantage à activer la production de ces marchandises. Le haut prix d'antérieur est donc la cause de l'abondance, indiquée maintenant par des prix trop bas» (De Thünen «Le salaire naturel», p. 105). «Тайное влияние, заставляющее ценности вещей в среднем выводе быть сообразными со стоимостью производства,—это тайное влияние состоит в том, что иначе изменился бы размер снабжения товаром. Предложение возросло бы, если бы предмет продолжал продаваться выше, чем соразмерно со стоимостью его производства; оно уменьшилось бы, если бы ценность предмета упала ниже этой соразмерности» (Дж. Ст. Милль «Основания политической экономии», т. I, стр. 510).

** «Si le prix naturel du pain baissait de 50 pour cent par suite de quelque grande découverte dans la science de l'agriculture, la demande de pain n'augmenterait pas considérablement, personne n'en voudrait avoir que ce qui lui suffirait ses besoins et la demande n'augmentant pas, l'approvisionnement n'augmenterait pas non plus, car il ne suffit pas qu'on puisse produire une chose, pour qu'elle soit produite en effet, il faut encore qu'on la demande. Voici donc un cas où l'offre et la demande ont à peine varié ou n'ont augmenté que dans une même proportion; et cependant le prix du blé aura baissé de 50 pour cent et cela pendant que la valeur de l'argent n'aura point éprouvé de variation» (Ricardo «Oeuvres complètes», p. 360).

вместо объективных и общих обоим продуктам свойств, сравниваются опасение не получить потребной вещи и желание воспользоваться этим опасением. «Власть» и «напряженность» господствуют здесь над хозяйственными условиями, и господство их прекрасно подтверждает мысль, что теория спроса и предложения, в качестве всеобщего регулятора меновых пропорций, а не в качестве формы, прикрывающей действительные элементы ценности,—есть не что иное, как теория потребительной ценности или сравнительной настоятельности потребностей.

Перейдем к рассмотрению теорий Steuart¹ и Мальтуса, представляющих гораздо более ясную и разностороннюю разработку вопроса о предложении и спросе, нежели горячие, но бездоказательные филиппики Маклеода. Steuart не безусловный приверженец теории спроса и предложения. При разборе его учения об элементах ценности мы видели, что он различает положительные и относительные убыток и прибыль, находит, что ценность должна всегда оставаться без изменения, что измениться может только прибыль. В дальнейших исследованиях своих он несколько не отступает от этих положений. Положим*, говорит он, что в порт пришло нагруженное товарами судно с целью купить здесь другие товары. Судно предлагает свои товары, и спрос на них в порте будет *высок* или *низок*, смотря по высоте предлагаемой цены, а не по требуемому количеству или по числу тех, кто заявляет спрос. Когда все продано, тогда открывает спрос судно; и если его спрос пропорционально выше, нежели предыдущий, то мы говорим вообще, что спрос существует на товары порта. Это значит, что порт предлагает, а судно требует. Это следует назвать взаимным спросом. Спрос бывает или *простой*, или *сложный*. Простой—когда товар спрашивается кем-нибудь одним; сложный—когда товар желают иметь многие. Но это относится не столько к лицам, сколько к интересам. Когда двадцать человек, преследуя один и тот же интерес, желают иметь один и тот же товар, то это составляет не более, как простой спрос; сложный спрос возникает в том лишь случае, когда между различными интересами является соперничество. Если же нет соперничества между покупателями, спрос бывает только простой, как бы ни было велико или мало искомое количество товара или число покупателей. Спрос бывает *большой* или *малый*. Большой—когда требуемое количество велико; малый—когда оно незначительно. Спрос может быть *высокий* и *низкий*. Высокий—когда велико соперничество между покупателями; низкий—когда оно значительно между продавцами. Из этих определений ясно, что следствие большого спроса представляет крупная продажа, следствие высокого спроса—высокая цена и наоборот. Если спрос заявляется правильно, то следствием

* «Untersuchung der Grundsätze der Staatswirtschaft», T. I, B. II, Cap. II, S. 90 ff.

бывает то, что снабжение потребного товара, большею частью, соответствует спросу; в таком случае спрос обыкновенно бывает простой. Прежде чем он станет сложным, должны произойти еще другие обстоятельства; спрос делается, например, неправильным, неожиданным, или обыкновенное предложение желаемого товара встречает препятствия. Следствием является то, что, при нарушении правильной пропорции, между покупателями возникает соперничество, и возрастают текущие или обыкновенные цены. В этом смысле говорят, что спрос возвышает цены, что цены высоки или низки, смотря по спросу. Если же слово «спрос» относить к желаемому количеству, то он бывает или большой или малый. Когда соперничество* бывает гораздо сильнее на одной стороне сделки, нежели на другой, того следует называть *простым*, и в этом смысле оно то же, что названо выше сложным спросом. Это тот род соперничества, который подразумевается в выражении *высокий спрос* (т. е. возвышающий цены). *Двойным* соперничеством называется то, которое действует одновременно на обеих сторонах сделки или колеблется между тою и другою. Оно удерживает цены в соответствии с ценностью товаров. Всего труднее установить ясное различие между понятиями спроса и соперничества. Простой спрос имеет назначением привлечь известное количество товара на рынок; он бывает мал или велик; при нем два лица спрашивают не одну и ту же вещь, а только части одной и той же вещи или совершенно одинаковые между собою вещи. Сложный спрос есть причина возвышения цен; но никогда он не бывает причиной их понижения, потому что при нем одну и ту же вещь требуют многие. Он относится только к покупателям, к цене предлагаемой ими и бывает высок или низок. Простое соперничество, происходящее между покупателями, есть то же, что сложный или высокий спрос. Разница между ними лишь в том, что простое соперничество может происходить также между продавцами, а сложный спрос не может. Поэтому первое имеет взаимное действие: оно может и понижать цены и соответствовать в таком случае низкому спросу. Двойное соперничество предупреждает как неумеренное возвышение, так и неумеренное падение цен. Пока господство принадлежит ему, выполняется баланс, и торговля с промышленностью находится в цветущем состоянии. В отношении к ценам мы говорим, что спрос бывает высок или низок, в отношении же к количеству товаров—что спрос велик или мал. В отношении к соперничеству спрос всегда бывает велик или мал, силен или слаб.

Мы видим из этого исследования, что Stuart ни на минуту не забывает, что спрос и предложение суть не более, как формы, в которых выполняется на рынке общий закон ценности,—и на минуту не ставит этих форм на место или рядом с их содер-

* Ibid., Cap. VII, S. 214 ff.

жанием. Двойное соперничество, говорит он, удерживает цены в соответствии с ценностью, правильный спрос бывает обыкновенно простым, и снабжение при нем большею частью соответствует спросу. Только те случаи, — когда возникает высокий и сложный спрос, т. е. одновременное требование многих на одну и ту же вещь, или простое соперничество между продавцами, — представляют область для действия сил, не содержащихся в общем или обыкновенном феномене ценности. Но эти случаи Steuart оттеняет характеристикою неожиданных, неправильных, сопряженных с препятствиями для обыкновенного снабжения.

Вообще учение Steuart'a может быть названо в известном смысле полным и правильным выражением взгляда на предмет школы Смита—Рикардо. Только некоторые отдельные положения требуют исправления, да понятия о спросе и предложении нуждаются в более подробном разъяснении. Автор не всегда помнит, что меновая сделка двусторонняя, что на каждой ее стороне существуют одни и те же условия. Роль денег, как специфического продукта совершения *покупок*, приводит его к такому заблуждению и заставляет думать, что только *покупатели* могут предъявлять спрос, *продавцы же* не могут. Так, он утверждает, что простое соперничество и сложный спрос различаются между собою тем, что первое может существовать не только между покупателями, но и между продавцами, второй же — только между покупателями: как будто несколько продавцов не могут точно так же гоняться за одним покупателем или за одною суммою денег, как несколько покупателей за одним продавцом или за одною и тою же вещью. Понятия автора о спросе и предложении содержат наиболее характеристические черты этих явлений в их взаимной связи и в этом смысле могут считаться выраженными гораздо лучше, нежели большая часть учений новейших экономистов. Таково различие, проводимое им между высоким и низким, простым и сложным, большим и малым спросом. Уменьше Steuart'a совместить все эти представления с понятием о средней или естественной ценности было главною причиною, побудившею нас изложить его учение в нашем исследовании. То, что Steuart называет высоким и низким спросом, представляет, как увидим, вместе с сложным его спросом, именно ту совокупность посторонних общему закону ценности явлений, которая оказывает по временам самостоятельное действие на ценность. Тем не менее все эти понятия нуждаются в пересмотре и разъяснении, которые, быть может, повлекут за собою некоторые упрощения и сокращения.

Мальтус тоже понял разницу между видами спроса; он также отличает размер спроса от его интенсивности. Но в то время, как у Steuart'a различия эти введены в рамку естественной ценности и находятся в подчинении у нее, Мальтус видит в игре их не более, не менее, «как столь общий закон, который об-

нимает собою решительно все случаи изменения цен». Мы говорили, пишет Мальтус*, что всякая меновая ценность вытекает из возможности и желания дать в обмен один предмет за другой. Когда, вследствие введения общей меры ценностей и орудия мены, общество разделилось, как обыкновенно говорят, на покупателей и продавцов, под спросом следовало разуметь желание, присоединенное к возможности покупать, под предложением—производство продуктов, присоединенное к желанию продавать их. В таком состоянии вещей относительные ценности товаров в деньгах, или их цены, определяются относительным количеством этих товаров, спрашиваемым и предлагаемым. Закон этот обнимает все случаи изменения цен. Но следует помнить, что цены определяются не спросом и предложением, а отношением между ними. Как узнать это отношение? Некоторые полагали, что спрос всегда равен предложению, потому, что не может существовать постоянного предложения какого-нибудь товара без достаточного спроса на все его количество. Это правильно в одном смысле из тех, в которых употребляются обыкновенно слова «спрос и предложение». Положительный *размер* (étendue) спроса, в сравнении с положительным размером предложения, всегда, средним числом, соответствуют друг другу. Как бы ни было мало предлагаемое количество, действительный спрос не может превзойти его; и как бы ни было значительно предложение, размер спроса или потребления должен увеличиваться в той же пропорции, или часть продукта сделается бесполезною и перестанет производиться. Итак, не в этом смысле можно сказать, что изменение в относительной пропорции между спросом и предложением оказывает влияние на цены, так как в этом случае спрос и предложение имеют всегда одно и то же отношение между собою. Чем больше *желание и способность* к покупке какого-нибудь товара, тем больше уверенность, что будет велик и силен на него спрос. Но эти желание и возможность не будут иметь никаких последствий, если никто из покупателей не согласится дать высокую цену, имея возможность иметь товар по низкой. Пока средства и соперничество продавцов позволяют им продавать по низким ценам все требуемое количество, до тех пор *интенсивность* спроса не проявится.

Каковы же причины проявления большей интенсивности спроса? Увеличение числа или *потребностей покупателей и недостаток предложения*. Наоборот, уменьшение числа или потребностей и обилие предложения уменьшает спрос. Если, например, какой-нибудь товар, спрашиваемый и потребляемый обыкновенно тысячею покупателей, начинает спрашиваться двумя тысячами, то ясно, что несколько лиц должно отказаться от того, в чем нуждается, пока излишек спроса не будет удовлетворен; но по всей вероятности между этими двумя тысячами

* «Principes d'économie», p. 63 и след.

найдется несколько лиц, которые согласятся уплатить более высокую цену за все произведенное количество. Точно так же уменьшение на половину количества какого-нибудь товара повлечет за собою покушку его несколькими из прежних покупателей по более высокой цене. Но если у них нет ни желания, ни способности к тому, то цена не возвысится, как и в предыдущем случае, при подобных же обстоятельствах. С другой стороны, увеличение издержек вдвое увеличит вдвое и ценность для некоторых, могущих платить покупателей. В этом случае предложение будет колебаться; оно могло бы уменьшиться до предложения всего одного только человека или остаться то же, что и прежде. В первом случае может заплатить более высокую цену только один, во втором — все. Во втором случае предлагаемое и спрашиваемое количества будут равны, но интенсивность спроса делается сильнее. По тем же принципам предмет, существующий в большом изобилии, может быть продан только по более низкой цене; то же самое бывает при уменьшении потребности в предмете и при уменьшении издержек, когда происходят действительное или предполагаемое увеличение предложения и соперничество между продавцами, доводящие цены до незначительной высоты. В этом предположении падения и возвышения цен допускается, что предлагаемое и потребляемое количества могут после краткой борьбы быть равны прежним, но спрос все-таки изменяется. Итак, ясно, что не один только размер действительного спроса, даже при сравнении его с размером действительного предложения, поднимает цены; это следует приписать колебанию в отношении между спросом и предложением, которое вынуждает проявление большей интенсивности спроса. То же следует сказать и о понижении цен, разумеется — в обратном смысле. По мнению Рикардо, не может быть речи о возрастании спроса, если не расширяется потребление. Но мы видим, что не от размера спроса зависит возрастание цен, потому что именно при наиболее низких ценах размер потребления наиболее велик. Не в этом смысле следует говорить о спросе, когда ему приписывается роль возвышения цен. В одном смысле слово спрос означает размер потребления, в другом — интенсивность спроса, которая одна только и увеличивает цены.

Из трех изложенных нами теорий спроса и предложения каждая занимает самостоятельное место в науке политической экономии, каждая представляет известные типические особенности. Маклеод дает совершенно безусловную теорию вопроса, исключая действие каких бы то ни было других сил, кроме рассматриваемых им, и совершенно обходящую все сложные явления, вошедшие в состав феномена ценности. Steu rt ставит действие спроса и предложения под контроль общего закона ценности, что несколько не мешает ему подметить важные и ускользающие от поверхностного взгляда черты этого действия.

Мальтус занимает середину между тем и другим, так как, признавая закон спроса и предложения законом всеобщего приложения, он, тем не менее, утверждает, что издержки производства не совершенно лишены участия в образовании цен, и входит в обсуждение особенностей, представляемых этим явлением.

Посмотрим теперь, в какое отношение следует стать к этим теориям, если придерживаться известных приемов исследования, указанных нами в своем месте.

Возьмем типическую, среднюю меновую сделку, представляющую известное равновесие как затрат рабочей силы, так и удовлетворения потребностей. Такую сделку представляет нам купля-продажа любого товара общего потребления, совершенная по оптовой цене, среди мирного времени, при обыкновенных средних условиях естественной и технологической производительности. Пока сделка остается такою, как мы предположили, взаимный спрос или желание иметь чужую вещь, подкрепляемое возможностью заплатить за нее, не может оказывать никакого влияния на размер, в котором обмениваются продукты. Каждая из сторон, по необходимости, желает иметь лишь такое количество чужого продукта, какое по средним установившимся производительным условиям добывается посредством количества труда, соответствующих тем, которые содержатся в собственном продукте. Если бы такое количество продукта не удовлетворяло потребностям сторон, то рассматриваемое отношение не могло бы быть постоянным. Что же касается постоянства меновых отношений вообще, то, независимо от априорических выводов, оно представляет за себя множество чисто фактических доказательств в истории цен. Излишек, если бы он был, перестал бы производиться, недостаток заменился бы суррогатом, и закон меновой пропорции относился бы в одном случае к меновому отношению с одним уменьшенным членом, в другом случае—к меновому отношению, член которого слагался бы из суммы первоначального продукта и суррогата. Таким образом, наша сделка представляет равенство предложений (в отношении к затраченному на них труду), равенство спроса (в отношении к одинаковому полному удовлетворению взаимных потребностей), [равенство спроса и предложения]⁶² той и другой стороны (требуется столько и по такой же ценности, сколько и по какой ценности предлагается). Соперничество между тою и другою стороною сделки стремится единственно к тому, чтобы удерживать меновую пропорцию на известном уровне, отвечающем относительным затратам труда. Орудие его—возможность перехода из одной отрасли в другую, качественно от нее отличную, возможность, тем менее обширная, чем более развито общественное разделение труда.

Более или менее прочные и постоянные повышения и понижения данного уровня техники влияют на меновые пропорции различно, смотря по тому, увеличивают или уменьшают они

производительность труда на одной стороне сделки или на обеих. Ценность продуктов изменяется под давлением производительной силы, но *взаимные* спрос и предложение могут при этом вовсе не изменяться, т. е. оставаться равными даже после изменения в абсолютных размерах предложения. Если известное количество продукта *A*, соответствующее средней потребности в нем лица, начинает добываться посредством больших или меньших количеств труда, нежели прежде, то как оно, так и получаемое за него в обмен количество продукта *B* изменяются так, чтобы приноровиться к новым условиям производства продукта *A*, к новому отношению между ним и трудом, на него потраченным. Абсолютные размеры предложения изменяются при этом то на той, то на другой стороне, то на обеих вместе. Если, например, удешевляется производство продукта *A*, то продукт *B* берет за себя все количество продукта *A* вместе с излишком, произведенным владельцем *A*. Изменение размера предложения наступает, следовательно, на стороне продукта *A*. Какой именно мотив побуждает производителя продукта *A* производить большее его количество, имея в виду получить за него в обмен лишь прежнее количество продукта *B*,—это объясняется только с помощью теории капитала. Если произведенного вновь продукта *A*, вместе с прежним, слишком много для удовлетворения потребности владельца *B*, то последний уменьшает свое производство. Изменение размера предложения происходит в таком случае на стороне продукта *B*. Равным образом, вздорожание производства продукта *A* влечет за собою то, что продукт *B* производится в увеличенном количестве, следовательно, изменение размера наступает на стороне *B*; или же продукт *A* производится в уменьшенном количестве, и, следовательно, изменение предложения происходит на стороне *A*. Всякое уменьшение и увеличение количества продукта при *данном*, неизменном техническом уровне выполняется посредством перемещения рабочих сил из одной отрасли в другую, из сбыта, предназначавшегося для одного хозяйства, в сбыт другому хозяйству. Все сказанное об изменении меновых размеров относится, в обратном только порядке, и к изменению производительности труда на стороне продукта *B*.

Наконец, одновременные улучшения и ухудшения в производстве обоих продуктов могут повести за собою или сохранение тех же абсолютных размеров предложения на каждой стороне, или параллельное увеличение или уменьшение предложения на той и на другой сторонах. Но как бы ни изменялись абсолютные предложения, уровень техники будет по необходимости соблюден. При всех таких обстоятельствах прочно и неизменно действует закон преобладания производственных отношений над распределительными, условия производства управляют условиями обмена. Равенство затрат труда остается внутренней основой меновых пропорций при всяком уровне техники, лишь бы

последний не был случайным—временным или местным. Но спрашивается, что происходит во время таких изменений с предложением и спросом, с снабжениями и требованиями? Неужели они остаются вне всякого влияния на установление меновых пропорций? Какие бы ни произошли перемены в условиях производства одного или обоих продуктов, взаимные предложения останутся всегда одинаковы между собою, потому что будут стоить всегда одинаковых количеств труда. Взаимные требования также останутся равны, потому что количества продукта, производимые на той и на другой стороне, будут одинаково полно, по данным условиям, удовлетворять потребностям каждой стороны. Наконец, требование и предложение по отношению к каждой стороне в отдельности, спрос и предложение в тесном смысле этого слова, будут также равны между собою потому, что, при всяких постоянных производственных условиях, продукта требуется столько и по такой ценности, сколько и по какой ценности предлагается.

На узловых пунктах, при переходе хозяйств от одного уровня техники к другому, произойдет ряд случайных и потому расходящихся с законом ценности меновых сделок, в установлении которых спрос и предложение будут играть более самостоятельную роль. Но сделки эти именно тем и отличаются от типической, что в них неравны взаимные предложения и взаимные требования, а вследствие этого неравны и взаимные предложения и спрос каждой отдельной стороны. Типическая сделка, представляющая обратные условия, служит выражением постоянных и повсеместных меновых отношений, охватывает значительные районы как места, так и времени. Сделка узлового пункта носит, напротив того, характер неустойчивости, сопровождающей всякое переходное состояние. Спрос оказывает здесь влияние на размер ценности тою частью своею, которая представляет прибавку к обыкновенному, среднему желанию иметь продукт или вычет из него. Как только изменяется таким образом спрос одной стороны, сейчас же нарушается равновесие между спросами или требованиями обеих сторон, и увеличение или уменьшение спроса, при том же предложении другой стороны, действительно уменьшает или увеличивает ценность этого предложения. Изменение размера одного из предложений точно так же действует на размер ценности всею величиною прибавки или вычета, благодаря нарушению равновесия между двумя предложениями. В этом смысле можно сказать, что ценность зависит от отношения между спросом и предложением точно так же, как зависит она от этого отношения еще в некоторых случаях, о которых мы скажем ниже.

Если представим себе теперь, что наряду с нашею типическою сделкою происходит множество точно таких же сделок, то первым и прямым следствием этого будет увеличение в громадное число раз самых размеров обмениваемых продуктов.

Но изменение коснется только абсолютных размеров этих продуктов, а не относительных. Все явления, сопровождающие изменения в условиях производства двух лиц или хозяйств, вошедших между собою в меновую сделку, рассмотренную нами выше, повторятся здесь в гигантских размерах. Но при новых условиях возникнет и новое осложнение. Первоначальная сделка происходила между двумя хозяйствами, — ряд сделок происходит между множеством хозяйств. Условия, в которые поставлено производство продуктов, могут быть приняты, средним числом, одинаковыми для всех этих хозяйств. Некоторые обстоятельства, как то: неравномерное плодородие земли, расстояние от рынка, распространение естественных богатств — угля, леса, камня и пр., неравномерная населенность городов и сел и т. п., оказывают неравное давление на меновые пропорции. Но, за вычетом таких общественно-естественных монополий, таких более или менее случайных осложнений общего закона, остальные нарушения последнего, вытекающие из действия частных групп или хозяйств, встречают сильное ограничение в уравнительном влиянии соперничества между производителями, стоящими на одной стороне суммы меновых сделок. Если соперничество первого рода имело важное значение в том отношении, что давало возможность перейти из одной отрасли в другую, самостоятельную, то гораздо более сильным орудием соперничества второго рода является возможность перейти из одной отрасли в другую, смежную. Но, за исключением соперничества между хозяйствами каждой отдельной стороны суммы меновых отношений, соперничества, роль которого — доводить ценности целого ряда *однородных* меновых количеств до уровня затрат, между тем как соперничество между двумя сторонами имело целью устанавливать уровень ценности только *разнородных* продуктов, — за исключением только этого условия, во всех прочих отношениях совокупность или ряд меновых сделок, скроенных по образцу тина, не представляет ничего отличного от случая одной типической сделки. Как там, так и здесь спрос и предложение, требуемое по известной ценности и предлагаемое по ней же количество равны между собою при всяких прочих изменениях уровня техники, все равно, касаются ли изменения в производительной силе труда одной стороны менового отношения или обеих, в равной ли степени, в одном ли направлении или в различных. Как там, так и здесь спрос и предложение представляют не более как формы*, в которых двигается взаимное предложение, или продукт, поступающий в обмен для удовлетворения потребности своего вла-

* «...je dis que l'offre et la demandé, que l'on prétend être la seule règle des valeurs, ne sont autre chose que deux formes cérémonielles, servant à mettre en présence la valeur d'utilité et la valeur en échange, et à provoquer leur conciliation» (Proudhon «Système des contradictions économiques», p. 79).

дельца в чужом продукте. Если даже и следует сказать, что во втором нашем примере спрос и предложение больше, нежели в первом, то речь идет об абсолютном, а не об относительном их увеличении: уровень того и другого остается попрежнему одинаковый. Как там, так и здесь размер ценности зависит вообще не от спроса и предложения не только потому, что они взаимно равны, но и потому еще, что не их движение приводило к установлению равенства ценностей, а движение более крупной хозяйственной силы—производительности труда. Не только нельзя сказать, что установление меновых пропорций зависело в рассмотренных общих примерах от спроса и предложения, но следует думать, что сами они зависят от других условий*, от той же производительности.

Но есть и еще случаи, в которых спросу и предложению принадлежит столь же самостоятельная роль в установлении ценностей, как и на узловых пунктах, при переходе от одного уровня техники к другому. Случай эти то постоянно сопровождают меновые отношения в виде колебаний, то наступают под давлением исключительных обстоятельств. Постоянные колебания над уровнем данной производительности труда производят то, что известно у экономистов школы Рикардо под именем рыночных ценностей. Сами колебания эти представляют результат соперничества между меняющимися сторонами, которое то возвышает, то понижает ценность над естественным уровнем ее под влиянием нарушений менового равновесия. Взаимные предложения и взаимные требования расходятся здесь на время в ущерб то одной стороне сделки или суммы их, то другой. Сверх того, *внезапное* увеличение или оскудение предложения на *одной* стороне,—все равно, представляет ли первое из них следствие возрастания числа лиц и хозяйств, желающих приобрести другой продукт, или же следствие увеличения потребности прежнего числа лиц; представляет ли второе следствие увеличения предложений *другой* стороны или экстремных производственных обстоятельств *первой*,—такое увеличение или уменьшение предложения гонит цены то вверх, то вниз, соответственно тому, в какой степени действительное или предполагаемое предложение продукта относится к потребности в нем, т. е. превышает ли ее или не достигает ее. Спрос или желание иметь чужой продукт подкрепляется то более, то менее сильными порциями собственного продукта, в соответствии с оскудением или увеличением предложения требуемого продукта. Желание иметь *все* потребное количество чужого продукта заставляет сторону переводить собственный продукт из одной потребности в другую с целью удовлетворить важнейшей. Страх или опа-

* «Si la quantité à donner d'un produit quelconque en échange d'une certaine quantité d'un autre produit dépend de la proportion entre l'offre et la demande, il est évidemment nécessaire de découvrir d'où dépend cette proportion» (J. Mill «Eléments», p. 89).

сение не иметь всего потребного количества, играет здесь перво-степенную роль и тем самым обнаруживает тождество между теориею сравнительной настоятельности потребностей и теориею спроса и предложения. [Кроме исключительных случаев спросу и предложению в определении размера ценностей принадлежит также существенная роль в моменты экономических кризисов, когда общее положение ходячей экономики, что «продукты меняются только на продукты, причем деньги только посредник мены», оказывается совершенно несостоятельным. Говорить тогда, что от спроса и предложения товаров может зависеть равновесие продаж и покупок, потому что каждая продажа есть покупка и наоборот, есть величайшая нелепость. «Продажа и покупка представляют тождество в качестве менового отношения между продавцом и покупателем, но в качестве действий одного и того же лица они представляют два противоположные акта. Так как первая метаморфоза товара есть и продажа и покупка, то она составляет самостоятельный процесс. Покупатель приобрел товар, продавец деньги, т. е. такой товар, который сохранит форму, годную для обращения, независимо от того, сейчас или после будет он послан снова на рынок. Обращение именно вследствие того и оставило за собою местные и индивидуальные границы непосредственного обмена продуктов, что оно раскололо непосредственное тождество между обменом собственного и чужого продуктов на противоположные одна другой продажу и покупку. Самостоятельно выступающие один против другого процессы, образуют движение своего внутреннего единства во внешних противоположностях. Как только внешняя самостоятельность и внутренняя зависимость слегка расходятся одна с другою, единство разрешается в кризис» (К. Маркс «Капитал»).¹⁶³ Мы знаем теперь действительную сферу применения теории спроса и предложения. Она распространяется активно не на все меновые случаи, а только на некоторые. Кроме упомянутых уже нами, к их числу должно отнести также обмен продуктов монопольных и предметов более или менее случайного потребления отдельных общественных групп, предметов, которые Рикардо выделил из хозяйственной сферы, а Дж. Ст. Милль отнес в особую категорию. За исключением же перечисленных нами обстоятельств, при которых спросу и предложению принадлежит действительно первенствующая роль, во всех прочих меновых случаях среднего места и времени спрос и предложение остаются вне всякого влияния на меновые пропорции.

Так как всякое действительное предложение* увеличивается единственно вследствие того, что хозяйство, представляющее

* Само собою разумеется, что в настоящем случае речь идет исключительно о среднем времени, относящемся к неизменному уровню производительности труда.

его, переводит часть собственного продукта из одного сбыта в другой, то рассмотренные нами случаи действия на установление меновых размеров спроса и предложения представляют гораздо более частные колебания, нежели нарушения общего менового равновесия страны или эпохи. Иными словами: колеблются ценности отдельных товаров, но, благодаря тому, что колебания уравниваются одно другим, общая система меновых сношений остается нетронутою. Увеличение снабжения в пользу одного хозяйства, *caeteris paribus*, сопровождается уменьшением снабжения в пользу другого; на противоположной стороне суммы меновых актов происходит то же самое в обратном порядке. Взаимная зависимость всех частей общественного хозяйства находит прекрасное выражение в этом перемещении продукта из одной сферы в другую, оставляющем без изменения всю совокупность этих сфер.

Попробуем теперь провести краткую параллель между изложенным нами учением, представляющим собою не что иное, как развитие положений школы Смита—Рикардо, и учениями Steuart'a и Мальтуса. Большой спрос Steuart'a вполне соответствует тому, что названо нами суммою снабжений, при условии, что происходит не один, а множество меновых актов, совершенно подобных тому, который берется за образец. Малый спрос—это снабжение, предъявляемое в одном или в нескольких меновых актах. Сложный спрос—есть именно тот спрос, который в известных случаях оказывает давление на меновые размеры; простой—желание или требование, присутствующее в скрытом состоянии в каждом нормальном или среднем меновом акте. Высокий и низкий спросы служат выражением более или менее сильного желания иметь продукт в тех особых случаях, когда, под давлением соперничества, спросу и предложению принадлежит главная роль; чем больше такое желание,—а оно особенно велико тогда, когда усиленное соперничество-согласников грозит оставить без удовлетворения потребность данного хозяйства,—тем выше поднимается ценность продукта, получаемого в обмен и наоборот. Простое и взаимное соперничество не требуют разъяснения. О мнимой разнице между простым соперничеством и вложным, или высоким спросом, мы уже говорили. За вычетом этой последней поправки и по разъяснении и упрощении остальных положений Steuart'a, мы, кажется, не ошибемся, если скажем, что теория его представляет весьма правдивое и точное изложение предмета.

Нельзя сказать того же о доктрине Мальтуса, хотя и ей нельзя также отказать в известной глубине и проницательности. Прежде всего следует заметить, что Мальтус ошибается, говоря, что закон спроса и предложения столь общ, что обнимает все возможные случаи. В каждой меновой сделке действительно состоят налицо и спрос и предложение. Но спрашивается, можно ли утверждать, что закон, управляющий движением

того и другого, распространяется и на случаи (которых однако бывает большинство), где нет никакого взаимного движения этих элементов?—Мальтус утверждает далее, что размер спроса всегда находится, средним числом, в соответствии с размером снабжения, и что не в этом смысле можно вести речь о влиянии спроса и предложения на размер цен или ценностей. Этими словами он подтверждает ту истину, что при обыкновенных обстоятельствах спрос и предложение остаются совершенно в стороне от установления меновых размеров и управляют только колебаниями их. Таким образом, он сам удостоверяет, что закон этих явлений отнюдь не так общ, как это казалось ему прежде. Что он говорит далее об интенсивности спроса—совершенно справедливо и вполне соответствует тем исключительным случаям, о которых мы говорили выше. Заслуживает особенного внимания один из примеров, приводимых им в пояснение действия спроса на цены. Он говорит, что если произойдет внезапное увеличение издержек на производство требуемого продукта, то при большей интенсивности спроса может найти сбыт, разумеется, по более высокой цене все прежнее количество продукта. Спрос и предложение, продолжает он, останутся в таком случае прежние, но интенсивность спроса станет сильнее. Действительно, спрос и предложение остаются прежние по отношению к одному продукту, но изменяются по отношению к другому, хотя продолжают быть взаимно разными для той и для другой стороны. Но если только упоминаемый Мальтусом случай представляет пример перехода от одного уровня техники к другому, если речь идет не об исключительных и внезапных производственных обстоятельствах, о которых мы говорили выше, то возвышение цены не может быть приписано большей интенсивности спроса, потому что сама эта большая интенсивность составляет результат перераспределения производительных сил.

Заметив, что область применения закона спроса и предложения совершенно специальна, представитель доктрины труда в качестве регулятора меновых пропорций,—Рикардо признает за этим законом рдию только временное значение*. Уменьшите, говорит он, издержки производства шпана, и цена их кончит тем, что упадет до уровня новой естественной их ценности, хотя бы спрос удвоился, утроился, учетверился. Нельзя сказать, продолжает он, что спрос на вещь увеличился, если ее не покупается и не потребляется больше, чем прежде, и однако при таких обстоятельствах денежная ценность ее может возрастать. Если деньги понизятся в ценности, то возвысится цена всех товаров, ибо каждый из покупателей будет расположен истратить на покупки больше прежнего. Но если это

* «Oeuvres complètes», Ch. XXX, «De l'influence que l'offre et la demande ont sur les prix».

и случится, то нельзя сказать, что возвышение цены было следствием большого спроса, так как товаров покупается не больше прежнего. Ж. Б. Сэй и Л. Лодердаль учили, что ценность возвышается в прямом отношении к спросу и в обратном к предложению. Первый полагает, что вследствие увеличения спроса на золото, увеличения большего, нежели было увеличение снабжения, цена его в товарах упала не в пропорции 10 к 1, а только в пропорции 4 к 1. Л. Лодердаль утверждает, что ценность каждой вещи колеблется под влиянием четырех обстоятельств: увеличения или уменьшения ее количества, увеличения или уменьшения спроса на нее. Это верно, но только в применении к монопольным товарам и к рыночным ценам в течение краткого времени. Если, например, спрос на шляпы возрастет в два раза, то цена сейчас поднимется; но это поднятие будет временным, если не последует тотчас же возвышения издержек производства или естественной цены.

Мы видим из этого учения, что Рикардо совершенно отрицает те внезапные и исключительные обстоятельства, которые имеет в виду Мальтус, когда говорит о большей интенсивности спроса, обнимающей, по мнению последнего, чуть ли не всю область меновых случаев. По мнению Рикардо только большее потребление может быть названо большим спросом. Но дело в том, что иногда одно желание иметь большее количество, при увеличении потребности у прежних потребителей или у прежних вместе с новыми, гонит цены вверх точно так же, как и наоборот: желание иметь меньшее количество понижает цены. Понижение ценности денег, о котором говорит Рикардо, указывает на то, что количество их увеличилось, или что уменьшилось количество товаров, и в таком случае нельзя утверждать, что спрос и предложение остались прежние: увеличилось предложение денег или уменьшилось предложение товаров. Но ясно, что взаимное отношение между спросом и предложением осталось *разное*, хотя и не *прежнее*, — если только увеличение количества денег или уменьшение количества товаров прочны и постоянны. Что же касается роли спроса и предложения при обыкновенных меновых обстоятельствах, то нечего и прибавлять, что она превосходно понята Рикардо, и что остается только согласиться с ним относительно толкования смысла примеров и положений Сэй и Лодердаля. О доктринах ближайших последователей Рикардо мы не говорим потому, что они представляют вообще очень мало оригинального.

ГЛАВА IV

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И ДЕНЕГ К. МАРКСА

Употребив уже достаточно места и времени на разъяснение различных особенностей, представляемых вопросом о ценности, мы все-таки еще не пришли к решению того пункта этого вопроса, который, казалось бы, должен быть первым и важнейшим из них, именно — что такое сама ценность? Мы настолько уже ориентировались в материале исследуемого предмета, что имеем полное основание отрицать громадное большинство тех определений ценности, которые приведены нами в начале первой главы. Ни потребительная ценность, ни степень полезности, ни отношение между услугами и т. д. не могут удовлетворить нас более. Между тем от постановки вопроса школы Смита—Рикардо был только шаг к такому определению предмета, который в отношении к ясности, точности и определенности не оставляет ничего желать. Заслуга в отыскании такого определения, вместе с целым рядом важнейших дополнений к известной теории, принадлежит немецкому экономисту К. Марксу. Изложение и критика его положений о ценности и деньгах составят предмет настоящей главы.

[1) Два фактора товаров: ценность употребления и ценность (сущность ценности, величина ценности)]⁶⁴

[Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, проявляется в виде «громадного собрания товаров», коих элементарную форму образует отдельный товар. Поэтому наше исследование начнется с анализа товара. Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая удовлетворяет своими качествами человеческие потребности различного рода. Природа этих потребностей, соответствуют ли они желудку, или фантазии, ничего не изменяет в деле. Здесь не идет также речь о том, как удовлетворяет вещь человеческую потребность, непосредственно ли, как средство суще-

ствования, т. е. как предмет потребления, или окольной дорогой, как средство производства.

Каждую полезную вещь, как железо, бумагу и пр., следует рассматривать с двойной точки зрения, со стороны качества и количества. Каждая подобная вещь представляет целое различных качеств и поэтому может быть полезна с различных сторон. Открывать эти различные стороны и разнообразные способы потребления вещей есть дело истории. Таково нахождение общественных мер для количества полезных вещей. Различие в массе товаров вытекает, частью, из различной природы измеряемых предметов, частью, из соглашения.

Полезность отдельной вещи делает ее потребительную ценностью. Но эта полезность не висит в воздухе. Условленная качествами тела товаров, она не существует без них. Самое тело товара, каковы железо, пшеница, алмаз и пр., является, поэтому, потребительной ценностью, или благом. Этот его характер не зависит от того, стоило ли присвоение его потребительных качеств человеку много или мало труда. При рассмотрении потребительных ценностей всегда предполагается их количественная определенность, как дюжины часов, локтя холста, тонны железа и пр. Потребительные ценности товаров служат материалом своеобразного учения—товароведения. Потребительная ценность осуществляется только в употреблении или в потреблении. Потребительные ценности образуют материальное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма. В рассматриваемой нами общественной форме, они образуют также материальных носителей меновой ценности.

Меновая ценность проявляется, прежде всего, в качестве количественного отношения, пропорции, в которой размениваются потребительные ценности одного рода на потребительные ценности другого рода, отношение, которое постоянно колеблется, смотря по времени и месту. Меновая ценность кажется, поэтому, чем-то случайным и чисто относительным, меновую ценностью врожденною, внутреннею для товара (*valeur intrinsèque*), иначе, *contradictio in adjecto*. Рассмотрим дело ближе.

Отдельный товар, например, квартал пшеницы разменивается в различнейших пропорциях на другие товары. При всем том меновая ценность его остается неизменною, выражается ли она в x сапожной ваксы, y шелка, z золота и т. д. Ценность эта должна, таким образом, иметь отличное содержание от этих различных способов выражения.

Возьмем далее два товара, например пшеницу и железо. Каково бы ни было их меновое отношение, оно постоянно представляется в уравнении, в каком считается равным данное количество пшеницы какому-нибудь количеству железа. Что означает это уравнение? Что в двух различных вещах существует нечто общее одной величины, в 1 квартале пшеницы и также в

а центнера железа. Обе вещи, следовательно равны чему-то третьему, что само по себе ни та, ни другая. Каждая из обеих вещей, насколько она меновая ценность, должна быть приводима к этому третьему.

Простой геометрический пример может сделать это очевидным. Для определения и сравнения объема поверхностей всех прямолинейных фигур, разрешаются треугольники. Самый треугольник приводится к совершенно отличному от его видимой фигуры выражению—половине произведения его основной линии на его высоту. Подобным же образом приводятся и меновые ценности товаров к чему-то общему, которого они представляют более или менее.

Это общее не может быть геометрическим, физическим, химическим или другим природным качеством товаров. Их телесные качества вообще принимаются в рассмотрение лишь настолько они делают их полезными, т. е. потребительными ценностями. С другой стороны, меновое отношение товаров очевидно характеризуется отвлечением их потребительных ценностей. В этом последнем одна потребительная ценность означает именно столько же, сколько и другая, если она вообще существует в надлежащей пропорции. Или как говорит старый Барбон («A Discourse on coining the new money lighter etc.», Lond. 1696, p. 53, 7): «Один род товаров столь же хорош, как и другой, если их меновая ценность одинаковой величины. Здесь не существует никакого различия или различимости между вещами одинаково равной меновой ценности». Как потребительные ценности, товары прежде всего различного *качества*, как меновые ценности, они могут быть только различного *количества*, следовательно, не содержат в себе ни одного атома потребительной ценности.

Если отложить в сторону потребительную ценность товаров, то у них останется лишь одно качество—продуктов труда. Однако и самый продукт труда уже преобразовался в наших руках. Если мы отвлечем его потребительную ценность, то мы отвлечем также и его телесные составные части и формы, делающие его потребительною ценностью. Это становится более не стол, не дом, не пряжа, не другая полезная вещь. Все его чувственные качества погашены. Он также не остается долее произведением труда столяра, или каменщика, или прядильщика или другого определенного производительного труда. С полезным характером произведений труда исчезает также и полезный характер представленных в них работ, исчезают и различные конкретные формы этих работ, они не различаются больше, но все вместе приводятся к равному, отвлеченному человеческому труду.

Рассмотрим теперь то, что осталось в продуктах труда. От них не осталось больше ничего, кроме той призрачной предметности или простого желе безразличного человеческого

труда, т. е. обнаружения человеческой рабочей силы, без внимания к форме ее обнаружения. Эти вещи представляют только то, что в их производстве обнаружена человеческая рабочая сила, накоплена человеческая работа. В качестве кристаллов этой общей для них, всеобщей общественной сущности, они являются ценностями.

В меновом отношении самих товаров их меновая ценность проявилась нам, как нечто совершенно независимое от их потребительных ценностей. Если отвлечь действительно потребительную ценность произведений труда, то получится их ценность, как она была только что определена. Итак, то общее, что изображается в меновом отношении или меновой ценности товаров, есть их ценность. Продолжение исследования возвратит нас к меновой ценности, как к необходимому способу выражения или форме проявления ценности, который однако пока следует рассматривать, как независимый от этой формы. Таким образом потребительная ценность или благо имеет ценность, благодаря тому, что в нем овеществлена или материализована общечеловеческая работа. Как же измеряется величина его ценности? Чрез количество «образующей ценности субстанции», труда. Само количество труда измеряется его временной продолжительностью, и рабочее время обладает, в свою очередь, особым масштабом в определенных частях времени, как час, день и пр.

Могло бы показаться, что если ценность товара определяется истраченным на него количеством работ, то, чем ленивее или более неловок человек, тем более ценен будет его товар, так как тем больше времени он употребит на его приготовление. Однако работа, образующая субстанцию ценности, есть равная человеческая работа, обнаруживание одинаковой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, которая представляется в ценностях мира товаров, считается здесь, как одинаковая человеческая рабочая сила, хотя она состоит из бесчисленных индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил есть такая же человеческая рабочая сила, как и всякая другая, насколько она обладает характером общественной средней рабочей силы, и действует, подобно такой общественной средней рабочей силе, следовательно, нуждается в необходимом или в общественно необходимом времени для производства товара средним числом. Общественно необходимое рабочее время есть рабочее время, требуемое для представления какой-нибудь потребительной ценности, при существующих общественно нормальных условиях производства и общественной средней степени ловкости и интенсивности труда. По введении, например, в Англии парового ткацкого станка, было достаточно, быть может, половины прежнего времени, чтобы превратить известное количество пряжи в ткань. Английский ручной ткач, как раньше, так и позже, нуждался для этого превращения

в одном и том же рабочем времени, но продукт его индивидуального рабочего часа представлял только половину общественного рабочего часа, и потому падал на половину своей прежней ценности.

Таким образом только количество общественно необходимой работы или общественно необходимого рабочего времени, необходимого на производство известной потребительной ценности, определяет ее величину ценности*. Отдельный товар считается здесь вообще средним экземпляром их пород**. Товары, в которых содержатся равные количества труда, или такие, которые могут быть произведены в такое же рабочее время, имеют, к этому, одинаковый размер ценности. Ценность одного товара относится к ценности другого, как относится необходимое для производства одного из них рабочее время к рабочему времени, необходимому на производство другого. «Как ценности, все товары представляют лишь определенную массу крепко сгущенного рабочего времени» («Zur Kritik», S. 6).

Пока размер ценности одного товара остается постоянным, и требуемое на его производство время продолжает оставаться постоянным. Но последнее изменяется со всякой переменой в производительной силе труда. Производительная сила труда определяется разнообразными условиями, среди которых важнейшие—средняя степень ловкости рабочего, степень развития науки и ее технологического применения, общественная комбинация производственного процесса, объем и способность к деятельности производительных средств и естественные условия. Одно и то же количество труда представляется в хороший урожай в 8 бушелей пшеницы, а в худой только в 4. Одно и то же количество работы дает больше металла в богатых, нежели в бедных рудниках и пр. Алмазы встречаются редко в земной коре, и их нахождение стоит, поэтому, много рабочего времени. Вследствие этого они заключают в небольших объемах много труда. Якоб сомневается, чтобы золото когда-либо уплатило за свою ценность. Еще более применяется это к алмазам. Согласно Эшвегу, в 1823 г. восьмилетняя добыча бразильских алмазных копей не достигла даже цены полутоннагодичного среднего продукта бразильских сахарных и кофейных плантаций, хотя она представляла гораздо больше работы, а следовательно и ценно-

* «Ценность их (необходимых жизненных припасов), когда они обмениваются одни на другие, регулируется количеством труда, необходимо требуемого и обыкновенно употребляемого на их производство» («Some Thoughts on the Interest of Money in general, and particularly in the Public Funds etc.», Lond., p. 36). Это замечательное анонимное сочинение прошлого столетия не имеет на себе никакого числа. Из содержания же его следует, что оно появилось в свете при Георге II или оноло 1739 или 1740 г.

** «Все произведения одного рода не образуют ничего собственно, кроме массы, цена которой определяется вообще и без внимания к частным обстоятельствам» (Le Trosne «De l'Intérêt social», «Physiocrates», edit. Daire, Paris 1846).

сти. В более богатых копиях то же количество труда выразилось бы в большем числе алмазов, и ценность их понизилась бы. Если удастся с небольшим трудом превращать уголь в алмазы, то их ценность упадет ниже кирпичей. Вообще: чем больше производительная сила труда, тем меньше требуемое на производство данного товара рабочее время, тем меньше кристаллизованная в нем масса труда, тем меньше его ценность. Наоборот, чем меньше производительная сила труда, тем больше требуемое на производство, необходимое на производство товара рабочее время, тем больше его ценность. Размер ценности товаров изменяется, следовательно, в прямом отношении с количеством и в обратном с производительной силой осуществляющей в них работы.

Вещь может быть потребительною ценностью, не будучи ценностью. Таков случай, когда ее польза для человека представляется не трудом. Таковы—воздух, девственная почва, естественные луга, дикорастущий лес и пр. Вещь может быть еще полезна и продукт человеческого труда, не будучи товаром. Кто своим продуктом удовлетворяет свою собственную потребность, создает, правда, потребительную ценность, но не товар. Чтобы производить товары, он должен производить не только потребительную ценность, но потребительную ценность для других, *общественную потребительную ценность*. Наконец, ни одна вещь не может быть товаром, которая не есть предмет потребительной ценности. Если она бесполезна, то и содержащаяся в ней работа бесполезна, не считается работой и не образует никакой ценности.]⁶⁵

[2) Двойкий характер представленной в товаре работы

Первоначально товар являлся нам, как нечто двойное, потребительная и меновая ценность. Позже оказалось, что также и работа, насколько она выражается в ценности, не обладает уже теми признаками, которые принадлежат ей, как производительнице потребительных ценностей. Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда, указана Марксом критически *впервые* («Zur Kritik», S. 12, 13. und passim). Так как эта точка зрения есть *исходная*, вокруг которой вращается понимание политической экономии, то и следует тут осветить ее поближе.

Возьмем два товара, например, сюртук и 10 аршин холста. Первый пусть имеет вдвое большую ценность, чем второй, так, что 10 аршин холста = Ц, сюртук = 2 Ц. Сюртук есть потребительная ценность, удовлетворяющая особую потребность. Чтобы произвести его, необходим определенный род производительной деятельности. Она определяется своею целью, способом операции, предметом, средствами и результатом. Работу, по-

лезность которой представляется в потребительной ценности ее продукта так, что ее продукт есть потребительная ценность, назовем мы для краткости производительной работою. С этой точки зрения она будет постоянно рассматриваема по отношению к своему полезному результату. Подобно тому, как сюртук и холст качественно различные потребительные ценности, так точно качественно различны и работы, дающие им существование—портняжество и ткачество. Если бы эти вещи не были различными качественно ценностями потребления и потому продуктами качественно различных полезных работ, то они не могли бы вообще противостоять одна другой, как товары. Сюртука не меняют на сюртук, одну и ту же потребительную ценность не меняют на другую такую же.

В совокупности разнородных потребительных ценностей или всех товаров является совокупность столь же разнородных по роду, виду, семейству, разновидности различных, полезных работ—общественное разделение труда. Она есть условие существования производства товаров, хотя производство товаров, наоборот, не составляет условия существования общественного разделения труда. В стариндусской общине работа разделена общественно, но продукты здесь не товары. Или, ближе лежащий пример,—на каждой фабрике работа систематически разделена, но это деление совершается не вследствие того, что рабочие разменивают между собою свои индивидуальные продукты. Только продукты самостоятельных и независимых одна от другой частных работ выступают между собою, как товары.

Итак, мы видели: в каждой потребительной ценности состоит определенная целесообразно производительная деятельность или полезная работа. Потребительные ценности не могут противостоять одна другой, как товары, если в них не содержится качественно различных полезных работ. В обществе, произведения которого вообще принимают форму товаров, т. е. в обществе товаропроизводителей, развивается это качественное различие полезных работ, которые ведутся в виде частных дел самостоятельными производителями, в многочленную систему, в общественное разделение труда.

Впрочем, для сюртука все равно, кто его будет носить, сам ли портной или его покупатель. В обоих случаях он действует, как потребительная ценность. Столь же мало изменяется отношение между сюртуком и затраченным на него трудом само по себе через то, что портняжество есть особенная профессия, самостоятельный член общественного разделения труда. Там, где потребность в платье стесняла человека, он шил платье в течение тысячелетий, прежде чем из него вышел портной. Но существование сюртука, холста, всякого не от природы существующего элемента материального богатства, всегда должно было поддерживаться при помощи целесообразной производительной деятельности, которая приспособляет озо-

бенные материалы природы к особым человеческим потребностям. В качестве образовательницы потребительных ценностей, как полезная работа, она есть работа, представляющая одно от всех общественных форм независимое условие существования человека, вечная необходимость природы, чтобы совершать обмен материи между человеком и природой, чтобы поддерживать человеческую жизнь.

Потребительные ценности сюртук, холст и пр., короче— тела товаров, представляют соединение двух элементов—материала природы и труда. Если вычесть совокупную сумму всех различных полезных работ, которые содержатся в сюртуке, в холсте и пр., то остается только материальный субстрат, который существует от природы, без участия человека. Человек может поступать в своем производстве только так, как сама природа, т. е. только изменять формы материи. Еще более. В этой работе образования форм будет он постоянно поддерживаться силами природы. Труд есть таким образом единственный источник производимых им ценностей, материального богатства. Труд—отец его, как говорит Уиллиам Петти, земля—мать его. Перейдем теперь от товара, насколько он предмет потребления, к ценности товаров.

Согласно нашему предположению, ценность сюртука равняется двойной ценности холста. Это, однако, различие чисто количественное, которое нас здесь еще не интересует. Вспомним, поэтому, что когда ценность сюртука возвышается вдвое над ценностью холста, то 20 аршин холста имеют тот же размер ценности, как и сюртук. В качестве ценностей сюртук и холст, вещи равной субстанции, объективные выражения однородной работы. Но портняжество и ткачество—качественно различные работы. Есть, однако, такие состояния общества, в которых человек попеременно то шьет, то ткёт, так что эти два различных способа работы являются только модификациями работ одного и того же индивидуума, а не особыми прочными функциями различных индивидуумов, совершенно так же, как и сюртук, который наш портной шьет сегодня, и штаны, которые он шьет завтра, представляют лишь вариации одной и той же индивидуальной работы. Очевидность учит далее, что в нашем капиталистическом обществе, смотря по изменяющемуся направлению спроса на труд, доставляется данная доля человеческого труда попеременно в форме портнячества и ткачества. Эта перемена формы труда может идти не без трения, но она должна идти. Если отложить в сторону определение производительной деятельности, а поэтому и полезного характера труда, то за нею остается то, что она есть обнаружение человеческой рабочей силы. Портняжество и ткачество, хотя качественно различные производительные деятельности, представляют оба производительное обнаружение человеческого мозга, мышц, нервов, руки и пр. и в этом смысле оба—человеческий труд.

Есть только две различные формы проявлять человеческую рабочую силу. Конечно, человеческая рабочая сила должна быть сама более или менее развита, чтобы обнаруживать себя в той или другой форме. Самая же ценность просто представляет человеческий труд, обнаружение человеческого труда вообще. Подобно тому, как в буржуазном обществе генерал или банкир (см. Гегель «Philosophie des Rechts», Berlin 1840, S. 250, § 190) играет крупную роль, а простой человек весьма истертую, стоит дело здесь и относительно человеческой работы. Она есть обнаружение простой рабочей силы, которою, средним числом, обладает каждый обыкновенный человек, без особенного развития в своем жизненном организме. *Простая средняя работа* сама, правда, изменяет в различных странах и в различные эпохи свой характер, но в данном обществе она является данною. Более сложная работа означает только *потенцированную* или, вернее, *умноженную* простую работу, так, что меньшее количество более сложной работы равняется большему более простой. Что это приведение происходит постоянно, о том свидетельствует опыт. Товар может быть продуктом самой сложной работы; ценность ее не равна с простою работою и представляет поэтому сама только определенное количество труда. Различные пропорции, в которых различные роды труда приводятся к своей единице массы, устанавливаются при помощи общественного процесса за спиною производителей и кажутся им поэтому данными обычаем. Ради упрощения, для нас в последующем каждый род рабочей силы будет означать непосредственно простую рабочую силу, чем будет сбережен труд на приведение к ней.

Итак, подобно тому, как отвлекается в ценностях сюртука и холста различие в их ценностях потребления, так точно и в работах, которые представляются в этих ценностях, отвлекается различие их полезных форм портняжества и ткачества. Наподобие того, как потребительные ценности сюртук и холст составляют соединения целесообразных производительных деятельностей на сукно и пряжу, ценности же сюртука и холста, напротив, являются простыми, однородными и бесформенными массами работы,—таким же образом содержащиеся в них работы считаются не по своему производительному отношению к сукно и пряже, а только как обнаружение человеческой рабочей силы. Элементы образования потребительных ценностей сюртука и холста—портняжество и ткачество, именно, благодаря их различным качествам; субстанцию же ценности сюртука и холста они образуют лишь настолько, насколько отвлекается их особенное качество, и оба обладают одинаковым качеством, качеством человеческого труда.

Сюртук и холст являются, однако, не только ценностями вообще, а ценностями определенного размера и, согласно нашему предположению, сюртук вдвое более ценен, нежели 10 ар-

шин холста. Откуда это различие их размеров ценности? Из того, что холст содержит в себе только половину того труда, который заключается в сюртуке, так что для производства последнего рабочая сила должна быть обнаруживаема в течение двойного времени сравнительно с производством первого.

Если, следовательно, по отношению к потребительной ценности, содержащийся в товаре труд имеет значение только качественное, он имеет значение по отношению к размеру ценности только количественное, после того, как он уже был приведен к человеческому труду без дальнейшего качества. Там речь идет о «как» и «что» работы, здесь о «сколько», об ее времени и продолжительности. Так как размер ценности товара представляет только содержащийся в нем труд, то товары должны в известной пропорции быть постоянно равными ценностями.

Если производительная сила всех полезных работ, требуемых производством сюртука, остается неизменной, то размер ценности возрастает вместе с их собственным качеством. Если 1 сюртук представляет x , то 2 сюртука представляют $2x$ рабочих дней и т. д. В первом случае сюртук имеет ценности, сколько прежде имели два сюртука, во втором имеют ее два сюртука лишь столько, сколько прежде имел лишь один, хотя в обоих случаях один сюртук оказывает одинаковые услуги с прежними, и содержащаяся в нем полезная работа остается с одинаковою с прежней добротой. Но количество труда, истраченное на его производство, изменилось.

Большее количество потребительной ценности образует само по себе большее материальное богатство,—два сюртука больше одного. В два сюртука можно одеть двух человек, в один только одного и т. д. Однако, возрастающей массе материального богатства может соответствовать одновременный упадок его размера ценности. Это противоположное движение вытекает из двойного характера труда. Производительная сила естественно составляет производительную силу полезного конкретного труда и определяет в действительности только степень действия целесообразной производительной деятельности в данный промежуток времени. Полезная работа становится поэтому более богатым или бедным источником продуктов в прямом отношении с повышением или упадком ее производительной силы. Напротив, перемена в производительной силе, представленной в ценности работы, сама по себе вовсе не касается. Так как производительная сила принадлежит конкретно полезной форме работы, она естественно не может более касаться работы, как только сделано отвлечение конкретной полезной формы. Та же работа дает поэтому в одинаковые промежутки времени постоянно одинаковый размер ценности, как бы ни изменялась производительная сила. Но она доставляет в один и тот же промежуток времени более, когда производительная сила увеличивается, и менее, когда она уменьшается. Та же

перемена в производительной силе, которая увеличивает плодородие труда, а потому и массу доставляемых им потребительных ценностей, уменьшает также размер ценности этой увеличенной совокупной массы, сокращая сумму рабочего времени, необходимую на ее производство. Точно так же и наоборот.

Всякая работа есть, с одной стороны, обнаружение человеческой рабочей силы в физиологическом смысле, и в этом качестве равной человеческой или отвлеченной работы образует ценность товаров. Всякая работа, с другой стороны, является обнаружением человеческой рабочей силы, в особенной целесообразной форме, и в этом качестве конкретной полезной работы производит потребительные ценности*.]⁶⁶

[3) Форма ценности или меновой ценности

Товары являются в мир в форме потребительных ценностей или тел товаров, как железо, холст, пшеница и т. д. Такова их домашнего печения естественная форма. Однако же они товары только потому, что имеют двойственность—предмета потребления и, вместе, носителя ценности. Поэтому они проявляются только как товары или обладают только формой товаров, насколько обладают двойною формой, естественною и формой ценности.

Материальная вещьность товаров тем отличается от Виттиба Гуртига, что неизвестно, где можно ее получить. В прямое противоречие к чувственно-грубой вещьности тел товаров, природной материи не входит в их вещьность ценности ни одного атома. Потому можно отдельный товар вертеть и двигать, как

* Чтобы доказать, «что труд один только является окончательным и действительным мерилom, которым ценность всех товаров во всякие времена может быть определяема и сравниваема», Ад. Смит говорит: «Равные количества работы должны во все времена и повсюду иметь для рабочего одну и ту же ценность. В своем нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности, и с среднюю степенью ловкости, которую он может обладать, он должен отдать одну и ту же долю своего спокойствия, своей свободы и своего счастья» («Wealth of Nations», b. I, p. V). С одной стороны, Ад. Смит смешивает здесь (не везде) определение ценности посредством истраченного на производство товара количества рабочего времени с определением ценности товара, при помощи ценности работы, и затем старается показать, что одинаковые количества работы всегда имеют одинаковую ценность. С другой стороны, он предчувствует, что работа, насколько она представляется в ценности товаров, имеет значение только обнаружения труда, но понимает это обнаружение опять-таки как жертву спокойствием, свободой и счастьем, а не как нормальную жизнедеятельность. Гораздо удачнее говорит уже цитированный предшественник Смита: «Один человек употребил себя в течение недели на снабжение этой необходимости жизни... и тот, кто дает ему что-нибудь другое в обмен, не может сделать лучшей оценки того, что есть настоящий эквивалент, как соображая, что стоит ему как раз столько же работы и времени: что в действительности есть не более, как обмен труда одного человека в вещи, за время, обеспеченное в труде другого человека, в другой вещи, за то же время» (I. c., p. 39).

угодно, он остается непонятным, как ценная вещь. Вспомним однако, что если товары обладают вещностью ценности, насколько они являются выражениями одной и той же общественной единицы, человеческой работы, что их ценность, как вещи, есть чисто общественная, то, само собою разумеется, что она может только проявляться в отношении одного товара к другому. Мы вышли действительно из меновой ценности или из менового отношения товаров, чтобы попасть на след их скрытой ценности. Мы должны теперь возвратиться к этой форме проявления ценности.

Каждый знает, хотя бы он ничего иного не знал, что товары обладают общею формою ценности, находящеюся в высшей степени поразительном контрасте с пестрыми природными формами ее потребительных форм—*формою денег*. Здесь же следует исполнить то, что ни разу не было испробовано гражданскою экономіею, именно указать генезис этой денежной формы, а также проследить и развитие содержащегося в отношении ценности товаров, выражения ценности от его простейшего, незначительнейшего вида до блестящей денежной формы. Вместе с этим исчезает тотчас же и загадка денег.

Простейшее отношение ценности есть очевидно отношение ценности одного товара к другому разнородному товару, все равно к какому. Отношение ценности двух товаров доставляет, поэтому, простейшее выражение ценности для одного товара.

А) Простая или единичная форма ценности

x товара $A = y$ товара B или: x товара A равноценно товару B (20 аршин холста = 1 сюртуку или: 20 аршин холста равноценны 1 сюртуку).

1) Оба полюса выражения ценности: относительная форма и эквивалентная форма

Тайна всякой формы товара скрывается в этой простой форме ценности. Анализ ее представляет поэтому своеобразное затруднение.

Два разнородных товара A и B играют здесь, очевидно, различные роли. Холст выражает свою ценность в сюртуке, сюртук служит материалом этого выражения ценности. Первый товар играет активную, второй пассивную роль. Ценность первого товара представлена как относительная ценность, или находится в относительной форме ценности. Второй товар функционирует, как эквивалент, или находится в эквивалентной форме ценности.

Относительная и эквивалентная формы ценности составляют принадлежащие один к другому, взаимно один другой обуславливающие, нераздельные моменты, но в то же время и исключают

щие и противоположные между собою крайности, т. е. полюсы одного и того же выражения ценности; они распределяются постоянно между различными товарами, которые выражение ценности относит один к другому. Я не могу, например, выразить ценность холста в холсте же. 20 аршин холста = 20 аршинам холста — не есть выражение ценности. Это уравнение говорит, скорее, наоборот: 20 аршин холста составляют не что иное, как 20 аршин холста, определенное количество предмета потребления холста. Ценность холста может быть, следовательно, выражена только относительно, т. е. в другом товаре. Относительная форма ценности холста означает, поэтому, что какой-то другой товар по отношению к холсту находится в эквивалентной форме. С другой стороны, этот другой товар, фигурирующий как эквивалент, не может одновременно состоять в относительной форме ценности. Он также не отпечатывает свою ценность. Он доставляет только выражению ценности другого товара ее материал.

Разумеется, выражение: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 20 аршин холста равноценны с 1 сюртуком, заключает и обратное отношение: 1 сюртук = 20 аршинам холста, или 1 сюртук равноценен с 10 аршинами холста. Но таким образом, я должен все-таки перевернуть уравнение, чтобы выразить относительно ценность сюртука, и раз я это сделаю, то холст становится, вместо сюртука, эквивалентом. Один и тот же товар может в одном и том же выражении ценности одновременно выступить в двух формах. Эти формы, вернее, полярно исключают одна другую.

Находится ли товар в относительной форме, или, в противоположной ей, эквивалентной, это зависит исключительно от их места каждый раз в выражении ценности, т. е. от того, есть ли он товар, которого ценность выражается, или товар, в котором она выражается.

2) Относительная форма ценности

а) Содержание относительной формы ценности

Чтобы разыскать, каким образом простое выражение ценности товара переходит в отношение ценности двух товаров, необходимо рассматривать последнее сначала совершенно независимо от его количественной стороны. Часто поступают именно наоборот, и видят в отношении ценности только пропорцию, в которой определенные количества двух сортов товаров равноценны между собою. При этом просматривается то, что размеры различных вещей сначала сравниваются количественно, по приведении их к одной и той же единице. Только в качестве выражений, они являются одноименными и потому соизмеримыми величинами.

Все равно, равняются ли 20 аршин холста одному сюртуку, двадцати, или x , иными словами, является ли данное количество холста равноценным большому и малому числу сюртуков,—каждая подобная пропорция постоянно включает в себе то, что холст и сюртуки в качестве величин ценности, являются выражениями одной и той же единицы, вещами одной и той же природы. Холст=сюртуку; такова основа уравнения.

Но оба качественно уравненные товары играют не одну и ту же роль. Только ценность холста выражается. И как? При помощи его отношения к сюртуку, как к своему «эквиваленту» или к своему «вымениваемому». В этом отношении сюртук означает форму существования ценности, как ценная вещь, так как только в качестве ее он то же, что и холст. С другой стороны, проявляется собственный характер ценности холста, или получает самостоятельное выражение, так как в качестве ценности, он относится к сюртуку, как нечто ему равноценное или с ним обмениваемое. Так масляная кислота представляет отличное тело от пропильформата. Оба однако состоят из одних и тех же химических веществ—углерода (С), водорода (Н) и кислорода (О) и притом в равном процентном составе, именно $C_4H_8O_2$. Если бы пропильформат был равен с масляной кислотой, то в этом отношении, во-первых, пропильформат означал бы только форму существования $C_4H_8O_2$ и, во-вторых, было бы сказано, что и масляная кислота в свою очередь состоит из $C_4H_8O_2$. Таким образом, была бы выражена, при помощи уравнения пропильформата с масляной кислотой, химическая субстанция последней в отличие от ее телесной формы.

Скажем так: в качестве ценностей, товары представляют не что иное, как студенеобразную или бесформенную массу (Gallerten) человеческого труда, и потому наш анализ приводит последнюю к отвлечению ценности, не придавая ей однако никакой формы ценности, отличной от естественных форм. Иначе стоит дело в отношении ценности одного товара к другому. Его характер ценности выступает здесь посредством его собственного отношения к другому товару.

Если, например, сюртук, как ценная вещь, будет уравнен с холстом, то содержащаяся в нем работа будет уравнена с работой, заключающейся в холсте. Правда, портняжество, делающее сюртук, представляет конкретную, отличную работу от ткачества, делающего холст. Но уравнение с ткачеством фактически приводит портняжество к действительно равному в обеих работах, к их общему характеру человеческой работы. Этим окольным путем тогда говорится, что также и ткачество, насколько оно ткет ценность, не обладает никакими признаками различия от портняжества, следовательно, является абстрактною человеческою работою. Только эквивалентное выражение разнородных товаров ведет специфический характер образующей ценность работы к проявлению, приводя факти-

чески разнородные работы, содержащиеся в разнородных товарах, к их общему, к человеческому труду вообще*.

Однако, недостаточно выразить специфический характер работы, из которой состоит ценность холста. Человеческая рабочая сила в жидком состоянии, или человеческая работа образует ценность, но сама не есть ценность. Она становится ценностью в сгущенном состоянии, в предметной или вещной форме. Чтобы выразить ценность холста в студенеобразной или бесформенной массе человеческого труда, она должна быть выражена как «вещность», которая от самого холста внешне отлична и наряду с ним обща с другим товаром. Задача уже решена.

В отношении ценности холста, сюртук имеет значение качественного с ним равенства, вещи той же природы, потому что он сам ценность. Он имеет здесь значение вещи, в которой проявляется ценность, или которая в своей осязательной естественной форме представляет ценность. Правда, сюртук, тело сюртука-товара, есть простая потребительная ценность. Сюртук выражает столь же мало ценности, как и первый встречный кусок холста. Это доказывает только, что он означает больше внутри отношения ценности холста, чем вне его, как часто иной человек внутри сюртука с галунами значит больше, чем вне его.

В производстве сюртука, под форму портняжества фактически затрачена человеческая рабочая сила. Следовательно, в нем накопился человеческий труд. С этой стороны, сюртук является «носителем ценности», хотя это качество не отличается прозрачностью, несмотря на его необычайно питками шитый вид. И в отношении ценности холста он имеет значение только с этой стороны, т. е., как воплощенная ценность, как ценное тело.

Несмотря на его застегнутое появление, холст признал в нем родственную по племени, прекрасную душу ценности. Сюртук не может, сравнительно с ним, представить ценность без того, чтобы ценность одновременно не приняла форму сюртука. Так точно индивидуум *A* не может относиться к индивидууму *B*, как к его светлости, без того, чтобы для *A* его светлость принял телесный вид *B* и таким образом поменялся еще с каждодневным отцом страны чертами лица, волосами и кое-чем другим.

В отношении ценности, в котором сюртук образует эквивалент холста, *форма сюртука составляет форму ценности.*

* Один из первых экономистов, который после Петти проник в природу ценности, знаменитый Франклин говорит: «Так как торговля вообще есть не что иное, как обмен одной работы на другую, то ценность всех вещей всего правильно стала бы оцениваться трудом» («The Works of Franklin etc.», edit. by Sparks, Boston 1835, v. II, p. 267). Франклин не сознает, что, оценивая ценность всех вещей «трудом», он отвлекает от различия обмениваемых работ и приводит их к равному человеческому труду. Чего он не знает, то он говорит. Он говорит сначала «об одной работе», потом «о другой работе» в конце концов «о работе», без дальнейшего обозначения ее, как о субстанции ценности всех вещей.

Ценность товара холста поэтому выражается в теле товара — сюртук, ценность одного товара в потребительной ценности другого. Как потребительная ценность, холст чувственно является, как вещь, отличная от сюртука, как ценность, он «равен сюртуку» и потому выглядит как сюртук. Таким образом, холст получает форму, отличную от его естественной формы. Его свойство ценности проявляется в его равенстве с сюртуком, как природа агнца Христа в его равенстве с агнцем Божиим.

Читатель видит, что все, сказанное нам заранее анализом товара, говорит сам холст, как только он вступил в отношение с другим товаром, сюртуком. Чтобы сказать, что труд в абстрактном свойстве человеческого труда образует его собственную ценность, холст говорит, что сюртук, насколько он считается с ним равным, есть также ценность, состоит из той же работы, как и холст. Чтобы сказать, что его величественная вещьность ценности отлична от его клеенчатого тела, он говорит, что ценность выглядит как сюртук, и потому он сам, как ценная вещь, сходен с сюртуком, как яйцо с яйцом. Мимоходом сказать, товарный язык, кроме еврейского, имеет еще многие другие, более или менее правильные диалекты. Немецкое «сущность ценности» (*Wertsein*) выражает, например, менее сильно, чем современное романское слово *valere, valer, valoir*, что уравнение товара *A* с товаром *B* составляет собственное выражение ценности товара *A*. *Paris vaut bien une messe!*

Посредством отношения ценности естественная форма товара *B* становится формой ценности товара *A*, или тело товара *B* становится зеркалом ценности товара *A**. Товар *A* относится к товару *B*, как к телу товара, как к материализации человеческого труда, потребительная же ценность *B* делает его своего материалом своего собственного выражения ценности. Ценность товара *A*, таким образом выраженная в потребительной ценности товара *B*, обладает формой относительной ценности.

б) Количественное определение относительной формы ценности

Всякий товар, ценность которого должна быть выражена, представляет предмет потребления в определенном количестве, — 15 шэффелей пшеницы, 100 фунт. кофе и пр. Это данное количество товаров содержит в себе определенное количество человеческого труда. Форма ценности должна, следовательно, выражать не только ценность вообще, но количественно опре-

* В известном смысле с человеком происходит то же самое, что с товаром. Так как он приходит в мир без зеркала и не так, как философ Фихте: «я емь я» — отражает себя человек прежде всего только в другом человеке. Только через отношение к человеку Павлу, как равному себе, относится человек Петр к себе самому, как к человеку. Поэтому также и Павел является в его глазах с кожей и волосами, в своей павловской телесности, как форма проявления рода человеческого.

деленную ценность, или величину, размер ценности. В отношении ценности товара *A* к товару *B*, холста к сюртуку, род товара, сюртук, будет поэтому качественно уравниваться с холстом, не только как тело ценности вообще, но с определенным количеством холста, например, с 20 аршинами холста, в виде определенного количества тела ценности или эквивалента, например 1 сюртук.

Уравнение: «20 аршин холста=1 сюртуку или 20 аршин холста стоят столько же, сколько 1 сюртук», предполагает, что в одном сюртуке заключается столько же субстанции ценности, как и в 20 аршинах полотна, и что оба количества товаров стоят одинакового количества труда, или одинаково продолжительного рабочего времени. Рабочее время, необходимое на производство 20 аршин холста или 1 сюртука, изменяется с каждой переменной в производительной силе ткачества или портняжества. Влияние подобной перемены на относительное выражение величины ценности должно быть исследовано ближе.

I. Ценность холста *колебается**, в то время, когда ценность сюртука остается *постоянною*. Если необходимое рабочее время для производства холста удваивается, например, вследствие увеличившейся неплодородности приносящей лен почвы, то удваивается и ценность холста. Вместо 20 аршин холста=1 сюртуку, мы имели бы 20 аршин холста=2 сюртукам, так как 1 сюртук теперь включает лишь половину той ценности, которую содержат 20 аршин холста. Если же, наоборот, необходимое рабочее время для производства холста уменьшится на половину, например, вследствие улучшения ткацкого станка, то и ценность холста понизится на половину. Соответственно этому: 20 аршин холста= $\frac{1}{2}$ сюртука. Относительная ценность товара *A*, т. е. его ценность, выраженная в товаре *B*, поднимается и падает, следовательно, в прямом отношении с ценностью товара *A*, при неизменяющейся ценности товара *B*.

II. Ценность холста остается *постоянною*, тогда как ценность сюртука изменяется. Если необходимое рабочее время для производства сюртука при таких обстоятельствах удвоится, например вследствие неблагоприятной стрижки шерсти, то мы будем иметь вместо 20 аршин холста=1 сюртуку, 20 аршин= $\frac{1}{2}$ сюртука. Если же, наоборот, упадет ценность сюртука на половину, то 20 аршин холста будут=2 сюртукам. При неизменной ценности товара *A*, падает или повышается поэтому ее относительная, в товаре *B* выраженная ценность, в обратном отношении к перемене ценности *B*.

Если сравнить различные случаи sub I и II, то окажется, что одна и та же перемена величины относительной ценности может возникнуть из совершенно противоположных причин.

* Выражение «ценность» употребляется здесь, как уже мимоходом и местами употреблялось прежде, как количественно определенная ценность, т. е. как величина ценности.

Так, из 20 аршин холста = 1 сюртуку выходит: 1) уравнение 20 аршин холста = 2 сюртукам, или потому, что ценность холста удвоилась, или потому, что ценность сюртуков упала на половину, и 2) уравнение 20 аршин холста = $\frac{1}{2}$ сюртука имеет причину или то, что ценность холста падает на половину, или то, что ценность сюртуков увеличивается вдвое.

III. Количества работы, необходимые на производство холста и сюртука, могут изменяться одновременно в одном направлении и в одной пропорции. В этом случае, как раньше, так и позже, 20 аршин холста = 1 сюртуку, как бы их ценности ни изменялись. Их перемену ценности открывают, когда сравнивают их с третьим товаром, ценность которого оставалась постоянной. Если бы поднимались или падали ценности всех товаров одновременно и в одной и той же пропорции, то их относительные ценности оставались бы неизменными. Их действительную перемену ценности можно бы видеть из того, что в одно и то же рабочее время теперь вообще было бы доставляемо большее или меньшее количество товаров, нежели прежде.

IV. Рабочие времена необходимы относительно холста и сюртука, а поэтому и их ценности могут одновременно изменяться в одном и том же направлении, но в неравной степени или в противоположном направлении. Влияние всех возможных подобных комбинаций на относительную ценность товара следует просто из применения случаев I, II и III.

Действительные перемены величины ценности отражаются, следовательно, не двусмысленно, не окончательно снова в их относительном выражении, или в величине относительной ценности. Относительная ценность товара может изменяться, хотя ценность его остается постоянною. Его относительная ценность может оставаться постоянною, хотя ценность его изменяется, и в конце концов одновременные перемены в его величине ценности и в относительном выражении этой величины ценности несколько не нуждаются во взаимном покрытии*.

* Это несовпадение между величиною ценности и ее относительным выражением было эксплуатировано вульгарною экономией с ее обычным остроумием. Например: «Допустите раз, что *A* падает, потому что *B*, на который он обменивается, поднимается, хотя в это время истрачено не меньше труда на *A*, и ваш общий принцип ценности падает на землю. Когда допускается, что ввиду того, что ценность *A* относительно *B* поднимается, ценность же *B* относительно *A* падает, то почва из-под ног отрезана, на чем Рикардо устанавливает свое великое положение, что ценность товара постоянно определяется количеством затраченного на него труда; так как если перемена в издержках на *A* изменяет не только его собственную ценность по отношению к *B*, на который он обменивается, но также ценность *B* по отношению к ценности *A*, хотя не произошло никакой перемены в количестве труда, требуемого на производство *B*, то не только падает на землю доктрина, которая уверяет, что количество труда, истраченное на каждый товар, регулирует его ценность, но и та доктрина, что издержки производства товара регулируют его ценность» (I. Broadhurst «Political Economy», Lond. 1842, p. 11 и 14).

3) Эквивалентная форма

Читатель видел: в то время, когда товар *A* (холст) выражает свою ценность в потребительной ценности отличного товара *B* (сюртук), он выражает в последнем даже своеобразную форму ценности,—форму эквивалента. Товар-холст приводит свою собственную сущность ценности к проявлению, так что сюртук, не принимая отличной от своей телесной формы—формы ценности, становится ему равным. Холст выражает, следовательно, в действительности свой характер ценности тем, что сюртук обменивается на него непосредственно. *Эквивалентная форма товара, значит, есть форма его непосредственной меняемости на другой товар.*

Если один товар, как сюртук, служит эквивалентом другому роду товара, как холсту, и сюртуки поэтому получают характеристическую черту находиться в непосредственно меняемой форме с холстом, то этим ни в каком случае не дается еще пропорция, в которой вымениваемы сюртуки и холст. Последнее зависит от величины ценности сюртуков, так как величина ценности холста является данною заранее. Выражается ли сюртук, как эквивалент, а холст, как относительная ценность, или, наоборот, холст, как эквивалент, а сюртук, как относительная ценность, его величина ценности остается теперь, как и прежде, определяемой необходимым на его производство рабочим временем, следовательно, независимо от его формы ценности. Но как скоро род товара сюртук в выражении ценности займет место эквивалента, то его величина ценности не получает никакого выражения, как величина ценности. Она фигурирует в уравнении ценности, быть может, только, как определенное количество какой-нибудь вещи.

Например: 40 аршин холста имеют «ценность»—чего? 2 сюртуков. Так как здесь род товара, сюртук, играет роль эквивалента, а потребительная ценность сюртука противостоит холсту в качестве тела ценности, то достаточно определенного количества сюртуков, чтобы выразить определенную величину ценности холста. Два сюртука могут поэтому выразить величину ценности 40 аршин холста, но они никогда не в состоянии выразить *их собственную* величину ценности, величину ценности сюртуков. Поверхностное понимание этого факта, что эквивалент в уравнении ценности всегда обладает лишь формой простого количества какой-либо вещи, потребительной ценности, соблазнила Байли и других его предшественников и последо-

Г-н Broadhurst мог бы точно так же хорошо сказать: пусть взглянут раз на отношения чисел $\frac{10}{20}$, $\frac{10}{50}$, $\frac{10}{100}$ и т. д. Число 10 остается неизменным и все же постоянно падает его пропорциональная величина, его величина относительно знаменателей 20, 50, 100. Итак падает на землю великий принцип, что величина целого числа, как, например, 10 «регулируется» числом содержащихся в нем единиц.

вателей видеть в выражении ценности одно только количественное отношение. Однако эквивалентная форма товара скорее не содержит никакого количественного определения ценности.

Первая особенность, которая бросается в глаза при рассмотрении эквивалентной формы, есть следующая: *потребительная ценность* является формой проявления своей *противоположности, ценности*.

Естественная форма товара становится формой ценности. Но, *nota bene*, это *qui pro quo* совершается для одного товара *В* (сюртука, или пшеницы, или железа и т. д.) только внутри отношения ценности, в которое входит к нему любой другой товар *А* (холст и пр.), только внутри этого отношения. Так как никакой товар не может отнести себя к себе самому, как эквивалент, а равно не может сделать свою собственную естественную шкуру способною служить выражению его собственной ценности, то он должен отнестись, как к эквиваленту, к другому товару или сделать естественную шкуру другого товара своею собственною формой ценности.

Это сделает для нас наглядным пример одного мерила, которое подходит к телам товаров, как телам товаров, т. е. как к потребительным ценностям. Голова сахара, будучи телом, тяжела и поэтому имеет вес, но вес этот нельзя ни увидеть, ни осязать у головы сахара. Возьмем для этого различные куски железа, вес которых определен предварительно. Телесная форма железа, рассматриваемая сама по себе, столь же мало есть форма проявления тяжести, как и форма сахарной головы. Однако, чтобы выразить сахарную голову, как тяжесть, приведем ее в отношении веса к железу. В этом отношении железо означает тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести. Количество железа служит поэтому мерилом веса для сахара и представляет относительно сахарного тела простую форму тяжести, форму проявления тяжести. Эту роль играет железо только внутри этого отношения, в котором сахар, или какое-нибудь другое тело, которого нужно найти вес, приступит к нему. Если бы обе вещи не были тяжелы, то они не могли бы вступить в это отношение, и одна из них поэтому не могла бы служить для выражения ценности другой. Бросим их обе на чашку весов и увидим действительно, что они обе в качестве тяжести одно и то же и поэтому в определенной пропорции также имеют и одинаковый вес. Подобно тому, как железное тело, как мерило веса, по отношению к сахару есть только тяжесть, точно так же и в нашем выражении ценности тело сюртука относительно холста есть только ценность.

Здесь однако аналогия кончается. *Железо представляет* в выражении веса сахарной головы общее обоим телам *естественное качество*, их тяжесть, — тогда как *сюртук представляет* в выражении ценности холста *сверхъестественное качество* обеих вещей, их ценность, нечто *чисто общественное*.

Когда относительная форма ценности товара, например холста, выражает свою сущность ценности, как нечто совершенно отличное от его тела и его качеств, например, как равное сюртуку, то это выражение само указывает на то, что оно скрывает под собою *общественное отношение*. Наоборот относительно эквивалентной формы. Она состоит именно в том, что тело товара, подобное сюртуку, эта вещь по ходьбе и стоянию, выражает ценность, следовательно, от природы обладает формой ценности. Правда, все это имеет значение только внутри отношения ценности, в котором товар, холст, отнесен к товару, сюртуку, как к эквиваленту*. Но так как свойства какой-нибудь вещи произошли не из ее отношения к другим вещам, а только в этом отношении проявляются в действии, то также и сюртук кажется обладающим своею эквивалентною формою, своим качеством непосредственной меняемости точно так же от природы, как и своим качеством быть тяжелым или удерживать тепло. Отсюда то загадочное в эквивалентной форме, что впервые поражает буржуазно грубый взгляд политикоэкономиста, когда эта форма стоит против него готовою в виде денег. Тогда он пытается выяснить мистический характер золота и серебра, причем он под них подвигает менее ослепительные товары и с постоянно возобновляющимся удовольствием перелистывает каталог всей товарной черни, которая в свое время играла роль эквивалента товаров. Он и не подозревает, что уже простейшее выражение ценности, как 20 аршин холста = 1 сюртуку, дает разрешить тайну эквивалентной формы.

Тело товара, служащего эквивалентом, всегда означает воплощение абстрактно-человеческой работы и постоянно составляет продукт определенной, полезной, конкретной работы. Эта конкретная работа сама становится выражением абстрактно-человеческой работы. Если, например, сюртук имеет значение простого осуществления, то такое же значение имеет и портняжество, которое фактически осуществляется в сюртуке, как простая форма осуществления абстрактно-человеческой работы. В выражении ценности холста полезность портняжества состоит не в том, что оно делает платье и, следовательно, также и людей, но в том, что оно составляет тело, на которое глядят, как на ценность, следовательно, на бесформенную массу работы, которая вовсе не отличается от работы, осуществленной в ценности холста. Чтобы делать подобное зеркало ценности, портняжество само не должно отражаться вне его абстрактного качества быть человеческим трудом.

В форме портняжества, как и в форме ткачества, обнаруживается человеческая рабочая сила. Оба они поэтому обладают

* С подобными рефлексивными размышлениями всегда происходит своеобразная вещь. Этот человек есть, например, король только потому, что другие люди относятся к нему, как подданные. Они, наоборот, верят в то, что они подданные только потому, что он король.

общим качеством человеческого труда и могут поэтому в определенных случаях, например, при производстве ценности, только в этом отношении входить в соображение. Все это не таинственно. Но в выражении ценности товара дело искажается. Чтобы, например, выразить, что ткачество не в своей конкретной форме, как ткачество, но в своем общем качестве, как человеческий труд, образует ценность холста, ему противопоставляется портняжество, конкретная работа, которая производит эквивалент холста, как осязательная форма осуществления абстрактной человеческой работы.

Итак, вторая особенность эквивалентной функции,—что конкретная работа становится формой проявления своей противоположности, абстрактной человеческой работы.

Но в то время, как эта конкретная работа, портняжество, означает простое выражение безразличной человеческой работы, она обладает формой равенства с другой работой, затраченной в холст, и поэтому она есть хотя частная работа, как и всякая другая работа, производящая все товары, но все же работа в непосредственной общественной форме. Именно поэтому она представляется в продукте, который непосредственно меняем на другой товар. Таким образом, третье качество эквивалентной формы составляет то, что частная работа становится формой своей противоположности, работы в непосредственно общественной форме.

Оба только что развитые качества эквивалентной формы будут еще понятнее, когда мы обратимся назад к великому исследователю, который впервые анализировал столь многие формы мысли, общества и природы. Это—Аристотель.

Прежде всего Аристотель ясно высказывает, что денежная форма товара есть только более развитый вид простой формы ценности, т. е. выражения ценности одного товара в каком-нибудь другом любом товаре, так как он говорит: «5 подушек = 1 дому», что «не различается» от «5 подушек = столько-то и столько-то денег». Он видит далее, что отношение ценности, в котором заключается это выражение ценности, с своей стороны, обуславливает, чтобы дом и подушки были уравниваемы качественно, и что эти чувственно различные вещи, без такого существенного равенства, не могли бы быть относимы одни к другим, как соизмеримые величины. «Обмен», говорит он, «не может быть без равенства, а равенство не может быть без соизмеримости». Здесь однако он упирается и прекращает дальнейший анализ формы ценности. «Но поистине невозможно, чтобы столь различные вещи были соизмеримы», т. е. качественно равны. Это уравнение может быть чем-то чуждым истинной природе вещей, следовательно, только «помощь в нужде для практической потребности».

Итак, Аристотель сам говорит нам, отчего сокрушился его дальнейший анализ,—именно от недостатка понятия ценности.

Что такое равное, т. е. общая субстанция, которая представляет дом за подушки в выражении ценности подушек? Нечто такое «не может существовать поистине», говорит Аристотель. Почему? Дом представляет в отношении к подушкам нечто равное, насколько он в обоих, в подушках и в доме, действительно представляет равенство. И это—человеческая работа.

Но что в форме товарных ценностей все работы выражаются, как равная человеческая работа и потому как равноценная, Аристотель не мог вычитать из самой формы ценности, так как греческое общество покоилось на рабской работе, поэтому имело естественной основой неравенство людей и их рабочих сил. Тайна выражения ценности, равенство и равноценности всех работ, потому что и насколько они вообще являются человеческой работой, может быть отгадана только тогда, когда понятие о человеческом равенстве обладает уже прочностью народного предрассудка. Это же возможно только в таком обществе, в котором форма товаров есть общая форма продукта труда, причем также и отношение людей одного к другому, как товаро-владельцев есть господствующее общественное отношение. Гений Аристотеля блистает именно там, где он в выражении ценности товаров открывает отношение равенства. Только историческая граница общества, в котором он жил, мешает ему выискать, в чем же «поистине» состоит это отношение равенства.

4) Простая форма ценности, как целое

Простая форма ценности товара содержится в отношении ценности к отличному товару или в меновом отношении с ним. Ценность товара *A* выражается качественно при помощи непосредственнойменяемости товара *B* с товаром *A*. Ценность эта выражается количественно, благодаря меняемости определенного количества товара *B* на данное количество товара *A*. Иными словами, ценность товара выражается самостоятельно чрез представление его в качестве «меновой ценности». Когда в начале этой главы было сказано, по правилам ходячего языка, что товар есть потребительная ценность и меновая ценность, то это было, говоря точно, неверно. Товар есть потребительная ценность или предмет потребления и «ценность». Он представляется двояким, чем он бывает, когда его ценность обладает собственной, независимой от его природной формы, формой проявления меновой ценности, и она обладает этою формою, не будучи ни в каком случае рассматриваема изолированною, а всегда в отношении ценности или обмена ко второму, отличному товару. Раз это известно, то указанный выше способ определения товара оказался безвредным и ведет к сокращению.

Наш анализ доказал, что форма ценности или выражение ценности товара вытекает из природы ценности товара, а не наоборот, т. е. так, чтобы ценность и величина ценности выте-

кали из своего способа выражения, как меновой ценности. Такова однако мечта, как меркантилистов и их новейших подогрвателей, каковы Феррие, Ганиль и т. д., так и их антиподов, новейших коммивояжеров по свободной торговле, как Бастия и К°. Меркантилисты возлагали главный вес на *качественную* сторону выражения ценности, поэтому, на эквивалентную форму товара, которая обладает готовым видом в деньгах, — новейшие же продавцы в разнос свободной торговли, которые должны были сбывать свой товар по всякой цене, — на *количественную* сторону относительной формы ценности. Для них, следовательно, не существует ни ценности, ни величины ценности товара, кроме выражения чрез меновое отношение, поэтому только в записке ежедневного преис-куранта. Шотландец Маклеод в своей функции, по возможности, учено вычислить перепутанные представления Ломбардстрита, образует удачный синтез между суеверными меркантилистами и просвещенными разносчиками свободной торговли. Ближайшее рассмотрение содержащегося в отношении ценности к товару *B* товара *A* показало, что внутри такового естественная форма товара *A* имеет значение только как образ потребительной ценности, а естественная форма товара *B* только как форма ценности или образ ценности. Скрытое в товаре внутреннее противоречие потребительной ценности и ценности изображается, следовательно, внешним противоречием, т. е. чрез отношение двух товаров, в котором один товар, ценность которого должна быть выражена, имеет значение непосредственной потребительной ценности, другой же товар, напротив, имеет значение непосредственной меновой ценности. Простая форма ценности товара составляет, следовательно, простую форму проявления содержащегося в ней противоречия потребительной ценности и ценности.

Продукт труда при всех общественных условиях является предметом потребления, но лишь одна исторически определенная эпоха развития, которая представляет работу, затраченную на производство вещи потребления, как «предметное» свойство производства, т. е. как его ценность, — превращает продукт работы в товар. Отсюда следует, что простая форма ценности товара есть вместе с тем и простая форма ценности продукта труда, и что, следовательно, развитие формы товара совпадает с развитием формы ценности.

Первый взгляд показывает недостаточность простой формы ценности, этой зародышевой формы, которая созревает до формы цены только целым рядом метаморфоз.

Выражение в каком-нибудь товаре *B* отличает ценность товара *A* только от его внутренней потребительной ценности и потому помещает его также в меновое отношение к какому-нибудь одному, от него самого отличному, роду товаров, вместо того, чтобы представлять его качественное равенство и количественную пропорциональность со всеми прочими товарами. Простой

относительной форме ценности какого-нибудь товара соответствует отдельная эквивалентная форма другого товара. Так, сюртук обладает в относительном выражении ценности холста только эквивалентною формою или формою непосредственной меняемости по отношению к этому единственному роду товаров, холсту.

Однако отдельная форма ценности сама собою переходит в высшую форму. Благодаря ей, ценность товара *A* выражается, правда, только в одном товаре другого рода. Но какого рода будет этот второй товар, сюртук ли, железо ли, пшеница ли,— совершенно все равно. Итак, смотря по тому, что она вступит к тому или другому роду товаров в отношении ценности, возникают различные простые выражения ценности одного и того же товара*. Число его возможных выражений ценности ограничивается только числом отличных от него товаров. Его уединенное выражение ценности превращается поэтому в постоянно удлиняющийся ряд его различных простых выражений ценности.

В) Цельная или развитая форма ценности

z товара *A* = y товара *B* или = v товара *B*, или = w товара *G*, или = x товара *D*, или = n пр. (20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 фунтам чая, или = 40 фунтам кофе, или = 1 квартеру пшеницы, или = 2 унциям золота, или = $\frac{1}{2}$ тонне железа, или = n пр.)

1) Развитая относительная форма ценности

Ценность товара, например, холста выражается теперь в бесчисленных элементах мира товаров. Каждое другое тело товара становится зеркалом ценности холста**. Таким образом

* У Гомера, например, ценность одной вещи выражается в целом ряде различных вещей.

** Поэтому говорится о сюртуковой ценности холста, если представляют его ценность в сюртуках, о его хлебной ценности, если представляют его в хлебе, и пр. Всякое подобное выражение говорит, что то является в потребительных ценностях сюртука, зернового хлеба и пр. «Так как ценность каждого товара означает его отношение в обмене, то мы можем говорить о ней, как о... пшеничной ценности, платяной ценности, согласно с тем товаром, с которым он сравнивается и, далее, существуют тысячи различных родов ценности, столько родов ценности, сколько существует товаров, и все они одинаково реальны и одинаково номинальны» («A Critical Dissertation on the Nature, Measure and Causes of Value: chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers». By the Author of Essays on the Formation etc. of Opinions, Lond. 1825, p. 39). Байли, сочинитель этой анонимной книги, которая сделала в свое время много шума в Англии, думает, что он этим указанием на пестрые относительные выражения о ценности одного и того же товара уничтожил всякое определение понятия ценности. Что, впрочем, он, несмотря на собственную ограниченность, зондировал ранние пять теории Рикардо, доказывает раздражение, с каким напала на него школа Рикардо, например, в «Вестминстерском обозрении».

сама эта ценность является сперва поистине в качестве бесформенной массы безразличного человеческого труда. Это потому, что образующая ее работа теперь выразительно представляется, как работа, с которой равноценна всякая иная работа, какою бы ни обладала она естественною формою, и осуществлялась бы поэтому в сюртуке, в пшенице, в железе или в золоте. Благодаря своей форме ценности, холст стоит теперь в общественном отношении не с одним только отдельным родом товара, а с миром товаров. В качестве товара он становится гражданином этого мира. К тому же, в бесконечном ряду его выражений заключается то, что ценность товаров равнодушна к той особенной форме потребительной ценности, в которой он является.

В первой форме: 20 аршин холста = 1 сюртуку — может быть случайным фактом, что эти два товара вымениваются один на другой в определенных количественных отношениях. Во второй форме тотчас же проглядывает, напротив, заднее основание, существенно отличающееся от случайного явления и определяющее его. Ценность холста остается одинаковых размеров, хотя бы она представлялась в сюртуке, или в кофе, или в железе и пр., в бесчисленно различных товарах, принадлежащих различнейшим владельцам. Случайное отношение двоих индивидуальных товаровладельцев отпадает прочь. Очевидно, что не обмен регулирует величину ценности товара, а наоборот, величина ценности товара регулирует его меновые отношения.

2) Особая эквивалентная форма

Всякий товар, сюртук, чай, пшеница, железо и т. п., считается в выражении ценности холста, как эквивалент, и поэтому, как тело ценности. Определенная естественная форма каждого из этих товаров теперь становится особою эквивалентною формою, наряду со многими другими. Точно так же считаются теперь полезны, определенные и конкретные роды труда, содержащиеся в различных телах товаров за такое же число особых форм осуществления или проявления человеческой работы.

3) Недостатки цельной или развитой формы ценности

Прежде всего относительное выражение ценности товара является не готовым, потому что его ряд представления никогда не оканчивается. Цепь, в которой уравнения ценностей применяются к другому, остается постоянно удлиняемым каждым вновь вступающим родом товаров, которые доставляют материал для нового выражения ценности. Если же в конце концов, как это должно случиться, относительная ценность каждого товара выразится в этой развитой форме, то относительная форма ценности каждого товара сделается бесконечным рядом выраже-

ний ценности, отличным от относительной формы ценности, всякого другого товара. — Недостатки развитой относительной формы ценности отражаются опять-таки в соответствующей ей эквивалентной форме. Так как естественная форма каждого особого рода товаров здесь представляет эквивалентную форму наряду с другими бесчисленными особыми эквивалентными формами, то существуют вообще только ограниченные эквивалентные формы, из которых одна исключает другую. Точно так же определенный, конкретный, полезный род труда, содержащийся в каждом особом эквиваленте товара, представляет лишь особую, следовательно, неисчерпывающую форму проявления человеческого труда. Этот труд обладает, правда, своей полной или ценной формой проявления в совокупном кругу тех особых форм проявления. Но в таком случае он не обладает никакою единою формою проявления.

Развитая относительная форма ценности состоит, однако, только из суммы простых относительных выражений ценности или уравнений первой формы:

20 аршин холста = 1 сюртуку.

20 » » = 10 ф. чая и т. д.

Каждое из этих уравнений содержит в себе также и обратное тождественное уравнение:

1 сюртук = 20 аршинам холста.

10 ф. чая = 20 аршинам холста и т. д.

И действительно, если какой-нибудь человек меняет свой холст на многие другие товары, и потому выражает его ценность в целом ряду других товаров, то необходимо должны также и многие другие товаровладельцы обменивать свои товары на холст, а потому ценности их различных товаров выражаются в одном и том же третьем товаре — холсте. Перевернем ряд: 20 аршин холста = 1 сюртуку, или = 10 фунтам чая, или = и т. д., т. е. выразим по самому существу дела содержащееся уже в ряду обратное отношение, то получим:

С) Всеобщую форму ценности

1 сюртук	}	= 20 аршинам холста.
10 фунтов чая		
40 фунтов кофе		
1 квартал пшеницы		
2 унции золота		
1/2 тонны железа		
x товара А		

1. Измененный характер формы ценности

Теперь товары представляют свои ценности: 1) просто, потому что в единственном товаре и 2) едино, потому что в одном и том же товаре. Их форма ценности проста и общественна, следовательно, *всеобща*.

Формы I и II обе пришли только к тому, чтобы выразить ценность одного товара, как нечто отличное от их собственной потребительной ценности или их тела товара.

Первая форма давала следующие уравнения ценности: 1 сюртук = 20 аршинам холста = 10 фунтам чая = $1\frac{1}{2}$ тонне железа и т. д. Ценность сюртука выражается, как равная холсту, ценность чая как равная железу и т. д.; но эти выражения сюртука и чая «равная холсту» и «равная железу ценность», столь же различны, как и холст и железо. Эта форма совершается очевидно только первоначально, когда продукты труда превращаются в товар только при помощи случайного и сообразного обстоятельству обмена.

Вторая форма различает полнее, нежели первая, ценность одного товара от его собственной потребительной ценности, так как ценность, например сюртука, выступает теперь в своей естественной форме против всевозможных форм, как равный холсту, железу, чаю и пр. всему прочему, только не сюртуку. С другой стороны, здесь каждое общее выражение ценности товаров прямо исключено, так как в выражении ценностей по отдельным товарам являются теперь все другие товары (кроме сюртука) только в форме эквивалентов. Развитая форма ценности приходит действительно лишь тогда, когда продукт труда, например скот, обменивается уже более не исключительно, а совершенно обычно на различные другие товары.

Вновь приобретенная форма выражает ценности мира товаров в одном и том же отличном от все роде товаров, например, в холсте и таким образом представляет ценности всех товаров чрез их равенство с холстом. Как равная холсту, ценность каждого товара становится теперь не только отлична от своей собственной потребительной ценности, но от всякой потребительной ценности, именно потому, что в ней выражается общее со всеми товарами. Только эта форма действительно относит, поэтому, товары одни к другим, как ценности, или дает им явиться одни относительно других, как меновые ценности.

Обе ранние формы выражают ценность в одном товаре, будь это единственный отличный от них товар, или целый ряд многих, отличных от них товаров. В обоих случаях составляет, так сказать, частное дело отдельного товара дать себе форму ценности, и он исполняет это, без содействия других товаров. Эти играют относительно него только пассивную роль эквивалентов. Общая форма ценности возникает, напротив, только как совокупное дело мира товаров. Товар получает только общее выражение ценности, потому что одновременно все другие товары выражают свою ценность в одном и том же эквиваленте, и каждый вновь выступающий род товаров должен подражать этому. Вместе с этим проявляется и то, что предметность ценности товаров, будучи только «общественною сущностью» этих вещей, может быть также выражена всем своим всесторонним

отношением, причем его форма ценности должна быть общественно годною формой.

В форме равной холсту являются теперь все товары не только количественно равных ценностей вообще, но также и как количественно сравниваемые величины ценности. Отражая свои величины ценности в одном и том же материале, в холсте, они снова отражают эти величины ценности взаимно. Например 10 фунтов чаю=20 аршинам холста, и 40 фунтов кофе=20 аршинам холста. Итак, 10 фунтов чаю=40 фунтам кофе. Или в 1 фунте кофе содержится лишь $\frac{1}{4}$ столько субстанции ценности труда, сколько в 1 фунте чая.

Всеобщая относительная форма ценности мира товаров выражает в исключенном его эквивалентном товаре, холсте, характер всеобщего эквивалента. Его собственная естественная форма ценности есть совокупный образ ценности этого мира, поэтому холст меняем на все товары. Его телесная форма считается верным воплощением, всеобщим общественным превращением в куколку всей человеческой работы. По качеству, частная работа, производящая холст, находится в то же время во всеобщей общественной форме, в форме равенства со всеми другими работами. Бесчисленные уравнения, из которых состоит всеобщая форма ценности, ставят, по очереди, осуществленную в холсте работу против каждой работы, содержащейся в другом товаре равную, и делают тем ткачество общей формой проявления человеческого труда вообще. Таким образом, работа, осуществляющаяся в ценности товара, представляет не только отрицательно, как работа, в которой сделано отвлечение от всех конкретных форм и полезных качеств действительных работ. Ее собственная положительная природа выразительно выступает вперед. Она есть приведение всех действительных работ к их общему характеру человеческой работы, к обнаружению человеческой рабочей силы.

Всеобщая форма ценности, которая представляет продукт работы, как простую бесформенную массу человеческой работы, показывает собственным своим сооружением, что она есть общественное выражение мира товаров. Так провозглашает она, что в пределах этого мира всеобщий человеческий характер труда образует ее специфический общественный характер.

2. Отношение развития относительной формы ценности и эквивалентной формы

Степени развития относительной формы ценности соответствует степень развития эквивалентной формы. Но,—и это хорошо заметить,—развитие эквивалентной формы составляет только выражение и результат развития относительной формы ценности.

Простая или уединенная относительная форма ценности товара делает другой товар единственным эквивалентом. Развитая форма относительной ценности, это выражение цен-

ности одного товара во всех других товарах, впечатлевает им форму разнородных особых эквивалентов. Наконец, особый род товаров получает всеобщую эквивалентную форму, так как все другие товары делают ее материалом их единой всеобщей формы ценности.

Но в той же степени форма ценности вообще развивается, — развивается также и противоречие между отдельными ее обоими полюсами, — относительной формой ценности и эквивалентной формой.

Уже первая форма — 20 аршин холста = 1 сюртуку — содержит это противоречие, но еще не укрепляет его. Смотри потому, читается ли одно и то же уравнение вперед или назад, каждая из обеих крайностей товаров, как холст и сюртук, находится то в относительной форме ценности, то в эквивалентной форме. Здесь требует еще труда укрепить полярное противоречие.

Во второй форме всегда может только один род товаров развить свою относительную ценность сполна, или обладает он сам развитою относительною формою ценности, но сколько и как долго все другие товары сравнительно с ним находятся в эквивалентной форме? Здесь нельзя более перевертывать две стороны уравнения ценности — как 20 аршин холста = 1 сюртуку, или 10 фунтам чаю, или = 1 четверту пшеницы, не изменяя ее общего характера и не превращая ее из цельной во всеобщую форму ценности.

Последняя форма, форма III, дает, наконец, миру товаров вообще — общественную относительную форму ценности, потому и настолько, с одним единственным исключением, в какой мере все принадлежащие к ней товары исключены из всеобщей эквивалентной формы. Один товар, холст, находится поэтому в форме непосредственной меняемости со всеми прочими товарами, или в непосредственно общественной форме, почему и насколько все прочие товары не находятся там*.

* Из формы всеобщей непосредственной меняемости ни в каком случае не видно, что она является противоречивою формою товаров, столь же нераздельною от формы не непосредственной меняемости, как и возможность одного магнитного полюса от отрицательности другого. Можно поэтому себе вообразить, что можно всем товарам вместе навязать штемпель непосредственной меняемости, как можно вообразить, что можно всех католиков сделать папами. Для мелкого буржуа, который в производстве товаров видит *plus ultra* человеческой свободы и индивидуальной независимости, было бы, естественно, весьма желательно подняться над расстройством соединенными с этою формою, именно, также над не непосредственною меняемостью товаров. Разрисовку этой утопии филлистов образует социализм Прудона, который, как показано автором в другом месте, даже не обладает заслугой оригинальности, а скорее, задолго до него, был гораздо лучше развит Грэм, Брэм и другими. Это не мешало, в настоящее время, в известных кругах грассировать подобной премудрости под именем «science». Никогда ни одна школа больше, чем прудонова, не носилась со словом «science», так как

«Wo Begriffe fehlen,

Da stellt zur rechten Zeit 'ein Wort sich 'ein».

Наоборот, товар, фигурирующий, как всеобщий эквивалент, исключается из единительной и потому всеобщей относительной формы ценности мира товаров. Если бы холсту, или какому-нибудь другому, находящемуся во всеобщей эквивалентной форме, товару следовало также к тому же принять участие и во всеобщей относительной форме ценности, то ему пришлось бы служить эквивалентом себе самому. Мы получили бы тогда: 20 аршин холста = 20 аршинам холста, тавтологию, в которой не выражены ни ценность, ни величина ценности. Чтобы выразить относительную ценность всеобщего эквивалента, мы должны скорее перевернуть форму III. Он не обладает никакою общюю с другими товарами относительною формою ценности, но ценность его выдавливается относительно в бесконечном ряду всех других тел товаров. Так является здесь развитая относительная форма ценности, или форма II, как специфическая относительная форма ценности товара-эквивалента.

3. Переход от всеобщей формы ценности к денежной форме

Общая эквивалентная форма есть форма ценности вообще. Она может, следовательно, подходить ко всякому товару. С другой стороны, товар находится во всеобщей эквивалентной функции (форма III) лишь потому и настолько, почему и насколько он исключен всеми другими товарами, как эквивалент. И только с того момента, когда это исключение окончательно ограничилось одним специфическим товаром, единая относительная форма ценности мира товаров, приобрела объективную прочность и всеобщее общественное значение.

Специфический род товара, с естественною формою которого срastaется общественно-эквивалентная форма, становится денежным товаром и функционирует, как деньги. Роль всеобщего эквивалента внутри мира товаров будет играть его общественная функция и потому его общественная монополия. Это привилегированное место, — среди товаров, которые фигурируют в форме II, как особые эквиваленты, а в форме III сообща выражают свою относительную ценность в холсте, — завоевал исторически известный товар — золото. Если мы подставим поэтому в форме III товар золото, вместо товара холста, то получим следующее:

$$\left. \begin{array}{l}
 20 \text{ аршин холста} \\
 1 \text{ сюртук} \\
 10 \text{ фунтов чая} \\
 40 \text{ фунтов кофе} \\
 1 \text{ квартал пшеницы} \\
 1/2 \text{ тонны железа} \\
 x \text{ товара } A
 \end{array} \right\} = 2 \text{ унциям золота.}$$

Встречаются существенные изменения при переходе от формы I к форме II, от формы II к форме III. Напротив, форма IV не отличается ничем от формы III, кроме того, что теперь вместо холста всеобщую форму эквивалента занимает золото. Золото остается в форме IV тем самым, чем был холст в форме III,—всеобщим эквивалентом. Прогресс состоит лишь в том, что форма непосредственной всеобщей меняемости или всеобщая эквивалентная форма окончательно срослась со специфической естественною формою товара золота.

Золото выступает против других товаров, как деньги, потому что оно еще раньше противостояло им, как товар. Подобно всем прочим товарам, оно функционировало так же, как эквивалент, все равно, как отдельный ли эквивалент в изолированных меновых актах, или же как особый эквивалент наряду с другими товарами-эквивалентами. Мало-помалу оно начало функционировать в более узких или широких кругах, как всеобщий эквивалент. После того, как оно завоевало монополию этого места в выражении ценности в мире товаров, оно стало денежным товаром, и только с того момента, когда оно уже сделалось денежным товаром, отличается форма IV от формы III, или всеобщая форма ценности превращается в денежную форму.

Простое относительное выражение ценности товара, например, холста, в уже, как денежный товар, функционирующем товаре, например, золоте, есть форма цены.

Поэтому «форма цены» холста будет:

20 аршин холста = 2 унциям золота,

или, если монетное наименование 2 унций золота есть 2 ф. ст.,
то 20 аршин холста = 2 ф. ст.

Трудность понимания денежной формы ограничивается пониманием всеобщей эквивалентной формы, следовательно, всеобщей формы ценности вообще, формы III. Форма III разрешается в обратном отношении в форму II, в развитую форму ценности, и ее конституирующий элемент есть форма I: 20 аршин холста = 1 сюртуку или x товара A = y товара B. Простая форма товара является поэтому зародышем денежной формы.]⁶⁷

4. Фетишистический характер товара и его тайна

Товар кажется с первого взгляда само собою разумеющеюся, тривиальною вещью. Анализ его показывает, что он—вещь весьма странная, исполненная метафизических тонкостей и теологических брюзжаний. Насколько он ценность потребительная, в нем нет ничего загадочного, рассматривая ли я его с той точки зрения, что он своими качествами удовлетворяет человеческие потребности, или с той, что он приобретает эти качества только под видом продукта человеческого труда. Ясно для чув-

ства, что человек своею деятельностью изменяет формы материй природы полезным для себя образом. Например, форма дерева изменяется, когда из него делается стол. Тем не менее стол остается деревом, обыкновенною, чувственной вещью. Но раз он выступает, как товар, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит ногами на земле, но также ставит себя по отношению ко всем прочим товарам на голову и развивает из своей деревянной головы гораздо более чудесные причуды, как если бы он вдруг начал танцевать.

Итак, мистический характер товара вытекает не из потребительной ценности его. Столь же мало вытекает он из содержания определений ценности. Во-первых, как бы ни были различны полезные работы или производительные деятельности, составляет физиологическую истину, что они суть функции человеческого организма, и что каждая из таких функций, каковы бы ни были ее содержание и формы, в существенном является расходом человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и пр. Что лежит, во-вторых, в основе определений величины ценности, продолжительности ее обнаружения или количества труда, то количество работы почти осязательно отличается от качества ее. При всяких обстоятельствах, рабочее время, которого стоит производство средств существования, должно было интересовать человека, хотя и неравномерно на различных ступенях развития. В конце концов, раз люди работают каким-нибудь образом друг для друга, работа их также принимает общественную форму.

Откуда же происходит, таким образом, загадочный характер продукта труда, когда он принимает форму товара? Очевидно, из этой самой формы. Равенство человеческих работ получает вещную форму равной вещиности ценности продуктов труда, причем мера обнаружения человеческой рабочей силы, благодаря своей продолжительности, принимает форму величины ценности продуктов труда и, наконец, отношение между производителями, которые доказывают фактами означенные общественные определения их работ, приобретают форму общественного отношения между продуктами труда.

Таинственное в форме товара, следовательно, состоит просто в том, что она отражает перед людьми общественные черты их собственного труда, в качестве вещных черт самих продуктов труда, поэтому также и общественное отношение производителей к совокупной работе, как общественное отношение между предметами, существующее вне людей. Благодаря этому *qui pro quo*, товары делаются чувственно-сверхчувственными вещами или вещами общественными. Так проявляется впечатление света на зрительный нерв не в качестве субъективного раздражения самого зрительного нерва, а как форма предмета вне глаза. Но если смотреть, то действительно свет бросается от одной вещи, внешнего предмета, на другую вещь, глаз. Это — физическое

отношение между физическими вещами. Напротив, форма товара и отношение ценности между продуктами труда, в которых она обнаруживается, не имеют ничего общего с его физической природой и с вытекающими из нее вещными отношениями. Это лишь определенное общественное отношение самих людей, которое здесь для них принимает фантазмагорическую форму отношения вещей. Чтобы найти аналогию для этого, нам нужно сбегать в туманную страну религиозного мира. Здесь продукты человеческой головы кажутся одаренными собственной жизнью и находящимися между собою и людьми в известных отношениях самостоятельными образованиями. Таковы в мире товаров продукты человеческой руки. Это автор называет фетишизмом, который пристает к продуктам труда, когда они производятся, как товары, и поэтому не разделен от производства товаров.

Этот фетишистический характер мира товаров вытекает, как уже показал предшествующий анализ, из своеобразного общественного характера труда, производящего товары.

Предметы с потребительной ценностью вообще являются товарами лишь настолько они—продукты независимо одна от другой отправляемых частных работ. Комплекс этих частных работ образует общественную совокупную работу. Так как производители входят в общественное соприкосновение только при помощи обмена своих продуктов труда, то специфически общественные характеристические черты их частных работ проявляются только в этом обмене. Или частные работы проявляются в действительности, только как члены общественной совокупной работы, при помощи отношений, в которых обмен продуктов перемещает их и посредством их, производителей. Последним, поэтому, общественные отношения их частных работ являются тем, что они есть, т. е. не непосредственными отношениями лиц в самих их работах, а скорее очевидными отношениями лиц и общественными отношениями вещей.

Только внутри своего обмена продукты труда приобретают равное общественное качество ценности, отделенное от их чувственно различных качеств ценности потребительной. Это разделение продукта труда на полезную вещь и ценную вещь проявляется теперь практически, как только обмен приобрел достаточное распространение и важность, для того, чтобы полезные вещи были производимы для обмена, причем характер ценности вещей был бы принимаем во внимание при самом их производстве. С этого момента частные работы производителей приобретают фактически двойкий общественный характер. С одной стороны, как определенные полезные работы, они должны удовлетворять определенной общественной потребности, и таким образом являться членами совокупной работы, естественно выросшей системы общественного разделения труда. С другой стороны, они удовлетворяют только разнообразным потребностям собственных

производителей, насколько каждая особая полезная частная работа с каждым другим родом полезной работы может быть обмениваема, т. е. считается ее равноценною. Равенство *totocoelo* различных работ может существовать только в абстракции от ее действительного неравенства, в приведении к общему характеру, которым они обладают, как проявлением рабочей силы, абстрактной человеческой работы. Мозг частного производителя отражает этот двойкий общественный характер их частных работ опять-таки в формах, которые проявляются в практической торговле, в обмене продуктов,—общественный же полезный характер их частных работ в формах, что продукт работы должен быть полезен, и притом для других, общественный же характер равенства разнородных работ—в форме общего характера ценности этих материально различных вещей, продуктов работы.

Таким образом, люди относят свои продукты труда не один к другому, как ценности, потому что эти вещи кажутся им простовещными скорлупами однородного человеческого труда. Наоборот. Уравнивая свои разнородные продукты одни с другими, в обмене, как ценности, они уравнивают одну с другою и свои различные работы. Они не знают этого, но делают это*. Поэтому у ценности не написано на лбу, что она такое. Ценность скорее превращает всякий продукт работы в общественный иероглиф. Позже люди ищут разгадать смысл иероглифа, притти к тайне их собственного общественного продукта, так как определение полезных предметов, как ценностей, есть их общественный продукт, подобно языку. Позднее научное открытие, что продукты труда, насколько они ценности,—простые выражения затраченного на их производство человеческого труда, составляет эпоху в истории развития человечества, но ни в каком случае не разгоняет кажущегося вещным общественного характера труда. То, что имеет применение только к этой, особенной форме производства, производства товаров, а именно существует, как специфический общественный характер не зависимых одна от другой частных работ в их равенстве, как человеческий труд, и принимает форму характера ценности продуктов труда,—является как до того открытия, так и после него, для погруженных в отношения производства товаров, столь же ценным, как и то, что научное разложение воздуха на его элементы оставляет, по-прежнему, существовать форму воздуха, как форму физического тела.

Что всего прежде практически интересует меняльщиков продуктов, это вопрос, сколько чужого продукта может он получить за свой собственный, иными словами, в каких пропор-

* Когда поэтому Галиани говорит, что ценность есть отношение между лицами,—«La Richezza è una ragione tra due persone», то он должен был бы прибавить отношение, скрытое под вещной оболочкой (Galiani «Della Moneta», p. 220, v. III, Custodi's Sammlung, Parte Moderna, Milano 1801).

циях меняются продукты. Когда эти пропорции дозрели до известной обычной прочности, они кажутся вытекающими из природы продуктов труда так, что, например, 1 тонна железа и 2 унции золота равноценны наподобие того, как 1 фунт золота и 1 фунт железа, несмотря на их различные химические и физические свойства, одинаково тяжелы. На деле характер ценности продуктов труда упрочивается только благодаря ее действию, как величины ценности. Последние непрерывно колеблются, независимо от воли, предвидения и действий меняющихся сторон. Их собственное социальное движение обладает для них формой движения вещей, под контролем которых стоят они, вместо того, чтобы самим контролировать их. Нужно полнейшим образом развитое производство товаров, прежде даже, чем из опыта вытекает научный взгляд, что частные работы, отправляемые независимо одна от другой, но являющиеся естественно выросшими членами общественного разделения труда, будут постепенно и всесторонне сводиться от зависящих одна от другой частных работ к своей общественно-пропорциональной мере, так как в случайных и постоянно колеблющихся меновых отношениях их продуктов рабочее время, общественно необходимое на их производство, насильственно пробивается, как правящий естественный закон, когда кому-либо падает через голову дом. Определение величины ценности при помощи рабочего времени есть поэтому, при проявляющихся движениях относительной ценности товаров, скрытая тайна. Открытие ее сбрасывает с нее вид одного случайного определения величины ценности продуктов труда, но вовсе не ее вещной формы.

Размышление о формах человеческой жизни, а также, разумеется, и научный анализ ее вообще берут путь, противоположный действительному развитию. Он начинает *nost festum* и, поэтому, с готовыми результатами процесса развития. Формы, которые обозначают продукты труда, как товары, и, поэтому, рассчитывают на обращение в виде товаров, обладают уже прочностью естественных форм общественной жизни, прежде, чем люди пытаются дать себе отчет не об историческом характере этих форм, который им скорее кажется неизменным, а об их содержании. Так, только анализ товарных цен повел к определению величины ценности, только обычное денежное выражение товаров повело к установлению их характера ценности. Но именно эта-то готовая форма, денежная форма мира товаров, существенно затемняет общественный характер частных работ, а потому и общественных отношений частных рабочих, вместо того, чтобы разъяснить их. Если я говорю, что сюртук, сапоги и пр. относятся к холсту, как к всеобщему воплощению абстрактной человеческой работы, то нелепость этого выражения бьет в глаза. Но когда производители сюртука, сапог и пр. относят свои товары к холсту, или к золоту или к серебру,—что ничего не меняет в деле,—как ко всеобщему эквиваленту, то отношение их част-

ных работ к общественной совокупной работе является им именно в этой нелепой форме.

Подобные-то формы именно и образуют категории буржуазной экономики. Это общественно необходимые, следовательно, объективные формы мысли для отношений производства этого исторически определенного общественного способа производства, производства товаров. Весь мистицизм мира товаров, все волшебство и привидения его, окружающие туманом продукт труда на основе производства товаров, исчезают поэтому немедленно, как только мы прибегнем к другим формам производства.

Так как политическая экономия любит робинсонады*, то пусть появится прежде всего Робинсон на своем острове. Скромный, как он был еще дома, он имеет однако разнородные потребности для удовлетворения и поэтому должен исполнять разные полезные работы, делать орудия, фабриковать мебель, приручать ламу, ловить рыбу, охотиться и пр. О постелях и подобном мы здесь не говорим, так как наш Робинсон находит в том свое удовольствие, и смотрит на подобную деятельность, как на отдых. Несмотря на различие своих производительных функций, он знает, что они образуют лишь различные формы деятельности одного и того же Робинсона, т. е. представляют лишь различные формы человеческой работы. Сама нужда принуждает его распределить свое время в точности между своими различными функциями. Занимает ли одна из них более, другая менее пространства в его совокупной деятельности, зависит от большей или меньшей трудности, которую следует преодолеть для достижения цели полезного результата. Опыт учит его этому, и наш Робинсон, который спас от кораблекрушения часы, записную книжку, чернила и перо, начинает, как добрый англичанин, вести о себе книгу. Инвентарь его содержит обозначение предметов полезности, обладаемых им, различных операций, требуемых для их производства, наконец, рабочее время, которого ему стоят, средним числом, определенные количества этих различных продуктов. Все отношения между Робинсоном и вещами, которые образуют его самодельное богатство, до того здесь просты и прозрачны, что даже сам М. Вирт мог бы их понять без особых усилий ума.

Перенесемся теперь со светлого острова Робинсона в темные европейские средние века. Вместо независимого человека,

* Также и Рикардо не без своей робинсонады. «Первобытного рыбака и первобытного охотника» заставляет он немедленно, в качестве товаро-владельцев, обмениваться рыбою и дичью в отношении к рабочему времени, осуществляющемуся в этих меновых ценностях. По этому случаю он впадает в анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник привлекают к расчету своих рабочих инструментов ходячие в 1817 г. на лондонской бирже таблицы аннунтетов. «Параллелограммы господина Оуэна», кажется, представляют единственную общественную форму, которую он знал, кроме буржуазной («Zur Kritik etc.», S. 38—39).

мы здесь находим всех зависимо крепостных и помещиков, васалов и дателей ленов, светских и духовных. Личная зависимость характеризуется столько же общественными отношениями материального производства, как и построенных на нем жизненных сфер. Но именно потому, что личные отношения зависимости образуют данную общественную основу, рабочие и продукты не должны принимать здесь фантастического вида, отличающегося от их реальности. Они входят в качестве натуральной службы и натуральных повинностей в общественные колеса. Естественная форма труда, ее особенность, а не всеобщность, как на основе производства товаров, представляет здесь непосредственно общественную форму. Барщина так же хорошо измеряется временем, как и труд, производящий товары, но каждый крепостной знает, что он обнаруживает на службе своего господина определенное количество своего личного труда. Оказываемая священнику десятина яснее, чем благословение папы. Как бы, поэтому, ни были судимы маски характеров, в каких здесь люди противостояли друг другу, общественные отношения лишь в их работах проявляются во всяком случае, как их собственные, личные отношения, и не переодеты в общественные отношения вещей, продуктов труда. Для рассмотрения общей, т. е. непосредственно обобществленной работы нам нет нужды возвращаться к естественной форме ее, которая нас встречает на пороге истории каждого культурного народа. Ближе лежащий пример образует поземельно-патриархальная промышленность семейства крестьян, которое производит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, платье и пр. Все эти различные работы, производящие эти продукты, земледелие, скотоводство, прядение, ткачество, портняжество в своей естественной форме суть общественные функции, потому что они функции семейства, которое обладает своим собственным, естественно возросшим разделением труда, точно так же как и производство товаров.

Различия в полах и возрастах, как равно и в естественных условиях, меняющихся с переменами времен года, управляют их разделением среди семейства и рабочим временем отдельных его членов. Обнаружение труда, измеренное продолжительностью времени, является здесь однако из самого дома в качестве общественного определения работ, так как индивидуальные рабочие силы уже из дома действуют только как совокупные органы рабочей силы семьи.

Представим себе наконец, для перемены, союз свободных людей, которые трудятся при помощи общих орудий производства и обнаруживают свои многие индивидуальные силы сознательно, как общественную рабочую силу. Все определения труда Робинсона повторяются здесь только общественно, не индивидуально. Все продукты Робинсона были его исключительным личным продуктом и потому предметами потребления для него. Совокупный продукт союза есть общественный продукт. Но дру-

гая часть его потребляется в виде средств существования членами союза. Она должна поэтому быть подразделена между ними. Род этого подразделения может изменяться с особенным родом самого общественного производственного механизма и соответствующей исторической высотой развития производителей. Только для параллели с производством товаров предположим, что часть каждого производителя жизненных средств определяется его рабочим временем. Рабочее время играло бы при этом двойную роль. Его общественное планомерное разделение регулировало бы правильную пропорцию различных рабочих функций на различные потребности. С другой стороны, рабочее время служит также, как мера индивидуального участия производителя в общей работе и потому также в индивидуально потребляемой доле общего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам труда остаются здесь прозрачно простыми в производстве, как и в распределении.

Для общества производителей товаров, которого производственное отношение состоит в том, чтобы относиться к своим продуктам, как к товарам, т. е. как к ценностям, и в этой вещной форме относить свои частные работы одну к другой, как равный человеческий труд, христианство с своим культом абстрактного человека, именно в его буржуазном развитии, протестантизме, деизме и пр., является наиболее соответствующею формою религии. В староазиатских, античных и прочих способах производства, превращение продукта в товары, и вследствие этого существование человека, как производителя товаров, играет подчиненную роль, которая однако становится тем важнее, чем более общезитие вступает в состояние своего уничтожения. Собственные торговые народы существуют только во внутренних устьях древнего мира, подобно богам Эпикура, или, как евреи в порах польского общества. Те старые общественно-производственные организмы необыкновенно проще и прозрачнее буржуазного, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, который еще не отделился от пуповины естественного родового союза с другими, или на непосредственных отношениях господства и прислужничества. Они обуславливаются низкою степенью развития производительных сил труда и соответственно связанными отношениями людей внутри своего процесса создания жизни, а поэтому и между собою и к природе. Эта действительная связанность действительно отражается во всех природных и народных религиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической рабочей жизни ежедневно представляют людям разумные отношения между собою и с природой. Образ общественного процесса жизни, т. е. материального процесса производства, только тогда сбрасывает с себя свое мистическое туманное покрывало, когда он стоит, как продукт свободно сошедшихся в общество людей, под их сознательным и планомерным контро-

лем. Но для этого требуется материальная основа общества, или целый ряд материальных условий существования, которые, в свою очередь, составляют естественный продукт продолжительной и преисполненной мучений историй развития.

Политическая экономия, правда, хотя и несовершенно*, анализировала ценность и величину ценности и открыла скрытое в этих формах содержание. Она никогда не поставила даже вопроса, почему эта работа в ценности и мерило работы в величине ценности представляется при помощи продолжительности ее труда в величине ценности произведенного продукта?*** Фор-

* Недостаточное в анализе величины ценности *Рикардо*—а этот анализ один из лучших—увидит из третьей и четвертой книги настоящего сочинения. Что же касается до ценности вообще, то классическая экономия нигде не различает выразительно и с ясным сознанием работы, как она представляется в ценности от той же работы, насколько она представляется в потребительной ценности своего продукта. Она естественно проводит различие фактически, так как рассматривает работу один раз количественно, а другой раз качественно. Но ей не приходит на ум, что простое количественное различие работ предполагает их качественное единство или равенство, т. е. их приведение к абстрактному человеческому труду. *Рикардо*, например, объявляет себя согласным с *Destutt de Tracy*, когда этот говорит: «Справедливо, что наши физические и моральные способности единственные наши первоначальные богатства, употребление этих способностей, труда известного рода, есть наше первоначальное сокровище, и всегда этим употреблением созданы все эти вещи, называемые нами богатством... Ясно также, что все эти вещи только представляют труд, который создал их, и если они имеют ценность или даже две различные ценности, они могут происходить только из этой (ценности) труда, из которого они вытекают» (*Ricardo «The Principles of Political Economy», 3 ed., Lond. 1421, p. 334*). Мы указываем лишь на то, что *Рикардо* подкладывает *Дестю* свой собственный более глубокий смысл. *Дестю* говорит в действительности, правда, с одной стороны, что все вещи, которые образуют богатство «представляют труд, который их создал», но, с другой стороны, что они свои «две различные ценности» (потребительную ценность и ценность) получают от «ценности труда». Он впадает при этом в плоскость вульгарной экономии, которая предполагает ценность товара (здесь труда) для того, чтобы сзади определить ценность другого товара. *Рикардо* читает его так, что как в потребительной ценности, так и в меновой (не ценность работы) представляется работа. Он сам однако, так мало различает двойной характер труда, что в целой главе «Ценность и богатство, их отличительные свойства» с трудом бьется с тривиальностями какого-нибудь *Ж. Б. Сэя*. В конце он, поэтому, совершенно удивлен, что *Дестю*, правда, гармонирует с ним самим об источнике ценности—труде, а, с другой стороны, все же и с *Сэем* относительно понятия о ценности.

** Один из основных недостатков в классической политической экономии тот, что ей никогда не удалось из анализа ценности и специальной ценности товара, выискать форму ценности, которая именно делает его меновой ценностью. Именно в своих лучших представителях, как *Ад. Смит* и *Рикардо*, она обращается с формой ценности, как с чем-то безразличным, или даже чуждым природе товара. Причина не только та, что их внимание совершенно поглощал анализ величины ценности. Она лежит глубже. Форма ценности рабочего продукта есть отвлеченнейшая, но также и самая всеобщая форма буржуазного способа производства, которая этим характеризуется, как особый род общественного производства и вместе с тем исторически. Если же признать ее поэтому за вечную есте-

мулы, у которых на лбу написано, что они принадлежат к такой общественной формации, в которой производственный процесс господствует над людьми, а человек еще не овладел процессом, означают для ее буржуазного сознания столь же само собою разумеющуюся необходимость природы, как и сама производительная работа. Добуржуазные формы общественного производственного организма третируются ею поэтом так же, как третируют отцы церкви дохристианские религии*.

ственную форму общественного производства, то необходимо просматриваются специфические формы ценности, следовательно, формы товара дальше развитой денежной формы, капитальной формы и т. д. Поэтом можно истрепать у экономистов, которые вполне соглашаются относительно меры ценности рабочим временем, самые пестрые и противоречивейшие представления о деньгах, т. е. о готовой форме всеобщего эквивалента. Это поразительно выступает, например, при обсуждении банкового дела, в котором с определениями денег, с характером обихих мест, ничего нельзя поделаться. В противоречие возникла поэтому реставрированная меркантильная система (*Ганцль* и т. д.), которая в ценности видит только общественную форму или скорее ее бессущный знак. Чтобы раз навсегда заметить, автор разумеет под классической политической экономией всю экономико со времен *У. Петти*, которая исследует внутреннюю связь буржуазных производственных отношений, в противоположность вульгарной экономии, которая вертится вокруг только внутри кажущейся связи, для похвального разъяснения, так сказать, грубейших феноменов и буржуазной домашней потребности, давно уже доставленный научной экономией материал постоянно снова пережевывает, в остальном же ограничивается тем, чтобы систематизировать, педагогизировать и провозглашать, как вечную истину, банальные и самодовольные теории буржуазных агентов производства.

* «Экономисты имеют странный способ действовать. Нет для них ничего кроме двух сортов учреждений, — учреждения искусства и природы. Учреждения феодализма — искусственные, учреждения буржуазии — естественные. Они походят в этом на теологов, которые, в свою очередь, устанавливают два сорта религий. Всякая религия, которая не их, есть выдумка людей, тогда как их собственная религия есть истечение от бога. Таким образом, была история, но ее нет более» (К. Маркс «*Misère de la Philosophie*», 1847, р. 113). Истинно чуден г. *Васица*, который вообразил себе, что древние греки и римляне жили только грабежом. Если же многие столетия жить грабежом, то постоянно должно что-нибудь оставаться для грабежа, или предмет грабежа должен постоянно воспроизводиться. Поэтому кажется, что также и греки, и римляне имели производственный процесс, следовательно экономию, которая образовывала совершенно такую же материальную основу их мира, как буржуазная экономия — основу нынешнего мира. Или, быть может, *Васица* думает, что способ производства, покоящийся на рабской работе, покоится на системе грабежа? Он становится тогда на опасную почву. Если исполнили мысли, как *Аристотель*, в своем уважении к рабской работе заблуждался, то почему должен быть прав карлик-экономист *Васица* в своем почитании наемной работы? Автор пользуется этим случаем, чтобы кратко отбросить возражение, которое было ему сделано при появлении его сочинения «*Zur Kritik etc.*», 1859, одною немецко-американскою газетою. Она говорила, что взгляд автора, что определенный способ производства и каждый раз соответствующая ему отношения производства, впрочем, «экономическая структура общества — есть реальная основа, на которой поднимается политическая и юридическая надстройка и которой соответствуют определенные общественные формы сознания», что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и умственный процесс вообще», — все это, прав-

Насколько одна часть экономики была обманута приклеенным к миру товаров фетишизмом или предметным знаком общественных определений труда, доказывает, между прочим, скучный и нелепый спор о роли природы в образовании меновой ценности. Так как меновая ценность есть определенный общественный способ выражать труд, затраченный на вещь, то она не может содержать более материи природы, чем какой-нибудь вексельный курс.

Так как форма товара есть самая всеобщая и неразвитая форма буржуазного производства, вследствие чего она рано вышла, хотя не тем же господствующим, а также характеристическим образом, как в настоящие дни, то ее характер фетиша еще относительно легко проникнуть мыслью. При более конкретных формах исчезает даже самый вид простоты. Откуда иллюзии меркантильной системы? Она не смотрела на золото и серебро, что они в качестве денег представляют общественное производственное отношение, а смотрела на них в форме естественных вещей с странными общественными качествами. А новейшая экономия, которая смотрит свысока на монетную систему, разве ее фетишизм не осязателен, когда она рассуждает о капитале? Как давно исчезла физиократическая иллюзия, что поземельная рента растет из земли, а не из общества?

Но чтобы не нападать заранее, достаточно здесь одного примера относительно самой формы товаров. Если бы товары могли говорить, то они сказали бы, наша потребительная ценность может интересовать человека. К нам, как к вещам, она не подходит. Что же к нам подходит вещно—это наша ценность. Наша собственная торговля, как товарами, доказывает это. Мы относимся только как меновые ценности один к другому. Пусть послушают, как говорит экономист из души товара: «Ценность (меновая) есть свойство вещей, богатство (потребительная ценность)—свойство человека. Ценность в этом смысле необходимо включает обмен, богатства нет» (*Observations on some verbal disputes in Political Economy etc.*), Lond. 1821, p. 16). «Богатство (потребительная ценность) есть атрибут человека, ценность—атрибут товаров. Человек или общежитие богато; жемчуг или

да, совершенно верно для нынешнего мира, где господствуют материальные интересы, но не для средних веков, где господствовал католицизм, не для Афин и Рима, где преобладала политика. Прежде всего странно, что некто желает предполагать, будто все эти повсюду в мире известные способы речи о средних веках и об античном мире остались еще кому-нибудь неизвестны. Дело настолько ясно, что средние века не могли жить от католицизма, а древний мир от политики. Род и способ, как проживали они на свете, наоборот, опирается на то, почему там политика, а здесь католицизм играли главную роль. Впрочем, не нужно много знакомства, например, с историей римской республики для того, чтобы знать, что история поземельной собственности образует ее тайную историю. С другой стороны, уже Дон Кихот покаялся в том, что он считал странствующее рыцарство одинаково подходящим ко всем экономическим сторонам общества.

алмаз исполнен ценности... Жемчуги или алмазы имеют ценность как жемчуг или алмаз» (ibid., p. 165). До сих пор еще никакой химик не открыл в жемчуге или в алмазе меновой ценности. Экономические открыватели этой химической субстанции, которые имеют особенное требование на критическую глубину, находят однако, что потребительная ценность вещей независима от их вещных свойств, тогда как ценность подходит к ним, как к вещам. Что они здесь утверждали, — странное обстоятельство, что *потребительная ценность* вещей реализуется для человека *без обмена*, следовательно, в непосредственном отношении между вещью и человеком, *ценность* же их, напротив, только в *обмене*, т. е. в общественном процессе. Кто не вспомнит здесь о добром *Догберри*, который поучал ночного сторожа *Сиколы* так: «Быть хорошо выглядывающим человеком есть дар обстоятельств, но читать и писать приходит от природы».

Это вполне точное изложение содержания первой главы сочинения «Капитал», значительно измененной во втором издании 1873 г., которым пользуемся мы, содержит в себе во всей полноте изображение наиболее существенных черт учения автора о ценности и об общих свойствах денег. Своеобразный язык и довольно сжатый способ выражения в значительной степени затрудняли понимание его мыслей в первом издании сочинения, а в некоторых случаях вели даже к обвинению автора в том, что он употребляет по отношению к ценности метафизические способы исследования. Обвинение это кажется нам несправедливым, так как Маркс в учении о формах ценности и денег говорит не от собственного своего имени, а от имени всего буржуазного общества, которое смотрит на этот предмет не только с метафизической, но даже с фетишистической точки зрения, т. е., приписывая материи и силам внешнего мира человеческие качества. Относительно своего метода Маркс сам высказывается достаточно определенно в том смысле, что этот метод есть диалектический, который не только отличается от метода Гегеля, но даже вполне противоположен с ним (см. «Послесловие» ко второму изданию «Капитала»). Для Гегеля процесс мысли, говорит он, который Гегель даже превращает под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительности, образующий только внешнее проявление означенного субъекта. Для Маркса же, наоборот, самая идея есть не что иное, как пересаживаемая в человеческую голову и переведенная здесь материальная действительность. Та мистификация, которой подвергается диалектический метод Гегеля, несколько не препятствует тому, что он первый представил подробно и сознательно общие формы этого метода. Последний стоит у него на голове. Для открытия рационального зерна под мистической оболочкой необходимо его перевернуть и поставить на ноги. В своей мистической форме диалектика была у немцев модою, потому что имела вид разъяснения действительности. В своем рациональном виде она сердит и наводит

ужас на буржуазию и ее доктринеров-ораторов, потому что она в положительное понимание существующего включает также и понимание его отрицания и необходимой гибели, обнимает каждую осуществившуюся форму в течение движения, т. е. и с ее преходящей стороны, и не дает ничему над собой господствовать, будучи по самой своей сущности, критическою и преобразующею. Исполненное противоречий движение капиталистического общества делает себя для практического буржуа всего поразительнее чувствительным в случаях перемен периодического цикла, пробегаемого новейшею промышленностью, верховный пункт которого—всеобщий кризис. Кризис этот снова на пути вперед (писано в январе 1873 г.), хотя еще только в предварительных стадиях, и, при помощи всесторонности своей сцены, как равно и при помощи интенсивности своего действия, он вбарабанит диалектику даже самым грибам счастья новой священной прусско-германской империи.— Возвращаясь к способу изложения Маркса, мы должны заметить, что способ этот значительно упрощен в этой главе во втором издании и не представляет больше никаких затруднений.

Повторим теперь для большей ясности общий ход аргументации автора о происхождении ценности, о формах ценности и о генезисе денежного обмена в более простой и понятной форме изложения, насколько она нам доступна, при содействии того условия, чтобы мысли автора в ней передавались верно. К этому очерку мы присоединим еще краткое изложение и оценку учения К. Маркса о различных функциях нынешних денег.

На первых ступенях общественно-экономического развития, внутри отдельной, замкнутой общины вся совокупность отношений производителей к своим работам запечатлена характером полнейшей простоты и цельности. Подобная община, как мы знаем, является в одно и то же время и производителем и потребителем своих продуктов, весь разнородный труд ее сочленов имеет назначением удовлетворение ее же собственных потребностей. Понятно, что на этом основании различие между специфически полезным и просто человеческим трудом еще не успевает здесь возникнуть: каждый отдельный вид труда одновременно является для всех и каждого и специфическим и человеческим трудом, и это несмотря на то, что разделение труда в общине уже имеет некоторое значение. Не менее легко понять, что именно поэтому все отношения между членами общины суть непосредственные отношения их работ, помимо всякого вмешательства понятия о предметах, в которых осуществляются эти работы. Но с возникновением и развитием обмена в точках соприкосновения двух общин и, вместе с тем, и разделения труда между общинами, указанные выше отношения подвергаются весьма существенному преобразованию. Прежде всего, по мере упрощения про-

изводительных сил и производства предметов исключительно для обмена, прежнее цельное и простое воззрение общины и отдельных ее членов на свои работы начинает мало-помалу раздваиваться и усложняться. Желая отдать себе отчет в своих потребностях и в средствах к их удовлетворению, при существовании хотя бы и первоначального обмена, община уж не может оставаться при одном своем собственном труде, она необходимо и неизбежно станет думать о последнем не иначе, как *в связи* с чужим трудом, который ей дают в обмен за ее труд. Таким образом уже по одной этой причине, в ее экономических понятиях происходит известная перетасовка. Но это еще не все. С возникновением обмена между различными *продуктами* на место прежних непосредственных отношений между отдельными работами становятся в глазах общины какие-то мистические отношения между самими произведениями работ, материализованные отношения последних. Естественно, что под влиянием этого процесса экономические воззрения общины запутываются и усложняются в сильнейшей степени. Присмотримся, поэтому, поближе к тем изменениям, которые постепенно происходят в них по мере установления и распространения меновых сношений.

Представим себе,—как это и действительно бывает, когда обмен произведений принимает характер мало-мальски постоянный,—что община обменивает одно какое-нибудь *свое* произведение, например воск, на одно *чужое*—соль. Понимание тех отношений, которые возникают в подобном единичном меновом акте, представляет всего больше затруднений. Тут содержится в зародыше вся совокупность дальнейших отношений,—до денежного отношения включительно,—порождаемых развитием обмена. Отсюда можно видеть, что если нам удастся составить себе ясное понятие о тех особенностях, которыми отличается один из первоначальных актов обмена, то тем самым мы урвнем себе путь к дальнейшему анализу.—Известный специальный труд общины, который содержится теперь в ее продукте—воске, теряет *для нее* полезное значение и в то же время становится полезным для посторонних потребителей его, владельцев соли. И, наоборот, полезное значение для общины приобретает специальный труд, содержащийся в соли и предлагаемый в обмен за воск. Но хотя таким образом труд, заключающийся в воске и утратил для общины свой специфический характер, однако же известное значение он сохранил и для нее. Община превосходно знает, что не располагая она трудом полезным для других, то не видать ей и труда чужого, имеющего назначением удовлетворять ее потребности. Поэтому пошедший на изготовление воска труд естественно становится с течением времени в глазах общины трудом отвлеченным, общим, пригодным для нее самой настолько, насколько служит средством для доставления ей полезного труда в продукте другой общины. Легко понять, что с точки зрения общины, дающей в обмен соль, все эти отно-

шения являются в обратном виде. Итак, отныне труд каждой из обменивающихся сторон приобретает двойкий характер: труда отвлеченного, полезного для общества, и труда непосредственного, полезного для индивидуальных личностей этого общества. В значении *конкретного* труда работы, содержащиеся в продуктах наших двух общин, воска и соли, — *не одинаковы*, в значении же отвлеченного труда, они *равны*.

Таковы реальные черты первоначального обмена, служащие основой тех понятий, которые составляются о нем людьми. Но, благодаря вмешательству предполагаемых *вещественных* соотношений между идущими в обмен работами, указанная нами действительность облекается в умах людей в своеобразные фетишистические формы. Внимание вступающих в обмен сторон сосредоточивается не на самом труде, — а на материализации труда — продукте, вследствие того они убеждены, что самый воск меняется на соль, а не специальный труд производителя воска меняется на специальный труд производителя соли. Неудивительно, поэтому, что люди, ведущие обмен, упомянутые характеристические черты труда в его различных положениях переносят на самые продукты. На этом основании община, отчуждающая воск, приписывает этому последнему в его конкретном виде — значение *ценности потребления* по отношению к владельцу соли и называет соль таким же свойством по отношению к себе. По этой же причине она спешит придать своему воску свойство *ценности*, т. е. такое свойство, которое делает воск *равным* себе, пригодным для обмена на нее. До сих пор нам еще нетрудно под маской ценности и ценности потребления признать старых знакомых, труд общечеловеческий и труд полезный. Но дальнейшая перетасовка отношений и понятий сильнее затемняет сущность дела. Ценность воска есть только вещественное наименование потраченного на воск труда. Но воск не только оказывается потенциально пригодным для обмена, он фактически идет в обмен за соль. При этом ценность воска естественно является уже не в абсолютном виде, а в виде менового *отношения* двух продуктов, *меновую ценность* продукта воска, выраженною в *ценности потребления* продукта соли, в числе пудов и фунтов последнего. Но несмотря на это изменение в понятии ценности, она и в этом новом виде считается владельцем воска за *свойство* самого отчуждаемого им продукта. И вместе с тем, по мнению владельца воска, предполагаемые *отношения* его ценности и ценности потребления к продукту или к его владельцу, являются не чем иным, как объективным атрибутом, служащим для характеристики продукта воска. Являясь обладателем двух предполагаемых свойств, меновой ценности и ценности потребления для других, — воск получает значение *товара*.

Мы предполагали до сих пор, что взаимные отношения двух обменивающихся общин, хотя и противоположны между собою, но в то же время сходны во всех существенных чертах. Говоря

несколько иначе, мы допускали, что каждая община приписывает одни и те же свойства своему товару, в отличие от тех, какие продает чужому. По отношению к изучаемому нами единичному первоначальному обмену, предположение наше совершенно справедливо. Между отдельными владельцами товаров здесь только и существует то различие, что они придают одному и тому же товару, смотря по принадлежности его, противоположное значение. Но впоследствии дело принимает иной характер, а именно взаимные отношения контрагентов по поводу меняемых предметов становятся не одинаковы и даже не исключаются одно другим. Чтобы отдать себе отчет в этом процессе, присмотримся внимательнее к тем воззрениям, какие возникают по операции первоначального обмена в уме одной из наших меняющихся сторон, покамест все равно, какой.

Если смотреть на дело с точки зрения владельца воска, то воску очевидно будет принадлежать активная, а соли пассивная роль в меновом акте. Воск изображает свою ценность в соли, а соль является не более, как материалом для этой операции ума. Соль представляется в известном *количественном* смысле чем-то равным воску и только потому берется за него в обмен. Для разъяснения этого можно прибегнуть к следующему примеру. Голова сахара имеет тяжесть или вес, но определить этот вес *безотносительно* не представляется возможности. Для этого берутся различные куски железа, вес которых заранее определен и принимается за единицу. Чтобы выразить голову сахара, как тяжесть или вес, мы ставим сахар в *весовое отношение* к железу. В этом отношении железо играет роль тела, которое не отличается *никакими другими свойствами*, кроме веса. Поэтому количество железа служит весовой мерою сахара, изображением тяжести последнего. Если бы тяжесть не была общим свойством той и другой вещи, то между ними не могло бы быть такого отношения, и железо не могло бы тогда служить изображением веса сахара. Если мы положим обе вещи на чашки весов, то мы действительно увидим, что в смысле тяжести они *одно и то же* и потому в известной пропорции бывают также равного веса. Совершенно так же, как здесь железо выражает по отношению к голове сахара *только вес*, так в нашем меновом уравнении соль является по отношению к воску *только ценностью*, которой и служит выражением.

Итак, мы видим теперь ясно, что положение двух обмениваемых вещей в глазах владельца воска является существенно различным. Инициатива для него исходит от воска, тогда как соли придается второстепенное значение. Но подобное различие между двумя предметами вначале бывает чисто случайно. Если бы, вместо соли, на воск выменивались ножи, копыя или ткани, то каждый из этих предметов безразлично служил бы для изображения меновой ценности соли, оказывался бы равным с нею по отношению к свойству ценности. Не менее понятно,

что при замещении воска солью или каким-нибудь другим одним предметом, на первом плане находится их качественное сходство, как ценностей, а не количественное отношение между ними. Так точно прежде, чем взвешивать какое-нибудь тело и приводить в известность его вес, необходимо убедиться в том, что тело, предназначаемое для изображения веса, само имеет вес.

Но вот в обмен за воск уже начинает предлагаться не одна лишь соль, как прежде, а множество других товаров,—копья, стрелы, гамаки, волчьи шкуры и браслеты. Спрашивается, как изменяются при этом предполагаемые отношения воска? Теперь особенности положения воска будут повторены большое число раз. По отношению к владельцу воска его товар выражает теперь свою ценность либо в соли, либо в копьях, либо в стрелах и т. п. В первом случае определенное количественное отношение между воском и солью, как, например, между 1 пудом воска и 20 пудами соли могло еще казаться фактом более или менее случайным. Во втором случае это не так. Здесь ценность воска остается одинаковой по величине, все равно, выражается ли она в соли, в копьях, в стрелах и т. д. Случайное отношение двух индивидуальных владельцев товара исчезает. Становится очевидным, что *не обмен определяет размер ценности товара, а наоборот, размер ценности товара регулирует его меновые отношения*. Но это еще не все. В первом случае соль являлась материалом для изображения ценности воска, или что одно и то же, труда, принявшего вид воска. Таким образом труд, содержащийся в воске, был приравнен к труду, заключенному в соли, как однородный с ним человеческий труд. Но это приравнение было еще довольно смутно. Работа, заключенная в воске, приравнивалась при этом *только* работе, содержащейся в соли. Иначе во *втором* случае. Здесь труд, истраченный на изготовление воска, вступает в отношение с бесконечным множеством специально полезных работ, заключающихся в других товарах. Следовательно, в этом случае ценность воска впервые является действительной материализацией человеческого труда вообще.

Мы знаем, что различие положений двух меняющихся сторон в первом случае существенного значения не имело. Но с появлением множества товаров, предлагаемых в обмен за воск, порядок дела изменяется. Чтобы понять, в чем заключается такое изменение, перенесемся на точку зрения владельцев копий, стрел, браслетов и т. п. Для каждого из них один и тот же товар воск—служит изображением ценности их специального товара. В таких пределах отношение их к воску такое же, какое было бы у владельца соли. Но дело в том, что теперь воск является уже не единичным, а общим изображением ценности для всех товаров. На этом основании между всеми прочими товарами возникает теперь качественное сходство, которое дает возможность проводить между ними известное сравнение. Все товары являются теперь под видом ценностей

и продолжают различаться только с количественной стороны.

Во втором случае отношение воска к другим товарам было таково, что последние являлись в виде особого изображения, содержащегося в нем труда. Каждый из товаров равнялся воску порознь, служил особенным эквивалентом для него. Но в *третьем* случае *один* товар является эквивалентом для всех прочих, приобретает объединительное значение по отношению к ним. Это совершенно все равно, как если бы рядом со львами, тиграми, зайцами и всеми другими действительно существующими животными, которые группируются в различные роды, виды, разновидности, семейства, существовало бы еще животное, — индивидуальная материализация всего царства животных. Таким-то образом тот специальный труд, который заключается в воске, приобретает теперь значение человеческого или общего труда, объединителя различных видов человеческой работы.

С тех пор становится несколько не безразличным то обстоятельство, — воск ли или какой-нибудь другой товар скажется всеобщим изображением ценности. Значение объединителя приписывается исключительно какому-нибудь *одному*, определенному труду. И наоборот, значение специального труда, которому предстоит еще объединиться с другими видами последнего, предоставляется на долю всех работ, кроме одной работы. Меняться этими двумя значениями, смотря по принадлежности и положению товара и труда, становится уже невозможно. Мало этого. Мы видим, что, относя различные товары к одному владельцу, владельцы их приобретают этим способ и для взаимного сравнения своих товаров. Но отношение между этими товарами, как между равными по ценности, осуществляется только указанным окольным путем. Поэтому товары не могут вымениваться один на другой *непосредственно*, их можно замещать один другим при помощи исключительно товара-объединителя. Напротив, товар-объединитель в отличие от всех других товаров приобретает свойство обмениваться *непосредственно* на что угодно*. Эти взаимные положения всех товаров и одного товара естественно исключают одно другое, — какой-нибудь один товар обменивается *непосредственно* лишь потому и настолько, почему и насколько все другие товары обмениваются лишь *посредственно*. В действительности вовсе не заметно, чтобы свойство одного товара непосредственно сливалось с противоположным свойством всех других товаров меняться лишь посредственно настолько же нераздельно, как немислим положительный полюс магнита без отрицательного. Поэтому

* «Все можно купить за деньги», «все мое, сказала золото», вот как отражается в умах людей возведение ими самими одного товара в деспотическое начальство над всеми другими, о котором, скажем кстати, большинство экономистов, считающее деньги почти за ничто, абсолютно лишено всякого понятия. — *Лет.*

можно вообразить, как это и делали многие писатели, что есть возможность сообщить всем товарам способность к непосредственному обмену, совершенно так же, как можно вообразить возможность превращения всех рабочих в капиталистов или всех подданных в короля. На самом деле нельзя достигнуть ни того, ни другого. Превращение всех рабочих в капиталистов означало бы не больше, как уничтожение категории рабочих и категории капиталистов. Непосредственный обмен товаров мог бы водвориться не прежде, как по уничтожении категории товаров и категории денег, а следовательно и производства тех и других. Под влиянием разделения в обществе труда ни одна частная работа не носит непосредственно общечеловеческого, общественного характера. Чтобы приобрести этот характер, чтобы принести взамен себя другую, отличную полезную работу, все частные работы должны приравняться к одному исключительному виду частного труда, в нашем примере труда изготовителя воска. Через это последний становится непосредственно общественным трудом, непосредственно общественной полезностью*. С той точки зрения, на которой мы находимся в настоящую минуту, товар-объединитель не принял еще окончательного вида. В *первом* случае и воск и соль служили взаимно для изображения ценности, смотря по положению обменивающихся сторон. Значение единицы для сравнения имело здесь характер чисто субъективный. Во *втором* случае, по отношению к воску, в положении подобных единиц находится бесчисленное множество других товаров. Но и здесь заметна значительная субъективность. Владелец воска сам исключает все товары, чтобы они служили материалом для выражения ценности его товара. В *третьем* случае один товар воск исключается из среды всех товаров и становится объединителем их ценности. Выключение представляет здесь процесс, независимый от одного владельца, говоря иначе, процесс объективный. Поэтому в историческом развитии обмена товаров роль товара-объединителя может попеременно придаваться то одному товару, то другому. Но ни один товар не может играть роли действительного всеобщего объединителя, если включение его не представляет результата объективного общественного процесса.

Продукты частного труда не могут функционировать в меновом процессе в качестве товаров, если они не представляют выражений того же одинакового человеческого труда. А для

* Та же мысль, только иными словами, была превосходно выражена Кирхманом в его письмах к Родбертусу (см. Rodbertus-Jagetzow «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», S. 21): «Деньги суть товар, который может *купить* все другие товары; каждый другой товар не может этого. Поэтому способность потребления, покупательная сила достигнута лишь на половину при помощи собственных продуктов; другое, равно необходимое условие для этого то, чтобы эти продукты *предварительно* были проданы. В этом втором условии заключается в настоящее время далеко больше трудностей, чем в первом и это-то просмотрел Сай».

этого необходимо, чтобы выключение ограничилось одним каким-либо специальным родом труда. Только с этого момента отношения к нему частных работ приобретают объективную стойкость и всеобщее общественное значение. Тогда специальный род товара делается *денежным товаром* или играет роль денег. Эта роль, т. е. роль всеобщего товара, товара-объединителя, делается его специальной общественной функцией, его общественной монополией. Это привилегированное место среди товаров завоевал себе историческим путем определенный товар, *золото*. Но золото только на том основании приобретает значение денег по отношению к другим товарам, что оно прежде было по отношению к ним простым товаром. Подобно всем другим товарам оно играло роль изображения их ценности, сначала единично (*первый случай*), впоследствии рядом со множеством товаров (*второй случай*) и наконец под видом всеобщего товара (*третий случай*).

Итак, мы видим, что в единичном акте содержится в зародыше понятие денег, как всеобщего товара, и что выключение денег и предоставление им особой роли, качественно отличной от других товаров, есть ничто иное, как процесс *генетического развития обмена*.]⁶⁸

[Из всего только что сказанного само собою следует, что деньги составляют вполне необходимый и неизбежный фактор менового процесса товаров. Товар необходимо должен быть сперва обменен на деньги, а потом уже, в этом новом его мундире, владелец может обменивать его на какой угодно новый товар, — потому что он представляет собою вещь двойственную, продукт конкретного полезного труда и в то же время продукт еще *не признанного* общественного труда. Чтобы труд последнего рода получил всеобщее признание, товар необходимо метаморфозировать, необходимо заменить его деньгами, продать его. Раз это сделано, раз товар превращается обменом в деньги — тогда и только тогда он годен для общества и может в новом своем виде меняться на всякий другой товар.

На первых порах развития меновых сношений, как мы уже упоминали, роль *всеобщего товара* приписывается то одному, то другому товару. Задача является одновременно со средствами ее разрешения. Сношения, которые побуждают владельцев товара выменивать свой собственный товар на другие товары, а, следовательно, и сравнивать его с ними, никогда не совершаются без того, чтобы различные товары различных владельцев не выменивались бы в сфере их сношений на один и тот же третий род товара. Такой третий товар, делаясь объединителем для других товаров, приобретает временное и местное значение денег. Впоследствии эта роль предоставляется какому-нибудь особенному роду товаров, который и делается деньгами, в обширном смысле слова. Всего обыкновеннее денежные свойства придаются важнейшим предметам ввоза или вывоза, например,

домашнему скоту, иногда даже рабам. В конце концов деньгами становятся драгоценные металлы, которые, в силу некоторых особенных свойств, являются, так сказать, естественными деньгами. Важнейшие из этих свойств суть—однородность состава и дробимость. Первое свойство важно потому, что для материализации общечеловеческого и потому одинакового труда необходимо вещество, все образчики которого одинаковы по качеству. Значение второго свойства станет ясно, если обратить внимание на то, что количественные отношения ценностей крайне многочисленны, следовательно и денежный товар должен быть по произволу делим и вновь составляем из своих частей*.

Так как деньги представляют собою такой же товар, как и все прочие и подобно прочим товарам, производится трудом, то меновой процесс, в который они входят, не придает им наново так называемого свойства ценности (элементами этого свойства они обладают при самом входе в меновой процесс)—а только специфическую форму ценности. Смешение этих двух вещей повело к тому, что некоторые писатели считали ценность золота и серебра воображаемой или условною. Так, например, мы встречаем у Локке мнение, что, будучи пригодным для функции денег, серебро приобрело воображаемую ценность под влиянием общего соглашения людей. Сверх того, так как деньги для известных отправлений могут быть заменяемы простыми знаками, то отсюда возникла дальнейшая ошибка,—их и вообще стали признавать не более, как знаками (de Forbonnais, Montesquieu и средневековые юристы, потворствовавшие праву королевской власти на подделку монеты). Но ведь в подобном смысле каждый товар может считаться знаком, потому что в качестве ценности он есть не что иное, как материализация потраченного на него труда. Если же понимать под знаком простой, рефлексивный продукт человека, то ни один товар не может назваться знаком.

* Остальные свойства драгоценных металлов, наилучшим образом служащие к приспособлению их для различных денежных функций, суть следующие: незначительность объема в соединении с большою ценностью облегчает перемещение металлических денег не только из рук в руки, но и из страны в страну. Высокое специфическое достоинство, прочность, неразрушимость, неокисляемость делают эти металлы особенно пригодными для накопления в виде сокровищ. Мягкость золота и серебра, не говоря уже об их редкости, делают их негодными для таких изделий, какие изготовляются из железа и меди. Столь же не нужны они в качестве предмета существования, потребления. Всякое их количество может, поэтому, войти в обращение, не нарушая процессов непосредственного потребления и производства. Кроме того, золото и серебро—предметы роскоши, благодаря своей красоте, блеску и пр. и вследствие того являются естественною формою для излишков богатства. Наконец, способность золота и серебра переходить из формы монеты в форму слитка и предметов роскоши превосходно соответствует необходимости в непрерывных колебаниях количества денег, смотря по состоянию цен, быстроте обращения и т. д. Если затем упомянуть о более постоянной ценности золота и серебра, то этим будут исчерпаны все существенные свойства этих металлов, служащие различным денежным функциям.

Меновое отношение или ценность денег в сравнении с другими товарами определяется, подобно всем прочим товарам, содержащимся в них рабочим временем. Установление этого отношения совершается на месте производства золота—в непосредственной меновой торговле. Когда золото вступает в процесс мены в качестве денег, ценность его уже определена*.

Так как люди выражают золотом относительную ценность товаров, то, поэтому, золоту принадлежит, кроме функции всеобщего товара, еще особая роль—*меры ценности*. Но не следует забывать, что ценность товаров измеряется и независимо от денег тем рабочим временем, которое содержится в них, и если может измеряться каким-нибудь третьим товаром—деньгами, то единственно благодаря тому, что в них самих заключается рабочее время. В качестве меры ценности деньги представляют собою не более, как своеобразную *форму* для материализации внутренней меры ценности других товаров, а именно, рабочего времени. Но деньги не могут представлять собою рабочего времени *непосредственно*, например, ассигнация не может изображать известного числа рабочих часов, потому что, при существовании производства товаров, все продукты труда должны являться в виде товаров, т. е. попеременно принимать форму и денег, и прочих товаров. Стать деньгами подобной ассигнации точно так же невозможно, как невозможно в новейшей промышленной системе полезному труду иметь непосредственную пригодность для общества, приходиться в прямое соприкосновение с другими частными работами, подобно работе сообщника, члена семейства или производительной ассоциации. Так называемые «рабочие деньги» Оуэна, изображавшие известное число рабочих часов, на самом деле совсем не деньги, а скорее напоминают собою билет на театральное представление. Ошибка Оуэна при установлении этих денег именно в том и состояла, что он приписывал непосредственную пригодность для общества специальным работам отдельных производителей товаров, и таким образом думал совместить два диаметрально противоположных способа общественного производства. Рабочее свидетельство может указывать только на индивидуальное участие отдельного производителя в общей работе, и его индивидуальное право потребить определенную часть общего продукта, но, отсюда еще очень далеко подобному свидетельству до общественного значения, которое приписывал ему Оуэн**.

* Теперь мы снова возвратимся к К. Марксу и рассмотрим его теорию генетического развития отдельных денежных функций.

** Учение о рабочем времени, как о непосредственной единице денежной меры, говорит Маркс («Zur Kritik etc.», S. 61), развито в первый раз систематически Дэсоном Гроном, автором следующих двух сочинений: «The Social System», Edinb. 1831, и «Lectures on the Nature and Use of Money», Edinb. 1848.

То, что называется обыкновенно *ценою* товара, есть относительное выражение ценности товара в деньгах. Цену имеют в этом смысле все товары, за исключением одних денег, потому что для денег не существует такого же общего товара, как и они сами.

К изменениям цен товаров применяются все те же законы, которые действуют при обмене одного на другой всяких иных товаров. Цены товаров вообще возвышаются в двух случаях: во-первых, от возвышения ценности товаров, т. е. от увеличения содержащегося в них рабочего времени, при неизменной ценности денег; во-вторых, от понижения ценности денег, т. е. от уменьшения заключающегося в них рабочего времени, при неизменной ценности товаров. Точно так же и наоборот, цены товаров могут вообще падать, при постоянной ценности денег, от уменьшения ценности товаров, при постоянной же ценности товаров, только от возвышения ценности денег.

Как только все ценности товаров получили выражение в золоте, то они превращаются в *одноименные* величины—величины золота. Различные количества золота сравниваются между собою и измеряются при помощи какого-нибудь постоянного количества золота—*единицы* меры. Дальнейшее деление на части превращает эту единицу меры в *масштаб*. Подобные мас-

По плану этого писателя, количества рабочего времени, затраченные на производство различных товаров, должны приводиться в известность центральным национальным банком, при помощи подчиненных ему второстепенных банков. В обмен за товар производитель получает официальное удостоверение его ценности, или расписку в получении такого количества рабочего времени, сколько содержится в его товаре, и эти банковые билеты в одну рабочую неделю, в один рабочий день, в один рабочий час дают в то же время владельцу право на получение эквивалента во всяких других товарах, сложенных в кладовые банка. Таково основное начало *Грэй*, заботливо проведенное им в частностях и повсюду поставленное в связь с существующими английскими учреждениями. «При такой системе», говорит *Грэй*, «стало бы столь же легко продавать за деньги, как легко теперь покупать на деньги», «драгоценные металлы потеряли бы свою привилегию над другими товарами и заняли бы соответствующее им место на рынке, наряду, с маслом, яйцами, сукном и коленивором», и «ценность их интересовала бы нас не более, чем ценность алмазов»; «следует ли нам», продолжает *Грэй*, «удерживать в силе свою воображаемую меру ценности—золота, и сновывать таким образом производительные силы страны, или же нам необходимо обратиться к естественной мере ценности—труду и освободить производительные силы страны?» *Грэй*, говорит Маркс, предположил разрешить следующий ряд вопросов: так, как рабочее время есть внутреннее мерило меновых отношений товаров, то для чего существует рядом с ним еще другое внешнее мерило—деньги? В силу каких причин меновая ценность товаров развивается в их цену, т. е. в денежное выражение менового отношения? Почему ценность всех товаров определяется одним товаром—деньгами? Но, вместо того, чтобы заняться обсуждением всех этих вопросов, *Грэй* предпочел вообразить себе, что товары могут относиться один к другому и непосредственно, как продукты общественного труда. В действительности товар—это произведение отдельных и независимых частных работ, которые приобретают годность для общества только путем отчуждения или частного обмена. Говоря иначе, при существовании новей-

штабы для золота, серебра и меди представляют различные системы разделения веса. Но с течением времени денежные названия различных частей весовых подразделений расходятся мало-помалу с первоначальными весовыми названиями. Явление это происходит, главным образом, под влиянием трех следующих обстоятельств: 1) введения в обращение иностранных монет, названия которых отличны от туземных весовых названий, — например, в древнем Риме золотые и серебряные монеты обращались сначала, как иноземный товар; 2) вытеснения, с развитием богатства, более благородным металлом менее благородного, — меди серебром, серебра золотом, так, например, фунт было денежное название действительного фунта серебра, а по введении золота, стало придаваться какой-нибудь $\frac{1}{15}$ фунта золота; 3) подделки денег владетельными особами. Когда денежная система подвергается окончательному регулированию, государственная власть назначает известное количество металла, например, одну унцию золота единицею металлического веса и подразделяет ее на доли с произвольными названиями — фунта

шей индустриальной системы, труд делается общественным, только благодаря повсеместному и всеобщему отчуждению частных работ. Предполагая взаимное, что содержащееся в товарах рабочее время может сравниться непосредственно с тем рабочим временем, которое содержится в других товарах, Грэй в действительности считает его *общинным* рабочим временем, или рабочим временем отдельных лиц, находящихся в непосредственной ассоциации. При таких условиях специфический товар — деньги, разумеется, не относился бы к другим товарам, как материализация общечеловеческого труда, меновая ценность товаров не превращалась бы в цену, но зато и произведение перестали бы быть товарами, и тем была бы уничтожена основа буржуазной продукции. Но этого последнего Грэй очевидно не желает. По его мнению, условия *производства* товаров должны сохраниться, и следует озаботиться только о том, чтобы произведения *обменивались иначе*, чем следует обмениваться *товарам*. Выполнение этого скромного желания Грэй возлагает на национальный банк. С его точки зрения, общество имеет возможность, при посредстве банка, поставить частных лиц в независимость от условий частного обмена, и в то же время оно предоставляет им продолжать производство именно на этой основе. Непоследовательность этого воззрения совершенно очевидна. Вся теория Грэя сводится на предположение, что каждый товар есть деньги. «Органическая» конструкция рабочих денег «национального банка» и «товарного склада» есть не более как сновидение, в котором теории эта получает воображаемое значение господствующего над миром закона. Но не подлежит сомнению, что догма, по которой каждый товар является деньгами, не осуществляется от одного того, что в нее верит банк и действует согласно ей. То, чего не договаривает Грэй, и что остается тайною для него самого, именно, что рабочие деньги суть не более, как экономическая фраза, обозначающая скромное желание уничтожить деньги, с деньгами меновую ценность, с меновую ценностью товар, с товаром буржуазную форму производства, — высказывается напрямик некоторыми английскими социалистами, писавшими, частью, до Грэя, частью, после него (см., например, Thompson «An Inquiry into the Distribution of Wealth etc.», Lond. 1827, и Bray «Labour's Wrongs and Labour's Remedy», Leeds 1839). Но только на долю Прудона и его школы выпало серьезно провозгласить деградацию денег ядром социализма и таким образом разрешить социализм в элементарное непонимание необходимой связи между товаром и деньгами.

стерлингов, талера и пр. Такая часть делится далее и далее, например, на шиллинги, пейсы и пр. Но, хотя таким образом денежные наименования и перестают совпадать с названиями отдельных частей веса, но масштаб металлических денег продолжает оставаться определенный *вес* металла.

Раз, что все товары определяют свои ценности золотом, и последнее является мерилom ценностей, естественно, что весовые подразделения или масштаб золота становятся вместе с тем и масштабом цен. В силу того же обстоятельства, что $\frac{1}{15}$ часть золота *вдвое* дороже $\frac{1}{30}$, и цена того товара, за который дают $\frac{1}{15}$ часть золота, окажется *вдвое* выше цены другого товара, за который уплачивают $\frac{1}{30}$ часть золота. Но это совпадение двух ролей мерила ценностей и масштаба цен вовсе не должно вести к заключению, что эти два понятия тождественны. Масштаб цен измеряет только различные количества золота по одному определенному количеству золота, а не измеряет ценности одного количества золота весом другого. Мерилom же ценности служит рабочее время, заключающееся в различных весовых подразделениях металла. До какой степени существенно различие между этими двумя вещами, можно видеть из того, что как бы ни изменялась ценность золота, но *отношения* его различных весовых частей все-таки остаются одни и те же—один фунт золота все же продолжает оставаться вдвое дороже, чем полфунта. Таким же образом не зависят отношения весовых частей и от того, какое название захочет придать им законодательная власть. С другой стороны, изменение ценности самого золота, т. е. уменьшение содержащегося в нем труда, не мешает ему служить мерою ценности, потому что простирается одинаково на все товары, следовательно, *alteris paribus*, оставляет без перемены их относительные ценности.⁶⁹

[Перейдем теперь к дальнейшей функции денег служить *орудием обращения*. Меновой процесс товара состоит из двух противоположных одна другой фаз—превращения товара в деньги и денег в другой товар. Формула этого процесса есть, следовательно, $T-D-T$, и в окончательном результате $T-T$ —мена одного товара на другой, обмен общественного труда, в результате которого угасает и самый процесс. Первая фаза процесса— $T-D$ есть продажа с точки зрения владельца товара и покупка товара с точки зрения владельца денег. Продажа, например, холста есть в то же время его покупка. Продажею холста начинается движение, оканчивающееся, затем, покупкою библии—холст—деньги—библия. Покупкою же холста, наоборот, оканчивается другое самостоятельное движение, начавшееся продажей, например, пшеницы—пшеница—деньги—холст. Таким образом первая фаза движения какого-нибудь товара,— в данном случае холста,—т. е. превращение его из товара в деньги, есть всегда в то же время вторая противоположная фаза движения другого товара,— в данном случае пшеницы,—

превращение его из денег в товар. Подобно этому—вторая фаза движения—*T—D*—есть покупка с точки зрения владельца денег, иными словами, вторая фаза движения одного товара есть в то же время первая фаза движения другого товара. Покупкой библии владелец холста заключает весь процесс обмена для себя, но продавец библии превращает полученные за нее деньги в другой товар, например, в сукно. Но так как производитель доставляет на рынок только один какой-нибудь продукт, то продает он его в больших массах, между тем, как вырученную цену он раздробляет на множество покупок для удовлетворения своих многосторонних потребностей. Таким образом *одна* продажа примыкает ко *множеству* покупок различных товаров, и заключительная фаза менового процесса одного товара образует собою *сумму* вступительных фаз других товаров.

Указанные противоположные превращения товара отражаются в двух противоположных экономических положениях владельца товаров. В качестве действующего лица в продаже он *продавец*, соответствующий другому *покупателю*, но как действующее лицо в покупке он *покупатель*, соответствующий другому *продавцу*. Итак, роли того и другого не постоянные, но беспрестанно меняющиеся действующих лиц в меновом процессе товаров.

Денежный обмен не только формально, но и существенно отличается от непосредственной мены произведений. Так, например, в приведенном выше примере ткач холста несомненно обменял в конце концов свой холст на библию, но это явление таково только для него. Продавец библии и не думал менять библию на холст, точно так же, как и ткач ничего не знает о том, что пшеница была обменена на его холст. С развитием денежного обмена, замещение одного товара другим переходит, следовательно, за индивидуальные и местные пределы непосредственной мены продуктов, и возникает круговорот человеческого труда. Независимо от этого развивается целый ряд естественно-общественных связей, которые не состоят под контролем действующих лиц. Ткач может продать свой холст только потому, что крестьянин *продал уже* пшеницу, владелец библии может продать ее только потому, что ткач *уже продал* холст и т. д., и в то же время никто из них не знает, какие именно товары продает другой за те деньги, которые потом обращаются на покупку. Сверх того, процесс денежного обмена не заключается, как в непосредственной мене, переходом из рук в руки двух предметов потребления. Один из трех товаров—деньги—не исчезает из обращения, а постоянно становится на места товаров.

Нет поэтому догмата более нелепого, как тот, что обращение товаров само обуславливает равновесие продажи и покупки,—на том будто бы основании, что каждая продажа обу-

сдвливает собою покупку и обратно*. Этим желают доказать, что появление на рынке продавца тождественно с появлением на нем и покупателя. Но ведь продажа и покупка — одно и то же только для двух лиц вместе, для одного и того же они противоположны. Так как первая половина процесса обращения есть одновременно и покупка, и продажа, то этот частный процесс отличается самостоятельностью. Понятно, что никто не может продать, если другой не покупает. Но никому нет надобности непосредственно совершать покупку только потому, что он сам продал. Тем-то именно и разрывает денежный обмен индивидуальные и временные границы мены продуктов, что он раскалывает одну нераздельную сделку на две самостоятельные.

Каждый товар на первом же шагу своем в обращении, после первой же своей перемены формы, уже выходит вон из обращения, потребляется, между тем, как новый товар постоянно вступает в него. Что касается денег, то, служа орудием обращения, деньги постоянно пребывают в нем, постоянно переходят из рук одного владельца товаров в руки другого. Интересно поэтому узнать, сколько денег поглощается сферою обращения?

Прежде всего необходимо заметить, что количество орудия обращения определяется суммою цен товаров, которые продаются в одно и то же время. Если продается в данный день товаров на 1 000 рублей, то именно на эту сумму должно простирается количество орудия обращения. Но так как при отсутствии перемен в ценностях товаров цены их будут то больше, то меньше, смотря по ценности самого денежного материала, то при таком изменении суммы цен товаров должно соответственно изменяться и самое количество обращающихся денег. В этом случае изменение в потребном количестве денег зависит не от функции их служить орудием обращения, а от функции их, как *меры ценности*. Феномен этот происходит таким образом, что сначала цена товаров изменяется в обратном отношении с ценностью денег, а затем изменяется количество орудия обращения в прямом уже отношении с ценами. Так, например, если бы вследствие удешевления производства золота, оно стало

* Маркс имеет здесь в виду Джемса Милля и Ж. Б. Сэя, которые полагали, что между продавцами и покупателями должно существовать равновесие. Этим думали они опровергнуть возможность излишнего производства, как причины экономических кризисов. Упомянутое равновесие между покупателями и продавцами происходит, например, по мнению Джемса Милля, оттого, что кто предлагает товар на продажу, тот тем самым является покупателем на продаваемый товар: он покупатель потому, что он продавец. Если, поэтому, существует больше продавцов, чем покупателей на один товар, то тем самым на другой существует больше покупателей, чем продавцов. Ясное дело, что подобное призрачное равновесие получается у Джемса Милля оттого, что он денежный обмен превращает в непосредственный. «В такие моменты (Marx «Zur Kritik»), какие случались во время торгового кризиса 1857—58 г., в Лондоне и в Гамбурге было действительно больше покупателей, чем продавцов на один товар — деньги, и больше продавцов, чем покупателей, на все другие товары».

бы содержать в себе меньше, чем прежде рабочего времени, то, ради сохранения менового равновесия, это отозвалось прежде всего на возвышении цен товаров, а, вслед затем, для пополнения недостающего при новой ценности количества золота, стало бы увеличиваться и это последнее. Если бы, наоборот, золото стало добываться с большим расходом человеческой силы, то непосредственным следствием этого было бы опять-таки, для сохранения равновесия в количествах обмениваемого труда, понижение цен товаров, а после этого уменьшилось бы на всю долю, ставшую теперь излишнею, и прежнее количество золота. Перемена цен товаров обнаруживается прежде всего в подобных случаях на месте производства благородных металлов, в непосредственной торговле. Цены всех прочих товаров выравниваются лишь постепенно, сообразно новым ценностям золота и серебра, пока наконец все товары не приспособятся к ним. Этот процесс выравнивания цен *сопровождается* непрерывным возрастанием благородных металлов, втекающих в сферу обращения взамен товаров, которые прямо на них вымениваются. Напротив, одностороннее наблюдение фактов, следовавших за открытием новых рудников, повело в XVII и особенно в XVIII столетии к ложному заключению, что появление в обращении большего количества золота и серебра было *причиной*, а не последствием возвышения цен на товар*.

Итак, количество орудия обращения зависит от суммы цен товаров. Если известны как ценность золота, так и цена каждого товара, то сумма цен товаров будет зависеть от количества обращающихся товаров, иными словами, если 1 квартал пшеницы стоит 2 ф. ст., то 100 кварталов будут стоить 200 ф., 200 кварталов—400 ф. и т. д. Положим, что совершается несколько *одновременных* продаж, например, продаются 1 квартал пшеницы, 20 аршин холста, 1 библия и 4 аршина сукна. Если цена каждого товара будет равна 2 ф. ст. и сумма реализующихся цен составит 8 ф., то в обращение должно поступить 8 ф. ст. денег. Но если все эти продайки представляют собою части известного нам ряда *последовательных* движений товаров, а именно 1 квартал пшеницы—2 ф. ст., 20 аршин сукна—2 ф. ст., 1 библия—2 ф. ст., 4 аршина сукна—2 ф. ст., то очевидно, что все операции обращения этих товаров выполнит одна и та же

* Любопытно, до какой степени упорно держатся подобные предрассудки: в течение новейшего спора о причинах обесценения серебра беспрерывно и притом авторитетами, признаваемыми за важнейшие, высказывается мысль, что упадок ценности этого металла и, следовательно, повышение выраженных в нем цен имеет одну из главных причин увеличения количества производимого серебра, начиная с 1848 г. А. между тем, не говоря о теоретических работах, исследованиями Тука и Ньюмарча давно уже, на основании самой истории цен, доказано, что не цены зависят от количества денег, находящегося в обращении, а самое количество денег зависит от цен, говоря иначе, от издержек производства товаров, обменивающихся в данное время на деньги.—*Лет.*

сумма денег в 2 ф. ст., совершающая четыре оборота. Так как фазы этого процесса не могут совершаться рядом в пространстве, а должны следовать одна за другою во времени, то промежутки времени составляют меру продолжительности этих фаз, или, что одно и то же, числом оборотов одной и той же монеты в данное время измеряется быстрота денежного обращения. Так, если, например, суммы цен, которые реализуются в течение одного дня = 8 ф. ст., а число оборотов в то же время будет четыре, то количество обращающихся денег = 2 ф. ст., или же, говоря вообще, количество денег, обращающихся в данное время, равняется сумме цен товаров, разделенной на число оборотов одной монеты. На этом основании увеличение числа оборотов денег влечет за собою уменьшение их количества и, наоборот, чем меньше будет оборотов, тем больше нужно будет денег. Само собою разумеется, что не все экземпляры монеты делают одинаковое число оборотов, — один какой-нибудь может, например, сделать всего один оборот, но так как, вследствие этого, он быстрее обращается другой, то общее количество всех находящихся в данное время в обращении денег определяется *средним* числом оборотов одной монеты или *среднею* быстротою денежного обращения.

Все три фактора, содействием которых определяется количество орудия обращения, а именно, движение цен, количество обращающихся товаров и быстрота денежных оборотов, могут изменяться в различных направлениях и отношениях, а потому и количество орудия обращения может подчиняться различным комбинациям. Так, например, при существовании постоянных цен на товары, количество орудия обращения может возрасти или от увеличения количества товаров, или от уменьшения быстроты обращения денег, или же от совместного действия обеих этих причин. Количество орудия обращения может, наоборот, убывать при убывающем количестве товаров или при возрастающей быстроте обращения. Из вычисления тех же самых элементов определяется количество орудий обращения при общем возрастании и при общем упадке цен товаров. Наконец, вариации различных факторов могут взаимно уничтожить одни другие, а потому в продолжительные периоды количество денег, обращающееся в стране, придерживается гораздо более постоянного уровня, чем можно было бы, повидимому, ожидать. Только что изложенный закон, в силу которого количество орудия обращения определяется суммою цен товаров и среднею быстротою обращения, может быть выражен и несколько иначе, а именно, что при данной сумме ценностей товаров и при данной средней быстроте их метаморфоз, количество денег зависит от собственной ценности последних. Некоторые писатели пришли, напротив, к ошибочному выводу, что самые цены товаров определяются количеством орудия обращения, и это последнее в свою очередь определяется количеством всего денежного материала, *находя-*

цегося в стране. Воззрение это основывалось на том ложном предположении, что цена товаров и ценность денег устанавливаются уже тогда, когда и товары, и деньги вошли в обращение, и в нем встречаются одни с другими. На самом деле элементы, определяющие цену товаров и ценность денег, состоят налицо еще до появления тех и других в обращении, а именно, вслед за окончанием их производства, когда приводится в известность количество рабочего времени, которое на них потрачено. В обращении цены товаров и ценность денег не определяются, а только реализуются; из области более или менее основательных расчетов и догадок переходят в действительность путем денежного обмена. Понятно, таким образом, что не цены товаров зависят от количества орудия обращения, а наоборот, само количество этого последнего зависит от цен товаров, соответствующих ценностям последних или затраченному на них труду. Указанной ложной теории придерживались, однако, весьма многие писатели, как прежнего, так и настоящего времени — Вандерлинг, Барбон, Юм, Монтескье, Артур Юнг, Рикардо, Джемс Милль, лорд Оверстон и другие. К числу противников этого направления необходимо отнести Стюарта, Ад. Смита (отчасти) и в особенности Тука, Вильсона и Фуллартона.

Поступая в обращение, монета из драгоценного металла мало-помалу истирается, частью, от самого обращения, частью, от скобления и тому подобных процессов. По оценке экономиста Якоба*, из 380 миллионов ф. ст., существовавших в Европе в 1809 г., в 1829 г., т. е. двадцать лет спустя, целые 19 миллионов ф. ст. исчезли из обращения, благодаря одному только процессу трения. Понятно, что чем продолжительнее обращается монета или чем быстрее ее обращение, тем легчевеснее она становится. В результате получается то явление, что так называемая *монетная цена золота* или монетное его наименование расходится с рыночной его ценою, иными словами, за золото в монете, утратившей часть своего веса, дают меньше фунтов стерлингов слитками или полновесною монетою, чем сколько на первой монете означено. Но так как не вся монета подвергается процессам трения, скобления и пр. в одинаковой степени, то полновесная монета, получая оценку, равную с неполновесною, оценивается слишком низко, и потому переплавляется и удаляется из обращения. Когда подобный унадок рыночной ценности постигает большое число монет, то, хотя счетные названия монеты останутся прежние, но они будут уже указывать собою на меньшее содержание золота или серебра, чем то, какое под ними разумеется на основании закона. Говоря иначе, изменится самый масштаб денег, и металл начнет со временем чеканиться соответственно новому масштабу. По истечении некоторого промежутка

* «An Inquiry into the Production and Consumption of the precious Metals,» Lond. 1831, vol. II, chapt. XXVI.

времени повторится прежний процесс, и это объясняет до некоторой степени то явление, что в истории всех новейших народов одно и то же денежное наименование, например, рубля или фунга стерлингов, по мере приближения к нашей эпохе, относилось все к меньшему меньшему количеству благородного металла. Вполне предупредить уменьшение веса монеты нет никакой возможности, но в известной степени это все-таки осуществимо. Английское, например, законодательство достигает этого тем, что не признает легальным орудием платежа такого соверена, который потерял 0,747 грана веса. Банк Англии обладает такою машиною (весы для золота *Коттона*), которая не только определяет разницу до $\frac{1}{100}$ грана между двумя соверенами, но, кроме того, отбрасывает неполновесные соверены в сторону, на известную доску, откуда они попадают в другой механизм, распиливающий их на части. Если бы золотая монета не ограничивалась такими кругами обращения, в которых она держится дольше, то она не могла бы совсем обращаться. Если, однако, золотая монета в обращении идет за $\frac{1}{4}$ унции золота, а весит в действительности только $\frac{1}{5}$, то следовательно на $\frac{1}{20}$ унций она является простым знаком или символом самой себя. Таким образом вся монета мало-помалу превратилась бы в знаки или символы, но как это очевидно невозможно, то, поэтому, в подобных случаях золото заменяется символами из другого материала, например, из серебра или из меди. Но замена символами из этого металла возможна только в той пропорции, на которую указывает степень неполновесности золотой монеты. Отсюда видно, что, хотя, в качестве мерил ценности и всеобщего товара, может обращаться в обществе только один товар, но в качестве орудия обращения или монеты может обращаться их несколько рядом. Подобные орудия обращения—серебряные или медные марки представляют внутри обращения известные фракции золотой монеты. Именно на этом-то основании собственный их вес не определяется отношением их ценности к золоту, а устанавливается законом произвольно, до того предела, с которого начинает становиться выгодно подделка монеты этого рода (так, например, у нас в России в 1718 г. стали чеканить из пуда меди, стоившего $\frac{1}{4}$ —7 рублей—на целых 40 рублей медной монеты, и подделка приняла размеры чудовищные). Марки из серебра и меди должны быть выпускаемы в таких количествах, в каких обращались бы представляемые ими частицы золотой монеты, и предназначаемы как для размена золотой монеты, так и для реализации сравнительно меньших товарных цен.

Таким образом для золота мало-помалу отводятся одни круги обращения—оптовая торговля, а для серебра и меди другие—мелкое обращение. Быстрота обращения марок (или биллона) находится обыкновенно в обратном отношении с размером той цены товара, которую они реализуют в отдельной

купле-продаже или с размером той дроби золота, которую они представляют собою, т. е. быстрота эта тем больше, чем мельче цены товаров и чем мельче замещаемая дробь золота. Если взять, например, в расчет громадные размеры ежедневной мелкой торговли в Англии, то относительно незначительное количество обращающейся в ней побочной монеты может быть объяснено только быстротою обращений последней. Так, в 1857 г. в Англии было отчеканено 4 859 000 ф. ст. золотой монеты и только 363 000 ф. ст. серебряной (обязательной там к приему платежа только до 2 ф. или до 40 шиллингов). С 1847 по 1857 г. было отчеканено всего 55 239 000 ф. золотой и 2 434 000 ф. ст. серебряной монеты. Медной монеты в 1857 г. было отчеканено на номинальную стоимость всего 6 720 ф., на реальную же—3 492 ф., а в течение десяти лет до 1857 г. на 141 477 ф. номинальной и на 73 503 ф. действительной ценности. Если бы этих побочных или биллионных денег выпускалось значительно больше, то они не входили бы в высшие сферы обращения, а только скоплялись бы в больших массах у мелочных торговцев, которые были бы принуждены сбывать их потом в качестве металла: Так, в 1798 г. английские медные марки, пущенные в обращение частными лицами, накопились на сумму 20 350 ф. у лавочников, которые напрасно старались пустить их снова в обращение, и в заключение должны были продавать их, как товар, т. е. соответственно весу заключающегося в них металла.

Серебряные и золотые марки, представляющие золотую монету в определенных сферах обращения, хотя и обладают известным содержанием металла, определенным на основании закона, но, будучи подхвачены обращением, истираются тем скорее, чем быстрее они обращаются, и таким образом снова, подобно золоту, превращаются в символы самих себя. Если бы вздумали и по отношению к ним прибегнуть к установлению максимального веса, который они могут потерять, как это делается относительно золота, то пришлось бы и их заменять знаками из низшего металла, например, из железа и олова и т. д. без конца. Во всех странах с развитым обращением самая необходимость обращения денег вынуждает однако сделать монетный характер серебряных и медных денег независимым от всякой степени потери металла. Таким образом становится очевидным, что серебро и медь служат символами вовсе не потому, что они имеют ценность, а потому, что не имеют никакой или почти никакой ценности. Вместо золотых денег, может, следовательно, функционировать вещь, относительно говоря, совсем лишенная ценности, а именно—*бумага*.

Присутствие в обращении, наряду с золотом, серебра и меди, происходит оттого, что в большей части европейских стран обращались менее благородные металлы—серебро в Англии, медь в древнем Риме, в Швеции, в Шотландии, отчасти в России,—прежде, нежели процесс обращения превратил их в простой

беллои и поставил на их место более драгоценный металл. В силу того же начала, под влиянием необходимости *обращаться постоянно*, золото может быть заменено знаками, бумагой, которые являются собственно монетными *наименованиями* золота. Итак, сначала золото истирается или соскабливается и начинает обращаться на известную долю, как знак себя самого, потом эту функцию заменяют марки из низшего металла и, наконец, бумага—простой уже знак ценности. Функция золота, как *орудия обращения*, может, следовательно, совершенно отделяться от функции его, как *мерила ценности*. Эта последняя находится в теснейшей зависимости от его веса и даже от его наличного присутствия в обращении. Что же касается первой, то именно она-то и порождает замену звонкой монеты сначала такими знаками из низших металлов, которые имеют хоть какую-нибудь ценность, и впоследствии бумажными знаками, не имеющими уже ровню никакой ценности. Это происходит не только вследствие трения, которое испытывает монета в обращении, но также и оттого еще, что, вследствие быстрого перехода монеты из рук в руки, становится уже неважным иметь непременно наличо действительный эквивалент и действительное мерило ценности, а нужен только *знак* и ничего больше. Естественно, что знак или бумага имеют ценность лишь настолько, насколько они представляют золото, обладающее такою ценностью, или содержащее в себе труд. Некоторые полагают, будто бумажные деньги представляют непосредственно ценности самих товаров. Но это неверно: знак ценности или бумага является непосредственно только представителем золота, и, следовательно, цены товаров представляют ценность этих последних только подобным косвенным путем. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом являются вполне законченной формой подобного знака ценности и, вместе с тем, единственною формою бумажных денег, которая возникает непосредственно на почве металлического обращения. Что касается кредитных денег, то они принадлежат другой, высшей сфере экономического развития и регулируются другими законами.

Указанные феномены объясняют сравнительно весьма раннее появление ассигнаций или бумажных денег. Подобные деньги вводятся часто еще в такое время, когда не имеется ни малейшего понятия о кредитных сделках; так, например, *Миндесиль*, в своих путешествиях (1705) уже говорит о кожаных и бумажных деньгах китайского императора. У *Платона* и *Аристотеля* встречается уже понимание функции знака ценности или орудия обращения. Прежние писатели, вроде *Франклина* и *Беркеля*, также понимали подобное возникновение бумажных денег.

Говоря о металлических деньгах, мы обратили внимание на вопрос, сколько может в стране обращаться денег этой категории? Не имеющие самостоятельной ценности марки являются

знаками ценности лишь настолько, насколько они представляют золото в сфере обращения, а представляют они его настолько, насколько оно само входило бы в обращение в качестве монеты. Мы знаем уже, что при данной, неизменной ценности товаров и быстроте их обращения, количество золота в обращении зависит от размера собственной его ценности, т. е. от суммы ценностей всех отдельных золотых монет. На этом основании бумажные знаки с наименованием в 5 рублей могли бы обращаться в количестве в пять раз меньшем, нежели знак с наименованием в 1 рубль, а если бы все платежи выполнялись копеечными знаками, то последних должно бы обращаться во сто раз более, чем рублей. Сверх того, если золотая монета заменяется знаками различных наименований (например в 100 рублей, в 50 рублей, в 25 рублей, в 10 рублей, в 5 рублей, в 3 рубля и в 1 рубль), то количество этих знаков различного сорта определяется не только общим обращением, но и потребностями отдельных и самостоятельных его кругов. Когда все обращение страны равняется, например, 500 миллионам рублей, то именно на эту сумму могли бы обращаться бумажные деньги. Если ценность драгоценных металлов поднимается или падает, то, при неизменной ценности и массе товаров, количество бумажных денег должно бы убывать или прибывать в обратном отношении к ценности металлов, т. е. увеличиваться, когда она падает, и падать, когда она возрастает. Тут происходит то же самое, что происходило бы при замене более благородного металла менее благородным. Если бы, например, золото, в качестве мерила ценности, было заменено серебром, то при отношении ценности серебра к золоту как 1 : 15, серебра потребовалось бы в 15 раз больше, чем золота, следовательно, 7 500 миллионов рублей вместо 500 миллионов. Отсюда, очевидно, следует, что количество бумажных денег определяется количеством золотых денег, а так как бумажные деньги лишь настолько являются знаками ценности, насколько они представляют драгоценные металлы, то, следовательно, *собственная ценность бумажных денег определяется их количеством*, или, говоря иначе, она бывает то больше, то меньше, смотря по тому, меньше или больше находится их в обращении. Таким образом, количество обращающегося золота зависит от его ценности; количество же бумажных денег, напротив, само определяет их ценность. Металлических денег бывает в обращении больше или меньше, смотря по тому, дешевле они или дороже, между тем, как бумажные деньги дешевле или дороже, смотря по тому, больше их или меньше.

Повидимому, государство может пустить в обращение сколько хочет бумажных денег и дать им, какие хочет монетные наименования в один ли рубль, в пять ли и т. п., и это кажется тем более возможным, что, за пределами обращения, бумажные деньги ни на что не нужны, ни в своей, ни в чужой стране. Но это только так кажется. В обращение-то можно пустить бумажных

денег сколько угодно, но что затем? А затем вот что. Если бы, например, при металлическом обращении в 14 миллионов ф. ст. бумажных денег было выпущено 240 миллионов, то они представляли бы все-таки лишь означенные 14 миллионов, не более. При этом было бы то же, как если бы государство сделало знаки представителями металла, имеющего в 45 раз меньшую ценность и в 15 раз большего весом. Изменилось бы только наименование денег масштаба, который, разумеется, условен, и это совершилось бы одинаково, как при перемене монетной единицы, так равно и при увеличении количества бумажных денег. Так как название фунта стерлингов принадлежало бы теперь количеству золота в 15 раз меньшему прежнего, то все товарные цены возросли бы в 15 раз, и 240 миллионов фунтов знаков стали бы нужны настолько же, насколько прежде были необходимы 14 миллионов золота. Количество золота или, лучше сказать, отношение его, уменьшилось бы в той же мере, в какой увеличилась бы общая сумма знаков. Поднятие цен явилось естественной реакцией самого процесса обращения, который насильственно приравнивает знаки ценности к тому количеству золота, на месте которого знаки должны обращаться.

В обращении знаков ценности все законы металлического обращения являются в обратном, перевернутом виде. В то время, например, как золото обращается только благодаря тому, что само имеет ценность, т. е. производится трудом, бумага, напротив, самую свою ценность получает от обращения. В то время, как при данной ценности товаров, количество обращающегося золота зависит от его собственной ценности, ценность бумаги, наоборот, зависит от обращающегося ее количества. В то время, как количество обращающегося золота поднимается или падает, смотря по возвышению или упадку цен товаров, — цены товаров упадают и поднимаются, смотря по количеству обращающейся бумаги. В то время, как сфера обращения товаров может поглотить лишь определенное количество золота, бумажных денег можно пустить в обращение сколько угодно. В то время, как, уменьшая вес монеты хотя на $\frac{1}{100}$ грана против номинальной ее ценности, государство препятствует ей исполнить функцию орудия обращения, — оно совершает вполне правильную финансовую операцию, когда выдает бумажные знаки, вовсе не имеющие ценности и обладающие одними только монетными наименованиями. Отсюда ясны ошибки тех исследователей (например, *Рикардо*), которые, изучая денежное обращение вообще, т. е. и бумажное и металлическое, — на обращении бумажных денег с принудительным курсом, оставляют без внимания все внутренние законы металлического обращения. Законы эти для обращения бумажных денег являются не более и не менее, как в обратном виде.

Монета не только находится в обращении, не только служит фактически всеобщим товаром и мериллом ценности, она может

еще находиться вне рынка и в этом положении продолжать в известном смысле оказывать влияние на ход и развитие денежных обменов, следовательно, оставаться попрежнему деньгами. На этой почве развивается дальнейшая функция денег—служить *сокровищем*, к которой мы теперь и переходим. Если после того, как известная личность продала свой товар, она не купила чужого, то деньги могут быть спрятаны и *обращены* в сокровище. У народов с чисто металлическим обращением накопление сокровищ считалось мерою политики, например, у греков и римлян сокровища собирались государем и частными лицами*. Стремлению накапливать деньги, разумеется, всего более способствует характер денег служить товаром всеобщего спроса, возможность приобрести за деньги всякие другие вещи. Потому-то деньги и предпочитают, в качестве сокровищ, всем другим вещам. Позднейшим развитием этого положения является так называемая меркантилистическая политика. Аргументация ее по этому предмету так забавна, хотя и натуральна для своего времени, так выворочена наизнанку сообразно нынешним представлениям о вещах, что автор «Zur Kritik» не мог воздержаться, чтобы не привести одной или двух цитат для ее характеристики. В 1593 г. кортесы Испании делают, например, Филиппу II следующий доклад: «Кортесы Вальядолида просили ваше величество в 1586 г. не допускать более ввоза в королевство свеч, стеклянных товаров, ювелирных изделий и тому подобных вещей, которые привозят из-за границы, чтобы столь *бесполезные* для человека вещи обменять на деньги, как будто испанцы то же, что индийцы». Таков же характер умозаключений и меркантилиста *Миссальдена*: «Общая, отдаленная причина нашей скудости в деньгах», говорит он, «есть излишек существующих в нашем королевстве в потреблении товаров чужих стран, которые лишают нас такого же количества денег». Будучи всеобщим товаром по отношению ко всем существующим в данное время товарам, золото является им же более всех прочих товаров и в течение *продолжительного времени*, благодаря своей прочности, неокисляемости и пр. Естественно, что в силу этих свойств, оно становится не только всеобщим, но и вечным богатством, и тем больше является побуждений прятать его в виде сокровищ. «Если деньги берутся податью», говорит *Петти*, «у такого человека, который проел бы и пропил их, и отдаются другому, который употребит их на улучшение почвы, рыбную ловлю, на устройство рудников или мануфактур или даже на платье, потому что и платье прочнее еды и напитков,— то это гораздо выгоднее. Если деньги превращаются в домашнюю мебель, то прибыль тем больше, в дома,— еще больше, но всего более, если в стране увеличивается количество денег, потому что только последние *вечны*, всегда и по-

* «Денег как возможно собирать,—писал Петр I в апреле 1711 г.,—повеже деньги суть артерию войны».—*Авт.*

всюду остаются богатством,—все же прочее есть богатство для известных целей». Зарывание драгоценных металлов в землю, особенно распространенное на Востоке, ближайшею причиною которого является отсутствие безопасности оборотов, вследствие войн и других общественных потрясений, также представляет один из видов накопления сокровищ. Но собиране сокровищ, очевидно, потеряло бы всякий смысл, если бы они не сохраняли известного отношения к обращению. Отношение это, очевидно, изменяется вместе с ценностью денег и тем побуждает скупца все увеличивать да увеличивать свои сокровища.

Так как деньги являются всеобщим товаром, то несомненно, что только они одни и могут накапливаться тем простым способом, который состоит в присоединении к первоначальному количеству все новых и новых больших количеств. Все прочие товары и вещи накаплиются гораздо более сложным и запутанным процессом, который только по воспоминанию о первоначальном накоплении денег объясняется в качестве накопления же и *сбережения*. В этом мы видим историческое объяснение господствующей в настоящее время теории происхождения капитала, которое, по аналогии, уравнивается с предшествовавшим ему в истории накоплением сокровищ.

Самые изделия из драгоценных металлов являются одним из видов накопления сокровищ; они представляют собою резерв для монеты,—местами по самой сущности дела, как, например, в Индии, местами же на основании закона (обязательная проба для золотых и серебряных изделий) и действительно обращаются в монету по требованию рынка. «В эпохи сильных волнений и отсутствия безопасности», говорит *Якоб*, «особенно же во время неприятельских вторжений и внутренних потрясений серебряные и золотые товары быстро превращаются в монету, между тем, как во время спокойствия и благосостояния монета превращается в посуду и в ювелирные изделия». Насколько значительно отношение серебряных и золотых сокровищ в форме предметов роскоши к драгоценному металлу, служащему деньгами, можно видеть из того, что в 1829 г. в Англии отношение это было как 2:1, во всей же Европе и Америке в предметах роскоши было на $\frac{1}{4}$ более драгоценного металла в товарах, нежели в деньгах.

Накопление сокровищ является естественным резервуаром для потребностей обращения товаров, которое требует денег то более, то менее, смотря по скорости обращения, а также по размерам и высоте цен. При упадке цен или увеличении скорости обращения резервуар этот поглощает часть металла; при возвышении же цен или при уменьшении скорости обращения, резервуар, наоборот, освобождается от части своего содержания. Сокровища являются таким образом отводными и приводными каналами обращающихся денег, так что обращается всегда лишь такое количество денег в качестве монеты,

всюду остаются богатством,—все же прочее есть богатство для известных целей». Зарывание драгоценных металлов в землю, особенно распространенное на Востоке, ближайшею причиною которого является отсутствие безопасности оборотов, вследствие войн и других общественных потрясений, также представляет один из видов накопления сокровищ. Но собиране сокровищ, очевидно, потеряло бы всякий смысл, если бы они не сохраняли известного отношения к обращению. Отношение это, очевидно, изменяется вместе с ценностью денег и тем побуждает скупца все увеличивать да увеличивать свои сокровища.

Так как деньги являются всеобщим товаром, то несомненно, что только они одни и могут накапливаться тем простым способом, который состоит в присоединении к первоначальному количеству все новых и новых больших количеств. Все прочие товары и вещи накапливаются гораздо более сложным и запутанным процессом, который только по воспоминанию о первоначальном накоплении денег объясняется в качестве накопления же и *сбережения*. В этом мы видим историческое объяснение господствующей в настоящее время теории происхождения капитала, которое, по аналогии, уравнивается с предшествовавшим ему в истории накоплением сокровищ.

Самые изделия из драгоценных металлов являются одним из видов накопления сокровищ; они представляют собою резерв для монеты,—местами по самой сущности дела, как, например, в Индии, местами же на основании закона (обязательная проба для золотых и серебряных изделий) и действительно обращающаяся в монету по требованию рынка. «В эпохи сильных волнений и отсутствия безопасности», говорит *Якоб*, «особенно же во время неприятельских вторжений и внутренних потрясений серебряные и золотые товары быстро превращаются в монету, между тем, как во время спокойствия и благосостояния монета превращается в посуду и в ювелирные изделия». Насколько значительно отношение серебряных и золотых сокровищ в форме предметов роскоши к драгоценному металлу, служащему деньгами, можно видеть из того, что в 1829 г. в Англии отношение это было как 2 : 1, во всей же Европе и Америке в предметах роскоши было на $\frac{1}{4}$ более драгоценного металла в товарах, нежели в деньгах.

Накопление сокровищ является естественным резервуаром для потребностей обращения товаров, которое требует денег то более, то менее, смотря по скорости обращения, а также по размерам и высоте цен. При упадке цен или увеличении скорости обращения резервуар этот поглощает часть металла; при возвышении же цен или при уменьшении скорости обращения, резервуар, наоборот, освобождается от части своего содержания. Сокровища являются таким образом отводными и приводными каналами обращающихся денег, так что обращается всегда лишь такое количество денег в качестве монеты,

какое обуславливается непосредственными потребностями обращения. В странах с обращением чисто металлическим или с неразвитым способом производства, сокровища раздроблены безмерно и разбросаны по всей поверхности страны, между тем, как в странах развитых они сосредоточиваются в банковых резервуарах. Но не следует смешивать сокровищ с монетным резервом, который сам образует составную часть совокупного количества денег, находящихся в обращении, между тем, как сокровища находятся более или менее в стороне от обращения и только регулируют его собою.

Последующая функция денег есть назначение их служить *орудием платежа*. Во всем, что говорилось выше об обмене и по поводу его, предполагалось, что известная часть денег всегда находится в обращении, и как таковая, появляется в каждом меновом акте *одновременно* с тем товаром, за который обменивается. Но бываюи случаи, когда покупщиком является лицо, не имеющее для покупки наличных денег, которые оно может предложить продавцу лишь в будущем. При таких обстоятельствах деньги снова являются на время в идеальном, абстрактном свете, но уже по другой причине, чем в качестве орудия обращения. Обыкновенные продавец и покупатель превращаются в подобной сделке в *кредитора* и в *должника*. Деньги и в этом случае продолжают попрежнему играть роль *мерила ценностей*. Сверх того, они удерживают за собою и другое обыкновенное свое свойство *орудия покупки* или *всеобщего товара*, так как товар, хотя и за одно только обещание уплаты, перемещает свое место, переходит из рук продавца в руки покупателя, как и во всяком другом денежном обмене. Ту новую особенность, которую приобретают в этом случае деньги, представляет их свойство служить *орудием платежа*. Что различие между деньгами, как орудием платежа, и деньгами, как орудием обыкновенной покупки, все равно, бумажными или нет, весьма существенно, — это видно из того, что в эпохи торговых кризисов вся публика стремглав кидается за деньгами, отыскивает только деньги и не принимает в уплату ничего другого.

Кредитный меновой акт представляет то характеристическое свойство, что вторая половина обыкновенной денежной сделки совершается в нем прежде первой, — так оно происходит, по крайней мере, для покупателя, который является покупателем прежде, нежели сам продал свой товар, и, напротив, этот последний он продает уже впоследствии для того, чтобы уплатить свой долг. Деньги являются, следовательно, в кредитном акте не средним членом, как обыкновенно, а заключительным его членом, результатом его, платежом.

Спрашивается теперь, какие ближайшие причины обуславливают собою происхождение кредитных сделок? Одною из таких причин является то обстоятельство, что одни и те же владельцы товаров, под влиянием самого обращения, постоянно бы-

вают взаимными покупателями и продавцами и, следовательно, дают повод к возникновению целого ряда сделок, происходящих не в том порядке, как обыкновенно. Независимо от этого, многое множество товаров по самой своей природе передается из рук в руки не всецело, а только на известное время. Так, например, когда продается пользование домом на один месяц, то полное пользование переходит в руки покупателя или нанятеля лишь по истечении месяца, между тем, как дом переходит в распоряжение последнего в самом начале месяца. Так как фактическое предоставление ценности потребления и окончательное ее отчуждение в данном случае расходятся во времени, то и реализация цены наступает гораздо позже, чем перемена положения вещи, переход ее из рук в руки (иногда же раньше). Третьим, наконец, поводом к возникновению кредитных актов оказывается то явление, что продолжительность срока между эпохой появления на свет и производства различных товаров весьма неодинакова. Одно лицо выступает, под влиянием этого, в качестве продавца прежде, нежели другое может выступить в качестве покупателя, и таким образом оба момента расходятся во времени, соответственно производительным условиям товаров.

Итак, вот причины, порождающие отношение кредиторов и должников среди владельцев товаров, которое, хотя и образует собою подкладку кредитной системы, т. е. высшего пункта развития современного хозяйства, но может явиться уже в совершенно развитом виде до возникновения последней. Ясное дело, что с развитием кредитной системы, свойство денег служить платежом, платежным орудием, расширяется насчет функции его служить орудием непосредственной купли, и еще более насчет сбережения сокровищ. Так, например, в Англии металлические деньги изгнаны почти исключительно в сферу мелочной торговли между производителями и потребностями, между тем как в сфере крупных торговых оборотов деньги существуют исключительно в качестве орудий платежа. Чем определяется количество орудий платежа? Оно определяется прежде всего суммой платежей, т. е. суммой цен отчужденных уже товаров, по которым предстоит произвести уплату. Но определенная таким образом сумма модифицируется тою быстротою, с которою одна и та же монета повторяет одну и ту же функцию платежа, или с которою совокупность платежей является известным рядом платежей, растянутым во времени, так что *A* платит свой долг *B*, *B* платит теми же самыми деньгами долг *B* и т. д. Самая та быстрота, с которою один и тот же экземпляр монеты служит несколько раз для исполнения платежей, зависит от сочетания долговых отношений в стране, от того обстоятельства, что один и тот же владелец товара, являющийся кредитором другого, есть должник третьего и т. д. и еще от продолжительности времени, разделяющего различные сроки платежей. Количество денег, как орудия обращения, определяется, как мы видели, в данную минуту

суммою цен товаров, одновременно поступающих в продажу. Но для денег, как для орудия платежа, подобной границы не существует. Если взаимные платежи сосредоточатся в одном и том же пункте, что естественно происходит прежде всего в сборных пунктах товарного обращения (ярмарки, биржи, банки), то платежи могут уравнивать один другой в качестве положительных и отрицательных величин, когда, например, *A* должен заплатить *B* и одновременно получить уплату от *B*. Поэтому-то сумма денег, требуемая в качестве орудия платежа, определяется не суммою цен одновременно реализуемых платежей: она определяется большим или меньшим их сосредоточением и размером баланса, который остается еще уплатить по взаимной ликвидации положительных и отрицательных величин. До тех пор, пока платежи вполне уравнивают один другой в качестве положительных и отрицательных величин, нет нужды в фактическом вмешательстве денег. Деньги продолжают присутствовать здесь лишь идеально, в качестве мерила ценности, в цене товара, проданного в долг или в кредит, и в размере взаимных обязательств. Но зато, в качестве платежа, который остается за вычетом из баланса, деньги непременно должны вступить в обращение в своей непосредственной денежной, большей частью, металлической форме. Где развивается целая цепь платежей и искусственная система их уравнения, там, при внезапных колебаниях, представляющих специальный момент промышленных кризисов, а именно денежные кризисы, — деньги внезапно теряют все свои абстрактные качества, и на них является требование в их непосредственном, металлическом виде. Все прочие товары, не говоря о бумагах, являются в подобные эпохи ненужными, лишними и вредными, — требуется одно золото.

Приведенный выше закон, на основании которого определяется количество денег, как орудия обращения, терпит существенные ограничения от функции денег служить орудием платежа. При данной быстроте обращения денег, в качестве ли орудия обращения или в качестве орудия платежа, количество обращающихся в данное время денег определяется суммою реализуемых цен товаров + сумма платежей — сумма тех платежей, которые покрывают одни другие взаимно. Это несколько не нарушает того закона, по которому количество орудия обращения зависит от суммы товарных цен, так как ведь и совокупность платежей также определяется суммою цен, условленных в договорах. Тем не менее, не подлежит сомнению, что, даже при одной и той же быстроте обращения и экономии платежей, сумма цен товаров, обращающихся в данный промежуток времени, например, в течение дня, и масса денег, обращающихся в то же время, ни в каком случае не покрывают одна другую, потому что обращается множество товаров, цены которых будут реализованы только впоследствии, и множество денег, эквиваленты

которых—товары давно уже вышли из обращения. Сумма обращающихся денег будет соответственно зависеть от того, как велика сумма тех платежей, которые должны быть произведены в данный день, хотя эти последние и условлены в различные эпохи.

Из функции денег, как орудия платежа, возникают *кредитные деньги* в собственном смысле этого слова, так как *долговая расписка* за проданные товары сама начинает обращаться, перенося долговое требование от одного лица к другому. С другой же стороны, расширение кредитной системы влечет за собою увеличение значения денег в качестве орудия платежа и сообщает им в сфере крупных торговых оборотов известные *специальные формы*, между тем, как золотая и серебряная монеты, по большей части, изгоняются в сферу мелочной торговли.

Мы видели выше, что перемена в собственной ценности золота и серебра несколько не мешает этим металлам отправлять их функцию мерил ценности. Перемена эта является уже чрезвычайно важною по отношению к собирателю сокровищ, так как, по мере увеличения или уменьшения ценности золота или серебра, поднимается или падает и сумма ценности самого сокровища. Но еще решительнее оказывается подобная перемена по отношению к деньгам, как орудию платежа. Так как платеж наступает в кредитной сделке позже продажи товара, то деньги играют в этом последнем важную роль—вначале роль идеального мерил ценности, впоследствии же роль орудия платежа, который соответствует предыдущему измерению. Если в этот промежуток времени изменяется ценность драгоценных металлов, т. е. требуемое на их производство количество труда, то изменяется, вместе с тем, и ценность того золота или серебра, которое в долговой сделке вначале служило мерилом, а впоследствии платежом. Особенно характерно в этом смысле открытие рудников в Америке и в Австралии в новое время, результатом которого было падение ценности золота и серебра и возвышение ценности меди в древнем Риме. Упадок ценности золота или серебра естественно благоприятствует должнику, а возвышение—кредитору, потому что в первом случае должник расплачивается с кредитором дешевле, а во втором дороже, чем они условились при заключении кредитной сделки.

Мы говорили до сих пор о деньгах, как о всеобщем товаре, мере ценности, орудии обращения, сокровище и орудии платежа. Формой денег во всех этих функциях была монета. Но, поступая в обмен *международный или всемирный*, деньги оставляют за собою этот национальный мундир, и счетные их наименования снова заменяются в этой сфере наименованиями их веса. Даже и в том случае, когда золото и серебро обращается за границей в своей национальной форме, вся суть дела в их весе, а не в этой форме. Сверх того, в международной торговле драгоценные металлы являются простым орудием не-

посредственной мены, как и в самом начале. Это особенно заметно в тех случаях, когда одна страна только покупает, а другая только продает—Европа и Америка, Европа и Азия, когда нужно сделать внезапную покупку в неурожайный год хлеба, и, наконец, когда известная страна вывозит золото, как товар из рудников. Орудием платежа деньги являються в международной торговле только для доплаты балансов. Мерилом ценности служат в ней оба металла, и каждая страна в своих заграничных сделках употребляет тот из них, который для нее выгоднее в данную минуту.

Международное обращение денег обладает своим самостоятельным резервом, наподобие резерва отдельных стран, которым регулируется движение денег из одной страны в другую. Движение международного обращения имеет двойкий характер—оно происходит или между отдельными странами, или же по всему торговому миру—из тех стран, которые располагают собственными рудниками. Ценность металла определяется именно этими последними, так что в отдельные страны он вступает уже с определенной ценностью.

Только в качестве всемирных денег золото и серебро впервые становятся всеобщим товаром, так как за них меняется все.

Изложив свои воззрения на функции денег—служить всеобщим или объединительным товаром и мерилom ценности, Маркс переходит к рассмотрению остальных денежных функций, каковы орудие обращения, сокровище и орудие платежа, причем в применении к бумажным деньгам (особенно «Zur Kritik der politisch. Oekonomie») подробно развивает начало, в силу которого не количество денег в обращении определяет цены товаров, а, наоборот, цены товаров определяют количество самого обращения.

Если оставить в стороне весьма редкую в области общественной экономии стройность и цельность обработки вопроса о деньгах, которые составляют, впрочем, характеристику не одной только этой части сочинения, но и всех прочих, то теория Маркса о деньгах представляет, по нашему мнению, следующие два крупных вклада в науку: выяснение генетического развития денежного обмена и строгое обособление в исследовании специальных свойств различных денежных функций. Сделаем несколько замечаний по поводу того и другого.

Относительно попытки Маркса определить порядок и причины постепенного развития сложнейшего денежного обмена из непосредственной мены, мы должны высказаться в том смысле, что вопрос этот, кроме автора «Капитала», никем еще и не понимался, не только не был приведен к какому-нибудь определенному решению. У большей части экономических писателей на вопрос, как и почему денежный обмен заменяет собою обмен

непосредственный, всегда был готов ответ, что деньги были введены ради таких-то и таких-то удобств. Самая мысль о постепенной и бессознательной истории развития денежного обмена до того чужда громадному большинству экономистов, что из их объяснений происхождения денег можно понять дело таким образом, что деньги упали в один прекрасный день на землю с неба, и, по взаимному соглашению людей, были приняты к сведению и руководству. Иными словами, по отношению к этому вопросу повторилось то же самое, что имело место в приложении ко множеству других спорных пунктов в области политической экономии, а именно, действительность просто-напросто подгонялась под плохо вымышленную фабулу, которой приписывалась роль *ultima ratio*. Насколько подобный взгляд на дело научен, понятно без всяких комментариев. Вряд ли необходимо также после всего изложенного выше объяснять, что столь космический, если можно так выразиться, процесс, как денежный обмен, не только никем намеренно не вводился, но до самого последнего времени не был даже хорошенько и понят в своем истинном смысле вполне инстинктивного социально-экономического процесса, самостоятельно возникшего на различных концах земного шара, где только общественная кооперация принимала известные, соответствовавшие ему формы, и развивавшегося потом крайне медленно и постепенно.

Исследование генетического развития денежного обмена составляет в «Капитале» содержание учения о формах ценности. Тут автор показывает нам, как на первых ступенях экономического развития общества люди относят при обмене каждый отдельный товар ко всякому другому, как мало-помалу, под влиянием возрастающей специализации труда, один товар начинает размениваться на многие, а вслед затем все остальные товары начинают размениваться и между собою уже не иначе, как при посредстве одного товара, — всеобщего эквивалента, или денег. Следя за постепенным усложнением денежного менового процесса, автор выясняет, каким образом отражаются в умах людей явления этого процесса, как сама историческая необходимость толкает их к спиритистической материализации своего же собственного конкретного и полезного труда под видом ценностей его продуктов, т. е. свойства, врожденного последним, и как, вследствие того, люди начинают поклоняться созданному ими самими идолу и всеобщему эквиваленту или золоту. Всю совокупность этих понятий, весь этот своеобразный и вполне необходимый исторический способ воззрения людей на свои собственные общественные отношения, принявшие вещную форму, Маркс характеризует названием *форм ценности* и различает целый ряд подобных форм, а именно, простую относительную, общую относительную, эквивалентную, денежную или всеобщего эквивалента. Все эти формы в глазах Маркса представляют собою не реальные явления в их настоящем смысле, а толь-

ко представления людей на данной ступени их экономического развития о своих собственных отношениях, — всеобщие и установившиеся формы мышления известной эпохи. Одно уже это обстоятельство в состоянии снять с автора «Капитала» значительную долю обвинений в употреблении метафизических приемов, при обсуждении этого предмета. Но во избежание действительных ли или только кажущихся трудностей для понимания, представляемых тем способом исследования, к которому прибегает автор, мы старались по возможности ясно рассмотреть наиболее характеристические черты учения «о формах ценности», и надеемся, что выполнили эту задачу сравнительно понятно и удовлетворительно.

Обращаясь ко второй из указанных нами особенностей теории денег Маркса, а именно к проведению в последней строгого различия между отдельными денежными функциями, мы должны заметить,¹ что подобные попытки делались уже неоднократно в различных сочинениях о деньгах. Всего чаще при этом упоминается о деньгах, как о мере ценности и как о посреднике торговли, хотя и та и другая функции исследуются, большею частью, довольно неопределенно и поверхностно. Несколько реже говорится в экономической литературе о предполагаемой функции денег служить золотом (*Cismondi*), под которым разумеют принадлежность денег к числу товаров, и наконец еще реже присоединяется к остальным функциям денег сколько-нибудь явственно функция их служить объединителем труда, какова, например, характеристика денег Верри — *merce universale*, или Ганиля — *produit préféré*. Нетрудно видеть из этого перечисления, что самый даже список отдельных денежных функций является у экономических писателей крайне неполным и недостаточным. Так, например, они ничего не сообщают о деньгах, как о сокровище и как об орудии платежа, не говоря уже о том, что деньги, как орудие обращения, смешиваются ими с деньгами, как посредниками в торговле и, следовательно, как с простыми товарами. Но независимо от этого, суждения о каждой функции денег отличаются в трудах большей части политикоэкономов такою запутанностью и сбивчивостью, что до самого последнего времени они не были даже в состоянии помешать возникновению множества денежных теорий и проектов, доводившихся своими творцами до значения панацеи от всевозможных общественных зол. Ввиду столь хаотического положения вопроса о природе денежного обмена, — в высшей степени отчетливая и глубокая по мысли работа Маркса об этом предмете бесспорно заслуживает сосредоточенного внимания. Но к стыду современной политической экономии в течение целой четверти столетия со времени появления этой работы («Zur Kritik etc.», 1859) не проявлялось в печати ни одной серьезной попытки взвесить ее достоинства, хотя в то же время чуть не ежедневно продолжали высказываться самые нелепые взгляды на этот предмет. А между тем, в теоретическом,

как и в практическом отношении вопрос о деньгах—дело вовсе не шуточное. Так как почти каждое явление новейшей промышленной системы, с той или другой стороны, тесно смыкается с денежным обменом, то, не имея ясного представления о деньгах, нельзя не только понять эту систему, но и даже составить себе правильную идею о тех трудностях, которые предстоит преодолеть для этого. Мы уже не говорим о том, в какой мере является возможным, при подобных условиях, сколько-нибудь плодотворное воздействие общества на свои экономические отправления.

При изучении отдельных функций денег всего больше поражает и сбивает с толку исследователя, повидимому, неразрешимое смешение феноменов реальных и фиктивных или условных, из совокупности которых слагается денежный обмен. Еще сравнительно довольно легко составить себе более или менее ясное понятие о реальной основе непосредственной мены и отделить ее от тех форм общественной мысли, которою прикрывается она на известной ступени экономического развития. Повидимому, трудность различения между реальными и фиктивными явлениями позднейшего денежного обмена также не особенно велика, если только помнить, что как бы ни усложнялись в умах людей абстракции ценности и ценности потребления,—в основании этих понятий лежат столь реальные явления, как разделение в обществе труда и как двоякая характеристика труда в качестве специального и общечеловеческого. Но бесконечно больше затруднений представляет исследование детальной стороны денежно-менового процесса. Так, мы, с одной стороны, видим, что деньги готовятся из осязаемого материала, стоящего известного количества труда, а с другой, наблюдаем то явление, что та или другая страна в течение многих лет обходится совершенно без реальных денег и употребляет в дело простые знаки, известные под названием бумаги. В первом случае объективное существование явления бьет в глаза, во втором—столь же очевидно чисто субъективное, конвенциональное его существование. Сверх того, мы знаем, что драгоценные металлы представляют в объективном отношении совершенно такие же предметы внешней природы, как мясо и фрукты, и что труд, добывающий эти металлы, не отличается никакими особенно высокими свойствами, сравнительно с другими видами труда, и в то же время замечаем вокруг себя какой-то непонятный культ золотого тельца, всеобщее признание за ним высшего, объединительного, начальственного положения над остальными продуктами труда. Насколько в первом отношении мы имеем дело с одною лишь нагою действительностью, настолько же во втором мы несомненно входим в область фиктивных, метафизических идей, служащих логическим результатом известной системы общественного производства. Примеры эти в области денежных оборотов далеко не единственные, но их достаточно для пояснения нашей мысли, что главная трудность исследования о деньгах заключается в обособлении объектив-

ных или реальных явлений от субъективных или воображаемых, и в указании того, какие именно явления первого рода послужили почвою для развития явлений второго рода. Вот эту-то задачу и разрешает вполне удовлетворительно теория денег Маркса. Нам кажется, что исследование автора дает впервые достаточно ясный ответ на эти вопросы, впервые отводит надлежащую роль каждому из указанных родов явлений денежного обмена, тогда как в исследованиях других экономистов между ними не проводится обыкновенно никакого важного различия.

Не ограничиваясь отделением субъективизма от объективизма по отношению к деньгам вообще, автор *Капитала* рассматривает с этой точки зрения каждую отдельную денежную функцию; он показывает нам, как одна из этих функций развивалась из другой и каким образом каждая из них складывается из действительности и фантазии. Скажем несколько слов в объяснение этого приема.

Исследование свое, как мы видели выше, *Маркс* начинает с так называемой им эквивалентной функции денег или функции всеобщего товара. Под именем функции посредника в мене, объединительный характер денег известен в общих чертах экономистам. Говоря, например, о затруднительности «найти именно того человека, который может помочь нашей нужде и одновременно с этим нуждается сам в нашем *излишке*», и, прибавляя, что только деньги устраивают подобные неудобства, *Рошер* («Die Grundlage der Nationaloekonomie», S. 236) несомненно разумеет не что иное, как эту денежную функцию. То же самое очевидно желает выразить и Дж. Ст. Милль, когда он утверждает («Основания», т. II, гл. IV), что «при отсутствии денег, портной, не имеющий ничего, кроме платья, может умереть с голоду прежде, чем найдет человека, желающего продать хлеб и приобрести платье». Повидимому, из этих определений особенного свойства денег должно бы следовать, что экономисты представляют себе совершенно ясно функцию всеобщего товара. Но в действительности это далеко не так. Правда, не нужно большой мудрости, чтобы понять, что деньги и прочие товары не совсем одно и то же, как это известно каждому. Совсем иное дело, однако, составляет показать ближайшие черты несходства между денежным и всеми другими товарами и разъяснить тот путь, какой проходит одним товаром, вполне подобным прочим, для того, чтобы стать в конце концов собственным товаром. Как справедливо замечает *Маркс*, дойти до правильного понимания *качественного* различия между деньгами и другими товарами экономистам постоянно мешало то, что они сосредоточивали свое внимание исключительно на одной *количественной* стороне купли-продажи. В количественном отношении нет ни малейшей разницы между актом непосредственной мены и денежным меновым актом. Пуд воску совершенно в таком же смысле равняется десяти пудам соли, как и одной десятой фунта золота. Но, сверх того, необходимо еще заметить, что,

при уяснении явления денежного обмена, как упомянутые выше, так и многие другие писатели исходили из того ошибочного предположения, что в настоящем обществе большая часть предметов потребления производится каждым хозяйством для удовлетворения только собственных потребностей, и что лишь излишек в них сбывается на сторону. Ясное дело, что подобная коренная ошибка не могла не отомстить за себя во всех дальнейших выводах и заключениях означенных писателей самым жестоким образом. И действительно, если все товары, поступающие в обмен, представляют не больше, как излишек над удовлетворением собственных потребностей, то, следовательно, и денежный товар есть не более как подобный же излишек? А если справедливо это, то может ли идти речь о каких бы то ни было специфических свойствах этого товара в той или другой его функции? Школа Ад. Смита и в самом деле особенно старательно подчеркивает всегда мысль, что деньги не более, как товар, подобный всем прочим товарам, и только ради удобства одаренный свойствами мерила ценности и орудия мены. Отсюда, очевидно, должно следовать, что если бы люди хорошенько захотели, то, и при нынешней системе производства, они прекрасно могли бы обойтись без денег, и если они этого не делают, то единственно потому, что это повлекло бы за собою некоторые неудобства при обмене одних произведений на другие*.

Мнение это неверно от первой строчки до последней. Специфические признаки денег, как *всеобщего* товара, именно и кроются в таком раздроблении общественного труда, при котором произведение предназначается на удовлетворение потребностей других людей, а не на самого производителя. Вследствие *необходимости* обменивать один специфический продукт и заключающийся в нем специфический труд на целую массу других разнородных специфических продуктов, содержащих столь же разнородный труд, то или другое отдельное хозяйство естественно приравнивает все эти различные виды товаров к какому-нибудь одному товару. Естественно также, что этот последний, несколько не теряя в действительности принадлежащих ему специфических свойств, предполагается однако лишенным таковых, ради своего всеобщего значения, и предполагается не случайно и не в силу каких-нибудь удобств, а совершенно *неизбежно* и, при данной хозяйственной системе *необходимо*. Если бы, например, люди, оставляя без изменения существующую экономическую систему производства, пожелали в один прекрасный день упразднить употребление денег, то не только «умер бы с голоду портной, не

* Следующие слова Дж. Ст. Милля вполне наглядно выражают этот способ воззрения на деньги: «Словом сказать, в общественной экономии деньги по своему внутреннему значению самый ничтожнейший предмет во всех отношениях, кроме того, что служат они способом, уменьшающим трату времени и труда. Деньги—машина для быстрого и удобного исполнения того, что *делалось бы и без них, хотя не так быстро и удобно*; и, подобно многим другим машинам, деньги оказывают свое особенное влияние на ход дела лишь тогда, когда механизм этот портится».

нашедши продавца хлеба), а остановилось бы и самое производство, так что и искать-то хлеб было бы *негде*.

Мы видим отсюда, что хотя объединительный характер одного товара—денег и представляет собою фикцию, как то показывают нам исследования автора, но что фикцию эту породило само экономическое устройство общественного производства на известной ступени своего развития и оно же поддерживает и в силе. Самый процесс установления однородности между различными товарами, при помощи общего им всем общечеловеческого труда, совершается крайне медленно и постепенно, соответственно все большему разделению в обществе труда и сообщению последнему двойного характера. Во многих местностях Соединенных штатов еще в конце XVIII столетия был весьма распространен непосредственный обмен. В Мэриланде законодательное собрание устанавливало относительные пропорции для обмена табаку, масла, свинины и хлеба. В Корриентесе еще в 1815 г. мальчики бегали по улицам с криками: «соли за свечи, табаку за хлеб» и т. п. Но и это уже позднейшие формы непосредственного обмена, которым долговременно предшествует обмен «во внешней жизни двух общин в точках соприкосновения с чужими общинами или с членами последних». «Дикие народы», говорит *Лафито**, «постоянно ведут взаимные меновые сношения. Торговля их имеет тот общий признак с торговлею древних, что представляет непосредственный обмен одних вещей на другие. У каждого из них имеется нечто такое, чего нет у других, и торговля переносит все эти вещи от одного из них к другому. Таковы зерновой хлеб, гончарные изделия, меха, табак, одеяла, лодки, дикобразы, дикий рогатый скот, домашняя утварь, амулеты, хлопчатая бумага, словом, все, что только находится в употреблении для поддержания человеческой жизни... Торговля их ведется с главою племени, который представляет весь народ». В той же фазе развития находится, например, торговля прасолов у нас в России, которые редко покупают что-нибудь на деньги, а стараются выменивать свой дешевый и готовый товар на щетину, пух, перо, заячьи и кошачьи шкурки и тому подобные деревенские товары; подобное же значение следует приписывать так называемым самовозам-гончарам, тряпичникам, шабонникам и пр., выменивающим собственные товары на зерновой хлеб, пеньку, лен, холст и пр.** Нечего и говорить, какой господствует

* «Moeurs des sauvages américains, comparées aux mœurs des premiers temps», 1724, t. II, p. 322—3.

** Вот как описывает мену с дикарями племени Оббо известный путешественник по Африке *Самуил Бекер* («Путешествие к верховьям Нила», стр. 221—2): «Добывать съестные припасы становится все труднее. Туземцы не иначе продают муку, как в обмен на мясо, поэтому мы приобретаем ее так: в обмен на платье и обувь покупаем у туземцев торговцев железные «молоты» (мотыки); на молоты покупаем быка, его ведут в дальнюю деревню, убивают и мясо разделяют приблизительно кусков на сто. С этим мясом и с тремя большими корзинами мои люди садятся на землю; туземцы при-

при этом произвол в установлении меновых пропорций. В основании этого произвола лежит не только зависимое от скупщика положение крестьян, причина его заключается еще и в том, что крестьяне не могли приобрести достаточной сноровки, необходимой для сравнения множества разнообразных товаров, среди своей общинной обстановки*. Более быстрый шаг вперед на пути развития денежной мены произведений делают те народы, которые самою природою поставлены в необходимость или возможность производить какой-нибудь один товар по преимуществу. Такова, например, торговля солью в Сахаре, у мандингов и на бирманско-китайской границе, каучуком в индийской пустыне. Ту же роль играют финики в оазисе Сивахе, сахар в английской Вестиндии, табак в Виргинии и Мэриланде, кирпичный чай в верхней Азии и в Сибири, слоновая кость у африканских народов, бобы какао в древней Мексике, род раковины (каури) на берегах Ганга, в верхнем Тибете, в Кабуле, на Мальдивских островах и в южном Китае. По всей вероятности, первая идея *всеобщего товара* именно и возникает при подобных условиях, под влиянием такого разделения труда, в основании которого лежат климатические, почвенные и т. п. различия самой внешней природы. Но и независимо от этого, необходимость остановиться на каком-нибудь одном товаре порождается еще и самую ступенью экономического развития того и другого народа. Так например, у народов охотничьих роль «всеобщего товара» ежедневно начинают играть шкуры животных, — мягкая рухлядь в Сибири, бобровые кожи в торговле Гудсон-байской компании. У народов рыболовных — та же роль принадлежит рыбе, — треска на Шотландских островах, которою, по словам одного французского путешественника, дают даже сдачу за билет в театр. У пастушьих народов значение денег естественно приписывается скоту. У древних греков, судя по словам *Гомера*, деньгами был рогатый скот — и оружие Главка стоило 100 быков, а Диомеда — 9. Впрочем, за лемносское вино во время осады Трои платили то шкурами, то железом, то быками, то медью (*Гомер*). У древних римлян (*pecunia*) и у древних германцев деньгами был также скот. У киргизов, по словам *Палласа*, лошади и овцы — деньги, а шкуры ягненка и волка — разменная монета. У ногайских татар роль товара с объединительным значением еще очень недавно играли коровы, у персидских номадов овцы, когда же они живут земледелием, то зерно, солома и шерсть. Постепенный

ходит и за каждый кусок мяса высыпают в корзину по маленькой корзинке муки. Вот образец томительного среднеафриканского торга мукою).

* То же самое происходит при самом возникновении первых денежных обменов. Стоит вспомнить ту сцену в одном из рассказов Успенского, в которой происходит торг между крестьянами отдаленной деревни восточной России и пассажирами в первый раз пришедшего в ту местность парохода. За провоз на лошадях на двадцати- или тридцативерстное расстояние, крестьяне ломают сначала невероятную цену, помнится, рублей в двадцать, и кончают дело тем, что берут чуть не за пятиалтынный.

переход к меди и железу в качестве всеобщих товаров объясняется тою важностью, которую представляли эти металлы сначала в качестве материала для оружия, впоследствии, кроме того, и для земледельческих орудий. Так, у китайцев деньгами служили обрубки сплава из меди и свинца (*Курно*), у греков железо, у римлян медь. Введение в обращение драгоценных металлов имеет также весьма древнее происхождение. Но и эти металлы обращаются вначале в качестве слитков и лишь впоследствии подвергаются чеканке. Ни древние индусы, ни египтяне, ни китайцы не имели еще понятия о монете. У египтян долго заменяли монету связки золота и серебра. У евреев также не было монеты в настоящем смысле слова. Серебро весилось: так, например Авраам, покупая у Ефрона место для гробницы Сары, свесил 400 сиклов торгового серебра. *Бартелеми* относит изобретение монеты ко времени за 900 лет до р. хр., другие исследователи за 700. У греков вводится в употребление серебряная монета в VIII в. до р. хр. при Федоне Аргосском. Золото получает права гражданства позже. Греки вносят употребление монеты в Бактриану и Индию. От них же узнают ее назначение и римляне, которые начали чеканить первую серебряную монету за 269, а первую золотую за 207 лет до р. хр. Из новых народов раньше других предпринимают значительную чеканку денег Венеция (1285) и Флоренция. Необходимо, впрочем, заметить, что в течение трех столетий XVI, XVII и XVIII повсюду в Европе и в ее колониях господство принадлежало серебряной монете, и только с начала настоящего столетия получает мало-помалу перевес монета золотая. Прежде всего вводится двойная единица во Франции, затем в 1816 г. в Англии, в 1849 г. в Бразилии, в 1853 г. в Соединенных штатах, в 1854 г. в Португалии—золотая, в 1848 г. в Испании и в Вестиндии—двойная, но с преобладанием золота, в 1865 г. в государствах так называемой латинской конвенции (Франция, Италия, Бельгия и Швейцария)—двойная, в 1873 г. в Скандинавии, Голландии и Германии—золотая с предварительным фактическим признанием серебра в двух последних странах.

Фактические данные, относящиеся к истории денежного обращения, доставляют нам превосходное разъяснение той роли, которая мало-помалу начинает приписываться одному какому-нибудь товару, в сравнении с прочими, иными словами, они указывают нам на происхождение и развитие объединительной функции денег. Функция эта, и соответствующее ей зависимое положение всех других товаров является не чем иным, как остатком, «переживанием» старой культуры и в этом отношении напоминает собою отчасти какой-нибудь обряд «кувады» или «умыкания девиц». Действительно, мы только что имели случай видеть, что в первых фазах процесса экономического развития всеобщим товаром обыкновенно бывает или главнейший продукт страны, или же продукт, производство которого только

свойственно этой фазе развития—дичь и шкуры животных у народов звероловных, рыба—у рыболовных, скот—у кочевых, зерно и шерсть—у земледельческих. Во всех этих случаях возведение известного товара в должность *объединителя* представляет собою вполне неизбежный и необходимый процесс ума, в основании которого лежит тот весьма простой факт, что подобный товар является главным, если не единственным, предметом вывоза или ввоза. Нет поэтому ничего удивительного в том, что труду, содержащемуся в подобном предмете, придается значение отвлеченного или общечеловеческого труда: при отсутствии разделения занятий в первобытной общине этот труд действительно является общечеловеческим для самой общины. Но как потребность в одном исключительном всеобщем товаре возрастает по мере все большего и большего разделения труда и производства на сторону, то и самый всеобщий товар, по необходимости, приходится производить специфическим видом труда, составляющим не более, как отдельное звено в общей системе разделения труда в обществе. Тут-то и возникает воображаемая сторона понятия о всеобщем товаре. Продукт, которому приписывается подобное значение, уже давно перестает быть в действительности результатом общечеловеческого в известном отношении труда, а между тем, сохраняет на собою все свои старые преимущества и сохраняет их тем сильнее, что именно теперь-то и приходится сравнивать между собою бесчисленные виды специальных работ в продуктах, не имеющих на первый взгляд ничего взаимно общего. С другой же стороны, увеличение размеров обращения все более и более нуждается в таком товаре, который постоянно оставался бы верным своему назначению, служить объединителем, а следовательно, и мерилом ценности других товаров. Можно составить себе правильную идею о том, что случилось бы со всею системою разделения труда, если бы деньги постоянно выходили из обращения и обращались бы на непосредственное потребление подобно быкам, финикам, соли или кирпичному чаю. Естественно поэтому, что люди постоянно переходили от одного денежного товара к другому, пока не остановились на драгоценных металлах, всего лучше соответствующих как этому, так и многим другим назначениям.

Итак, фетишистическое значение драгоценных металлов, как товара по преимуществу, товара, господствующего над всеми, может считаться теперь выясненным. Но отсюда далеко не следует, что и самый товар, которому приписываются чудодейственные свойства товара-объединителя и воплоителя общечеловеческого труда, действительно состоял бы налицо или нет, смотря по тому, как захочется людям. Деньги не представляют собою простого знака в этой своей функции, они не суть также продукт простого соглашения, как учили *Локке*, *Галиани* и др. Избранный всеобщим эквивалентом товар должен быть действительным, а не воображаемым товаром, т. е. удовлетворять реаль-

ным потребностям и содержать в себе реальный труд. Условия эти необходимо должны совмещаться в денежном товаре, так как само разделение общественного труда требует, чтобы решительно каждый предмет, поступающий в обмен, производился специальным трудом, т. е. единственно возможным в этой фазе развития, и удовлетворял бы специальной потребности. Отвлеченный характер объединительной функции драгоценных металлов представляет наследие от тех времен, когда отвлечение еще вполне совпадало с действительностью, когда общечеловеческие свойства *одного* товара действительно были *такowymi*. С течением времени это изменилось: *золоту* и *серебру* условно придается известный отвлеченный характер, благодаря всей совокупности их специфических свойств, но дело-то в том, что при разделении труда и при исключительном господстве *частных* обменов, подобный характер необходимо должен быть придан какому-нибудь *одному* действительному произведению. Заслуга *Маркса* по отношению к тому вопросу в том именно и состоит, что он указал на закон развития функции всеобщего товара, которая возникает при первоначальном, непосредственном обмене и лишь постепенно принимает тот смутный и странный вид, которым отличается она впоследствии среди полнейшего раздробления труда и связанного с ним товарного производства. Знаками металлические деньги могут казаться только тому, кто смотрит на куплю-продажу с точки зрения непосредственного обмена и считает столь сложный акт простою заменою одного предмета потребления другим, в которой деньги очевидно должны иметь совершенно *побочное* значение. Чтобы понять эту ошибку, достаточно вспомнить, что предками нынешних металлических денег были быки и коровы, т. е. такие предметы, которых никто не захочет считать знаками, и что если на место последних стали с течением времени металлы, то ведь этим очевидно изменена форма дела, а не сущность.

Объединительная функция денег есть основная их функция, по отношению к которой все прочие не более как выводные или дополнительные. Так, например, естественно, что, по установлении известной однородности между деньгами и другими товарами, первый вопрос состоит в том, чтобы определить, *сколько* денег следует давать за тот или другой товар, иными словами, количественный анализ вступает на место качественного. Из постоянного повторения процесса подобных сравнений многих товаров с одним, вытекает функция денег служить *мерилом ценности*, рассмотренная выше, на основании исследований *Маркса*.

Спрашивается теперь, какие явления этой новой денежной функции носят отвлеченный, фантастический характер и какие фактический? Мерилом меновых ценностей, несомненно, служит только действительный труд, содержащийся в действительном произведении, и даже в тех случаях, когда в обращение выводится бумажные деньги, мерилом ценности попрежнему остается

ся тот же труд, заключающийся в обрабатываемом *прежде* металле. Замена, например, весовых наименований монетными очень часто ведет к тому, что весовые подразделения металла переходят в счетную единицу, т. е. в *идеальную*, для которой во многих случаях совсем не нужно золота. Так, например, в Шотландии до знаменитого банкового акта Роберта Пила в 1844 г., вовсе не было золота, что не мешало шотландцам считать на унции золото и на соверены или фунты стерлингов. Таким же образом деньги, обращавшиеся в XVIII столетии во многих английских колониях Северной Америки, состояли из испанских и португальских монет, между тем как счетными деньгами оставались английские. К этим фактам можно прибавить еще тот, что на восточном архипелаге испанские доллары обращались так долго, что народ ни под каким видом не желал расстаться с ними, хотя, вследствие недостаточной доставки их из Испании, монетное их наименование значительно разошлось с содержанием в них металла.

Нетрудно видеть отсюда, в чем собственно состоит идеальная характеристика функции мерила ценности и в каких случаях она проявляется. Идеальное свойство мерила ценности опять-таки представляет собою для ценности эпохи род переживания культуры, вполне упорного и основательного. Пока благородный металл, сохраняющий свой полный вес и наименование, соответствующее этому весу, находится налицо, измерение им ценности хотя и представляет процесс отвлеченный, но в то же время почти осязательный по очевидности своей основы. Но как только по той или по другой причине весовое и монетное наименования его разошлись между собою, и в обмен входит или меньшее количество металла, или другой металл, или чужеземная монета, то старые наименования приобретают идеальный, счетный характер и, благодаря привычке к ним общества, заменяют собою новые наименования. Но отсюда опять-таки вовсе не следует, что для измерения ценностей достаточно одного только старого *весового* наименования, которое ставится на место нового. Дело в том, что золото и серебро продолжают служить наличным мерилем ценности, как бы ни изменялось их количество в одном и том же экземпляре монеты и как бы ни расходилось по той или другой причине их монетное наименование с весовым. Если под влиянием привычки общество и продолжает, при замене одного наименования другим, *идеально* придерживаться прежнего наименования для измерения ценности, то оно однако придает его вполне реальным, состоящим налицо количествам золота или серебра*.

* Так точно простой народ и, отчасти не простой, в России не забыл двадцать лет после финансовой меры графа Канкрин, превратившей 3 р. 50 к. ассигнациями в 1-рублевый государственный билет, который долго разменивался на серебряный рубль, что старое наименование означало когда-то большую сумму и считал на ассигнации.

Самый процесс установления монетной единицы, или назначение денежного масштаба является делом чисто условным, хотя последний и приобретает в самом обращении характер необходимости и действительности. Масштаб этот естественно различных стран, не считая того, что он в известном смысле различен и в одной и той же стране. Так, например, в качестве весовой металлической единицы унция золота разделяется в Англии на пенни, граммы и караты *Troy*; в качестве же единицы денежной меры она содержится в $3\frac{7}{8}$ соверена, соверен содержит 20 шиллингов, шиллинг 12 пенсов, так, что 100 ф. 22-каратного золота (1 200 унций) равняется 4 672 соверенам и 10 шиллингам. Соверен есть монетное наименование известной части золота; что же касается шиллингов и пенсов, то они представляют только такое наименование золота, которое заменяется в обращении марками из низших металлов—серебра и меди. Только на всемирном рынке все подобные наименования снова перестают играть какую бы то ни было роль и заменяются понятием веса в обыкновенном смысле слова. Итак, замена весовых наименований монетными ведёт к тому, что вместо выражения, что «квартер пшеницы стоит унцию золота», говорят, что он «стоит 3 ф. 7 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенсов». Но тут-то и возникает в умах людей путаница между идеальной или условной стороной установления масштаба и действительным его значением. В качестве масштаба золото получает те же счетные наименования, как и товарные цены, например унция золота, как и тонна железа выражается одинаково в 3 ф. 7 шилл. $10\frac{1}{2}$ пенсах. Ясное дело, что по отношению к тонне железа это выражение означает ее *цену*, т. е. денежный эквивалент, который действительно дают за нее на рынке, тогда как по отношению к унции золота он имеет значение только *наименования*, т. е. простого языка. Тем не менее, отсюда был сделан ложный вывод, что самое наименование золота есть его *монетная цена*. Это, в свою очередь, подало повод к странному предположению, будто золото *оценивается* самим же золотом и, в отличие от всех других товаров, получает *постоянную цену* законодательным путем. Таким образом установление известных счетных наименований для известных весовых количеств было признано за установление *ценности* этих весовых количеств. Но, чтобы золоту иметь цену, для этого нужен другой еще всеобщий *товар*, а это представляло бы *nonsens*. Два товара, из роли которых исключаются все другие товары, исключают из нее и друг друга. Где поэтому серебро и золото обращаются на основании закона, в качестве денег совместно, там постоянно делается напрасная попытка считать их за один и тот же материал. Действительно, если предполагать, что в одной и той же пропорции золота и серебра (например $1:15\frac{1}{3}$) постоянно пребывает одно и то же количество *труда*, то это значит, что серебро есть постоянная дробь золота. В Англии со времен Эдуарда III до Георга II идет непрерывный ряд колебаний, проистекающий

из столкновения между законодательным и действительным установлением отношений ценности золота и серебра и действительными изменениями их ценности. Слишком высоко оценилось то золото, то серебро. Металл, оцененный законодателем слишком низко, выходил из обращения, переплавлялся и вывозился. Тогда отношение ценности двух металлов снова изменялось законодательством, но вслед затем повторялась прежняя история, и так далее. Таковы-то бывают результаты смещения ролей меры ценности и масштаба цен, реальной стороны дела с идеальной или условной его стороной. Слабый упадок ценности золота в сравнении с серебром, вследствие индоевропейского спроса, повлек за собою еще в пятидесятых годах то же самое явление во Франции в чрезвычайно больших размерах, а именно, вывоз серебра и замену его в обращении золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. перевес ввоза золота во Францию над вывозом его составлял 41 580 000 ф., перевес же вывоза серебра над ввозом его—14 704 000 ф. Действительно, в таких странах, как Франция, где оба благородных металла являются законными мериллами ценности, из которых каждый избирается публично по произволу, фактически служит мерилом только один выше оцененный металл, которым измеряется, подобно всем прочим товарам, также и ценность другого металла. Когда ценность последнего возрастает, он вывозится или плавится массами.

Учение о кредите вообще представляет одно из самых слабых мест политической экономии по своей крайней обивчивости, запутанности и туманности. Мнения об этом предмете К. Маркса являются в существующих его сочинениях недостаточно развитыми, и, возбуждая любознательность, недостаточно удовлетворяют ее. Но и при всем том нам кажется, что изложенный выше взгляд Маркса на возникновение кредитных актов проливает на сущность дела бесконечно более света, нежели целые десятки томов сочинений о «банках», и содержит, хотя в зародыше, вполне рациональное объяснение всех существенных сторон этого экономического явления. Основу кредита до самого последнего времени экономисты видят в чисто отвлеченном начале доверия, предприимчивости, надежности и тому подобных неосязаемых явлениях. Раскройте любое сочинение о банках, и вы сейчас же наткнетесь на банальную и ничего не значущую фразу, что кредит есть доверие к исполнению данного обещания уплаты долга, в основании какового (доверия) лежит безопасность личности и собственности, предприимчивость должника и его имущественная состоятельность и т. д. и т. д. Определивши кредит таким или подобным образом, автор обыкновенно спешит перейти к восхвалению заслуг кредита, и тут он или утверждает, что кредит не производит богатства, а только способствует его увеличению, перенося капиталы из неумелых рук в умелые (как будто не все равно производит ли богатство кредит или способствует его увеличению?), или же, подобно Маклеоду, хочет уверить лег-

комысленную публику, что самый кредит, будущий платеж, есть непосредственное, наличное богатство. Далее следует перечисление видов кредита, выяснение отдельных его функций, его влияние на цены товаров, на вексельные курсы, на уровень процента и пр. Что всего более поражает свежего человека в этом отношении к делу, так это полнейшее отсутствие всякой дисциплины мысли, под влиянием которого сбрасываются в общую кучу всевозможные углы зрения, способы исследования, хвосты и лапки подмеченных как попало фактов, обрывки отвлечений и личных наблюдений. Так например, ordinarily исследователям кредита, большею частью, и в голову не приходит то простое соображение, что законы, по которым функционирует общественное хозяйство, ни под каким видом не могут основываться на личном настроении того или другого отдельного лица, на том, ощущает или не ощущает Иван к Петру доверие, и что, наоборот, само подобное настроение должно составлять результат данной общественно-хозяйственной организации. А, между тем, посмотрите, какие крупные последствия вытекают, по мнению экономистов, из отсутствия в данное время *доверия* к уплате долгов, — причина эта весьма часто объясняет в их глазах не более, не менее, как промышленные кризисы, иными словами, *застой* и *дезорганизацию* общественного процесса *производства* и *потребления*! Таким образом простой психический феномен, способ понимания людьми своих общественных отношений, своего общественного устройства, возводится на степень коренной, последней причины материальных преобразований в этих отношениях, в этой организации. Как будто не до последней степени ясно, что существование данной общественной организации составляет не последствие, а причину известного понимания ее людьми, и что самое это понимание носит на себе непосредственные следы особенностей данного общественного строя? Люди, рассуждающие подобным образом, выражают в сущности мнение, несколько не уступающее тому, в силу которого потеря армией сражения составляет результат панического страха, нагнанного на нее неприятелем, тогда как в самом деле сначала проигрывается сражение, а потом уже является паника, и, наоборот, выигрыш сражения внушает людям бешеную храбрость и неслыханную бодрость духа.

Каким же образом, спросит, может быть, читатель, удалось избежать всех этих подводных камней Марксу в его учении о кредитных сделках? Нам кажется, что цель эта автором «*Zur Kritik*» и «*Капитала*» достигается в силу того, что он перемещает точку зрения, с которой обыкновенно рассматриваются явления кредита. Он нигде или почти нигде не говорит ни слова о доверии, как об основании кредита, — доверие в его учении подразумевается само собою, как естественный результат такой организации общественного обращения денег и товаров, при которой

покупатель очень часто может рассчитывать на продажу собственного товара не прежде, как по истечении известного времени по совершении им покупки, и при которой, следовательно, отсрочка платежа во многих случаях представляет неизбежную необходимость. Он взглянул на кредитный акт, если так можно выразиться, не с того конца, с которого, большею частью, изучается этот последний, и рассматривает его исключительно со стороны той роли, которую играют в этом акте *деньги*. Столь ничтожная, по видимому, перестановка точки зрения принесла, тем не менее, неожиданные по своей важности результаты. Вот некоторые из них: во-первых, оказалось, что в основании кредитных актов лежит главным образом денежно-меновая сделка с отсроченным платежом; во-вторых, стало ясно, что деньги играют в этой сделке совершенно своеобразную роль—орудия платежа и потому почти изгоняются из крупных оборотов; в-третьих, обнаружилось, что никакой кредит сам по себе, т. е. доверие, облеченное в форму кредитной бумаги, не в состоянии оказывать своим количеством какого бы то ни было действия на цены товаров (см. напротив, Дж. Ст. Милль «Основания»), как не оказывает его и самое количество денег, потому что, наоборот, само зависит от размера цен товаров; в-четвертых, наконец, сделалось очевидным, что кредит не может увеличивать количества предметов потребления, а также, что если возможность отсрочки платежа способствует облегчению оборотов, то совершенно подобным же образом способствует ему и цена тысяча других вещей, как, например, снятие таможенных застав и пошлин, уничтожение паспортов, улучшение путей сообщения, более правильное обложение податями и т. д. и т. д. Все это ведет к заключению, что в учении Маркса о кредите мы ни разу не выходим из сферы реальных отношений общественной организации, иными словами, из сферы общественного разделения труда и вытекающего из него денежного обмена, ни разу не приписываем чудодейственной силы продукту простого воображения—доверию или недоверию.

Подводя общий итог исследованию о деньгах Маркса, мы насчитываем у него следующие пять самостоятельных денежных функций, пять различных ролей, отправляемых деньгами в обмене товаров между людьми: *всеобщий товар* или *орудие покупки*, *мерило ценности*, *орудие обращения*, *сокровище* и *орудие платежа*. Он присоединяет к этому числу еще шестую функцию—*всемирных денег*, но так как в этом случае деньги только возвращаются к своим первоначальным свойствам, теряя значительную часть фиктивных добродетелей, которыми одарены во внутреннем обращении отдельных стран, то, по нашему мнению, нет необходимости в том, чтобы признавать подобную роль вполне самостоятельной. Что касается первых пяти функций, то все они находятся во взаимной зависимости и развиваются одна из другой. Так, например, всеобщий товар естественно делается

мерилом ценности, потому что признается объединителем всех прочих товаров. Точно так же из функций всеобщего товара и мерил ценности вытекает свойство денег обращаться непрерывно, обращаться известным специальным образом, т. е. расклевывая непосредственный обмен на две сделки, и обращаться в определенном количестве,—иными словами, функция орудия обращения с ее результатами—обращением марок из низшего металла и бумажных денег с принудительным курсом, в качестве знаков, представляющих ценность благородных металлов, которые ими заменены. Будучи соединены в одно целое, все эти три функции денег дают существование четвертой—сокровища или резерва, которые находятся в постоянном отношении к обращению, то поглощая часть последнего, то возвращая ему часть собственного содержания. С другой стороны, от наличия тех же трех первых функций зависит и существование пятой, т. е. орудия платежа, которое возможно только для денег в качестве всеобщего товара, мерил ценности и орудия обращения. При отсутствии первого из этих качеств платеж было бы необходимо производить обыкновенными товарами, что при существовании производства товаров окончательно немислимо; при отсутствии второго, нечем было бы измерить величину долга; наконец, при отсутствии третьего, могло бы не оказаться в данную минуту налично орудия платежа.

Только соединение всех этих денежных функций в одно целое дает нам более или менее ясное понятие о различных особенностях денежного обмена, только совместное их изучение, в котором в то же время не упущены из виду индивидуальные черты отдельных денежных ролей, ведет нас к выяснению наиболее темных и запутанных явлений современной индустриальной системы. Если до-нынешние исследования автора *Капитала* и не исчерпывают этой задачи совершенно, то они во всяком случае открывают в высшей степени прочную и основательную почву для дальнейших исследований в этой сумрачной области.

Перейдем теперь к сравнительной оценке теории ценности и денег Маркса, с одной стороны, и соответствующей ей теории школы Рикардо с другой, чтобы иметь возможность правильно судить о том, что исследования Маркса составляют в сущности не что иное, как дальнейшее историческое развитие тех основных начал науки, которыми мы одолжены классическим экономистам, обогащенное успехами новейшего общественно-экономического изучения.]⁷⁰

Доктрина экономистов, признающих труд важнейшим регулятором меновых пропорций, успела придать ценности, как мы имели уже случай заметить, стойкие и прочные объективные основания, показав, что *относительный* меновой размер определяется сравнением *абсолютных* количеств труда, содержащихся в каждом из обмениваемых продуктов. Хотя большая часть

этих теоретиков, например Мак-Куллох*, Дж. Ст. Милль и часто сам Рикардо, говорят преимущественно о меновых *отношениях*, в пределах коих, по их мнению, вращается весь вопрос о ценности, но в то же время все они ясно показывают, что еще до установления того или другого менового отношения состояли уже налицо *абсолютные* моменты для сравнения, именно количества труда, заключенные в продуктах. Следующие, например, слова Рикардо не оставляют в этом отношении никакого сомнения: «По мнению Сэя**, ценность сукна увеличивается вдвое, когда удваивается труд производства сукна и когда, вследствие этого, сукно обменивается на количество других товаров, вдвое большее прежнего: это бесспорно. Но в том случае, когда облегчается производство этих товаров, а производство сукна остается при прежних условиях, и когда, вследствие этого, сукно *также* обменивается на двойное количество их, Сэй полагает, что опять удвоилась ценность сукна. Между тем, по нашему взгляду на предмет, следовало бы сказать, что ценность сукна осталась теперь без изменения, а ценность указанных товаров уменьшилась в два раза». Итак, мы видим отсюда, что доктрине школы не противоречит нисколько то, что меновая ценность одного и того же продукта может выражаться в двух различных количествах другого продукта (при одной и той же технике и при технике, изменившейся в производстве другого продукта) и оставаться при этом без изменения, благодаря единственно тому, что количество труда, содержащееся в первом продукте, не подвергается переменам. Но отсюда явно следует, что определение, придаваемое всего чаще этою школою ценности, именно: «ценность—это количество продукта, получаемое в обмен», не обнимает собою всех особенностей явления и должно быть изменено или исправлено. Если ценность продукта не изменяется, несмотря на то, что за него получается в обмен большее количество другого продукта, при условии, что уровень техники изменился в производстве этого последнего,—то очевидно, что ценность и это количество отнюдь не синонимы.

Если взять в рассмотрение какой-нибудь меновой акт, то мы действительно найдем, вслед за Марксом, что он представляет такое равенство двух обмениваемых продуктов, в котором каждый из них равен другому потому, что каждый равен чему-то третьему. *Равенство* продуктов оказывается, таким образом, чем-то посторонним самим продуктам, и, вместе с тем, оно совершенно совпадает с характеристикой менового акта, который

* «The capacity of exchanging for or buying other things is inherent in all commodities which, at the same time that they are in demand, are not spontaneous productions; but it can neither be manifested nor appreciated except when they are compared with each other... No article or product can have any exchangeable value, except in relation to some things else that is, or may be exchanged for it. We may as well talk about absolute height or absolute depth, as about absolute value» (Mac-Culloch «Princ.», p. 291—2.

** «Oeuvres complètes», p. 256.

представляет собою взаимное замещение двух *неодинаковых* продуктов. Много или мало будет продукта на той или на другой стороне акта или на обеих, обмен произойдет в том только случае, если эти количества будут равны между собою по отношению к количествам содержащегося в них труда или рабочего времени. Поэтому недостаточно сказать, что размеры обмениваемых продуктов, *ценности*, в обыкновенном смысле этого слова для школы, следуют за размерами труда, или *регулируются трудом*. Труд, а не продукт оказывается основным элементом отношения. Сам *труд* есть ценность, говорит К. Маркс. Иными словами, труд является единственным *общественным* образователем тех пропорций, в которых происходят меновые акты. *Труду отводится, таким образом, роль не только регулятора, но также и образователя меновых размеров*. Это определение ценности имеет важное научное значение потому именно, что совершенно примиряет взгляды на ценность как в изолированном, так и в меновом хозяйствах. Если элементы ценности и важнейший из них—труд состоит налицо и в изолированном хозяйстве, если меновое хозяйство не вносит в эту область существенных изменений со стороны содержания отношений, то очевидно, что нельзя говорить о ценности *меновой*, как о чем-то отличном или даже противоположном ценности потребления или полезности. Отлична от последней и в известном смысле противоположна ей не ценность *меновая*, а ценность *вообще*, т. е. труд в определенной форме. Труд в этой форме—абстрактной, общей, равной во всех отраслях—существует и в робинсоновом и во всяком другом изолированном хозяйстве. Но меновое хозяйство отличается от последнего тем, что труд принимает в нем эту общую форму, делающую его общественным трудом, не иначе, как путем обмена. Каждый специальный труд отдельной отрасли общественного разделения труда становится общественным, т. е. выполняет свое назначение, только под условием, что находит выражение в продукте другого специального труда, что приобретает форму *менового* ценности. Меновая ценность оказывается поэтому только *формой* труда, принимаемую последним в меновом хозяйстве. Такую форму труд находит в полезных качествах другого продукта, в потребительной его ценности.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению этих определений, скажем несколько слов о важности понятия об общественно необходимом рабочем времени. Только такое время, говорит К. Маркс, т. е. время, «определяемое данными общественно нормальными условиями производства и общественною средней степенью ловкости и интенсивности труда», образует ценность. Введение в науку этого понятия раз навсегда исключает всякую возможность обсуждения вопроса ценности в тех узких, атомистических пределах, в каких говорят о ней весьма многие экономисты; раз навсегда отрезан путь для таких возражений против теории Рикардо (Вальрас, Бастиа, Маклеод и др.), ко-

которые имеют целью показать неверность этой теории на отдельных меновых случаях. Никакой алмаз, найденный на улице, никакое масло, двадцать раз перевезенное из одного места в другое и обратно, не в состоянии поколебать в будущем ту истину, что меновые размеры устанавливаются *вообще* в соответствии с трудом, потраченным на производство продуктов. Продукт может обойтись отдельному производителю в известное время дороже, нежели обходится он среднему производителю среднего времени, но в обмене он берет за себя не больше, а столько же чужого продукта, сколько берет средний продукт. Ценность отдельного продукта подводится здесь под среднюю ценность; но только последняя может считаться общественной ценностью и служить первым и главным предметом исследования о ценности вообще. Продукт обошелся дешевле, но пока эта сравнительная дешевизна производства не стала общественной, владелец продукта пользуется на рынке известною рентой, которая также не нарушает закона средней, общественной ценности, потому что представляет особое и индивидуальное явление. Продукт может не быть продуктом в обыкновенном смысле этого слова, но индивидуальные случайности, исторические особенности могут сделать его продуктом общественного разделения труда, сообщить ему ценность, подвести ее под действительные общественные ценности, например, продукт труда проститутки, продукт труда чиновника, берущего взятку, и т. д. Но правильная комбинация тех приемов исследования, о которых мы говорили в своем месте, с точностью определяет роль и значение каждого из этих видов ценностей, внося их в отдельные категории и подвергая особым изысканиям. Ценность средняя исследуется в среднем месте и в среднее время, ценности специфические — в те специальные моменты и в тех специальных сферах, когда и где они проявляются. Исследование первого вида ценности предшествует исследованию второго вида, потому что относится к явлению более общему. Тот и другой не смешиваются между собою ни в каком случае.

Вникнем теперь подробнее в проводимое Марксом различие между конкретным и абстрактным трудом и вытекающие из него последствия. Прежде чем войти в разъяснение понятий о том и другом, Маркс говорит, как мы видели, о некоторых свойствах *товара*. Первое из этих свойств, говорит он, то, что каждый товар удовлетворяет какой-нибудь потребности, обладает потребительною ценностью. Но таково самое общее свойство товара. Потребительною ценностью товар должен обладать не для своего владельца, а для других. Сверх того, он имеет еще общественную форму — меновую ценность.

Школа Рикардо, т. е. как он сам, так и ближайшие предшественники и последователи его, вообще обращала очень мало внимания на общие условия обмена. Ряд писателей, начиная от Stewart'a, говорил о разделении в обществе труда и стремился определить вытекающие из него общественные выгоды. Но по отноше-

нию к обмену принцип этот обыкновенно понимался так, что каждая из обменивающихся сторон производит продукт для себя и только излишек его отдает в обмен*. Взгляд этот, представляющий меновые явления совершенного хозяйства в той простой форме, какую имеет первоначальный обмен, например, излишков от охоты, рыбной ловли и скотоводства, на произведения более передовых хозяйств, грешит самым существенным образом против господствующего принципа нынешнего хозяйственного общества. Принцип этот—такое разделение труда, при котором не только частные хозяйства не производят продуктов исключительно для себя, отдавая в обмен лишь излишек над собственными потребностями, а напротив, доля продукта, потребляемая самим производителем его, или совершенно незначительна, или не производится вовсе. Обстоятельство это теснейшим образом связано с теми громадными успехами современной хозяйственной техники, которые ставят отдельные хозяйства в совершенную невозможность производить как-нибудь иначе,

* См., например, Ad. Smith «Wealth of Nations», ch. IV: «Большая часть предметов потребления получается лицом посредством обмена *излишка* его произведений на такой же излишек произведений, изготовленных другими людьми». J. Mill «Eléments d'économie politique», p. 85: «Supposons que deux hommes aient *plus qu'il ne leur est nécessaire*, l'un, par exemple, de vivres et l'autre de drap, et que le premier désire plus de drap qu'il n'en possède, et le second plus de vivres; ce sera un grand avantage pour tous deux, que de pouvoir échanger une portion des vivres de l'un contre une portion du drap de l'autre. *Il en est ainsi dans tout autre cas*. M-c Culloch «Principles of politic. economy etc.», p. 92: «But the facility of exchanging, or the circumstance of been able readily to barter *the surplus produce of our own labour* for such parts of the surplus produce of other peoples labour as we may desire to obtain and they may choose to part with, is not the only advantage of the separation of employments». Дж. Ст. Милль «Основания политической экономии», т. I, стр. 157: «Разряд работников, производящий *более пищи, чем нужно ему самому*, может обмениваться с другим разрядом, производящим более одежды, чем нужно ему самому». Но в главе о международной торговле, т. II, стр. 103, Дж. Ст. Милль вслед за Рикардо находит неправильным взгляд на этот предмет Ад. Смита, заключающийся в том, что международная торговля открывает сбыт излишку продукта страны. «Таковыми выражениями,—говорит Дж. Ст. Милль,—возбуждаются мысли несовместные с ясным пониманием феноменов дела. Выражение «*излишек продукта*» наводит на мысль, будто бы стране есть какая-то необходимость производить хлеб или полотно, которые она вывозит; будто бы та часть товара, которую не потребляет сама она, производилась бы в чистую потерю, если бы не требовалась и не потреблялась за границею... Страна производит сверх собственной потребности товара на вывоз не по какой-нибудь необходимости, а потому, что это самый дешевый способ снабжать себя другими товарами». Автор не замечает, что совершенно то же возражение относительно неясности выражения применяется и к термину «*излишек продукта*», получающий сбыт внутри страны. И тут, как в международной торговле, слова «*излишек продукта*» возбуждают несоответствующее представление, будто бы сторонам есть какая-нибудь необходимость производить продукт для сбыта, и будто бы он ооочательно погиб бы для хозяйства при отсутствии спроса на него. Продукты и здесь производятся с этою целью потому, что это самый дешевый способ снабжать себя другими продуктами.

нежели под условием применения к делу наиболее экономических способов, и в том числе самого дробного разделения труда. Причина введения в хозяйственную деятельность все более и более важных усовершенствований состоит в необходимости производить все более и более продукта по возможно более дешевой цене, открывая при этом все новые и новые рынки. Мотивы стремления к удешевлению и увеличению количества продукта разъясняются только с помощью теории капитала. Но самый факт существования этого стремления достаточно объясняет, почему, в параллель с введенным разного рода технических улучшений, идет все более и более глубокое разделение труда не только внутри отдельных мастерских и фабрик, но также и в обществе самостоятельных хозяйств: Это разделение, наравне с усовершенствованием машин, орудий, способов производства, путей сообщения и пр., представляет могущественный рычаг удешевления продукта. Общественная комбинация производственного процесса служит источником добавочной производительной силы, которая вся переводится в добавочный продукт, не входя в счет его ценности. Таково общее следствие общественного разделения труда и разделения труда в отдельных отраслях промышленности.

По отношению к обмену первый род разделения влечет за собою взаимное замещение продуктов, производимых отдельными хозяйствами в исключительных видах удовлетворить чужой потребности. В этом смысле общественное разделение труда представляет совокупность различных конкретных родов труда, которые удовлетворяют своему назначению единственно под тем условием, что каждый из них облекается в форму продукта, соответствующего чужой потребности, и обменивается на другой продукт. Таковы общие условия обмена, при помощи которых совершенно удовлетворительно решается вопрос о потребительной и меновой ценностях. Различие конкретных родов труда служит источником того качественного различия между продуктами, без которого немислим обмен. Но тот же обмен требует и количественного сходства и находит его в равенстве количеств труда, отвлеченного от конкретных свойств своих и представляющего общий человеческий труд, затрату мозга, мускулов, нервов и т. д. Этот же самый труд имела в виду вся школа Рикардо, когда вела речь о регуляторе меновых пропорций; но она не пошла дальше, не вошла в различие между особыми родами труда, давшими материал представлению о труде общем и служащими основанием для сооружения формулы ценности. Смит, Рикардо, Дж. Ст. Милль говорят и о различных родах труда, о затруднительности сравнения между ними и пр. Все они приходят к результату, что, несмотря на значительные трудности, практике удается кое-как справиться с таким сравнением, хотя, быть может, довольно грубо и несовершенно. Но эти различия между трудом не те, о которых говорит Маркс. Здесь разумеется труд, требующий неодинаковой ловкости, неодинаковой подготовки и т. д.

Сходство или различие между видами труда, удовлетворяющими одинаковым или различным потребностям, представляют с этой точки зрения не более как второстепенное явление. У Маркса, наоборот, речь идет исключительно о различии видов труда по отношению к свойствам потребностей, о таком различии их, которое обуславливает обмен. Такие конкретные виды труда образуют потребительную ценность. Абстрактный, или общечеловеческий труд служит образованию меновой ценности вещей. Но труд последнего рода не сразу приобретает в умах людей такую форму, и меновая ценность также не сразу получает полнейшее свое выражение.

Первая или простая форма меновой ценности есть такая относительная ценность, которая представляет размер заключающегося в товаре человеческого труда, выраженный в потребительной ценности одного какого-нибудь товара или в числе единиц (пуд, аршин и пр.) этого последнего, соответствующих известному числу единиц конкретного труда, потраченного на производство его. Посредством этой формы ценность продукта получает отличный от потребительной его ценности вид. Труд, затраченный в продукт, приобретает общую форму и начинает носить двойкий характер. Но как меновая ценность, так и труд не достигают при этом тех форм, которыми они отличаются впоследствии. Равным образом и продукт не становится еще вполне товаром. Эквивалентом, материалом для выражения меновой ценности в каждом меновом акте служит один особый продукт. Пропорции устанавливаются вследствие этого чисто случайные, и, сверх того, продукты не могут быть сравниваемы между собою независимо от своих эквивалентов. Это первые боязливые шаги общественного хозяйства на пути развития меновых актов. Но, благодаря все более и более учащающимся меновым оборотам, меновая ценность товара начинает находить для себя выражение не в одном каком-либо случайном товаре-эквиваленте, а в целом ряде таких товаров. Такова, например, торговля бедуинов и индийских кочевников, которые, по словам Рошера, в обмен за масло приобретают почти все иностранные товары. Соль в Сахаре, каучук в индийской пустыне, мягкая рухлядь в Сибири играют ту же роль. По отношению к владельцам иноземных товаров все эти вещи имеют значение настоящих эквивалентов для проявления меновой ценности их товаров. По отношению же к кочевникам и бедуинам эквивалентами ценности их вещей служит все разнообразное множество иноземных товаров. Но все такие товары служат особыми эквивалентами для ценности масла, соли, рухляди и пр. Если бы, например, бедуин продавал, кроме масла, еще и излишек своего скота, то ему пришлось бы заново производить всю операцию сравнения ценностей скота и привозных товаров, потому что между скотом и маслом не имеется еще общих признаков для сравнения. Соль, масло и пр. представляют уже меновую свою ценность в более совер-

шенной форме нежели товар, имеющий только один эквивалент; труд, заключающийся в них, носит уже более общечеловеческий характер; они ближе по своим свойствам к товару вообще; но тем не менее, им остается пройти еще одну, важнейшую ступень, чтобы стать вполне ценностью, абстрактным трудом, товаром. Когда *все* товары проявляют свою ценность в каком-нибудь одном товаре, тогда меновая ценность их служит выражением действительно общечеловеческого труда, тогда они становятся вполне товарами. Найдя общий признак для сравнения между отдельными товарами и эквивалентом, хозяйства приобретают возможность сравнивать и отдельные товары. С помощью всеобщего эквивалента—денег, продукт приобретает действительно общественную форму и служит общественным потребностям. Товары становятся равными качественно, со стороны абстрактного труда, нашедшего себе общее выражение, и количественно, со стороны количества этого труда.

Содержащийся в деньгах частный и конкретный труд принимает непосредственно общественную форму, уравниваясь со всяким другим трудом. Все прочие товары, представляющие свою ценность в деньгах, не служат овеществлением непосредственно общественных работ. Одно различие в полезных качествах не делает еще продуктов товарами. «Если какое-нибудь крестьянское семейство», говорит К. Маркс, «производит для собственного потребления холст, масло или пшеницу, то по отношению к семейству эти вещи являются не более, как различными предметами семейной потребности, но отнюдь не товарами». «При непосредственно общественном труде», продолжает он, «продукты получают характер общего продукта для своих производителей, а не характер товаров, одни в отношении к другим. Общественная форма товара есть отношение его к другим товарам в качестве *равного* труда, т. е. в качестве *человеческого* труда вообще, каковы бы ни были конкретные его виды. В каждой общественной форме труда работы различных индивидуумов относятся между собою в качестве человеческих работ, но здесь самое это отношение является *специфически* общественной формой работ. *Ни одна из этих частных работ* в своей естественной форме не обладает этою специфически общественной формой абстрактного труда, точно так же как и товар в естественной своей форме не обладает общественной формой ценности. Но вследствие того, что естественная форма одного товара становится общею эквивалентною формою,—так как все другие товары относятся к ней, как к форме проявления своей собственной ценности,—*конкретный труд, создавший этот товар, становится* всеобщою формою проявления абстрактного человеческого труда, или *трудом в непосредственно общественной форме*. Так как отдельные частные работы не суть непосредственно общественные, то все они получают общественный характер, лишь противопоставляясь, уравниваясь с ка-

ким-нибудь одним исключительным родом частного труда» (стр. 31—33).

Перед нами возникают важные различия между изолированным и общественным хозяйством с одной стороны, и обыкновенным товаром и деньгами с другой. В конце первой главы и впоследствии мы обращали внимание читателя на то, что в изолированном хозяйстве состоят налицо все элементы ценности, и что роль совокупности хозяйств с разделенным трудом выражается по отношению к этим элементам единственно в том, что здесь ценность определяется, выясняется. Теперь мы можем прибавить к этому, что здесь собственно возникает *меновая* ценность, т. е. особый способ изображения человеческого труда в продукте, принадлежащем другой отрасли промышленности. Разница эта касается, главным образом, не содержания отношений, а формы их, но, тем не менее, она имеет весьма важное значение. Она одна в состоянии бросить свет на то явление, что в совокупности хозяйств с разделенным трудом «личное отношение людей между собою прикрывается вещною формой». Относя продукты своего труда друг к другу в качестве товаров, люди на самом деле сравнивают только различные работы, находя общее для них выражение в человеческом труде. Но отношение это является замаскированным—отношением между собою продуктов. «Собственное общественное движение производителей обладает для них формой движения вещей, под контролем которых они находятся, вместо того, чтобы самим контролировать эти вещи».

«Обмен рассматривался», говорит Ж. Б. Сэй, «в качестве основ общественного богатства, тогда как в действительности он ровно ничего не прибавляет к последнему... Существует множество богатства, произведенного и даже распределенного без помощи обмена... Когда крупный землевладелец Кентукки распределяет в среде своего семейства хлеб своих земель и мясо своих стад, когда он заставляет прясть и ткать у себя на дому свои шерсти и хлопок для собственного потребления, когда он перегоняет персики для приготовления домашнего напитка,— он и лица, принадлежащие к его хозяйству, производят и потребляют богатства, отнюдь не подвергавшиеся обмену». Нельзя однако согласиться с Сэем, что в таком изолированном хозяйстве вовсе не происходит обмена. Везде, где люди живут и работают вместе, устанавливается род разделения труда, пределы которого в самом крайнем случае определяются возрастными, половыми и т. п. естественными различиями между отдельными лицами. При распределении продукта между членами семьи сэева земледельца или между членами общины непременно произойдет то, что, за несовпадением роли производителя и потребителя того или другого рода продуктов в одном и том же лице, будет существовать род обмена. Но будет ли при этом обращать внимание на соотношение *между единицами продуктов*, со-

ставляющих результат деятельности отдельных лиц? Маркс отвечает на этот вопрос отрицательно, и, сколько нам кажется, с ним нельзя не согласиться в этом решении. Действительно, критерием для сравнения долей участия в общем продукте отдельных лиц в изолированном хозяйстве может быть также труд, но он сравнивается при подобных обстоятельствах *непосредственно*, без отношения как между единицами продуктов, так и между последними и всеобщим эквивалентом. В обществе с разделенным по отдельным хозяйствам трудом, где, во-первых, каждое отдельное хозяйство входит в меновые отношения с другими хозяйствами не иначе, как под условием сообщения своему продукту характера товара, где, во-вторых, известная средняя закономерность и планомерность хозяйственного строя выполняются единственно путем бесконечного ряда проверок и оценок, — труд становится общественным непременно при посредстве соотношений между ним и продуктами и непременно при посредстве всеобщего эквивалента. Здесь отношение между продуктами прикрывает собою отношение между отдельными работами и поэтому является в форме относительной ценности, там отношение между отдельными работами хотя и приводится в известность, но остается непосредственным. Здесь каждый отдельный род труда не имеет непосредственно общественной формы, но должен еще приобрести ее с помощью превращения в такой продукт, которому природой отношений присваивается форма, годная для сравнения меновых пропорций остальных продуктов; там всякий труд носит непосредственно общественную форму, т. е. непосредственно годную для сравнения с такою же других работ. По отношению к изолированному хозяйству слово ценность может означать только труд, по отношению к ряду хозяйств с разделенным трудом оно означает труд, выраженный в числе единиц другого продукта, и принимает название относительной, а в высшей своей форме, представляемой деньгами, — меновой ценности. Оуэны «рабочие деньги», т. е. листки бумаги, служащие удостоверением, что предъявитель их выполнил известное количество труда, суть столь же мало деньги, говорит Маркс, как и театральные марки. Такое удовольствие определяет только индивидуальную часть производителя в общем труде и в общем продукте. Оно предполагает существование непосредственного труда в таком обществе, в котором все продукты сбываются, т. е. получают назначение не иначе, как в форме товаров. Товарная форма немислива без существования *особого продукта*, в потребительной ценности которого или в натуральной форме выражается труд, заключенный во всех других продуктах.

Другое важное различие касается денег и обыкновенных товаров. Не имея возможности останавливаться на подробном развитии понятия денег у различных экономистов, мы ограничимся лишь краткими указаниями на отношение новой теории

к некоторым из прежних. Реакция меркантилизму, признававшему деньги за единственное или важнейшее богатство, выразилась в трудах господствующей школы столь же односторонним отрицанием за деньгами свойств, не принадлежащих другим товарам, сколько односторонне было меркантилистическое превеличение сравнительного значения денег. Посмотрим, например, что говорит о значении денег Дж. Ст. Милль, мнение которого об этом предмете можно считать одним из наиболее распространенных. «Страна, имеющая монету, отличается от страны, вовсе не имеющей ее, только тем, что делать обороты в ней удобнее, что выигрывается время и уменьшаются хлопоты: все равно, как легче молоть хлеб на водяных, чем на ручных мельницах; или, по сравнению, сделанному Ад. Смитом, деньги полезны в том же роде, как пути сообщения: считать деньги за богатство такая же ошибка, как считать шоссе, по которому вам удобнее всего доехать до вашего дома, за самый ваш дом или поместье»*. Но, умалив таким образом сравнительную роль денег, Дж. Ст. Милль немедленно прибавляет: «Удовлетворяя надобности, важной для государства и частных лиц, деньги справедливо считаются богатством; но богатство—также и все другие вещи, служащие для человеческих надобностей и недоставаемые природою за даром». Еще в одном месте** Дж. Ст. Милль утверждает, что «при отсутствии денег портной, не имеющий ничего кроме платья, может умереть с голоду прежде, чем найдет человека, желающего продать хлеб и приобрести платье». Итак, деньги лишь незначительный предмет удобства, деньги богатство, без денег члены общества подвергались бы опасности умереть с голоду. Которое-нибудь из этих трех утверждений непременно ошибочно, и мы имеем основания полагать, что ошибочно первое, но, отлагая в сторону эти противоречия, остановимся на время на понятии слова «богатство». Вопрос о том, что именно богатство и что не богатство, служит в политической экономии, наравне со множеством других вопросов, примером того, до какой степени люди бывают склонны название вещи принимать за самую вещь и, обсуждая смысл того содержания, которое может быть вложено в какой-либо термин, упускать из виду действительность и ее требования или приравнивать ее к более или менее случайным наименованиям. Обращаясь к источнику определений и характеристик, к самим хозяйственным явлениям, нетрудно заметить, что один род вещей добывается при помощи труда, другой достается людям даром. Различие между теми и другими существенно и важно потому, что только вещи первого рода служат источником отношений между обществом людей и вещами, а равно и между членами общества по поводу вещей. Что касается вещей второго рода, то они находятся в отноше-

* «Основания», т. I, стр. 10 и 11.

** «Основания», т. II, стр. 4.

ниях только с отдельными лицами. *Общественная* экономия может иметь дело исключительно с *общественными* отношениями и потому, естественно, оставляет в стороне отношения второго рода. Вещам, добываемым при помощи труда, уместно придать особое название, например—«богатство». Входя глубже в особенности предметов, которым придано такое определение, нельзя не видеть, что хотя все они служат человеческим потребностям, но не все одинаковым образом. Одни—орудия производства в собственном смысле—служат человеческим целям посредственно, другие—предметы потребления, поддерживающие человеческое существование на известном постоянном или возвышающемся уровне,—исполняют свое назначение, потребляясь непосредственно. К которой же из этих категорий следует отнести деньги; и вообще следует ли их относить к одной из них? По мнению одних экономистов, деньги—орудие производства; по мнению других, они—частью орудие, частью предмет потребления и т. д. На самом деле деньги не могут быть причислены ни к одной из этих категорий, а составляют самостоятельный вид богатства, возникновение которого имеет источником специфическую потребность общества с разделенным хозяйственным трудом во всеобщем эквиваленте для разнообразных самостоятельных родов труда. Форму денег, разумеется, принимает один из перечисленных видов *богатства*, и даже принимает ее непременно *такой* предмет, потому что в противном случае деньги были бы лишены одного из наиболее существенных своих свойств, именно—свойства служить материалом для выражения ценности всех других предметов богатства. Но, раз приняв эту форму, продукт приобретает столько специфических качеств, соответствующих его новым функциям, и, наоборот, до такой степени отодвигается назад первоначальное его свойство служить предметом потребления в собственном смысле, посредственного или непосредственного, что нет ровно никаких оснований причислять его к тем категориям, о которых шла речь выше. В чем состоят эти качества, каковы условия их возникновения, и как разграничиваются между собою функции денег—вот вопросы, которые с большою пользою могут занять исследователя, нежели опровержение давно потерявшего всякую почву учения меркантилистов. Поэтому, не совсем несправедливо, говорит Рашер*, что «большая часть новейших экономистов не обращала достаточного внимания на свойства, которыми деньги отличаются от всех других товаров», и что «в этом отношении нельзя смотреть на полумеркантилистическую реакцию Ganilh'я и St. Chamans'a, как на совершенно лишнюю смысл».

Нам нельзя согласиться с Дж. Ст. Миллем, когда он говорит, что страна, имеющая монету, только тем и отличается от страны, не имеющей ее, что делать обороты в ней *удобнее*, что

* «Principes d'économie politique», t. I, p. 276.

выигрывается время и уменьшаются хлопоты. Мы знаем, что логически неправильно (следуя тому же самому методу различия, который так прекрасно объяснен Миллем в его индуктивной логике) предполагать равными между собою две страны во всех отношениях, кроме присутствия или отсутствия денег,—неправильно потому, что деньги представляют не случайный, введенный только ради увеличения удобств, член общественно-хозяйственной системы, а напротив—безусловно необходимое, вполне интегральное звено всякого развитого общественного разделения труда. Предыдущий анализ Маркса, равно как и наш разбор его, полагаем, достаточно показали, что глубокое и многостороннее разделение труда не может обойтись без денег, потому что в таком случае продукты, произведенные различными конкретными родами труда, потеряли бы всякую возможность обмениваться одни на другие и находить себе тот сбыт, который необходим при условии производства для удовлетворения чужим потребностям. Только в крайне ограниченных пределах и только при отчуждении излишка над собственными потребностями возможны индивидуальные меновые акты без помощи всеобщего эквивалента. Но производство на сторону давно уже заняло место производства на себя в наиболее развитых хозяйственно странах Европы.

Итак, не существует никакой возможности сравнивать вслед за Миллем две такие системы, из которых одна совершенно немислива без денег, другая точно так же немислива при существовании их. Общественные функции денег, составляющие особенность их в отношении к другим товарам, должны быть определяемы при помощи иных приемов исследования, нежели те, к которым прибегает Милль, причем и проявляется, что они состоят не только в том, чтобы облегчать обороты и уменьшать хлопоты. Столь же мало уясняет сущность дела и тот довод Милля, что при отсутствии денег портной умер бы с голоду и пр. Портной умер бы,—это справедливо, но он умер бы точно так же, как без хлеба и без других вещей; и нельзя назвать характеристикой денег то, что составляет принадлежность множества предметов. В обществе с разделенным по отдельным хозяйствам трудом только владелец денег представляет лицо, обладающее продуктом непосредственно менеспособной формы, между тем, как владелец всякого другого продукта удовлетворяет своим потребностям только при обмене продукта сперва на деньги. Раскол непосредственный обмен на две противоположные фазы—покупку и продажу, введение денег имело следствием то, что продукт отдельного хозяйства, входя в каждую из этих фаз, проявляет свою ценность в деньгах, иными словами—каждая покупка есть в то же время и продажа, т. е. принятие отдельным товаром неизбежной для него формы денег*. Таков экономический факт,

* «Toute vente est achat». Quesnay «Dialogues sur le commerce et les travaux des artisans», p. 170.

и характеристические черты его до известной степени содержатся в приведенной нами фразе Милля. Но вслед за описанием факта должно идти объяснение его, а такого объяснения мы не находим ни у Милля, ни у других экономистов кроме Маркса.

Рикардо и вся его школа ясно понимают, что подобно всем прочим товарам деньги обмениваются не иначе, как в соответствии с количествами содержащегося в них труда. Так, например, в главе о монете и о банках Рикардо говорит об этом предмете следующее*: «Золото и серебро, подобно всем другим товарам, имеют лишь такую ценность, которая соответствует количеству труда, необходимому на их производство и доставку на рынок. Золото около пятнадцати раз дороже серебра *не потому*, что спрос на него больше, и *не потому*, что запас серебра в пятнадцать раз обильнее, нежели золота, а единственно *потому*, что требуется в пятнадцать раз более труда для получения известного количества золота (Смит, Сэй и Шторх держались противоположного мнения)». Но ни сам Рикардо, ни последователи его, занимаясь единственно исследованиями о размере ценностей и условиях, от которых он зависит, не обратили внимания на качественное различие между трудом, содержащимся в деньгах и в других продуктах, и не заметили, что только труд первого рода есть труд непосредственно общественной формы. Указанием и развитием этих важных различий Маркс дает объяснение вышеупомянутому экономическому факту и вносит важные дополнения в экономическую науку. Форма денег, говорит он, неизбежна для всякого товара потому, что, только проявившись в денежном материале, каждый конкретный род *труда* становится общественным.

Нельзя сказать, чтобы общественный характер денег совершенно ускользал от писателей, занимавшихся наравне с прочими экономическими вопросами исследованием об общих характеристических чертах всеобщего эквивалента. Всего больше привлекали их внимание функция денег служить мерилom ценности, свойство денег быть непременно продуктом или товаром, а не одним только представителем ценностей, количественные отношения товаров и денег в качестве орудия обращения**. Но, по временам, давалось место и вопросу о более общих и основных денежных свойствах. Так, например, мы находим следующий, относящийся сюда взгляд у Шторха***: «Деньги, как таковые, и если оставить в стороне ценность, которую может иметь материал, служащий для изготовления их, не имеют прямой ценности

* «Oeuvres complètes», ch. XXVII, p. 323.

** Мы оставляем, между прочим, в стороне также и теорию Рикардо о соотношении между количеством и ценностью денег и других товаров, на которой, с помощью некоторых дополнительных понятий, он построил учение об «экономическом и прочном денежном обращении»; развитие этой стороны вопроса о деньгах не находится в столь тесной связи с общей теорией капитала, чтобы нам останавливаться на нем.

*** «Cours d'économie politique», t. III, p. 3 etc.

(ценности потребления или полезности) ни для кого в отдельности; никто не может употреблять их для себя, каждый ищет их лишь с той целью, чтобы обменять их на другие вещи... Одни только деньги остаются всегда товаром и никогда не становятся припасами... Повсюду, где существует потребление, необходимы потребители; но кто же потребители денег? Общество в целом его составе... Деньги имеют прямую ценность только для общества, меновой же ценностью они обладают для каждого отдельного лица». В столь же общих чертах выражает то же понятие Ж. Б. Сэй*: «Монета удовлетворяет потребности каждого, потому что нет никого, кому не случилось бы покупать. Если я произвожу шелковые материи или изысканную мебель, то мои продукты не будут нужны каждому; но никто... не может обойтись без того, чтобы не обменять ценности, которыми обладает, на товар, равно годный для всех покупок, потому что он нужен всем продавцам, ибо не существует продавцов, которые не стали бы впоследствии покупателями». Автор «Nouveaux principes d'économie politique»** также обращает внимание на отличительное общественное свойство денег. «Деньги», говорит он, «...представляют единственное богатство, которое не возрастает вследствие обращения и не уничтожается потреблением. Они всегда выходят без изменения как из рук того, кто употребляет их с пользою, так и из рук того, кто расточает их на свои удовольствия...». Деньги играют роль посредника между сторонами, вступившими в договор, в качестве вещи, которая всем нужна и посредством которой каждый найдет то, в чем имеет непосредственную потребность. Свойство денег служить, не потребляясь, замечено еще Лоу***, который, между прочим, учил, что «монета не есть ценность, на которую обмениваются товары», но что «она ценность, с помощью которой обмениваются товары». Названия («marchandise universelle», «marchandise banale», «produit préféré») и т. п. точно так же имеют целью указать на общественную характеристику денег и на источник ее происхождения. Но все эти и подобные описания и разграничения грешат в том отношении, что, оставляя в стороне внутреннюю природу феномена, простираются на одни внешние его черты. Недостаточно знать, что в обществе с разделенным трудом деньги служат, переходя из рук в руки, и что здесь нет никого, кому не случилось бы продавать и покупать; требуется еще притти к решению, почему деньги связывают между собою все звенья цепи разделения труда, какими свойствами своими удовлетворяют они этому назначению. Делимость, удобоподвижность, большая ценность при малом объеме и большая часть других подобных же свойств, обыкновенно приводимых эконо-

* «Cours d'économie politique pratiques», t. III, p. 3 etc.

** Sismondi «Nouveaux principes», t. II, p. 2—3.

*** «Considérations sur le numéraire et le commerce».

мистами, составляют принадлежность не денег вообще, а благородных металлов. Какой бы предмет ни отправлял в обществе денежных функций, он одинаково служит осуществлением общечеловеческого труда в отличие от конкретных родов труда, содержащегося во всех прочих хозяйственных предметах. Благородные металлы отличаются от других предметов, избираемых для отправления означенных функций, только тем, что всего лучше приспособлены к ним в естественной своей форме. Важнейшая роль принадлежит в этом отношении равнокачественности и делимости золота и серебра. Первое из этих свойств удовлетворяет функции всеобщего эквивалента, которая требует одинакового материала для представления различных родов труда, второе соответствует функции мерила ценностей.

Мы сказали выше, что под влиянием преобладания анализа размера ценностей экономисты сосредоточивали большую часть внимания на количественных сторонах вопроса о деньгах. Ад. Смит, Рикардо, оба Милля и множество других писателей постоянно обходили вопрос о форме ценности и занимались исключительно исследованиями о размере ее и условиях, от которых он зависит. Уяснение функции денег служить мерилем ценностей, исследования о том, какое количество денег необходимо для обращения товаров, какую роль играет в этом отношении быстрота обращения денег, какое влияние оказывает количество денег на ценность денег и товаров и т. д.—представляют главнейшее содержание как специальных трактатов о деньгах, так и тех отделов, которые посвящены этому предмету в трактатах общеэкономических. Неудивительно поэтому, что формальная сторона вопроса, именно определение тех специфических особенностей, которые характеризуют денежный обмен в хозяйствах с разделенным трудом, и на которых сосредоточил свои исследования К. Маркс, была оставлена экономистами в стороне. Вдаваться в подобный разбор отношений его теории к прежним мы не считаем себя вправе, боясь перейти за пределы той задачи, которая лежит в основании нашего труда:

ГЛАВА V

ПОНЯТИЕ О КАПИТАЛЕ

«Теория ценности»,—говорит один из новейших немецких экономистов*, «и развитие понятия о ней имеют свою историю; напротив, понятие о капитале находится еще в зародышном состоянии». Действительно, подробные и тщательные исследования о капитале появились в экономической литературе гораздо позже и привели к несравненно более бедным результатам, нежели исследования о ценности. В то время, как множество французских, итальянских и английских писателей XVII и XVIII вв. посвящают значительную часть своих сочинений вопросу о ценности, теория капитала остается вообще или едва затронутой или обсуждается под несоответствующею формою сравнительной выгодности для страны той или другой отрасли промышленности—земледелия и ремесл, торговли внутренней и внешней и т. п. Некоторые стороны учения о ценности были не только намечены прежними писателями, но и разработаны столь удачно, что вошли целиком в позднейшие исследования. Теория капитала и в наше время представляет скорее массу разбросанного и случайно спаянного материала, нежели стройное научное целое. Физиократы слишком усиленно занимались разработкою теории феодально-хозяйственных отношений, они были слишком поглощены теориею *produit net* и мыслью об исключительных свойствах земли давать средства существования; меркантилисты сосредоточивали слишком много внимания на доктрине торгового баланса и на сопредельных с ней вопросах. Все эти обстоятельства, а, главное, та совокупность экономических явлений, среди которой жили представители той и другой доктрины, служили препятствием разработке учения о капитале. «Первоначальные, поземельные и ежегодные затраты» физиократов служат, в известной степени, прототипом позднейших представлений о капитале, но, будучи поставлены вне всякого соотношения с понятиями труда и ценности, категории

* Dühring «Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre», S. 354;

эти не повлекли за собою важных для науки результатов. Только начиная с Тюрго и Ад. Смита теория капитала приобретает почетное место в экономических трактатах и становится предметом все более и более обширных исследований.

Укажем в двух словах на общие, коренящиеся в природе экономических отношений, причины такого явления. Та доля общественного богатства, которая производится и потребляется косвенно, в видах достижения целей прямого и непосредственного производства и потребления, и которая, по общему признанию всех экономистов, бесспорно входит в понятие капитала, только в новейшее время приобрела то крупное количественное и качественное значение, каким она пользуется в современных мастерских европейских мануфактур и фабрик. Новые экономические феномены, возникшие с появлением и применением к делу громадной массы орудий, машин, построек, путей сообщения и пр., естественно и необходимо останавливали на себе внимание исследователя и требовали разъяснения. В высшей степени интересно и важно было установить причины различия между теми общественно-хозяйственными условиями, которые давали возможность применять к производству лишь небольшое число простых плугов, ручных ткацких станков, грунтовых дорог и каботажных судов, и теми, которые создали и применили бесконечное множество и разнообразие новейших машин самого сложного устройства, действующих посредством пара, электричества и пр. Удешевление продукта, широкое разделение труда, сбыт на отдаленнейшие рынки, экономические кризисы, колебания задельной платы,—таковы совершенно новые явления современной индустрии, находящиеся в теснейшей связи с развитием и распространением так называемого постоянного капитала. С другой стороны, отношение значительной части населения к другой доле общественного богатства, именно к предметам непосредственного потребления, приняло в новое время, под давлением законов ценности, населения и разделения труда, столь своеобразный вид и поставило на очередь столь важные задачи непосредственного, практического интереса, что оставлять его долее при тех несложных положениях, которые были выработаны предшествующею наукой, не представлялось никакой возможности. Все эти обстоятельства, не говоря о многих других, о которых было бы излишне распространяться в столь общем очерке, как этот, достаточно объясняют сравнительно позднее появление в науке исследований о капитале. Что касается исследований о ценности, то главная причина более раннего появления их заключается в том, что как непосредственный, так равно и денежный обмен составляют явление, в значительной степени опередившее в некоторых сферах ту степень разделения труда и развития других условий современного хозяйства, которая делает заметными и позволяет изучать сложные феномены капитала.

Но чем же можно объяснить те успешные результаты, которые достигнуты исследователями ценности сравнительно довольно рано, и ту сбивчивость положений о капитале, которая составляет преобладающую черту большей части даже современных теорий последнего? Явление это объясняется, как нам кажется, единственно тем, что материалы для обработки теории ценности несравненно более доступны и просты, нежели материалы вопроса о капитале. Труд и полезность—вот и весь основной материал для первоначальной теории ценности, очищенный от посторонних наростов и примесей. Напротив того, сложность и разнообразие [гораздо более конкретных явлений капитала, дохода и пр.]⁷¹ достигают таких размеров, что совместить и согласовать между собою все те различные точки зрения, которые возникают на этой почве, представляется делом первостепенной трудности.

Подобно термину «ценность» и понятию, соединяемому с ним, название «капитал», вместе с тем содержанием, которое заключалось в нем, перешло в науку из разговорного языка и из практического быта. Обстоятельство это повлекло за собою приблизительно одинаковые последствия, как по отношению к ясному представлению о ценности, так и по отношению к правильному взгляду на капитал. И там, и здесь наука не вдруг освобождается от частнохозяйственных и временных точек зрения, установленных практикою для удовлетворения нуждам дня. Разница состояла лишь в том, что неясность и сбивчивость понятия о капитале в сравнении с такими же недостатками понятия о ценности находились в прямом соответствии с теми сравнительно большими препятствиями, которые предстояло преодолеть сначала так называемому обыкновенному здравому смыслу, а впоследствии и более утонченным методологическим орудиям науки при обсуждении сложных феноменов капитала. Правильное решение вопроса о капитале могло составить результат лишь таких приемов исследования, которые способствовали бы всестороннему анализу особенностей, представляемых соответствующими экономическими явлениями. Всего менее могла располагать подобными приспособлениями практика, которая всегда и везде отличалась узкостью и ограниченностью поля зрения, неумением стать выше индивидуальных и местных явлений и полным отсутствием объективности. Но нельзя сказать, чтобы и наука употребила все те средства, которыми могла воспользоваться для достижения правильных научных результатов по отношению к теории капитала.

Первым и вместе главнейшим источником разногласий в упомянутом научном вопросе служит различный способ взора на предмет, смотря по выбору того или другого порядка, времени и области наблюдения. Вместо того, чтобы, как это делается с чисто инстинктивной прозорливостью во множестве других научных вопросов и теорий, начинать исследование

с наблюдения наиболее *простых, крупных и общих* явлений капитала и *постепенно* переходить к тем осложнениям, которые прирастают к этим явлениям сначала вообще, потом в отдельных странах и в отдельные эпохи, весьма многие писатели или *сразу* кидаются в определение наиболее сложных форм упомянутых явлений, или, что еще хуже, делают внезапный скачок от простых и общих отношений к наиболее *сложным, мелким и частным*. Данный экономический строй, феномены которого требуют разъяснения, не явился готовым, как Минерва из головы Юпитера, а, напротив, рос и усложнялся множеством хозяйственно-исторических и местных отношений в течение целого ряда веков. Есть в экономическом порядке данной страны или эпохи много такого, что составляет принадлежность каждой страны или эпохи; есть, наоборот, и много такого, что служит выражением временных или местных особенностей. Эти крайние звенья цепи экономических явлений связаны между собою целым рядом явлений переходных, которых сложность, размеры и конкретность возрастают по мере приближения к феноменам второй категории. Чтобы притти к таким научным формулам, которые были бы в состоянии обнять сполна все содержание действительности, необходимо прежде всего постараться отдать себе отчет, в какой степени исследуемое явление принадлежит среднему времени и месту, и в какой степени оно представляет особенность меньших районов места и времени. Только сложив итоги сделанных в таком порядке наблюдений, можно получить в результате действительно ценную научную истину. Начав же исследование или прямо с наиболее сложных явлений, или, хотя и с наиболее простых, но оставляя без объяснения весь ряд промежуточных звеньев между такими явлениями и наиболее сложными, нельзя рассчитывать на достижение прочных и важных научных выводов.

Так нарушается правильный ход исследования. Что касается времени и области последнего, то и эти условия избираются часто совершенно случайно и произвольно. Известная историческая эпоха, отдельная страна, частное хозяйство, нередко служили полем для наблюдения таких особенностей явления, которые могли быть поняты только с точки зрения всей народноэкономической жизни всякой страны, общественного хозяйства.

Рассмотрение теории капитала даст нам грубый и приблизительный пример общего решения вопроса на основании указанных приемов, а равно укажет на те заблуждения, причина которых коренится в невнимании к соблюдению этих приемов.

Наиболее распространенным и важным критерием капитала справедливо явилось отношение известной части труда и предметов потребления к производству. Вот несколько определений, представляющих в сравнительно чистом и беспримесном виде

эту сторону вопроса. По мнению Carey*, «капитал есть орудие, посредством которого приобретает господство над природой». По Бастиа** «капиталы суть орудия труда». По Отту*** «между духовною деятельностью, первоначальным двигателем труда, и продуктом, целью и последним его результатом, для исполнения труда необходим посредник, средство, орудие; этот посредник—орудие труда». По Storch'у**** «фонд принимает название капитала, если он посвящен на материальное производство». Слово «орудие» употребляется здесь, повидимому, в своем простом и прямом значении, именно—значении предмета, оказывающего пособие при исполнении производства. С такой точки зрения под капиталом приходится разумеать только совокупность таких вещей, которые технически, по самому своему устройству, служат производительной деятельности. В чем заключается служба этих вещей, об этом будет речь ниже. Во всяком случае ясно, что действительно существует важное различие между орудиями для производства предметов непосредственного потребления и самими этими предметами. Первые производятся и потребляются косвенно, посредственно, вторые, наоборот, прямо и непосредственно. Но, с одной стороны, способность прилагаться к ряду аналогических явлений, которою обладает слово «орудие» в разговорном языке, с другой, некоторые действительные параллели побудили экономистов обобщить означенное выражение и на такие предметы, которые по своей природе могут быть причислены к категории орудий не иначе, как условно. Из числа экономистов, высказывающихся в этом отношении совершенно категорически, упомянем прежде всего о писателе, теория которого представляет главный предмет нашего обсуждения, именно Рикардо. «Капитал», говорит он*****, «есть та часть народного богатства, которая употребляется на производство. Она состоит из съестных припасов, одежды, орудий и утвари, из первоначальных материалов, необходимых для того, чтобы сделать труд производительным». Прямой последователь Рикардо, Дж. Милль*****, следующим образом перечисляет предметы, входящие в понятие о капитале: «Пища и другие предметы, употребляемые рабочими, сырой материал, над которым они трудятся, и орудия всякого рода, употребляемые ими для облегчения труда, получили название капитала». Наконец Дж. Стюарт Милль обобщает понятие о капитале английской школы в таких выражениях*****: «Капиталом называются все те вещи, которые назначены... к снабжению произ-

* «Manual of Social Science», p. 374.

** «Harmonies Economiques», p. 218.

*** «Traité d'Economie sociale», p. 111.

**** «Cours d'Economie politique», t. I, p. 250.

***** «Oeuvres complètes», p. 68 et 255.

***** «Eléments d'Economie politique», p. 10.

***** «Основания», т. II, стр. 70.

водительного труда предварительными условиями, которых он требует». Дж. Ст. Милль и Рикардо дополняют свое определение некоторыми новыми характеристиками, именно тот и другой, говоря о труде, который поддерживается капиталом, называют его «производительным», а Дж. Ст. Милль, сверх того, употребляет термины «назначение вещей для производства» и «предварительные условия». Но, оставляя на время в стороне эти осложнения первоначального вопроса, посмотрим, в какой степени соответствует общим методологическим приемам соединение в одну группу собственно орудий производства и предметов непосредственного потребления под общим наименованием капитала. Необходимость считать пищу и другие предметы потребления наравне с орудиями и машинами, за общие условия производства и, на этом основании, включать те и другие в один и тот же класс капитала, кажется на первый взгляд совершенно очевидною и не допускающею никаких возражений. Действительно, без пищи, без одежды, без топлива и т. д. человек лишен возможности трудиться и, следовательно, удовлетворять будущим потребностям. Тем не менее, упомянутый способ воззрения может считаться справедливым только в известном, условном смысле. Иными словами, то или другое решение вопроса зависит в этом случае, как и во множестве других, от той исходной точки, которая будет выбрана исследователем. Наблюдение более общих, простых и крупных отношений приведет к иным результатам, нежели наблюдение отношений более частных, сложных и мелких. Если охватить одним взглядом все течение экономической жизни человечества, то нельзя не видеть, что на первом плане отправляются в ней две великие функции человеческого организма—производство, т. е. приведение предметов внешней природы в состояние, годное для удовлетворения человеческим потребностям, и потребление, т. е. поглощение, истребление этих предметов человеком. Чтобы придать находящимся в природе вещам соответствующий своим целям вид, человек или, что одно и то же, общество людей употребляет ряд усилий, затрачивает свою рабочую силу. Опускаясь ступенью ниже, можно заметить, что одна часть этих усилий расходуется непосредственно на предмет труда, другая комбинирует силы природы в том или другом орудии так, чтобы действие последних, вместе с действием непосредственно израсходованного труда, приводило к желаемому результату. Таким образом, разлагая на части *производство*, мы приходим к весьма важной классификации самого труда, а именно: мы различаем труд, потраченный на приготовление *орудий* для непосредственного *производства*, и *непосредственный труд*, результатом которого является *продукт*. К этой классификации труда мы обратимся ниже, когда будем говорить о постоянном и оборотном капиталах. [Что касается, далее, второй общественно-экономической функции, *потребления*, то в параллель к классификации производства

или труда на работу *посредственную и непосредственную*, само потребление также бывает *посредственное и непосредственное*, смотря по отношению его к трению и потреблению машин и материала, или к потреблению готовых продуктов людьми. При этом, каждое *производство* служит таким же *необходимым предыдущим* каждого дальнейшего *потребления*, как и наоборот, каждое *потребление* является *предыдущим* дальнейшего *производства*. В этом смысле, действительно, предметы потребления рабочего или заработная плата входят в одну категорию с орудиями и материалами производства, насколько они также *потребляются*. Но отсюда до идеи о том, будто заработная плата потому причисляется к орудиям производства и к материалам, что составляет часть фонда капиталиста, — еще очень далеко. Это предположение верно только в юридическом смысле, но нисколько в экономическом, в котором всякий рабочий сам производит свою заработную плату, следовательно, платеж ее со стороны капиталиста рабочему — чисто фиктивный. К этому предположению могло только повести выражение заработной платы в денежной форме, маскирующей ее внутреннюю природу, которая состоит в том, что труд рабочего длится, сверх необходимого, еще и прибавочное рабочее время.]⁷²

Против слияния упомянутых [предметов потребления рабочих в одну категорию с капиталом]⁷³, высказался в новейшее время экономист Dühring*. «Так как средства существования», говорит он, «состоят вообще из всех предметов потребления трудящихся и руководящих производством классов, то оказывается, что все потребление народа постоянно входит в означенное понятие капитала». Кроме других доводов, он оспаривает это положение тем, что оно носит частнохозяйственный характер, что понятие об орудиях производства напоминает собственно орудия и машины, с помощью которых ведется производство, что в идее капитала, как орудия производства, рабочая сила предполагается уже *данною*, и что этот характер ее устраняется предположением, что нужны еще средства для ее производства, что, наконец, научный инстинкт, чувство симметрии и порядка, словом — чисто эстетическая сфера предохраняет нас от усвоения указанного взгляда на вещи. Вникая ближе в основания упомянутого воззрения, нельзя, действительно, не видеть, что оно запечатлено, если не частнохозяйственными, то во всяком случае, временно историческими чертами, и что в этих последних, быть может, лежит главная причина продолжительного и почти безысключительного его господства в экономической науке. Но какие бы мотивы ни послужили возникновению упомянутого взгляда, он находит себе сильную поддержку в *общехозяйственном* свойстве большей части предметов потребления действительно служить будущему *производству*. Следует только пом-

* «Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre», S. 359.

нить, что совершенно *такими же* качествами обладает по отношению к *потреблению* всякий, без различия, труд. Что касается второго довода Dühring'a, то, будучи дополнен некоторыми из тех соображений, которые сделаны выше, он представляется довольно полновесным и удовлетворяет важнейшим сторонам вопроса. Инстинкт, симметрия и эстетическая точка зрения, как разумеется само собою, не могут считаться серьезными доказательствами того или другого взгляда и, в лучшем случае, являются не более, как бессознательным выражением невыясненной истины.

Переходя к дальнейшему развитию понятия о капитале, мы встречаем новое осложнение этого понятия, именно—капитал есть масса *накопленного* труда или продукта. Уже в приведенном выше мнении Storch'a мы натолкнулись на выражение «фонд», которое, несмотря на свою неопределенность, довольно осязательно указывает на идею накопления. Та же идея господствует в представлениях Тюрго и Смита. Ж. Б. Сэй прямо называет капитал накоплением продуктов. Рикардо в главе о прибыли неоднократно употребляет слово «накопление», хотя и не придает ему смысла необходимой характеристики понятия капитала. Вообще, внося в науку ряд новых точек зрения, Рикардо, по всей вероятности, встречал, чуть ни на каждом шагу, необходимость исправить или изменить те или другие определения, но будучи слишком занят непосредственными следствиями своих положений о ценности, ренте, заделной плате и пр., оставлял многие из них без внимания. Но уже Дж. Милль называет капитал *накопленным* трудом, в отличие от труда непосредственного*. Дж. Ст. Милль также утверждает**, что «капитал—это предварительно *накопленный запас* продуктов прежнего труда». Carnard в своих «Principes d'Economie politique» находит***, что «только *накопив* известное количество излишнего труда, человек мог выйти из дикого состояния и последовательно создать все искусства, машины и средства к увеличению труда, упрощая последний». Отт замечает****, что понятие о капитале заключает идею *накопления*. Прудон в своем споре с Бастиа о законности процентов, приведя определения капитала Сэя, Росси, Жозефа Гарнье, делает заключение*****, что идея накопления обща всем этим определениям. Не обращая пока внимания на те новые категории, о которых идет речь в приведенных мнениях, именно на категории «излишнего труда» и «сбережения» или «сохранения», остановимся исключительно на понятии накопления. С первого взгляда представляется очевидным, что понятие это прилагается безразлично

* «Éléments d'Economie politique», p. 100.

** «Основания», т. I, стр. 69.

*** Р. 5.

**** «Traité d'Economie sociale», p. 113—114.

***** «Intérêt et principal», p. 128 et suiv.

то к труду, то к продукту. Так Дж. Милль и Дж. Ст. Милль разногласят между собою в этом отношении, несмотря на то, что вообще принадлежат к одной и той же школе и справедливо считаются одними из лучших представителей ее. По мнению первого, капитал есть накопленный труд в отличие от непосредственного; по мнению второго, капитал—накопленный продукт прежнего труда, очевидно в отличие от продукта настоящего труда⁷⁴. Один писатель употребляет выражение «накопленный труд», другой—выражение «накопленный продукт»,—и это не возбуждает никаких пререканий. [Между тем, очевидно, что в первом случае речь идет о *посредственном производстве* (материалов и орудий), во втором о *посредственном потреблении* (стирании орудий и перемене формы материалов), и следовательно допускается не только отличная от первого категория—*непосредственного производства*, но и отличная от второго категория—*непосредственного потребления*. Оба вида производства относятся к обнаружению рабочей силы, оба вида потребления относятся к пользованию ее результатами, т. е. продуктами. Спросим себя теперь, в какой именно степени необходимое условие понятия о капитале представляет идея накопления?]⁷⁵ Каждый из писателей, давших капиталу упомянутое определение, разумел под накоплением прежде всего суммирование, интегрирование отдельных величин труда или продукта. В результате получилась формула, определяющая *качество* известных предметов *количественным* признаком, включая в понятие капитала только представление о *множестве*, о *большом* количестве предметов. Будь эта формула правильна, нельзя было бы ничего возразить против такого способа указания на особенности явления. Но она совершенно противоречит не только предыдущему определению капитала тех же самых экономистов, а именно—капитал есть орудие производства в обширном смысле, но и такому определению его, которое простирается только на известную часть предметов, именно—на орудия труда и [материала]⁷⁶ в тесном смысле. В понятии об орудиях производства или [материалах]⁷⁷ не содержится ровно ни одной черты, которая указывала бы на большие их размеры. Неужели лук дикаря или лопата садовника перестают быть орудиями на том основании, что как тот, так и другая существуют лишь в одном экземпляре, стоили лишь незначительных затрат рабочей силы? Неужели формула, причисляющая к капиталу пищу и вообще предметы продовольствия, оттеняет их такой характеристикой только тогда, [когда они представляют громадную массу труда и потребления?]⁷⁸ Что это не так, что, внеся в определение капитала идею количества, экономисты не обогатили общего понятия о нем существенною чертою—это до такой степени очевидно, что мы имеем полные основания отрицать эту характеристику, по крайней мере, по отношению к орудиям производства⁷⁹ *в среднее время и в сред-*

нем месте. [Что касается некоторых специальных эпох, например, капиталистической, то им упомянутое определение может соответствовать вполне.]⁸⁰

Но, быть может, выражение «накопленный» имело целью указать на противоположность между значительными промежутками времени, которые израсходованы на собирание известных количеств труда или продукта, удовлетворяющих целям производства и потребления косвенно, и тем ничтожным временем, какое тратится на самое производство и потребление? Такую точку зрения подтверждает, между прочим, и слово «запас», весьма часто употребляемое экономистами в отношении к вещам, получившим название капитала. Но взгляд этот вообще справедлив только относительно сравнения *целого ряда* операций производства и потребления, исполненных над орудиями того и другого, с *одной* операцией производства и потребления непосредственных. Но если пожелать сравнить ряд тех и других операций как посредственного, так и непосредственного потребления и производства, то, за отсутствием всякого критерия сравнения, нельзя притти на этот счет ни к каким определенным результатам. Какая-нибудь машина производится в течение года, а служит непосредственному производству то десять, то двадцать лет, смотря по способу употребления ее и пр. Потребляясь в производстве в течение одного периода времени, та же машина дает продукт, потребляемый в течение иных периодов времени и пр.

Нам предстоит теперь перейти к обсуждению наиболее важных частей общей теории капитала. Части эти обнимают способность капитала воспроизводиться и приносить доход. Наиболее важными мы считаем их потому, что, если не ошибаемся, обе они, и особенно вторая, служили в экономической науке главным отличительным признаком капитала от некапитала, а также одним из главнейших мотивов к разработке теории капитала. Что касается способности капитала воспроизводиться, то наиболее общие хозяйственные отношения представляют ее в следующем виде. Одна часть общественного богатства, именно та, которая служит производством по самому своему назначению (орудия, машины и т. д.), будучи употреблена в дело, потребляется или уничтожается в течение более или менее продолжительных периодов времени. Чтобы хозяйство страны или народа сохраняло правильное и равномерное движение, вся масса орудий, машин и т. д. должна быть непрерывно *пополняема*, ремонтируема. Другой разряд богатства—предметы продовольствия, в число которых входит вся совокупность вещей, удовлетворяющих потребностям среднего человека, страны или эпохи, потребляются по мере своего изготовления и при равномерном течении хозяйственной деятельности, должны быть непрерывно *восстанавливаемы*. Отсюда мы видим, что правильное чередование производств и потреблений богатства того

и другого разрядов составляет необходимое условие хозяйственной жизни страны или народа. Как орудия и машины, так и предметы продовольствия *воспроизводятся* по частям или всецело, смотря по своему назначению и употреблению в хозяйственной деятельности. Но воспроизводятся, как нетрудно видеть, не одни только орудия,—воспроизводится положительно вся масса предметов, служащих для удовлетворения средних общественных потребностей. Между тем большинство экономистов полагало, что понятие о воспроизведении составляет характеристическую черту только капитала, а следовательно и того труда, который употребляется производительно. Так, например, у Storch'a встречаем следующее определение капитала*: «Фонд богатства, употребленный на материальное производство, беспрерывно воспроизводится... Фонд богатства, предназначенный на производство нематериальное, перестает быть фондом богатства и превращается в блага внутренние, в ценности нематериальные». То же самое говорит Ott**»: «Накопленные продукты входят в состав капитала не иначе, как под условием, что они предназначены на воспроизведение». «С точки зрения генерического значения слова», утверждает Wolkoff***, «капитал значит основное имущество (principal), в противоположность ежегодному доходу, вытекающему из него». «Капитал», пишет Dühring****, «есть все, что служит источником пользования». По мнению Негмацц'a, капитал есть благо, имеющее назначением *сохранять* свою ценность и составлять продолжительное основание пользования, имеющего меновую ценность. Ряд цитат из сочинений важнейших представителей английской школы—Смита, Мальтуса, Рикардо, Мак-Куллоха, обоих Миллей, подтвердил бы тот же взгляд на воспроизводительную способность исключительно капитала. Но общеизвестность этого способа воззрения позволяет ограничиться приведенными ссылками. Нетрудно [однако]⁸¹ заметить, что способность капитала воспроизводиться противопоставляется экономистами не отсутствию этой способности у предметов непосредственного потребления, а отсутствию ее у предметов совершенно новой категории, именно—категории *дохода*. Те экономисты, которые, по ошибке или сознательно, пожелали держаться в одно и то же время как той, так и другой классификации, впали в крупное противоречие. Так, например, Рау, разделив предварительно***** продукты, входящие в состав народного богатства на два разряда, именно—на предметы, служащие увеличению, а следовательно и восстановлению народного богатства, или *капитал*, и на предметы, предназначен-

* «Cours d'Economie politique», t. I, p. 251.

** «Traité d'Economie sociale», p. 113—14.

*** «Lectures d'Economie politique», p. 134.

**** «Kritische Grundlegung», S. 356.

***** «Traité d'Economie nationale», p. 43—44.

ные к доставлению непосредственных выгод, к удовлетворению человеческим потребностям и удовольствиям, или *продукты*, предназначенные для *потребления*, — спустя несколько страниц*, забывает свое подразделение и причисляет к капиталу средства существования рабочих. Такая точка зрения, которая бы допускала принятие той и другой классификации, действительно существует, и не только существует, но она-то и есть истинно научная точка зрения; но она требует такой комбинации приемов исследования, какой нельзя встретить у экономистов, признающих, подобно Рау, годность обеих параллелей, но ничем не примиряющих того разительного противоречия, по которому средства продовольствия оказываются в одно и то же время и капиталом и некапиталом.

Итак, свойство воспроизводиться приписывается капиталу в противоположность доходу. Под доходом вообще разумеется общая сумма продукта, полученная из всех хозяйственных источников в определенный, например, годичный промежуток времени. Такой доход называется валовым. Излишек, остающийся за вычетом той части продукта, которая идет в натуральной форме на восстановление машин, орудий, рабочей силы и пр., называется чистым доходом. Эта последняя часть продукта, по единогласному мнению экономистов, может расходоваться или на увеличение размеров производительной деятельности страны, или на предметы непосредственных потребностей капиталиста, землевладельца и т. д. Все эти потребности отличаются тем, что удовлетворение их не служит источником производства новой части такого продукта, который впоследствии мог бы вновь служить на поддержание производства. Таким образом, противоположность между воспроизводительной способностью капитала и отсутствием ее у дохода приводит к противоположности между капиталом и *чистым* доходом, т. е. таким, который составляет излишек над удовлетворением наиболее общих потребностей среднего человека. Только чистый доход общества может не воспроизводиться, а напротив — потребляться без остатка, [хотя в действительности он не только воспроизводится, но и служит в свою очередь источником накопления капитала, иными словами, доход порождает капитал наподобие того, как капитал порождает доход.]⁸² Развитие понятия о чистом доходе ведет свое начало с такой эпохи, когда еще не существовало строго отграниченной категории капитала. Как известно, характеристическая особенность физиократии состояла в признании за землей способности давать доход — *produit net* и в отрицании такой способности за другими хозяйственными источниками. Физиократы находили возможность предполагать в этом отношении земледельческую промышленность всем прочим на том основании, что не видели в этих отраслях ничего такого,

* Ibid., p. 109.

что могло бы стать в параллель с землею. Под чистым доходом бни разумели тот излишек, который оставался у земледельца за покрытием его собственных потребностей и восстановлением затрат и шел на удовлетворение потребностей класса землевладельцев, государства и церкви. По мнению физиократов, ремесленники только *воспроизводят* ценность той части земледельческого продукта, которая поступает к ним в виде материалов и пищи, но не прибавляют к ней ник кого чистого дохода. Напротив того, в земледелии *силы природы* оказываются столь щедрыми, что, кроме средств содержания, дают известный излишек. Зерно, опущенное в землю, возвращается земледельцу в виде 5 и более зерен, между тем как, например, фунт шерсти, пройдя через обработку, остается тем же фунтом шерсти. В лице Тюрго, Смита, Мальтуса учение это изменилось весьма незначительно. Тюрго полагал, что, хотя кроме земли существуют еще и другие источники дохода, а именно—сбережения, сделанные из поземельного дохода, но самый доход, доставляемый этими источниками, есть не что иное, как тот же земледельческий доход. Ад. Смит, как известно, признавал существование прибыли, или чистого дохода, не в одной только земледельческой, но и во всех прочих отраслях промышленной деятельности, что и послужило поворотным пунктом от физиократии к новейшей экономии. Земля дает, по его мнению, доход потому, что землевладельцы, пользуясь монополией, берут плату за пользование силами природы. В другом месте он утверждает, впрочем, что рента есть результат действия сил природы, и этот последний взгляд его следует считать преобладающим; такой вывод вытекает из разграничения, сделанного им по отношению к различным отраслям промышленности, в результате которого оказывается, что земля есть наиболее производительный источник дохода, торговля—наименее производительный. Прибыль в собственном смысле, или доход с капитала, Ад. Смит выводит частью из ссуды капитала рабочим, частью из обмена одних произведений на другие. В общем обе эти части его учения остаются несколько смутными; слабый анализ основных начал физиократов, анализ, приводящий Смита к признанию, что фабриканты и ремесленники действительно только воспроизводят, как говорили физиократы, ценность того материала, который они потребили во время работы*, еще более усиливает это впечатление. Наконец, Мальтус в своем учении о ренте тратит столько времени и места на доказательства того, что земля имеет особенное, ей одной свойственное, качество давать излишек, что сходство, почти тождество его мнений со взглядами физиократов едва ли подлежит сомнению. Только Рикардо своим учением о ренте дает, наконец, крутой

* См. «Wealth of Nations», b. IV, ch. IX: «Ведь мы же не называем бесплодным того брака, который дает сына и дочь на смену отца и матери, хотя такой брак отнюдь не содействует умножению человеческого рода, а только поддерживает его прежнюю численность».

поворот вопросу о прибыли и следующей своей цитатой ясно показывает, в каком отношении должна находиться теория капитала к теории физиократов*. «Нет ничего чаще», говорит он, «как слышать мнение о тех выгодах, которыми обладает земля, в сравнении со всяким другим источником полезного производства, по отношению к излишку, который извлекается из нее в виде ренты. Однакоже в ту эпоху, когда земли всего более плодородны, изобильны, производительны, они отнюдь не дают ренты. И только в тот момент, когда они беднеют, когда один и тот же труд дает менее продукта, берется на уплату ренты часть первоначального продукта земель первого разряда. Довольно странно, что это качество земли, на которое следовало бы смотреть как на неудобство, в сравнении с естественными деятелями, оказывающими пособие мануфактуристу, рассматривалось, напротив, как такое, которое придавало ей заметное преимущество. Если бы воздух, вода, эластичность пара, могли иметь изменяемые и подвижные качества...—все эти деятели давали бы ренту..., человек работал бы больше, природа—меньше, а земля перестала бы пользоваться преимуществом, вытекающим из ограниченности размеров ее сил. Если излишек продукта, образующий ренту, есть действительно выгода, то в таком случае следует желать, чтобы вновь собруженные машины становились менее производительными, нежели прежние». Вся аргументация Рикардо клонится к тому, чтобы показать, что между земледельческой и другими отраслями промышленности существует разница лишь по отношению к одной части дохода, которой земледелие не только не дает само, но, напротив, получает из дохода других отраслей. Во всем остальном земледелие нимало не отличается от других родов хозяйственной деятельности, и главнейшее сходство между ними заключается в том, что каждая требует затраты капитала и каждая приносит чистый доход—прибыль. Откуда же берется прибыль? Рикардо не дает на это прямого ответа, но нетрудно видеть из всей совокупности его взглядов, что она дается, [по его мнению]⁸³, совместною деятельностью капитала и труда⁸⁴.

Несмотря на кажущуюся простоту и удобопонятность, взгляд этот требует некоторых разъяснений. Он выражен так, как будто производство прибыли составляет необходимое последствие производительной силы труда. На самом деле отношения представляются в несколько ином виде. Под производительною силою труда, очевидно, нельзя разуметь что-либо иное, кроме способности труда приводить в окончательный, по техническим и хозяйственным условиям, вид, какое-нибудь количество продукта—в *единицу* времени. Способность эта может быть столь велика, что рабочий будет в состоянии произвести в данное время больше пищи и других предметов продовольствия, чем

* «Oeuvres complètes», p. 47—49.

сколько необходимо на поддержание его рабочей силы в течение другого такого же промежутка времени. При таких обстоятельствах часть времени останется у рабочего в запасе и может быть употреблена на увеличение производства, т. е. на производство прибыли; но она может быть израсходована и каким-либо иным образом, может быть просто потеряна. Иными словами, рабочий может продолжать трудиться столько времени, чтобы в результате постоянно получался излишек над его содержанием, но может и уменьшить размеры своего рабочего времени. Известный пример относительно плодородия земель Новой Испании и хозяйственного положения туземцев, заимствованный Мальтусом у Гумбольдта*, прекрасно обнаруживает всю разницу между действительным расходом рабочего времени на производство прибавочного продукта, или чистого дохода, и потенциальной возможностью такого расходования. «Я сомневаюсь», говорит Гумбольдт, «существует ли где-либо на земном шаре другое растение, которое могло бы, подобно банану, производить такую громадную массу питательного вещества на столь незначительном пространстве земли». В другом месте он рассчитывает, что «полгектара земли, засаженной бананами крупной породы, могут доставить пропитание более нежели пятидесяти индивидуумам; между тем как в Европе те же полгектара дали бы в год, при урожае сам-восемь, не более 576 килограммов муки—количество, недостаточное для поддержания жизни двух человек».—«Банан растет при самых ничтожных заботах со стороны человека, он требует только раз или два в год легкой раскопки земли вокруг корней». «У подошвы Кордильеров, во влажных долинах округов Вера-Круца, Вальядолида и Гвадалаксары, человек, расходующий не больше двух дней в неделю легкого труда, может доставить средства существования целому семейству». «Что за громадные средства для производства безграничного количества богатства», восклицает Мальтус, «если бы они употреблялись производительно. Но каково действительное положение вещей в этих плодородных странах!». «В испанских колониях часто повторяют», говорит Гумбольдт, «что жители жаркой полосы до тех пор не выйдут из состояния *апатии*, в которую они погружены уже целые столетия, пока банановые деревья не будут истреблены по распоряжению короля». Таким образом, мы видим, что у народа может оставаться свободное время, за вычетом того, которое расходуется на производство предметов продовольствия, и что такое время не всегда тратится на производство прибавочного продукта. Между простою возможностью такой траты и действительным осуществлением ее находится множество промежуточных звеньев меньшей общности и большей сложности, нежели

* «Essai politique sur la Nouvelle Espagne», t. III, l. IV, ch. 9, p. 28, 36, 38. См. Malthus «Principes», t. II, p. 72—75.

те, какие представляются явлениями производства и потребления вообще.

Но, если нет необходимого соотношения между производительною силою труда и производством прибавочного продукта, какими доводами можно объяснить то причинное соотношение, которое существует, по мнению экономистов, между капиталом и чистым доходом? Еще Ад. Смит заметил*, что «капиталом называется та часть запасов, от которой кто-либо рассчитывает иметь доход». «Капитал», говорит Storch**, «есть фонд... который воспроизводится, принося ренту». Мнения Негманн'а, Dühring'а, Wolkoff'а, относительно внутренней связи между понятиями капитала и дохода, приведены нами по другому поводу выше. Рау прямо утверждает***, что «капитал служит к увеличению количества благ, составляющих народное богатство». «Природа капитала и природа дохода», пишет Сисмонди****, «беспрерывно смешиваются в нашем воображении». По Мальтусу, капитал есть накопленное богатство, употребляемое в видах получения прибыли. Только Лодердаль спорит против производительности капитала и полезное назначение его видит исключительно в облегчении труда.

Вопрос о возникновении самого капитала составит предмет следующей главы, но происхождение чистого дохода из капитала или при помощи капитала может в общих чертах быть рассмотрено теперь же. Та производительная сила труда, — рассуждают экономисты, выводящие прибыль из производства, а не из обмена, — которая служит источником прибыли, достигается не иначе, как при помощи капитала, т. е. орудий, машин, средств существования, материалов и т. п. Все эти вещи *облегчают* производство, т. е. уменьшают количество времени, необходимого на достижение известных хозяйственных результатов. Действительно, таково назначение машин, орудий и пр.; каждый из таких предметов, будучи употреблен в дело, уменьшает количество труда, идущее на производство единицы какого бы то ни было продукта. Тайна такого действия орудий производства заключается единственно в успешном комбинировании сил природы при помощи того или другого орудия и в принуждении их служить человеческим целям за меньшую трату рабочей силы и рабочего времени, нежели служат те же или другие силы без помощи орудий или при помощи худших орудий. Солнце и хлор по отношению к белиeniu полотна, лопата и плуг по отношению к обработке земли, представляют примеры таких различий. Естественное плодородие почвы, как показывает пример Новой Испании, может в иных случаях играть совершенно ту же роль, как и самые лучшие и усовершенствованные орудия,

* «Wealth of Nations», b. II, p. 120.

** Т. I, p. 261.

*** P. 43—44.

**** «Nouveaux principes», t. I, p. 85.

инными словами—может способствовать получению необходимого продукта в столь короткое время, что в этом отношении не уступит действию пара, электричества, воды и других сил природы, служащих производству через посредство орудий и машин. Но трудно понять, каким образом приписывается предметам существования в собственном смысле то же значение, что и орудиям производства? Известное количество пищи, одежды, топлива и т. д. необходимо для поддержания известного количества рабочей силы,—это справедливо. Но не в них самих, а в том количестве труда, которое содержится в них, по отношению к тому количеству его, которое *может быть* поддержано этими продуктами, лежит причина возможного производства прибыли. Что же касается первого количества то, подобно размерам труда во всех без исключения продуктах, оно зависит от действия сил природы, скомбинированных или при помощи орудий и машин, или климатическими и почвенными условиями страны, или теми и другими отношениями вместе. Чем успешнее действуют все или некоторые из подобных приспособлений, тем меньше расходуется рабочей силы и рабочего времени на производство предметов существования, тем больше времени и силы остается в запасе. о мы видели, что свободное время, доставляемое природными условиями, может вовсе не расходоваться на производство прибавочного продукта. Нет причин не предположить, что и при существовании орудий противоположный порядок вещей поддерживается действием совершенно особых и более сложных условий, которые и послужили исходною точкою при установлении причинной связи между капиталом и доходом. Очевидно, что облегчать производство, т. е. давать возможность производить то же количество вещей в течение меньших промежутков времени, и увеличивать количество вещей, производимых в течение прежних промежутков времени,—далеко не одно и то же. Действие первого рода оказывается орудиями на производство всегда и везде, действие второго рода—только при известной комбинации временных и местных условий. Прибавочный продукт может производиться больший или меньший, может и вовсе не производиться; но производство его зависит от причин, не находящихся в непосредственной связи с одним только существованием в стране известной части продукта в форме орудий и другой его части в форме предметов непосредственного потребления.

Возвращаясь к тому противоположению между воспроизводительною способностью капитала и отсутствием ее у дохода, которое служило для нас опорным пунктом при определении отношений между капиталом и доходом, мы должны заметить, что хотя противопоставление это в *известных пределах* совершенно законно и правильно, но ведет к ложной мысли, что и вообще вещи должны быть капиталом для того, чтобы воспроизводиться. Для выполнения такой функции вещи должны

только удовлетворять потребностям среднего человека, каковы бы ни были последние—материальные или не материальные, активные или пассивные. Воспроизведение всех таких предметов составляет необходимое условие хозяйственной жизни всякого общества и всякой страны.

То понятие о капитале, которое поставило капитал в неразрывную связь с доходом, составляя результат сравнительно частной точки зрения, в естественном развитии своем до того расширилось, что стало обнимать громадное множество вещей и отношений, которые потому только и причислялись к капиталу, что существование их в том или другом месте, для того или другого лица совпадало с *получением* известного *излишка* или над затратами лица, или над выручкой других лиц. С одной стороны, под капиталом стали разуметь вещи, не только не служащие самостоятельными условиями производства, но даже подчас выходящие за пределы экономических категорий. С другой стороны, понятие капитала начало прилагаться уже не к определенным предметам, а к способу назначения того или другого имущества. Кульминационную точку развития этого способа воззрения составляет то представление о капитале, по которому капитал есть *все*, что приносит доход.

Прежде всего проводится различие между совокупностью вещей, производимых при помощи человеческого труда, и землею или другими естественными источниками производительной силы. С тех пор, как признание за землею специфической способности приносить *produit net* понесло поражение в лице физиократов, происхождение капитала из труда составляет почти общепризнанную истину. Честь установления ее принадлежит отчасти Ад. Смиту, но, главным образом, Рикардо. На страницах 82 и 83* настоящего исследования приведено мнение последнего по этому вопросу, и мы не станем теперь к нему возвращаться. Скажем только несколько слов о мотивах, побудивших Рикардо и его школу так строго держаться подобного понятия о капитале. Мотивы эти—требования теории ценности, проводимой ими. Если ценность большей части предметов определяется трудом,—рассуждали эти экономисты,—то в состав этого труда должен входить и тот труд, которым произведены орудия производства. Орудия эти представляют не что иное, как продукт, по отношению к производству совершенно подобный всякому другому продукту и наравне с ним составляющий результат приложения к делу человеческого труда.

С точки зрения готового продукта не представляется никаких различий между трудом, израсходованным на предмет посредственно и непосредственно. Труд первого рода присоединяется к труду второго рода по мере того, как орудие или машина исполняют свое назначение, т. е. потребляются, расходу-

* См. стр. 77—78 настоящего издания.—Ред.

ются производством. Но орудие, произведенное трудом, именно тем и отличается от непосредственно действующей в производстве силы природы, что вторая отнюдь не входит в счет ценности готового продукта; напротив того, чем больше действие подобной даровой силы, тем меньше будет ценность продукта, потому что тем меньше пойдет на производство рабочей силы. Таким образом, допущение особой категории предметов, произведенных трудом и служащих производству, в отличие от естественных производительных сил, находит себе оправдание в основной экономической категории—*производства*, под которою разумеется всякая деятельность человеческой рабочей силы, направленная к удовлетворению потребностей. Мотивом же, послужившим школе Рикардо к установлению столь важного различия, явились требования хозяйственного учета этой силы, находящие осуществление в меновой ценности продуктов. Будет ли орудие производства составлять результат труда, или, напротив, естественный и даровой результат непосредственно действующих сил природы,—в обоих случаях действие орудия на производство со стороны как потребления этого орудия, так и помощи, оказываемой им труду, окажется совершенно одно и то же. Но для планомерного ведения хозяйственной деятельности, для взаимных расчетов людям чрезвычайно важно знать, произведен ли тот или другой предмет непосредственного потребления с помощью орудий, добытых трудом, или же с помощью даровых сил природы. Требования последнего рода находят себе опору в том, что для каждого более или менее развитого производства, по условиям, в которые поставлены человеческие общества, необходимы орудия, произведенные трудом. С этой точки зрения, различие между капиталом и некапиталом, вытекающее из условий производства того и другого, различие, установленное школою Рикардо, вполне соответствует потребностям здоровой научной классификации. За немногими исключениями* взгляд этот в последнее время почти не оспаривается. Если встречаются подчас возражения против него, то или по недоразумению** (вопрос, очевидно, не в том, как назвать—капиталом или как-нибудь иначе хозяйственный предмет, отличающийся от другого хозяйственного предмета), или по совершенно особым поводам. Так, например, Рошер*** находит это определение

* Ganilh («Systèmes d'Économie politique», 1809, t. I, p. 243), Hermann («Staatswirtschaftliche Untersuchungen», Nr. 3) и Dunoyer («Liberté du travail») причисляют землю к капиталу (см. Roscher «Principes», t. I, p. 94).

** Так в недавнее время высказался против такой классификации Held: «Die produzierende Arbeit nimmt die äusseren Stoffe, wie sie sind, ganz abgesehen davon, in wie weit ihr gegenwärtiger Wert die Wirkung früheren Arbeit ist oder nicht. Zur Erklärung des Vorgangs der Produktion ist es also völlig unnötig, Grund und Boden, oder denjenigen Teil des Wertes von Grund und Boden, der nicht durch vergangene Arbeit entstanden ist, von den übrigen Kapitalien auszuscheiden» (Carey's Sozialwissenschaft, S. 121).

*** Т. I, p. 107.

капитала неудачным на том основании, что «владелец капитала не только производит и сохраняет его,—он лишает себя, сверх того, пользования капиталом и получает за это в обмен, например, прибыль». Довод Рошера касается вопроса о причинах происхождения капитала, а отнюдь не той противоположности, какая обозначается различием между капиталом и силами природы в собственном смысле и потому не может подлежать здесь рассмотрению. Независимо от этого, мы можем заметить, что сам Рошер значительно ослабляет силу своего возражения, утверждая в другом месте, что «капитал не может производиться там, где не существует законных гарантий и т. д.». Выражение «производиться» сохраняет во всей экономической литературе такое постоянное отношение с понятием о труде, что было бы странно подразумевать под ним что-либо иное в настоящем случае. Таким образом, сам Рошер соглашается с тем, что капитал производится трудом, а следовательно и характеристику школы Рикардо нельзя ему считать неправильною.

Гораздо больше разногласий встречается между экономистами по вопросу о том, следует ли разуметь под капиталом одни только материальные предметы или же и невещественные, а равно отношения и комбинации условий, способствующие получению дохода. Раскол в этом отношении идет гораздо дальше и глубже, во-первых, потому, что сама школа Смита—Рикардо высказывается об этом предмете довольно разнообразно; во-вторых, потому, что, к понятию о вещественных и невещественных орудиях производства и принесения дохода применяется спорное понятие о производительном и непроизводительном труде. Еще Ад. Смит внес в категорию капитала ловкость и дарования рабочих и тем дал точку опоры позднейшим теоретикам при установлении рубрики невещественных капиталов. Последователь его Storch считает, как мы видели, воспроизводящею только ту часть богатства, которая употребляется на материальное производство, что однакоже нисколько не исключает понятия о тех же дарованиях и талантах рабочих, как о невещественных капиталах. Hermann и Dühring, разумея под капиталом—первый *благо*, имеющее назначением сохранять свою ценность, второй *все*, что служит источником пользования, очевидно выражаются так, что с полным правом могут быть причислены к категории лиц, признающих невещественные капиталы. Ад. Мюллер, между прочим, считает язык народа за один из важнейших капиталов. «Производительные силы» Фр. Листа, в число которых входят, между прочим, и такие, как наука, воспитание и пр., также должны найти себе место между невещественными капиталами. Ganilh* считает капиталом просвещение, честность и репутацию торговцев. Рошер** допускает отдель-

* «Théorie de l'Economie politique», t. I, p. 133.

** «Principes», t. I, p. 91—92.

ную категорию невещественных капиталов, «которые, будучи результатом производства, употребляются для нового производства, подобно всякому другому капиталу». «Некоторые из них», продолжает он, «способны к передаче по самой своей природе, например, клиента торгового смысла, приобретшего почетную известность. Но многие другие не отделимы от способности или труда человека... Таковы например большая ловкость, приобретаемая рабочим вследствие практики, более полное доверие, которое он приобрел с течением времени. Важнейший капитал—само государство». Подобно Рощеру, и Rössler* причисляет к капиталу «целый ряд невещественных продуктов, облегчающих производство и обеспечивающих его исход; таковы приобретенные покупатели, опирающаяся на прилежание и бережливость фирма..., вообще всякого рода преимущества и отношения, доставляющие производителю большую выручку или выигрыш, нежели те, какие он имел бы без них». Путаница в вопросе о вещах, принадлежащих и не принадлежащих к категории капитала, дошла в последнее время до того, что Dühring посвящает в своем «Kritische Grundlegung der Volkswirtschaftslehre» достаточно места для разъяснения различия, существующего между капиталом, т. е. продуктом и трудом, потому что нашлось немалое число людей, причисляющих самый труд к капиталу (см. например Schäffle в своем первом курсе политической экономии). Наконец, как уже сказано прежде, высшей точки достигает расширение понятия капитала в том определении его, по которому капитал есть нечто такое, «чем человек может производить обороты, что он может затратить в видах извлечения прибыли, или что дает ему средства к извлечению дохода»**. Что касается английской школы, то Мальтус, Рикардо и Дж. Милль, говоря об орудиях производства,разумеют под ними единственно материальные орудия. Не то следует сказать о Мак-Куллохе и Дж. Ст. Милле. Первый причисляет к капиталу, прежде всего, самого человека, т. е. содержащуюся в нем рабочую силу; второй, называя капитал накопленным, прошедшим трудом, относит к этой категории и тот труд, который косвенно способствует материальному производству, именно—труд ученых и т. п.

Нетрудно заметить, что взгляды писателей, допускающих существование невещественных капиталов, как равно и тех, которые признают одни только вещественные, основываются в конце концов на том, что по мнению одних многие невещественные блага и отношения, во-первых, облегчают производство совершенно так же, как и вещественные, во-вторых, так же, как и эти последние, приносят доход, в-третьих, приносят больший доход, нежели тот, который получался бы при от-

* «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», S. 103.

** Маклеод «Основания», стр. 74.

сутствии их; по мнению же других писателей, впрочем, не высказанному прямо, доход дают только *известные* вещественные продукты труда, а так как эта черта является в их глазах преобладающим критерием капитала, то они и не входят в обсуждение того, облегчают или нет производство различные невещественные блага, все равно, произведены ли они трудом или нет. Отлагая на время обсуждение вопроса о том, могут ли все или некоторые продукты умственного труда считаться, наравне с продуктами труда физического, орудиями производства и доставления дохода,—остановимся на некоторых других невещественных благах и отношениях и на предполагаемой способности их приносить доход больший, нежели тот, какой приобретался бы без них.

Могут ли признаваться такими орудиями язык, талант, честность, ловкость, клиентела, доверие, фирма, преимущества, наконец, все, приносящее доход? Что касается первого из этих quasi-капиталов—языка, то, служа средством для выражения и обмена мыслей, язык действительно способствует облегчению производства как вещественных, так и невещественных благ различного рода и в известном, условном смысле может быть назван орудием производства. Но с такими определениями нужно обращаться вообще крайне осторожно, потому что, разобравши человека по частям для *облегчения* различных производственных функций, приходишь в конце концов к тому странному заключению, что весь человек, все части его тела и все функции организма *облегчают* производство, т. е. свою же собственную деятельность, [иными словами, являются капиталом для отсутствующего человека.]⁸⁵ Очевидно само собою, что если идет речь о производстве, т. е. о расходовании мускульных и нервных усилий, то идет в таком смысле, что известная доля этих усилий должна быть *непрерывно* израсходована. Сюда, в этот последний счет, войдут и те усилия, которые делаются людьми для выработки языка и выражения на нем своих мыслей. Подобный *тахиум* усилий может быть, конечно, уменьшаем в данное время не только с помощью внешних, материальных орудий, но и с помощью той практики мускулов и нервов, которая приобретена в предшествующее время. Язык может в известную эпоху способствовать выражению и обмену мыслей легче, чем в другую, и этим путем облегчать общую производительную деятельность. Но совершенно то же происходит и со всяким другим разрядом усилий в результате однообразной и долговременной практики. Переходя затем к определению значения для производства—таланта и ловкости, следует, прежде всего, установить ясный взгляд на эти понятия. Под талантом и ловкостью разумеют способность выполнять то или другое дело скорее и лучше, нежели выполнялось оно прежде или другими людьми. Эти-то «скорее» и «лучше» и представляют мотив, побудивший некоторых писателей причислить талант и ловкость к капи-

талам. Произвести какую-либо вещь «лучше» значит, в сущности, произвести или больше вещей, или более разнообразные вещи. Произвести вещь скорее значит израсходовать на производство ее меньше рабочей силы и рабочего времени. Если бы все люди были равно талантливы и ловки, т. е. были бы способны производить в данную эпоху скорее и больше вещей, чем производилось в другое время, то значение таланта и ловкости приводилось бы совершенно к тем же признакам, к каким приводится значение языка. Но писатели, причисляющие талант и ловкость к капиталу—за исключением, впрочем, Ад. Смита—имеют в виду именно талант и ловкость отдельных людей. Критерий капитала в таланте и ловкости заключается, по их мнению, в том, что люди, обладающие такими способностями, облегчают производство и получают больший доход, нежели все прочие. Но не следует забывать, что количество вещей, потребляемых людьми среднего времени, представляет определенную величину. Излишек, превышающий последнюю, не потребляется вовсе. Если отдельная хозяйственная единица производит больше продукта, нежели производила до того, то другая хозяйственная единица производит его меньше. Отсюда вытекает тот вывод, сделанный уже Schaffle и Wolkoff'ым, что талант и ловкость дают не прибыль, а ренту. Прибавим от себя, что и производство они облегчают совершенно в том же смысле, в каком облегчает его обработка более плодородного или ближайшего к рынку участка, позволяющая обойтись на время без обработки участков худшего качества и лежащих вдали от рынка или покинуть такие участки, если они обрабатывались прежде.

Высказавшись таким образом относительно капиталистических признаков таланта и ловкости, мы можем повторить сказанное относительно подобных же свойств доверия и честности. Нам остается, впрочем, прибавить, что если талант и ловкость указывают на положительную способность произвести что-либо в большем количестве или лучшего качества, то доверие и честность касаются исключительно отрицательных свойств той или другой личности, *неспособности* ее «украсть», «обмануть» и пр.; неспособность эта представляет, по мнению известных писателей, столь редкое исключение среди господства противоположной, положительной способности украсть, обмануть и пр., что в тех случаях, когда она существует, она не только облегчает производство, но и приносит особенный доход. Не входя в обсуждение того, действительно ли это так, действительно ли большинство людей страны или эпохи может быть признано, в известной степени, ворами и обманщиками, и если так, то на каком основании писатели, разделяющие подобное воззрение, могут считать важнейшим капиталом государство, одна из главных функций которого—истреблять воровство и обманы,—заметим, что указанные результаты действия честности и доверия ни в каком случае не могут быть причислены

к общехозяйственным. Подобно таланту и ловкости, доверие и честность могут в крайнем случае служить основанием для улучшения положения частного лица, отдельного хозяйства, но отнюдь не среднего лица и общественного хозяйства. Остается рассмотреть клиентелу, фирму, преимущества, наконец, «нечто, служащее для извлечения дохода». Все эти отношения имеют общего между собою и с указанным выше то, что под ними в действительности скрываются частные комбинации и разветвления основных хозяйственных условий, которым придается несоответствующее значение самостоятельных явлений первостепенной важности. Клиентела, фирма, преимущества признаются вещами, обладающими самостоятельную ценностью, производительностью и пр., между тем как в действительности производительность и ценность всех таких и подобных отношений коренится в общих производственных и распределительных условиях общественно-хозяйственной жизнедеятельности и только маскируется означенными неопределенными терминами. Так, например, клиентела какого-нибудь торгового или промышленного предприятия имеет источником или положение его помещения*, или специальные качества лиц, стоящих во главе его; в том и другом случае доход, приносимый ею, представляет не прибыль на капитал, а ренту, т. е. доход деривативный, производный; во втором случае и рента присоединяется часть высокой заработной платы за сложный труд лица или совокупности лиц. Те или другие преимущества, личные или промысловые, в конце концов сводятся на явление той же ренты. Наконец, всякие иные отношения, отличающиеся тем, что с существованием их связывается получение дохода, представляют в сущности известную комбинацию обстоятельств, способствующих извлечению из общего фонда прибавочного продукта отдельных частиц его в пользу того или другого отдельного лица или хозяйства. При всех таких и подобных обстоятельствах речь идет не об общественном хозяйстве среднего времени и места, даже не об общественном хозяйстве известного исторического периода или известной страны, а только о частных отношениях отдельных лиц и хозяйств.

Нам остается сказать о значении умственной деятельности по отношению к производству и принесению дохода. Умственный труд, направленный на удовлетворение человеческих по-

* «L'on veut aussi que les clientèles et les procédés de production soient des capitaux. Mais les clientèles n'ont que deux sources: l'une est la position de l'emplacement... Les revenus de cette clientèle passent dans la rente de l'emplacement... L'autre source est dans les qualités personnelles du producteur; celle-ci n'est qu'une rétribution proportionnée au mérite du travail... Les procédés de production ne sont pas non plus des capitaux: ce sont des causes de la productivité des capitaux et du travail» (Wolkoff «Lectures», p. 140).

требностей, не только представляет аналогические черты с трудом физическим, — он совершенно тождествен с последним. Тождество это сохраняет свою силу, как по отношению к производствам чисто умственному и физическому, так и по отношению к переходным производствам, например, к искусству. Никакая мускульная работа не обходится без работы нервной, точно так же как никакая нервная работа не обходится без мускульной, и в этом отношении можно только допустить между отдельными родами труда ряд постепенных переходов от таких отраслей, в которых *преобладающее* значение принадлежит работе первого рода, до таких, в которых *господствует* работа второго рода. Наравне с физическим трудом, труд умственный может расходоваться на предварительную, косвенную и на окончательную, непосредственную работу, мускульному труду, потраченному на производства плуга, лопаты, станка, соответствует в чисто умственной сфере приобретение знаний, собирание материалов и пр. Тот же характер сохраняет умственный труд и в тех сферах, где ему принадлежит второстепенное значение. Таким образом, не оказывается ровно никаких препятствий для того, чтобы, подобно физическому труду, признать и умственный труд способным служить производству, отправлять в соответствующей форме роль орудий производства. Но следует ли соглашаться с тем, что умственный труд, приобретший такую форму, в состоянии приносить доход? Чтобы дать на этот вопрос правильный ответ, необходимо войти в некоторые разъяснения. Прежде всего следует помнить, что в данном случае речь идет не вообще о доходе, т. е. не о той новой форме, в которой является продукт в результате нового производства, а только о доходе чистом, т. е. о прибавочном продукте к тому, который расходуется на удовлетворение средних потребностей производителей.

Обстоятельство это до такой степени изменяет сущность вопроса, что на первый план выступает не столько сравнение свойств труда физического и умственного, сколько сравнение между собою таких отраслей труда, которые приносят в результате продукты, удовлетворяющие основным потребностям, и таких, которые дают продукт для дополнительных потребностей. Как мы заметили уже выше, в среднее время и в среднем месте значение всякого рода нормальных человеческих потребностей может считаться приблизительно одинаковым, а, следовательно, при таких условиях наблюдения, нет оснований и для проведения различия между отраслями труда, направленного на удовлетворение тех или других потребностей. Но по отношению к другим условиям исследования, именно к тем, которые должны быть соблюдаемы при определении сравнительного значения производства вообще и производства добавочного продукта, такие основания существуют. Приступая к производству, общество добывает, *прежде всего*, такие полезности, потребление которых

поддерживает человеческую жизнь, *затем*, такие, которые сохраняют общее здоровье и только рядом постепенных переходов приближается к производству продуктов так называемых потребностей роскоши. Умственный труд в тесном смысле этого слова одинаково входит составною частью в производство предметов всех таких [категорий]⁸⁶, все равно, получается ли в результате материальный продукт—станок, пряжа, скрипка, или же нематериальный—теория, музыкальная пьеса, восстановление безопасности или здоровья. Не только не существует разницы в отношении к производству тех или других предметов между умственным и материальным трудом, но ее не существовало бы и между трудом того и другого рода, идущим на производство предметов необходимости и предметов роскоши, если бы не было различия между потреблением среднего человека и потреблением отдельных групп населения. Следствием этого последнего различия является то, что производство так называемых предметов необходимости или предметов потребления среднего человека подготавливает условия для производства предметов роскоши, или предметов потребления отдельных групп населения, между тем как производство последних не имеет такого же значения по отношению к производству первых. Иными словами, производство всяких материальных и нематериальных полезностей, соответствующих потребностям роскоши, может иметь место, в общехозяйственном смысле, не иначе, как под условием, что производительная сила труда в тех отраслях, которые доставляют удовлетворение важнейшим потребностям, оставляет известное количество досуга. Все, что производится в течение свободных от работы для покрытия таких потребностей промежутков времени, представляет чистый доход, в какой бы форме он ни появлялся, в форме ли плугов, машин, хлеба, или музыкальных пьес, игры музыканта или актера, ковров и т. д. Одна часть этого чистого дохода может принять форму орудий труда, идущего на производство предметов роскоши, все равно материальных или нематериальных,—скрипка, музыкальное образование, другая—форму труда, расходуемого на непосредственное производство таких предметов,—концерт, но как та, так и другая продолжают оставаться чистым доходом, существование которого зависит от производительной силы труда первых категорий. Сколько бы ни получалось такого продукта высших отраслей, ни одна единица его не может считаться в общехозяйственном смысле чистым доходом *по отношению к орудиям производства ее*, потому что для изготовления каждой новой единицы его нужна новая единица труда, доставляющего досуг. То или другое отдельное лицо, разумеется, может смотреть как на чистый доход своего промысла, на ту часть собственного продукта, соответствующего потребностям роскоши, которая остается в запасе за удовлетворением средних или обыкновенных его потребностей путем обмена. Но для обще-

ственного хозяйства данной эпохи это отнюдь не чистый доход подобно промысла, а только одна из форм добавочного продукта отраслей труда первой категории.

Разделение труда не вносит в эту область никаких изменений, кроме тех, что, при условии производства одной группой лиц предметов высших, а другою предметов низших потребностей, предметы первого рода получаются не сразу в непосредственной своей форме, а в результате производства, следующего за потреблением соответствующих частей предметов первой необходимости.

Итак, по отношению к производству прибавочного продукта различаются между собою не умственный и материальный труд, точно так же, как не материальный и не вещественный продукты, а известные категории труда умственного и материального. В этом обстоятельстве мы находим ключ к разъяснению того, повидимому, странного явления, что Рикардо и наиболее последовательные поборники его учения отрицают существование всяких нематериальных капиталов. Выражение «нематериальный», как можно было заметить из предшествовавшего изложения, не вполне соответствует тем существенным различиям, какие могут быть проведены между отдельными производствами. Если разуметь под капиталом совокупность вещей, употребление которых в дело сопрягается с производством чистого дохода в общехозяйственном смысле—а именно так смотрела на дело школа Рикардо,—то весьма многие из числа этих вещей будут иметь признак материальности—уже потому, что с их помощью производятся предметы потребления среднего человека, обладающие, большею частью, материальным характером. Но отсюда отнюдь не следует, что например инструмент для оркестра, полотно и краски живописца и т. д. могут быть названы капиталом, а музыка, живопись и пр. производством, приносящим прибавочный продукт, точно так же как не следует и то, что образование врача, юриста, ученого и т. д., [составляет вновь созданный капитал.]⁸⁷ Таким образом, отрицание невещественных капиталов⁸⁸, соответствующее действительности, сводится в последнем счете на отрицание не свойства тех или других продуктов нематериальных отраслей труда служить [способами производства]⁸⁹, а только свойства некоторых из них способствовать принесению чистого дохода.

Неясность и запутанность признаков капитала привели далее некоторых экономистов к утверждению, что под капиталом следует разуметь не тот или другой продукт в частности, а скорее полезное назначение, придаваемое тому или другому продукту владельцем его. «Свойство капитала или дохода», говорит Sismondi*, «не следует за обмениваемым продуктом; оно прирастает к личности владельца его». «Слово капитал», утверж-

* «Nouveaux principes», t. I, p. 90.

дает Маклеод*, «в обширном смысле прилагается более к способу употребления известного количества, чем к какому-либо определенному предмету. Нельзя сказать, что такой-то предмет капитал, потому что здесь все зависит от способа употребления предметов». «Свойство капитала», полагает Schaffle**, «не есть естественное свойство, оно соответствует скорее услуге для производства, состоит в производительном [целеназначении]. «В конце концов», говорит Wolkoff***, «вещь делает капиталом преднамеренное употребление (l'emploi intentionnel) богатства для извлечения из него дохода». «Итак, различие между капиталом и некапиталом состоит не в характере имущества», пишет Дж. Ст. Милль****, «а в намерении капиталиста, в его решении употреблять это имущество на ту или на другую цель».

Мнение это заключает в себе известную, довольно незначительную, впрочем, долю истины. Справедливо, во-первых, то, что в обществе с разделенным трудом каждый продукт, имеющий форму орудия производства, может приобрести путем обмена форму продукта непосредственного потребления. Таким образом, для отдельного лица характер орудия производства имеет не тот или другой продукт в частности, а только способ назначения продукта. Но так как обмен не уничтожает, а только перемещает продукты, то для общественного хозяйства орудие производства остается и после обмена орудием производства, а продукт непосредственного потребления продуктом непосредственного потребления. Во-вторых, справедливо то, что одна и та же вещь может служить по своей природе орудием производства в одной отрасли промышленности и продуктом непосредственного потребления в той же самой или в другой отрасли. Так, уголь, извлекаемый из копей, представляет продукт каменноугольной промышленности; но тот же самый уголь может быть сожжен под котлом паровой машины, поднимающей запасы угля из глубины копей на поверхность земли и в таком случае служить в той же отрасли орудием производства. Дрова составляют продукт дровяной промышленности и орудие производства салотопенной или какой-нибудь иной. Но все подобные различия касаются только отдельных ступеней народного производства и потому имеют не общехозяйственное, а частнохозяйственное значение. С точки зрения первого, весь тот уголь, все те дрова и пр., которые потребляются, в общем итоге, косвенно, представляют орудия производства, каково бы ни было отношение их к той или другой отрасли промышленности. Исключение составляет то лишь топливо, которое употребляется для согревания комнат. Справедливо, наконец, в-третьих, что выбор между формой тех вещей, которые еще не произведены, находится

* «Основания», стр. 77.

** «Das Gesellschaftliche System», S. 99.

*** «Lectures d'Economie politique rationelle», p. 134.

**** «Основания», т. I, стр. 134.

до известной степени в руках лиц, стоящих во главе предприятий. Это самая важная часть истины, заключающейся в упомянутом воззрении. Таким выбором или, лучше сказать, той хозяйственной тенденцией, которая лежит в основании его, обуславливаются сложнейшие и серьезнейшие отношения между орудиями производства в собственном смысле и трудом. Но и сфера такого выбора гораздо более ограничена окружающими условиями, тою или другою степенью разделения труда, существующим уже запасом продуктов в той или другой форме, состоянием спроса на труд и предложения труда и множеством других обстоятельств, чем обыкновенно думают и чем можно полагать с первого взгляда.

В таких пределах, и только в таких можно считать правильным приведенное мнение. Но оно не может вести к заключению, что, например, паровая машина перестает быть орудием производства, коль скоро прекращается желание употреблять ее производительно и она обменивается на продукты непосредственного потребления. Некоторые из писателей, мнения которых приведены нами выше, и не хотели сказать что-либо подобное. Они именно держали мысль более на продуктах будущего производства, нежели на продуктах, уже существующих. Но другие и, между ними, особенно Маклеод, легко могли предполагать подобные отношения, сколько можно заключить из других мест их сочинений.

Прежде чем привести к окончанию настоящую главу, нам придется еще сказать несколько слов о тех писателях, которые ставили понятие капитала в параллель с понятием меновой ценности и думали объяснить первое при помощи последнего. Мы не говорим о таких определениях капитала, в которых слово ценность фигурирует, повидимому, без особой цели, взамен выражения «продукт», «благо» или «богатство». Таковы, если не ошибаемся, следующие определения капитала: «капитал есть такое имущество, которое служит основанием (Stamm) для возникновения ценности» (Schäffle); «капитал есть прочный источник полезности, обладающий меновой ценностью» (Herrmann); «капитал—это сумма ценностей, посвященных на авансы производству» (Garnier). Мы имеем в виду исключительно те определения, которые понятия о капитале основывают на понятии об обмене и о меновой ценности. Так например, по мнению Маклеода, первоначальному понятию о капитале соответствуют те запасы хлеба или скота, которые сбережены звероловом, получившим от фермера или пастуха слишком много того и другого; «мы», говорит Маклеод*, «с полным правом (?) можем предположить, что ему не потребуется для собственного употребления все то количество хлеба, которое он получит в обмен за произведения охоты». Охотник скоро отдаст хлеб в ссуду за из-

* «Основания», стр. 66.

вестное вознаграждение, которое послужит источником первоначального понятия о прибыли. Но такой способ капитализации неудобен, потому что нужны житницы и присмотр. Со введением монеты в этой сфере происходит важный переворот. Рабочий, оказав услугу, получает в обмен деньги, служащие представителем долга, который будет ему уплачен впоследствии. Он сберегает часть этих денег и это сбережение называется капиталом.

Мы не станем входить здесь в обсуждение того, насколько справедливо называть деньги капиталом. Сколько можно заключить из общего соображения взглядов Маклеода, он сам не разделяет мнения, что деньги могут считаться капиталом в каком-либо ином отношении кроме того, что в обмен за них приобретаются действительные капиталы. Оставим также в стороне и всем известную денежную теорию Маклеода. Если деньги представляют долг, который должен быть уплачен товарами, то и товары могут претендовать на ту же функцию. Остановимся исключительно на том положении Маклеода, что капитал есть продукт, полученный в обмен. Маклеод полагает, что для приобретения возможности составить себе запасы охотник непременно должен обменять свою дичь на хлеб и скот фермера и пастуха. Отчего охотник не сохраняет непосредственно дичи, отчего фермер и пастух сами не сохраняют хлеба и скота, отчего охотнику не потребуется все то количество скота и хлеба, которое он получит в обмен за дичь, отчего дается так много скота и хлеба, на какой конец делаются запасы того и другого,—все это такие вопросы, на которые мы напрасно стали бы искать ответов у Маклеода. От каких, в самом деле, ничтожных обстоятельств зависит, по его мнению, существование или отсутствие в стране столь важной части общественного богатства, как капиталы, или, выражаясь его словами, «всего, что служит для извлечения прибыли». Стоило только охотнику не получить в обмен запасов хлеба и скота или получить их не больше того, сколько требуется на его личное потребление, и общество осталось бы без капиталов, в данном случае без пицци и без одежды. Правда, Маклеод не останавливается и перед такою перспективою: присмотр и житницы неудобны,—говорит он,—деньги капитализируются легче запасов хлеба и скота. Но, если житницы можно заменить деньгами, то решительно неизвестно, для чего было и заводить их.

Ряд произвольных и поверхностных сопоставлений Маклеода очевидно не может привести к важным указаниям на действительно существующую между капиталом и обменом связь. [Эта связь состоит в том, что капитал входит, во-первых, в куплю-продажу с рабочей силой, которую он потребляет под видом прибавочных плодов ее обнаружения, над необходимыми средствами существования и воспроизведения рабочих, и, во-вторых, в продажу приготовленных рабочими товаров, которые на рынке, благодаря присутствию в них прибавочной ценности, оплачива-

ются дорожке, чем если бы дело шло об оплате одних только жизненных средств рабочего. Вне договора купли-продажи рабочей силы по меньшей ценности ее самой, чем ее продукта, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому капитал не есть та или другая вещь в частности, а то вещное отношение между капитализмом и рабочим, которое дает первому возможность развиваться и богатеть насчет второго, в силу той чисто юридической особенности, главным образом, заимствованной из римского права, что кому принадлежит имущество, тому принадлежат и *плоды от него* (?). «В отличие от *отвлеченных* форм, которые получают *деньги* в противоположность *товару*, являются определения денег, в которых скрываются более *конкретные* отношения, как *капитал*, *доход* и пр.» (К. Marx, Zur Kritik etc.)⁹⁰

Несколько более счастлив в этом отношении и берется за дело несравненно более талантливо, [чем* Маклеод]⁹¹, другой писатель, хотя и он не приходит к особенно крупным результатам. Мы говорим о Прудоне. Соединив черты, характеризующие капитал по мнению Сэя, Росси, Бастиа и Гарнье, он высказывает следующее*: «Таким образом, капитал не представляет специфической и определенной вещи, имеющей свое собственное существование или реальность, подобно земле, труду, продукту... он указывает только на состояние, на отношение; по мнению всех писателей—это продукт накопленный и назначенный на производство». Но, каким же образом, продолжает Прудон, понятие продукта переходит в понятие капитала? Для этого недостаточно ни накопления, ни производительного назначения; нужна промежуточная идея ценности, что и предвидел Гарнье. «Это значит, что продукт, чтобы сделаться капиталом, должен получить верховное признание (*estimation authentique*), быть куплен, продан, оценен, цена его должна быть подвергнута спору и установлена законом в известном смысле соглашением... Так что идея капитала указывает на отношение существовавшего социального». Прудон объясняет на следующем примере, каким образом ценность оказывает влияние на свойства предмета в отношении к капиталистическим функциям его. Кожа, выходя из бойни, представляет продукт; поступая в руки кожевника, она становится капиталом; выходя из его рук, она становится продуктом; переходя, путем обмена, в распоряжение сапожника,—она снова капитал; выходя из его рук, снова продукт; поступая в руки рабочего, капитал и т. д. «Я называю капиталом всякую исполненную ценность (*toute valeur faite*) в земле, орудиях труда, товарах, средствах существования, в монете и служащую или могущую служить производству».

Итак, по мнению Прудона, предмет то приобретает, то теряет признаки и свойства капитала и продукта, смотря по тому,

* «Intérêt et Principal», p. 128 etc.

переходит ли он из рук в руки, или же остается в обладании лица, придающего ему тот или другой новый вид. Вещь является капиталом непосредственно после обмена и остается им во все время, протекающее между приобретением ее и окончательным приготовлением для нового обмена; но как только ей придана новая форма—она становится продуктом. Спор, оценка, установление ценности кажутся Прудону признаками, указывающими на капиталистические свойства вещи. В них он видит, сверх того, указание на связь идеи капитала с социальными отношениями.

Если мы теперь проведем параллель между теми признаками капитала, о которых упоминает Прудон и теми свойствами, которыми, как мы видели, обладают орудия производства и снабжения, иными словами, попробуем поставить теорию Прудона на общехозяйственную точку зрения, то заметим следующее. *Ряд операций*, производимых над кожей мясником, кожевником, сапожником, представляет, с точки зрения общественного хозяйства, не что иное, как *одну* непосредственную *операцию производства сапог*, т. е. предмета непосредственного потребления. Напротив того, *ряд операций*, в результате которого явились орудия для всех этих отраслей промышленности,—представляет, с указанной точки, *одну* посредственную *операцию производства орудий*: или предметов посредственного потребления. Нетрудно заметить, что разделение труда между мясником, кожевником и сапожником несколько не вредит упомянутому взгляду, не мешает орудиям оставаться орудиями и продукту—продуктом. То обстоятельство, что сапоги производятся не сразу, а, напротив, подвергаясь целому ряду продолжительных операций, также не оказывает никакого влияния на принятую нами классификацию.

Но если мы обратимся к какой-нибудь одной из тех отраслей промышленности, совокупное действие которых проявляется в форме сапог, то изображенная нами картина потерпит некоторые изменения. Труд мясника, снимавшего кожу с животного, представляет по отношению к труду кожевника совершенно такой же косвенный, подготовительный, посредственный труд, как и тот, который заключается в орудиях производства кожевной промышленности. На этом основании кожевник вправе смотреть на кожу, как на предварительное условие, орудие своего производства до тех пор, пока она не приобретет новой формы под влиянием изменений, которые вносятся в дело его собственным трудом; с этого времени она для него продукт, т. е. результат его непосредственного труда. Тот же взгляд применяется и к каждой другой из указанных отраслей порознь. Мы видим таким образом, что с точки зрения каждой отдельной из тех отраслей, совокупность которых производит *весь* продукт, классификация Прудона оказывается совершенно правильною. Спор, оценка, установление ценности играют, правда, и при по-

добных условиях, не более как подчиненную роль. Но под ними скрывается обмен, т. е. такая операция, которая разграничивает между собою два хозяйства, из коих каждое представляет самостоятельные явления капитала.

Независимо от этого, есть в теории Прудона и еще одна важная сторона. Настоящее значение ее выясняется только с помощью теории постоянного и оборотного капитала. Но приблизительная оценка ее может быть сделана и при пособии наличных средств. Утверждая, что тот или другой предмет носит *все* признаки *капитала* в течение всего того промежутка времени, которое протекает между двумя последовательными обменов, и что, вступая в обмен, предмет теряет эти признаки и становится *продуктом*, Прудон, быть может, совершенно бессознательно, делает то ценное указание, что и важнейшее, с известной точки зрения, явление капитала, именно чистый доход, возникает и осуществляется вне сферы обращения *собственно продуктов* или товаров. Но положения Прудона оставляют попрежнему без разъяснения ту связь, какая существует между теориею ценности и теориею капитала. Напротив, указывая на ценность, спор, оценку, как на существенные условия капитала, Прудон в действительности доказал скорее нечто противоположное, а именно, что вещь бывает капиталом только в промежуток времени между двумя обменов. Только по отношению к каждой отдельной ступени разделенного труда оправдывается до известной степени то значение, какое придает Прудон обмену, а именно обмен служит для подобных сфер разграничительною чертою между двумя завершившимися явлениями капитала⁹².

О ВОЗНИКНОВЕНИИ И О [СБЕРЕЖЕНИИ]⁹³ КАПИТАЛА

Насколько ряд рассмотренных нами вопросов служил предметом бесчисленных и бесконечных споров, настолько же единодушие выказали экономические писатели при обсуждении вопроса о причинах возникновения и образования капитала. Начиная с Тюрго и Ад. Смита и кончая большинством современных экономистов*, источником капитала почти единогласно признавалось сбережение или экономия. Но Рикардо и некоторые из ближайших его последователей (Дж. Милль) и по отношению к этому пункту сохраняют, до известной степени, изолированное положение в экономической литературе. Они, частью, обходят упомянутый вопрос молчанием, частью выражаются о нем так, что мнения их трудно считать тождественными с мнениями других писателей. Общий характер и направление исследований представляют другое, косвенное доказательство того, что ясно формулированный взгляд Рикардо и Дж. Милля на причины происхождения и возрастания капитала, расходился бы значительно с общепринятою теориею этого предмета. Сверх того, в самое последнее время,—если не считать довольно неудачной попытки Прудона поколебать некоторые стороны господствующей теории в известном споре с Бастиа о процентах,—явилось в экономической литературе сначала недовольство, а затем и опровержение известного способа объяснения причин происхождения и увеличения капитала.

Ад. Смиуту удалось выразить указанный выше взгляд на источник капитала с такою полнотою, законченностью и определенностью, что позднейшим писателям выпало на долю только объяснять и развивать отдельные стороны его, что, прибавим тут же, делалось далеко не всегда удачно. Чтобы избежать бес-

* См., например, Storch «Cours d'Economie politique», t. I, p. 308; Senior «Principes», p. 309 et suiv.; Sismondi «Nouveaux principes», t. I, p. 87, 88 et suiv.; Rau «Traité», p. 104; J. S. Mill, t. I, p. 90—92; Roscher «Principes», t. I, p. 100; Rössler «Grundsätze», S. 116; Schäffle «Das gesellschaftliche System», S. 106 etc.

плодных и ненужных повторений, мы ограничимся здесь изложением теории сбережения в том виде, в каком она высказана Ад. Смитом и дополним ее лишь некоторыми, наиболее оригинальными из позднейших толкований и разъяснений. «Капиталы», учил Смит*, «накаплиются сбережением; они рассеиваются неблагоразумием и расточительностью. Все, что сберегает человек из дохода, он присоединяет к капиталу, и, в таком случае, этот избыток или употребляется им самим на содержание новых производительных рабочих, или дается возможность употребить его таким же путем другому лицу... Подобно тому, как капитал отдельного лица может увеличиваться только запасом, сбереженным из дохода или ежегодной прибыли этого лица, точно так же и капитал общества, состоящий из капиталов отдельных лиц, может быть *увеличиваем* только таким же способом. Ближайшая причина *увеличения* капитала состоит в сбережении, а не в труде. Правда, труд доставляет предметы для сохранения... но без сохранения, каков бы ни был размер заработка, капитал ни в каком случае не мог бы возрастать... То, что ежегодно сберегается, столь же правильно потребляется, как и то, что ежегодно расходуется, только другим классом людей». Таким образом, по мнению Ад. Смита, для возникновения и увеличения капитала необходимо соединение двух самостоятельных условий, а именно, часть чистого дохода 1) должна потребиться производительно и 2) она не должна потребляться непроизводительно, не должна расходоваться на предметы роскоши. Акт первого рода есть положительный акт потребления в видах производства, акт второго рода есть воздержание от потребления, нарушающего эту цель. Действительно ли для возникновения и увеличения капитала необходимо потребление *всего* того, что разумеет Смит под капиталом, производительными рабочими, действительно ли для достижения этой цели необходим «другой класс людей» — это мы увидим впоследствии. Конечно, совместным или отдельным действием обоих указанных Смитом факторов, производительного потребления и воздержания от непроизводительного потребления объясняется только возрастание, а отнюдь не возникновение капитала, ибо как потребление, так и воздержание мыслимы только относительно вещей, уже существующих, применяются, как говорит сам Смит, только к «избыткам дохода». По отношению к возникновению капитала тому и другому фактору предшествует третий, именно — производство первоначального капитала. Говоря, что «труд доставляет предметы для сохранения, но без сохранения капитал не мог бы возрастать» Ад. Смит сам признает ту истину, что возникновение капитала составляет следствие не воздержания и потребления, а производства. Но примирения этого явления с общей теорией сбережения мы у него не находим. Между тем,

* «Wealth of Nations», b. II, p. 149.

вопрос представляет довольно интересные для исследования стороны. Если весь капитал есть не что иное, как сумма вещей, служащих производству, то все эти части должны быть однородны, а следовательно и источник происхождения их должен быть один и тот же. Но доктрина сбережения ведет к мысли, что первоначальный капитал имеет источником производство, дальнейший же—потребление и воздержание. Противоречие это не примиряется и следующим мнением Дж. Ст. Милля. Ссылаясь, как на единственное исключение из правила, что весь капитал представляет результат сбережения,—на пример из «простейшего состояния экономических отношений», когда известное число лиц или семейств живет каждое на своем собственном участке, продуктами своего собственного труда, потребляет весь продукт и не становится беднее, Дж. Ст. Милль утверждает*, что и при таких даже обстоятельствах, необходимо сберечь (т. е. не обратить на свое личное потребление) ту часть продукта, которая нужна на посев. «Люди эти должны произвести больше, чем потребили, или потребить меньше, чем произвели». Произвести больше, чем потребить и потребить меньше, чем произвести,—совсем не одно и то же. В первом случае прямо указывается на источник возникновения капитала, на производство; во втором, напротив того, капитал является возникшим как бы случайно, не нарочно и речь идет исключительно о том, что возникший уже капитал не должен быть потреблен так, чтобы не мог служить производству. Но вполне ли отвечает на вопрос такое решение или нет, нельзя, во всяком случае, не видеть, что теория сбережения обнимает не одно только, а два параллельных условия для возникновения и образования капиталов, именно—производительное потребление и воздержание от непроизводительного потребления. Некоторые из последователей Смита придали, напротив того, несоответствующее значение только одному из упомянутых условий, именно, воздержанию от потребления, и тем внесли в его доктрину существенные изменения. К числу таких писателей принадлежит в особенности Сеньор. «Каждый отдельный предмет», пишет он**, «входящий в состав капитала, представляет обыкновенно результат трех великих орудий производства, т. е. труда, воздержания и естественных деятелей, скомбинированных вместе». «Термином воздержания», говорит он в другом месте***, «я желал бы обозначить тот фактор, отличный от труда и от сил природы, содействие которого необходимо для существования капитала и который имеет то же отношение к прибыли, какое труд имеет к задельной плате». «Мне могло

* «Основания», т. I, стр. 90—91.

** «Principes fondamentaux», p. 318.

*** Ibid., p. 310. Впрочем, сам Сеньор ограничивает это положение, говоря, что «lorsque le sauvage façonne son arc, ou ses flèches, il emploie rarement un temps, qu'il aurait pu destiner à des jouissances immédiates» (ibid., p. 342—3).

бы быть сделано», продолжает он*, «вот какое возражение; можно было бы сказать, что воздержание само по себе представляет не более, как отрицательный акт, не могущий повлечь за собою положительных результатов. Но то же возражение может быть сделано, например, в отношении к храбрости, и можно бы усомниться, производит ли резерв армии какое бы то ни было положительное действие тем, что сохраняет за собою назначенное ему место». Итак, условие, которому Ад. Смит придает громадное, но все же не исключительное значение, возводится Сеньором на степень самостоятельной производительной силы, стоящей наряду с трудом и силами природы. Напротив того, второе условие капитала, — именно, производительное потребление — Сеньор отодвигает на второй план. Насколько это справедливо, мы увидим ниже.

Приступим теперь к подробному анализу указанной теории и постараемся отдать себе отчет во всех ее частностях. Термин «сбережение» обозначает собою, как мы видели, два совершенно различных понятия. Он указывает, во-первых, на сохранение тех или других предметов, на непотребление их. Такое сохранение может иметь мотивом желание удовлетворить будущим потребностям вместо настоящих, может иметь мотивом болезненное состояние организма, например у скудца. Но, что бы ни служило причиною бережливости этого рода, под ней не следует, по единогласному признанию большинства экономистов, разуметь что-либо иное, кроме простого воздержания, за которым следует производительное потребление. Под сбережением, говорят экономисты, ни в каком случае не следует разуметь сохранение и накопление или собиранье сокровищ. Сбережения такого рода, продолжают они, представляют собою скорее уменьшение, нежели увеличение народного капитала и, во всяком случае, суть не более, как суммирование существующих уже частей капитала. Правда, сбережение в смысле воздержания представляет не действительный факт, а такой, который мог бы наступить, но не наступил, и это отрицательное его свойство заставляет иногда невольно придавать ему смысл сохранения и накопления, как можно видеть и на вышеприведенном примере Дж. Ст. Милля. Даже и в первоначальном или простейшем состоянии экономических отношений, говорит Милль, люди должны сберечь ту часть продукта, которая нужна на посев. Слово «сберечь» он поясняет в скобках словами: «т. е. воздержаться от потребления», но он не замечает, что вслед затем идет речь не о производительном потреблении, а просто о сохранении, — таком же, каково сохранение сокровищ. Что люди должны иметь зерно для посева, прежде нежели приступают к самой операции обсеменения полей, это разумеется само собою, но предыдущее производство этого зерна и сохранение его в годном виде от одного года до другого играют

* «Principes fondamentaux», p. 312.

здесь гораздо более решительную роль, нежели воздержание от потребления его, при существовании другого зерна, непосредственно предназначенного на потребление. Но несмотря на то, что «сбережению» придается иногда такое значение, постараемся не обращать здесь внимания на эту сторону вопроса, а остановимся исключительно на том значении этого слова, какое признается за ним большинством экономистов и вникнем в природу явления, на которое оно указывает. Насколько воздержание от потребления относится к существующим уже вещам, самая интересная часть вопроса состоит в том, чтобы узнать, в чем могло бы заключаться потребление тех или других из числа подобных вещей. Точка зрения хозяйства частного дает в этом отношении совершенно иной взгляд на дело, нежели точка зрения хозяйства общественного. Частное хозяйство может потребить решительно каждую из вещей, добываемых трудом, так что в результате не получится ни нового продукта, ни большого продукта. Орудие производства в собственном смысле может быть продано или обменено на ковры, дорогое платье, акипаж, лошадей и пр. Съестные припасы, предметы продовольствия, — если их оказывается слишком много для удовлетворения непосредственных потребностей хозяйства, — могут быть точно так же отданы в обмен за предметы роскоши. Наконец, предметы роскоши, которыми уже обладает само частное хозяйство, могут быть потреблены или в натуральной своей форме, или обменены на другие, подобные же предметы, вместо орудий производства. Тот, кто не поступает таким образом, не потребляет непродуцируемо того, чем обладает, — называется обыкновенно «бережливым» или «хорошим хозяином» в противоположность — «расточителю» или «моту», который именно тем и отличается, что разменивает все свои богатства на предметы непосредственного потребления. Но противопоставление «мота» — «хозяину», на первый взгляд совершенно логичное и правильное, при более внимательном рассмотрении, оказывается ненаучным потому, что возводит на один уровень два таких явления, из которых одно встречается на каждом шагу, другое же, сравнительно, лишь весьма редко. Хороших хозяев обыкновенно бывает гораздо больше, нежели расточителей, и это отнюдь не простая случайность. Разъяснение этого явления найдется в природе общественного хозяйства, к которому мы теперь и перейдем. Потребление того или другого из числа предметов, служащих производству, достигаемое отдельным хозяйством при помощи продажи или обмена, с точки зрения общественного хозяйства представляет не действительное потребление капитала, а только перемещение его из одних рук в другие. То или другое орудие производства или предмет непосредственного потребления, переходя из хозяйства, которое пожелало сбыть его с рук, в другое хозяйство, продолжает удовлетворять здесь тому назначению, какое придается ему естественной его формой и, таким образом,

остаётся непотребленным, в смысле непроизводительного потребления. Но если бы даже предположить, что проданные или отданные в обмен орудия производства и предметы продовольствия как-нибудь окончательно исчезли со сцены, то и в таком случае, обмен или продажа их встречали бы препятствие в том, что приходилось бы капиталу, ценность которого обыкновенно значительно превышает *все* годовичное производство страны, отыскать эквивалент в ценности сравнительно маловажной *части* этого годовичного производства, состоящей в предметах роскоши. Но, быть может, нам возразят, что нет нужды потреблять непроизводительно *существующие* капиталы, когда есть полнейшая возможность придать *будущему* производству такое направление, какое соответствует вкусу и потребностям владельца и, таким образом, постепенно потребить весь капитал страны. Мы ответим на это, что, хотя действительно возможность придать не произведенным еще предметам форму предметов непроизводительного потребления представляется гораздо более широкою, нежели та, которая существует по отношению к потреблению вещей, принявших уже ту или другую специфическую форму, соответствующую производительному их назначению, но что и она далеко не беспредельна. Не говоря о том, что удовлетворение той или другой непроизводительной потребности представляется просто невыгодным при таких условиях, когда *ожидается* удовлетворение для целого ряда таких потребностей, — изменение путей производства находит предел в том *minimum'e* средств существования, различном, смотря по стране и эпохе, который должен быть произведен, во что бы то ни стало, для поддержания жизненных условий большинства населения. Отсюда следует, что, подобно непроизводительному потреблению существующих уже орудий производства, сообщение формы, пригодной для такого потребления, орудиям производства, еще не произведенным, представляет не более как явление частнохозяйственной сферы, хотя, сравнительно гораздо более обширной. Напротив, с точки зрения общехозяйственной, отношения *каждого* отдельного хозяйства к орудиям производства и предметам потребления, по общему правилу, могут состоять только в следующем. Машины, материалы для производства, пути сообщения и пр. не могут быть потребляемы так, чтобы потребление их могло назваться непроизводительным. Предметы эти действительно сохраняются в течение довольно продолжительного времени, но это делается в силу самой их природы и роли в производстве. Съестные припасы и вообще предметы продовольствия, равным образом, могут быть потребляемы только в соответствии с хозяйственным назначением их. В противоположность машинам и пр. они отнюдь не могут сохраняться и должны быть потребляемы по мере их изготовления. Всякий знает, что запасы хлеба в магазинах на случай неурожая, запасы товаров в лавках, сохраняющиеся в течение больших пе-

риодов времени,—представляют не более как исключительное явление, имеющее самостоятельные причины в том или другом хозяйственном неустройстве. Наконец, что касается денег, то само собою разумеется, что в известных пределах, они могут быть израсходованы по произволу, но в руках продавца предметов непроеводительного потребления, они могут исполнять то же назначение, какому соответствовали первоначально в руках покупателя. Мы видим отсюда, что по отношению к общественному хозяйству теория воздержания от потребления не может считаться выдерживающею критику. Потребляются решительно все предметы, каждый сообразно своему назначению, и сказать, что хозяйство или лицо воздерживается от потребления машин или запасов хлеба и пр., превышающих его личную или частную потребность в хлебе, по меньшей мере, несколько странно. Обстоятельство это объясняет, почему в составе каждого общества число хороших хозяев необходимо преобладает над числом расточителей или мотов. Издержать все свое состояние на удовлетворение высших потребностей—по самому существу дела—представляет вещь доступную лишь очень ничтожному проценту людей. Напротив того, большинство просто поставлено в необходимость вести хозяйство бережливо и правильно—в смысле теории «сбережения».

Нам предстоит теперь перейти к обсуждению другой стороны понятия сбережения. Мы слышали уже мнение Ад. Смита об этом предмете. Все, что сберегается, говорит он, потребляется столь же правильно, как и то, что расходуется, только другим классом людей. «Слово сбережение», утверждает Дж. Ст. Милль*, «вовсе не говорит, чтобы сберегаемое не потреблялось, не говорит даже и того, чтобы потребление сберегаемого непременно отсрочивалось, оно говорит только, что если сберегаемое немедленно потребляется, то потребляется не лицом сберегающим, а другим лицом». Итак, положительное действие сбережения, как источника капитала, состоит, во-первых, в потреблении, во-вторых, в потреблении другим лицом орудий производства и предметов продовольствия. Что касается потребления вообще, то мы уже знаем, что оно в состоянии бросить известный свет только на вопрос об увеличении капитала, а не о возникновении его. Потреблять можно только то, что уже существует, а существующие орудия производства и предметы продовольствия в отношении к понятию о капитале вообще ничем не отличаются от тех же орудий и предметов, которые получают в качестве увеличения или возрастания первых. С другой стороны, о потреблении человеком собственно орудий производства можно говорить лишь в известном, относительном смысле. Вернее было бы сказать, что орудия просто служат производству. Но необходимо ли получается в результате такого служения новый

* «Основания», т. I, стр. 92.

большой капитал, или, напротив того, возникновение его составляет следствие самостоятельных причин? Мы видели в предыдущей главе, что производство прибавочного продукта и существование в стране орудий производства и средств продовольствия не представляют собою двух таких явлений, из которых первое могло бы считаться непосредственным следствием второго. Производство известного количества орудий и предметов продовольствия, точно так же как и непрерывное воспроизведение тех и других, захватывают известную, необходимую часть рабочего времени народа, сохраняющего неизменную численность и постоянные привычки. Абсолютный размер такого времени естественно возрастает вместе с увеличением населения или увеличением потребностей, следовательно, возрастает также и абсолютное количество орудий и предметов продовольствия. Но не о таком абсолютном увеличении идет речь, когда говорят о накоплении капитала. При этом обыкновенно подразумевается преобладание производства над потреблением, производство прибавочного продукта. «Когда годовое производство страны», говорит Рикардо*, «превосходит годовое потребление ее, то говорят, что капитал увеличивается; когда же годовое потребление, по меньшей мере, не замещается годовым производством, утверждают, что народный капитал уменьшается. Итак увеличение капитала может иметь причиной или возрастание производства, или уменьшение потребления». Мы видим отсюда, что под увеличением капитала разумеют относительное увеличение его. Таким образом, производительное потребление орудий и средств продовольствия представляет собою такое потребление, в результате коего является прибавочный продукт, значительная часть которого имеет форму новых орудий производства. В этом единственно смысле может быть речь о потреблении, как об источнике *нового, большего* капитала, а равно о том, что для такого потребления необходим другой класс людей. Но как по отношению к увеличению, так и по отношению к восстановлению капитала—потребление представляет не более, как обратную сторону медали,—лицевая сторона которой—производство.

Приведенная нами выдержка из Рикардо ясно свидетельствует, что мы были правы, сказавши в начале настоящей главы, что те мнения Рикардо, которые высказываются им непосредственно, значительно разнятся от мнений других писателей относительно теории сбережения. Рикардо прямо говорит, что капиталы увеличиваются «вследствие возрастания *производства* или уменьшения потребления». Ту же мысль повторяет и Дж. Милль, доказывая, как мы имели случай видеть, что капиталы производятся трудом. Наконец, то же самое утверждает и

* «Oeuvres complètes», p. 121.

Дж. Ст. Милль*, но, придав несоразмерно большое значение отрицательной стороне сбережения, а равно производительному потреблению, — он лишает свои предыдущие слова той силы, какую они могли бы иметь. Мы говорили в предыдущей главе, что со времен Рикардо вопрос о том, следует ли разуместь под капиталом вещи, произведенные трудом, или же всякие вещи безразлично, считается вообще решенным в пользу вещей первого рода. По крайней мере, силы природы всегда признаются отдельным от капитала источником производства. Но такое решение вопроса о капитале не выдерживается настолько последовательно, чтобы писатели, принявшие его, нашли возможным вместо «сбережения» и «производительного потребления» признавать за непосредственный источник капитала тот же труд или производство. Не так поступили Рикардо и Дж. Милль и в особенности первый.

В новейшей литературе теория сбережения подверглась нападению Сагеу. Американский экономист считает большим местом этой теории понятие о заготовлении запасов, о сохранении продукта в тесном смысле этого слова и в этом направлении ведет свои возражения**. После всех тех объяснений, которыми обыкновенно сопровождается изложение теории сбережения, начиная от Ад. Смита и кончая Дж. Ст. Миллем, и которые совершенно категорически отвергают всякую солидарность этой теории с простым сохранением или накоплением сокровищ или продуктов, — нельзя не сознаться, что опровержения Сагеу по меньшей мере неосновательны.

Дальше пошел и глубже вник в сущность дела последователь Сагеу — Dühring, хотя и он придает слишком большое значение предполагаемой им ошибке теории сбережения по вопросу о составлении и хранении запасов. Единственное, говорит он***, что можно утверждать, это факт, что производить должно постоянно прежде, нежели потреблять. Но это предварительное производство — съестных ли припасов, или других предметов существования, ни в каком случае не представляет капитализации. Продукты нимало не становятся капиталом вследствие того, что они назначены для ближайшего промежутка между двумя последовательными производствами. Они не могли бы быть потреблены иначе... Потребить всю жатву сразу было бы нецелесообразным потреблением... Сами законы правильного потребления требуют сохранения известных запасов... Сохранение запасов есть не причина, а следствие производства. Если бы производство важнейших предметов, именно съестных припасов, было бы столь же постоянно, как и потребление, если бы периоды того и другого актов совпадали, то не было бы никаких

* «Основания», т. I, стр. 90—91.

** «Manual of Social Science», ch. XXXII.

*** «Kritische Grundlegung», Achter Abschnitt, Erstes Kapitel, passim.

оснований для заготовления особых запасов. Накопление представляет, следовательно, не что иное, как результат различия в размерах промежутков времени, в течение которых исполняются отдельные акты производства и потребления... Предметом господствующей доктрины было образование частного капитала*... Но и на этом поле потерпела поражение теория, на основании которой бережливость и воздержание от потребления представляют главное предположение образования капитала. Само собою разумеется, что капитал предпринимателя, т. е. фонд, служащий для ведения дела, может возрастать только вследствие присоединения новых элементов. Из доходов первоначального небольшого капитала должны быть присоединяемы к нему новые ценности. Правилам словоупотребления не противоречит, когда это присоединение называют «сбережением». Тем не менее, «сбережение» все-таки сохраняет такой смысл, который указывает на противоположность «потреблению» или «расходованию»... Никто не станет отрицать, что бережливость превосходное качество, от которого в значительной степени зависит правильное ведение частного хозяйства. Но в каком отношении находится эта бережливость к народнохозяйственной теории «сбережения»? Бережливость состоит в достижении крупных результатов, при помощи относительно незначительных средств... в своевременном потреблении тех средств, которыми располагает хозяйство... Народнохозяйственная теория разумеет под нею чисто отрицательную добродетель, качество само по себе бесплодное... По мнению Ад. Смита, капитал есть излишек производства над потреблением, т. е. орудия производства, которые могли бы быть потреблены, но не потреблены. Но важнейшие части народного капитала вовсе не суть предметы немедленного потребления, они, напротив, предметы такого потребления, о котором нельзя размышлять отдельно от производительного их назначения. Машина уничтожается потреблением, и таков способ хозяйственного ее потребления. То же самое разумеется относительно железной дороги. Расточительность по отношению к таким органам производства заключалась бы именно в непотреблении их, в неиспользовании ими. Здесь ясно обнаруживается, что образование капитала, т. е. созидание орудий производства, составляет в сущности акт затраты труда, а не сбережение продуктов... Выражение «воздержание» крайне одностороннее; так как кто занимается только тем, что регулирует свое потребление в соответствии с промежутками времени, в течение коих имеет средства для удовлетворения потребностей, о том нельзя сказать, что он воздерживается от потребления: он и без того не потребил бы больше... Можно произвести больше, нежели потребить, если производится нечто, не представляющее средства для удовлетворения непосредственным потребностям... Если

* «Kritische Grundlegung», Achter Abschnitt, Zweites Kapitel, passim.

свести вместе результаты наших исследований, то окажется, что образование капитала основывается не на сбережении средств существования, не на воздержании от потребления, а, напротив того, на целесообразном расходовании (Anlegung) хозяйственных сил и средств.

К таким же конечным выводам приходят и некоторые другие писатели, подвергавшие теории сбережения более тщательному анализу, чем это делается обыкновенно*.

* См., например, «Das Kapital», S. 582, 583: «Чем скорее общество идет вперед,—говорит Сензор («Principes fondamentaux de l'économie Politique», Traduct. Arrivabenc., Paris 1836, p. 342),—тем более требуется им воздержания», именно со стороны тех, которые занимаются промыслом присвоения чужого промысла и его продукта. Отныне все условия рабочего процесса превращаются в столь же многочисленные способы воздержания капиталиста. Причина того, что пшеницу не только едят, но и сеют, заключается в воздержании капиталиста! Причина того, что вино нужно, время для брожения,—опять-таки лежит в воздержании капиталиста! Капиталист грабит свое собственное существо, когда он «отдает орудия производства в суду рабочим», говоря иначе, сохраняет их ценность, благодаря участию рабочей силы, вместо того, чтобы съесть пароходы, хлопчатую бумагу, железные дороги, удобрения, работу лошадей, или, как это по-детски представляет себе ходячий экономист, расточать их ценность на предметы роскоши и иное потребление. «Лишение,—говорит Молиари (p. 49),—которое возлагает на себя капиталист, сужая рабочему орудие производства, вместо того, чтобы посвятить его *ценность* на собственное потребление, превращая ее в предметы полезные или приятные». Эта формула, сообразно одобряемому ходячей экономией способу, нужна для того, чтобы отождествить эксплуатируемого промышленным капиталистом наемного рабочего с самим промышленным капиталистом, который выкачивает деньги из должника-капиталиста. Каким образом может весь класс капиталистов лично потребить свой капитал, об этом ходячая экономия до сих пор упрямо хранит тайну. Короче, мир живет только благодаря самоистязанию сего новейшего кающегося Вишны, капиталиста. Не только накопление, но и простое сохранение капитала, требует постоянного напряжения сил, чтобы противиться искушению проесть его» (Курсель-Сенель, стр. 57). «Итак, очевидно, что одна только гуманность может освободить капиталиста от пытки и искушений с муками». В другом месте «*Капитала*» автор говорит о сбережении следующее: «Так как деньги являются всеобщим товаром, то несомненно, что только они одни и могут накапливаться тем простым способом, который состоит в присоединении к их первоначальному количеству все новых и новых больших количеств. Все прочие товары и вещи накапливаются гораздо более сложным и запутанным процессом, который только по воспоминанию о первоначальном накоплении денег объявляется в качестве накопления же и сбережения. В этом мы видим историческое объяснение господствующей в настоящее время теории происхождения капитала, которое, по аналогии, уравнивается с предшествовавшим ему в истории накоплением сокровищ».

ГЛАВА VII

[О ПРИЧИНАХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧИСТОГО ДОХОДА С КАПИТАЛА ИЛИ О ЦЕННОСТИ РАБОЧЕЙ СИЛЫ]⁹⁴

[Не удовлетворившись теорией сбережения, как источником происхождения и увеличения капитала, изложенной в прошлой главе, мы в настоящей главе поищем более действительных способов возникновения чистого дохода с капитала, которые выяснят нам и самый процесс увеличения размеров последнего. Читатель, вероятно, не посетует на нас за то, что объяснение дела, которое мы представим, будет требовать от него несколько более внимания, чем теория сбережения, ввиду ее элементарности и сравнительной сложности вопроса о происхождении капитала, которую он отличается по самой своей природе как один из самых конкретных вопросов общественной экономии. За это усиленное внимание он будет вознагражден ознакомлением с новой и важною экономической истиною.]⁹⁵

С той точки зрения, которая была для нас опорным пунктом при установлении определения капитала, не представлялось никакой возможности дать предметам, входящим в состав народного богатства, какую-нибудь иную классификацию, кроме разделения их на такие предметы, которые производятся и потребляются косвенно, и на такие, которые производятся и потребляются прямо или непосредственно. Деньги не могли войти ни в одну из этих групп на том основании, что они представляют, во-первых, экономическую категорию отдельных хозяйственных функций, во-вторых, совершенно особый предмет богатства, удовлетворяющий специфическим потребностям. Упомянутая классификация получалась в результате таких приемов исследования, при которых за область наблюдения принималось общественное хозяйство среднего времени и места, а периодом наблюдений служил такой промежуток времени, в течение которого выполнялся и заканчивался полный ход производства и потребления.

Но производство и потребление, хотя и чередуются друг с другом, не представляет собою двух таких актов, из которых

каждый, следуя за другим, занимал бы отдельный, *резко отграниченный* промежуток времени, а, напротив, косвенное потребление орудий и машин и прямое потребление предметов существования совпадают с *новым* производством. Иными словами, вся совокупность продуктов каждого предыдущего производства потребляется одновременно с новым производством, и, таким образом, сливается относительно последнего в одну безразличную массу вещей, добытых *прошедшим* трудом и служащих *новому* или *текущему* труду в качестве предварительных его условий. Обстоятельство это несколько не вредит указанной выше общехозяйственной классификации предметов богатства, потому что оно несколько не мешает орудиям оставаться орудиями, [предметами непосредственного потребления.]⁹⁸ С точки зрения общественного хозяйства, само собою разумеется, не может быть речи о *прошедшем* и *настоящем* труде, потому что и тот и другой сливаются в одну категорию труда *среднего* времени. Но если остановиться на том промежутке времени, который разделяет два последовательных производства, то весь труд, воплощенный в орудиях и продуктах предыдущего производства, придется назвать безразлично трудом прошедшим, по отношению к тому труду, который расходуется в дальнейшем производстве. Сама по себе эта новая точка зрения не ведет к важным научным выводам, если не считать того, что она указывает на внутреннюю связь между двумя производствами. Правда, и в этом последнем смысле она остается несколько одностороннею потому, что придает важность только отношению между производствами, а не отношению между потреблением. Но, находясь в связи с такою хозяйственно-производственной формацией, которая ставит текущий труд, или, вернее, не затраченную еще рабочую силу в известные специфические отношения к орудиям производства и средствам существования *безразлично*, которая придает рабочей силе качества особого продукта или товара в противоположность *всем* прочим товарам,—означенная точка зрения оказывается вполне соответствующею сущности дела. Указав однако на существующее между орудиями производства и предметами потребления сходство, не следовало упускать из виду тех особенностей, которыми различаются те и другие, не только безотносительно, но также и по отношению к известному текущему производству. Эти-то особенности, осложняясь у некоторых писателей случайно привходящими элементами,—и составляют материал для исследования о так называемых *постоянном* и *оборотном* капиталах, т. е. о *различных частях богатства*, служащих для поддержания текущего производства или *труда*.

Прежде чем приступить к обзору положений о постоянном и оборотном капиталах, нам придется возвратиться к теории Рикардо о соотношении между ценностью, задельной платой к прибыли и дополнить ее позднейшими разъяснениями.

При изложении общей теории ценности Рикардо мы могли заметить, что этот экономист особенно настаивает на различии между количествами труда, содержащимися в продукте, и теми, которые могут быть куплены этим продуктом. На этом различии Рикардо основывает свои опровержения смитовой теории мерила ценностей, по которой таким мерилom признавался безразлично и труд, содержащийся в продукте, и труд, покупаемый этим продуктом, все равно, представляет ли этот последний не затраченную или затраченную рабочую силу. Если бы было справедливо, говорит Рикардо, что вознаграждение рабочего соответствует производительности труда, то была бы возможность утверждать, что количество труда, заключающееся в продукте, и количество труда, которое этот продукт может купить, равны: и *то* и *другое* количества могли бы в таком случае *безразлично служить* точною мерою для колебаний других предметов. Но в действительности это не так. Увеличивается или уменьшается производительность труда в одну эпоху в сравнении с другою, — размеры задельной платы не следуют вообще за такими изменениями ее, или следуют далеко не в такой пропорции, в какой изменяется она. Если рабочий получает в данную эпоху известное количество съестных припасов, то и при уменьшении общей производительной силы труда, он получит такое приблизительно количество их, потому что, в противном случае, он не будет в состоянии существовать, следовательно, — прибавим от себя, — нельзя будет и говорить о производстве, ценности и т. п. Если обувь и одежда рабочего станут производиться по усовершенствованным способам, если, следовательно, производительная сила труда увеличивается, то, опять-таки нельзя сказать, что вместо одной пары башмаков или платья, рабочий получит, например, по четыре пары того и другого; напротив, достоверно, что регулируемая соперничеством задельная плата рабочего станет в соответствие с новою ценностью припасов. Итак, нельзя утверждать, вместе со Смитом, что *ценность* труда есть единственная постоянная ценность, что она может служить мерилom ценности припасов и товаров.

Мы видим отсюда, что Рикардо отнюдь не думал противопоставлять труду, затраченному в отчуждаемый продукт, — труду, затраченный в приобретаемый продукт, как обвиняли его некоторые экономисты, не уяснившие себе той разницы между двумя родами труда, на которую указывает Рикардо. Напротив, Рикардо ясно дает понять всей своей теориею ценности, по которой продукты размениваются только при равных количествах затраченного в них труда, и указанным выше мнением, по которому и продаваемое и покупаемое количество труда, если бы они были равны, — безразлично могли бы служить мерилom ценности, — что он противопоставляет между собою совсем не эти роды труда, а труд затраченный и труд не затраченный, рабочую силу, труд-продукт. Продукты покупаемый и продаваемый рассматри-

ваются им, как нетрудно заметить, в качестве двух совершенно одинаковых, по взаимному положению, хозяйственных категорий, а потому, при равенстве содержащихся в них количества труда, он справедливо считает безразлично годным для отправления функции мерила и тот и другой труд. Находя, напротив того, громадное различие между производительностью труда, т. е. отношением единицы труда к количеству продукта вообще, и между размером ценности труда, или отношением единицы рабочей силы к количеству продукта, за которое она продается,—Рикард столь же справедливо находит, что ценность рабочей силы или задельная плата не может служить мерилom ценности вообще.

Продолжая развивать приведенную нами характеристику, Рикардо утверждает, что размер ценности товара не находится в зависимости от размера ценности рабочей силы. Если лук и стрелы охотника, говорит он*, имеют одинаковую ценность и долговечность с ценностью лодки и орудий ловли рыбака, то ценность дичи, составляющей продукт дневного труда охотника, будет в точности та же, что и ценность рыбы, пойманной рыбаком в течение также дня. Отношение их ценностей будет в точности соответствовать количествам труда, каковы бы ни были количества продуктов и независимо от высоты уровня задельной платы и прибыли. Пропорция того, что могло бы быть уплачено в виде задельной платы, имеет чрезвычайную важность для вопроса о прибыли; ибо очевидно, что последняя будет велика или мала, смотря по высоте или низкости задельной платы**;

но это отнюдь не действует на относительную ценность рыбы и дичи. Если бы владелец одного из этих продуктов пожелал увеличить его ценность, и, в объяснение, стал бы ссылаться на то, что он заплатил дороже своим рабочим, то владелец другого продукта отвечал бы ему, что и он находится в совершенно таком же положении. Но от каких причин зависит размер задельной платы или ценности труда? Подобно всем другим вещам***, которые можно продавать и покупать, и количество которых может увеличиваться и уменьшаться, и труд имеет естественную и нарицательную ценности. Первая из них та, которая дает ра-

* «Oeuvres complètes», p. 19.

** Не следует упускать из виду, что, говоря о высокой задельной плате и прибыли, Рикардо повсюду разумеет не абсолютные количества продукта, поступающие из годового дохода в ту или другую отрасль его, а исключительно относительные. Если в земледелии, говорит он на стр. 35 «Oeuvres complètes», или в обрабатывающей промышленности вводятся улучшения, удваивающие количество продукта, и если задельная плата, рента и прибыль удваиваются в то же время, то они сохраняют прежнее взаимное отношение, т. е. остаются равными; но если, напротив того, задельная плата увеличивается на 50%, рента на 75%, а прибыль на все остальное, то справедливо сказать, что рента и задельная плата понизились, а прибыль возвысилась.

*** «Oeuvres complètes», ch. V et VI.

бочим средства к существованию—и к увековечению семейства— без увеличения и уменьшения последнего. Цена эта зависит от цены средств существования и вещей, необходимых или полезных для содержания рабочего и его семейства. Рыночная цена труда есть действительно получаемая рабочим цена по соответствию с отношением между спросом и предложением,—труд дорог, когда рук мало, дешев, когда их много. Цена эта стремится приблизиться к естественной. Всякое улучшение, всякое увеличение капитала возвышает рыночную цену труда; но постоянство этого возвышения зависит от возрастания уровня естественной цены труда, а это последнее, в свою очередь, зависит от постоянства естественной цены припасов, на покупку которых расходуется задельная плата рабочего. Итак, существуют две причины изменения задельной платы: одна из них спрос и предложение труда, другая—цена предметов продовольствия рабочего. Но ценность товаров слагается не из одной задельной платы. В состав ее входит еще прибыль. При одной и той же цене хлеба и мануфактурных товаров, прибыль будет высока или низка, смотря по возвышению или понижению задельной платы. При возвышении цены хлеба и других предметов продовольствия рабочего последует, как сказано выше, увеличение задельной платы, следовательно, уменьшение прибыли; в обратном случае наступят противоположные результаты. Таким образом, тот или другой размер прибыли зависит в конечном счете от плодородия земли.

Итак, задельная плата представляет только одну часть продукта, а следовательно и замещающей его цены, и часть эта не находится в соответствии с производительностью труда. Размер заработка, подобно всем прочим товарам, определяется, средним числом, количеством труда, пошедшим на производство специфического товара—рабочей силы, в отдельные же моменты—спросом и предложением последней. Но употребляя, вслед за Ад. Смитом, вместо выражения «рабочая сила»,—термин «труд», Рикардо открывает обширное поле для возражений на свою теорию и совершенно понапрасну умаляет ее значение. «Г. Рикардо», говорит автор одного анонимного сочинения*, «довольно остроумно обходит затруднение, которое с первого взгляда кажется опасным для его доктрины, что ценность зависит от количества труда, употребленного на производство. Если этот принцип принять во всей строгости, то из него следует, что *ценность труда зависит от количества труда, употребленного на производство труда*,—что представляет очевидный абсурд. Но сделав ловкий поворот, Рикардо объявляет, что ценность труда зависит от количества труда, необходимого на производство задельной платы... Это похоже на то, как если бы сказали,

* «A Critical Dissertation on the Nature etc. of Value», p. 50, 51. См. «Das Kapital», S. 521.

что ценность платья определяется не тем количеством труда, которое пошло на производство платья, а тем количеством труда, которое употреблено на производство серебра, за которое платье обменивается). Действительно, если настаивать на том, что ценность всех товаров определяется трудом, истраченным на эти товары, и вслед затем допускать, что ценность одного товара, совершенно подобного остальным, по собственному категорическому признанию, определяется не таким трудом, а другим, содержащимся в задельной плате,—то это является равносильным совершенному уничтожению общего правила. Будучи же принят во всей полноте, закон Рикардо приводит к следующей нелепой тавтологии. Размер ценности товара измеряется количеством содержащегося в нем рабочего времени. Но чем же определяется размер ценности например 12-часового дня? 12 часами рабочего времени, содержащегося в 12-часовом рабочем дне*. Противоречие значительно усиливается тем, что, по мнению Рикардо, в продукт или в его цену входит кроме задельной платы еще и прибыль, а между тем, если ценность труда зависит от количества труда, употребленного на производство предметов продовольствия, поддерживающих труд, то продукт труда и его ценность или задельная плата являются двумя равными величинами: таким образом, оказывается, что размер задельной платы совпадает с производительностью труда и что задельная плата поглощает собою весь продукт, не оставляя ничего на долю прибыли,—результат совершенно противоположный всем предыдущим утверждениям Рикардо. Заменяя термин «труд» везде, где Рикардо разумеет под последним самостоятельный продукт—выражением «рабочая сила» или «способность», автор «Das Kapital» следующим образом пытается разъяснить недоразумения, возбуждаемые теориею Рикардо.

Непосредственная форма обращения товаров, говорится в упомянутом сочинении**, есть $T-D-T$, превращение товара в деньги и денег на товар. Но рядом с этой формой мы находим другую, специфически отличную от первой,— $D-T-D$, превращение денег в товар и обратное превращение товара в деньги, покупку для продажи. Совершенно очевидно, что процесс обращения $D-T-D$ не имел бы ни смысла, ни содержания, если бы он представлял обмен одной денежной ценности на другую той же величины, 100 ф. ст. на 100 ф. ст. С другой стороны, когда купец продает купленную им за 100 ф. ст. хлопчатую бумагу за 110, за 100, за 50 ф. ст., деньги его играют совершенно своеобразную роль, отличную от роли денег в простом обращении товаров, например, в руках крестьянина, продававшего пшеницу с тем, чтобы на вырученные деньги купить себе платье. В простом товарообращении оба крайние звена суть товары од-

* Ibid., S. 520.

** «Das Kapital». Zweites Kapitel.

мой и той же ценности, но различной ценности потребления. В обращении денег в качестве капитала, движение начинается и оканчивается деньгами—товаром одной и той же ценности потребления, но различных размеров ценности. Но обращение приносит более денег, нежели сколько принимает в себя. Купленная за 100 ф. бумага продается вновь за 110 ф. Назовем этот прирост—прибавочною ценностью (*Mehrwert, surplus-value*). Первоначально затраченная ценность не только входит в обращение, но и изменяет в нем свою величину. Это движение превращает означенную ценность в капитал.

Покупать для того, чтобы продавать, или вернее, покупать для того, чтобы продавать дороже, составляет, повидимому, форму, свойственную одному только торговому капиталу. Тем не менее и индустриальный капитал представляет не что иное, как деньги, превращаемые в товары, и с помощью продажи товаров возвращающиеся в большем противу затраты количестве. Акты, происходящие вне сферы обращения, в промежуток между покупкой и продажей, ничего не изменяют в этой форме движения.

Но обращая ряд простого товарообращения, мы не выходим из сферы последнего и должны обратить внимание на то, допускает ли оно по своей природе увеличение входящей в него ценности, т. е. образование прибавочной ценности. Возьмем процесс обращения в форме простого обмена товаров. Это случай, когда оба товаровладельца покупают друг у друга товары, оплачивая только разницу. Деньги служат здесь только для счета, для выражения ценностей товаров. Что касается потребительных ценностей, то ясно, что обе меняющиеся стороны должны в этом случае нечто выиграть. Каждая из них отчуждает вещи бесполезные, приобретает полезные. Сверх того, каждая из них производит, быть может, отдельного товара более, нежели производила бы для себя обоих товаров. Следовательно *A* получает за ту же меновую ценность более, например, пшеницы, а *B* более, например, вина, чем произвел бы того и другого, при отсутствии обмена, каждый сам для себя. Но если относительно потребительных ценностей выигрывают обе стороны, то нельзя сказать того же относительно меновой ценности. [«Человек, который обладает большим количеством вина и не обладает хлебом, входит в сношения с другим, у которого много хлеба и нет вина; между ними происходит обмен 50 единиц ценности хлеба на 50 единиц ценности вина. Этот обмен не представляет увеличения богатства ни для того ни для другого, так как каждый из них *до обмена* обладал ценностью равную той, которую он добыл этим способом» (*Mercier de la Rivière, p. 544*).]»⁹⁷ Деньги, входя в пустое пространство между товарами, в качестве орудия обращения, не изменяют ничего во взаимном отношении товаров. Ценность товаров изображается в их ценах прежде, нежели они вошли в обращение, следовательно ценность есть условие, а не результат обращения.

Говоря абстрактно, т. е. опуская обстоятельства, не вытекающие из внутренних законов простого товарообращения, при замещении одной потребительной ценности другою происходит только изменение формы товаров. В руках товаровладельца остается одна и та же меновая ценность, т. е. одно и то же количество овеществленного общественного труда, принимающая форму то одного товара, то денег, то другого товара. При этом изменении формы, размер ценности остается один и тот же, подобно тому, как не изменяется размер ценности 5-фунтового билета при размене его на соверены, полусоверены и шиллинги. Действуя только на изменение формы в меновой ценности товаров, обращение при правильном обнаружении явления условливает обмен эквивалентов.

В попытках представить товарообращение источником добавочной ценности звучит по большей части *qui pro quo*, смешение потребительной и меновой ценностей. Например у Condillac'a: «несправедливо, что при обмене товаров меняются равноценности. Каждый из контрагентов постоянно дает меньшую ценность на большую... Если бы обменивались постоянно одинаковые ценности, ни один из контрагентов не выигрывал бы ничего. На самом же деле, выигрывают, или, по крайней мере, должны выигрывать оба. Почему? Ценность вещи состоит единственно в ее отношении к нашей потребности. Что для одного больше, то для другого меньше и наоборот... Предполагается конечно, что в продажу поступают вещи, ненужные для собственного потребления... Мы желаем отдать бесполезную для нас вещь, чтобы получить в обмен полезную; мы желаем отдать меньше, получить больше... Естественно предположить, что в обмен входит только равноценности, потому что каждая из обмениваемых вещей равняется одинаковому количеству золота... Но в рассмотрении должно войти еще одно обстоятельство; спрашивается, не обмениваем ли мы оба излишек за необходимое?» («Le Commerce et le gouvernement», Paris 1847, p. 267). Нетрудно видеть, что Condillac не только смешивает потребительную и меновую ценности, но и ошибочно предполагает такое состояние общества с развитым товаропроизводством, в котором производитель сам производит свои средства существования и пускает в обращение только излишек над собственными потребностями. Несмотря на это, аргумент Condillac'a повторяется множеством новейших экономистов, когда бывает нужно представить источником прибавочной ценности развитой товарообмен, торговлю. «Торговля», говорит например Newmann («Elements of Political Economy», 1835, p. 85); «сообщает продуктам ценность, так как одни и те же продукты имеют большую ценность в руках потребителя, нежели в руках производителя; поэтому торговлю можно буквально назвать производящим актом». Но если потребительная ценность товара полезнее покупателю, чем продавцу, то денежная его форма полезнее про-

давцу чем покупателю? Был ли бы продан в противном случае товар? Точно так же можно сказать, что покупатель буквально совершает производящий акт, превращая, например, чулки продавца в деньги.

Если товары или деньги меняются в качестве равноценностей, то, очевидно, в обращение не входит и из него не выходит никакой прибавочной ценности. Предположим обмен *не эквивалентов*. Пусть будет дана продавцу привилегия продавать свой товар выше его ценности; за 110, когда ценность его 100. Итак, продавец получает прибавочную ценность—10. Но, бывав продавцом, он становится покупателем. Третий товаровладелец встречает его теперь в качестве продавца и, пользуясь привилегией в свою очередь, продает ему товар 10% дороже. Таким образом все товаровладельцы продают друг другу товары 10% дороже, что, очевидно, то же самое, как если бы каждый из них продавал товар по своей ценности. То же самое произойдет в том случае, когда предполагается, что дана привилегия всем покупателям платить за товары ниже их ценности.

Наше затруднение в отыскании источника прибавочной ценности вытекает, быть может, из того, что мы брали лица в качестве персонализированных категорий, а не в качестве индивидуумов. *A* продает *B* вино 40 ф. ст. ценности и приобретает в обмен пшеницу 50 ф. ценности. *A* превратил свои 40 ф. в 50, превратил деньги в капитал. Присмотримся к делу ближе. До обмена мы считали на 40 ф. вина в руках *A*, на 50 ф. пшеницы в руках *B*, в сумме на 90 ф. После обмена у нас оказывается та же сумма ценностей—90 ф. Обращающаяся ценность не увеличилась ни на один атом.

Итак, прибавочная ценность не может образоваться ни в обращении, ни вне его. Она, следовательно, должна образовываться одновременно и в обращении и вне его.

Изменение ценности не может зависеть от второго акта движения $D-T-D$, — перепродажи товара, потому что акт этот только превращает товары обратно из естественной формы в денежную. Итак, изменение должно произойти в товаре, который покупается в первом акте $D-T$, но, опять-таки, не в меновой ценности этого товара, потому что и здесь меняются эквиваленты. Изменение должно возникнуть из *потребительной ценности*, из потребления товара. Чтобы извлечь ценность *меновую* из ценности *потребления*, владелец денег должен найти *внутри сферы обращения*, на рынке, такой товар, которого сама ценность потребления обладала бы особым качеством быть *источником ценности меновой*, такой товар, потребление которого было бы вместе и *овеществлением труда*, т. е. образованием ценности. И владелец денег находит на рынке такой товар—рабочую силу или рабочую способность.

Под рабочею способностью или силою мы разумеем физи-

ческие или духовные способности человека, пускаемые в ход при производстве какой-либо потребительной ценности.

Подобно всем другим товарам, рабочая сила обладает меновой ценностью. Ценность эта, подобно ценности всякого другого товара, определяется рабочим временем, потребным на ее производство, или, вернее, на воспроизведение. Будучи меновой ценностью, рабочая сила сама представляет лишь известное количество овеществленного в ней общественного среднего труда. Но рабочая сила существует только в качестве составной части живого индивидуума. Следовательно, ее производство предполагает ее существование. Приняв это, следует признать, что производство ее состоит в ее воспроизведении или в поддержании. Для ее поддержания живой индивидуум нуждается в известном количестве средств существования. Отсюда следует, что рабочее время, потребное на производство рабочей силы, представляет рабочее время, потребное на производство этих средств существования, или, что ценность рабочей силы есть ценность средств существования, потребных для содержания владельца этой силы. Но рабочая сила осуществляется только через свое обнаружение посредством труда. Труд есть не что иное, как трата известного количества человеческих мускулов, нервов, мозга, — трата, которая должна быть возмещена. Поработав сегодня, владелец рабочей силы должен быть снова поставлен в те же условия силы и здоровья, чтобы быть в состоянии работать завтра. Следовательно, суммы средств существования должно быть достаточно для поддержания трудящегося индивидуума в его нормальной жизненной обстановке. Естественные потребности в пище, одежде, топливе, жилище изменяются, смотря по различным климатическим и другим естественным условиям страны. С другой стороны, самый объем потребляемых средств к существованию составляет продукт истории и зависит, большею частью, от степени культуры страны, а также, между прочим, от того, под какими условиями и с какими привычками и требованиями к жизни воспитан рабочий класс. Следовательно, в противоположность другим товарам, определение ценности рабочей силы содержит исторический и моральный элемент. Но для определенной страны, хотя на определенный только период времени, средний объем необходимых средств существования представляет неизменную величину.

Обносившиеся или умершие рабочие силы, сходя с рынка, должны постоянно замещаться; по крайней мере, равным числом новых рабочих сил. Сумма средств существования, потребных на производство рабочей силы, должна, следовательно, заключать в себе и средства к существованию заместителей, т. е. детей рабочих.

Издержки на образование рабочей силы, на сообщение ей ловкости и умения, различны, смотря по более или менее посредственному ее характеру. Эти издержки образования, чрезвычайно незначительные по отношению к обыкновенной рабочей

силе, также входят в число продуктов, потребных на ее производство.

Часть средств существования, пища, топливо и пр. потребляется ежедневно и, следовательно, ежедневно должна быть замещаемая. Другие средства потребляются в более продолжительные промежутки времени, и поэтому должны быть замещаемы в такие же промежутки. Товары одного рода покупаются или уплачиваются поденно, другого понедельно, по четвертям года и т. д. Но, как бы ни распределялась эта сумма по частям например года, она должна быть покрываема средней выручкой изо дня в день. Если назвать массу ежедневно потребных на производство рабочей силы продуктов буквою A , еженедельно потребных буквою B , в течение четверти года потребных буквою C и т. д., то ежедневная средняя этих товаров будет равна $\frac{365 A + 52 B + 4 C}{365}$ и т. д. Предположим, что в этой потребной на

средний день массе продуктов заключается 6 часов общественного труда; в таком случае, в рабочей силе ежедневно олицетворяется полдня общественного среднего труда, или на дневное производство рабочей силы потребна половина рабочего дня. Это количество труда, потребное на дневное производство, образует *дневную ценность рабочей силы*, или ценность ежедневно воспроизводимой рабочей силы. Если полдня общественного среднего труда представляются монетою в три шиллинга или талером, то талер составляет цену, соответствующую дневной ценности рабочей силы. Если владелец рабочей силы отдаст ее за талер в день, то продажная цена ее равна ее ценности.

Мы знаем теперь род и способ определения меновой ценности, выплачиваемой владельцем денег владельцу рабочей силы. Ценность потребления, которую, в свою очередь, получает путем обмена первый, является прежде всего в действительном потреблении рабочей силы. Все потребные для этого процесса вещи, как то, сырой материал и пр., владелец денег покупает на рынке, по полной их цене. Потребление рабочей силы, подобно потреблению всякого другого товара, происходит вне рынка и вне сферы обращения.

Потребление рабочей силы есть труд*. Чтобы представить свой труд в товарах, рабочий должен, прежде всего, представить его в потребительных ценностях, служащих к удовлетворению разнородных потребностей. Рабочий процесс в его абстрактных моментах должен рассматриваться независимо от какой бы то ни было общественной формы, потому что общая природа производства потребительных ценностей или благ остается неизменной при всевозможных общественных формах.

Простые моменты рабочего процесса суть: целесообразная деятельность или самый труд, его предмет и его орудие. Общим

* Ibid., S. 141 и след.

предметом труда является земля (под которою экономия разумеет и воду), доставляющая первоначально человеку провиант, готовые средства к жизни. Все вещи, только освобождаемые человеком от непосредственной связи с землею, суть предметы труда, существующие от природы. Таковы рыба, дрова, уголь. Орудие труда есть вещь, служащая работнику при обработке предмета труда. Сюда относятся механические, физические, химические свойства вещей, собственные органы человека, сама земля в земледелии, камень и пр. Несколько развитой рабочий процесс нуждается в обработанных орудиях. Таковы на первых порах каменное оружие, каменные инструменты, прирученные животные. Сюда же относятся постройки, каналы и пр.

Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата—продукта, потребительной ценности,—то *орудие труда* и *предмет труда* являются *орудиями производства*, а труд *производительным трудом*.

Входя в качестве орудия производства в новый рабочий процесс, продукты теряют характер продуктов. Существование материала для пряжи, веретена, предполагается при начале процесса прядения. Но, по отношению к самому этому процессу совершенно безразлично, составляют или нет веретено и лен продукты прошлого труда, точно так же как для процесса питания безразлично, составляет ли или не составляет хлеб продукт труда крестьянина, мельника, булочника.

Машина, не служащая рабочему процессу, бесполезна. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, не сотканная, или не превращенная в нитки, представляет испорченную бумагу. Живой труд пробуждает все эти вещи от смерти, превращает их из потенциальных в действительные потребительные ценности. И в этом случае вещи будут истреблены, разрушены, но целесообразно, в качестве элементов образования новых потребительных ценностей.

Рабочий процесс в этих своих простых и абстрактных моментах есть целесообразная деятельность, направленная к производству потребительных ценностей, общее условие обмена материи между человеком и природой, вечное условие человеческой жизни, неразлучное со всеми ее общественными формами. Как по вкусу пшеницы не стараются узнать, кем произведена она, так и на рабочий процесс смотрят одинаково, под какими бы условиями он ни происходил, под жестоким ли кнутом надзирателя за рабами, под надзором ли капиталиста, выполняет ли его Цинциннат, обрабатывая свои два югера, или дикарь, убивая камнем дичь. Надзор капиталиста и принадлежность ему продукта составляют единственные условия, которыми отличается, с точки зрения производства товаров, собственно рабочий процесс.

Товар представляет единство потребительной и меновой ценностей, следовательно и производственный процесс дол-

жен быть одновременно и рабочим процессом, и процессом, образующим ценность. Рассмотрим теперь производственный процесс в качестве процесса второго рода.

Мы знаем, что ценность каждого товара определяется количеством труда, общественно необходимым рабочим временем. Тот же принцип применяется и к продукту, составляющему результат рабочего процесса. Возьмем, например, пряжу. Для производства ее нужен сырой материал—хлопчатая бумага. Положим, что она куплена за 10 шилл. В цене ее уже изображено необходимое рабочее время, в качестве общего общественного труда. Положим далее, что при обработке хлопчатой бумаги потреблено рабочих орудий на 2 шилл. Если количество золота в 12 шилл. составляет продукт двух рабочих дней, то следовательно столько же дней входит в пряжу. Потребное на производство хлопчатой бумаги время составляет часть времени, потребного на производство пряжи. То же следует сказать о рабочем времени, потребном на производство веретена. Весь труд, содержащийся в пряже, а не один только тот, который содержится в хлопчатой бумаге и веретене, представляет прошлый труд. Но если, например, для постройки дома требуется 30 рабочих дней, то на общее количество содержащегося в доме труда остается совершенно без влияния то обстоятельство, что 30-й день вошел в производство 29 днями позже, нежели 1-й. Следовательно, содержащееся в рабочем материале и в рабочих орудиях время можно рассматривать, как обнаруженное в более ранней стадии процесса придания, и только. Но если нужен фунт хлопчатой бумаги на производство фунта пряжи, то не должно быть затрачено в пряжу более фунта бумаги. То же разумеется и о веретене. Если бы вместо железных веретен были употреблены кем-либо золотые, то в ценность пряжи вошло бы все-таки только общественно необходимое время, т. е. время, потребное на производство железных веретен.

Мы знаем теперь часть ценности, образуемую в ценности пряжи орудиями производства—хлопчатой бумагой и веретеном. Она равна 12 шилл. или 2 рабочим дням. Перейдем к той части ценности, которая придается хлопчатой бумаге *трудом прядильщика*.

С точки зрения рабочего процесса труд прядильщика был специфически отличен от других родов труда, и это различие проявлялось в специальной цели прядения, его особенном способе производства, особой потребительной ценности продукта. Но насколько труд прядильщика образует ценность, он насколько не отличается от труда, заключающегося в орудиях производства пряжи, от труда производителей хлопчатой бумаги и веретена. Только в силу этой тождественности хлопок, веретено и пряжа составляют лишь *количественно* различные части одной и той же общей ценности пряжи. Здесь дело состоит уже не в *качестве*, свойствах и содержании труда, но в *количестве* его.

Чрезвычайно важно, чтобы в течение процесса, т. е. превращения бумаги в пряжу, было потреблено только общественно необходимое время. Только такое время образует ценность.

Сырой материал и *продукт* являются здесь совершенно в другом свете, нежели с точки зрения рабочего процесса. Сырой материал просто поглощает в этом случае известное количество труда. Путем этого поглощения сырой материал превращается в пряжу, потому что к нему прилагается труд прядильщика. Но продукт, пряжа, является здесь не более, как мерлом поглощенного бумагою труда. Если в час прядется $1\frac{2}{3}$ ф. хлопчатой бумаги, то 10 ф. представляют 6 рабочих часов.

При продаже рабочей силы было условлено, что дневная ценность ее = 3 шилл., в которых овеществляется 6 рабочих часов; следовательно, количество труда, потребное для производства средней суммы дневных средств существования рабочего. Если прядильщик превращает в пряжу $1\frac{2}{3}$ ф. бумаги в течение часа, то в 6 часов он превращает 10 ф. бумаги в 10 ф. пряжи. Это рабочее время представляется количеством золота в 3 шилл. Следовательно, хлопчатой бумаге одним только прядением придана ценность в 3 шилл.

Совокупная ценность продукта—10 ф. пряжи слагается из 2 дней, поглощенных хлопчатой бумагой и веретеном, и половины дня, потраченной на процесс прядения. То же рабочее время представляется 15 шилл. Цена, соответствующая ценности 10 ф. пряжи, составляет 15 шилл., цена каждого фунта = 1 шилл. 6 д.

Ценность продукта оказывается равною ценности затраченного капитала. Прибавочной ценности не произведено, деньги не превратились в капитал. Цена пряжи—15 шилл., но за бумагу заплачено 10 шилл., за веретено 2, за рабочую силу 3, итого—те же 15 шилл.

Присмотримся ближе к делу. Дневная ценность рабочей силы составляет 3 шилл. потому, что в ней осуществлена половина рабочего дня, потому, что средства существования, потребные на дневное производство рабочей силы, стоят половины рабочего дня. Но прошлый труд, содержащийся в рабочей силе, и настоящий труд, который может она обнаружить, суть две совершенно различные величины. Первая определяет меновую, вторая—потребительную ценность рабочей силы. Ценность рабочей силы и ценность, образованная последнею в рабочем процессе, суть также две различные величины. Рабочая сила имеет специфическую ценность потребления—служить источником меновой ценности и притом большей, нежели та, которую имеет она сама. Владелец денег уплатил дневную ценность рабочей силы, ему, следовательно, принадлежит дневное употребление ее, дневной труд.

Если 10 ф. бумаги поглощали 6 рабочих часов, превращаясь в 10 ф. пряжи, то 20 ф. бумаги поглотят 12 часов и в результате

будет 20 ф. пряжи. В 20 ф. пряжи осуществлено теперь 5 рабочих дней, 4 в производстве хлопчатой бумаги и веретен, 1 в процессе прядения. Денежное выражение 5 рабочих дней составляет 30 шилл., или 1 ф. ст. по 10 шилл. Это цена 20 ф. пряжи. Фунт пряжи стоит попрежнему 1 шилл. 6 д. Но сумма ценностей, вошедших в процесс, достигает теперь 27 шилл. Ценность пряжи = 30 шилл. Является прибавочная ценность в 3 шилл., и деньги превратились в капитал.

Итак, весь процесс происходит одновременно и в сфере обращения и вне ее: покупка рабочей силы производится на товарном рынке, увеличение ценности—в сфере производства, хотя обращение руководит и эту часть процесса. Если сравнить процесс образования ценности с процессом увеличения ценности (*Werwertungsprozess*), то последний окажется не чем иным, как процессом образования ценности, продленным за известные пределы. По отношению к этому процессу безразлично, составляет ли приобретенный труд—простой общественный средний, или сложный труд, труд высшего специфического качества. Этот последний отличается от простого труда тем, что на него идут большие издержки образования, производство его стоит больше, и потому он обладает высшею меновой ценностью. Обнаружение сложной рабочей силы в одни и те же промежутки времени дает большую ценность. Но различие между отдельными частями труда рабочего ювелира и прядильщика есть чисто количественное, а не качественное различие.

Изменение величины ценности рабочей силы* и прибавочной ценности зависит от совместного и отдельного действия следующих трех факторов: продолжительности рабочего дня, интенсивности труда и производительности труда. А) При неизменности рабочего дня и интенсивности труда, перемены в производительности труда следующим образом отражаются на совокупной ценности рабочего дня и на отдельных ее частях. Во-первых, рабочий день дает постоянно одну и ту же ценность продукта, каково бы ни было количество последнего. Во-вторых, ценность рабочей силы и прибавочная ценность изменяются в обратном отношении друг к другу и к изменениям в производительности труда. Ясно, что увеличение одной из двух составных частей постоянной величины,—а такова, по условно, сумма ценности рабочей силы и прибавочной,—необходимо сопровождается уменьшением другой составной ее части, и наоборот. Ценность рабочей силы не может возвыситься от 3 шилл. до 4 без того, чтобы прибавочная ценность не понизилась от 3 шилл. до 2, и наоборот. Точно так же ясно, что ценность рабочей силы не может увеличиться, а прибавочная уменьшиться, если не произошло увеличения в производительности труда, если, например, в течение 4 рабочих часов не производится то же количество

* Ibid., S; 505.

средств существования, какое прежде производилось в течение 6 часов, и наоборот. В-третьих, увеличение или уменьшение прибавочной ценности представляет всегда последствие, а не причину соответствующего уменьшения или увеличения ценности рабочей силы. Так как рабочий день имеет постоянные размеры и дает неизменную величину ценности, а ценность рабочей силы может изменяться только при изменении в производительной силе труда, то ясно, что всякое изменение прибавочной ценности составляет следствие изменения в ценности рабочей силы. В) При постоянных рабочем дне и производительности труда, изменение в интенсивности труда, т. е. увеличение или уменьшение количества труда, расходуемого в течение определенного промежутка времени,—влечет за собою увеличение или уменьшение количества продукта, без изменения в ценности каждой его единицы. Таким образом, один и тот же рабочий день дает, по мере возрастания интенсивности труда, все больше и больше и продукта, и ценности, а следовательно прибавочная ценность и ценность рабочей силы могут, при таких условиях, возрастать одновременно. Средняя степень интенсивности труда различна у различных народов и поэтому модифицирует применение закона ценности к рабочему дню той или другой нации. Более интенсивный рабочий день одного народа имеет высшее денежное выражение, нежели менее интенсивный рабочий день от другого. С) При постоянных производительности и интенсивности труда, уменьшение рабочего дня влечет за собою уменьшение прибавочной ценности, увеличение же его—или увеличение одной только прибавочной, или же одновременное увеличение ценности обоих родов. D) Одновременные изменения в производительности рабочего дня, производительности и интенсивности труда имеют следствием ряд комбинаций, разъясняемых с помощью вышеприведенных определений.

[Только что изложенная теория происхождения чистого дохода или прибавочной ценности, в связи с общою теориею ценности, представляет ядро всего сочинения «Капитал», дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой. Ввиду этого обстоятельства необходимо составить себе более или менее отчетливое понятие о тех особенностях и преимуществах, какими отличается это учение от предыдущих взглядов на тот же предмет. К счастью, цель эта может быть достигнута без особенно больших затруднений, так как то или другое решение вопроса о происхождении чистого дохода характеризует собою не отдельных только экономических писателей, а целые экономические школы. Нам будет потому совершенно достаточно, не останавливаясь на подробностях, сделать краткий очерк тех только мнений об этом предмете, которые служат в то же время поворотными пунктами в истории всей политической экономии.

Теоретики и практики меркантилизма отличались весьма

смутными понятиями об основах и организации общественного хозяйства, и вследствие этого взгляд их на источники народного богатства был одним из самых неопределенных. Живя в период детства капиталистического производства и наблюдая главным образом накопление торгового и денежного капитала, они естественно пришли к заключению, что деньги, т. е. золото и серебро, в качестве всеобщего товара, представляют единственное богатство, а выгодный торговый баланс—единственный источник возникновения чистого дохода. Понятно отсюда и то уважение, с которым они относились ко всему, что было в состоянии поддерживать и развивать выгодную международную торговлю. Так как в эпоху меркантилизма земледельческая промышленность Западной Европы носила еще в большинстве случаев характер феодального порядка, и только городская, обрабатывающая промышленность начинала принимать свойства капиталистического хозяйства с производством на сторону, то естественно, что все внимание меркантилистов было обращено на эту последнюю, как наиболее пригодную к доставлению товаров для международной торговли. Обстоятельство это служит достаточным объяснением того бесконечно длинного ряда мер, которые были рекомендованы меркантилистическими писателями и приводились в действие государственными людьми XVI—XVII столетий (Кромвель, Кольбер и др.) в видах поднятия и расширения различных отраслей обрабатывающей промышленности внутри страны. Само собою разумеется, что интересы земледелия не только отходили при этом на второй план, но даже порою формально приносились в жертву интересам городской промышленности.

Когда таким образом, употребляя выражение Адама Смита, палка достаточно была согнута в одну сторону,—явились физиократы и стали гнуть ее в противоположном направлении. Эти последние принялись доказывать, что именно земледелие то и есть самая важная отрасль промышленности, тогда как городские промыслы играют в системе общественного хозяйства чисто служебную и подчиненную роль, доставляя рынок для земледельческих произведений. Одно только земледелие, учили физиократы, способно приносить действительный чистый доход, поземельную ренту, *produit net*, благодаря специфическому пособию сил природы, содействующих труду человека при обработке земли. Что же касается до обрабатывающей промышленности, то она только восстанавливает ценность того, во что обходится земледелию пропитание ремесленников. Посеяв, например, 20 четвертей пшеницы, земледелец пожнет 100 четвертей или более, между тем как сапожник или прядильщик сколько бы ни трудился, получают не больше сапог или пряжи, чем сколько у них было кожи или шерсти. «Человек, приготовляющий, например, пару превосходных кружевных рукавчиков, может нередко поднять до 30 ф. ст. ценность льна в один пенс. Хотя с первого

взгляда человек этот и увеличивает в 7 200 раз ценность части сырого произведения, но в сущности он ничего не присоединяет к общей сумме сырых произведений. На приготовление этих кружев он употребляет, может быть, два года труда. Вырученные им 30 ф. ст. суть не что иное, как возвращение его двухлетнего содержания, потребленного им вперед во время исполнения им этой работы. Ценность, присоединенная его трудом ко льну в течение каждого дня, каждого месяца, каждого года, есть не что иное, как ценность его потребления в течение дня, месяца или года. Поэтому не бывает ни одного мгновения, когда человек этот присоединил бы хотя ничтожную частицу ко всей сумме сырых произведений земли, так как часть последних, непрерывно потребляемая, постоянно равна непрерывно же им создаваемой ценности».

Прежде всего, не подлежит сомнению, что подобная формулировка вопроса о чистом доходе сама по себе отличалась уже гораздо большею отчетливостью и определенностью, чем соответствующие соображения меркантилистов. В основании теории физиократов лежит уже довольно обширное знакомство с экономическим строением общества, функциями отдельных общественных классов, законами производства и со многим другим, о чем меркантилисты не имели ни малейшего понятия. Но при всем том теория эта, как мы тотчас постараемся доказать, не может выдержать строгой критики.

Очевидно, во-первых, что, рассуждая о чистом доходе помянутым образом, физиократы совершенно упускали из виду самую главную особенность общественного разделения труда; в данном случае деление занятий между классом земледельцев и классом ремесленников, которые пока вполне достаточно считать однородными по своему составу и простыми группами производителей. Вникая ближе в условия такой общественной организации, при которой одна часть жителей страны занимается исключительно производством хлеба, мяса и других сельских произведений, а другая исключительно обработкою их, нетрудно заметить, что каждая из них только тем и существует, что обменивается с другою своими собственными произведениями. Так, если земледелец получает хлеба и другого сырья *больше*, чем посеял или развел, то ведь он кроме этого ровно ничем и не занимается и все прочие необходимые для себя предметы получает в обмен от горожанина-ремесленника*. Точно так же и этот по-

* Интересно здесь заметить, что даже Дж. Ст. Милль упускает подчас из виду это совершенно элементарное различие. «Земледельческий капитал,—говорит он («Основания политической экономии», т. I, стр. 467),—дает прибыль потому, что люди могут производить пищи больше, чем ее необходимо на их прокормление в то время, пока пища растет (и пока они заняты устройством орудий и отправлением всех других нужных приготовлений)». Как будто земледельцам, кроме пищи и орудий, ничего больше не требуется?

следний производит пряжи, сапог или ткани в несколько сот или тысяч раз *больше*, чем потребляет сам и в обмен, за тот излишек,—если уж нужно называть его этим именем, получает от землевладельца необходимые предметы пищи и другие сырые произведения. Не подлежит таким образом сомнению, что в этом отношении нельзя назвать чистым доходом ни тех произведений земледельца, которые пойдут в обмен на произведения ремесленника для удовлетворения необходимых потребностей первого, ни тех произведений ремесленника, которые будут обменены на произведения земледельца для удовлетворения второго. Те и другие произведения только переменяют свои места, и в своем новом положении станут удовлетворять одним лишь необходимым потребностям своих новых владельцев. Ясно также, что если уж называть подобный продукт излишком или чистым доходом, то нет ни малейшей возможности и надобности приписывать его одному только земледелию, как это делали физиократы, так как и обрабатывающая промышленность доставляет его ничуть не в меньших количествах. Но продукт этот не представляет излишка ни для *отдельного* хозяйства, будь оно земледельческое или промышленное, ни для *целого* общественного хозяйства. Что касается отдельного хозяйства, то он не излишек на том основании, что служит только временною формою других необходимых людям предметов потребления, кроме тех, которые произведены данным хозяйством. По отношению же к целому обществу окончательный результат обмена того продукта между отдельными хозяйствами будет лишь тот, что все и каждый, и земледелец и ремесленник получают только необходимое. Итак, откуда же при таком предположении взяться чистому доходу?

Но помимо взаимности отношений между ремесленником и земледельцем, физиократы оставляют, *во-вторых*, в стороне еще одно важное обстоятельство. Предположим, что земледелец производит хлеба и сырья больше того, сколько требуется ему лично, как в непосредственной форме, так и в форме произведений ремесленника, которые он получает путем обмена. Излишек этот он прячет в запас на время неурожая или расходует каким-нибудь иным образом. Тут мы уже несомненно имеем дело с чистым доходом и, быть может, физиократы именно этот-то доход и подразумевали под своим *produit net*. Они постоянно говорят, что на чистый доход от земледелия существуют государство, церковь, землевладельцы и пр., следовательно, необходимо предположить, что они имели в виду излишек над потребностями остального населения. Но тут-то и обнаруживается вся ошибочность их указаний на происхождение подобного дохода. Из какого источника возникает упомянутый излишек над потребностями земледельца. Он очевидно представляет не больше, не меньше, как результат обработки лишнего количества земли, *лишнего приложения рабочей силы*. И в самом деле, если обработ-

кою четырех десятин земли поселянин себе и своему семейству доставит одни только средства существования, то обработкою лишней десятины он достигнет получения излишка. Но если в первом случае он расходовал на это полгода времени, то во втором ему понадобится в добавок к этому времени еще полтора месяца земледельческого труда. Тот же самый результат получился бы очевидно и в другом еще случае и имел бы еще более рельефное выражение, а именно, если бы, вместо увеличения на одну десятину площади обработки, поселянин употребил лишних *полтора месяца труда* на более интенсивное возделывание прежних четырех десятин. Итак, необходимо прийти к заключению, что указанный чистый доход составляет результат не каких-либо особенно благодетельных сил природы в земледелии, а *исключительно приложения лишней рабочей силы*, продления работы за те пределы, когда она покрывает собою одни только абсолютно необходимые потребности земледельца. Заключение это приобретает тем больше силы, что и тут ремесленник находится опять-таки в совершенно однородном с земледельцем положении. Удвоив или утроив свою обыкновенную порцию кожи или ниток, сапожник или ткач могут произвести гораздо больше прежнего сапог и ткани, так что, за удовлетворением всех прочих своих потребностей, они останутся обладателями некоторого излишка или чистого дохода. Но и этот чистый доход будет обязан своим существованием исключительно приложению лишней рабочей силы.

Необходимо устранить еще одно *третье* недоразумение, возбужденное представлениями физиократов о чистом доходе в земледелии. Физиократы видели, что пища и некоторые другие сырые произведения *растут* сами собою в объеме и в количестве, между тем, как труд ремесленника оставляет количество употребляемого им в дело сырья без малейшего изменения. Отсюда они заключили, что приносить чистый доход свойственно одному земледелию. Но ведь подобное различие между предметами, производимыми земледельцем и ремесленником, является не общественным, а чисто естественным различием. Само собою разумеется, что *живые* растения и животные, производимые земледелием, отличаются от *мертвых* продуктов животного и растительного царств, с которым имеет дело ремесленник, тем, что сами собою-возрастают: такова уж биологическая природа их. Но какое отношение имеет эта особенность продуктов земледелия к общественному хозяйству в его целом, — вот вопрос, который предстояло разрешить физиократам и который они разрешили неверно. Дело именно в том и состоит, что общественные отношения труда и потребления так приспособляются к этому различию между живою и мертвою органическою природою, что от него не остается ровно никаких следов. Обработывая из года в год одинаковое количество земли и расходуя на это одинаковое рабочее время, земледелец получает одинаковое коли-

чество хлеба* и других сырых произведений, совершенно подобно тому, как и ремесленник, посвящающий из года в год одинаковое количество работы на одинаковое количество материала, не выходит из одинаковой массы продукта. Земледелец посеет пять четвертей хлеба, говорили физиократы, и соберет двадцать, между тем как ремесленник «сколько посеет, столько и пожнет», не увеличит нисколько своего материала и едва только возместит съеденный им в это время хлеб. Но физиократы забывали, что от одной жатвы до другой земледелец питается, одевается и обувается на те самые пятнадцать четвертей, которые он собрал в предыдущем году в дополнение к пяти посеянным, и которые неправильно признавались физиократами его чистым доходом. Они упустили далее из виду то, что, производя сапоги или пряжу, ремесленник питается, одевается, обувается на те сапоги или пряжу, которую предварительно обменял на хлеб и на другие сырые произведения. Остается ли после этого хотя какая-нибудь тень разницы между положением земледельца и ремесленника, разницы, обязанной своим существованием *естественному* различию между живыми организмами, с которыми имеет преимущественно дело первый, и мертвым материалом, который обрабатывается вторым**.

В целом сам собою напрашивается вывод, что, приписывая доход одному земледельцу, физиократы прибегали к такой аргументации, которая оказалась не в силах обнаружить существование чистого дохода не только в земледелии, но и в обрабатывающей промышленности. То, что они указывали под видом чистого дохода, не представляет излишка над первыми потребностями всего общества, а есть не что иное, как временная, специальная форма предметов, удовлетворяющих одним только необходимым потребностям общества и производимых вследствие общественного деления труда различными отраслями промышленности. То же, что они подразумевали над этим чистым доходом, т. е. действительный чистый доход, превышающий первые потребности, имеет своим источником не фетишистические силы земли, и употребление лишней рабочей силы и времени, и потому совсем не составляет исключительной принадлежности одного только земледелия. Таким образом вопрос о происхождении действительного чистого дохода оставлен был в сущности физио-

* Оставляя в стороне истощение почвы, которое способствует уменьшению, а не увеличению общей массы продукта от почвы.

** Быть может, кто-нибудь из читателей полюбопытствует узнать, что еще несколько лет назад корифей германской университетской экономической науки В. Рошер, в подтверждение происхождения прибыли не из труда, а из сил природы (?), приводил в пример яблочное дерево, которое стоит только посадить, и оно будет впоследствии давать целый урожай *прибыли* без малейшего вмешательства труда. Вряд ли необходимо замечать, что подобная аргументация нисколько не отличается от аргументации физиократов, которая давно уже считается погребенною, между прочим, и самим Рошером.

кратами совершенно открытым. А между тем, существование чистого дохода в только что упомянутом виде представляет не какое-либо единичное, но общераспространенное явление, как это несомненно доказывается повседневным расширением отдельных предприятий, громадным потреблением предметов роскоши, громадным увеличением праздных классов, прислуги и множеством других признаков.

Может показаться анахронизмом, что мы так долго останавливаемся на мнении ученых, давно сошедших со сцены, и притом исключительно для того, чтобы в конце концов признать его кругом несостоятельным. Но, во-первых, цель наша именно и состоит в указании генезиса мнений о чистом доходе, а взгляд на чистый доход физиократов играет в этом генезисе отнюдь не второстепенную роль. Во-вторых, физиократическая теория более всякой другой способствует разоблачению тех спорных сторон вопроса о чистом доходе, которые и в настоящее время составляют для многих немаловажный камень преткновения*.

Только в лице Рикардо и некоторых его последователей снова возникает реакция против земледелия, так как им удается доказать, что поземельная рента есть не что иное, как разница между количеством произведений, доставляемых участками различного плодородия, и потому не составляет вновь созданного общественного дохода. Рента, совершенно основательно учили они, есть просто доход, переведенный из рук потребителей хлеба и другого сырья в руки владельцев более плодородных или более близких к рынку участков, и таким образом она является не чем иным, как налогом на этих потребителей. Вывод этот они основывали на том простом предположении, что на лучших и на худших участках, взятых вместе, никто не станет производить хлеба больше, чем сколько его требуется рынком, а следовательно ни о каком земледельческом излишке без лишнего труда не может быть и речи. Довольно и того, что хлеб лучших и ближайших к рынку участков оплачивается потребителем дороже, чем он стоит,—это и есть единственный источник ренты. Земля так мало виновата в производстве подобного *produit net*, что возрастание его идет параллельно истощению почвы, так как от истощения ее увеличивается разность между количеством продукта с лучших и худших участков. «Странно», иронически замечает Рикардо (Сочинения, гл. II), «что свойство земли, которое должно было бы считаться *убыточным* в сравнении с пообием природы в фабричном деле, тем не менее признавалось за особенное ее *преимущество*... Если излишек продукта, составляющий ренту, есть действительно преимущество, то остается пожелать,

* Замечательна живучесть этой теории, которую продолжают разделять часто наряду с противоположною ей весьма многие настоящие писатели всех народов. Так, мы уже упоминали о Рошере, то же самое можно встретить у Сен, у Бастина, у нынешнего американского писателя Джорджа и у нас у гг. Жуковского и Чичерина.

чтобы вновь сооружаемые машины были менее производительны, нежели прежние».

Когда, таким образом, «первые стали последними», т. е. когда земля была окончательно разжалована из высшего чина в самый низший, а поземельный чистый доход превратился в общественный убыток,—вполне расчистилась арена для вопроса о происхождении действительного чистого дохода, все равно, в земледелии или в обрабатывающей промышленности.

Прежде всего оказалось, что производительная сила природы и пособие ее человеческому труду одинаково значительны во всех отраслях занятий, и вот новые писатели на перерыв спешили признать это. «Разве природа ничего не делает для человека в мануфактурной промышленности?»—воскликает Рикардо (Сочинения, гл. II). «Разве силы ветра и воды, приводящие в действие наши машины и оказывающие пособие мореплаванию, не имеют никакого значения? давление атмосферы и эластичность пара, посредством которых мы приводим в движение самые удивительные машины, разве это не дары природы? Не говоря о действиях теплоты, размягчающей и расплавляющей металлы, и об участии воздуха в процессах окрашивания и брожения, нет ли одной отрасли мануфактуры, в которой природа не оказывала бы помощи человеку и притом *помощи даровой и щедрой*.—«Удивительно, как это Смит», говорит Мак-Куллох в своих примечаниях к «Богатству народов», «одаренный таким пронзительным умом, мог допустить такое ошибочное положение, что природа ничего не делает для человека в фабричном деле» и т. д.

Итак, куда бы мы ни обратились, к чему бы мы ни приложили своих рук, всюду мы встречаем благодетельное пособие природы и притом совершенно даровое. Но раз признано и установлено это положение, основанное на различии между *даровыми* силами природы и *ценными человеческими рабочими силами*, то необходимо согласиться и с логическим из него выводом, что если мы не станем никуда обращаться и ни к чему прикладывать рук, то и благодетельное содействие природы не получим. Даже обитатель азиатского архипелага, и тот должен взять в руки топор, пойти в лес и срубить саговое дерево, чтобы воспользоваться содействием сил природы. И чем больше он срубит саговых деревьев, тем больше получит и этого содействия и наоборот. Таким образом оказывается, что природа помогает человеку не отвлеchenно, что производительность природы всегда и везде связана с расходом человеческого рабочей силы, как связан воздух с легкими живого человека. А если это справедливо, то производительность природы и производительность действительно расходуемого труда есть *одно и то же*, и так как своя рубашка ближе к телу, то общество может смело оставить в стороне производительность природы сравнительно с производительностью труда, теория которой представляет не

что иное, как плохую фетишистическую аналогию между вещами столь несходными, как *даровые* процессы природы и *дорогостоящий* человеческий труд. Заключение это верно не только вообще, но и в применении к чистому доходу, т. е. *излишку производства* над первыми потребностями. Сама природа такого излишка не дает; его нужно завоевывать у нее полезным трудом, и чем больше и производительнее будет этот труд, тем больше будет и чистого дохода.

Именно в таком свете взглянула на этот вопрос школа Рикардо. Каким образом отнесся к нему сам Рикардо, это мы увидим ниже. Вот, что говорят о происхождении прибыли последователи его Мак-Куллох и Дж. Ст. Милль. «Если бы было законом природы», читаем у первого из них («Principles of Political Economy», p. 105—106), «что количество продукта, получаемое в результате промышленной деятельности, достаточно только для возмещения того, что было истрачено при ведении ее, то общество не делало бы никогда прогресса, и человек продолжал бы оставаться в том же положении, в котором находился первоначально. Но не таков установившийся порядок вещей. Дело происходит так, что в громадном большинстве случаев получается в результате данного количества труда более богатства или продукта, нежели сколько требуется для того, чтобы привести это количество труда в исполнение; этот излишек или избыток производства есть прибыль». Еще более вразумительно выражается на этот счет Дж. Ст. Милль («Основания», т. I, стр. 467): «Причина прибыли та, что труд производит больше, чем требуется на его содержание... Иными словами, теорема эта выразится так: капитал дает прибыль потому, что пища, одежда, материалы и орудия живут дольше времени, какое нужно было для производства их... Прибыль возникает из производительной силы труда».

Таким образом вопрос о происхождении чистого дохода был в основании разрешен. Источник чистого дохода есть производительная сила труда, доставляющая не только удовлетворение первоначальных потребностей общества, но сверх того прибавочный продукт или ценность. Объяснение это имеет вполне универсальное значение, иными словами, оно одинаково применяется ко всей совокупности усовершенствований личного и общественного труда, в результате которых является возможность увеличения продукта. Так, например, обращаясь к индивидуальному рабочему, мы видим, что, по мере упражнения, возрастает его ловкость, и вследствие этого он получает возможность производить больше прежнего. Что означает это увеличение ловкости? Не что иное, как то, что постепенным упражнением органов своего тела рабочий достигает более тесной кооперации между ним и всех или некоторых из числа тех выгод, которые составляют результат кооперации между многими людьми, как то, более плотное соединение отдельных операций и отсутствие соответствующей траты на воздух рабочего времени,

употребление силы масс, взамен нескольких, недостаточных прежде или изолированных сил, приложение к делу наиболее приспособленных к нему органов и пр. Все это сокращает рабочее время, потребное на производство единицы продукта, и, увеличивая производительность труда, дает возможность производить больше прежнего. То же значение имеет и ловкость целого общества, зависящая от введения или от усовершенствования общественной кооперации. Но не желая предварять здесь того, что будет говориться об этом предмете в одной из следующих глав, заметим только мимоходом, что общественная кооперация также способствует увеличению силы труда, т. е. сокращает рабочее время, потребное на производство данного произведения, и создает условия для увеличения производства. В том же самом направлении действуют всякие другие улучшения, введение машин на место ручных орудий, всевозможные химические и технические усовершенствования и пр. Прямое назначение всего этого—сокращать рабочее время и тем самым потенциально увеличивать производительность труда.

Но если при помощи усилий школы Рикардо вопрос о происхождении чистого дохода получил наконец принципиальное разрешение, то нельзя сказать, чтобы вместе с этим устранились сколько-нибудь те недоразумения, которые возбуждаются ближайшими условиями возникновения этого дохода. Напротив у Мак-Куллоха и особенно у Дж. Ст. Милля все дело ставится таким образом, будто производительность труда сама собою и необходимо порождает прибыль, будто та или другая производительность труда, всегда более или менее добросовестная, не имеет при этом ровно никакого значения. «Капитал дает прибыль потому, что пища, одежда, материалы и орудия живут дольше времени, какое нужно для производства их». Вот уже с этим-то никак невозможно согласиться. Если в один час труда я добуду себе пищи, одежды и т. д. сколько мне нужно на целые сутки, то стану ли я после этого производить еще излишек пищи, одежды и т. п.,—будет зависеть от того, захочу ли я этого или не захочу. В последнем случае, очевидно, нельзя будет сказать, что прибыль или излишек с капитала возникает оттого, что пища, одежда и пр. живут дольше времени, какое нужно на производство их, так как, хотя это последнее условие и будет состоять налицо, но прибыли не будет и следа. Вот если я буду поставлен общественными условиями (а не природой производства, как думали Милль и Мак-Куллох) в такое стесненное положение, что не могу не захотеть продолжать свою работу сверх определенного времени, тогда прибыль получится, но не для меня. Ясно, следовательно, что производительность труда предполагает не необходимость, а только возможность происхождения прибыли и что возможность эта переходит в действительность только тогда, когда рабочее время продолжается за пределы того, сколько необходимо для удовлетворения одних первоначальных потреб-

ностей рабочего класса. С таким вполне естественным и необходимым логическим дополнением теория школы Рикардо оказывается совершенно верна и вполне отвечает научным требованиям. Вот это-то дополнение к ней и делает, как мы видели, автор *Капитала*, в нем-то и состоит, главным образом, то весьма важное нововведение, которое заключается в учении автора о прибавочной ценности и прибавочном продукте. Только мы для уяснения дела, смотрели до сих пор на происхождение чистого дохода, так сказать, с высоты птичьего полета, т. е., оставляя в стороне различные общие и специальные *меновые* отношения между отдельными классами общества, тогда как Маркс показал, что приложение прибавочного труда, служащего для образования прибавочной ценности, составляет прямой и конкретный результат *купли-продажи*, отличающийся специальными качествами товара — *рабочей силы*. Мы сейчас увидим, что и в этом отношении изыскания Маркса примыкают вплотную к трудам классиков-экономистов; что бы ни говорили против этого его противники, которые с появлением его книги, стали бояться собственной тени, а наивно отрещиваться от азбучных положений, проникших во все учебники.

Не только простое указание на существование среди других товаров одного специфического — рабочей силы, но и самый способ определения его ценности с явным признанием отношения последней к происхождению чистого дохода, составляет весьма давно приобретенное политическое экономии. Так например еще *Уильям Петти* («Political Anatomy of Ireland», 1672, р. 64) замечает, что «стоимость средней дневной рабочей платы определяется тем, что нужно рабочему, чтобы жить, работать и размножаться». Другой экономист старого времени *Вандерлинт* учил, что «цена труда состоит постоянно из предметов, необходимых для поддержания жизни». Рабочий, по его словам, не получает должного, если рабочая плата не позволяет ему поддерживать, сообразно с его низким званием и положением в обществе, как простого работника, такое семейство, какое часто выпадает на долю многих из них. «Простой рабочий», говорит *Тюрго* (в своих *Reflexions sur la formation et la distributions des richesses*, 1766), «не имеющий ничего, кроме своих рук и искусства, не имеет ровно ничего, если ему не удастся продать другим свой труд... на этом основании во всех родах труда плата рабочему будет всегда ограничиваться тем, что ему необходимо для поддержания существования; так оно и бывает в действительности». Цитаты эти с очевидностью дня доказывают, что так называемый *железный закон* заработной платы *Лассалю* не может быть самой политической экономии, хотя некоторые ученые экономисты и имели храбрость утверждать, что он составляет приобретение *Лассалю*.

Все недоразумения, встречающиеся в учении Адама Смита относительно смешения ценности, представляемой трудом, за-

траченным в продукты и ценностью рабочей силы, о которых мы говорили уже выше, принял на себя труд распутать Рикардо и достиг этого хотя не легко, а именно путем довольно тяжело-весной аргументации, но тем не менее блистательно. Напрасно, говорит он, Адам Смит смешал понятие о том труде, который потрачен на производство предмета, с понятием о рабочей силе, «точно будто выражения эти совершенно равнозначительны, и будто, если труд человека становится вдвое более успешным, и человек может поэтому *произвести* вдвое больше товаров, что он необходимо и *получит* за свой труд вдвое больше, чем прежде». «Количества эти совсем *неодинаковы*», продолжает Рикардо, «первое из них при многих обстоятельствах есть неизменное мерило, правильно указывающее на колебание цены других вещей, второе же подвержено таким же колебаниям, как и самые предметы, которые сравниваются с ним». И далее: «Если бы обувь и одежда рабочего, вследствие улучшения в машинах, стали *производиться* одною четвертью того труда, который тратится на них в настоящее время, то они, вероятно, упали на 75%; но насколько отсюда еще далеко до предположения, что, благодаря таким условиям, рабочий получил бы возможность *потреблять* четыре пары платья или обуви вместо одной, настолько же вероятно, что в непродолжительном времени действие соперничества и закон народонаселения (только не мальтусовский!) приравниали бы его задельную плату к новой ценности предметов необходимости, на которые она расходуется».

Итак, различие между трудом, содержащимся в товарах, и живую рабочую силою снова было установлено вполне ясно, и каждая из этих двух экономических категорий получила самостоятельное освещение. Но Рикардо не остановился на этом. Выходя из другого недоразумения в изложении Адама Смита, под влиянием которого казалось, будто Адам Смит приписывает труду, содержащемуся в товарах, значение мерил меновых пропорций только при грубом состоянии общества, т. е. до накопления капиталов, Рикардо настаивает на том, что значение подобного мерил вполне универсально. Капиталы, говорит он, не что иное, как орудия производства, которые сами везде и всегда производятся трудом, и потому труд, в них заключающийся, переносится в окончательном результате на продукт и входит в состав его ценности. Это одинаково справедливо как относительно эпох первоначального общественного развития, так и относительно эпохи высшей цивилизации, т. е. при условии накопления капиталов: в том и в другом случае окончательная ценность продукта совершенно одинаково измеряется всею совокупностью потраченного на него труда, все равно, заключается ли этот труд в орудиях, или же израсходован на производство предмета непосредственно. Но хотя таким образом меновая ценность каждого товара, т. е. количество другого товара, которое дают за него в обмен, оплачивает сполна и *al pari* весь содержащийся

в нем труд, ценность эта распадается на две части, из которых одна идет в вознаграждение рабочему, а другая, под видом прибыли, поступает к капиталисту. А отсюда в свою очередь следует, что совокупный размер меновой ценности несколько не зависит от одной какой-нибудь из этих двух частей, так как за возвышением или понижением одной из них следует не изменение всей ценности, а только понижение или возвышение другой. При прочих равных условиях одна из этих частей тем больше, чем меньше другая,—а так как размер вознаграждения рабочего ограничивается одними только необходимыми потребностями, то совершенно понятно, что размер другой части будет зависеть от производительности труда, за вычетом этого вознаграждения, или, что то же самое, за вычетом ценности рабочей силы, как особого товара.

В только что изложенном учении Рикардо мы встречаем уже вполне отчетливое решение всех задач, находящихся в связи с вопросом о происхождении чистого дохода из производительности труда, при условии купли-продажи рабочей силы. Здесь показано, во-первых, что труд, содержащийся в товарах, есть вполне универсальное мерило их меновых пропорций; во-вторых, что этот труд и еще не истраченная рабочая сила совсем не одно и то же, и в-третьих, что хотя чистый доход и выплачивается в цене или в меновой ценности произведений, но что это только форма дела, и получается он у себя в мастерской, от производительности труда своих наемных рабочих. Что же оставалось автору *Капитала* прибавить к этому, помимо более точной, подробной и понятной формулировки? А только то, что производительность труда наемного рабочего не есть явление, существующее вне условий пространства и времени, а составляет результат приложения прибавочной работы в течение прибавочного времени для создания прибавочной ценности или продукта. Не знаем, нужно ли после этого доказывать, что если *Адам Смит* и *Рикардо* сказали бы А, то *Марксу* предстояло сказать Б?

Нам остается прибавить лишь несколько слов для окончательного устранения недоразумений, по вопросу, о котором мы говорим. Вслед за Рикардо и его современниками вошло у экономистов в обычай употреблять выражение «издержки производства», вместо выражения «труд», когда требуется обозначить норму, которой придерживаются средние меновые пропорции. Сам Рикардо имел полное право употреблять эти оба выражения безразлично, потому что он разумел под ними одно и то же, но только с двух различных точек зрения. С точки зрения целого общества меновые пропорции, по его мнению, определяются трудом. С точки же зрения предпринимателя то же самое явление принимает характер издержек производства, под которым разумеются, главным образом, расход на заработную плату и средняя или обыкновенная прибыль. И та, и другая составляют результат труда, обе они входят составными частями

в окончательный продукт, и, следовательно, труд, в них заключающийся, и труд, содержащийся в этом последнем, совершенно тождественны между собою. В том же самом смысле употребляются эти термины другими экономистами школы *Смита-Рикардо* и опять-таки с полнейшим правом, так как они не забывают, что прибыль получается до выхода из мастерской*. Но вопрос этот является совершенно в другом свете, когда начинают предполагать, что прибыль выплачивается предпринимателю покупщиком товара в цене последнего, не говоря уже о совершенно ограниченной попытке многих экономистов свести возникновение прибыли на ссуду капитала рабочим. В значении уплаты в цене издержки производства не только не тождественны с трудом, содержащимся в товаре, но они совершенно лишаются всякой роли при определении меновых пропорций, с какой бы то ни было точки зрения. И действительно, ведь если прибыль, которую мы, вслед за Рикардо, считаем составною частью самого товара, получается в цене этого последнего, то значит в отчуждаемом товаре будет заключаться ценности меньше, чем в получаемых за него деньгах. А, следовательно, начиная с этого момента, труд перестает служить регулятором меновых пропорций, которые, согласно нашему предположению, должны соответствовать количествам труда, содержащегося в обоих товарах. С другой же стороны, если упомянутая мысль верна, то какой же регулятор меновых пропорций будут издержки производства? Ведь получаемые за товар деньги также товар и также должны быть оплачены сообразно издержкам производства. Оказывается, следовательно, что владелец товара получает прибыль с владельца денег**, а этот последний с владельца товаров—*cercle vicieux*

* Так, например, мы читаем у *Дж. Ст. Милля* («Основания», т. I, стр. 466): «Человеку, незнающему с наукой, представляется, будто бы прибыль коммерческого дела зависит от цен. Производитель или торговец получает свою прибыль, повидимому, тем, что берет за свой товар больше, чем он стоил ему, и можно подумать, будто прибыль результат покупки и продажи (что однако, несомненно, только в применении не к покупке и продаже обыкновенных товаров и особого товара-рабочей силы). Но думать так, значит смотреть только на внешнюю поверхность экономического механизма общества. Если мы всмотримся поближе в операции производителя, мы заметим, что деньги, получаемые им за товар, вовсе не служат причиною того, что он имеет прибыль, а служат только способом, которым выплачивается ему его прибыль».

** Мы видели выше, на какой абсурд сводит все это предположение автор «Капитала», говоря, что если оно только верно, то, значит, все продавцы обладают привилегией брать прибыль с покупателей, чтобы потом, сами сделавшись покупателями, возвращать ее обратно продавцам. Интересно здесь заметить, что совершенно так же опровергает его Прудон в своем первом мемуаре «*Qu'est ce que la propriété?*». Говорит, что предприниматель платит публике, покупающей его продукты. Представим себе цепь из десяти, пятнадцати, двадцати, какого угодно числа производителей, если производитель *A* получает прибыль от производителя *B*, то, согласно учению экономистов, *B* заставляет себе платить *C*, *C—D* и т. д. до *Z*. Но кто же заплатит *Z* ту прибыль, которая была получена первоначально *A*? Потре-

или решительный *non sens*. Нетрудно таким образом понять, что издержки производства в этом буквальном смысле слова не только не совпадают с понятием труда, но и окончательно лишаются всякого значения. А, между тем, мы очень часто читаем у различных экономистов, что они с тем только ограничением соглашаются признать теорию издержек производства, что ни один производитель не решится продолжительно продавать свой товар ниже того, во что он ему обходится. Так, например, известный экономист-эмпирик *Тук* («Die Geschichte der Preise», Deutsch von *Ascher*, Т. II, S. 67) высказывается об этом предмете следующим образом: «Единственный способ, посредством которого действуют на цены издержки производства, есть тот, что как скоро эти последние перестают в течение целого ряда лет вознаграждать тех производителей, которые находятся в самом благоприятном положении. то они прекращают производство. А *Мальтус* в своих «*Основаниях политической экономии*», которых мы, к сожалению, теперь не имеем под рукою, настаивает, помнится, даже на том, что издержки производства составляют лишь минимальный предел цены, ниже которого цена надолго не может падать, но выше может подниматься сколько угодно. Вот в этом-то и заключается полнейшее непонимание того, что прибыль доставляется предпринимателю совсем не рынком. Ведь если только справедливо мнение *Тука* и еще менее осторожное мнение *Мальтуса*, то необходимо прийти к выводу, что покупатель свои деньги добывает без всяких издержек производства, все равно—прямых или косвенных, и что кроме самых только исключительных случаев, когда и перестает производиться обиженным предпринимателем товар, покупатель несет на себе какой-то налог в пользу продавца, т. е. почти постоянно платит ему за товары дороже, чем они обходятся последнему. Но так как этого допустить невозможно, то значит, не существует повода соглашаться и с тем, будто издержки производства определяют для производителя лишь минимум продажной цены его продукта. Само собою разумеется, что ниже издержек вместе с известной прибылью никто из производителей продавать своих товаров не станет, но дело в том, что в ту же силу никто не станет продавать своих товаров и выше этой нормы, так как не найдется для этого столь наивных и простодушных покупателей. Таким образом мы видим, что кто признает теорию издержек производства,—а признают ее более или менее все экономисты,— тот должен принимать ее в одном и том же смысле с теориею труда и рабочего времени, как результат меновых пропорций и создатель меновых ценностей, или же вполне отказаться от

битель отвечает *Сэй*. Несчастный Эскобар! как будто кроме *A, B, C, D* и т. д. до *Z* включительно есть еще какие-то другие потребители? Кто же станет платить *Z*? Если тот, который получил прибыль первый, т. е. *A*, то нет прибыли ни для кого (стр. 171). — *Аем*.

нее. С другой же стороны, все те, кто соглашается, что регулятор меновых пропорций и создатель меновых ценностей есть человеческий труд, волею-неволею должен также согласиться и с логическим последствием этого учения—теорией прибавочного продукта и прибавочной ценности Маркса. Но мы выражаемся еще слишком условно. С теорией издержек производства, правильно выраженной, нельзя не согласиться: она подтверждается всею историею цен. Чем, например, помимо издержек производства, может быть объяснено то показанное Туком явление, что за большие промежутки времени колебания цен на хлеб уравниваются до нескольких пенсов разницы? Равенством спроса и предложения, или настоятельности потребностей, скажут экономисты. Но ведь сами же они сознаются, что спрос и предложение или настоятельность потребностей перестают при равенстве своем действовать на цены, *ergo*?

С появлением книги *Капитал* некоторые экономические писатели начали хвататься за последнюю соломинку, чтобы разорвать всякие связи с классическими экономистами, которым прежде повиновались довольно слепо. Мы могли бы привести в подтверждение этого не один, не два пассажа, а многие, но, ради сохранения места, ограничимся следующим. В своем «*Der moderne Socialismus*» (1873 г., стр. 9 и след., *passim*) клерикальный писатель Евгений Езер доказывает ошибочность теории ценности и прибавочной ценности автора «Капитала» тем, что в нем не принято в соображение монопольное право собственности на орудия труда и землю. «При господстве частной собственности», говорит он, «меновая ценность усвоенных вещей должна быть обыкновенно выше, нежели ценность (?) материализованного в них труда, так как право собственности дает владельцу емонополию и тем увеличивает меновую ценность в тот момент, когда владелец делает употребление из своего исключительного права». Вот это, что называется, сжигать за собою корабли! Точно будто на свете не существовало ни Ад. Смита, ни Рикардо, ни других светил политической экономии, которые все эти вопросы давно уже успели истереть в такой мелкий порошок, в котором вовсе не примечается неудобосваримых булыжников, подобных езерову, *pur si muove!* И в самом деле, не говоря уже о неуклюжей и неверной формулировке вопроса, которая, по-прежнему, смешивает труд в товарах и труд рабочую силу,—каким же это образом, при условии свободы торговли и безграничного соперничества, право собственности может монополично поднимать ценность предмета выше заключающегося в нем труда? Ведь это опять-таки только в другой форме означало бы монополию продавца над покупателем, которая, как доказано выше, есть бессмыслица именно потому, что вчерашний продавец есть сегодняшнейший покупатель. Но, кроме этого, на каком же это основании можно утверждать, что Маркс недостаточно принял во внимание право собственности на орудия, когда им-то он именно

и объясняет происхождение *прибавочной* ценности. И это критика!]⁹⁸

Заканчивая краткое изложение теоретических исследований о ценности рабочей силы, содержащихся в сочинении «Das Kapital», мы должны заметить, что установление отдельных категорий «рабочей силы», или способности к обнаружению труда и «труда» или расходования, потребления этой способности—придает, очевидно, совершенно иной, более сообразный с действительностью, смысл тому различию, которое проводит Рикардо между трудом, как мерилom ценности, и трудом, как самостоятельным товаром. Труд в качестве товара или рабочая сила, подобно всем прочим товарам, покупает такое количество других продуктов, которое содержит в себе столько же труда, сколько пошло на производство рабочей силы. Но так как рабочая сила осуществляется в большем количестве продуктов, нежели то, какое идет на ее производство*, то и труд, содержащийся в этом последнем, не может, употребляя выражение Рикардо, служить мерилom того труда, который содержится в первом.

Независимо от этого, исследования Рикардо, в связи с указанными дополнениями [Маркса]⁹⁹, содержат [в себе]¹⁰⁰ и решение вопроса о соотношении между ценностью и капиталом, а дополнения, сверх того, и указание на связь общей теории денег и капитала. Рикардо совершенно верно заметил, что введение в производство орудий несколько не нарушает, как думал Ад. Смит, общего закона ценности, по которому обмениваются только равные количества труда. Весь труд, содержащийся в орудиях, входит в ценность оконченного продукта вместе с тем трудом, который расходуется на непосредственное производство, и все-

* Нельзя сказать, чтобы подобное толкование феномена ценности не имело представителей между ближайшими последователями Рикардо. Так, например, Дж. Ст. Милль весьма близок к нему, когда выводит прибыль из производительности труда (т. I, стр. 467), когда находит ошибочным мнение, что прибыль зависит от цен (ibid., p. 466). Так, Мак-Куллох объясняет сущность дела совершенно подобным же образом, утверждая следующее («Princ.», p. 117): «Обыкновенно полагают, что шляпчик, продающий за 30 шилл. шляпу, стоившую ему 25 шиллингов, получил 5 шилл. прибыли насчет лица, которое купило шляпу; но в действительности это не так; он произвел в известное время эквивалент или ценность 30 шилл. серебра, между тем, как различные издержки, необходимые в его отрасли, простирались только до 25 шилл., но, говоря вообще, различные лица, входящие в обмен со шляпчиком, находятся в том же положении: фермер, портной, сапожник—все получают такую же прибыль от своих промыслов; или, другими словами, все они произвели количества хлеба, платья, сапог, равные 30 шилл. при помощи издержек в 25 шилл.; отсюда ясно, что при обмене драгоценных металлов на продукты или одних продуктов на другие—одна сторона ничего не выигрывает насчет другой». Но такое мнение о способе образования прибыли несколько не мешает упомянутым писателям, с одной стороны, признавать во всей полноте закон издержек производства, с другой, утверждать, что производительность труда есть безусловная причина происхождения прибыли.

общая эквивалентность ценностей на рынке нисколько не нарушается тем, что в состав продукта входит одной частью прибыль. Неясно сознаваемое различие между «трудом» и «рабочей силой» помешало Рикардо провести это положение до конца. Категория потребительной ценности специфического товара, потребление которого образует ценность,—дает, кажется, положению Рикардо окончательное разъяснение и отвечает на вопрос о соотношении между ценностью и капиталом. Только введение этой категории делает совершенно понятной необходимость предпосылать учению о капитале исследование о ценности. Если бы не было установлено ясного представления о меновой и потребительной ценностях вообще, то, по отношению к системе хозяйств с разделенным трудом, оставался бы совершенно необъяснимым тот феномен капитала, что, несмотря на все случайности обмена, каждое хозяйство располагает известной частью продукта, не входящей в счет общего или среднего содержания хозяйств. На первый взгляд кажется, будто обмен не только изменяет форму продукта, но и доставляет хозяйству упомянутую добавочную часть его. Но правильно установленное различие между меновой и потребительной ценностью вообще, и между потребительной ценностью отдельных товаров, приводит к иному ответу на указанный вопрос. Что касается до соотношения между общей теорией денег и теорией капитала, то оно заключается в следующем. В обыкновенном обращении товаров деньги служат в качестве посредника между отдельными товарами. Товар продается за деньги для того, чтобы, изменив таким образом свою форму, стать годным для приобретения другого товара. По отношению же к указанному феномену капитала, деньги играют несколько иную роль. Здесь деньги одновременно служат и исходной и заключительной точкой процесса. За деньги покупается известный товар и затем продается за деньги же. По отношению к специфическому товару—рабочей силе—деньгам принадлежит та же, совершенно необходимая, условленная разделением труда, роль всеобщего эквивалента, как и по отношению ко всякому другому товару, труду, содержащемуся в деньгах—значению непосредственно общественного труда в противоположность конкретным родам труда, заключающимся в тех продуктах, которые служат средствами существования рабочего. В этом тождестве значения денег относительно упомянутых двух родов товаров лежит, главным образом, причина того обстоятельства, что экономическая наука, исходя от установленных практикою взглядов, долгое время не замечала существенного различия между обыкновенными товарами и рабочей силой: те и другая одинаково оценивались на деньги, одинаково находили сбыт не иначе, как под условием предварительного обмена на известное количество денег. Но, несмотря на соблюдение полной эквивалентности, несмотря на равенство ценностей при обмене денег на все, без исключения, товары, особенности специфического

товара влекут за собою при обмене его на деньги, во-первых, перемену места денег в известной сфере обращения, во-вторых, увеличение размера ценности того количества денег, которое является заключительным звеном движения, в сравнении с размером ценности того количества их, которое служит исходным звеном этого движения.

Мы сказали выше, что частнохозяйственный характер теории издержек производства несколько не препятствует господству теории труда не в одних только общехозяйственных сферах, но также и в тех, по отношению к которым только и обладает значением теория издержек. Теперь мы можем пояснить эту мысль более обстоятельно. Дело в том, что, с точки зрения главы хозяйственного предприятия, учету подлежит не только *труд*, действующий посредственно или содержащийся в орудиях производства, не только тот непосредственный *труд*, который возмещает задельную плату, но также и тот *труд*, который входит в состав прибавочного продукта. Таким образом, совокупная ценность продукта даже и в глазах частного хозяйства слагается из величин, *совершенно однородных* и, будучи переведена на деньги, является выражением не стоимости продукта, т. е. замена задельной платы + вознаграждение за потребление орудий (которое совершенно неправильно приводится к той же задельной плате), а всей суммы труда, содержащегося в продукте.

При установлении своего закона ценности «труда», Рикардо имел в виду *неизменный* рабочий день, *неизменную* интенсивность труда и рассматривал влияние на размеры задельной платы и прибыли исключительно только изменений в производительной силе труда. Отсюда ряд нападений на его теорию, имеющих целью доказать, что прибыль и задельная плата могут возвышаться не только одна на счет другой, но и параллельно (Бастиа, Сареу и др.). Но как длина рабочего дня, так и интенсивность труда не могут быть приняты равными для различных эпох и народов. Если интенсивность труда, при прочих равных условиях, возрастает или уменьшается, то в первом случае возрастают параллельно и ценность рабочей силы и прибавочная ценность, во втором та и другая параллельно уменьшаются. Одновременное возрастание той и другой ценности может иметь, сверх того, место при увеличении рабочего дня.

ПОСТОЯННЫЙ И ПЕРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛ. ПРОСТАЯ И СЛОЖНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ КООПЕРАЦИЯ¹⁰¹

Если не считать той мало распространенной классификации предметов богатства, служащих производству, по которой под постоянным капиталом понимаются вещи недвижимые, под оборотным движимые, а также той, которая различает потребляемые и непотребляемые вещи, то в экономической литературе можно указать собственно на два способа деления упомянутых предметов. Один из них принадлежит Ад. Смиту, другой Рикардо. Находя, что «какую бы часть своего имущества ни употреблял человек в качестве капитала, он всегда надеется возратить ее [только на содержание производительных рабочих]»¹⁰², Ад. Смит различает под оборотным капиталом тот, который употребляется на добывание, изготовление и посылку предметов потребления в видах продажи или перепродажи их с прибылью**. Капитал этот, по мнению Смита, приносит доход, только изменяя посредством обмена форму и уходя из рук. Напротив, капитал, доставляющий доход без перемены владельца, — машины, орудия улучшения земли, — представляет постоянный капитал. Запасы непосредственного потребления не приносят дохода и потому не составляют собственно капитала. Смитовой классификации последовали Storch***, Маклеод****, Рау*****. Нетрудно заметить, что Смит не только видит в обмене источник происхождения части чистого дохода, но и кладет в основу различия между постоянным и оборотным капиталом известные условия обращения, которые существуют, будто бы, только относительно оборотного капитала. Иначе взглянул на дело Рикардо. Смотри по тому, говорит он*****, потребляется ли капитал быстро и тре-

* «Wealth of Nations», b. II, p. 147.

** Ibid., p. 120, 122.

*** «Cours d'Economie politique», t. I, p. 295.

**** «Основания», стр. 80—81.

***** «Traité», p. 110.

***** «Oeuvres complètes», p. 22—23.

бует ли непрерывного возобновления, или же потребляется медленно, различаются две категории его—капитал постоянный и капитал оборотный. Пивовар, строения и машины которого представляют значительную ценность и долговечность, рассматривается как обладатель большого количества постоянного капитала. Напротив, сапожник, капитал которого расходуется, главным образом, на задельную плату, служащую для доставления рабочему пищи и помещения, и на другие товары меньшей прочности, нежели постройки и машины, рассматривается как обладатель большого оборотного капитала. Следует заметить еще, что капитал не затраченный может оставаться в обращении в течение более или менее продолжительного времени, прежде нежели возвратится к предпринимателю! Так, зерно, покупаемое фермером для обсеменения полей, представляет капитал постоянный в сравнении с зерном, которое покупается булочником для приготовления хлеба. Первый влагает его в землю и извлекает оттуда не ранее года; второй может смолоть его, продать потребителям в виде хлеба, вернуть весь свой капитал в течение недели и посвятить его на другое производство. Классификация Рикардо принята Дж. Миллем, Дж. Ст. Миллем*, Рошером**, Сисмонди***, Schäffle**** и другими экономистами. Разница между Рикардо и сторонниками его классификации заключается только в том, что он считает оборотный капитал просто менее долговечным, нежели постоянный, а они понимают под первым ту часть богатства, которая, служа производству, исполняет свое назначение в один, а не в несколько раз, подобно постоянному капиталу. Впрочем, разница эта, выгодная для последователей Рикардо в смысле большей точности их определения, представляется скорее формальной, нежели такою, которая касалась бы самого содержания отношений.

Различие между постоянным и оборотным капиталом Рикардо выясняет рядом теорем относительно влияния капитала того и другого рода на ценность товаров. Прежде нежели перейти к ним, постараемся определить яснее, какие именно предметы богатства причисляет Рикардо к каждой из этих категорий, и существует ли вообще какая-нибудь необходимость в принятой им классификации. Под именем постоянного капитала Рикардо понимает орудия производства в собственном смысле, т. е. машины, постройки и т. д. Под именем оборотного он, главным образом, понимает фонд задельной платы, хотя причисляет сюда же и материалы производства, например зерно, купленное булочником. Мы говорим—главным образом, основываясь отчасти на смысле вышеупомянутых теорем, в которых слово «оборотный капитал» употребляется постоянно в качестве тер-

* «Основания», т. I, стр. 125.

** «Principes», t. I, p. 94.

*** «Nouveaux principes», t. I, p. 94.

**** «Das Gesellschaftliche System», S. 102.

мина, характеризующего только фонд задельной платы, отчасти на некоторых других местах сочинения Рикардо. Так, на стр. 365 он говорит следующее: «Предположим, что капиталист спекулирует на сумму 20 000 ф. ст., предположим также, что 7 000 ф. этого капитала затрачены в постройки, орудия и т. п., и что *остальное* употребляется в виде *оборотного* капитала—*на уплату за труд*». На стр. 241 читаем: «В странах богатых и могущественных, где существуют большие капиталы в виде машин, бедствие, происходящее вследствие изменения в направлении торговли, окажется более чувствительным, нежели в странах бедных, где помещается сравнительно меньше ценностей в виде капитала постоянного и больше в виде капитала *оборотного*, и где, *следовательно, производится больше руками человека*». Мы видим отсюда, что Рикардо, причислив первоначально к оборотному капиталу, кроме задельной платы, еще и материалы для обработки, впоследствии фактически отрекается от такого определения и под оборотным капиталом разумеет исключительно фонд задельной платы. Мы увидим ниже, что некоторые особенности, отличающие задельную плату от всех других предметов богатства, служащих производству, естественно и необходимо должны были привести Рикардо к указанному ограничению понятия об оборотном капитале*. Что касается, далее, значения классификации Рикардо, то она, быть может, оказывается важною не столько в смысле той характеристики, какая придана ей самим Рикардо, сколько по некоторым иным крупным различиям между орудиями в собственном смысле и фондом задельной платы, различиям, которые ускользнули от внимания Рикардо.

Вот как разделяются они автором «Das Kapital».

[Мы видели выше, — говорит К. Маркс, — что ценность орудий производства и материалов всякого рода входит составною частью в ценность окончательного продукта, переносится на него. Это происходит по мере того, как к орудиям и материалу прилагается новый труд, и по мере того, как сами они уничтожаются. Уничтожение это или косвенное потребление в применении к различным предметам неодинаково: так вспомогательный материал, например уголь, исчезает в работе бесследно, машина, напротив, только истирается, продолжая служить рабочему процессу очень долго. Но как бы ни потреблялись все эти вещи, одно, во всяком случае, верно, что труд, в них заключенный, не пропадает, а переносится на окончательный продукт и тем сохраняется от гибели. Понятно отсюда также и то, что так как процесс поглощения орудий и материалов неодинаково продолжителен, то и труд, в них содержащийся, переносится на продукт с неодина-

* См. напротив, Roscher, ch. «Principes», t. I, p. 99: «...le bétail destiné à l'abattoir appartient au capital circulant; dans une fabrique de machines, une chaudière à vapeur, destinée à la vente, rentre dans le capital circulant, tandis que la même chaudière conservée pour les besoins de l'usine fait partie du capital fixe».

наковую быстроту. Какая-нибудь, например, машина изживает свой век в 10 лет, и, таким образом, заключающийся в ней труд переходит на продукт в течение целых 10 лет. Подобно этому и сам человек ежедневно умирает на 24 часа, и хотя никто не присматривается с точностью к тому, на сколько дней человек умер, но это не мешает обществам страхования жизни из средней жизни людей делать весьма верные и, что еще важнее, весьма прибыльные для себя заключения. То же самое наблюдается относительно орудий труда, средняя продолжительность службы которых становится известною из опыта. Положим, что какая-нибудь машина потребляется в 6 дней. В таком случае каждый день переходит на продукт $\frac{1}{6}$ часть ее ценности и такая же часть ее потребительной ценности.

Ясно, что орудие труда никогда не может передать окончательно процессу больше ценности, чем сколько ее в нем самом, чем сколько то теряет чрез собственное уничтожение. Если бы оно не теряло ее вовсе, т. е. не было бы само продуктом человеческого труда, то оно вовсе не передавало бы продукта ценности. Так, именно, бывает, когда употребляются в дело вполне даровые силы природы—земля, вода, ветер, дерево в первобытном лесу и пр. То же явление имеет место при всевозможных усовершенствованиях, сообщающих труду большую производительность. Чем больше производительность труда, все равно, вчерашнего ли, т. е. в орудиях труда и в материалах, или же сегодняшнего—в окончательных произведениях, тем меньше приходится труда на единицу этих последних, тем меньше их ценность.

Несколько иначе стоит дело относительно второго фактора рабочего процесса—живой рабочей силы, прилагаемой к орудиям и материалу для изготовления продукта. Если бы рабочий процесс в этом последнем случае прекращался на том пункте, когда воспроизведена ценность потребленных рабочими средств существования, то новая работа *только* присоединялась бы к старой. Но мы знаем уже, что рабочий процесс на этом пункте не останавливается, что вместо 6 часов в день он продолжается, например, 12. Продукт, производимый в эти последние 6 часов, представляет прибавочную ценность, иными словами, живая рабочая сила не только воспроизводится, но воспроизводится с излишком.

Если смотреть на весь этот процесс с точки зрения не целого общества, а капиталиста, которому одинаково принадлежат, с одной стороны, орудия и материал, а с другой стороны и те средства существования, которые он дает в обмен за живую работу, то все эти предметы сливаются в одну *общую массу*, которую называют *капиталом*. Продолжая держаться той же точки зрения, мы видим, что одна часть этого капитала, т. е. орудия производства, сырье и вспомогательный материал, сохраняет в производительном процессе одну и ту же ценность, ее можно назвать *постоянным капиталом*. Напротив, другая часть капи-

тала, расходуемая на существование живой рабочей силы, или на наем рабочих, изменяет размер своей ценности, входя в произведенный процесс. Она, во-первых, воспроизводится сама, во-вторых, приносит еще и прибавочный продукт, прибавочную ценность, которая также бывает то больше, то меньше: её можно, поэтому, характеризовать названием *переменного капитала*. Повторяем еще раз, все это является в таком виде, если смотреть на все дело производства с точки зрения капиталиста, который привык олицетворять свое имущество и рассматривать именно его, а не живую работу в качестве источника прибавочной ценности. Оттого-то мы и говорим, что, например, переменная доля капитала воспроизводит сама себя, да еще с излишком, между тем, как постоянная не воспроизводит. В действительности, с точки зрения целого общества, не воспроизводит сам себя ни постоянный, ни переменный капитал, а воспроизводится, и притом с излишком, только живая рабочая сила, и она же сохраняет прежнюю работу, употребляя в дело орудия, машины, материал и тому подобные мертвые предметы*.

При помощи только что сделанных определений попробуем произвести учет обем долям капитала в процессе изготовления товаров.

Так как прибавочное рабочее время находится в непосредственной зависимости от живой рабочей силы, то, поэтому, прежде всего важно определить отношение прибавочной ценности к переменной доле капитала. Что касается постоянной доли, то так как она не подлежит никаким изменениям в процессе про-

* Намеки на такое решение вопроса о постоянном и переменном капитале мы находим уже у некоторых экономистов. Но никто из них, точно так же, как и сам Рикардо, фактически следовавший указанной классификации, не пришел к последовательному и ясному решению этой важнейшей экономической проблемы. Так, например, Ад. Смит учил, что «постоянный капитал не может приносить дохода иначе, как при помощи оборотного капитала» («Wealth of Nations», t. II, p. 122); он же говорил, между прочим, следующее: «Хотя хозяин платит вперед заработную плату своему мануфактурному рабочему, последний в действительности не стоит ему никаких расходов, так как ценность этой заработной платы вообще восстанавливается, вместе с прибылью, в увеличенной ценности предмета, на который был затрачен труд рабочего» (ibid., p. 145). «Что стоит хозяину,—говорит Сисмонди («Nouveaux principes», t. I, p. 87),—труд, исполняемый для него рабочим, есть то, что называется собственно оборотным капиталом; то, что рабочий производит для него, представляет тот же капитал с присоединением прибыли.—Земледелец,—пишет он в другом месте (p. 88),—понял, что ему следовало употребить излишек хлеба, остающийся у него, на прокормление других людей, которые обрабатывали бы для него землю и давали бы рождение новому хлебу... Деял эту операцию, земледелец превращал бы часть своего дохода в капитал; и именно так всегда образуется новый капитал.—«Но если бы в действительности,—говорит Рошер («Principes», t. I, p. 132—3),—рабочие различных отраслей промышленности не восстанавливали в ценности своих продуктов ничего кроме расхода, сделанного ими на свое потребление в продолжение отправления труда, то они с трудом нашли бы предпринимателя, который согласился бы давать им вперед капитал(?)».

изводства и только переносит свою ценность на окончательный продукт, то ее можно при этом учете совершенно оставить в стороне. Отношение прибавочной ценности к переменной доле капитала, если его выразить в рублях или в фунтах стерлингов, можно назвать *уровнем прибавочной ценности*. Если, например, переменного капитала, т. е. денег на средства существования рабочих затрачено капиталистом 500 рублей и столько же получено прибавочной ценности, то уровень этот будет $(500 : 500) = 100\%$.

Мы видели выше, что в течение одной части рабочего процесса рабочий только производит ценность своей рабочей силы, т. е. ценность необходимых ему средств существования. Работая при условиях общественного деления труда, он производит эти средства не непосредственно, а в виде одного какого-нибудь товара, например пряжи, который потом пойдет в обмен за равную ценность всех других нужных ему товаров. Употребляемая им на это часть рабочего дня бывает то больше, то меньше, смотря по количеству рабочего времени, содержащегося в средствах его существования, т. е. по большей или меньшей их дороговизне или дешевизне. Если ценность дневного существования рабочего представляется, средним числом, в 6 рабочих часах, то ему следует трудиться, средним числом, 6 часов в день, чтобы произвести ее. Столько времени, при наличии прочих условий, рабочему пришлось бы трудиться и в том случае, если бы он работал не на капиталиста, а совершенно независимо от него, — чтобы произвести ценность рабочей силы и тем способствовать постоянному воспроизведению необходимых ему средств существования. Но так как в течение той части рабочего дня, когда он производит стоимость своей рабочей силы, т. е. 90 коп., он производит только эквивалент того, что уже уплатил ему капиталист, то эта часть производства еще не более, как воспроизведение потраченного. Ту часть рабочего дня, которая посвящается этому воспроизведению, можно назвать *необходимым рабочим временем*, а работу, происходящую в это время, *необходимой работой*. Слово «необходимый» имеет в этом случае одинаковое значение в применении как к рабочему, так и к капиталисту. Для первого оно необходимо потому, что не находится в зависимости от каких бы то ни было общественных форм производства; для второго же необходимо потому, что *постоянное* существование, увековечение рабочего есть основание самого капитала. И, напротив, дальнейшую часть рабочего дня можно назвать *прибавочным рабочим временем*, а работу за это время *прибавочной работой*. Ясно, что между необходимой и прибавочной работой должно существовать то же самое отношение, какое существует между переменной долей капитала и прибавочной ценностью.

Уровень излишка ценности можно назвать вполне точным выражением степени эксплуатации рабочей силы капиталом. Но самый учет этой эксплуатации или уровня прибыли производится

капиталистом не так, как это было только что сделано, а потому значительно маскируется. Прибавочная ценность ставится капиталистом в отношении не к одному только переменному капиталу, а ко всей совокупности затрат капиталиста. Так, например, если общая сумма затрат равна 3 000 рублей, а прибавочной ценности получено 540%, то, по расчету капиталиста, он получает последней 18%. Но, очевидно, что это неверно: вся сумма затраченного капитала могла состоять в данном случае из 2 460 рублей постоянного и 540 рублей переменного капитала, и следовательно 540 рублей прибавочной ценности составляли бы не 18*, а целых 100% ($540 : 540$), т. е. слишком вдесятеро, чем считается обыкновенно.

Перейдем теперь к рассмотрению рабочего дня, т. е. абсолютной величины его, в течение которой осуществляется и необходимая и прибавочная работа. Рабочий день не представляет определенной величины. Еще при данной полной ценности средств существования можно допустить, что необходимая часть рабочего дня является определенной величиною. Но, зато, прибавочная часть его продолжается весьма неопределенное время. Вообще можно признать правилом, что необходимое рабочее время есть минимальная доля рабочего дня, максимальная же зависит прежде всего от физиологических условий организма, которые препятствуют продолжению работы полные 24 часа в сутки. В том же смысле действует также и нравственная граница, поставляемая необходимостью для рабочего иметь время на удовлетворение душевных и социальных потребностей, объем и продолжительность которых зависят от общего культурного

* Следующий фактический пример, сообщенный автору «Капитала» одним манчестерским фабрикантом, превосходно разъясняет это дело. Пряделница в 10 000 веретен производит пряжу № 32 из американского хлопка по 1 фунту в неделю на каждое веретено. Отброс равняется 6%, иными словами, еженедельно перерабатывается 10 600 фунтов хлопчатой бумаги в 10 000 фунтов пряжи и в 600 фунтов отброса. В апреле 1871 г. этот хлопок стоит по $7 \frac{3}{4}$ пенса за фунт, т. е. за 10 600 фунтов—342 ф. ст. (круглым числом). Со включением машин для предшествующих пряделничных процессов и паровой машины—10 000 веретен стоят 10 000 ф. ст. Потребление их составляет 10% в год или 1 000 ф., т. е. 20 ф. ст. в неделю. Наем фабричного здания обходился в 300 ф. или в 6 ф. в неделю. Угли расходовались по 11 тонн в неделю (4 фунта в час на лошадиную силу—на 100 лошадиных сил и на 60 часов в неделю, со включением отопления здания), по 8 шилл. 6 пенсов тонна, круглым числом, по 4 ф. 10 шилл. в неделю, газ 1 ф. ст. в неделю, весь вспомогательный материал—10 ф., масло 4 ф. 10 шилл. Рабочая плата достигает 52 ф., а следовательно прибавочная была $12 \frac{1}{4}$ пенсов за $\frac{1}{4}$ фунт или 510 ф. ст. за 10 000 фунтов, в неделю. Цена пряжи ценность составляла $510 - 430 = 80$ ф. ст. Оставляя постоянную долю капитала, мы находим, что в неделю производится 132 ф. ст. = 52 ф. переменного капитала + 80 ф. ст. прибавочной ценности. Итак, уровень прибавочной ценности достигает в данном случае громадной цифры 80/52 или $153 \frac{11}{13}$ %. При среднем десятичасовом рабочем дне это дает 3 часа 50 минут необходимой работы и 6 часов 4 минуты прибавочной работы в день. Вот каков бывает в действительности общий уровень прибыли!

состояния. Но и та и другая граница отличаются значительной эластичностью, так что не редкость встретить рабочий день в 16 или 18 часов.

Понятно само собою, что чем длиннее рабочий день, тем выгоднее это для капиталиста. Он рассуждает в этом отношении, как покупатель целого дня, и потому всеми силами вымогает побольше работы. Но, с другой стороны, ясно, что слишком продолжительная работа преждевременно истощает организм и, уменьшая среднюю продолжительность жизни рабочего, лишает его и той части платы, которая приходилась бы ему за остальные годы жизни, при менее продолжительной работе. Поэтому и рабочий (с экономической точки зрения, не говоря уже о нравственной), является более, нежели правым, когда он настаивает на уменьшении рабочего дня, на установлении нормального рабочего дня. Столь равноправный спор решает сила, что же касается Великобритании, то частичное разрешение этого вопроса дало фабричное законодательство. Но, несмотря на существование фабричных постановлений, которые ограничивают норму рабочего дня, если не из видов sentimentalной благотворительности, то из страха перед рабочим движением, с одной стороны, и перед вырождением населения, с другой—мануфактуристы и фабриканты все же продолжают стремиться к удлинению рабочего дня. Так, например, по донесениям фабричных инспекторов, они старались отщипывать у рабочих когда 10, когда 15, когда 20 минут, и этим способом успевали удлинять работу на 5—6 часов в неделю против установленной законом нормы. То же стремление высказывалось и в эпоху кризисов, когда, казалось бы, по сообщениям инспекторов, не было надобности работать излишнее время, потому что и без того оставляли за штатом массу рабочих, а, между тем, занятые рабочие все же трудились дольше узаконенного времени.

Насколько дело идет о самой истории фабричных постановлений и рабочего дня в Соединенном королевстве, мы не станем останавливаться на ней, отсылая читателя к самому *Капиталу*, в котором вопрос этот рассматривается столь же основательно и интересно, как и все прочее. Оставляя теперь, как и в некоторых других случаях в стороне богатейший фактический материал автора *Капитала*, мы имеем в виду сблизить по возможности теснее теоретические исследования автора и тем сообщить им более рельефности. Упомянем только несколько руководящих фактов, назначение которых—уяснить общий ход движения в пользу рабочего дня.

Установление нормального рабочего дня составляет в Великобритании результат четырехсотлетней борьбы между рабочим и капиталистом. На первых порах развития капиталистического производства требования капитала не ограничиваются добровольными экономическими возможностями и соглашениями,

а опираются на силу закона. Начиная с XIV и до конца XVII столетия, капитал стремится к удлинению рабочего дня, при помощи законодательства, так как частные усилия, направленные к этой цели, не перестают разбиваться о сопротивление рабочих. То, что в настоящее время, например, в штате Массачусетс—до последнего времени самом свободном штате Северной Америки—объявляется государством, как максимальный предел работы детей ниже 12-летнего возраста, то еще в середине XVII столетия было нормальным рабочим днем силачей и исполнителей-ремесленников и земледельческих чернорабочих. Первый статут рабочих в Англии (23 Эдуарда III, 1349) имел непосредственным поводом большую чуму, сильно уменьшившую народонаселение. Под влиянием этого уменьшения, сделалось, по словам одного торийского писателя, весьма затруднительно находить в работу людей по «сносным ценам». Поэтому-то сносная заработная плата была предписана законом вместе с границами рабочего дня. Это последнее повторено было потом в статуте 1496 г. (при Генрихе VIII). Рабочий день для всех ремесленников и земледельческих рабочих с марта по сентябрь определялся от 5 часов утра до 7—8 часов вечера, но зато на принятие пищи—завтрака, обеда, полдника—давалось целых три часа, т. е. вдвое больше нынешнего. Зимой следовало работать от 5 часов утра до темноты, с такими же промежутками. Дальнейший статут Елисаветы, 1562 г., оставляет продолжительность дня нетронутою, но зато уменьшает время для принятия пищи летом до $2\frac{1}{2}$, а зимою до 2 часов. На практике было и того легче. Так, например, Петти в одном из своих сочинений конца XVII столетия говорит, что в его время земледельческий рабочий трудился в день десять часов.

Еще в течение большей части XVIII столетия, до наступления эпохи крупной промышленности, капиталу не удавалось в Англии за уплату недельной ценности рабочей силы овладеть всею неделей рабочего времени. Одно то обстоятельство, что, трудясь четыре дня, можно было существовать за эту целую неделю, еще не казалось рабочему достаточным поводом работать и остальные два дня на капиталиста же. Это своевольное служило предметом самых ожесточенных нападок одной части экономистов того времени, укорявших рабочий класс в лени, распущенности и опасных замыслах, между тем как другие, наоборот, доказывали, что, только благодаря отдыху и развлечениям, английский рабочий отличается свойственною ему ловкостью и гениальностью, столь необходимою для процветания британской торговли и пр. Увлеченный подобным спором безымянный автор сочинения «Опыт о ремеслах и о торговле» (1770 г.), один из самых рьяных противников досуга рабочих,—рекомендует для исправления ленивых и романтиков устроить особый *идеальный* рабочий дом, который бы стал домом ужаса. Всего

замечательнее то, что в подобном доме ужаса рабочие, по мнению автора, должны трудиться *не менее* 12 часов в день. Таким образом, даже пылая ревностным капиталистическим гневом, человек второй половины XVIII столетия не мог вообразить себе сильнейшего наказания, как 12 часов работы в день! Между тем, целых 60 лет спустя, а именно в 1833 г., английский парламент понизил до той же цифры 12 часов работу даже не взрослых людей, а подростков от 13 до 18 лет! Таковы-то непомерные успехи, сделанные в этот непродолжительный срок капиталистическим производством этой страны. Дальнейшее законодательство, мало-помалу распространившееся на большую часть ремесленных, мануфактурных и фабричных заведений страны, еще несколько понизило эту норму, — а именно до 10 часов в день, со включением в число подлежащих покровительству правительства личностей, помимо детей и подростков, также и совершеннолетних женщин; что же касается других стран Европы, то в них нормальный рабочий день еще выше. Так, например, во Франции, после водворения Людовика-Наполеона рабочие единогласно кричали, что закон, *сокращающий* рабочий день до 12 часов, есть единственное благо, оставшееся им от республики, а 23 года спустя, в 1874 г. закон опять-таки запрещает детям 12-летнего возраста работать дольше 12 часов в день. Те же 12 часов фигурировали в Цюрихе для детей старше 10-летнего возраста: в Аарку для детей от 14 до 16 лет, и только по новому федеральному закону Швейцарии нормальный рабочий день для рабочих всех возрастов и полов определен в 11 часов. Как ни кратки все эти данные, все же они достаточно ясно показывают, что продолжительный рабочий день и капиталистическое производство до известной степени одно и то же, и что в одно только XIX столетие капитализму удалось в этом отношении достигнуть более значительных успехов, чем в несколько предыдущих. Именно эти-то успехи и нашли себе более или менее удачную реакцию в фабричном законодательстве, да еще в деятельности союзов сопротивления.

Остановимся теперь на некоторых, весьма важных обобщениях, находящихся в связи с понятиями об уровне и массе прибавочной ценности и прибавочного труда.

Все предыдущие исследования, точно так же, как и те, о которых будет речь ниже, опираются на предположение, что необходимая часть рабочего дня, т. е. та, которая употребляется рабочим на воспроизведение заработной платы, составляет постоянную величину. При таком предположении прежде всего совершенно очевидно, что если нам известен *уровень* прибавочной ценности, то известно и общее количество, масса ее. Так, например, если необходимое время представляет 5 часов в день и именуется *одним* рублем, то, следовательно один рубль составляет и переменную долю капитала. Если, далее, известно, что уровень прибавочной ценности есть 100%, то, следовательно,

при помощи *одного* рубля переменного капитала производится *один* рубль прибавочной ценности, или, что то же самое, рабочий ежедневно расходует 6 часов прибавочного времени. Но переменный капитал есть денежное наименование ценности не одной только рабочей силы, а всех сил, одновременно употребляемых в дело. Если дневная ценность рабочей силы есть один рубль, то, следовательно, необходимо затратить 100 рублей, чтобы дать занятие 100 рабочим силам и т. д. Таким же образом, если уровень прибавочной ценности в 100% в первом случае, служит обеспечением, что общее количество последней равняется одному рублю, то ясно, что, при затрате в дело 100 рабочих сил, тот же самый уровень прибавочной ценности в 100% дает указание, что общая масса ее равна 100 рублям.

Все это нужно было отметить вот почему. Из данной связи между уровнем и массой прибавочной ценности, следует, что в производстве прибавочной ценности уменьшение одного из этих факторов может быть возмещением другого. Так, если переменный капитал будет уменьшен и, вместе с тем, поднимется уровень прибавочной ценности, то общее количество прибавочной ценности может оставаться без изменения. При 100, например, рублях капитала уровень прибавочной ценности может доставлять 50%, а, следовательно, и 50 рублей. Это значит, что рабочие трудятся 6 часов на себя и 3 на капиталиста. Но если увеличится вдвое уровень прибавочной ценности, т. е. рабочий день возрастет до 12 часов, то ясно, что даже уменьшенный вдвое, т. е. до 50 рублей, переменный капитал даст, попрежнему, 50 рублей прибавочной ценности. Говоря иначе, уменьшение капиталистом размеров переменного капитала может для него возмещаться увеличением рабочего дня, или же он может наверстать потерю прибавочной ценности, причиненную ему отпуском известного числа рабочих (в данном случае 50), более продолжительною работою остальных. Таким образом, в известных пределах, *предложение работы не находится в зависимости от числа рабочих*, т. е. меньшее их число может доставить столько же прибавочной ценности, работая дольше. Точно так же и наоборот,—уменьшение уровня прибавочной ценности может не сопровождаться уменьшением ее количества, если одновременно с этим увеличивается переменный капитал, или, что одно и то же, число одновременно занятых рабочих. Ясно, однакоже, что удлинение дня все же имеет непосредственные физиологические границы, и что рабочий день не может постоянно длиться полных 24 часа. В этих-то границах и следует понимать все предыдущие соотношения. Это очень важно иметь в уме для объяснения многих важных явлений, которые возникают из стремления капиталиста производить как можно больше прибавочной ценности, которая, как мы уже знаем, получается только от прибавочных часов работы, и, следовательно, возрастает вместе с числом рабочих.

Мы видели, что кроме переменной доли капитала, в производство входит еще и постоянная, т. е. орудия производства, вспомогательный и сырой материал. Пропорция между той и другою зависит от технических условий, и для каждой отрасли промышленности она бывает особая. Но каково бы ни было отношение постоянной доли к переменной— $1:2$, $1:10$, $1:x$, во всяком случае обтаеется справедливым тот закон, который выведен выше, и который может быть формулирован следующим образом: при данной ценности рабочей силы и одинаковой степени ее эксплуатации (т. е. продолжительности прибавочного времени), производимые при помощи различных капиталов количества ценности и прибавочной ценности относятся между собою, как величины *переменных частей* этих капиталов, т. е. тех частей их, которые превращаются в живую рабочую силу. Это станет совершенно понятным, если вспомнить, что прибавочная ценность дается исключительно живою рабочею силою, а, следовательно, исключительно переменным капиталом, который ведь потому так и называется, что увеличивается в процессе производства. И напротив, постоянный капитал, т. е. продукт прежнего, мертвого труда, только переносит свою ценность на окончательный продукт, только сохраняет или повторяет ее в нем.

Закон этот, повидимому, противоречит опыту, основанному на очевидности. Всякому известно, что хотя хлопчатобумажный фабрикант и употребляет постоянного капитала сравнительно больше, чем, например, булочник, но не получает, вследствие этого, меньше прибыли, чем последний, а, между тем, это должно бы быть именно так, если принять во внимание, что прибыль дается одним только переменным капиталом. Противоречие это автор обещал разъяснить во втором томе *Капитала*.

Из предыдущих исследований можно заключить, что не всякая сумма денег может быть обращена в капитал, но что для этого необходим известный минимум денег в руках отдельного капиталиста. Этот минимум изменяется на различных ступенях капиталистического производства и смотря по отрасли промышленности. Средневековому мастеру достаточно было иметь столько денег, чтобы пустить в ход две, три рабочие силы и снабдить их орудиями, но при этом не могло быть и речи об увеличении капитала,—сам мастер едва только мог существовать на получаемую от них прибыль, да еще работал и лично. Но при большем развитии капитализма хозяину уже невыгодно вмешиваться в подобную работу самому: все его время должно поглощаться контролем над работою других и продажею продуктов этой работы. Поэтому тут уж денег в одних руках должно быть соединено более, и как число рабочих в одной мастерской также возрастает, то лишь в этот период возникает настоящий капитал, не только дающий хозяину возможность существовать на прибыль, но, что еще важнее, постоянно расту-

щий в объеме. Некоторые отрасли производства требуют, правда, при самом своем возникновении столь значительного капитала, какого еще не может быть в эту эпоху в руках отдельных лиц. Это служит поводом к предоставлению частным лицам государственных субсидий (Кольбер), а, частью, и к основанию привилегированных компаний—предшественниц новейшего акционерного общества.

Мы рассматривали до сих пор необходимую часть рабочего дня, как только постоянную величину. Сверх этой доли дня рабочий мог трудиться 2, 3, 4, 6 и т. д. часов прибавочного времени. От размера этого удлинения работы зависели уровень прибавочной ценности и длина рабочего дня. Но мы сейчас покажем, что рабочий день может оставаться неизменным, а прибавочное время все же может возрастать.

Нам известно, что длина необходимого рабочего времени зависит от цены средств существования, поддерживающих жизнь рабочего, что она больше, когда средства эти дороже, и меньше, когда они дешевле. Это составляет естественный результат того обстоятельства, что дешевизна или дороговизна средств существования есть сама только денежное наименование содержащегося в них рабочего времени, и что необходимое рабочее время должно, по меньшей мере, равняться этому последнему, чтобы возместить или воспроизвести продукт его. Если теперь предположить, что капиталист не доплачивает рабочему полной стоимости его средств существования, т. е. чрезмерно истощает его рабочую силу, то понятно, что он таким образом увеличит прибавочное время насчет необходимого. Но хотя этот способ увеличения капитала и играет весьма важную роль в действительности, мы не можем рассматривать здесь этого случая, так как, согласно нашему предположению, все товары, а в том числе и рабочая сила, обмениваются по полным количествам в них труда. Таким образом, для того, чтобы прибавочное время, при одном и том же рабочем дне, увеличилось насчет необходимого—потребно уменьшение самой ценности рабочей силы, т. е. *удешевление средств существования рабочего*. Но это, в свою очередь, невозможно без увеличения производительной силы труда, т. е. такой перемены в рабочем процессе, которая сокращает рабочее время, потребное для производства единицы товара. Итак, для увеличения этим путем прибавочной ценности капиталисту недостаточно овладеть существующим стародавним способом техники; ему необходимо еще изменить технические и общественные условия рабочего процесса, для увеличения производительной силы самого труда, под влиянием чего уменьшилась бы ценность рабочей силы, а вместе с нею, и необходимое рабочее время.

Ясное дело, что увеличение производительности труда, для того, чтобы привести их к упомянутому результату, должно охватывать именно производство тех необходимых предметов,

которые потребляются рабочим классом, а не производство предметов роскоши, т. е. потребления людей богатых. Но зато в этих пределах увеличение это имеет одинаковое значение, все равно, простирается ли или на орудия или на процессы непосредственного производства. Так, например, окончателная цена сапог зависит не только от работы сапожника, но также и от того количества работы, которое содержится в дратве, смоле, колодках и пр. Понижение цены всего этого, вместе и порознь, уменьшает соответственно и необходимое рабочее время.

Взглянем теперь ближе, как совершается это явление. Если 20 коп. равняются одному часу работы, то 2 р. 40 к. будут равняться 12-часовому рабочему дню. Положим, что при данных технических условиях, в эти 12 часов производится 12 штук какого-нибудь товара. Положим также, что сырой материал, орудия производства и пр. обходятся на каждую штуку товара в 20 коп. При таких обстоятельствах, штука товара будет стоить 40 коп., в том числе 20 за непосредственную работу и 20 за материал и орудия. Положим, далее, что капиталисту удалось удвоить производительную силу работы в своем предприятии, т. е. достигнуть производства 24 штук товара, вместо 12. Если орудия производства остались в прежней цене, то очевидно, что цена каждой штуки товара упадет вследствие этого до 30 коп. (20 коп. за орудия и материал и 10 коп. за непосредственную работу). Несмотря на то, что производительность труда удвоилась, в течение рабочего дня производится прежняя ценность в 2 р. 40 к., которая теперь распределяется на двойное количество произведений, уменьшая тем вдвое цену каждого из них. Итак, в данном предприятии товар обходится вдвое дешевле, чем во всех других той же категории. Но мы уже знаем, что рынку нет дела до индивидуальных условий и производства, что он ценит товар сообразно с общественно необходимым и действительно употребляемым в большинстве хозяйств рабочим временем. Итак, если нашему капиталисту удастся продавать свой товар по господствующей цене в 40 коп., то он на каждой штуке его заработает 10 копейками более, чем его товарищи. Но очевидно, что для этого ему необходимо сделать все количество вновь произведенного товара, а это не так легко, потому что оно теперь вдвое больше прежнего. Единственное средство—это продать свой товар несколько дешевле своих конкурентов, например, по 35 коп., и тем выбить часть их товара с рынка. Он так и поступает и выручает на каждой штуке по 5 коп. прибавочной, сравнительно с товарищами, ценности. Мы видим в этом чрезвычайно сильный индивидуальный стимул для каждого капиталиста к увеличению производительности труда, т. е. ко введению в производство технических усовершенствований.

Даже в этом индивидуальном случае, вместе с удешевлением товара, достигалось также до известной степени и умень-

шение необходимого рабочего времени. Если необходимое время было вначале 10 часов и стоило 2 рубля, то прибавочное время было, значит, 2 часа, а прибавочная ценность 40 коп. Таким образом необходимое время составляло $\frac{5}{6}$ всего рабочего дня. Но теперь наш капиталист производит товара вдвое больше прежнего—24 штуки, и продает его за 8 р. 40 к. (2×435). Если бы часть из этой суммы на орудия и на материал была также вдвое больше прежнего, т. е. 4 р. 80 к., то за непосредственную работу останется полной выручки 3 р. 60 к., вместо прежних 2 р. 40 к. Но так как рабочему попрежнему платится только два рубля, то, следовательно, нынешнее необходимое время определится из отношения 2 р. к 3 р. 60 к., т. е. будет всего $\frac{5}{9}$ рабочего дня, или 6 часов 40 минут вместо прежних 10. Понятно, что прибавочное время в последнем случае, наоборот, возвысится от $\frac{1}{6}$ до $\frac{4}{9}$ или от 2 часов до 5 часов 20 минут, т. е. более $2\frac{1}{2}$ раз. В этом-то увеличении прибавочного времени насчет необходимого и лежит отчасти для капиталиста интерес усовершенствования, так как, чем больше прибавочное время, при прочих равных условиях, тем больше и количество прибавочной ценности. Несмотря на всю очевидность этого расчета, переведем для большей наглядности все упомянутые цифры рабочих часов на цифры штук товара, чтобы показать, в какой пропорции происходит самый раздел продукта между капиталистом и рабочим до усовершенствования и после введения его. В первом случае, согласно условию, рабочему доставалось из 12 штук 5, а капиталисту 1 (остальные 6 возмещали постоянный капитал). Во втором случае доля рабочего поднимется до $5\frac{5}{7}$ штуки, капиталист же получит $4\frac{4}{7}$ штуки—из 24 (отличая $13\frac{6}{7}$ на возмещение вдвое большего постоянного капитала)*. Нетрудно видеть отсюда, что выигрыш капиталиста на количестве продукта оказывается еще больше, чем на рабочем времени.

Само собою разумеется, что, как только техническое усовершенствование потеряет свой индивидуальный характер и распространится по всем предприятиям одной категории, то, вместе с тем, прекратится существование и того источника прибавочного барыша для отдельного капиталиста, о котором мы только что говорили. А уж другие капиталисты сумеют настоять на таком распространении, так как, в противном случае, им придется расплачиваться убытками и потерей части сбыта. В конце концов все капиталисты останутся в барышах настолько, в какой мере новое усовершенствование будет способствовать уменьшению необходимой доли рабочего дня и соответственно удешевлению средств существования рабочих. Явление это дает нам ключ к разъяснению весьма странного на первый взгляд внутреннего стремления всего класса капиталистов—вводить в произ-

* В основание этих вычислений легли отношения цены общей массы продукта и частей его, при прежних и при новых условиях.

водственные процессы непрерывные усовершенствования в видах увеличения производительности труда. Одно это явление может разрешить нам загадку, почему капиталист, как бы в явное противоречие с самим собою, постоянно стремится удешевлять производство. Дело в том, что *абсолютная цена* предметов его производства не имеет для капиталиста ни малейшего значения: ему решительно все равно, дорого или дешево продается на рынке каждый *отдельный экземпляр* принадлежащего ему товара. Все, что его интересует, это размер прибавочной ценности, т. е. отношение его собственной доли в цене ко всем прочим составным частям ее. Таким образом понятно, что если удешевление товара обещает капиталисту увеличение этой доли, или прибавочной ценности, то он не остановится ни перед чем на свете, стремясь к подобному удешевлению. Вот почему он так ревностно хватается за всякое изобретение и улучшение, при помощи которых возрастает производительная сила труда, а, следовательно, и количество продукта. Но, с другой стороны, предыдущие соображения и исследования убеждают нас еще в том, что непосредственное следствие всякого усовершенствования—экономия в труде, несколько не сокращает рабочего дня при капиталистическом производстве. Она сокращает только рабочее время, потребное на производство единицы товара. То обстоятельство, что, при увеличении производительности своего труда, рабочий производит в 1 час, например, в десять раз больше прежнего, несколько не мешает ему работать те же 12 часов и производить в течение этого времени 1 200 штук товара вместо 120. Еще более: одновременно с этим его рабочий день может быть даже удлинен, так что в 14 часов он будет изготовлять 1 400 штук товара и т. п. Поэтому-то у экономистов пошиба Мак-Куллоха, Ура, Сеньора и пр. можно на одной странице прочесть, что рабочий должен быть благодарен капиталу за развитие производительной силы труда, потому что капитал сокращает необходимое время, а на другой,—что эту благодарность еще остается доказывать, потому что, вместо прежних 10 часов, рабочий трудится, при господстве капитализма, 15.

Существует множество способов увеличивать прибавочную часть рабочего дня насчет необходимой, оставляя без изменения общую норму рабочего дня. В числе этих способов преобразование *общественных* условий производства играет одну из самых важных ролей. В этом отношении заслуживает прежде всего внимания *кооперация*, или, выражаясь языком Милля и Уэкфильда, простая кооперация.

Расширяя, при посредстве простой кооперации, поле непосредственно находимой им в действительности ремесленной промышленности, капитал достигает прежде всего только некоторой количественной разницы, происходящей от простого увеличения числа рабочих. Тем не менее, даже при одном только

увеличении числа *однородных* рабочих, являются некоторые специальные условия, увеличивающие производительность труда в большей пропорции, чем насколько возросло само число рабочих. Так, например, входя составною частью в общую массу труда всех рабочих, труд каждого отдельного рабочего впервые приобретает действительно качества труда среднего, общественного и теряет недостатки труда индивидуального. Еще политику Бёрке удалось подметить, что, средним числом, пять самых *лучших* земледельческих рабочих в Англии сделают дела не больше, чем пять *всяких других*; следовательно, даже для столь ничтожного числа кооперирующихся рабочих получается уже *общественное* возмещение слабосильности одного силою другого. И это совершенно понятно. Тот или другой отдельный рабочий может произвести в течение 12 часов меньше, нежели другой, и при изолированном труде он понесет от этого убыток. При общественной же работе недостатки и излишки нейтрализуют одни другие, так что образуется род взаимного страхования, плодами которого, при капиталистическом производстве, пользуется капиталист. Когда один ремесленник дает работу двум подмастерьям, а другой также двум, то ясно, что оба они не могли бы произвести одинаковое количество продукта вообще и прибавочного в частности. Были бы индивидуальные уклонения, благодаря различию подмастерьев в ловкости, в силе; один тратил бы на дело общественно необходимое рабочее время, другой больше, а, следовательно, были бы убытки для одного мастера и барыши для другого. Для общества в целом составе этого различия не существует—его сглаживает рынок,—но для отдельных мастеров оно имеет громадное положительное или отрицательное значение. Совсем другое дело—кооперация рабочих под наблюдением одного капиталиста: здесь плюс и минус выработки отдельных рабочих возмещаются до выхода из мастерской, и хотя, например, при 12 работниках $\frac{1}{12}$ продукта, другой больше, третий меньше, но в целом каждый доставляет столько же работы, сколько и другой. Только в этом случае общественно необходимое рабочее время начинает *действительно* расходоваться на предмет, только тут мы встречаем полное измерение трудом продуктов. Понятно, какую добавочную выгоду дает это обстоятельство капиталисту: он совсем не подвергается риску, которого страшно опасается мелкий мастер,—вынести на рынок произведения более дорогие, или сделанные хуже, чем у соседей, и потерять часть цены или покупателей по одной этой причине.

Дальнейшие первоначальные выгоды простой кооперации еще те, что при ней употребляются в дело общие постройки, склады для сырого материала, сосуды, инструменты, аппараты и пр. Все это способствует удешевлению орудий производства, т. е. допускает возможность переносить на окончательный продукт меньше ценности постоянного капитала, отчего удеше-

вляется и сам продукт. Действие кооперации в этом случае то же самое, как если бы сами орудия производства обходились дешевле в изготовлении.

Но самая важная и основная выгода простой кооперации— это громадное сбережение силы, как под влиянием развития коллективной силы масс, свойственной также и кооперации, так и под влиянием нравственного момента—соревнования. Все это сбережение, совершенно подобное тому, которое получается среди богатой внешней природы, или от применения к делу различных технических усовершенствований, при капиталистическом производстве ведет не к сокращению рабочего дня, а единственно к увеличению количества произведений. Само собою разумеется, что, в силу соединения различных поименованных выше выгод, какой-нибудь полуторастачасовой совокупный рабочий день пятнадцати рабочих доставит гораздо больше произведений, чем столь же продолжительный рабочий день пятнадцати рабочих, трудящихся отдельно. Вот этот-то излишек произведений—результат даровой общественной силы—и попадает в руки капиталиста под видом увеличения прибавочной части рабочего времени насчет необходимой его части, при одинаковой с прежним продолжительности целого рабочего дня.

Простая кооперация особенно применима в тех случаях, когда необходимо выполнить одновременно какое-нибудь обширное дело, причем одновременность требуется как самую природою этого дела, например, кладка стен, так и настоятельной необходимостью, например, жатва, косьба сена и пр. Именно, вследствие отсутствия возможности применить к делу простую кооперацию, гибнет на западе Соединенных штатов громадная масса сена и хлеба на корню, а в английской Остиндии—хлопчатой бумаги.

Итак, выгоды, приносимые простою кооперациею, имеют характер неодинаковый. Но каково бы ни было различие между ними, все они в последнем счете сводятся к одному общему источнику—*общественному сложению работы*, дающему возникновение специфической производительности труда, в отличие от производительности последнего, сообщаемой богатством внешней природы и техническими улучшениями. «В планомерном сотрудничестве с другими личностями, рабочий переходит за предел своей индивидуальности и развивает свойственные ему *родовые способности*».

Чтобы пустить в движение кооперацию большого числа рабочих, необходим соответствующий капитал. Он является неизбежным условием не только для того, чтобы дать средства существования самим рабочим, но также и для приобретения орудий, построек и материала, объем которых при кооперации возрастает в гигантском размере. Мы видели, что при самом возникновении капитализма необходима известная минимальная величина капитала, чтобы число одновременно трудящихся

рабочих было достаточно для доставления возможности мелкому мастеру сделаться капиталистом. Теперь мы замечаем, что этот минимум является вдобавок материальным условием для соединения многих разьединенных и независимых друг от друга индивидуальных рабочих процессов в комбинированный общественный рабочий процесс.

Таким же образом распоряжение капитала над трудом является первоначально простым последствием того, что рабочий начинает работать, вместо того, чтобы на себя,—на капиталиста. Но по мере соединения в кооперацию большего числа рабочих—распоряжение капитала начинает становиться техническим условием самого производительного процесса. Власть капиталиста на поле труда является поэтому столь же необходимою, как и власть генерала на поле битвы. Всякая широкая общественная работа нуждается в управлении, которое вносило бы гармонию в индивидуальную деятельность и выполняло бы общие функции, вытекающие из движения совокупного производственного механизма, в отличие от движения отдельных частей его. Один скрипач дирижирует собою сам, но оркестр нуждается в особом дирижере. Эти-то функции надзора, распоряжения, посредничества становятся функциями капиталиста, как только употребляемая им в дело работа становится кооперативною. Понятно, что эти функции отличаются двояким характером. С одной стороны, они представляют общественно-техническую необходимость всякого общественного производства, а в том числе и капиталистического; с другой же стороны, они, как и весь капиталистический процесс, носят следы антагонизма классов, а потому и являются в виде надзора за тем, чтобы рабочие не расхищали и употребляли сообразно назначению орудия, материал и собственное рабочее время. Так как, по мере возрастания капиталистического производства и самого числа рабочих, сопротивление последних капиталу также возрастает все более и более, то понятно, что надзор в этом последнем смысле должен иметь все более и более значения. Вот откуда возникает деспотический характер капитализма. Ясно также, что функция общего надзора значительно усложняется этими *faux frais*, потому что они неразлучны с капиталистическим заведением производственным процессом. Не следует забывать, что капиталист не потому капиталист, что он есть промышленный руководитель, а, напротив, он потому промышленный повелитель, что капиталист. Высшее руководство индустрией становится атрибутом капитала точно так же, как в феодальную эпоху руководство на войне или в судебной камере составляло атрибут землевладения.

Наимая рабочих порознь и уже потом сводя их вместе, капитал, само собою разумеется, не оплачивает их коллективной силы. Но так как рабочие вообще комбинируются только под командой капитала, то все дело получает такой вид, будто

их совокупная прибавочная сила составляет особенность не всякого их соединения, а только капиталистического, или даже самого капитала. Еще более она кажется естественною принадлежностью капитала.

С капиталистической кооперацией новейшей формации не следует смешивать кооперации начальных стадий экономического развития—охоту дикарей, земледелие общинников и т. п. Это последнее покоится, частью, на общей собственности производимых условий, частью же на том, что отдельный индивидуум есть же мало оторван в нем от пуповины рода или общины, как и отдельная пчела от улья. С другой стороны, спорадическое применение кооперации в античном мире (сооружение памятников классической древности—пирамид, обелисков, храмов и пр.), в средние века и в новейших колониях имеет в основании работу и отношения крепостничества. Напротив, капиталистическое производство немислимо без свободной продажи рабочим своей рабочей силы, следовательно, предполагает уже свободное население.

Простая кооперация есть первая перемена, которой подвергается исторически данный процесс через свое подчинение капиталу. Большое число *однородных* рабочих составляет исходный пункт капитализма. Но кооперация этого рода не образует собою прочной характеристической формы капиталистического производства. Самое большее—это то, что она является приблизительно в таком виде в *начатках* мануфактуры и в том роде земледелия, который соответствует мануфактурному периоду и отличается от мелкого крестьянского хозяйства большим числом одновременно занятых рабочих и большим объемом и сосредоточением орудий производства. Простая кооперация и впоследствии продолжает господствовать в таких отраслях производства, в которых капитал оперирует в обширном масштабе, но где разделение труда и машины не играют большой роли.

Гораздо важнее для целей капитализма другой способ сложения труда—так называемая *сложная кооперация* или *разделение труда*. Классическую форму деление труда имеет в так называемой мануфактуре и является характеристическою формою капиталистического процесса в течение собственно мануфактурного процесса производства, который в Великобритании обнимает период времени с середины XVI столетия до последней трети XVIII.

Мануфактура возникает двойным образом. В одном случае под начальством одного капиталиста и в одной мастерской соединяются многие самостоятельные ремесленники, из которых каждый изготовлял прежде какую-нибудь отдельную часть продукта. Так, например, карета была совокупным результатом работ большого числа независимых ремесленников, каковы: седельщики, портные, слесаря, точильщики, позументчики,

стекольщики, маляры, колесники и т. д. Каретная же мануфактура соединяет их всех вместе и заставляет работать из рук в руки. Одна часть карет, например, непрерывно подвергается золочению, другая обивается, в третью вставляются стекла и пр. и пр. Так как для каждой из тех операций требуется много однородных рабочих, то мы все еще находимся на почве простой кооперации. Но скоро наступает здесь крупная перемена. Мало-помалу отдельные рабочие отвыкают выполнять свое старое ремесло в его полном объеме, мало-помалу отдельная дробная функция прирастает к отдельному рабочему и как бы окаменеваает в нем. Таким же образом возникли суконная мануфактура и множество других мануфактур.

Другой путь возникновения мануфактуры есть тот, когда соединяется одновременно в одной мастерской большое число ремесленников, выполняющих одно какое-нибудь дело, например, готовящих бумагу или типографские буквы. Каждый ремесленник изготовлял весь товар и выполнял *последовательно* различные операции, необходимые для этого. Мануфактура подразделяет эти операции между прежними однородными рабочими таким образом, что они совершаются *единовременно*, а не последовательно. Это деление все повторяется, обнаруживает свойственные ему выгоды и становится остовом систематического деления труда. Каждый рабочий начинает выполнять одну и ту же простейшую операцию и, вместе с тем, продукт превращается из индивидуального в общественный. Те же самые, например, операции, которые текли последовательно в руках немецкого цехового производителя бумаги, становятся единовременными частичными работами многих сотрудничающих рабочих в голландской бумажной мануфактуре. Цеховой булавочник Нюрнберга образует основание английской булавочной мануфактуры. Но в то время, как первый выполнял целый ряд, быть может, 20 различных операций, одну после другой, тут, напротив, 20 булавочников совершают наряду с другими лишь по одной из 20 операций, которые, под влиянием опыта, раскалываются еще на большее число, изолируются и становятся исключительными функциями отдельных рабочих.

Итак, мы видим, что в первом случае мануфактура берет готовое ремесленное деление труда и ведет его дальше, во втором же она пользуется материалом однородных рабочих-ремесленников и, группируя их силы, подразделяет их сообразно новым промышленным требованиям. В том и в другом случае она соединяет разбросанных прежде, самостоятельных рабочих в одной мастерской и тем кладет начало социальному производству. Но выполнение работ остается при этом прежнее, ручное, вполне зависящее от силы, ловкости и быстроты отдельного рабочего в управлении своим ручным инструментом. Ремесло остается основанием, и поэтому каждая функция становится пожизненною принадлежностью отдельного рабочего.

Кроме того, это деление труда есть особый род кооперации вообще, и многие из свойственных ему выгод вытекают из общей природы последней, а не из этой особенной ее формы.

Обращаясь к потребностям мануфактурной комбинации труда, мы прежде всего видим, что рабочий, тратящий свою жизнь на выполнение одной простой операции, превращает все свое тело в односторонний автоматический орган и поэтому употребляет на дело менее рабочего времени, чем ремесленник, попеременно выполняющий целый ряд операций. Ясно, что, вследствие этого, мануфактура производит, сравнительно с ремеслом, гораздо больше произведений в одно и то же время, и, следовательно, производительная сила ее возрастает. При этом, под влиянием усиленного внимания, обращаемого на частичные операции, совершенствуется значительно и самый способ производства. Все это мало-помалу укрепляется, костенеет и даже передается по наследству, наподобие принадлежности к восточной касте.

Ремесленник, совершающий много различных операций, принужден менять то место, то инструменты. Переход от одной операции к другой образует в его рабочем дне поры. Поры эти уменьшаются или совсем исчезают, когда рабочий в течение целого дня делает одну и ту же операцию. Увеличение производительности труда имеет в этом случае поводом как увеличение интенсивности работы, так и уменьшение непроизводительной траты рабочей силы. Но, с другой стороны, постоянство однородной работы разрушает силу напряжения и свежесть ума и характера, которые именно в смене деятельности и находят отдых и привлекательность.

Производительная сила мануфактурного труда зависит не только от виртуозности рабочего, но и от совершенства его инструментов. Орудия одного и того же рода, каковы: режущие, буровые, ударные и пр.,—употребляются в различных процессах, и в одном и том же процессе один и тот же инструмент служит различным назначениям. Но, по мере обособления различных операций рабочего процесса, понадобились изменения и в употребительных прежде инструментах. На этом основании мануфактура именно характеризуется дифференцированием, в силу которого инструменты одного рода приобретают особенные прочные формы для каждого полезного употребления, и специализированием их, благодаря которому каждый подобный инструмент действует в полном объеме. В одном Бирмингеме производится до 500 разновидностей молотков, из которых не только каждый служит для особенного производственного процесса, но и многие разновидности служат различным операциям одного и того же процесса. Этим создается также одно из материальных условий машинной индустрии, представляющей под видом машины комбинацию простых инструментов.

Мы только что рассмотрели составные элементы мануфактуры—рабочего и его инструменты. Обратимся теперь к ее целому.

Мануфактура представляет две различные формы разделения труда, играющие неодинаковую роль при позднейшем превращении ее в механическую мастерскую. Первая форма является чисто механическим свободным сочетанием самостоятельных продуктов, вторая же в готовом виде обнимает собою целый ряд находящихся во взаимной зависимости процессов и манипуляций.

Производство часов, развившееся в мануфактуру из ремесла нюрнбергского часовщика, представляет пример первой из этих форм. Число отдельных операций и соответствующих им отдельных занятий здесь чрезвычайно громадно. Лишь немногие части часов проходят через руки нескольких рабочих, и все вместе соединяются в руках одного лица, которое окончательно связывает их в единое целое. Отдельные работы могут при этом выполняться отдельными ремесленниками у себя на дому, как, например, в кантонах Во и Невшателе, между тем, как в Женеве уже существуют крупные мануфактуры часов. Но и положение таких деталей рабочих, трудящихся хотя и на дому, но не на себя, а на капиталиста, радикально отличается от положения самостоятельных ремесленников.

Второй род мануфактуры характеризует, например, в игольной мануфактуре производство проволоки, последовательно проходящей через руки 72—92 специфических деталей рабочих. Охватывая собою первоначально разбросанные ремесла и комбинируя их, подобная мануфактура уменьшает пространственные расстояния между отдельными фазами производства. Время перехода продукта с одной стороны на другую сокращается, а также сокращается и работа на эти переходы. Если обратить внимание на известное количество сырого материала, например тряпок в бумажной мануфактуре, то увидим, что он последовательно проходит в руках различных рабочих свои производственные фазы, от первой до последней. Но если смотреть на мастерскую, как на цельный механизм, то окажется, что сырой материал находится одновременно во всех фазах. Одною частью своих многочисленных рук такой совокупный рабочий тянет проволоку, другою он ее режет, третью заостряет и т. п. Из последовательных сочетаний различные процессы переходят в одновременные сочетания. Отсюда более значительный продукт в единицу времени. Выгоды эти, хотя и представляют принадлежность кооперации вообще, но мануфактура не только ищет их и находит, но отчасти создает и сама, различая ремесленную деятельность.

Так как каждая группа рабочих передает свой материал другой, стоящей ступенью выше, то один рабочий непосредственно дает здесь другому работу. Рабочее время, потребное на достижение известного полезного результата, определяется здесь на основании опыта, и весь механизм основывается на том, что в данное время будет непременно достигнут известный ре-

зультат. Только при таком предположении различные, дополняющие один другой процессы могут совершаться непрерывно и одновременно. Ясно, что подобная непосредственная зависимость работ и рабочих друг от друга принуждает каждого отдельного рабочего тратить на свое дело только строго необходимое время, и таким образом достигаются постоянство, однообразие, система и порядок, неизвестные ремесленному производству. Поэтому-то доставление в данное время строго определенного количества произведений только в мануфактуре начинает становиться технической необходимостью самого производства.

Но различные операции требуют неодинаковой продолжительности и доставляют неодинаковые количества произведений. Вследствие этого, для различных операций должны существовать различные отношения в числе рабочих; так, например, в мануфактуре типографских букв на одного рабочего, полирующего буквы, должно приходиться не менее двух рабочих, обламывающих, и четыре—люющих буквы, так как первый полирует в час 8 000, второй обламывает 4 000, а третий льет 2 000 букв. Отсюда, в свою очередь видно, что и то, что расширять мануфактуру можно не иначе, как соблюдая то же отношение между большими массами рабочих, следовательно, только умножая прежнее число рабочих на какую-нибудь определенную величину.

При разделении и изолировании различных операций в мануфактуре рабочие сортируются и группируются по свойственным им различным способностям—силе, вниманию, ловкости. Поэтому совокупный рабочий мануфактуры обладает всякими производительными свойствами одинаковой степени и виртуозности и, вместе с тем, расходует их самым экономическим образом. Односторонность и даже несовершенства частного рабочего становятся его совершенствами, когда он делается членом совокупного рабочего механизма. Так как различные функции совокупного рабочего бывают то проще, то сложнее, то ниже, то выше, то индивидуальные рабочие силы требуют весьма неодинакового развития и обладают весьма различною ценностью. Таким образом мануфактура развивает иерархию рабочих сил, соответствующую лестнице рабочих плат. Но всякий производственный процесс нуждается в некоторых операциях, на которые способен решительно каждый. И эти операции также делаются в мануфактуре специальностью детальных рабочих. Итак, мануфактура производит во всяком охватываемом ею ремесле класс так называемых чернорабочих, которых ремесленное производство не терпело ни под каким видом. Наряду с иерархией рабочих сил возникает и различие между мастеровыми и чернорабочими. Вторые совсем не нуждаются в издержках обучения, для первых же эти издержки уменьшаются, благодаря упрощению их занятий. И та, и другая при-

чина понижают ценность рабочей силы и, следовательно, увеличивают прибавочную ценность подобно всем прочим вышеупомянутым способам.

Сначала было говорено о происхождении мануфактуры, потом о ее составных частях, потом о ее целом; теперь предстоит перейти к отношению между мануфактурным делением труда и общественным, служащим основой для производства товаров.

Если иметь в виду только разделение труда, то можно различить три главных вида его: самый широкий из них есть деление на земледелие, промышленность и т. п., менее широкий — подразделение того и другого на роды и виды, и наконец наиболее узкий — деление труда внутри мастерской.

Деление труда в обществе и соответствующее ограничение отдельного лица специальным родом призвания, подобно рассмотренному выше делению труда внутри мануфактуры, имеет две различные и даже противоположные точки исхода. Внутри семейства, а позже племени, из половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической основе, развивается естественное деление труда, материал которого расширяется по мере расширения общины, увеличения населения, столкновения между различными племенами и завоевания одного из них другим. С другой же стороны возникает обмен продуктов там, где приходят в соприкосновение различные семейства, общины, племена, так как в начале культуры личностью являются именно эти последние, а не отдельные индивидуумы. Различные общины находят в окружающих местностях различные орудия производства и различные средства существования. Это естественное различие вызывает, при соприкосновении общин, обмен продуктов и способствует постепенному превращению их в товары. Таким образом тут возникает общественное деление труда, благодаря обмену между различными с самого начала, не независимыми одна от другой сферами производства. Мало-помалу, они становятся, напротив, в тесную взаимную зависимость. Что же касается деления труда, возникшего на физиологической основе, то здесь, наоборот, особые органы отделяются от общего целого, распадаются на части, благодаря обмену товаров с другими общинами, и становятся самостоятельными в такой степени, в какой позволяет это взаимный обмен товаров.

С основой всякого развитого деления труда, связь между которым сохраняется, благодаря обмену товаров, является отделение города от села. Можно утверждать положительно, что вся экономическая история резюмируется в истории этого целого.

Таким же образом, как для деления труда в мануфактуре необходим известный минимум одновременно занятых рабочих — для деления труда внутри общества потребен известный минимум народонаселения и его густоты, которая в этом последнем случае становится на место сосредоточения людей в одной мастерской. В этом отношении хорошие средства сообщения поло-

жительно заменяют в известной степени большую густоту населения (Соединенные штаты и Индия).

Так как производство и обмен товаров составляют неразлучное условие капиталистического производства, то мануфактурное деление труда нуждается в довольно уже зрелом делении труда внутри общества. И наоборот, мануфактурное деление труда само развивает и усложняет общественное деление труда. По мере дифференцирования рабочих инструментов, дифференцируются более или менее и те ремесла, которые производят эти инструменты. Если мануфактура охватывает такое ремесло, которое до тех пор находилось в связи с другими, в качестве главного или второстепенного, и выполнялось одним и тем же производителем, то в нем тотчас же происходят обособление и выделение. Если же она обоймет специальную ступень производства известного товара, то различные ступени производства начинают превращаться в различные ремесла, независимые друг от друга.

Территориальное деление труда, которое привязывает специальные отрасли производства к особым округам страны, получает новый толчок, благодаря мануфактурному способу, который хватается за всякие особенности. Богатый материал к делению труда внутри общества дает мануфактурному периоду расширение всемирного рынка и колониальная система, принадлежащая к числу общих условий его существования. Здесь не место показывать, как мануфактура, вместе с экономическими сферами, охватывает и все другие сферы общества и повсюду кладет основание тому развитию специальностей и раздроблению человека, о котором с отчаянием говорит Адам Фергюссон: «Все мы нации гелотов, и между нами вовсе нет свободных людей».

Несмотря, однако, на многочисленные аналогии и связь между общественным делением труда и мануфактурным, — они различаются между собою не только в количественном, но и в качественном отношении. Всего сильнее кажется сходство между ними в тех случаях, когда различные отрасли дела связаны внутренней нитью. Так, например, скотовод производит шкуры, дубильщик превращает их в кожу, сапожник кожу превращает в сапоги. Каждый совершает здесь последовательную операцию, и окончательное произведение есть комбинированный результат всех отдельных работ. Можно подумать, вместе с Ад. Смитом, что это общественное деление труда отличается от мануфактурного лишь субъективно, а именно по отношению к наблюдателю, который в мануфактуре видит деление, сосредоточенное на небольшом пространстве, в одной мастерской, тогда как в обществе оно больше разбросано и потому не так заметно. Но существенная разница между тем и другим делением состоит в том, что связь между, например, скотоводом, дубильщиком и сапожником есть обмен их товаров, тогда как в мануфактуре отдельный рабочий не производит товара и только все вместе

производят товар. В первом случае, т. е. при общественном делении труда, связь устанавливается вследствие купли-продажи продуктов различных самостоятельных ветвей труда, во втором же, т. е. в мануфактуре, связь эта имеет источником продажу различных рабочих сил одному капиталисту. В то время, как в мануфактуре железный закон пропорциональности приковывает известные массы рабочих к определенным функциям,—случай и произвол ведут пеструю игру в распределении производителей товаров и их орудий производства между различными общественными ветвями труда. Правда, различные сферы производства постоянно стремятся притти в равновесие, во-первых, производя полезные предметы, предназначенные для удовлетворения особых общественных потребностей, а, во-вторых, пользуясь указаниями закона ценности, который учит, сколько свободного рабочего времени может быть затрачено обществом на производство всякого особого предмета потребления. Но это непрерывное стремление притти в равновесие представляет не более как реакцию против непрерывного же нарушения этого равновесия. То же самое правило, которое, при разделении труда внутри мастерской (мануфактуры), действует *a priori*, планомерно, при общественном делении труда оказывает действие лишь *a posteriori*, в качестве глухой внутренней необходимости, которая одерживает верх над беспорядочным производством товаропроизводителей и дает себя заметить в изменении барометра рыночных цен. Мануфактурное деление труда предполагает безусловный авторитет капиталиста над людьми, образующими не более, как членов принадлежащего ему совокупного механизма. Общественное же деление труда основывается на существовании независимых друг от друга производителей товаров, не признающих другой власти, кроме власти соперничества: принудительная сила этой власти обнаруживается для них, благодаря давлению их взаимных интересов,—наподобие того, как и в мире животных война всех против всех до известной степени является условием существования всех видов. Тот же самый буржуа, который восхваляет *мануфактурное* деление труда, принуждающее рабочих к пожизненному выполнению бессмысленной операции и подчинению рабочих капиталисту, как такую организацию труда, которая увеличивает его производительную силу,—громко отвергает всякий сознательный общественный контроль и регулировку *общественного* производственного процесса, как вторжение в священное право собственности, свободы и гениальности индивидуального капиталиста. В высшей степени характеристично обстоятельство, что вдохновленные апологисты фабричной системы не умеют сказать против всякой общей организации труда ничего более злого, как то, что оно превратит все общество в одну фабрику.

По мере расширения мануфактуры, возрастают, понятно, и постоянный и переменный капитал. Последний увеличивается

в объеме, благодаря увеличению числа рабочих в одной мастерской, а первый, вследствие того, что большее число рабочих нуждается все в больших, да больших постройках, печах и, главное, в сыром материале, количество которого возрастает помимо этого, в соответствии с возвышением производительности труда—от разделения его. Таким образом возрастание капитала, т. е. превращение в собственность капиталиста общественных средств существования и орудий производства, представляет закон, вытекающий из технического характера мануфактуры.

В течение собственно мануфактурного периода, т. е. того времени, когда мануфактура является господствующей формой капиталистического производства, выполнение ее стремлений наталкивается на разнородные препятствия. Так, например, хотя она и стремится водворить различие между мастерами и чернорабочими, но, вследствие преобладания числа первых, не может найти себе достаточного материала вторых. Приспосабливая, далее, отдельные операции к различной степени силы зрелости и развития рабочих, и, поэтому, тяготея к производительной эксплуатации женщин и детей, она, однакоже, встречает для этого помеху—в привычке и в сопротивлении мужчин-рабочих. Хотя, еще далее, разложение ремесленной деятельности и удешевляет издержки образования а, следовательно, и рабочую силу, но для более затруднительной работы остается необходимым продолжительное время обучения, и это последнее отстаетея рабочими даже в тех случаях, когда оно излишне. Так, например, в Англии, законы об ученичестве с их семилетним сроком обучения сохранили полную силу до самого конца мануфактурного периода и были уничтожены только крупной индустрией. Так как затем ловкость руки остается основой мануфактуры, и совокупный мануфактурный механизм не представляет чего-либо отдельного от самих рабочих, то капитал постоянно жалуется на отсутствие субординации у мануфактурных рабочих. «Слабость человеческой природы», взывает, например, писатель Ур, «настолько велика, что рабочие, чем ловчее, тем своевольнее, тем труднее управляться с ними, и, вследствие этого, упрямство причиняет всему механизму большой вред». По всем этим причинам мануфактура оказывается довольно краткосрочной формой производства: во весь период своего господства она не сумела ни завладеть всецело рабочим временем рабочего населения, ни охватить общественного производства во всем его объеме и глубине.

Одним из наиболее законченных и резких выражений мануфактуры послужило производство мануфактурным способом рабочих инструментов, которые вначале и для самой даже мануфактуры готовились при посредстве ремесла. Только тут возникает употребление машин, которые становятся материальным основанием последующего периода в развитии общественного производства и окончательно уничтожают ручную долж-

ность в качестве регулирующего начала этого последнего. Таким образом, с одной стороны, уничтожается пожизненное приковывание рабочего к отдельной, крайне дробной функции, но, зато, с другой стороны, сглаживаются и те пределы, которые то же самое начало противопоставляло еще господству капитала.]¹⁰³

Перейдем теперь к рассмотрению теорем Рикардо относительно постоянного и оборотного капитала, чем и закончим настоящую главу. Может случиться, говорит он, что две отрасли промышленности употребляют одинаковые суммы капитала, но в одной из них может преобладать постоянный капитал, в другой—оборотный; в одной отрасли может быть употреблена в дело лишь незначительная часть капитала в форме задельной платы, в другой наоборот, наибольшая, но зато в первой может преобладать капитал в форме орудий, машин, построек, во второй он может составлять сравнительно маловажную часть капитала. Очевидно, что возвышение задельной платы подействует совершенно неодинаково на товары, смотря по тому, при каких условиях из числа упомянутых будут они произведены. Если бы люди, не обладая машинами, вели производство с помощью одного только труда и посвящали на производство одно и то же время, одни и те же усилия, то меновая ценность товаров в точности соответствовала бы большей или меньшей сумме труда, посвященного на их производство. То же самое имело бы место при постоянном капитале одинаковой ценности и долговечности. Но даже и при равных суммах труда, на ценность продукта оказывает неравное влияние высота задельной платы в тех случаях, когда неодинаковы в двух производствах доли постоянного капитала. Положим, что два лица употребляют ежегодно каждый по 100 человек на сооружение двух машин, и что третий употребляет то же число людей на производство хлеба, каждая из машин будет стоить к концу года столько же, сколько и полученный хлеб, потому что каждая из них произведена тем же количеством труда. Предположим далее, что владелец одной из машин употребляет ее при помощи 100 рабочих на производство сукна; владелец другой, при помощи такого же числа рабочих, производит хлопчатобумажные товары; фермер же, при помощи своих 100 рабочих, продолжает производить хлеб. К концу второго года окажется, что все они утилизировали одну и ту же сумму труда; но товары и машины каждого из фабрикантов представляют результат труда 200 человек, работавших в течение года, или 100 человек, работавших в течение 2 лет; хлеб, напротив того, потребует только усилий 100 рабочих в течение года; так что, если хлеб имеет 500 ф. ценности, то машины и продукты фабрикантов будут иметь двойную ценность. Но ценность эта будет даже более, нежели двойная, потому что фабриканты присоединят к своему капиталу прибыль первого года, между тем как фермер потребит свою. Таким образом, случится, что вследствие большей

или меньшей прочности капитала или, что одно и то же, вследствие различия в количестве времени, истекающего прежде, чем могут быть поставлены на рынок различные сорта товаров, ценность последних не будет в точности соответствовать количеству труда, которое послужило на их производство. Ценность эта превзойдет несколько отношение 2 : 1, чтобы вознаграждать излишнее время, которое должно истечь прежде, нежели может быть пущен в продажу наиболее дорогой продукт. Предположим, что труд одного рабочего стоит в год 50 ф. и что затраченный капитал равняется 5 000 ф. ст.; в таком случае, при 10% прибыли, ценность каждой из машин, точно так же как и хлеба, будет к концу года равна 5 500 ф. ст. На второй год фабриканты снова употребят по 5 000 ф. на заделную плату, и, следовательно, снова продадут свои товары за 5 500 ф. Но, чтобы быть в равных условиях с фермером, фабриканты должны получить не только 5 500 ф. взамен 5 000 ф., употребленных на вознаграждение за труд, им следует выручить больше на 550 ф., т. е. на сумму прибыли с 5 500 ф., издержанных ими на машины, следовательно, товары их должны принести им 6 050 ф. Предположим теперь, что, благодаря увеличению заделной платы, прибыль падает с 10% на 9. Вместо того, чтобы присоединить к средней цене своих товаров и к прибыли на постоянный капитал сумму в 550 ф., фабриканты присоединят к ней только 495, следовательно продажная цена будет 5 995 ф. вместо 6 050. Но, так как цена хлеба останется прежняя, т. е. 5 500 ф., то мануфактурные продукты, в которые входит больше постоянного капитала, понизятся в ценности относительно хлеба и всякого другого товара. Все товары, производимые посредством усовершенствованных машин, в дорогих постройках, все те, одним словом, которые требуют много времени, и усилий, прежде, чем могут быть доставлены на рынок, теряют в своей относительной ценности, между тем как те, которые были бы произведены единственно, или, главным образом, при помощи труда, и потому могут быть быстро введены в обращение, — увеличиваются в ценности.

Итак, Рикардо желает доказать, что общий закон ценности, по которому продукты размениваются в соответствии с трудом, испытывает ограничение в том случае, когда сравниваются между собою продукты, потребовавшие неодинаковых затрат постоянного и оборотного капиталов. Сверх того, при подобных условиях, утверждает Рикардо, вопреки общему же правилу, возвышение заделной платы влечет за собою не только понижение прибыли, но и понижение ценности того продукта, в производстве которого участвовало более постоянного капитала. Есть, кажется, основания, по которым нельзя согласиться с указанными доводами Рикардо. Прежде всего, не следует упускать из виду, что, по мнению Рикардо, машины фабрикантов представляют капитал не «долговечный», а «вечный»: это, очевидно, следует из того, что, по приведенному расчету, машинный про-

дукт, полученный в конце второго года, не содержит ни одной единицы ценности самой машины, а, напротив, равен продукту ручного труда—хлебу. Таких вечноедействующих машин в действительности не существует, а потому, для сравнения результатов машинного и ручного производства, необходимо принять какой-нибудь срок, в течение которого машина окончательно потребляется. Чтобы воспользоваться примером Рикардо, предположим, что машина потребляется в течение года, т. е. в течение такого промежутка времени становится, во-первых, годною для дальнейшего производства, во-вторых, передает всю свою ценность продукту. Принятие более продолжительного срока имело бы следствием лишь то, что в параллель к машинному производству, пришлось бы брать ручное не за два года, а, например, за двадцать или за тридцать лет. Подобно ценности хлеба, произведенного фермером в течение первого года, ценность каждой из машин (кроме ценности орудий и материалов, затраченных на производство ее) состоит из ценности, задельной платы и из прибавочной ценности—равной, по предположению, 10% общей суммы затрат. К концу второго года ценность продукта, увеличенная на всю сумму нового труда и заключающаяся в том числе новых 10% прибавочной ценности, равна двойной ценности хлеба, произведенного в течение одного года, не более, не менее. Ценность, превышающую такой размер, продукты фабрикантов могли бы иметь в том лишь случае, если бы она была произведена. Но, рассмотрев весь ход производства, мы не заметили ничего подобного. Если скажут, что излишек, о котором говорит Рикардо, выплачивается при обмене, то возникает вопрос, откуда берется он у приобретателя машинного продукта? Столь последовательный и осматрительный в других случаях,—по отношению к решению данной теоремы—Рикардо, кажется, совершенно упустил из виду, что тщательный экономический анализ не может ограничиться одним только утверждением, что при известных условиях цена продукта *должна* заключать в себе определенный излишек, но требует, сверх того, и указания на источник этого излишка. Нарастание процентов на проценты, о котором говорит здесь, между прочим, Рикардо, образует собою, подобно возникновению их, отнюдь не меновой, а производственный феномен. [Но уяснение его сущности мы отложим до тех пор, когда обратимся к оценке теорий накопления капитала Маркса.]¹⁰¹

Что касается второй части теоремы Рикардо, по которой всякое возвышение задельной платы, в противоположность общему правилу, не только понижает прибыль, но также и ценность, то ошибочность ее заключается, по нашему мнению, в следующем. Так как, по условию, сумма, затрачиваемая на производство машины и машинного продукта, равна двойной сумме, идущей на годичное производство хлеба, так как, далее, сумма прибавочной ценности, входящей в общую ценность ма-

шинного продукта, равна сумме прибавочной ценности, получаемой в результате двухлетнего производства хлеба, то всякое возвышение задельной платы на известный процент повлекло бы за собою понижение уровня и суммы прибыли, а никак не ценности. При двухлетнем сроке производства машинного продукта и двойного производства хлеба, возвышение задельной платы, длящееся в течение двух лет, оказывает равное влияние на машинный и ручной добавочный продукт в течение двух лет, длящееся в течение одного года—все равно второго или первого—на прибавочный продукт одного года. Но если даже признать, вместе с Рикардо, что ценность машинного продукта превышает ценность продукта ручного труда на всю сумму процентов, служащих вознаграждением за более продолжительный срок производства, то и в таком случае окажется, что следствием возвышения задельной платы может быть понижение не ценности, а только прибыли. Рикардо полагает, что падение прибыли с 10% на 9, под влиянием увеличения задельной платы, уменьшит 550 ф. прибыли за первый год до 495, следовательно понизит цену продукта до 5 995 ф. Расчет этот сделан следующим образом: в состав цены машинного продукта—6 050 ф. входит 5 000 ф. задельной платы, 500 ф. прибыли на эти 5 000 ф. и, сверх того, 550 ф. прибыли на 5 500 ф., издержанных на машину; уменьшение прибыли от 10% до 9 доводит всю сумму ее, т. е. 1 050 руб. до 945 руб., отдельные части этой суммы—500 ф. до 450, 550 до 495; увеличение задельной платы *также на 1%* превращает сумму ее—5 000 в 5 050 ф.; в результате оказывается, что ценность продукта—6 050 ф. уменьшилась до 5 995 (5 050 ф. задельной платы + 450 ф. прибыли за второй год + 495 ф. прибыли за первый год). Но здесь упущено из виду одно важное обстоятельство, которое, будучи введено в расчет, представляет его в совершенно ином виде. Дело в том, что увеличение одной и уменьшение другой из двух составных частей известной суммы на одинаковый процент в том только случае оставляет эту сумму без изменения, когда проценты вычисляются по отношению к ней самой. Если бы, например, было предложено увеличить одну из составных частей числа 200—именно—150 на 10% и на такое же число процентов уменьшить другую составную часть этого числа—50, то итог новых двух чисел в таком только случае остался бы прежний—200, если бы 10% возвышения и понижения относились к 200. Число 150, увеличенное таким образом на 10%, превратилось бы в 165, а число 50, уменьшенное на те же 10%, превратилось бы в 35. Такова единственная система расчета процентов в том случае, когда повышение одной части суммы зависит от понижения другой. Именно так поступает Рикардо в тех случаях, когда речь идет о влиянии возвышения задельной платы на ценность вообще. Но по отношению к данной теореме он находит такой расчет почему-то неудобным и, вследствие того,

впадает в следующую ошибку. Уменьшая прибыль от 10 до 9% и возвышая заделную плату на 1%, Рикардо только *повидимому* возвышает и понижает ту и другую на один и тот же процент. На самом деле выходит, что понижение суммы прибыли с 10% на 9, относительно общего итога—6 050 ф. соответствует понижению ее на 2% с лишком, между тем как возвышение заделной платы по отношению к тому же итогу простирается всего только на дробь одного процента. Мало удивительного в том, что столь значительное уменьшение меньшего слагаемого, не уравновешенное гораздо менее значительным увеличением большого слагаемого, уменьшило сумму, т. е. общую ценность машинного продукта. Но это случилось оттого, что Рикардо высчитывал процент увеличения заделной платы по отношению к ней самой, т. е. к 5 000 ф., прибыль за второй год также относительно 5 000, прибыль за первый год относительно 5 500, между тем как следовало бы относить весь расчет к общей сумме всех этих слагаемых—6 050.

Мы видим отсюда, что даже при предположении высшей цены машинного продукта, возвышение заделной платы действует попрежнему на прибыль и только. Возвышению заделной платы действительно часто сопутствует падение ценности продукта вследствие того, что ручной труд бывает выгодно заменять при подобных обстоятельствах машинным, но «сопутствует» и «составляет следствие» далеко не одно и то же. День всегда сопутствует ночи—любимый пример Дж. Ст. Милля, заимствованный им у Рида—но отнюдь не составляет ее следствия. Что касается более низкой ценности машинного продукта, то причина ее заключается или в том, что сумма труда, затраченная на машину и на производство с ее помощью, дает большее количество продукта, нежели такая же сумма ручного труда, или в том, что машина дозволяет уменьшить количество непосредственного труда, иными словами, дает такое же количество продукта в меньшее рабочее время.

То же действие, продолжает Рикардо, какое оказывает на ценность сравнительная пропорция постоянного и оборотного капиталов, принадлежит и пропорции более или менее долговечного постоянного капитала при условии равенства долей постоянного и оборотного капитала в производстве двух или более товаров. Если постоянный капитал не принадлежит к числу прочных, то нужны ежегодно большие усилия для поддержания его ценности; но этот труд на восстановление капитала можно рассматривать как служащий производству товаров, и он должен входить в состав их ценности. Чем долговечнее капитал, тем меньше сумма, получаемая в виде вознаграждения за употребление машины. Но если уничтожение идет быстро, то к цене товаров присоединяется больший излишек. Возрастание заделной платы подействует неодинаково на ценность продуктов, произведенных при подобных усло-

виях. В одном случае в продукты входит много, в другом мало труда. Вот почему всякое возвышение задельной платы или понижение прибыли должно понизить относительную ценность товаров, произведенных прочным капиталом, и, напротив, пропорционально возвысит ценность тех, которые произведены при помощи менее прочного капитала.

Числовой пример, посредством которого Рикардо желает разъяснить эту вторую теорему, приводит однако не к такому заключению, которого следовало ожидать, именно не к тому, что возвышение задельной платы *понижает* ценность машинного продукта, а только к тому, что оно *не возвышает* ценности машины. Независимо от этого, нам опять ясно, что и новая теорема не опровергает общего менового закона. Ценность продукта, изготовленного при помощи менее долговечной машины, превращает ценность продукта, полученного в результате применения более долговечной машины, не абсолютно, а только относительно. Если затрачена одна и та же сумма на производство того и другого продукта, то при одном и том же уровне прибавочной ценности общая сумма ценности продукта первого рода будет равна общей сумме ценности продукта второго рода. Но годичный продукт менее прочной машины, само собою разумеется, будет превышать по ценности годичный продукт более прочной машины, потому что последняя переносит на продукт менее ценности в один и тот же срок, нежели первая.

Тем не менее, то обстоятельство, что в одном случае в продукты входит «много труда», а в другом «мало», несколько не дает права заключать, что возвышение задельной платы понижает ценность тех продуктов, в которые входит труда мало, и возвысит ценность тех, в которые входит труда много. Как бы ни были различны годичные величины задельной платы и постоянного капитала в том и в другом случае, изменения, наступающие в первой, в точности уравниваются изменениями, происходящими в уровне прибыли, и общий итог остается прежний. Нечего и прибавлять, что все это происходит подобным образом только при отсутствии пертурбационных влияний. Предположим, например, что в хозяйстве одной отрасли промышленности употребляется машина, стоящая 1 000 руб. и приходящая в негодность в течение 10 лет, в хозяйстве другой — машина той же стоимости, служащая только 5 лет. Предположим далее, что общий размер задельной платы в том и другом хозяйстве одинаков — 500 руб. При одинаковом же уровне прибыли, годичная ценность продукта первого из упомянутых хозяйств составит 200 руб. (100 руб. ценности постоянного капитала, 50 руб. ценности задельной платы, 50 руб. прибавочной цены), второго 400 руб. (200 руб. ценности постоянного капитала, 100 руб. ценности задельной платы, 100 руб. прибавочной ценности). Возвышение задельной платы в течение данного года на известный процент, например, на 2, повлекло бы за собою

следующие изменения во взаимных отношениях прибыли и задельной платы: годичная ценность продукта хозяйства первой отрасли стала бы слагаться в таком случае из 100 руб. ценности машины, 52 руб. ценности задельной платы и 48 руб. добавочной ценности, годичная ценность продукта хозяйства второй отрасли содержала бы 209 руб. ценности машины, 104 руб. ценности задельной платы и 96 руб. добавочной ценности. В обоих случаях ценность продукта осталась бы прежняя—200 и 400 руб.

Сверх рассмотренных нами явлений, в каждой из приведенных теорем Рикардо содержатся указания на некоторые другие, более сложные последствия употребления в дело машин, но рассмотрение их, вместе с обзором специальных исследований Рикардо о машинах («Oeuvres complètes», ch. XXXI), могло бы составить предмет особого сочинения, с более специальным содержанием, чем наше.

Придя к концу этой главы, мы считаем уместным выразить словами Baumstark'a общую характеристику научного значения метода и изысканий Рикардо. «Даже тот», говорит этот писатель*, «кто нашел бы в книге Рикардо одни только ошибки, научился бы из нее больше, чем из какого бы то ни было сочинения по науке народного хозяйства, вышедшего после Адама Смита. Вместе с Ад. Смитом Рикардо сделал из этой науки калейдоскоп, который при каждом повороте обнаруживает новую поразительную картину, состоящую из прежних элементов». «Еще чаще, чем Ад. Смита», говорит он в другом месте**, «Рикардо упрекали за отвлеченный характер его исследований. Нам кажется, что этот упрек относится более к методу Рикардо, нежели к источникам, из которых он черпает свои взгляды. Путь, которым он идет... есть всегда кратчайший, математический, прямая линия от одной точки до другой, без отклонений, без принятия в расчет посторонних обстоятельств. Так как вследствие этого он является для иных непонятным, то его называют отвлеченным... Что Рикардо прибегает к отвлечениям, желая изобразить неизменно действующие законы обмена (Verkehr),— это неоспоримо, но точно так же впадает в абстракцию и представитель материальнейших наук—естественных, когда он основывает и устанавливает высшие законы... Рикардо не желал сделать из своих «Оснований народного хозяйства» ни популярной книги, ни книги, удовлетворяющей практическим потребностям... В этом всего яснее познается различие между наукою о народном имуществе и практически-хозяйственной политикою. Желание применить науку, без дальнейших соображений, к государственной жизни обозначает незрелость школьника, потому что общее может быть осуществлено только в форме частного (des Besonderen), а это частное зависит от громаднейшей массы обстоятельств».

* «David Ricardo's Grundsätze etc.», XXIV—XXV.

** «Erläuterungen über Ricardo's System», S. 274—6.

ГЛАВА IX

РАЗБОР ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ

Вся совокупность исследований автора «Капитала», а именно о ценности, о деньгах, о прибавочной ценности и о составных частях капитала имеет более или менее одинаковые применения, если не ко всей эпохе капитализма, то, по меньшей мере, к среднему ее моменту; изображает, так сказать, [социальные отношения]¹⁰⁵ этого способа общественной продукции. Одна только история фабричного законодательства в применении к продолжительности рабочего дня составляет некоторое, во всяком случае, частное исключение из этого. Но, начиная с учения о кооперации, мы входим, вместе с Марксом, в область философской истории капиталистической эпохи в ее целом, иными словами, получаем представление [об отношениях развития капитализма.]¹⁰⁶ Можно сказать без малейшего преувеличения, что эта попытка изобразить главные моменты постепенного развития новейших способов ведения общественного хозяйства является не только самой удачной,—как в методологическом, так и во всех прочих отношениях,—но также и первой в своем роде¹⁰⁷.

С первого взгляда может показаться, что учение Маркса о кооперации не отличается существенно от обыкновенной теории сочетания труда, которую можно найти в любом учебнике политической экономии. Но мы сейчас увидим, что в действительности это далеко не так и что разница между этими двумя учениями оказывается весьма значительная.

Прежде всего нельзя не обратить внимания на то, что исследования о кооперации занимают в экономических сочинениях сравнительно весьма скромное положение. Перечислив кое-как, на скорую руку, различные выгоды, приносимые простою и сложною кооперациею, т. е. соединением и разделением труда, экономисты обыкновенно спешат перейти к гораздо более, по их мнению, интересным и важным хозяйственным вопросам—о ценности, о капитале, о кредите и т. п., оставаясь в убеждении,

что они разъяснили все, что требовалось относительно способов сочетания труда. Мы едва ли ошибемся, если скажем, что в деле развития содержания этой части общественной экономики со времен Ад. Смита сделано поразительно мало, невзирая на то, что экономисты хором и чуть не до изнеможения сил восхваляли великое открытие, внесенное в науку учением о разделении труда. Правда, Джиона, Уэкфильд и отчасти Бебедж снабдили эти учения некоторыми довольно важными дополнениями, развив теорию соединения труда, упущенную из вида великим шотландцем, и указав на некоторые специальные, также незамеченные им выгоды, вытекающие из разделения труда. Но, при всем том, учение о кооперации оставалось весьма бедным по своему содержанию и много-много что ставилось наравне с учением о вексельном курсе, о международной торговле, о банках и т. п. Никто или почти никто из экономистов даже и не подозревал, что теория кооперации в обширном смысле слова является теорией самого общества, что она представляет, так сказать, остеологию общественной науки, кадры, в которых должно быть размещено все остальное содержание последней, и что, на этом основании, она, по своему значению, далеко оставляет за собою другие экономические вопросы.

Недостаточное и одностороннее наблюдение над разделением труда повлекло за собою еще одну важную ошибку. Учение о разделении труда Ад. Смита и других писателей XVIII столетия опиралось исключительно на мануфактурное деление операций, на сочетание отдельных работ внутри мастерской. Наблюдая разделение труда в этой специальной области, упомянутые писатели спешили обобщить полученные ими результаты на всевозможные случаи сочетания труда этой категории. Они не обратили внимания на то, что мануфактурное деление труда и деление труда в целом обществе далеко не одно и то же, что первое из них предполагает соединение многих рабочих под господством одного капиталиста, тогда как второе осуществляется исключительно между самостоятельными владельцами товаров. Но возведение мануфактурного разделения труда на высоту всеобщего типа этой формы сочетания работ было явлением вполне естественным в ту эпоху, когда мануфактура представляла господствующий способ общественного производства. Нельзя удивляться и тому, что писатели прошлого столетия признавали мануфактурное деление труда всеобщую и прочную форму общественной продукции, тогда как в действительности она представляет не более, как скоропреходящий исторический феномен. Гораздо более странным является то обстоятельство, что все эти ошибки в полном объеме были повторяемы позднейшими писателями. Непрерывно возрастало число фактов, которые, с одной стороны, подтверждали, что мануфактурное и общественное деление труда несколько не тождественны, а с другой стороны, указывали, что на смену мануфактурному

периоду давно пришел во всех важнейших отраслях промышленности другой период—механический. Но экономисты продолжали твердить зады и ничуть не помышляли о вопиющей необходимости раздвинуть рамки старого учения.

Но этого мало. Ни в одном экономическом сочинении не находим мы ни намека, ни указания на то, что все прочие вопросы политической экономии теснейшим образом связаны с теорией кооперации, что такое или иное их решение вполне и безусловно зависит от того, какое место и значение будет отведено этой последней. Вследствие непонимания этой связи учение о кооперации является в трудах экономистов не только недостаточно или односторонне развитым, но, сверх того, и совершенно изолированным. В одной главе подобных сочинений читатель встречается изложение учения о кооперации, в другой он наталкивается, например, хоть на теорию капитала, и, вслед за автором, остается в полнейшем убеждении, что это вещи, не имеющие ничего общего и несколько не зависящие одна от другой. Мало-помалу ум начинает свыкаться с представлением, что феномены, обособленные таким образом на бумаге, обособлены и в самой действительности, и убедиться в несостоятельности подобного воззрения становится почти невозможным.

Ни одного из указанных промахов и упущений читатель не найдет у Маркса. Что касается, *во-первых*, определения удельного веса кооперации в сравнении с другими экономическими вопросами и дальнейшего развития ее особенностей, то в этом отношении,—можно сказать это смело,—он дает гораздо более, чем все другие экономисты настоящего столетия, взятые вместе. Возведя мануфактурный способ деления труда на степень самостоятельной эпохи в развитии капиталистической продукции, автор «Капитала» впервые совершенно ясно и наглядно, при помощи превосходного фактического материала, показал, что прогрессивное движение общества характеризуется в последнем счете не чем иным, как *определенными* изменениями в общественном сложении труда. Мануфактура, говорит он, пришедшая на смену ремесленно-феодалного сочетания труда, была по отношению к капитализму, первым из таких изменений, а механическая индустрия, в свою очередь, сменившая мануфактуру,—вторым. Само средневековое ремесленное устройство представляло уже в высшей степени дробное разделение труда, но только мануфактуре выпало на долю довести его до апогея и на место прежнего самостоятельного ремесленника поставить целый механизм деталей рабочих, исполняющих частичные функции сложного дела. Но хотя, таким образом, мануфактура и ведет дробление труда до крайних его пределов, но так как в то же время она собирает группы разрозненных и изолированных производителей, то ей невозможно отказать в значении синтетического, а, следовательно, прогрессивного процесса. Вот в этом-то процессе, ближайших особенностей которого мы здесь

не станем повторять, и состояло то изменение в сочетании труда, которое внесла в экономическую историю мануфактурная продукция. Специальную эпоху эта последняя весьма естественно представляет на том основании, что отличается некоторыми весьма важными характеристическими чертами, которых—заметим это мимоходом—не удалось до сих пор разглядеть никому из экономистов. Несколько ниже мы увидим, какие перемены в сложении производственных операций сопровождают появление и развитие машинной индустрии и как отражаются эти перемены на положении большинства народонаселения. Все это изложено у Маркса до того отчетливо и полно, что не остается ничего желать в этом отношении. Но можно пожалеть, что автор «Капитала», не рискуя выйти из пределов своей задачи, должен был ограничиться изучением форм сочетания труда и движения этих форм среди одного только капиталистического общества. Вот почему мы не находим у него изображения общественной кооперации на предыдущих ступенях экономического развития, и самый даже феодально-ремесленный строй, породивший собою капиталистическую мануфактуру, почти совершенно оставляется им без внимания. А между тем, именно знакомство с этим строем и представляет громадную важность для надлежащего понимания капиталистических порядков последующей эпохи. Будем надеяться, что кто-нибудь другой возьмет на себя благодарный труд, придерживаясь в общих чертах программы Маркса, пополнить надлежащим образом как этот, так и все другие пробелы, которые оставлены этим последним в великой цепи изменения форм общественной кооперации. Но чтобы читателю теперь же сделались яснее ближайшие мотивы, послужившие к возникновению мануфактуры, мы сообщим здесь некоторые факты, бросающие свет на ремесленную кооперацию.

Ввиду того, что колыбелью ремесла почти повсюду в Западной Европе являлся город, необходимо прежде всего обратиться к вопросу о возникновении городов. Насчет происхождения новоевропейских городов в литературе существует немало разногласий*. Нам лично кажется наиболее состоятельным взгляд

* По мнению одних ученых (Эйхгорн, Савиньи, Моне), устройство новых городов представляет собою непрерывное продолжение римского муниципального устройства. Другие утверждали, что в основание городской организации легло устройство сеньориального двора. С точки зрения третьих (Циммерман, Бурхардт и др.), вся совокупность городских порядков является не более как результатом действия государственной и общественной власти, так как возникновение их обыкновенно совпадает с учреждением судов. По взгляду, наконец, четвертых (Вильде, а за ним Гирке и др.), организация городов имела непосредственным источником внутренние распорядки гильдий, целью которых вначале было соединение многих лиц общих для пиришеств по тем или другим торжественным случаям, например, по поводу чьего-либо рождения, смерти, брака,—впоследствии же взаимная защита от нападения врагов, особенно сеньоров и т. п. Наряду с такими гильдиями, говорят последователи этого мнения, развились мало-

Маурера («Geschichte der Stadtverfassung»), как наиболее удовлетворяющий социологическим требованиям и в то же время подкрепленный громадным фактическим материалом. В основание городских порядков, по мнению этого ученого, легли примитивные, обычные порядки сельской земледельческой общины. Завоевав римскую империю, германцы, большей частью, срыли до основания римские укрепленные города. Впоследствии, на месте старых римских городов были воздвигнуты новые, германские. Но, кроме этого, еще во время франкских королей, германцы самостоятельно соорудили много укреплений отчасти в виде крепостей, отчасти в виде укрепленных сеньориальных замков, отчасти в виде укрепленных деревень. Однако, городами назывались в означенное время исключительно последние, и даже если укреплялась не сама деревня, а находящийся поблизости замок, то деревня все же становилась городом и крепостью, благодаря соединению с последним. Таких сооружений произведено немало, не только при Карле Великом и при сыновьях его, но и впоследствии, например, в XIII и XIV столетиях в Бранденбурге, Померании, Богемии, Моравии и пр. Города сооружались обыкновенно на таких местах, на которых или уже до того стояло местечко или деревня, или же такие поселения учреждались там одновременно с постройкой городов. Старые города отличались от деревень только стенами и другими укреплениями и были не чем иным, как укрепленными деревнями. Если при городе учреждалось новое поселение, то от сеньора или императора следовал надел на праве общинного пользования—отчасти для разделения между новыми поселенцами, отчасти же в качестве нераздельного марка, находяще-

помалу купеческие промышленные гильдии, устройство которых послужило образцом для позднейших цехов и т. д.

Все эти взгляды грешат одним и тем же капитальным недостатком, а именно отсутствием социально-экономической или, вернее, социологической точки зрения. Можно ли поверить, чтобы столь сложный и громадный факт, как учреждение городов, идущий красной нитью через всю среднюю и новую историю, имел бы в основании своем простое подражание римским муниципиям, сеньориальному двору или гильдейским распорядкам, а не то так и повиновение предписаниям начальства? Нет, говорит нам Маурер («Geschichte der Stadtverfassung»), поверить этому нельзя. Вот как опровергает он первое из приведенных мнений. Бессознательною основой его является, по мнению Маурера, не что иное, как то обстоятельство, что всякие городские отношения имеют много общих черт и не только германское и римское права имеют общую подкладку, но сюда же следует присоединить еще и право древнегреческое. Городское устройство, подобно всякому другому общественному устройству, зависит от различия положений и сословий и составляет результат их развития. Однородность положения сословий, по всей вероятности, привела у греков, римлян и германцев к однородным результатам. У греков первоначальная городская община состояла из господствующего народа. Победенный народ стоял вокруг и был лишен вначале всяких политических прав. Лишь позднее он начинает добиваться прав старого гражданства и, будучи свежее и сильнее, действительно получает их. То же самое было у римлян. Старый господствующий народ образовал городскую общину. Находящийся тут же плебе

гося под лесом, пастбищами и т. д. Здесь продолжался, следовательно, тот самый земледельческий промысел, который велся в соседних деревнях и на тех же основаниях.

Сооружением укрепленных городов занимались как сами короли и императоры, так равно и сеньоры, крупные и мелкие, епископы, монастыри, аббатства. Кроме военных и политических целей, имелись при этом в виду, особенно впоследствии, и чисто финансовые: города становились выгодным источником различного рода доходов, извлекаемых, благодаря ярмаркам, торговле и т. п. Смотри по тому, из каких деревень возникали города, они различались между собой так же, как и деревни, а именно, были свободные, помещичьи и смешанные. Свободных сначала было, вероятно, немного: к числу их принадлежали Кельн и Вормс. Такими же свободными с самого начала являлись те из городов, которые были построены на императорской земле *Landesherr'a*, а также города епископские. Помещичьи города, которых вначале было очень много, возникали на помещичьих землях. Наконец, смешанные города (Бремен, Гамбург, Цюрих и др.) имели население частью свободное, частью несвободное или находящееся в зависимости от различных владельцев. Число подобных городов было также весьма велико. Самые владельческие города, вследствие переселения в них свободных людей, все более и более приближались к типу смешанных городов.

Окружив себя стенами, город не приобретал еще через это никакого нового устройства, отличного от деревенского. Прежнее устройство деревенского марка становилось теперь устрой-

также первоначально не имеет прав, но впоследствии, путем тяжелой борьбы, он получает их. К концу республики начинают выработываться новые сословия и наряду с патрициями и старыми плебеями возникает новый плебе, сначала в самом Риме, позднее и в провинциях. Закипает вновь борьба, и в лице дефензоров новые плебеи достигают такого же, приблизительно, представительства, какое получили старые в лице трибунов. И если бы новый плебе был столь же силен, как и старый, то и эта борьба привела бы к другим результатам, а не к облегчению завоевания страны германцами. Подобное же положение вещей обуславливало и новозвропейское городское устройство. Господствующее племя и здесь одно только было полноправным. Германские завоеватели привлекли к себе, правда, наиболее богатых римлян и смешались с ними. Но в самой Германии господствовали одни германцы. Только владелец земли сначала только свободный, а впоследствии и крепостной, могли быть членами старой сельской и городской общины. Но, с течением времени, образовалась и здесь новая община, которая не имела права на различную землю и находилась в зависимости от старой общины. Мало-помалу эта последняя тоже организуется в цехи или гильдии и начинает борьбу с старой общиной. Ко времени крестовых походов и римских войн борьба эта возрастает до *taximum'a*. Она кончается в различных странах различно, большею же частью в пользу нового гражданства и цехов, так как на их стороне была сила. Столь же несостоятельными находят Маурэр и все другие мнения о происхождении новозвропейских городов, а относительно возникновения их из гильдий приводит доказательство, что приверженцы этой точки зрения переиначили факты и нашли гильдии даже там, где их не было.—*Авт.*

ством марка городского. Жители городов вначале не различались между собою, впоследствии же одни из них—оседлые и владеющие землею—стали называться гражданами, а остальные чужестранцами. Но каждый чужестранец, поселившийся в городе и несущий общественные повинности, мог становиться гражданином, и в этом отношении не существовало исключений даже для бедных крепостных, если они проживали в городе год со днем. С течением времени, однако, права гражданства стали приобретаться все с большим и большим трудом и, таким образом, возникло в городах различие состояний, повлекшее за собою борьбу, которая окончилась в XIV столетии поражением старых граждан новыми.

Столкновение прав города с правами общественной власти и власти сеньора, в свою очередь, вызывало повсюду непрерывную борьбу, которая различалась в отдельных случаях более подробностями, нежели по самому существу дела. Большая часть позднейших городских конституций основывается на так называемых привилегиях, договорах и пр. с королями и *Landesherr*'ами, но все эти уступки городам, которые делались ради интересов самой власти, обыкновенно являлись не более, как подтверждением старых, исконных прав общины, как по временам выражалось это на самом официальном языке. Те учреждения, которые прежде всего повели к упрочению городской свободы, были рынки и ярмарки, монетные дворы и таможи, с которыми связывалось во многих случаях освобождение граждан от бесконечного числа различных пошлин. Пошлины эти продавались сеньорами и королями, особенно последними, самим же городским общинам за известный постоянный взнос, благодаря чему горожане становились в положение фермеров и получали возможность вести свободный торг и промысел. Политические соображения, а именно желание обуздать власть и своеволие сеньоров, особенно способствовали процветанию городов, так как ввиду подобных требований королевская власть особенно была расположена делать многочисленные уступки горожанам—«врагам своих врагов», по выражению Ад. Смита. Учреждение рынков и торгов представляет до такой степени общее явление городской жизни, что дает Маурару повод утверждать, будто сам город был не чем иным, как огороженным ярмарочным местом в деревне. Первые рынки были основаны в особенно удобных для торговли местностях, например, в Ахене, Эрфурте, Магдебурге и т. п. Помимо этого, рынки открывались во всех тех местностях, где бывали большие стечения народа с религиозными или иными целями—в языческий период на местах жертвоприношений и суда, в христианский—у главных церквей, в знаменитых монастырях и аббатствах и пр. С ярмарочным правом находилось в теснейшей зависимости право городов чеканить монету, в те времена тем более важное, что, вследствие изобилия сортов монеты, купцы бывали часто, по

приезде на ярмарку, принуждены перечекивать в местную монету привезенные с собою слитки. Наконец, право не платить известных пошлин распространялось сначала на купцов, впоследствии же стало простираться и на всех граждан города, которых стали также называть купцами. По всей вероятности, говорит Маурэр, именно это последнее наименование подало повод Вильде и другим писателям настаивать, что все старограждане (а они под ними разумели всю городскую общину раннего периода) были, главным образом, купцами, что было бы очень странно и вряд ли объяснимо.

Помимо свободы от пошлин, купцам предоставлялся во многих случаях безопасный проезд на место торга и безопасность, или *мир*, по техническому выражению того времени, от нападений во время самого торга. Наряду с так называемым *королевским миром* очень рано существовал уже духовный *мир божий* или *мир св. Петра*. Сначала такой мир, разумеется, недаром, доставлялся отдельным лицам, потом целым городам — на определенный день в году, впоследствии на более продолжительное время и даже навсегда. В некоторые торжественные дни объявлялся подобный мир по всей стране. Не менее важную роль в деле освобождения и развития городов играло далее предоставление или, лучше сказать, возвращение городам права избирать собственных судей, а также держать милицию.

Таким образом, мало-помалу города освободились от власти сеньоров и стали сравнительно в гораздо меньшую зависимость от королей и императоров. «Чем хуже», говорит Ад. Смит, «были отношения государей к своим баронам, тем щедрее, кажется, были они на уступки городам. Английский король Иоанн был, повидимому, одним из самых благодушных покровителей городов. Французский король Филипп II потерял всякую власть над своими баронами. Сын его, впоследствии Людовик Толстый, сообща с епископами, пришел к решению, что лучшим средством обуздания своеволия сеньоров будет предоставление городам нового судопроизводства и устройство в них новой милиции, которая бы, при всякой надобности, поспешала на помощь к королю. Во время неблагоприятного царствования государей из швабского дома большая часть вольных немецких городов получила первые свои привилегии и приобрел свое значение знаменитый ганзеатический союз».

Мы видим таким образом, что возникновение и дальнейшее развитие городов происходили под двойным давлением военных и экономических потребностей, в то время еще почти сливающихся в одно целое, впоследствии же, хотя и обособившихся, но все-таки идущих рука об руку. Так, ярмарки и другие, большею частью служащие экономическим целям, собрания людей указывали те места, которые необходимо было укрепить для противодействия неприятелю, как наиболее значительные и важные. Когда же, мало-помалу, военные потребности стали содей-

ствовать упрочению государственной власти, тогда эта же власть находит для себя необходимым способствовать свободному развитию экономических потребностей города.

Новая городская свобода привлекала в города множество различных людей, особенно же художников, ремесленников и купцов, которые стекались сюда столько же ради защиты от феодалов, сколько ради приобретения здесь более верных средств к жизни. В связи с первоначальными поселенцами городов, указанный конгломерат людей является естественной почвой для развития к XI и XII вв. цехов или городского *ремесленного устройства*, в собственном смысле слова. По поводу происхождения цехов, различными писателями высказано не меньше различных соображений, чем по поводу возникновения городов*. Но и в этом случае Маурэр является, повидимому, вернейшим руководителем. Главное занятие старых граждан, говорит он, состояло в общинном земледелии и скотоводстве, как это было отчасти, например, в Мюнхене еще в XVI столетии. Старые города имели свои пастбища, леса и всякие другие земли. В них встречаются постановления, относящиеся к содержанию и продаже скота, к пользованию марком и т. п. на тех же самых основаниях, как в деревнях. Торговлю и промыслы старограждане предоставляли, как более низкое занятие, свободным и зависимым ремесленникам и купцам и, по временам, евреям, как было, например, в Регенсбурге, Шпейере и т. п. Но, мало-помалу, торговля и промыслы удалили из городов земледелие. На первых порах вновь приходящим купцам, ремесленникам и т. п. предоставлялось участие в марке. Благодаря этому, земля марка уменьшалась все более и более. Остальная земля начинала приносить больший доход, не будучи обрабатываемая для получения с нее хлеба, и потому была разделена между гражданами в частную собственность. На место хлеба стали добываться плоды и овощи, имевшие лучший сбыт в близлежащий город. Таким образом, города становились все более и более местопребыванием ремесла и торговли, а, вместе с этим, изменилось и городское устройство: на смену старой сельской общины пришли цехи с своей новой организацией.

В чем же, однако, состояло это ремесленное устройство? Достигший совершеннолетия, ремесленный порядок представляет на первом плане крайне дробное деление труда между представителями отдельных цехов. При этом известный род

* По мнению Левассёра, источник цехов—римские коллегии; другие полагают, что цеховые распорядки имели основанием то устройство, которое существовало между крепостными ремесленниками; по взгляду третьих (Гюльман), цехи ведут свое начало от устройства известных центральных помещений для склада товаров в городах; с точки зрения четвертых (Вильде, Брентано), цеховое устройство является продолжением гильдейского устройства старых граждан. Очевидно, что все эти взгляды страдают тем же недостатком, как и указанные выше, по отношению к происхождению городов.—*Авт.*

занятий не только составляет принадлежность определенного числа хозяйств, но, сверх того, наследуется ими из рода в род, подобно древним кастам, которые вообще являются прототипом новейшего ремесленного устройства. Служа звеном между первоначальной сельской общиной и капиталистическим хозяйством в собственном смысле слова, ремесленный порядок представляет и средние между ними условия продукции. В то время, как член сельской общины работал только на себя, а новейший наемный рабочий трудится исключительно на отдаленные рынки с неопределенным спросом—ремесленник работал по заказу немногочисленных потребителей, до крайней точности зная, чего и сколько от него потребуется. Дальнейшим общим признаком ремесленных порядков являются относительно простые и немногочисленные, большей частью, ручные орудия труда, находящиеся в полнейшем соответствии с ничтожным числом покупателей ремесленного продукта и простыми их потребностями. Говоря иначе, ремесленник употребляет в дело еще несравненно менее косвенного труда, чем мануфактурист или фабрикант, непосредственный ручной труд в значительной степени заменяет здесь позднейшие механические и иные ухищрения. Но так как в большей части случаев ремесленнику приходилось отправлять довольно сложный ряд операций ремесла и, в то же время, производить лишь небольшое число предметов, то ум ремесленника, с одной стороны, не подвергался бездействию ума мануфактурного рабочего, с другой же стороны, извлекал из разделения труда довольно сильную изобретательность. Отсюда виртуозность работы и многочисленные мелкие изобретения ремесленного периода. «Никогда», говорят Меррэй и Вильсон в своем «Описании Британской Индии», «не были превзойдены дакские мусселины по тонкости, хлопчатобумажные и другие коромандельские произведения по роскоши и прочности красок. И это несмотря на то, что они изготовляются без капитала, машин, разделения труда (мануфактурного) или каких-нибудь средств, доставляющих столько преимуществ европейской фабрикации. Ткач—это изолированный производитель, который приготовляет ткань по заказу покупателя, при помощи ткацкого станка самой простейшей конструкции». В совершенстве работ ремесленной продукции нетрудно убедиться всякому, кто даст себе труд посетить какой-нибудь из национальных немецких музеев, в особенности мюнхенский. А кто может сосчитать всевозможные ремесленные изобретения? Вот несколько примеров на выдержку*. В половине XVI в. некто Иоганн Юргенс изобретает самопрялку; во второй половине того же века изобретается процесс вязания, а в конце его англичанином Вильгельмом Ли—чулочко-вязальный станок. До начала XVI в. железная руда растиралась по большей части в обыкновенных ступ-

* Rehlen «Geschichte der Handwerke und Gewerbe», passim.

ках, и только в это время изобретает некто Павел Громменштеттер толчейную мельницу. Искусство превращать полосовое железо в сталь погружением его в расплавленное железо также представляет изобретение ремесленного периода. Имена Эгеманна, Манга, Даниера и Гопперта, живших частью в XVI, частью в XVII столетии, связываются с изобретением множества мелких приспособлений в слесарной промышленности. Изобретение пороха влечет за собою изготовление в XIV в. металлических пушек, стреляющих каменными ядрами. Изготовление стальных колесных часов для башен и колоколен в XIV в. распространяется по всем большим городам Европы. В 1500 г. Петр Геле изобретает карманные часы с узкой спиральной пружиной (шпирбергское яйцо). Около половины XIV в. изобретается тряпичная бумага, а несколько позже являются уже и машины для делания ее. В ту же эпоху Гуттенберг изобретает книгопечатание, т. е. металлические и деревянные буквы и книгопечатный станок, которые, вслед затем, подвергаются многочисленным усовершенствованиям. Все эти указания в состоянии лишь напомнить, какую бесконечно важную роль играет ремесло в истории экономического развития Европы; но для точного воспроизведения всего изобретенного в ремесленный период потребовалось бы написать не коротенькую заметку, а целую книгу.

Переходя к дальнейшей общей характеристике ремесленного устройства, мы видим, что развитой ремесленный порядок не представляет нам ни сложной градации труда в отдельной мастерской, ни распада хозяйственной ячейки на капиталиста и на рабочих в тесном смысле. И то и другое объясняется самой простотой основы ремесла—земледельческой общины. Ограниченный круг потребностей и столь же ограниченный размер сбыта, с одной стороны, не требуют, а,—с другой,—и не допускают расширения и усложнения производства. Поэтому-то отношения между мастером и его подмастерьями и учениками являются в гораздо большей мере отношениями по возрастам и по различной подготовке к делу, соответствующей возрасту, нежели отношениями различных общественных классов. Мастер, большею частью, сам посвящает значительную часть времени такой же работе, как и его подчиненные. Умственный труд в ремесле еще не отделяется от физического, людей праздно живущих отдачей своего капитала на проценты также еще мало, чем и объясняется необыкновенная ненависть этого периода к ростовщикам и гораздо более льготное отношение к ним законодательства и общества в новейшее время, когда получение процентов совершается под сотнею различных форм. Борьба между различными классами городского общества также существует и идет через гораздо большую часть средних веков, но это борьба ремесленников с древними купеческими гильдиями и старогражданами. Когда же впоследствии, после XIV в. возникает

борьба между подмастерьями и мастерами, то мы уже стоим на пороге мануфактурной продукции, когда из мастера, ростовщика и купца мало-помалу развивается капиталист.

Таковы главные черты ремесленного производства вообще. Что же касается ремесленной кооперации, то в основании ее лежат следующие признаки: вся совокупность ремесленников, живущих обыкновенно в городской черте, представляет до известной степени ту же сельскую общину, члены которой теснейшим образом связаны между собою целым рядом отношений, имеющих целью обеспечить равновесие между производством и потреблением всех и каждого. Вместо новейшего принципа «каждый за себя, бог за всех», или еще лучше *«ôte toi de là que je m'y mette»*, в средневековых городах, хотя и в маленьких пределах, господствовал другой, а именно, что город должен представлять собою тесно сплоченную массу индивидуумов, заботящихся о материальных и нравственных интересах друг друга. Средневековый город в лице своих представителей непрерывно блюдет и контролирует всю совокупность экономических процессов, совершающихся в стенах его. Этот общинный до известной степени характер городского хозяйства есть прямое наследие от тех времен, когда все и каждый занимаются одним и тем же делом, когда осуществляется такая организация общественного труда и потребления, которая обеспечивает правильный и точный ход хозяйственной машины—наследие порядков земледельческой общины. Городское хозяйство ремесленников есть сложная кооперация труда и потребления, заложенная на основе более широкой простой кооперации и существующая одновременно с последней.

Понятно, впрочем, само собою, что соблюсти экономическое равновесие является уже гораздо более сложной и трудной задачей при разделении труда по цехам и корпорациям, представляющим жизненные нервы ремесленного периода, нежели среди жителей села, поголовно занимающихся возделыванием земли. Задача эта разрешается при помощи целой системы различных мер, направленных к обеспечению интересов как производителей, так и потребителей. Меры эти устанавливались частью целым городским обществом, частью отдельными цехами, внутри которых опять-таки существовал род простой кооперации между всеми мастерами одного цеха, а потому и являлась необходимость в обеспечении равенства в их экономическом положении.

Как совокупность городских жителей, городская община нуждалась для удовлетворения своих потребностей в определенном количестве ремесленного труда. Выполнение этого труда—торговля и промыслы—предоставлялось постоянно живущим в городской черте личностям, с полным исключением чужеземцев. Этому праву производителей соответствовала обязанность потребителей обращаться с своими заказами исключительно к первым. Отсюда возникла совокупность принудительных эко-

номических отношений, или так называемый немцами *Zunftzwang**. Так, например, городское общество заботилось о доставлении занятий и пропитания тем из городских жителей, которые остаются без того и другого; оно воздвигало на городские и цеховые средства общепользные учреждения; оно приглашало со стороны ремесленников в случае отсутствия представителей того или другого ремесла в городе и т. д. Но все это ничто в сравнении с целым комплексом постановлений, имевших в виду более частные отношения. Вот некоторые из этих последних.

Чтобы обеспечить известную сумму труда членам цехов, требовалось для вступления в них соблюдение известных условий, как то: незапятнанная репутация, обладание известным имуществом (в Любеке например от 4 до 30 марок серебра), по временам происхождение от родителей, состоящих в законном браке. За исполнением этих условий других притеснений вообще не делалось и допускалось известное свободное соперничество. Такие порядки господствовали, впрочем, во времена самого сложения цехов и коопераций; впоследствии же, например, в XIV в. ограничивается уже самое число членов отдельного цеха. Для доставления городским производителям верного сбыта их товаров внутри города, воспрещалось, как мы уже сказали, торговать в городе всем посторонним лицам. Исключение в этом отношении представляли только некоторые разряды городской торговли и затем периодически повторяющиеся базары или ярмарки в городах. Что касается купцов и лавочников, то последним дозволялось торговать известными товарами, ввозимыми оптовыми купцами. Вообще, коллизии между ремесленниками и лавочниками бывали вначале, по всей вероятности, весьма немногочисленны, так как самое количество товаров, производимых в городе и продаваемых лавочниками, постоянно регулировалось властями. Когда же впоследствии, а именно в XV в., подобные столкновения стали чаще, то в это время процесс разложения цехов уже был в полном ходу. Более замечательное влияние в смысле соперничества цехам оказывали базары или ярмарки. Но эти сборища служили только коррективом против возможных злоупотреблений цеховых производителей, а отнюдь не уничтожали их права на работу, так как, с одной стороны, цехи имели в городах уже установившиеся круги покупателей, а, с другой стороны, товары, привозимые на ярмарки, вследствие высоких издержек по перемещению, не могли, строго говоря, соперничать с товарами внутреннего производства. Помимо этих мер, направленных, частью, для возбуждения в цехах соревнования с чужими промышленниками, частью, для обеспечения покупателей от злоупотребления их, в отдельных городах прибегали еще к некоторым другим средствам для тех же целей. Так, например, в Любеке с древнейших времен существовал обы-

* См. Schönberg «Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalters».

чай позволять чужестранцам или «гостям» в течение 3 дней в году выставлять на продажу свои товары, что неоднократно подтверждалось в цеховых статутах. Но при этом часто запрещалось продавать подобные товары в роздробь, определялись места продажи, например, церковный двор, открытый погреб и т. п. За вычетом этих ограничений все прочие меры в этом направлении клонились к доставлению цехам правильного и непрерывного сбыта продуктов их работы. Этим косвенно определялось и то количество рабочего времени и продукта, которое могло затрачиваться и получаться представителями отдельных цехов.

Но система цеховых порядков не ограничивалась одним обеспечением сбыта в пределах известного района. Необходимо было еще распределить равномерную работу между производителями одного и того же цеха. К этой цели стремилось следующее установление: внутри цеха свободное соперничество устраняется окончательно и в основу отношений представителей отдельных хозяйственных групп кладется начало «равенства и братства». Начало это выражалось в целом ряде предписаний цеховых статутов, степень достижения которых, конечно, представляет, за давностью, весьма темный вопрос в настоящее время. Так, например, ставится ограничение числа учеников и подмастерьев, содержимых одним мастером. Разрешенное число чужих рабочих сил в различные эпохи было неодинаково, но очень редко оно превышало четыре, при которых большею частью могли быть еще 1 или 2 ученика. Непосредственной целью этого ограничения было обеспечение ремесла от попыток поставить его на более широкую, капиталистическую ногу и среди сравнительно простых отношений той эпохи это, вероятно, и удавалось. Но в тех или в других отдельных случаях трудно было воздержаться от соединения большого количества рабочих сил, и если прибавить к этому покупку большой массы материала, то окажется, что предпринятия подобного рода всего раньше должны были претендовать на капиталистическое устройство. Цеховая организация стремилась противодействовать этому различными путями. По временам, как, например, по отношению к цеху плотников в Базеле и Страсбурге и каменщиков в Любеке — ограничивалось число помощников. Когда же являлась необходимость в сооружении большого здания, то оно должно было выполняться совместно работою многих мастеров. Еще чаще встречается постановление, в силу которого никто не имеет права братья разом более, нежели за одно дело, или, по крайней мере, более, чем за два. Иногда воспрещается поставка материала самим строителям и поручается другим лицам. Но в иных случаях, по самой природе той или другой отрасли промышленности, требуются громадные мастерские и всякого рода приспособления. Таковы, например, некоторые ступени в обработке шерсти, которые оказываются окончательно

не под силу отдельным лицам или даже соединению нескольких лиц. Тут выходили из затруднения или так, что постройку брали на себя вся городская община и потом от себя уже предоставляла ее в пользование членам однородных цехов на равных правах, или же, что случалось еще чаще, вопрос опять-таки решался применением к делу ассоциации многих мастеров одного цеха. Так сооружались здания для чистки, чески, стрижки, окраски, сушки и т. п. шерсти, так приобретались сады, где шерсть белилась, дома, где она продавалась, и т. д.

К числу дальнейших мер, имеющих в виду равномерное распределение производства, относятся те предписания, которые стремятся к ограничению количества продукта. Впрочем, действие подобных предписаний могло распространяться исключительно на случаи, когда продукты отличались полной однородностью и готовились не по заказу, а на продажу, при отсутствии ограничений в числе подмастерьев. Значительно реже встречается попытка регулировать рабочее время мастера и подмастерьев, а когда к ней прибегают, то это делается не с экономической, а с религиозной и иными целями: так, запрещается работать по воскресеньям и по вечерам суббот, по временам, при свете лампы—для избежания пожаров, по ночам—ради спокойствия соседей и т. д.

В тех же общих видах—равновесия в производстве—воспрещались ассоциации мастеров одного цеха, приобретение покупкою чужих товаров для перепродажи их на рынке и т. п. Но было, сверх того, необходимо достигнуть равенства в издержках производства. Для этой цели иногда приобретался сообща материал и затем распределялся между мастерами поровну; иногда он выдавался по мере надобности, иногда, хотя и допускалась покупка материала порознь, но купивший должен был уведомить о ней своих товарищей и, если они пожелают, уступить им часть его. По временам, когда уведомление о покупке не ставилось в обязанность, случайно услышавший о ней товарищ имел право на приобретение части материала по покупной цене. В иных, наконец, случаях права покупателя стеснялись еще больше: так, например, полировальщик мечей (Schwertfeger) в Любеке, когда желал выехать из города за покупкой материала, должен был за три дня вперед уведомить о том свой цех и взять с собой на общий счет и риск каждого из своих товарищей, который пожелает с ним отправиться. Та же цель достигалась, далее, еще и назначением мест или определенного времени для покупки сырых материалов, чтобы дать возможность всем членам цеха принять в ней участие. Чтобы помешать богатым пользоваться преимуществом при покупке материала, практиковались подчас довольно замысловатые меры, вроде той, какая заключается в статутах дубильщиков в Фрейбурге в Бриггау под 1477 г. Последняя гласит, что ни один дубильщик, приобретая кожи, не имеет права давать взаймы мясникам,

чтобы вследствие этого «покупка не перестала у нас быть одинаковой, как для богатых, так и для бедных».

В том же самом направлении должны были действовать таксы на продукты ремесла, а также на задельную плату, которая являлась в виде поштучной и повременной. Необходимо, помимо этого, упомянуть о предписаниях, на основании которых продукт должен был отличаться совершенно однородными качествами, причем имела в виду выгода как потребителей, так и отдельных производителей, которые могли нести убытки, благодаря сравнительной добросовестности в изготовлении заказов. Целая масса мер имела целью обеспечить равные условия сбыта и в этих видах назначались время, место и род продажи, а также запрещалось отбивать покупателей.

Не меньшей точностью и подробностью отличались и те постановления, которыми определялось положение несамостоятельных членов цеха—учеников и подмастерьев. Относительно учеников устанавливались срок учения, условия принятия, наказания за бегство и т. д. Подмастерьям воспрещалось вступать в брак, проводить вне дома ночь, уходить после 10 часов, часто посещать трактиры и т. д. Они наказывались за непослушание хозяину, за неуважение к нему, за то, что работали на себя и т. д.

Всех этих, хотя и далеко не полных, указаний достаточно, чтобы составить себе довольно ясную идею о той связи, которую соединялись воедино все жители отдельной городской общины, как бы ни были различны их занятия. Конечно, за городской стеною связь эта прекращалась, и на место «равенства и братства» становились феодальные порядки кулачного права. Но в тех, хотя и узких пределах, в каких она действительно осуществлялась, естественным последствием ее бывали всеобщее благосостояние и справедливость во взаимных отношениях.

По мере возрастания городского населения, по мере упрощения ремесленных операций и расширения меновых сношений, цехи естественно дробились все более и более. Так, по словам Маурэра, в более раннюю эпоху не только ремесленники, ведущие однородный промысел, входили в состав одного цеха, но и один же цех часто соединялись и представители многих родственных отраслей занятий. Так, в Базеле каменщики, плотники, штукатуры, каретники и некоторые другие ремесленники составляли один цех; к цеху лодочников принадлежали здесь также рыбаки; к цеху садовников огородники и т. п. В Страсбурге в один и тот же цех входили дубильщики, башмачники и др. Вначале кузнецы выполняли всевозможные железные работы. Во Франкфурте на Майне к кузнецам принадлежали изготовители шпор, оловянные, оружейники, гвоздари, ножевщики, изготовители подков, а с 1552 г. также и часовщики. Но с течением времени этот порядок изменился. С XIII столетия изготовители подков стали отделяться от оружейни-

ков, оружейники от ножевщиков, от слесарей и гвоздарей. Оружейники в свою очередь разделились на шлемовщиков, щитовщиков, броневщиков, полировальщиков брони, панцириков; ножевщики—на ножевщиков в собственном смысле и на изготовителей кос. Каждый из этих подотделов организовался в новое отдельное ремесло и часто даже в особый цех. Цехи эти назывались иногда, например в Базеле, полуцехами и расщепленными цехами. В Ульме красильщики и ткачи грубой шерсти принадлежали к одному цеху купцов. Но в XV столетии те и другие выделяются из цеха купцов и образуют свой собственный цех. Башмачники также подразделялись на шьющих новые башмаки, починяющих старые, шьющих туфли и т. д. В Мюнхене к цеху ткачей принадлежали всевозможные ткачи, как шерсти, так и льна. В XV столетии являются здесь уже два цеха, а к концу его ткачи шерсти снова распадаются на два цеха—суконщиков, занимающихся обработкою тонкой фламской и итальянской шерсти, и ткачей, обрабатывающих простую туземную шерсть. К ним привходит в течение того же столетия еще цех перчаточников, изготавливающих перчатки из шерсти, и вязальщиков шерстяного белья, из которых впоследствии, как в Кенигсберге, образуются ткачи-чулочники, вязальщики чулок и т. п. По временам, правда, встречается и соединение различных цехов в один, но процесс дробления их является общим правилом гораздо обширнее, сильнее и глубже, нежели обратный ему.

Деление цехов на виды и подвиды с течением времени становилось не под силу старым цеховым порядкам, которые не могли уже сдерживать прежней пропорциональности между производством и потреблением всех и каждого, имея дело с безмерным множеством самых разнообразных и в то же время самостоятельных производителей. По мере нарастания новых условий и отношений прежнее ремесленное устройство становилось мало-помалу неудовлетворяющим своему назначению, весьма тягостным для заинтересованных лиц, наконец, просто смешным. Во Франции портной не имел права чинить старого платья, лоскутник делать нового. Ящики изготавливались одним цехом (*coffretiers*), замки на них набивались другим (*serruriers*). Трактирщик не имел права приготовить жаркого и печь пироги—на это были *vôtisecriers* и *pâtissiers*. Кузнец не делал гвоздей, штукатур не имел права делать отверстий в стене, а седельщик—прибить к седлу металлические украшения и т. д. В Германии каменщик не мог ставить печи, портной нашивать меха, булочник печь пироги, столяр вставлять стекла в сделанные им самим рамы и т. п. Столь мелочное общественное деление труда порождало множество специальных определений в цеховых статутах и множество споров и столкновений в жизни. Возникал целый ряд вопросов: когда новое платье должно поступить в руки тряпичника? Когда железный лом или ножик

должен сделаться предметом торговли купца старым железом? Делая замок, почему не сделать винтов для него нужных? В мемуарах французского парламента процессы, возникавшие вследствие жалоб цехов на нарушения взаимных прав, составляют целые фолианты. Дело очень часто решалось не приговором парламента, а при посредстве кровавых свалок.

Нетрудно видеть из этих фактов, что процесс дробления цехов был вместе с тем и процессом их разложения. По мере возрастания дезорганизации в общественном делении труда росла необходимость в замене утраченной простой кооперации* другою формою ее, — соединением в группы бесчисленного множества самостоятельных хозяев. Вот эту-то задачу и стала разрешать по-своему капиталистическая продукция под видом той мануфактуры, о которой идет речь у Маркса. На место множества отдельных мастеров мануфактура ставит рабочий механизм, состоящий из детальных рабочих под властью одного капиталиста. Вследствие этого общественное деление труда на время сузилось и заменилось еще более значительным делением операций внутри отдельной мастерской.

Но распадение цехов является последствием не одной только указанной причины, а весьма многих, цепляющихся одна за другую. Так, например, развитие сношений имело результатом изменение потребностей и возрастание сбыта, а эти последние явления — введение улучшений в производство. Но всякое усовершенствование в процессах производства являлось конкуренциею для цехов и влекло за собою отчаянную борьбу за существование. «Если ход развития ремесла», говорит Степанов**, «делал ненужными известные предметы, то дело шло о жизни и смерти членов корпорации. В этих случаях являются с их стороны просьбы о покровительстве, о запрещении вредной новизны, а под рукою изобретаются и другого рода средства для избавления от врага. Так, в Германии сошли со сцены после долгой и мужественной обороны шнурочники, делатели стрел, арбалетов, оловянички, парикмахеры, чулочники и многие другие. Очевидно, что при длинных платьях не нужно чулок, при всеобщем употреблении глиняной, фаянсовой и каменной посуды оловянная становится редкостью, при огнестрельном оружии не годятся стрелы, и более естественный вкус в уборке головы роняет употребление париков. Прежде чем европейские правительства, по примеру революционной Франции, принялись за ломку старых ремесленных учреждений, усовершенствованные способы производства, возникновение фабрик и заводов (мануфактуры), перемена привычек и вкуса потребителей стерли многие из них без малейшего участия общественной власти».

* «Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности и пр.», Киев 1864.

** «Сравнительно-исторический очерк организации ремесленной промышленности и пр.», Киев 1864.

В том же самом направлении действовала борьба новой демократии, разившейся с XIV столетия, — подмастерьев с новой аристократией внутри самых цехов — мастерами. Эта новая борьба есть начало великого современного общественного столкновения между классами капиталистов и рабочих. Положение подмастерьев, не вполне удовлетворительное и в прежнее время, хотя все же довольно сносное, начиная с XIV в., когда цехи одерживают решительную победу над старогражданами, становится все хуже и хуже. Вступная плата в цехи возрастает, число членов их ограничивается, требуется часто представление дорогой образцовой работы. К этому присоединяется все резче и резче проводимая наследственность цехов для уменьшения соперничества. Понятно, что все это уменьшало для подмастерьев шансы становиться со временем самостоятельными мастерами, на что они имели полное право. Отсюда стачки, тайные общества подмастерьев с целью противодействия патронам и т. п. Но те же самые причины послужили к образованию готового контингента наемных рабочих для возникающих капиталистов.

Таким образом совокупное действие множества причин, полное перечисление которых повело бы нас слишком далеко, подкапывало ремесленную кооперацию в самом корне и понемногу водворяло на развалинах ее капиталистическую мануфактуру. Эта последняя представляет, в известном смысле, несомненный шаг вперед. Она расширяет размеры производства и сбыта и тем способствует распространению кооперативных связей на множество людей, не знавших прежде о существовании друг друга. Она соединяет вместе разбросанных ремесленных производителей и тем дает начало действительной общественной продукции, более правильной и механической, чем прежде. Все эти результаты мануфактуры тем важнее, что достижение их приходится на время, когда ремесленное устройство находилось в полнейшем разложении и когда от прежних благ его не оставалось и следа. Но если мы сравним мануфактуру с эпохой процветания цехов, то мы легко заметим, что указанный прогресс оправдывал поговорку «нет розы без шипов».

Чем заменяет, например, мануфактура ту простую кооперацию городской общины, которая служила почвою для цехового разделения труда, а также ту, которая соединяла вместе отдельных мастеров одного цеха? Борьбою интересов не на живот, а на смерть между всеми, кто только входит во взаимные экономические отношения, между производителями и потребителями порознь и вместе, между рабочим и рабочим, рабочим и хозяином. Что ставит, далее, мануфактура на место прежних патриархальных отношений между мастером и подмастерьем? Бездну между капиталистом и рабочим. — Все эти изменения понятны. При постоянстве отношений ремесленной продукции нетрудно вычислить издержки производства и так-

сою нормировать размер цены товаров. Но та же такса становится уже делом невозможным при непрерывных колебаниях в количестве и в качестве продукта и при неверности сбыта. Для достижения хотя приблизительного равновесия затрат в произведениях, поступающих в обмен, не остается ничего иного, как покупателю не додавать, продавцу же запрашивать не в меру. Тому же назначению удовлетворяет и борьба между производителями однородного товара с одной и потребителями его с другой стороны. Оставленные с глазу на глаз, отдельные производитель и потребитель не могли бы дебатировать цены вполне свободно и успешно, и вот на помощь к ним являются соперники. Таким же образом, пока все дело в том, чтобы доставить удовлетворение вполне и наперед известным потребностям немногочисленного круга лиц, нет ни малейшей надобности в обширных мастерских, и каждый может с легкостью вести самостоятельное и отдельное хозяйство. Но как прикажете остаться при прежних способах и формах производства, когда становится необходимым работать на множество отдаленных и-случайных покупателей, которых предстоит еще добыть, не говоря уже о том, что все, относящееся к их потребностям, есть книга на незнакомом языке? Нетрудно видеть, что под влиянием таких причин, во-первых, возрастает централизация производства, во-вторых, возникает иерархия среди производителей отдельных мастерских и, в-третьих, увеличивается значение функции распорядителя-капиталиста в ущерб всем прочим функциям детальных соучастников труда.

Все это довольно длинное отступление о ремесленном устройстве имело целью показать, какая почва лежала под капитализмом, благодаря каким мотивам на смену ремесла пришла мануфактура. Не знаем, следует ли прибавлять, что очерк наш не более, как бледный снимок с тех явлений, о которых он трактует, и что мы не коснулись многого такого, что представляет немаловажное значение для полного и всестороннего освещения вопроса. Но так или иначе, а он достаточно дает понять, насколько прав был автор «Капитала», когда поставил учение о кооперации на тот высокий пьедестал, которого ему недоставало в трудах экономистов.

Однако, тот ошибся бы, кто бы подумал, что сложная кооперация есть исключительный атрибут одной мануфактуры и отчасти ремесла. При этих формах производства она представляет явление постоянное. Но изредка, по мере надобности, ее употребляют в дело и на гораздо более ранних ступенях экономического развития. Вот несколько примеров, служащих для характеристики порядков, которым следуют при земледельческих работах общинным способом. На северо-восточном берегу Новой Гвинеи* *обработка почвы* производится сообща посред-

* «Вестник Европы», июнь 1874 г., «Клипер Изумруд».

ством заостренных кольев из железного дерева и деревянных железопаток: «Мужчины, двигаясь шеренгой, кольями поднимают большие глыбы земли, расчищенной из-под обгорелого леса; по мере того, как они идут вперед, за ними двигаются женщины и разбивают землю на меньшие комы; за женщинами следует ряд детей, окончательно разрыхляющих ее». В Сербии*, при снятии жатвы «мобой» (род помочи или толоки), работы идут в таком порядке: «Одни жнут, кладя пучки за себя, другие подбирают эти пучки, третьи вяжут снопы, четвертые плетут для снопов веревки; сообразно с самым разделением этого труда, веревки плетут люди пожилые, снопы вяжут те, у которых мышцы поздоровее, собирают пучки ребяташки (лет до 17), а жнет народ сильный—неуступающий—мужчины и женщины». Жители курганского округа и других местностей средней и южной Сибири** соблюдают при *молотьбе* следующие правила: «Они кладут снопы сушеного хлеба в два ряда, комлями или соломою внутрь, а колосьями в наружную сторону; тогда в два ряда молотят, двигаясь взад и вперед. В это время старушки и дети раскладывают другой такой же ряд снопов, и когда молотильщики переходят к другому разложенному ряду, то те же старухи идут к перемолоченному первому ряду, выбирают солому или переворачивают снопы, чтобы еще помолотить, если в колосьях еще остались зерна». Читатель, без сомнения, согласится с нами, что примеры эти очень интересны и что они бросают немного света на совершенно темную доныне сферу общественного сочетания труда у чисто земледельческих народов. А между тем, какая масса материала, имеющего отношение к этому предмету, а также к распорядкам производства у народов охотничьих, рыболовных и кочевых лежит еще под спудом в бесчисленной литературе путешествий!

Еще раз повторяем, все сказанное нами показывает ясно, что даже в том, стесненном рамках капитализма, виде, в каком трактуется кооперация в «Капитале», эта последняя приобретает новое и чрезвычайно важное значение, мимо которого прошли другие экономисты. Но, чтобы не оставить в этом и сомнения, мы обратим внимание читателя на некоторые логические последствия той роли, которая отведена кооперации Марксом.

Социалистические писатели тридцатых и сороковых годов составили, как известно, громадное множество планов желательного в интересах большинства народонаселения кооперативного устройства будущего общества. При этом естественно предполагалось, что люди могут по собственному желанию ввести в употребление какую им угодно форму сочетания труда, лишь бы только она казалась им разумною и выгодною. С другой стороны, противники социалистов, стоявшие на страже *status*

* «Современник», 1865 г., т. CVIII, «Сербское село», стр. 136—137.

** «Отечественные записки», май 1876 г., «Записки барона А. Е. Розена», стр. 17—18.

quo, с важностью взвешивали те выгоды и невыгоды, которые бы сопровождали замену существующего экономического строя кооперативным, и если приходили к отрицательному на этот счет решению, то только на том основании, что новые идеи казались им превратными, опасными и вредными. При этом опять-таки без замедления допускалось, что вопрос о самом осуществлении того или другого придуманного плана общественной кооперации или совсем лишен значения, или, по меньшей мере, маловажен. Был, наконец, и еще процент людей, который, в силу таких или иных соображений, стремился повернуть назад колесо истории и обратить ее к порядкам блаженной памяти ремесленно-феодалного устройства. Нетрудно видеть, что все эти три фракции различных мнений одинаково признавали за человеком право и возможность творить общественные формы из ничего, т. е. независимо и даже наперекор действительности. Только первая и третья относились к такой предполагаемой свободе действий человека одобрительно, тогда как вторая, большей частью, опасалась тех последствий, к которым могло бы привести употребление этой свободы в дело. Но так ли это, действительно ли подобная точка зрения на сферу деятельности человека и целого общества могла считаться верною?

«Нет.», отвечает Маркс: «когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего движения, то оно не в состоянии ни перескочить через естественные фазы своего развития, ни отменить их при помощи декрета; но оно может сократить и облегчить мучение родов». Вот эти-то естественные фазы и суть не что иное, как специфические формы общественной кооперации. Они идут одна другой на смену в силу необходимого и неизбежного закона внутреннего развития общества, а потому и не могут заменяться какими угодно другими формами кооперации. Форму общественного строя во всем ее целом нельзя придумать, нельзя и воротить назад, как невозможно перескочить из ремесла, помимо мануфактуры, в фабрику, или из фабрики в мануфактуру. Форма эта дается самой жизнью; можно только, отправляясь от нее и участь у более старых наций, предсказывать другую, а где нельзя и этого, там, по выражению Прудона, «l'humanité agit avant de raisonner son action; à demain les objections des sages». Это означает не то, что приведение в исполнение того или другого *сочиненного* кооперативного устройства общества сопровождалось бы гибельными и вредными последствиями, как твердят с своей полицейской точки зрения экономисты, а просто то, что *подобная* перемена составляет такую же абсолютную невозможность, как невозможно достать луну с неба. Ни составители так называемых «систем», ни их противники—экономисты-реакционеры и либералы—не обратили внимания на то, что существующее общество и без того является кооперацией, и что кооперация эта ежедневно и ежечасно растет в глубину и в ширину. «Социалисты говорят:

общество необходимо организовать, экономисты—общество организовано, я же утверждаю, что общество организуется», превосходно писал Прудон в своих «Экономических противоречиях»*.

Но неужели же, спросит, может быть, читатель, так и предоставить все естественному течению вещей, воздерживаясь от всякого сознательного вмешательства в движение общественных форм?

Нет, ответим мы ему: во-первых, подобное воздержание точно так же невозможно, как и достижение тех целей, о которых шла речь выше, а во-вторых, упомянутое «сокращение и облегчение мучения родов» представляет само по себе в высшей степени обширную и благодарную задачу воздействия на общественные явления. Реки нельзя ни уничтожить, ни создать, сколько бы народу ни принималось за это дело; но можно изменить ее течение, можно приподнять или понизить ее уровень, можно оградить берега от наводнений. И это совсем не простая аналогия. Река по отношению к человеку есть внешняя сила природы, которую можно только регулировать, а не создать. Такою же внешнею силою природы является для человека и для целого общества данная форма общественной кооперации. Чтобы регулировать ее, необходимо предварительно отыскать в ней некоторые слабые пункты; одним из таковых является, например, продолжительность рабочего дня в фабричных предприятиях машинной индустрии. Сократите здесь труд, вы этим подействуете на *уровень* системы сочетания труда и вместе с тем вы сократите переход из одной формы общественной кооперации в другую.

Ввиду такого громадного значения кооперации не удивительно нимало, что, приступая к разработке этого предмета, Маркс не остановился на общих фразах о тех выгодах, которые приносит простая или сложная кооперация в том или в другом отдельном случае, а обогатил учение о ней множеством новых фактов и новых точек зрения. Нет надобности перечислять все это вновь: достаточно напомнить об этом читателю.

Не меньшей важностью отличается, во-вторых, то обстоятельство, что Маркс устанавливает строжайшее различие между делением труда мануфактурным и общественным. Чтобы понять яснее всю реальность этого различия, необходимо на минуту снова оторваться от рассмотрения мануфактурного периода и обратиться к предшествующему ремесленному. Каждый ремесленник был владельцем отчуждаемых товаров, но в то же время он был в значительной степени и производителем их.

* Еще лучше выражает он эту очевидно коренную свою мысль в другом труде («Mélanges», Articles des journaux, 1848—52, p. 56): «La société c'est le mouvement perpétuel. Elle n'a pas besoin, qu'on la remonte ni qu'on lui batte la mesure. Elle porte en soi son ressort toujours tendu, et son balancier». — *Аом.*

Конечно, он держал учеников и подмастерьев; но организация их труда настолько была элементарна, что в данном случае может быть смело оставлен без внимания. Таким образом, в эпоху процветания ремесла могло существовать одно лишь общественное дробление труда, деление его между одними только самостоятельными хозяйствами. С развитием мануфактуры это изменилось. Места прежних ремесленников заняли хозяева-мануфактуристы и между ними продолжало существовать общественное деление труда. Но *позади* каждого из них выросла обширная мастерская, наполненная детальными рабочими, из которых каждый производил особую операцию. Только соединение этих рабочих представляло собою единицу—мануфактурное предприятие специального общественного типа, только соединение их работ доставляло специальный товар. Но самое разделение труда в мастерской носило совершенно особый характер, который и очерчен подробно в «Капитале». Конечно, «с точки зрения вечности», группировки рабочих и хозяев представляют не больше как различные, по сложности, ступени в обширном сочетании труда между людьми. Но всякий согласится, что, невзирая на это, указанное Марксом различие все же весьма существенно и что далеко не одно и то же—служить ли представителем отдельного предприятия или же отдельной частичной операции.

Что касается, наконец, в-третьих, того отношения, в котором находится кооперация к другим экономическим явлениям, то в «Капитале» мы опять-таки впервые встречаем совершенно достаточное разъяснение его. Новейшие формы сложной кооперации, как осуществляются они в истории, ставятся Марксом в непосредственную зависимость от водворения капиталистической продукции. Что касается общественного деления труда, то связь его с капитализмом очевидна: это есть род кооперации между отдельными капиталистами, которые сбывают свои товары в больших массах. С такою же ясностью указывает автор «Капитала» на ту зависимость, какая существует между капитализмом и мануфактурным сочетанием труда. С одной стороны, говорит он, для сосредоточения значительной массы рабочих в одной мастерской необходимо накопление известной минимальной суммы денег в руках отдельного капиталиста и известной минимальной массы средств существования и сырья для продажи рабочим и капиталисту*. С другой же стороны, мануфактурное сложение труда, подобно всякому другому способу увеличения производительной силы труда, пускается в ход не для

* У Ад. Смита и отчасти у других экономистов также утверждается, что разделение труда немислимо без скопления запасов или капиталов, но при этом не упоминается наиболее характеристическая черта подобных запасов, а именно, принадлежность их известным лицам и относительное отсутствие их у многих других лиц, которые именно поэтому становятся наемными рабочими.—*Авт.*

чего много, как для удешевления рабочей силы и для увеличения добавочной части рабочего дня на счет необходимой. Таким образом, кооперация в том виде, в каком осуществляется она в капиталистическом обществе, и самый капитал, не будучи одним и тем же, представляют, однако, в известной степени не более как различные стороны одной и той же медали. Большая сумма денег и товаров в руках отдельного капиталиста является условием соединения в данном пункте большого числа наемных рабочих или мануфактурной кооперации, а большое число таких рабочих есть, в свою очередь, условие производства и накопления большой суммы товаров и денег. Причина обуславливает здесь известное последствие, а последствие влечет за собой вновь ту же причину—*tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde*. С наглядною отчетливостью представляется эта соотносительность современной кооперации и капитала в тех редких случаях, когда, как иногда в колониях, связь между капиталом и рабочими внезапно упраздняется: «Раздробление средств производства между многочисленными производителями, которые владеют и работают ими, уничтожает вместе с капиталистическим *сосредоточением* и капиталистическое *основание* всякого комбинированного труда» («Капитал», стр. 657).

Мы могли бы привести значительное число примеров в подтверждение того, что, упуская из-виду только что рассмотренную зависимость между капитализмом и данными формами общественной кооперации, логически приходишь к неверным выводам и заключениям. Но мы ограничимся одним, полагая, что в настоящем случае входить в излишние подробности неуместно. [Мы обратим внимание читателя на особенности теории дарового кредита Прудона, имеющие отношение к только что рассмотренному нами предмету.]¹⁰⁸ При этом мы совершенно оставим в стороне вопрос о том, какие меры предназначал Прудон для достижения своих целей и насколько отличались они характером практичности и целесообразности. Для нас будет иметь единственное значение убедиться, осуществим ли вообще тот строй экономических явлений, который стремился водворить Прудон.

Мы знаем, что задачей Прудона было, путем установления безвозмездного кредита и некоторых других мер, добиться упразднения процента, а вместе с тем и прибыли или так называемой производительности капитала*. Находилась ли, по мнению Прудона, эта производительность капитала в зависимости от наемного труда или происходила от других причин, по этому вопросу он ясных указаний не дает. В одном месте своих трудов он говорит, что, под влиянием уничтожения процента, каждый

* «Il y a un moyen plus simple, plus efficace, et infiniment moins onéreux et moins risquable d'opérer la conversion de cette propriété... ce moyen... c'est de faire cesser par l'organisation démocratique du crédit... la productivité du capital» («Mélanges», vol. III, p. 39).

капиталист делается рабочим*, в другом, что каждый производитель станет капиталистом**, и в третьем, наконец, что ценность рабочей силы, а, следовательно, и покупка ее капиталистом есть не действительность, а фикция***. Какой отсюда следует общий вывод, — решать мы не беремся. Но одно, во всяком случае, верно, что желанием Прудона было доставить как можно дешевле капитал каждому производителю, оставляя все прочие экономические отношения в том виде, как они существуют. Сделавшись обладателями капитала, производители, не покидая своих нынешних профессий, продолжали бы пользоваться полнейшей свободой труда****, обмениваться между собою товарами***** и даже вступать во взаимное соперничество*****.

Таким образом, негрудно видеть, что, с точки зрения Прудона, существование нынешнего общественного деления труда, т. е. деления его между самостоятельными производителями и в то же время владельцами товаров, несколько не препятствует возможности уничтожения дохода с капитала. Говоря иначе, общественные призвания самостоятельных хозяев современных мануфактур и фабрик могли бы сохраниться во всей своей неприкосновенности, и, несмотря на это, доходность капитала прекратилась бы! Несостоятельность подобно предположения очевидна. И в самом деле, что такое производительность или доходность капитала? Прибавочный продукт наемной рабочей силы, комбинация которой осуществляется в *отдельной* мастерской. А кто нанимает труд или, вернее, покупает рабочую силу для организации мастерской? Капиталист или, что то же, представитель самостоятельной общественной профессии, общественного разделения труда. С какою целью делает он это?

* «Le déficit qu'éprouve A. (capitaliste-entrepreneur) dans les opérations (du crédit gratuit) il le couvre immédiatement par le bénéfice qu'il obtient à son tour comme travailleur...» («Intérêt et principal», p. 305).

** «Attendu qu'au moyen de la Banque d'Echange, tous producteurs peuvent et doivent se considérer comme capitalistes» («Mélanges», vol. I, p. 57).

*** «La valeur du travail est une expression figurée... C'est une fiction au même titre que la productivité du capital» («Système des contradictions économiques», vol. I, p. 39).

**** «Voilà tout mon système: liberté de conscience, liberté de la presse, liberté du travail, liberté du commerce... libre concurrence... liberté absolue, la liberté partout et toujours» («Mélanges», vol. I, p. 46).

***** «Eh bien, j'ai dit que tout échange de produits et de capitaux peut s'effectuer au comptant» («Intérêt et principal», p. 291). Je vous ai prouvé en dernier lieu, par l'exemple de la Banque de France, que c'était chose facile et pratique d'organiser l'égalité dans l'échange soit la circulation gratuite des capitaux et de produits» (ibid.). «A fur et à mesure de sa fabrication B. (рабочий при системе дарового кредита) vend ses produits» (ibid., p. 298).

***** «La concurrence est nécessaire à la constitution de la valeur, c'est-à-dire au principe même de la répartition, et par conséquent à l'avènement de l'égalité» («Système des contradictions économiques», vol. I, p. 195). «La concurrence dans le travail peut elle être abolie? Autant vaudrait demander, si la personnalité, la liberté, la responsabilité individuelle peut être supprimée» (ibid., p. 222). — *Аом.*

Для получения прибыли путем сбыта в громадных массах произведенной купленной им рабочей силы. Читатель, без сомнения, видит ясно, как велика соотносительность всех упомянутых явлений, до какой степени они поддерживают и обуславливают одно другое. А между тем, Прудон желает сохранить общественное деление труда, обмен товарами, соперничество и т. п. и в то же время уничтожить производительность капитала. Но это значило бы только, что можно устранить наемный труд и удержать во всем значении общественную функцию капиталиста. Пример австралийского капиталиста Пилля показывает вполне наглядно, какими последствиями сопровождаются подобные события.

Допустим на минуту, что Прудону, действительно, так или иначе, удалось бы достигнуть уничтожения производительности капитала (путем отмены наемного труда, к чему он, впрочем, не стремился) и в то же время сохранить общественное деление труда между отдельными владельцами товаров. Но, спрашивается, чем бы пришлось быть этим последним при отсутствии принадлежащих им мануфактур и фабрик? Ремесленниками — вот единственный ответ. Итак, на место фабричных и мануфактурных мастерских мы получили бы устарелую общественную форму, от которой ушли вперед на несколько веков, и только. Само собою разумеется, что и подобный результат представлял бы абсолютную невозможность, но если бы это было и не так, то стоит ли подобная овчинка выделки?

Нам, разумеется, заметят, что Прудон имел в виду способствовать образованию системы производительных ассоциаций, а не изолированных ремесленников. Действительно, он сам высказывался в этом смысле*. Но, допуская попрежнему, что план его мог быть осуществим, мы просили бы читателя подумать, возможен ли такой порядок отношений, при котором отдельные рабочие ассоциации меняются одна с другой *товарами*? А ведь не чем иным, как именно товарами, пришлось бы обмениваться между собою ассоциациям гвоздешников, портных, столяров, мебельщиков и пр., между которыми труд разделен общественно. Вот если бы все они вошли в состав одной ассоциации, тогда обмен товаров прекратился бы, но, в то же время, не могло бы быть и речи о нынешних профессиях и призваниях. Но ведь уничтожения товаров и обращения их Прудон, как мы видели, не желает; а между тем альтернатива неизбежна — или капиталистическое деление труда и отсутствие рабочих ассоциаций, — или рабочие ассоциации и отсутствие капиталистического деления труда.

* «Le capital ayant perdu sa faculté d'usure, la solidité économique se crée peu à peu et avec elle l'égalité des fortunes: vient ensuite la formation spontanée et populaire, des groupes ateliers ou associations des travailleurs: en dernier lieu se détermine et se formule le groupe suprême, qui comprend la nation toute entière» («Mélanges», vol. III, p. 39).

Сделаем для выяснения этой истины несколько ближайших замечаний. Мы знаем, что обращение денег и товаров является одним из коренных условий капиталистической организации общества. Мы знаем, далее, что обращение это складывается обыкновенно из двух актов—простого обращения или продажи для покупки и превращения денег в капитал или покупки для продажи. Как ни противоположны эти акты, но они служат неизбежным дополнением один другому и даже сливаются отчасти в одно целое. Следующий пример покажет это. При существовании ремесленного строя хозяин-одиночка, часовщик, *продавал* заказчикам свои часы и на полученные деньги он *покупал* хлеб, масло и другие необходимые ему предметы потребления. Это была продажа для покупки в своем чистейшем виде,—в то время если не единственный, то, наверное, господствующий акт обмена. Но, с развитием капитализма, на место ремесленника-часовщика становится владелец часовой мануфактуры с наемными рабочими. Он также *продает* часы (понятно, в больших массах) и часть вырученных денег отдает рабочим для *покупки* средств существования. В последнем счете это та же продажа для покупки и с тем же назначением как прежде, а именно—способствовать удовлетворению потребностей производителей. Но дело в том, что этот акт теперь значительно сложнее, благодаря вмешательству особого товара—рабочей силы, который продается своим владельцем для покупки предметов потребления. На этом основании *продажа* владельцем мастерской часов, будучи первой фазою в процессе продажи этого товара для покупки средств существования рабочим, есть в то же время вторая, заключительная фаза другого акта—*покупка* владельцем мастерской рабочей силы. Итак, зависимость между простым обращением товаров и превращением денег в капитал или покупкой для продажи не подлежит сомнению. Но эти меновые акты не только связаны между собою, один из них—покупка для продажи—является *conditio sine qua non* другого—простого обращения товаров. Нетрудно усмотреть причину этого явления. Простое обращение товаров начинается с продажи их капиталистом в больших массах. Но что за надобность была бы капиталисту *продавать*, если бы он не рассчитывал при этом на реализацию приобретенной им *покупкою* прибавочной работы? Очевидно, что надобности нет, и что, распорядясь продажей для покупки, капиталист интересуется единственно и безраздельно покупкой для продажи, или, что то же, получением прибыли.

Но постоянное превращение денег в капитал влечет за собою расширение производства и накопление капитала. Ближайшие условия этого процесса будут разъяснены ниже. Здесь достаточно заметить, что расширение производства и сбыта, с одной стороны, представляет неизбежное последствие повторения менового акта покупки для продажи; с другой же сто-

роны, является условием существования капитализма. Тот или другой отдельный капиталист, не имеющий возможности увеличивать размеры производства и сбыта, немедленно же побивается своими соперниками и изгоняется ими с общественного рынка. Во избежание столь жалкой участи, пускаются в ход всевозможные усовершенствования, служащие для увеличения прибавочной части рабочего дня на счет необходимой или, что то же самое, для удешевления рабочей силы. Мы видели, что сама даже мануфактурная кооперация рабочих возникает для достижения той же цели. Чем лучше организован труд, чем больше введено усовершенствований и чем они действительнее, тем больше получает капиталист товара, и хотя продает каждый экземпляр его дешевле, но с избытком восстанавливает свою потерю на общей массе товара в зависимости от уменьшения необходимой части дня. А чтобы производство расширялось, необходимо расширение сбыта, и вот в течение всей новейшей исторической эпохи погоня за отысканием новых рынков не прекращается ни на минуту. Итак, мы видим, что при существовании общественного деления труда или самостоятельных профессий, простое обращение товаров немисливо без превращения денег в капитал, а это последнее, в свою очередь, невозможно без увеличения капитала или, что то же, без расширения производства и сбыта.

Взглянем теперь на соответствующие отношения таких рабочих ассоциаций, между которыми существовало бы деление труда, подобное тому, какое мы наблюдаем среди владельцев мануфактурных мастерских. Ассоциации эти, согласно предположению Прудона и в силу своей общественной организации, были бы такими же владельцами товаров и также продавали бы их на сторону. Говоря иначе, между ними *должно* существовать такое же простое обращение товаров, какое существует ныне, или продажа для покупки. Но о существовании здесь покупки для продажи не может быть, разумеется, и речи. Во-первых, получение прибыли оказывается несомненным с самым назначением ассоциаций, в которых нет наемного труда, в которых все производители суть соучастники в обладании товаром. Вместо того, чтобы удлинять рабочий день, подобные ассоциации, конечно, заменили бы прибавочную работу увеличением досуга. Во-вторых, покупка для продажи есть явление неразлучное с постоянным расширением сбыта, а тут потребности всех покупателей заранее известны и представляют в известной степени неизменную величину. Является однакоже вопрос, возможно ли при таких условиях осуществление простого обращения товаров, в сопровождении соперничества, улучшений и прочих необходимых атрибутов продажи для покупки среди капиталистического общества? Нет, невозможно. Мы видели, что простое обращение служит в настоящее время не более как средством для превращения денег в капитал; что как

соперничество, так и введение в производство улучшений имеют единственной целью увеличить размеры капитала. Ничему подобному нет места в организации кооперативной. Так, например, за что будут вести между собой борьбу отдельные ассоциации? Из-за «установления ценностей», употребляя выражение Прудона, вступать в соперничество им нет нужды, так как при постоянных, наперед известных условиях производства и сбыта, ремесленная такса, попрежнему, окажется вполне уместной и полезной. А где производители и потребители взамен соперничества прибегают к таксе, там исчезает всякий след *товара*. Таким же образом возможна ли борьба между отдельными ассоциациями из-за введения улучшений? При капиталистической организации, открытия и изобретения имеют целью увеличение размеров производства. Удешевляя каждый экземпляр товара, они стремятся увеличить ценность общей его массы. Но при кооперативной организации за улучшением не может следовать увеличение размеров производства, а только уменьшение работы как вообще, так и по отношению к отдельным экземплярам произведений. Какой же следует отсюда вывод? Чем больше усовершенствований пустит в дело та или другая отдельная ассоциация и чем они действительнее, тем дешевле будут ее произведения, тем меньше ей придется получать в обмен чужих произведений. За что же тут бороться? Разве одним ассоциациям — за то, чтобы *другие* стремились к применению улучшений, плоды которых достанутся первым? Еще раз повторяем: при существовании между ассоциациями общественного или профессионального деления труда, простое обращение товаров невозможно.

Надеемся, что эти разъяснения достигли своей цели, и что читатель составил себе довольно точное понятие о том, какою неразрывною тканью являются современные общественные формы, как крепко они держатся одна другою. Теперь нам снова можно приступить к оставленному нами «Капиталу».

МАШИНЫ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Дальнейшим способом удешевлять товары и тем увеличивать прибавочную часть рабочего дня насчет необходимой является, на пути развития капиталистической продукции, употребление в дело *машин*. Всякая сложная машина состоит из трех существенно различных частей, а именно: движущего механизма, передаточного механизма и рабочего механизма. Первый действует в качестве двигателя, сообщая силу всему механизму. Он производит свою движущую силу или сам, например, паровая, calorическая, электрическая машина, или же заимствует ее от толчка внешней силы природы, например, колесо водяной мельницы от воды, ветриной от ветра и т. п. Передаточный механизм состоит из маховых и зубчатых колес, шнурков, ремней, цепей и т. п. и регулирует движение, превращая в случае необходимости его форму из перпендикулярной в круговую, разделяет его на части и переносит на рабочий механизм. Обе эти части механизма существуют только для того, чтобы сообщить движение рабочей машине. Эта последняя есть именно та, которая составляет исходный пункт промышленной революции XVIII в. и доныне остается с той же ролью в тех отраслях ремесла или мануфактуры, которые переходят к фабричной системе только в настоящее время.

Если всмотреться ближе в рабочий механизм, мы найдем тут вообще, хотя и в несколько измененной форме, те же самые аппараты и инструменты, которыми работал ремесленник и мануфактурный рабочий, с тою разницею, что тут они являются орудиями не человека, а машины. При этом бывает или так, что вся машина представляет не более, как новое издание старого ремесленного инструмента, например, ткацкий механический станок, или же укрепленные на остова рабочего механизма орудия суть старые знакомые, как, например, веретена в прядильной машине, иглы в чулочной-вязальной станке, пилы в пильной машине и т. д. Сходство с орудиями ремесленника или мануфактурного рабочего идет еще дальше, а именно, рабочая

машина в начале механического периода производства изготавливается не иначе, как мануфактурным или ремесленным способом, и лишь постепенно начинает производиться также при помощи машин. Итак, рабочая машина есть такой механизм, который, будучи приведен известным образом в действие, совершает при помощи своих инструментов те же операции, которые прежде совершал сам рабочий своими инструментами. Принадлежит ли движущая сила самому человеку или же сама производится машиною, это не изменяет существа дела. Различие между рабочим механизмом и ремесленным орудием очевидно даже и в первом из этих двух случаев. Число рабочих инструментов, которыми может работать один человек непосредственно, волею-неволею должно быть ограничено числом органов его тела. В Германии пробовали сначала заставлять одного рабочего вертеть два прядильных колеса, т. е. работать одновременно и обеими руками, и обеими ногами. Но это было слишком отягочительно. Зато так называемая *Jenni* (прядильная машина) работала 12—18 веретенами сразу, а чулочный-вязальный станок несколькими тысячами иголок сразу. Таким образом, число одновременно работающих орудий эмансипируется в машине от органических размеров рабочей силы одного человека, и в этом-то и заключается решительное значение именно рабочего механизма в истории промышленности.

На некоторых ремесленных орудиях можно видеть вполне наглядно различие между человеком, как простою движущею силою, и как рабочим, трудящимся при помощи орудия или инструмента. Так, например, на прядильном колесе нога действует только в качестве движущей силы, тогда как рука, оперирующая веретеном, вертит и направляет, вообще выполняет работу прядения в собственном смысле слова. Именно эту последнюю часть ремесленного инструмента и охватывает прежде всего индустриальная революция и предоставляет человеку, вместо прежнего занятия, во-первых, наблюдать за машиною взглядом, а во-вторых, оставаться до известной степени и движущею силою. Напротив того, те инструменты, при которых человек с самого начала действует только в качестве движущей силы, например, при вращении рукоятки мельницы, помпы, при поднимании и опускании крыльев раздувательных мехов и пр., прежде всего призывают употребление силы животных, воды, ветра и пр. Употребление этих сил изредка встречается даже задолго до мануфактурного периода, но они не производят никакой революции в промышленности. Сама даже паровая машина, изобретенная еще в конце XVII столетия, существовала в таком виде до конца XVIII в., и все это время не производила никаких мощных преобразований в производстве. Скорее было именно наоборот, т. е. преобразование рабочих механизмов повлекло за собою необходимость революции в паровой машине. Как скоро человек превращается изобретением механических

инструментов в одну только движущую силу, то становится случайным то обстоятельство, работает ли он тут сам, и потому на его место могут становиться ветер, вода, пар и т. п.

Из всех завещанных мануфактурным периодом движущих сил природы лошадь была самою скверною, частью потому, что у лошади есть собственная голова, а частью—вследствие ее дороговизны и ограниченного применения ее силы на фабриках. Ветер был слишком непостоянен; он чересчур легко ускользал от контроля; вода была гораздо удобнее и действительно играла громадную роль, но и она обладала некоторыми недостатками; например, ее нельзя было увеличивать в произвольном количестве, и она отличалась местным, деревенским характером. Только благодаря изобретению второй уаттовой машины двойного действия был найден двигатель, который сам производит свою движущую силу, который вполне состоит под контролем, удобен для передвижения, допускает сосредоточение производства в городах и имеет универсальное применение.

Необходимо проводить различие между кооперацией машин и системой машин, иными словами, между простым и сложным сотрудничеством машин. В первом случае весь продукт выполняется одною машиною. Эта последняя совершает все те различные операции, которые выполнял ремесленник своими орудиями, например, ткач своим станком, или сумма мануфактурных рабочих. Так, например, в мануфактуре конвертов один рабочий складывал бумагу, другой мазал ее клеем, третий выбивал девиз и т. д., и при каждой из этих операций каждый конверт менял руки. Между тем, одна конвертная машина выполняет все эти операции одним ударом и готовит 3 000 и более конвертов в час. Вот подобных-то машин, из которых каждая заменяет целое ремесло или даже мануфактуру, при кооперации машин бывает несколько. Такова, например, ткацкая фабрика со множеством ткацких станков или швейная фабрика со множеством швейных машин в одном и том же здании. Все эти машины приобретают технологическое единство, благодаря одинаковому и одновременному толчку, который сообщает им первый двигатель при посредстве передаточного механизма.

Что касается системы машин, то она представляет соединенные разнородных машин, из которых каждая выполняет какую-нибудь одну последовательную операцию. Так, например, на хлопчатобумажной фабрике хлопок бьется, режется, чешется, придется при посредстве особых машин, из которых каждая берет его на той ступени общего процесса производства, где оставила его предыдущая машина. Это то же самое, что и мануфактура, только не простая, а механическая, с тою еще разницею, что в простой мануфактуре каждый частичный процесс отчасти приспособляется к самому рабочему; здесь же весь процесс становится чисто объективным, и задача выполнения отдельных операций и комбинации их разрешается уже не

волею человека, а техническим применением механики, химии и пр. Но все же сходство системы машины с мануфактурой простирается до того, что, подобно тому, как в мануфактуре существовали известные отношения между численностью отдельных рабочих, и здесь существуют такие же необходимые отношения между числом, объемом и быстротою действия машин. Непрерывность процесса достигается здесь полная, тогда как в мануфактуре на первом плане было изолирование рабочих друг от друга.

Но на каком бы принципе ни основывалась фабрика, на простой ли или на сложной кооперации машин, она во всяком случае представляет, при существовании общего двигателя, единый и громадный автомат, механическое чудовище, тело которого наполняет целое фабричное здание и демоническая сила которого проявляется в бешеном движении его бесчисленных рабочих органов.

Изобретения Вокансона, Аркрайта, Уатта и т. д. могли быть выполнены только вследствие того, что изобретатели эти нашли среди мануфактурного периода готовым достаточное число ловких механических рабочих. Таким образом мануфактура, производившая орудия и машины, служила непосредственной технической основой фабричной или машинной индустрии, которая при помощи этих машин преобразовала самую мануфактуру и ремесло. Но на известной ступени развития этих средств для машинной индустрии оказалось недостаточным, — понадобилось механическое сооружение самих машин.

Преобразование способа производства в одних отраслях промышленности влечет за собою преобразование его и в других. Это имеет значение прежде всего по отношению к таким отраслям, которые хотя и находятся в изолированном положении, благодаря обществу делению труда, но в то же время обнимают фазы одного общего процесса. Так, например, механическое прядение сделало необходимым механическое ткачество, и оба вместе повлекли за собою механико-химическую революцию в белении, печатании и крашении тканей. Таким же образом механическое преобразование в прядении хлопчатой бумаги имело последствием изобретение машины для отделения хлопчатобумажных нитей от семян, только благодаря которому стало возможным производство хлопчатой бумаги в громадных размерах. Преобразование, далее, в способе производства в земледелии и в индустрии сопровождалось революцией в условиях той и другой — в способах перемещения и сообщения. Старые способы сообщения, в основании которых лежали мелкое земледелие и мелкая промышленность, понятно, оказались ничтожно малыми уже для потребностей мануфактурного производства с его широким делением труда, сосредоточением орудий производства и рабочих. Таким же образом те пути сообщения и способы, которые были завещаны мануфактурой фабрике,

на первых порах только стесняли ее ход, при лихорадочной быстроте ее производства, его размерах, перебрасывании капитала и рабочих из одной отрасли промышленности в другую и всемирных ее связях. Не говоря уже о совершенном изменении в строении парусных судов, средства и пути сообщения постепенно приспособились к новому способу производства, благодаря целой системе речных и океанических пароходов, железных дорог и телеграфов. Те страшные массы железа, которые следовало сковать, изрезать, пробуровать, вылить и т. д., потребовали, в свою очередь, циклопических машин, для производства которых было недостаточно одного мануфактурного машиностроения.

Только в первое десятилетие текущего столетия возникло настоящее сооружение машин. Существенное условие фабрикации машин при помощи машин представляла движущая машина, обладающая большою силою и подлежащая легкому контролю. Такою машиною была уже паровая. Но для отдельных частей каждой машины необходимо уметь производить строго геометрические формы, например, линию, плоскость, круг, цилиндр, шар и пр., не от руки, причем возможны многочисленные ошибки, а при помощи машины. Эту задачу разрешил в первое десятилетие XIX в. Генри Маудсли, изобретая так называемый *slide rest*, точильный аппарат, который сам начинает вскоре изготовляться механически и с точильного станка распространяется на другие отрасли механической промышленности. Этот аппарат заменяет собою не только то или другое специальное орудие, а самую человеческую руку, производящую известные правильные формы при посредстве придерживания, приспособления, направления острия режущего орудия и т. п. по какому-нибудь материалу труда, например, железу. Таким только образом удалось достигнуть производства геометрических форм отдельных частей машины с такою степенью легкости, точности и быстроты, какую ни в каком случае не могла обладать рука самого опытного и ловкого рабочего.

Если обратить теперь внимание на ту часть машин, служащих для сооружения машин же, которая представляет собою собственно рабочий механизм, то мы снова встречаемся с ремесленным инструментом, но только в циклопическом виде. Так, например, буровая машина представляет гигантский бурав, приводимый в движение паровою машиною, и без которого нельзя было бы производить цилиндры больших паровых машин и гидравлических прессов. Механический токарный станок есть циклопический экземпляр обыкновенного токарного станка, приводимого в движение ногами; строгальная машина есть железный плотник, работающий такими же инструментами по железу, как обыкновенный плотник по дереву; машина для разрезывания железа—те же ножницы, а паровой молот какою-нибудь Насмита, весящий 6 тонн и падающий с высоты 7 футов на наковальню в 36 тонн весом,—тот же обыкновенный молот,

только в исполинских размерах. Он, шутя, превращает в пыль гранитный утес, но не лишен и способности вбить гвоздь в мягкое дерево несколькими легкими ударами.

В мануфактуре расчленение рабочего процесса является еще чисто субъективным, комбинацией отдельных рабочих. В системе машины крупная индустрия обладает, напротив того, чисто объективным производственным механизмом, который рабочий находит уже вполне готовым и сложившимся условием производства. Если при мануфактуре социальный рабочий заменяет изолированного еще более или менее случайно, то на фабрике, в системе машины, общество рабочих, большое число их, есть самое условие ее существования, и кооперативный характер рабочего диктуется в последнем случае самую технологическую необходимость.

Мы уже видели, что производительная сила труда, вытекающая из кооперации, ровно ничего не стоит капиталу. Естественные силы пара, воды, ветра обходятся ему не дороже. Конечно, снаряды и способы для пользования всем этим должны быть изобретены, но раз это произошло, то какой-нибудь закон, например, отклонение магнитной стрелки под влиянием электрического тока и т. п. не стоит даже и упоминания. Справедливо, однако, что для употребления в дело открытых наукою законов природы необходимы объемистые и дорогие аппараты. Если таким образом ясно, что крупная индустрия, пользуясь громадными силами природы и естествознания, необыкновенно увеличивает производительность труда, то, с другой стороны, совсем не так очевидно, что это столь значительное усиление производительности труда не поглощается усиленной тратой последнего.

Подобно всякой другой составной части постоянного капитала, машина не создает ценности, а только передает ее продукту, в производстве которого она служит. В этом смысле она, повидимому, не только не удешевляет произведений, но даже делает их дороже в соответствии с своею собственною несоизмеримо большою ценностью. Но следует вспомнить, что чем больше период времени, в течение которого машина может быть в деле, тем больше масса продуктов, на которую переносится ее ценность, и тем меньше часть ценности, передаваемой ею каждому экземпляру продукта. Известно, до какой степени признак долговечности отличает машину от какого-нибудь ремесленного орудия, как по отношению к большей прочности материала, так и по многим другим причинам, например, большей экономии в ее употреблении и т. п. Если вычесть из ежедневной ее работы ценность, передаваемую ею продукту, а также ценность масла, угля и т. д., то окажется, что она действует даром, подобно какой-либо силе природы, не нуждающейся в содействии человека. Очевидно также, что чем долговечнее машина, тем ближе она к типу подобной даровой силы природы.

Если известна разность между общею ценностью машины

и тою частью этой ценности, которая передается единице продукта, то очевидно, что отношение, в котором продукт (в целом составе) становится дороже от участия машины, будет прежде всего зависеть от объема самого продукта, например, от числа его экземпляров. Некий Байнс из Блэкберна в лекции, опубликованной в 1858 г., рассчитывает, что каждая паровая лошадиная сила приводит в движение 450 веретен или 15 ткацких станков. Очевидно, что в первом случае ценность лошадиной силы и ежедневные издержки по ее содержанию распадаются на 450 веретен, а во втором на 15 ткацких станков, так что на каждую унцию пряжи или аршин ткани будет перенесена уже совершенно ничтожная доля этой ценности.

Если оставить в стороне число орудий, пускаемых в ход одною машиною, то сумма произведений будет зависеть от быстроты движений механизма, например, от быстроты вращения веретена, от числа ударов, которое может сделать в одну минуту молот, и пр. Некоторые из испанских молотов дают по 70 ударов, а патентованная кузнечная машина Райдера, кующая молотами придильные веретена, дает 700 ударов в минуту.

Сравнение цен товаров, производимых мануфактурой и ремеслом, с одной стороны, и крупной машинной индустрией, с другой, показывает вообще, что, хотя часть ценности орудий, переходящая на каждую единицу продукта, в этом последнем случае *относительно* и возрастает, но *абсолютно* она понижается. Это означает, что уменьшается абсолютная величина этой части, но в то же время величина эта увеличивается по отношению к совокупной ценности продукта, например, фунта пряжи. Так, например, стальные перья продавались в Англии в 1820 г. по 7 ф. 4 шилл. за 12 дюжин, в 1830 г.—по 8 шилл., в настоящее же время они продаются в оптовой торговле по 2—6 пенсов. Это поразительное по своим размерам и столь быстрое понижение ценности имело причиною переход от ремесленного способа производства к мануфактурному, а от мануфактурного к фабричному. Теперь не подлежит сомнению, что относительная величина ценности постоянного капитала, перенесенного на 12 дюжин перьев, при машинном изготовлении их значительно превышает относительную величину ценности того же постоянного капитала при мануфактурном и особенно при ремесленном их производстве. Так, доля эта в фабричной цене перьев—от 2 до 6 пенсов—может простираться до 75%, тогда как в ремесленной цене их—7 ф. 4 ш.—она могла достигать 10—15%. Но так как вследствие громадного увеличения производства сама фабричная цена в 2—6 пенсов от 600 до 800 раз ниже ремесленной цены в 7 ф. 4 шилл., то понятно, что 75% ценности постоянного капитала в первом случае оказываются гораздо меньше (абсолютно) 10—15% ценности того же рода во втором случае.

Ясное дело, что если бы употреблением машины сберегалось труда лишь столько, сколько стоит она сама, то происхо-

дило бы просто перемещение труда, и не было бы ровно никакой выгоды вводить ее. Но разность между тем количеством труда, которого стоит машина, и тем, которое она делает излишним, сберегает, упраздняет, очевидно, не находится в зависимости от разности между ее ценностью и ценностью вытесняемого ею ручного орудия. Эта первая разность выражается в том, что труд, израсходованный на машину и перенесенный ею на продукт, оказывается меньше, нежели труд, придаваемый рабочим продукту при помощи своего ручного орудия, на смену которого является машина. Таким образом производительность машины измеряется тою степенью, в которой она замещает человеческую рабочую силу. По Байнесу, на каждые 450 веретен приходится по $2\frac{1}{2}$ рабочих, которые в течение 10 часов работы в день прядут 13 унций пряжи, а следовательно в неделю— $365\frac{1}{8}$ ф. Итак, превращаясь в пряжу, 366 или около этого фунтов хлопчатой бумаги поглощают 150 рабочих часов, тогда как на ручном прядильном станке то же самое число фунтов пряжи требует 27 000 часов. До открытия Эли-Уитиеем в 1793 г. так называемого *cottongin*'а отделение 1 фунта хлопчатой бумаги от семян стоило средним числом одного рабочего дня. Вследствие этого изобретения в 1 день стало получаться одною негритянкою 100 фунтов хлопчатой бумаги, а с тех пор деятельность *cottongin*'а еще значительно возросла. Фунт чистой хлопчатой бумаги, стоивший прежде 50 центов, стал после этого продаваться за 10 центов и притом с еще большею прибылью.

При помощи парового плуга паровая машина производит в 1 час за $\frac{1}{4}$ шилл. такую же работу, как произвели бы 66 человек по 15 шилл. в час. Но эти 15 шилл. ни в каком случае не выражают всей работы, придаваемой продукту 66 рабочими. Если уровень прибыли в данном случае есть 100%, то в действительности, как мы уже знаем, рабочие эти произведут работы не на 15, а на 30 шилл., хотя только половина их работы, т. е. 33 часа, будет представлять необходимое их время, эквивалент которого и есть 15 шилл. Итак, если предположить, что машина стоит столько же, во сколько обходится задельная годовая плата, например, 150 вытесненных ею рабочих—3 000 ф., то эти 3 000 ф. ни в каком случае не обозначают *всей* работы, придаваемой ими продукту, а только ту часть их рабочего года, которая представляет их необходимое время. И наоборот, если сама машина стоит 3 000 ф. ст., то эта сумма обозначает *всю* работу, израсходованную на ее производство, т. е. и необходимое, и добавочную. Итак, если даже машина *стоит* ровно столько, сколько *стоит* вытесняемая ею работа, то и в таком случае содержащийся в ней труд гораздо меньше того, который замещен ею.

Если смотреть на машину только как на способ удешевления товаров, то граница для употребления машин дается тем, что собственное производство ее стоит меньше *труда*, чем сколько сберегается или упраздняется ею. Но для капитала

граница эта уже. Так как он оплачивает не всю работу, а только часть ее, то для него употребление машин становится выгодным лишь с того момента, когда *ценность машины* оказывается ниже, чем *ценность рабочей силы*, т. е. когда *купить* машину обойдется дешевле, чем *платить* массе рабочих. Конечно, в действительности результат этот изменяется под влиянием разных посторонних обстоятельств, но он все же первый, определение которого указывает для капиталиста издержками производства и который дает себя знать при посредстве соперничества. Так, например, и в настоящее время в Англии изобретаются иногда такие машины, которые вследствие дороговизны труда могут с выгодой употребляться только в Америке, а в Германии XVI и XVII вв. изобретались машины, которые употреблялись только в Голландии и т. д. Сама машинная система, будучи применяема в различных странах к некоторым отраслям промышленности, производит в других такое обилие рабочих, что упадок задельной платы ниже ценности труда затрудняет употребление машин и делает его с точки зрения капитала чрезмерным и невозможным. В некоторых отраслях английской шерстяной мануфактуры в течение последних лет детская работа очень сократилась, а местами и совсем упразднилась. Это произошло оттого, что, по низведении парламентом детской работы до 4—6 часов в день, родители требовали прежней платы, а мануфактуристы на это не соглашались и заменили детей машинами. До запрещения детям (до 10 лет) и женщинам работать в рудниках капитал нашел способ пользоваться трудом голых женщин и детей, часто вместе с мужчинами, в угольных копях и в других рудниках и считал его в такой степени согласным с кодексом своей морали и своего гауптбуха, что только после запрещения обратился к машинам. Далее, янки изобрели машину для разбивания камней, но англичане находят невыгодным ввести ее у себя в употребление, вследствие дешевизны рабочей силы.

Упраздняя необходимость в значительной мускульной силе, машинная индустрия заявляет запрос на рабочих с незрелым развитием тела и в то же время эластическими членами. На этом основании женская и детская работа—вот первое слово машинной промышленности. Эта насильственная замена одних сил другими в то же время способствует увеличению числа рабочих, т. е. поглощению в работу всех членов семьи рабочего без различия возраста и пола. Этим способом механическая индустрия распределяет ценность рабочей силы мужчины на все его семейство. Покупка 4 рабочих сил обходится, быть может, и дороже одной рабочей силы прежнего главы семейства, но за то на место одного рабочего дня является целых 4, и цена рабочей силы понижается в том же отношении, в каком увеличивается прибавочная работа четырех сравнительно с одним. Но, помимо этого, весьма многие работы, носившие прежде

исключительно семейный характер, как то уход за детьми, вязанье, шитье и пр., теперь, когда вся семья находится в работе, должны ею оплачиваться, так что расход на содержание семьи также возрастает. Ясно, что вдобавок к этому нарушается еще и самая сущность договора купли-продажи рабочей силы, который должен заключаться между взрослыми и свободными людьми, вполне располагающими разумением и волею, — капитал начинает договариваться с полу совершеннолетними и с несовершеннолетними. В каких возмутительных формах совершается эта продажа маленьких рабов и какие тягостные физические и моральные последствия она влечет за собою, за ознакомлением со всем этим мы отсылаем читателя к самому «Капиталу», в котором сосредоточена целая масса фактов об этом предмете.

Будучи самым могущественным средством для увеличения производительности труда, т. е. для сокращения рабочего времени, потребного на производство товаров, машина в руках капиталиста является, наоборот, могущественнейшим способом к удлинению рабочего дня. Прежде всего, движение и деятельность рабочих орудий становится в крупной индустрии совершенно в самостоятельное положение относительно рабочего. Сама по себе система или кооперация машины становится индустриальным *perpetuum mobile*, которое производило бы непрерывно, если бы не наткнулось на известные естественные препятствия, как то на чувствования человека, на известную его слабость и своеволие. В качестве капитала, обладая волею и сознанием в лице капиталиста, подобный автомат одушевлен стремлением свести к минимуму сопротивление эластических границ человеческой природы.

Мы видели, что чем продолжительнее период служения машины, тем больше масса продуктов, на которую переносится ее ценность, и тем меньше ценность, придаваемая ею отдельной единице товара. Активный период машины естественно равняется числу рабочих часов, помноженному на число рабочих дней, в течение которого она действует. Ясно, что машина, работающая ежедневно по 16 часов, доставляет в течение $7\frac{1}{2}$ лет столько же продукта и переносит на него столько же ценности, как та же машина, если бы она работала ежедневно по 8 часов в течение 15 лет. Это является одною из важных причин удлинения рабочего дня. Но есть и другие. Из них можно указать на выгоду скорее потребить машину, чтобы не давать ей времени портиться от вредных влияний погоды — ржавчины и пр., чтобы не быть вынужденным остаться в случае изобретения лучшей машины, — а изобретения в наш век поминутно следуют одни за другими, — при менее деятельной и потому более дорогой, старой. В том же самом смысле действует еще одно обстоятельство, а именно, увеличение числа рабочих оказывается менее выгодным, чем удлинение дня для одних и тех же рабочих. Так, оно требует увеличения постоянного капитала в машинах и в по-

стройках, в сыром и вспомогательном материале и пр. При удлинении же рабочего дня постройки и машины остаются те же самые и в том же объеме. В том же, далее, направлении, а именно удлинения рабочего дня, действует, при более или менее случайном употреблении машин, уже упомянутое нами стремление капиталиста вполне успешно воспользоваться насчет своих товарищей первым горячим временем после введения у себя машины. Понятно, впрочем, что, по мере распространения машины, одновременно исчезает и эта особая выгода и этот мотив к удлинению рабочего дня.

Нам уже известно, что, во-первых, прибавочная ценность возникает только из переменного капитала и что, во-вторых, общее количество прибавочной ценности зависит от уровня последней и от числа одновременно занятых рабочих. Мы знаем, далее, что, при данной продолжительности рабочего дня, уровень прибавочной ценности определяется тем отношением, в каком рабочий день распадается на время необходимое и прибавочное. Что касается числа одновременно занятых рабочих, то оно, в свою очередь, зависит от отношения между переменным и постоянным капиталом. Ясно также, что, расширяя прибавочную работу насчет необходимой, путем увеличения производительности труда, машинная индустрия достигает этого результата только посредством уменьшения занятых данным капиталом рабочих; в противном случае ведь нет и повода к употреблению машин. Это делается таким образом, что она превращает одну часть капитала, бывшую прежде переменной, т. е. превращаемой в рабочую силу, — в машины, в постоянный капитал, не приносящий прибавочной ценности. Итак, в употреблении машин на производство прибавочной ценности — а именно такова *вся* окружающая нас крупная индустрия — заключается внутреннее противоречие, состоящее в том, что из двух факторов прибавочной ценности, доставляемой капиталом данной величины, машинная индустрия увеличивает один — *уровень прибавочной ценности* — только тем, что другой — *число рабочих* — она, напротив того, уменьшает. Это противоречие также является одною из могущественных причин, бессознательно побуждающих капиталиста к насильственному удлинению рабочего дня, чтобы *вознаградить себя* за уменьшение относительного числа рабочих увеличением прибавочного времени.

Таким образом тенденцию машинной индустрии к удлинению рабочего дня можно считать доказанной. Очевидно, однакоже, что, удлиняя рабочий день одних рабочих, машины в то же время создают избыточное население в лице других рабочих, лишенных занятий именно по этой причине. Несколько ниже мы обратимся к ближайшему рассмотрению этого чрезвычайно важного феномена; теперь же будем продолжать развитие общего хода процессов машинной индустрии в их отношении к живой рабочей силе.

Безмерное удлинение рабочего дня влечет, наконец, за собою реакцию под видом фабричного законодательства, ограничивающего непосредственно день малолетних и женщин, а косвенно — и взрослых мужчин. На основе нормального рабочего дня развивается другое весьма важное явление — интенсификации труда, степень которой до сих пор предполагалась неизменною. Хотя машинная индустрия постоянно стремится к одновременному увеличению и интенсивности, и продолжительности труда, и частью достигает этого, но понятно, что есть такой поворотный пункт в рабочем дне, начиная с которого дальнейшее *совместное* увеличение обоих этих факторов уже исключает друг друга в силу простых физиологических требований организма рабочего. С момента установления законом раз навсегда нормы рабочего дня, которую нельзя уже было переступить, капитал со всею силою и сознательно набросился на увеличение интенсивности работы при посредстве ускоренного развития машинной системы. Более интенсивный час труда рабочего стал содержать более обнаруженной рабочей силы, чем более редкий час прежнего, более продолжительного рабочего дня. Этим способом 3 часа 20 минут прибавочной работы на 6 часов 40 минут работы необходимой (при 10-часовом рабочем дне) могли доставлять капиталисту столько же добавочной ценности, сколько прежде доставляли 4 часа прибавочной работы на 8 часов необходимой (при 12-часовом рабочем дне).

Спрашивается теперь, какими средствами интенсифицируется труд? Частью достигается это уже тем, что при менее продолжительном, а, следовательно, и менее утомительном рабочем дне, рабочий сам по себе начинает трудиться бодрее и энергичнее, а капиталист посредством *поштучной* задельной платы блюдет за действительным выполнением этого физиологического условия. В мануфактурах, например, в гончарной, где машины не играют никакой или только незначительную роль, введение в силу фабричного акта осознательно доказало, что сокращение рабочего дня замечательно увеличило правильность, однообразие, постоянство и энергию работы. Но относительно собственно фабрик многие первоначально сомневались в подобном же исходе дела и больше всего сами фабриканты, которые прямо и почти единогласно утверждали, что внимания рабочих нельзя усилить, а тем более извлечь из подобного усиления, если бы оно случилось, какую-нибудь пользу. Опыт решительно опровергает это утверждение. Некий Гарднер на своих двух больших фабриках в Престоне ограничил работу в апреле 1844 г. 11 часами в день вместо 12. Около года спустя обнаружилось, что «в 11 часов получалось столько же продукта при таких же издержках, как прежде в 10, и что рабочие получали прежнюю плату». Результат этот, очевидно, был достигнут, благодаря большей выдержке рабочих и экономии в их времени. Подобные же эксперименты производились на фабриках гг. Горрокса и Джексона.

Кроме этого средства для интенсификации труда практикуются и другие. Так, например, усиливается быстрота действия машин и расширяется для рабочего область надзора за различными машинами. Улучшение паровой машины увеличивает число движений поршня в минуту и позволяет, вместе с этим, при помощи большей экономии силы, пускать в ход более обширный механизм, при одном и том же или меньшем расходе угля. Улучшение передаточного механизма уменьшает трение и, сверх того, особенно в новейшее время, уменьшает диаметр и вес больших и малых валов до ничтожного минимума. Наконец, улучшения в самих рабочих механизмах при большей быстроте их действия уменьшают их объем, как, например, в новейшем паровом ткацком станке, или увеличивают число и объем отдельных инструментов, как на прядильной машине, или же, наконец, увеличивают подвижность этих орудий, например, подвижность веретен, которые в десятилетие 1856—1866 гг. увеличились на $\frac{1}{5}$.

Сокращение рабочего дня до 12 часов относится в Англии к 1832 г. Уже в 1836 г. один английский фабрикант заявлял, что работа на фабриках в сравнении с прежним значительно возросла, вследствие большего внимания и деятельности, требуемых от рабочего усиленною быстротою машин. В 1844 г. лорд Эшли, теперь Шэфтсбери, сделал в палате следующее документальное заявление: «Работа фабричных рабочих теперь увеличилась втрое против того времени, когда эти операции только что были введены... Работа надзора за паровыми машинами для прядения пряжи № 40 равнялась в 1815 г. пробегу расстояния в 8 миль... В 1825 г. каждый прядильщик должен был делать в течение 12 часов 820 вытяжек на каждой машине, что составило общую сумму в 1 640 вытяжек для двух машин. В 1842 г. каждый прядильщик должен был делать уже по 2 200 вытяжек на каждой машине, а на двух—4 400; в 1844 г.—2 400 на каждой, а на двух 4 800; и в некоторых случаях требуемая работа еще больше... В чесальне также произошло значительное увеличение работы. Одно лицо выполняет теперь прежнюю работу двух. В ткацкой, где занимаются большей частью женщины, работа в последние годы возросла от увеличения быстроты действия машин на полные 10% и т. д.». Дальнейшее увеличение интенсивности работы казалось невозможным, но и оно, однакоже, вскоре стало действительностью. Так, в 1862 г. число вращений в минуту одних веретен увеличилось от 4 500 (1839 г.) до 5 000, а других от 5 000 до 6 000*. Знаменитый гражданский

* Фабричный инспектор Редгрэв писал в «Journal of Arts» 5 января 1872 г.: «За 30 лет до настоящего времени (1841 г.) от прядильщика хлопчатой бумаги с 3 помощниками требовался надзор только за 300—324 веретенами; теперь же (конец 1871 г.) такой прядильщик с 5 помощниками обязан наблюдать за 2 200 веретен и производить, по меньшей мере, в 7 раз больше пряжи, чем в 1841 г.»

инженер Насмит из Патрикрофта, близ Манчестера, в письме от 1852 г. к фабричному инспектору Леонарду Горниеру об улучшениях, происшедших в паровых машинах между 1848 и 1852 гг., говорит следующее: «Не подлежит никакому сомнению, что паровые машины одного и того же веса, часто даже те же самые машины, в которых только сделаны новейшие улучшения, производят средним числом на 50% более дела, чем прежде, и что во многих случаях те же самые машины, которые во время ограниченной быстроты 220 футов в минуту доставляли 50 сил, теперь при меньшем потреблении угля, дают 100 и т. д.». Мы оставляем в стороне другое свидетельство в таком же роде и приведем лишь несколько весьма поучительных статистических цифр: с 1838 по 1850 г. число английских хлопчатобумажных фабрик возросло на 32%, а с 1850 по 1856 г.—на 85% в год; на шелковых фабриках в 1856 г. было веретен 1 093 799, а в 1862 г.—1 388 544; ткацких станков в 1856 г.—9 260, а в 1862 г.—10 709; рабочих же, напротив того, в 1856 г.—56 131, а в 1862 г.—52 429,—иными словами, произошло *увеличение* веретен на 26,9%, ткацких станков на 15,6% и *уменьшение* числа рабочих на 7%. То же самое повторилось и относительно некоторых других фабрик тканей. Все эти подобные факты принудили некоторых фабричных инспекторов сознаться, что наряду с несомненным улучшением в моральном и физическом положении рабочих, под влиянием фабричного законодательства, излишняя интенсивность работы, в свою очередь, становится страшно вредною для здоровья. Не подлежит сомнению, что это обстоятельство должно привести со временем к новому сокращению рабочего дня*.

Бросим теперь беглый взгляд на фабрику, взятую в ее целом. Д-р Ур, пиндар автоматической фабрики, утверждает, что она, с одной стороны, представляет собою «кооперацию рабочих различных классов, взрослых и несовершеннолетних, внимательно и с умением наблюдающих за системою производительных машин, которая непрерывно приводится в действие единою центральною силою»; с другой же стороны, она является в его глазах «громадным автоматом, составленным из бесчисленных механических и сознательных органов, которые действуют не-

* Это предсказание автора «Капитала» сбылось уже буквально по отношению к так называемой [индустрии волокнистых веществ]¹⁰⁹ (основной ветви британской промышленности), в которой по закону 1874 г. рабочая неделя сокращена от прежних 60 до 56½ часов, причем в основание необходимости нового ограничения была приведена именно чрезмерная интенсивность работы. Вот что говорит по этому фабричный инспектор Редгрэв («*Report of the commissioners appointed to inquire into the working of the Factory and Workshops Acts etc.*», 1876, вопрос 205): «Причины, под влиянием которых было сокращено рабочее время в фабрикации тканей (1874 г.), совершенно очевидны; рабочие утомлялись от чрезвычайно быстрого движения машин, [степень которого возросла до такой высоты]¹¹⁰, что утомление не только тела, но и ума рабочих сделалось совершенно невыносимым. Такова была причина, которая, в связи с другими, побудила к ограничению работы актом 1874 г.».—*Аст.*

прерывно и согласно в видах производства одного и того же предмета, так что все эти органы подчинены единой силе, которая сама себя приводит в движение». То и другое определение фабрики совсем не одно и то же. В первом из них совокупный рабочий является господствующим, субъектом, а механический аппарат подчиненным, объектом, тогда как во втором сам автомат становится субъектом, а рабочие являются не более, как сознательными и подчиненными его органами. Первое выражение характеризует собою всевозможное употребление машины в его целом, между тем, как второе применяется только к капиталистическому употреблению их в новейшей фабричной системе.

Вместе с рабочим орудием виртуозность в управлении им переходит от рабочего к машине. Вследствие этого уничтожается и та технологическая основа, на которой покоится деление труда в мануфактуре. Таким образом на место иерархии специализированных рабочих мануфактуры фабричная система проявляет тенденцию к уравниванию всех работ, которые выполняются теперь только помощниками машины, различного возраста и пола, но не различных специальностей.

Насколько деление труда продолжает существовать и на автоматической фабрике, оно является прежде всего распределением рабочих между разнородными машинами и целых масс рабочих между различными отделениями фабрики, из которых в каждой работа совершается при нескольких однородных рабочих машинах, так что здесь образуется лишь простая кооперация между рабочими. На место сложной мануфактурной группы становится теперь один главный рабочий с несколькими помощниками. Существенное различие заметно еще между теми рабочими, которые трудятся при самых машинах, и их сподручными. В стороне от этого рабочего персонала стоит высший класс рабочих—инженеры, механики, слесари и т. д. Это деление труда носит, очевидно, чисто технологический характер.

Так как вся совокупность машин на данной фабрике сама образует систему разнородных, одновременно действующих машин, то и основанная на ней кооперация требует распределения разнородных групп рабочих между различными машинами. Но машинный способ производства сам по себе вовсе не нуждается в том, чтобы подобное разделение труда отправлялось по системе мануфактуры, т. е., чтобы одним и тем же группам рабочих давалось постоянно все одно и то же занятие. Так как общее движение фабрики зависит не от рабочего, а от машины, то здесь может происходить постоянная перемена лиц без прерыва в рабочем процессе. Самое поразительное доказательство этого представляет так называемая «станционная система» (*Relaisystem*) употребления детей на фабриках Великобритании в 1848—1850 гг., при помощи которой, чтобы скрыть от надзора фабричных инспекторов действительное число часов работы, фабриканты тасовали детей, как карты, по различным отделениям

фабрики. При этом, значит, оказалось вполне возможным давать одним и тем же лицам непременно весьма различные занятия. К тому же и быстрота, с какою изучается в юношеском возрасте машинная работа, устраняет необходимость в привлечении особого класса рабочих исключительно к машинной работе.

Но хотя таким образом машинная индустрия и уничтожает старую систему деления труда, однакоже эта последняя продолжает владеть свое существование на фабрике в силу простой традиции. На место пожизненной специальности заведывания инструментом является столь же пожизненная специальность службы при какой-нибудь частной машине. Машину злоупотребляют, чтобы превратить самого рабочего в часть машины, и это—ради уменьшения издержек на подготовку рабочей силы и ради увеличения зависимости рабочего от фабрики в ее целом. Нужды нет, что монотонная работа совершенно понапрасну отравляет существование многих сотен тысяч людей, что чрезмерно напрягается их нервная система и остаются в бездействии их мускулы. Но этого мало: к удовольствиям фабричной работы присоединяется еще чисто казарменная дисциплина, которая развивается вследствие технической зависимости от равномерного хода механизма и от своеобразного состава рабочего персонала из людей разного рода, возраста, пола, образования, страшно высокая и вредная атмосфера и многие другие прелести. Недаром же Фурье называл фабрику «смягченным казематом».

Борьба между рабочим и капиталистом начинается с самого возникновения капиталистических отношений, продолжается во весь мануфактурный период и только в фабричный период принимает форму столкновения рабочего с самим орудием труда. Почти вся Европа пережила в XVII столетии восстания рабочих против так называемой ленточной машины. В конце первой трети XVII в. ветряная пильная мельница, изобретенная одним голландцем, была разрушена около Лондона чернью. То же самое повторялось потом в Англии с водяными пильными мельницами, ножницами для резки шерсти и т. п. Особенно сильно было уничтожение машин в Англии в начале XIX в., причиненное в особенности введением в действие парового ткацкого станка и известное под названием движения *люддитов*. Нужно было много опытности и времени, пока рабочие научились проводить различие между самими машинами и капиталистическим их употреблением. В качестве машины орудие в руках капиталиста немедленно становится конкурентом самого рабочего, тогда как в мануфактуре изменялась только комбинация труда прежних рабочих, в чем и состояла здесь главным образом капиталистическая перемена. С введением машины рабочая сила теряет возможность быть проданной, подобно бумаге, курс которой перестает обозначаться на бирже. Часть рабочего класса,

превращаемая таким образом в население излишнее, т. е. не требуемое более самовозрастанием капитала, погибает в неравной борьбе ремесленной или мануфактурной продукции с фабричною или же бросается во все наиболее доступные отрасли производства, переполняет рынок труда и страшно роняет цену последнего. Большим утешением для пауперистических рабочих должно быть то, что их страдания, как утверждают экономисты, носят только «временный» характер, и что машины овладевают рабочим полем не вдруг,—а постепенно. Где переход к машинам совершается медленно, там он производит хроническую нищету; где же, напротив того, он наступает быстро, там бедствия приобретают страшно острый характер. Нет в первом отношении лучшего примера, как постепенное уничтожение английских ручных ткачей, законченное победою машин не ранее 1838 г. Многие из них умерли голодною смертью, другие продолжали «вежетировать» за 2½ пенса в день, с семейством. Напротив того, английская хлопчатобумажная промышленность подействовала до того быстро на Остиндию в 1834—1835 гг., что, по словам тогдашнего остиндского генерал-губернатора, «кости остиндских ручных ткачей хлопчатой бумаги убеляют равнины Индии». Это несчастье для тех костей было, разумеется, тоже лишь «временное». Но дело в том, что «временное» действие машин, к сожалению, совсем не временное, а постоянное, потому что машины охватывают все новые и новые отрасли, а в прежних все более и более улучшаются, вытесняя вместе с тем часть прежних рабочих. Из громадной массы доказательств этого явления, не подлежащих ни малейшему сомнению в силу своего официального характера («Капитал», русский перевод, стр. 383—4), вот на выдержку заявления двух фабричных инспекторов: по словам одного из них, Редгрэва («Report of Insp. of Fact.», 31 Oct. 1863, p. 109), «уменьшение числа рабочих и увеличение производства быстро шагают вперед, на шерстяных фабриках недавно началось новое уменьшение рук и оно продолжается» и т. д., а по мнению другого («Rep. of Insp. of Fact.», 31 Oct. 1858, p. 43), «постоянная цель улучшения машин есть уменьшение ручной работы или подстановка вместо одного кольца в производственной цепи, состоящего из человеческого аппарата, другого—из железа». Дальнейшие показания сведущих лиц все в таком же роде.

Целый ряд экономистов—Джеме Милль, Мак-Куллох, Торренс, Сеньор, Джон Ст. Милль и другие утверждают, что всякая машина, вытесняющая на мостовую рабочих, постоянно и необходимо освобождает соответствующую долю капитала для предоставления занятия тем же рабочим. Того же мнения держался первоначально и Рикардо, но впоследствии он выразительно отказался от него (см. главу о машинах в его «Началах политической экономии»). Посмотрим, насколько верна эта теория.

Предположим, что капиталист дает занятия 100 рабочим, например, в мануфактуре ковров, платя по 180 рублей в год каждому, или 18 000 рублей. Ценность сырого материала пусть будет также равна 18 000 рублей. Предположим далее, что он отпускает 50 рабочих и дает занятия остальным 50 при машине, стоящей 9 000 рублей. Ценность сырого материала при этом остается прежняя и, кроме того, отложим в сторону, для простоты расчета, издержки на постройки, уголь и т. д. Спросим теперь, освобождается ли какой-нибудь капитал, благодаря этому перемещению? В первом случае общая сумма израсходованного капитала составляла 36 000 рублей, и теперь она составляет столько же. Только состав ее изменился: она состоит теперь из 27 000 рублей постоянного (на 18 000 рублей сырого материала и на 9 000 рублей машин) и из 9 000 переменного капитала, тогда как в первом случае того и другого было поровну (по 18 000). Вместо половины доля переменного капитала образует теперь $\frac{1}{4}$ всего капитала. Вместо освобождения здесь, напротив того, связывается 9 000 рублей капитала, которые никогда уже не будут употреблены на содержание 50 рабочих. Конечно, если бы вновь введенная машина стоила меньше, чем замещенные ею рабочая сила и орудия, т. е., например, не 9 000 рублей, а 6 000, то в постоянный капитал перешла бы меньшая часть, и 3 000 рублей были бы в этом случае освобождены. Но ведь сумма в 3 000 рублей, при прежней годовой плате в 180 рублей, могла бы дать занятия всего 16 рабочим, тогда как отпущено целых 50.

Правда, упомянутые апологисты машин разумеют другой способ освобождения капитала. Они имеют в виду средства существования освобожденных рабочих, которые теперь также делаются свободными. Нельзя отрицать, что в только что приведенном примере машина «освободила» не только 50 рабочих и сделала их годными к распоряжению, но также порвала и связь их средствами существования на 9 000 рублей и таким образом «освободила» эти средства. Итак, простой и вовсе не новый факт, что машина освобождает *рабочего* от средств существования, на языке экономистов означает, что машина освобождает *средства существования* для рабочего, т. е. превращает их в капитал для употребления рабочего в дело. Но ведь средства к жизни на 9 000 рублей вовсе не имели в отношении к рабочим значения капитала. Капиталом в отношении к ним *были* те 9 000 рублей, которые прежде получались ими под видом задельной платы, а потом превратились в машины и тем самым потеряли для них это значение. При ближайшем рассмотрении эти 9 000 рублей представляют не что иное, как часть ковров, производимых прежде отпущенными рабочими, которую выплачивал им капиталист не натурою, а золотом. На эти-то ковры, превращенные капиталистом в золото, рабочие покупали себе прежде средства существования. Ясно, что эти средства сами

по себе были в отношении к ним не капиталом, а только лавочным товаром, и сами они по отношению к этим товарам были не наемными рабочими, а простыми покупателями. Освобождая их от орудия покупки—денег, машина превращает их из покупателей в непокупателей. Отсюда уменьшение спроса на те товары и понижение их цены. Вот и все. Если подобное уменьшение будет продолжаться долго и в обширном объеме, то часть капитала, которая производила эти средства существования, перейдет в другие отрасли, а в течение падения цен и перемещения этой части капитала будут вдобавок «освобождены» от части своей платы рабочие и в этих производящих средства существования отраслях.

Но, кроме этого, упомянутые писатели полагают, что, освобождая рабочую силу, машины в то же время производят добавочный капитал, который стремится к помещению и таким образом дает освобожденным силам и работу, и прежний освобожденный было хлеб. Но ведь машина вытесняет не только тех рабочих, которые стали излишними в момент ее применения к делу, а также и новый слой людей, который доставляет каждой отрасли промышленности ее контингент для правильного замещения и роста. Этот последний слой людей будет впоследствии подразделен иначе и поглощен другими отраслями труда, тогда как первоначальные жертвы, большею частью, погибают или окончательно нищают в переходный период. Вдобавок к этому, рабочая их сила делается до того одностороннею, благодаря делению труда, что они могут иметь доступ лишь к самому небольшому числу постоянно переполненных низших отраслей занятий.

Защитники упомянутой теории высказывают еще не подлежащее спору положение, что сами по себе машины нисколько не ответственны за «освобождение» рабочих. Машины удешевляют, говорят они, и увеличивают продукт в тех отраслях, которые охватывают и оставляют без изменения массу средств существования, производимую в других отраслях. До введения, как и после введения машин, оставляя даже в стороне громадную долю продукта, потребляемую нерабочими, общество обладает одинаковым или даже в последнем случае большим количеством средств существования для смещенных рабочих. Итак, отсюда должно следовать, что неразлучных с капиталистическим употреблением машин противоречий и антагонизмов не существует потому, что источником их служит не сама машина, а капиталистическое ее употребление! Но ведь назначение машины самой по себе—сокращение труда, тогда как при капиталистическом употреблении она удлиняет рабочий день; сама по себе она облегчает работу, в руках же капиталиста она увеличивает интенсивность работы; сама по себе она представляет победу человека над силой природы, в руках же капиталиста подчиняет человека последней; сама по себе

увеличивает богатства производителя, в руках же капиталиста делает производителя пролетарием. И все эти вполне осязаемые противоположности кажутся экономистам не более как призраком поверхностного наблюдения; сами же по себе, а следовательно и в теории, оказываются для них не существующими. Да разве же это не апологистика?

Справедливо, что безмерное увеличение количества машинного продукта требует также увеличения в количестве сырого материала и орудий. Производящие эти предметы отрасли, пока сами не обзаведутся машинами, привлекают к себе на время большее число рабочих. Так, например, по мере развития машинного производства в Англии, число рабочих в угольных копях и в рудниках здесь необыкновенно возрастало, но в последние десятилетия увеличение это замедляется употреблением новых машин в горном деле. Что касается сырого материала, то известно, что штурм английской хлопчатобумажной индустрии не только имел следствием поощрение торговли африканскими рабами, но и сделал воспитание рабов главным занятием штатов, граничащих с рабскими. В 1790 г. негров в Соединенных штатах было всего 697 000, а в 1861 г.—около 4 миллионов.

Если, далее, машинная индустрия охватывает промежуточную ступень какого-нибудь производства, то, вместе с увеличением материала, возрастает и спрос на труд в тех ремесленных и мануфактурных отраслях, в которые переходит с фабрики полуфабрикат. Так, например, механические прядильни доставляли столько и такой дешевой пряжи, что ручные ткачи имели первоначально много дела и прекрасный доход. Отсюда приток людей в ткачество хлопчатой бумаги, пока паровой ткацкий станок не выбивает с поля битвы 800 000 хлопчатобумажных ткачей, вызванных к жизни прядильными машинами. Таким же образом, по мере расширения машинной продукции тканей, возрастает число портных, швей, модниц,—но швейная машина кладет этому конец.

Соответственно увеличению сырого материала, полуфабрикатов, рабочих инструментов и т. п., доставляемых при машинном производстве меньшим числом рабочих,—обработка всех этих предметов, обособляясь все более и более, образует множество подвидов, и таким образом увеличивается разнообразие общественных отраслей производства. Машинная индустрия ведет общественное деление труда гораздо далее, нежели мануфактура, потому что гораздо более увеличивает производительную силу труда.

Наконец, ближайший результат машинной индустрии есть увеличение количества прибавочной ценности и числа содержащихся на нее лиц, т. е. класса капиталистов. Отсюда необычайное развитие отраслей, доставляющих предметы самой утонченной роскоши. В этом же направлении действует и развитие всемирной торговли, доставляющей теперь не одни только пред-

меты потребления, но также громадное множество чужеземного сырья, полуфабрикатов и т. п., служащих к увеличению разнообразия и утонченности домашнего производства. Увеличение количества орудий производства и средств существования влечет за собою возникновение таких отраслей промышленности, которые в состоянии принести плоды только в самом отдаленном будущем—товарные склады, туннели, мосты, каналы и пр. Сверх того, образуются совершенно новые отрасли промышленности—газовые заводы, телеграфы, фотографии, пароходство, железные дороги. Но число рабочих в этих отраслях довольно ограничено; так например, по цензу 1861 г. оно достигало в Англии и Уэльсе для всех пяти упомянутых производств едва только 94 145 человек. Кроме того, увеличение прибавочной ценности позволяет употреблять громадную массу людей в виде личной прислуги—в Англии и Уэльсе в 1861 г. ее было 1 208 648 человек, т. е. более, чем всех рабочих, занятых во всех фабриках тканей и в рудниках и в коях (1 208 442).

Вся совокупность этих фактов является наглядным доказательством того, что увеличение числа рабочих при распространении машинной индустрии или носит только временный характер, или же оказывается незначительным, что не может быть и речи о соответствии между увеличением числа машин и расширением спроса на труд. Дальнейшие исследования еще более убеждают в этом.

По данным фабричных инспекторов, увеличение числа паровых ткацких станков на шелковых и шерстяных фабриках Ланкашира, Чешира и Йоркшира достигало с 1860 по 1865 г. 11%, веретен 3%, паровых сил 5%, между тем как число рабочих здесь в то же время упало. Между 1852 и 1862 гг. английская шерстяная фабрикация значительно возросла, между тем как число рабочих, занятых ею, осталось почти одно и то же. «Это показывает», говорится в отчете от 31 октября 1862 г., «как введенные в большом количестве машины вытеснили работу предыдущего периода». В конце декабря 1871 г. фабричный инспектор Редгрэв сказал в одной публичной лекции, читанной в Бадфорде: «Что меня с некоторых пор удивляет, так это новое явление на шерстяных фабриках. Прежде они были переполнены женщинами и детьми, теперь же, повидимому, машины делают все дело. На мой вопрос одному фабриканту, он ответил мне следующее: при старой системе я нуждался в работе 63 лиц; по введении улучшенных машин я уменьшил свои «руки» до 33, а недавно, вследствие новых крупных перемен, я был в состоянии уменьшить их от 33 до 13».

Понятно, впрочем, что, несмотря на все фактическое и потенциальное вытеснение рабочих машинами, число рабочих по мере роста самих фабрик, т. е. количества их и размеров, в конце концов может быть значительнее, чем при мануфактуре. Положим, что при прежнем способе производства расходуется в не-

делю 3 000 рублей капитала и что он состоит из $\frac{2}{5}$ постоянного и $\frac{3}{5}$ переменного капитала, т. е. из 1 200 рублей в виде орудий и материала, и из 1 800 рублей в виде рабочей силы (считая по 6 рублей на одного рабочего). При употреблении в дело машин, состав капитала тотчас же изменится. Теперь он распадается на $\frac{4}{5}$ постоянного и $\frac{1}{5}$ переменного, т. е. на 2 400 рублей, которые пойдут на машины, и на 600 рублей—на рабочую силу. Таким образом $\frac{2}{3}$ прежних рабочих будет отпущено. Но если предприятие расширится и общая сумма капитала дойдет до 9 000 рублей, то работы будет снова на прежнее число рабочих (300). При возрастании капитала до 12 000 рублей занятия хватит 400 рабочим, т. е. на $\frac{1}{3}$ больше, чем при старом способе. Абсолютно это число возросло от 300 до 400, но относительно общей суммы капитала оно упало на целых 800, потому что капитал в 12 000 при старом способе производства мог бы дать занятие не 400, а 1 200 рабочих. Итак, прежде мы предполагали, что, при возрастании капитала, состав его, т. е. распадение его на постоянный и переменный, остается без изменения. Но теперь мы видим, что возрастание это сопровождается непрерывным увеличением части постоянного капитала и соответственным (относительным) уменьшением части переменного.

Крупная индустрия разорвала тот занавес, который скрывал от людей их собственный общественный процесс производства и делал загадкой одни отрасли промышленности для других. Пестрые, бессвязные, окаменелые формы общественного процесса производства заменились в ней сознательным и планомерным применением естественных наук и особенно технологии. Но существующая форма производства ни в каком случае не может считаться для крупной индустрии окончательной. В том-то и состоит отличие последней от прежних способов общественной продукции, что сама техническая основа ее носит преобразовательный характер, тогда как основа всех предыдущих форм производства была существенно консервативная*. Посредством машин, химических процессов и других способов она постоянно

* «Буржуазия не может существовать, не преобразуя постоянно орудий производства, а вместе с ними и производственные, следовательно, все общественные отношения. Напротив того, неизменное поддержание старых способов производства было первым условием существования всех предыдущих индустриальных классов. Непрерывное преобразование продукции, непрерывное потрясение всех общественных состояний, вечная необеспеченность и движение отличают буржуазную эпоху от всех предыдущих. Искореняются все прочные, покрытые ржавчиною отношения, со всею их свитой старосветских представлений и возрений, а все образовавшиеся вновь стареют прежде, чем успевают окрепнуть. Все стойкое и прочное испаряется, все священное перестает быть таковым, и люди, наконец, принуждаются взглянуть трезвыми глазами на свои жизненные условия и взаимные отношения» («Капитал», русский перевод, стр. 429, примеч. 313).—*Асм.*

преобразует вновь как техническое основание производства, так и функции рабочих и общественное сложение производственного процесса. Вместе с этим она преобразует деление труда внутри общества и непрерывно перебрасывает массы капитала и рабочих из одной отрасли производства в другую. Таким образом, крупная промышленность по самой своей природе требует перемены труда, подвижности рабочего. Отрицательная сторона всего этого—лишение рабочих масс всякого покоя, прочности положения, безмерная трата рабочей силы и т. д. Но в то же время всеми этими и другими путями крупная индустрия делает вопросом жизни или смерти как признание перемены труда, а следовательно, и *многосторонности* рабочего, всеобщим законом общественного производства, так и приспособление отношений к нормальному осуществлению этого закона. Этим наносится смертельный удар прежней мануфактурной односторонности рабочего. Политехнические и агрономические школы, а также школы профессиональные, стараются положить ей хотя отчасти предел, открывая свои двери детям рабочих. В том же двойственном смысле действует также и принцип смешения людей различного пола и различного возраста в одной мастерской. Будучи при капиталистическом производстве чумным источником разрушения семьи рабочего, рабства и разврата, тот же самый принцип может, при соответствующих условиях, сделаться источником гуманного развития.

В сфере земледелия, делая «излишнюю» массу населения, крупная индустрия оказывает влияние тем более сильное, что она уничтожает здесь основу старого общества—крестьянина и ставит на его место наемного рабочего. Таким образом, социальные противоречия деревни уравниваются с городскими. На место нерационального обычного способа обработки земли становится сознательное технологическое применение науки. Капиталистический способ производства окончательно дополняет разрыв первоначальной, чисто семейной, связи между земледельцем и мануфактурой. Но, вместе с этим, создаются материальные условия нового, высшего синтеза, соединения земледелия с индустрией. Постоянным увеличением городского населения капитализм, с одной стороны, накапливает историческую силу общественного движения, а с другой—препятствует обмену материи между человеком и землею, т. е. возвращению почве взятых из нее составных частей. Это одним ударом разрушает физическое здоровье городского рабочего и умственное—деревенского. Но в то же время, уничтожая условия этого обмена веществ, возникшие естественно, случайно,—капитализм заставляет людей установить его систематически, как закон, управляющий общественным производством. Правда, не дешево обходятся почве и рабочему техника и общественное сложение производства, введенные в жизнь под эгидою капитала.

В последующей главе (русский перевод, гл. V, стр. 442—488) идут у Маркса «дальнейшие исследования о производстве добавочной ценности», не находящиеся в тесной связи с общим ходом развития капиталистической продукции. Но так как исследования эти касаются отчасти чрезвычайно жизненных и важных вопросов общественной экономии, то мы и решаемся предложить читателю в этом примечании коротенькое извлечение из того отделения их, в котором идет речь о разных видах рабочей платы.

Задельная плата есть денежное выражение так называемой классическими экономистами ценности *труда*. Мы знаем, однакоже, что труд сам есть ценность, и потому выражение *ценность труда* есть чисто фиктивное выражение. То, что экономисты разумели под ценностью труда, есть не что иное, как ценность *рабочей силы* живой и еще не затраченной в дело, которая настолько отличается от труда, насколько, например, машина отличается от своих операций. Итак, задельная плата есть денежное выражение ценности не *труда*, а *рабочей силы*. Но мы уже видели, что ценность рабочей силы всегда бывает меньше того, что дает она в работе. Между тем, задельная плата, т. е. известное число копеек, даваемое рабочему за целый якобы день работы, совершенно маскирует собою это разделение работы на необходимую и прибавочную. Под видом задельной платы является оплаченной вся работа, а не одна лишь необходимая ее часть. При барщинной работе это разделение совершенно осязательно в смысле времени, как и пространства: крепостной работает часть времени на барском поле, часть на своем. При рабской работе даже необходимая работа является как бы работою для господина. Вся работа раба является неоплаченной. При наемной работе, напротив того, сама прибавочная работа или неоплаченная носит характер оплаченной. На этой-то форме проявления, скрывающей действительное отношение и даже обнаруживающей нечто ему противоположное, покоятся все юридические представления рабочего и капиталиста, все мистификации капиталистической продукции, все ее иллюзии свободы, вся апологистика вульгарной экономии.

Задельная плата принимает различные формы. Здесь будут рассмотрены две из них.

Сумма денег, которую получает рабочий за день труда (*повременная плата*), представляет размер его номинальной, т. е. определенной по ценности задельной платы. Ясно, однако, что, смотря по длине рабочего дня и, следовательно, по количеству доставляемой им в день работы,—одна и та же поденная, понедельная и т. д. плата может представлять весьма различную *цену труда*, т. е. весьма различные суммы денег за одно и то же количество работы. Таким образом, в повременной плате следует проводить различие между общею суммою поведенной, поденной и т. п. платы и ценою труда. Как же найти теперь

эту цену, т. е. денежную ценность определенного количества работы? Средняя цена труда получается при разделении средней ценности рабочей силы на число часов среднего рабочего дня. Если, например, рабочий получает в день 95 коп. и работает 12 часов, то цена одного часа труда будет $\frac{95}{12} = 8$ коп. Вот эта-то цена рабочего часа и есть единица меры для цены труда. Отсюда следует, что подневная, понедельная, вообще повременная плата может оставаться без изменения, тогда как цена труда может при этом падать. Так, при 96 коп. подневной платы за 10 часов, цена рабочего часа была 9,6 коп., но при удлинении рабочего дня до 12 часов, цена рабочего часа, при тех же 96 коп. в день, опускается уже до 8 коп. и т. п. И наоборот, понятно, что повременная плата может возрастать, между тем, как цена труда может оставаться без изменения, если только число рабочих часов в день возрастает в том же отношении. То же самое, очевидно, последовало бы при увеличении не продолжительности, а интенсивности работы.

Если, получая в час 8 коп., рабочий будет трудиться меньше 12 часов в день, например, только 6 или 8, то он получит всего 48 или 64 коп. подневной платы. А так как мы предполагаем, что в течение 6 часов он работает сам на себя, то и выходит, что при почасовой плате ему нельзя работать меньше 12 часов в день, чтобы получить полную ценность своей рабочей силы, т. е. 96 коп. Капиталист знает это, и в тех отраслях, где закон не ограничивает нормы рабочего дня, он, путем *почасовой* платы, может выжать из рабочего известное количество прибавочной работы, не доставляя ему даже столько рабочего времени, сколько необходимо ему для существования. Он может уничтожить всякую правильность занятия и произвольно перемешивать громадное количество работы одних с относительной или абсолютной безработицей других индивидуумов. Одни при этом станут работать по 16—18 часов в день, тогда как другие только 5 или 6. Понятно, поэтому, сопротивление лондонских рабочих-строителей в 1860 г., когда хозяева их хотели учредить *почасовую* плату. Если же при таких условиях рабочий желает получить потребную и достаточную для своего существования плату, то он должен соглашаться на страшно продолжительную работу. Так, по фабричному отчету 30 апреля 1863 г., «в некоторых частях Шотландии до фабричного акта 1862 г. в белильных работали по системе излишнего времени (т. е. лучше оплачиваемого), причем 10 часов считалось нормальным рабочим днем. За это получал мужчина 1 шилл. 2 пенса. Но к этому присоединилось еще 3 или 4 часа излишнего времени, за что получалось по 3 пенса в час. Следствием этой системы было: мужчина, работавший только нормальное время, мог заработать в неделю только 8 шилл. Без излишнего времени жалованья не хватало». Ограничение рабочего дня ставит предел этим вымогательствам.

Итак, чем ниже цена труда, тем продолжительнее должна быть работа, чтобы рабочий мог вести хотя сносное существование. Фабричный инспектор Редгрэв доказал это сравнительным обзором 20-летнего периода с 1839 по 1859 г., по которому на фабриках, подчиненных 10-часовому закону, рабочая плата повысилась, между тем как на фабриках, где работали от 14 до 15 часов в сутки, она упала. Но этого мало. Те же обстоятельства, которые дают капиталисту возможность удлинять рабочий день, сначала позволяют, а потом и принуждают его понижать самую цену труда, т. е. почасовую плату, до того предела, пока упадет вся сумма цены за все часы дня, т. е. и поденная плата. Так, например, если один человек исполняет дело за $1\frac{1}{2}$ или за 2 человека, то понятно, что предложение труда увеличится без изменения в числе предлагающих свои услуги рабочих. Произведенное таким способом между рабочими соперничество дает капиталисту возможность понизить цену труда, а понижение этой цены даст ему, в свою очередь, возможность еще более удлинить рабочий день. Но вскоре эта власть над ненормальным количеством неоплаченной работы начинает служить средством соперничества между самими капиталистами. Это происходит по следующим основаниям. Часть цены товара состоит из цены труда. Неоплаченная часть этой последней может и не проявляться в цене товара. Она может быть подарена покупателю товара. Это первый шаг, к которому ведет соперничество между капиталистами из-за сбыта своих товаров. Второй же шаг, на который оно вынуждает—это исключение,* по крайней мере, части ненормальной прибавочной ценности, происшедшей от увеличения длины рабочего дня, из той же продажной цены товара. Этим способом сначала случайно, а потом и постоянно образуется ненормально низкая продажная цена товара, которая, начиная с этих пор, становится постоянным основанием ничтожества задельной платы, как прежде она была ее последствием. Так, в трудах комиссии «Об употреблении в завиятия детей» (1864 г., III. Rep. Evidence, p. 66) один фабрикант рассказывает: «В Бирмингэме соперничество между хозяевами так сильно, что многие из нас, в качестве хозяев, принуждены делать то, чего постыдились бы при других обстоятельствах; и при этом барыша получается не больше, а всею выгодой пользуется публика». То же самое замечается, по показаниям сведущих лиц, в производстве хлеба в лондонских пекарнях, где соперничество поддерживается как надувательством публики в качестве товара, так и чрезмерною работою поденщиков.

Второй вид рабочей платы есть *плата поштучная*, которая представляет не что иное, как измененную форму той же самой повременной платы, точно так же как эта последняя является измененною формою ценности рабочей силы.

С первого взгляда кажется, будто при поштучной плате оплачивается не рабочая сила, а самый продукт, и что поэтому

размер подобной платы зависит единственно от производительных способностей рабочего. Но это предположение опровергается уже тем фактом, что поштучная и повременная плата существуют часто рядом в одних и тех же предприятиях и вообще перемешаны между собою довольно безразлично. Увидим, что это верно и в других еще отношениях.

Положим, что обыкновенный рабочий день состоит из 12 часов, в том числе из 6 часов необходимой и 6 часов добавочной работы. Положим, далее, что, по указанию опыта, средний рабочий производит в день 24 штуки товара. За вычетом постоянного капитала цена этих 24 штук может быть 1 р. 92 к., а одной 8 коп. Рабочему дается по 4 коп. за штуку, и в целом он получает все те же 96 коп. в день, как и при подневной плате, не больше. Разница, значит, только в том, что при повременной плате работа измеряется непосредственно временем, при поштучной же количеством продукта, в котором заключено это время.

Этим дается капиталисту совершенно определенная мерка для интенсивности работы. Контроль тут не нужен, сам рабочий должен следить, чтобы труда расходовалось на штуку товара сколько следует. Опыт учит, сколько труда идет на штуку. В больших портняжьих мастерских Лондона жилетка, панталоны и т. п. так и называются на этом основании час, два часа и пр. В силу отсутствия необходимости контроля, поштучная плата играет особенно важную роль при домашней работе лиц, трудящихся на капиталиста. Отсюда множество посредников, барыш которых, понятно, составляет разница между тем, что платит капиталист, и тем, что действительно получает домашний рабочий. Помимо этого, метода поштучной платы дает возможность капиталисту заключать контракт с одним каким-нибудь старшим рабочим на столько-то штук товара за определенную сумму, в силу которого этот рабочий сам уже берет на себя труд вербовки и выплаты остальным рабочим. Нечего и говорить, что последние не остаются от этого в особенном выигрыше.

При данной поштучной плате интерес рабочего естественно состоит в том, чтобы по возможности интенсивнее напрячь свою рабочую силу, а это облегчает капиталисту увеличение нормальной степени интенсивности труда. Дальнейший его интерес—удлинить свой рабочий день, так как от этого возрастает подневная или понедельная плата. Но тут наступает уже описанная выше, при рассмотрении повременной платы, реакция, не говоря уже о том, что удлинение рабочего дня понижает цену труда и само по себе, даже при неизменной поштучной плате.

При повременной плате, за небольшими исключениями, способствует одна и та же плата разным рабочим за одни и те же операции. При поштучной плате выручка в неделю, в день и т. п. начинает колебаться, смотря по ловкости, силе, энергии, вы-

держке рабочего и т. п. Для всей мастерской, т. е. для капитала, эти индивидуальные различия опять-таки уравниваются. Но по отношению к самим рабочим это не так. Поштучная плата действительно развивает между рабочими чувство свободы, самостоятельности и контроля над собой, но в то же время она ведет к сильнейшему соперничеству между рабочими. Таким образом, поднимая индивидуальное вознаграждение, поштучная плата имеет тенденцию понижать самый тот уровень, над которым поднимается это вознаграждение.

Не будучи новым изобретением—она встречается официально во французских и английских рабочих статутах XIV столетия—поштучная плата является формой ценности труда, наиболее соответствующею капиталистическому производству. В течение бурного периода крупной индустрии с 1797 по 1815 г. она служит рычагом удлинения рабочего дня и уменьшения платы. В применении к земледельческим работам, по замечаниям сведущих людей, поштучная плата, хотя и доставляла по временам больше, но это возмещалось отсутствием работы в другое время. Сам даже Мальтус замечал в то время: «Я сознаюсь, что смотрю с неудовольствием на значительное расширение практики поштучной платы. Действительно, тяжелой работы в течение 12 или 14 часов в день на сколько-нибудь продолжительный период времени слишком уж много для человеческого существа». В предприятиях, подчиненных фабричному закону, поштучная плата становится общим правилом, потому что здесь капитал может расширять рабочий день только на счет интенсивности работы.

С изменением производительности труда, в одном и том же количестве продукта заключается то меньше, то больше рабочего времени. Вместе с этим, понятно, изменяется и поштучная плата, которая служит выражением цены определенного рабочего времени. Так, в нашем примере рабочий день в 12 часов давал 24 штуки продукта или 1 р. 92 к., рабочему доставалось 96 коп., цена рабочего часа была 8 коп. Но если тот же рабочий день принесет 48 штук вместо 24, то поштучная плата понизится, *caeteris partibus*, с 4 коп. до 2 коп., так как каждая штука теперь заключает всего $\frac{1}{4}$ часа времени и стоит не 8, а 4 коп. В целом, рабочий получит прежнюю плату—96 коп. Говоря иначе, поштучная плата понижается в том же отношении, в каком возрастает число производимых в единицу времени штук товара и, следовательно, в каком уменьшается количество рабочего времени, потребного на каждую штуку. Эти перемены в поштучной плате, хотя и чисто номинальные, вызывают постоянную борьбу между капиталистом и рабочими. Отсюда, между прочим, довольно наивная жалоба со стороны английских капиталистов, что рабочие заботливо следят за ценою сырья и фабрикатов—для учета прибыли своих хозяев.

[РАЗБОР ТЕОРИИ МАШИННОГО ПРОИЗВОДСТВА] 111

Здесь мы снова сделаем маленькую остановку, чтобы иметь возможность осмотреться и подвести некоторые итоги содержанию предыдущей главы. Сказать по правде, учение Маркса о машинах и о крупной индустрии представляет такой неисчерпаемый источник новых мыслей и оригинальных исследований, что если бы кто вздумал взвесить относительные достоинства этого учения вполне, ему пришлось бы написать по одному этому предмету чуть не целую книгу. Чтобы избегнуть этого и в то же время выйти с честью из затруднительного положения, необходимо ограничиваться оценкой лишь того, что представляется здесь наиболее существенным и важным.

В этом отношении мы, разумеется, должны поставить на первом плане характеристику машинной индустрии в качестве дальнейшего после мануфактуры периода в развитии капиталистической продукции. До настоящего времени в экономической литературе, не говоря уже о практике, выражения «мануфактура» и «фабрика» употреблялись обыкновенно в одном и том же смысле и применялись ко всяким вообще промышленным заведениям значительных размеров*. Действительно, мануфактурный и фабричный способы производства одинаково отличаются от ремесла тем общим признаком, что оба представляют формы капиталистического сочетания труда. Другим ближайшим поводом к смешению этих двух понятий является то обстоятельство, что и тот, и другой род производства встречаются нередко в различных отраслях промышленности в одно и то же время, особенно в странах, вступающих на поприще капитализма сравнительно довольно поздно и пользующихся опытом других стран.

* В том же самом значении употребляется и у нас слово завод (французское *usine*), без которого легко можно бы совсем обойтись. И в самом деле, кирпичный или черепичный завод есть попросту мануфактура, сахарный завод есть фабрика, кожевенный, железоделательный и другие заводы суть мануфактуры или фабрики, смотря по преобладанию в них машины или ручной работы.—*Авт.*

Но как бы ни было громадно сходство между мануфактурою и фабрикою с точки зрения капитализма, не следует, однако, забывать, что, как показывает Маркс, между ними существуют и весьма значительные различия. Прежде всего не подлежит сомнению, что, общим правилом, мануфактурная промышленность предшествует машинной в качестве вполне естественной промежуточной ступени между последнею и ремесленною промышленностью. Мы видели отчасти в предыдущей главе, что эта истина [имеет в свою пользу богатый выбор весьма ценных фактов, и что она несколько не представляет результат одних теоретических соображений Карла Маркса.]¹¹² Но упомянутую промежуточную роль приходится признать за мануфактурным производством и *à priori*, так как в противном случае нам было бы совершенно невозможно уяснить, каким иным путем могла возникнуть машинная продукция. Нельзя ни на минуту допустить, чтобы фабричная индустрия с ее широкою техническою и кооперативною основой, с ее всемирными сношениями и громадным накоплением капитала, имела непосредственные корни в ремесленном устройстве, которое, как нам известно, по самой своей природе, исключало всю совокупность перечисленных условий. Напротив, гораздо больше шансов на осуществление имеет постепенный и незаметный переход сначала от ремесла к мануфактуре, а потом уже от мануфактуры к фабрике: одни условия тут неизбежно и логично порождаются другими: тут нет ни перерывов, ни скачков.

Не следует, конечно, думать, что мануфактурный или фабричный способы производства распространяются одновременно на все без исключения отрасли промышленности и представляют вполне обособленные и замкнутые периоды экономического развития. Ремесло, мануфактура и фабрика могут существовать совместно в одних и тех же отраслях занятий. Приведем несколько примеров. Так, мы видим, что посреди всеобщего в Европе господства ремесла в *XIII—XV столетиях*, во многих городах Италии и Нидерландов сукно, холст, ковры и пр. производятся уже мануфактурою*. С другой же стороны, отчет комиссии, назначенной парламентом Великобритании в марте 1875 г. для исследования действия фабричного законодательства, определяет, на основании возможно точных сведений, общее число

* Вот некоторые цифры, один размер которых является достаточно наглядным доказательством того, что способ производства в этих местностях должен был отличаться сравнительно значительною сложностью. Флоренция ежегодно посылала в Венецию 16 000 штук сукна, Кремона 40 000, Комо 12 000, Монза 6 000, Милан 4 000, Павия 3 000 (Hoffmann «Geschichte des Handels», S. 369). В XIV и XV столетиях в Генте было около 40 000 ткачей холста, сукна, ковров и пр. В Амстердаме производилось в год не менее 12 000 штук сукна. В городах Фландрии и Брабанта мануфактура сукна также отличалась значительными размерами (Куртра в XV столетии имел 6 000 суконщиков-ткачей, Иперн 4 000 и т. д.) (ibid., S. 408—9).—*Авт.*

находящихся в *настоящее время* в этой стране, под ведомством фабричных инспекторов, ремесленных мастерских не менее, как в 109 324. Итак, даже в стране, достигшей апогея в развитии машинной индустрии, ремесленная комбинация труда отнюдь не представляется явлением исключительным. В одной Шотландии, на основании трудов той же самой комиссии, число ручных ткачей в 1872 г. достигало еще 10 000*. Далее, во многих случаях само распространение фабрик способствовало отчасти и развитию особой формы ремесла. Так, в Коventри еще очень недавно ткачам шелковых материй раздавался в наем пар. Тот же порядок практикуется доныне в некоторых других местностях. Вот, например, ответ, данный комиссией одним из служащих по фабричной инспекции, Гульдом**: «Мною собраны статистические сведения, относящиеся к одному из самых обширных учреждений Шеффилда: в этом учреждении состоят налицо 43 мастерские. Владелец его готовит изделия из оленьего рога и сам занимает несколько помещений. Помимо этого тут есть еще 18 маленьких помещений для ножевщиков... каждый человек занимает комнату и *рабочую силу* и трудится на кого хочет; тут же помещаются три шлифовальные мастерские и пр.». По словам другого свидетеля, Фирта***, в Шеффилде весьма часто встречаются мелкие съемщики комнат или частей комнат, занимающие пар на шлифовальных фабриках. Нельзя не обратить внимания также и на то, что в тех случаях, где сущность процесса зависит не от широкого размера производства, все промыслы, вновь появляющиеся в течение новейшего времени, например делание конвертов, стальных перьев и т. д., прежде чем дойти до фабричного производства, проходят кратковременные фазы ремесленного и мануфактурного. Затем, в одной и той же отрасли промышленности переплетаются подчас весьма разнообразные формы общественной продукции. В подобном положении находятся в Англии портняжество, сапожничество, шитье белья и т. д. В одной местности занятия эти устроены фабрично; в другой—хозяева-посредники получают сырье от капиталистов *en chef* и группируют около швейных машин в «камерах» и на «чердаках» от 10 до 50 и более наемных рабочих. Наконец, как и при употреблении прочих машин, которые не образуют сложной системы и применяются лишь в малом виде, ремесленники и домашние рабочие с своими семействами работают при помощи своих собственных швейных машин («Капитал», стр. 417). Но и это еще не все. В одном и том же предприятии встречаются нередко различные способы продукции. Так, на бумажных фабриках разбор тряпок и сортировка готовой бумаги суть мануфактурные или даже ремесленные процессы. Тот же самый

* «Report of the commissioners etc.», 1876, показание № 15480.

** Ibid., № 12292.

*** Ibid., № 11872.

характер носит операция складывания бумаги в типографиях. Наконец, свидетельские показания, отобранные названною комиссиею у весьма многих лиц, не оставляют ни малейшего сомнения, что хозяева весьма различных крупных предприятий имеют обыкновенно разделять значительную часть своей работы между мелкими промышленными заведениями*.

Мы могли бы значительно увеличить число примеров, служащих доказательством того, что одновременные отношения между различными способами общественной продукции отличаются повсюду большим разнообразием и случайностью. Но как бы ни были громадны запутанность и пестрота подобных сочетаний, во всяком случае не подлежит сомнению, что сочетания эти представляют не более, как переходное явление. С течением времени мануфактура убивает ремесло, а фабрика мануфактуру с такой же верностью, с какою «игольчатое ружье одерживает верх над луком». Поэтому замена в последнем счете ремесла мануфактурой, а мануфактуры машинной индустрией есть общественный закон, а упомянутые столкновения всех этих форм не более, как трение, служащее временным препятствием для полного осуществления закона. Так, например, указанная выше комиссия единогласно свидетельствует в своем отчете, что поглощение мелких мастерских производством в больших размерах представляет одно из наиболее выдающихся экономических явлений новейшего времени. Относительно упомянутых шотландских ручных ткачей свидетели показывают, что число их заметно уменьшилось в продолжение самого последнего трехлетия. «На самом деле», говорил комиссии один из крупных ткацких фабрикантов Шотландии (№ 16123), «мы перестали уже пользоваться работою ручных ткачей». Принцип машинного производства, читаем мы в «Капитале» (стр. 406), состоящий в том, чтобы разлагать процесс продукции на его составные фазы и чтобы разрешать являющиеся, таким образом, задачи приложением механики и химии и т. д., короче, естественных наук, оказывает всюду свое влияние. Так, например, пестрота переходных форм портняжества, сапожничества и пр. не скрывает, однако, тенденции их превратиться в настоящее фабричное производство. «Этому способствует самый характер швейных машин, многосторонность применения которых имеет стремлением соединить разобщенные прежде отрасли труда под одну кровлю и под надзор и управление одного капитала...

* Так шлифовальщик ножниц Галь (№ 12122) свидетельствует, что бывают случаи, когда рабочие, окончивши занятия на фабриках, переходят к работе в мастерских. Кузнец в Дарластоне Валь (№ 7003) также говорит о передаче работы из фабрик в мастерские, где работа выгоднее для хозяев. Глава манчестерского школьного бюро Вуд (№ 7727) утверждает, что в мастерских исполняется значительная доля фабричной работы. Кружевный мануфактурист Маллер (№ 7865) высказывает мнение, что почти каждый большой дом раздает работу в мастерские, смотря по сезону и заказам.—*Авт.*

наконец, неизбежная экспроприация ремесленников и домашних рабочих, производимая машинами» (стр. 417). К этому можно еще прибавить, что, по мере развития крупной промышленности, поступательное движение ее становится все шире, глубже и быстрее и под конец уже не столько преобразует наиболее отстающие формы общественной продукции, сколько стирает их с лица земли. Этим объясняется то обстоятельство, что в течение последних десятилетий ремесла, отнесенные экономическим прогрессом на периферию общественного хозяйства, зачастую вытесняются уже не мануфактурой, а прямо паром, как это происходит, например, с остатками ткацкого, портняжьего и других ремесел.

Не ограничиваясь разработкою вопроса об исторической последовательности мануфактурного и фабричного экономического строя, автор «Капитала» впервые* обратил ближайшее внимание на то, что каждая из этих форм общественной продукции отличается вполне своеобразною и типичною комбинациею труда. На основании его исследований мануфактурное деление труда, при замене мануфактуры фабрикой, повторяется под видом разделения функций машины, которая одним ударом совершает всю совокупность операций, какие выполнял до этого рабочий механизм мануфактурной мастерской. На место комбинации труда живого в машинной индустрии становятся чисто технические сочетания труда уже осуществленного, умершего, на смену совокупности рабочих является машина. Но раз, что мануфактурная мастерская заменяется машиной, при увеличении размеров производства наряду с одной машиной естественно становятся другие, и между многими машинами воспроизводятся все те же сочетания операций, какие существовали прежде между отдельными рабочими. Таким образом, фабрика является не чем иным, как комбинацией нескольких мануфактурных мастерских, которые превращены в машины. Понятно, что при этом кооперация живой рабочей силы приобретает совсем другой уже характер, чем в мануфактуре. В последней каждый производитель был лишь составною частью механизма с отдельной и однообразной функцией**. На фабрике, напротив, является возможность перехода от одной операции

* Некоторые намеки и указания на особенности, отличающие фабричную мастерскую от мануфактурной, встречаются в сочинениях Ура и Прудона. — *Авт.*

** «Введение машин в индустрию становится в противоречие с законом разделения и как бы имеет целью восстановление равновесия, глубоко потрясенного этим законом... Что такое, в самом деле, машина? Не что иное, как способ соединения различных частей труда, разорванных процессом разделения. Каждую машину можно определить, как упрощение усилий, конденсацию труда, резюме различных операций... Во всех подобных отношениях машина является противовесом разделению труда. Итак, машиною восстанавливается раздробленный рабочий...» (Proudhon «Système des contradictions économiques», t. I, p. 148 et 151).

к другой, и этот новый вид кооперации становится в известной степени даже технологической необходимостью. Участие женщин и детей в мануфактуре было сравнительно ничтожно. На фабрике, наоборот, смешение всех возрастов и полов предписывается самым характером работы. Пожизненность мануфактурных операций сопровождалась более или менее неподвижным и устойчивым делением труда. Режим машинной индустрии, хотя и умножает число общественных профессий, но в то же время делает вопросом самого существования общества способность всех и каждого к разносторонней деятельности и к приложению рабочей силы при самых разнообразных условиях.

Читатель видит, какие решительные и полные значения перемены порождены машинной индустрией в общественно-экономическом устройстве! Но, чтобы сделать их еще нагляднее, необходимо бросить беглый взгляд на совокупное движение тех смен, какие происходят в сочетаниях труда при переходе от земледельческой общины к ремеслу, от ремесла к мануфактуре и от мануфактуры к фабрике.

Член земледельческой общины обыкновенно выполняет весьма разнообразные экономические функции. Так, «в некоторых местах горной Шотландии, по статистическим отчетам, многие пастухи овец и *cotters* с своими женами и детьми являются в обуви, сделанной ими самими из кожи, ими же самими дубленой, в платье, которое они сами же шили из матернала, ими же самими остриженного с овец или из льна, который сами они вырастили. При изготовлении платья почти нет вещи, которую бы они покупали, кроме шила, иглы, наперстка и немногих железных частей механизма. Краски приготовляли сами женщины из деревьев, кустарников, трав и т. д.»*. А вот другой пример общинной организации труда, имеющий более близкое к нам отношение: «Земля, которую он (крестьянин Вяземского уезда, Смоленской губ.) обрабатывает, доставляет ему и пищу, и одежду, и почти все необходимое для его существования: хлеб, картофель, молоко, мясо, яйца, холст, сукно, овчины и шерсть для теплой одежды он имеет свои, и покупать ему приходится часть этих предметов только в том случае, когда недостает своего. За деньги он приобретает только обувь и некоторые мелочные принадлежности туалета, как например, кушак, шапку, рукавицы и пр., а также некоторые необходимые предметы из домашней утвари — деревянную и глиняную посуду, чугуны, ухваты и т. п.»**. Не меньшею простотою отличаются и отношения между отдельными общинами. Ведя, сравнительно, один и тот же образ жизни, эти последние лишь в редких случаях меняются своими произведениями. Взаимные их связи по необходимости

* Dugald Stewart, цитир. Марксом, стр. 428.

** Миронов «Очерк крестьянского хозяйства в Вяземском уезде», «Русские ведомости», 1877 г., № 26.

ограничиваются одной совместной обработкой той земли, которая состоит в их общем владении, и совместным пользованием различными продуктами ее, каковы: лес, сено и т. п. (нераздельный марк древнегерманских поселений и земли, принадлежащие целым волостям в древней России). Мы видим, таким образом, что первобытная община или ряд общин большею частью сами удовлетворяют своим потребностям и, следовательно, их экономическое устройство исключает в известной степени общественное разделение труда между земледельческой и обрабатывающею промышленностью. Таковы отношения общины к внешним сферам производства. Но и внутри себя община делит труд лишь очень редко и на непродолжительное время. В целом мы не рискуем ошибиться, если скажем, что в этой фазе экономического развития *простая кооперация*, как между членами одной сельской общины, так и между многими общинами, есть наиболее выдающаяся, господствующая форма кооперации.

С положением труда в общине представляют большое сходство условия промышленности в колониальных странах. Разносторонность приложения сил становится здесь делом не только выгодным, но просто необходимым. Один французский рабочий писал по возвращении из Сан-Франциско: «Я никак не думал, что буду способен работать во всех ремеслах, которыми занимался в Калифорнии. Я был твердо убежден, что ни на что не годен, кроме работы в типографиях... Раз попав в этот мир искателей приключений, которые переменяют свои занятия чаще, чем свои рубашки, я делал то же, что и другие. Когда работа в рудниках оказалась недостаточно прибыльною, я ее бросил и переселился в город, где был поочередно типографщиком, кровельщиком, свинцовых дел мастером и т. д. Вследствие этого опыта, показавшего мне, что я годен на всякую работу, я чувствую себя теперь меньше моллюском и больше человеком»*. То, что здесь говорится о положении в колониях отдельных лиц, справедливо и относительно целого туземного общества. «В Америке», говорит Уэксфильд**, «нет ни одной части населения исключительно земледельческого, кроме рабов и их хозяев, которые соединяют капитал и труд для крупных предприятий. Свободные американцы, сами обрабатывающие землю, имеют, кроме того, много других занятий. Часть мебели или инструментов обыкновенно делается ими самими. Они часто сами строят свои дома... Они в одно и то же время и прядильщики, и ткачи, они готовят для собственного потребления мыло и свечи, сапоги и платье. В Америке земледелие образует часто побочное занятие кушца, мельника или мелкого торговца».

По мере развития и обособления самостоятельного, в особенности городского, ремесленного производства, труд начи-

* Corbon «De l'enseignement professionnel», цитир. в «Капитале», стр. 430.

** «England and America», цитир. в «Капитале», стр. 652.

нает разделяться общественно, во-первых, между промышленными пунктами и окружающей их земледельческой страной, а, во-вторых, между отдельными ремесленниками. Деление труда первого рода, при господстве мелкой ремесленной продукции и соответствующего ей мелкого общинного землевладения и земледелия, бывает еще очень незначительно. Напротив того, обособление занятий среди отдельных и самостоятельных ремесленников идет довольно далеко и впоследствии усиливается все более и более. Связь между изолированными промышленными производителями поддерживается, во-первых, при содействии городской общины, а во-вторых, при помощи отдельных цеховых общин или артелей. Таким образом строение общества на этой ступени экономического роста становится уже сложнее: на место простой общинной и межобщинной кооперации предыдущей эпохи являются теперь два вида кооперации простой, а именно, городская, аналогичная сельской, и цеховая или артельная, и два вида сложной—деление труда между земледелием и обрабатывающей промышленностью с одной и между отдельными ремеслами—с другой стороны. Но этого мало. Общественная комбинация труда не только отличается теперь сравнительно сложностью, но и взятая отдельно от предыдущей эпохи представляет известную градацию-усложнений. Так, разделение труда между отдельными ремеслами является сложнее и дробнее, чем разделение труда между промышленностью обрабатывающей и земледельческой. Так точно, соединение труда отдельных представителей одного и того же ремесла носит характер большей сложности, чем соединение труда отдельных членов целой городской общины. Но дело не заканчивается одной указанною иерархией отношений между простой и сложной кооперацией различных категорий порознь. Та и другая, помимо этого, находятся в известных необходимых взаимных отношениях. Так, например, соединение всех занятий под видом городской общины является естественным коррелятивом обособления и распада их на части. Таким же образом соединение всех мастеров известной отрасли под видом артели или цеха служит необходимым дополнением тех различий, какие возникают постепенно внутри нее самой.

С возникновением мануфактуры упомянутые сочетания труда подвергаются дальнейшим переменам. Во-первых, общественное деление труда между промышленностью обрабатывающей и земледельческой, по мере сосредоточения производителей в отдельных мастерских и крупных земледельческих хозяйствах, принимает громадные размеры. Во-вторых, на смену атомистическому делению занятий между самостоятельными ремесленниками города или промышленных местностей является профессиональное обособление одних мануфактурных предпринимателей от других. Помимо этого, сосредоточение прежних мелких самостоятельных хозяев с своими подмастерьями внутри мануфак-

турной мастерской сопровождается возникновением новой, честнейшей и сложнейшей формы разделения занятий—распределения между многими рабочими одной мануфактуры операций, которые при ремесле последовательно выполнял один и тот же рабочий. Итак, на этой ступени экономического развития мы встречаем уже не две, как в предыдущей, а целых три различных категории сложной кооперации, а именно общественное деление труда между земледелием и обрабатывающей промышленностью, общественное деление труда между хозяевами мануфактурных мастерских*, сменившими собою часть прежних мастеров-ремесленников, и, наконец, деление труда между наемными рабочими мануфактуры, кладущее свою печать на целую эпоху производства. Но что же стало теперь с простой кооперацией? С уничтожением замкнутости городов и разложением ремесла и цехов, прежние виды простой кооперации теряют под собой значительную долю почвы и потому вполне или отчасти перестают существовать. Но как потребность в солидарности и в интеграции не только не исчезла вместе с ними, а напротив, благодаря новым порядкам производства, значительно расширилась и возросла, то из развалин прежних цехов и корпораций мало-помалу стала возникать простая кооперация новейшего чекана, а именно, рабочие союзы между наемными рабочими. Прямую целью кооперации этой категории, насколько она успела проявиться, должно признать, во-первых, упорное стремление к водворению и к поддержанию [нарушенного]¹¹³ равновесия в труде и потреблении, а во-вторых, сопротивление противообщественному господству капитала. Сама организация союзов между рабочими различных отраслей промышленности и между рабочими одной и той же отрасли [воспроизводит]¹¹⁴ до известной степени то устройство, какое представляли отношения между всей городской общиной и отдельным цехом.

Все сказанное выше невольно ведет нас к заключению¹¹⁵, что всякое сколько-нибудь значительное усложнение в делении труда необходимо и неизбежно сопровождается соответствующими усложнениями в соединении труда. Назначение простой кооперации есть собирание, слияние в одно целое разъединенных и разбросанных предыдущим процессом деления труда частей экономического механизма. Подобное объединение или, что то же, интеграция [работ]¹¹⁶, вопреки утверждениям Спенсера и его последователей, играет в генетическом развитии общественного производства гораздо более значительную и решительную роль, чем [их специализация]¹¹⁷. Превращение всей совокупности общественных занятий в различные по качеству пожизненные отправления отдельных лиц есть дело временной

* Такое же деление имеет место и между представителями отдельных групп сельского производства: земледельческого в тесном смысле слова, лесного, горного, рыболовного, соляного и пр.—*Авт.*

необходимости, не больше. Оно напоминает собою охоту или рекогносцировку, — необходимость разойтись по сторонам, но непременно с тою целью, чтобы сойтись со временем опять и [снова двинуться вперед совместно]¹¹⁸. Преобладание в обществе кооперации сложной над простою равнозначительно с потерей равновесия, с утратой прочности организации. В основании тенденции общества настойчиво и неизменно возвращаться к месту сбора и находить в объединении утраченный центр тяжести, лежит тот совершенно простой факт, что коренное сходство человеческих потребностей и функций всегда в последнем счете одерживает верх над их разнообразием. Все однородные признаки людей запечатлены характером постоянства, все разнородные — характером случайности. Говоря несколько иначе, никакое специализирование занятий не в состоянии окончательно стереть и уничтожить атрибуты человека, никакое различие между банкиром, сапожником, учителем, солдатом не в состоянии упразднить их принадлежности к одной великой человеческой семье. Вот почему дробление занятий между отдельными людьми должно считать явлением *сравнительно* недолговечным, тогда как соединение труда продлится столько времени, сколько просуществует род людской.

Даже в организации отдельных мануфактурных мастерских простая кооперация труда имеет подчас гораздо более значения, чем можно было бы предполагать, судя по общей характеристике мануфактурного сочетания операций. Вот несколько примеров, служащих к подтверждению этого явления. «Каждая отдельная группа», говорит Маркс (стр. 301), «рассматриваемая, как известное число рабочих, исполняющих одну и ту же частную функцию, состоит из однородных элементов и образует простой орган общего механизма. Однако, в различных мануфактурах сама группа представляет уже многочленное рабочее тело, а общий механизм мануфактуры образуется из повторения или умножения таких элементарных производительных механизмов. Возьмем для примера мануфактуру, занимающуюся изготовлением стеклянных бутылок. Она распадается на три существенно различные фазы: во-первых, подготовительная фаза, заключающаяся в приготовлении стеклянного состава, т. е. в смешивании песка, извести и пр., в сплавлении этой смеси в жидкую стеклянную массу. В этой первой фазе занято множество детальных рабочих, точно так же, как и в заключительной фазе, состоящей в вынимании бутылок из охладительных печей, в сортировке их, упаковке и т. д. Посредине между этими двумя фазами находится настоящее стеклянное производство, состоящее в обработке жидкой стеклянной массы. У одного и того же отверстия большой печи, содержащей расплавленную массу, работает целая рабочая группа, состоящая из пяти специальных рабочих. Эти пять детальных производителей представляют пять различных органов одного и того же рабочего тела, которое может дей-

ствовать только как целое, как одна нераздельная единица, т. е. только при непосредственной кооперации всех пяти составляющих ее рабочих. Как скоро недостает хотя одного члена этого пятираздельного тела, все это тело оказывается парализованным. Но одна и та же печь имеет несколько отверстий, — в Англии, например, от 4 до 6, из которых каждое соответствует заключенному в печи глиняному плавильному тиглю с жидкой стеклян- ной массой, и каждое такое отверстие дает занятие своей соб- ственной рабочей группе той же самой пятираздельной формы. Расчленение каждой отдельной группы основывается здесь непосредственно на разделении труда, между тем, как связь между различными однородными группами представляет про- стую кооперацию, имеющую целью достижение посредством совместного пользования* более экономического потребления одного из средств производства, т. е. в данном случае стеклопла- вильной печи. Такая печь с своими 4—6 группами образует одну стеклянную мастерскую; стеклянная же мануфактура состоит из множества таких мастерских...».

Другой подобный случай сочетания операций находим у Дюкана, в его описании парижского газового завода*, пред- ставляющего в сущности не что иное, как мануфактуру. «В по- мещении завода», говорит он, «заключается восемь батарей, каждая батарея состоит из шестнадцати печей, в каждой печи находится семь глиняных реторт... У каждой полубатареи ра- ботает восемь человек: один источник, два носильщика угля, один затыкающий отверстие реторты, четыре носильщика кокса. Реторта открыта, являются два носильщика, собирают при по- мощи лопат находящийся перед ними уголь и бросают его в реторту... В две минуты реторта наполняется: в нее вошло около 140 килограммов угля. Ловкость этих людей изумительна: ни один кусочек, ни одна пылинка угля не минуют своего на- значения. Когда реторта, которую необходимо наполнить, нахо- дится на высоте полутора метра от почвы, то действие распа- дается на три движения: рабочий нагибается, берет лопатой уголь, поднимается, вытягиваясь, сколько можно, потом, при помощи совершенно горизонтального жеста рук, он сбрасывает уголь в пасть реторты; точность движений при этом такова, что в нем есть нечто автоматическое и несогласное с природой че- ловека. После того, как реторта получила свою порцию пищи, рабочий, затыкающий отверстие ее, схватывает втулку, покры- тую на нижней поверхности жидкой глиной, и пускает ее в ход... По истечении четырех часов втулка снова вынимается; первая операция кончена, перегонка вполне готова. Каменный уголь освободился от газа, который в нем содержался, и превратился в кокс... При помощи железного крюка носильщики кокса вы- таскивают его из реторты; он падает на пол, покрытый пылью,

* «Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie», t. V, p. 392—6.

пылает здесь недолго и, вследствие соприкосновения с холодным воздухом, быстро принимает черноватый цвет. Его собирают лопатами, бросают в жестяные тачки и вывозят во внутренность двора». Мы видим здесь, помимо разделения труда среди рабочих, трудящихся у каждых четырех реторт, простую кооперацию двух порядков: во-первых, кооперацию порядка более простого между всеми восемью батареями, которые отапливаются сообща, и во-вторых, кооперацию более сложного порядка, между двумя однородными группами каждой отдельной батареи, состоящей из двух полубатарей. Только соединение всех этих разнообразных сочетаний образует собою целое—газовый завод, который опять-таки кооперирует с другими газовыми заводами по началу простой кооперации.

Вот еще несколько примеров смешения простой и сложной кооперации внутри мануфактурной мастерской. «В прежние времена», говорил упомянутой выше парламентской комиссии 1875 г. один владелец заведения для окрашивания тканей турецкой красной краской в Шотландии*, «в моем распоряжении было около 240 столов, при которых занималось около 480 рабочих; но теперь у меня только 118 столов, и из этого числа лишь при 87 имеются мальчики-помощники (tearers) для приготовления краски». «Мы ощущаем большое затруднение», показывал другой предприниматель, владелец ситцепечатной мануфактуры в Глазгове**, «в приискании мальчиков-помощников (также tearers). Обыкновенно работают по два человека в смене и при каждом из них мальчик, но иногда приходится работать двоим рабочим с одним мальчиком, и это представляет большое неудобство. Способ работы следующий: у нас длинные столы... мужчины проклеивают (gum) ткань на этих столах, а помощники стоят у снарядов (tress?), над которыми расположен сосуд с краской, и передвигают эти снаряды по столу...». «В каждой яме для литья труб», докладывал комиссии управляющий одним чугунным и меднолитейным заводом и предприятием для литья водяных и газовых труб в Уэст-Бромвиче***, «работает по 17 мужчин и мальчиков, и если одного или двух мальчиков нет на месте при начале дела, то вся смена должна дожидаться, пока не соберутся все». В первом и во втором из только что цитированных случаев мы имеем дело с сложной кооперацией у каждого стола в отдельности и с простую между всеми столами; в третьем случае мы наблюдаем сложную кооперацию у каждой ямы и простую между многими ямами.

Читатель, конечно, согласится с нами, что участие простой кооперации в истории развития форм общественной продукции оказывается несколько не маловажным и что она играет

* «Report etc.», № 15094.

** Ibid., № 15438.

*** Ibid., № 6811.

значительную роль даже по отношению к тем процессам, которые представляют наиболее специфическую почву для приложения разделения труда. Вообще мы вряд ли ошибемся, если скажем, что так называемого мануфактурного деления труда, которым характеризуется мануфактурная эпоха, почти невозможно встретить в совершенно чистом виде, что в большей или в меньшей степени оно повсюду осложняется известной примесью простой кооперации. Конечно, применение этой последней формы сочетания труда не может обеспечить *отдельному* мануфактурному рабочему разносторонности занятий, как это было в земледельческой общине, в колониях и при зачатках ремесла. В мануфактурной мастерской путем простой кооперации обыкновенно достигается не больше, как соединение однородных групп рабочих с расчлененными занятиями—в группы более общего порядка, или же соединение нескольких рабочих, выполняющих одни и те же специальные процессы—в одну группу. Но если вспомнить, что мануфактурный способ производства не отличается ни прочностью, ни продолжительностью своих форм, а служит лишь соединительным звеном между ремесленной и фабричной индустрией, то и преобладание в нем дробления операций над их соединением окажется имеющим гораздо менее значения, чем полагают многие.

Мы подошли теперь вплотную к вопросу о зарождении и устройстве фабричной индустрии, по поводу которых и был нами представлен краткий очерк генезиса различных форм общественной продукции. С развитием мануфактуры все возрастает сложность всей совокупности процессов производства внутри мануфактурной мастерской, но, параллельно с этим, естественно и неизбежно растет и простота отдельных операций, служащих функцией детального рабочего. В одном и том же направлении с подобным разложением процессов на составные части идет увеличение числа орудий и инструментов, в которых является потребность при выполнении специальных операций, и улучшение техники в их производстве. Понятно, что вместе с тем, подготавливается и материал людей, пригодных к совершению тех сложных механических работ, которые необходимы для сооружения машин. Прибавим к этому, что расширение сбыта и улучшение способов сношений, которые являются не только следствием, но также и исходной точкой фабричной индустрии, вызываются в известной степени развитием самой мануфактуры. Тогда-то наступает момент возникновения машины и той метаморфозы в общественном сложении труда, которая сопутствует их приложению к делу. Машина принимает на себя задачу выполнения тех процессов, которые доведены мануфактурным разделением труда до наибольшей простоты. Помимо этого, машина умножает силы человека, переступая за пределы того числа орудий, которым мог владеть один рабочий. Наконец, машина, взятая *отдельно* или же в связи с другими, заменяет

конгломерат людей—мануфактуру или несколько мануфактур. Следующий пример показывает это с полнейшею наглядностью. На парижской всемирной выставке 1867 г. была одна английская машина под названием «всеобщий плотник» (*general joiner*), которая оказывалась в состоянии выполнять самые разнообразные ручные деревянные работы. При помощи «всеобщего плотника» можно было пилить, строгать, буравить, *делать выемки, простые и двойные краны и пр., и все это с таким значительным сокращением труда, что один мужчина с мальчиком справлялся с работой целых 15 мужчин*.

Обратим теперь ближайшее внимание на те превращения и перемены, какие производятся машинной индустрией в общественной организации труда.

Остановимся, *во-первых*, на разделении труда между земледелием и обрабатывающею промышленностью. Чтобы дать читателю возможность составить себе хоть приблизительное понятие о том, насколько увеличилась бездна между указанными двумя обширнейшими классами занятий, благодаря распространению фабрик, довольно будет привести несколько цифр, показывающих возрастание городского населения насчет сельского. Так, например, в конце XVII в. в Лондоне числилось еще не более 500 000 жителей, тогда как в 1841 г. в нем было уже 1 948 417, в 1851 г.—2 362 236, а в настоящее время более 3 000 000 душ. Провинциальные города Англии не только отставали в этом отношении от столицы, но даже значительно перегоняли ее. Манчестер имел в конце того же XVII столетия не более 6 000, в 1841 г.—311 269, в 1851 г.—401 321, а в 1871 г.—уже около 500 000 жителей; в Ливерпуле в ту же эпоху было около 4 000, в 1841 г.—286 487, в 1851 г.—375 955, а в 1871 г.—уже 505 000 душ. В Лидсе считалось последовательно: 7 000, 152 000, 472 000, 272 000, в Бирмингэме—4 000, 183 000, 233 000, 356 000, в Бристоле—29 000, 125 000, 137 000 (1851 г.) душ и т. п. Прочие провинциальные города Англии также не оставались позади. Повсюду, здесь как и на континенте, рост населения, по мере приближения к нынешнему времени, становится быстрее и быстрее. Так, например, мы видим, что число жителей Берлина в течение только 10 лет, с 1861 по 1871 г. возросло от 547 000 до 825 000, Вены—в течение 15 лет, с 1857 по 1872 гг., от 476 000 до 911 000, Парижа—в течение 21 года, с 1851 по 1872 гг., от 1 174 000 до 1 851 792, Брюсселя—в течение 6 лет, с 1857 по 1863 гг., от 159 000 до 187 000 и т. д. Нетрудно было бы показать, что и провинциальные города континента возрастали в такой же прогрессии, но это завлекло бы нас слишком далеко. Понятно, что гигантское увеличение городского населения должно слу-

* Neumann «Officieller Ausstellungs Bericht», Einleitung, Wien 1869, S. 96.

жить бесспорным признаком не менее громадного прогресса в обособлении городских занятий от сельских. Но, при ближайшем рассмотрении дела, можно подметить и симптомы возникновения обратного течения, хотя и в крайне грубых и тяжелых формах. Так, например, опустошение сел способствовало образованию больших и сложных земледельческих хозяйств на месте уцелевших от предыдущих формаций хозяйств мелких. Какими ближайшими путями совершалось и совершается доньше такое преобразование отношений, об этом мы пока не станем говорить. Заметим только мимоходом, что даже в тех странах, в которых, как во Франции или Швейцарии, до настоящего момента удержались в большом числе мелкие земельные владения и хозяйства, господство капитала в земледелии не подлежит сомнению. Посредством поземельного кредита, владельцы капитала и здесь уже фактически сумели обратить в своих рабочих значительную массу мелкого землевладельческого населения, которое, трудясь на кредитора, лишь с виду остается тем, чем было. Крупные земледельческие хозяйства во многих и очень многих отношениях суть то же, что городские фабрики. Прежде всего подобно фабрикам, употребляя в дело машины и многие другие новейшие усовершенствования, они имеют чисто технологическую, научную основу. Затем, они таким же образом, как фабрики, поддерживаются исключительно при помощи наемного труда. На почве этих двух явлений возникают весьма разнообразные и многочисленные сходства между организацией сельского и городского населения и хозяйства, а переселение многих фабрик из городов в провинцию, благодаря универсальной двигательной силе—пару, еще сильнее уподобляет одну из них другой. Понятно, что все это до сих пор не более как признаки тех новых форм простой кооперации, которым предстоит связать в один пучок расщепленные ветви городской и сельской индустрии.

Во-вторых, что касается общественного деления труда между хозяевами отдельных предприятий различных отраслей промышленности, то и здесь также заметно не одно, а несколько течений. Сосредоточение в громадных фабриках и сельских хозяйствах орудий производства и людей понятным образом предполагает безмерное увеличение сбыта для отдельных предприятий. Чтобы дом Поттера, Швабе, Блэка и др. в Манчестере, дом Дольфюса и Мига в Мюльгаузене, дом Сальта около Бадфордга могли производить—первый по 23 миллиона метров ткани, второй по 10 миллионов, а третий на $\frac{1}{2}$ миллиона франков, для этого необходимы соответствующие рынки. А так как покупатель данного товара в уплату за него в последнем счете должен сам предложить другой товар, то ясно, что, под влиянием одного увеличения размеров производства, обособление самостоятельных профессий должно стать еще резче, чем в предыдущий период. Но, к счастью, нет худа без добра. Приобретая громадные раз-

меры, отдельное хозяйство утрачивает понемногу характер дробн совокупного хозяйства известной отрасли и начинает становиться целым. Говоря несколько иначе, по мере своего увеличения, хозяйство частное становится само общественным хозяйством. Чтобы яснее видеть, в чем состоит процесс такого расширения, необходимо вспомнить, что крупный капитал систематически и неуклонно гнетет все капиталы незначительных или не столь значительных размеров. Он совершает эту миссию водворения монополии или фактически, или потенциально. В первом случае он сам растет насчет соперника, путем слияния с ним, завоевания рынка, путем кредита и т. п. Во втором случае он не дозволяет ни возникнуть наряду с собою, ни функционировать с успехом другому капиталу. В обоих случаях он опирается в своих стремлениях и в средствах к их осуществлению на ту простую экономическую истину, что потребность в любом товаре имеет свои пределы насыщения, и что если известное количество товара, произведенное при самых выгодных условиях, уже доставлено на рынок, то конкурентам нечего здесь делать. Примером увеличения капитала насчет соседей могут служить громадные механические заводы Шнейдера, Борзига, Эшера, [Висс]¹¹⁹ и др. лиц, которые дают занятия целым корпусам и дивизиям рабочих и мало-помалу вытесняют с рынка множество менее крупных и сильных конкурентов. Примером потенциального давления на будущие предприятия является почти любая железная дорога; которая берет на себя всю совокупность грузов и пассажиров и этим отнимает у будущих соперников малейшую надежду на существование. И не только в отдельных отраслях промышленности на место многих мелких становится одно значительное предприятие, но то же самое отчасти происходит и относительно различных отраслей промышленности. История новейшей индустрии (особенно французской) полна примерами сосредоточения под управлением одного капитала весьма многих самых разнохарактерных хозяйств. Таким образом, права простой кооперации, хотя до поры до времени и в безобразном виде монополии, пробиваются на свет сквозь толстый слой хаоса новейшего общественного деления труда.

Возведению отдельных предприятий на степень всепоглощающих общественных хозяйств оказывает также значительную помощь акционерное соединение капиталов, принадлежащих всем и никому. Профессия предпринимателя, как представителя особой отрасли общественного разделения труда, игравшая такую значительную роль при мануфактурном способе продукции, не имеет ровно никакого приложения в акционерном обществе. Все, от правления и до поденщика, здесь лица посторонние, «служащие» безличности—компании. Нетрудно видеть, насколько этот порядок отношений содействует процессу объективирования или, что то же, социализации отдельных предприятий,

их приближению к новым, неизвестным прежде типам простой кооперации*.

Зато соперничество различных стран по производству товаров одного и того же сорта оказывает действие обратное. Соперничество это стремится парализовать излишнюю централизацию капиталов в отдельных странах и успевает в этом все более и более. Достаточно прочесть те жалобы английских фабрикантов на соперничество с ними континента, какие заключаются в трудах последней парламентской комиссии, чтобы тотчас же убедиться в этом. Но для правильной оценки результатов международной конкуренции необходимо должны быть приняты в расчет два обстоятельства. Во-первых, при нынешнем свободном передвижении капиталов из одной страны в другую, становится довольно затруднительно решить, где начинается одна страна и где кончается другая. Немецкие капиталисты имеют собственность во Франции, французские в Германии. Тот или другой английский капиталист владеет акциями в британских и в бельгийских рельсовых заводах, и в то же время Англия кричит, что соперничество бельгийских производителей стало делаться невыносимым. С другой стороны, какое множество французских предприятий прищипывается в пользу турецких банков и железных дорог, основанных французским обществом *Credit mobilier*. Во-вторых, не следует упускать из виду, что централизация капитала есть не более, как следствие процесса накопления, а самый процесс накопления—*conditio sine qua non* капитализма. На этом основании все, что является препятствием централизации капитала, есть в то же время тормоз накоплению, а следовательно, и развитию капитализма. Вот эту-то последнюю задачу международное соперничество капиталов обещает выполнить блистательно, не говоря уже о том, что, судя по всемирному давлению кризисов, оно уже значительно подвинулось в решении ее. И в самом деле: до тех пор, пока одна Англия снабжала чуть не полмира произведениями обрабатывающей промышленности, увеличение капитала могло казаться не имеющим пределов. Но раз на тот же самый путь вступили и Франция, и Бельгия, и Германия, и Австрия, и другие государства, то откуда же взяться потребителям в таком количестве, чтобы накопление капитала не подвергалось замедлению и даже остановке? Ведь ограничены не одни только «размеры человеческих желудков», как полагали Смит и Ри-

* Итак, создание этого бесчисленного множества компаний, которое, по видимому, должно обратить в вечное рабство трудящееся человечество и которое столь многим кажется движением понятным, в последнем счете представляет не что иное, как переходную ступень по направлению к возрождению. Именно, благодаря компаниям, должно исчезнуть всякое подчинение человека человеку, должны вновь слиться различные общественные классы, возникшие на почве экономической анархии и спекулятивного индивидуализма, и распылиться в одной и той же ассоциации производителей (Proudhon «Manuel du speculateur à la Bourse», p. 489).

кардо, но также и «размеры человеческих карманов», или, по крайней мере, карманов $\frac{2}{3}$ народонаселения, служащих в качестве класса наемных рабочих, одним из трех китов капитализма? Итак, мы вправе думать, что борьба международных интересов хотя и ослабляет в известной степени стремление к слиянию отдельных предприятий и к поглощению мелких капиталов крупным, но в то же время совсем другим путем подкапывает режим капитализма и неразлучный с ним порядок общественного разделения труда.

Перейдем теперь к вопросу об изменениях, вызванных машинным производством в комбинации труда *третьего* типа — внутри отдельной мастерской. Здесь, как мы уже имели случай видеть, предоставление рабочим занятий разнородного характера диктуется отчасти самой технологической необходимостью. Насколько явление это находится в связи с элементарностью и простотою механических процессов и с необычайной легкостью их изучения, которая дает полнейшую возможность установить систему смен*, как это делалось в обход фабричному закону (*Relaysystem*), — об этом уже говорилось выше. Но, кроме этого, в машинной индустрии является необходимость в выполнении множества отрывочных работ, которые в отдельности настолько коротки, что не в состоянии служить предметом особой функции и образуют известную рабочую профессию только в сумме. Явление это прекрасно поясняется следующим примером. По словам известного прусского статистика Энгеля**, на германских железных дорогах все более и более распространяется обычай, для всех более простых ручных работ, вместо рабочих с определенной профессией и положением, держать так называемых поденщиков, которым поручается то одно, то другое дело. Хороший авторитет по всяким технико-экономическим вопросам железнодорожной индустрии барон Вебер в своем сочинении «*Die Schule des Eisenbahnwesens*» высказывается об этом предмете следующим образом: «Иметь слишком много низших служащих равносильно неэкономической затрате сил: установка вагов, чистка вагонов, нагрузка и выгрузка и всякая ручная работа должны выполняться, как это и делается в Англии, рабочими без определенной функции, которых можно ежедневно перемещать с одной работы на другую и таким образом экономически поль-

* Вот между прочим один пример: «В том случае, когда они работают продолжительно, они помогают одна другой. Если девушка одновременно работает весь день, то она имеет около себя других девушек и мальчиков, которые только тем и заняты, что становятся попеременно на ее место, чтобы дать ей отдохнуть с четверть часа. Так поступают они по собственному соглашению, без всякого внушения со стороны их старшего, хотя понятно, что в противном случае, т. е. при отсутствии добровольного соглашения, инициативу взял бы на себя старший». Показание, данное комиссией Моррисоном, одним из членов депутации от союза хозяев-набойщиков в Эдинбурге — № 16326.

** «*Zeitschrift des preussischen statistischen Bureau's*», 1874.

зоваться их силами». Таких отдельных операций уже в 1869 г. считалось на германских дорогах целые сотни тысяч. Если допустить, говорит Энгель, что 300 таких операций, отправляемых в течение года, равняются одному годичному занятию постоянно служащего, то отношение между ними будет следующее: в 1850 г. на одну милю частных германских железных дорог приходилось средним числом по 8 000 сложных единиц таких отдельных операций, а постоянных должностей по 19 000, т. е. в $2\frac{1}{2}$ раза больше, тогда как в 1859 г. первых было уже 18 000, а вторых—21 000, в 1859 г. первых—22 000, а вторых—28 000. Таким образом число постоянно служащих возросло в течение 19 лет развития в Германии железнодорожного дела на 69%, а число упомянутых отдельных операций в тот же период времени увеличилось на целых 375%. На государственных дорогах это возрастание еще сильнее, чем на частных, а на частных, состоящих под государственным управлением, оно настолько велико, что здесь число отдельных операций даже больше числа постоянных должностей. В 1850 г. на дорогах последней категории наряду с 22 000 служащих (на каждую милю движения) было всего 7 000 поденщиков, а в 1869 г. первых было 38 000, вторых же—45 000. Все эти цифры слишком значительны, чтобы их можно было объяснить какой-нибудь случайностью, а не влиянием существенных особенностей фабричной индустрии. Они доказывают ясно, что при употреблении машин простая кооперация среди рабочих отдельного хозяйства одерживает верх над сложной уже по той одной причине, что многие работы не могут быть, по краткости своей, предметом обособленной функции и в то же время могут выполняться каждым.

В целом нетрудно заключить, что период фабричной индустрии является началом такого сочетания труда, которое в существенных чертах походит на уклад труда в сельской общине, где все и каждый занимались всю совокупностью работ, служащих для покрытия потребностей. Но есть и важные различия между ними. В то время как в сельской общине занятия большей частью однородны, немногочисленны и просты, в новейшем обществе они, напротив, разнородны, многочисленны и сложны. На этом основании комбинацию труда в общине можно признать за наиболее простую форму простой кооперации* или, говоря иначе, одинаково считать ее соединением труда,—возьмем ли мы для наблюдения занятия общины в отдельный момент времени, или на протяжении всей жизни ее членов. Все и каждый в одно и то же время и всегда здесь занимают одним

* Мы оставляем в стороне деление труда по возрастам и полам, а также и другие виды сложной кооперации, имеющие приложение не только в организации общинной, но даже и в общественном укладе дикарей: значение всех таких различий на первых ступенях развития является сравнительно второстепенным.

и тем же делом. Иной характер носит сложение труда в обществе с машинной продукцией. Здесь, если мы посмотрим на занятия людей в течение их средней жизни, то мы действительно найдем соединение труда—в том смысле, что *каждый* занимается всей совокупностью работ и, следовательно, представляет единицу одного порядка со всеми прочими. Конечно, в данном случае тип единицы уже не тот; он отличается гораздо большей сложностью, чем прежде*, но все же, в общем, сходство сочетаний удерживается полное. Различие начинается тогда, когда мы наблюдаем строй труда в новейшем обществе по отношению к отдельному моменту времени. Благодаря обилию, сложности и разнообразию работ, здесь прилагается в одно и то же время сложнейшая из форм кооперации сложной. В одно и то же время здесь все и каждый занят *различным* делом и только на протяжении всей жизни поколения различия эти сглаживаются тем, что все и каждый *одинаково* меняют дело. Понятно, что ремесленная и мануфактурная продукция являются не более, как рядом ступеней, которыми идет развитие сочетания работ,—от форм кооперации общинной к формам кооперации фабричной.

Покончив с этим очерком генезиса различных форм общественной продукции, изображающих, конечно, одни лишь наиболее рельефные черты предмета, мы перейдем теперь к другим вопросам фабричной индустрии, на которые в исследованиях Маркса бросается оригинальный свет.

Коснемся прежде всего вскользь влияния машин на удешевление товаров. Особенно внимательного рассмотрения вопрос этот от нас не требует, так как в предыдущей главе о нем трактуется с достаточной полнотой и ясностью. К тому же изложение этого предмета в «Капитале» лишь отчасти может претендовать на новизну. Так, например, у Рикардо читаем («Сочинения», гл. I): «Таким-то образом пользуется общество введением машин: эти немые деятели всегда являются продуктом менее значительного труда, нежели тот, который ими замещается, даже в том случае, когда и тот и другой имеют одинаковую денежную ценность». Читатель помнит, что и автор «Капитала» придерживается того же взгляда. Главная мысль здесь та, что уменьшение ценности товаров, производимых при посредстве машин, зависит от того, что вся сумма труда, расходуемая на данное количество продукта при употреблении машин, оказывается меньше, чем вся сумма труда, которая издерживается в обратном случае. Под *всею* суммой труда необходимо разуметь в обоих случаях как труд, пошедший на изготовление орудий (машин или ручных инструментов), так и тот труд, который израсходован на непосредственное производство (при помощи машины и при помощи

* Между «слагаемым» общины и «слагаемым» общества с машинной продукцией существует приблизительно такое же различие, как, например, между *единицей* 10 и *единицей* 100.—*Авт.*

ручных орудий).—Правда, сам Рикардо не всегда следовал этому взгляду во всем его объеме и с признанием всех его последствий. По крайней мере, допуская, что, при участии в производстве машины, первоначально принятый им закон ценности, а именно, установление меновых размеров в соответствии с размерами труда, терпит значительные изменения, он косвенно отказывается от некоторых необходимых выводов из упомянутого взгляда. Он утверждает здесь, как читателю уже известно (см. конец гл. VIII настоящего труда), что удешевление машинного продукта¹²², возникшего при помощи большого постоянного капитала, имеет в основании не то явление, что на производство самих машин и машинного продукта расходуется менее труда, чем ими замещается, а другое, что возвышение задельной платы при машинном производстве роняет прибыль столь чувствительно, что вместе с нею должна упасть и ценность всего машинного продукта. Не нужно доказательств, что общего между тем и другим объяснением нет ровно ничего, не говоря уже о том, что второе из этих объяснений ничем не может быть доказано. Справедливо также, что никому из экономистов, не исключая и самого Рикардо, не удавалось до сих пор представить это дело в таком ясном и бесспорном свете, как это мы видим в исследованиях Маркса. Да и трудно было бы требовать удовлетворительного разрешения задачи от тех писателей, по мнению которых капитал и прибыль возникают из сбережения, а не из труда и производства, как это есть на самом деле. Разделяемая громадным большинством экономистов теория сбережения оказывается, однако, вполне бессильной объяснить явление удешевления товаров посредством приложения машин. Она, конечно, сгоряча ссылается на *даровую* службу сил природы, усвоенную изобретательным гением человека. Но вряд ли нужно замечать, что, насколько аргумент этот верен, он в сущности берется на прокат совсем из другой лавочки. И в самом деле, если удешевление товаров от приложения машин имеет в основании *дар* природы, то это означает просто, что удешевление это происходит от уменьшения количества *труда*. Изменены одни слова,—не больше, а смысл остался тот же. Однако, попросите кого-нибудь из приверженцев теории образования прибыли и капитала посредством сбережения—В. Рошера, М. Вирта и т. д.—дать объяснение, почему за даровую силу, обращенную на службу человеку под видом машины, владелец сей последней берет с нас в общей массе не меньше, как бы следовало, а гораздо больше прибыли, чем прежде, когда природа не была в такой степени уступчива,—и вы наверное получите в ответ, что это есть не что иное, как плата за изобретение, *вознаграждение* промышленного гения за *благоденствие*, оказанное им человечеству, и пр. Тут не одна, а целых две и очень крупные теоретические ошибки. Первая та, что за изобретение платят будто бы так дорого, тогда как очевидно, что в таком случае самый высокий гений человека «не

стоит благодарности»; пусть, например, подумает читатель, на что понадобилась бы ему железная дорога, если бы за езду по ней ему пришлось платить не меньше или даже больше, чем за езду в почтовом экипаже? Не ясно ли, что при таких условиях он отказался бы от чести благодарить за оказанное ему благодеяние? Второй ошибкой в упомянутой аргументации является предположение, что владелец фабрики есть вместе и изобретатель, а между тем, известно, что эти атрибуты совпадают немногим разве чаще, чем растут груши на вербе. Обыкновенно же предприниматель платит за право приложения изобретений такую ничтожно микроскопическую сумму в сравнении с собственным чистым доходом, что и упоминать о ней не стоит. Не меньшее фиаско потерпела и та попытка объяснить увеличение прибыли от применения машин, на основании которой прибавка эта есть вознаграждение за умственный труд управления крупным предприятием*, за возрастание риска и т. п. Совсем другое будет дело, если вспомнить, что само введение машин и других изобретений есть лишь одно из средств к увеличению прибавочной ценности путем удешевления предметов потребления рабочего, а следовательно, и увеличения прибавочной части дня насчет необходимой. Но тут мы уже входим в соприкосновение с другим вопросом, которым нам предстоит заняться ниже.

Большую оригинальностью отличается та часть рассматриваемого исследования Маркса, где он показывает нам, что употребление в дело машин, при существовании капиталистической системы, подчиняется известным специфическим условиям. Он утверждает, что если бы машина вводилась только с целью удешевлять продукт, то наиболее благоприятным для этого моментом был бы тот, когда на производство машины расходуется труда меньше, чем ею замещается. На это обстоятельство указывает также, как мы только что видели, и Рикардо. Но для капиталиста, прибавляет автор «Капитала», выгода употребления машин может возникнуть лишь с того момента, когда купить машину дешевле, чем *платить* рабочим, или, говоря иначе, когда ценность машины оказывается ниже ценности рабочей силы. И это явление не ускользнуло от внимания Рикардо, как то доказывает следующая цитата («Сочинения», гл. XXI): «Всякое увеличение задельной платы имеет стремлением привлечь сбережения в пропорции большей, нежели прежде, к употреблению в машины; машины и труд находятся в постоянном соперничестве, и первых нельзя часто употреблять до тех пор, пока не возвысится цена труда». Мы сомневаемся, однако, чтобы Рикардо

* Лассаль прекрасно опровергает этот способ объяснения дела примером Кельн-минденской железной дороги, которая в 1862 г. на сумму 3 367 521 талер *дивиденду* истратила не более 12 275 талеров *вознаграждения за умственный труд* директоров, контролеров и пр. «Herr Bastiat-Schulze», S. 162. — *Аст.*

имел вполне отчетливое понятие о том различии, какое существует между употреблением машин в виде капитала и всяким иным употреблением их. Еще темнее должна была ему казаться та причина, которой обуславливается подобное различие. Причиной этого, согласно объяснению Маркса, является то обстоятельство, что замещаемый машиной живой труд оплачивается не сполна, а только частью и, следовательно, хотя в том или в другом случае он окажется и больше, чем труд, пошедший на изготовление машины и машинного продукта, но если в то же время он дешевле, чем машина, то предприниматель найдет излишним прибегать к содействию последней*. Таким образом, уже на этой стадии исследований Маркса мы можем видеть ясно, что машина и способ приложения ее к делу несколько не одно и то же, как полагают многие экономисты по привычке соединять в уме явления, разъединенные на деле.

Еще большего внимания заслуживает в «Капитале» оценка результатов действия машинного хозяйства на положение рабочих. Некоторые пункты этого учения, не говоря уже о целой массе неизвестных прежде фактов, отличаются полнейшей самобытностью и новизною. Такова, например, та часть последнего, в которой изображается давление машин на продолжительность и на плотность работы. Первый из этих феноменов, значение которого уже потому должно признать громадным, что он почти повсюду вызвал реакцию под видом фабричного законодательства, имеющего целью сократить рабочий день, является наглядным указанием того противоречия с самим собою, той глухой улицы, в какую неизбежно попадает капиталистическое применение машин. Действительно, посредством употребления машин капитал стремится понизить ценность средств существования рабочих, чтобы тем самым возвысить норму прибавочного времени насчет необходимого. При существовании в производстве машин, как и при их отсутствии, масса прибыли одинаково находится в зависимости от массы прибавочного времени непосредственно трудящихся рабочих, которая сама отчасти обуславливается числом этих последних. Но применение к делу машин необходимо сопровождается уменьшением числа рабочих. Спрашивается: как согласить и примирить эти противоположности, чтобы в конце концов таки достигнуть цели употребления машин, а именно,

* Примеры, приведенные автором «Капитала» в подтверждение практического приложения этой истины, достаточно внушительны. Но мы могли бы выбрать из русской жизни кое-что и покрупнее. Чем, например, мы объясним тот факт, что среди промышленного населения села Павлова почти не существует машин, как не ничтожно малыми размерами задельной платы? И, действительно, платы правильщикам, литейщикам, черенщикам и пр. от 1½ до 2 руб. за 90—96 часов работы (по 16 часов в день), можно смело не справиться с успехами механики и техники в заморских странах. А между тем в подобном положении находится не только пожевой и пожиничный, а большинство кустарных промыслов России.—*Авт.*

увеличения массы прибавочного времени? На это практика капиталистов дает нам следующий вразумительный ответ: покуда это дозволяется законом и состоянием рабочего рынка — посредством удлинения рабочего дня тех людей, которые удержаны при машинах, впоследствии же — путем увеличения интенсивности труда. Что между помянутыми двумя способами увеличения прибавочной ценности действительно имеется такая последовательность во времени, в этом не дозволяют ни на минуту усомниться те многочисленные показания компетентных личностей, которые цитируются в предыдущей главе. Как только установлены нормальные пределы рабочего дня, тотчас является на сцену интенсификация труда во всеоружии новых механических приспособлений и изобретений, которые, путем увеличения быстроты действия машин, уничтожают поры в нормальном дне рабочего и напрягают все его внимание. Нетрудно видеть, как и заметил это автор «Капитала», что за известными пределами увеличение интенсивности труда необходимо должно снова вызвать реакцию под видом сокращения часов труда.

Не меньше интереса и значения представляют дальнейшие исследования Маркса о влиянии машин на отношения рабочих к капиталу. Приводимый им пример, имеющий назначением показать, что перемещение части капитала из непосредственного производства на сооружение машин оставляет без дела и без средств существования не только тех рабочих, которые оказываются излишними при самых машинах, но, сверх того, и тех, которые занимались производством этих средств существования, — не оставляет ничего желать по ясности и убедительности. Правда, по этому вопросу автор «Капитала» имел весьма талантливых предшественников, особенно в лице опять-таки того же Рикардо, Барбона, Сисмонди и в известной степени Прудона. Всего рельефнее и лучше из упомянутых писателей выражает это учение Рикардо (см. гл. XXXI его «Сочинений»). Он прежде всего сознается, что мнение его о последствиях употребления машин с течением времени подверглось весьма значительному изменению. Он полагал вначале, что введение машин должно способствовать увеличению благосостояния всех классов общества без исключения и что рабочий, в частности, благодаря увеличению производства, приобретет возможность за ту же плату покупать гораздо больше прежнего предметов потребления. Наш автор питал полнейшую уверенность, что при употреблении машин размер задельной платы или, вернее, ее масса останется без изменения, так как спрос на труд не может уменьшаться, а только переместится из одной отрасли в другую. Но более глубокие размышления привели автора к выводу, что та часть его взгляда, которая относится к рабочим, оказывается неверною. Заблуждение его основывалось, по его словам, на том предположении, что возрастанию чистого дохода общества (т. е. прибыли и ренты) сопутствует и возрастание доходов валового (т. е. прибыли,

ренты и задельной платы вместе взятых)*. Впоследствии, однакоже, он убедился, что предположение это было неправильно, что возрастание чистого дохода может сопровождаться относительным уменьшением дохода валового и, таким образом, «та же причина, которая может способствовать увеличению чистого дохода страны, может в одно и то же время сделать население излишним и тем ухудшить положение рабочего». Он прибегает к помощи примерного расчета, подобного тому, который приведен у Маркса, чтобы показать, что применение машины имеет прямым последствием уменьшение массы задельной платы и вытеснение известного числа рабочих, хотя при этом норма прибыли и остается прежняя. «Так как средства к поддержанию населения», говорит он, «зависят всегда от валового продукта нации, а не от чистого ее продукта, то (от употребления машин) необходимо воспоследует уменьшение спроса на труд, население сделается излишним и положение рабочего класса станет положением нищеты и бедствий». Тем не менее, автор полагает, что так как средства к сбережению дохода, предназначенного для увеличения капитала, должны зависеть от того, в какой степени чистый доход способен удовлетворять потребностям капиталиста, то, вследствие уменьшения цены приобретаемых им для себя товаров, капиталист усилит сбережение, а вместе с ним и легкость обращения дохода в капитал. Поэтому часть населения, удаленная прежде от занятий, мало-помалу снова стала бы употреблять в дело, и таким образом не произошло бы излишества в рабочих. Но насколько подобные последствия не могут быть предсказаны наверное, необходимо согласиться, продолжает автор, что «мнение, поддерживаемое рабочим классом, будто употребление машин часто наносит его интересам вред, не основано на заблуждении и на предрассудках, а находится в соответствии с истинными началами политической экономии».

Вот как мужественно когда-то рассуждали действительные представители науки. Они считали лишним прятать истину, которая могла быть неприятна. Но, к сожалению, пример их почти не встретил подражания в потомстве, и в настоящую эпоху у редкого экономиста вы прочтете что-нибудь подобное тому, что только что изложено. Даже прямые последователи Рикардо, а именно Мак-Куллох и Милль, не имели достаточной решимости признать всю справедливость упомянутых доводов учителя. Они особенно старательно подчеркивают то предположение, что вредное действие машин имеет только временный характер и что накопление капитала с избытком возмещает утраченную долю, так называемого, рабочего фонда. Но мы, во-первых, видели в пре-

* Такое представление о валовом доходе является несостоятельным, так как в состав последнего громаднейшею массою входит, помимо упомянутых трех отраслей дохода, еще и погашение постоянного капитала и вновь произведенный постоянный капитал. Но в данном случае эта неполнота возрания несколько не вредит аргументации автора.

дыдущей главе, что даже в отдельном предприятии раз принятая комбинация постоянного и переменного капитала увековечивается и что непрерывное относительное уменьшение переменной доли капитала упраздняет не один только наличный, но также и грядущий контингент рабочего населения. Во-вторых, нельзя хотя отчасти не разделить следующего воззрения Прудона, которым он опровергает мнение Сэ, что машина не уменьшает, а лишь перемещает доход рабочего: «После того», говорит он*, «как доход был, следуя Сэ, перемещен одною машиной, он перемещается другою, потом третьею, и т. д. до тех пор, пока есть налицо какая бы то ни была работа и обмен... Перемещение дохода, уничтожение труда и вознаграждение на него есть бич хронический, постоянный, неодолимый, нечто вроде холеры, которая проявляется сегодня в лице Гуттенберга, завтра в лице Аркрайта; здесь она называется Жакаром, в другом месте Джемс Уаттом или маркизом Жоффруа». И в самом деле, можно ли говорить о временных последствиях применения машин, когда новые машины, изобретения и улучшения тянутся друг за другом непрерывно? Ведь столь наивный взгляд имел бы оправдание лишь в том случае, когда бы на свете только и существовала одна какая-нибудь машина.

Зато старый писатель Барбон** формулировал наиболее существенные пункты истинной теории машин с удивительным глубокомыслием и пониманием дела. «Спрос на труд», говорит этот достойный представитель классической науки, «зависит от возрастания оборотного (т. е. переменного, следуя новейшей терминологии), а не постоянного капитала. Если бы было справедливо, что отношение между капиталом того и другого рода всегда и везде одно и то же, то отсюда, действительно, следовало бы, что число употребленных в дело рабочих находится в соответствии с богатством страны. Но предположение это, повидимому, неверно. По мере усовершенствования в искусствах и расширения цивилизации, постоянный капитал становится все в более и более значительное отношение к оборотному.¹ Сумма постоянного капитала, употребленная на производство штуки английского мусселина, превышает, по меньшей мере, в 100, быть может, даже в 1000 раз количество его, употребленное на производство подобной же штуки индийского мусселина. А пропорция употребленного в дело оборотного капитала в первом случае во 100 или в 1000 раз менее (чем во втором). Легко понять, что при известных обстоятельствах вся сумма годовых сбережений индустриального народа может быть присоединена к постоянному капиталу, и в таком случае увеличение спроса на труд не может иметь места». Только в последующей главе, в которой будет идти речь о накоплении капитала в связи с зако-

* «Système des contradictions économiques», t. I, p. 161.

** «On the Condition of the Labouring Classes of Society».

ном населения, мы будем в состоянии оценить всю основательность и глубину этого мнения Барбона. Автор немногими, но меткими чертами изображает нам всю сущность сложного процесса накопления капитала в новейшую эпоху экономической истории. Непрерывное увеличение постоянной доли капитала в ущерб размерам переменной его доли, действительно, является красной нитью, проходящей через весь период капиталистической продукции, и кто не знает или не хочет знать этого факта, тот не в состоянии и понять устройство современного экономического механизма.

Довольно ясное понятие о вредном действии машин встречаем также у Сисмонди. «Существует, однако, одна причина обезлюдения», говорит он*, «которая подлежит специальному ведению политической экономии. Прогресс искусств, прогресс промышленности и, следовательно, прогресс богатства и благосостояния ведут к открытию экономических приемов при изготовлении продукта, путем употребления меньшего числа рабочих. Животные являются на смену людям почти во всяких отраслях возделывания земли, а машины—почти во всяких операциях мануфактур... Каждый раз, как только производство в полной мере соответствует потреблению, всякое подобное изобретение, при нашей нынешней организации, становится несчастием, ибо удовлетворяет потребителей лишь тем, что доставляет им предметы потребления дешевле и в то же время лишает производителей самой их жизни». Правда, Сисмонди берет здесь вопрос о вредных результатах применения машин с несколько новой стороны, а именно со стороны влияния их на безмерное увеличение производства и на сопряженное с последним переполнение рынков и увольнение рабочих. Этот род действия фабричной индустрии, конечно, также очень важен, имеет сравнительно лишь временный характер, хотя и повторяется периодически. В последующей главе вопрос этот будет подвергнут достаточно подробному исследованию. Но все же, подобно Марксу, Сисмонди совершенно ясно видит, что влияние машин на интересы рабочего сословия несколько не случайно, а напротив, необходимо вытекает из свойств общественной организации. Он не питает также ни малейшего сомнения насчет того, что способ употребления машин и сами машины несколько не одно и то же. Так он прямо заявляет**: «Мы уже сказали в другом месте и теперь находим необходимым повторить, что не усовершенствование машин является источником беды, а неправильное распределение их продукта; чем больше мы в состоянии произвести при помощи данного количества труда произведений, тем больше мы должны содействовать увеличению наших удо-

* «Nouveaux principes», t. II, p. 315—318. Вся эта глава носит заглавие: «О населении, которое сделалось излишним, благодаря изобретению машин».

** Ibid., p. 317, примеч.

вольствий или покоя; рабочий, который был бы своим собственным хозяином, производя посредством машины в течение двух часов работу, требовавшую прежде двенадцати часов, забастовал бы после двух часов, если бы не имел потребности в большом количестве продукта, если бы не мог употребить его на пользу. Не что иное, как наша внешняя организация, как подчинение рабочего ведут последнего к необходимости работать не менее, когда машина увеличивает его производительную силу, а более часов в течение дня за ту же самую задельную плату». В конце концов Сисмонди и тут садится снова на своего конька—чрезмерное увеличение производства, происходящее от приложения машин и других изобретений, и не совсем удачно этой частною сравнительно причиною пытается дать объяснение явлению гораздо более общего характера, а именно прямому замещению рабочих употреблением машин. Но, тем не менее, он совершенно верно указывает разницу между капиталистическим употреблением машины и тем употреблением ее, какое сделал бы рабочий, если бы сам был «своим собственным хозяином». А между тем, как часто игнорируется эта простая истина, доказывает следующий характеристический пример. Цитированный нами выше австрийский экономист Нейманн, рассуждая об одной машине, говорит*: «При помощи этой машины ничтожная издержка около 1 гульдена в час *падает*, по меньшей мере, *силы пяти рабочих*, которые до изобретения ее были принуждены достигать того же результата посредством *утомительного* вращения махового колеса». Здесь он, повидимому, оценивает действие машины с чисто объективной, общечеловеческой точки зрения, со стороны ее прямого назначения. Но до какой степени скользок и затруднителен этот путь беспристрастия, мы можем видеть из следующих слов его, которые он, вероятно, по ошибке, роняет несколько страниц спустя: «Паровой плуг доставляет возможность избрать наиболее благоприятный момент для обработки почвы, не попадая *в зависимость* от располагаемых в то время *рабочих сил*»**. Интересно было бы узнать, которая из этих точек зрения истинна и которая ложна, так как радикальная противоположность между ними не может подлежать сомнению? Но автор так и оставляет нас в недоумении.

Теперь нам остается сказать несколько слов по поводу вопроса, изложенного в примечании к предыдущей главе—вопроса о поштучной и повременной плате. Здесь, между прочим, в первый еще раз научно объясняется тот странный факт, что почти всюду, где рабочие относятся сознательно к своему положению и интересам, они взирают на поштучный способ платы

* Ibid., p. 183 и 186.

** Вот уж подлинно «механика освободила капитал от угнетения со стороны труда», как говорил один английский фабрикант.

не иначе, как с недоверием и даже с затаенною враждою. Из числа экономистов явление это до сих пор никем не понято. Экономисты упорно настаивают на утверждении, что поштучная плата есть самый справедливый и выгодный для самих рабочих способ вознаграждения за труд и только одно глупое упрямство могло до сих пор побуждать последних оказывать ему противодействие. Чтобы недалеко ходить, укажем хотя на Милля, который, подобно прочим экономическим писателям, относит недовольство рабочих поштучной платой, единственно на счет их неразумия и непонятого упрямства. А между тем оказывается, что причины нерасположения к поштучной плате со стороны рабочих лежат гораздо глубже, чем казалось, и имеют отнюдь не маловажное значение. Вот явления, которые обыкновенно сопутствуют установлению поштучной платы: 1) неравномерное распределение труда между отдельными рабочими, обязанное своим существованием чрезмерной продолжительности или же напряженности труда одних рабочих в ущерб другим, которые и остаются без занятий, а также взаимному соперничеству занятых рабочих; 2) злоупотребления со стороны посредников между капиталистом и рабочим при выдаче задельной платы и при надзоре за работой и, наконец, 3) только кажущееся увеличение заработка, который на самом деле или совсем не увеличивается, или даже понижается под влиянием некоторых специальных обстоятельств.

Приведем несколько примеров, которые послужат прекрасной иллюстрацией к упомянутым последствиям введения поштучной платы. Известно, что различные рабочие союзы Англии уже неоднократно высказывались против этого способа уплаты. Так, например, конференция самого значительного в Англии, как по числу членов, так и по своему влиянию на прочие союзы, «Соединенного общества механиков» (*Amalgamated Society of Engineers*) постановила в 1872 г. — считать поштучную плату учреждением в высшей степени эгоистическим и рассчитанным исключительно на травлю одних людей другими. Исходя из этого основания, «Общество механиков» обратилось ко всем рабочим союзам с предложением вести общими силами борьбу против установления поштучной платы. В половине декабря 1875 г. на фабрике Истона и Андерсона сделана была патронами попытка ввести поштучную плату в более значительных размерах, чем прежде. Недовольные этим столяры-модельщики, точильщики, кузнецы и другие рабочие фабрики приостановили работу. В ответ на это хозяева мастерских, принадлежащие к «Союзу работодателей», объявили всеобщий *lockout*. Тогда борьба была перенесена на столбцы газет под видом полемики между хозяевами и рабочими, в которой приняли участие и представители упомянутого «Соединенного общества». Poleмика эта представляет довольно полное и разностороннее выражение тех мнений, которых держатся противники по отношению к поштучной

плате. Хозяева писали как раз то самое, что обыкновенно пишется об этом предмете в экономических учебниках, только несколько усиливая краски. По их словам, поштучная плата есть олицетворение справедливости, так как не все рабочие силы одинаковы, а ею каждый награждается по своим заслугам; что она есть предначертание божественного провидения и пр. Секретарь «Общества механиков» Бернет в письме в «Times» опровергал эти доводы следующими соображениями: во-первых, говорил он, определение размера *достаточной* поштучной платы, при той непрерывной смене одних рабочих другими, которая практикуется в настоящее время, оказывается чрезвычайно затруднительным и вызывает между сторонами бесконечное число споров; во-вторых, существует много весьма сложных работ, которые не могут раздаваться рабочим по частям, а потому сдаются, как целое, так называемому *task-master'у* или посреднику, который платит большей части рабочих повременно и разницу кладет себе в карман; в-третьих, доказано опытом, что с увеличением ловкости и быстроты работы поштучного рабочего задельная плата его постепенно уменьшается, а это в свою очередь влечет за собою чрезмерное напряжение сил его и т. д. На основании этой аргументации нетрудно прийти к заключению, что выгоды поштучной платы суть только кажущиеся, тогда как неудобства, частью неразрывно с ней слитые, частью же представляющие обыкновенное последствие ее, оказываются, напротив того, весьма печальною действительностью. Да и трудно было бы в самом деле ожидать каких-нибудь особенных благодеяний от простой перемены формы дела, а не сущности. Замена повременной платы поштучною есть именно не что иное, как изменение чисто формальное. Ведь не может же хозяин набрать на каждого рабочего вдвое или втрое больше работы, чем при повременной плате, на том единственно-основании, что поштучный рабочий в надежде на большую выручку станет трудиться прилежнее и больше. Ведь количество работы в обоих случаях совершенно одинаково определяется рынком, над которым отдельный хозяин не имеет никакой власти. Ясно, что плюс в работе одних людей должен отразиться под видом минуса в работе других. А между тем, гг. фабриканты и экономисты настаивают на выгоде поштучной платы для рабочего *вообще*, не упоминая ни одним словом о недостатке работы.

С тем, что, вводя поштучную плату на место повременной, хозяева весьма быстро приравнивают ее к прежнему уровню или даже спускают еще ниже, соглашаются и некоторые защитники поштучной платы, как наиболее верного средства определить *настоящую* ценность труда. Так, например, Brentano* говорит, что «работодатели кладут поштучную плату несколько ниже

* Brentano «Zur Geschichte der englischen Gewerksvereine», S. 11, 81 и след. См. также Thornton, немецк. изд. «Die Arbeit etc.», S. 356.

повременной, весьма верно рассчитывая, что производство от введения поштучной платы увеличится. Находя, при последнем условии, что рабочие в единицу времени зарабатывают более прежнего, они полагают, что платят рабочему слишком дорого, и приводят высокую плату в доказательство, что поштучная цена должна быть уменьшена. «Конечно, подобное уменьшение может быть в известных пределах и чисто номинальным, но есть и другие, более действительные способы понижения заработка рабочего. Так, по словам того же Brentano*, «Самуил Фильден в марте 1852 г. писал в «Times», что излишняя работа имеет последствием производство известного дела меньшим числом рабочих; от этого часть рабочих остается без занятий, а чем их больше без занятий, тем ниже плата». А вот еще одно доказательство, что увеличение размера платы, когда она превращается из повременной в поштучную, есть не более как миф. «После того», говорится в «Social Science Association Report on Trades' Societies etc.» (1850, p. 189), «как рабочий взял поштучную работу за определенную цену, если бы он пожелал работать вдвое больше за обыкновенную плату, какая приходится в неделю, то предприниматель не заплатил бы ему (столько). Он говорит рабочему, что не может допустить, чтобы тот получал такую высокую плату... Если обыкновенная плата рабочего в неделю есть 30 шилл. (1½ ф. ст.), то как бы ни была трудна работа и как бы много ни работал человек, предприниматель не заплатит ему больше 1 ф. 17 ш., а самое большее 2 ф. 5½ шилл.». Понятно, что даже и такое увеличение платы идет насчет существования других рабочих, которые лишаются от этого занятий**.

* Ibid., S. 104.

** Что касается других вредных последствий введения поштучной платы, то одно из них, именно злоупотребления посредников при выдаче вознаграждения за труд, достаточно характеризуется уже тем, что выручку посредника за надзор и пр. рабочие называют «кровавыми деньгами» (blood money), см. «Report of the Commissioners etc.», 1876, № 15234 и 15255. Об остальных «удобствах» того же способа вознаграждения дадут понятие следующие выдержки из только что упомянутого отчета, № 2635. *Вопрос:* Думаете ли вы, что излишняя работа (за поштучную плату) оказывает вредное влияние на их здоровье? *Отв.*: Она делает их женщинами, прежде, чем они стали девушками. Она разрушает их здоровье. № 2670—1. Складывальщики листов (мальчики) в типографиях журналов положительно завалены поштучной работой. № 8445—57. Рабочие с белильных и красильных мануфактур жалуются на поштучную плату в особенности потому, что она заставляет женщин трудиться дольше, чем допускает их здоровье. № 8446. Разве не в ее власти работать больше или меньше?.. Нет, если работа лежит перед нею, то ей остается приниматься за нее. № 8447. Следует ли нам понимать дело так, что женщине дается на день определенное количество работы и она должна его выполнить в течение дня, или же она может работать сколько хочет?—Сколько может. № 8448. Сколько хочет?—Она подчас работает больше, чем хочет... Если один работает как следует, а другой отстаёт, то хотя последний и получит столько же платы, как остальные, но будет считаться лентяем. Все они подталкивают друг друга. № 8451. Плата выдается на всю группу... всем дается одна цельная работа, так что за остальных должны трудиться другие. № 12911.

В целом необходимо прийти к заключению, что, при ближайшем изучении дела, поштучная плата совсем не так уже выгодна рабочим, как это утверждали экономические писатели. Скорее справедливо противное, на что именно и указывается автором «Капитала».

Этим мы заканчиваем настоящую главу и снова обращаемся к дальнейшим исследованиям Маркса.

Член фирмы по производству тканей уверяет комиссию, что закон 1874 г., уменьшивший число рабочих часов на фабриках тканей, способствовал уменьшению платы рабочим с 16 шилл. 6 пенсов до 15—16 шилл. № 12912. Без всякого пропорционального понижения?—Да, без понижения в цене труда. Не следует забывать, что мы сами делаем это понижение, потому что это поштучная работа. № 15901. Не могут ли те, которые не желают продолжать работу (речь идет о швеях, работающих поштучно в портняжьи мастерских) после 10½ часов прервать ее?—Если бы они это сделали, это было бы большой ошибкой, и когда придет мертвый сезон, то они первые будут отпущены. Именно теперь множество народу сидит без работы: это наш мертвый сезон № 16202... Я знаю, что все наши поштучные рабочие, машинные ткачи и другие были совершенно довольны старыми часами. Они ожидали, что за сокращением часов не последует уменьшения платы, а *вышло наоборот*.—*Авт.*

ГЛАВА XII

ТЕОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ЗАКОН НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Переходя к рассмотрению процесса самого накопления капитала,—до сих пор мы признавали капитал за данную величину и не вникали в то, каким образом он возрастает,—мы должны прежде всего заметить, что не вся прибавочная ценность остается в руках одного первого капиталиста, о котором шла речь выше: она распадается на несколько самостоятельных видов—прибыли, процента, торговой прибыли, поземельной ренты и т. п.—и расходуется по рукам весьма значительного класса лиц. Но весь этот процесс подразделения прибавочной ценности на части и переход ее в руки различных представителей капитализма относится собственно к процессу обращения богатства, а не производства его. Тут мы предполагаем, что капиталист, во-первых, продает свои товары по полной их ценности, а во-вторых, является владельцем всей прибавочной ценности. Подобного предположения совершенно достаточно для изучения процесса капиталистической продукции, так как участие многих лиц в разделе прибавочной ценности не изменяет ровно ничего в ее природе или в тех условиях, при которых она является элементом накопления.

Всякий общественный процесс производства должен быть постоянным, т. е. периодически пробегать одни и те же ступени. Общество в целом не может перестать ни потреблять, ни производить, а потому всякий общественный процесс производства есть вместе с тем и процесс воспроизведения. [Никакое общество не может постоянно производить или воспроизводить, не превращая постоянно части своих продуктов в орудия производства или в элементы нового производства.]¹²¹ При прочих равных условиях, оно не может [воспроизвести или]¹²² сохранить свое богатство иначе, как непрерывно замещая потребленные в течение года орудия труда, сырой и вспомогательный материал равным количеством новых экземпляров в натуре, которые дол-

жны быть отняты от годовичного производства и посвящены производству следующего года. Итак, известное количество ежегодного продукта принадлежит производству и с самого начала носит [естественные]¹²³ формы, исключаящие индивидуальное потребление.

Но если производство имеет капиталистическую форму, то она же принадлежит и воспроизведению. [Подобно тому, как в капиталистическом производстве процесс работы является только, как средство для увеличения ценности капитала, так и воспроизведение есть только средство воспроизвести затраченный капитал, т. е. сохраняющуюся и увеличивающуюся ценность. Характеристическая экономическая маска капиталиста потому только держится крепко за одного человека, что его деньги функционируют постоянно, как капитал.]¹²⁴ Если затраченная вперед сумма денег в 600 рублей, превращаясь в капитал, приносит 120 рублей, то ей необходимо повторить ту же операцию и в следующем году. В качестве периодического прироста к ценности или периодического плода, приносимого капиталом, прибавочная ценность получает форму дохода, возникающего из самого капитала. Если этот доход потребляется капиталистом лично, то мы имеем дело с *простым воспроизведением капитала*, т. е. повторением одних и тех же операций производства в неизменном объеме. [Хотя воспроизведение это есть лишь простое повторение производственного процесса на той же степени развития, но простое повторение или постоянство процесса дает ему новые характеристические черты или скорее разрешает кажущиеся характеристические черты его до сих пор лишь отдельного проявления.]¹²⁵

Процесс производства начинается покупкою рабочей силы на определенное время, и эта операция возобновляется постоянно по истечении срока найма—недели, месяца и т. д. Плату рабочий получает, однако, лишь тогда, когда его рабочая сила уже перестанет действовать, т. е., когда она уже произвела свою собственную ценность и прибавочную ценность—под видом товаров. Поэтому задельная плата есть только часть продукта, непрерывно воспроизводимая самим рабочим, которая непрерывно же возвращается к рабочему в виде задельной платы. Капиталист платит ему ценность товаров, разумеется, деньгами. Но эти деньги—только особенный вид одной части произведенного рабочим продукта. В то время, когда рабочий превращает часть сырого материала и орудий в товар, часть прежнего его продукта превращается в деньги. Его сегодняшняя работа вознаграждается его работою прошлой недели или прошлого полугодия. Иллюзия, производимая в данном случае денежною формою всего дела, исчезает тотчас же, как только начнешь рассматривать, вместо отдельного капиталиста и рабочего, целый класс капиталистов и класс рабочих. Класс капиталистов постоянно дает классу рабочих ордера под видом денег на одну часть произ-

веденных вторым и принадлежащих первому продуктов. Эти ордера класс рабочих постоянно возвращает классу капиталистов обратно и посредством их получает приходящуюся на его долю часть его продукта. Все дело только маскируется товарною формой продукта и денежною формой товара.

Таким образом, переменный капитал оказывается не чем иным, как [особою историческою формою]¹²⁶ проявления фонда средств существования, или рабочего фонда, потребного рабочему для самосодержания и для самовоспроизведения, который должен им постоянно воспроизводиться при всевозможных системах общественного производства. Этот рабочий фонд, при капиталистической продукции, постоянно приходит к рабочему в виде платежа за его работу, тогда как произведенный им продукт постоянно удаляется от него в виде капитала. Но этот вид проявления рабочего фонда нисколько не мешает капиталисту постоянно затрачивать на рабочего прежний труд последнего. Возьмем в пример крепостного. Он трудится при помощи собственных орудий производства на своем поле, положим, три дня в неделю. Три другие дня он работает барщину на господском поле. Он постоянно воспроизводит свой рабочий фонд, и этот последний никогда не является по отношению к нему в виде платы, данной ему третьим лицом за его работу. Но если завтра же помещик возьмет себе его поле и орудия, то, для продолжения того же самого процесса, рабочий будет принужден продавать ему свою рабочую силу. Он будет продолжать трудиться прежнее число дней—три на себя и три на господина, который делается теперь уже не барином, а хозяином. Он будет употреблять все орудия производства так же, как употреблял их прежде, и переносить их ценность на продукт. Он попрежнему будет воспроизводить часть этого продукта. Но так как барщинная работа приняла теперь вид наемной, то и рабочий фонд, производимый и воспроизводимый тем же лицом, принимает вид капитала, затраченного хозяином. Вульгарная экономия, не умея отличить кажущегося от действительного, закрывает глаза перед фактом, что даже в настоящее время рабочий фонд лишь по исключению является в виде капитала. «Средства существования рабочих», говорит Рич. Джоннес, «не сужаются до сих пор капиталистами рабочим даже на пространстве одной четвертой части земного шара».

[Переменный капитал несомненно лишь тогда теряет смысл ценности, затраченной вперед из *собственного* фонда капиталиста, когда мы рассмотрим капиталистический производственный процесс в постоянном течении его обновления. Но капитал этот должен же дать повод и когда-либо получить свое начало. Поэтому с нашей до-нынешней точки зрения, вероятно, что капиталист был когда-либо обладателем денег, которые представляли какое-либо, независимое от неоплаченной чужой работы, *первобытное накопление*, а потому мог вступить

на рынок, как покупатель рабочей силы. При всем том, простое *постоянство* капиталистического производственного процесса или *простое воспроизведение*, совершают еще и другие замечательные перемены, которые показывают не только переменную часть капитала, но и *совокупный* капитал.

Если прибавочная ценность, производимая капиталом в 1 000 ф. ст. периодически, например ежегодно, простирается до 200 ф. ст. и эта прибавочная ценность ежегодно потребляется, то ясно, что после пятилетнего повторения того же процесса сумма потребленной прибавочной ценности $= 5 \times 200$, или равняется *первоначально затраченной ценности капитала в 1 000 ф. ст.* Если бы прибавочная ценность была потреблена только частью, то подобный же результат наступил бы после десятилетнего повторения производственного процесса, так как $10 \times 100 = 1 000$. Вообще: *затраченная ценность капитала, разделенная на ежегодно потребляемую прибавочную ценность, дает число лет или число периодов воспроизведения, по истечении которых первоначально затраченная ценность капитала потребляется капиталистом и потому исчезает.* Представление капиталиста, что он потребляет продукт чужой, неоплаченной работы — прибавочную ценность и получает первоначальную ценность капитала, абсолютно ничего не изменяет в том факте, что по истечении известного числа лет усвоенная им ценность капитала равняется сумме в течение того же числа лет усвоенной без эквивалента прибавочной ценности, и что потребленная им сумма ценности равняется первоначальной ценности капитала. *Ни один атом ценности его старого капитала не существует более.* Совершенно независимо от всякого накопления, простое постоянство производственного процесса или простое воспроизведение *превращает*, следовательно, по истечении более краткого или продолжительного периода *каждый капитал* необходимо в *накопленный капитал* или в *капитализированную прибавочную ценность*. Если даже это было при вступлении в производственный процесс лично заработанною собственностью своего потребителя, то раньше или позже оно становится *ценностью, усвоенною без эквивалента или материализацию* в денежной или в другой форме, *неоплаченного чужого труда*.

Первоначальным предположением превращения денег в капитал были не одни только производства и обращение товаров. На товарном рынке должны были противостоять один другому, обладатель ценности или денег и обладатели творящей ценности субстанции, обладатели средств производства и жизни и обладатели рабочей силы. Разделение между продуктом труда и самою работою, между объективными условиями работы и субъективную рабочей силою было, следовательно, *фактически данною основою капиталистического производственного процесса*. Простая его продолжительность или простое воспроизведение *воспроизводит и увековечивает* этот его *исходный пункт*, как его

собственный результат. Производственный процесс непрерывно превращает деньги в капитал, средства производства в средства увеличения ценности. С другой стороны, рабочий постепенно выходит из процесса, как он вошел в него. Так как собственная его работа *отчуждает* его самого, присваивает капиталисту и усваивает капиталу, прежде чем он входит в процесс, она *осуществляется* в течение процесса постоянно в *чужом продукте*. Так как производственный процесс есть вместе и потребительный процесс рабочей силы капиталистом, продукт рабочего *превращается* не только непрерывно в *товар*, но в *капитал*, в ценность, который всасывает творящую ценность силу, жизненные припасы, которые покупают лица, средства производства, которые употребляют производители*. Рабочий сам, поэтому, постоянно производит *объективное богатство*, как *капитал*, чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, и капиталист столь же постоянно производит *рабочую силу*, как *субъективный*, от ее собственных средств осуществления и проявления отделенный, абстрактный, в простой жизненности рабочего существующий *источник богатства*, короче, рабочего, как *наемного рабочего***. Это *постоянное воспроизведение или увековечение наемного рабочего* есть *sine qua* капиталистического производства.

Известно, что сделка между капиталистом и рабочим есть следующая: одну часть своего капитала, переменный капитал, капиталист обменивает на рабочую силу, которую он усваивает как живую силу увеличения ценности своим *мертвым средством производства*. Именно поэтому рабочий процесс является одновременно капиталистическим процессом увеличения ценности. С другой стороны, рабочий отчуждает, вымененные на свою рабочую силу, деньги на *жизненные припасы*, при помощи которых он *содержится и воспроизводится*. Таково его *индивидуальное потребление*. Рабочий процесс, в котором он потребляет средства производства и тем превращает их в продукты, образует его *производительное потребление* и вместе *потребление его рабочей силы* капиталистом. Оба потребления существенно различны. В одном рабочий, как рабочая сила, принадлежит капиталу и включен в производительный процесс; в другом он

* «Это особенно замечательное качество производительного потребления. Что потребляется производителем, не есть *капитал* и становится *капиталом* через потребление» (J. Mill, I. c., p. 242). Однако Дж. Милль не попал на след «этого» особенно замечательного качества.

** «Действительно, справедливо то, что первый, кто вводит мануфактуру, употребляет многих бедных, но они перестают оставаться ими, а продолжение мануфактуры делает ими многих» («Reasons for a limited Exportation of Wool», Lond. 1577, p. 19). «Фермер в настоящее время абсурдно утверждает, что он держит бедных. Они действительно содержатся в нищете» («Reasons for the late Increase of the Poor Rates», Lond. 1777, p. 37).

принадлежит себе самому и совершает жизненный акт вне производственного процесса.

При рассмотрении «рабочего дня» и т. д. обнаружилось в отдельных случаях, что рабочий часто вынуждается свое индивидуальное потребление делать простым явлением производственного процесса. В этом случае он прилагает к себе жизненные средства, чтобы держать в ходу свою рабочую силу, наподобие того, как к паровой машине прилагаются уголь и вода, а к колесу масло. Его средства потребления становятся тогда просто средствами потребления орудия производства, его индивидуальное потребление—прямо производительным потреблением. Это однакоже проявляется как несущественное злоупотребление капиталистического процесса*.

Если даже не рассматривать обособленного процесса производства товара, а капиталистический процесс производства в его связанном течении и в его общественном объеме, то и *индивидуальное потребление рабочего* также остается моментом производства и воспроизведения капитала, все равно, происходит ли оно внутри или вне мастерской, фабрики и т. д., внутри или вне рабочего процесса, совершенно, как и чистка машины, происходит ли она во время рабочего процесса или во время определенных пауз его. Дела не касается то, что рабочий это потребление совершает для себя самого, а не для капиталиста. Так точно потребление рабочего скота является не менее необходимым моментом процесса производства, оттого что скот сам пользуется тем, что он ест. Постоянное сохранение и воспроизведение рабочего класса остается постоянным условием для воспроизведения капитала. Капиталист может с уверенностью возложить его выполнение на стремление к самосохранению и размножению рабочих. Он заботится только о том, чтобы, по возможности, ограничить их индивидуальное потребление одною необходимостью и как от земли до неба от той южноамериканской грубости, которая принуждает рабочего принимать в себя существенные, нежели менее существенные предметы пищи**.

Превращением одной части капитала в рабочую силу капиталист убивает двух мух одним ударом. Он через это превращает одну часть своего капитала в переменный капитал и увеличивает ценность своего совокупного капитала. Он внедряет рабочую силу в свои средства производства. Он потребляет производи-

* Росси не стал бы так эмфатически декламировать этот пункт, если бы он действительно глубоко проник в тайну «productive consumption».

** «Рабочие в горных рудниках Южной Америки, которых ежедневное дело (быть может, тяжелейшее в свете) состоит в том, чтобы вытаскивать тяжесть руды, весом в 180—200 фунтов из глубины в 450 футов на своих плечах, живут лишь хлебом и бобами, и они предпочли бы один хлеб в пищу, если бы только их господа, нашедшие, что они *при хлебе не работали бы так сильно*, не тренировали бы их, как лошадей, и не принуждали бы их есть бобы; бобы, однако, сравнительно гораздо богаче, нежели хлеб, костяной землей» (Liebig, l. c., I Teil, S. 194, Note).

тельно рабочую силу, заставляя рабочего производительно потреблять средства производства при помощи своей работы. С другой стороны, жизненные припасы или отчужденная на рабочих части капитала, претворяются в мускулы, нервы, кости, мозг и пр. рабочих. *Внутри своих необходимых границ индивидуальное потребление рабочего класса есть поэтому обратное претворение во вновь эксплуатируемую капиталом рабочую силу, производство и воспроизведение его необходимейшего орудия производства, т. е. самого рабочего. Индивидуальное потребление рабочего образует, поэтому, момент воспроизводительного процесса капитала вообще и во всем объеме.*

Поэтому-то капиталист и его идеолог, политикоэконом, рассматривают только часть индивидуального потребления рабочего, как *производительную*, требуемую для увековечения рабочего класса, которая действительно должна быть потребляема, так как его капитал потребляет рабочую силу; то же, что рабочий, сверх того, может потребить к своему удовольствию, есть *непроизводительное потребление**. Если бы накопление капитала причинило повышение заработной платы и поэтому увеличение средств потребления рабочего, без потребления большей рабочей силы капиталом, то прибавочный капитал был бы *потреблен непроизводительно***. В самом деле: индивидуальное потребление рабочего *непроизводительно для него самого*, так как оно воспроизводит только *нуждающийся индивидуум*; оно *производительно для капиталиста и для государства*, потому что оно есть *производство силы, производящей чужое богатство****.

С общественной точки зрения, рабочий класс, следовательно, вне непосредственного рабочего процесса есть столько же *принадлежность* капитала, как и мертвые орудия работы. Его индивидуальное потребление само, внутри известных границ, есть только момент воспроизводительного процесса капитала. Процесс однако заботится о том, чтобы эти сознательные орудия производства не убежали, причем он постоянно их продукт от их полюса удаляет к противоположному полюсу капитала. Индивидуальное потребление заботится о своем собственном сохранении и воспроизведении, с другой стороны, при помощи их уничтожения жизненных припасов, за их постоянное появление на рабочем рынке. Римский раб был привязан цепями, наемный рабочий невидимыми нитями к своему господину-собственнику. Кажущаяся его независимость поддерживается через постоянную переменную индивидуальных хозяев и через *fictio juris* контракта.

* J. Mill, I. c., p. 238 sqq.

** Ibidem.

*** «Если бы цена работы поднялась так высоко, что, вопреки возрастанию капитала, не могло бы быть более употреблено труда, то я сказал бы, что подобное возрастание капитала потребляется непроизводительно» (Ricardo, I. c., p. 163).

Раньше капитал, где ему казалось нужным, давал значение своему праву собственности на свободного рабочего посредством принудительного закона. Так, например, эмиграция машинных рабочих в Англии была до 1815 г. запрещена под страхом тяжкого наказания.

Воспроизведение рабочего класса включает также передачу и накопление ловкости от одного поколения к другому*. Как сильно капиталист существование подобного ловкого рабочего класса считает среди принадлежащих ему условий производства и признает за действительное существование своего переменного капитала, видно, когда кризис грозит потерей его. Вследствие американской гражданской войны и сопровождавшей ее хлопчатобумажной нужды было, как известно, большое число хлопчатобумажных рабочих в Ланкашире и т. д. выброшено на мостовую. Из ложа самого рабочего класса, как и из других общественных слоев, раздавались возгласы о государственной поддержке или о добровольном национальном сборе денег, чтобы сделать возможною эмиграцию «излишних» в английские колонии или в Соединенные штаты. Тогда «Times» публиковал (24 марта 1863 г.) письмо Эдмунда Поттера, прежнего президента манчестерской торговой камеры. Письмо его было с правом обозначено в нижней палате, как «манифест фабрикантов»**. Мы приведем здесь некоторые характеристические места, в которых неприкрашено высказывается титул собственности капитала на рабочую силу.

«Хлопчатобумажным рабочим следует сказать, что их предложение слишком велико... оно должно быть, вероятно, уменьшено на треть, и тогда наступит здравый спрос на остальные две трети... Общественное мнение тянет к эмиграции... Хозяин (т. е. хлопчатобумажный фабрикант) не может добровольно видеть удаленным свое предложение работы; он может думать, что это столь же несправедливо, как и неверно... Если эмиграция будет поддержана из государственных фондов, то он имеет право потребовать слушанья и, быть может, протестовать». Тот же Поттер излагает дальше, как полезна хлопчатобумажная индустрия, как она несомненно выдренировала перенаселение

* «Единовременное производительное потребление в собственном смысле есть потребление или разрушение богатства (он предполагает употребление средств производства) капиталистом в цели воспроизведения... Рабочий есть производительный потребитель для лица, которое его употребляет, и для государства, но, строго говоря, не для себя самого» (Malthus «Definitions etc.», p. 30). «Единовременная вещь, о которой можно сказать, что она запасается и готовится вперед, это ловкость рабочего... Накопление и содержание в запасе ловкой работы, эта важнейшая операция, что касается большой массы рабочих, совершается без всякого капитала» (Hodskin «Labour defended etc.», p. 13).

** Это письмо может быть рассматриваемо, как «манифест мануфактуристов» (Ferrand «Motion over the cotton famine». Sitzung des k. o. C. vom 27. April 1863).

из Ирландии и из английских земледельческих округов, «как громаден ее объем, как она в 1860 г. составила $\frac{5}{6}$ всей вывозной торговли, как она через несколько лет снова расширится через расширение рынка, в особенности Индии, и через вынужденные достаточной пошлины на привоз хлопчатой бумаги в 6 пейсов с фунта». Он продолжает: «Время—один, два, три года, быть может,—произведет требуемое количество... Я мог бы тогда поставить вопрос, стоит ли твердо удерживать эту индустрию, *стоит ли труда держать машины* (т. е. живые рабочие машины) *в порядке, и не есть ли величайшая глупость думать о том, чтобы их убрать?* Я думаю так. Я допущу, что рабочие не суть собственность, не собственность Ланкашира и хозяев; но они сила обоих; они умственная и прошколенная сила, которую нельзя заменить в одном поколении; другие же машины, напротив, на которых они работают, можно было бы, большею частью, с выгодой заместить и улучшить в 12 месяцев*. Если будет поощрена или дозволена (!) эмиграция рабочей силы, то что станет с капиталистом?.. Примите раму рабочего прочь, и постоянный капитал обесценится в высокой степени, а оборотный не станет подвергать себя борьбе с малым предложением низкого сорта работы... Нам говорят: *рабочие сами желают эмиграции*. Весьма естественно, что они это делают... Уменьшите, сожмите хлопчатобумажное дело *отплатим его рабочей силы*, уменьшением его расхода на заработную плату на треть или на 5 миллионов, и что произойдет тогда из ближайшего класса над ними мелких заводчиков? Что из поземельной ренты, что из наемной платы за коттеджи? Что из мелкого фермера, из лучшего домовладельца, из землевладельца? И пусть скажут, может ли быть какой-либо план для всех классов страны более самоубийственным, как этот, ослабить нацию *вывозом ее лучших фабричных рабочих* и обесценением части ее производительного капитала и богатства?»—«Я советую заключить заем в 5—6 миллионов, администрируемый специальными комиссарами, причисленный к управлению над бедными в хлопчатобумажных округах, с известной *принудительной работой*, чтобы поддержать моральное значение в получателях милостыни. *Может ли существо-*

* Нетрудно вспомнить, что тот же капитал свистит из другой дудки при обычных условиях, когда требуется понизить заработную плату. Тогда объявляют «мастера» одногласно: «Фабричные рабочие должны держать в благодетельном воспоминании, что их работы в действительности есть *низший сорт* ловкой работы; что никакая другая легче не усваивается и ввиду ее качества лучше не вознаграждается и что никакая другая не может быть доставлена *в столь короткое время* при помощи простого обучения менее опытных. Машины «мастера» (те, которые, как мы только что слышали, в 12 месяцев могут быть с выгодой заменены улучшенными) играют в действительности гораздо более важную роль в деле производства, нежели работы и ловкость рабочего (которых нельзя заменить в 30 лет), которые получают воспитание в 5 месяцев, какому может выучиться всякий крестьянин».

вать нечто худшее для землевладельцев или «мастеров», как то, что их лучших рабочих отберут, а остальных деморализуют и обидят, при помощи широкой, опустошительной эмиграции и опустошения ценности и богатства—капитала в целой провинции?».

Поттер, избранный орган хлопчатобумажных фабрикантов, различает двоякие «машины», каждая из которых принадлежит капиталисту, и из которых одна стоит в его фабрике, а другая ночью и по воскресеньям живет вне фабрики, в коттеджах. Одна мертва, другая жива. Мертвая машина ухудшается и обесценивается не только ежедневно, но из существующей их массы большая часть постоянно настолько состаревается, благодаря постоянному технологическому прогрессу, что с выгодой и в немногие месяцы заменяется новыми машинами. Живая машина, наоборот, улучшается, и чем больше она держится, тем больше накапливает в себе ловкости поколений. «Times» отвечал матиатам фабрик, между прочим, следующее:

«Г. Поттер настолько прикинул «чрезвычайной и абсолютной важностью хлопчатобумажных мастеров, что он, чтобы сохранить этот класс и увековечить его промысел, желает запереть против их воли полмиллиона рабочих в великий моральный рабочий дом. Стоит ли эта промышленность удержания? спрашивает г. Поттер. Конечно, всякими честными средствами! отвечаем мы. Стоит ли труда содержать в порядке машины? спрашивает снова г. Поттер. Тут мы приходим в тупик. Под машинами г. Поттер разумеет человеческие машины, относительно которых он клянется, что он их не желает считать за абсолютную собственность. Мы должны сознаться, мы не считаем «стоящим труда» или даже возможным держать в порядке человеческие машины, т. е. заирать и мазать их маслом, пока они не понадобятся. Человеческие машины имеют свойство в течение бездеятельности ржаветь, вы можете, сколько хотите, мазать их или тереть. К тому же человеческие машины, как учит нас настоящая очевидность, в состоянии из собственных штук издавать пар и лопаться и пронеистовствовать пляску св. Витта в наших больших городах. Может, как говорит г. Поттер, потребоваться продолжительное время на воспроизведение рабочих, но с машинистами и деньгами в руках, мы всегда найдем деловых, твердых, индустриальных людей, чтобы сфабриковать больше фабричных мастеров, чем мы когда-либо можем нуждаться... Г. Поттер болтает о возрождении индустрии в 1, 2, 3 года и требует от нас не поощрять, или не допускать эмиграции! Он говорит, естественно, что рабочие желают эмигрировать, но он полагает, что нация этих полмиллиона рабочих с 700 000 с ними соприкасающихся, вопреки их желанию, запрет в хлопчатобумажные округа,—необходимое последствие уничтожения насильем их неудовольствия,—и самим им даст возможность отсрочивать жизнь милостыней,—все это в тех видах, что хлоп-

чатобумажным мастерам они могут в один прекрасный день снова понадобиться... Пришло время, когда общественное мнение этих островов, должно сделать нечто, чтобы *«эту рабочую силу»* спасти от тех, которые хотят с ней обращаться, как с углем, железом и хлопком»*.

Статья «Times»'а была лишь jeu d'esprit. «Великое общественное мнение» было в действительности мнение г. Поттера, что фабричные рабочие суть *мебельная принадлежность фабрик*. Их эмиграции воспретятствовали**. Их заперли в «моральный рабочий дом» хлопчатобумажных округов, и они, попрежнему образуют «силу хлопчатобумажных мастеров Ланкашира».]¹²⁷

В целом можно утверждать, что капиталистическое производство постоянно воспроизводит и разделение между рабочей силой и условиями труда. [Оно воспроизводит и тем увековечивает условия эксплуатации рабочего.]¹²⁸ Оно *постоянно* принуждает рабочего к продаже своей силы, чтобы жить***, и *постоянно* же дает возможность капиталисту покупать ее, чтобы получать прибавочную ценность. [Это уже не только случай, который противопоставляет капиталиста и рабочего, как покупателя и продавца, на товарном рынке. Двойная мельница (игра) самого процесса постоянно отбрасывает продавца своей рабочей силы назад, на товарный рынок и постоянно превращает его собственный продукт в орудие покупки других. В действительности рабочий принадлежит капиталу прежде, чем он продал себя капиталисту. Его экономическое крепостное состояние одновременно представляется и прикрывается периодическим возобновлением его самопродажи, переменою его индивидуального хозяина и колебанием рыночной цены работы.]¹²⁹ Таким образом, будучи рассматриваемо, как процесс простого воспроизведения, капиталистическое производство создает не только товар, не только прибавочную ценность, нет—оно производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, т. е. на одной стороне капиталиста, а на другой—наемного рабочего.

Мы до сих пор рассматривали, как образуется из капитала прибавочная ценность, теперь же обратимся к изучению того,

* «Times», 24 March 1863.

** Парламент не вотирует ни фартинга для эмиграции, а только законы, дававшие муниципалитетам возможность держать рабочих между жизнью и смертью или эксплуатировать их, без платежа нормальной заработной платы. Когда, напротив, через три года возникла чума на скот, то парламент разбил даже весь парламентский этикет и вотирует в миг миллионы, чтобы вознаградить за вред миллионеров-лендлордов, фермеры которых и без того, вследствие повышения цен на мясо, держались без вреда. Скотской рев землевладельцев при открытии парламента 1866 г. доказал, что не нужно быть ни индусом, чтобы молиться корове Сабале, ни Юпитером, чтобы превратиться в быка.

*** «L'ouvrier demandait de la subsistance pour vivre, le chef demandait travail pour gagner» (Sismondì, l. c., p. 91).

как из прибавочной ценности возникает капитал. Употребление прибавочной ценности в качестве капитала же или превращение прибавочной ценности обратно в капитал есть *накопление капитала*.

Капитал в 60 000 рублей, состоящий из 48 000 постоянного и 12 000 переменного капитала, при уровне прибавочной ценности в 100%, произведет в год 12 000 рублей прибавочной ценности. Если эти 12 000 рублей не будут потреблены капиталистом лично, а снова пойдут в дело, то первоначальный капитал возрастет от 60 000 до 72 000 рублей, иными словами, он *накопится* на эту сумму.

[Сумма ценности в 12 000 рублей есть сумма ценности в 12 000 рублей. От этих денег не слышно и в них не видно, что они — прибавочная ценность. Характер ценности, как прибавочной, показывает, как она пришла к своему собственнику, но ничего не меняет в природе ценности или денег.]¹³⁰

Превращение этих 12 000 рублей в капитал происходит совершенно так же, как и прежних 60 000. Одна часть 12 000 рублей будет обращена на покупку орудий и материалов, другая — на покупку добавочной рабочей силы. Но те и другие должны уже находиться на рынке, чтобы капиталист, или, лучше сказать, класс капиталистов мог купить их здесь. Они и действительно уже находятся на рынке, и не случайно, а необходимо, потому что та часть прибавочной ценности, которая не потребляется самим капиталистом (в данном случае 12 000 рублей), производится с самого же начала в виде орудий труда, сырья, вспомогательных материалов и т. д., т. е. в виде материальных составных частей постоянного и переменного капитала. Что же касается до требуемой прибавочной рабочей силы, то с этой целью могут быть до известной степени экстенсивнее или интенсивнее занимаемы те силы, которые уже состоят налицо. Помимо этого, само капиталистическое производство доставляет увеличенному накоплению прибавочную рабочую силу, вводя на рынок различные возрастные классы детей рабочего, существование которых начинает теперь обеспечивать их собственная заработная плата.

При употреблении в дело 12 000 рублей прибавочной ценности, получается новых 2 400 рублей, а, при употреблении и этой суммы, получается еще 480 рублей и т. д. и т. д. Предположим пока, что распадение всех этих сумм на постоянный и на оборотный капитал остается одно и то же. Таким-то образом, т. е. постоянным употреблением вновь в дело прироста прибавочной ценности, получается уже не простое, а *прогрессивное воспроизведение или накопление*.

Капиталистический производственный процесс превращает принадлежащую с самого начала капиталисту сумму денег (в силу какого титула она приобретена последним, это пока нас не интересует) в капитал, а следовательно в источник приба-

вочной ценности. Эта сумма подвергается в нем известным изменениям, но сама она не представляет, согласно нашему первоначальному предположению, результата этого процесса, а, напротив того, его исходный пункт. При *воспроизведении простом* или при непрерывном производственном процессе, то, что является относительно рабочего переменным капиталом, есть часть прежнего продукта самого же рабочего; но продукт этот постоянно принимает один и тот же вид, благодаря тому, что рабочий первоначально продает капиталисту свою рабочую силу. Наконец, в течение простого воспроизведения вся затраченная вперед ценность капитала замещалась мало-помалу одною только прибавочною ценностью, не считая возвращения самого капитала, или, говоря иначе, сумма прибавочной ценности, идущая на личное потребление капиталиста, в несколько лет могла достигнуть размеров капитала; но подобная замена могла еще найти себе такое объяснение, что сам первоначальный фонд возник из собственных средств капиталиста. Совсем не то мы наблюдаем по отношению к процессу *воспроизведения прогрессивного*. Деньги или, что то же, средства существования и орудия труда являются здесь не исходной точкой, как было при простом воспроизведении, а напротив, результатом самого процесса—капитал здесь производит уже не прибавочную только ценность, а самый капитал. Мена рабочей силы на капитал, которая, казалось, представляла первоначально обмен эквивалентов, в этом последнем случае терпит такое изменение, что начинает становиться меною только с виду, так как, во-первых, часть капитала, идущая в обмен за рабочую силу, есть сама лишь часть вчерашнего *прибавочного* продукта и, во-вторых, не только замещается своим производителем, но замещается с *новым избытком*. Отношение обмена между капиталом и рабочею силою становится теперь не больше, как миражем процесса обращения, лишенной содержания формою! [Постоянная продажа и покупка рабочей силы есть форма. Содержание ее в том, что капиталист одну часть уже осуществившейся чужой работы, которую он непрерывно усваивает себе без эквивалента, постоянно снова обращает в большее количество живой чужой работы. Первоначальное право собственности являлось нам основанным на собственном труде. По меньшей мере, это представление должно было иметь значение тогда, когда противостояли друг другу два равноправных товарладельца, причем средством к усвоению чужого товара служило только отчуждение собственного товара, а последний производится только трудом. Теперь же собственность является на стороне капиталиста, как право на чужую неоплаченную работу или ее продукт, на стороне рабочего, как невозможность усвоить себе собственный продукт. Разделение между собственностью и трудом становится необходимым последствием закона, который неходит, повидимому, из их тождества. Читатель видел, что даже при простом воспроиз-

ведении, весь затраченный капитал, как бы он ни был первоначально приобретен, превращается в накопленный капитал или в капитализированную прибавочную ценность. Но в потоке производства вообще, весь первоначально затраченный капитал представляет ничтожнейшую величину в сравнении с прямо накопленным капиталом, т. е. с превращенной обратно в капитал прибавочной ценностью или прибавочным продуктом, функционирующим или в накапливающих руках, или в чужих руках. Поэтому политическая экономия представляет капитал, как «накопленное богатство (превращенную прибавочную ценность или доход), которое снова обращается в производство прибавочной ценности», или так же капиталиста, как «владельца прибавочного продукта». Тот же способ воззрения обладает также другой формой в выражении, — что весь существующий капитал есть накопленный или капитализированный продукт, так как процент есть «просто дробь прибавочной ценности.»¹³¹

Классики-экономисты (Ад. Смит, Рикардо и другие) ошибались весьма сильно, когда полагали, что «часть дохода, о которой говорится, что она присоединяется к капиталу, потребляется производителями рабочими». С этой точки зрения всякая прибавочная ценность, превращаемая в капитал, становилась бы *одним* только переменным капиталом. Но мы знаем, что, подобно первоначально затраченной сумме денег, дальнейшая прибавочная ценность снова подразделяется в производстве на переменный и на *постоянный* капитал. Ад. Смит, путем неверного анализа, приходит к не менее ложному выводу, что, хотя индивидуальный капитал и распадается на постоянную и на переменную составные части, но что общественный капитал переходит только в переменный капитал и расходуется только на платеж задельной платы. Так, например, рассуждает Ад. Смит, суконный фабрикант превращает 12 000 рублей в капитал. Он расходует часть денег на наем ткачей, другую на пряжу, машины и пр. Но люди, у которых он купил пряжу, машины и пр., опять-таки платят часть этого своим рабочим и т. д., пока все 12 000 рублей не пойдут в уплату рабочим и пока весь продукт в 12 000 рублей не будет потреблен *производительными* рабочими. Но нетрудно видеть, что вся сила аргумента здесь заключается в словах и т. д., и Смит прекращает исследование как раз там, где начинается его трудность. Это замечание окажет нам некоторую услугу ниже, при ближайшем изучении процесса накопления капитала.

Говоря выше о простом воспроизведении, мы рассматривали прибавочную ценность только как фонд потребления самого капиталиста, а потом, перейдя к прогрессивному воспроизведению, мы стали рассматривать ее исключительно как фонд накопления. В действительности она и то, и другое вместе: часть ее потребляет сам капиталист, другую же превращает в капитал, т. е. накапливает. [При данной массе прибавочной ценности, вели-

чина накопления, очевидно, зависит от раздела прибавочной ценности на фонд накопления и фонд потребления, на капитал и доход. Чем больше одна часть, тем меньше другая. Масса прибавочной ценности или прибавочного продукта, следовательно, располагаемого богатства страны, которое может быть превращено в капитал, постоянно бывает больше, чем действительно превращаемая в капитал часть прибавочной ценности.¹³² Чем больше развито капиталистическое производство, чем быстрее и массивнее идет накопление, чем богаче страна, тем колоссальнее расточение и роскошь, тем, следовательно, больше и разность между всею прибавочною ценностью и тою, которая поступает в капитал. [Оставляя в стороне годичный прирост богатства, фонд потребления капиталиста обладает, как постепенно потребляемое богатство, отчасти естественными формами, в которых он мог бы непосредственно функционировать как капитал. К существующим элементам богатства, которые могли бы функционировать в производстве, причисляются все рабочие силы, которые или вовсе не потребляются или потребляются на чисто условно личные, часто бесчестные оказания услуг. Пропорция, в которой прибавочная ценность разделяется на капитал и доход, беспрерывно изменяется и находится под господством обстоятельств, которые здесь не приходится развивать дальше.]¹³³ Поэтому-то употребляемый в стране капитал не есть величина постоянная, а напротив, весьма эластическая [и переменная дробь существующего богатства, которая может функционировать как капитал. Так как постоянное усвоение произведенной рабочим прибавочной ценности является для капиталиста в качестве периодического принесения плодов его капитала, или продукта чужого труда, который он захватывает без всякого эквивалента и образует периодический прирост его частного имущества, то естественно, что и разделение этой прибавочной ценности на дополнительный капитал и фонд потребления производится актом его свободной воли.

Лишь насколько капиталист есть олицетворенный капитал, он имеет историческую ценность и то историческое право существования, которое, как говорит остроумный Лихновский, не имеет никакого числа месяца. Лишь настолько его собственная переходная необходимость заключается в переходной необходимости капиталистического способа производства. Но настолько же двигающий им стимул состоит не в ценности потребления и в пользовании, а в меновой ценности и в увеличении ее. В качестве фанатика увеличения ценности, он бесцеремонно принуждает человечество к производству ради производства, поэтому к развитию общественных производительных сил и к созданию материальных условий производства, которые одни только и могут образовать реальную основу высшей формы общества, которой основной принцип есть полное и свободное развитие каждого индивидуума. Капиталист только в качестве олицетворителя

капитала представляет уважаемую особу, в качестве которой он разделяет с образователем сокровищ абсолютное стремление к обогащению.]¹³⁴ [Сверх того, сами внутренние законы капиталистического способа производства, которое каждому индивидуальному капиталисту октроирует соперничество, как опытный принудительный закон принуждает его постоянно защищать свой капитал, чтобы сохранить его за собою.]¹³⁵ Поэтому капиталист имеет склонность смотреть на свое личное потребление, как на зловредный вычет из накопления своего капитала, подобно тому как в двойной бухгалтерии частные расходы фигурируют на стороне дебета капиталиста капиталу. Но с развитием капитализма владелец капитала начинает в этом отношении несколько вольничать и распускаться. Личное потребление он ставит теперь так высоко, что, наоборот, самое накопление считает за воздержание или за отречение от личного потребления. Курсель-Сенель в своем курсе политической экономии так прямо и говорит: «Сохранение капитала требует... постоянного усилия для сопротивления покушению потратить его». То же читаем у Моллиари: «Лишение, которое возлагает на себя капиталист, когда отдает свои орудия производства взаймы рабочему, вместо того, чтобы посвятить их ценность своему собственному потреблению, превращая ее в полезные и приятные предметы...». Каким образом может устроить это не отдельный только капиталист, а целый класс капиталистов, которому пришлось бы для этой цели «лично потратить» столь приятные предметы, как рельсы, шпалы, локомотивы и паровые станки, не говоря обо всем прочем,—это составляет упорно сохраняемую вульгарною экономией тайну.

[В исторические начала капиталистического способа производства (всякий капиталистический *patron* прodelывает эту историческую стадию индивидуально) господствуют стремление к обогащению и скупость, как абсолютные страсти. Но и прогресс капиталистического производства создает не только мир удовольствий. Он открывает с спекуляциею и кредитным делом тысячи источников внезапного обогащения. На известной высоте развития условная степень расточительности, которая является одновременно выставкою богатства и орудием кредита, становится даже необходимостью для предприятия «несчастливого» капиталиста. Роскошь составляет издержки представительства капитала. Без этого капиталист не обогащается, подобно образователю сокровищ, по отношению к своей личной работе и к своему личному непотреблению, и только в той мере, в какой он высасывает чужую рабочую силу и вынуждает у рабочего отречения от всех жизненных удовольствий. Поэтому, хотя расточительность капиталиста никогда не обладает характером *bona fide* подвижного феодального барона, так как на ее заднем плане скорее всегда подстерегает грязнейшая скупость, беспокойнейший расчет, возрастает с накоплением, без того, чтобы ни

одно, ни другое не нуждались в подрыве. Вместе с тем в высокой груди индивидуума капиталиста развивается фаустово столкновение между стремлениями к накоплению и к наслаждению.

«Индустрия Манчестера», говорится в одном сочинении, опубликованном Айкином в 1795 г., «может быть разделена на четыре периода. В первой фабриканты были вынуждены тяжело работать для своего жизненного содержания». Они обогащались особенно через обкрадывание родителей, которые отдавали им подростков в подмастерья, и за это должны были дорого платить, между тем, как подростков держали в голоде. С другой стороны, средние доходы были низки и накопление требовало большой бережливости. Они жили подобно собирателям сокровищ и далеко не потребляли даже процентов с своего капитала. «Во второй период они начали приобретать маленькие имущества, работали же столь же настойчиво, как и прежде», так как непосредственно эксплуатация работы требует работы, как известно каждому погонщику рабов, и жили, попрежнему, в том же самом умеренном стиле. «В третий период возникла роскошь, и дело было расширено посылкою конных commis-voyageurs для исполнения заказов в каждый рыночный город королевства». Вероятно в 1690 г. существовали лишь немногие капиталы от 3 000 до 4 000 ф. ст., приобретенные индустрией, если еще существовали. Но около этого времени или немногим позже индустриалисты уже накопили денег и начали выводить каменные дома, вместо деревянных и штукатурных. Еще в первые десятилетия XVIII столетия, манчестерский фабрикант предложивший своим гостям пинту чужеземного вина, подвергался толкам и качанию голов всех своих соседей. До появления машин, вечернее потребление фабрикантов в трактирах, где они находились вместе, никогда не превышало 6 пенсов за стакан пуншу и 1 пенса за сверток табаку. Только в 1758 г.—и это сделало эпоху,—увидели «личность, занимавшуюся делом, с собственным экипажем!». «Четвертый период», последняя треть XVIII столетия, «есть период большой расточительности и роскоши, поддерживаемых расширением дел»*. Что сказал бы добрый д-р Айкин, если бы воскрес в Манчестере теперь?

Накопляйте, накапливайте! В том Моисей и пророки! «Индустрия доставляет материал, который накапливает бережливость»**. Итак, сберегайте, берегайте, т. е. превращайте возможно большую часть прибавочной ценности или прибавочного продукта в капитал! Накопление ради накопления, производство ради производства,—в этой формуле высказала классическая экономия историческое призвание буржуазного периода. Она и

* D-r Aikin «Description of the Country from 30 to 40 miles round Manchester», Lond. 1745, p. 182 sqq.

** A. Smith, l. c., b. III, ch. III.

на миг не обманулась относительно родильных мук богатства*, но что значит жалость об исторической необходимости? Если классической экономии пролетарий представлялся только как машина для производства прибавочной ценности, то и капиталист был в ее глазах не более как машиной для превращения этой прибавочной ценности в прибавочный капитал. Она берет свою историческую функцию с горькою серьезностью. Чтобы облегчить свою грудь от столкновения между стремлением наслаждаться и стремлением обогащаться, Мальтус в начале двадцатых годов настоящего столетия защищал разделение труда, которое бы указало действительно занятому производством капиталисту — накопление, другим же участникам в прибавочной ценности — поземельной аристократии, государственным и церковным пансионерам — занятие расточительностью. Представляет величайшую важность, говорит он**, «держать в отдельности страсть к расходуванию и страсть к накоплению». Гг. капиталисты, превратившись издавна в людей жизни и света, раскричались на это. Как это так, восклицал один из их ораторов, рикардиец, г. Мальтус проповедует высокую поземельную ренту, высокие налоги и пр., чтобы непрерывно запускать индустриалисту иголку непроизводительных потребителей! Конечно, производство, производство на постоянно расширяемой основе, звучит шиболет, но «производство будет подобным процессом скорее задержано, чем поощрено. Точно так же, не совсем-то одобрительно содержать таким образом известное число людей в праздности, только для того, чтобы зацемить других, из характера которых можно заключить, что если вы их можете принудить функционировать, то они будут функционировать успешно»***. Находя столь неодобрительным подкалывать индустриалиста к накоплению тем, что у него вычерпывают жир из супа, с такою же необходимостью автор находит, что рабочего нужно по возможности ограничивать, «чтобы сохранить его трудолюбивым». Также он не скрывает ни на миг, что присвоение неоплаченной работы есть тайна наживательства. «Увеличенный спрос со стороны рабочих вовсе не означает ничего; кроме их наклонности брать для себя самих из своего собственного продукта менее и большую часть его предоставить своим хозяевам, и, если говорят, что это произошло через уменьшение потребления (со стороны рабочих) и что это же производит загромождение рынков

* Даже Ж. Б. Сэй говорит: «Сбережения богатых совершаются на счет бедных». «Римский пролетарий жил почти исключительно на счет общества... Почти можно бы сказать, что новейшее общество живет на счет пролетариев, из той части, которую оно вычитает из их заработной платы» (Sismondi «Etudes etc.», t. I, p. 24).

** Malthus, l. c., p. 319, 320.

*** «An Inquiry into those principles respecting the Nature of Demand etc.», p. 67.

или перепроизводство, то я могу лишь ответить, что перепроизводство есть синоним высокой прибыли*.

Ученое пререкание о том, как наиболее выгодно распределить выкаченную из рабочего добычу для накопления между индустриальным капиталистом и праздным землевладельцем и пр. замолкло перед июльской революцией. Вскоре после того пробил городской пролетариат в колокол бури в Лионе, а сельский пролетариат в Англии пустил летать красного петуха. По одну сторону канала свирепствовал оуэнизм, по другую сенсимонизм и фурьеризм. Именно за год до того, как Нассау Сениор нашел в Манчестере, что прибыль (со включением процента) с капитала составляет продукт «последнего двенадцатого рабочего часа», он огласил миру новое свое открытие. «Я», сказал он торжественно, «заменяю слово капитал, рассматриваемое как орудие производства, словом *воздержание*».

Не пресоходимый образчик «открытий» вульгарной экономии! Она заменяет экономическую категорию сикофантской фразой, вот и все. «Если дикарь», учит Сениор, «фабрикует луки, то он отправляет промышленность, но не отправляет воздержания». Это объясняет нам, как и почему в более ранних состояниях общества орудия труда фабриковались без воздержания капиталиста, «чем более общество идет вперед, тем более воздержания требуется ему»** именно от тех, которые отправляют индустрию присваивать себе чужую индустрию и ее продукт. Все условия рабочего процесса превращаются с этого момента в столько же практик воздержания капиталиста.]¹³⁶

[В различнейших экономических общественных формациях встречается не одно только простое воспроизведение, но также, хотя и в различном размере, *воспроизведение на более широкой ступени*. Прогрессивно производится более и потребляется более, а также превращается более продукта в средства производства. Этот процесс, однако, не проявляется как накопление капитала и потому как функция капиталиста, пока рабочему не противостоят, поэтому, его продукт и его средства существования в форме капитала***. Несколько лет назад умерший Ричард Джонас,

* L. c., p. 50.

** Senior «Principes fondamentaux de l'Economie politique», Paris 1835, p. 308.

Это было для последователей классической школы несколько глупо. «Г. Сениор приписывает выражению «труд и капитал» выражение «труд и воздержание»... Воздержание есть простое отрицание. Не отрицание, а употребление произвольно затраченного капитала образует источник прибыли» (John Cozenove, p. 130, Note). Джон Стюарт Милль, напротив, извлекает на одной странице теорию прибыли Рикардо, а на другой усваивает «вознаграждение за воздержание» Сениора.

*** «Частные классы дохода, которые всего изобильнее способствуют прогрессу национального капитала, изменяются на различных ступенях его прогресса, и поэтому вполне различны у наций, занимающих различные положения в этом прогрессе... Прибыль... не важный источник накопления, сравнительно с земельною платою и рентою на ранних ступенях

наследник Мальтуса по кафедре политической экономии в Герфорде, исследует это хорошо на двух великих фактах. Так как многочисленная часть индейского народа является самостоятельными хозяевами-крестьянами, то их продукт, их жизненные средства никогда не существуют «в форме фонда, который сбережен из чужого дохода и потому прошел через предварительный процесс накопления»*. С другой стороны неземлевладельческие рабочие в провинциях, где английское господство всего менее разрешило старую систему, непосредственно занимаются знатными, к которым притекает часть поземельного прибавочного продукта в качестве продукта или поземельной ренты. Часть этого продукта потребляется знатными в естественной своей форме, а другая часть превращается для них рабочими в предметы роскоши и в другие предметы потребления, тогда как остальное образует заработную плату рабочих, которые обладают в собственность своими рабочими инструментами. Производство и воспроизведение на более широкой ступени идут здесь своим путем без всякого вмешательства чудесного святого, рыцаря печального образа, «воздерживающегося» капиталиста.]¹³⁷

[Мы рассматривали до сих пор массу прибавочной ценности, как определенную величину. В этом случае ее пропорциональное деление на доход и прибавочный капитал определяло объем накопления. Но последнее изменяется и независимо от этого деления *с переменю в величине самой прибавочной ценности.*

Читатель помнит, какую роль играет в производстве прибавочной ценности степень эксплуатации труда. Политическая экономия ценит эту роль так сильно, что она кое-где отождествляет ускорение накопления при помощи *повышенной производительной силы труда* с ускорением его при помощи *усиленной эксплуатации рабочего*** . В отделах о производстве прибавочной ценности было постоянно поддерживаемо, что заработная плата, по меньшей мере, равна *ценности рабочей силы*. Дальше было показано, что заработная плата, как по своей ценности, так и по

общества... Когда действительно наступало значительное повышение сил национальной промышленности, то прибыль возрастала с сравнительною важностью, как источник накопления» (R. Jones «Textbook etc.», p. 16, 21).

* L. c., p. 36, 39.

** Рикардо говорит: «В различных стадиях общества накопление капитала или средств употреблять труд (т. е. эксплуатировать) более или менее быстро и должно во всех случаях зависеть от производительных сил работы. Производительные силы работы вообще всего больше там, где существует изобилие плодородной почвы. Если в этой сентенции производительные силы труда обозначают малость пропорциональной части каждого продукта, которая достается тем, чья ручная работа его производит, то положение тавтологично, так как остальная часть фонда еще та, откуда, если желательно ее владельцу, может быть накоплен капитал. Но это, большей частью, не случается там, где земля всего плодороднее» (Дж. Ст. Милль «Observations on certain verbal disputes etc.», p. 74, 75).

массе жизненных припасов, которую она представляет, может возрасти при возрастающей степени эксплуатации рабочего. В практическом движении капитала, однако, прибавочная ценность также производится насильственным понижением заработной платы ниже ценности рабочей силы. Фактически таким образом одна часть необходимого фонда потребления рабочего превращается в фонд накопления капитала.

«Заработная плата», говорит Дж. Ст. Милль, «не имеет никакой производительной силы. Заработная плата способствует, наряду с самым трудом, производству товаров столь же мало, как и цена машин наряду с самими машинами. Если бы можно было иметь работу без покупки, то заработная плата сделалась бы излишнею»*. Если бы рабочие могли жить воздухом, то их также нельзя было бы купить ни за какую цену. Их ничего не стоить есть, следовательно, граница в математическом смысле, постоянно недостижимая, хотя постоянно приближающаяся. Постоянная тенденция капитала состоит в том, чтобы придавить ее к этой нигилистической точке зрения. Сочинитель XVIII столетия, автор «*Essay on Trade and Commerce*» изменяет только внутренней тайне английского капитала, когда объявляет исторической, жизненной задачей Англии понизить английскую заработную плату до французского и голландского уровня**. Он говорит наивно: «Если же наши бедные (исключительное выражение для рабочих) хотят жить роскошно... то их работа естественно должна быть дорога. Пусть рассмотрят только поднимающую волосы на голове массу излишеств, которую потребляют наши мануфактурные рабочие, каковы водка, джин, чай, сахар, чужеземные фрукты, крепкое пиво, крашеный холст, курительный и нюхательный табак и пр.»***. Он цитирует сочинение одного фабриканта из Нортамтоншира, который стоет с глазами, скошенными к небу: «Труд на целую треть дешевле во Франции, чем в Англии, потому что французские рабочие работают тяжело и с трудом получают пищу и одежду, и главное их потребление хлеб, плоды, корни и сушеная рыба; так как они едят очень редко мясо, и когда пшеница дорога, очень мало хлеба»****. «К чему», продолжает автор «*Essays*»,

* J. St. Mill «*Essays on some unsettled Questions etc.*», Lond. 1844, p. 90.

** «*An Essay on Trade and Commerce*», Lond. 1770, p. 44. Подобно этому привел «*Times*» в декабре 1866 и в январе 1867 г. излишняя сердца английских владельцев рудников, в которых описано блаженное состояние бельгийских рудокопов, которые больше ничего не желали и не подучали, как строго необходимого для того, чтобы жить для своих «*masters*». Бельгийские рабочие терпят много, фигурируя как образцовые рабочие в «*Times*»! В начале февраля 1867 г. ответила на это подавленная порохом и пулями стачка бельгийских рудокопов (при Мариневне).

*** Л. с., p. 46.

**** Фабрикант Нортамтоншира совершает в давлении сердца извительный *ria fraud*. Он сравнивает, повидимому, жизнь английских

«присоединяется еще и то, что их напиток состоит из воды или других *подобных слабых жидкостей*, так что они действительно удивительно мало издерживают денег... Подобие состояние вещей, разумеется, трудно создать, но оно не недостижимо, что поразительно показывает его существование, как во Франции, так и в Голландии»*. Двумя десятилетиями позже преследовал один американский гумбуг, баронизированный янки Вениамин Томсон, ту же самую филантропическую линию с большим самодовольством перед богом и людьми. Его «Essays» представляют поваренную книгу с рецептами всякого рода, чтобы ставить суррогаты на место дорогих нормальных родов пищи рабочего. Особенно удачный рецепт этого чудесного философа следующий: «5 фунтов ячменю, 5 фунтов маису, на 3 пенса седелок, на 1 пенс соли, на 1 пенс уксусу, на 2 пенса перцу и трав—в сумме $20\frac{3}{4}$ пенса дает суп для 64 человек, а по средним ценам хлеба можно понизить расход на человека еще на $\frac{1}{4}$ пенса»**.

В конце XVIII и в первые десятилетия XIX столетия английский фермер и лендлорды вынудили абсолютно минимальную заработную плату, отдавая земледельческим поденщикам менее минимума в форме заработка, остальное же в форме поддержки от прихода. Вот пример шутовства, с каким английские dogbergies поступали в своем законном утверждении тарифов заработной платы: «Когда сквайры утверждали рабочую плату Шпингамланда в 1795 г., они уже отобедали, хотя полагали, очевидно, что рабочие ни в чем подобном не нуждались... Они решили, что недельная заработная плата должна быть для мужчин 3 шилл., когда кусок хлеба в 8 ф. 11 унций стоит 1 шилл., и должна правильно возрастать, пока кусок хлеба не будет стоить 1 шилл. 5 пенсов. Как только он перешел за эту цену, заработная плата должна пропорционально уменьшаться, пока цена хлеба не дойдет до 2 шилл.; и тогда пища рабочего должна

и французских *мануфактурных* рабочих, но описывает, как он сам сознается в своем закании, цитируемыми выше словами французских земледельческих рабочих.

* L. c., p. 70.

** Benjamin Thomson «Essays political, economical and philosophical etc.», 3 vol., Lond. 1796—1802. В своем «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England etc.» рекомендует сэр Эден с самой лучшей стороны румфэрдов суп для нищих смотрителям палльцами и безупречно увещевает английских рабочих в том, что «у шотландцев есть много семейств, которые, вместо пшеницы, ржи и мяса, живут целые месяцы ячменной и овсяной мукой, и, к тому же, весьма комфортабельно» (I. c., v. I; b. II, ch. II). Подобные же указания пальцами в XIX столетии. «Английские земледельческие рабочие не хотят есть никаких смесей различных родов зерен. В Шотландии, где воспитание лучше, этот предрассудок, вероятно, неизвестен» (C. Parry «The Question of the Necessity of the existing Cornlaws considered», Lond. 1816, p. 69). Тот же Парри жалуется, однако, что английский рабочий теперь (1815 г.) чрезвычайно понизился в положении, сравнительно с временем Эдена (1797 г.).

была стать на $\frac{1}{5}$ меньше, чем прежде»*. Пред комитетом исследования палаты лордов в 1814 г. спросили известного фермера, магистра, управляющего домом для бедных и регулятора задельной платы: «Наблюдается ли какая-нибудь пропорция между ценностью рабочего дня и поддержкой от прихода рабочих?». «Да. Еженедельный доход каждого семейства бывает дополняем, свыше его дневного заработка, до куска хлеба (8 фунтов 11 унций) и 3 пенса на человека... Мы считаем такой кусок достаточным для сохранения всякого семейства в течение недели; и 3 пенса даются на платье, а если приходу угодно самому ставить платье, то 3 пенса вычитаются. Эта практика господствует не только на всем западе Уильтшира, но, как я думаю, и во всей стране»**. Итак, восклицает буржуазный писатель того времени, что «фермеры в течение целых лет унижали уважаемый класс своих земляков, причем они их принуждали находить себе прибежище в рабочем доме... Фермер увеличил собственную свою прибыль, препятствуя со стороны рабочего накоплению необходимых фондов потребления»***. Какую роль в настоящее время играет прямой грабег необходимых фондов потребления рабочего в образовании прибавочной ценности и поэтому в фондах накопления капитала, это покавала так называемая домашняя работа. Дальнейшие факты найдутся в течение этой главы.]¹³⁸

В предыдущих исследованиях, между прочим, предполагалось, что общее количество прибавочной ценности представляет постоянную величину и, кроме того, что рабочая сила покупается по своей полной ценности. В действительности же масса прибавочной ценности непостоянна, и увеличение ее зависит, между прочим, от покупки труда ниже его ценности. Этим путем процесс накопления происходит, частью, насчет необходимого потребления рабочих и совершенно независимо от того, как разделяется прибавочная ценность, на дополнительный капитал и на фонд потребления капиталиста. На этом основываются, например, частые жалобы писателей (особенно в XVIII в.) на то, что английские рабочие гораздо дороже французских, — что они потребляют такие предметы роскоши, как мясо, чай, табак, сахар, крепкое вино, холст и пр., тогда как французские живут больше растительною пищею, пьют воду и подобные слабые жидкости и потому стоят гораздо дешевле.

[Эластичность рабочей силы или способность ее внутри известных границ на большее интенсивное или экстенсивное на-

* G. B. Newnham «A Review of the Evidence before the Committees of the two Houses of Parliament on the Cornlaws», Lond. 1845, p. 20, Note.

** L. c.

*** Ch. H. Parry, l. c., p. 78. Самы господа лендлорды со своей стороны «вознаградил» себя не только за антиякобинскую войну, которую они вели именем Англии, но и громадно обогатились. «Их ренты удвоились, утроились, учетверились и в исключительных случаях ушестерились в 18 лет» (l. c., p. 100, 101).

пряжение образует внутри известных границ независимый от данного объема уже функционирующих и произведенных средств производства, или от *материальных элементов постоянного капитала*, источник создания прибавочного богатства и, следовательно, и фонда *накопления*. Если раз, следовательно, даны необходимые средства работы, — а добывающая промышленность дает большей частью сама снова сырой материал этих инструментов работы, — металлы, дерево и пр. и вспомогательные средства, как уголь, — *то продукт ни в каком случае не ограничен объемом этих средств труда*. Они при помощи большого обнаружения рабочей силы лишь быстрее будут добываться, следовательно сократится период их воспроизведения. Сама *масса продуктов*, как уголь, железо, напротив, возрастает, при одинаковых остальных обстоятельствах, в отношении к истраченному на естественный предмет труда. Как в первый день производства идут здесь первоначальные образователи продукта, а поэтому и образователи материальных элементов капитала, человек и природа, совместно. В собственном земледелии, правда, семена и удобрение играют ту же роль, как сырой материал в мануфактуре, и нельзя засеять больше земли, не имея заранее больше семян. Но раз даны этот сырой материал и инструменты работы, известно, какое чудесное действие производит даже чисто механическая обработка почвы. интенсивность которой зависит от напряжения рабочей силы, на массивность продукта. Это опять-таки прямое действие человека на предмет природы, которое становится непосредственным источником богатства. Добывающая промышленность и земледелие доставляют, с другой стороны, сырой материал и вспомогательные материю мануфактуре, следовательно материальные элементы, которые здесь предполагаются заранее для всякой большой затраты труда, тогда как собственные рабочие средства также и в этой сфере чрез интенсивное или экстенсивное напряжение одной рабочей силы только сокращают свои периоды воспроизведения. При этом, так как капитал всасывает в себя оба первоначальных образователя богатства, — рабочую силу и землю, то он приобретает в них независимые от своего собственного материального объема факторы воспроизведения на широкой основе, а поэтому и накопления.

Независимо от степени эксплуатации работы, производство прибавочной ценности и накопление капитала, которого образующий элемент — прибавочная ценность, существенно определяется производительною силою труда.]¹³⁹ В том же самом смысле действует далее и производительность труда, вместе с которою возрастает масса продуктов, [в которой представляется определенная ценность, а также и прибавочная ценность известной величины.]¹⁴⁰ При одном и том же, даже при понижающемся *уровне* прибавочной ценности, если только понижение это медленнее возрастания производительности труда, *масса* или

общее количество прибавочной ценности все-таки возрастает. Но мы знаем, кроме того, что рука об руку с увеличением производительной силы труда идет удешевление рабочего, т. е. возвышение уровня прибавочной ценности. Таким образом, одна и та же ценность переменного капитала начинает пускать в действие бóльшую прежней рабочую силу. Одна и та же ценность постоянного капитала заключается теперь, вследствие увеличения производительной силы труда, в большем количестве орудий труда, сырья и вспомогательного материала. Поэтому, при одной и той же или даже при уменьшающейся ценности добавочного капитала, происходит, при указанном условии, усиленное накопление.

Развитие производительной силы реагирует также и на первоначальный капитал, т. е. уже находящийся в действии. [Одна часть функционирующего постоянного капитала состоит из орудий труда машин, зданий и пр., которые употребляются медленно и потому воспроизводятся или заменяются новыми экземплярами того же рода. Но часть этих орудий труда вымирает ежегодно, или достигает окончательной цели своей производительной функции. Если производительная сила труда в месторождении этих орудий возросла—а она постоянно развивается с течением науки и технологии,—то, когда придет пора ставить на место старых экземпляров новые, эти последние будут одарены более сильным и лучшим действием.]¹⁴¹ Таким образом, оставляя в стороне непрерывные детальные изменения в существующих орудиях, старый капитал воспроизводится в новом, более производительном виде. Другая часть того же капитала—сырье и вспомогательный материал—воспроизводится обыкновенно в течение года, в соответствии с условиями доставляющего ее земледелия. Каждое введение лучших способов производства, по краткости срока воспроизведения этой части капитала, действует тут одновременно и немедленно и на функционирующий уже капитал, и на дополнительный.

[Всякий прогресс химии вносит не только разнообразие в полезные употребления одного и того же материала, но и расширяет с возрастанием капитала его сферы приложения. Она научает прежде всего бросать назад в круг процесса воспроизведения обноски и остатки процесса производства и потребления, следовательно, создает новый материал капитала без предварительной затраты капитала. Подобно увеличению добычи естественного богатства, благодаря большему напряжению рабочей силы, также и наука представляет одну силу, независимую от данной величины действующего капитала, ведущую к его расширению. В свою новую форму она внедряет даром общественный прогресс, совершившийся за спиной ее старой формы. Конечно, это развитие сопровождается сначала частичным обесценением действующего капитала. Насколько это обесценение даст себя чувствовать при помощи соперничества, главная тя-

гость падает на рабочего, в усиленной эксплуатации которого капиталист ищет возмещения за вред.]¹⁴²

Мы уже видели выше, как возрастание производительности труда влечет за собою безмерное увеличение постоянной части капитала. Достаточно сравнить в этом отношении английского прядильщика с индийским. Английский превращает в день в несколько сот раз больше хлопчатой бумаги, прядильных снарядов и тому подобного в пряжу. Поэтому он переносит на свой продукт в несколько сот раз больше и ценности постоянного капитала. Таким образом, по мере возрастания накопления, сопровождающего развитие производительной силы труда, труд сохраняет и увековечивает в новой форме все больше да больше ценности постоянного капитала. Наконец, чем дальше шагает накопление, тем больше становятся размеры индивидуальных капиталов, тем больше количество построек, машин, рабочего скота и всякого рода аппаратов, а потому тем больше даровая сила прошедшего труда, служащего образованию продукта и лишь в гораздо меньшей мере образованию ценности.

Из предыдущих исследований ясно, что капитал не есть постоянная величина, а напротив, эластическая и колеблющаяся, смотря по тому, в какой пропорции подразделяется прибавочная ценность на доход и на дополнительный капитал. Мы видели дальше, что даже при данной величине функционирующего капитала рабочая сила, наука и земля образуют эластические силы, которые доставляют ему в известных границах возможность действовать независимо от своего собственного объема. Классическая экономия очень любила, напротив того, считать общественный капитал постоянной величиною, а Бентам изобрел даже постоянный рабочий фонд, о котором потом протрубили Мальтус, оба Милля, Мак-Куллох и т. д., [именно в апологических целях, чтобы представить одну часть капитала, переменный или в рабочую силу превращенный капитал, постоянною величиною.

Материальное существование переменного капитала, т. е. масса изжитых припасов, которые он составляет для рабочих, или так называемого рабочего фонда, представлено баснословно в виде окруженной естественными цепями и непроходимой отдельной части общественного богатства. Чтобы часть общественного богатства, которая должна функционировать, как постоянный капитал, или, выражаясь материально, как орудие производства, — привести в движение, необходима известная масса живой работы. Эта масса определяется технологически. Но не дано ни число рабочих, требуемое, чтобы эту массу двинуть вперед, так как оно колеблется вместе со степенью эксплуатации индивидуальной рабочей силы, ни цена этой рабочей силы, а только ее весьма эластическая минимальная граница.]¹⁴³
[Факты, лежащие в основании догмы, следующие: с одной стороны, рабочий не участвует в обсуждении вопроса о делении

общественного богатства на предметы пользования нерабочих и на орудия производства. С другой стороны, он может только в благоприятных и исключительных случаях расширить так называемый «рабочий фонд» насчет «дохода» богача*. К какой налешой тавтологии ведет выдумка заменять капиталистическую границу рабочего фонда его общественно-природною границей, показывает, среди других, профессор Фаусетт: «Обращающийся капитал страны», говорит он**, «есть ее рабочий фонд. Чтобы поэтому вычислить среднюю заработную плату в деньгах каждого рабочего, нам просто нужно разделить этот капитал на число рабочего населения». Это значит, следовательно, сначала сосчитаем действительно уплачиваемые индивидуально заработные платы в одну сумму, а потом станем утверждать, что это сложение образует сумму ценности октроированного богом и природою «рабочего фонда». В конце концов мы еще разделим таким образом полученную сумму, чтобы опять-таки открыть, сколько выпадет средним числом индивидуально каждому рабочему. Необычайно остроумная процедура. Она не мешает г. Фаусетту сказать немедленно следующее: «В Англии ежегодно накапливаемое богатство разделяется на две части. Одна часть употребляется в Англии на сохранение нашей собственной индустрии. Другая часть вывозится в другие страны... Часть ежегодно накапливаемого богатства в этой стране, которая употребляется в нашей индустрии, отличается незначительностью»***. Итак большая часть ежегодно возрастающего прибавочного продукта, от которого английский рабочий отпускается без эквивалента, капитализируется не в Англии, а в чужих странах. Но ведь с таким образом вывозимым капиталом будет ведь также вывезена часть открытого богом и Бентамом «рабочего фонда»?¹⁴⁴

Рост капитала означает, между прочим, также и рост переменной его части, превращенной в рабочую силу. Если предположить, что, при прочих равных условиях, состав капитала остается один и тот же, т. е. что известная масса постоянного капитала нуждается всегда в одном и том же количестве работы,

* Дж. Ст. Милль говорит в своих «Principles»: «Продукт труда в настоящее время распределяется в обратном отношении к труду,—большая часть идет тем, которые никогда не работали, менее большая тем, работа которых почти чисто номинальна, и таким образом, по нисходящей скале заработная плата суживается в той мере, в какой работа становится жестче и неприятнее, пока наиболее утомляющая и истощающая телесные силы работа не может даже рассчитывать с уверенностью на получение необходимых средств существования». Во избежание недоразумений автор замечает, что когда люди как Дж. Ст. Милль, Фаусетт и пр. подвергаются порицанию с его стороны, ради противоречия их старозакономических догм с их новейшими тенденциями, то было бы совершенно несправедливо сбрасывать их в один обоз с вульгарно-экономическими апологистами.

** Fawcett «The economic Position of the British Labourer», Lond. 1865, p. 120.

*** Fawcett, l. c., p. 123, 122.

чтобы быть пущенной в ход, то очевидно, что спрос на труд и на средства существования рабочих будет возрастать вместе с капиталом, и тем быстрее, чем быстрее растет капитал. Отметим теперь следующие факты, чтобы яснее дать уразуметь дальнейший ход исследования: а) капитал производит ежегодно прибавочную ценность, которой одна часть присоединяется ежегодно же к первоначальному капиталу; б) этот прирост сам возрастает ежегодно и в) при открытии новых рынков, новых областей для затраты капитала, под влиянием возникновения новых потребностей и пр. — размер накопления способен к внезапному расширению, благодаря изменению в разделе прибавочной ценности на прибавочный капитал и на фонд потребления капиталиста. Под влиянием этих трех факторов рост капитала может оказаться сильнее, чем возрастание рабочей силы или числа рабочих — спрос на рабочих может превзойти предложение их, и вследствие этого *задельная плата* тоже *возрастет*. Жалобы на это раздаются в Англии в течение всей первой половины XVIII столетия. Но это несколько не изменяет сущности отношений между капиталом и трудом. Положение рабочего класса становится на время сносно, и только, иными словами, ослабляется напряжение золотой капиталистической цепи, обнимающей рабочего. Но сами отношения наемничества все же остаются прежние, и задельная плата никогда не может подняться до предела всей прибавочной ценности. Только что упомянутое увеличение задельной платы ведет за собою обыкновенно следующую альтернативу: а) или это возвышение сопровождается одинаковым или даже большим *абсолютным возрастанием* накопления. Нам, ведь, уже известно, что даже, при прочих равных условиях, каковы, например, производительность труда и др., по мере увеличения размеров затраченного капитала, абсолютное возрастание его может оставаться или одинаковым, или даже ускоряться, хотя в то же время уровень прибавочной ценности и понижается. Это может произойти просто от увеличения числа одновременно занятых рабочих, которые, несмотря на понижение *уровня* прибавочной ценности, могут доставлять *прежнее* или даже *большее количество* ее. Или же — такова другая сторона альтернативы — б) накопление *замедляется* вследствие возвышения задельной платы, так как перестает действовать с прежнею силою стимул его — ожидание больших благ. Но ведь с уменьшением накопления уменьшается также и причина этого уменьшения, а именно отсутствие *правильной* пропорции между капиталом и рабочей силою. Цена труда понижается до уровня, соответствующего потребностям капитала, и только. Таким образом нетрудно видеть, что механизм капиталистической продукции сам превосходно умеет устранять создаваемые им *мимоходом* препятствия своему движению.

Если всмотреться поглубже в условия только что приведенной альтернативы, то увидим следующее: в первом случае

а) не уменьшение в абсолютном или в относительном росте рабочей силы или рабочего населения делает чересчур избыточным— или, что то же, *излишним—капитал*, а, наоборот, увеличение капитала делает *недостаточной рабочую силу*; во втором же случае, б) не увеличение в абсолютном или в относительном росте рабочей силы делает, наоборот, *недостаточным капитал*, а уменьшение капитала делает *излишнею рабочую силу*, или цену ее. Абсолютные движения капитала *отражаются* здесь в качестве относительных движений в массе рабочей силы и потому кажутся движениями этой последней*. А между тем, это *отражение* экономисты (Мальтус и другие) принимают за *действительность* и говорят, что в первом случае было недостаточно, а во втором излишне именно *число рабочих*, т. е., что в первом случае *размножение рабочих или населения* было задержано, а во втором—чрезмерно. Приведенный закон капиталистической продукции, возведенный экономистами на степень естественного закона, доказывает не больше, как то, что природа самой этой продукции не допускает такого увеличения задельной платы, которое могло бы серьезно грозить увековечению капиталистических отношений и прогрессивному накоплению. Да и не могло бы быть иначе при таком способе общественного производства, при котором рабочий служит для потребностей капитала в накоплении, а не богатство для потребностей рабочего.

До сих пор мы держались того предположения, что, по мере накопления, отношение между массою, количеством орудий производства и количеством приводящей их в действие рабочей силы остается одно и то же, т. е., что спрос на труд возрастает пропорционально увеличению капитала. Но в действительности это, однакоже, далеко не так,—между тем и другим происходят громадные изменения отношений, которые, в свою очередь, сопровождаются изменениями в *органическом* составе капитала, т. е. в пропорции в нем постоянной и переменной части.

Масса орудий производства возрастает по мере *одного* уже увеличения *производительности труда* при их изготовлении, следовательно, и независимо от прогрессивного накопления самого по себе. Таким образом простое увеличение производительной силы труда сопровождается уже уменьшением количества работы—относительно приводимых ею в действие орудий производства, так как увеличение количества последних равнозначительно уменьшению живой рабочей силы. Увеличение количества орудий сравнительно с количеством работающей ими

[* Так точно в фазу кризиса промышленного цикла общий упадок цен товаров выражается, как повышение относительной ценности денег, а в фазу благосостояния, общее повышение цен товаров, как упадок относительной ценности денег. Так называемая школа орудия обращения (*surgeu*) заключает отсюда, что в первом случае обращается слишком мало, а во втором слишком много денег. В этом сказывается ее невежество и полное незнакомство с фактами.]¹⁴⁶

силы, в свою очередь, отражается, под видом *увеличения* постоянной доли капитала, в ущерб переменной его доле. Это последнее увеличение только приблизительно указывает нам на возрастание массы орудий, потому что, говоря о нем, мы разумеем увеличение *ценности орудий*, а эта последняя, хотя и возрастает абсолютно вместе с производительностью труда, но относительно, напротив, страшно падает. Так, если, например, капитал, затраченный в настоящее время в прядение, состоит из $\frac{7}{8}$ постоянного и $\frac{1}{8}$ переменного капитала, а в начале XVIII в. состоял из $\frac{1}{2}$ постоянного и $\frac{1}{2}$ переменного, то количество массы сырья, орудий производства и т. п. оказывается теперь в прядении большей не на $\frac{3}{8}$, а в несколько сот раз. Вот почему перемена в составе капитала, благодаря которой постоянная доля его возрастает на счет переменной, только в отдаленной степени указывает нам на перемену в составе самого продукта, т. е. объема или количества орудий производства, с одной стороны, и средств существования, с другой.

Каждый индивидуальный капитал представляет большее или меньшее *сосредоточение* орудий производства. По мере возрастания накопления, сосредоточие это в руках отдельного капиталиста также увеличивается. Возрастание общественного капитала является в виде возрастания многих индивидуальных капиталов. Одни из этих последних распадаются на части, благодаря, например, разделу наследства между семьею капиталистов, другие,—и таких бесконечно больше,—напротив того, соединяются в одних руках, благодаря победе большого капитала над малым, а также кредиту. Этот последний род сосредоточения следует отличать от накопления; он представляет не образование капитала вновь, а стягивание в немногие пункты уже образовавшихся готовых капиталов, побитых соперничеством или ищущих себе помещения.

По мере увеличения объема технической деятельности и сосредоточения орудий производства, прогрессивно уменьшается та степень, в которой они являются орудиями для занятия рабочих. Паровой, например, плуг несравненно деятельнее простого, но затраченный в него капитал даст занятие несравненно меньшему числу рабочих, чем если бы он был затрачен в простые плуги. Сначала этим родом действия отличается только дополнительный, вновь накопленный капитал. Но мало-помалу, те же преобразования охватывают и старый капитал по мере потребления его, и, таким образом, в первом случае призывается рабочих все меньше и меньше, сравнительно с размерами капитала, а во втором—их все больше и больше выталкивается с готовых уже мест.

Итак, мы видим, что, благодаря увеличению производительности труда в изготовлении орудий производства, а также сосредоточению последних, отношение между массой орудий производства и массой работающей при них силы не остается, по мере накопления, неизменным и что, на основании указанных причин,

спрос на труд возрастает медленнее, чем увеличивается капитал, и постоянная доля капитала растет быстрее переменной.

Накопление капитала являлось нам первоначально лишь под видом *количественного* расширения его, но в настоящую минуту мы уже знаем, что это последнее сопровождается весьма важным усложнением, а именно изменением самого *качественного* состава капитала, т. е. непрерывным увеличением постоянной его доли насчет переменной.

Но развитие производительности труда, свойственное капитализму, и причиняемая им перемена в составе капитала идут не только рядом с прогрессом накопления, а значительно перегоняют его. Это происходит оттого, что даже и простое накопление или абсолютное расширение общественного капитала сопровождается сосредоточением индивидуальных капиталов, а технологическое преобразование допозднительного капитала сопровождается соответствующим преобразованием первоначального капитала. Таким образом, по мере накопления, отношение постоянного капитала к переменному, если оно первоначально было 2:1, превращается в 2:1, 3:1, 4:1, 5:1, 7:1 и т. д., так что в рабочую силу, вместо первоначальной $\frac{1}{2}$, идет прогрессивно $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ и т. д., а в орудия производства $\frac{2}{3}$, $\frac{3}{4}$, $\frac{4}{5}$, $\frac{5}{6}$, $\frac{7}{8}$ и т. д. капитала. Говоря иначе, спрос на труд уменьшается по мере возрастания капитала относительно размеров всего капитала. Само собою разумеется, что, по мере возрастания всего капитала, растет и переменная его часть, но она растет в пропорции все более и более убывающей. Промежуточные паузы, в течение которых накопление действует на одной и той же, постоянной технологической основе, сокращаются все более и более и дают все более места ускоренному накоплению. Это ускоренное (вследствие технологических преобразований) накопление, вместе с сосредоточением капитала, делается новым источником перемены в составе совокупного капитала, т. е. опять-таки уменьшения переменной его части насчет постоянной. Вот это-то относительное уменьшение переменной части капитала, ускоренное ростом всего капитала и идущее даже быстрее этого роста, *кажется*, с другой стороны, не чем иным, как *более быстрым* абсолютным возрастанием рабочего населения, нежели переменного капитала или средств существования этих рабочих. Но дело в том, что само капиталистическое производство постоянно производит *избыточное* в отношении к своей энергии и объему население, т. е. ненужное для *средних* потребностей капитала в увеличении его ценности.

Если иметь в виду совокупный общественный капитал, то накопление его вызывает то *попеременные* изменения в составе капитала, то *одновременные* изменения в различных сферах производства. В одних сферах изменение в составе капитала происходит без возрастания абсолютной величины его, вследствие простого сосредоточения; в других—абсолютное возра-

стане капитала находится в связи с абсолютным уменьшением его переменной части; в третьих—капитал возрастает или на данной технологической основе и в отношении своего роста привлекает к себе дополнительную рабочую силу, или же происходит в нем органическое изменение и сжимается переменная его часть. Но повсюду рост переменной части, а следовательно, и число рабочих, постоянно сопровождается сильными колебаниями и временным производством излишнего населения, все равно, принимает ли это последнее форму фактического выпирания уже занятых рабочих или же потенциального затруднения поглощению добавочного населения в обыкновенных его каналах*.

По мере возрастания всего капитала, расширения основы производства, увеличения числа рабочих и производительности их труда,—расширяется также и то основание, на котором большее привлечение рабочих капиталом сопровождается большим отталкиванием их. Вместе с этим возрастает быстрота в перемене органического состава капитала и его технологического устройства, а равно расширяется окружность сфер производства, обнимаемых этим преобразованием одновременно или же попеременно. Таким образом, производя накопление капитала, рабочее население само же создает и средства к своему относительному излеществу. *Это—закон народонаселения, свойственный именно капиталистической продукции, подобно тому, как и вообще всякий специальный общественный способ производства имеет свой закон народонаселения. Отвлеченный закон населения существует только для растений и животных.*

Составляя необходимый результат накопления богатства на капиталистической основе, это излишнее население само становится рычагом накопления, необходимым условием капиталистического производства. Оно представляет свободную для распоряжения резервную армию, абсолютно принадлежащую капиталу, материал людей, который может понадобиться капиталу в случае увеличения его потребностей в накоплении.

* Ценз Великобритании 1861 г. показывает для Англии и Уэльса: всех лиц, занятых в земледелии (собственников, фермеров, садовников, пастухов и пр.) в 1851 г. 2 011 447, в 1861 г.—1 924 110, уменьшение 87 337 душ, в шерстяных мануфактурах в 1851 г.—102 714, в 1861 г.—79 242 (в 1871 г., по другим источникам, 103 514), на шелковых фабриках и пр. в 1851 г.—411 940, в 1861 г.—401 678 (в 1871 г.—47 311), в ситцепечатях в 1851 г.—12 098, в 1861 г.—12 556, каковое ничтожное увеличение, несмотря на громадное расширение предприятий, обуславливает громадное пропорциональное уменьшение числа рабочих (впрочем, в 1871 г.—15 321),—в производстве шляп в 1851 г.—15 957 и в 1861 г.—13 814 (в 1871 г.—12 412) и т. д., см. «Капитал», стр. 542—3; цифры, относящиеся к 1871 г., взяты автором из парламентского отчета 1871 г., приложенного к упомянутым выше трудам последней парламентской комиссии 1875 г., которая была назначена для исследования действия законов о фабриках и мастерских, и могут считаться имеющими только приблизительное значение.—*Лст.*

По мере накопления и развития производительности труда, возрастает сила *внезапного расширения* капитала. Это происходит не только вследствие увеличения эластичности уже находящегося в действии капитала и абсолютного богатства и не только вследствие того, что кредит ставит значительную часть этого богатства в распоряжение капиталиста в качестве дополнительного капитала. Нет, сами технические условия производительного процесса—машины, средства и пути сообщения и т. д.—делают возможным быстрее превращение прибавочного продукта в прибавочные орудия производства. Прибавочный продукт с бешенством стремится в старые отрасли производства, рынок которого отчего-либо внезапно расширяется, или же во вновь открытые, каковы железные дороги и пр. *Во всех подобных случаях громадные массы людей должны быть постоянно готовы, чтобы без перерыва в ходе дел других отраслей промышленности перебрасываться на решительные пункты. Их-то и доставляет излишнее население.*

Характеристическое течение жизни новейшей индустрии—10-летний цикл (перерываемый лишь мелкими колебаниями) периодов средней живости, затем производства под высоким давлением кризиса и застоя—имеет в основании постоянное образование, большее или меньшее поглощение и новое образование индустриально-резервной армии или излишнего населения. [С своей стороны, случай перемены индустриального цикла вербует излишнее население и становятся одним из наиболее энергических его агентов.]¹⁴⁶ Этого хода промышленности не существовало прежде никогда, не было его даже в начале самого капиталистического периода, потому что тогда состав капитала изменялся лишь постепенно. Накоплению тогда соответствовало возрастание спроса на труд. Оно медленно упиралось в [естественные границы готового для эксплуатации рабочего населения, которые потом получилась возможность расширить лишь позже упоминаемыми, насильственными средствами.]¹⁴⁷ Внезапное расширение [основы]¹⁴⁸ производства имеет неизбежным и прямым последствием столь же внезапное ее сокращение, последнее снова вызывает первое, но первое невозможно без свободного материала людей, без такого возрастания числа *рабочих*, которое было бы независимо от абсолютного возрастания *населения*. Оно получается простым способом, который постоянно «освобождает» одну часть населения, уменьшая число *занятых* (а, следовательно, и сытых) рабочих по отношению к увеличению производства. Все движение новейшей индустрии покоится таким образом на постоянном превращении одной части р. бочего населения в *незанятые* или в *полузанятые* руки*. Поверхностность политической экономии обнаружи-

* Превосходнейшей иллюстрацией этого свойства капиталистического накопления служит следующее письмо Эдмунда Поттера, бывшего

вается, между прочим, в том, что она считает причиной периодов изменения индустриального цикла, расширение и сокращение *кредита*, которое есть не более, как простой симптом этих последних. Общественная продукция действует подобно небесным телам, раз брошенным в известное движение и постоянно повторяющим его,—раз она попала в указанное движение сменяющихся расширения и сокращения. Последствия, в свою очередь, становятся причинами, и случаи смены процесса, постоянно воспроизводящего свои условия, принимают вид периодичности.

До сих пор мы предполагали, что увеличение или уменьшение переменного капитала в точности соответствует увеличению или уменьшению числа рабочих. Но мы знаем также, что увеличение переменного капитала может быть признаком увеличения работы, получаемой в большем количестве от увеличения труда одних и тех же рабочих, а не от большего числа рабочих. Нам известно еще, что всякий капиталист имеет непосредственный интерес получать известное количество труда от меньшего, а не от большего числа рабочих. Мотив этот действует тем сильнее, чем значительнее прогресс накопления.

Благодаря этому и некоторым другим мотивам,—например, употреблению в дело более дешевых и незрелых сил женщин и детей,—рост излишнего населения идет еще быстрее, чем технологические преобразования и соответствующее им уменьшение переменной части капитала. Излишняя работа занятых еще более увеличивает ряды резервов и, наоборот, давление соперничества последних на первых еще увеличивает излишнюю работу первых. Одни поэтому осуждены на праздность, другие на бесконечный труд, и тем еще более ускоряется образование резервно-индустриальной армии.

Говоря вообще, движение задельной платы, взятое в целом, регулируется *исключительно* расширением и сжатием инду-

президентом манчестерской торговой палаты, опубликованное в «Times» и направленное против эмиграции рабочих Ланкашира, которые остались без работы, вследствие хлопкового кризиса, по случаю гражданской войны в Америке: «Общественное мнение требует эмиграции; хозяин не может видеть равнодушно, что предложение труда для него исчезает; он может считать это и *несправедливым, и неправильным*... Время—год, два, три—может быть, произведет необходимое количество... Я тогда могу поставить вопрос, стоит ли промышленность поддержки, стоит ли заботиться о *сохранении механизма* (дело идет о рабочих) и не будет ли величайшею глупостью думать о том, чтобы отказать от него! Я думаю, что да. Я согласен, что работники не составляют собственности, ни собственности Ланкашира, ни собственности хозяина, но *они сила того и другого*: они составляют духовную и вышнюю силу, которая не может быть замещена в одно поколение... Что же будет с капиталистами, если поощрять или *договлять эмиграцию* рабочей силы?.. Скажите, может ли быть другой, более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот, ослабляющий нацию вывозом ее лучших фабричных рабочих и лишением ценности ее производительнейшей части капитала и богатства?».

стриального резерва, которые соответствуют периодам смены индустриального цикла. Итак, оно определяется совсем не движением абсолютного числа рабочего населения, а весьма изменчивым отношением, в котором рабочий класс распадается на действующую армию и на резерв, увеличением и уменьшением относительного объема излишнего населения, степенью, в которой оно то поглощается, то снова освобождается. Для новейшей индустрии с ее 10-летним циклом и ее правильными периодическими сменами, которые, к тому же, по мере прогресса накопления, перекрещиваются все быстрее следующими друг за другом неправильными колебаниями—закон населения Мальтуса, по меньшей мере, непригоден. И, в самом деле, для такой индустрии был бы прекрасным законом тот, который регулировал бы спрос и предложение труда не расширением и сжатием капитала, т. е. не его, соответствующими случаю, потребностями в накоплении, благодаря которым рабочий рынок является то недостаточным, когда капитал расширяется, то переполненным, когда капитал сжимается,—а, наоборот, ставил бы движение самого капитала в зависимость от движения населения. Но именно это-то и утверждают экономисты. По их мнению, вследствие накопления, рабочая плата возрастает. Это возрастание служит стимулом к увеличению народонаселения, которое продолжается до переполнения рынка рабочими, т. е. до тех пор, пока капитал снова станет недостаточным относительно предложения труда. Задельная плата затем падает, рабочее население уменьшается в числе эмиграций и смертностью, так что капитал снова становится излишним, или, как говорят другие, уменьшение задельной платы и соответствующая высшая степень эксплуатации рабочего снова ускоряют накопление, а одновременно с этим низшая задельная плата задерживает возрастание рабочего класса. Таким образом, снова наступает то отношение, когда предложение труда оказывается ниже спроса на него, задельная плата возрастает и т. д.—Но дело в том, что эти господа забывают, что пока, вследствие возвышения задельной платы, рабочее население действительно сколько-нибудь возрастет,—будут двадцать раз применены к делу машины, которые к стати уже делают излишнюю и часть наличного рабочего населения.

Экономисты смешивают законы, регулирующие общее движение задельной платы или отношение между рабочим классом и совокупным капиталом, с теми законами, на основании которых рабочее население распределяется между отдельными областями производства. Когда, например, вследствие благоприятного стечения обстоятельств, накопление в известной отрасли производства делается особенно живо, прибыль поднимается здесь выше среднего уровня и сюда теснятся добавочный капитал, то, естественно, здесь возрастают спрос на труд и задельная плата. Высшая задельная плата привлекает сюда больше рабочего населения, пока эта отрасль не насытится ра-

бочею силою и пока задельная плата в ней не упадет до прежнего уровня или даже еще ниже, если прилив был слишком велик. Здесь экономист видит, что, по мере возрастания задельной платы, возрастает и абсолютное число рабочих в этой отрасли, а с абсолютным возрастанием числа рабочих понижается плата, и заключает, что таков всеобщий закон народонаселения. Но в действительности-то он видит в этом случае только местные колебания рабочего рынка специальной отрасли производства, он видит только феномены распределения рабочего населения между различными затратами капитала, смотря по изменению потребностей последнего.

[Индустриально-резервная армия или относительное перенаселение давит в течение периодов зстоя и арендного благосостояния на действующую рабочую армию и препятствует ее требованиям в течение периода перепроизводства и пароксизма. Следовательно *относительное излишнее население представляет скрытую основу, на которой движется закон спроса и предложения труда*. Оно принудительно вталкивает область действия этого закона в границы абсолютно совпадающие со страстью капитала к эксплуатации и господству.]¹⁴⁹

Мы говорили выше, что господствующая догма, будто машины наносят рабочему только временный вред, т. е., будто машины «освобождают» для рабочего капитал, лишена основания. Только теперь можем мы, как следует, оценить эту точку зрения. Освобождается в действительности не только тот рабочий, на место которого становится машина, но, кроме того, и тот, который пришел бы на смену первому (будущее поколение), и тот, который при *обычном* расширении капитала на данной, старой технологической основе, являлся в качестве правильно поглощаемого дополнительного контингента. Не старый капитал освобождается для рабочих, а рабочие освобождаются [для «дополнительного»]¹⁵⁰ капитала. [Это означает, следовательно, что механизм капиталистического производства заботится о том, чтобы *абсолютное возрастание капитала не сопровождалось никаким соответствующим повышением всеобщего спроса на труд*. И это апологист называет вознаграждением за нищету, страдания и возможную гибель смещенных рабочих в течение переходного периода, который ссылает их в индустриально-резервную армию! Спрос на труд не тождествен с возрастанием капитала, предложение рабочих не тождественно с вознаграждением рабочего класса, так, чтобы действовали одна на другую две независимые между собою силы. *Les dés sont pipés*. Капитал действует одновременно на обеих сторонах.]¹⁵¹ Дело происходит в действительности так, что когда накопление капитала, с одной стороны, увеличивает спрос на рабочих, то оно же, с другой стороны, увеличивает и предложение рабочих, освобождая их, и что одновременно с этим давлении соперничества лишенных работы принуждает занятых отдавать больше труда

и таким образом, делает до известной степени предложение труда независимым от предложения рабочих.

[Движение закона спроса и предложения труда на этой основе дополняет деспотизм капитала. Как только, поэтому, рабочий откроет тайну, как происходит то, что в той же мере, в какой они работают больше, производят более чужого богатства, и по мере возрастания производительной силы их труда,—их функция, как орудия увеличения ценности капитала становится для них все скуднее; как только они откроют, что степень интенсивности соперничества между ними сама вполне зависит от давления излишнего населения; как только они постараются, поэтому, организовать при помощи союзов сопротивления планомерное содействие между занятыми и незанятыми рабочими, чтобы сломать или ослабить разрушительные последствия того естественного закона капиталистического производства на их класс, как немедленно капитал кричит *разбой*, как и его сикофант, политикозконом, о нарушении «вечного», и, так сказать, «священного» естественного закона спроса и предложения. Всякое соглашение между занятыми и незанятыми препятствует чистой «игре» этого закона. Но как только, с другой стороны, например в колониях, *противные обстоятельства препятствуют созданию индустриальной резервной армии, а с нею и абсолютной зависимости класса рабочих от класса капиталистов*,—то капитал восстает, вместе с своим пошлым Санчо-Пансой *против «священного» закона спроса и предложения*, и старается подхватить его под руки при помощи принудительных средств.]¹⁵² Относительно различных форм относительного перенаселения достаточно будет здесь сказать лишь несколько слов. Оставляя в стороне смену фазисов индустриального цикла, по отношению к которому перенаселение бывает то острое, в период кризиса, то хроническое, в период застоя, можно вообще различить три формы перенаселения—*текущую, скрытую и застойную*.

Первая носит постоянный характер и соответствует непрерывному привлечению и отталкиванию капиталом рабочих. Часть этого населения эмигрирует, и потому-то, как доказывает Англия, женское население возрастает быстрее мужского. Все дело в том, что капиталу требуются большие массы людей в детском возрасте и меньшие во взрослом мужском; поэтому, по достижении совершеннолетия, многие рабочие оставляются без занятий. Это простое последствие абсолютного возрастания капитала и населения, но такое, при котором население, хотя и растет, но изнашивается весьма быстро. Требуется быстрая смена рабочего населения, потому что дети и юноши нужнее взрослых. Это достигается ранними браками—необходимым последствием тех отношений между полами, в которых живут рабочие крупной индустрии, и той премии, которую дает рождению детей употребление их труда.

Охватывая земледелие, капиталистическая продукция уменьшает и здесь спрос на труд, но таким прочным образом, что сокращению здесь этого спроса не сопутствует расширение его, как в городской индустрии. Одна часть сельского рабочего населения, таким образом, постоянно находится на пути к превращению в городское или в мануфактурное. Но одновременно с этим в селах постоянно остается известное *скрытое* или *потайное* перенаселение.

Наконец, *застойная* форма — это часть активной армии с неправильными занятиями, положение которой ниже среднего уровня потребностей рабочих. Здесь максимум работы и минимум задельной платы. Это преимущественно домашняя работа. Она рекрутируется постоянно из перенаселения крупной индустрии и земледелия и именно существует в погибающих под напором крупной индустрии ремеслах.

Таковы важнейшие формы перенаселения или избыточного населения; но, кроме этих форм, существуют и некоторые другие, за рассмотрением которых мы приглашаем читателя обратиться к самому «Капиталу», стр. 554 и сл. [*Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, объем и энергия его возрастания, а следовательно, и абсолютное количество рабочего населения и производительной силы его труда, тем больше относительное излишнее население или индустриальная резервная армия. Располагаемая рабочая сила развивается влиянием тех же причин, как и сила расширения капитала.* Сравнительное количество индустриально-резервной армии возрастает таким образом вместе с силами богатства. Но чем больше эта резервная армия по отношению к активной армии рабочих, тем массивнее установившееся чрезмерное население или слой работников, нищета которых находится в обратном отношении с их рабочими муками. Наконец, чем больше слой Лазарей рабочего класса и индустриальная армия, тем больше официальный пауперизм. *Таков абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления.* Подобно всем всеобщим законам он в своем осуществлении ограничивается различными условиями, анализ которых не относится сюда.

Нетрудно понять ту мудрость экономистов, которая проповедует рабочим, что они должны *приспосабливать свое число к потребностям увеличения своей ценности капиталом*. Механизм капиталистического производства и накопления постоянно приспособляет их к этому увеличению ценности. Первое слово этого приспособления есть создание относительного перенаселения или индустриальной резервной армии, последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый вес пауперизма.

Закон, который постоянно поддерживает в равновесии относительное перенаселение или индустриально-резервную армию с объемом и энергией накопления, приковывает рабочего

к капиталу крепче, чем клин Гефеста приковывал к скале Прометей. Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мучений труда, рабства, невежества, оскобления и принижения на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который свой собственный продукт производит, как капитал. Этот антагонистический характер капиталистического накопления высказан в различных формах политико-экономии, хотя они отчасти смешивали с ним, правда, аналогичные, но все же существенно отличные явления докапиталистических способов производства. Венецианский монах Ортес, один из крупных экономических писателей XVIII столетия, понимает антагонизм капиталистического производства, как всеобщий естественный закон общественного богатства. «Экономически добро и экономически злое», говорит он*, «постоянно у нации поддерживают взаимное равновесие, обилие благ для одних постоянно равняется недостатку их для других. Большое богатство у одних постоянно сопровождается абсолютным ограблением необходимого у многих других». Богатство нации соответствует ее населению, а нищета ее соответствует ее богатству. Трудолюбие в одних вынуждает праздность в других. Бедные и праздные суть необходимый плод богатых и деятельных и т. д. Совершенно грубо возвеличивал, около 10 лет спустя, бедность, как необходимое условие богатства, протестантский поп высокой церкви Тоунсенд. «Законное принуждение к труду связано с слишком большими трудностями, насильем и шумом, тогда как голод является не только мирным, молчаливым, непрерывным давлением, но как естественный стимул к промышленности и работе, вызывает могущественное усилие». Все сводится, таким образом, к тому, чтобы сделать голод среди рабочего класса постоянным, и об этом, по Тоунсенду, заботится принцип народонаселения, особенно деятельный среди бедных. «Повидимому, представляет закон природы, что бедные до известной степени легкомысленны (именно столь легкомысленны, что приходят без золотой ложки в мир), так что всегда их имеется довольно для исполнения наиболее служебных, грязных и пошлых функций общежития. От этого сильно возрастает фонд человеческого счастья, более деликатные освобождаются от хлопот и могут беспрепятственно следовать высшим призваниям... Закон о бедных имеет стремлением разрешить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которая сооружена богом и природою мира». — *«Прогресс общественного богатства»*, говорит Шторх**, «производит тот полезный класс общества... который исполняет скучнейшие, пошлейшие и противнейшие занятия, одним словом, все, что имеет жизнь неприятного и сер-

* «Della economia nazionale etc.», 1777, у Custodi «Parte Moderna», t. XXI, p. 6, 9, 22, 25 etc.

** Storch, op. cit., t. III, p. 233.

вильного, берет на свои плечи и именно тем доставляет другим классам время, веселость духа и условное (с'est bon!) достоинство характера». Шторх спрашивает себя, в чем же состоит преимущество этой характеристической цивилизации с ее нищетой и ее пониженным масс, сравнительно с варварством? Он не находит другого ответа, кроме *безопасности*. «Благодаря прогрессу промышленности и науки», говорит Сисмонди*, «каждый рабочий может ежедневно производить больше, чем он нуждается для своего потребления. Но в то же время, как его работа производит богатство, если бы он сам был призван потреблять его, оно сделало бы его мало способным к труду». «Бедные нации», говорит Дестю де Траси**, «суть те, где хорошо народу, а богатые нации те, где он обыкновенно беден».¹⁵³ Дальше идут у Маркса статистические подтверждения закона капиталистического накопления, взятые за период последних 15—20 лет (предшествующий 1867 г.)—одни из самых благоприятных для накопления. Некоторые цифры приведем и мы. Оказывается, во-первых, что в Англии и Уэльсе, начиная с 1811 г., абсолютный рост народонаселения постоянно замедлялся, а именно с 1811 по 1821 г. был $1 \frac{5}{10}$ %, а с 1851 по 1861 г.— $1 \frac{1}{10}$ % в год. Зато возрастание обложенной подоходным налогом прибыли возвысилось в Великобритании с 1853 по 1864 г. на 50,47% (или по 4,58% в год), тогда как население в тот же период времени возросло только на 12%. Увеличение обложенных подоходною податью рент с земель (находящихся под домами, железными дорогами, рудниками, рыбными ловлями и пр.) составило с 1853 по 1864 г. 38% или по $3 \frac{5}{12}$ % в год. Если взять четырехлетия, то рост прибыли будет в год следующий: 1853—1857 гг.—1,73%, 1857—1861 гг.—2,74%, 1861—1864 гг.—9,30%. Общая сумма обложенного налогом дохода была в 1856 г. 307 миллионов ф., а в 1865 уже $385 \frac{1}{2}$ миллионов. Далее. По статистике 10 графств оказалось, что здесь с 1851 по 1861 г. аренды ниже 100 акров уменьшились от 31 583 до 26 567, т. е. 5 016 аренд последнего размера соединились с более значительными, что указывает на громадное сосредоточение капиталов. С 1815 по 1825 г. никакое движимое имущество свыше 1 миллиона не подпадало налогу на наследство, тогда как с 1825 по 1855 г. их было 8, а с 1856 по 1859, т. е. в течение только 4 лет,—4, что служит признаком не менее громадного накопления. Наконец, из данных о доходах, облагаемых налогом, под видом прибыли, за 1864—1865 гг., видно, что число владельцев этих доходов уменьшается как относительно всей суммы последних, так, особенно, по отношению к наиболее крупным доходам.

Но наиболее блестящею, по нашему мнению, иллюстрацією капиталистического накопления являются у Маркса данные,

* Sismondi, op. cit., t. I, p. 85.

** Destutt de Tracy, op. cit., p. 231.

относящиеся к положению дел в Ирландии в течение последних десятилетий. Вследствие обезлюдения (население Ирландии было в 1841 г. 8 222 664 человека, а в 1866 г.—5 500 000 человек), много земли здесь брошено и не подвергается обработке, количество земледельческого продукта сильно уменьшилось, и даже в скотоводстве, несмотря на увеличение пространства лугов и пастбищ, оказывается в некоторых отраслях положительное уменьшение. Так, в промежуток времени с 1861 по 1865 г. количество земли под зерновым хлебом уменьшилось на 428 041 акр, под овощами на 107 984 акра, а общее количество земли, служащей для земледелия и для пастбищ,—на 330 810 акров. Так точно, в течение одного только 1864/65 г., количество пшеницы уменьшилось на 48 999 кварталов, овса—на 166 605, картофеля—на 446 398 тонн, репы—на 165 976 тонн и т. п. В то же время, хотя пространство под лугами с 1861 по 1865 г. и увеличилось на 82 834 акра, но число людей уменьшилось на 72 358 человек, а рогатого скота на 116 626 голов. Однако, несмотря на все это, поземельная рента и доход арендаторов, по мере уменьшения населения, постоянно возрастали. Поземельная рента составляла в 1861 г. 12 893 829, а в 1865 г. уже 13 801 616 ф., а доход арендаторов в 1861 г. 2 765 387, а в 1865 г.—2 946 072 ф. Причина этого явления понятна. С одной стороны, соединение мелких ферм в крупные и обращение пашней в пастбища превратило большую долю валового продукта в прибавочный продукт*. Абсолютное количество прибавочного продукта возросло, хотя валовой доход, часть которого он составляет, абсолютно уменьшился. Каковы же были последствия для оставшегося на месте рабочего населения Ирландии, освобожденного от избыточного населения? *Относительный избыток* населения остался таким же, каким был до 1846 г.; рабочая плата так же низка (в лучшем случае она не превышает 7 шилл. в неделю, тогда как английский поденник-земледелец получает 10—11 шилл.), а труд рабочего усилился. Образование относительного избытка населения шло быстрее абсолютного уменьшения цифры населения, имевшего причинами эмиграцию и голод. Между тем как множество прежде возделываемых полей оставались необработанными или превращались в постоянные луга, большая часть необработанной земли или болот употреблялась в то же время для развития скотоводства.

Многие другие важные подтверждения закона населения, равно как и массу сведений о положении рабочих, оплачиваемых хуже и лучше, о положении земледельческих рабочих и о постепенном ухудшении этого положения, под влиянием развития капитализма, в течение последних 30—40 лет, читатель найдет на стр. 559—612 русского перевода «Капитала».

* Именно такой случай имел в виду Рикардо, рассуждая о вредном действии машин на интересы рабочего класса. См. конец предыдущей главы.—*Авт.*

Ввиду сложности содержания настоящей главы, подведем краткие итоги важнейшим положениям Маркса, о которых идет в ней речь. Вот они:

1) Ежегодное восстановление всех составных частей постоянного и переменного капитала, вместе с такою прибавочною ценностью, которой хватает только на личное потребление капиталиста, есть простое воспроизведение капитала.

2) Если, в дополнение к простому воспроизведению, в капитал превращается, сверх того, часть ежегодной прибавочной ценности, то мы имеем дело с прогрессивным воспроизведением или с накоплением капитала.

3) Не только капитал в целом составе, но также и фонды потребления рабочего и капитала представляют величины не постоянные, а весьма эластические.

4) В известных пределах накопление капитала не находится в зависимости от объема последнего, а следовательно, и от пропорции, в какой подразделяется прибавочная ценность на дополнительный капитал и на фонд потребления самого капиталиста; накопление может возрастать от одного только увеличения количества работы, производительной ее силы и даровой силы прежних орудий труда.

5) Временное возвышение задельной платы в стране имеет причиною не уменьшение роста населения, а ускоренное накопление капитала в связи с открытием новых рынков и т. д., точно так же как понижение задельной платы представляет следствие не увеличения роста населения, а, напротив того, замедления в накоплении. Таким образом, нельзя говорить об *абсолютном перенаселении* или *недонаселении*, а только о *мене или о более быстром накоплении капитала*.

6) Благодаря увеличению производительной силы труда и сосредоточению капиталов путем побед крупных капиталистов над множеством мелких и путем кредита, доля переменного капитала, по мере накопления, возрастает в гораздо меньшей пропорции, нежели доля капитала постоянного, и в то же время количество и объем орудий производства увеличиваются еще быстрее, чем ценность постоянного капитала: в силу той и другой причины, спрос на рабочих, по мере прогресса накопления, замедляется все более и более.

7) Относительное уменьшение переменной части капитала служит источником *относительного избыточного населения* или *перенаселения*, между тем как обыкновенно полагают, что, наоборот, оно само составляет результат последнего.

8) Благодаря способности к внезапному расширению, накопление капитала часто нуждается в свободных рабочих силах, ненужных накануне, а потому образование избыточного населения есть не случайное, а необходимое его последствие.

9) Течение новейшей промышленности представляется в виде цикла, которому соответствует смена периодов средней

живости накопления, производства под высоким давлением, кризиса и застоя, имеющего в основании образование, большее или меньшее поглощение и новое образование индустриального резерва или избыточного населения.

10) Общераспространенная теория закона народонаселения (Мальтуса) представляет не что иное, как ошибочное обобщение тех законов, на основании которых рабочее население распределяется между *отдельными* областями производства.

ГЛАВА XIII

РАЗБОР ТЕОРИИ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА И ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕОРИИ МАЛЬТУСА

Теория народонаселения или, что одно и то же, теория накопления капитала, которая только что нами изложена, — по силе и ясности анализа, по глубине и оригинальности мысли, представляет положительно наиболее замечательную и вместе самую блестящую часть изучаемого нами сочинения, за исключением разве одной только главы о происхождении добавочной ценности, послужившей основой, между прочим, и самому учению о народонаселении. Теория автора «Капитала», употребляя немецкую поговорку, ставит на-голову закон народонаселения, обыкновенно приписываемый Мальтусу; она выворачивает последний наизнанку, она самым логическим и неизбежным образом способна убедить каждого, что положения Мальтуса и его последователей должны быть понимаемы не в прямом, а в обратном значении и притом в значении гораздо более узком, чем обыкновенно думают. Считаю необходимым подчеркнуть это противоречие с особенною тщательностью, чтобы напомнить тем читателю, что в блаженную эпоху юности политической экономии появление столь оригинальной, столь резко выделяющейся доктрины непременно возбудило бы внимание ученых и публики и уж по меньшей мере повлекло бы за собою живую литературную полемику. Ведь вели же за собою продолжительные научные пререкания Сисмонди и Сэй, Рикардо и Мальтус и часто по поводу вопросов гораздо меньшей важности — с единственной целью уяснения истины. Но *tempora mutantur*, — эпоха юношеской впечатлительности и отзывчивости на новые явления жизни и литературы прошла для экономистов безвозвратно, и марксова теория народонаселения, за одним маленьким исключением, о котором мы скажем ниже, не удостоилась до сей поры не только обстоятельной критики, но даже и поверхностной рецензии.

Кому из наших читателей, не говоря уже о политико-экономистах, не приходилось иметь дело с вопросом о нарастании сложных процентов или процентов на проценты? Еще более, кто сомневался в том, что нарастание процентов на проценты не есть явление случайное и редкое, а, напротив, столь распространенное и даже обыденное, что стоит только оставлять у должника проценты или передавать их в виде капитала в другие руки, чтобы проценты непременно сами стали приносить доход? Но, несмотря на всю вульгарность и банальность этой истины, она обыкновенно понимается не в том широком социальном смысле, какой она действительно имеет, а в ограниченном значении феномена, не выходящего из сферы частного хозяйства. А, между тем, явление нарастания процентов на проценты тоже-также с общественным процессом накопления капитала, который представляет условие самой капиталистической продукции со всею совокупностью ее последствий.

Таким же образом, кому в настоящее время неизвестно, что капиталистическое употребление машин упраздняет известное число рабочих, т. е. оставляет их и без работы, и без средств существования? Но чтобы убедиться, что процесс накопления капитала и процесс упразднения рабочих посредством машин или, вообще, посредством постоянного капитала, суть не более, как две различные стороны одной и той же медали,—на это уже требовалось гораздо большее упорство мысли, чем то, какое встречается обыкновенно.

Но и это еще не все. Господствует всеобщая уверенность,—и самый даже предыдущий анализ, изложенный в одной из глав нашего нынешнего сочинения, повидимому, стремился к поддержанию и к укреплению ее,—что обмен рабочей силы на капитал хотя и отличается известною характеристической окраской, но в то же время во всех существенных чертах является подобием обмена одних товаров на другие такие же товары. А, между тем, на основании приведенных выше изысканий Маркса, мы вправе сделать теперь вывод, что купля-продажа рабочей силы представляется явлением вполне отличным от всякой другой меновой сделки, и что в последнем счете она является обменом только с виду. Действительно, возьмем в пример капиталиста, который расходует известный капитал на приобретение рабочей силы с таким ограничением, чтобы предел работы совпадал с пределом возмещения капитала. По истечении срока договора, владелец получает затраченную им вперед сумму, эквивалент которой послужил для удовлетворения необходимых потребностей рабочих, для воспроизведения их рабочей силы. Нетрудно видеть, что в данном случае нет налицо существенных условий, способствующих обмен товара на другой товар. Последний вид обмена требует, чтобы каждый контрагент посредством менового акта приобретал такие вещи, каких до этого он не имел. Но при упомянутом обмене капитала на рабочую силу, владелец капи-

тала приобретает снова то же, чем он владел до сделки, т. е. одну и ту же сумму денег. И в этом странном свойстве подобного обмена не производит ни малейших изменений то обстоятельство, является ли он отдельным, единичным актом, или, напротив, повторяется большее число раз. Хотя бы наш капиталист затрачивал свой капитал при упомянутом ограничении на протяжении целых сотен лет, он все же, в конце концов, остался бы при той же самой сумме капитала, которую имел вначале. Итак, какой же тут обмен, когда одна и та же сумма может отдаваться за целые столетия работы? Ясно, что даже в этом наиболее элементарном виде, если бы он только был возможен, обмен рабочей силы на капитал имел бы лишь формальное значение. Но предположим, что предел работы превышает границу одного лишь возмещения капитала и что прирост продукта, как это и действительно бывает, при повторении сделки, сам употребляется подобно первоначальной сумме капитала и сам дает прирост. Мы уже знаем, что только при таком условии и практикуется наем рабочих, и что в противном случае он не имел бы смысла. Но если наша сделка и приобретает от этого известный *raison d'être* по отношению к капиталисту, то она еще менее, чем прежде, похожа на обмен товаров. Пусть судит сам читатель. В первом примере сумма денег, принадлежащая капиталисту *a*, обменивалась на работу *b, c, d* и пр. и возвращалась снова к своему исходному пункту без изменения в своей величине. При этом *b, c, d*, по меньшей мере, хоть воспроизводят то, что было им дано от *a*. Но во втором примере — воспроизводится уже не только эта сумма, а тот прирост ее, который получился от приложения труда *b, c, d* сверх возмещения ее самой, и, кроме этого, воспроизводится с излишком, который снова поступает в производство. Говоря иначе, продукт вчерашнего труда известных лиц здесь поступает в вознаграждение за сегодняшний их труд. Тут, очевидно, исчезает даже последний след обмена, и нет необходимости доказывать, что накопление капитала в такой форме могло бы, *mutatis mutandis*, иметь место в любой общественной организации, помимо всякой продажи рабочей силы одним классом общества другому. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы особенности рабочей силы, как товара, совсем не обращали на себя внимания экономистов. Так, например, Брентано, Торнтон и отчасти Кэрис считают «труд» товаром специфическим, который обменивается при самостоятельных условиях. Но их анализ вращается на внешности и мелочах и не вникает в сущность дела; в глазах же остальных писателей и публики так называемый «рабочий рынок» есть совершенно то же, что «рынок денежный» или «товарный». Но если было затруднительно составить себе правильное понятие о характеристических чертах рабочей силы по отношению к обмену, то еще менее могло прийти в соображение то обстоятельство, что, именно благодаря своим особым свойствам, обмен на капитал рабочей

силы находится в теснейшем внутреннем средстве с явлением нарастания процентов и упразднением рабочих посредством машин и другого постоянного капитала.

Вот это-то сопоставление и приведение во взаимную зависимость указанных явлений, а также новый и оригинальный взгляд на их значение в производительном процессе и представляются основой тех исследований Маркса, которые определяют условия и результат проявления закона народонаселения при существовании капиталистической продукции. Помимо всех других ее достоинств, совместное изображение и обсуждение многих сосуществующих экономических явлений, бесспорно, придает теории народонаселения Маркса значение одного из лучших применений сложной физической методы к запутанным экономическим вопросам.

Мы видели, что автор «Капитала» не допускает в применении к людям господства абсолютного закона населения, который, по его словам, есть принадлежность одних только растений и животных; он утверждает, что каждый социальный способ производства имеет свой особый относительный закон народонаселения. Чтобы иметь возможность оценить всю важность этой точки зрения, а также и того практического приложения к делу, какое представляет теория народонаселения Маркса, необходимо исследовать поближе, в чем заключается различие в этом отношении между учением Маркса и законом народонаселения Мальтуса.

По мнению Мальтуса, размножение народонаселения, при отсутствии препятствий, идет в геометрической прогрессии, тогда как средства к жизни, при самых благоприятных для труда условиях не могут возрастать быстрее, чем в прогрессии арифметической. Говоря вообще, закон этот гласит: 1) что народонаселение неизбежно ограничивается средствами существования, 2) что оно неизбежно размножается повсюду, где только возрастают средства существования, и что 3) препятствия, останавливающие силу размножения и приводящие народонаселение к уровню средств существования, бывают или предупредительные, или разрушительные и сводятся к трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью. «Понятно», прибавляет Мальтус*, «что главное препятствие для размножения населения состоит в недостатке пищи, к которому приводятся все прочие косвенные препятствия, т. е. всякого рода злоупотребления и страдания, какие могут быть вызваны недостаточными средствами существования». В этих немногих положениях содержится вся сущность учения о народонаселении Мальтуса, и все, что говорится им потом на протяжении двух обширных томов,

* См. «Опыт о законе народонаселения», т. I.

способствует, как мы увидим, скорее затемнению, чем разъяснению тех вовсе немудреных мыслей, которые только что изложены.

Теория Мальтуса служила, как известно, предметом бесконечно длинных прений и подвергалась весьма разнообразным толкованиям. Но, сколько нам известно, никто не изъявлял сомнения, что следующие две мысли автора имеют значение вполне определенное: *во-первых*, что народонаселение повсюду и всегда находится на уровне средств существования, а *во-вторых*, что как только размножение превысит этот уровень,— народонаселение немедленно низводится к нему влиянием косвенных препятствий, происходящих от недостатка средств существования. Не подлежит сомнению, что недостатку средств существования отводится здесь роль преграды, которая, при всех условиях и обстоятельствах, *фактически* приостанавливает размножение, тогда как предупредительные и разрушительные препятствия рассматриваются в качестве явлений, которые составляют *следствие* прямого недостатка в пище. Так рассуждает *Мальтус* во вступительной главе своего «Опыта о народонаселении», в которой он пытается придать теоретическую формулировку своим практическим и историческим исследованиям. Присмотримся же теперь поближе, насколько он выдерживает эту точку зрения, когда обращается к действительности, какие доказательства приводит он для подтверждения ее, и может ли она быть вообще доказана.

Мы слышали от *Мальтуса*, что народонаселение *неизбежно* ограничивается средствами существования и, следовательно, мы вправе думать, что ограничение это имеет в глазах автора значение универсальное и абсолютное. Но, к сожалению, мы сейчас покажем, что сам *Мальтус*, как это ни странно, далеко не всегда придерживается этого мнения. Он, правда, неоднократно повторяет ту же мысль и почти теми же словами. Так, например, он говорит (т. I, стр. 141), что «каждый остров, подобно всей остальной земле, содержит ровно столько населения, сколько в состоянии прокормить его *действительные* произведения». Но в других местах своего сочинения он явным образом противоречит в этом отношении сам себе. Заметив предварительно (стр. 113), что «существуют немногие случаи, как, например, негры в Вестиндии и еще один или два подобных примера, когда население *не достигает* уровня средств существования», он, тем не менее, цитирует впоследствии немалое число подобных странных случаев. Так, про Сибирь он говорит (стр. 241): «Несмотря на эту кажущуюся легкость добыть изобильное пропитание (благодаря обильным урожаям и т. п.), многие из этих богатых областей заселены слабо, и, быть может, ни в одной из них население не соответствует плодородной почве». Но почему же это происходит?—спросим мы. «Еще недостаточно», отвечает нам на это *Мальтус*, «чтобы страна легко производила

большое количество продовольствия; необходимо еще такое общественное устройство, чтобы продовольствие это правильно распределялось». Итак, мы видим, что, в данном случае, причиной задержки народонаселения является не недостаток средств существования. Но еще два-три примера. «Если бы собственность в этой стране (Египет)», читаем мы у *Мальтуса* (стр. 207), «получила лучшее обеспечение, если бы труд принял более правильное направление, то этого плодородия было бы достаточно для постепенного улучшения и распространения земледелия и для возвращения стране прежнего благосостояния. Об Египте мы имеем полное право сказать, что не недостаточное народонаселение останавливает в нем труд, а, напротив того, недостаточный труд останавливает население» (т. е., говоря по-просту, население не может в нем достигнуть уровня средств существования). От каких же причин это зависит? От варварства местного правительства, говорит *Мальтус*, от произвольного установления налогов, от существующей дурной обработки земли и пр. Вот, следовательно, еще случай, когда народонаселение не может достигнуть уровня средств существования в том точном смысле выражения, который приписывается ему самим же автором. Далее. «Примем за факт, не подлежащий сомнению, что на благодатнейших островах (Сандвичевых) этого океана редко ощущается нужда» (стр. 154). Еще один пример. «Если мы перенесемся», пишет *Мальтус* (стр. 144), «с безлюдных берегов Новой Зеландии на населенный Отаити и на другие Острова товарищества, то увидим другую картину. Здесь невозможны никакие опасения голода. Путешественники, говоря об этих странах, называют их земным раем и не нахвалятся их плодородием». Опять такой же случай. Наконец, выше говорилось, что размножение народонаселения, помимо производства достаточного количества средств существования, нуждается еще в порядочном общественном устройстве. Таким устройством *Мальтус* неоднократно признает новейшую экономическую организацию капитализма. Казалось бы, поэтому, что, в глазах *Мальтуса*, те страны, в которых господствует подобная организация, должны являться чистейшим воплощением начала, на основании которого народонаселение встречает неизбежное ограничение в количестве действительного продовольствия. Но, вместо этого, подобное устройство неожиданно являет нам еще один значительный пример недостижения народонаселением уровня средств существования. «Это действительное размножение», говорит нам *Мальтус* (т. II, стр. 402—3), «если настоящие границы должны постоянно находиться несравненно ниже наивысшего предела производительных сил земли относительно продовольствия: потому, во-первых, что мы не имеем права предположить, чтобы искусства и трудолюбие общества, при настоящем состоянии общества, могли получить возможно лучшее применение, а во-вторых, потому, что и наибольшее

производство питательных веществ, какое может быть доставлено почвой, *нельзя получить* при системе *частной собственности*».

Таким образом, *первое* из вышеупомянутых двух положений *Мальтуса*, не допускающих различия в толкованиях, а именно, что народонаселение повсюду и всегда поддерживается на уровне средств существования, находится в прямом противоречии с его же собственными дальнейшими примерами и пояснениями. Из этих пояснений и примеров, напротив того, следует, что количество действительного продовольствия, какое может дать природа человеку, оказывается во многих случаях гораздо значительнее той потребности, какую в состоянии заявить наличное народонаселение. Но, быть может, нам заметят, что, несмотря на относительную свою многочисленность, приведенные нами примеры все же являются не более как исключением в громадном арсенале фактов, цитируемых в свою пользу *Мальтусом*? На это мы ответим, что и другие фактические данные, повидимому, служащие для подтверждения закона народонаселения автора, при ближайшем рассмотрении дела, доказывают совсем не то, что хочется последнему. Сейчас мы предоставим судить об этом самому читателю.

Само собою разумеется, что если число случаев, когда народонаселение не достигает уровня средств существования, действительно оказывается столь ограниченным, как полагает *Мальтус*, то *все* другие приводимые им факты должны уже непременно являться подтверждением его теории, на основании которой чрезмерное размножение народонаселения насильственно приводится к уровню средств существования. Но как это ни странно, однако, мы должны сознаться, что, находя у *Мальтуса* безмерно длинный список несчастий и пороков, влекущих за собою насильственное уменьшение населения, мы, в то же время, не можем указать в его труде *ни одного* примера, в котором действие этих причин восстанавливало бы нарушенное (?) равновесие между числом желудков и количеством *действительного* пропитания, в котором, следовательно, так или иначе, народонаселение находилось бы на уровне средств существования. Необходимо войти в ближайшее разъяснение этого поистине необычайного и, сколько нам известно, до сих пор никем еще не подмеченного явления*.

Читатель, без сомнения, помнит, что—на основании *второго* из положений *Мальтуса*—как только размножение народонаселения усилится чрезмерно, сравнительно со средствами существования,—немедленно являются на выручку предупредительные и разрушительные препятствия, *зависящие* от недостатка в про-

* В настоящее время ту же мысль и почти теми же словами высказывает американский писатель Джордж в своей книге «Poverty, and Progress», Lond. 1882.

довольствия и *низводилце* народонаселение к покинутому уровню. Еще раз повторим, что, при установлении своих теоретических понятий, *Мальтус*, повидимому, столь категорически высказывается в пользу существования причинной связи, во-первых, между недостатком продовольствия и «всякого рода косвенными препятствиями, т. е. несчастиями и злоупотреблениями», а во-вторых, между этими последними и возвращением народонаселения к уровню средств существования, что вряд ли могут возникать на этот счет серьезные сомнения. Правда, наш автор самый недостаток средств существования называет *главным* препятствием для размножения населения и этим как будто бы дает понять, что недостаток продовольствия есть не источник всех других препятствий, а лишь одно препятствие из многих, имеющее совершенно самостоятельное от них значение. Понятно также, что если это только справедливо, то и значение косвенных препятствий теряет прежний свой характер, и приведение народонаселения к уровню средств существования перестает исчерпывать собой их действие на размножение. Мы будем иметь случай видеть ниже, что эта эластичность выражения «препятствие» приносит *Мальтусу* немаловажную услугу. Другое недоразумение могло бы представлять еще то обстоятельство, что раз нам говорят, будто к недостатку средств существования приводятся *все* косвенные препятствия, а вслед затем нас уверяют, что «к тем же косвенным препятствиям относятся и все физические и нравственные страдания, *независимые от средств существования*, но тоже причиняющие смерть». Из этих слов мы, несомненно, имеем право сделать заключение, что размножение народонаселения, по мнению автора, встречает себе преграду и в таких явлениях, которые не находятся в зависимости от уровня средств существования, а, следовательно, во-первых, недостаток пищи не представляет такого препятствия размножения, к которому приводятся *все* прочие препятствия, и, во-вторых, «закон народонаселения» теряет под собой еще частичку почвы. Но чтобы нас не обвиняли, что мы придираемся к словам, мы предпочтем совсем оставить в стороне те недоразумения, которые, повидимому, возникают по поводу *теоретического* воззрения *Мальтуса* на роль и на взаимное отношение препятствий к размножению. Мы станем думать, что наименование недостатка пищи препятствием *главным*, т. е., одним из многих, а не таким, которого все прочие препятствия суть просто следствия,—есть не больше как описка. Мы примем далее, что, по мнению *Мальтуса*, хотя и существуют препятствия к размножению, не состоящие в зависимости от средств существования, но что таких препятствий, которые находятся в связи с последними, гораздо больше, и действие их бесконечно шире. Надеемся, что подобное толкование выражений есть наиболее льготное для *Мальтуса*, какое только согласится допустить и сам читатель, принявши во внимание указанные

только что противоречия. Зато уж постараемся запомнить твердо, что это большинство препятствий приводится в последнем счете к недостатку средств существования и имеет назначением восстановить нарушенное равновесие между народонаселением и пищей. Сам *Мальтус* лишний раз поддерживает нас в этом мнении, говоря в конце первого тома (стр. 458): «Нетрудно убедиться, что вышеизложенные препятствия (всякого рода) суть непосредственные условия, *замедляющие* размножение населения, и что препятствия эти *вытекают* главным образом из недостатка средств существования». Посмотрим же теперь, как понимает *Мальтус* соотношение и значение препятствий, когда ему приходится прикладывать свою теорию к действительности. Нетрудно будет видеть, что *посеместность* и *всеобщность* распространения среди людей несчастий и пороков со служила при этом *Мальтусу* гораздо более значительную службу, чем самое *главное* препятствие, т. е. чем недостаток пищи.

О населении североамериканских дикарей у *Мальтуса* читаем (стр. 140): «Итак, мы имеем право сделать заключение даже из той неполной картины, которая представлена нами, что *несмотря* на столько разрушительных условий, действующих на этом обширном материке, население занимающих его народов находится на уровне тех средств существования, которые, при настоящем состоянии промышленности, могут быть добыты этими народами». Цитата эта представляет для нас двойкий интерес. Во-первых, читатель видит, что, говоря об уровне средств существования, автор уже ни слова не упоминает о *действительных* средствах пропитания, и ведет речь лишь о таких, которые могут быть получены на известной ступени экономического развития и при известной обстановке. Во-вторых, что еще важнее, автор употребляет здесь выражение: *несмотря на столько разрушительных условий* и пр., и тем ясно показывает, что косвенные препятствия к размножению народонаселения являются в данном случае не следствием недостатка средств существования, а просто сами по себе. Но если это справедливо, то куда же делся закон народонаселения, который, как нас уверяли, предписывает безусловно, чтобы препятствия к размножению все или, по крайней мере, большею частью сводились к недостатку действительного продовольствия? Но обратимся снова к тексту «Опыта о народонаселении». «Как бы могущественны ни были эти препятствия (войны, людоедство, изуродование женщин и пр.)», сообщает нам автор о населении островов Южного моря (стр. 143), «...но частые появления голода доказывают, что они все же *недостаточны* для приведения числа жителей к уровню, допускаемому средствами существования». Тут мы опять встречаемся с тем фактом, что различные косвенные препятствия, которые, по словам автора, вытекают главным образом из недостатка действительных средств существования, проявляют, однакоже, свою деятельность совершенно незави-

симо от этого предполагаемого недостатка, т. е. или одновременно и параллельно с ним, или даже без участия его. Помимо этого, нетрудно видеть, что достижение в данном случае народонаселением действительных средств существования есть одно только предположение *Мальтуса*, тогда как именно это-то предположение и предстояло доказать. На самом деле, даже голод и недостаток действительного пропитания далеко не одно и то же. Так, по рассказам Тренча («*Очерки ирландской жизни*»), во время голода 1846 г. многие ирландцы умирали от недостатка пищи, и, в то же время, в соседних деревнях оказывались громадные запасы пожертвованного в пользу голодающих хлеба. «Еще в 1834 г.», говорит Гоффман*, «Ирландия высылала громадное количество грузов пшеницы и овса в Англию в то самое время, когда ее собственное население испытывало горчайшую нужду, потому что на картофель был почти неурожай: и в то же время, когда Лондон потреблял ирландскую пшеницу, жители его собирали подписку, чтобы предупредить ужасы голода в Ирландии». Примеры эти наглядно убеждают, что самый даже голод не может считаться способом для приведения народонаселения к какому-то фиктивному уровню действительных средств существования. Сам автор доказывает это другим примером, относящимся к условиям размножения татар, которых, по его словам, в течение зимы от недостатка пищи вымирает столько, что «остающиеся не в силах потратить то обильное количество произведений, которое доставляется летом» (стр. 189). Спрашивается, какой же это уровень существования, когда сегодня пищи не хватает, а завтра ее оказывается гораздо более чем нужно?

Итак, мы снова видим, что понятие *Мальтуса* о том соотношении, в каком находятся между собою различные препятствия, — а род подобного соотношения решает, так или иначе, и «вопрос народонаселения» в том смысле, в каком ставит его автор, — по меньшей мере неопределенно и двусмысленно. Еще менее подкрепляют это мнение некоторые дальнейшие примеры. По отношению к Отаити и прочим Островам товарищества, которых плодородие *Мальтус* выше выхвалял, он замечает, что и здесь существуют различные препятствия для размножения, как то, общество Эарей, занимающееся детоубийством и развратом и пр. «Уже одних таких нравов», продолжает он (стр. 148), «достаточно для уничтожения влияния благодатного климата». Тут, очевидно, препятствиям придается уже значение иного рода, чем в предыдущих примерах. В последних препятствия не вытекали из недостатка средств существования, как подобало им на основании теории, но, по меньшей мере, они хоть действовали параллельно с этим недостатком. Но в данном случае препятст-

* Hoffmann «Ueber die Besorgnisse, welche die Zunahme der Bevölkerung erregt». *Abhandlungen der Königl. Akademie d. Wissenschaften zu Berlin*, 1837, S. 128.

вия не только не зависят от недостатка средств существования, но действуют наперекор обилию в них. Ведь здесь не только не существует недостатка в средствах, напротив, благодатный климат и почва щедрю рукою снабжают человека пищей, и вдруг зачем-то являются препятствия к размножению, под видом проституции, войны и пр., которых назначение *низводить* общество к уровню средств существования, когда оно уж чересчур зарвалось в своем стремлении к размножению. Ясно, что дело запутывается все более и более, так что, в конце концов, совсем рискуешь не понять, что разумеет *Мальтус* под иерархией препятствий и под недостатком продовольствия. Не помогает разъяснению дела и то соображение автора (стр. 149), что «здесь, «с какою бы энергиею ни действовали причины, предупреждающие и разрушающие население, все же они *всегда были бессильны* для приведения числа жителей к уровню, допускаемому средствами существования», так что в пособие к ним является еще *подчас* и голод, который, по мнению Андерсона, «неизвестно чем вызывается — войною, неурожаем или чрезмерным населением» (это в земном-то раю!). Напротив, мы опять находимся в недоумении, каким же это образом вся совокупность ковенных препятствий, возникших в данном случае без всякой надобности в них, не может, в то же время, довести народонаселение до уровня действительных средств пропитания, пока не придет голод? К тому же, интересно знать, откуда можно видеть и чем может быть доказано, что все упомянутые бедствия, даже и в сопровождении голода, действительно достигли этой цели? Найдите способ для выхода из лабиринта подобных выводов и утверждений. Но и это еще не все. По поводу все тех же островитян Отаити, *Мальтус* внезапно заявляет следующее: «Так как на острове существует резкое различие между сословиями, а жизнь и собственность низших классов находится в распоряжении высших, то нетрудно понять, что, между тем, как последние находятся в изобилии, первые испытывают нужду». Да, это действительно понять нетрудно, но трудно понять то, в каком, очевидно, не входящем в программу, отношении находится это новое препятствие к уровню *действительных* средств существования, а в этом-то и заключается вся сила. В конце концов, говорит *Мальтус* (стр. 151), наступило на острове уменьшение населения, в котором он не сомневается, и даже думает, что «в настоящее время население Отаити находится ниже средств существования». Вот это так совсем уж странно! Сначала препятствия, происходящие от недостатка продовольствия среди благодатного климата и богатейшей почвы, приводят народонаселение к уровню средств существования, а потом вдруг оказывается, что уровень-то выше населения. Тут, значит, недостаток так поусердствовал, что превратился в изобилие. Нечего сказать, приятный закон народонаселения! Но «червь избыточного размножения» не дает *Мальтусу*

покою, и поэтому он уверяет, что «население Отаити опять современем размножится», по той простой причине, «что несправедливо было бы предположить, что оно останется в подобном положении долгое время» (стр. 151—2). Действительно, аргумент страшно сильный, но, к сожалению, оказавшийся неверным, так как на самом деле население Отаити уменьшилось в одно столетие почти в 30 раз, — от 200 000 до 7 000. Впрочем, сам *Мальтус* не вполне уверен, что население последует его совету, так как не знает, какое действие произведут на население этого острова сношения с европейцами. «Если в результате окажется», говорит он, «что сношения эти удержат население в теперешних границах, то я несколько не сомневаюсь, что, исследовав образ их действия на предупреждение размножения, мы найдем, что это достигается усилением порока и нищеты». Вот уж эти порок и нищета: куда хочешь их пошли, они везде и всегда свое дело сделают, — если народонаселения слишком много, они так уменьшат его, что пищи станет даже больше, чем населения, а если население слишком мало, то они удержат его в одних границах, хотя имеют причину не изобилие, а недостаток продовольствия! Поистине, универсальное лекарство!

Как эти выписки ни длинны и ни скучны, но, чтобы нас не обвиняли, что мы попрежнему берем в соображение одни лишь исключительные факты, мы приведем еще два-три пассажи. Выше нам *Мальтус* сообщал, что на Сандвичевых островах нужда ощущается крайне редко (стр. 154). Но «так как мы не можем предположить», пишет он далее, «чтобы самообуздание господствовало между дикарями, то мы должны признать, что одних пороков вместе с войнами достаточно для воздержания размножения на них народонаселения». Мы видим, что препятствиям опять приписывается какое-то необычайное значение: они являются на сцену без малейшей нужды, так как, согласно заверению самого автора, никакого недостатка в средствах существования на островах не ощущается, а от добра — добра не ищут. Помимо этого, какой прекрасный способ разъяснения дела, начать с *предположения*, что в данном случае народонаселение чем-нибудь воздержано, потом *предположить*, что эту роль исполнили пороки с войнами — и подтверждение закона народонаселения готово! Говоря, далее, о тревожной боевой жизни аравийских и сирийских бедуинов, *Мальтус* бросает следующее оригинальное замечание: «Потери людей, причиняемой такими нравами, быть может, уже достаточно для удержания народонаселения в определенных границах, но эти нравы, вероятно, ограничивают его еще действительнее, задерживая развитие промышленности, в особенности той, которая имеет целью увеличить количество продовольствия». Итак, промышленность могла бы дать достаточное пропитание, но вместо того, чтобы обратиться к промышленным занятиям, народ берется за оружие. Это, конечно, справедливо, но это означает, что преградою

для размножения населения служит не только недостаток пищи и те препятствия, которые с ним связаны, но также и недостаток головы, а следовательно, является аргументом не в пользу, а против «закона народонаселения». Сам Мальтус, впрочем, придерживается, как видно, того же мнения (стр. 185): «О кочевых народах», говорит он, «можно сказать то же самое что и об охотничьих, что если бы одной нужды было достаточно, чтобы заставить их изменить свой образ жизни, то весьма немногие сохранили бы свои привычки». Прекрасно, но ведь народонаселение повсюду ограничивается действительными средствами существования? Такие же *другие* препятствия, не имеющие ничего общего с запасом продовольствия, который могла бы дать природа, а именно войны и т. п.; собирают, по словам Мальтуса, весьма обильную жатву среди киргизов (стр. 187—9), татар (стр. 192), абиссинцев (стр. 202) и других народов Африки (стр. 195—7). Помимо этого, мы узнаем, что «в странах с неподвижным населением или с весьма медленным его ростом, при предположении, что действуют все приведенные препятствия для его непосредственного размножения, обилие продовольствия не может значительно *увеличить* число жителей. Но именно уменьшением числа непосредственных препятствий изобилие и может *вызвать увеличение* населения» (стр. 217, примеч.). Отсюда следует, что там, где население не размножается, благодаря препятствиям, имеющим причиной недостаток в средствах существования, оно не размножается и от уничтожения такого недостатка; но оно, в то же время, и размножается, так как, при изобилии, необходимо прекращается влияние всех тех условий, которые зависели от недостатка. Говоря иначе, неподвижное население и размножается от прекращения недостатка в пище. Быть может, Мальтус хотел сказать не это, а то, что недостаток пищи поощряет, а изобилие устраняет развитие пороков и несчастий и действует на размножение не непосредственно, а именно посредством устранения препятствий. Но в таком случае *причине*, т. е. недостатку продовольствия, * приписывается гораздо менее значения, чем *следствиям*, т. е. несчастиям и порокам, и снова неизвестно, куда запропастился «закон народонаселения». Это, бесспорно, один из лучших образцов той эластичности и неопределенности выражений, которые так часто встречаются в сочинении Мальтуса и которые являются весьма естественным последствием неясности самой идеи, лежащей в основании его «закона народонаселения»*.

* Мы не имеем никакой претензии на *всестороннюю* оценку учения Мальтуса о народонаселении. Задача наша состоит лишь в том, чтобы показать несостоятельность предположения, что народонаселение достигает уровня *абсолютного запаса* средств существования. Если бы мы пожелали исчерпать все противоречия «*Опыта о законе народонаселения*», то нам пришлось бы написать на эту тему довольно обширную статью. Сделаем, *только для примера*, еще несколько выписок, взаимно уничтожающих одна другую. Так, на стр. 303 второго тома автор заявляет: «Я не

Резюмируем теперь все высказанное выше по поводу вопроса, как понимает *Мальтус* практическое приложение своей теории соотношения между различными препятствиями к размножению. Вначале, как мы видели, он утверждает, что большая часть препятствий к умножению народонаселения находится в прямой зависимости от недостатка средств существования, но массой примеров он, против своей воли, доказал, что большинство таких препятствий действуют часто не только независимо от недостатка в средствах, но и наперекор последнему, а именно, при существовании излишка в предметах потребления. Таким-то образом отсутствие средств пропитания ступевывается сначала до роли *главного* препятствия, а мало-помалу и совсем предоставляет место косвенным препятствиям; зависящим и *не зависящим* от средств существования, которые действительно встречаются в громаднейшем числе повсюду. Но если это справедливо, то спрашивается, что же случилось с «законом народонаселения», который требовал, чтобы размножение людей повсюду достигало уровня средств существования и чтобы предупредительные и разрушительные препятствия,

могу себе представить более гнусной мысли, как сознательное осуждение рабочих классов своей страны на лачуги и грязные лохмотья ирландцев, ради того, чтобы можно было *продать несколько больше хороших сукон и бумажных материй*. В конце концов, богатство и могущество народа зависят настолько, насколько они содействуют счастью людей, из которых состоит народ. А на следующей странице уже говорит: «Всякий знает, что люди, работающие главным образом на собственных землях, *лениво и неохотно соглашаются работать на стороне*... Хотя в Ирландии заработная плата весьма низка, но страна эта производит весьма мало товаров, которые *могли бы продаваться* на иностранных рынках *дешевле* товаров, изготовляемых на английских фабриках. Происходит это, главным образом, оттого, что народ в ней не получил привычки к тому трудолюбию и ловкости, которые могут возникнуть только там, где работники *правильно и постоянно заняты работой*». Спрашивается, нужно ли член оказывать поощрение продаже хороших сукон и бумажных материй, а вместе с тем и трудолюбию? Кстати о последнем. В одном месте трудолюбию воскуривается фирмам, в другом к нему относится, по меньшей мере, с отвращением. Так на стр. 229, т. II: «*Пока побуждения к труду сохранят свою силу*, пока достаточное количество труда будет прилагаться к земледелию, до тех пор нечего опасаться недостатка в народонаселении (?). Быть может, лучшее средство для распространения между бедными *стремления к трудолюбию* и бережливости состоит в полнейшем убеждении их, что счастье их зависит от них самих». Точно так же на стр. 9: «Если ленивые и нерадивые будут пользоваться таким же кредитом, таким же обеспечением, что касается до средств существования их семейств, как люди трудолюбивые и деятельные, то можно ли ожидать, чтобы *каждый человек*, ради улучшения своего положения, развил *ту и утомимую деятельность, которая составляет главную пружину общественного благосостояния*. Но если бы бедные и нерадивые приняли этот совет близко к сердцу и пожелали стать неутомимыми и трудолюбивыми, то вот что им ответил бы тогда тот самый *Мальтус* (стр. 324): «О трудолюбии можно сказать почти то же, что и о деньгах. Человек, обладающий им в *большей степени*, чем окружающие его люди, обеспечен в средствах для своего существования. Но если бы *все* окружающие его люди получили свойственную только ему степень *трудолюбия*, то это качество *потеряло бы способность предохранять его от нужды*». Не правда ли,

зависящие от недостатка средств существования, вступали в действие тогда, когда народонаселение размножилось чрезмерно? Ведь если последнее не оправдалось, то значит, из всей аргументации мы извлекли один лишь тот весьма нехитрый вывод, что смертность и рождаемость людей зависят от причин весьма различных, каковы пороки, нравственное обуздание, болезни, голод, нищета и пр. Но кто же сомневался в такой банальной истине и стоило ли писать на эту тему два обширных тома?

И в самом деле, в чем состояла ближайшая задача *Мальтуса*, насколько ее можно выделить из тьмы противоречий? Ему необходимо было доказать, что народонаселение повсюду и всегда или уже действительно находится на уровне средств пропитания, или стремится к достижению последнего путем предохранительных и разрушительных препятствий, которые находятся в зависимости от недостатка средств существования. *Решение такой задачи невозможно*, за исключением самых редких случаев, когда немногочисленное население занимает вполне изолированную и замкнутую территорию, и когда отношения его к источникам существования столь же просты, как просты отношения содержащихся в тюрьме к той пище, которую приносит им тюрем-

читатель, хорошо? Далее. На стр. 24, т. II, автор заявляет: «Не подлежит сомнению, что введение равенства в имуществах (автор имеет здесь в виду систему Годвина, которую противопоставляет системе частной собственности)... должно значительно *увеличить количество произведений*». Но на стр. 255 мы уже читаем: «Если бы великие истины по этому вопросу были более распространены, если бы низшие классы народа сознавали, что *собственность необходима для большого производства*... А на стр. 403: «...настоящие границы населения постоянно должны находиться несравненно ниже наивысшего предела производительных сил земли... потому что *наибольшее производство питательных веществ, которое может быть доставлено почвой, нельзя получить при системе частной собственности*». Которое же из этих мнений вернее прочих? Еще один пример. На стр. 11, т. I, *Мальтус* замечает: «Колдорсе делает намек на какое-то средство против зла, вызывающего его опасения. Средство это состоит, повидимому, в особенного рода сожительстве или в безусловно свободном сношении между полами, которое должно предупреждать чрезмерное плодородие женщин, или, быть может, в каком-нибудь ином средстве, имеющем ту же цель и столько же *противоречащем естественным требованиям нашей природы*». Но на стр. 229—30 того же тома он говорит: «Мне было бы крайне прискорбно, если бы я высказал что-либо, что могло бы быть истолковано прямо или косвенно в смысле неблагоприятном для добродетели (дело идет о том, что строгим вменением обязанностей, налагаемых нравственным обузданием, мы можем увеличить число проступков против *целомудрия*), но я не думаю, чтобы *проступки*, о которых идет речь, могли бы разбираться только в нравственном отношении, ни даже, чтобы они были *самыми важными проступками*. Правда, они постоянно, или, по крайней мере, в большем числе случаев, влекут за собою несчастье и потому должны строго сдерживаться; но существуют пороки, последствия которых еще более пагубны и вызывают положения еще более печальные». Мы полагаем, что всех этих примеров довольно за глаза, чтоб убедить кого угодно, что опровержение учения *Мальтуса* по существу было бы бесконечно легче, если бы можно было раз навсегда удостовериться, в чем состоят *действительные* мнения этого писателя. Но именно на этот вопрос и невозможно получить ответа, так как противоречия в его труде не исключение, а правило.—*Авт.*

щик. Да и в подобном даже случае предположение, что население вполне достигло уровня средств существования (например, население какой-нибудь общины в кантоне Валлисе или Тессине), должно быть принимаемо *cum grano salis*, так как, помимо даже всего прочего, нам совершенно неизвестны, да и не могут быть известны, пределы улучшений, которые могут быть приложены к почве самого низшего достоинства. Ведь обошлись же, например, голландцы и вовсе без пригодной к делу почвы, а сами создали ее посредством осушения и удобрений. Что же касается до совместных жизненных условий, то в отношении к ним *помянутый вопрос не может даже быть поставлен*, по той простой причине, что *он есть уравнение со всеми неизвестными*. А именно, нам неизвестно ни то количество предметов *продовольствия*, какое может быть получено с известного пространства, так как размер возможных улучшений пределов не имеет; ни то количество людей, которое должно быть признано в каждом отдельном случае чрезмерным; ни даже то пространство, к которому, как к единице, приводятся и население, и пища. По отношению к последнему, при самом даже легком делении в обществе труда, становится *немыслимым* судить, какое пропитание добывает население из той местности, в которой обитает; так, например, попробуйте решить, какой процент бельгийских производителей кружев должен считаться недостаточным или чрезмерным по отношению к одной квадратной миле бельгийской территории, когда известно, что они свой материал и, частью, даже пищу приобретают за пределами страны и свой продукт сбывают там же? Итак, все это и многое другое лежит не только вне среды вопросов нам знакомых, но также и вне области того, что *может* быть доступно нашему исследованию, и, несмотря на это, нам предлагают убедиться, имеет или не имеет всеобщее применение абсолютный закон народонаселения?

Уже *a priori* не может подлежать сомнению, что, обращаясь ко всевозможным странам мира за материалом для подтверждения своего закона,—будь это Англия или Китай, Россия или Абиссиния и, притом, в какую бы то ни было эпоху их истории,—*Мальтус* встречает неизбежно одно из двух: или *достаточные* или *недостаточные условия существования народонаселения*. «Только два сорта и есть—податься больше некуда», как говорится в одной из пьес Островского. Но почему же в одних случаях народонаселение продовольствуется сносно, между тем как в других оно нуждается в самом необходимом? Народонаселение, отвечает *Мальтус*, бывает сыт *вследствие* того, что *недостаточно* размножилось в сравнении со средствами существования, или приведено к последним, благодаря вмешательству препятствий. С другой же стороны, народонаселение, по мнению *Мальтуса*, находится в нужде *по той причине*, что увеличилось в числе *чрезмерно*. Но ни то, ни другое состояние вещей, говорит автор, не может длиться продолжительно;

а именно, *народонаселение, которое было недостаточным, современем размножится и делается, в свою очередь, чрезмерным, излишнее же население, под тягостью предупредительных и разрушительных препятствий, достигнет уровня средств существования и делается также недостаточным. Никто не станет спорить, что подобное решение задачи вполне универсально, так как нельзя себе представить и во сне такого сочетания явлений, которое бы не подводилось под него. Но горе в том, что объяснение это совсем не представляет ответа на заявленный вопрос. Необходимо было исследовать первоначальные и производные причины избытка продовольствия в одном и недостатка в другом случае, а *Мальтус*, вместо этого, утверждает, что избыток пищи *происходит* от недостаточного размножения, а недостаток от чрезмерного. Но ведь *избыток пищи* и *недостаток населения* суть синонимы, и такие же синонимы суть *недостаток пищи* и *чрезмерное народонаселение*. Ведь если говорится, что в данном случае имеется избыток пищи, то это, очевидно, то же, как если бы сказали, что в данном случае имеется недостаточное народонаселение. Таким же образом и «недостаток пищи», и «избыточное народонаселение» являются не больше как равнозначительными выражениями, которые могут быть произвольно заменяемы одно другим. Итак, мы видим, что явления, обозначаемые этими названиями, совсем не состоят между собою в причинной связи, а, следовательно, невозможно утверждать, будто излишек пищи происходит от недонаселения, а недостаток, наоборот, от перенаселения. Подобное решение вопроса есть просто тавтология, могущая напомнить известный ответ доктора, что опиум усыпляет — *quia est in eo virtus dormitiva quae facit dormire*. В той мере, впрочем, в какой *Мальтус* мог питать полусознательное опасение притти этим путем к одним только плачевным результатам, он чувствовал необходимость прибегнуть к разъяснению дела влиянием действительных явлений, которым и дает название предупредительных и разрушительных препятствий. Беда лишь в том, что он вначале придает этим явлениям одно побочное значение, как это видно из самого их наименования; когда же *главного* препятствия, т. е. недостатка средств существования, в наличии совсем не оказалось, и, в то же время, косвенных препятствий открылся непочатый край, он постепенно стал выдвигать эти последние на первый план. Но он, к сожалению, при этом не заметил, что, за отсутствием своей предполагаемой *причины*, т. е. недостатка действительного продовольствия, несчастья и пороки перестают служить предупредительными и разрушительными препятствиями, а просто-напросто являются причинами насильственного уменьшения народонаселения. В итоге наш автор доказал не больше, как ту весьма простую истину, что люди и приходят в мир, и расстаются с жизнью не только вследствие естественных причин, но также и от действия пороков и несчастий, — что никог-

да не составляло тайны. Прибавим к этому, что и указанная выше эластичность теоретического взгляда *Мальтуса* на род соотношения препятствий—совсем не дело случая, как мы было предположили, а неизбежный результат испытанной на деле невозможности соединить причинной связью несчастья, пороки и другие нравственные и физические страдания с фиктивным недостатком *действительных* средств существования. Недаром говорят французы: *qui veut prouver trop, ne prouve rien*.

Но неужели, спросит, может быть, читатель, болезни, войны, проституция и множество других явлений, если и не препятствующих размножению, то, во всяком случае, способствующих уменьшению наличного народонаселения, не находятся в зависимости от недостатка средств существования? Без сомнения, находятся, ответим мы,—все дело только в том, какой необходимо разуметь здесь недостаток и какие средства существования. Войдем в ближайшее разъяснение этой важной разницы. Во-первых, обратим внимание читателя на то, что средствами или, лучше сказать, условиями существования народонаселения необходимо признавать совсем не одну пищу, а всю совокупность тех условий, которые содействуют правильному обмену веществ и сил человеческого организма, как то: надлежащие одежду и жилье, температуру, влажность и чистоту воздуха, нормальную умственную и телесную работу,—ведь люди умирают преждевременно не только от недостаточного питания, но иногда и от безделья,—нормальные половые отношения, нормальные общественные сочетания и пр., и пр. Во-вторых, из предыдущего анализа учения *Мальтуса* мы можем сделать то вполне бесспорное заключение, что недостатком действительных средств существования писатель этот называет сравнительную скудость именно той массы продовольствия, которая находится в распоряжении не отдельных только групп народонаселения при тех или других условиях, а целых стран и наций и даже всего человечества. Говоря иначе, наш автор, отождествляя отдельные народы и все человечество с изолированной личностью, вроде какого-нибудь Робинсона, рассматривает отношения между народонаселением и пищей с точки зрения отношения между человеком и природою. Он совершенно игнорирует все отношения людей, вытекающие из их общественной организации, из кооперативного устройства общества, весьма различные, смотря по той ступени экономического развития, на которой находится в данное время та или другая страна или нация. Весь род человеческий и какая-нибудь заброшенная горная община в юго-западной Швейцарии, германцы Тацита и нынешние пруссаки и баварцы, жители Островов товарищества и англичане, по мнению *Мальтуса*, одинаково и при всевозможных условиях находятся на уровне средств существования, которые даются им природою, и одинаково же подвергаются последствиям, происходящим от недостатка этих средств. Но мы уже имели случай показать

читателю, что *Мальтусу* не удастся привести ни одного примера, в котором преградою размножению населения служил бы абсолютный недостаток средств существования, и это по той простой причине, что, за отсутствием критерия для разрешения общего вопроса, где именно находится предел, по другую сторону которого начинается подобный недостаток, никто не в силах утвердительно сказать, что в том или другом отдельном случае предел этот фактически достигнут. А как прикажете поставить ясно упомянутый вопрос, когда вы знаете, что, в отличие от животных и растений, род человеческий в самом себе соединяет ряд условий для получения от природы, посредством остроумных сочетаний работ большого числа лиц в пространстве и во времени, неопределенно большего количества средств пропитания, чем то, какое находится под ногами? Нетрудно, таким образом, видеть, что раз наличность абсолютной скудости средств существования не может быть доказана, то и так называемые у *Мальтуса* косвенные препятствия или страдания и пороки не могут быть в зависимости от нее. Но это еще не все. Самый вопрос об абсолютном возрастании народонаселения, которому противопоставляется не менее абсолютный недостаток пропитания, теряет в этом отношении решительно всякое значение. И в самом деле, кому какое горе, что народонаселение размножается в геометрической прогрессии, если только главное препятствие такому размножению оказывается несуществующим? С другой же стороны, если, как мы сейчас покажем, народонаселение фактически не размножается на протяжении значительного времени в геометрической прогрессии, то опять-таки и в этом случае нет надобности плакаться и сваливать беду на абсолютную границу, поставленную размножению под видом недостатка пропитания. Когда-то *Мальтусу* заметил чрезвычайно метко *Вейланд*, что основываться на продолжительности стремления населения к размножению в геометрической прогрессии есть то же, что принять пустой призрак за основание для теории, на которую «можно положиться столько же, как на расчет генерала, который, основываясь на существовании пушки с двойною дальностью выстрела, надеялся бы уничтожить неприятеля с недоступного расстояния». *Мальтус* находит, правда, это сравнение неудачным и утверждает, что он, напротив, поступал таким образом, что сравнивал различие в дальности полета из двух пушек одинакового устройства и потому пришел к заключению, что именно препятствия замедляют полет в одном из этих двух случаев. Но все же *Вейланд* совершенно прав, так как *Мальтус* действительно считает стремление к размножению беспредельным, основываясь лишь на том, что в некоторых отдельных случаях народонаселение могло удвоиться в 25 лет. Суждение *Мальтуса* походит на предположение, что если то или другое отдельное лицо могло достигнуть 150-летнего возраста, то остальные люди не могут проживать по столько же, единственно

на основании препятствий. Но почему же не предположить, что именно отдельное лицо было поставлено в исключительно благоприятные органические и внешние условия для долгой жизни, которых просто нехватало остальным? Ведь этот 150-летний возраст нельзя было бы признать нормальным, и неизвестно, где пришлось бы ставить точку. Тот же *Вейланд* не менее основательно и остроумно заметил *Мальтусу*, что физическое стремление народа к размножению в геометрической прогрессии «исчезает безусловно, как исчезает способность боба поднимать свой стебель, когда прекратится его рост». Действительно, если бы нашелся человек, который стал бы уверять, что, при отсутствии препятствий, боб мог бы дорасти до неба, то он был бы совершенно в положении *Мальтуса*, стремящегося доказать, что, при отсутствии недостатка в действительных средствах существования, народонаселение покрыло бы не только земной шар, но и ближайшие и отдаленные планеты*.

Обращаясь к фактическому положению вопроса о размножении людей в геометрической прогрессии, мы решительно нигде не можем встретить ничего подобного в течение продолжительного времени. Вот, например, что говорит известный английский статистик Фарр по этому вопросу**: «Борьба за средства существования гораздо более сильна вначале, когда число людей менее значительно, нежели в настоящее время, например, в Англии. Род человеческий никогда не возрастал, в действительности, в геометрической прогрессии 1, 2, 4, 8, 16 и т. д. без конца, и средства существования никогда не возрастали в арифметической прогрессии 1, 2, 3, 4, 5 и т. д. бесконечно. Но народонаселение страны может возрастать в геометрической прогрессии в течение определенного числа лет, и так же точно могут возрастать средства его существования, разумея под ними все удовлетворяющее потребностям человека. *Мальтус* находит в своем сочинении, что народонаселение Соединенных штатов удваивалось в течение 150 лет каждые 25 лет; теперь же на основании (более точного) счисления известно, что, начиная с 1790 г., народонаселение здесь возрастало правильно по 3% в год в течение 70 лет, оканчивающихся 1860 г., при этой норме возраста-

* В одном из старых изданий своей «Политической экономии» *Мальтус* говорит следующее: «Если бы кто-нибудь взял на себя труд сделать вычисление, то он увидел бы, что, при условии безграничного увеличения средств существования и удвоения народонаселения, каждое двадцатипятилетие, народонаселение, которое могло бы быть порождено одною парюю людей, начиная с рождества Христова, было бы достаточно не только для столь тесного покрытия земли, что на каждом квадратном ярде помещалось бы по четыре человека, но также и для подобного же наполнения всех планет нашей солнечной системы, и не только этих последних, но также и тех, которые вращаются вокруг звезд, видимых простым глазу, предполагая, что каждая из них есть солнце и сопровождается столькими же спутниками, как и наше солнце».

** «Supplement to the thirty fifth annual report of the registrar-general of births, deaths etc. in England», 1875; XV, 7.

ния народонаселение удваивается в $23\frac{1}{2}$ года. Но дело в том, что это возрастание происходит не от одного только нарождения населения, но частью от избытка рождаемости, частью же от переселения черных из Африки и белых из Европы. Население (обеих категорий вместе) возрастало в геометрической прогрессии, но средства существования возрастали в той же самой прогрессии еще быстрее, так что давление населения на средства существования не увеличивалось, а уменьшалось. В течение последних 10 лет производительный труд ослабел, и волна народонаселения отхлынула; во время гражданской войны эмигранты возвратились в Англию, много народу погибло на поле битвы и... уровень браков и рождаемости должен был упасть: так, в продолжение 1860—1870 гг. народонаселение возрастало уже не по 3, а по 2% в год. Но продукт, в то же время, возрос—пшеница от 173 до 288 миллионов бушелей (66%), ценность скота от 218 до 305 миллионов ф. ст. (39%). Возрастание продукта с 1850 по 1860 г. может быть выведено из двух разрядов фактов. Число ферм увеличилось от 1 400 000 до 2 000 000, между тем как пространство обработанной земли расширилось от 113 до 163 миллионов акров, а ценность скота от 109 до 218 миллионов ф. ст. Народонаселение в эти 10 лет увеличилось от 23 до 31 миллиона. И в более ранние годы, хотя мы и не имеем на это данных, произведения несомненно возрастали в такой же приблизительно геометрической прогрессии, как и народонаселение, исчисленное на основании каждой переписи, и если предыдущие счисления доказывают, что растет народонаселение, то последние служат подтверждением, что в той же геометрической прогрессии возрастает и продукт». Только что цитированные нами факты приобретают еще более значение, если мы примем во внимание, что, по вычислениям *Banneys**, белое народонаселение Соединенных штатов возрастало от одной только иммиграции с 1790 по 1800 г. на 1,8%, с 1800 по 1810 на 1,9%, с 1810 по 1820 г. на 2%, с 1820 по 1830 г. на 2,9%, с 1830 по 1840 г. на 5%, а, по данным *Чикеринга*** , оно с 1790 по 1840 г. от одной только иммиграции возросло на 2 586 404 души, да, сверх того, на 1 348 269 от размножения самих переселенцев. Понятно, что, в соотношение с подобным возрастанием, размножение туземного народонаселения должно было замедляться с каждым десятилетием все более и более.

Таковы отношения размножения народонаселения в Америке, стране, служившей прибежищем для *Мальтуса*, когда ему пришлось ссылаться на действительность для подтверждения справедливости своей геометрической прогрессии. Обратимся теперь к некоторым из европейских государств. Мы уже видели, что процент возрастания народонаселения в Англии в течение всего нынешнего столетия правильно и постепенно уменьшался.

* «Bevoelkerungs-Statistik», T. I, S. 91.

** «Immigration into the United States etc.».

Такое же точно замедление размножения в продолжение того же самого периода, — а он единственный, относительно которого имеются более или менее точные статистические данные, — замечается и в других странах Европы. Так, например, во Франции с 1820 по 1831 г. народонаселение возрастало на 0,69%, с 1831 по 1841 г. на 0,50, с 1841 по 1851 г. на 0,46, с 1851 по 1861 г. на 0,26%. В Пруссии процент увеличения с 1817 по 1828 г. был 1,71, с 1828 по 1840 г. — 1,35, с 1840 по 1846 г. — 1,27, с 1846 по 1864 г. — 1,09 в год. Ясное дело, что данные эти не только не служат к подтверждению теории *Мальтуса*, но даже доказывают нечто совершенно ей противоположное. В том самом смысле говорят таблицы, показывающие возможное удвоение народонаселения на основании действительного, а не воображаемого размножения, а также те таблицы, которые свидетельствуют, что степень размножения находится в теснейшей внутренней связи с увеличением плотности народонаселения*.

Мы заметили выше, что хотя страдания и несчастья и не состоят, как думал *Мальтус*, в причинной связи с абсолютным недостатком средств существования, так как наличие этого последнего не может быть доказана ни вообще, ни в частных случаях, но что многие явления этой категории все же находятся в зависимости от скудости жизненных условий, порождаемых не бедностью природы, а совершенно особыми причинами.

* Следующая таблица удвоения народонаселения (*Banneys*) является наглядным доказательством того, что 25-летний период удвоения, при обыкновенных или средних условиях размножения, должен быть просто-напросто отнесен к области мифологии.* Но в том-то и дело, что *Мальтус* ухитрился обставить свое учение таким образом, что под его теорию подводятся решительно все случаи размножения, какие только можно себе вообразить, и в этом заключается кажущаяся сила и действительная слабость его воззрений на вопрос народонаселения. Если бы *Мальтус* сказал, что действительность вполне опровергает его прогрессию размножения, то он, разумеется, нашелся бы ответить, что и сам он придерживается того же мнения, как это видно из его теории предупредительных и разрушительных прямых и косвенных препятствий.

Но если это справедливо, то спросим еще раз, что же именно, какое определенное положение доказывает в своей книге *Мальтус*?

Государства	Основанием вычисления служит ежегодное возрастание		Период удвоения
	В годы	На	
Норвегия	1815—55	1,15%	61 год
Швеция	1850—55	0,88%	79 »
Саксония	1802—55	0,84%	83 »
Пруссия	1832—55	0,55%	131 »
Бельгия	1846—51	0,44%	158 »
Великобритания	1841—51	0,29%	302 »
Австрия	1812—50	0,18%	385 »
Франция	1851—56	0,14%	405 »
Ганновер	1852—55	0,032%	3152 »

Спрашивается теперь, в чем же заключаются эти причины, служащие источником происхождения условного или *относительного* недостатка средств существования? В организации общественного производства, отвечает нам на это автор *Капитала*, и тут-то собственно и возникает то противоречие между его учением и теориею народонаселения *Мальтуса*, о котором мы говорили в другом месте. Всякий способ общественного производства, по совершенно справедливому воззрению *Маркса*, имеет свой *относительный* закон народонаселения. Говоря иначе, условия снабжения более или менее значительного населения

Не меньшей вразумительностью отличаются и следующие превосходные данные, показывающие зависимость между возрастанием народонаселения и плотностью расселения его (см. упомянутое уже предисловие *Фарра* к «*Supplement to the thirty fifth annual report etc.*», 1875, XIII).

Число округов, Англии и Уэльс	Число смертных случаев на 1 000 живущих	Число лиц на 1 квадратную милю	1861—70 на 1 000 живущих			
			Средняя годовая смертность	Средняя годовая рождаемость	Средний годовой переизбыток рождаемости над смертностью	Среднее годовое возрастание народонаселения
619	15—39	367	22.4	35.1	12.6	12.4
54	15—17	171	16.7	30.1	13.4	15.8
319	13—20	195	19.2	32.2	13.0	8.8
142	21—23	447	23.0	35.6	13.6	16.2
56	24—26	2 185	25.1	33.1	13.0	15.3
16	27—30	6 871	27.8	39.1	11.3	8.9
1	32	12 172	32.5	37.3	4.8	3.2
1	39	65 831	38.6	37.6	1.0	12.3

Нетрудно видеть, что увеличение плотности народонаселения повсюду сопровождается увеличением смертности, и хотя, при этом, рождаемость такие возрастет до известного предела, но уровень возрастания народонаселения все же бесспорно понижается. В отдельных округах, каконы Ливерпуль и Манчестер (два нижние горизонтальные столбца), рождаемость туземного населения даже совершенно поглощается смертностью, и если бы, замечает *Фарр*, это отношение между тою и другою здесь продолжалось, то вычлели бы перед собою случай уменьшения народонаселения в геометрической прогрессии.

Кстати о плотности расселения народонаселения. Приведем некоторые выкладки, основанные на новейших сведениях и могущие отнять значительную долю страха у самого упорного последователя *Мальтуса*. Почти $\frac{3}{4}$ населения всего земного шара живет в Европе, в Индии и в Китае, т. е. на пространстве всего только $\frac{1}{2}$ части суши. Для остальных $\frac{1}{2}$ остается всего 445 миллионов душ, что составляет не более 210 человек на 1 квадратную милю. Если даже согласиться, что $\frac{1}{2}$ этого остального пространства и не в состоянии будет выдержать народонаселение более многочисленное, чем нынешнее, на что нет ни малейших оснований—то, за вычетом бесплодных пространств севера и пустынь, на остающемся 1 миллионе квадратных миль, при умеренной нынешней средней густоте народонаселения Европы в 1 680 душ на 1 квадратную милю, поместилось бы еще 1 470 миллионов душ более, чем в настоящее время, следовательно, более, чем наличное народонаселение всего земного шара. Говоря вообще, теперь только 1% суши населен более 8 000 душ на квадратную милю, $92\frac{1}{2}\%$ населены ниже 2 000 и только 6% имеют от 2 000 до 8 000 душ на квадратную милю.—*Азм.*

средствами существования в том или в другом количестве весьма неодинаковы на различных ступенях экономического развития. Влияние на подобные условия со стороны охотничьей или кочевой организации производства совсем не таково, как например, влияние ремесленно-земледельческой или мануфактурной и фабричной капиталистической организации. Конечно, справедливо, что закон народонаселения тем больше приближается к закону борьбы за существование растений и животных, чем первобытнее общественно-экономическое устройство данной нации. Но дело в том, что даже и у тех народов, которые находятся на самых низших ступенях общественной культуры, существуют уже известные различия положений и профессий, благодаря которым уровень средств существования отдельных групп народонаселения приобретает относительный, так сказать, междучеловеческий, междуклассный характер. Так например, *Мальтус*, повидимому, почти прав, когда он утверждает (т. I, стр. 102), что «население каждого племени кочевых татар определяется численностью его стад, поэтому, среднее число татар, подобно среднему числу вольных степных лошадей... уменьшается периодически возвращением зимней стужи и голода (когда, за недостатком пищи от морозов, погибает масса лошадей)». С первого взгляда кажется, что сходство между положением человека в этом случае и положением животных почти полное, и оно в самом деле гораздо более значительно, чем при условии общественной организации более сложной, нежели татарская. Но не следует, во-первых, забывать, что несколько большая предусмотрительность легко могла бы устранить от населения татар плачевные последствия *временного* недостатка средств существования, и, таким образом, одной уж этой вполне естественной причины было бы достаточно для уменьшения помянутого сходства. А, во-вторых, легко заметить, что по отношению к зимнему холоду и голоду в совершенно *одинаковых* условиях находятся все вольные степные лошади, но далеко не все вольные татары или какие-либо другие кочевники. Известно, что у кочевых и у полукочевых народов различие состояний, имеющее в последнем основании различие профессий, нередко достигает уже весьма внушительных размеров. Так например, простой киргиз держит 30—40 лошадей, около половины этого количества рогатого скота, 100 овец, несколько верблюдов и 20—50 коз, а самые богатые киргизы имеют до 10 000 лошадей, 3 000—4 000 голов рогатого скота, 300 верблюдов, 20 000 овец и более 1 000 коз*. В Крыму в прежнее время богатые татары держали по 50 000 овец, а простые по 1 000**. У персидских кочевников посредственно зажиточные имеют по 100 овец, 3—4 лошади, 10 ослов, богатые же по 1 000 овец, 30 верблюдов, 20 лошадей,

* *Georgi «Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches»,* 3. 406.

** *Storch «Gemälde des russischen Reiches»,* t. II, S. 215.

и встречаются даже владельцы 140 000* овец. Ясно, что при таком даже различии в жизненных условиях отдельных классов общества не может быть и речи о близком сходстве между уровнем существования людей и условиями пропитания животных. Тем меньшее значение имеет абсолютный закон народонаселения по отношению к обществам с более сложною системою производства. Так например, снабжение продовольствием крепостных крестьян, трудящихся на феодального владельца, по собственному сознанию *Мальтуса*, является вопросом гораздо более запутанным и сложным, чем пропитание охотничьих и кочевых народов. То же самое и еще в гораздо большей степени имеет применение к условиям снабжения предметами необходимости различных классов жителей какого-нибудь средневекового, обведенного крепостною стеною, изолированного города. Но все это еще сравнительно простые и более или менее конкретные экономические отношения. Совсем другое дело наш современный способ производства, имеющий в основе безмерное деление труда не только в обществе, но также в мастерской, свободную куплю-продажу рабочей силы, накопление капитала в руках отдельных групп народонаселения и непрерывное перемещение товаров, денег и людей. Достаточно одного поверхностного взгляда на подобную экономическую организацию, чтобы тотчас же увидеть, что здесь сцепление и вступление друг в друга взаимных и противоположных интересов достигают таких значительных размеров, что вопрос об абсолютном размножении народонаселения и соответствующем ему уровне действительных, а не относительных средств существования теряет решительно всякое значение. Мы не должны, поэтому, несколько удивляться, что автор «Капитала» не обращает ни малейшего внимания на абсолютный рост народонаселения, играющий такую выдающуюся роль у *Мальтуса*. «По мнению *Маркса*», замечает совершенно справедливо *А. Ланге***, «относительное перенаселение капиталистического способа производства настолько не зависит от того, увеличивается ли народонаселение сильно или слабо, или же вовсе остается без движения; с точки зрения чистой логики, подобное перенаселение могло бы даже наступить среди существ, которые совсем не умирают и не рождаются на свет, и к которым, следовательно, не применяется действие ни одного из основных условий обыкновенного учения о народонаселении». И в самом деле: какую важность можно придавать условиям абсолютного увеличения народонаселения, когда мы сплошь да рядом видим, что громаднейшие массы людей сегодня заняты работою по горло и тем поставлены в возможность отсрочивать свое существование, а завтра, за ненуж-

* *J. Morier* «Account etc.», p. 239 (все эти выписки заимствованы нами у Рошера).—*Асм.*

** «*Die Arbeiterfrage*», 1870, S. 203.—*Асм.*

ностью, освобождаются и от работы, и от предметов продовольствия? Слепой, и тот сумеет разглядеть, что центр тяжести капиталистического закона народонаселения лежит не в отношении между *переменным* числом потребителей и *постоянным* количеством средств существования, а, напротив того, в отношении между *постоянным* числом первых и *переменным*, смотря по потребности капитала и увеличению своей ценности, количеством вторых*.

Противоречие между теориями *Мальтуса* и *Маркса* основано на том, что *Мальтус*, во-первых, смешивает частные случаи переполнения рабочими отдельных отраслей промышленности с условиями абсолютного увеличения народонаселения, а, во-вторых, относительное уменьшение переменной доли капитала, служащее естественным последствием процесса прогрессивного накопления капитала, в связи с увеличением производительности труда, — он принимает за менее быстрое увеличение средств существования, чем цифры народонаселения. Что касает-

* «Способ рассуждения, — говорит *Сисмонди* («Nouveaux principes etc.», II), — служащий основанием системы *Мальтуса* и к которому он обращался беспрерывно в своем сочинении, кажется нам вполне софистическим. Он противопоставляет абстрактно, и, не принимая во внимание обстановки, *возможное* возрастание народонаселения *положительному* возрастанию животных и растений в замкнутой территории и при таких условиях, которые все более и более становятся неблагоприятными... Говоря абстрактно, увеличение растений и животных (т. е. пищи человека) совершается гораздо быстрее, чем увеличение населения людей и, при этом, растения возрастают быстрее, чем животные... Но эта способность увеличения есть только *возможная* по отношению к животным, растениям и человеку». Действительно же и активная способность для всех трех пород существ ограничивается волею одного человека, а в нашей общественной организации — не волею всех людей, без исключения, а волею владельца земли». Если бы тут вместо владельца земли стоял владелец капитала, то можно было бы сказать, что первые основы относительного закона народонаселения были заложены *Сисмонди*. С другой стороны, в «*Sociale Briefe an Kirchmann Rodbertus'а*», Brief II, S. 40—46, мы также встречаем мысль, что пауперизм и кризисы имеют в основании одну и ту же причину, а именно, — тогда обмен предоставляется по отношению к распределению продукта нации сам себе, то, под влиянием известных отношений, находящихся в связи с развитием общества, по мере *увеличения производительности общественного труда*, уровень заработной платы составляет все меньшую да меньшую часть национального продукта». Подобно этим двум писателям, вопрос народонаселения ставили в связи с распределением имущества еще *Thornton* («*Over population and its remedy*», Lond. 1846), *Ensor* («*An Inquiry concerning the population etc.*», Lond. 1818), *Morel*, Vinde («*Sur la théorie de la population etc.*», Paris 1829) и *Godwin* («*W. of population*»). Это был, конечно, значительный шаг вперед в сравнении с абсолютной теорией *Мальтуса*. Но, к сожалению, понятие *распределения* настолько неопределенно, что, при такой поправке, узнаешь о действии *закона* народонаселения не очень многим более, чем прежде. Необходимо было свести понятие самого распределения к понятию общественной организации и общественного производства, которыми обуславливается тот или другой процесс распределения. В противном случае, можно думать, что распределение есть *ultima ratio* закона народонаселения, а между тем оно само является последствием такой или иной организации труда в обществе. — *Авт.*

ся ошибки первой категории, то неловкость и неточность обобщения здесь груба настолько, что нужно удивляться, как продолжительно она вводила в заблуждение ученых. Так, например, мы читаем у Vaines'a («Geschichte der britischen Baumwollenmanufaktur», 1836, S. 205, немецкий перевод): «Гораздо более возросла задельная плата ткачей вследствие крупных изобретений в области прядения; ибо, как мы видели, изобретения эти сообщили громадный толчок фабрикации тканей. Почти каждый год принимались за изготовление какого-нибудь нового рода ткани, и тогда, как прежде ткачи только с большим трудом могли добывать себе потребное количество пряжи, теперь сделалось затруднительным найти достаточное число ткачей, чтобы переработать невероятно громадную массу пряжи, произведенную при помощи машин. Заработная плата возросла чрезмерно, но вскоре еще в гораздо большей степени увеличилось число ткачей, и не могла не наступить реакция. Заработок ткачей должен был понизиться и стал постоянно подвергаться внезапному упадку, как скоро наступил общий застой в торговле». Читатель, без сомнения, видит, что, хотя в данном случае инициатива «размножения» принадлежит самим ткачам, но что ткачи не родились в излишнем количестве на свет, а только перешли в ткацкие заведения из других отраслей промышленности, в которых оставили свои места пустыми. Было бы, очевидно, величайшим из заблуждений полагать, будто подобное чисто относительное перенаселение, которое, к тому же, находится в зависимости от относительного недонаселения в соседних отраслях занятий, является типическим примером какого-то мифического всеобщего излишка народонаселения.

Гораздо больше затруднений представляет решение второго из упомянутых вопросов, а именно вопроса об отношении накопления капитала к условиям размножения населения, и потому совсем неудивительно, что *Мальтус* сделал тут крупную ошибку, принявши простое отражение явления за несомненную действительность. Тут недостаточно было подметить действие какой-нибудь одной преобладающей или уединенной общественно-экономической силы, — необходимо было сначала порознь проследить симптомы проявления многих сил, а потом начертать ту диагональ, по которой должно направиться их совокупное движение. Вдобавок к этому, некоторые экономические явления или совсем не обращали на себя внимания, или же подвергались одним только отрывочным и частным наблюдениям и потому теряли то значение, какое принадлежало им на деле. Так, например, мы говорили уже выше, что нарастание процентов на проценты, как процесс накопления капитала, весьма редко рассматривалось, в то же время как непрерывный, основной общественно-экономический процесс, текущий широкою и глубокою рекою в истории новейшей системы производства и принимающий в себя бесчисленное множество притоков меньшей ширины

и глубины. Так точно, та сторона влияния возрастания механических усовершенствований на увеличение производительности труда, которая заключается в непрерывном увеличении не одной только массы предметов непосредственного потребления, но также *объема и числа самих орудий производства*, обыкновенно совершенно упускалась из виду; а между тем именно это и объясняется необходимым и непрерывное относительное уменьшение переменной доли капитала сравнительно с постоянною. Многое также зависит в этом случае от перспективы, с которой подвергают рассмотрению различные уже известные экономические явления; иное важное явление, по отсутствию у наблюдателя достаточного чувства меры; едва лишь отмечается, другое же, сравнительно ничтожное, подчеркивается настоятельно и сильно. Так, например, сам *Мальтус*, вопреки всему, что говорится в его «Опыте», делает следующее неожиданное признание: «Благоразумные привычки по отношению к браку, доведенные до значительной степени среди рабочего населения какой-нибудь страны, зависящей, главным образом, от мануфактур и торговли, могут сделаться для нее *источником бедствий*... По самой сущности населения прирост работников в случае особенного запроса на них не может быть доставлен на рынок ранее 16 или 18 лет, а *превращение дохода в капитал посредством сбережения может совершаться гораздо скорее*; страна постоянно подвержена тому, что ее рабочий фонд возрастает быстрее населения*». Конечно, *Мальтус* тут упускает из виду, что капитал не станет дожидаться абсолютного размножения числа работников, чтобы употребить их силы для самовозрастания, а просто-напросто прибегнет к употреблению механических усовершенствований. Но в то же время он совершенно прав, что возрастание капитала идет быстрее, чем увеличение

* «Principles of political economie», 254, 319, 129 (ссылка заимствована у *Маркса*). Любопытно, что последователь «закона народонаселения» *Мальтуса*, *Джон Ст. Милль*, также имел довольно отчетливое, хотя и более поверхностное понятие о следствиях чрезмерного накопления и также прошел мимо этих следствий, не придавая им важного значения: «Процесс накопления, — говорит он («Основания», т. II, стр. 168), — в больших коммерческих странах так быстр, что именно им объясняется почти *периодическое возвращение* паронсизмов спекуляции: если несколько лет прошло без кризиса и не открылось, между тем, нового привлекательного канала для помещения капитала, то всегда окажется, что в эти немногие годы количеством капитала, ищущего помещения, возросло так, что величина процентов значительно понизилась — это видно бывает и по ценам биржевых бумаг, и по величине дисконтного процента; а такое уменьшение процентов соблазнит капиталистов рисковать в надежде на значительнейшую выручку». *Дж. Ст. Милль* не замечает, что расширение спекуляции, вследствие увеличения накопления и производства, и сопровождающие его кризисы являются не более как *Аристократии* периодического относительного недонаселения и перенаселения, а эти последние, в свою очередь, суть следствия непрерывного увеличения производительной силы труда, благодаря не менее непрерывному введению в дело машин и других механических усовершенствований.

народонаселения*. Напрасно только он признает это явление сравнительно случайным и неважным, когда на самом деле оно

* Приведем два, три примера для доказательства той истины, что возрастание продукта, а следовательно, и накопления, происходит в гораздо более быстрой прогрессии, чем увеличение числа рабочих (Legoyt «La France et l'Étranger», t. II, 554 и след.):

Франция

Годы	Число рабочих	Количество угля	Ценность угля
1852	35 381	4 200 000 тонн	46 700 000 фр.
1854	46 786	6 800 000 »	74 800 000 »
1856	58 621	7 900 000 »	102 000 000 »
1858	55 035	7 500 000 »	91 600 000 »
1860	59 210	8 300 000 »	96 700 000 »
1862	69 882	10 300 000 »	115 400 000 »
1864	78 342	11 200 000 »	126 700 000 »
Увелич. в теч. 12 лет	119%	128%	171%

Пруссия

Годы	Число рабочих	Количество угля и лигнита	Ценность угля на месте
1847—1851	35 772	5 100 000 тонн	30 900 000 фр.
1852—1856	57 513	8 800 000 »	62 000 000 »
1857—1861	76 890	13 300 000 »	98 300 000 »
1864	93 260	21 100 000 »	103 200 000 »
1870	103 189	23 600 000 »	141 700 000 »
1866	102 976	—	148 000 000 »
Увелич. в теч. 19 лет	196%	362% (48 лет)	579%

Бельгия

Годы	Число рабочих	Количество угля	Ценность угля
1851	47 500	6 200 000 тонн	49 700 000 фр.
1852	51 873	6 800 000 »	53 100 000 »
1854	62 191	7 900 000 »	85 800 000 »
1856	73 985	8 200 000 »	105 400 000 »
1858	73 250	8 300 000 »	103 400 000 »
1860	78 132	9 600 000 »	107 100 000 »
1862	80 302	9 900 000 »	104 500 000 »
1864	79 779	11 500 000 »	110 500 000 »
1866	86 721	12 800 000 »	151 000 000 »
Увелич. в теч. 35 лет	82%	106%	204%

Стоит сравнить гигантское увеличение количества и стоимости угля в течение показанных периодов с увеличением числа рабочих, чтобы тотчас же увидеть, насколько верен «закон народонаселения» Мальтуса. Особенно усиливается помнятая разница в течение последних лет наблюдаемого промежутка времени. Так, в Бельгии за все 15 лет увеличение рабочих было 82%, количество угля 105%, а ценности угля 204%, тогда как с 1860 по 1866 г. увеличение первых равняется 11%, второго 33%, а третьего 41%.

играет роль постоянную и очень крупную. Если бы автор «Опыта» пожелал вдуматься поглубже в значение приведенного явления, то он, конечно, понял бы, что его собственный закон народонаселения находится в прямом противоречии с последним, а потому должен быть переключен наизнанку. Необходимо выбрать одно из двух: или накопление капитала, а следовательно и возможные, хотя и недействительные, средства существования возрастают быстрее населения, как утверждает в данном случае сам автор, или же, наоборот, накопление растет в прогрессии более медленной, как утверждал он в других случаях, — а «смешивать два эти ремесла...», по меньшей мере, не годится. Но автор «Опыта» не ограничивается одним лишь этим случайным указанием на относительное перенаселение, а возвращается к нему еще раз, и все-таки не замечает громадного значения этого экономического феномена. «Всякий согласится», говорит он*, «что в хорошо управляемой стране *может случиться* период благосостояния, в продолжение которого ее богатство и народонаселение получают такое движение, которое не может продолжаться непрерывно. Если откроются, например, новые пути для торговли, если государство приобретет новые колонии, если производство его увеличится изобретением новых машин, если его земледелие сделает неожиданные и большие успехи; пока возрастающее количество произведений будет находить себе сбыт на внутренних или на внешних рынках, не подлежит сомнению, что капиталы его будут возрастать *быстро*, а население примет непривычное приращение (он, попрежнему, разумеет абсолютное увеличение населения). И обратно, *если* открывшиеся пути для его торговли снова закроются вследствие какого-нибудь обстоятельства или иностранного соперничества; если оно потеряет колонии или снабжение последних захватят другие страны; если рынки его не могут расширяться с изобретением машин, вследствие переполнения или иностранного соперничества; если, по какой бы то ни было причине, успехи его земледелия останавливаются, — *необходимо* должно случиться, что в то самое время, когда размножение его населения получит наибольшее *приращение*, почувствуется недостаток в работе и в продовольствии. Такой недостаток в продовольствии может повергнуть рабочие классы в самое отчаянное положение». Но если мы даже согласимся с *Мальтусом*, что в случае восходящего движения промышленности той или другой страны, выгоды быстрого накопления капитала в скором времени парализуются увеличением абсолютного числа рабочего населения, а в случае нисходящего движения невыгоды замедления накопления усиливаются чрезмерным размножением рабочих, то мы все же видим, что, в первом случае, инициатива временного недонаселения, а во втором — перенаселения идет не от самих рабочих. И здесь,

* «Опыт», т. II, стр. 256.

и там толчок движению населения давался бы, напротив, потребностями капитала в накоплении, которые и выражаются сначала в увеличении производительности труда, а впоследствии в сокращении производства и в освобождении части людей и от работы, и от продовольствия. При всем том нам, однакоже, известно, что абсолютное перенаселение и недонаселение по отношению к возрастанию капитала не может иметь значения в устах *Мальтуса* уже по той одной причине, что сам же он, и совершенно справедливо, доказывает выше, что накопление капитала идет быстрее размножения рабочих. Итак, мы в данном случае, очевидно, имеем снова дело с относительным излишком и недостатком народонаселения, из которых один является естественным последствием другого и оба составляют принадлежность самой организации капиталистического производства*. Сам автор «закона народонаселения», быть может, не преминул бы согласиться с этим, если бы периодические приливы и отливы индустрии не составляли в его глазах только условного и случайного явления, подобного неурожаю или буре, а были тем, что они есть на самом деле, т. е. необходимым и неизбежным результатом накопления капитала.

Теперь нам совершенно ясно, благодаря каким причинам возникает в рассматриваемую нами эпоху экономического развития та скудость средств существования, которой обусловливается значительная часть болезней, проституция и множество других страданий, способствующих уменьшению народонаселения. Причины эти суть в то же время и условия самой капиталистической продукции. Последняя не существует без быстрого накопления капитала, а быстрое возрастание капитала немыслимо без непрерывного увеличения производительности труда посредством механических усовершенствований, сосредоточения капитала и кредита. С другой же стороны, вся совокупность упомянутых условий имеет следствием более медленное возрастание переменной доли капитала, чем постоянной, и периодическое освобождение и возвращение к заня-

* «Положим,—говорит *Мериваль*,—что во время кризиса нации, напрягши силы, освободится посредством эмиграции от нескольких сот тысяч излишних бедняков,—каковы же будут последствия этого? При первом запросе на труд окажется недостаток наличных рабочих. Как бы быстро человек ни воспроизводился, все же для получения взрослых рабочих требуется период времени, равный одному поколению. Между тем, прибыль наших фабрикантов зависит главным образом от того, могут ли они эксплуатировать наиболее благоприятный момент сильнейшего запроса для того, чтобы безвредно выдержать период ослабления и застоя. Эта возможность дается им только властью над машинами и над трудом. Они должны найти свободные руки; они должны быть способны, когда нужно, напрячь или ослабить быстроту своих операций, смотря по положению рынка; в противном случае, они ни за что не удержат за собою перевеса в конкуренции, на которой основывается богатство этой страны» («Lectures of Colonisation and Colonies», London 1841 and 1842, vol. 1, p. 156. Смысла взята у *Маркса*, стр. 545—6).

тиям рабочих, число которых оказывается попеременно то недостаточным, то чрезмерным.

Мы говорили выше, что теория народонаселения *Маркса* не удостоилась до сих пор учено-литературной критики, за одним только маленьким исключением. Исключение это составляет отзыв *Ланге* в брошюре его «*Die Arbeiterfrage*», недавно вышедшей третьим дополненным изданием. Скажем несколько слов о том, как понимает *Ланге* учение *Маркса* и как он относится к нему.

Еще в первой главе своей брошюры *Ланге* дает понять довольно ясно, что разделяет в основных чертах теорию *Мальтуса*, которую он, вслед за *Дарвином*, считает обобщением одного из проявлений универсальной в мире организмов борьбы за существование. В новейшем обществе, говорит *Ланге*, борьба за существование принимает форму борьбы из-за вознаграждения, причем возникает то печальное и тяжелое отношение, что по направлению вверх граница благосостояния определяется количеством излишка, который попадает в руки капиталиста. за вычетом издержек содержания рабочего, тогда как вниз перед нами открывается более или менее длинная лестница бедности, смотря по той удаче, с какою получает владелец капитала возможно большее количество работы в обмен за возможно меньшую задельную плату. Величина излишка зависит, между прочим, от того, большее или меньшее число рабочих ведет между собой борьбу за существование из-за одной и той же платы. Чем больше давление со стороны рабочих, тем ниже должно падать их вознаграждение; чем оно менее, тем больше приближается это вознаграждение к тому уровню, которого достаточно для предохранения их от нищеты и недостатка.

Слова эти, как видит сам читатель, носят довольно ясные следы абсолютной теории народонаселения. Заметим, между прочим, что, согласно противоположному учению, борьба между рабочими и происходит совсем не из-за одинаковой, а из-за эластической рабочей платы, и дело совсем не в том, больше или меньше будет самих рабочих, — движение рабочих из одной отрасли в другую, мы, разумеется, при этом оставляем в стороне, — а в том, как велика та сумма вознаграждения, которая при тех или других условиях накопления, обменивается за рабочую их силу.

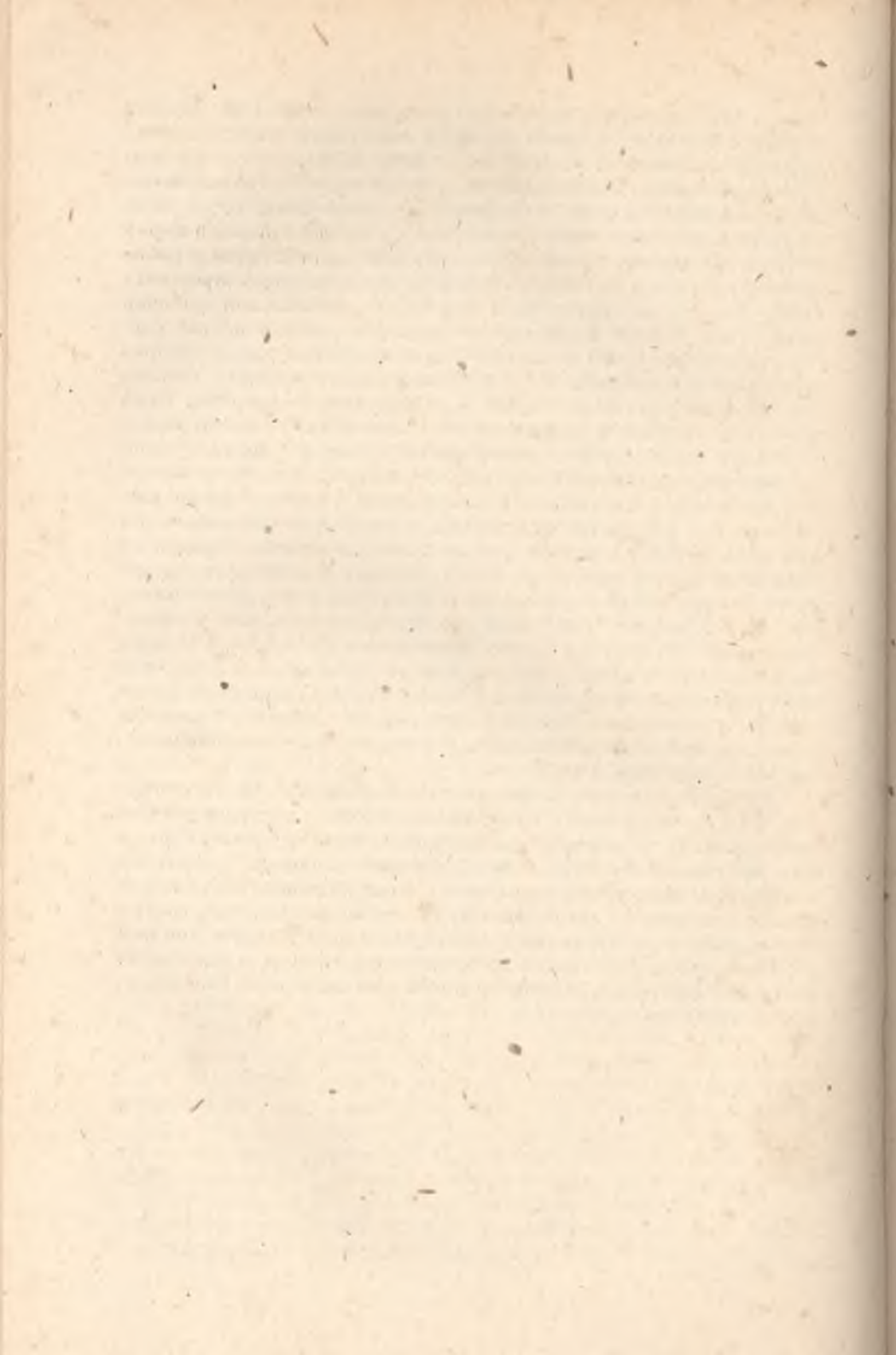
Понятно, таким образом, что *Ланге* не может и впоследствии отнестись к учению автора «*Капитала*» с той свободой мысли, которая необходима для правильной его оценки. Действительно, мы видим, что хотя он приписывает должное значение исследованию о народонаселении *Маркса*, но, в то же время, утверждает, что и теория *Мальтуса* верна в своей основе. Он полагает, что относительный закон народонаселения, вопреки

мнению *Маркса*, является не более как одним из частных проявлений борьбы за существование. Он подтверждает это тем соображением, что сама фабричная промышленность, при самом возникновении своем, нуждается уже в бедности рабочего населения, которое призывает в свои ряды, т. е. предполагает существование абсолютного излишка народонаселения. Какой-нибудь крестьянин, владеющий клочком земли, только потому отпускает сына или дочь на фабрику, что силы их оказываются уже излишними в земледелии, и заработок, доставляемый последним, оказывается ниже, чем предлагаемый на первых порах фабрикой. Уже одно то обстоятельство, по мнению *Ланге*, что переход из чистой деревенской атмосферы и от разнообразного земледельческого труда к монотонным занятиям душной фабрики не представляет для населения ничего заманчивого и все-таки им совершается, доказывает несомненно, что в самом основании капиталистической системы лежат уже чрезмерность населения и порожденная последней нищета. Было бы ошибкой полагать, что и среди постоянного народонаселения мог бы возникнуть такой же процесс перехода, благодаря одному только относительному движению из данного округа в соседний и обратно. А, между тем, возникновение фабричной индустрии почти повсюду наткнулось на упомянутый излишек населения и, следовательно, экспансивность предложения господствовала на рабочем рынке, спрос которого был менее значителен;—еще до появления фабрик. Если бы отец капитализировал то облегчение своего хозяйства, которое ему приносит заработок впервые отпущенных на фабрику детей, то избыточное население развивалось бы менее быстро и даже, при существовании у рабочих известной степени предусмотрительности, и вообще не возникало бы, несмотря на торговые кризисы и на машинную работу.

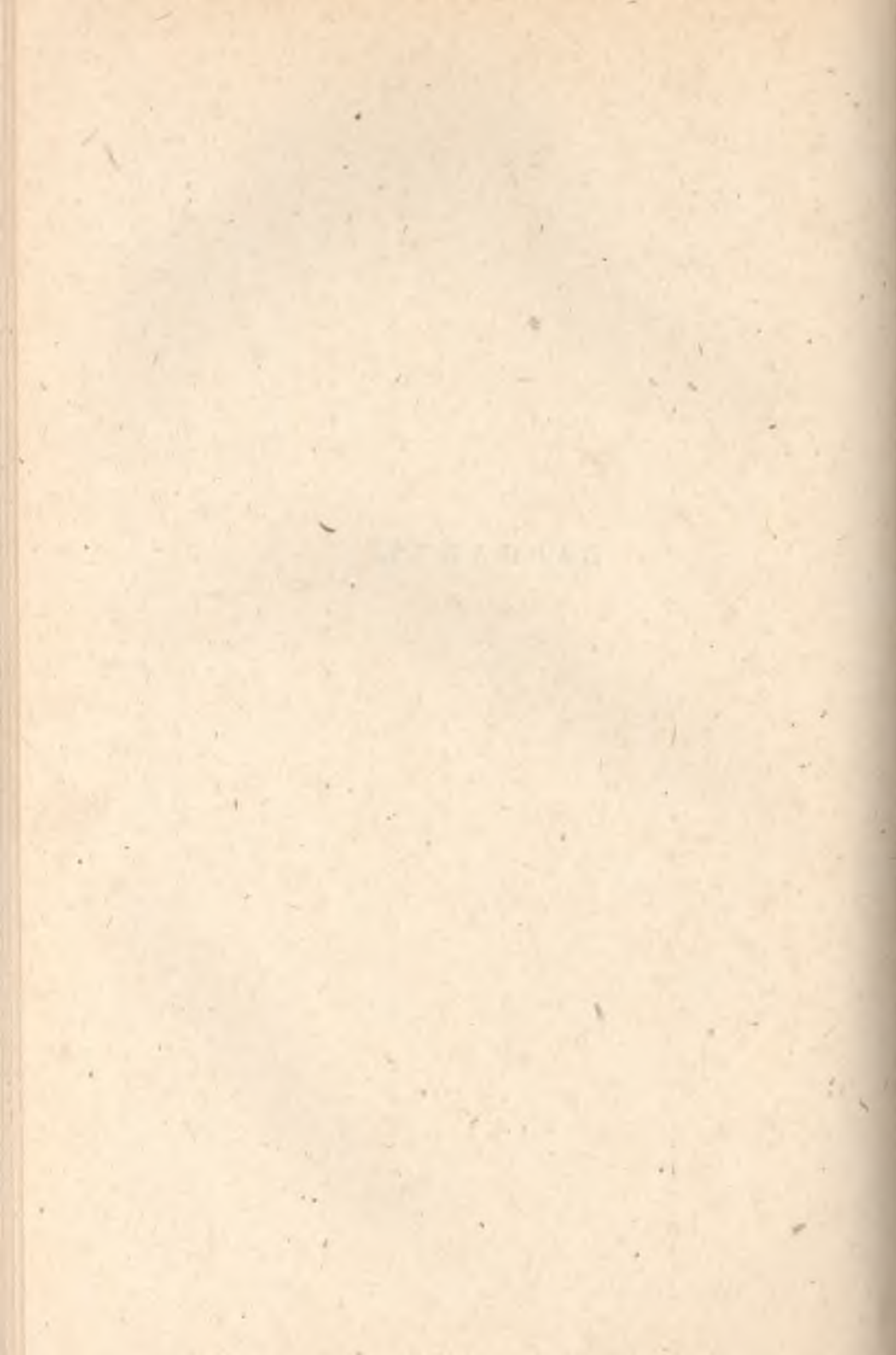
Таковы в существенных чертах те пункты, в которых мнения *Ланге* расходятся с учением *Маркса*, насколько мы успели уловить их несколько неясное значение. Нам кажется, что возражения эти основаны на недоразумении. Во-первых, *Маркс* нигде и никогда не говорил, что закон накопления капитала не представляет одного из видов борьбы за существование, господствующей повсюду в мире организмов. Он только полагает, что в обществе людей борьба эта имеет не абстрактный или абсолютный, а относительный характер, который различается еще, смотря по способу общественной продукции. Во-вторых, автор «Капитала» вовсе не ручался, что капиталистическое производство не имеет в самом основании своем известных отношений нищеты, которые дают возможность последнему развиваться. Он только придерживается, по видимому, мнения, что и такое перенаселение не может ни в каком случае считаться абсолютным. Но если все это не больше как плод случайных недоразумений, зато нельзя сказать того же о прочих возражениях *Ланге*. Так, например, нельзя нам согласиться с *Ланге*, когда он утвер-

ждает, что описанный им переход от сельскохозяйственных занятий к фабрике не мог бы иметь места по отношению к постоянному народонаселению, т. е. при отсутствии абсолютного избытка народонаселения. Все дело именно в том и состоит, что плотность сельскохозяйственного, как и городского населения есть чисто относительное явление, и следовательно, всегда имеющее корни в таком же относительном—недостаточном, достаточном и избыточном размножении. Из того факта, что к данному крестьянскому участку не может быть приложено добавочной рабочей силы—если только и это можно доказать,—никак нельзя сделать заключения, что сельскохозяйственное население размножилось чрезмерно в сравнении с средствами существования и *потому* должно идти искать последних в городе или на фабрике. Если известное хозяйство не допускает приложения лишней силы, то почему же она не находит себе употребления в других сельскохозяйственных хозяйствах? Да просто потому, что потребность сельскохозяйственного капитала в накоплении в данное время уже насыщена и, в отличие от фабричной индустрии насыщена так прочно, что, как доказывает нам всеобщее увеличение городского населения насчет сельского, отлив рабочих в земледелие покамест не сопровождается приливом. Итак, какое же тут абсолютное перенаселение—оно такое же относительное, как и среди повсюдного господства капиталистической продукции? К тому же не должно забывать, что переход от земледелия к фабрикам совершался совсем не в таких мягких формах, как утверждает *Ланге*. Относительное перенаселение здесь возникало, благодаря отнятию у крестьян громадной массы общинных земель и обращению их в пастбища и парки.

Не более верным считаем мы и то выражение *Ланге*, что путем *капитализирования* излишков заработка, который доставляет рабочему на первых порах фабрика, можно будто бы серьезно противодействовать последствиям давления кризисов и машин. В самом благоприятном случае подобные сбережения только перемещают тягость с одних плеч на другие, или, говоря иначе, делают участниками в накоплении одних людей при том условии, что другие люди поступят на их место и сделаются наемными рабочими. Никакого иного смысла слово *капитализация* иметь не может.

ВАРИАНТЫ

ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ ПО ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

«Н. Зибер, «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями». Опыт критико-экономического исследования», Киев 1871 г.

¹ После слов «важнейших частях его доктрины» следует: «и которая, по мнению самого Рикардо, нарушается в некоторых пунктах вмешательством посторонних элементов» (стр. II).

² Словам в скобках соответствует: «статической роли ценности и капитала» (стр. II).

³ После слов «так как» следует: «входящие в него вопросы отличаются слишком большою сложностью, и критическое отношение к ним требует слишком громадного количества знаний» (стр. II).

⁴ Следует следующий абзац: «В видах лучшего уяснения теоретических начал мы приводим в своем исследовании мнения писателей различных школ и оттенков. Нам интересует, при этом, единственное теоретическое—положительное или отрицательное—значение тех или других обобщений, сделанных над существующими экономическими явлениями. Правильно или неправильно произведено то или другое наблюдение,— вот, по нашему мнению, вопрос, которым должны исчерпываться пределы собственно научной критики. Что же касается области искусства, выводов, симпатий и антипатий, одобрений и порицаний, то наше исследование оставляет ее совершенно в стороне, как не имеющую ничего общего с наиболее простыми и абстрактными построениями. Следующие слова Дж. Ст. Милля наглядно объясняют всю опасность внезапных переходов от неполных теоретических истин к искусству и выводам. «Особенно нужно иметь в виду», говорит он («Логика», т. II, стр. 259), «что теорема или умозрительная истина не прежде будет готова для обращения ее в предписание, как если уже выполнена вся операция, принадлежащая науке, а не одна лишь ее часть... Если при таком несовершенном состоянии научной теории, мы вздумаем составить правило искусства, то совершим этот процесс преждевременно... Тогда никакие выводы из правила или относительно правила не выведут нас из затруднения: остается лишь вернуться назад и докончить научный прием, который должен был предшествовать составлению правила» (стр. III).

⁵ После «Дж. Милья» следует «Мальтус» (стр. 1).

⁶ После слов «классической экономии» следует «(Смит, Мальтус, Рикардо)» (стр. 2).

⁷ После слова «Смита» следует «Мальтуса» (стр. 2).

⁸ После слова «Смитом» следует «Мальтусом» (стр. 3).

⁹ Слова в скобках отсутствуют (стр. 4).

¹⁰ Отсутствует (стр. 10).

¹¹ Отрывку в скобках соответствует: «Три вещи очень часто упускались экономистами из виду, при обработке учений о том или о другом хозяйственном явлении. Во-первых, общественное хозяйство ошибочно принималось тождественным хозяйству частному*. Во-вторых, время для производства наблюдений выбиралось самым ненаучным образом. В-тре-

тых, при решении некоторых вопросов сваливались в груды самые разнообразные отношения, часто совершенно противоположные, и, фигурируя под общим названием, вели к ложным заключениям о законах, управляющих ими» (стр. 12).

¹² Словам в скобках соответствует: «Не может быть речи о сотрудничестве в отдельных хозяйствах, если под ними разуместь деятельность одного лица» (стр. 14).

¹³ Следует: «Пользование кредитом для государства есть учет труда будущего, говорят экономисты**». Для отдельного хозяйства это, без сомнения, так. Для общественного же, по отношению к которому вопрос о том, кто именно потребил наличное имущество, Иван или Петр, и кто из них остался другому должен, есть вопрос второстепенный: кредит влечет за собою простое перемещение имущества, сегодня из рук А в руки В, завтра наоборот. В результате нет никакого учета, а есть только потребление наличного имущества» (стр. 16—17).

¹⁴ Слова в скобках отсутствуют (стр. 16).

¹⁵ Словам в скобках соответствует: «ни в каком случае не зависит от его воли, точно так же, как и получаемого в обмен» (стр. 18).

¹⁶ Отрывку в скобках соответствует: «Вторая важная ошибка многих экономистов, сказали мы, состоит в том, что время для наблюдений выбирается ими часто крайне ненаучным образом.

Всякое явление может быть наблюдаемо или в состоянии покоя, или в состоянии движения. По самой сущности дела, наблюдение над явлением в состоянии покоя требует, чтобы был избран *один* момент. Где, напротив, речь идет о движении явления (равномерном, замедленном или ускоренном),—необходимо избрать для наблюдения *ряд* моментов, из которых каждый представляет явление в новом виде.

Если явление, подлежащее исследованию в состоянии покоя, наступает и длится беспрепятственно, не терпит противодействия или помощи со стороны других явлений,—то каждый момент совершения его одинаково хорош для наблюдения. В противном случае необходимо взять момент средний, т. е. такой, который, за отсутствием полного равенства между размерами явлений в различное время, указывал бы хоть приблизительное равенство между ними. Сложность общественных явлений не допускает употреблять в дело какой-нибудь иной способ наблюдения, кроме способа средних чисел. Даже дедуктивное исследование, насколько оно приводит к выводам, совпадающим с действительностью,—производится тем же способом,—пертурбационные явления удачно устраняются, сначала посредством отвлечения, впоследствии путем проверки» (стр. 20—21).

¹⁷ Здесь дана следующая сноска: «Систематическое разграничение между динамикою и статикою экономических явлений, если мы не ошибаемся, в первый раз последовательно проводится Дж. Ст. Миллем в его «Основах политической экономии». В более широкой сфере—социологии тот же прием употребляет Ор. Конт. «Эмпирические законы общества бывают двух родов: одни суть единообразия сосуществования, другие еди-

* Как часто в экономических исследованиях игнорировались следующие превосходные слова Quetelet: «En les (les lois, qui concernent l'espèce humaine) examinant de trop près, il devient impossible de les saisir et l'on n'est frappé que des particularités individuelles qui sont infinies. Dans le cas même on les individus seraient exactement semblables entre eux, il pourrait arriver, qu'en les considérant séparément, on ignorât à jamais les lois les plus curieuses aux quelles ils sont soumis sous certaines influence. Ainsi, celui, qui n'aurait jamais étudié la marche de la lumière que dans des gouttes d'eau prises isolément, ne s'éleverait qu'avec peine à la conception du brillant phénomène de l'arc-en-ciel; peut-être même l'idée ne lui viendrait jamais, s'il ne se trouvait accidentellement dans les circonstances favorables pour l'observer» («Sur l'homme et le développement de ses facultés», t. I, p. 6).

** Например Гок «Налоги и государственные долги», стр. 228.

нообразия последовательности. Смотри потому, занимается ли наука дознанием и проверкой первого рода единообразий или второго, Конт дает ей название *социальной статистики* или *социальной динамики*, подобно тому как в механике различаются условия равновесия и условия движения, или в биологии законы организации и законы жизни. Первая ветвь науки исследует законы устойчивости человеческих обществ, вторая—законы прогресса» (Милль «Система логики», т. II, стр. 497, см. также Милль «Основания политической экономии», т. II, стр. 221 и след.) (стр. 21).

¹⁸ Словам в скобках соответствует: «момент для наблюдения явления в состоянии покоя, должен быть выбран и пункт для той же цели» (стр. 22).

¹⁹ Словам в скобках соответствует: «каждый пункт одинаково годен» (стр. 22).

²⁰ «с функциями своими, не представляет такого пункта, который был бы во всех отношениях одинаков со всеми остальными» (стр. 22).

²¹ «никакой прибыли» (стр. 22). Далее следует абзац: «Если явление наблюдается в состоянии движения, то *каждый* момент, проходимый им, должен быть выбран тем же способом, каким выбирается *один* момент для наблюдения явлений в состоянии покоя. Сумма моментов укажет градацию развития, упадка или равномерного движения явление» (стр. 22).

²² Следует фраза: «Прежде всего усиление разделения труда—очевидно динамическое явление» (стр. 23).

²³ Следует абзац: «Ясно, что в приведенном примере смешаны статическая и динамическая стороны наблюдаемых явлений, подстановке одной силы вместо другой, ей равной, дано значение факта, способствующего увеличению силы, развитию ее во времени. И это независимо от того, что причина и следствие поставлены друг относительно друга совершенно случайно. Это доказывается уже самою возможностью вопроса: «не наоборот ли?» (стр. 24).

²⁴ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 26).

²⁵ Фраза в скобках отсутствует (стр. 26).

²⁶ Слова в скобках отсутствуют (стр. 27).

²⁷ Слова в скобках отсутствуют (стр. 27).

²⁸ Следует фраза: «Что же касается этой классификации, то значение ее чисто динамическое, а не статическое» (стр. 30).

²⁹ Словам в скобках соответствует: «статическую классификацию» (стр. 30).

³⁰ Отсутствует (стр. 34).

³¹ «Пока хозяйство это не пришло в сношения с другими, до тех пор обладание вещами решительно ни в чем не проявляется, за исключением того, что люди не пользуются вещами, находятся при них: но ясно, что в противном случае не могло бы идти и речи о каких-либо отношениях людей к вещам и т. п.» (стр. 35).

³² Отрывок в скобках отсутствует (стр. 36).

³³ Слова в скобках отсутствуют (стр. 44).

³⁴ Словам в скобках соответствует: «остается вне всякого проявления в экономическом смысле» (стр. 47).

³⁵ «Что в совокупности хозяйств, характеризующейся самостоятельностью их, оно играет также гораздо менее важную роль, нежели та, которую приписывают ему некоторые экономисты (Walras, Roesler), это мы постараемся сейчас показать» (стр. 47).

³⁶ «1) как полезность, так и труд,—единственные элементы ценности,—не представляють ничего субъективного, напротив, они оба—явления внешние, могущие подлежать исследованию; значит и ценность—явление, вытекающее из них,—имеет вполне реальное, а не абстрактное существование, следовательно, не может уклониться от точного исследования; 2) как полезность, так и труд, представляют атрибуты *каждого* хозяйственного предмета, следовательно, и ценность не может быть названа только *отношением* между предметами, как пытались доказать некоторые из экономистов; 3) элементы ценности состоят налицо, как в изолиро-

ваниом хозяйстве, так и в хозяйстве с разделенным трудом, следовательно, разница между тем и другим в отношении к ценности может заключаться только в том, что путем обмена ценность определяется, выясняется» (стр. 48—49).

³⁷ Словам в скобках соответствует: «что касается теории Рикардо и группирующихся вокруг него экономистов, то, вообще, она характеризуется следующими чертами» (стр. 50).

³⁸ Словам в скобках соответствует: «эквивалентности» (стр. 52).

³⁹ «Более рациональный и общий вид принимает учение в тех случаях, когда понятия о прибыли, ренте, задельной плате оставляются на время в стороне, и главное внимание привлекает обмен, так сказать, элементарный. Отсюда первоначальное общество, дикари, обменивающиеся между собою дичью, рыбою и т. п. (Рикардо), первоначальный работник, получающий весь продукт (Смит), и т. д.» (стр. 54).

⁴⁰ Отрывку в скобках соответствует: «Locke, основывая собственность на труде, естественно должен был прийти к заключению, что труд находится в известном соотношении и с ценностью. «Так же, не столь странно, как может показаться с первого взгляда, то, что собственность труда может одержать верх над общением земли. Ибо, в действительности, труд кладет различие между ценностями вещей. Пусть подумают только, какая существует разница между акром земли, засаженным табаком или сахаром, засеянным пшеницей или овсом, и акром той же земли, но необработанным; непременно найдут, что улучшение посредством труда сообщает большую часть ценности. Я полагаю, что это будет очень умеренная оценка, если сказать, что из продуктов земли, полезных в жизни человека, — $\frac{9}{10}$ составляют результат труда; теперь, если мы захотим правильно оценить вещи, так, как они входят в потребление наше, и высчитать различные издержки, которыми обязаны одной природе и одному труду, то найдем, что в большей части вещей $\frac{99}{100}$ должны быть целиком приписаны труду». «Акр земли, приносящий здесь 20 бушелей пшеницы, и другой в Америке, который, при той же обработке, давал бы столько же, имеют, без сомнения, одну и ту же естественную, внутреннюю (intrinsic) ценность: но прибыль, полученная людьми от первого из них составляет в год ценность ф. 5, от второго же, быть может, не составляет и пени, если оценить и выплатить всю прибыль индеец здесь, т. е., поистине говоря, не достигает и $\frac{1}{100}$ ». Труд сообщает большую часть ценности земле, без него она почти ничего бы не стоила: ему мы обязаны большею частью наших полезных продуктов; ибо весь излишек ценности соломы, отрубей, хлеба с этого пшеничного поля, над ценностью продукта с акра столь же хорошей земли, но не обработанной, составляет результат труда. Ибо в хлебе, который мы едим, должно считать не только усилие работника, идущего за плугом, труд жнеца и молотильщика и пот мельника, но и труд тех, что растил быков, выкапывал и изготовлял железо и камни, кто рубил лес и придавал ему форму, кто строил плуг, мельницу или какую-нибудь другую утварь... природа и земля снабжают нас только в высшей степени лишенным ценности материалом, как в приведенном случае...». Понятие о ценности у Locke, без сомнения, довольно сбивчиво: раз она означает у него полезные свойства предметов или самые предметы, другой раз сумму денег, выплачиваемую за предметы. Но, как бы то ни было, понятие о труде стоит у него бесспорно на первом плане и потому он может быть причислен к предшественникам Смита и Рикардо» (стр. 56—57).

⁴¹ Словам в скобках соответствует: «ибо нет сильной конкуренции на одной только стороне» (стр. 59).

⁴² Словам в скобках соответствует: «двойной конкуренции» (стр. 59).

⁴³ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 60).

⁴⁴ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 62).

⁴⁵ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 64).

⁴⁶ Отрывку в скобках соответствует: «Mercier de la Rivière, без сомнения, имеет не довольно отчетливое представление о том свойстве обмениваемых предметов, сравнение которого решает вопрос о меновых пропор-

циях. Указывать как на мерило этих пропорций—на деньги, значит, оставлять без решения вопрос, какая сила ставит ту или другую сумму денег в известное соотношение с каждым из поступающих в обмен продуктов. Но даже и в том приеме, с каким относится к делу Mercier de la Rivière, можно заметить инстинктивную потребность отыскать более прочные и постоянные условия обмена, нежели те, которые признавались писателями меркантилистического направления, и теми, работы которых представляют переход от физиократии к экономии Смита (например, Condillac). Та же потребность видна и в следующей цитате, где идет речь о том, что ценности, и ценности равные, состоят налицо еще до обмена. Из нее, сверх того можно заключить, что M. de la Rivière отлично представлял себе, в чем состоит действительная роль обмена, также затмеваемая у многих экономистов посторонними делу обстоятельствами*» (стр. 64—65).

⁴⁷ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 67).

⁴⁸ Следует фраза: «Таково требование приемов статического исследования, обнимающего собою все вопросы о строении, организации, в противоположность росту, развитию, упадку явлений. Вопрос о ценности несомненно принадлежит к категории вопросов этого рода, по крайней мере, тою своею стороною, о которой идет речь» (стр. 73).

⁴⁹ Слова в скобках отсутствуют (стр. 75).

⁵⁰ Слова в скобках отсутствуют (стр. 77).

⁵¹ Словам в скобках соответствует: «множество сил» (стр. 89).

⁵² Отрывок в скобках отсутствует (стр. 89—90).

⁵³ Отрывок в скобках отсутствует (стр. 93).

⁵⁴ Словам в скобках соответствует: «статической формулы ценности, при существовании которой только и мыслимо построение динамической, он сооружает сразу последнюю и в основание ее кладет непрочный материал пертурбаций движения, вместо элементов его» (стр. 95).

⁵⁵ Словам в скобках соответствует: «во-первых, та статическая, эта динамическая; во-вторых, та обнимает собою все меновые случаи среднего момента» (стр. 95).

⁵⁶ Словам в скобках соответствует: «Таков динамический ход меновых отношений» (стр. 103).

⁵⁷ Следует: «Статический же, равномерный,—нажды из ступеней предыдущего» (стр. 103).

⁵⁸ Словам в скобках соответствует: «из которых одни,— например, задельная плата,—составляли расход, могут кое-как приводиться к труду; другие—проценты и пр.—не сводясь к труду, представляют расход; наконец, третьи—прибыль предпринимателя,—также не сводясь к труду, представляют доход» (стр. 112).

⁵⁹ Словам в скобках соответствует: «сам продукт» (стр. 112).

⁶⁰ Словам в скобках соответствует: «статические» (стр. 132).

⁶¹ Отсутствует (стр. 133).

⁶² «равенство снабжений и требований, спроса и предложения» (стр. 144).

⁶³ Этот отрывок отсутствует (стр. 149).

⁶⁴ Этот подзаголовок отсутствует (стр. 154).

⁶⁵ Соответствует следующий отрывок:

«Товар,—говорит Маркс**,—есть прежде всего предмет, удовле-

* Например, у Condillac'a «Le commerce et le gouvernement», p. 57: «En effet, si on échangeoit toujours valeur égale pour valeur égale, il n'y aurait de gain à faire pour aucun des contractans. Or, tous deux en font ou ne doivent faire. Pourquoi? C'est que, les choses n'ayant qu'une valeur relative à nos besoins, ce qui est plus pour l'un est moins pour l'autre et réciproquement. L'avantage est réciproque, et voilà sans doute ce qui a fait dire qu'ils se donnent leur à l'autre valeur égale pour valeur égale. Mais on a été peu conséquent: car précisément de ce que l'avantage est réciproque, on aurait du conclure que chacun donne moins pour plus».

** «Das Kapital», Cap. I.

творяющий какой бы то ни было потребности, посредственной или непосредственной, заявленной желудком или фантазией. Будучи полезна человеку, каждая вещь имеет ценность потребления. Ценности потребления представляют материальное содержание богатства, какова бы ни была общественная форма его. Та общественная форма богатства, которую нам предстоит рассмотреть, есть меновая ценность. Меновая ценность представляется прежде всего количественным отношением, пропорцией, в которой ценности потребления одного рода обмениваются на ценности потребления другого рода, отношением, изменяющимся смотря по месту и времени. Меновая ценность кажется поэтому чем-то случайным и в то же время прирожденным товару. Действительно, отдельный товар меняется в самых различных пропорциях на другие товары; но, тем не менее, меновая ценность его остается неизменной, что бы ни выражала она—*z* шелка или *y* золота. Меновое отношение двух товаров представляется в виде уравнения; например, 1 квартал пшеницы—*a* центнера железа. Что означает это уравнение? Что две различные вещи имеют одну и ту же меновую ценность. Обе, следовательно, равны чему-то третьему, что само по себе не есть ни та, ни другая. Каждая из вещей, насколько она есть меновая ценность, приводится к этому третьему, независимо от другой. Что меновая ценность есть нечто отличное от потребительной ценности—это доказывает с первого взгляда меновое отношение. Оно характеризуется именно отвлечением потребительной ценности. По отношению к меновой ценности все блага одинаково хороши, если только между ними существует правильная пропорция. Товары можно рассматривать просто как ценности, независимо от менового отношения, или от формы, в которой они являются как меновые ценности. Ценность товара есть не что иное, как заключенный в нем труд. Единица меры труда есть простой средний труд, которого характер изменяется по странам и культурным эпохам, но в известном обществе представляет данную величину. Сложный труд есть потенцированный или осложненный труд, незначительное количество которого равняется большому простого труда. Размер ценности товара определяется посредством измерения количества заключающегося в товаре труда, т. е. вещества, образующего ценность. Количество же труда измеряется посредством определенных промежутков времени, например часа, дня и т. п. Только общественно необходимое рабочее время образует ценность. Если бы это было не так, то чем более был бы неловок и ленив работник, тем большую ценность имел бы произведенный им продукт, потому что тем больше он затратил бы на производство его рабочего времени. Общественно необходимое рабочее время определяется данными, общественно нормальными условиями производства и общественной средней степенью ловкости и интенсивности труда. Например, по введению парового ткацкого станка в Англии, известное количество пряжи стало превращаться в ткань вдвое скорее, чем прежде: ручная работа ткача как прежде, так и теперь представляет одно и то же количество рабочего времени, но продукт его индивидуального рабочего часа представляет теперь только половину общественного рабочего часа, а потому и упал на половину своей ценности. Итак, размер ценности блага определяется количеством общественно необходимого на его производство труда или рабочего времени. Отдельный товар есть в этом отношении не более, как средний экземпляр своей породы. В качестве ценностей все товары представляют известную массу конденсированного в них рабочего времени. Но необходимое рабочее время изменяется с каждой переменной в производительной силе труда. Эта последняя определяется между прочим средней степенью ловкости рабочего, степенью развития науки и ее технологического применения, общественною комбинацией производственного процесса, количеством и способностью к производству орудий производства и естественными отношениями. Одно и то же количество труда заключается в благоприятный год в 8 бушелях пшеницы, в неблагоприятный—в 4; одним и тем же количеством труда в богатом руднике добывается более металла, нежели в бедном. Вещь может иметь потребительную ценность, не имея меновой;

например, вещь, найденная без труда. Вещь может быть полезна и быть продуктом труда, не будучи товаром; например, вещь, сделанная для удовлетворения собственной потребности, а не чужой. Чтобы произвести товар, нужно произвести не только потребительную ценность, но и потребительную ценность для других, общественную потребительную ценность» (стр. 154—156).

⁶⁶ Соответствует следующий отрывок:

«Подобно тому, как товар представляет характер двойственный—ценности потребления и ценности меновой, так и заключенный в товаре труд носит также двойственный характер. Из двух товаров—сюртука и холста—первый имеет, положим, вдвое большую ценность, чем второй; так что 10 локтей холста = 4, сюртук = 2 *ц*. Сюртук есть потребительная ценность, удовлетворяющая специальной потребности. Чтобы произвести его, нужен особый род целесообразной производительной деятельности, которая определяется целью, предметом, орудиями и результатом производства. Назовем эту деятельность для краткости полезным трудом. Как сюртук и холст суть качественно различные ценности потребления, так различен качественно и потраченный на производство их труд—шитье платья и ткачество. Если бы не существовало этих качественных различий между продуктами и родами труда, то не могло бы состояться обмена: никто не станет менять сюртука на сюртук. В общей массе разнородных потребительных ценностей заметна совокупность столь же различных по роду, виду и т. д. полезных работ—общественное разделение труда. От него зависит производство товаров, но само оно не зависит от этого производства. В древнеиндийской общине труд был разделен общественно, хотя продукты и не были товарами. На каждой фабрике труд разделяется систематически, хотя рабочие и не меняются между собою своими индивидуальными продуктами. Только продукты самостоятельных и независимых друг от друга частных работ выступают друг против друга как товары. Перейдем теперь от потребительной ценности товара к меновой его ценности. Будучи ценностями, сюртук и холст однородны, служат объективными выражениями труда одного и того же рода. Шитье платья и ткачество холста, будучи работами качественно различными, составляют производительное обнаружение человеческих мускулов, мозга, нервов, и в этом смысле объединяются в одном понятии *человеческого* труда. Это лишь две различные формы обнаружения человеческой рабочей силы. Между простой рабочей силой поденщика и развитой рабочей силой портного существует только количественное различие. Если, например, сюртук представляет продукт одного рабочего дня портного, то он имеет ту же ценность, как и продукт двух рабочих дней сельского рабочего. Различные пропорции, в которых различные роды труда приводятся к простому труду, как к единице своей меры, устанавливаются путем общественного процесса за спиной производителей и обнаруживаются для них в той или другой величине их доходов. Ради простоты, мы станем считать далее всякую сложную работу за простую, чем сэкономим труд приведения первой из них ко второй. Итак, подобно тому, как в ценностях сюртука и холста отвлекается различие их в потребительных ценностях, так и в труде, представляемом этими ценностями, отвлекается различие полезных форм, из которых одна—шитье, другая—ткачество. Образовательными элементами ценностей потребления сюртука и холста шитье и ткачество являются именно потому, что *различны* по качеству; образовательными же ценности сюртука и холста они являются, наоборот, вследствие того, что особенные их качества отвлекаются и остается одно, *общее обоим* и равное у обоих *качество* человеческого труда. Хотя большее количество потребительной ценности и представляет большее материальное богатство, но возрастанию материального богатства может соответствовать падение величины его ценности. Это противоположное движение зависит от двойственного характера труда. Производительная сила естественно есть не что иное, как производительная сила *полезного, конкретного труда*. Поэтому перемена в ней не действует на *труд, представляемый ценностью*. Один

и тот же труд в один и тот же промежуток времени представляет постоянно один и тот же размер ценности, как бы ни изменялась производительная сила. Но труд дает в одинаковые промежутки различные количества благ, ценностей потребления: большее при увеличении, меньшее при уменьшении производительной силы. Может произойти, что два сюртука станут содержать меньше труда, чем прежде один, и наоборот. Из предыдущего следует, что хотя в товаре и не заключается двух различных сортов труда, но один и тот же труд определяется неодинаково и даже противоположно, смотря по тому, говорят ли о нем, имея в виду произведенную им ценность потребления, или же ценность товаров. Как товар, для того, чтобы стать ценностью, должен быть ценностью потребления, так и труд должен быть прежде полезным трудом, чем считаться выражением человеческой рабочей силы, человеческим трудом» (стр. 156—157).

⁶⁷ Соответствует следующий отрывок:

«Перейдем к анализу *формы* ценности. Возьмем два количества товаров, стоящие одинакового рабочего времени, следовательно два равные *размера* ценности; например, 40 локтей холста = 2 сюртукам, или 40 локтей холста имеют цену двух сюртуков. Мы видим, что ценность холста выражена в определенном количестве сюртуков. *Ценность* товара, представленная таким образом в *потребительной ценности* другого товара, есть *относительная ценность* первого. Относительная ценность товара может изменяться, хотя ценность его остается постоянной, и наоборот. Так, ценность холста изменяется при увеличении или уменьшении количества рабочего времени, необходимого на производство его, ценность сюртуков остается без изменения. Отсюда следует, что относительная ценность товара *A*, выраженная в товаре *B*, возвышается и падает в прямом отношении к ценности товара *A*, при одной и той же ценности товара *B*. Наоборот, ценность холста остается без изменения, ценность сюртуков изменяется, когда потребное на производство сюртука время увеличивается или уменьшается. Отсюда вытекает, что при одной и той же ценности товара *A* относительная его ценность, выраженная в товаре *B*, возвышается и падает в обратном отношении к изменению в цене товара *B*. Затем, потребные на производство сюртуков и холста количества труда могут изменяться одновременно, в одном и том же направлении, в одной и той же пропорции. Изменения в ценностях можно открыть в таком случае только путем сравнения с третьим товаром, ценность которого осталась без изменения. Наконец, время, необходимое на производство холста и сюртука, может изменяться в одном и том же направлении, но не в одинаковой степени или в противоположном направлении и т. п. Влияние всех возможных комбинаций на относительную ценность товаров может быть объяснено при помощи приведенных выше определений. Мы рассмотрели теперь относительную ценность с количественной ее стороны. Обратимся к ее форме. Мы видели, что вещь, обладающая формой товара, должна иметь двойную форму, форму ценности потребления и ценности меновой. Первая—*естественная* форма товара, вторая—*общественная*. Форма ценности товара выражается в отношении товаров между собою. Остановимся на простейшем образе этого отношения—на отношении между *двумя* товарами. В уравнении 20 локтей холста = 1 сюртуку, холст выражает свою ценность в отличном от себя товаре—сюртуке,—сюртук, наоборот, служит материалом такого выражения; первый является в своей относительной форме ценности, второй—в эквивалентной. Та и другая формы суть два, условливающие друг друга, нераздельные момента ценности, но в то же время обе они и полны между собою. Товар, находящийся в одной из них, предполагает существование другого товара в другой форме и не может одновременно быть в обеих формах. Конечно, в выражении 20 локтей холста = 1 сюртуку, холст имеет относительную форму ценности для владельца холста, сюртук ту же форму для владельца сюртука; с точки зрения первого эквивалент—сюртук, с точки зрения второго эквивалент—холст. Таким образом, выходит, что как будто оба товара имеют одновременно обе формы; но следует заметить, что здесь принимаются в расчет, во-пер-

вых, два лица, во-вторых, два различных выражения ценности. Посредством относительного выражения ценность товара получает отличную от своей потребительной ценности форму. Форма потребления товара — холст. Форму ценности он получает в своем отношении равенства с сюртуком. Сверх того, будучи ценностью определенной величины, холст измеряется количественно посредством той пропорции, в которой уравнивается с ним другой товар. Если товар имеет эквивалентную форму, то это значит, что он обладает формой непосредственной меняемости на другой товар; чтобы явиться в качестве ценности относительно другого товара, он не нуждается в форме, отличной от своей непосредственной, естественной формы. Но товар становится эквивалентом не иначе, как в меновом отношении. Сам по себе товар есть просто полезная вещь, потребительная ценность. Приводим в пояснение следующий пример. Голова сахару, будучи телом, имеет вес; но вес этот нельзя определить иначе, как путем уравнения его с весом другого тела — куска железа, весом; который определен заранее. Естественная форма железа сама по себе столь же мало составляет форму проявления веса, как и форма сахара. Но, становясь в весовое отношение с сахаром, количество железа является формой проявления тяжести сахара, и, состоя в этом отношении, оно ничего более и не выражает кроме тяжести или веса. Подобно этому и в нашем выражении сюртук выступает против холста *только* в качестве ценности. Какой бы предмет ни служил эквивалентом холсту, он служит воплощением абстрактного человеческого труда, но лишь настолько, насколько, будучи эквивалентом, предмет этот представляет овеществление конкретных полезных работ — шитья платья, земледелия, горного дела и т. д. Служа эквивалентом, продукт имеет непосредственно общественную форму, т. е. форму непосредственной меняемости или ценности другого товара, потому что представляет продукт самостоятельной частной работы — члена общественного разделения труда. Простой относительной форме ценности товара соответствует *единичная* эквивалентная форма другого товара. Так, сюртук обладает эквивалентною формой, или формой непосредственной меняемости, лишь в отношении к одному холсту. При вступлении холста в отношение ценности то с тем, то с другим товаром, возникают различные простые выражения ценности. Таким образом, является *развитая* форма ценности: 20 локтей холста = или 1 сюртуку, или 10 фунтам чаю, или 40 фунтам кофе и т. д. Ценность одного товара — холста — представляется теперь во всех других элементах всей совокупности товаров и является впервые действительною ценностью, т. е. человеческим трудом *вообще*. С этим трудом уравнивается теперь всякий человеческий труд, какою бы он ни обладал естественною формою — сюртука, пшеницы, железа или золота. Холст становится в общественное отношение уже не с одним товаром, а с целым миром товаров. Но каждый из товаров-эквивалентов представляет в этом случае не больше, как особый эквивалент, исключаящий собой другой. Если бы рядом с холстом поставить другие товары, то каждый из них имел бы свой особый ряд эквивалентов. Как естественная форма, так и конкретный полезный труд, содержащийся в каждом эквиваленте, являются лишь особенными формами, а не общею формою проявления всеобщего человеческого труда. Но каждое из приведенных уравнений содержит в себе и обратное, тождественное с ним; именно: 1 сюртук = 20 локтям холста, 10 фунтов чаю = 20 локтям холста, 40 фунтов кофе = 20 локтям холста и т. д. Таким образом, является *общая* форма ценности:

$$\left. \begin{array}{l} 1 \text{ сюртук} = \\ 10 \text{ фунтов чаю} = \\ 40 \text{ фунтов кофе} = \end{array} \right\} 20 \text{ локтям холста.}$$

и т. д.

Каждый из товаров выражает теперь свою ценность в одном и притом общем с другими товаре. Холст служит в этом случае всем товарам в качестве общего образа, эквивалента ценности и обладает в этой форме общею,

общественной формой. Только получив общий характер, форма ценности соответствует вполне понятию о ценности. В этой форме все товары являются в виде безразличных, однородных, человеческих работ, т. е. все *качественно* уравниваются. Вместе с тем, как видно из выражения, они уравниваются и *количественно*: если 10 фунтов чаю = 20 локтям холста и 40 фунтов кофе тоже = 20 локтям холста, то 10 фунтов чаю = 40 фунтам кофе, или в каждом 4 фунтах кофе заключается столько же труда, сколько в 1 фунте чаю. Содержащийся в холсте частный и конкретный труд становится трудом в непосредственно общей, общественной форме, форме равенства со всяким другим трудом. В форме *простой* относительной ценности полярность между нею и эквивалентною формою проявлялась чисто формально. Стоило перевернуть ряд — и эквивалент становился на место относительной ценности, а относительная ценность на место эквивалента. Во *второй* форме только один товар вполне развивал свою относительную форму ценности, в то время, как все другие служили ему эквивалентами. Наконец, в третьей форме весь мир товаров обладает общеобщественной, относительной формой ценности настолько, насколько все составляющие его товары исключены из эквивалентной формы, или из формы непосредственной меняемости. Общую эквивалентную форму товар получает только тогда, когда он исключен в качестве эквивалента из всех других товаров. В историческом развитии формы товара общую эквивалентную форму приобретал то один, то другой товар. Но, как только являлся такой товар, относительная форма ценности других товаров получала объективную устойчивость и всеобщее общественное признание. Специфический товар, форма которого есть вместе и общая эквивалентная форма, становится денежным товаром, или функционирует в качестве денег. Предположим, что товар этот — золото, и таком случае *оно* станет на место холста в нашем последнем выражении и будет отличаться от холста специфической естественной формой, признанной обществом за эквивалентную. Золото выступает против других товаров не прежде, как побывав товаром. Подобно всем другим товарам, оно функционировало сначала в качестве то простого эквивалента в единичных меновых актах, то особого эквивалента, наряду с другими такими же. Мало-помалу оно стало функционировать в качестве общего эквивалента, конечно в более или менее широкой сфере. Простое относительное выражение ценности товара, например холста, в денежном товаре — золоте — есть форма цены. Форма цены холста такова: 20 локтей холста = 2 унциям золота, или, если монетное наименование двух унций представляет 2 ф. ст., то 20 локтей холста = 2 ф. ст.» (стр. 157—162).

⁶⁸ Соответствует следующий отрывок:

«Неясный характер товара вытекает не из потребительной его ценности. Нет ничего загадочного в том, что человек изменяет свою деятельность формы природной материи с целью достичь полезных для себя результатов. Столь же мало загадочно сама по себе и меновая ценность. Как бы ни были различны конкретные роды труда, составляет физиологическую истину, что все они являются в виде функций человеческого организма, и отличие от других организмов, и что, каковы бы ни были их содержание и форма, функция эта есть обнаружение человеческого мозга, мускулов, нервов и т. д. Что касается определения размера ценности посредством количества труда, то оно также легко отличимо от качества труда. Наконец, ясно также само по себе, что когда люди работают друг для друга, то труд их имеет общественную форму. Робинзон на своем острове удовлетворял различным своим потребностям с помощью различных родов труда. Но, несмотря на это, он хорошо знал, что все эти различные роды составляют лишь различные формы деятельности одного и того же Робинсона, различные способы *человеческого* труда. Если бы он завел записную книжку, то вероятно отмечал бы в ней сколько рабочего времени приходится ему тратить на производство того или другого блага. Все отношения между Робинзоном и вещами совершенно просты и ясны, но тем не менее в них содержатся все существенные определения ценности. Поста-

вим на место Робинзона общество свободных людей, которые трудятся с помощью общих орудий производства и обнаруживают свои индивидуальными рабочими силы в качестве общественной рабочей силы. Все определения робинзонова труда повторяются здесь общественно. Но продукты труда Робинзона были для него исключительно личными продуктами, предметами потребления для него, общий же продукт есть продукт общественный. Часть его должна быть распределена между соучастниками производства. Образ этого распределения изменяется, смотря по роду самого общественного производственного организма и по соответствующей ему высоте исторического развития производителей. В параллель к производству товаров предположим, что часть производителя определяется рабочим временем. Рабочее время играло бы в таком случае двойную роль... Его общественное планомерное разделение устанавливало бы правильную пропорцию между различными работами и потребностями, и, сверх того, оно служило бы мерою потребляемой индивидуальным производителем части общего продукта. Общественные отношения людей к их работам остаются совершенно просты как в производстве, так и в распределении. Откуда же вытекает загадочный характер продукта, когда он принимает *форму товара*? Люди относят различные работы одну к другой в качестве человеческого труда не иначе, как относят свои *продукты* друг к другу в качестве ценностей. Личное отношение прикрывается вещною формой. Чтобы отнести свои продукты один к другому в качестве товаров, люди принуждены уравнивать свои различные работы с общечеловеческим трудом. Они делают это бессознательно, но тем не менее делают, когда приводят материальную вещь к абстракции ценности. Это—естественная, инстинктивная операция мозга, необходимо вытекающая из особенного способа материальной продукции и отношений, в которые она ставит людей. Что касается далее размера ценности, то частные работы, функционирующие независимо друг от друга, но, в качестве членов общественного разделения труда, находящиеся в теснейшей связи друг с другом, непрерывно приводятся к своей общественной относительной мере, благодаря тому, что необходимое на производство их рабочее время действует в качестве естественного закона (подобно закону тяжести), регулирующего случайные и колеблющиеся меновые отношения продуктов. Определение размеров ценности посредством рабочего времени является поэтому замаскированным наглядными движениями в относительной ценности товаров. Собственное общественное движение производителей принимает, по отношению к ним, форму движения вещей, под контролем которых находятся они, вместо того, чтобы самим контролировать это движение. В отношении, наконец, к форме ценности следует заметить, что именно она есть та форма, которая маскирует вещною оболочкой общественные отношения частных рабочих и общественные определения частных работ. Когда говорят, что сюртук, сапог и т. д. относятся к холсту, как всеобщему воплощению абстрактного человеческого труда, то неясность этого выражения очевидна. Тем не менее, когда производитель сюртука, сапог и т. д. относит эти товары к холсту, как всеобщему эквиваленту, то общественное отношение их частных работ является в их глазах именно в такой превратной форме. Означенные формы представляют собою категории известного исторически-определенного общественного способа производства. Частные производители вступают между собой в общественное соприкосновение посредством частных продуктов вещей. Общественные отношения их работ существуют и проявляются не в качестве общественных отношений лиц к их работам, а в качестве *вещных* отношений лиц или общественных отношений вещей. Итак, неясный характер товара вытекает из того, что общественные определения частных работ являются их частным производителям в качестве общественно-естественных определений продуктов труда, что общественно-производственные отношения *лиц* являются в качестве общественных отношений *вещей* друг к другу и к лицам. Отношения частных работников к общественной совокупной работе *овеществляются* и являются им в форме предметов» (стр. 162—164).

⁶⁹ Соответствует следующий отрывок:

«Необходимый продукт менового процесса товаров представляют деньги. Внутреннее противоречие товара, как ценности потребления, и меновой ценности, как продукта полезного частного труда и как общественного воплощения абстрактного труда,—разрешается в том лишь случае, когда проявится не только в товаре, но и в деньгах. В той же мере, в какой происходит превращение продуктов труда в товары, осуществляется и превращение товаров в деньги. Как тот, так и другой процесс происходит лишь постепенно.

Отношение взаимного *отчуждения вещей*, представляющих потребительную ценность *только* для приобретателя, не имеет места для членов общины в форме патриархальной семьи, древнеиндийской общины, государства инков и пр. Обмен продуктов начинается там, где кончается община, на пункте ее соприкосновения с другою общиной или с членами ее. Количественное меновое отношение бывает вначале чисто случайное; но постоянное повторение обмена делает его правильным общественным процессом, и часть продуктов с течением времени начинает при самом производстве предназначаться исключительно для обмена. С увеличением числа и разнообразия товаров, входящих в меновой процесс, возрастает необходимость в таком меновом орудии, форма которого была бы независима от индивидуальных потребностей меняющихся сторон. Общественная, эквивалентная форма такого третьего товара—орудия мены—сначала переходит от одного товара к другому, впоследствии прирастает надолго к одному. Обыкновенно прежде всего это—важнейший предмет обмена чужой страны, служащий наиболее естественной формой для проявления меновой ценности туземных продуктов, или важнейший элемент туземной отчуждаемой собственности (скот у номадов). По мере расширения местных границ обмена, ценность товаров становится все более и более воплощением *человеческого труда вообще*, а денежная форма начинает переходить к тем товарам, которые от природы способны к выполнению общественной функции общего эквивалента. Форма проявления ценности или абстрактного человеческого труда может быть только таким предметом, все экземпляры которого обладают *однородным* качеством; с другой стороны, так как различие между размерами ценности есть чисто количественное, то денежный товар должен быть способен также к чисто количественным подразделениям, т. е. по произволу *делим* и вновь *составляем* из своих частей. Золото и серебро от природы обладают этими свойствами.

Ценность потребления денежный товар имеет двойную. Рядом с *особенною ценностью потребления* простого товара (золото для подделки предметов роскоши) денежный товар имеет еще *формальную ценность потребления*, вытекающую из его специфической общественной функции. Меновой процесс сообщает товару, обращаемому им в деньги, не ценность, а специфическую форму ценности. Смешение этих двух понятий привело некоторых писателей (Galvani, Locke) к принятию этой ценности за воображаемую. Так как деньги в известной функции могут быть заменяемы представляющими их знаками, то возникло другое заблуждение—что деньги суть простые знаки (de Forbonnais, Montesquieu).

Собственная ценность денег определяется, подобно ценности других товаров, затраченным на производство их рабочим временем и выражается в таком количестве всякого другого товара, в котором содержится столько же рабочего времени. Это установление относительного размера ценности золота осуществляется у самого источника его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда золото входит в виде денег в меновой процесс, то ценность его уже дана. Будучи общим относительным выражением ценности других товаров, золото функционирует относительно последних в качестве меры ценности. Так как все товары в качестве ценностей представляют овеященный человеческий труд, то все они могут быть измеряемы

каким-нибудь третьим товаром, деньгами*. Измерение ценности золота не мешает ему быть мерою ценностей. Это измерение одновременно постигает все товары, следовательно, оставляет их взаимные относительные ценности без изменения. Цена есть денежное, относящееся первоначально к весу металла, наименование овеществленного в товаре рабочего времени. Общественно необходимое рабочее время одной и той же величины изображается в одном квартере пшеницы и двух фунтах стерлингов. Но цена может иногда и не совпадать с ценностью и даже находиться с нею в качественном противоречии, т. е. прилагаться к вещам, которые сами по себе вовсе не суть товары. Такие вещи, например совесть, честь и т. п., могут быть за деньги отчуждаемы у своих владельцев и получать, таким образом, форму товаров в своей цене. Вещь может, следовательно, иметь цену формально, не будучи ценностью. Но, где мы находим подобную же воображаемую форму цены для важных производственных отношений, какова например цена земли (хотя земля, к которой не приложен труд человеческий, и не имеет никакой ценности), там более глубокий анализ постоянно открывает скрытое под воображаемой формой действительное отношение ценности, или отношение, выведенное из действительного» (стр. 164—166).

⁷⁰ Соответствует следующий отрывок:

«Меновой процесс товара заключается в двух противоположных и друг друга дополняющих метаморфозах—превращении товара в деньги и обратном превращении его из денег в товар. Моменты метаморфозы составляют вместе с тем и торговую сделку товаровладельцев—продажу, обмен товара на деньги и покупку, обмен денег на товар, единство двух актов: продажи с целью совершения покупки. Меновой процесс имеет такую форму: Товар—Деньги—Товар; по своему материальному содержанию движение это есть Товар—Товар, обмен общественных работ, чем и исчерпывается весь процесс. Вследствие общественного разделения труда собственный продукт служит владельцу только в качестве меновой ценности, общего эквивалента. Но общую, общественно-эквивалентную форму товар приобретает *только* в деньгах, деньги же находятся в чужом кармане. Чтобы извлечь их оттуда, товару нужно быть потребительной ценностью для владельца денег, содержащемуся в товаре труду иметь общественно-полезную форму, быть членом общественного разделения труда. Но разделение труда—естественный производственный организм, складки которого ткутся за спиной товаропроизводителя. Продукт сегодня удовлетворяет общественной потребности; завтра его может, отчасти или вполне, вытеснить с рынка другой продукт того же рода. Но положим, что данный продукт сохраняет свою потребительную ценность для других и что за него дают деньги. Спрашивается, сколько денег? Ответ, само собою разумеется, дан уже вперед в цене товара, экспоненте величины его ценности. Мы не говорим о случайных чисто субъективных ошибках товаропроизводителя, исправляемых рынком объективно. Производитель должен истратить на свой товар только общественно-необходимое рабочее время. Но то, что вчера было необходимым временем, сегодня перестает быть таковым. Наконец, если всякий экземпляр продукта содержит

* Вопрос, почему деньги не представляют непосредственно самого рабочего времени,—например так, чтобы бумажный знак представлял X рабочих часов,—просто вытекает из вопроса, почему, при условиях производства *товаров, каждый продукт* труда должен представлять *товаром*: понятие о товаре заключает в себе понятие о двойном значении его, как товара и как денег. Оуэны рабочие деньги суть столь же мало деньги, как и театральные марки. Оуэн предполагает труд, *непосредственно* ставший общественным, т. е. форму производства диаметрально противоположную форме производства товаров. Свидетельство в том, что работа произведена, констатирует лишь *индивидуальную часть* продукта в общей работе и его *индивидуальное право* на потребление известной части общего продукта.

необходимое время, то вся масса продукта может содержать его больше; если рыночный желудок не в состоянии поглотить все количество холста по два шиллинга за локоть, то это доказывает, что на холст затрачено слишком много рабочего времени. Количественное расчленение общественного производственного организма столь же случайно по самой своей природе, как и качественное. Товаровладельцы замечают, что то же самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, влечет за собою независимость от них самих общественно-производственного процесса и их отношений к этому процессу; что независимость лиц друг от друга выполняется всестороннею зависимостью их от вещей.

Под влиянием разделения труда продукт труда превращается в товар, и *становится необходимым превращение товара в деньги*. Но один и тот же процесс составляет продажу—с точки зрения владельца товара, покупку—с точки зрения владельца денег. *Первая* метаморфоза товара—его превращение из формы товара в деньги—составляет вместе с тем *вторую*, противоположную метаморфозу другого товара—превращение его из денежной формы, которую он принял до того, в товарную*. *Вторая* метаморфоза товара—превращение товара из денежной формы обратно в товарную—представляет собою целую сумму *первых* метаморфоз других товаров, сумму, потому что товаропроизводитель продает *один* только товар в больших массах, а покупает *множество* других товаров; для удовлетворения разнообразных потребностей **. Так как один и тот же товар последовательно проходит две обратные фазы (из товара превращается в деньги, а из денег в товар), то один и тот же товаровладелец становится и продавцом и покупателем. Обращение товаров не только по форме, но и по сущности отличается от непосредственного обмена продуктов. Стоит бросить взгляд на предыдущее, чтобы видеть это. Ткач холста, например, несомненно обменял холст на библию, собственный товар на чужой. Но это явление таково только для него. Владелец библии и не помышлял менять свою библию на холст точно так же, как и ткач холста не знает о том, что холст его пошел в обмен за пшеницу. Во-первых, обмен товаров переходит за индивидуальный и местный предел непосредственного обмена продуктов. Во-вторых, развивается целый круг общественно-естественных зависимостей, не состоящих под контролем лиц, входящих в обмен. Ткач в состоянии продавать холст только под условием, что крестьянин продал уже пшеницу; владелец библии может продавать ее под условием, что ткач продал уже холст, и т. п. Процесс обращения не оканчивается, подобно непосредственному обмену продуктов, переменою рук и мест потребительными ценностями. Деньги не исчезают, хотя и выходят из ряда метаморфоз одного товара. Они постоянно занимают место, освобожденное в обращении другим товаром.

Нет ничего нелепее учения, что обращение товаров уравнивает необходимое равновесие продаж и покупок потому, что каждая продажа есть покупка и наоборот. Следует доказать, что продавец приводит с собою на рынок покупателя. Продажа и покупка представляют тождественный акт в качестве менового отношения между продавцом и покупателем, но в качестве действий одного и того же лица они представ-

* Продажею, например, холста заканчивается противоположное движение, начавшееся продажею, например, пшеницы. Т—Д (холст—деньги)—первая фаза движения Т—Д—Т (холст—деньги—библия) есть вместе с тем Д—Т (деньги—холст), вторая фаза другого движения Т—Д—Т (пшеница—деньги—холст).

** Покупкою нескольких товаров ткачом, продавшим предварительно холст, заканчивается целый ряд *первых* метаморфоз для владельца этих товаров, превращаемых теперь в деньги. Д—Т, вторая фаза движения Т—Д—Т (холст—деньги—библия), есть вместе с тем Т—Д, первая фаза другого движения Т—Д—Т (библия—деньги—вино); под библией здесь разумеется вся совокупность покупок.

необходимое время, то вся масса продукта может содержать его больше; если рыночный желудок не в состоянии поглотить все количество холста по два шиллинга за локоть, то это доказывает, что на холст затрачено слишком много рабочего времени. Количественное расчленение общественного производственного организма столь же случайно по самой своей природе, как и качественное. Товаровладельцы замечают, что то же самое разделение труда, которое делает их независимыми частными производителями, влечет за собою независимость от них самих общественно-производственного процесса и их отношений к этому процессу; что независимость лиц друг от друга выполняется всестороннею зависимостью их от вещей.

Под влиянием разделения труда продукт труда превращается в товар, и становится необходимым превращение товара в деньги. Но один и тот же процесс составляет продажу—с точки зрения владельца товара, покупку—с точки зрения владельца денег. Первая метаморфоза товара—его превращение из формы товара в деньги—составляет вместе с тем вторую, противоположную метаморфозу другого товара—превращение его из денежной формы, которую он принял до того, в товарную*. Вторая метаморфоза товара—превращение товара из денежной формы обратно в товарную—представляет собою целую сумму первых метаморфоз других товаров, сумму, потому что товаропроизводитель продает один только товар в больших массах, а покупает множество других товаров; для удовлетворения разнообразных потребностей**. Так как один и тот же товар последовательно проходит две обратные фазы (из товара превращается в деньги, а из денег в товар), то один и тот же товаровладелец становится и продавцом и покупателем. Обращение товаров не только по форме, но и по существу отличается от непосредственного обмена продуктов. Стоит бросить взгляд на предыдущее, чтобы видеть это. Ткач холста, например, несомненно обменял холст на библию, собственный товар на чужой. Но это явление таково только для него. Владелец библии и не помыслил менять свою библию на холст точно так же, как и ткач холста не знает о том, что холст его пошел в обмен за пшеницу. Во-первых, обмен товаров переходит за индивидуальный и местный предел непосредственного обмена продуктов. Во-вторых, развивается целый круг общественно-естественных зависимостей, не состоящих под контролем лиц, входящих в обмен. Ткач в состоянии продавать холст только под условием, что крестьянин продал уже пшеницу; владелец библии может продавать ее под условием, что ткач продал уже холст, и т. п. Процесс обращения не оканчивается, подобно непосредственному обмену продуктов, перемною рук и мест потребительными ценностями. Деньги не исчезают, хотя и выходят из ряда метаморфоз одного товара. Они постоянно занимают место, освобожденное в обращении другим товаром.

Нет ничего глупее учения, что обращение товаров обуславливает необходимое равновесие продаж и покупок потому, что каждая продажа есть покупка и наоборот. Следует доказать, что продавец приводит с собою на рынок покупателя. Продажа и покупка представляют тождественный акт в качестве менового отношения между продавцом и покупателем, но в качестве действий одного и того же лица они представ-

* Продажею, например, холста заканчивается противоположное движение, начавшееся продажею, например, пшеницы. Т—Д (холст—деньги)—первая фаза движения Т—Д—Т (холст—деньги—библия) есть вместе с тем Д—Т (деньги—холст), вторая фаза другого движения Т—Д—Т (пшеница—деньги—холст).

** Покупкою нескольких товаров ткачом, продавшим предварительно холст, заканчивается целый ряд первых метаморфоз для владельцев этих товаров, превращаемых теперь в деньги. Д—Т, вторая фаза движения Т—Д—Т (холст—деньги—библия), есть вместе с тем Т—Д, первая фаза другого движения Т—Д—Т (библия—деньги—вино); под библией здесь разумеется вся совокупность покупок.

ляют два противоположных акта. Так как первая метаморфоза товара есть и продажа и покупка, то она составляет самостоятельный процесс. Покупатель приобрел товар, продавец—деньги, т. е. такой товар, который сохранит форму, годную для обращения независимо от того, сейчас или после будет он послан снова на рынок. Обращение именно вследствие того и оставило за собою местные и индивидуальные границы непосредственного обмена продуктов, что оно раскололо непосредственное тожество между обменом собственного и чужого продуктов на противоположные друг другу *продажу и покупку*. Самостоятельно выступающие друг против друга процессы образуют движение своего внутреннего единства во внешних противоположностях. Как только внешняя самостоятельность и внутренняя зависимость слегка расходятся друг с другом, единство разрешается в кризис.

Это кратко извлечение из первой главы сочинения К. Маркса и дополнения, к ней приложенного в конце книги, содержит, если не ошибаемся, наиболее существенные черты учения автора о ценности и общих свойствах денег. Свообразный язык и довольно сжатый способ выражения в значительной степени затрудняют понимание его мыслей, а в некоторых случаях ведут к обвинению автора в том, что он употребляет по отношению к ценности метафизические приемы исследования. За исключением отдельных мест главы, где высказываются положения, быть может, действительно несогласные с истинною, обвинение это кажется нам несправедливым. Насколько речь идет собственно о *теории*, метод Маркса есть дедуктивный метод всей английской школы, и недостатки его, как и достоинства, разделяются лучшим из экономистов-теоретиков.

Сказав об общих свойствах денег, Маркс развивает понятия о деньгах как об орудии обращения и знаке ценности, как о платежном орудии, как о средстве для накопления сокровищ и пр. Разъяснение первой из этих функций, сколько мы могли заметить, представляет лишь незначительные отклонения от взгляда на вопрос Рикардо и некоторых последователей его и, сверх того, выходит за пределы нашего исследования. Вторая и третья функции денег, соответствующие вопросам кредита и сосредоточения денежных капиталов, захватывают область тех сравнительно частных явлений, которых мы не желаем здесь касаться, имея в виду рассмотреть учение о деньгах лишь настолько, насколько оно служит ступенью к общей теории капитала.

Что касается теории ценности Маркса и общей его теории денег, то, по нашему мнению, в ней содержатся следующие новые и важные научные положения, которые придают теории Рикардо более полный и законченный вид, а равно подтверждают достоверность ее новыми доказательствами» (стр. 166—170).

²¹ «явлений капитала» (стр. 191).

²² Соответствует следующий отрывок:

«Что касается второй экономической функции, *потребления*, то, в параллель к классификации производства или труда, предметы, удовлетворяющие человеческим потребностям, должны быть разделены на исполняющие свое назначение посредственно, потребляясь, переходя в другие предметы, и на такие, которые непосредственно служат потребностям человека в пище, топливе, жилище и пр.—на *орудия снабжения* и на самое *снабжение*. Таковы подразделения, основанные на существе противоположности между трудом и удовлетворением потребностей и на существе различия между прямым и косвенным трудом, прямым и косвенным снабжением. Но к совершенно иным заключениям приведет иной способ наблюдения. Говори о производстве и потреблении как о двух различных функциях человеческого организма, мы, с одной стороны, сливали в один акт бесконечное множество отдельных производств, с другой, делали то же по отношению к отдельным потребностям. У нас вышло так, как будто человечество в течение всей своей жизни одной рукою производит, а другою *в то же время* потребляет. Всякому известно, что, напротив того, в действительности происходит непрерывная *смена* производств и потреблений. Каждое производство служит совершенно таким же необходимым преды-

душим каждого дальнейшего потребления, как и наоборот, каждое потребление является предыдущим дальнейшего производства. Таким образом, внесение в одну категорию и средств существования, и орудий для доставления этих средств оказывается, повидимому, совершенно логичным и правильным, между тем как, напротив, разделение их на две категории — нелогичным и не соответствующим действительности. На самом деле, как мы заметили выше, каждая из этих классификаций удовлетворяет особым целям, и вопрос только в том, которая из них богаче научными результатами. Проводя указанные выше различия, мы придерживались того приема исследования, который допускает ограничиться одним моментом совершения явления, если оно наступает и длится однообразно и равномерно. Таким моментом послужил нам период времени, обнимающий одно производство и одно потребление; это — ячейка, тип целого ряда других подобных же экономических отправлений. Следуя означенному приему, мы безошибочно определили относительную роль производства и потребления и успели провести существенные различия внутри каждой из этих сфер. Но, если взять в основание исследования не одно производство и одно потребление, а целый ряд тех и других, притом обращать внимание только на производство, то само собою разумеется, что как средства существования, так и орудия для доставления этих средств придется одинаково считать условиями, поддерживающими производство. Не следует однакоже забывать, что равно настолько же, насколько в ряду отправлений потребление является условием производства, и производство является условием потребления. Итак, если с точки зрения производства теряется всякое различие между отдельными моментами потребления, то с точки зрения потребления исчезает различие между отдельными моментами производства. Отсюда с очевидною для каждого ясностью следует, что, внося в один и тот же класс капитала орудия снабжения и само снабжение, необходимо отказаться от права проводить различие между орудием производства и продуктом. Но так как, по весьма многим причинам, деление последнего рода упразднено быть не может, то и соединением в одну категорию предметов, удовлетворяющих потребностям косвенно и прямо, следует пользоваться с большою осторожностью и только в тех сферах, где оно действительно может быть выгодно. Что же касается до общенаучного значения, то очевидно, что упомянутый способ воззрения его не имеет. Иными словами, средства существования не могут быть причисляемы к орудиям для доставления этих средств, когда речь идет о среднем времени и месте, и когда потребление и производство рассматриваются порознь» (стр. 196—197).

⁷³ (Словам в скобках соответствует: «предметов в одну категорию» (стр. 198).

⁷⁴ Следуют слова: «т. е. непосредственного потребления», а также следует отрывок: «В этой шаткости определений выступают на первый план те недостатки формулы, сливающей в одну категорию предметы, служащие потребностям посредственно и непосредственно, о которых мы говорили выше. Мы показали там, что, соединив таким образом те и другие предметы в одну категорию, нельзя и думать о различии между трудом, посредственно и непосредственно потраченным на производство. Но естественность деления предметов на орудия снабжения и на снабжение до того требовательна, что оно проводится параллельно с делением тех же предметов на орудия производства и продукт, вопреки всем требованиям последовательности» (стр. 200).

⁷⁵ Соответствует следующий отрывок:

«Между тем, очевидно, что в первом случае речь идет об орудиях производства, во втором — об орудиях снабжения, и, следовательно, допускается не только отличная от первых категория *непосредственного труда*, но и отличная от вторых категория предметов *непосредственного потребления*. Но, считая вопрос о том, что такое капитал — труд или продукт, частью достаточно разъясненным предыдущими соображениями, частью требующим дальнейших разъяснений, спросим себя теперь, в какой сте-

пени необходимое условие понятия о капитале представляет идея накопления?» (стр. 200).

⁷⁶ Словам в скобках соответствует: «снабжения» (стр. 200).

⁷⁷ Словам в скобках соответствует: «снабжения» (стр. 201).

⁷⁸ Словам в скобках соответствует: «когда их много, когда они представляют громадную массу труда?» (стр. 201).

⁷⁹ Следуют слова: «и снабжения» (стр. 201).

⁸⁰ «Что касается более специальных сфер, то некоторым из них упомянутое определение может соответствовать вполне» (стр. 201).

⁸¹ «однакоже» (стр. 203).

⁸² Отсутствует (стр. 204).

⁸³ Отсутствует (стр. 207).

⁸⁴ Далее следует отрывок: «Мак-Куллох выражает ту же мысль гораздо категоричнее; он говорит по этому поводу следующее*: «Если бы было законом природы, что количество продукта, полученное в результате промышленной деятельности, было бы достаточно только для возмещения того, что было истрачено при ведении ее, то общество не делало бы никогда прогресса, и человек продолжал бы оставаться в том же состоянии, в какое он был первоначально поставлен. Но не таков установившийся порядок вещей. Дело происходит так, что в громадном большинстве случаев получается в результате данного количества труда более богатства или продукта, нежели сколько требуется для того, чтобы привести это количество труда в исполнение; этот излишек, или избыток производства, есть прибыль». Еще более вразумительно выражается Дж. Ст. Милль**: «Причина прибыли та, что труд производит больше, чем требуется на его содержание... Иными словами, теорема эта выразится так: капитал дает прибыль, потому, что пища, одежда, материалы и орудия живут дольше времени, какое нужно было для производства их... Прибыль возникает... от производительной силы труда» (стр. 207).

⁸⁵ Отсутствует (стр. 216—217).

⁸⁶ «динамических категорий» (стр. 221).

⁸⁷ «не составляют капитала» (стр. 223).

⁸⁸ Следует: «только приблизительно» (стр. 223).

⁸⁹ «орудиями снабжения» (стр. 223).

⁹⁰ Этот отрывок отсутствует (стр. 226).

⁹¹ Отсутствует (стр. 226).

⁹² Глава V заканчивается следующим отрывком: «Оканчивая настоящую главу, мы считаем бесполезным подвести итог всем правильным и неправильным взглядам на капитал Рикардо и его последователей. Сделать это представляется бесполезным ввиду того, что по требованиям группировки материала, которой мы следовали при обсуждении теории капитала, взгляды эти пришлось разбросать на протяжении целой главы и, таким образом, лишить их той рельефности, на которую они имеют полное право. Рикардо и его последователи справедливо учили, что в основе понятия о капитале лежит понятие об орудиях производства, об условиях производства и т. п. Но несправедливо, с *общезначимой точки зрения*, то положение рикардистов, что к орудиям производства следует причислять и предметы непосредственного потребления. Если только существует возможность проводить различие между так называемыми орудиями производства и самим производством, т. е. между косвенным и непосредственным трудом, то совершенно так же и возможно и необходимо различать и предметы непосредственного и посредственного потребления. Рикардо и его последователи совершенно правы, когда под орудиями производства они хотят разуметь исключительно те, которые производятся трудом. Во-первых, только при таком ограничении можно говорить о косвенном и прямом труде, во-вторых, того же требует теория ценности и пр. Но Рикардо и особенно его последователи неправы, когда,

* «Principles», p. 105—106.

** «Освоения», т. I, стр. 467.

вывода добавочный продукт из производительности труда, они выражаются так, как будто этот продукт везде и всегда составляет непрерывное следствие одной только производительной силы труда. Пример Нолой Испании и то соображение, что производительная сила труда относится к единице времени и что присутствие или отсутствие добавочного продукта зависит от числа таких единиц,—доказывают противное. Находя, что понятие капитала должно быть ограничено вещественными продуктами труда, рикардисты делают неправильный вывод из того совершенно бесспорного положения, что предметы потребления среднего человека, большей частью, характеризуются признаком материальности. Такое свойство подобных предметов отнюдь не дает права заключать, во-первых, что и орудия производства их имеют непременно столь же материальный характер, во-вторых, что под капиталом следует разуметь и материальные предметы, служащие в качестве орудий для производства предметов потребления отдельных групп населения. Наконец, неправы, с общехозяйственной точки зрения, те из рикардистов, которые называют капитал накоплением труда или продукта» (стр. 229—230).

⁹³ «увеличении» (стр. 230).

⁹⁴ Соответствует заглавие: «О постоянном и оборотном капиталах» (стр. 242).

⁹⁵ Соответствует следующий отрывок: «Уяснение различия между функциями так называемых постоянного и оборотного капиталов будет заключительным звеном той цепи изысканий, которые составляли содержание предыдущих глав нашей книги. Общий анализ упомянутых функций в связи с решением нескольких подготовительных вопросов, послужит, с одной стороны, дальнейшей ступенью развития понятия о капитале, с другой, укажет на внутреннее соотношение между теорией капитала и теорией ценности» (стр. 242—243).

⁹⁶ Соответствует: «предметам непосредственного потребления—предметами непосредственного потребления» (стр. 243).

⁹⁷ Соответствует отрывок: «Человек, у которого много вина и нет пшеницы, вступает в обмен с человеком, у которого много пшеницы и нет вина, и обмен между ними происходит так, что ценность 50 пшеницы меняется на ценность 50 вина. Этот обмен не есть увеличение богатства ни для той, ни для другой стороны, потому что еще до обмена каждая сторона обладала ценностью равную той, которую затем получила путем обмена (Mercier de la Rivière, p. 544)» (стр. 250).

⁹⁸ Этот отрывок (стр. 303—319) в первом издании отсутствует (стр. 261).

⁹⁹ Отсутствует (стр. 262).

¹⁰⁰ «если не ошибаемся» (стр. 262).

¹⁰¹ Заглавия нет, идет сплошной текст (стр. 264), начинается в первом издании этот раздел следующей фразой: «Перейдем теперь к теории постоянного и оборотного капиталов» (стр. 264).

¹⁻² Соответствуют слова: «с прибылью и поэтому употребляет ее только на содержание производительных рабочих» (стр. 265).

¹⁰³ Соответствует отрывок: «Рабочий,—говорит он*,—придает предмету труда новую меновую ценность, придавая ему известное количество труда. С другой стороны, ценности потребленных орудий производства входят *составными частями* в ценность продукта. Следовательно ценность орудий сохраняется перенесением на продукт. Это перенесение производится путем превращения в *рабочем* процессе орудий производства в продукт. Рабочий сохраняет ценность орудий и переносит ее на продукт не придачу труда вообще, но специфически производительной формой, специально полезным характером последнего. Но как бы ни изменялся род труда, во всяком случае путем придачи нового труда совершается придача *новой* ценности. Определенная величина ценности придается не потому, что труд имеет полезное назначение, но потому, что он *длится* определенное время. По своему общему, абстрактному свойству труд твача

* Стр. 165.

придает ценностям бумаги и пряжи новую ценность, по своему же особенному, конкретному, полезному свойству труд этот переносит ценность орудий на продукт и сохраняет, таким образом, ценность их в продукте.

Орудия производства, входя в производственный процесс и теряя свою потребительную ценность, не теряют ценности меновой, потому что на деле они только меняют одну форму своей потребительной ценности на другую. Но между предметными факторами труда существует в этом отношении различие. Одни из них, например уголь, которым топят машину, сало которым мажут ось колеса, исчезают бесследно. Другие вспомогательные материалы уничтожаются, но проявляются вновь в свойствах продукта. Сырой материал также изменяет свою форму. Но собственно орудие труда иначе. Инструмент, машина, фабричное здание, сосуд и пр. служат рабочему процессу, сохраняя свою первоначальную форму. Но если рассматривать все время, в течение которого служит машина, то окажется, что вся потребительная ее ценность поглощена трудом и потому вся меновая ее ценность перенесена на продукт. Если, например, прядильная машина прослужила 10 лет, то совокупная ее ценность путем 10-летнего рабочего процесса перешла в 10-летний ее продукт. Каждый год, средним числом, машина эта теряла $\frac{1}{10}$ своей потребительной и передавала продукту $\frac{1}{10}$ своей меновой ценности. Орудия производства не могут передать продукту ценность большую той, которую имели сами, независимо от рабочего процесса, куда входят. Ценность их определяется не тем рабочим процессом, в котором они служат орудиями производства, а тем, из которого они вышли в качестве продукта. Не обладая они меновой ценностью до входа во второй процесс, им нельзя было бы и передавать продукту меновой ценности. Итак, ценность орудий производства только *сохраняется, переносится* на продукт. Иное следует сказать о рабочей силе. Каждый момент движения труда образует новую ценность. Положим, что рабочий процесс прекращается в тот момент, когда рабочий произвел эквивалент ценности своей рабочей силы. Рабочий только возмещает в этом случае деньги или средства существования, затраченные капиталистом при покупке рабочей силы. Ценность здесь *воспроизведена*; одна ценность замещает другую. Но путем приложения рабочей силы производится не только ценность, но и добавочная ценность, следовательно, ценность средства существования не только воспроизводится, но воспроизводится с излишком. Итак, часть капитала, получившая форму орудий производства, т. е. сырого материала, вспомогательного материала и орудий труда, *не изменяет* размера своей ценности в производственном процессе и потому может быть названа *постоянным* капиталом. Другая часть капитала, превращенная в рабочую силу, *изменяет* свою ценность в производственном процессе и потому должна получить название *изменяемого* капитала.

Таким образом, за характеристический признак различия между двумя родами богатства может быть принята не большая или меньшая их прочность или долговечность, а то действительно важное обстоятельство, что одни из предметов потребления—только *переносит* свою ценность на продукт, другие, напротив того, *воспроизводятся* и воспроизводятся с излишком. К первой категории относится *безразлично* как орудия производства в собственном смысле, так и те из материалов, которые добыты трудом. С точки зрения общественного хозяйства, эти последние представляют не орудия производства, как неправильно определяет их автор «Das Kapitale», а просто неоконченный продукт. По отношению же к каждой отдельной ступени разделения труда в известной хозяйственной отрасли, труд, затраченный в материал на предыдущей ступени, является таким же точно прошедшим трудом, подлежащим сохранению и перенесению на продукт, как и труд, затраченный в орудия производства. Напротив того, та часть приготовленного уже продукта, которая идет на покупку рабочей силы, потребляясь последнею, восстанавливает свою ценность в новом продукте и восстанавливает ее с излишком. Намени на такое

решение вопроса мы находим у некоторых экономистов. Но никто из них, точно так же как и сам Рикардо, фактически следовавший указанной классификации, не пришел к последовательному и ясному решению этой важнейшей экономической проблемы» (стр. 267—270).

¹⁰⁴ «Но уяснение его сущности отвлекло бы нас слишком далеко от предначертанной нами задачи,—пределы которой не простираются далее общей статике ценности и капитала» (стр. 273).

ВАРИАНТЫ ПО СТАТЬЕ Н. И. ЗИБЕРА

«Экономическая теория Маркса». I. «Теория общественной кооперации». «Слово», январь, Санкт-Петербург, 1878 г., стр. 174—204.

¹⁰⁵ «статические отношения» (стр. 174).

¹⁰⁶ «о динамических отношениях капитализма» (стр. 174).

¹⁰⁷ Следует отрывок:

«Что касается методологических ее достоинств, то мы поговорим о них в заключительной главе настоящего труда, которая будет главным образом посвящена характеристике способов исследования Маркса как относительно этого вопроса, так и относительно многих других. Отложить на время в сторону эту часть дела будет тем более кстати, что мы до сих пор ознакомились только с первоначальными ступенями роста капиталистического хозяйства, и весьма многое, относящееся к этому предмету, остается еще впереди. В настоящую же минуту мы сделаем несколько кратких пояснительных замечаний по вопросу о самом содержании изложенного выше учения о простой и в особенности сложной кооперации» (стр. 174—175).

¹⁰⁸ «В учении о деньгах мы рассмотрели в общем очерке теорию дарового кредита Прудона. Тогда нас интересовала исключительно денежная сторона ее. Теперь мы обратим внимание читателя на другие ее особенности, имеющие отношение к только что рассмотренному нами предмету» (стр. 199).

ВАРИАНТЫ ПО СТАТЬЕ Н. И. ЗИБЕРА

«Экономическая теория Маркса». II. «Крупная промышленность». «Слово», март 1878 г.

¹⁰⁹ «текстильной индустрии» (стр. 62).

¹¹⁰ «при некоторых операциях... быстрота движения машин возросла до такой степени» (стр. 63).

ВАРИАНТЫ ПО СТАТЬЕ Н. И. ЗИБЕРА

«Экономическая теория Маркса». III. «Оценка теории машин». «Слово», июль 1878 г., стр. 45—89.

¹¹¹ «Оценка теории машин» (стр. 49).

¹¹² «отнюдь не представляет результата одних теоретических соображений Маркса, но что она имеет в свою пользу богатый выбор весьма ценных фактов» (стр. 50).

¹¹³ «Отсутствует» (стр. 57).

¹¹⁴ «производит» (стр. 57).

¹¹⁵ Следует: «довольно общего характера» (стр. 57).

¹¹⁶ «Отсутствует» (стр. 58).

¹¹⁷ «дифференциация» (стр. 58).

¹¹⁸ «далее двинуться уже вместе» (стр. 58).

¹¹⁹ «и Липта» (стр. 64).

¹²⁰ Следует: «или вообще продукта» (стр. 69).

«Экономическая теория Маркса». IV. «Теория накопления капитала и капиталистический закон народонаселения». «Слово», сентябрь 1878 г., стр. 57—77.

¹²¹ «Никакое общество не может производить, не превращая постоянно части своих продуктов в орудия производства» (стр. 57).

¹²² Отсутствует (стр. 57).

¹²³ Отсутствует (стр. 58).

¹²⁴ Этот отрывок отсутствует (стр. 58).

¹²⁵ Фраза отсутствует (стр. 58).

¹²⁶ «особенным видом» (стр. 58).

¹²⁷ Весь этот отрывок (стр. 513—522) в статье отсутствует (стр. 59).

¹²⁸ Отсутствует (стр. 59).

¹²⁹ Этот отрывок в статье отсутствует (стр. 59).

¹³⁰ Этот отрывок в статье отсутствует (стр. 60).

¹³¹ Этот отрывок (стр. 524—525) в статье отсутствует (стр. 61).

¹³² Этот отрывок отсутствует (стр. 62).

¹³³ Этот отрывок отсутствует (стр. 62).

¹³⁴ Этот отрывок (стр. 526—527) отсутствует (стр. 62).

¹³⁵ «Сами законы капиталистической продукции, господствуя над отдельным капиталистом в виде соперничества, постоянно принуждают его расширить свой капитал, чтобы удержать его за собою» (стр. 62).

¹³⁶ В статье этот отрывок (стр. 528—531) отсутствует (стр. 62).

¹³⁷ Соответствует следующий отрывок:

«Прогрессивное воспроизведение, хотя и в бесконечно меньшем масштабе, может однакоже иметь место не только при капитализме, но и при других общественных формациях. Но процесс этот является не в виде накопления капитала, пока орудия производства не принимают этой формы в отношении к рабочему. Вот два примера из Джоннеса. Орудия труда и средства существования многочисленной части индийского народа, состоящей из крестьян, никогда не являются «в форме, сбереженной из дохода», т. е. в такой форме, которая предварительно протекала процесс капиталистического накопления. Что касается земледельческих рабочих, то в тех провинциях Индии, где английское господство всего меньше испортило старую систему, они прямо работают на землю, которая получает часть земледельческого добавочного продукта в качестве податей или поземельной ренты. Одна часть этого продукта потребляется знатью непосредственно, а другая превращается для нее земледельческими рабочими в предметы роскоши и т. п., тогда как остальное образует вознаграждение рабочих, которые суть сами владельцы орудий производства. Итак, производство и прогрессивное воспроизведение происходят здесь без всякого вмешательства—не говоря уже об отречении или о воздержании—со стороны капиталиста» (стр. 62—63).

¹³⁸ В статье этот отрывок (стр. 532—536) отсутствует (стр. 63).

¹³⁹ Соответствует отрывок:

«Эластичность рабочей силы или способность ее внутри известных границ на большее интенсивное или экстенсивное напряжение служит другим, совершенно самостоятельным, источником накопления. Источник этот несколько не зависит от объема действующих и производимых орудий производства или вообще от размеров постоянного капитала, а равно от обыкновенных размеров накопления. Так, например, всякому известно, какие чудесные результаты приносит в добывающей промышленности или в земледелии одно лишь большее напряжение труда, помимо всякого увеличения в числе и объеме орудий или в количестве вспомогательных материалов. Развейте глыбу почву тем же самым плугом или углубите прежними орудиями рудник,—на это надо только больше труда,—и вы получите больше хлеба и металла» (стр. 63).

¹⁴⁰ В статье соответствует: «но не ценность их» (стр. 63).

¹⁴¹ В статье соответствует следующий отрывок: «Одна его часть постоянно состоит из машин, зданий и пр., которые потребляются медленно и столь же медленно воспроизводится. Но если в этот промежуток производительная сила в производстве этих орудий возросла, то, когда придет пора ставить на место старых экземпляров новые, эти последние будут одарены более сильным и лучшим действием» (стр. 64).

¹⁴² Этот отрывок (стр. 538—539) отсутствует (стр. 64).

¹⁴³ Этому отрывку (стр. 539—540) в статье соответствует следующий отрывок: «Поистине, что для приведения в действие постоянного капитала, т. е. известной массы орудий производства, необходимо известное количество живой рабочей силы—это чисто технологическое требование. Но при этом еще не подразумевается ни число рабочих, требуемых для обнаружения этой силы, так как число это меняется, смотри по напряжению и продолжительности труда индивидуального рабочего, ни цена этой рабочей силы, а только весьма эластическая минимальная граница ее. Итак, откуда же может взяться сколько-нибудь постоянный рабочий фонд?» (стр. 65).

¹⁴⁴ Этот отрывок (стр. 540—541) в статье отсутствует (стр. 65).

¹⁴⁵ Сноска отсутствует (стр. 66).

¹⁴⁶ Отсутствует (стр. 70).

¹⁴⁷ Соответствует: «естественные границы населения, которые потом получились возможность расширить упомянутыми насильственными средствами» (стр. 70).

¹⁴⁸ Отсутствует (стр. 70).

¹⁴⁹ Этот отрывок отсутствует (стр. 73).

¹⁵⁰ «от дополнительного» (стр. 73).

¹⁵¹ Этот отрывок отсутствует (стр. 73).

¹⁵² Этот отрывок отсутствует (стр. 73).

¹⁵³ Этот отрывок отсутствует (стр. 74).

СЛОВАРЬ-УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Айкин, Джон (Aikin, John) (1747—1822). *Английский врач, публицист.* О четырех периодах в индустрии Манчестера (стр. 463).

Андерсон. Предприниматель (стр. 443). Введение поштучной платы в 1875 г. (стр. 443).

Аристотель (384—322 до н. э.). *Крупнейший философ древней Греции. Один из основоположников идеализма. Творец формальной логики и описательной биологии.* Впервые дал анализ форм мысли, общества и природы (стр. 161). О денежной форме товара (стр.

161—162). О рабстве (стр. 180). О функции знака ценности или орудия обращения (стр. 203).

Аркрайт, Ричард, сэр (Arkwright, Richard, sir) (1732—1792). *Известный английский изобретатель прядильной машины, предприниматель.* Изобретение Аркрайта и наличие в мануфактурном периоде механических рабочих (стр. 390). Аркрайт как иллюстрация в полемике Прудона с Сэем о влиянии машин на положение рабочего класса (стр. 440).

Б

Байне, Эдуард (Baupes, Edward) (1800—1890). *Английский либеральный публицист и экономист, сторонник свободной торговли.* Паровая лошадиная сила и веретена (стр. 393). Соотношения между количеством веретен и рабочей силой (стр. 394). О заработной плате ткачей (стр. 516).

Барбон, Николай (Barbon, Nicolas) (1640—1698). *Английский врач, занимавшийся политической экономией. Предшественник теории субъективной полезности и «государственной» теории денег.* О новом отношении двух товаров (стр. 142). Представитель количественной теории денег (стр. 200). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу (стр. 440). О накоплении капитала (стр. 441).

Баргелеми, Анатолий - Жан - Баптист (Barthélemy) (род. в

1821 г.). *Французский археолог и нумизмат.* Об изобретении монеты (стр. 220).

Бастиа, Фредерик (Bastiat, Frédéric) (1801—1850). *Французский сульзарный экономист, представитель манчестерской школы, сторонник и проповедник гармонии интересов капитала и труда. Автор «теории услуг».* Об экономистах, сводящих политическую экономию к обмену (стр. 6). Теория ценности (стр. 12, 38, 92—94). Субъективный характер ценности (стр. 14). Об издержках производства (стр. 21, 22). Теория услуг (стр. 22, 80). Теория прибыли (стр. 22—23). Апологетизм его воззрений (стр. 23). Отношение к методологическому правилу о выборе места для наблюдений (стр. 23). Методологические приемы Бастиа и Петти (стр. 52). Прибыль и убыток (стр. 56). Приверженец Кэри

(стр. 92). Смещение объективного и субъективного взгляда на ценность (стр. 93). Теория ценности Бастиа и теория ценности школы Рикардо (стр. 98). О форме ценности (стр. 163). Объяснение античного способа производства системой грабежа (стр. 180). Критика теории ценности Рикардо (стр. 230). Определение капитала (стр. 248). Спор Прудона с Бастиа о процентах (стр. 251, 277). Учение о капитале Прудона и Бастиа (стр. 274). Физикратическая трактовка вопроса о чистом доходе (стр. 309). Прибыль и заделывная плата (стр. 321).

Баумштарк, Эдуард (Baumstark, Eduard) (1807—1889). *Немецкий радикальный государственный деятель партии национал-либералов и профессор-экономист*. Отрыв о Рикардо (стр. 3, 96). Исследование о Рикардо (стр. 3). О категории потребительной ценности у Смита (стр. 85). О понятии сравнительной полезности (стр. 120). О научном значении метода Рикардо (стр. 356). О методе А. Смита (стр. 356).

Баббедж, Чарльз (Babbage, Charles) (1792—1871). *Профессор математики в Кембридже. Занимался также проблемами разделения труда в мануфактуре и применения машин*. Учение о кооперации (стр. 358).

Беккария, Чезаре Вонесана, де (Beccaria, Cesare Bonesana, de) (1738—1794). *Публицист, автор знаменитого трактата о преступлениях и наказаниях, экономист, математик*. Оценка труда (стр. 49).

Бекер, Самуил-Уайт (Baker) (1821—1893). *Английский путешественник по Африке*. Обмен у диких народов (стр. 218).

Берkeley, Джордж (Berkeley, George) (1685—1753). *Епископ, английский философ, основоположник субъективного идеализма, солицизма*. Критик меркантилизма, сторонник номиналистической теории денег. О ценности (стр. 58). О возникновении бумажных денег (стр. 203).

Бентам, Джереми (Bentham, Jeremy) (1748—1832). *Английский публицист, философ, юрист*. Крупный представитель философской си-

стемы утилитаризма. О постоянном рабочем фонде (стр. 472, 473).

Бернет. Секретарь «Общества механиков» (стр. 444). О поштучной плате (стр. 444).

Блэк. Предприниматель (стр. 429). Производство ткани (стр. 429).

Бокль, Генри-Томас (Buckle) (1822—1862). *Английский историк, социолог*. Автор «Истории цивилизации в Англии», написанной под сильным влиянием позитивной философии Конта. О гипотетическом методе у Смита (стр. 80).

Боранг. Владелец механического завода (стр. 450). Конкурентная борьба (стр. 430).

Брай, Джон - Френсис (Bray, John Francis) (1809—1895). *Английский социалист-утопист, экономист, последователь Оуэна, автор утопии «трудовых денег»*. Предшественник социализма Прудона (стр. 169). О рабочих деньгах (стр. 194).

Брентано, Луио (Brentano, Lujo) (1844—1931). *Крупный экономист историко-этического направления, катедер-социалист*. О происхождении цехов (стр. 365). О поштучной плате (стр. 444).

Бродхерст, Дж. (Broadhurst, J.). *Английский вульгарный экономист*. Критика теории ценности Рикардо (стр. 157—158).

Буагильбер, Пьер ле Пезан, сьер де (Boisgillebert, Pierre le Pesant, Sieur de) (1646—1714). *Французский экономист, предшественник физиократов, критик меркантилизма*. Порядок исследования (стр. 7). Теория ценности (стр. 49, 50, 51, 61). О равновесии и обмене (стр. 80). Учение о ценности Рикардо и равный баланс Буагильбера (стр. 96).

Байли, Сэмюэль (Bailey, Samuel) (1791—1870). *Английский вульгарный экономист*. Противник теории ценности Рикардо. Критика теории ценности Рикардо (стр. 86, 164).

Васон, Фрэнсис (Vason, Francis) (1561—1636). *Английский философ и государственный деятель*. Родоначальник английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени (Маркс). О пути отыскания законов (стр. 25). О проверке законов (стр. 117).

Валь. Кузнец в Дарластоне (стр. 418). О выгоды для хозяев работы на фабриках и в мастерских (стр. 418).

Вальрас, Антуан-Огюст (Walras) (1801—1866). *Экономист, профессор в Париже, один из наиболее ранних представителей теории предельной полезности.* Теория редкости благ (стр. 19, 21, 38, 80, 95). Критика теории издержек производства Прудона (стр. 21). Об условиях обмена (стр. 44). Отношение к закону издержек воспроизведения (стр. 97). Возражение против теории ценности Рикардо (стр. 230).

Вандерлинт, Джейкоб (Vanderlint, Jacob) (ум. в 1740 г.). *Английский экономист.* Представитель количественной теории денег (стр. 200). О цене труда (стр. 313).

Вашлеуе, Йоганн-Эдуард (Vasleuue, Johann-Eduard) (1811—1879). *Немецкий географ-статистик, профессор университета в Геттингене.* О белом народонаселении США с 1790 по 1840 г. (стр. 510).

Вебер. Специалист по технико-экономическим вопросам железнодорожной индустрии (стр. 432). О иерархии рабочей силы на транспорте (стр. 432).

Вейланд. Критика теории народонаселения Мальтуса (стр. 508).

Вернадский, Иван Васильевич (1821—1884). *Русский экономист, профессор Киевского и Московского университетов. Представитель вульгарной политической экономии, крайний фритредер.* Труд и постоянство отношений между обмениваемыми благами (стр. 43). О теории ценности итальянских экономистов (стр. 49).

Верри, Пьетро (Verri, Pietro) (1728—1797). *Итальянский экономист и государственный деятель, критик физиократизма.* О деньгах (стр. 214).

Галиани, Фердинандо (Galiani, Ferdinando) (1723—1787). *Итальянский экономист, меркантилист, противник физиократов.* Труд и постоянство отношений между обмениваемыми благами (стр. 43).

Вильде, Вильгельм - Эдуард (Wilda) (1800—1856). *Немецкий юрист и профессор в Бреславе и Киле.* Внутренние распорядки гильдий — непосредственный источник организации городов (стр. 360). Маурер о теории городов Вильде (стр. 364). О происхождении цехов (стр. 365).

Вильсон, Джеймс (Wilson, James) (1805—1860). *Английский экономист, теоретик денежного обращения, основатель журнала «Economist».* Противник количественной теории денег (стр. 200).

Винде (Vinde). Народонаселение и распределение имущества (стр. 515).

Вирт, Макс (Wirth, Max) (1822—1900). *Немецкий вульгарный экономист.* Отношение между Робинсоном и вешами (стр. 176). Объяснение увеличения прибыли в результате применения машин как вознаграждение за умственный труд управления (стр. 435).

Висс. Владелец крупного механического завода (стр. 430).

Вокансон, Жак, де (Vaucanson, Jacques, de) (1709—1782). *Изобретатель автоматов.* Изобретение Вокансона и наличие механических рабочих в мануфактурный период (стр. 390).

Волков, М. С. (Volkoff) (ум. в 1875 г.). *Экономист, переводчик сочинений Тюнена на русский язык.* Теория ценности (стр. 38). О капитале (стр. 254, 271). О капитале и доходе (стр. 259). Таланты и ловкость как источники ренты (стр. 265). О вещественных капиталах (стр. 267).

Вуд. Глава манчестерского школьного бюро (стр. 418). О выполнении значительной доли фабричной работы в мастерских (стр. 418).

Различие дарований и уровень заработка (стр. 49). О ценности как отношении между лицами (стр. 174). Деньги — продукт договора (стр. 221).

Галь. Шляфовальщик ножниц

стр. 418). О переходе рабочих по окончании работы на фабриках в мастерские (стр. 418).

Ганиль, Чарльз (Ganilh, Charles) (1758—1836). *Французский экономист, сторонник меркантилистически воззрений.* О ценности (стр. 45, 163, 180). О деньгах (стр. 214). Рошер о теории денег Ганяля (стр. 241). Земля как капитал (стр. 262). О невещественных капиталах (стр. 263).

Гарднер. Владелец фабрики в Престоне (стр. 398). Ограничение рабочего дня в 1844 г. 11 часами (стр. 398).

Гарнье, Жермен, граф (Garnier, Germain, comte) (1754—1821). *Французский сенатор, сторонник Сяя и Бастиа, переводчик и комментатор А. Смита.* Определение капитала (стр. 251, 272, 274).

Гегель, Георг - Вильгельм - Фридрих (Hegel, Georg Wilhelm Friedrich) (1770—1831). *Крупнейший представитель и завершитель классического немецкого идеализма.* Генерал, банкир и простой человек в буржуазном обществе (стр. 148). Маркс о методе Гегеля (стр. 182).

Геле, Итер. Изобретатель карманных часов с узкой спиральной пружинкой в 1500 г. (стр. 367).

Гельд, Адольф (Held, Adolf) (1844—1880). *Немецкий экономист, катедер-социалист.* Параллель между теориями ценности Кэри и Рикардо (стр. 90). Земля как капитал (стр. 262).

Георг VIII (1491—1547). *Английский король с 1509 г.* Статут 1496 г. о заработной плате и рабочем дне (стр. 330).

Георг II (1683—1760). *Английский король с 1727 г.* Время выхода в свет цитируемого Марксом знаменитого сочинения (стр. 144). Законодательное и действительное установление отношений ценности золота и серебра (стр. 224).

Георги, Иоганн-Готтлиб (Georgi). *Этнограф и путешественник. Профессор минералогии при СПб. Академии наук. Участник многих экспедиций по окраинам России.* О виргивах как скотоводах (стр. 513).

Герман (Herman, Friedrich Benedikt Wilhelm) (1795—1868). *Не-*

мецкий экономист и статистик. Профессор в Мюнхене. Об издержках производства (стр. 102). О капитале (стр. 254, 272). О капитале и доходе (стр. 259). Земля как капитал (стр. 262).

Гильдебранд, Бруно (Hildebrand, Bruno) (1812—1878). *Немецкий экономист и статистик, один из основоположников исторической школы.* О ценности (стр. 13). Деньги и свобода рабочего (стр. 23). О цене (стр. 25). Разногласия по вопросу о полезности и ценности между Прудоном, Бруно Гильдебрандом и Рошером (стр. 36—37). Труд и потребность (стр. 42). О социальной ценности (стр. 42).

Гирке, Оттон, фон (Gierke) (1841—1921). *Крупный немецкий юрист, цивилист и государствовед.* Внутренние распорядки гильдий — непосредственный источник организации городов (стр. 360).

Гоббе, Томас (Hobbes, Thomas) (1588—1679). *Знаменитый английский философ и государствовед.* Сторонник механического материализма. О факторах обогащения (стр. 51).

Годскин, Томас (Hodgskin, Thomas) (1787—1869). *Представитель индивидуалистической ветви английского утолического социализма послерикардовского периода.* О накоплении и запаса ловкости рабочего (стр. 454).

Гомер. По преданию, автор «Илиады» или «Одиссеи». Современная филология считает, что Гомер, имя которого несомненно, автор одного из этих произведений. Жил в IX веке до н. э. О выражении ценности вещи (стр. 164). Деньги у древних греков (стр. 219).

Гонперт. Изобретатель в слесарной промышленности (стр. 367).

Горроке. *Предприниматель.* Ограничение рабочего дня 11 часами в 40-х годах XIX в. (стр. 398).

Гофман, Иоганн-Готфрид (Hoffmann, Johann Gottfried) (1765—1847). *Немецкий экономист. Профессор практической философии и камеральных наук в Кенигсберге.* Цифры о производстве сукна в мануфактурах Италии и Нидерландов в XII—XV столетиях

(стр. 416). {О голоде в Ирландии в 1834 г. (стр. 499).

Громештеттер, Павел. Изобретатель толчевой мельницы в XVI в. (стр. 367).

Грэй, Джон (Gray, John) (1798—1850). *Английский социалист-утопист, оуэнист, предшественник Прудона, экономист послерикардского периода.* Маркс о социализме Прудона и Грея (стр. 169). Теория денег (стр. 193—194).

Гульд. Служащий по фабричной инспекции (стр. 417). Фабрика и ремесло (стр. 417).

Гумбольдт, Александр-Фридрих-Георги, фон (Humboldt, von) (1762—1859). *Знаменитый*

географ и естествоиспытатель. О плодородии земель Новой Испании и хозяйственном положении туземцев (стр. 258).

Гутенберг, Иоанн (Gutenberg) (ум. в 1468 г.). *Изобретатель книгопечатания подвижными шрифтами.* Изобретение книгопечатания (стр. 367). Пример Прудона о перемещении дохода рабочего благодаря машине (стр. 440).

Гюльман, Карл-Дитрих (Hüllmann) (1765—1846). *Немецкий историк. Ректор Боннского университета. Специалист по проблемам средневековья.* О происхождении цехов (стр. 365).

Д

Даннер. Изобретатель в слесарной промышленности (стр. 367).

Дарвин, Чарльз-Роберт (Darwin, Charles Robert) (1809—1882). *Знаменитый английский натуралист, автор эволюционной теории о происхождении растений и животных.* Применение теории народонаселения Мальтуса к органическому миру (стр. 521).

Де-Квинси, Томас (De Quincey, Thomas) (1785—1890). *Философ и экономист, комментатор Рикардо.* О влиянии полезности на ценность (стр. 122).

Де Роберти де Кастро де ла Серда, Евгений Валентинович (1843—1915). *Русский философ-позитивист, автор «Политикоэкономических этюдов», где отражено влияние Кэри* (стр. 90).

Дестю де Траси, Антуан (Destutt de Tracy, Antoine) (1754—1836). *Французский вулгарный экономист, философ и политический деятель.* О ценности (стр. 38, 179). О бедных и богатых нациях (стр. 486).

Джексон. Предприниматель (стр. 398). Ограничение рабочего дня 11 часами (стр. 398).

Дженовези, Антонио (Genovesi, Antonio) (1712—1769). *Итальянский экономист, представитель умеренного меркантилизма.* О природе торговли (стр. 49).

Дженовезе, Джон (Genovesi, John). О теории воздержания Сеннора (стр. 465).

Джонас, Ричард (Jones, Richard) (1790—1855). *Английский экономист. Выделялся пониманием исторического различия способов производства.* О рабочем фонде (стр. 465—466).

Джордж Генри (George) (1839—1897). *Американский экономист, противник теории народонаселения Мальтуса и закона заработной платы Рикардо. Сторонник буржуазной национализации земли. Буржуазный реформатор.* О прибыли и заработной плате как элементах продукта производства (стр. 56). Физиократическая трактовка вопроса о чистом доходе (стр. 309). Проблема народонаселения (стр. 496).

Дольфус. Предприниматель (стр. 429). Производство тканей (стр. 429).

Дробин (Drobisch, Moritz Wilhelm) (1802—1896). *Философ, сторонник Герберта, выводившего всю психическую жизнь из деятельности представлений.* О законах явлений (стр. 23).

Дюкан, Максим (Du Camp) (1822—1894). *Французский писатель, журналист, лидер буржуазного предпринимательства.* Сочетание операций в парижском газовом заводе (стр. 425).

Дюноа, Бартеlemi-Пьер-Иосиф-Шарль (Dunoyer) (1786—1862). *Французский экономист и государственный деятель, сторонник свободной торговли.* Земля как капитал (стр. 262).

Дюринг, Евгений (Dühring, Eugen) (1833—1911). *Немецкий философ, вульгарный материалист, позитивист, математик и экономист, мелкобуржуазный социалист. Противник пролетарского социализма. Критик марксизма. Об исследо-*

ваниях, посвященных теории ценности и капиталу (стр. 244). О капитале (стр. 250—251, 254). О капитале и доходе (стр. 259). О различии между капиталом и трудом (стр. 263). Критика теории сбережения капитала (стр. 285).

Е

Егер, Евгений (Jäger) (род. в 1842 г.). *Немецкий публицист и экономист, консерватор. Критика теории ценности и прибавочной ценности Маркса (стр. 318).*

Елизавета (1533—1603). *Английская королева в 1558 г. В эпоху Елизаветы происходит подъем торгово-промышленной жизни страны. Статут 1562 г. (стр. 330).*

Ж

Жакар, Жозеф-Мари (Jacquard, Joseph Marie) (1752—1834). *Изобретатель механического станка для производства шелковых тканей. Пример Прудона о перемещении дохода рабочего взамен машин (стр. 440).*

Жюффруа (Geoffroy, Julien Louis) (1743—1814). *Драматический критик (стр. 440).*

Жуковский, Юлий Галактионович (1822—1907). *Журналист и административный деятель. Критик «Капитала» в России 70-х годов. Автор книги «Смитовское направление и позитивизм в экономической науке», где дана оценка Рикардо (стр. 3). Физикратическая трактовка вопроса о чистом доходе (стр. 309).*

И

Иоанн. Английский король, покровитель городов (стр. 364).

Иетон. Фабрикант (стр. 443). Применение почтучной оплаты (стр. 443).

К

Канар (Canard, Nicolas François) (1755—1833). *Французский экономист. Предшественник математического направления. Теория ценности (стр. 38). Определение капитала (стр. 251).*

Канкрин, Егор Францевич, граф (1774—1845). *Министр финансов (1823—1844). Яркий протекционист. Финансовая реформа (стр. 233).*

Кантильон, Ричард (Cantillon, Richard) (род. в конце XVII в., ум. в 1734 г.). *Предшественник физикратов и классиков. Порядок исследования (стр. 7). Теория ценности и цены (стр. 56, 57). О действительной ценности товаров (стр. 80). Естественная ценность (стр. 96). Рыночная и естественная цена (стр. 103).*

Карл Великий (742—814). *Король франков (768—814) и римский*

император (800—814). Города в его эпоху (стр. 361).

Кауц, Юлий (Kautz) (род. в 1829 г.). *Венгерский экономист и политический деятель, историк экономических учений. О взглядах Беркли и Гарриса на ценность (стр. 58).*

Кэне, Франсуа (Quesnay, François) (1694—1774). *Французский экономист. Глава школы физикратов. Близость к школе Рикардо (стр. 58). Теория ценности (стр. 58).*

Кетле, Ламбер (Quetelet, Lambert) (1796—1874). *Бельгийский математик, основатель социальной статистики. Об общественных законах (стр. 15, 21). О пертурбационных влияниях (стр. 21).*

Кирхманн, Юлиус Герман, фон (Kirchmann, Julius Hermann, von) (1802—1884). *Немецкий социолог*

и публицист. Член прусского национального собрания в 1848 г. О деньгах (стр. 189).

Кольбер, Жан Батист (Colbert, Jean Baptiste) (1619—1683). Французский государственный деятель, крупный представитель меркантилистической политики. Покровительство промышленности (стр. 68, 304). Предоставление государственных субсидий частным лицам (стр. 334).

Коморжинский (Komorzynski). О ценности (стр. 31, 123). О естественной цене благ (стр. 102).

Кондильяк, Этьенн Бонно, де (Condillac, Etienne Bonnot, de) (1715—1780). Французский философ-сенсуалист и экономист. Близок к физиократам. Порядок исследования (стр. 7). Теория ценности (стр. 38, 39, 45, 60). Смещение потребительной ценности и меновой и отождествление капитализма с простым товарным производством (стр. 295).

Корбон, Клод-Антим (Corbon, Claude - Anthime) (1808—1891). Французский рабочий депутат. О перемене занятий в Калифорнии (стр. 421).

Коттон. Весы для золота (стр. 201).

Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver) (1599—1658). Вождь английской буржуазной революции 1642—1649 гг. Лорд-протектор Англии. Навигационный акт (стр. 68). Мероприятия в целях развития различных отраслей обрабатывающей промышленности внутри страны (стр. 304).

Курно, Антуан-Огюст (Cournot) (1801—1877). Французский экономист, родоначальник математической школы политической экономии. О цене (стр. 123). Деньги у китайцев, греков и римлян (стр. 220).

Ланге, Фридрих-Альберт (Lange) (1828—1875). Немецкий философ и общественный деятель. Неокантианец и буржуазный демократ. О теории народонаселения Мальтуса и Маркса (стр. 514, 521, 522, 523).

Курсель-Сенель, Жан Густав (Courcelle-Seneuil, Jean Gustave) (1813—1892). Французский экономист, предшественник австрийской школы. Об установлении цены (стр. 43). Теория воздержания (стр. 287). О сохранении капитала (стр. 462).

Кустоди, Пьетро (Custodi, Pietro) (1771—1842). Итальянский экономический классической литературы (стр. 174).

Кэри, Генри Чарльз (Carey, Henry Charles) (1793—1879). Американский экономист и социолог. Критик классической школы, сторонник гармонии интересов труда и капитала. Теория ценности (стр. 13, 25, 89—92). Субъективный характер ценности (стр. 14). Моменты объективности в понимании ценности (стр. 14). Об издержках воспроизведения (стр. 14, 80). Об экономических отношениях в изолированном хозяйстве (стр. 27). Рикардо и Кэри (стр. 88). Попытка примирить объективный и субъективный взгляды на ценность (стр. 90, 93). Ад. Гельд о теориях ценности Кэри и Рикардо (стр. 90). Бастиа—приверженец Кэри (стр. 92). Превосходство школы Рикардо над Кэри (стр. 92). Закон издержек воспроизведения у Кэри и Рикардо (стр. 97). Определение капитала (стр. 248). Земля как капитал (стр. 262). Критика теории сбережения капитала (стр. 285). Прибыль и сдельная плата (стр. 321).

Кэриас, Джон-Эллиот (Cairnes, John Elliot) (1823—1875). Английский экономист, профессор политической экономии, эллиот классической школы. Сторонник дедуктивного метода исследования и теории фонда заработной платы. О «труде» как специфическом товаре (стр. 492).

Лассаль, Фердинанд (Lassalle, Ferdinand) (1825—1854). Крупный деятель германского рабочего движения. Реформист, сторонник «социальной революционной монархии». Критика теории о наличии обмена лицом избыточного про-

дукта (стр. 35). Критика теории поддержания (стр. 94). Железный закон заработной платы (стр. 313). Критика теории, объясняющей увеличение прибыли в результате применения машин как вознаграждение за умственный труд управления (стр. 436).

Лафито (Lafiteau, Joseph Francois) (1670—1740). Французский миссионер, исследователь переобитых народов. Торговля у диких народов (стр. 218).

Левассёр, Пьер-Эмиль (Levasseur) (род. в 1828 г.). Французский экономист и историк. О происхождении цехов (стр. 365).

Легу (Legouy). Накопление капитала и увеличение числа рабочих (стр. 518).

Ле Трон, Гильом Франсуа (Le Trosne, Guillaume Francois) (1728—1780). Французский экономист, физиократ. Законы обмена и ценности (стр. 7). Критика теории ценности Кондильяна (стр. 39). Близость к школе Рикардо (стр. 58). Теория ценности (стр. 60, 61, 62). Яркий представитель физиократизма (стр. 62). Теория Le Trosne одна из ближайших ступеней к теории Смита и Рикардо (стр. 62). Цена среднего эквивалента массы товаров (стр. 144).

Ли, Вильгельм. Изобретатель чулочновязального станка в конце XVI в. (стр. 366).

Либих, Юстус, фон (Liebig, Justus, von) (1803—1873). Знаменитый немецкий химик. О питании горнорабочих Южной Америки (стр. 452).

Линдвурм (Lindwurm). Немецкий буржуазный экономист. О соотношении между теориями ценности Кэри и Рикардо (стр. 21). О соотношении между теорией издержек производства Кэри и Рикардо (стр. 21). Об индивидуалистическом хозяйстве и меновом отношении (стр. 21).

Лист, Фридрих (List, Friedrich) (1789—1846). Известный немецкий экономист, один из основоположников исторической школы. Противник английской классической школы, сторонник покровительственных пошлин для отсталых с экономическим отношением стран. «Производительные силы» Листа и невещественные капиталы (стр. 263).

Лихновский, Феликс Мария, князь (Lichnowski, Felix Maria, Fürst) (1814—1848). Силезский землевладелец (стр. 461).

Лодердаль, Джейм, граф (Lauderdale, James, Earl of) (1759—1839). Английский государственный деятель и экономист, критик А. Смита. О законе спроса и предложения (стр. 139). О производительности капитала (стр. 259).

Локке, Джон (Locke, John) (1632—1704). Английский философ-сенсуалист, экономист, близок к меркантилистам, предшественник Смита и Рикардо. Порядок исследования (стр. 7). Теория ценности (стр. 52—53). О разделении труда (стр. 77). Деньги—продукт договора (стр. 221).

Лотц (Lotz, Johann Friedrich Eusebius) (1771—1838). Немецкий экономист и государственный деятель. Последователь А. Смита. О ценности (стр. 11, 12, 28). О полезности благ и ценности потребления (стр. 28).

Лоу, Джон (Law) (1671—1729). Английский экономист и финансист. Теоретик безграничного выпуска бумажных денег. Порядок исследования (стр. 7). О ценности денег (стр. 242).

Людовик Наполеон (1808—1873). Французский император (1851—1870). Двенадцатичасовой рабочий день (стр. 331).

Людовик VI, Толетый (Louis VI Le Gros, l'Eveilléon, le Batailleur) (1108—1137). Король Франции, пятый из династии Капетингов. Льготы городам (стр. 364).

М

Мак-Куллох, Джон Рамзей (Mac Culloch, John Ramsay) (1789—1864). Английский буржуазный экономист, вульгариза-

тор Рикардо. Порядок исследования (стр. 6). Издатель Смита (стр. 9). Определение ценности (стр. 10). Сходство Джона Стю-

арта Милля с Мак-Куллохом по вопросу о ценности (стр. 11). Объективный характер ценности у Мак-Куллоха (стр. 14). Смешение труда и издержек производства (стр. 98—99). О роли издержек в установлении ценностей (стр. 114). Об абсолютной ценности (стр. 229). Об обмене излишками продуктов (стр. 232). О капитале (стр. 254). Человек как капитал (стр. 264). О роли природы в мануфактурной промышленности (стр. 310). О происхождении прибыли (стр. 311—312, 319). Об «освобождении рабочих» в результате введения машин (стр. 403). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу (стр. 439). О постоянном рабочем фонде (стр. 472).

Маклеод, Генри Данинг (Macleod, Henry Dunning) (1821—1902). *Английский вулгарный экономист, банковский деятель*. Отожествление обмена с производством (стр. 8). Об издержках производства (стр. 21, 97, 123, 124). О выборе времени и места для наблюдений (стр. 23). О законе цен (стр. 25—26). О ценностях положительных и отрицательных (стр. 26). Применение математических символов при определении ценности (стр. 26). О сравнительной полезности благ (стр. 29). Теория сравнения услуг (стр. 38). Методологические приемы у Маклеода и Петти (стр. 52). Теория ценности Маклеода и теория ценности Рикардо (стр. 97). Теория спроса и предложения (стр. 116, 125, 130). О ценности свободно воспроизводимых благ у Рикардо (стр. 117). О проверке законов (стр. 117). Отношение теории ценности Маклеода к учению школы Смита—Рикардо (стр. 119—120). Выражение закона цены или ценности Маклеода не применимо ко всем случаям и неверно во всех пределах (стр. 123). О спросе и предложении как единственном регуляторе ценности (стр. 123). Война и ценность (стр. 122). Признание лишь наличия рыночной ценности (стр. 125). О форме ценности (стр. 163). Кредит как непосредственное, наличное богатство (стр. 225). Возра-

жения против теории ценности Рикардо (стр. 230). Определение капитала (стр. 264, 271, 272). О первоначальном понятии капитала (стр. 272). О деньгах как капитале (стр. 273). Капитал как продукт, полученный в обмен (стр. 273). Оборотный капитал (стр. 322).

Маллер. Кружевной мануфактурист (стр. 418). О работе на дому (стр. 418).

Мальтус, Томас Роберт (Malthus, Thomas Robert) (1766—1834). *Английский пастор, экономист, автор знаменитой апологетической теории народонаселения, плагииатор и «сикофант земледельческой аристократии»*. О ценности (стр. 10). Сходство Сеннора и Мак-Куллоха с Мальтусом по вопросу о полезности (стр. 10). Субъективистические тенденции в трактовке полезности и ценности (стр. 13). О колебаниях ценности труда и хлеба (стр. 75, 76). Отношение к закону издержек воспроизведения (стр. 97). Теория ценности Мальтуса и теория «естественной» ценности Смита (стр. 97). О теории ценности Рикардо (стр. 110). Теория спроса и предложения (стр. 123, 126, 128—129, 131, 137—138). Размер спроса и его интенсивности (стр. 128, 129). О капитале (стр. 254, 259, 264). Об источнике «чистого дохода» (стр. 256). Учение о рентах и физиократы (стр. 256). Пример, заимствованный Мальтусом у Гумбольдта относительно плодородия земель Новой Испании и хозяйственного положения туземцев (стр. 259). Капитал и прибыль (стр. 259). Орудия производства как капитал (стр. 264). Цены и издержки производства (стр. 317). О поштучной оплате (стр. 414). О производительном потреблении (стр. 454). Теория накопления (стр. 464). О постоянном рабочем фонде (стр. 472). Теория народонаселения (стр. 490, 493, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516). Теория народонаселения Маркса и Мальтуса (стр. 515, 516, 517, 518, 519, 520). Теория народонаселения Мальтуса и Ланге (стр. 521).

Манг. Изобретатель в слесарной промышленности (стр. 367).

Маркс, Карл (Marx, Karl) (1818—1883). О воззрениях софиста Эдмунда Берке на индивидуальные различия труда (стр. 17). Разделение труда и общественно необходимый труд (стр. 20). О соизмеримости обмениваемых благ (стр. 41). Дополнения к теориям ценности и денег Рикардо (стр. 48, 228). Окончательное разъяснение задачи, что прибыль и заработная плата входят в продукт производства (стр. 56). О теории ценности Франклина (стр. 62). О теории ценности А. Смита (стр. 71). Пример производительности труда (стр. 71). Сравнение закона ценности с законом притяжения (стр. 84). Маркс об определении у Рикардо «рабочей ценности рабочим временем» (стр. 88, 96). О ценности у Байли (стр. 96). Прибавочная ценность и процесс обращения (стр. 108). Примеры, иллюстрирующие понятие «общественно необходимого труда» (стр. 124). Возможность кризиса при функции денег как средства обращения (стр. 136). Теория ценности Маркса как дальнейшее развитие теории ценности школы Смита—Рикардо (стр. 140). О двойственном характере труда (стр. 145). Естественные и искусственные учреждения у буржуазных экономистов (стр. 180). Диалектический метод Маркса и диалектика Гегеля (стр. 182). Учение о формах ценности и денег у Маркса (стр. 182). Способ изложения (стр. 183). О различных функциях денег (стр. 183). Генезис отдельных функций денег (стр. 192). О теории рабочих денег Грея (стр. 192—193). О теории метафизического равновесия между покупателями и продавцами у Дж. Милля и Сэя (стр. 197). Теория денег Маркса как крупный вклад в науку (стр. 213—214). О причинах развития денежного обмена (стр. 212). О формах ценности (стр. 213). Проведение строгого различия между отдельными денежными функциями (стр. 214). Об анализе экономистами лишь количественной стороны купли-продажи (стр. 216). О природе денежного обмена (стр.

214). Функция всеобщего товара (стр. 216). О законе развития функций всеобщего товара (стр. 222). Функция мерила ценности (стр. 222). Неразработанность учения о кредите (стр. 225). Учение о кредитных сделках (стр. 226). Кредит и денежный обмен (стр. 227). Перечисление пяти самостоятельных функций денег (стр. 227). Учение Маркса как историческое развитие классической политической экономии (стр. 228). Меновой акт как равенство обмениваемых продуктов (стр. 229). Отожествление труда с ценностью (стр. 229). Общественно необходимый труд (стр. 230). Двойственный характер труда (стр. 231). Абстрактный труд (стр. 233). О труде в крестьянской семье (стр. 235). Маркс о «рабочих деньгах» у Оуэна (стр. 237). Деньги и разделение труда (стр. 241). О денежном обмене в хозяйствах с разделенным трудом (стр. 243). О теории воздержания (стр. 287). Прибавочная ценность и рабочая сила как товар (стр. 313). Учение о прибавочной ценности Маркса и учение о чистом доходе Смита и Рикардо (стр. 315). Теория прибавочной ценности Маркса и его теория ценности (стр. 318). Прибавочная ценность и право собственности на орудия (стр. 318). О постоянном капитале (стр. 324). Теория накопления капитала (стр. 352). Учение о кооперации (стр. 357, 359, 360). Влияние машинной индустрии на положение большинства народонаселения (стр. 360). О дальнейшем исследовании изменения форм общественной кооперации в духе Маркса (стр. 360). Простая кооперация и мануфактура (стр. 374). О естественном законе движения общества (стр. 378). О разделении труда внутри мануфактуры и в обществе (стр. 379—380). Интенсивность труда и сохранение рабочего дня (стр. 400). Заработная плата (стр. 410). Учение Маркса о машинах и крупной индустрии (стр. 415). О различиях между мануфактурой и фабрикой (стр. 416). Разделение труда в мануфактуре (стр. 424). Влияние машины на удешевление товаров (стр. 434—435). Условия выгодности употреб-

ления машин (стр. 436—437). О влиянии машин на отношения рабочих и капитала (стр. 438—439). Теория накопления капитала и капиталистический закон народонаселения (стр. 446). Статистические подтверждения закона капиталистического накопления (стр. 486). Иллюстрация капиталистического накопления на примере Ирландии (стр. 486). Важнейшие положения Маркса по вопросу о законах накопления капитала и капиталистическом законе народонаселения (стр. 488, 489, 490, 493). Историческая обусловленность законов народонаселения (стр. 512). Теория народонаселения Маркса и Ланге (стр. 521, 522).

Маудсли, Генри. Изобретатель точильного аппарата (стр. 391).

Маурер, Георг Людвиг, фон (Maurer, Georg Ludwig, von) (1790—1872). *Известный юрист и историк социально-экономического строя древних германцев.* Критика различных теорий происхождения городов (стр. 360). Сельская земледельческая община как основа городского строя (стр. 361). Определение города (стр. 363). О теории городов Вилде (стр. 364). О происхождении цехов (стр. 365).

Мериваль, Герман (Mérivale, Hermann) (1806—1874). *Английский экономист, государственный деятель.* Необходимость наличия резервной армии (стр. 520).

Меррой. *Соавтор книги «Описание британской Индии».* О виртуозности индусских ткачей (стр. 366).

Мерсье де ла Ривьер, Поль Пьер (Mersier de la Rivière, Paul Pierre) (1720—1794). *Французский экономист, представитель физиократической школы.* Близость к школе Рикардо (стр. 58). Теория ценности (стр. 59, 60). Увеличение богатства и обмен (стр. 294).

Миг. Предприниматель (стр. 429). Производство тканей (стр. 429).

Милль, Джеймс (Mill, James) (1773—1836). *Английский экономист, философ, крупный последователь учения Рикардо.* Порядок исследования (стр. 6, 8). Определение ценности (стр. 10, 113). Объективный характер ценности (стр. 14). Труд и постоянство отноше-

ний между обмениваемыми благами (стр. 42). Смешение издержек производства с трудом (стр. 98—99). Ошибочная теория издержек производства (стр. 114). Меновые пропорции и взаимодействие спроса и предложения (стр. 135). О метафизическом равновесии продавцов и покупателей (стр. 197). Представитель количественной теории денег (стр. 200). Об обмене излишками продуктов (стр. 232). Игнорирование вопроса о форме ценности (стр. 243). О капитале (стр. 248, 251, 252, 254). Орудия производства как капитал (стр. 264). Отношение к теории сбережения капитала (стр. 277, 284). Постоянный и оборотный капитал (стр. 323). Об «освобождении» рабочих в результате введения машин (стр. 403). О влиянии машин на отношения рабочих и капитала (стр. 403, 439). О производительном и непроизводительном потреблении (стр. 451, 453). О постоянном рабочем фонде (стр. 472).

Милль, Джон Стюарт (Mill, John Stuart) (1806—1873). *Экономист, философ, позитивист, политический деятель, электик, пытавшийся синтезировать учение классиков с социализмом.* Порядок исследования (стр. 6, 7). Учение о ренте (стр. 7). О названии класса предметов (стр. 8, 9). Определение ценности (стр. 10, 45). Сходство теории ценности Дж. Ст. Милля с теориями ценности Смита и Мак-Куллоха (стр. 10—11). О принципах классификации (стр. 15). Субъективизм в понятии капитала (стр. 18). Обеспеченная принадлежность вещей как условие применения труда и капитала (стр. 44). Смешение труда и издержек производства (стр. 98—99). Об издержках производства (стр. 108, 125). Поправка к учению о ценности Рикардо (стр. 110—115). Образование ценностей постоянного и оборотного, долговечного и краткосрочного капитала (стр. 115). Полезность и цена (стр. 122). Тяготение ценностей вещей к ценности производства (стр. 125). Функция всеобщего товара (стр. 216). Деньги как техническое средство, облегчающее меновой процесс

(стр. 217). Влияние кредита на цены товаров (стр. 227). Об абсолютной ценности (стр. 229). Об обмене излишками продуктов (стр. 232). Постановка проблемы абстрактного труда (стр. 233). Теория денег (стр. 238, 239, 241). Игнорирование вопроса о форме стоимости (стр. 243). О капитале (стр. 248, 251, 252, 254). Труд ученых как капитал (стр. 264). Различие между капиталом и некапиталом (стр. 271). Теория сбережения капитала (стр. 277, 279—280, 283—285). О прибыли на земельный капитал (стр. 305). О происхождении прибыли (стр. 311—312). О возникновении прибыли не в обращении (стр. 316). Объяснение прибыли производительностью труда (стр. 319). Постоянный и оборотный капитал (стр. 323). Пример, заимствованный у Рида (стр. 354). О простой кооперации (стр. 337). Об «освобождении» рабочих в результате введения машины (стр. 403). О поштучной оплате (стр. 443). Эклектическая теория прибыли (стр. 465). Заработная плата (стр. 467, 473). О постоянном рабочем фонде (стр. 472, 473). Теория накопления (стр. 517).

Мильтон, Джон (Milton, John) (1608—1674). *Английский поэт, классик. Автор «Потерянного и возвращенного рая».* Кэри о пенности экземпляра библии Мильтона (стр. 89).

Миронов. Общинная организация труда в сельском хозяйстве (стр. 420).

Миссельден, Эдуард. *Английский экономист начала XVII в.,*

крупный представитель меркантилистического направления. О деньгах (стр. 206).

Молinari, Густав, де (Molinari, Gustave, de) (1819—1911). *Бельгийский вулгарный экономист. Сотрудник «Русского вестника».* Теория водержания (стр. 287, 462).

Моле, Франц-Иосиф (Моле) (1796—1871). *Немецкий археолог, профессор-историк в Гейдельберге.* О новейших городах как непрерывном продолжении римского муниципального устройства (стр. 360).

Монтескье, Шарль Луи, де (Montesquieu, Charles Louis, de) (1689—1755). *Знаменитый французский историк и политический писатель.* Деньги—знак (стр. 191). Представитель количественной теории денег (стр. 200).

Морель (Morel). Народонаселение и распределение имущества (стр. 515).

Мориер, Джемс (Morier, J.) (1780—1849). *Английский путешественник и романист.* О персидских кочевниках (стр. 514).

Моррисон. Система смен на фабрике (стр. 432).

Мэндевилль, Джон (Mandeville) (1300—1372). *Средневековый английский путешественник. Описал ряд путешествий по Европе, Африке и Азии.* О кожаных и бумажных деньгах в Китае (стр. 203).

Мюллер, Адам (Müller, Adam) (1779—1829). *Немецкий публицист и экономист, представитель романтического направления, критик А. Смита.* Язык народа как капитал (стр. 263).

Н

Нейманн. *Австрийский экономист, автор «Officieller Austellungs Bericht, Wien 1869».* Об английской машине «всеобщий плотник» (стр. 428). О машинах (стр. 442).

Ньюмарч, Вильям (Newmarch, William) (1820—1882). *Английский экономист и статистик, сторонник свободной торговли.* Количество денег и цена (стр. 198).

Ньюман, Самуэль-Филипп (Newmann, Samuel Philips) (1796—1842). *Американский экономист, профессор литературы.* Торговля как источник прибавочной ценности (стр. 295).

Ньюхэм, Г. Б. (Newnham, G. B.). *Английский адвокат.* О заработной плате английских сельскохозяйственных рабочих в конце XVIII столетия (стр. 469).

Оверстон, Самюэль Дженс (Overstone, Samuel Jones) (1796—1883). *Английский банкир, теоретик денежного обращения, сторонник теории автоматического регулирования денежного обращения.* Представитель количественной теории денег (стр. 200).

Ортез, Джамариа (Ortes, Giamparia) (1713—1799). *Итальянский монах, экономист. Предшественник английской политической эконо-*

мии. О капиталистическом производстве (стр. 485).

Отт, Отгет (Ott) (род. в 1814 г.). *Французский юрист и публицист.* О соотношении между различными полезностями и различными потребностями (стр. 31). Регулирование производства в изолированном хозяйстве (стр. 34). О измеримости обмениваемых предметов (стр. 41). Определение капитала (стр. 248, 251, 254).

II

Паллас, Петр Симон (1741—1811). *Известный путешественник и натуралист.* Деньги у киргизов (стр. 219).

Парри, Чарльз Генри (Parry, Charles Henry) (1779—1860). *Английский врач.* О питании английских земледельческих рабочих (стр. 468). Обогащение лендлордов (стр. 469).

Петр I (Великий) (1672—1725). *Русский император.* Деньги и война (стр. 206).

Петти, Вильям, сэр (Petty, William, sir) (1623—1687). *Английский экономист и статистик, родоначальник английской классической политической экономии.* Порядок исследования (стр. 7). Определение ценности (стр. 51). Превосходство методологических приемов Петти по сравнению с Бастиа и Маклеодом (стр. 51). Ценность у Петти и закон ценности у Рикардо (стр. 52). О естественной цене (стр. 80). Учение о ценности Рикардо и «естественная ценность» Петти (стр. 96). Труд и земля как факторы, создающие богатство (стр. 147). Маркс о теории ценности Петти (стр. 154). Маркс о Петти как представителе классической политической экономии (стр. 180). Деньги и богатство (стр. 206). О ценности средней дневной рабочей платы (стр. 313).

Пиль, Роберт, сэр (Peel, Robert, sir) (1788—1850). *Знаменитый английский государственный деятель. Премьер-министр 1828—1830 и 1841—1846 гг.* Известен своими законами о банках. Отме-

тил хлебные пошлины в 1846 г.* Банковский акт 1844 г. (стр. 223).

Платон (ок. 428—348 до н. э.). *Крупнейший представитель древнегреческого объективного идеализма. Автор социальной утопии. Яркий представитель земледельческой аристократии.* О функции знака ценности или орудия обращения (стр. 203).

Поттер, Эдмунд (Potter, Edmund). *Дунайский фабрикант. Президент манчестерской торговой камеры.* Производство ткани (стр. 429). Об эмиграции английских рабочих (стр. 454, 455, 456, 457). О рабочей силе и машинах (стр. 456, 457). Эмиграция рабочих Ланкашира и хлопковый кризис (стр. 479).

Прудон, Пьер Жозеф (Proudhon, Pierre Joseph) (1809—1865). *Французский мелкобуржуазный экономист, философ, один из основоположников анархизма. Автор утопии «обменного банка» и «дарового кредита».* В «Нищете философии» и в других работах Маркс подверг его взгляды беспощадной критике. Теория издержек производства (стр. 21). Разногласия по вопросу о полезности и ценности между Прудонем, Бруно Гильдебрандом и Рошером (стр. 36). Труд и постоянство отношений между обмениваемыми благами (стр. 43). О спросе и предложении (стр. 134). Утопический социализм Прудона (стр. 169). Рабочие деньги (стр. 194). Определение капитала (стр. 251). Спор с Бастиа о процентах (стр. 251, 277). Учение о

капитале Прудона — сочетание черт, характеризующих капитал по Сью, Росси, Бастиа и Гарнье (стр. 274). Спор, оценка, установление ценности как признаки капитала (стр. 274, 276). Связь идеи капитала с социальными отношениями (стр. 275). О связи между теорией ценности и теорией капитала (стр. 276). Критика взгляда, что прибыль возникает из обращения (стр. 316). Об организации общества (стр. 378—379). Тео-

рия дарового кредита (стр. 381—382). Общественное разделение труда и уничтожение дохода с капитала (стр. 383). О производительных ассоциациях (стр. 383, 385, 386). О различии между фабрикой и мануфактурой (стр. 419). Машина и разделение труда (стр. 419). Компания и ассоциация производителей (стр. 431). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу (стр. 438, 440).

Р

Рау, Кара-Давид-Георх (Rau) (1792—1870). *Немецкий вульгарный экономист*. Учение об отвлеченной ценности (стр. 27). О полезности благ и ценности потребления (стр. 28). О законе издержек производства (стр. 87). О роли издержек в установлении ценности (стр. 115). О капитале (стр. 254). О капитале и доходе (стр. 259). Сбережение как источник капитала (стр. 277). Об оборотном капитале (стр. 322).

Редгрэв, Александр (Redgrave, Alexandre). *Английский фабричный инспектор*. О производительности прядильщика в 1841 г. (стр. 399). О сокращении рабочего дня в фабрикации тканей актом 1874 г. (стр. 399). «Освобождение» рабочих на шерстных фабриках в результате введения машин (стр. 403).

Реслер, Карл-Фридрих-Герман (Rösler) (род. в 1831 г.). *Примыкает к исторической школе*. О стоимости (стр. 13). О равновесии между единичными хозяйствами (стр. 17). Враг «смитианства» о законе цен (стр. 25). Об основной ошибке «смитианства» и понятие имущества (стр. 44). О законе издержек производства (стр. 87). О невестественных капиталах (стр. 264). Сбережение как источник капитала (стр. 277).

Рикардо, Давид (Ricardo, David) (1772—1823). *Английский экономист, виднейший представитель классической школы*. Популярность Рикардо в экономической литературе (стр. 3). Задача исследования Зибер о Рикардо (стр. 4). О вто-

ром издании работы Зибер о Рикардо (стр. 5). О порядке исследования у Рикардо (стр. 6, 7). Определение ценности (стр. 10). О полезности (стр. 14). О связи между увеличением ценности и увеличением богатства (стр. 19). Об издержках производства (стр. 21, 108, 111). Дж. Ст. Милль, последователь Рикардо (стр. 45). Теория ценности Рикардо и предшественники его (стр. 47—49). Главные черты теории ценности Рикардо и его школы (стр. 47, 48, 49). О заработной плате или прибыли динарей (стр. 51). Ценность у Петти и закон ценности у Рикардо (стр. 52). Локке как предшественник Смита и Рикардо (стр. 53). Решение задачи, что прибыль и заработная плата входят в продукт производства (стр. 56). Естественная и рыночная ценность Рикардо в теории ценности Джемса Стюарта (стр. 56). О теории ценности Смита (стр. 72—76). О двойственном характере труда (стр. 79). Теория ценности Рикардо (стр. 72, 73, 76, 77, 78, 79). О противоречиях между действительной и естественной ценами у Смита (стр. 79). Типическая средняя сделка как объект исследования в школе Рикардо (стр. 80). О среднем уровне цен (стр. 80). Типическая сделка школы Рикардо (стр. 85). Школа Рикардо об общественном законе меновой ценности (стр. 87). Маркс об определении у Рикардо «рабочей» ценности рабочим временем» (стр. 88). Параллель между теориями ценности Кэри и Рикар-

до (стр. 88, 90, 92). Превосходство школы Рикардо над Кэри (стр. 92). О ценности, определенной капиталом и вкусами людей (стр. 95). О ценности редких благ (стр. 95—96, 230). Наличие у Рикардо и его школы общественно-го регулятора меновых пропорций (стр. 96). Всеобщее признание доктрины школы Рикардо (стр. 96). Теория ценности Рикардо и «естественная ценность» Кантальона, Петти и Смита (стр. 96). Отзывы Баумшарка о Рикардо (стр. 96). Теория ценности Рикардо, «равенство ценностей» физиократов и «равный баланс» у Буагильбера (стр. 96). Закон издержек воспроизведения у Кэри и Рикардо (стр. 97). Теория «естественной» ценности Смита и теория ценности Рикардо (стр. 97). Ближайшие последователи Рикардо—Джемс Милль, Мак-Куллох, Дж. Стюарт Милль (стр. 98). Теория ценности Бастиа и Маклеода и теория ценности школы Рикардо (стр. 98). Смещение ряда категорий, относящихся к проблеме ценности, у Рикардо (стр. 98). Теория ценности Дж. Милля и теория ценности Рикардо (стр. 99). Дж. Ск. Милль как последователь Рикардо (стр. 108). Анализ цены (стр. 109). Естественная цена (стр. 110). Участие прибыли в образовании цены (стр. 110). Мальтус о теории ценности Рикардо (стр. 110). Поправки Дж. Милля к учению о ценности Рикардо (стр. 110—115). Труд как истинное мерило меновой ценности (стр. 117). О ценности свободно воспроизводимых благ (стр. 117). О рынке (стр. 119, 124). Отношение ценности Маклеода к учениям школы Смита—Рикардо (стр. 120). Теория спроса и предложения у Стюарта и Рикардо (стр. 128). О соотношении спроса и потребления (стр. 130). О законе спроса и предложения (стр. 138, 139). О понижении ценности денег (стр. 139). Дополнения Маркса к теории ценности школы Смита—Рикардо (стр. 140). Школа Рикардо о Бэйли (стр. 164). Применение робинсонады (стр. 176). Маркс о недостатках анализа величины ценности у Рикардо

(стр. 179). Рикардо о теории ценности Сэя (стр. 179, 229). Маркс о форме ценности у Рикардо (стр. 179). Сторонник количественной теории денег (стр. 200). Игнорирование внутренних законов металлического обращения (стр. 205). Теория ценности и денег у Маркса и Рикардо (стр. 228). Об абсолютной ценности (стр. 229). Об общих условиях обмена (стр. 231). Рикардо о взглядах Адама Смита на международную торговлю (стр. 232). Постановка проблемы абстрактного труда (стр. 233). Теория денег (стр. 239—240). Отсутствие понимания, что труд, содержащийся в деньгах,— непосредственно общественный труд (стр. 240). Учение «об экономическом и прочем денежном обращении» (стр. 250). Игнорирование вопроса о форме ценности (стр. 243). Определение капитала (стр. 249). О воспроизводительной способности капитала (стр. 254). Учение о ренте и прибыли (стр. 256—257). Прибыль как результат совместной деятельности капитала и труда (стр. 257). Установление важного различия между вещами, производимыми трудом, и естественными источниками производительной силы (стр. 261). О происхождении капитала из труда (стр. 261). Различие между капиталом и некапиталом, установленное школой Рикардо с точки зрения научной классификации (стр. 262). Критика теории капитала Рикардо у Рошера (стр. 262, 263, 264). Капитал и чистый доход (стр. 270). Отношение к теории возникновения капитала из сбережения (стр. 277). Опровержение смитовой теории мерила ценностей (стр. 289—291). Задельная плата не может служить мерилом ценности (стр. 291). О высокой задельной плате и прибыли (стр. 291). Противоречия Рикардо в теории задельной платы (стр. 292, 293). О поземельной ренте (стр. 309—310). О роли природы в мануфактурной промышленности (стр. 310). О происхождении чистого дохода в школе Рикардо (стр. 312). Критика противоречий в теории ценности Смита (стр. 314—315). О происхождении чистого дохода

(стр. 314—315). Учение о прибавочной ценности Маркса и учение о чистом доходе Рикардо (стр. 315). Категории «издержки производства» и «труда» у Рикардо (стр. 315—316). Прибыль как составная часть цены товара (стр. 316, 318). О соотношении между ценностью и капиталом (стр. 319—320). О законе ценности «труда» (стр. 321). О постоянном и оборотном капитале (стр. 322, 323, 324, 326, 350—355). О постоянном и переменном капитале (стр. 326). Об ограничениях общего закона ценности (стр. 351—352, 354). Отзыв Баумштарна о Рикардо (стр. 356). Об «освобождении» рабочих в результате введения машин (стр. 403, 431—432). Влияние машин на удешевление товаров (стр. 434—435). Условия выгодности употребления машин (стр. 436). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу (стр. 438, 439). О непроизводительном возрастании капитала (стр. 453). Ошибки Рикардо в теории накопления капитала (стр. 460). Влияние теории прибыли Рикардо на Дж. Ст. Милля (стр. 465).

Родбертус-Ягетцов, Карл (Rodbertus-Jagetzow, Karl) (1805—1875). Известный немецкий экономист, теоретик «государственного социализма», в период революции 1848 г.—либерал, впоследствии консерватор. О прибыли и заработной плате как элементах продукта производства (стр. 56). Письмо Кирхмана к Родбертусу о покупке силе денег (стр. 189).

Розен, Андрей Евгеньевич (1799—1884). Барон, декабрист (стр. 377).

Росси, Пеллегрино Лунджи (Rossi, Pelegrino Luigi) (1787—1848). Итальянский вульгарный

экономист. Определение капитала (стр. 251). Влияние на теорию капитала Прудона (стр. 274). О производительном потреблении (стр. 452).

Рошер, Вильгельм (Roscher, Wilhelm) (1817—1894). Немецкий вульгарный экономист. Эклектик. Определение ценности (стр. 13). Введение денег и накопление капитала (стр. 19). Введение денег и разделение труда (стр. 23). Деньги и свобода рабочего (стр. 23). О полезности предметов (стр. 27). О полезности благ и ценности потребления (стр. 28). О сравнительной полезности благ (стр. 30). Регулирование производства в изолированном хозяйстве (стр. 34). Разногласия по вопросу о полезности и ценности между Прудонов, Бруно Гильдебрандом и Рошером (стр. 36, 37). О кочевках пастушечьего населения (стр. 40). Частная земельная собственность в Европе (стр. 44). О применении труда и капитала (стр. 44). О теории ценности Петти (стр. 52). О законе издержек производства (стр. 87). О роли издержек в установлении ценности (стр. 116). Функции всеобщего товара (стр. 216). О торговле у бедуинов и индийских кочевников (стр. 234). Деньги как специфический товар (стр. 241). О теории денег Ганиля и Чемэнса (стр. 241). Критика теории капитала Рикардо (стр. 263—264). О непроизводительном капитале (стр. 264). Сбережение как источник капитала (стр. 277). О происхождении прибыли из сил природы (стр. 308). Рошер и физиократы (стр. 308, 309). Постоянный и оборотный капитал (стр. 323, 324, 326). Объяснение увеличения прибыли в результате применения машин (стр. 435).

Сальт. Предприниматель (стр. 429). Производитель труда (стр. 429).

Сенюор, Нассау-Вильям (Senior, Nassau William) (1790—1864). Английский вульгарный экономист эпохи разложения классической школы. Автор теории воздержания. Определение ценности

Савиньи, Фридрих-Карл (Savigny) (1779—1861). Немецкий юрист и государственный деятель. Виднейший представитель исторической школы права. О новейших городах как непрерывном продолжении римского муниципального устройства (стр. 360).

(стр. 10). Сходство Мак-Куллоха с Сениором по вопросу о полезности (стр. 10). Отсутствие объективного взгляда на полезность и ценность (стр. 13). Определение ценности редкостью (стр. 19). О редкости благ (стр. 80). Сбережение как источник капитала (стр. 277). Теория поддержания (стр. 279—280, 287). Теория капитала Сениора и Ад. Смита (стр. 279—280). Об «освобождении» рабочих в результате введения машин (стр. 403). Влияние теории поддержания Сениора на Д. С. Милля (стр. 465).

Сисмонди, Жан Шарль Сисмонд де (Sismondi, Jean Charles Simonde de) (1773—1842). *Швейцарский мелкобуржуазный экономист, критик классической политической экономики, представитель экономического романтизма.* О функциях денег (стр. 214). О ценности денег (стр. 242). О капитале и доходе (стр. 259). Капитал—полезное назначение, придаваемое продукту его владельцем (стр. 270). Сбережение как источник капитала (стр. 277). Постоянный и оборотный капитал (стр. 323). О постоянном и переменном капитале (стр. 326). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу (стр. 438). О вредных результатах применения машин (стр. 441). Рабочий и капиталист в их отношении к рабочей силе (стр. 457). Пролетарий в эпоху Рима и в новейшем обществе (стр. 464). Капиталистическое накопление по Сисмонди (стр. 486). Участие в научных спорах с Сзем (стр. 490). Критика теории народонаселения Мальгуса (стр. 515).

Соден, фон, граф (Soden, Friedrich Julius Heinrich, Graf, von) (1754—1831). *Театральный деятель, драматург и экономист. Пропагандист идей Адама Смита в Германии.* Сходство между Лоцом и гр. Соденом по вопросу о ценности (стр. 41).

Смит, Адам (Smith, Adam) (1723—1790). *Знаменитый английский экономист и философ, один из основателей классической школы.* О порядке исследования в «Богатстве народов» (стр. 6, 7). Теория ценности (стр. 9, 64, 66—72).

Сходство Дж. Ст. Милля и Мак-Куллоха со Смитом по вопросу о ценности (стр. 10—11). Сходство Сениора со Смитом в вопросе о меновой ценности (стр. 10). О полезности (стр. 14). Объективный характер ценности у Смита (стр. 14). Отождествление общественного хозяйства с частным (стр. 16). Смит о меркантилистах (стр. 16). Индивидуалистический характер системы Смита (стр. 16). Объективный характер понятия о сбережении в школе Смита (стр. 18). О редкости благ (стр. 19). О выборе времени и места для наблюдения хозяйственных явлений (стр. 23). О полезности благ и ценности потребления (стр. 28). О заработной плате или прибыли дикарей (стр. 51). Лоцн—предшественник Смита (стр. 53). Влияние Д. Стюарта на А. Смита (стр. 54). Естественная и рыночная ценность Смита в теории ценности Джемса Стюарта (стр. 55). Теория ценности Le Grosne'a и теория ценности А. Смита (стр. 62). Обмен и разделение труда (стр. 64). О естественной и рыночной ценности (стр. 66). О труде как товаре (стр. 68). О двойственной роли труда и ценности труда (стр. 68—69). О ценности потребления и ценности меновой (стр. 69). О нарицательной и действительной цене (стр. 69). Проведение контраста между трудом и деньгами (стр. 69). О действительной и нарицательной ценности труда (стр. 70). Маркс о теории ценности А. Смита (стр. 71). Разделение труда в эпоху А. Смита (стр. 71). Рикардо о теории ценности Смита (стр. 73, 75, 76). О колебаниях ценности труда и хлеба (стр. 75—76). О капитале у дикарей (стр. 76). Рикардо о противоречии между действительной и естественной ценами у Смита (стр. 79). Влияние Смита на учение о цене Тюнена (стр. 79). О среднем уровне цен (стр. 80). Отличие Смита от так называемой метафизической школы (стр. 80). Гипотетический метод в системе Смита (стр. 80—81). Роль фактов в теории ценности Смита (стр. 81). История цен (стр. 81). Баумштарк о категории потребительной ценности у А. Смита (стр. 85). О разделении

труда (стр. 93²—94). Теория «естественной» ценности Смита и теория ценности Рикардо и Мальтуса (стр. 97). Туюна о теории естественной цены А. Смита (стр. 101—103). Влияние Смита на учение Тюнена о цене (стр. 101). Зибер о естественной и рыночной цене у Смита (стр. 102—103). Естественная и рыночная цена (стр. 109). Возражения Тюнена против теории ценности А. Смита (стр. 110). Труд как истинное мерило меновой ценности (стр. 117). Роль производителя в образовании цен (стр. 118). По Маклеоду, Смит полагает, что человек в состоянии управлять рынком (стр. 119). Отношение теории ценности Маклеода к учениям школы Смита—Рикардо (стр. 119—120). По Зиберу, Смит не утверждает, что человек управляет рынком (стр. 124). Теория спроса и предложения Стюарта и воззрения Смита (стр. 128). Теория ценности Маркса как дальнейшее продолжение теории ценности школы Смита—Рикардо (стр. 137). Маркс о теории ценности Смита (стр. 150). Маркс о форме ценности у Смита (стр. 179). Противник количественной теории денег (стр. 200). О деньгах как товаре, ради удобства одаренном свойствами мерила ценности и орудия меры (стр. 217). О мере (стр. 232). Постановка проблемы абстрактного труда (стр. 233). Дж. Ст. Милль о теории денег А. Смита (стр. 238). О ценности денег и их количестве (стр. 240). Игнорирование вопроса о форме ценности (стр. 243). Начиная со Смита капитал становится предметом обширных исследований (стр. 245). О капитале (стр. 251, 254, 259). Об источнике «чистого дохода» (стр. 256). Учение о прибыли или чистом доходе в отличие от физиократов (стр. 256). О происхождении капитала из труда (стр. 261). О невещественных капиталах (стр. 263, 266). Теория сбережения капитала (стр. 277—279, 283). Условия, необходимые для возникновения и увеличения капитала (стр. 277—278). О возникновении капитала из производства (стр. 278). Опровержение Рикардо смитовой теории

меры ценности (стр. 290). Употребление Смитом термина «труд» вместо «рабочая сила» (стр. 292). Смит о меркантилистах и физиократах (стр. 304). О роли природы в мануфактурной промышленности (стр. 310). Критика Рикардо противоречий в теории ценности Смита (стр. 313, 314). Учение о прибавочной ценности Маркса и учение о чистом доходе А. Смита (стр. 315—316). Зибер о Смите как предшественнике Маркса в теории ценности и прибавочной ценности (стр. 318). О соотношении между ценностью и капиталом (стр. 319). Определение оборотного капитала (стр. 322). Различие между постоянным и оборотным капиталом (стр. 322). О постоянном и переменном капитале (стр. 326). О мануфактурном и общественном разделении труда (стр. 347, 358). Баумштарк о методе Смита (стр. 356). Город и королевская власть (стр. 363—364). Разделение труда и скопление запасов или капиталов (стр. 380). Об ограниченных пределах покупательной способности наемных рабочих (стр. 431—432). Ошибочность воззрения А. Смита о превращении всей прибавочной ценности в капитал (стр. 460).

Спенсер, Герберт (1820—1903). *Английский философ-эволюционист. Родоначальник неодамаркизма, считавшего главными факторами эволюционного процесса прямое приспособление и наследование приобретенных свойств. Об интеграции и специализации работ* (стр. 423).

Стюарт, Джеймс Д., сэр (Stewart, James D., Sir) (1712—1780). *Английский экономист, представитель позднего меркантилизма. Теория ценности* (стр. 53, 54, 55, 56, 61). Влияние Стюарта на А. Смита (стр. 53). Естественная и рыночная ценности Смита и Рикардо в теории ценности Д. Стюарта (стр. 55, 103). Смещение абстрактной и специальной формы труда (стр. 56). Анализ прибыли и убытка, различия между ценностью и полезностью (стр. 56). О различии между положительной и относительной прибылью (стр. 58). О

труде как товаре (стр. 68). О действительной ценности (стр. 80, 96). О разделении труда (стр. 93). Теория спроса и предложения (стр. 123, 126—128). Спрос и предложение—формы реализации общего закона ценности (стр. 127). Теория спроса и предложения Стюарта как полное и правильное выражение воззрений школы Смита—Рикардо (стр. 128). Размер и интенсивность спроса (стр. 128). Понятие средней или естественной ценности (стр. 128). Высокий и низкий спрос (стр. 128). Спрос и предложение под контролем общего закона ценности (стр. 130). Оценки Зибером теории спроса и предложения Стюарта (стр. 137). Противник количественной теории денег (стр. 200). Об общественном разделении труда (стр. 231).

Стюарт, Дугалд (Stewart, Dugald) (1753—1828). *Английский вульгарный экономист, философ.* О разделении труда в сельскохозяйственной общине горной Шотландии (стр. 420).

Сэй, Жан Батист (Say, Jean Baptiste) (1767—1833). *Французский экономист, основатель вульгарной политической экономии.* Субъективный характер ценности у Сэя (стр. 14). О связи между увеличением ценности произведе-

ний и увеличением богатства (стр. 19). О полезности благ и ценности потребления. Составные элементы ценности (стр. 79). О законе спроса и предложения (стр. 139). Рикардо о теории ценности Сэя (стр. 179, 229). О метафизическом равновесии продавцов и покупателей (стр. 197). О влиянии машин на отношения рабочих к капиталу. Обмен в изолированном хозяйстве (стр. 236). О ценности денег и их количестве (стр. 240). О ценности денег (стр. 242). Определение капитала (стр. 251). Влияние Сэя на теорию капитала Прудона (стр. 274). Физикратическая трактовка вопроса о чистом доходе (стр. 309). Об оплате производителя потребителем (стр. 317). Влияние машин на доход рабочего (стр. 440). О сбережениях богатых за счет бедных (стр. 464). Участие в научных спорах с Сисмонди (стр. 490).

Сэй, Луи (Say Louis). *Брат Ж. Б. Сэя.* О категории потребительной ценности (стр. 85).

Сюлли, Максимилиан де Бетюн (Sully Maximilian de Bethune) (1560—1641). *Знаменитый государственный деятель. Противник меркантилизма, предшественник физикратов.* Покровительство промышленности (стр. 68).

Т

Тацит, Корнелий (P. Cornelius Tacitus) (55—120 н. э.). *Знаменитый римский историк, классик мировой литературы* (стр. 507).

Томпсон, Вильям (Thompson, William) (ок. 1785—1833). *Представитель коммунистической ветви английского утопического социализма.* Рабочие деньги (стр. 194).

Томпсон, сэр Бенджамин, граф Румфорд (Thompson, Sir Benjamin, Count of Rumford) (1753—1814). *Американский офицер, организатор рабочих домов в Англии.* О питании рабочих (стр. 468).

Торнтон, Вильям Томас (Thornton, William Thomas) (1813—1880). *Английский экономист, сторонник Дж. Ст. Милля.* Применение математических символов к объяснению вопроса о векселях (стр. 27).

О «труде» как специфическом товаре (стр. 492). Проблема народонаселения и распределение имущества (стр. 515).

Торренс, Роберт (Torrens, Robert) (1780—1864). *Английский экономист эпохи разложения классической школы, сторонник вульгарной теории издержек производства.* Об «освобождении» рабочих в результате введения машин (стр. 403).

Тренч, Ричард Ченевике (Trench) (1807—1886). *Английский богослов.* О голоде в Ирландии 1846 г. (стр. 499).

Тук, Томас (Tooke, Thomas) (1774—1858). *Английский экономист и статистик. Теоретик денежного обращения. Противник банковского акта Роберта Пилля*

1844 г. Количество денег и цены (стр. 198). Противник количественной теории денег (стр. 200). Цены и издержки производства (стр. 317—318).

Тюнен, Иоганн Генрих, фон (Thünen, Johann Heinrich, von) (1783—1850). *Немецкий экономист, автор известной работы «Изолированное государство в отношении к сельскому хозяйству и к политической экономии»*. Влияние Смита на учение Тюнена о цене (стр. 79). О методах исследования (стр. 82, 87). О теории естественной цены А. Смита (стр. 101—102). Изолированное государство Тюнена как система хозяйства (стр. 104).

Уатт, Джон (Wyatt, John) (1700—1766). *Изобретатель прядильной машины*. Изобретение Уатта и наличие в мануфактурном периоде механических рабочих (стр. 390). Пример, приводимый Прудоном, о перемещении дохода рабочего (стр. 440).

Ур, Эндрию (Ure, Andrew) (1778—1857). *Профессор химии Глазговского университета и экономист, пионер машинной техники крупной промышленности*. Производительная сила труда рабочего и капитал (стр. 337). О ча-

Фарр, Вильям (Farr) (1807—1883). *Известный английский статистик*. Критика теории народонаселения Мальтуса (стр. 509, 511—512).

Федон Аргосский. *Греческий философ, ученик Сократа*. Его именем назван платоновский диалог о бессмертии души. Употребление серебряной монеты (стр. 220).

Фергюсон, Адам (Ferguson, Adam) (1723—1816). *Английский историк и философ, предшественник А. Смита в учении о разделении труда*. О развитии специальностей и раздробленности человека (стр. 347).

Ферранд (Ferrand). *Член английского парламента*. Об эмиграции английских рабочих в английские

возражения против теории ценности А. Смита (стр. 110). Отношение к теории издержек производства (стр. 123, 125).

Тюрго, Анн Роберт Жак (Turgot, Anne Robert Jacques) (1727—1781). *Крупный представитель физиократической школы, государственный деятель*. Цена как результат конкуренции (стр. 43). Начиная с Тюрго, капитал становится предметом обширных исследований (стр. 245, 277). Об источнике «чистого дохода» (стр. 256). Сбережения как источник капитала (стр. 277). Об оплате труда рабочего (стр. 313).

стичном рабочем (стр. 349). Об автоматической фабрике (стр. 400). О различиях между фабрикой и мануфактурой (стр. 419).

Успенский, Глеб Иванович (1843—1902). *Писатель-народник*. Об оценке товаров в условиях общинного уклада (стр. 219).

Уэксфильд, Эдуард Гиббон (Wakefield, Edward Gibbon) (1796—1862). *Английский государственный деятель и публицист*. О простой кооперации (стр. 358). О населении Америки (стр. 421).

колонии или в Соединенные штаты (стр. 454).

Ферриер, Фр. Луи Август (Ferguson, Fr. Louis Auguste) (1777—1861). *Французский таможенный чиновник, приверженец бонапартовской запретительной системы* (стр. 163).

Филипп II (1527—1598). *Король Испании* (стр. 206, 364).

Фильден, Самуил. О понижении заработка рабочего (стр. 465).

Фихте, Иоганн Готтлиб (Fichte, Johann Gottlieb) (1762—1814). *Представитель философии классического немецкого идеализма* (стр. 155).

Фоссетт, Генри (Fawcett, Henry) (1833—1884). *Английский государственный деятель, экономист*,

профессор. Порядок исследования (стр. 6, 8). О рабочем фонде (стр. 473).

Форбонназ, Франсуа Верон де (Forbonnais, François Veron de) (1722—1800). Французский экономист, меркантилист, противник физиократов. Деньги—звук (стр. 191).

Франклин, Бенжамин (Franklin, Benjamin) (1706—1790). Американский государственный деятель, естествоиспытатель, экономист, сторонник трудовой теории ценности. Теория ценности (стр. 62—64). Маркс о теории ценности Франклина (стр. 154). О возникновении бумажных денег (стр. 203).

Фридендер, Макс (Fridländer) (1829—1872). Немецкий публицист, родственник Лассаля, редактор венской «Прессы». Теория ценности (стр. 31).

Фуллертон, Джон (Fullarton, John) (1780—1849). Английский экономист, теоретик денежного обращения, противник закона Роберта Пила об ограничении выпуска банкнот. Противник количественной теории денег (стр. 200).

Фурье, Франсуа Шарль (Fourier, François Charles) (1772—1837). Французский социалист-утопист. О редности благ (стр. 19). О фабрике (стр. 402).

Ц

Циммерман, Вильгельм (Zimmermann) (1807—1878). Немецкий историк и поэт. Городской строй

как результат государственной и общественной власти (стр. 360).

Ч

Чемэне (Chamans, St.). Рошер о теории денег Чемэнса (стр. 241).

Чикеринг. Данные о росте белого населения Соединенных штатов с 1790 по 1840 г. благодаря одной только иммиграции (стр. 510).

Чичерин, Борис Николаевич (1828—1904). Философ, правый земельный владлец, сторонник просвещенного абсолютизма. В 70-х годах выступал как критик «Капитала». Физиократическая трактовка вопроса о чистом доходе (стр. 309).

Ш

Шнабе. Предприниматель (стр. 429). Производство тканей (стр. 429).

Шекспир, Вильям (Shakespeare, William) (1564—1616). Английский драматург, гениальный классик мировой литературы. Кэри о ценности экземпляра Шекспира (стр. 89).

Шенберг, Густав Фридрих (Schönberg) (род. в 1839 г.). Немецкий экономист и государственный деятель. О цеховом строе (стр. 369).

Шеффле, Альберт-Эбергард Фридрих (Schäffle) (1831—1903). Немецкий экономист и социолог. В социологии представитель органической теории, в политической экономии типичный электик.

Определение ценности (стр. 12, 13). О значении благ для хозяйственного сознания (стр. 28). О законе издержек производства (стр. 87, 115). Отожествление капитала с трудом (стр. 264). Талант и ловкость как источники ренты (стр. 266). Свойство капитала—его производительное назначение (стр. 271). Капитал—основание для возникновения ценностей (стр. 272). Сбережение как источник капитала (стр. 277). Постоянный и оборотный капитал (стр. 323).

Шнейдер. Владелец крупного механического завода (стр. 430).

Шторх, Генрих (Storch, Heinrich) (1766—1835). Экономист и

статистик периода разложения классической школы. Критик меркантилизма. Автор ряда работ по экономике России. Определение ценности (стр. 11, 45). О роли издержек в установлении ценностей (стр. 116). О ценности денег и их количестве (стр. 240). Опре-

деление капитала (стр. 248, 251, 259). О невещественных капиталах (стр. 263). Сбережения как источник капитала (стр. 277). Об оборотном капитале (стр. 322). О капиталистическом обществе (стр. 485). Об имущественном неравенстве у татар (стр. 513).

Щ

Щенкин. Переводчик Рошера

на русский язык (стр. 40, 42).

Э

Эгеманн. Изобретатель в слесарной промышленности (стр. 367).

Эден. Автор «*The State of the Poor, or an History of the labouring classes in England etc.*». Его деятельность относится к концу XVIII столетия. О питании английских рабочих (стр. 468).

Эдуард III (1312—1377). Английский король с 1327 г. (стр. 224, 330).

Эйхгорн, Карл-Фридрих (Eichhorn) (1781—1854). Немецкий юрист, один из основоположников германской исторической школы права. О новейших городах как непрерывном продолжении римского муниципального устройства (стр. 360).

Энгель, Эдуард (Engel) (1821—1896). Германский статистик. О простом ручном труде на германских железных дорогах (стр. 432—433).

Энгельс, Фридрих (Engels, Frie-

drich). О естественном законе (стр. 122).

Энзор, Джордж (Ensor, George) (1769—1843). Английский писатель. Народонаселение и распределение имущества (стр. 515).

Эпикур (341—270 до н. э.). Выдающийся древнегреческий философ-материалист и крупнейший атеист древности (стр. 178).

Эшвер, Вильгельм Людвиг (Eschwege, Wilhelm Ludwig) (1777—1855). Немецкий геолог. Добыча бразильских алмазных копей в 1823 г. (стр. 144).

Эшер. Владелец крупного механического завода (стр. 430).

Эшли, А., граф Шафсбери (Ashley, A. C., Earl of Shaftesbury) (1801—1885). Английский государственный деятель, сторонник закона о 10-часовом рабочем дне. О производительности труда прядильщиков на 1842—1844 гг. (стр. 399).

Ю

Юм, Давид (Hume, David) (1711—1776). Английский философ-агностик и экономист, фритредер, критик меркантилизма. Деньги и меновые сделки (стр. 24). Предста-

витель количественной теории денег (стр. 200).

Юргенс, Иоганн. Изобретатель самопрялки в XVI в. (стр. 366).

Я

Якоб. Английский экономист середины XIX столетия. О ценности золота (стр. 144). Об изнашивании

денег (стр. 200). О превращении товаров в монеты и обратно (стр. 207).

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ

Авраам. *Библейский патриарх* (стр. 220).

Гефест. *Из греческой мифологии, бог огня и металлических изделий* (стр. 485).

Догберри. *Персонаж из комедии Шекспира «Много шума из ничего», известен своими нелепыми изречениями* (стр. 182).

Дон-Кихот. *Герой романа Сервантеса, пытавшийся возродить рыцарство. О странствующем рыцарстве* (стр. 181).

Еффрон. *Имя хеттеянина, упоминаемого в библии* (стр. 220).

Минерва. *Древнеиталийская богиня мудрости* (стр. 247).

Павел. *Апостол* (стр. 155).

Прометей. *Герой греческой мифологии, олицетворяющий бесстрашную борьбу против слепых сил природы* (стр. 485).

Робинзон Крузо. *Герой романа Дефо того же названия. Определенные труды* (стр. 176, 177). *Абстрактный труд* (стр. 230, 507).

Сара. *Жена патриарха Авраама, мать Исаака* (стр. 220).

Синюль. *Действующее лицо из комедии Шекспира «Много шума из ничего»* (стр. 182).

Юпитер. *Бог грома в римской мифологии* (стр. 247).

ГЛАВНЕЙШИЕ ТРУДЫ Н. И. ЗИБЕРА

«К учению о ренте», «Университетские известия», Киев 1870.

«Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями», Киев 1871.

«Что такое статистика», «Знание», 1874, август, стр. 1—31.

«Новейшее фабричное законодательство Великобритании», «Отечественные записки», 1877, январь, стр. 239—276; март—апрель, стр. 592—626; май, стр. 48—112.

«Цена труда», «Университетские известия», Киев 1875.

«Фiasco национального либерализма», «Знание», 1876.

«Карл Родбертус-Ягцов и его экономические исследования», М. 1881. Оттиск из «Юридического вестника», 1881, т. VI.

«Ход всемирного хозяйства в последнее десятилетие», «Русская мысль», 1882.

«О влиянии прогресса на бедность», «Русская мысль», 1883, кн. IX, стр. 235—294; кн. XI, стр. 330—375; кн. XII, стр. 107—136.

«Распределение земельной собственности в Германии», «Русская

мысль», 1883, кн. I, стр. 268—318; кн. II, стр. 167—210.

«Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», Спб. 1885, и изд. 3-е, 1897, Спб., товарищество И. Д. Сытина.

«Квартирный вопрос в 5 т. и в городах», «Юридический вестник», 1886.

«Материалы для наблюдения изд. общественно-экономической жизнью русского народа», «Знание», 1876.

«Очерки первобытной экономической культуры», Спб. 1883—1899, Одесса 1923.

Собрание сочинений, Спб., «Издатель», т. I и II, 1900.

«Несколько замечаний по поводу статьи Ю. Жуковского «Карл Маркс и его книга о капитале», «Отечественные записки», 1877, № 1, стр. 1—32.

«Диалектика в ее применении к науке», «Слово», Спб. 1879, № 11.

«Экономическая теория К. Маркса», «Знание», Спб. 1876, № 10 и 12, 1877, № 2 и 4, и «Слово», Спб., № 1, 3, 6, 11, 12.

Рикардо. Сочинения. Перевод Н. И. Зибера. Спб. 1882.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От Института экономики Академии Наук СССР и от издательства	III
А. Л. Реуэль. Зибер как экономист	V
Н. И. Зибер. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях	
Предисловие к первому изданию	3
Предисловие ко второму изданию	5
<i>Глава I.</i> О ценности вообще и об ее элементах	6
<i>Глава II.</i> Учение о ценности Рикардо, предшественников и некоторых последователей его	47
<i>Глава III.</i> Теория издержек производства и спроса и предложения	101
<i>Глава IV.</i> Теория ценности и денег К. Маркса	140
<i>Глава V.</i> Понятие о капитале	244
<i>Глава VI.</i> О возникновении и о сбережении капитала	277
<i>Глава VII.</i> О причинах происхождения чистого дохода с капитала или о ценности рабочей силы	288
<i>Глава VIII.</i> Постоянный и переменный капитал. Простая и сложная общественная кооперация	322
<i>Глава IX.</i> Разбор теории общественной кооперации	357
<i>Глава X.</i> Машины и крупная промышленность	387
<i>Глава XI.</i> Разбор теории машинного производства	415
<i>Глава XII.</i> Теория накопления капитала и капиталистический закон народонаселения	447
<i>Глава XIII.</i> Разбор теории накопления капитала и опровержение теории Мальтуса	490
Варианты	525
Словарь-указатель имен	549
Главнейшие произведения Н. И. Зибера	572

В 1937 году ВЫЙДУТ ИЗ ПЕЧАТИ _____
СЛЕДУЮЩИЕ ИЗДАНИЯ СОЦЭКГИЗА ПО СЕРИИ:

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

1. ПОСОШКОВ И. Т. КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВЕ

 2. ФЛЕРОВСКИЙ Н. (БЕРВИ В. В.) ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА
В РОССИИ

 3. ГУРВИЧ И. А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ
ДЕРЕВНИ

 4. МЕНДЕЛЕЕВ Д. И. К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

 5. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ, т. I

 6. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ,
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ, т. II

 7. ЗИБЕР Н. И. ДАВИД РИКАРДО И КАРЛ МАРКС

 8. ЗИБЕР Н. И. ОЧЕРКИ ПЕРВОБЫТНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

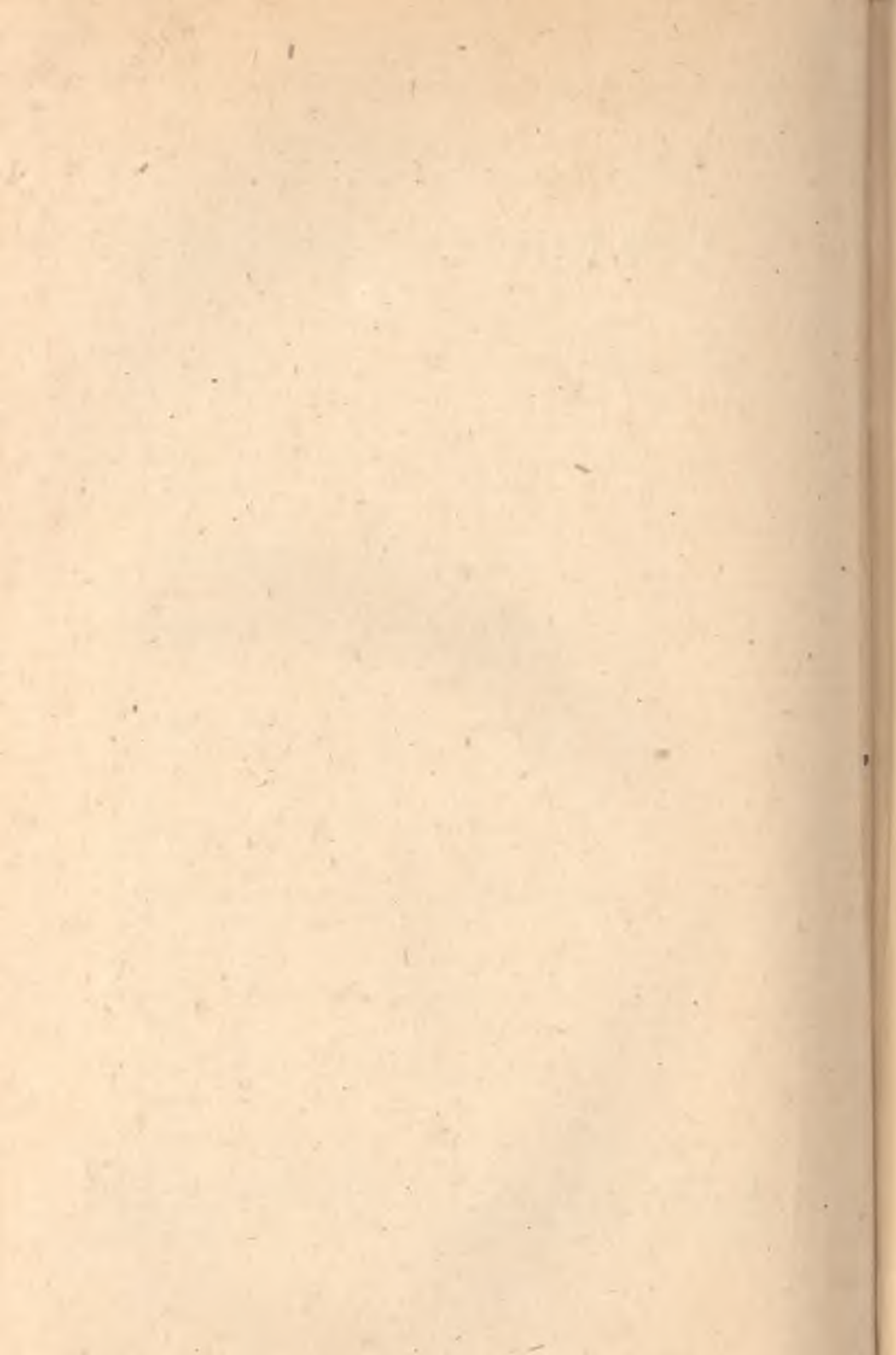
 9. ТУРГЕНЕВ Н. И. ОПЫТ ТЕОРИИ НАЛОГОВ

 10. ЭНГЕЛЬГАРТ А. Н. ПИСЬМА ИЗ ДЕРЕВНИ

 11. ДЕМЕНТЬЕВ Е. М. ФАБРИКА, ЧТО ОНА ДАЕТ НАСЕЛЕНИЮ
И ЧТО ОНА У НЕГО БЕРЕТ
-
-

Сдано в набор 3/VII 1936 г. Подписано к печати 23/XII 1936 г. Формат 62×94¹/₁₆.
Печатных листов 41¹/₄. Зн. в печ. л. 44 550. Тираж 15 000 экз. ОГИЗ № 1759.
Заказ № 941. Уполномоченный Главлита № Б—27913. Цена 9 р. Переплет 1 р. 25 к.

16-я тип. треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., 9.

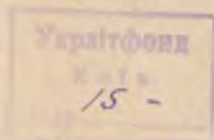

БИ-4

1958

15-

31/12-60

